

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 01297694 4

MICROFILMED

KN. 6 ONLY

12052

ЗАПИСКИ

28

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО

ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Книжка IV.

ИЗДАНА ПОДЪ СМОТРЕНИЕМЪ

В. В. ГРИГОРЬЕВА.

ДЪЯТЕЛЪ ЧЛЕНА ИМП. РУСС. ГЕОГР. ОБЩЕСТВА.

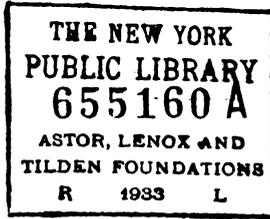
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ЦЕНОГРАФИИ Ф. КОРОЛЬКОВА.

1850.

PRINTED IN RUSSIA

12

Печатать позволено съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ 16 апрѣля 1850 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

	строк.
I. Журналъ веденный во время Экспедиціи для обозрѣнія восточныхъ береговъ Каспійскаго-Моря, въ 1836 году, <i>И. Ф. Бларамбергомъ</i>	1.
II. Топографическое и статистическое описаніе восточнаго берега Каспійскаго-Моря отъ Астрабадскаго-Залива до мыса Тюкь-Карагана. <i>Его же</i>	49.
III. Областные выраженія Русскаго Языка въ Архангельской Губерніи. <i>А. И. Шренка</i> (Д.Ч.О.)	121.
IV. Этнографическія замѣтки о жителяхъ Нижней-Нубіи. <i>А. А. Рафаеловича</i> (Д.Ч.О.)	168.
V. О торговыхъ путяхъ по Китаю и подвластнымъ ему владѣніямъ. <i>Палладія Каварова</i>	224. ←
VI. Заслуги Петра-Великаго по-части распространенія географическихъ познаній о Россіи и пограничныхъ съ нею земляхъ Азіи. <i>К. М. Бэра</i> (Д.Ч.О.). Статья II и послѣдняя.	260.
VII. Отчетъ Русскаго Географическаго Общества за 1848 годъ.	284.

KNIGA DEC 25 1932

ЖУРНАЛЪ

ВЕДЕННЫЙ ВО ВРЕМЯ ЭКСПЕДИЦИИ ДЛЯ ОБОЗРѢНІЯ ВОСТОЧНЫХЪ БЕРЕГОВЪ КАСПІЙСКАГО-МОРЯ, ВЪ 1836 ГОДУ,

КАПИТАНОМЪ (*) ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА
И. Ф. БЛАРАМБЕРГОМЪ.

Экспедиція, по Высочайшему повелѣнію назначенная для обозрѣнія восточныхъ береговъ *Каспійскаго-Моря*, должна была начать свои дѣйствія въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1835 года, и всѣ чиновники, поступившіе въ составъ этой Экспедиціи, прибыли въ г. Астрахань въ послѣднихъ числахъ августа, кромѣ Начальника оной, которому воспрепятствовала въ этомъ тяжкая болѣзнь, удержавшая его въ Оренбургѣ. Въ-слѣдствіе сего Экспедиція отложена была до весны 1836 года. Чиновники, между-тѣмъ, чтобъ не терять времени, отправлены были съ разными порученіями въ Закавказскій-Край (въ Тифлисъ и Талышинское-Хакство), гдѣ въ г. Баку, 16 мая 1836 года, соединились съ Начальникомъ Экспедиціи, прибывшимъ туда изъ Астрахани на шкоутѣ «Св. Гавріилъ», назначенномъ для предпринимаемаго обозрѣнія, вмѣстѣ съ разъѣзднымъ судномъ «Василій». Въ составъ Экспедиціи поступили:

(*) Нынѣ Полковникъ.

1) Начальникъ, Колежскій Ассесоръ *Григорій Силинъ Карелинъ*, бывшій уже въ двухъ экспедиціяхъ къ сѣвернымъ и сѣверо-восточнымъ берегамъ Каспійскаго-Моря.

2) Генеральнаго Штаба Капитанъ *Иванъ Федоровичъ Бла-рамбергъ*.

3) Корпуса Горныхъ Инженеровъ Поручикъ *Михаилъ Ивановичъ Фелькнеръ*.

4) Лекаръ *Павелъ Парфентьевичъ Заблоцкий*.

5) Оренбургскаго Линейнаго Батальона № 2-го Прапорщикъ *Масляниковъ*.

6) Отставной Штабсъ-Капитанъ и Штурманъ *Васильевъ*.

7) Вольный Штурманъ *Муригинъ*, вынужденный изъ Школы Штурмановъ для купеческихъ судовъ.

8) Урядникъ Уральскаго Казачьяго Войска *Масляниковъ* (чучельникъ).

9) Топографъ 1-й Полуроты № 4-го Топографовъ, Унтеръ-Офицеръ *Ульяновъ*.

10) Живописецъ *Жерновой* 11-го Кавказскаго Линейнаго Батальона.

11) Два Переводчика и Писарь.

Экипажъ состоялъ изъ 20 Астраханскихъ Казаковъ, въ числѣ коихъ 2 урядника и 4 артиллериста; 20 Уральскихъ Казаковъ, 18 вольныхъ музуровъ (матросовъ) и 3 денщиковъ; всего на обоихъ судахъ находилось 74 человекъ.

Шкоутъ «Гавріилъ» (марсельное судно) былъ вооруженъ двумя 3-хъ фунтовыми пушками, однимъ 10-ти фунтовымъ единорогомъ, нѣсколькими фалконетами, съ потребнымъ къ нимъ количествомъ боевыхъ зарядовъ, и снабженъ всѣми припасами на 15 мѣсяцевъ.

Цѣлью Экспедиціи было: опредѣлить съ возможною точностію береговые предѣлы между *Персією* и землями, занимаемыми *Туркменцами*; обозрѣть весь восточный берегъ *Каспійскаго-Моря*, отъ *Астрабадскаго-Залива* до мыса *Тюкъ-Карагана*, и войти въ торговыя сношенія съ прибрежными *Туркменцами*. Для сего-последняго, Начальникъ Экспедиціи взялъ съ собою разные товары и подарки, сообразные съ ихъ образомъ жизни, нуждами и потребностями.

Топографическое описаніе означеннаго берега, этнографія его обитателей, астрономическія наблюденія и проч., составляютъ предметъ особой статьи; здѣсь-же излагаются вкратцѣ только Журналъ Экспедиціи.

Мая 19. Въ полдень, при свѣжемъ вѣтрѣ N. O., снялись мы съ якоря и оставили Бакинскую-Гавань. Скоро прошли островъ *Наргенъ*, а подь-вечеръ — и островъ *Вулфъ*.

20 и 21 мая. Дулъ тихій вѣтеръ и въ полдень былъ штиль. Лотъ въ 80 сажень не доставалъ до дна. Занятія наши въ продолженіе сего времени были весьма разнообразны, и палуба судна нашего представляла любопытное зрѣлище. Часть ея была покрыта растѣніями собранными въ Тальшахъ, въ окрестностяхъ г. Баку и на горѣ Бешъ-Бармакъ; ихъ перекладывали въ бумажные листы, для сушенія. Одинъ накалывалъ букашекъ въ ящики, нарочно для того приготовленные; другой мылъ змѣй и ящерицъ, и клалъ ихъ въ спиртъ, или приготовлялъ убитыхъ птицъ для набивки чучель; третій занимался чтеніемъ, ибо мы запаслись отборною библіотекою не только книгъ, прямо касавшихся до предмета нашего путешествія, но и всѣми новѣйшими сочиненіями на разныхъ языкахъ по-части Естественной Исторіи, Географіи, Минералогіи и проч. На суднѣ находился цѣлый звѣринецъ пзъ всякихъ птицъ, не считая полудюжины собакъ и кошекъ, нужныхъ какъ для истребленія крысъ, такъ и для увеселенія экипажа; послѣдній въ свободное время забавлялся разными играми, а вечеромъ пѣснями. Для защиты отъ палящихъ лучей солнца въ-продолженіе дня, тентъ натягивался вдоль всей палубы; во время штиля экипажъ купался въ морѣ; вообще, приняты были всѣ мѣры для сохраненія здоровья людей, и строго наблюдаемо за чистотою и опрятностію какъ судна, такъ и одежды экипажа.

22 и 23 мая. По причинѣ противныхъ вѣтровъ, мы мало подвинулись къ В. Разъѣздное судно наше «Василій» было отправлено впередъ, къ островамъ *Челекеню* и *Огуринскому*.

24 мая. До восхожденія солнца видѣли землю на В., а когда солнце взошло, то туманъ засталъ горизонтъ. Вѣтеръ былъ противный; мы лавировали взадъ и впередъ, и чуть не попали на отмель противу *Красноводскаго*-Залива, ибо глубина отъ девяти саженъ уменьшилась вдругъ до двухъ. Передъ закатомъ солнца стояли на якорѣ. Почти во всю дорогу изъ Баку шкоутъ изрѣдка посѣщали птицы, а сего числа поздно вечеромъ вились надъ кормомъ насѣкомыя и морскіе комары; берегъ былъ близокъ.

25 мая. Въ 4 часа утромъ увидѣли берегъ. *Красноводскій*-Заливъ былъ влѣвъ; за нимъ обрывистыя горы *Балханскія* на В. С. В.; а вправѣ желтъ островъ *Челекенъ*. По восхожденіи солнца, *Красноводскій*-Заливъ и *Балханы* закрылись мглою; *Челекенъ* едва былъ видимъ. Бросили якорь. Въ первомъ часу дулъ свѣжій N. W.; мы снялись опять и шли прямо на *Челекенъ*, по 3, 5 и 7 узловъ. Берегъ былъ видѣнъ ясно; можно было различать людей; но вѣтеръ скрѣпчалъ, и мы, подъ одними верхними парусами, пустились вдоль *Челекени*. Термометръ Реомюра показывалъ + 25° въ тѣни. Въ 4 часа по полудни стали на якорѣ противъ западнаго берега полуострова *Дервиша*.

26 мая. Рано утромъ отправились въ шлюбокъ на берегъ, черезъ страшный бурунъ, принудившіи часть казаковъ броситься по грудь въ море, и держать шлюбку по обѣимъ сторонамъ, чтобы не опрокинули ее волны. На этомъ песчаномъ и бесплодномъ берегу мы нашли нѣсколько пастуховъ, которые сторожили тощихъ верблюдовъ; они сказали намъ, что туркменскаго старшины Кіатъ-Бега нѣтъ тутъ, а находится онъ на островѣ *Дакъ-Ада*. Собравъ кое-какіе предметы по-части Естественной Исторіи, мы воротились на судно, всѣ вымоченные буруномъ, чрезъ который казаки тянули шлюпку нашу, стоя опять въ водѣ по шею. Казаки эти, особливо Уральцы, не только отличные стрѣлки, но и весьма хорошіе моряки, и почти всѣ понимаютъ татарскій языкъ. Многіе изъ нихъ, бывши уже въ прежнихъ экспедиціяхъ вмѣстѣ съ г. Карелинымъ, имѣютъ нѣкоторыя понятія о растѣніяхъ и насѣкомыхъ, и помогали собирать ихъ; кромѣ-того, двое изъ нихъ умѣютъ весьма хорошо набивать чучелы. Прибывши на шкоутъ, мы снялись съ якоря, и, оставляя вправѣ *Тюлений*-Банкъ,

прошли въ заливъ, лежащій между восточнымъ берегомъ *Каспійскаго-Моря* и *Огуринскимъ-Островомъ*. Ночевавъ на якорѣ въ разстояніи около 8 верстѣ отъ сѣверо-восточнаго берега послѣдняго, мы послали туда «Василія» для отысканія прѣсной воды, которую, по словамъ Туркменцевъ, можно было тамъ найти.

27 мая. Самы выѣхали на этотъ островъ, называемый Туркменцами *Айдакъ*. Два старшины, прибывшихъ съ *Челекени*, прождали насъ. Жара была неспосна; случій песокъ, большей-части составляющій грунтъ *Айдака*, такъ нагрѣлся отъ палящихъ лучей солнца, что жегъ даже сквозь подошву сапоговъ. Между-тѣмъ-какъ г. Карелинъ производилъ поиски по-части Естественной Исторіи, я, съ однимъ туркменскимъ старшиною и нѣсколькими казаками, запасшись лопатами, отправился на сѣверо-западный берегъ; тамъ, туркменецъ показалъ намъ мѣсто, отстоящее около 50 саженъ отъ морскаго берега, увѣряя, что мы найдемъ тутъ прѣсную воду близъ самой поверхности земли. И въ-самомъ-дѣлѣ, разрывъ песокъ на глубину около 1½ аршина, мы нашли чистую и хорошую прѣсную воду; потомъ выкопали еще одинъ колодець, въ близкомъ разстояніи отъ перваго, и наполнили водою всего три боченка. Топографъ снималъ между-тѣмъ сѣверную часть *Айдака*, длина коего около 35 верстѣ, а ширина въ серединѣ 2 версты. Вечеромъ наслаждались мы купаньемъ въ морѣ, дно котораго состоитъ здѣсь изъ чистаго мелкаго песку; разбили палатки и почевали возлѣ берега.

28 мая. Казаки наши поймали 4 барановъ, стада которыхъ живутъ на этомъ островѣ безъ присмотра, равно-какъ козы и нѣсколько тощихъ одnogорбыхъ верблюдовъ. Жителей на *Айдакъ* нѣтъ. Отпустивъ туркменскихъ старшинъ съ подарками, какъ для нихъ самихъ, такъ и для жены Кіатъ-Бега, мы выкопали еще два-три колодца въ разныхъ мѣстахъ на восточномъ берегу; но вода показалась въ нихъ солоноватая; между-тѣмъ охотники наши привезли намъ три красныхъ гуся, куликовъ и утокъ; въ часъ пополудни мы отправились обратно на шкоутъ. Транспортъ «Василіи» соединился опять съ нами, и привезъ туркменскаго старшину Аширъ-Мамеда. Снявшись съ якоря, мы продолжали путь нашъ къ Ю., проходя при свѣжесъ вѣтрѣ N.W., по 7½ узловъ въ часъ.

29 мая. Низменнаго восточнаго берега было не видно; мы могли только замѣтить *Бльмй*-Бугоръ, противъ котораго легли на якорь, по причинѣ постоянно-противнаго вѣтра; каната отдали болѣе 50 сажень; сильная боковая и килевая качка беспокоила насъ въ-продолженіе цѣлой ночи и слѣдующаго дня, такъ-что невозможно было ни чѣмъ заняться.

31 мая. Въ 6 часовъ утра мы снялись съ якоря при слабомъ вѣтрѣ W., и прошли *Бльмй*-Бугоръ, имѣющій видъ продолговатой и усѣченной пирамиды; берегъ вообще низменный и близко подходитъ къ нему нельзя, по причинѣ отмели, простирающейся верстѣ на 8 въ море; покрытъ кустарникомъ, по-большей-части жидовникомъ. Въ 3½ часа пополудни бросили якорь противъ *Гассанъ-Кулі*, гдѣ стояли три русскія судна, принадлежавшія астраханскому куцу Герасимову, и занимавшіяся здѣсь рыбною ловлею. Сыновья почетнаго туркменскаго старшины Кіать-Бега, Яхши-Мамедъ и Хадырь-Мамедъ, съ нѣсколькими туркменскими старшинами, пришли изъ своихъ прибрежныхъ кочевьевъ посѣтить насъ; ихъ приняли съ пушечною пальбою, угощали и отпустили съ подарками, при стрѣльбѣ и ракетахъ. Яхши-Мамедъ, старшій сынъ Кіать-Бега, воспитанъ въ Тифлисѣ (куда былъ доставленъ Н. Н. Муравьевымъ, послѣ поѣздки его въ Хиву); онъ говоритъ по-русски и имѣетъ нѣкоторое образованіе. Поручикъ Фелькнеръ снялъ съ него портретъ, равно-какъ и съ брата его, Хадырь-Мамеда.

1 июня. Яхши-Мамедъ вторично пріѣхалъ къ намъ съ родственникомъ своимъ Назаръ-Кулі, который долженъ былъ провожать насъ въ Астрабадскій-Заливъ. Въ 3 часа пополудни мы снялись съ якоря и пошли къ Ю.З. при слабомъ вѣтрѣ N.O. Къ-вечеру показались въ туманѣ *Астрабадскія*-Горы; восточнаго берега не было видно.

2 июня. Съ разсвѣтомъ, горы *Астрабадскія* открылись во всемъ блескѣ. Восходящее солнце освѣтило вершину горы *Гѣздагъ* какъ-бы осыпанную хлопьями снѣга; тонкія облака нестрѣли около нея; крутоберегія долины курились, и вереница паровъ то ополсывала хребетъ, покрытый сплошь густымъ лѣсомъ, то, свиваясь, поднималась къ вершинамъ, таяла въ лучахъ солнца, и безпрестанно измѣняла очаровательную картину, тѣмъ-болѣе поразительную, что глаза наши раз-

знакомились уже съ высотами, не видя въ-теченіе 18 дней ничего кромѣ однообразной пустыни моря и низкихъ береговъ острововъ *Челекени* и *Айдака*. — Становилось жарко; въ 7½ часовъ утра термометръ показывалъ уже +18° въ тѣни. Мы взяли направленіе къ В. Ю. В., чтобы войти въ *Астрабадскій-Заливъ*; баркасъ шелъ впередъ для промѣриванія глубины. Въ 2 часа пополудни бросили якорь между устьями рр. *Кара-Су* и *Багу*; три лодки, посланныя на берегъ, воротились съ вѣтвями гранатоваго дерева въ цвѣту и убитымъ бѣлымъ чапуромъ.

3 іюня. Поручикъ Фелькнеръ съ 25 вооруженными казаками поѣхалъ на берегъ для изслѣдованія *Мазандеранскихъ-Горъ*; мы провожали его до устья р. *Багу*, осматривали ея окрестности и любовались прелестною картиною здѣшней природы. Темная зелень гранатовыхъ кустарниковъ горѣла цвѣтами; огромныя смоковичныя, туковыя, орѣховыя и другія деревья, около коихъ вилась дикія виноградныя лозы, находились на каждомъ шагу. Плодородная земля сама производитъ здѣсь ягоды всякаго рода; чалтыки (поля, засѣянные сарацнскимъ пшепомъ) простираются вдоль берега; но испаренія водъ, икъ покрывающихъ, заражаютъ воздухъ. Вечеромъ мы купались въ заливѣ, а Фелькнеръ воротился отъ подошвы горъ. Яхши-Мамедъ пріѣхалъ къ намъ съ Серебрянаго-Бугра съ 12 туркменцами.

4 іюня. Опять съѣзжали на берегъ; Фелькнеръ вторично ѣздилъ въ горы, а я, съ 6 казаками, отправился въ лодкѣ около 5 верстъ вверхъ по *Черной-Рѣчкѣ (Кара-Су)*; она покрыта огромнымъ камышемъ, между коимъ воздухъ тяжелъ и зноенъ. Снявъ теченіе этой рѣчки, я воротился на судно; Фелькнеръ воротился не ранѣе полуночи.

5 іюня. Посѣтилъ островъ *Аширъ*, въ сопровожденіи 15 казаковъ и матросовъ; противный вѣтръ задержалъ меня на морѣ цѣлые 6 часовъ. Занимался съемкою этого острова: онъ имѣетъ всего 2 версты въ окружности, и покрытъ камышемъ съ нѣсколькими гранатовыми кустарникамп. Мы вырыли нѣсколько колодецевъ, и нашли въ нихъ хорошую прѣсную воду.

6 іюня. Окончивъ съемку *Ашира*, равно-какъ и косы, простирающейся по обѣимъ его сторонамъ, я воротился на судно,

но не нашелъ тамъ никого изъ чиновниковъ; всѣ они отправились въ горы.

7 июля. Топографъ нашъ снималъ берегъ залива между рр. *Кара-Су* и *Сермелла*. Я остался на суднѣ и разспрашивалъ Яхши-Мамеда относительно туркменскихъ поколѣній *Юлудъ*, *Теле* и *Кокланъ*, и земель ими обитаемыхъ. Вечеромъ воротился Карелинъ съ другими чиновниками, и послалъ нашего переводчика въ г. Астрабадъ за разными покупками.

8 июня. Собирались объѣхать *Астрабадскій-Заливъ*, какъ вдругъ причалилъ къ судну туркменецъ въ кулакъ (выдолбленномъ деревѣ) съ запискою отъ нашего Консула въ Гилли А. И. Ходзко, въ которой онъ просилъ повидаться съ нами. Карелинъ и я тотчасъ же отправились къ нему въ *Сенгаръ* (укрѣпленіе на Кара-Су), а вечеромъ самъ Ходзко пріѣхалъ къ намъ на судно, вмѣстѣ съ братомъ правителя Астрабадской-Области, Могаммедъ-Измаилъ-Бегомъ. Послѣдній, одинъ изъ меченосцевъ Его Персидскаго Величества, хотя и поклонникъ Магомета, опорожнилъ полдюжины стакановъ портвейна. Послѣ объѣда, оба отправились, сопровождаемые нами, обратно въ Сенгиръ; «Гавриилъ» салютовалъ отъѣзжающимъ. Могаммедъ-Измаилъ-Бегъ такъ былъ доволенъ столомъ, виномъ и тремя хрустальными стаканами ему подаренными, что въ избыткѣ чувства чуть не отдарилъ Карелина всею Персією, и настаивалъ, съ цѣлію имѣть случай показать свою благодарность, чтобы тотъ приказалъ ему исполнить что-нибудь невозможное; на-дѣлъ благодарность эта ограничилась полсотнею огурцовъ, которые прислалъ онъ намъ на другой день. А. И. Ходзко, простившись съ нами, назначилъ слѣдующее свиданіе въ Эшрефъ.

9 июня. Пошли на трехъ лодкахъ къ устью *Багу*, для обслѣдованія *Астрабадскаго-Залива*. Яхши-Мамедъ съ четырьмя туркменцами провожалъ насъ. Искупавшись здѣсь, поплыли на З. вдоль берега, мимо рр. *Сердѣкъ* и *Сермелла*; на р. *Гездъ* дѣлали привалъ. Подъ-вечеръ пошли далѣе, съ-тѣмъ-чтобы, по совѣту Яхши-Мамеда, ночевать на устьѣ р. *Ливанъ*; но солнце между-тѣмъ сѣло; а когда подѣхали къ берегу, насъ опануло запахомъ гнили: голая коса, гдѣ должны мы были расположиться, оказалась залитомою буруномъ, а р. *Ливанъ* окруженною болотами. Нельзя было достать ни воды,

ни дровъ; однихъ комаровъ было только въ изобиліи. Въ потьмахъ пошли мы далѣе; часовъ въ 10 миновали р. *Джару*, составляющую границу между Астрабадскою и Мазандеранскою областями, и около часа пополуночи достигли до р. *Гамга*, гдѣ и разбили палатки для ночлега.

10 іюня. По рассказамъ здѣшнихъ жителей, море, 20 лѣтъ тому назадъ, покрывало весь этотъ берегъ и простиралось до возвышенія, находящагося на правомъ берегу р. *Гамга*; выше показывается бугоръ *Гирей-Дююнъ*, гдѣ видны еще остатки батареи, построенной Графомъ Войновичемъ въ 1782 году. Противный вѣтеръ не позволялъ идти далѣе, а дурная вода р. *Гамга* заставила насъ перенести мѣсто стана версты за три далѣе, на устье р. *Ширшері*. Мѣстоположеніе здѣсь было лучше, но вода также негодна для употребленія, потому-что рѣчка эта разведена по чалтыкамъ. Мы брали воду изъ колодезѣвъ, вырытыхъ въ 3 верстахъ отъ морскаго берега; она была холодна, но мутна. Сотни буйволовъ, принадлежащихъ правителю области, паслись на тучныхъ поляхъ. Вечеромъ пріѣхалъ хозяинъ ихъ, Мирза-Мамедъ-Ханъ, и привезъ въ пешкешъ (подарокъ) барана, огурцовъ, буйволоваго молока и два куска льду. Мы отдарили его тремя хрустальными стаканами, и онъ обѣщаль намъ доставить къ завтрашнему числу выючныхъ лошадей и проводника, для поѣздки въ горы.

11 іюня. Карелинъ, я и другіе чиновники—верхами, а 15 казаковъ—пѣшими, отправились въ горы. До селенія *Сераджи*, на рѣчкѣ тогоже имени, проѣхали по полямъ засѣяннымъ пшеницею, до половины убранною; потомъ путь нашъ шелъ между фруктовыми деревьями. Отъ селенія поднимались въ горы по крутой тропинкѣ. Видъ на море и на плоскую полосу земли подъ ногами, усѣянную деревьями и полями, былъ прекрасенъ. Проливной дождь, захвативъ насъ въ густомъ лѣсу, задержалъ и, наконецъ, принудилъ возвратиться въ селеніе. Мы поднимались на гору не болѣе 200 сажень, и тогда-какъ въ горахъ мочилъ насъ ливень, на равнинѣ не было его ни капли. Горы эти изобилуютъ строевымъ лѣсомъ, и кусты бирюзы унизаны были зрѣлыми ягодами. Когда мы сушились въ селеніи, Персіянки бѣжали отъ насъ сначала; но мы стали раздавать имъ иголки, и онѣ сдѣлались смѣлѣе, принялись даже смотрѣть на насъ съ любопытствомъ: мы

были первые Русскіе, посѣтившіе ихъ селеніе. Вечеромъ воротились въ лагерь на устьѣ *Ширшери*. Чакалки не давали намъ спать всю ночь.

12 іюня. Еще до восхожденія солнца вышли изъ устья р. *Ширшери* для дальнѣйшаго обозрѣнія и описанія берега; за противнымъ вѣтромъ шли на веслахъ; прошли рр. *Сурруджу* и *Келекъ*, и къ первому часу достигли р. *Шагиль*, гдѣ и расположились лагеремъ. Нашъ переводчикъ Абдулла Теньшевъ, вмѣстѣ съ другимъ туркменцемъ, отправленъ былъ въ Эшрефъ съ письмомъ къ А. И. Ходзко, и для разныхъ покупокъ, потому-что всѣ припасы вышли; хлѣба ни крошки не было. Казаки между-тѣмъ убили двухъ кабановъ и чакаленка.

13 іюня. Рапо утромъ Туркменцы привели 5 лошадей, 5 кабыровъ и провожатыхъ. Абдулла съ товарищемъ чуть не взбаламутили всего Эшрефа: ихъ приняли тамъ за лазутчиковъ. Мы пустились въ путь, оставивъ казаковъ въ лагерѣ. Дорога шла сперва чалтыками; верстахъ въ 5 отъ лагеря нѣхали мы въ лѣсъ, откуда почти столькоже оставалось до Эшрефа. Лѣса эти великолѣпны: природа сама производитъ здѣсь дикія гранатовыя, смоковичныя и туовыя деревья, около которыхъ вьются виноградныя лозы огромной величины.

Эшрефъ — небольшое селеніе съ сырцовыми кирпичными домами и заборами накрытыми сверху папоротниками и соломой. Каждый домъ отдѣленъ отъ другаго фруктовымъ садомъ. Дворцы обнесены стѣною въ родѣ крѣпости, равно-какъ и дворецъ *Сефи-Абадъ*, лежащій отдѣльно, на горѣ къ З. отъ селенія. Они расположены подъ навѣсомъ горы, невысокой, по крутой и покрытой густымъ лѣсомъ. Изъ ней проведена вода въ главный бассейнъ передъ большимъ кіоскомъ, въ которомъ мы почевали и гдѣ встрѣтилъ насъ А. И. Ходзко. За одной стѣной насчиталъ я пять дворцовъ и кіосковъ; посреди ихъ находится большой кіоскъ, а выше его, по длинному руслу неглубокой канавы, проведена вода въ главный бассейнъ. Вода переливается съ уступа на уступъ и протекаетъ черезъ средину большаго кіоска. Отсюда ясно видны Заливъ и полуостровъ *Потеликинъ* съ его деревьями. Во второмъ дворцѣ живетъ Правитель (Хакимъ) Эшрефа. Третій дворецъ называется *Сердъ-Абъ*; вода проведена отсюда изъ бассейна во всѣ стороны

крестообразно; это самое лучшее и больше всех потерпевшее отъ времени зданіе. Четвертый дворець находится ближе къ горѣ. Наконецъ, влѣво — Гаремъ, всѣхъ ихъ огромнѣйшій. Стѣна его, обращенная къ улицѣ, безъ оконъ; фасадъ очень хорошъ, хотя и не оштукатуренъ. Всѣ дворцы складены изъ кирпича, расположеннаго различными узорами, а высокіе стрѣльчатые своды обложены кирпичемъ глазурированнымъ и расписаннымъ яркими узорами.

Эшрефъ построенъ Аббасомъ-Великимъ лѣтъ за 200, и въ его время сады были достойны строителя; лѣтъ за 100 назадъ онъ былъ почти истребленъ пожаромъ и возобновленъ Надиръ-Шахомъ. Нѣкоторые дворцы перенесены на другія мѣста; но не доставало или охоты или вкуса великаго Аббаса: нищенскія зданія замѣнили великолѣпнѣе прежнихъ; это, однакожъ, не могло испортить прелести здѣшней природы: кипарисы, кедръ, лимонъ, гранатовые кусты, тополь, букъ, орѣшникъ, фиговья, померанцовья и другія деревья, расположены то аллеями, то неправильными кучами, тѣснящимися къ горѣ и такъ-будто хотящими укрыться подъ ея тѣнью. Темноцвѣтныя, стройныя кипарисы, какъ часовые, стоятъ не шелохнувшись вдоль плоскихъ канавъ, окаймленныхъ широкими плантами (въ которыхъ еще видны дыры, куда вставлялись факелы или свѣчи во время шахскихъ праздниковъ), или смотрятся въ стекло бассейновъ. Гранатъ горитъ цвѣтами, и изъ-за густой зелени ихъ выглядываютъ полуразрушенные дворцы, съ своими полукруглыми и подъемными рѣзными азіатскими окнами, которыя блестятъ разноцвѣтными стеклами, хотя и выбиты во многихъ мѣстахъ. Обрушенные израсцовые своды ихъ, въ трещинахъ конхъ поселились уже гранатъ и фиговья деревья, какъ-будто висятъ въ лазури, и фестонами спадаютъ съ нихъ виноградъ до самой земли; все это живописно-дико. Прибавьте къ тому, что воздухъ растворенъ ароматами, небо ясно, и мѣсяцъ освѣщаетъ эту картину своимъ магическимъ свѣтомъ. Я ничего не видѣлъ очаровательнѣе Эшрефа, но Персіане, нынѣшніе его жители, не умѣютъ цѣнить этотъ рай. Прекраснѣйшія мѣста оставлены ими безъ всякаго вниманія. Старина для нихъ ничего не значить. Они живутъ только въ настоящемъ и для настоящаго. Во дворець, гдѣ находится главный источникъ, средній куполь упалъ въ бассейнъ; обломки кирпича и израс-

цѣвъ запрудили выходъ, и чистая, студеная вода шумить, вырвавшись изъ искусственнаго ложа, пѣнится и сверкаетъ между цвѣтными обломками свода, пробираясь въ кустарники, гдѣ на волѣ постъ соловей, но не такъ какъ прежде: пѣснь его коротка и отрывиста; онъ какъ-будто сѣтуесть надъ запустѣніемъ Эшрефа! Все валится, все измѣнилось. Тамъ, гдѣ купались затворницы Гарема въ виду Шаха Аббаса, въ большомъ бассейнѣ, напротивъ перваго павильона, распѣвають теперь лягушки; въ Гаремѣ — стойло ишекковъ, катыровъ и мѣстороженіе блохъ; а стѣны дворца исписаны стихами изъ корана и надписями проѣзжающихъ; между ними есть и русскія, напримѣръ: «Здѣсь былъ Самсонъ-Ханъ (*), 1835 года.» Мы спали въ большомъ павильонѣ, возлѣ водопровода, журчаніе коего смѣшивалось съ кваканьемъ лягушекъ. А. И. Ходзко подчивалъ насъ передъ тѣмъ превосходнымъ ужиномъ въ персидскомъ вкусѣ, съ кальянами и ширазскимъ виномъ.

14 іюня. Встали до восхожденія солнца и, напившись чаю, отправились въ верхній дворецъ *Сефу-Абадъ*. Онъ уцѣлѣлъ не многимъ болѣе противъ видѣнныхъ нами другихъ дворцовъ. Покойный Фетхъ-Али-Шахъ былъ въ немъ, и, вѣроятно для его проѣзда, онъ былъ выштукатуренъ. Видъ съ третьяго этажа великолѣпенъ: весь Астрабадскій-Заливъ, со всѣми его извилинами, косами и бухтами, представляется какъ на ладони; влѣво — понижающіеся и уже почти холмистые отроги Мазандерацкаго-Кряжа; а сзади, подъ ногами зрителя, кой-гдѣ выглядываетъ изъ-за зелени селеніе Эшрефъ. Въ 10 часовъ, А. И. Ходзко простился съ нами, и мы воротились въ Эшрефъ, гдѣ уже приготовлены были лошади; мѣжду-тѣмъ живописецъ нашъ успѣлъ снять шесть разныхъ видовъ здѣшнихъ садовъ и развалинъ. Часа чрезъ два мы были уже въ нашемъ лагерѣ на р. *Шагимъ*, и тотчасъ же, при свѣжемъ W. N. W., поплыли на шкоутъ, куда и прибыли въ 6 часовъ вечера. Во время отсутствія нашего, Штурманъ Муригинъ промѣрилъ глубину водъ вдоль полуострова *Потелкина*.

15 — 16 іюня. Посѣщали насъ братъ Астраханскаго купца Миръ-Батрова, Миръ-Садыкъ, и Измаиль-Бегъ, изъ

(*) Начальникъ бывшаго Русско-Персидскаго Батальона.

Курдь-Магала. Переводчикъ, посланный въ Астрабадъ, воротился оттуда съ разными покупками.

17 — 24 июня. Въ—продолженіе этихъ дней мы жили на берегу; шкоуть былъ накрененъ и выконопаченъ; приготовлены сухари, нарубленъ лѣсъ для дровъ, и судно снабжено свѣжою водою. Живописный лагерь нашъ былъ разбитъ при устьѣ р. *Багу*. Вся коллекція растѣній и букашекъ, собранныхъ нами съ начала Экспедиціи, была приведена въ порядокъ и закупорена въ смоляные ящики. Почти каждую ночь попадались въ наши капканы дикія кошки, чакалки и барсуки.

25 июня. День рожденія Государя Императора провели мы на берегу и праздновали какъ могли. Назначена была стрѣльба въ цѣль для нашихъ казаковъ, съ опредѣленіемъ разныхъ награжденій лучшимъ стрѣлкамъ, а во время обѣденнаго тоста за здоровье Монарха, при громкомъ ура, гулъ русскихъ пушекъ отдавался въ Мазандеранскихъ-Горахъ, гдѣ не слышали ихъ быть-можетъ съ 1782 года.

26 — 27 июня. Пріѣхалъ къ намъ со свитою, съ Серебрянаго-Бугра, младшій сынъ Кіата, Хадырь-Мамедъ.

28 — 30 июня. Собиралъ разныя свѣденія о торговлѣ, правленіи, нравахъ, и прочемъ относящемся до жителей здѣшняго края.

1 — 3 іюля. Пріѣзжалъ къ Начальнику Экспедиціи Гамзатъ-Ханъ Наукендскій, который въ 1827 году былъ взятъ въ плѣнъ въ Эривани, и жилъ 8 мѣсяцевъ въ Тифлисѣ, а въ 1833 году, провожалъ, по приказанію Аббасъ-Мирзы, извѣстнаго путешественника Борнса изъ Кучана (въ Хорасанѣ) до туркменскихъ границъ, бывъ назначенъ тогда правителемъ поколѣнія *Кокланъ*. Онъ обѣщалъ доставить нѣкоторыя свѣдѣнія, и дать намъ проводниковъ и лошадей въ горы, если мы будемъ къ нему съ нашимъ лекаремъ, который, дня за два, по его же приглашенію, ѣздилъ въ Наукендъ лечить его жену. Воспользовавшись этимъ случаемъ, я, Фелькнеръ и Заблоцкій, съ переводчикомъ Абдуллою и 10 казаками, запасшись барометромъ, отправились, третьяго числа передъ захожденіемъ солнца, на баркасѣ, къ устью р. *Чебекенда*, гдѣ и ночевали въ лодкѣ.

4 іюля. Пошли на разсвѣтѣ въ село *Наукендъ* (5 верстъ), гдѣ до 1 часа дожидались лошадей, а между-тѣмъ Заблоцкій

съ переводчикомъ Абдуллою ходилъ въ гаремъ. *Наукендъ*— селеніе, состоящее изъ 1000 дворовъ, разбросанныхъ по лѣсу, такъ-что дома почти не видны изъ-за деревьевъ ихъ окружающихъ, обтекается рѣкою того же имени. Гамзатъ-Ханъ и меньшей его братъ, Сефи-Ханъ, приняли насъ очень ласково и дали намъ собственныхъ своихъ жеребцовъ и выючныхъ лошадей. Изъ Наукенда дорога шла пологою покатостью въ горы между рошицами изъ фруктовыхъ деревьевъ и мимозъ, покрытыхъ прекрасными пурпурными цвѣтами, и паноротникомъ столь высокимъ, что въ немъ едва видно всадника. Тяжелый запахъ отъ него произвелъ у нѣкоторыхъ изъ насъ головную боль. Первое барометрическое наблюденіе сдѣлано было въ селѣ *Банюшъ-Тепъ* (30 дворовъ), расположенномъ у самой подошвы горъ, на рѣчкѣ *Малекастельъ*. На морскомъ берегу, при устьѣ р. *Багу*, г. Карелинъ дѣлалъ между-тѣмъ подобныя наблюденія каждыя полчаса, во все продолженіе пребывания нашего въ горахъ. Отъ селенія Банюшъ-Тепе стали подниматься въ гору густымъ лѣсомъ и насплу выѣхали на дорогу, ведущую изъ Наукенда въ *Хезаръ-Джерибъ*, лежащей по другую сторону Мазандеранскаго-Кряжа. Дорога пролегала сперва лѣсомъ, и мы пересѣкли три рукава полныхъ рѣчекъ, означающихъ слѣдъ своей толстымъ наносомъ валуновъ и галекъ; а потомъ шли вдоль ручья вливающагося въ р. *Наукендъ*, по крутому обрыву берега; ручей ревѣлъ отъ дождей подъ нашими ногами, по въ такой глубинѣ, что слышать былъ только шумъ, а воды не видно. Въ 4 часа пополудни сдѣлали второе наблюденіе. Дорога пошла круче, грязнѣе и все хуже-и-хуже, а погода, между-тѣмъ, становилась пасмурной. Немного не доходя до горы или мѣста *Дюкесаръ*, мы любовались прелестнымъ видомъ: вся плоская равнина, опоясывающая Астрабадскій-Заливъ и называемая здѣсь *Энезактошъ*, была подъ нашими ногами; далѣе залитъ этотъ, Потемкинъ-Полуостровъ, островъ Аширъ и за ними Каспійское-Море. Густые лѣса около берега казались только пятнами темнѣйшими зелени чалтыковъ и пашень; деревни курились, солнце закатывалось въ тонкихъ облакахъ и вечерняя прохлада сходила на землю. Здѣсь, на Дюкесарѣ, въ 6 часовъ вечера, произвели мы еще наблюденіе, и потомъ расположились почевать на открытомъ воздухѣ, кто въ чемъ былъ, подъ покровомъ въ-

коваго бука, вѣтви котораго и были для насъ единственною защитою отъ дождя, шедшаго почти во всю ночь. Кромѣ водки и сухарей, съ нами не было никакихъ другихъ припасовъ.

5 іюля. Въ 4 часа утра отправились далѣе. Чѣмъ—выше поднимались въ гору, тѣмъ дорога была круче и грязнѣе. Она пролегалъ по отрогу, называемому *Ассаръ*, между двумя пропастями; направо шумѣлъ протокъ *Абра-Чешме*, надъво же обрывъ былъ столь крутъ и глубокъ, что шумъ воды не долеталъ до верху. Добравшись на-силу до истока Абра-Чешме, мы сдѣлали здѣсь послѣднее наблюденіе, въ $7\frac{1}{2}$ часовъ утра. Туманъ въ перевалахъ, то покрывалъ насъ, то прощипался, притягиваемый вершинами хребта. По сдѣланнымъ здѣсь вычисленіямъ, мы находились выше горизонта Каспійскаго-Моря около 570 тоазовъ. Итти далѣе вверхъ мы не рѣшились, боясь потерять или сломать барометръ, и стали спускаться. Спускались кто какъ умѣлъ, падали часто, и въ 9 часовъ дошли до бывшаго нашего ночлега. Отсюда, навьючивши лошадей, стали спускаться пѣшкомъ, ведя жеребцовъ и лошадей на поводу, и въ 2 часа пополудни прибыли въ Наукендъ. Ханъ далъ намъ лошадей до берега, и казаки наши оставили селеніе съ пѣснями; пѣсни эти выманили изъ домовъ множество женщинъ и дѣвушекъ, которыя и провожали насъ за селеніе, ради рѣдкости случая. Въ 4 часа прибыли мы къ нашей лодкѣ, а въ 6 вечеромъ были уже въ лагерѣ при р. Багу.

6 — 10 іюля. Хадыръ-Мамедъ уѣхалъ впередъ въ Гассанъ-Куль, а мы собирались въ дорогу. Во все время пребыванія нашего въ Астрабадскомъ-Заливѣ погода стояла болѣе ясная, чѣмъ пасмурная и дождливая, и почти никогда не измѣнялись періодическіе вѣтры: ночью — съ горъ, а днемъ — съ моря (западные). Стоянка на якорѣ тоже была самая покойная. На шкоутѣ жаръ не доходилъ въ полдень болѣе $+24^{\circ}$ а ночью $+18^{\circ}$. На берегу было жарче, а въ штиль и душливо, особливо въ началѣ іюля, когда начала цвѣсти хлопчатая бумага. Въ послѣднее время нѣкоторые изъ казаковъ заболѣли, вѣроятно отъ климата, а не отъ трудовъ или отъ пищи, въ которой не только не нуждались, но даже роскошествовали. За неимѣніемъ барацовъ, угоняемыхъ на лѣто въ горы, нѣсколько быковъ было куплено у Персіанъ, или привезено съ Серебря-

наго-Бугра. Говядина портилась въ концѣ другаго дня. При неосторожности въ нищѣ, чувствовали какую-то тягость и разслабленіе. Но, благодаря искусству нашего медика, никто не заболѣлъ опасно, и всѣ мы оставили Астрабадскій-Заливъ въ добромъ здоровьи, живши тамъ около шести недѣль.

11 июля. Снялись вечеромъ съ якоря и ночью вышли изъ Астрабадскаго-Залива.

12 июля. По причинѣ то штиля, то весьма слабого вѣтра, только около полудня могли мы стать на якорѣ въ семи верстахъ отъ берега, на противъ *Гюлишъ-Тепъ*, или *Серебрянаго-Бугра*. Сперва послали на бударкѣ переводчика Абдуллу, съ приказаніемъ приготовить для насъ кибитки и дать сигналъ когда можно съѣхать на берегъ, а потомъ, когда сигналъ былъ поданъ, около 3 часовъ пополудни, въ двухъ лодкахъ съ 20 казаками, отправились туда сами. Толпа мальчишекъ встрѣтила насъ у самаго берега, гдѣ, по причинѣ отмели и камней, мы должны были остановиться саженьхъ въ 20 отъ него, и провожали насъ съ крикомъ и шумомъ до вершины бугра, гдѣ для насъ была приготовлена кибитка. Насилу могли мы добраться туда сквозь толпу наглыхъ Туркменцевъ. Старшина Аманъ-Назаръ верхомъ пріѣхалъ встрѣтить насъ, и между «добро-пожаловать» и «милости-просимъ» (*аманъ-башъ* и *хошъ-гельди*) объявилъ, что съѣхать на берегъ не такъ-то безопасно; но, получивши въ отвѣтъ что Русскіе ворочаться не любятъ, предложилъ лошадь свою Карелину, и потомъ угощалъ насъ дынями, арбузами и разными высокопарными привѣтствіями. Карелинъ пригласилъ Туркменцевъ бороться, скакать на лошадяхъ, и проч.; но все исполнялось съ такимъ крикомъ и шумомъ, что мы сами не рады были, что попали между этихъ буйныхъ толпъ нищихъ и наглецовъ, не признающихъ никакой власти. Съ ужаснымъ шумомъ и толкотней едва составили маленькій кругъ. *Дарги*, или полицмейстеръ, долженъ былъ нагайкою по ногамъ выравнивать круговую линію. Въ борьбѣ Туркменцевъ видна только сила, а не ловкость. Хотя подарки имъ даны были довольно значительные, но они требовали болѣе, и одинъ старшина, Назаръ-Бергенъ, хотѣлъ подарка даже за то, что не успѣлъ пріѣхать въ Астрабадскій-Заливъ и участвовать въ стрѣльбѣ, которая была устроена для нашихъ казаковъ, 25 июня. Особенно не поправилось намъ низкое обра-

щеніе ихъ съ плѣнниками. Одинъ молодой персіянинъ былъ захваченъ въ плѣнъ съ-недѣлю назадъ, и окованъ. Сѣдой туркменъ вывелъ его какъ на-показъ, и заставляя ходить взадъ и впередъ, наслаждался бряцаніемъ цѣней. Мы оставили берегъ какъ-только осмотрѣли бугоръ; онъ незначителенъ; имѣетъ всего 3 или 4 сажени въ вышину, и состоитъ изъ развалинъ старыхъ зданій; море смыло часть бугра, и остатки стѣнъ простираются подъ водою, вдоль берега, до р. *Кара-Су*, на протяженіи 30 верстъ. Видъ съ вершины бугра нравился намъ новизною. Съ одной стороны — море; напротивъ — ровная стѣна, и горизонтъ оканчивается небольшими продолговатыми возвышеніями; подъ ногами — какъ улы, торчатъ кибитки Юмудовъ, числомъ до 200; а вправо — понижающійся мало-помалу бугоръ, въ видѣ овальнаго вала, идетъ полукругомъ къ р. *Гюргени*, и сливается со степью. Ауль *Гюлшишъ-Тепѣ* находится въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ отъ р. Гюргени, изъ которой и довольствуются водою его жители. Въ 9 часовъ вечера, при свѣтѣ мѣсяца, прибыли мы обратно на судно.

13 іюля. Снялись съ якоря въ $4\frac{1}{2}$ часа утра, но двинулись впередъ мало, а въ полдень былъ совершенный штиль. Въ 3 часа пополудни легли на якорѣ въ 14 верстахъ отъ берега, насупротивъ *Гассанъ-Кули*, по близости судовъ купца Герасимова, которыя нагружались здѣсь рыбнымъ товаромъ, приготовленнымъ для него Туркменцами Гассанъ-Кулинскаго вольнаго общества. Оба брата Герасимовы посѣтили насъ, и провели ночь на нашемъ суднѣ.

14 іюля. Въ 4 часа поутру посѣтилъ насъ Яхши-Мамедъ съ 20 туркменцами; ихъ угостили и отпустили съ-тѣмъ-чтобы они приготовили для насъ кибитки возлѣ берега; между-тѣмъ мы приблизились къ судамъ Герасимова, и въ 5 часовъ пополудни отправились въ 4 лодкахъ на берегъ, съ пушкой и въ сопровожденіи 40 казаковъ. Во 100 сажняхъ отъ берега должны мы были остановиться, ибо нельзя было подѣхать ближе. Хадыръ-Мамедъ со многими туркменцами встрѣтили насъ верхами, и отдали намъ лошадей, чтобы доѣхать до берега; а здѣсь самъ почтенный старикъ Кіатъ выѣхалъ къ намъ на встрѣчу и потомъ провожалъ до двухъ кибитокъ, нарочно для насъ приготовленныхъ. Толпа любопытныхъ туркменцевъ провожала и окружала насъ: но они были гораздо

смирѣе нежели собратія ихъ въ Гюмшъ-Тепѣ. Въ толпѣ ихъ, старшій сынъ Кіата, Яхши-Мамедъ, былъ какъ посторонній; онъ не вошелъ даже съ отцомъ и съ нами въ кибитку. Послѣ мы узнали, что онъ, женившись безъ отцовскаго позволенія, былъ въ опалѣ. Черта эта въ характерѣ Туркменцевъ заслуживаетъ уваженія. Здѣсь повиновеніе волѣ родительской безпрекословно; и въ этомъ отношеніи господствуютъ странныя обычаи, особенно между женщинами: своха никогда не назоветъ своего свекра по имени, и не только не обратится къ нему съ вопросомъ сама, но даже отвѣчаетъ ему чрезъ посторонняго или старшаго, имѣющаго право разговаривать съ нимъ свободно. Тоже самое дѣлаетъ она и въ отношеніи къ старшему дѣверю. — Мы показали Туркменцамъ ловкость и скорость нашихъ артиллеристовъ въ стрѣльбѣ, пускали ракеты къ большому ихъ удивленію, пригласили потомъ старшинъ къ чаю, и уже поздно вечеромъ распустили нашихъ гостей-хозяевъ. Ауль *Гассанъ-Кулі* расположенъ на полуостровѣ или, лучше сказать, на косѣ; отъ нашего стана отдѣлялся онъ бакчами (огородами) съ арбузами и дынями. Ровная какъ море и безлѣсная степь сливалась непримѣтно съ водою; мѣсяцъ, полный и свѣтлый, взошелъ на безоблачномъ небѣ; вѣтеръ едва струилъ воздухъ; ночь была плѣнительная, и мы почти всѣ спали на открытомъ воздухѣ. Вокругъ лагеря поставлены были трое часовыхъ.

15 іюля. Мы были принуждены взять воду съ судна, ибо Туркмены достаютъ ее здѣсь изъ р. *Атреха*, находящейся въ 14 верстахъ отъ аула; по малой глубинѣ култука, они наливаютъ ее въ куласы и такъ привозятъ въ Гассанъ-Кулі. Жаръ былъ несносенъ: термометръ показывалъ + 27° въ тѣни. Послѣ обѣда осматривали мы аулъ; онъ состоитъ почти изъ 200 кибитокъ, расположенныхъ по западному берегу култука. Внутри ихъ довольно опрятно; во многихъ мѣстахъ мы видѣли женщинъ занимающихся на открытомъ воздухѣ, только подъ навѣсомъ, приготовленіемъ войлоковъ и тканьемъ ковровъ. Возлѣ берега култука стояли многочисленныя киржимы и русскія лодки; послѣднія принадлежали астраханскому купцу Герасимову, а ватага его выстроена близъ самаго берега култука. Послѣ, посѣщали мы кибитку Хадыръ-Мамеда и видѣли его жену и дочерей; женщины надѣваютъ здѣсь на голову

огромные кокошники украшенные многочисленными золотыми монетами, а ротъ закрываютъ платкомъ. Онѣ, впрочемъ, не стыдятся показываться съ открытымъ лицомъ. Вечеромъ мы заставляли туркменскихъ мальчиковъ бороться между собою, раздавая побѣдителямъ по куску сахара.

16 — 17 іюля. Занимался съемкою огромнаго Гассанъ-Кулинскаго Култукъ, въ которомъ р. *Атрекъ* разливается на многочисленные рукава. Для этого я долженъ былъ употребить куласъ, потому-что култукъ только въ серединѣ имѣлъ 3 или 4 фута глубины, а возлѣ береговъ всего 1 футъ. Мы были первые Русскіе, которымъ удалось подняться вверхъ по Атреку; устья этой рѣки очень мелки; она разливается по низкимъ, илистымъ берегамъ безчисленными рукавами. Я долженъ былъ выгнать изъ куласа, который казаки тащили между-тѣмъ пѣшкомъ черезъ пространство нѣсколькихъ верстъ, чтобы попасть въ одинъ изъ главныхъ рукавовъ, и шелъ такимъ образомъ, то по грязи, то по горячему песку, босыми ногами. По этому рукаву поднялись мы вверхъ по рѣкѣ, имѣющей теченіе быстрое, воду очень мутную, и разливающейся въ полую воду на большое пространство. Въ-продолженіе съемки, одинъ изъ моихъ уральскихъ казаковъ отправился въ илъ на охоту за сомами. Съ кинжаломъ въ рукахъ бросился онъ на огромнаго сома, боролся съ нимъ нѣсколько времени и разрѣзалъ ему брюхо; потомъ сталъ преслѣдовать другаго, и нанесъ ему жестокой ударъ, какъ кинжалъ отскочилъ отъ спинной кости животнаго, и казакъ самаго себя ранилъ тяжело въ правую руку. Жара была такъ велика, что вода даже въ култукѣ сдѣлалась совершенно тепла. Воротившись 17 числа въ нашъ лагерь, я нашелъ Карелина съ полудюжиною жепцинь, жепъ почетнѣйшихъ старшинъ, которыхъ онъ угощалъ чаемъ; каждая принесла по ковру или по сумкѣ въ подарокъ. Нашъ живописецъ снялъ портреты съ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и срисовалъ костюмъ двухъ туркменскихъ всадниковъ верхомъ.

18 — 19. іюля. Жара утомительная; а какъ море было далеко отъ лагеря и притомъ слишкомъ мелко для купанья, то казаки ежедневно катали бочку съ морскою водою въ нашъ лагерь, и мы обливались по нѣсколько разъ въ день; ходили всѣ въ однихъ рубашкахъ.

20 іюля. Прибыль изъ степи Казы Магомедъ-Таганъ, глава духовенства Юмудовъ. Послѣ обѣда была скачка; десять туркменъ скакали по нѣскольку разъ. Лошади ихъ не очень хороши и гораздо ниже того мнѣнія, которое имѣли мы прежде о туркменскихъ лошадяхъ, славящихся красотою, быстротою и переносливостію; въ послѣднемъ, впрочемъ, нельзя отказать и здѣшнимъ: скудные кормы и полусоленая вода поддерживаютъ ихъ существованіе, тогда-какъ наши лошади издохли-бы на такомъ содержаніи. Славной породы туркменскихъ лошадей *Текѣ* надобно впрочемъ искать не здѣсь, а около *Шеркса*, въ Хорасанскомъ Курдистанѣ. Скакавшимъ были розданы въ награду деньги, котлы и таганы. Всѣ старшины были приглашены нами къ чаю. Казы и около 50 старшинъ прибыли къ захожденію солнца, но прежде-чѣмъ вошли въ нарочно приготовленную для нихъ кибитку, совершили вечернюю молитву: обратились всѣ лицомъ къ Меккѣ, и подъ предводительствомъ Казы, то падали на колѣна, то молились въ тишинѣ, стоя неподвижно. Напивши чаемъ, Карелинъ объявилъ имъ о цѣли нашей Экспедиціи; они начали разсуждать съ нами о рыбной ловлѣ, имъ принадлежащей, торговыхъ сношеніяхъ съ Россією и проч., и мы получили свѣдѣнія на-счетъ сношеній ихъ съ Персією и съ Хивію. Между-тѣмъ приготовили ужинъ на 100 человекъ, для чего были зарѣзаны 4 барана. Мы угощали эту толпу на открытой степи, при освѣщеніи фонарями, привѣшенными къ казачьимъ пикамъ. Каждый изъ гостей получилъ въ подарокъ чашку, изъ которой ѣлъ, а на прощанье пущена была дюжина ракетъ и сдѣлано нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Всѣ казались очень довольными и согласились на всѣ предложенія Карелина, но это не помѣшало имъ украсть у насъ нѣсколько кожъ, на которыхъ они сидѣли. Къ-счастію, казаки наши поймали воровъ, которые извинились, говоря, что хотѣли только пошутить.

21 — 23 іюля. Жары продолжались. Мы опорожняли ежедневно 40-ведерную бочку прѣсной воды; барказъ привезъ намъ съ судна черезъ день еще двѣ новыя бочки; но вода отъ жару протухла и нельзя было пить ее безъ примѣси кислоты. Къ-счастію мы могли купить здѣсь дынь и арбузовъ, которые растутъ въ большомъ изобиліи; ихъ привозятъ также изъ Гюмишъ-Тепѣ; они отъменно хороши и огромной величины.

Кіатъ-Бегъ, Казы и нѣсколько старшинъ посѣтили насъ и общались сдѣлать контрактъ съ Герасимовымъ на-счетъ рыбной ловли въ водахъ собственно имъ принадлежащихъ. Казы на другой день той (праздника) имѣлъ свиданіе съ Карелинымъ и общалъ кончить все какъ-можно поспѣшнѣе.

24 іюля. Еще разъ ѣздила я съ нашимъ медикомъ по р. Атреку, въ трехъ куласахъ; мы достигли почти до бугра *Козу-Журана*, находящагося около 10 верстъ отъ устья этой рѣки. Казаки стрѣляли копыковъ, чупуровъ, зеленыхъ пѣтушковъ и куликовъ, которыми изобилуютъ эти мѣста. Въ камышахъ мы видѣли многочисленныя слѣды барсовъ и кабановъ. Воротились въ лагерь очень поздно; противный вѣтеръ заплескалъ наши куласы и промочилъ насъ до костей. Съ *Зелено-го-Бугра* привезли намъ нѣсколько варанусовъ (по туркменски *замзамъ*), родъ ящерицъ похожихъ на крокодила, и величиною отъ 3 до 4 футовъ. Мы умертвили ихъ, бросивъ имъ въ ротъ нюхательнаго табаку, отъ чего они немедленно впади въ сильныя судороги и задохнулись.

25 — 26 іюля. Послѣдняго числа, Казы и главные старшины: Мамедъ-Сардаръ, Султанъ Али-Ханъ, сынъ султана Мамедъ-Хана, Кіатъ, Яхши-Мамедъ, Черкесъ-Ханъ и другіе, приложили печати къ контракту, заключенному ими съ купцомъ Герасимовымъ, въ томъ, что они отдаютъ ему на откупъ, въ-продолженіе 10 лѣтъ, свои рыбныя ловли, отъ Гассанъ-Кулинскаго-Култука до р. Гюргени. Всѣмъ имъ были розданы подарки.

27 іюля. Отправились изъ култука къ С., на урочище *Гарлицъ*, для добытія каменной соли, 33 киржима. Грозная эта для Персіянъ флотилія разлетѣлась-бы отъ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, и не устрасила бы горсти Русскихъ. Звѣринецъ нашъ увеличился: кромѣ молодой дикой козы мелкой породы, полученной нами въ Астрабадскомъ-Заливѣ, намъ подарили здѣсь 5 джейрановъ (*Antilopes*); они скоро сдѣлались ручными и стали брать сахаръ и хлѣбъ изъ нашихъ рукъ.

28 — 31 іюля. Въ-продолженіе этого времени мы занимались разспросами на-счетъ дорогъ ведущихъ въ Хиву, теченія рр. *Атрека* и *Гюргени*, народонаселенія *Юлудовъ*, *Текѣ*, *Коклановъ* и проч. Свѣдѣнія эти дали намъ Кіатъ, Яхши-Мамедъ, Ма-

медъ-Сардаръ, Черкесъ-Ханъ, Казы и другія лица. Извѣстіе о прибытіи русскаго судна съ подарками для Юмудскаго Народа, распространилось весьма скоро по степи и притомъ съ разными преувеличеніями, такъ-что многіе старшины прѣѣхали къ намъ изъ-за 200 и 300 верстъ, чтобъ получить что-нибудь. Мы принимали только главныхъ, разспрашивали ихъ относительно края ими обитаемаго, о Хивѣ, о Персіи, и никогда не отпускали не показавъ имъ дѣйствія нашей артиллеріи. Они весьма удивлялись скорости съ какою слѣдовали выстрѣлы одинъ-за-другимъ, любовались рикошетами ядеръ по морю, и говорили обыкновенно, что покуда другіе зарядятъ ружье одинъ разъ, Русскіе успѣютъ зарядить и выстрѣлить четыре раза изъ пушки, слѣдовательно невозможно, чтобы кавалерія туркменская или хивинская могла дѣйствовать противъ Русскихъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюля былъ сильный штормъ съ 3.; сообщеніе съ судами прекратилось; бурунъ и волны были страшны, а море чуть не достигало до нашихъ кибитокъ, находившихся болѣе 50 сажень отъ берега. Окончивши наши дѣла здѣсь, мы съ нетерпѣніемъ ожидали восточныхъ или южныхъ вѣтровъ, чтобъ продолжать путь; но къ-несчастью западные вѣтры дули въ-продолженіе двухъ мѣсяцевъ.

Августа 1. Мы приготовились къ отъѣзду, а между-тѣмъ Карелину нужно было удостовѣриться лично, въ какомъ положеніи находился нашъ шкоутъ. Во время шторма, его жестоко валяло и открылась течь до дюйма въ часъ; съ прекращеніемъ волненія она нѣсколько убавилась; но все-таки было весьма неприятно, что починка судна въ Астрабадскомъ-Заливѣ была почти бесполезна. Къ-тому-же Туркменцы выводили насъ изъ терпѣнія своею наглостію, требуя уже, а не прося, подарковъ за малѣйшія услуги, и никогда не довольствуясь тѣмъ, что получали. У нихъ на языкѣ какъ-будто нѣтъ слова «возьми», а все только «давай». Никто не повѣрилъ-бы, какъ они поступаютъ съ купцомъ Герасимовымъ: съ него берутъ деньги за рыбу, принимая рубль серебромъ за два съ половиною реала, вмѣсто трехъ, да, сверхъ-того, заставляютъ его платить по 50 процентовъ съ капитала въ годъ. Ласковое обращеніе съ ними никуда не годится: кто ихъ бьетъ, того они и уважаютъ, то-есть боятся. Нищій народъ этотъ не перемѣ-

нились несколько со времени посѣщенія П. Н. Муравьевымъ, и портретъ его, сдѣланный этимъ путешественникомъ, какъ нельзя болѣе вѣренъ. Въ послѣднее время нашего пребыванія мы ихъ хорошо узнали, и обращались съ ними безъ церемоній. Они всѣ равны между собою, и ссоры, особливо между холостыми, оканчиваются нѣсколькими ударами ножа или кнжкала. Въ глазахъ нашихъ поссорились двое, и старшій изъ нихъ, лѣтъ 15, едва не зарѣзалъ другаго, нанеши ему сильныя раны въ шею и голову. Туркменцы не обратили на это ни какого вниманія, и на вопросъ нашъ: что-же они не вступились за избитаго? отвѣчали, что старшій природный *Юлудъ*, а отецъ послѣдняго недавно перешелъ въ ихъ поколѣнiе. Впрочемъ, и между одноплемениками случается тоже самое. — Всякое приказаніе Карелина, или вызовъ на скачку, бѣганіе и проч. объявлялись Туркменцамъ чрезъ нашего глашатаго (*Дарджи*).

2 — 3 августа. Во время пребыванія нашего здѣсь стояла постоянно ясная погода; только два видѣли мы облака; дни были утомительно жарки; изрѣдка западные вѣтры прохладжали воздухъ; но ночи были великолѣпны: тихи, теплы; чистое небо горѣло звѣздами, блудящіе огни бороздили темную лазурь. Ауль Гассанъ-Кулинскій засыпалъ; все было тихо; лишь доносило тихимъ вѣтромъ ропотъ моря, да часовой пробуждалъ тишину окликомъ кого-нибудь изъ нашихъ. Въ безмолвіи ночи часто уходили мы въ степь, чтобъ насладиться ею вполнѣ. Иногда ночью, въ степь, термометръ доходилъ до $+ 22^{\circ}$, и никогда не опускался ниже $+ 18^{\circ}$.

4 августа. Оставили наконецъ этотъ берегъ. Карелинъ, заболѣвши, былъ посаженъ на пушку, и мы отправились нѣшкомъ черезъ воду, до нашихъ гребныхъ судовъ, отстоявшихъ отъ берега сажень на 60. Противный вѣтеръ и сильное волненіе прoderжали насъ въ морѣ семь часовъ, и мы только въ сумерки достигли до нашихъ судовъ.

5 — 7 августа. По причинѣ противныхъ западныхъ вѣтровъ, шли впередъ весьма медленно, то бросая якорь, то свимаясь опять. 7 числа, найдясь на якорѣ противъ *Благо-Бугра*, я, Фелькнеръ и Залюцкий, отправились въ двухъ лодкахъ на берегъ, находившійся около 10 верстъ отъ судна. Глубина почти до самаго берега простиралась до

6 футовъ; въ 50 саженьяхъ отъ него море было мелко. Мы углубились въ степь около 3 верстѣ, идя черезъ песчаные холмы и высохшій заливъ; наконецъ стали вязнуть и очутились по-колѣно въ черной иловатой землѣ, среди обширнаго высохшаго соленатаго озера; соль покрывала поверхность, а подъ ней находились илъ и вода. *Акъ-Тепѣ*, или Бѣлый-Бугоръ, находился еще въ 5 верстахъ отъ насъ. Характеръ берега похожъ на Огурчинскій, только въ большемъ видѣ. Три параллельныя гряды сышучаго песку, связаннаго кустарными растѣнїями, служатъ оплотомъ отъ наводненїя бурнаго моря во время западныхъ штормовъ. Первая гряда саженьяхъ въ 30 отъ берега, остальные — въ верстѣ и менѣе одна-отъ-другой. Между ними — солончаковатая или ракушечная почва. Перевалившись за послѣднюю гряду, шли равниной, совершенно гладкой. День былъ жарокъ. *Миражъ* обманывалъ насъ какъ-нельзя лучше; вся степь, казалось, покрыта была водою, и даже тѣнь отъ бугровъ на горизонтѣ отражалась въ парахъ такъ живо, какъ въ тихой стоячей водѣ. Мы нѣсколько разъ обманывались и принимали *миражъ* за настоящую воду. Въ лѣвой рукѣ, когда шли къ *Акъ-Тепѣ*, блестяла кора самосадочной соли. *Акъ-Тепѣ* вѣроятно доступенъ съ которой-нибудь стороны; видимо возвышается онъ изъ солончаковъ, и говорятъ, что на вершинѣ его бьютъ ключи горячей соленой воды. Тропинки вдоль берега показываютъ или обходную дорогу на него, или, быть-можетъ, пробиты онѣ охотниками-туркменцами, приѣзжающими сюда за джейранами, свѣжїя слѣды коихъ видѣли мы во-множествѣ. Отъ насъ казался бугоръ круто-поднявшеюся, ровной, бѣлесоватой стѣною. Мы воротились, искупались въ морѣ, и прибыли на судно въ-сумерки.

8 августа. Снялись съ якоря въ 6 часовъ поутру, но мало ушли впередъ. Въ 11 часовъ остановились всего въ полутора верстѣ отъ берега; послѣ обѣда поѣхали туда въ 3 лодкахъ и нашли тамъ двѣ кибитки. Хозяева ихъ, Туркменцы, имѣли стада барановъ, козъ и около 20 верблюдовъ; недалеко отъ берега вырыли они себѣ въ пескѣ нѣсколько колодезевъ; вода въ нихъ была солоновата. Степь имѣла тотъ же самый видъ, что при Бѣломъ-Бугрѣ. Мы купили 4 барановъ, купались въ бурнахъ, ибо западный вѣтеръ усилился, и потомъ воротились на

судно. Вѣтръ—продолженіе ночи вѣтеръ усилился и насъ беспокоила сильная качка.

9 августа. Карелинъ провелъ цѣлый день и слѣдующую ночь на берегу, чтобъ избѣжать качки, продолжавшейся съ одинаковою силою.

10 августа. Съ-разсвѣтомъ снялись мы съ якоря, шли впередъ медленно, и прошли *Зеленый-Бугоръ* въ 4 часа пополудни, а къ-вечеру вѣтеръ утихъ и сдѣлался почти штиль. Ночь была прелестная, освѣщенная яркимъ свѣтомъ луны; море, осеребренное луною, тихо волновалось, и змѣистая полоса свѣта бѣжала за рулемъ едва двигавшагося судна.

11 августа. Цѣлый день кое-какъ подвигались впередъ; вѣтеръ отходялъ къ W. ten N. и насъ приваливало къ восточному берегу, въ-виду песчаныхъ бугровъ по-правую-руку нашего курса; бугры эти простираются отъ о. Челюскинъ къ Ю. В. до бывшаго *Хивинскаго-Залива* (нынѣ почти высохшаго). Въ 6 часовъ вечера стали на якорь на 4 саженьхъ глубины.

12 — 13 августа. Дни прекрасные; стояли на якорѣ, потому что западный вѣтеръ не пускалъ насъ къ о. *Огурчинскому*. Термометръ показывалъ $+ 20^{\circ}$ въ тѣнѣ.

14 августа. Снялись съ якоря въ-полночь; вѣтеръ былъ чистый О., море покойно. Термометръ въ 1 часу пополудни показывалъ $+ 22^{\circ}$. Шкоутъ сперва шелъ прекрасно, и мы полагали, что еще къ-свѣту будемъ въ-виду о. Огурчинскаго; по вычисленію до него было верстъ 30. Вѣтеръ между-тѣмъ скрѣпчалъ; мы шли по 4 узла; наконецъ, передъ утромъ развело ужасное волненіе. Мы уже прошли 50 верстъ, а все не видали острова; горизонтъ былъ въ туманѣ, вѣтеръ съ пылью, волненіе жестокое и 7 сажень глубины; наконецъ глубина стала мало-по-малу уменьшаться; это обнадежило насъ, что мы еще не миновали острова; но зато мы могли попасть на *Толокій-Банкъ*. Въ $6\frac{1}{2}$ часовъ, съ баку увидѣли землю, а въ 7 бросили якорь верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ о. Огурчинскаго, на 4 саженьхъ глубины. Только-что успѣли съѣхать на берегъ, какъ вѣтеръ опять сталъ отходить къ W.

15 — 17 августа. Сѣверная часть о. *Огурчинскаго* снята была уже во время перваго нашего посѣщенія, 17 и 28 мая; въ-продолженіе-же этихъ трехъ дней я занимался, вмѣстѣ съ

топографомъ, съемкою остальной части этого острова. Какъ жаръ былъ утомителенъ, то я предпочелъ ходить босикомъ по заплескамъ вдоль берега, и надѣвалъ сандалии только тамъ, гдѣ надобно было выходить на бугоръ, чтобъ обозрѣть окрестности для внесенія на планшетъ; раскаленный песокъ жегъ какъ горячее желѣзо. Такимъ образомъ, я сбѣгалъ болѣе 50 верстъ пѣшкомъ и босыми ногами. Во время съемки я часто вырывалъ колодцы, чтобы утолить жажду; прѣсную воду можно было добывать здѣсь во многихъ мѣстахъ на аршинѣ глубины отъ поверхности земли; впрочемъ случается, что вмѣсто прѣсной встрѣчается соленоватая, что зависитъ отъ большаго-или-меньшаго отдаленія колодцевъ отъ морскаго берега, и отъ болѣе-или-менѣе песчанаго грунта. Возлѣ южной оконечности острова мы нашли огромныя бакчи съ дынями и арбузами; 400 штукъ ихъ нагрузили мы въ лодки и перевезли послѣ на судно. Между-тѣмъ казаки вырыли между восточнымъ и западнымъ берегомъ нѣсколько колодцевъ и наполнили изъ нихъ водою 8 бочекъ. Въ довольномъ количествѣ набрали они также и валежникъ, а стрѣлки наши приносили намъ каждый вечеръ до 60 и болѣе жирныхъ куликовъ, кои, равно-какъ бакланами и красными гусями, изобилуетъ островъ. Я часто любовался, съ какою ловкостью кулики возлѣ морскаго берега искали себѣ пищи, избѣгая волнъ и бурновъ, и кидались на червячковъ и т. п. выбрасываемыхъ моремъ. Я бралъ высоту солнца, когда погода это позволяла, и каждый вечеръ возвращался ночевать на судно, потому что комары изѣли тѣхъ изъ насъ, которые спали на берегу безъ пологовъ. Фелькнеръ осматривалъ между-тѣмъ соленыя озера и собиралъ образцы разнаго рода соли. Жителей здѣсь нѣтъ. Туркменцы лишь временно прїѣзжаютъ сюда съ о. Челекени для поливанія бакчей и собиранія арбузовъ. Мы нашли здѣсь стадо козъ и барановъ, нѣсколько верблюдовъ и табунъ лошадей, принадлежащихъ Кіату.

18 — 19 августа. Занимались приготовленіемъ бумагъ для отправленія въ Баку съ «Василіемъ». Съ этимъ судномъ откомандированъ былъ туда урядникъ Свѣчниковъ. Хотя вѣтры, стояли до-сихъ-поръ противныя, но нельзя было долѣе медлить, ибо мы имѣли крайнюю нужду въ разныхъ припасахъ. Между-тѣмъ прибыли къ намъ изъ Гассанъ-Куля шкоуты «Св.

Андрей» и «Св. Николай», принадлежащіе кунцу Герасимову и нагруженные рыбными товарами; они запасались здѣсь свѣжею водою.

20 — 22 августа. «Василій» снялся съ якоря съ-разсвѣтомъ и обошелъ сѣверную косу о. Огурчинскаго; мы также снялись, чтобы продолжать путь въ *Красноводскій-Заливъ*, но успѣли отойти только 10 верстъ, какъ сѣверный вѣтеръ заставилъ насъ остановиться. Въ-продолженіе ночи онъ обратился въ сильный штормъ и дулъ непрерывно 48 часовъ; мы пустили около 90 сажень якорнаго каната, чтобы уменьшить килевую качку, которая весьма насъ беспокоила.

23 августа. Подъ-утро вѣтеръ стихъ и воздухъ сталъ прохладнѣе; скоро три мѣсяца, какъ стоятъ совершенно-противныя вѣтры. Вечеромъ вѣтеръ и волненіе затихли. *Балганы*, какъ облачко, видны были на N. O. ten O.

24 августа. Ночью снялся съ якоря и къ-утру подошли къ о. Челекени съ южной стороны. Тремя выстрѣлами дали мы знать о нашемъ прибытіи ожидавшему насъ здѣсь Хадыръ-Мамеду, который и прибылъ вечеромъ съ двумя туркменцами. Муригинъ промѣрилъ глубину около *Дервиша*. Послѣ шторма, течь увеличилась; качали въ-теченіе дня 4 раза, и выкачали въ-сутки 24 дюйма воды. Вѣтеръ опять сдѣлался противный.

25 — 26 августа. Балханскій-Кряжъ былъ видимъ весьма ясно передъ восхожденіемъ солнца; казаки говорили даже, что видѣлись Астрабадскія-горы. Стояли на якорѣ на томъ же мѣстѣ. Открыли течь въ кормѣ и конопатили. Шпангоуты были гнилые, или, лучше сказать, крысы проѣли ихъ.

27 августа. Тамъ же на якорѣ. Казаки, посланные на берегъ, воротились и привезли туркменца Якубъ Курбу-Мамеда, который долженъ былъ проводить насъ въ *Красноводскій-Заливъ*. Вѣтеръ къ-ночи почти утихъ.

28 августа. Дулъ S. и S. O. Снялись съ якоря въ 7 часовъ утра, едѣли 6 или 7 верстъ и за штилемъ опять остановились. Убили тюленя. Поставили сѣти на рыбу, но ничего не поймали.

29 августа. Вѣтеръ N. N. O. Снялись съ-разсвѣтомъ, прошли мимо полуострова Дервиша съ южной его стороны, и по-причиѣ противнаго вѣтра стали на якорѣ въ 9 часовъ поутру.

День былъ прекрасный, и мы съ нетерпѣніемъ ждали попутнаго вѣтра.

30 августа. Рано утромъ при вѣтрѣ S. O. снялись съ якоря и шли къ Э.С.Э. вдоль Челекени до мыса, гдѣ островъ дѣлаетъ поворотъ на С.С.В. Шкоутъ долженъ былъ идти подъ парусами, и пройдя оконечность мыса поджидать насъ, убавивши парусовъ. На берегъ съѣхали на двухъ лодкахъ. Запахъ нефти поразилъ насъ еще за $\frac{1}{2}$ версты отъ берега. Обрывистые берега острова обманули насъ, ибо мы полагали себя вдвое ближе къ нимъ, нежели были въ-самомъ-дѣлѣ. Пристали вплотъ къ берегу. Онъ здѣсь обрывистъ, вышиною сажени три, и состоитъ изъ глины, проникнутой солью, которая притомъ покрываетъ глину, высыхая на поверхности ея въ-видѣ налета, чѣмъ глинѣ темносѣраго или синевато-сѣраго цвѣта придаетъ цвѣтъ бѣлосоватый. Нефть проникаетъ ее, то частицами непримѣтными, ощутительными только обонянію, то запитываетъ цѣлыми слоями, представляющимися въ-видѣ параллельныхъ морю горизонтальныхъ полосъ въ $\frac{1}{4}$ арш. толщиной. Отъ осѣданія берега, во многихъ мѣстахъ пласты поставлены трещинами въ болѣе-или-менѣе вертикальное положеніе. Поднявшись на берегъ, мы слѣдовали по песку изъ перетертыхъ раковинъ и пеплу, нѣжному и мягкому, такъ-что хотя нога и тонетъ, но потомъ свободно отдѣляется отъ него. На покатости горы называемой *Мирза-Бека*, мы встрѣтили соленые источники, теплота коихъ простирается отъ 29° до 29° Реомюра: они вытекаютъ изъ покатости горы и исчезаютъ въ песокъ; съ ними вмѣстѣ вытекаетъ и нефть, плавающая на поверхности воды струями; жители задерживаютъ ее досками: вода вытекаетъ, а нефть, какъ легчайшее вещество, остается, составляя верхній слой, и стекаетъ потомъ желобомъ въ приготовленные для того подъемные амбары. Источники эти весьма живописны, падая съ уступа на уступъ по песчаннику, проникнутому солью, то сильно, такъ-что она выступаетъ на его поверхность, то непримѣтными частицами. Вода пахнетъ нефтью и сѣрою. Возлѣ этихъ ручьевъ находится также нѣсколько колодезь съ горячею, чистою, черною нефтью.

Ближе къ морю нашли мы на этомъ возвышеніи значительное количество колодезь съ черною и бѣлою нефтью, покрытыхъ камнями, обсыпанными пескомъ; на многихъ видны

знаки: отпечатокъ руки или ноги. Приподнявши нѣкоторые изъ этихъ камней, мы видѣли крестообразно положенный перекладины изъ жидовника, до $\frac{1}{2}$ аршина въ діаметръ; онѣ сдѣланы для-того-чтобы песокъ не обрушивался и не засыпалъ колодезь. Глубина сихъ-последнихъ отъ 3 до 7 аршинъ. Черная нефть покрываетъ воду, занимающую въ нихъ нижній горизонтъ, на дюймъ и болѣе, что мы узнавали опуская тростинку. Медикъ нашъ измѣрилъ температуру горячихъ ключей, и взялъ съ собою нѣсколько бутылокъ съ водою и нефтью.

Со времени пребыванія здѣсь Н. Н. Муравьева (въ 1821 году) море смыло и оторвало 250 сажень отъ западнаго берега сего острова. На картѣ, имъ составленной, обозначено небольшое озеро, въ которое впадаютъ всѣ вышеупомянутые родники; его уже не существуетъ. Дѣйствіе волнъ подтверждается и неравномѣрною глубиною моря, безпрестанно измѣняющагося около береговъ, и отторженными глыбами песчаника у мѣста нашего привала и далѣе къ С., гдѣ волны не могли размыть его равно-какъ и глину, составляющую настоящій берегъ. Пробывъ на островѣ не болѣе 5 часовъ и выкупавшись, мы воротились на шкютъ, ожидавшій насъ съ подобранными парусами. Вѣтеръ между-тѣмъ зашелъ противный, и къ-вечеру мы стали на якорь. Передъ сумерками казаки еще разъ сѣзжали на берегъ и привезли оттуда нѣсколько куликовъ и растрѣпанныхъ.

31 августа. Снялись съ якоря утромъ и при тихомъ вѣтрѣ плыли вдоль берега Челекени. На-разсвѣтѣ обрисовались горы Красноводскія. Шли цѣлый день тихо и спокойно; вошли въ *Красноводскій-Заливъ* при $2\frac{1}{2}$ и 3 саж. глубины. Часовъ въ 7 вечера вѣтеръ повернулъ къ С.З. и мы бросили якорь. Заблоцкій съ казаками еще утромъ сѣзжалъ на берегъ, но какъ мы шли, хотя и при тихомъ вѣтрѣ, но безъ волненія и подъ всѣми парусами, довольно скоро, то онъ, пробывши не много на сѣверной косѣ Челекени, потомъ едва догналъ насъ на лодкѣ. Любопытнаго ничего не привезли.

Въ-продолженіе всего августа мѣсяца также господствовали западные и сѣверные вѣтры; мы употребили 27 дней, чтобы прибыть изъ Гассанъ-Куль въ Красноводскъ. Погода стояла всегда прекрасная, и съ 9 іюля дождей не было. Замѣчатель-

во, что въ-продолженіе нашего плаванія, ни одного раза не было грозы.

Сентября 1. Съ 6½ часовъ снялись съ якоря и шли до 2 часа пополудни. Хадыръ-Мамелъ, его тесть Туатъ и переводчикъ нашъ Абдулла пріѣхали къ намъ съ полуострова *Дарджи*. Направленіе наше было на С. С. В., прямо къ берегу. Гористый и разноцвѣтный сѣверный берегъ Красноводскаго или Балханскаго-Залива былъ видѣнъ весьма ясно. Темноцвѣтныя горы занимаютъ первый планъ; между ними виднѣются кирпично-красныя возвышенія и полосы, а за этими — обрывистый гребень, цвѣта, какъ намъ казалось, бѣложелтаго. Мы двигались не-слишкомъ скоро, но очень спокойно; вѣтеръ былъ тихій, день ясный. За противнымъ вѣтромъ стали на якорь въ 2 часа, противъ мыса *Куба-Сенеира*, и съѣхали на берегъ. Здѣсь однакоже, какъ и на Челекени, обманулись въ разстояніи: горы и вообще высокой берегъ очень сближаютъ предметы. Мы были отъ берега верстахъ въ полутора или около двухъ. Только ступили мы на берегъ, какъ ужъ почувствовали переменъ температуры; отражасмыя бѣлѣсоватыми скалами лучи солнца раскаляли воздухъ, и если-бы не прохладялъ его вѣтеръ, вырывающійся шквалами изъ-за горъ, то было-бы утомительно душно. Все побережье засыпано отторженцами скатившимися съ горъ, которыя начинаются отъ ступи на 50 сажень отъ берега. Онѣ не такъ круты съ подошвы, какъ къ вершинѣ; вышиною около 80 сажень; состоятъ изъ известковыхъ обрывистыхъ скалъ. Я поднялся на вершину *Куба-Сенеира*, и любовался прекрасною картиною расплывшеюся у моихъ ногъ. Почти весь *Балханскій-Заливъ* съ о. о. *Челекению*, *Дарджи* и *Дагъ Ада*, былъ видѣнъ какъ на ладони. Отсюда повѣрялъ я съемку Н. Н. Муравьева, сдѣланную весьма вѣрно. Послѣ, мнѣ захотѣлось спуститься по замѣченной мною тропинкѣ, но когда я дошелъ почти до подошвы горъ, остановилъ меня обрывъ въ 10 сажень вышиною; и я съ неимовѣрною трудностью долженъ былъ лѣзть по крутымъ скаламъ до вершины, чтобы спуститься опять по другой дорогѣ. Попутный вѣтеръ побудилъ насъ сняться съ якоря въ 8 часовъ вечера, и идти далѣе къ *Балкуи*, куда прибыли въ 11 часовъ вечера, плывя всего только на трехъ парусахъ.

2 сентября. Карелинъ рано утромъ отправился въ море на берегъ, къ колодцамъ *Балкуи*. Шкоуть снялся въ 11 часовъ утра и слѣдовалъ по тому же направлению, верстахъ въ двухъ отъ берега. Всѣ бочки были немедленно отправлены къ колодцамъ, причѣмъ и я также поѣхалъ на берегъ. Мѣстоположеніе Балкуи красиво. Порфировыя горы сходятъ постепенно уменьшающимися сопками къ морю; параллельно къ нимъ песчаниковыя горы упираются въ море крутой отвѣсной скалой, и поворачиваютъ къ *Уфракъ*. Между ними полого скатывающаяся равнина, версты въ 2 шириною. У самаго берега находятся 2 колодца, выложенные камнемъ и глубиною до 5 аршинъ; вода въ нихъ немного солоновата, но чиста и хороша; намъ попалось въ ней много змѣиныхъ шкуръ, и притомъ здѣсь поятъ обыкновенно верблюдовъ; потому мы наливались водою въ другихъ колодцахъ, саженьхъ во 100 отъ первыхъ. Они называются *Балкуи* (медовые колодцы). Я поднялся на гору *Шахъ-Адели*, съ которой прекрасный видъ на заливъ и косу красноводскіе. Хадыръ-Мамедъ поѣхалъ къ *Дарджи*, приготовить тамъ верблюдовъ для поѣздки нашей въ Балханскія-Горы. Нѣсколько туркменцевъ на верблюдахъ привѣзжали къ намъ изъ степи, и обѣщали пригнать барановъ, въ которыхъ мы очень нуждались. Жаръ былъ 23° въ тѣни. Фелькнеръ между-тѣмъ обозрѣвалъ берегъ и описывая составъ горъ, собиралъ образчики формаций.

3 сентября. Опять ѣздили на берегъ къ колодцамъ, гдѣ Карелинъ и лекаръ нашъ ночевали въ палаткахъ. Повѣрялъ хронометръ и взялъ высоту солнца надъ самыми колодцами. Топографъ снималъ между-тѣмъ бухту *Соймонова*. Туркменцы привезли намъ трехъ тощихъ барановъ. Въ-продолженіе дня казаки налили водою 22 бочки. Всѣ мы оставили берегъ и прибыли на шкоуть въ 7 часовъ вечера.

4 сентября. Рано утромъ снялись съ якоря, прошли мысъ *Ташъ-Отакъ*, потомъ вдоль берега мимо *Куба-Сенгиръ*, и вошли въ *Балханскій-Заливъ*. День былъ ясный, но прохладный; версть за 7 передъ о. *Дагъ-Ади*, вѣтеръ зашелъ намъ въ лицо, глубина уменьшилась и мы стали на якорь въ 6½ верстахъ отъ *Дагъ-Ади* и верстахъ въ 3 отъ *Дарджи*, на 10 футахъ глубины. Муригинъ ѣздилъ промѣрять глубину, и въ 9 часовъ вечера воротился. Глубина внутри залива — 1½ са-

жени и мѣтѣ; грунтъ — твердый илъ. Якорная стоянка здѣсь спокойна. Когда мы шли еще по 2 саженимъ, дно было видно весьма ясно. Шкоутъ сталъ неподвижно. Ночью пошелъ порядочный дождь, и къ намъ въ каюту стало протекать, оттого-что въ-продолженіе двухъмѣсячныхъ жаровъ палуба высохла и потрескалась. Погода настала осенняя. Сильный сѣверный вѣтеръ дулъ болѣе 36 часовъ, но въ заливѣ волненіе было почти незамѣтно.

5 сентября. Въ 8½ часовъ утра снялись съ якоря, чтобы приблизиться къ *Дарджи*, и остановились около 3 верстѣ отъ него. Сѣверный вѣтеръ продолжалъ дуть весьма сильно. Температура въ 9 часовъ утра была $+14\frac{1}{2}^{\circ}$. Казаки поѣхали на о. *Дак-Ада* охотничать, но воротились вечеромъ безъ успѣха.

6 сентября. Погода опять стала прекрасна. Герасимовъ пріѣхалъ къ намъ съ *Дарджи* съ Хадырь-Мамедомъ; судя его стояли въ заливѣ и ждали только попутнаго вѣтра, чтобъ продолжать путь въ Астрахань. Часть казаковъ была отправлена на берегъ съ палатками, водою и сухарями для поѣздки нашей въ Балханскія-Горы.

7 сентября. Поутру посѣтилъ насъ Хадырь-Мамедъ и сообщилъ, что со-стороны отца его все приготовлено для нашей поѣздки. Съ нашей стороны были сдѣланы слѣдующія распоряженія: Карелинъ нанялъ у Кіата 5 лошадей для насъ и 24 верблюда для подъема тяжестей. Отрядъ состоялъ изъ всѣхъ чиновниковъ Экспедиціи (за исключеніемъ штурмана Васильева), 32 козаковъ, переводчика и живописца, всего изъ 45 человекъ русскихъ. Каждый казакъ имѣлъ при себѣ 30 боевыхъ патроновъ; сверхъ-того, взяты были 2 фалконета съ 60 зарядами. Сухарями и водкой запаслись на 10 дней. Воды, въ боченкахъ и турсукахъ взяли мы на 4 дня, потому-что имѣли надежду найти прѣсную воду въ Балханскихъ-Горахъ. Часть отряда должна была идти сухимъ путемъ чрезъ *Дарджи* до переправы на *Актами* (древнемъ Оксусѣ); другая-же часть, съ вольнымъ штурманомъ Муригинымъ, должна была отправиться водою въ двухъ киржихахъ и одномъ кулабѣ. Муригинъ получилъ предписаніе промѣрять глубину залива, и оставивъ киржимы тамъ, гдѣ мелководіе будетъ препятствовать дальнѣйшему на нихъ слѣдованію, достигнуть Актама

въ одномъ куласѣ, чтобы тѣмъ доставить намъ возможность переправиться чрезъ него.

Въ-полдень оставили мы судно, и поѣхали въ двухъ лодкахъ на берегъ Дарджи; тутъ началась суматоха: Туркменцы съ своими верблюдами суетились такъ, что Карелинъ бился два часа, чтобы привести въ порядокъ число хозяевъ назначенныхъ для насъ верблюдовъ, и заставить ихъ нагрузить послѣднихъ надлежащимъ образомъ. Наконецъ палатки, сухари, водка и вода были навьючены, и мы пустились въ степь въ 4½ часа пополудни. Насъ провожали: самъ Кіатъ, меньшей сынъ его Хадырь-Мамедъ, Булатъ-Ханъ съ сыномъ и другіе Туркменскіе старшины, всего около 20 человекъ съ 18 верблюдами, такъ-что караванъ нашъ состоялъ изъ 43 верблюдовъ. Хотя Туркменцы предупреждали насъ, будто-бы опасно проходить черезъ степь въ Балханскія-Горы, однакожъ мы, зная уже привычку ихъ стращать Русскихъ мнимыми опасностями, были увѣрены, что не встрѣтимъ ни души, какъ оно и оказалось на самомъ дѣлѣ. Направленіе наше было къ В., и мы шли чрезъ песчаную волнистую степь, покрытую разнымъ кустарникомъ, въ томъ числѣ и саксауломъ. Совершивъ 10-верстный переходъ, мы остановились въ 6½ часовъ вечера и расположились ночевать подъ открытымъ небомъ. Верблюдовъ пустили въ степь, а сами, пока не заснули, долго любовались прекрасною ночью и яркимъ свѣтомъ мѣсяца.

8 сентября. Поднялись до-разсвѣта, и продолжали путь нашъ по волнистой степи. Култукъ *Букръ-Садыкъ* остался влѣвѣ. Послѣ 15 верстъ перехода остановились въ 9½ часовъ; жаръ сдѣлался чувствителенъ: въ-полдень термометръ показывалъ +25° въ тѣни. Вода въ турсукахъ была совсѣмъ холодна, тогда-какъ въ боченкахъ значительно нагрѣлась. Въ часъ пополудни опять пустились въ дорогу черезъ степь, частью по солонцамъ, частью по буграмъ и потомъ чрезъ огромное высохшее озеро. Сдѣлавши такимъ образомъ еще 15 верстъ, мы поравнялись съ нашими киржимами и остановились на возвышеніи. Было 6 часовъ вечера; давши два-съ-половиною часа отдыха верблюдамъ, пустились далѣе. Ночь опять была очаровательная. Послѣ 10 верстъ перехода, остановились ночевать подъ открытымъ небомъ въ 11 часовъ вечера. Дулъ свѣжій восточный вѣтеръ, препятствовавшій нашимъ киржимамъ продолжать путь

къ устьямъ Актама, ибо выгнать воду изъ залива. Ночью мы ясно слышали крикъ красныхъ гусей на Актамѣ.

9 сентября. Поднялись въ 6 часовъ утра и продолжали путь чрезъ высохшія соленія озера и потомъ чрезъ песчаные весьма высокіе бугры. Актамъ остался у насъ влѣвъ. Совершивши 12 верстъ по этой трудной дорогѣ и при утомительной жарѣ, мы наконецъ въ 10 часовъ утра достигли переправы на Актамѣ. Н. Н. Муравьевъ, бывшій здѣсь въ 1821 году, означилъ двумя кольями ширину рѣки, и колья эти существуютъ еще до-сихъ-поръ. Ширина Актама при нашемъ посѣщеніи была 32 сажени. Я вымѣрилъ ширину стараго русла *Оксуса*, слѣды коего весьма ясно видны, и нашелъ ее во 150 сажень. Берегъ стараго русла состоитъ изъ высокихъ, песчаныхъ и частью обрывистыхъ бугровъ, тянущихся параллельно теченію рѣки. На одномъ изъ этихъ бугровъ, съ лѣвой стороны Актама, находятся остатки землянаго укрѣпленія, названнаго Туркменцами *Кулеаръ-Сенюръ*, а недалеко оттуда къ С. З., также на вершинѣ бугра, виднѣтъ памятникъ *Шихъ-Мустафы*, одного изъ ихъ Святыхъ. Въ ожиданіи прибытія Муригина съ куласомъ, мы расположились лагеремъ на берегу Актама, и купались въ волнахъ этой рѣки, вода которой неизвѣрно солона. Въ 2 часа пополудни, Муригинъ пришелъ пѣшкомъ съ своими казаками; онъ долженъ былъ оставить киржимы по-причинѣ мелководья, а куласъ прибылъ часомъ позже, провозжаемый 3 казаками. Тотчасъ приказано было начать переправу. Верблюды и лошади переплыли черезъ Актамъ, равно-какъ Туркменцы и часть нашихъ казаковъ; всѣ же тяжести были перевезены мало-по-малу посредствомъ куласа, который не могъ поднимать много за-разъ. Глубина Актама въ мѣстѣ переправы — 2 сажени; дно вязко. Въ 6 часовъ вечера мы всѣ уже были на правомъ берегу древняго Оксуса, и расположились лагеремъ. Карелинъ купилъ у нашихъ Туркменцевъ 22 барана, оставивъ у нихъ половину изъ этого числа для кормленія. Развели огни, казаки варили себѣ кашу, и звуки русской пѣсни огласили мѣста, гдѣ можетъ-быть стоялъ когда-нибудь съ своими многочисленными ордами могучій Чингисъ. Туркменцы гоняли верблюдовъ своихъ на водопой къ колодцамъ *Молла-Кара-Куюсы*, находящимся въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ выше, на правомъ берегу; вода въ нихъ солона.

Версть 7 еще выше находится колодець *Кара Актамы*, въ которомъ вода менше солона, такъ-что въ случаѣ нужды можно ее пить. Ночь опять была прекрасна; живописный лагерь нашъ, расположенный на берегу древняго Оксуса, въ-виду Балханскихъ-Горъ, и освѣщенный магическимъ блескомъ мѣсяца, представлялъ картину великолѣпную.

10 сентября. Оставили Актамы въ 6 часовъ утра. Первые $1\frac{1}{2}$ версты шли по песчанымъ буграмъ, покрытымъ кустарникомъ, и составляющимъ правый берегъ этой рѣки. Направление наше было къ В. Потомъ вышли на огромную равнину, покрытую рѣдкимъ кустарникомъ изъ саксаула, которая незамѣтно отлогостью поднимается до самой подошвы горъ. Восточная часть ея покрыта камнями, число и объемъ которыхъ увеличиваются по-мѣрѣ приближенія къ горамъ; равнина эта изборождена многими сухими руслами, остатками потоковъ, образуемыхъ дождевою водою. Сдѣлавъ 12 версть по этой равнинѣ, вошли въ широкое каменистое ущелье, также изборожденное сухими руслами дождевыхъ потоковъ; пройдя имъ 5 версть поворотили вдругъ направо къ Ю. В., и по покатосямъ горъ вступили въ широкую долину (2 версты), на правой сторонѣ коей нашли, наконецъ, между камышемъ, родникъ *Адыхляръ-Чешмесы* съ отличною холодною водою, которою и утолили жажду нашу, возбужденную 20 верстами пути по утомительной жарѣ. Здѣсь мы налили свѣжю водою наши боченки и турсуки, и обѣдали; опредѣлили потомъ широту этого мѣста, и отдыхали до 3 часовъ пополудни. Послѣ, продолжали путь нашъ опять къ Ю. В., вверхъ по вышеупомянутой долинѣ, которая полымается отлогостью, и послѣ 5 версть перехода остановились, въ 5 часовъ, при родникѣ *Меуламы-Кель-Чешмесы*, съ хорошею холодною водою, и также окруженномъ камышами. Мы находились здѣсь близъ подошвы, откуда собственно начинаются горы; сдѣлавъ прогулку въ нѣсколько версть по ближайшимъ окрестностямъ, вмѣстѣ съ Фелькнеромъ, мы нашли въ ущельяхъ можжевельовыя деревья, черешневый и смоковичный кустарникъ и рога горнаго козла (тура), обитателя самыхъ высокихъ скалистыхъ вершинъ горы. Ночь провели при помянутомъ родникѣ *Меуламы-Кель*, и сдѣлали всѣ приготовленія для дальнѣйшаго пути; ибо отъ этого мѣста начинались трудности подъема.

11 сентября. Оставивъ всѣ тяжести и верблюдовъ при родникѣ, подъ прикрытіемъ 8 казаковъ, Кіата и другихъ Туркменцевъ, мы въ 6½ часовъ утра пустились въ горы на-легкѣ; сухарей и водки взято было нами на 3 дня. Намъ провожали: туркменецъ Суюнъ, часто охотившійся въ здѣшнихъ горахъ, Хадырь-Мамедъ и сынъ Булатъ-Хана; лошади съ тяжестями должны были слѣдовать за нами еще около 5 или 6 верстъ; итти далѣе и для нихъ было невозможно, по трудности дорогъ. Мы поднимались по ущельямъ, частью по рытвинамъ бывшихъ потоковъ и по крутымъ скаламъ до родника *Тагава-Чошмесы*, окруженнаго можжевеловыми деревьями и смоковичными и черешневыми кустарниками. Здѣсь мы въ послѣдній разъ запаслись водою, и въ 8 часовъ утра достигли, послѣ нѣсколькихъ крутыхъ подъемовъ, подошвы ядра Балхановъ. Отсюда отослали мы лошадей въ лагерь при *Меуламы-Кель*, отдохнули съ-часть, и въ 9 часовъ начали подыматься по узкому ущелью, называсому Туркменцами *Эшек-Юль* (ослиная дорога). Ущелье это имѣло болѣе 50° паденія; грунтъ состоялъ не изъ скалъ и не изъ земли, а изъ сыпучихъ, мелкихъ и острыхъ известковыхъ камней подобныхъ щебню, которымъ покрываются дороги *à la Mac-Adam*. Нога никакимъ образомъ не можетъ ступить на него твердо, и мы нѣсколько часовъ бились изо всѣхъ силъ, чтобы преодолѣть эти трудности; каждый изъ насъ падалъ не-разъ, и я имѣлъ несчастье изломать, при одномъ изъ такихъ случаевъ, бывшій съ нами барометръ. Въ-полдень мы достигли незначительнаго родника *Эшек-Юль-Чошмесы*, какъ-бы спрятаннаго подъ сводомъ огромной известковой скалы; воды въ немъ мало, но она весьма холодна. Медикъ нашъ нашелъ температуру его въ 6° Реомюра. Родникъ этотъ находится въ узкомъ ущельи и окруженъ высокими, отвѣсными и почти голыми скалами; лишь нѣсколько можжевеловыхъ деревьевъ, да барбарисовый кустарникъ разбросаны въ трещинахъ скалъ. Мы отдыхали здѣсь часа два, и потомъ подымались выше по узкой долинкѣ, окруженной высокими горами. Очень устали; и какъ невозможно было достигнуть въ тотъ же день вершины горъ, то рѣшили ночевать тутъ. Нѣкоторые изъ нашихъ казаковъ пошли охотничать, и всѣ запаслись множествомъ чубуковъ изъ черешневаго дерева, которое растеть здѣсь въ довольно-большомъ количе-

ствѣ. Пока Фелькнеръ осматривалъ горы и ихъ составъ, другіе занимались собираніемъ предметовъ по-части естественной исторіи. Къ-вечеру мы зажгли въ нашей долиніѣ траву и сухія можжевельныя деревья, въ-слѣдствіе чего имѣли великолѣпную иллюминацію въ-продолженіе цѣлой ночи, которая была отчасти холодна: термометръ показывалъ на-разсвѣтъ + 3°; мы провели ее на голомъ камнѣ, покрытомъ, вмѣсто постели, нѣсколькими вѣтвями можжевельника.

12 сентября. Съ восхожденіемъ солнца отправились далѣе, и послѣ двухъ часовъ труднаго подъема по ущельямъ и крутымъ скаламъ, достигли въ 8 часовъ утра вершины *Диремъ-Дага*, высочайшей точки Балханскихъ-Горъ. На половинѣ дороги, въ глубокомъ ущельи мы нашли незначительный родникъ, который назвали *Суюкъ-Чешмесы*, по имени нашего проводника. Съ вершины Диремъ-Дага наслаждались прекраснымъ видомъ на все пространство, находившееся подъ нашими ногами, но горизонтъ былъ покрытъ мглою. Карелинъ, я, Муригинъ и топографъ, сняли все это пространство, и посредствомъ бусоли произвели пересѣченіе всѣхъ главныхъ пунктовъ горъ съ Актамомъ, Балханскимъ-Заливомъ, полуостровомъ Дарджи и проч., а Муригинъ, сверхъ-того, повѣрилъ и повторилъ послѣ эту работу посредствомъ окружнаго инструмента. Мы опредѣлили также широту вершины Диремъ-Дага. Занятія эти продержали насъ до 3 часовъ пополудни; по окончаніи ихъ, казаки наши воздвигли на этой вершинѣ столбъ изъ камней, въ сажень вышиною, какъ памятникъ пребыванія Русскихъ на вершинѣ горъ, которыхъ никогда не касалась нога Европейца. Фелькнеръ окончилъ между-тѣмъ обзоръ горъ въ геогностическомъ и минералогическомъ отношеніяхъ, и въ 5 часовъ мы спустились уже по ущелью *Эшекъ-Юль*. Карелинъ остался ночевать на половинѣ дороги къ лагерю при *Меуламъ-Кель*, а я съ другими чиновниками продолжалъ путь до лагеря; мы потеряли въ-потьмахъ настоящую дорогу, шатались часа два по ущельямъ и по узкимъ рѣтвинамъ цроотоковъ, и только въ 9 часовъ вечера достигли наконецъ до *Меуламъ-Кель-Чешмесы*, уставши и съ разорванною обувью, или даже босикомъ, отъ каменистыхъ скалъ и дорогъ, по которымъ въ-продолженіе четырехъ сутокъ безпрестанно лазили. Я дѣлалъ

многократные походы въ нѣдрахъ Кавказскихъ-Горъ, посѣщавъ Талышинскія, былъ въ Мазандеранскихъ, но поѣздка въ горы Балханскія далеко превосходила испытанныя мною прежде трудности. Плодомъ этой поѣздки были коллекціи разныхъ предметовъ по-части естественной исторіи, и между прочимъ растѣніе дающее извѣстную смолу *Gummi gall anım*; растѣніе это, по словамъ Карелина, встрѣчаемо было досихъ-поръ только въ жаркихъ странахъ; нашли также много роговъ тура и аркара, скитающихся въ этихъ горахъ, гдѣ, по словамъ Туркменцевъ, водятся также и барсы.

13 сентября. Долина, въ которой мы находились, имѣетъ направленіе отъ Ю. В. къ С. З. Въ 8 часовъ утра прибылъ къ намъ Карелинъ, въ 10½ часовъ мы оставили родникъ Меуламъ-Кель, а въ 11½ часовъ были уже у родника *Ядихларъ*. Здѣсь остановились съ-часъ, чтобы налить боченки и турски свѣжею водою, а въ 12½ часовъ опять пустились въ путь по широкой долинѣ, въ направленіи къ Ю. З. сопровождающей отрасль горъ *Шахъ-Кумъ*, которая была у насъ влѣвъ. Офицеры Н. Н. Муравьева посѣщали ихъ въ 1821 году и нашли тамъ колодець *Беуръ-Куй-Гассанъ-Кумъ*. Сдѣлавши этою долиною 5 верстъ, мы опять вышли въ помянутую выше обширную долину, покрытую рѣдкимъ кустарникомъ и камнями. На половинѣ дороги сдѣлали привалъ, въ-продолженіе котораго я и Муригинъ опредѣлили высоту горъ тригонометрически, взявши базисъ въ 250 сажень длиною. Въ 4 часа пополудни продолжали путь и прибыли въ 5½ часовъ къ правому берегу Актама. На противоположномъ берегу замѣтили мы 50 или 60 верблюдовъ: они принадлежали къ каравану, шедшему изъ Дарджи въ Хиву для покупки хлѣба. Пока топографъ нашъ снималъ переправу и окрестности, а Муригинъ производилъ пересѣченія съ главными вершинами горъ, посредствомъ бусоли, мы вытащили нашъ кулакъ изъ камыша, куда онъ былъ спрятанъ, и начали переправляться. Въ 7½ часовъ вечера, мы и всѣ тяжести находились уже на лѣвомъ берегу Актама; верблюды и лошади переплыли рѣку ночью. Тутъ являлся къ намъ сынъ какого-то *Хаджу-Нефеса*, и показывалъ бумагу данную отцу его графомъ Войновичемъ въ 1781 году, и свидѣтельствовавшую потомъ полковникомъ Муравьевымъ въ 1821 году.

14 сентября. Топографъ нашъ продолжалъ съемку Актама, а я и Муригинъ опредѣляли астрономически широту рѣки и нашли ее $35^{\circ} 1' 14''$. Отъ западныхъ вѣтровъ вода въ ней прибыла, и колья полковника Муравьева были покрыты водою. Послѣ того, мы еще разъ опредѣлили тригонометрически высоту Балханскихъ-Горъ. Въ $6\frac{1}{2}$ часовъ утра температура воды въ Актамѣ была 12° Р. Въ 9 часовъ оставили мы мѣсто переправы и пустились внизъ по лѣвому берегу Актама. Топографъ въ кулакъ ѣхалъ внизъ по немъ для съемки береговъ. Пройдя 3 версты по лѣвому берегу, весь караванъ взялъ влѣво, въ степь; послѣ 5 верстъ перехода сдѣлали привалъ; жара была утомительна; термометръ показывалъ въ полдень $+ 26^{\circ}$ въ тѣни. Въ $2\frac{1}{2}$ часа пополудни поднялись опять, и въ 5 часовъ вечера прибыли къ бугру напротивъ мѣста, гдѣ остались за мелководьемъ наши киржимы. Здѣсь я взялъ 11 казаковъ и двухъ хозяевъ киржимовъ, и продолжалъ путь водою, съ цѣлю повѣрить съемку Н. Н. Муравьева. Заливъ имѣлъ тутъ только $1\frac{1}{2}$ и 2 фута глубины, и дно было вязко. Остановившись въ 10 часовъ вечера на нѣсколько времени, чтобы сварить кашу, мы продолжали потомъ путь нашъ цѣлую ночь, при свѣтѣ мѣсяца. Приходилось отталкиваться, потому-что недостатокъ глубины не позволялъ грести, а противный вѣтеръ препятствовалъ поднять паруса.

15 сентября. Продолжали нашъ водяной путь; морская вода была немовѣрно-прозрачна, такъ-что можно было видѣть на днѣ рѣки самые мелкіе предметы. Бились цѣлый день: противный вѣтеръ отбросилъ насъ къ сѣверному берегу, и только вечеромъ достигли мы о. Дагъ-Ада. Сигналы на Дарджи уведомили насъ о прибытіи туда остальной части отряда. Шкоутъ нашъ, стоявшій при западной оконечности Дагъ-Ада, отвѣчалъ пушечнымъ выстрѣломъ и немедленно снялся съ якоря, чтобы подойти ближе къ Дарджи; а мы, не зная этого, искали его послѣ въ темнотѣ, и только въ $10\frac{1}{2}$ часовъ вечера причалили къ борту. Въ-продолженіе нашего отсутствія, шкоутъ былъ накрененъ и всѣ тяжести изъ него выгружены и перевезены на Дагъ-Ада, близъ котораго стоялъ онъ на якорѣ; судно ночинили: оказалось, что течь находилась въ кормѣ въ трехъ

разныхъ мѣстахъ; потомъ всѣ назы были вновь выкононачены, а снасти отчасти перемѣнены.

16 сентября. Карелинъ прибылъ на судно съ остальнымъ отрядомъ въ 10 часовъ утра, вмѣстѣ съ Хадырь-Мамедомъ, а разъѣздное судно наше «Василій» было усмотрѣно еще съ разсвѣтомъ; оно бросило якорь возлѣ насъ около полудня, возвратившись изъ Баку, куда было послано въ августѣ мѣсяцѣ. Во время шторма отъ С., 21 и 22 числа того же мѣсяца, оно было занесено къ Мазандеранскимъ берегамъ, потеряло лодку и при сильныхъ тамошнихъ бурунахъ едва удержалось на якорѣ. Оно привезло намъ бумаги изъ С. Петербурга, Тифлиса и Астрахани; сверхъ-того—вина и съѣстные и другіе припасы, въ которыхъ мы сильно нуждались.

Въ 3 часа пополудни, я и Фелькнеръ отправились на баркасѣ на о. Дагъ-Ада, который былъ снятъ уже нашимъ топографомъ. Здѣсь меня чуть не укусила змѣя самой ядовитой породы; казаки поймали ее живую и привезли къ нашему медику. Она принадлежала къ роду аспидовъ. Въ 8 часовъ вечера воротились на шкютъ.

17 сентября. Занимались укрѣпленіемъ винтовъ и другими судовыми работами. Вечеромъ снялись съ якоря и пошли къ *Бажуи*, но противный вѣтеръ принудилъ насъ опять стать на якорѣ въ 9 часовъ, пройдя *Куба-Сенгиръ*.

18 сентября. Ночью опять снялись съ якоря и приблизились къ *Бажуи* на десять верстъ, но далѣе не могли идти по-причинѣ сильного N. W. Утромъ послали лодки къ колодцамъ, для наливанія бочекъ.

19 сентября. Сильный вѣтеръ отъ С. З. не прекращался; Топографъ былъ посланъ для снятія бухтъ Соимонова и Муравьева. Течь въ нашемъ суднѣ почти прекратилась, но застоялая въ трюмѣ вода причиняла сильный гнилой запахъ и принуждала насъ выкачивать ее весьма часто, и наливать въ трюмъ свѣжую. Починка снастей окончилась.

20 сентября. Снялись въ часъ пополудни и пошли опять къ Дарджи, чтобы проститься съ Кіа томъ. Въ 7 часовъ утра стали на якорь, около 7 верстъ отъ *Ами-Тенеси*. Хадырь-Мамедъ посѣтилъ насъ съ семью старшинами; ихъ угощали, и старшины получили каждый по котлу. Въ 3 часа пополудни мы проводили ихъ въ двухъ лодкахъ на берегъ; тамъ была

приготовлена для насъ кибитка. Кіатъ угостилъ насъ и познакомилъ съ своею женою; цѣлый вечеръ занимались мы разспросами и получили отъ старика разныя свѣдѣнія относительно Актама, Балхановъ, Хивы и Туркменскаго Народа вообще. Онъ позволилъ своему сыну Хадырь-Мамеду проводить насъ до Карабугазскаго-Залива. Мы расплатились за верблюдовъ и лошадей, и давши Кіату значительный подарокъ, простились съ этимъ добрымъ старикомъ, который такъ расположенъ къ Русскимъ (онъ же въ 1819 году провожалъ въ Хиву Н. Н. Муравьева), и прибыли на судно въ 10½ часовъ утра, вмѣстѣ съ Хадыремъ. Тотчасъ послѣ того снялись съ якоря, чтобъ выйти изъ Балханскаго-Залива, но крутой западный вѣтеръ бросилъ насъ въ бухту между *Челекенью* и косою *Колтаи*.

21 — 22 сентября. Тянулись въ-продолженіе двухъ этихъ дней, чтобъ выйти изъ помянутой бухты.

23 сентября. Поутру вышли наконецъ изъ залива, но по причинѣ сѣверо-западнаго вѣтра бросили якорь въ 10 часовъ утра. Между-тѣмъ, чтобъ быть готовымъ выдержать осенніе штормы, спустили въ трюмъ единорогъ и одну изъ нашихъ пушекъ, и подняли потомъ на палубу баркасъ и лодки. Время ненастной погоды приближалось.

24 сентября. Снялись съ якоря въ часъ пополудни и направили путь къ С. З. День былъ прекрасенъ; въ полдень шлилевали; потомъ вѣтеръ отошелъ къ С. З.; мы приблизились къ берегу и стали на якорь на 8 саженьхъ глубины противъ мыса *Дарта* и колодца *Чай-Бурукъ*. Муригинъ отправился на берегъ промѣрять глубины; Хадырь-Мамедъ провожалъ его; воротились они вечеромъ съ 4 баранами и туркменцемъ Хаджи-Ари, бывшимъ нѣсколько разъ въ Карабугазскомъ-Заливѣ; онъ далъ намъ свѣдѣнія объ этомъ заливѣ и провожалъ насъ туда.

25 сентября. Стояли на якорѣ за противнымъ вѣтромъ. Нѣсколько Туркменцевъ съ берега посѣтили насъ и предлагали намъ лисьи шкуры; но ихъ не приняли.

26 сентября. Опять пріѣзжали Туркменцы съ берега и продали намъ бѣлугу, только-что ими пойманную. Между-тѣмъ снялись съ якоря при весьма-слабомъ юго-западномъ вѣтрѣ, но мало подвинулись впередъ; погода была прекрасна; въ пол-

день термометръ показывалъ $+ 18^{\circ}$ въ тѣни. Прошли мысь *Анъ-Семуръ*. Въ $4\frac{1}{2}$ часа пополудни вѣтеръ отошелъ къ З., прибывая къ берегу, и мы принуждены были бросить якорь на каменномъ и не очень-надежномъ грунтѣ. Потомъ въ-продолженіи цѣлой ночи дулъ сильный сѣверный вѣтеръ. Въ полночь насъ дрейфовало; страшный кликъ часоваго «*тащитъ*» пробудилъ насъ, и мы вытравили около 40 сажень канату; боковая качка была очень сильна.

27 сентября. Сѣверный вѣтеръ и качка не уменьшались; къ вечеру вѣтеръ утихъ, но качка продолжалась и не было возможности заняться чѣмъ-нибудь.

28 сентября. Въ 3 часа пополудни подулъ свѣжій вѣтеръ отъ Ю. В. Мы снялись съ якоря и продолжали путь къ С. С. В. Къ-утру вѣтеръ посвѣжѣлъ еще, и мы дѣлали по $4\frac{3}{4}$ и по 5 узловъ въ часъ. Прошли *Кызылджа-Куй*. Въ-продолженіе якорной стоянки каменный грунтъ моря повредилъ нашъ канатъ. Широта мѣста въ-полдень была $40^{\circ} 45' 47''$. Въ $4\frac{1}{2}$ часа пополудни, прибыли наконецъ къ *Кара-Бугазу*, стали на якорь на 8 саженьхъ глубины и немедленно послали баркасъ съ Муригинымъ въ проходъ, для измѣренія глубины. Хадыръ-Мамедъ и Хаджи-Ари провожали его. Съ вершины мачтъ заливъ показался намъ огроменъ. Въ $3\frac{1}{2}$ часа пополудни Муригинъ воротился; онъ нашелъ проходъ и прошелъ имъ, но сильное теченіе въ заливъ съ моря долго препятствовало ему выйти обратно.

29 сентября. Запасшись на 5 дней сухарями, водою и водкою, въ 10 часовъ утра отправились мы въ двухъ лодкахъ съ 28 казаками, для обследованія этого залива, въ которомъ Русскіе никогда еще не бывали. Не доходя до прохода, мы выходили на полчаса на берегъ, для осмотра мѣстности. Берегъ низокъ и состоитъ изъ песчаныхъ бугровъ покрытыхъ кустарниками гребенчика. За ними простирается обширная степь. Потомъ опять продолжали путь водою въ направленіи къ Ю. В., и въ-полдень вошли въ проливъ. Длина его— $1\frac{1}{2}$ версты, ширина—отъ 112 до 150 сажень, глубина посерединѣ — 3 сажени, а направленіе — отъ Ю. къ С. Берега его весьма низкіе, почти безъ всякихъ кустарниковъ: безъ-сомнѣнія тутъ было прежде морское дно. На этомъ берегу мы нашли одного верблюда, на которомъ и послали Хаджи-Ари отыскивать бара-

новъ и владѣльцевъ ихъ Турмэнцевъ, кочевавшихъ, по словамъ его, вблизи отъ залива; но онъ какъ скрылся изъ глазъ, такъ болѣе и не показывался: вѣроятно воротился къ своимъ кибиткамъ въ *Чай-Бурумъ*.

Небо было ясно, безъ облаковъ, день прекрасенъ, и мы радовались, что совершимъ поѣздку нашу безъ препятствій. Въ 2½ часа пополудни продолжали путь внутрь залива, въ направленіи къ С. В., а въ 3½ часа остановились, выходили на берегъ и рѣшили ночевать тутъ. Казаки отправились на охоту и привезли намъ множество утокъ и разнаго рода куликовъ и красныхъ гусей. Мы осматривали окрестности и удивлялись, что въ такое время цвѣлъ еще *Tamarix Pallasii*. Но вообще природа здѣсь мертва и мѣсто это не заслуживаетъ никакого вниманія. Спали подъ открытымъ небомъ.

30 сентября. Съ восхожденіемъ солнца продолжали путь; заливъ былъ тихъ и мы ясно замѣтили теченіе въ него изъ моря. Погода стояла славная; дулъ тихій восточный вѣтеръ; по наблюденіямъ нашимъ, скорость теченія была 3 версты въ часъ. Вначалѣ заливъ мелокъ и не имѣетъ болѣе 3½ и 5 футовъ глубины; далѣе онъ расширяется, такъ-что его можно назвать большимъ озеромъ. Въ 8 часовъ утра мы раздѣлились: Карелинъ долженъ былъ обследовать восточный берегъ, а я — западный; мы условились соединиться 1 октября, при выходѣ изъ залива. Съ 12 казаками, Хадыръ-Мамедомъ и топографомъ взялъ я направленіе къ С. Вѣтеръ былъ попутный и мы дѣлали отъ 8 до 10 верстъ въ часъ. Я ѣхалъ вдоль берега для снятія и описанія онаго; въ 10 часовъ увидѣли киржимъ вытѣщенный на берегъ, и недалеко отъ него трехъ туркменцевъ верхомъ, охотившихся въ степи; они замѣтили насъ, но боялись приблизиться. Хадыръ-Мамедъ, вступивъ съ ними въ переговоры, узналъ что они принадлежатъ къ роду *Дервишъ*, который состоитъ изъ 40 — 50 кибитокъ, и увѣдомившись о прибытіи Русскаго судна, бѣжалъ далеко въ степь. Они обѣщали пригнать къ намъ барановъ и удалились. Продолжая путь далѣе къ С., я не замѣтилъ, какъ теченіе способствовало быстрому ходу моей лодки, и сдѣлалъ такимъ образомъ, до 3 часовъ пополудни, около 60 верстъ. Между-тѣмъ восточный вѣтеръ свѣжалъ мало-по-малу, волненіе въ заливѣ было какъ въ открытомъ морѣ, и я рѣшилъ

ся воротиться, тѣмъ-болѣе что вышеупомянутые туркменцы увѣрили меня, что заливъ простирается къ С. на три, а къ В. на четыре дня верховой ѣзды. Вѣтеръ крѣпчалъ, волненіе было ужасно, лодку нашу безпрестанно заплескивало, и наконецъ крутой вѣтеръ бросилъ ее въ буруны возлѣ берега. Мы всѣми силами выгребали опять въ заливъ и продолжали путь до 10 часовъ вечера. Море было покрыто пѣною и бросило насъ опять къ берегу, а бурунъ чуть не затопилъ лодки; казаки, выбившіеся изъ силъ, бросились въ воду по-шею и съ неимовернымъ трудомъ тащили лодку до берега, гдѣ мы ночевали безъ огня и промокшіе до костей. Вода въ заливѣ такъ солона, что лица наши и все платье были покрыты солью.

1 октября. Восточный вѣтеръ продолжался съ одинаковою силою; бурунъ былъ страшенъ и никакой возможности не было возвратиться и соединиться съ баркасомъ. Я въ-настоящемъ-смыслѣ сидѣлъ у моря и ждалъ погоды. Между-тѣмъ обозрѣлъ окрестности и дошелъ до моря, находящагося съ-версту къ З. отъ Кара-Бугазскаго берега. Въ часъ пополудни пришелъ ко мнѣ урядникъ съ нѣсколькими казаками, посланный Карелинымъ отыскивать меня; онъ находился въ 25 верстахъ къ Ю. отъ меня и былъ принужденъ воротиться еще вчерашняго числа къ выходу изъ залива, по-причинѣ противнаго вѣтра, препятствовавшаго ему обозрѣть восточный берегъ Кара-Бугаза. Онъ письменно просилъ меня подождать до завтра, извѣщая, что до того времени надѣется воротиться на шкоутъ, сняться съ якоря и послать за мною баркасъ съ морской стороны. Я весьма этому обрадовался, ибо восточный вѣтеръ могъ продуть еще цѣлый мѣсяцъ, и мы не имѣли-бы тогда никакой надежды воротиться на шкоутъ. Такимъ образомъ провелъ я въ степи еще ночь; вѣтеръ свирѣпствовалъ съ одинаковою силою и засыпалъ насъ пескомъ; сверхъ-того погода сдѣлалась холодная, и я не могъ закрыть глазъ: сотни мыслей самыхъ-печальныхъ приходили мнѣ въ голову, ибо если-бы не удалось Карелину соединиться со мною, послѣдствія отъ того могли-бы быть гибельны для меня и бывшихъ со мною казаковъ.

2 октября. Рано утромъ я велѣлъ казакамъ перетащить всѣ вещи черезъ степь къ морскому берегу, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія на горизонтѣ парусовъ шкоута, или бар-

каса. Наконецъ, въ первомъ часу мы замѣтили послѣдній. Чтобы не оставить лодки нашей въ рукахъ Туркменцевъ, я велѣлъ сжечь ее, и соединился съ товарищами въ 5 часовъ вечера. Сильный вѣтеръ гналъ насъ вдоль берега; мы дѣлали по 7 узловъ въ часъ и надѣялись прибыть на другой день къ *Кендерлинскому-Заливу*. Въ-продолженіе пребыванія нашего въ *Кара-Бугазскомъ-Заливѣ*, Карелинъ снималъ бусолью одну его часть, а я — другую; сдѣланы были также два наблюденія надъ высотой солнца. Туркменцы пригнали къ намъ 6 барановъ и продали масла; но новыхъ свѣдѣній на-счетъ края мы не могли получить отъ нихъ.

3 октября. Цѣлую ночь продолжали путь съ равною скоростью; но сильный восточный вѣтеръ препятствовалъ намъ войти въ *Кендерлинскій-Заливъ* и отбросилъ далеко къ С. З., такъ-что мы въ-полдень находились уже гораздо-западнѣе *Рахушегнаго-Уела*. Въ-слѣдствіе этого мы рѣшились идти прямо въ *Александръ-Бай*, а между-тѣмъ постояли съ-часъ на якорѣ, и выходили на берегъ, представляющій взору лишь безплодные, каменистые обрывы, да песчаные бугры. Въ пещерахъ около берега нашли кое-какую домашнюю утварь Туркменцевъ, бѣжавшихъ при приближеніи нашего шкоута; воротившись-же въ 4 часа на бортъ, снялись немедленно, и при попутномъ вѣтрѣ, въ 10 часовъ ночью, прибыли въ *Александръ-Бай*, гдѣ стали на якорь при 3 саженахъ глубины; вѣтеръ въ-продолженіе ночи нѣсколько утихъ.

4 октября. Рано поутру была перевезена пушка на «Василія», а въ 10 часовъ, оставивъ шкоутъ, мы пересѣли на это разъѣздное судно и на баркасъ, и отправились впередъ для обозрѣнія *Александръ-Бай* и *Бектемиръ-Ишана*, въ которомъ Русскіе никогда не бывали. Карелинъ шелъ впередъ съ баркасомъ и 15 казаками для измѣренія глубины, а я съ Фелькнеромъ находились на «Василіѣ» и слѣдовали за нимъ. На косѣ, отдѣляющей *Александръ-Бай* отъ *Бектемиръ-Ишана*, была взята высота солнца; «Василій» остался въ первомъ, тогда-какъ Карелинъ съ Муригинымъ обозрѣвали послѣдній. Они воротились въ 8 часовъ на «Василія» и мы ночевали вмѣстѣ, ибо вѣтеръ перемѣнился во время нашей поѣздки и началъ дуть съ З., а потомъ съ С. Шкоутъ «Гавриіла» утромъ еще снялся съ якоря, потомъ пошелъ.

далѣе къ Ю. въ заливъ, и сталъ на 7 саженьхъ глубины, чтобы воспользоваться первымъ вѣтромъ для выхода изъ залива. Ночью шелъ маленькій дождь и вѣтеръ гналъ тучи къ В.

5 октября. «Василій» и баркасъ снялись съ-разсвѣтомъ и въ 7 часовъ утра мы были уже на шкоутѣ. Приготовились было продолжать путь нашъ къ С., но сильный сѣверо-западный вѣтеръ продержалъ насъ цѣлый день на якорѣ; впрочемъ волненіе не было чувствительно. Температура въ 8 часовъ была $+9^{\circ}$. Къ-вечеру вѣтеръ утихъ.

6 октября. Вѣтеръ дулъ съ Ю. къ З. Мы послали «Василія» къ *Песанолу-Уэлу*, для измѣренія глубины, а сами старались между-тѣмъ вытянуться изъ Александръ-Бая; но сильный вѣтеръ не позволялъ намъ подвинуться впередъ болѣе версты. Къ-вечеру вѣтеръ подулъ вдругъ съ С. З. и обратился скоро въ настоящій штормъ; море волновалось, и боковая качка безпокоила насъ всю ночь.

7 октября. Штормъ продолжался съ равною жестокостію. Невозможно было ничѣмъ заняться. Воздухъ былъ весьма холоденъ; температура $+5^{\circ}$; волненіе моря все усиливалось; килевая и боковая качка безпокоили сильно, не взирая на то, что мы находились въ заливѣ, закрытомъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ.

8 октября. Штормъ продолжался, но къ-вечеру утихъ; поутру выпалъ снѣгъ.

9 октября. Въ 1 часу пополуночи мы воспользовались тихимъ сѣвернымъ вѣтромъ, чтобъ вытти изъ Александръ-Бая. Въ 4 часу одинъ изъ нашихъ матросовъ на «Василіѣ», бросая лотъ, упалъ въ море; но былъ спасенъ однимъ изъ своихъ товарищей, а перемѣна платья и стаканъ водки съ перцемъ избавили его отъ горячки. Въ 8 часовъ утра проходили мысъ *Песаный* и перемѣнили курсъ. Свѣжій вѣтеръ дулъ съ Ю. В. Мы взяли направленіе къ С. С. З. и шли по 5 узловъ въ часъ. Погода стояла славная. Въ 4 часа пополудни миновали *Мяловой-Уголъ*. Къ-вечеру вѣтеръ скрѣпчалъ и наконецъ обратился въ жестокій штормъ, продолжавшійся болѣе сутокъ. Въ 11 часовъ вечера шквалъ изорвалъ формарсель; мы сняли всѣ паруса, кромѣ двухъ; огромныя волны такъ и кидались на судно; 5 казаковъ въ-продолженіе цѣлой ночи держали

руль и его тали; боковая качка была самая жестокая; мы боялись, или что волны отшибутъ руль, или что мачты слетятъ долой отъ качки, ибо шкуютъ часто черпалъ воду бортами. Единственнымъ стараніемъ нашимъ было достигнуть до широты мыса *Тюхъ-Карагана*, выше котораго глубина измѣняется вдругъ съ 20 на 8 сажень, и гдѣ волненіе гораздо слабѣе. Къ счастью нашему ночь была свѣтла и мы могли ясно различать предметы, насъ окружавшіе; сверхъ того, штормъ дующій отъ Ю. З. былъ намъ попутенъ. Около полуночи разбѣздное судно наше «Василій», слѣдуя за нами въ нашемъ кильватерѣ, исчезло вдругъ; мы боялись, что оно поглощено волнами, угрожавшими и намъ подобною участью. Въ—продолженіе шторма каютъ—компанія представляла печальный видъ: всѣ вещи катались по полу отъ одного бока судна къ другому; трескъ и скрипъ шпангоутовъ, визгъ вѣтра въ снастяхъ, крики матросовъ, и шумъ волнъ, составляли страшное цѣлое. Я не могъ оставаться въ каютѣ, кой-какъ выбрался на палубу, и крѣпко обнявъ одну изъ мачтъ, любовался, при яркомъ свѣтѣ мѣсяца, страшною и величественною картиною, насъ окружавшею.

10 октября. Въ 4 часа пополудни миновали мысь *Тюхъ-Караганъ* и взяли направленіе къ З. С. З., потому—что не возможно было достигнуть этого мыса по—причинѣ ужаснаго волненія и противнаго вѣтра, благопріятствовавшего теперь возвращенію нашему въ Астрахань. Штормъ продолжался до вечера съ одинаковою силою и потомъ утихъ. Мы миновали *Чистый-Банкъ*, и какъ находились уже не далеко отъ устья Волги, и глубина значительно уменьшилась, то бросили якорь до слѣдующаго дня, чтобы не потерять дороги между вѣхами, означающими фарватеръ. Къ—ночи «Василій» опять соединился съ нами; онъ былъ въ великой бѣдѣ и если избавился гибели, то благодаря только присутствію духа въ находившемся на немъ лодманѣ.

11 октября. Снялись съ якоря рано утромъ и въ 2 часа пополудни миновали Четырехъ—Бугорный Маякъ, около котораго стояло много судовъ, въ ожиданіи попутныхъ вѣтровъ, для отправленія въ Персію и въ Сальянъ. Между ними отличался красотою новыи шкуютъ купца Герасимова «Александръ—Невскій». Наконецъ въ 5½ часовъ вечера мы бро-

сли якорь насупротивъ Астраханскаго Карантина, при устьяхъ Волги.

Такимъ образомъ окончилась благополучно Экспедиція наша и пяти-мѣсячное плаваніе по Каспійскому-Морю, въ-продолженіе коего мы не потеряли ни одного человѣка, и которое совершили съ желаемымъ успѣхомъ.

12 — 29. Выдерживали до 28 числа 14-дневную карантинную обсервацію на нашемъ шкуотѣ. Послѣ этого насъ выпустили, и мы отправились на лодкахъ въ Астрахань, куда и прибыли вечеромъ 29 числа.

30 октября. Въ Астрахани исполнили первый долгъ нашъ принесеніемъ благодарственнаго молебствія Всевышнему за благополучное окончаніе Экспедиціи. Потомъ, по приведеніи въ порядокъ записокъ моихъ, я въ началѣ января 1837 года отправился въ С. Петербургъ, куда и прибылъ 3 февраля, въ Москвѣ уже получивъ извѣстіе о новомъ назначеніи моемъ въ Персію.

ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ И СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ВОСТОЧНАГО БЕРЕГА КАСПІЙСКАГО-МОРЯ ОТЪ АСТРА- БАДСКАГО-ЗАЛИВА ДО МЫСА ТЮКЪ-КАРАГАНА *.

И. Ф. БЛАРАМБЕРГА.

ОБЩИЙ ВЗГЛЯДЪ НА ВОСТОЧНЫЙ БЕРЕГЪ КАСПІЙСКАГО МОРЯ.

Восточный берегъ Каспійскаго-Моря почти совершенно безплоденъ и представляетъ печальный видъ. Природа тамъ мертва, растительность ничтожна, и глазъ путника обнимаетъ только песчаную пустыню или обрывистыя голыя скалы, омываемыя бурунами моря. Единственное населеніе этихъ мѣстъ составляютъ бѣдныя, полунагія, дикія туркменскія поколѣнія; но и тѣ кочуютъ здѣсь въ весьма-маломъ количествѣ, ибо бесплодная и безводная степь вдоль морскаго берега препятствуетъ имъ жить многочисленными аулами.

Отъ мыса *Тюкь-Карагана* до *Александръ-Бал*, берегъ состоитъ по-большей-части изъ обрывистыхъ известковыхъ скалъ, высота которыхъ однако неочень значительна; далѣе скалы сіи превращаются въ отлогіе берега. Отъ *Кара Бугаза* до *Красноводской-Косы*, берегъ низкій, песчаный, изрѣдка прерывается невысокими буграми, покрытыми жидовникомъ. Сѣверная часть *Балханскаго-Залива* состоитъ изъ обрывистыхъ порфировыхъ и известковыхъ скалъ и изъ песчаника;

* Составлено въ 1836 году, въ-слѣдствіе экспедиціи, дневникъ которой помѣщенъ предъ симъ.

дальше къ югу, отъ полуострова *Дарджи* до *Гассанъ-Кулинскаго-Култукъ*, берегъ также весьма низокъ; а отъ сего-последняго до *Астрабадскаго-Залива*, онъ почти вездѣ покрытъ камышемъ, потому-что здѣсь находятся устья рѣкъ *Атрека* и *Гюргени*.

Глубина моря возлѣ берега отъ *Тюкъ-Карагана* до мыса *Тарши* весьма значительна; но якорныя стоянки тамъ ненадежны и даже опасны, по-причинѣ каменнаго грунта и подводныхъ скалъ. Дальше къ югу глубина уменьшается, и отъ бывшаго *Хивинскаго*, до *Астрабадскаго-Залива*, море такъ мелко, что судамъ ближе 7 верстѣ нигдѣ къ берегу приставать не возможно; даже лодки останавливаются за 20, за 30 и за 50 сажень отъ него. Хорошія якорныя стоянки находятся только въ *Астрабадскомъ-Заливѣ*, при восточномъ берегѣ острова *Огурчинскаго*, въ заливахъ *Балханскомъ* и *Кендерминскомъ*, и въ *Александръ-Батъ*.

АСТРАБАДСКІЙ-ЗАЛИВЪ И ПОЛУОСТРОВЪ-ПОТЕМКИНЪ.

Заливъ этотъ, лежащій въ юго-восточной части Каспійскаго-Моря, между $36^{\circ} 45'$ и $36^{\circ} 52'$ с. ш., простирается вдоль части Астрабадской и Мазандеранской провинціи; вся его длина составляетъ 56 верстѣ. Съ востока и юга закрывается онъ матерымъ берегомъ, а съ запада и сѣверо-запада — выходящимъ отъ *Ферабада* полуостровомъ, который выдается весьма далеко на востокъ и оканчивается длинною косою *Гаульшигъ*, посрединѣ коей находится незначительный островъ *Ашуръ*, или *Ашуръ*. Входъ въ заливъ, шириною 3 версты, находится между этою косою и отмелью, отходящею между урочищами *Жара-Сениръ* и *Ханували* къ западу. Фарватеръ здѣсь въ $2\frac{1}{2}$ сажени и болѣе: слѣдовательно профессоръ Эйхвальдъ, посѣтившій страну эту въ 1825 году, ошибается, увѣряя, что глубина фарватера не болѣе 8 футовъ. Не положенію своему, заливъ защищенъ со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ, что дѣлаетъ его удобною, для всякаго рода судовъ, гаванью. Самая большая его ширина — при островѣ *Ашуръ*, гдѣ составляетъ около 14 верстѣ; потомъ она уменьшается; а ближе къ концу, заливъ

имѣеть уже не болѣе 7 верстъ въ ширину. Глубина въ немъ, посрединѣ, слѣдуетъ той же пропорціи, а близости береговъ почти вездѣ тянется отмель, такъ—что гребныя суда близко къ нимъ не подходятъ. Грунтъ, посрединѣ, иловатый, состоящій изъ сѣрой глины, смѣшанной въ иныхъ мѣстахъ съ малыми раковинами, а подлѣ береговъ — почти вездѣ чистый песокъ.

Берегъ, окружающій заливъ съ его восточной стороны, низменъ, болотистъ и покрытъ непроходимымъ камышемъ, между коимъ изрѣдка только попадаются деревья. Простирающійся вдоль этого залива южный матерой берегъ гораздо выше восточнаго; поэтому болотъ находится здѣсь весьма мало, а камышъ растетъ только мѣстами. На разстояніи около 7 или 8 верстъ отъ берега воздымаются вдоль онаго, уступами, высокіе горы *Дезанъ-Кугъ*, идущія параллельно заливу; онѣ принадлежатъ къ цѣпи *Эльбурзъ*, которая, сопровождая южную часть Каспійскаго—Моря вдоль Гилана, Мазандерана и Астрабада, простирается далѣе къ востоку въ Хорасанъ. Самыя высокія изъ этихъ горъ находятся противъ юго-восточной части залива, а къ обѣимъ его оконечностямъ онѣ становятся отложе; вершины ихъ вообще видны только при самой ясной погодѣ; въ другое—же время бываютъ покрыты облаками. Высочайшая точка горы *Гѣздагъ* имѣеть, по нашимъ барометрическимъ и тригонометрическимъ измѣреніямъ, около 1,100 сажень вышины.

Весь берегъ Астрабадскаго—Залива имѣеть очаровательный видъ, а горы еще болѣе украшаютъ его. Почти вездѣ покрытъ онъ густымъ лѣсомъ, который простирается вглубь до вершины горъ. Лѣсъ этотъ состоитъ изъ испанскихъ строевыхъ и корабельныхъ деревьевъ отличной доброты, каковы: дубъ, чинаръ, самшитъ, клѣнъ, желѣзное дерево, азать, букъ и другія; а равно и изъ фруктовыхъ, между коими назовемъ смоквы, граваты, грецкіе орѣхи, шелковицу бѣлую и черную, и проч.; почти около cadaго дерева вьются огромныя виноградныя лозы. Тамъ, гдѣ лѣсъ рѣже, находятся обширныя чистыя поляны, служащія для пастбы скота и изпещренныя разными цвѣтами и благовонными травами, а въ розчиствахъ представляются вездѣ селенія и пространныя поля, засѣянныя сарацинскимъ пшеномъ, пшеницею (которая на но-

винахъ даетъ часто самъ-80); кунжутнымъ сѣменемъ, хлопчатую бумагою и другими произрастѣніями. Берегъ этотъ изобилуетъ также множествомъ дикихъ звѣрей, въ горахъ и лѣсахъ живущихъ, какъ-то: барсами, медвѣдами, чакалами, волками, лисицами, кабанамъ, дикобразами, дикими кошками и пр. Птицы находятся въ огромномъ количествѣ, особливо фазаны (преимущественно на полуостровѣ—Потемкинѣ), двухъ родовъ куропатки, и такъ-называемые «зеленые пѣтушки».

На этомъ же берегу находятся остатки разрушеннаго дворца шаха Аббаса-Великаго, именно въ *Дирефъ*, въ 10 верстахъ къ юго-западу отъ устья *Шагилл*. Дворецъ этотъ славился прежде великолѣпиемъ, и почти всѣ преемники шаха Аббаса проводили здѣсь часть своего времени; онъ состоялъ изъ множества увеселительныхъ замковъ и обширныхъ садовъ, украшенныхъ водопроводами, фонтанами, каскадами и великолѣпными деревьями разнаго рода: лимонными, померанцевыми, кипарисными, смоковичными, коими насажены цѣлыя аллеи. Сады эти разбросаны по горамъ, расположены въ азиатскомъ вкусѣ, и всѣ были обнесены каменною стѣною съ башнями, наподобіе крѣпости. Подробное описаніе этого любопытнаго мѣста можно видѣть въ путешествіяхъ Ганвеля и Гмелина. По смерти Надиръ-Шаха сады эти подверглись разоренію и опустошенію, такъ-что остались только слѣды первобытнаго ихъ состоянія; но и теперь мѣстоположеніе ихъ очаровательно, а съ самаго-высшаго сада, *Сефи-Абада*, открывается великолѣпный видъ на весь Астрабадскій-Заливъ.

Полуостровъ—*Потемкинъ* защищающій Астрабадскій-Заливъ со стороны моря, начинается у матераго берега между *Кара-Тепѣ* и *Ферабадоми* и тянется съ запада къ востоку; вся длина его составляетъ 40 верстъ, а ширина различна; самая большая находится при выходѣ его отъ матераго берега: тутъ она $1\frac{1}{2}$ версты; но чѣмъ-ближе къ концу, тѣмъ полуостровъ становится уже, такъ-что близъ самой крайней оконечности своей онъ не шире 200 сажень. Сначала, въ западной части своей покрытъ онъ лѣсомъ, и грунтъ его таковъ же какъ на матерой землѣ, т. е. глинистый, смѣшанный съ черноземомъ; но далѣе и къ концу, состоитъ онъ изъ наноснаго морскаго песку съ ракушкою, на коемъ изрѣдка только встрѣчаются группы гранатовыхъ деревьевъ. Въ разныхъ мѣстахъ попадаются вы-

рытые Туркменами колодцы съ прѣсною водою. Изъ звѣрей водятся здѣсь: кабаны, шакалки, зайцы и, особенно, выдры; а изъ птицъ находятся тѣ ихъ породы, которыя живутъ въ болотистыхъ мѣстахъ. Сверхъ многихъ болотъ и топкихъ мѣстъ на самомъ полуостровѣ, онъ изнутри залива окруженъ весь отмелями, покрытыми густымъ камышемъ, такъ-что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только гребныя суда могутъ приставать къ нему близко.

При крайней оконечности полуострова находится подводная коса, простирающаяся, въ видѣ полукруга, на $6\frac{1}{2}$ версты къ В. С. В.; за ней слѣдуетъ незначительный островъ *Аширъ*, длиною отъ востока къ западу около версты, шириною 200 сажень, а въ-окружности 3,200 шаговъ. Онъ низокъ и покрытъ по-большей-части камышемъ; но индѣ находятся также гранатовый кустарникъ и виноградныя лозы; грунтъ — песокъ, въ которомъ прѣсная вода кроется на аршинъ глубины отъ поверхности. На южномъ берегу суда могутъ приставать вплоть, ибо почти у самага берега имѣется 2 сажени глубины. Къ востоку отъ острова простирается, также на $6\frac{1}{2}$ версты, подводная коса *Гаумишъ*. Она, подобно первой, покрыта страшными бурунами, которые при сильныхъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтрахъ уничтожали и отмывали мало-по-малу находившіеся тутъ прежде острова *Оретосъ* и *Евгеній*, такъ-что теперь ихъ уже болѣе не существуетъ. На островѣ Аширъ Туркменцы имѣютъ обыкновенное пристанище во-время набѣговъ на Персію, и тутъ же дѣлать добычу. Другая подводная коса, *Чанганъ*, находится на южной сторонѣ полуострова-Потемкина и простирается на 5 версты прямо къ востоку.

Изъ тридцати рѣчекъ, впадающихъ въ Астрабадскій-Заливъ, одна только *Кара-Су* или «Черная-Рѣчка» достойна замѣчанія, потому-что составляетъ естественную границу между землями Персіянъ и Туркменовъ. Другія-же рѣчки суть не что иное какъ горныя потоки, по-большей-части незначительныя; въ лѣтнее время онѣ разливаются по чалтыкамъ, и вода въ нихъ считается тогда нездоровою.

Вотъ наименованія этихъ потоковъ, слѣдуя по заливу отъ востока къ западу: 1) *Кара-Су*; 2) *Казма-Кила*; 3) *Чагылъ* 4) *Багу* (съ хорошею водою; въ эту рѣчку впадаетъ съ лѣ-

вой стороны р. *Замзали*, съ живописными водопадами въ узкихъ ущельяхъ); 5) *Сердакъ*; 6) *Сермелла*; 7) *Веллафра*; 8) *Гездъ*; 9) *Бълобаги*; 10) *Чебекендъ*; 11) *Мерзень*; 12) *Наукендъ*; 13) *Неджаръ-Килл*; 14) *Ливанъ*; 15) *Джеры*, или *Джара-Кулатъ* (граница Мазандерана); 16) *Хештекъ*; 17) *Галиса* (при ней бугоръ *Гирей-Дююнкъ*); 18) *Ширшери-Килл*; 19) *Сурруджу*; 20) *Карри-Келекъ*; 21) *Шакила*; 22) *Мулла-Килл*; 23) *Казма-Килл*; 24) *Кара-Тепъ*; 25) *Байрамъ-Ам-Киллсы*; 26) *Бердиелмиш-Калакъ*; 27) *Чармалъ*; 28) *Кектерханъ*; 29) *Похлуга*; и 30) *Тирисъ-Килл*. За ними слѣдуютъ заливы *Загамерзъ* и *Слю-Дербендъ*, находящіеся уже при полуостровѣ - Потемкинѣ.

Борнсъ, посѣтившій Астрабадскій-Заливъ въ 1833 году, говоритъ, что вода въ немъ прѣсная, присовокупляя, что это происходитъ отъ водъ рр. *Гургени* и *Атрека*, которыя въ него вливаются; онъ весьма ошибся, ибо рѣки эти впадаютъ прямо въ Каспійское-Море, гораздо выше къ сѣверу отъ залива, и вода въ немъ соленая, невзирая на вливающіеся въ него вышеупомянутые 30 потоковъ.

Заливъ изобилуетъ рыбами разнаго рода, особливо весною; въ это время, бѣлуги, осетры и севрюги цѣлыми стадами стремятся къ устьямъ помянутыхъ рѣчекъ, для метанія икры: рыбная ловля тогда весьма значительна; другія-же мелкія породы ловятся во всякое время года; но самая (*шагъ-маги* т. е. «царская рыба») и кутумъ попадаются рѣдко. Кромѣ рыбъ, находятся въ заливѣ раки, какъ рѣчные, такъ и крупныя (крабы), и множество черепахъ.

Рыбная ловля въ заливѣ принадлежитъ Астраханскому купцу 1-й гильдіи, Персіанину Миръ-Абу-Талибъ Миръ-Багирову, который взялъ отъ Персидскаго правительства на откупъ рыбный промыселъ почти вдоль всего южнаго берега Каспійскаго-Моря и получаетъ отъ того огромныя барыши. Для рыболовства употребляетъ онъ нѣсколько шкоутовъ, стросенныхъ въ Астрахани; лоцманы и матросы на нихъ изъ Русскихъ, ибо Персіане вообще имѣютъ большое отвращеніе къ морю.

Область Астрабадская раздѣляется на семь уѣздовъ (*мэхалъ*), а именно:

1. *Энезанъ* съ главнымъ селеніемъ *Наукендъ*.
2. *Седелъ-Рустакъ* — — — — — *Курдъ Мегалъ*.

3. *Астрабадъ* съ городомъ *Астрабадолю*.
4. *Астрабадъ Рустакъ* съ главнымъ селен. *Миръ-Мегаллю*.
5. *Кетуль* — — — *Гену*.
6. *Федеристкъ* — — — *Налителю*.
7. *Френку-Фарзіанъ* . — — — *Френкъ*.

Городъ *Астрабадъ* лежитъ въ 25 верстахъ отъ устья р. *Кара-Су*, на сѣверной пологости горъ *Сандикъ*. Онъ обнесенъ глиняной съ башнями стѣною въ 2 аршина толщины и въ 2 сажени вышины, мѣстами обвалившеюся, съ сухимъ довольно-глубокимъ рвомъ, могущимъ во всякое время быть наполненнымъ водою. На стѣнахъ устроены ружейныя бойницы. Съ южной стороны города есть высота, которая имъ командуетъ. Дворовъ въ немъ считается около 3,000. Жители — Персіане. Астрабадъ есть родина настоящей династіи Шаховъ (каджарской); нынѣ онъ незначителенъ какъ по торговлѣ, такъ и по населенію; лучшимъ доказательствомъ тому — что прежде онъ былъ резиденціею одного изъ Шахъ-Заде, (царевичей) а теперь въ немъ живетъ просто Ханъ - Правитель. Несмотря на то, Каспійская торговля наша, производимая теперь вдоль южнаго берега моря, гдѣ нѣтъ ни одной порядочной якорной стоянки, рано-или-поздно должна сосредоточиться въ Астрабадскомъ-Заливѣ, отъ котораго, какъ выше сказано, городъ отстоитъ только на 25 верстѣ. Онъ лежитъ въ плодотворной области, съ избыткомъ производящей весьма важныя статьи торговли, какъ-то: шелкъ, непряденую бумагу, разныя масла, красильныя и аптекарскіе матеріалы, мебельный и корабельный лѣсъ и проч.; сверхъ-того, онъ находится въ центрѣ, съ одной стороны — обширной Туркменіи и государствъ Средней-Азіи, а съ другой — богатѣйшихъ Персидскихъ провинцій, изъ которыхъ въ Хорасанской отъ главнаго города Мешгеда идутъ надежныя пути въ Гератъ, Кандагаръ и Кабуль.

Главнѣйшія селенія вдоль Астрабадскаго-Залива суть:

Курдъ-Мегаллю — состоитъ изъ пяти деревень, разбросанныхъ въ лѣсу.

- Тузъ-Коинъ*
- Балбулюкъ*
- Волугузъ*
- Андагисаръ*
- Соликанти*

всего около 2,500 дворовъ — по свѣдѣніямъ доставленнымъ А И. Ходзко..

Бабу съ противоположнымъ селеніемъ *Каркенди* — всего 400 дворовъ.

Наукендъ — съ 1,000 дворовъ, разбросанныхъ по лѣсу.

Кара-Тепъ — съ 200 дворовъ; по-большей-части населено Афганами.

Число всѣхъ селеній простирается до 90; находятся онѣ въ 3, 4, 6 и болѣе верстахъ отъ берега, равно по горамъ и въ ущельяхъ.

Народонаселеніе окрестностей залива довольно значительно, и простирается до 50,000 душъ. Поселенцы здѣшніе живутъ въ жестокомъ угнетеніи. Часть деревень пожалована въ пожизненное владѣніе Ханамъ и Бскамъ, а остальная принадлежитъ правительству. И тѣ и другія платятъ тяжкія подати; кромѣ работъ на Беконъ, поселенцы вносятъ имъ съ каждаго дома $\frac{1}{5}$ часть жатвы сарацинскаго пшена, $\frac{1}{10}$ долю пшеницы, $\frac{1}{15}$ часть шелку, отъ 3 до 6 реаловъ деньгами (реаль, или саибкиранъ, равняется 120 к. асс.) и пошлину за каждую рогатую скотину. Сверхъ-того, обязаны они слѣдующими повинностями: 1) на время военныхъ дѣйствій, изъ 20 человекъ взрослыхъ мужчинъ даютъ всадника, котораго должны снарядить на свой счетъ; 2) въ случаѣ движенія военного отряда, иногда умышленно Правителемъ затѣваемаго, собирается съ нихъ продовольствіе (*сурзатъ*); 3) должны угощать и дарить профессающихъ чиновниковъ.

Относительно климата, Астрабадскій-Заливъ имѣетъ большое преимущество предъ другими рейдами или гаванями находящимися на южномъ берегу Каспійскаго-Моря. Во время пребыванія въ немъ Карелинской Экспедиціи съ 2 іюня по 11 іюля, жары были столь умѣренны, что никогда не превышали 20 и 24° Р.; при этомъ никто изъ людей экипажа не заболѣлъ опасно, хотя большая часть ихъ жила на берегу, занимаясь безпрестанно рубкою лѣса, перевозкою бочекъ съ прѣсною водою и другими тяжелыми работами; къ этому, впрочемъ, способствовало много и хорошее содержаніе, ибо команда была безпрерывно довольствована свѣжимъ мясомъ, сарацинскомъ пшеномъ и разными огородными овощами. Осень и зима по-большей-части здѣсь теплы и пріятны, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ на Персидскомъ берегу лежащихъ, въ эти времена года идутъ сильныя дожди, при штормахъ

по нѣскольку недѣль сряду. Наблюденія, сдѣланныя въ заливѣ во время пребыванія здѣсь русской эскадры въ 1781 — 1782 годахъ, подтверждаютъ сказанное. Обыкновенныя болѣзни, какъ горячки и лихорадки, которыя свирѣпствуютъ осенью въ приморскихъ Персидскихъ провинціяхъ, особливо въ Гилянѣ и Мазандеранѣ, не были почти вовсе замѣчены здѣсь; а кровавый поносъ у нѣкоторыхъ солдатъ и матросовъ произошелъ не отъ качества здѣшняго климата, а отъ неумѣреннаго употребленія разнаго рода плодовъ, которые всегда вредны, если ихъ употреблять безъ осторожности, или ѣсть незрѣлыми.

Что касается до вѣтровъ, господствующихъ въ заливѣ, то начиная съ апрѣля почти до ноября дуютъ обыкновенно: днемъ — сѣверные, сѣверо-западные и западные, а ночью — южные; т. е. днемъ — съ моря, а ночью — съ берега; и порядокъ этотъ, соотвѣтственно мѣстоположенію матераго берега, рѣдко измѣняется. Потомъ начинаются непостоянныя вѣтры, между которыми чаще, свирѣпѣе и продолжительнѣе всѣхъ—западный. Собственно на Каспійскомъ-Морѣ въ зимніе мѣсяцы по-большей-части господствуютъ сѣверные и сѣверо-западные штормы; но какъ горы, простирающіяся съ востока на западъ вдоль южнаго берега моря, полагаютъ препоны ихъ стремленію, то вѣтры, по этой причинѣ, переменяютъ направленіе, и дуютъ параллельно къ берегу, обращаются въ западный. Изъ другихъ непостоянныхъ вѣтровъ довольно рѣдко восточный: онъ дуетъ наиболѣе подъ исходъ зимы. Самый-же рѣдкій, это—настоящій южный, или такъ-называемый «теплый» вѣтеръ, который дуетъ черезъ горы; воздухъ становится тогда такъ густъ, что трудно дышать, и повсюду распространяется запахъ гари; къ-счастію, вѣтеръ этотъ рѣдко продолжается болѣе 24 часовъ сряду. Каждый изъ упомянутыхъ вѣтровъ производитъ перемену и въ самой погодѣ. Пока продолжаются періодическіе вѣтры, дни ясны, но собирающіеся на горахъ пары не рѣдко обращаются ночью въ дождь, который, вмѣстѣ съ береговымъ вѣтромъ, прохладяетъ воздухъ въ лѣтнее время. Западные вѣтры, вѣющіе чрезъ все пространство моря, и увлекающіе съ собою большое количество исходящей изъ него влажности, приносятъ, во всѣ почти времена года, мрачную и ненастную погоду; восточные и сѣверо-восточные, напротивъ,

прохода черезъ обширныя Туркменскія Степи — всегда ясную и сухую; а какъ зимою въ помянутыхъ степяхъ выпадаетъ много снѣгу, то воздухъ въ это время бываетъ довольно холоденъ.

Относительно прибыли и убыли воды въ заливѣ, послѣднюю можно замѣтить весьма ясно вдоль берега: гдѣ прежде было дно морское, тамъ теперь сухо, и море отступило по крайней-мѣрѣ на 20 сажень; а жители при рѣчкѣ Галига увѣрили насъ, что двадцать лѣтъ тому назадъ море простиралось тамъ до бугра, отстоящаго теперь болѣе-чѣмъ на 150 сажень отъ нынѣшняго берега.

Сверхъ выгодъ и преимуществъ, коими Астрабадскій-Заливъ одаренъ отъ природы, онъ и относительно торговли заключаетъ въ себѣ всѣвозможныя удобства, особенно по выгодному положенію города Астрабада между Хивою, Бухаріею, Туркестаномъ, Афганистаномъ и собственно Персидскими областями. Главнѣйшіе Персидскіе города отстоятъ отъ него ближе, нежели отъ другихъ южныхъ прибережныхъ мѣстъ. Въ *Тегеранъ* дорога ведетъ черезъ *Наукендъ*, *Эшрефъ* (по дорогѣ устроенной еще Аббасомъ-Великимъ) и ущелье *Тиларъ*, пересѣкающее цѣпь Мазандеранскихъ-Горъ. До Герата путь идетъ черезъ *Кучанъ* или *Кабушанъ* и *Мешедъ*. До *Бухары* караваны идутъ 18 дней, черезъ *Кучанъ* и *Шерекъ*; наконецъ до *Хивы* — 12 дней, черезъ *Туркменскую-Степь*.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что Астрабадскій-Заливъ во всѣхъ отношеніяхъ первая гавань на всемъ Каспійскомъ-Морѣ. По мѣстоположенію своему и естественнымъ выгодамъ онъ болѣе всѣхъ другихъ мѣстъ способенъ къ распространенію Русской торговли, и нѣтъ сомнѣнія, что если со-временемъ Астраханская торговля разовьется и перейдетъ въ руки Русскихъ купцовъ (до-сихъ-поръ она находится въ рукахъ Армянъ и Персіянъ), то Астрабадскій-Заливъ получитъ вполне то важное значеніе, которое опредѣлено ему выгоднымъ его мѣстоположеніемъ.

РѢЧКА КАРА-СУ, ИЛИ ЧЕРНАЯ.

Составляетъ естественную границу между землями Персіянъ и Туркменовъ Юмудскаго колѣна. Источникъ этой рѣчки (которая имѣетъ названіе *Кара-Су* только при устьѣ) находится

въ ущельѣ *Кетуль*, около 60 верстѣ къ В. С. В. отъ Астрабада (а по словамъ А. И. Ходзко, только 36 верстѣ), лежащаго на лѣвомъ ея берегу, въ разстояніи 8 верстѣ отъ него. Идя на востокъ отъ сего города переходять Кара-Су (называемую здѣсь *Адиали*) черезъ мостъ, именуемый *Амгерданъ*, при селеніи *Берестанъ*, въ 28 верстахъ отъ Астрабада. Рѣчка эта протекаетъ черезъ огромныя болота, покрытыя камышемъ. Первый ильмень, *Сіапала*, находится 7 верстѣ ниже Астрабада; отсюда рѣчка продолжаетъ путь свой 3½ версты до ильменя *Аксина*; потомъ течетъ черезъ ильмень *Мурдъ-Аба*, или *Поштоволь*, отстоящій отъ Аксина на 9½ верстѣ; отъ Мурдъ-Аба до моря остается еще 5 верстѣ. Въ лодкѣ можно слѣдовать по ней отъ устья вверхъ по теченію около 4 верстѣ; ширина ея здѣсь отъ 3 до 12, а глубина отъ 1 до 3 сажень; по обѣимъ сторонамъ растетъ огромный камышъ; въ 4 верстахъ отъ устья она дѣлается уже, и невозможно слѣдовать далѣе на лодкахъ, по-причинѣ густаго, непроходимаго камыша. На этомъ пространствѣ рѣчка въ нѣсколькихъ мѣстахъ запружена забойками для рыбной ловли, производящейся здѣсь весною. Въ 1½ верстѣ отъ устья, на лѣвомъ берегу, находится Персидское укрѣпленіе *Сенгиръ*, а на противоположномъ — пристань, гдѣ Туркмены въ зимнее время торгуютъ съ Персіянами. Лѣтомъ-же по обѣимъ берегамъ никто не живетъ. Вода въ Кара-Су прозрачна, но темнаго цвѣта и почитается нездоровою.

Вышеупомянутые ильмени прежде принимаемы были за одно озеро, которое долго считалось заливомъ Каспійскаго-Моря, и на нѣкоторыхъ картахъ изображено въ такомъ видѣ. Конолли говоритъ, что это озеро на три мили не доходитъ до Каспійскаго-Моря и не имѣетъ съ нимъ никакого сообщенія. «Вода»—прибавляетъ онъ — «не имѣя истока, лѣтомъ загниваетъ и заражаетъ воздухъ вредными испареніями, отъ чего много страдаютъ жители Астрабада.» Конолли ошибается, ибо ильмени имѣютъ сообщеніе съ моремъ посредствомъ Кара-Су; а вредныя испаренія происходятъ отъ множества чалтыковъ, находящихся въ окрестностяхъ Астрабада.

Общее направленіе этой рѣчки—отъ сѣверо-востока къ западу*.

* Сообщенныя здѣсь о Кара-Су свѣдѣнія получены мною частью отъ А. И. Ходзко.

РѢКА ГЮРГЕНЬ.

Вытекаетъ двумя рукавами изъ горы *Гюли-Дага* въ Эльбурзѣ, нѣсколько верстѣ сѣвернѣе *Шабазы*, близъ кочевьевъ Гоклановъ колѣна *Кара-Балканъ*. Первый ея рукавъ называется также *Гюли-Дагъ*, а лѣвый и главный рукавъ — *Зау*; на правой сторонѣ его находятся остатки большаго города *Мериша*. Оба рукава соединяются близъ скалы называемой *Каменной*, съ укрѣпленіемъ на ней по имени *Казанъ-Кал*; между ними кочуютъ Гокланы *Эркели*. Въ кочевьяхъ Гоклановъ *Янакъ*, или *Янгакъ*, параллельное разстояніе Гюргени отъ цѣпи Эльбурза будетъ около 90 верстѣ. Пространство, протекаемое рѣкою въ верхней ея части, представляетъ плодородный и очаровательный край: горы сплошь покрыты лѣсомъ до самой ихъ вершины; почти всѣ роды фруктовыхъ деревьевъ растутъ тутъ на-воль, и между ними смоковичныя, гранатныя, грецкій орѣхъ и виноградныя лозы, а близъ кочевьевъ туркменскихъ находится обширная плантація тутовыхъ деревьевъ.

Между протоками Гюргени *Зау* и *Дагъ* кочуютъ Гокланы *Халмадаглы*; а между р. *Догъ-Сауджакъ* и *Караджа Су* — Гокланы *Янакъ* и *Сенерикъ*. Рѣчка *Караджа-Су* составляетъ границу между кочевьями Гоклановъ и Юмудовъ. Побочныя рѣчки Гюргени, окружающія кочевья сихъ-последнихъ, суть: *Кара-Текенъ-Кошъ-Купри*, въ которую впадаетъ *Чагалы*; и въ 15 верстахъ ниже урочища *Салмыкъ*, что при устьѣ Кошъ-Купри — рѣчка *Эдыржа*. Всѣ эти притоки впадаютъ въ Гюргень съ лѣвой стороны; съ правой-же не имѣетъ она ни одного. Въ 8 верстахъ ниже устья Эдыржи, съ лѣвой стороны, и не въ дальнемъ разстояніи отъ берега Гюргени, находятся развалины древняго города *Акъ-Кала*; а еще 7 верстѣ ниже, и близъ праваго берега этой рѣчки — развалины города *Алтынъ-Кала*. Здѣсь Гюргень раздѣляется на два главные рукава свои.

Правый рукавъ, подъ названіемъ *Тулмага-Аби*, впадаетъ, 4 версты ниже Алтынъ-Кала, въ ильмень *Кутукъ-Науръ*, изъ котораго, уже подъ названіемъ *Гюлиши-Тепѣ-Агазы*, течетъ 30 верстѣ далѣе и впадаетъ въ море въ 1½ верстѣ южнѣе *Серебрянаго-Бугра*, раздѣляясь на нѣсколько мелкихъ рука-

вовъ. Полторы версты выше устья, отдѣляется отъ сего рукава другой, именуемый *Байрамъ-Килъ*, который впадаетъ въ море южнѣе и отдѣльно.

Главный, лѣвый, рукавъ течетъ къ юго-западу отъ Алтынъ-Кала 12 верстъ и впадаетъ въ ильмень *Караваль*, имѣющій въ окружности $3\frac{1}{2}$ версты. Изъ этого ильменя вытекаютъ два рукава: сѣверный, или *Большой Ходжа-Нефесъ*, и южный, называемый *Кижикъ-Гюргенъ*. Первый въ 2 верстахъ отъ моря дѣлится опять на два рукава, изъ коихъ правый, или *Малый Ходжа-Нефесъ*, отдѣляетъ отъ себя еще другой, называемый *Бай-Доулетъ-Килъ*. *Кижикъ-Гюргенъ*, по выходѣ изъ ильменя Каравала раздѣляется также на два рукава: лѣвый называется собственно *Гюргенъ*, а правый — *Кара-Кижекъ*. Всѣ эти семь рукавовъ мелки, покрыты камышемъ и несудоходны: только лодки и куласы могутъ входить въ нихъ.

Оба берега Гюргени весьма плодородны; многія каналы, отведенныя изъ этой рѣки (по нижней части ея теченія, ибо верхняя часть имѣетъ крутые и глубокіе берега), орошаютъ поля Юмудовъ и Гоклановъ, засѣянные пшеницею, сарачинскимъ пшеномъ, джоеномъ, арбузами и дынями, огромной величины и отличнаго вкуса. Въ весеннее время множество рыбъ разнаго рода входятъ изъ моря въ устья этой рѣки, для метанія икры.

Отъ Серебрянаго-Бугра вверхъ по правому берегу Гюргени до самой горы *Пейхалибера* (Пророка), простираются, на разстояніи 150 верстъ, остатки стѣнъ, называемыя *Кызилъ-Аллакъ*; во многихъ мѣстахъ видны въ нихъ слѣды башенъ съ отверстіями для выхода, и на всемъ протяженіи ихъ насчитываются развалины семи древнихъ городовъ.

Длина теченія р. Гюргени, отъ источниковъ до моря, простирается на 180 верстъ *.

* Свѣдѣнія о теченіи Гюргени были собраны мною на мѣстѣ, лѣтомъ 1836 года, отъ сыновей Кіата и другихъ Туркменовъ. Тамъ же лѣтомъ 1836 года баронъ Бодэ (бывшій секретарь Россійской миссіи при Тегеранскомъ Дворѣ) находился при шахской арміи въ верхнихъ долинахъ р. Гюргени, и также описывалъ теченіе этой рѣки и Туркменію вообще. Его свѣдѣнія подробнѣе и разсказуютъ съ вышеприведенными; я помѣстилъ ихъ въ моемъ описаніи Персіи. *Лет.* Свѣдѣнія, собранныя барономъ Бодэ, о которыхъ говоритъ здѣсь г. Бларамбергъ, помѣщены уже въ Запискахъ Р. Г. О. ч. II, стр. 203—232.

ГЮМШИХЪ-ТЕНЕ, ИЛИ СЕРЕБРЯНЫЙ-БУГОРЬ.

Бугоръ этотъ лежитъ сѣвернѣе устья *Гюмшихъ-Тенѣ-Асазы* $1\frac{1}{2}$ верстами; онъ незначителенъ: имѣеть только 3 или 4 сажени вышины, и состоитъ изъ развалинъ старыхъ зданій. Море смыло часть бугра, и остатки стѣнъ простираются еще подъ водою вдоль берега до р. *Кара-Су*, на протяженіи около 28 верстъ *.

РѢКА АТРЕКЪ.

Атрекъ, или *Отрекъ*, беретъ начало свое изъ озера *Хависъ*, въ горахъ Хорасанскаго—Курдистана, недалеко отъ *Кучана*, и протекаетъ мимо *Ширвана*, *Буджнурда* и *Гермаба*. Первоначальное направленіе его — къ сѣверо-западу, а потомъ — къ западу. Отрасли Хорасанскихъ горъ провожаютъ Атрекъ съ обѣихъ сторонъ: съ лѣвой—горы *Дурдъ-Лига*, съ правой—*Зане-Дагъ*. Затѣмъ, на протяженіи около 200 верстъ своего теченія принимаетъ онъ съ правой стороны р. *Зулбаръ*, или *Зундъ*, въ которую, около 60 верстъ выше ея устья, впадаетъ съ лѣвой стороны р. *Чандыръ*. Съ правой стороны р. Зумбара простираются, по направленію къ сѣверо-западу, горы, называемыя *Караганъ-Байры*, которыя оканчиваются со стороны *Зулбара* крутыми и многочисленными ущельями. *Зулбаръ*—единственный притокъ Атрека съ правой его стороны; съ лѣвой—же рѣка эта не принимаетъ побочныхъ притоковъ.

Выходя изъ ущелья *Челеударъ*, Атрекъ течетъ черезъ обширную степь, почти параллельно съ *Гюргеню*, отъ которой никогда далѣе 50 верстъ не отдалится. По обѣимъ его сторонамъ, находятся уединенные бугры, число которыхъ простирается до 20, причемъ каждый имѣеть свое названіе; около нихъ располагаются зимою многочисленныя кибитки Туржменовъ Юмудскаго колѣна. Въ 6 верстахъ ниже бугра *Козу-Куранъ* (съ правой стороны рѣки) Атрекъ раздѣляется на нѣсколько главныхъ рукавовъ, которые, 4 версты ниже, впадаютъ мно-

* Подробное описаніе этого бугра находится въ «Путешествіи» Муравьева; стр. 29 — 31.

гочисленными мелкими рукавами въ *Гассанъ-Кулинскій Култукъ*. Устья Атрека очень мелки; берега́ около нихъ низкіе и илистые; вода мутная, и теченіе очень быстрое. Въ полную воду Атрекъ разливается на большое пространство, отъ чего окрестная страна дѣлается весьма плодоносною. Далѣе и вверхъ по рѣкѣ, берега́ круты, такъ-что Туркменамъ невозможно отводить изъ нея воду канавами. Теченіе Атрека отъ источника до устья составляетъ отъ 380 до 400 верстѣ. Съ правой стороны Юмуды кочуютъ только зимою; весною-же откочевываютъ они въ степь; но между Атрекомъ и Гюренью аулы ихъ пестрѣютъ круглый годъ *.

ГАССАНЪ-КУЛИНСКІЙ-КУЛТУКЪ.

Заливъ этотъ простирается отъ сѣвера къ югу и отъ запада къ востоку около 14 верстѣ, заключая въ себѣ площадь болѣе-чѣмъ во 150 кв. верстѣ. Берега́ его низки, съ западной и сѣверной стороны песчаны, а съ восточной по-болѣе-части покрыты камышемъ, особливо около устья въ Атрека, впадающаго въ култукъ съ восточной стороны. *Гассанъ-Кули*, аулъ состоящій изъ 200 кибитокъ, лежитъ на западномъ берегу култука. Мѣсто это было прежде островомъ; теперь-же, соединившись съ сѣверной стороны съ твердою землею, образуетъ полуостровъ, или лучше сказать, косу, называемую *Чагылъ* и простирающуюся къ юго-востоку почти на 5 верстѣ; ширина косы — отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ версты. Подобная же коса, но только покрытая водою и камышемъ, и называемая *Каажъ*, простирается съ юга на сѣверъ; а между ними находится входъ въ култукъ, шириною около $4\frac{1}{2}$ верстѣ; фарватеръ его не глубже 3 — $4\frac{1}{2}$ футовъ, слѣдовательно только лодки и киржимы могутъ входить въ оный; близъ береговъ глубина его различна: отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ фута. Въ этомъ култукѣ строятся туркменскіе киржимы (плоскодонныя лодки); лѣсъ для нихъ получается изъ Персіи. Тутъ же въ самомъ аулѣ *Гассанъ-Кули* находится русская ватага, принадлежащая Астраханскому купцу Герасимову. Култукъ этотъ изобилуетъ рыбами, особ-

* Въ моихъ «Запискахъ о Персіи» есть другое описаніе этой рѣки, несколько отличное отъ настоящаго.

ливо весной: тогда крупные породы ихъ: бѣлуги, осетры и севрюги, цѣлыми стадами стремятся въ него для метанія икры.

Жители аула Гассанъ-Кули снабжаются водою изъ рѣки Атрека, устья коей находятся около 12 верстъ отъ аула; они наполняютъ ею куласы, въ которыхъ отправляются къ устьямъ рѣки, и такимъ образомъ привозятъ ее домой; на пути, отъ плесканія морскихъ волнъ въ кулакъ, дѣлается она нѣсколько солоновата.

РѢКА ТЕДЖЕНДЪ.

На нѣкоторыхъ картахъ означено ошибочно, будто-бы устья этой рѣки находятся въ *Хивинскомъ-Заливѣ*, подъ названіями *Гератъ*, *Охусъ* или *Тедженъ*. Посему описывается здѣсь, въ нѣсколькихъ словахъ, настоящее ея теченіе.

Рѣка *Тедженъ*, или *Теджендъ*, имѣетъ начало свое въ *Хорасанскихъ* горахъ, въ недалекомъ разстояніи къ западу отъ г. *Мешгеда*, ниже котораго входитъ въ ущелье, называемое *Дербендъ*, потомъ протекаетъ черезъ *Шерекъ*, главное мѣсто туркменскаго поколѣнія *Салоръ*, и исчезаетъ въ пескахъ къ С. З. отъ сего мѣста и къ В. С. В. отъ *Келати-Надири*. Всего теченія ея около 70 верстъ. Въ Теджендъ впадаетъ, при *Ага-Дербендъ*, р. *Гери-Рудъ*, имѣющая начало свое въ горахъ *Параполиса*, къ востоку отъ г. *Герата*, и протекающая въ недалекомъ разстояніи отъ этого города въ направленіи къ сѣверо-западу *.

БЕРЕГЪ МЕЖДУ ГАССАНЪ-КУЛИ И ПОЛУОСТРОВОМЪ ДАРДЖИ.

Пространство это представляетъ бесплодную степь, вовсе необитаемую и покрытую солончаками. Единственные предметы, достойные здѣсь вниманія, суть:

1. *Бѣлый-Бугоръ*, или *Акъ-Тепѣ*; находится въ 25 верстахъ къ сѣверу отъ Гассанъ-Кули; имѣетъ видъ продолговатой усѣченной пирамиды, и довольно высокъ; отъ берега лежитъ онъ верстахъ въ десяти и кажется будто отдѣленъ отъ него моремъ; но это только соленая степь, или высохшее со-

* Подробное описаніе теченія *Гери-Руда* находится въ моихъ «Запискахъ о Персіи».

ленное озеро, окристаллизовавшаяся соль коего, сверкая от солнца сквозь волнующиеся пары, производимые теплотою или сгущениемъ воздуха, представляет издали видъ воды. На вершинѣ его есть, какъ говорятъ, яма съ кипящей соленой водой.

2. *Зеленый-Бугоръ*, или *Гъз-Бартлаукъ*, находится въ 30 верстахъ сѣвернѣе перваго, и имѣетъ видъ конуса, поперечникъ основанія коего въ три раза болѣе чѣмъ высота. На немъ, по рассказамъ Туркменовъ, также есть яма съ кипящей морской водой, испускающая сильный запахъ. Отъ морскаго берега бугоръ этотъ отстоитъ около 7 верствъ.

Оба означенные бугра служатъ морякамъ опознательными маяками.

3) Въ 7 верстахъ къ сѣверу отъ Зеленаго-Бугра, на самомъ берегу моря, находятся остатки древней мечети, называемой *Кыз-Мама*; отъ этого мѣста выходитъ въ море, прямо къ сѣверу, простирающаяся на 7 верствъ коса, при оконечности коей находится урочище *Гарлизъ*, изобилующее самосадочною солью; Туркмены собираютъ ее въ большомъ количествѣ какъ для собственнаго употребленія, такъ и для продажи вдоль Персидскихъ береговъ.

Море здѣсь весьма мелко, и образуетъ довольно значительный заливъ, или култукъ, который извѣстенъ подъ названіемъ *Хивинскаго* и теперь болшею-частью высохъ; онъ простирается къ сѣверу до южной стороны полуострова *Дарджи* и усѣянъ во множествѣ песчаными, бесплодными и безводными буграми. Берегъ здѣсь непреступенъ, но-причинѣ мелководія, и даже въ куласахъ нельзя подходить къ нему близко.

ОГУРЧИНСКИЙ-ОСТРОВЪ.

Островъ этотъ, называемый Туркменами *Айдакъ*, заслуживаетъ, по величинѣ своей, болѣе вниманія, нежели прочіе острова находящіеся въ Каспійскомъ-Морѣ, и уступаетъ только острову Челекени. Грунтъ состоитъ изъ сыпучаго песка и мелкихъ ракушекъ, на которыхъ растетъ повсюду множество тростника. Вдоль восточнаго и западнаго береговъ его тянутся, въ нѣсколько рядовъ, песчаные бугры, покрытые жидовникомъ, а между ними, во многихъ мѣстахъ, находятся солон-

цы, гдѣ соль садится разноцвѣтными пластами; кристаллы розоваго цвѣта въ-особенности красивы. Къ югу островъ оканчивается длиною и весьма узкою косою, соединяющеюся съ другимъ маленькимъ островомъ посредствомъ отмели. На этой оконечности Туркмены завели бакчи (огороды) съ арбузами и дынями. Длина острова отъ сѣвера къ югу — около 60 верстѣ; сѣверная оконечность имѣетъ видъ полумѣсяца и направляется къ востоку. Ширина его посрединѣ около 2 верстѣ; въ другихъ мѣстахъ различна: въ нѣкихъ всего отъ 150 до 200 сажень.

Прѣсную воду можно добывать во многихъ мѣстахъ, вырытая колодцы на аршинѣ глубиною, въ 20, 30 и болѣе саженьхъ отъ моря; впрочемъ, случается что вмѣсто прѣсной попадаетъ и солоноватая, что зависитъ отъ большаго-или-меньшаго отдаленія колодцевъ отъ морскаго берега. Жителей нѣтъ; Туркмены наѣзжаютъ сюда лишь временно, съ острова Челекени, для поливанія бакчей и собиранія арбузовъ. Изъ домашнихъ животныхъ пасется здѣсь небольшое число лошадей, да иѣскольکو тощихъ верблюдовъ, барановъ и козъ, принадлежащихъ Челекенскимъ Туркменамъ. Изъ птицъ водятся во множествѣ кулики и кромѣ-того красные гуси, чайки, бакланы, скворцы, утки и проч.

Близъ сѣверо-восточной оконечности острова находится памятникъ Сеидъ-Бергена, одного изъ туркменскихъ Святыхъ; памятникъ этотъ служитъ маякомъ для Туркменовъ, плывущихъ сюда съ острова Челекени.

Якорная стоянка здѣсь весьма спокойна: возлѣ восточнаго берега острова, глубина моря, въ полуверстѣ отъ онаго, 3 или 4 сажени, а грунтъ — песокъ съ ракушекю.

ОСТРОВЪ ЧЕЛЕКЕНЬ, ИЛИ НЕФТЯНОЙ *.

Имѣетъ въ-окружности около 80 верстѣ.

Западный берегъ этого острова простирается къ сѣверо-востоку и къ югу двумя длинными и узкими косами, называющимися Ко-

* Топографическое описаніе *Челекени*, равно-какъ *Красноводской* - Косы и *Балханскаго*-Залива, взято, болѣею-частію, изъ записки Полковника Муравьева, вторично посѣтившаго этотъ берегъ въ 1821 году и производившаго здѣсь подробную инструментальную съемку.

нама и *Дервишъ*. Начиная отъ южной оконечности *Дервиша* до сѣвернаго конца *Копали*, онъ имѣетъ болѣе 50 верстѣ. По этому берегу морскія глубины весьма достаточны, такъ-что даже большія суда могутъ подходить къ нему довольно близко; но якорныя стоянки неудобны, потому-что со всѣхъ почти сторонъ открыты.

Южный берегъ представляетъ, напротивъ, хорошую якорную стоянку, ибо закрыть косою *Дервишъ*, образуящую въ этомъ мѣстѣ большой заливъ. Суда, идущія съ моря къ южному берегу Челекени, могутъ приплыть въ этотъ заливъ не обходя Огурчинскаго-Острова. Глубины около оконечности *Дервиша* показываютъ, что въ проливѣ между этимъ полуостровомъ и Огурчинскимъ, есть хорошій фарватеръ даже для большихъ судовъ; но они должны держаться ближе къ *Дервишу*, чтобы миновать подводный островъ, или банкъ, находящійся въ проливѣ. Глубины по всей восточной сторонѣ *Дервиша* очень мелки, и къ востоку отъ него идетъ даже нѣсколько подводныхъ откосковъ.

Юго-восточный берегъ Челекени состоитъ изъ небольшихъ заливовъ, отдѣленныхъ одинъ-отъ-другаго косами. Глубины въ этомъ мѣстѣ очень малы и часто бываютъ недостаточны даже для гребныхъ судовъ. Отсюда до сѣверо-восточной оконечности острова, море усыяно множествомъ малыхъ, песчаныхъ, бесплодныхъ и безводныхъ острововъ, составляющихъ продолженіе цѣпи бугровъ, тянущихся отъ полуострова *Дарджи* въ южную часть *Балханскаго-Залива*. Жители насчитываютъ ихъ болѣе 70, и каждый имѣетъ особенное наименованіе.

Сѣверный берегъ Челекени тянется прямо съ востока на западъ и не имѣетъ заливовъ; западный конецъ онаго прикрытъ косою *Копали*. Тутъ якорная стоянка хороша и спокойна, и суда могутъ близко подходить къ берегу. Отъ оконечности *Копали* тянется довольно-далеко въ море подводная коса.

Землетрясенія измѣнили прежніе берега Челекени. Полуостровъ *Дервишъ*, около 40 лѣтъ тому назадъ, былъ островомъ. Глубины при юго-восточныхъ и восточныхъ берегахъ Челекени, равно-какъ и между сосѣдними съ ними песчаными островками, тоже измѣнились; въ нѣкоторыхъ проливахъ вода почти совсѣмъ исчезла, тогда-какъ прежде, нагруженныя обывательскія суда свободно по нимъ ходили.

Вообще, водные пути около восточных берегов Челекени часто измѣняются отъ вѣтровъ. Такъ, сѣверные вѣтры изгоняютъ воду изъ пролива *Тонгачъ*, отдѣляющаго Челекень отъ острова *Армизъ*; такое же мелководіе производитъ быть-можетъ отчасти и восточный вѣтеръ, наносящій много мелкаго песку съ Дарджи и другихъ острововъ. Вѣтры эти продолжаютъ иногда по нѣскольку дней сряду; вихри взметають верхи песчаныхъ грудъ Челекена и разносятъ ихъ по всему острову.

Съ запада на востокъ тянется среди острова цѣпь горъ, изъ коихъ самая высокая называется *Чохрахъ*; горы эти укладываются нѣсколько къ сѣверо-востоку и теряются въ цѣпяхъ песчаныхъ бугровъ, покрывающихъ берега Челекени, преимущественно съ восточной стороны. Цѣпи этихъ сыпучихъ песковъ занимають весь западный берегъ острова, отъ оконечности Дервиша до конца Копалчи; онѣ простираются также и по сѣверному берегу, впрочемъ отдаляясь здѣсь нѣсколько въ-средину острова. Юго-западная часть береговъ Челекени не имѣетъ такихъ глубокихъ песковъ.

Челекень ничего не производитъ: ни въ горахъ, ни на равнинахъ не видно зелени; природа мертва повсюду. На восточной сторонѣ острова примѣтны только въ иныхъ мѣстахъ растущія въ пескахъ мелкія деревья похожія на тальникъ, да на косѣ Копалчи попадаются изрѣдка кусты жидовника.

По всему острову вообще свойство земли соленое; въ иныхъ мѣстахъ есть соленыя озера; изъ нихъ *Агаши-Баши*, лежащее въ восточной его части, доставляетъ обывателямъ матеріалъ для весьма значительнаго торга: они вывозятъ добываемую здѣсь соль въ прибрежныя провинціи Персіи.

Изъ горъ вытекають нѣсколько ручьевъ, которые теряются болѣею-частью въ пескахъ. Вода въ этихъ ручьяхъ соленая; нѣкоторые изъ нихъ текутъ съ черною нефтью и имѣють воду температурою отъ 29° до 39° Реом. По всему острову нѣтъ ни одного колодца съ прѣсною водою; та, которую жители употребляютъ для питья, не многимъ лучше морской. Дождевыя рѣчки, текущія иногда съ горъ, образуютъ рытвины, которыя запруживаются потомъ плотинами: вода добываемая изъ колодцевъ, вырытыхъ выше такихъ плотинъ, бываетъ нѣсколько лучше; но жители рѣдко рѣшаются и на этотъ малый трудъ, предпочитая ему употребленіе простой морской воды.

Туркменовъ , которые могутъ назваться постоянными обывателями Челекени , живутъ здѣсь не болѣе какъ отъ 80 до 100 семействъ . Они не имѣютъ почти ни какого скотоводства , и держатъ всего нѣсколько тощихъ верблюдовъ , которые пасутся по бесплоднымъ степямъ острова ; барановъ у нихъ тоже мало , а лошадей вовсе нѣтъ .

Главный и почти единственный промыселъ обитателей Челекени состоитъ въ добываніи нефти и торговлѣ ею ; нефть вывозится отсюда въ Персію около 100,000 пудовъ ежегодно ; она вымѣнивается тамъ на пшеницу , сарацинское пшено и различныя матеріи для одежды . Произведеніе это добывается изъ колодезъ , которыхъ , по словамъ Туркменовъ , считается на островѣ болѣе 3,000 ; изъ нихъ 1,500 принадлежатъ собственно семейству старшины Кіата . Средняя глубина колодезъ — отъ 12 до 15 кулачей (маховыхъ сажень) ; глубочайшіе простираются до 35 , а мелкіе — до 1½ кулачей . Притокъ нефти различенъ и , кажется , соотвѣтствуетъ глубинѣ колодезъ ; обильнѣйшіе изъ нихъ даютъ до 10 тулуковъ (20 пудовъ) въ сутки ; въ мелкнхъ-же скопленіе нефти бываетъ столь медленно , что въ цѣлый мѣсяцъ не собирается болѣе одного пуда ; среднею добычею можно положить около одного тулука въ сутки . Нефть вычерпывается изъ колодезъ кожаными мѣшками (бурдюками) . Работа производится плѣнными Персіянами и покупаемыми у Персіянъ же Арабами , число коихъ однако незначительно . Нефть сохраняется въ ямахъ и подземныхъ амбарахъ , вмѣщающихъ отъ 100 до 500 тулуковъ каждыиъ ; главнѣйшій и изобильнѣйшій изъ этихъ амбаровъ и колодезъ , по имени *Кара-Ситъ* , находится въ западной части острова .

Изъ разныхъ колодезъ нефть получается не одинаковаго качества ; Туркмены дѣлятъ ее на 4 сорта :

1) *Пирдъли* — чистая , свѣтлозеленая нефть ; будучи смѣшана съ водою , горитъ весьма ясно .

2) *Яли-Тюфл* — качествомъ нѣсколько хуже первой .

3) *Карагуш* , или «черная нефть» , — зеленовато-чернаго цвѣта , совершенно жидкая .

4. *Дазилъ* — имѣетъ всѣ свойства нефти , кромѣ жидкости ; добывается въ твердомъ видѣ , чернаго цвѣта , и служитъ для освѣщенія ; сдѣланныя изъ нея свѣчи горятъ очень ярко .

Къ этимъ отличіямъ должно еще прибавить : 5) сгустившуюся нефть, смѣшанную съ земляными частицами , которую называютъ здѣсь *катраномъ* , *киромъ* или *сомоломъ* , и 6) выбрасываемый морскими волнами *асфальтъ*.

Первые четыре сорта поступаютъ въ продажу; катранъ-же употребляется для осмолки киржимовъ и лодокъ , также на изготовленіе факеловъ , очищаясь предварительно перетапливаніемъ.

Промыселъ этотъ могъ-бы усилиться еще болѣе , если-бы Туркмены не были такъ безпечны. Вырывая новые колодцы , они не обдѣлываютъ ихъ какъ слѣдуетъ , такъ-что края обваливаются. Весь хребетъ горъ , начиная отъ западной оконечности *Чохрака* до западнаго берега моря—нефтяннаго свойства; колодцевъ тутъ множество , и старыхъ и новыхъ.

Главные колодцы принадлежатъ тремъ хозяевамъ , и переходятъ изъ рода въ родъ. Собственность эта не утверждена никакими письменными свидѣтельствами; однѣ изустныя преданія , впрочемъ чрезвычайно уважаемыя у Туркменовъ , доставляютъ здѣсь потомкамъ безспорное право на владѣніе имуществомъ предковъ. Прочіе колодцы вырываются всякимъ желающимъ трудиться , безъ малѣйшаго воспреещенія съ чьей-либо стороны , ибо вся почти цѣпь горъ производитъ нефть.

Продажу нефти Туркмены производятъ сами , развозя оную на киржимахъ по Персидскимъ берегамъ , какъ то : въ Астрабадскій—Заливъ въ Мазандеранъ и Тункабинъ. Сбытъ и цѣны ея въ разныя времени года не одинаковы. Лѣтомъ привозъ менѣе и цѣны дешевле , потому-что одна только крайняя необходимость заставляетъ Туркменовъ отправляться тогда къ берегамъ , климатъ коихъ губеленъ для нихъ ; они спѣшатъ распродать товаръ и воротиться обратно какъ-можно скорѣе. А весною и осенью , въ бурное время этой части моря , они отправляются по нѣскольку киржимовъ и лодокъ вмѣстѣ , чтобы подать при случаѣ другъ-другу нужную помощь , и никогда не выпускаютъ береговъ изъ виду.

Туркменскій киржимъ поднимаетъ отъ 200 до 400 пудовъ , лодка — отъ 40 до 100 тулуковъ нефти ; среднимъ-числомъ можно положить по 300 тулуковъ на киржимъ и по 70 тулуковъ на лодку. Вотъ таблица приблизительнаго количества

нефти, вывозимой ежегодно въ Персію самими Туркменами:

въ АСТРАБАДСКІЙ-ЗАЛИВЪ.

ЛѢТОМЪ:	число судовъ.	число тулуковъ.	цѣна за тулукъ въ реалахъ.	всего на сколько реаловъ.
ЛОДОКЪ	30	2,100	1	2,100
КИРЖИМОВЪ	10	3,000	1	3,000
ВЕСНОЮ, ОСЕНЬЮ И ЗИМОЮ:				
ЛОДОКЪ	20	1,400	1 $\frac{1}{2}$	1,750
КИРЖИМОВЪ	40	18,000	1 $\frac{1}{2}$	22,500
всего	100	24,500	, ,	29,350

въ МАЗАНДЕРАНЪ И ТУНГАВИНЪ.

ЛѢТОМЪ:	число судовъ.	число тулуковъ.	цѣна за тулукъ въ реалахъ.	всего на сколько реаловъ.
ЛОДОКЪ	40	2,800	1	2,800
КИРЖИМОВЪ	20	6,000	1	6,000
ВЕСНОЮ, ОСЕНЬЮ И ЗИМОЮ:				
ЛОДОКЪ	20	1,400	1 $\frac{1}{2}$	2,100
КИРЖИМОВЪ	110	33,000	1 $\frac{1}{2}$	49,500
всего	190	43,200	, ,	60,400

Всего 67,700 тулуковъ, на сумму 89,750 реаловъ, или 135,400 пудовъ на 107,700 рублей асс. (принимая реалъ за 120 к. асс.), т. е. менѣе 80 к. асс. за пудъ нефти доставленной на мѣсто; между-тѣмъ-какъ въ Баку халваръ нефти продается по 7 рублей сер. или по 1 р. 26 к. асс. за пудъ, безъ перевозки *.

* Какъ свидѣнія эти сообщены намъ Туркменами, то быть-можетъ количество нефти, ежегодно вывозимое изъ Челекени, и преувеличено ими; во

Главная пристань обывательскихъ киржимовъ находится на южной сторонѣ острова; судя эти, при попутномъ вѣтрѣ, ходятъ очень скоро; но на веслахъ почти совсѣмъ не могутъ подвигаться; вмѣщаютъ они до 40 человекъ; на нихъ же перевозятъ Туркмены лошадей и верблюдовъ своихъ. Число киржимовъ вмѣющихся въ Челекени простирается до 50; сверхъ того приѣзжаютъ туда, для нефтянаго же промысла, киржимы изъ Гассанъ-Кули. Общее число всѣхъ судовъ принадлежащихъ Туркменамъ Челекени и Гассанъ-Кули простирается до 150 киржимовъ и лодокъ, не считая куласовъ. Лѣсъ для постройки этихъ судовъ получаютъ они изъ Персіи; на нихъ же производятъ они и набѣги свои въ Астрабадскій-Заливъ и другія прибрежныя провинціи края. Неожиданныя нападенія эти весьма беспокоятъ Персіянъ. Туркмены сажаютъ по пяти всадниковъ съ лошадьми на каждый киржимъ, и пристають къ берегамъ Персіи ночью; конные съѣзжаютъ за добычею и прежде разсвѣта возвращаются обратно на судя. Если-бы въ этихъ нападеніяхъ было болѣе единодушія, они могли-бы быть ужасны для Персіянъ; но и теперь они причиняютъ много вреда, тѣмъ-болѣе что слабое Персидское правительство не можетъ принимать никакихъ рѣшительныхъ мѣръ для отвращенія подобныхъ беспорядковъ въ земляхъ, которыя оно считаетъ своею собственностію **.

Главный старшина на Челекени Кіатъ, преслѣдуемый Персіянами, съ давняго времени уже поселился между жителями сего острова; бывши неоднократно въ Тыфлисѣ, и видѣвъ пользу образованія и общественнаго порядка, онъ старался обратить земляковъ своихъ къ трудолюбію, согласію и повиновенію одной власти, и успѣлъ кой-какъ въ своихъ намѣреніяхъ: жители Челекени, если не изъ страха, то изъ уваженія и привязанности, повинуются ему. Почтенный старикъ этотъ съ своими сыновьями Яхши и Хадыръ-Мамедомъ

всякомъ случаѣ, промыселъ этотъ долженъ доставлять жителямъ Челекени и Дарджи большія выгоды.

** Набѣги эти послѣ 1836 года усилились до того, что Персидское правительство (которое, по Туркменчайскому-Трактагу, не имѣетъ права держать судовъ на Каспійскомъ-Морѣ), принуждено было просить наше зашитить отъ нихъ Астрабадскій берегъ; въ-слѣдствіе чего въ Астрабадскомъ-Заливѣ находятся съ-тѣхъ-поръ два Русскіе брига.

въ-продолженіе двадцати лѣтъ не разъ доказавъ преданность свою нашему Правительству.

КРАСНОВОДСКАЯ КОСА.

Имѣеть въ-длинну около 28 верстъ, начиная отъ каменной горы *Кайната* до самой южной оконечности ея называемой *Алм-Сенери*. Направленіе ея отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Сѣверная часть косы имѣеть въ поперечникѣ 5 верстъ; на половинѣ длины своей она становится уже и имѣеть въ иныхъ мѣстахъ не болѣе 60 сажень ширины. Жители говорятъ, что при сильныхъ западныхъ вѣтрахъ, морская вода переливается черезъ перешеекъ, называющійся *Кески*, въ *Балханскій-Заливъ*. Подъ-конецъ коса становится шире, и раздѣляясь на два мыса, образуетъ небольшой заливъ *Кизил-Су*, покойный для судовъ и имѣющій хорошія якорныя мѣста.

Весь западный берегъ косы, будучи открытъ, не представляетъ никакаго пристанища для судовъ; далѣе къ сѣверу онъ усѣянъ даже подводными камнями. При восточномъ берегу косы якорныя стоянки вездѣ хороши; но по-мѣрѣ приближенія къ югу, отдаляются отъ берега и наконецъ прерываются длинною подводною косою, тянущеюся отъ мыса *Порокли* далеко въ море. Коса эта исчезаетъ немного не доходя до косы *Копали*, идущей отъ острова Челекени, и кончается подводными островами, изъ коихъ нѣкоторые показываются изъ моря осенью и зимою во время маловодія.

Каменныя горы, идущія по сѣверному берегу Балханскаго-Залива, пересѣкаются при началѣ Красноводской-Косы скалою *Кайната*; но отъ этого мѣста идутъ по Красноводской-Косѣ цѣпи пологихъ покатостей, кончающіяся посрединѣ ея взвышеніемъ *Кара-Баба*; къ югу отсюда западный берегъ покрытъ невысокими песчаными буграми; восточный-же весь состоитъ изъ ракуши.

На сѣверной половинѣ восточнаго берега косы, земля ничего не производитъ, кромѣ кустовъ жидовника; мѣстами можно найти хорошую глину весьма удобную для строеній; во-множествѣ находится также мягкій бѣлый песчаный камень

смѣшанный съ ракушею, который легко обдѣлывается: плиты всякаго вида и величины можно высѣгать изъ него почти безъ всякаго труда.

Южная половина Красноводской-Косы производитъ, на песчаныхъ буграхъ, высокую игловатую траву, которая растетъ кустами и можетъ замѣнять сѣно для лошадей; по низкимъ мѣстамъ видны камыши, но въ весьма маломъ количествѣ.

Съ сѣверной половины косы видно много солончаковъ и одно озеро съ хорошею солью розоваго цвѣта (отъ присутствія іодина), имѣющее около полуверсты въ поперечникѣ; прежде, когда русскія суда приходили на эти берега за солью, означенное озеро доставляло нѣкоторую пищу для промышленности обывателей; но нынѣ, какъ это запрещено, оно остается безъ разработки, удовлетворяя только собственнымъ ихъ малымъ потребностямъ.

По всей Красноводской-Косѣ нѣтъ ни одной рѣчки; прѣсная вода добывается здѣсь по нѣкоторымъ мѣстамъ только въ колодцахъ, преимущественно на западномъ берегу косы. При началѣ ея находятся издавна вырытые колодцы *Сегрешемъ*, около коихъ кочуютъ Туркмены; тутъ сѣютъ даже арбузы и дыни, и они очень хорошо принимаются. Отсюда къ сѣверу, по всему почти берегу моря до *Кара-Бугазскаго*-Пролива, особливо при урочищѣ *Дарта*, земля заключаетъ въ изобиліи настоящую прѣсную воду, лучшую чѣмъ въ колодцахъ *Сегрешемъ*, которая солоновата. Нѣсколько колодцевъ съ дурною водою встрѣчается также и на югъ отъ Сегрешема по берегу, именно противъ высоты *Кара-Баба*, находящейся на половинѣ косы. Далѣ къ югу также есть мѣста, гдѣ добывается изъ колодцевъ вода годная по-нуждѣ къ употребленію; на западной половинѣ оконечности косы есть мѣстность, гдѣ прѣсная вода имѣется на сплошномъ пространствѣ около версты въ-длину и 200 сажень въ-ширину; въ этомъ мѣстѣ почва состоитъ изъ ракуши, смѣшанной съ пескомъ; колодцы роютъ тутъ въ 3 аршина глубины; для добыванія-же воды изъ нихъ ставятъ въ ямы бочки съ выбитымъ дномъ, потому-что песокъ по рыхлости своей осыпается; свойства этой воды довольно странны: она становится горьковата если яму вырыть полуаршиномъ глубже горизонта воды, и если не вычерпывать скоро, то портится въ непродолжительномъ времени. Поэтому

должно думать, что вода здѣсь не природно-прѣсная, а морская, передѣлывающаяся въ прѣсную посредствомъ песка и ракуши; и что если-бы дѣлать въ колодцахъ срубы и вычерпывать изъ нихъ воду чаще, она была-бы еще лучше; впрочемъ, и теперь по-нуждѣ можно довольствоваться ею.

На этой оконечности косы кочевало прежде до 40 кибитокъ Туркменовъ разныхъ поколѣній, которые жили рыбною ловлею; въ концѣ 1821 года кочевье это удалилось отсюда и разбрелось по островамъ Балханскаго — Залива, чтобы быть въ безопасности отъ нападеній поколѣнія *Tene*.

У самой вершины малаго Красноводскаго-Залива, тамъ гдѣ соединяются двѣ косы, составляющія оконечность *Красноводской*, видны еще остатки укрѣпленія, построеннаго въ 1717 году Княземъ Бековичемъ. Мѣсто это въ 1764 году, когда обозрѣвалъ берега эти Инженеръ-Маіоръ Ладыженскій, залито было морскою водою; но мысъ, на которомъ добывается прѣсная вода, оставался наружи. Валъ и бастіоны этого укрѣпленія обозначаются весьма-ясно, хотя и занесены ракушею; валъ имѣетъ болѣе аршина возвышенія надъ землею, а ширины — болѣе сажени. Ровъ заросъ мелкимъ камышемъ, въ которомъ гнѣздится множество змѣй. Все укрѣпленіе имѣло видъ кровверка. На поверхности земли видно здѣсь еще много остатковъ, свидѣтельствующихъ о пребываніи Русскихъ, какъ то: обломки кирпичей, стеклы, уголь и проч.; въ землѣ-же на кладбищѣ отрываются человѣческія кости, гробовыя доски, ржавыя желѣзныя вещи, ядра, кремни, мѣдныя пуговицы и проч. Передъ Укрѣпленіемъ находятся два озера, съ столчею морскою водою, тяжелыя испаренія коихъ заражаютъ воздухъ. Вода въ этихъ озерахъ покрыта у береговъ плесенью, и совершенно краснаго цвѣта, отъ присутствія водянисто-окисленнаго желѣза; тутъ-же есть въ одномъ мѣстѣ родникъ съ соленою водою, которая остается холодна въ самые жаркіе дни. Затѣмъ, къ помянутымъ озерамъ примыкаютъ еще остатки довольно-обширной пристройки, сдѣланной частію изъ твердаго чернаго камня (порфира), привезеннаго изъ Балкуинскихъ горъ: тутъ находилось русское кладбище. Укрѣпленіе было построено, какъ кажется, на 1,000 человѣкъ. Для этого числа людей и по малому времени, которое они тутъ находились, кладбище слишкомъ обширно и похороненныхъ

очень много, что ясно доказывает великую потерю в дояхъ, претерпѣнную въ отрядѣ, который былъ тутъ расположенъ.

Климатъ въ этомъ мѣстѣ долженъ быть очень нездоровъ, какъ по-причинѣ вышеупомянутыхъ озеръ, такъ и отъ вѣтровъ, которые свободно дуютъ тутъ со всѣхъ сторонъ и бываютъ очень сильны. Жители Балханскаго-Залива вообще страдаютъ отъ глазной болѣзни; причина ея заключается, по-видимому, въ здѣшнихъ пескахъ, которые, взметаясь вѣтрами, затмѣваютъ воздухъ и проникаютъ всѣ предметы мелкою пылью. Лѣтомъ бываютъ здѣсь сильные жары, а зимою очень ощутительные холода: въ климатѣ умѣренности нѣтъ. Восточные берега Красноводской-Косы покрываются иногда льдомъ; но самый култукъ Красноводскій, или *Кызыл-Су*, никогда не замерзаетъ, и потому пристань эта, имѣющая порядочную глубину и закрытая почти со всѣхъ сторонъ, можетъ называться хорошею. Она имѣетъ болѣе полуторы версты въ-ширину, считая отъ оконечности *Алиш-Сенери* до оконечности *Порокли*, и столько же въ-длину. Близъ вершины ея есть нѣсколько подводныхъ откосковъ, которые опредѣлены промѣрами, также-какъ и подводная коса, тянущаяся отъ Порокли къ Челекени. Гребныя суда, плывущія въ Балханскій-Заливъ, могутъ переходить чрезъ эту подводную косу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ поглубже. Сообщение отсюда съ Балкунинскимъ колодцемъ также довольно свободно: съ попутнымъ вѣтромъ гребныя суда могутъ въ одинъ день съѣздить туда и воротиться.

Звѣри, водящіеся на Красноводской-Косѣ, суть: волки, лисицы и зайцы; изъ пресмыкающихся и насѣкомыхъ, есть разныхъ родовъ змѣи, изъ коихъ нѣкоторыя весьма опасны, и скорпионы съ тарантулами. И тѣ и другіе нерѣдко уязвляютъ здѣсь людей; но ядъ ихъ, хотя и производитъ сильную и продолжительную боль, смерти однакоже не наноситъ.

СѢВЕРНЫЙ ВЕРЕГЪ БАЛХАНСКАГО-ЗАЛИВА.

Состоитъ изъ горъ различныхъ свойствъ. Начало его, слѣдуя отъ запада къ востоку, у каменной (известковой) горы, называющейся *Кайната*; въ ней есть пещера неизвѣстно кѣмъ высѣченная; въ отверстіе ея можетъ войти только одинъ чело-

въкъ; внутри-же она имѣеть около $1\frac{1}{2}$ сажени глубины, сажень въ-ширину и столько же въ-вышину. За этую горою находится древнее кладбище Туркменовъ, весьма у нихъ уважаемое. Отсюда по всему берегу, болѣе-или-менѣе отдаляясь отъ моря, идутъ горы, простирающіеся до самыхъ Балханскихъ, отстоящихъ отъ Кайпаты, по направленію къ В. Ю. В., почти на 150 вереть.

Въ 10 верстахъ отъ Кайпаты, каменные (известковыя) горы прерываются при *Балхуи*. Вершины этой цѣпи имѣють разныя названія. У подошвы *Балхуи* есть нѣсколько колодець съ прѣсною водою, которыми довольствуются всѣ окрестныя кочевья. Когда жителямъ Челекени, Дарджи и проч., надоѣсть употребленіе морской воды, они приѣзжаютъ на своихъ лодкахъ къ Балхунскимъ колодцамъ; и здѣсь наливаются прѣсною, которую отвозятъ потомъ въ свои кочевья.

Балхунскія горы состоятъ, по развѣдкамъ Горныхъ Инженеровъ Поручика Фелькнера, изъ варіолитъ-порфира, и всѣ вообще кремнистаго рода. Въ этихъ горахъ, недалеко отъ берега, есть родникъ хорошей прѣсной воды, названный Русскими *Моисеевыми*. Жители называютъ его *Балхуи* («медовымъ-колодцемъ»); настоящее-же названіе колодець, у подошвы горы лежащихъ, не *Балхуи*, а *Шахъ-Адолм*. Вода въ нихъ можетъ назваться хорошею, хотя и имѣеть нѣкоторую солоноватость. Главный колодець даетъ отъ 10 до 12 сорокъ-ведерныхъ бочекъ воды въ день. Моисеевъ-же родникъ не доставляетъ больше двухъ боченковъ въ день. Отъ Балхунской горы на востокъ примыкаетъ къ морю долина, имѣющая $1\frac{1}{2}$ версты въ-ширину. Западную окраину ея составляетъ памятная гора, съ восточной-же стороны означается она высокимъ каменнымъ обрывомъ, кончающимся у моря угломъ, который называется *Ушам*; онъ имѣеть около 100 сажень вышину и видъ почти отвѣсной скалы. Отсюда на востокъ тянется эта скала на разстояніи 5 верстъ, гдѣ выдается въ море, на 3 версты, полуостровомъ, покрытымъ такими-же порфировыми горами, какъ и Балхунскій мысъ.

Горы эти называются *Уфрахъ* и простираются отъ запада къ востоку на разстояніи 5 верстъ. Отъ сего мѣста свойство ихъ переменяется; онѣ тянутся вблизи берега, и послѣ 13 верстъ, кончаются высокимъ и крутымъ мысомъ, по-имени *Куба-*

Сенгирь. Высочайшая изъ горъ, находящихся въ цѣпи отъ Уфрака до Куба-Сенгира, называется *Кайли*; по скатамъ этихъ горъ, состоящихъ изъ песчаника, видны промѣины, произведенныя дождевою водою.

Степь находящаяся за этими горами возвышенна, хотя покатость на сѣверной сторонѣ ихъ и довольно значительна; на этой степи видна цѣпь горъ называющаяся *Курре*.

Глубина въ морѣ, начиная отъ Кайпаты по всему берегу до Куба-Сенгира, хорошая. Суда могутъ ложиться на якорь довольно близко къ берегу, кромѣ залива находящагося на восточной сторонѣ Уфрака. Здѣсь они не могутъ подходить къ берегу ближе двухъ верстъ; впрочемъ, грунтъ для якорной стоянки хорошъ повсюду.

Отъ мыса Куба-Сенгирь, примѣтнаго со всѣхъ мѣстъ Балханскаго-Залива, берегъ поворачиваетъ нѣсколько къ сѣверу, и образуетъ большой заливъ, отъ береговъ котораго горы удаляются въ степь. Далѣе принимаетъ онъ направленіе къ В. Ю. В., и продолжившись въ немъ на большое разстояніе, огибаетъ съ сѣверной стороны длинный, узкій и мелкій заливъ, составляющій самое восточное углубленіе Балханскаго; поперечникъ его, имѣющій не болѣе 6 верстъ, кончается у сѣвернаго берега полуострова Дарджи. Въ этотъ заливъ изливалъ прежде воды свои *Оксусъ* Древнихъ, или нынѣшняя *Аму-Дарья*. На сѣверномъ берегу этого залива видны горы, изъ коихъ высочайшая называется *Борджаклы*. Онѣ соединяются съ Балханскими, лежащими за вершиною залива на востокъ. Жители говорятъ, что въ нихъ есть небольшіе родники съ хорошею прѣсною водою; верстахъ въ 30 отъ Куба-Сенгира, на востокъ, около берега, также есть колодець, воду коего, впрочемъ, могутъ пить только верблюды; онъ называется *Курды-Кухси*, или «Волчьимъ-Колодцемъ».

За мысомъ и горою Куба-Сенгирь, глубины начинаютъ уменьшаться и становятся мельче, такъ—что большія суда должны останавливаться очень далеко отъ берега. Далѣе—же, подвигаясь къ самой вершинѣ Балханскаго-Залива, и гребня суда останавливаются за мелководіемъ противъ горы Борджаклы, и даже плоскодонныя бударки (куласы) не могутъ подходить близко къ берегамъ. Дно въ этихъ мѣстахъ вязко и иловато, отчего сообщеніе съ берегомъ весьма трудно. Восточнѣе

сего, заливъ во многихъ мѣстахъ пересохъ, и кончается озерами соленой воды, къ которымъ вязкой грунть земли не позволяеть подходить. Впрочемъ, мѣста эти приступны болѣе или-менѣе смотря по направленію вѣтровъ: восточный выгоняеть воду изъ залива, а западный пригоняеть ее туда.

Весь сѣверный берегъ Балханскаго-Залива не имѣеть ни лѣсу, ни кустовъ, ни земли, ни воды (кромя вышеозначенныхъ колодцевъ Балкуи); но далѣе въ степи имѣются колодцы съ хорошею прѣсною водою.

Бѣдная страна эта была прежде населена многочисленнымъ поколѣніемъ Туркменовъ *Арз-Сары*. Въ 1819 году, во время поѣздки Муравьева въ Хиву, кочевало въ этомъ мѣстѣ около 1,000 семействъ Юмудовъ, искавшихъ подданства Россіи; но въ 1821 году, при вторичномъ посѣщеніи этой страны Муравьевымъ, не оставалось уже никого изъ нихъ. Боясь нападеній Туркменовъ *Текд* и *Гокланъ*, грабившихъ ихъ по приказаніямъ Хана Хивинскаго и Астрабадскаго Правителя, они удалились отъ этихъ мѣстъ: часть переселилась въ Хиву, а другая перешла къ границамъ Персіи и кочуетъ теперь на берегахъ рр. Атрека и Гюргени, производя частые набѣги на Персію. Въ 1836 году также не было найдено никакихъ жителей на описанномъ берегу.

Сухопутныя сообщенія по всему берегу этому затруднительны отъ безводія; настоящихъ дорогъ нѣтъ здѣсь, и только отъ Балкуинскихъ колодцевъ идетъ тропинка называющаяся «Хивинско-Дорогою», по которой ходили прежде караваны; она поднимается верстахъ въ двухъ отъ моря на утесистую гору, окаймляющую съ восточной стороны Балкуинскую равнину, а тамъ идетъ степью на колодцы *Сюльменъ Сюйли* и *Тусуръ*, въ близкомъ разстояніи отъ юговосточной оконечности Карабугазскаго-Залива.

Въ вышеописанныхъ горахъ водятся волки, лисицы, дикія козы (джейраны), а иногда бываютъ и барсы, заходящіе съ Балханскихъ-Горъ.

Вообще весь берегъ имѣеть наружность дикую, неплодороденъ и не представляетъ никакого удобства для населенія. Кочевавшіе тутъ прежде Туркмены оживляли еще нѣсколько эти мѣста; теперь-же представляютъ они печальный видъ совершенной пустыни.

ОСТРОВЪ ДАГЪ-АДА.

Въ 20 верстахъ отъ мыса Куба-Сенгиръ на востокъ, и въ 4½ отъ сѣвернаго берега Балханскаго-Залива, лежитъ островъ *Дагъ-Ада*. Онъ имѣеть около трехъ верстъ длины съ запада на востокъ, и около одной версты ширины съ сѣвера на югъ.

Островъ этотъ состоитъ изъ трехъ горъ, коихъ вершины и большую часть составляютъ известнякъ; да и повсюду здѣсь свойство земли также известковос. Прѣсной воды нѣтъ нигдѣ: въ копаняхъ, имѣющихъ до 4 сажень глубины, вода выступаетъ соленая. Южный берегъ покрытъ кустарникомъ, и доступъ до него, со стороны моря, неудобенъ, по-причинѣ мелководія и вязкаго грунта. Большія суда должны останавливаться въ 3 верстахъ отъ острова. Сѣверный берегъ каменистъ и представляетъ болѣе удобствъ: гребныя суда пристають къ нему вплоть.

На этомъ бесплодномъ островѣ теперь никто не живетъ; но прежде кочевало здѣсь нѣсколько семействъ Туркменовъ, укрывавшихся отъ нападенія сосѣдей; тутъ сидѣли они на берегу безъ воды и почти безъ пищи, ибо мало занимались рыбнымъ промысломъ. По словамъ Полковника Муравьева, въ 1821 году жило здѣсь всего пять семействъ, прикочевавшихъ изъ Красноводска; они имѣли при себѣ нѣсколько лодокъ, на которыхъ ѣздили изрѣдко въ Балкун за водою.

ПОЛУОСТРОВЪ ДАРДЖИ.

Полуостровъ этотъ очень обширенъ. Сѣверный берегъ его обозначаетъ узкую часть Балханскаго-Залива; къ сѣверовостоку граничитъ онъ съ лѣвымъ берегомъ русла древняго Оксуса; а къ западу выдается нѣсколькими мысами. Не доходя 20 верстъ до острова *Дагъ-Ада* отклоняется онъ на юго-западъ, и, между мысами *Атъ-Депесі* и *Чадыр-Депесі*, образуетъ заливъ, при которомъ постоянно почти имѣется кочевье и пристань для киржимовъ жителей. Далѣе къ югу, берега Дарджи состоятъ изъ острововъ, которые отдѣляются отъ твердой земли мелкими рукавами. Острова эти принадлежатъ къ цѣпи песчаныхъ бугровъ, находящихся на юго-

восточной сторонѣ Челекени; острововъ этихъ множество; на нихъ нѣтъ ни прѣсной воды, ни растѣній, и вообще они не заслуживаютъ никакого вниманія. На этомъ южномъ берегу находятся также 4 залива: *Уркаги-Кызылымиз-Су*, *Иркек-Кызылымиз-Су*, *Киска-Су* и *Узун-Су*. На востокѣ полуостровъ отдѣляется отъ твердой земли руслами двухъ рукавовъ древняго Оксуса, изъ коихъ одинъ впадаетъ въ сѣверную, а другой въ южную часть Балханскаго - Залива. При раздвоеніи этихъ рукавовъ находится озеро *Баба-Коджарз*, съ соленою водою; а посреди его есть островъ съ нефтяными ключами, дающій, по словамъ жителей, много нефти, но къ которому они не ѣздятъ по причинѣ мелководія и опасности подвергнуться нападенію враждебныхъ имъ поколѣній.

Сѣверо-западные берега Дарджи имѣютъ хорошія глубины, и представляютъ удобныя якорныя стоянки для большихъ судовъ очень близко къ берегамъ. О сѣверныхъ берегахъ было уже упомянуто при описаніи восточной части Балханскаго-Залива; мелководіе не позволяетъ здѣсь даже самымъ малымъ гребнымъ судамъ плыть вблизи отъ берега, а приставать къ нему почти вовсе невозможно, потому-что дно очень вязко.

При устьѣ древняго Оксуса, заливъ этотъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ пересохъ; но съ Дарджи почти невозможно перенестись на сѣверный берегъ, за топкостью грунта; потому, позволительно сказать, что Дарджи въ этомъ мѣстѣ оканчивается лѣвымъ берегомъ бывшаго русла Оксуса.

Весь полуостровъ представляетъ печальное зрѣлище: безплодный край этотъ, на которомъ нѣтъ даже земли, покрытъ отчасти песками, отчасти солончаками, весьма трудно проходимыми въ дождливое время. Растительность самая жалкая: на сѣверномъ берегу и по берегамъ древняго Оксуса растутъ только мѣстами кусты жидовника. На степяхъ пасется довольно большое количество верблюдовъ, барановъ и козъ, принадлежащихъ жителямъ кочующимъ около моря, между мысами *Атз* и *Чадыръ-Денеси*. Кочевья эти, изъ 40 кибитокъ, все почти поколѣнія *Шизз*, принадлежатъ теперь старшинѣ Кіату, который живетъ лѣтомъ здѣсь, а зимою на Челекени.

Жители промышляютъ продажею нефти, которую они добываютъ на Челекени, равно-какъ и продажею соли. Озер-

ную самосадочную соль добываютъ они на томъ же островѣ и у себя на Дарджи; а въ урочищѣ *Гарлимъ*, на южномъ берегу Хивинскаго-Залива, добываютъ и каменную соль; ее вырубаютъ топорами въ видѣ правильныхъ четырехъ-угольныхъ кусковъ, называемыхъ по-мѣстному *кулюпами*, въ $1\frac{1}{2}$ пуда вѣсомъ каждый. Соль эта лежитъ горизонтальными пластами, толщиною отъ $1\frac{1}{3}$ до 3 вершковъ, подъ легкими песчаными наносами. Толщина мѣсторожденія неизвѣстна; замѣчено только, что чѣмъ-глубже разработка, тѣмъ соль становится плотнѣе и прозрачнѣе. Длина и ширина мѣсторожденія, по словамъ жителей, необъятна. Изъ видѣнныхъ нами кулюповъ верхняго пласта, въ нѣкоторыхъ попадаются уже гнѣзда прозрачной, безцвѣтной каменной соли, похожей на соль Илецкой-Защиты въ Оренбургскомъ-Краѣ. Соли этой развозятъ ежегодно Туркмены по сѣвернымъ областямъ Персїи болѣе 100,000 кулюповъ, или 150,000 пудовъ, продавая ее по $\frac{1}{3}$ реала (40 коп. асс.) за кулюпъ, всего на 40,500 руб. асс.; слѣдовательно, каждый пудъ соли съ доставкой въ Персїю обходится около 27 коп. асс. По разсказамъ Туркменовъ, Астраханскій купецъ персїянинъ Миръ-Багировъ, купилъ у нихъ въ 1835 году 70 киржимовъ, или болѣе 40,000 пудовъ каменной соли, для соленія рыбы, которую онъ свезъ потомъ въ Астрахань.

Жители Дарджи также ловятъ рыбу, но въ маломъ количествѣ; нѣкоторые ходятъ на охоту въ Балханскія-Горы. Общественныя должности ихъ состоятъ въ содержаніи караула близъ Актама (переправы чрезъ Оксусъ), и въ доставленіи прѣсной воды изъ Балкуинскихъ колодезевъ. Осенью многіе отправляются на лодкахъ для ловли птицъ, которыя покрываютъ тогда необозримыми стаями воды Балханскаго-Залива между Красноводскою-Косою и мысомъ Уфракъ. Охотники бьютъ ихъ палками и часто питаются однимъ ихъ мясомъ. Денегъ вообще бываетъ у Туркменовъ немного; нужныя имъ вещи вымѣниваютъ они большею-частью на нефть, верблюдовъ и барановъ. Послѣднихъ мало на Дарджи, и они очень худы, потому-что на всемъ полуостровѣ не имѣется пастбищныхъ мѣстъ; верблюды-же, довольствующіеся всякою пищею, могутъ держаться въ этихъ бесплодныхъ степяхъ; терпѣливое животное это составляетъ главную поддержку бытія лѣ-

живыхъ и безпечныхъ хозяевъ своихъ, которые безъ него не могли-бы существовать.

РУСЛО И УСТЬЕ ДРЕВНЯГО ОКСУСА.

Съ вершинъ *Дирели-Дага*, высочайшей точки Балханскихъ Горъ, можно слѣдить глазами за старымъ русломъ Оксуса, которое извиается чрезъ степь и исчезаетъ за горою *Лалиба*; оно ясно обозначается среди степи; берега его имѣютъ вообще около 2 сажень вышины, параллельны и отстоятъ одинъ-отъ-другаго въ иныхъ мѣстахъ на-версту; тутъ становятся они возвышеннѣе. Слѣды этого русла видны вдоль всей Туркменской-Степи; мѣстными жителями называется оно *Уз-Бой* и *Огузъ*, тѣми самыми названіями, которое имѣетъ оно и при урочищѣ *Бешк-Дишакъ*, что на двухъ-третяхъ дороги отъ Красноводска къ Хивѣ. Оно же соединяется съ соленымъ озеромъ *Баба-Коджаръ*, изъ котораго одинъ рукавъ его простирается къ сѣверу болѣе-чѣмъ на 30 верстъ, и впадаетъ въ Балханскій-Заливъ подъ названіемъ *Актама*; другой-же рукавъ, по имени *Аджамба*, идетъ изъ озера на юго-западъ, отъ 25 до 30 верстъ, и впадаетъ въ Хивинскій-Заливъ. Возлѣ Аджамба находится урочище *Кара-Баба*, весьма уважаемое Туркменами; здѣсь стоитъ, какъ говорятъ, старинная деревянная изба, построенная неизвѣстно кѣмъ, и которую никто не отваживается уничтожить.

Въ Актамѣ нѣтъ теченія, ибо устье занесено иломъ; вода въ немъ убавляется или прибавляется, смотря по тому, откуда дуетъ вѣтеръ: съ востока или запада; русло Аджамба по-большей-части занесено песками. При урочищѣ *Актама* (бѣлая стѣна), у котораго Туркмены переправляются чрезъ рѣку, и по которому она получила нынѣшнее свое названіе, старое русло имѣетъ 150 саж. ширины; берега его состоятъ изъ высокихъ, песчаныхъ и частью обрывистыхъ бугровъ; нынѣшнее русло имѣло въ 1836 году отъ 33 до 35 саж. ширины. Въ 1821 году Полковникъ Муравьевъ означилъ ширину рѣки двумя кольями: колья эти въ 1836 году найдены были на своихъ мѣстахъ. Глубина рѣки — около 2 саж.; но перемѣняется въ разныхъ мѣстахъ; при устьяхъ она весьма мелка; грунтъ вязкій, иловатый; а вода въ нынѣшнемъ Актамѣ такъ солова,

что даже верблюды не могут пить ее. На правомъ берегу, между высокими песчаными буграми, если рыть, показывается во многихъ мѣстахъ солоноватая вода, которую по большой нуждѣ можно пить. На лѣвой сторонѣ, противъ этой переправы, на бугрѣ изъ глины выстроена небольшая караульная башня, прозывающаяся *Кулеарь-Сенгирь*, а въ полверстѣ далѣе къ сѣверо-западу, видно на вершинѣ бугра другое зданіе — родъ мечети, выстроенной изъ желтаго необожженного кирпича; куполь ея выведенъ очень искусно, а полъ покрытъ большими плитами; внутри есть шесть надгробныхъ памятниковъ; на главномъ изъ нихъ накинаны рога аркара (горнаго барана), различные лоскутки, тряпки, обрывки матеріи и арабскія письма на клочкахъ бумаги. Строеніе это четырехугольное, съ нишами, имѣетъ двери, окна, около 4 саж. въ поперечникѣ, столько же въ вышину, и внутри выштукатурено. Жители называютъ его *Шихъ-Мустафа*, по имени одного святаго старца, весьма ими уважаемаго, который, по словамъ ихъ, похороненъ тутъ. Сюда ѣздить на богомолье и изъ другихъ мѣстъ. Около этой часовни видны развалины другихъ строеній и остатки земляныхъ стѣнъ.

Актамъ служитъ общему переправому для Туркменовъ, переходящихъ съ сѣвернаго берега залива на южный. Они обыкновенно переправляются сами на бурдюкахъ, пуская верблюдовъ своихъ вплавь. Мѣсто это почитается у нихъ однимъ изъ опаснѣйшихъ, ибо хищники свободно могутъ пробираться къ переправѣ съ обѣихъ ея сторонъ, укрываясь съ сѣвернаго берега — за песчаными буграми, а съ южнаго — въ рывинахъ и ущельяхъ отдаленнаго берега рѣки.

Въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ выше переправы, на правомъ берегу находится колодець *Молла-Кара-Куюсы*, съ соленою водою, годною для верблюдовъ; а нѣсколько верстѣ выше — колодець *Кара-Актамы*, въ которомъ вода менѣе солона, такъ-что въ случаѣ нужды можно пить ее и людямъ.

Что касается до прежняго впаденія Оксуса въ Каспійское-Море, то какъ самый очеркъ Балханскаго-Залива, такъ равно и составъ морскаго дна въ ономъ, подтверждаютъ эту гипотезу, если и не принимать даже въ разсужденіе разсказовъ и преданій объ этомъ у Туркменовъ. Всѣ они единогласно говорятъ, что *Аму-Дерья* текла прежде отъ Хивы сюда; что

Хивинскіе владѣльцы брали 70,000 тилла (350,000 руб. асс.) откупа за рыболовство въ ея устьяхъ; и что отсюда проведено было множество водопроводовъ, коими орошались богатые засѣвы сарацинскаго пшеиа. Они же, и въ 1836 году, неоднократно подтверждали, что одинъ рукавъ нынѣшней Аму-Дерьи съ недавняго времени взялъ направленіе къ западу, въ старое русло, пролился въ Туркменскую-Степь на 5 дней ѣзды отъ Хивы, и остановился при урочищѣ *Чакаръ-Сага-Кули*. Можетъ быть со-временемъ рѣка эта сама откроетъ себѣ старыи путь, если нѣтъ къ тому естественной препоны.*

БАЛХАНСКІЯ-ГОРИ.

Балханскія (отъ слова *балъ*, «медъ»), или, какъ Русскіе ихъ называютъ, Балканскія-Горы, видны въ ясный день съ Красноводской-Косы и даже съ юго-западной стороны о. Челекени. Самый кряжъ имѣетъ видъ продолговатой кровли; правая, или южная, ея сторона ниже лѣвой и называется *Лалба*; лѣвая-же, или сѣверная, оконечность носитъ имя *Дирели-Дагъ*; вершины сей-последней горы, поднимающіяся около 500 саж. надъ поверхностію Каспійскаго-Моря, почитаются высочайшими точками въ цѣломъ хребтѣ.

Дирели-Дагъ есть сѣверо-западная оконечность Балханскаго-кряжа, который къ Ю. Ю. З. простирается на день ѣзды и оканчивается вышеупомянутою горою *Лалба*, имѣющею фигуру конуса, съ широкимъ основаніемъ. Къ В. Ю. В. кряжъ тянется на два дня ѣзды. Сѣверная и западная покатости этого кряжа состоятъ изъ обрывистыхъ, почти голыхъ скалъ, между коими находятся весьма крутыя ущелья; каждая отдѣльная гора имѣетъ свое названіе. Изъ отраслей Балхана, называющаяся *Шахъ-Кули-Бурукъ* отдѣляется съ западной покатости кряжа въ направленіи къ сѣверо-западу. Ущельями этой

* Строки эти писаны были въ 1836 году. Съ-тѣхъ поръ офицеры наши неоднократно были въ Хивѣ, именно: Штабсъ-Капитанъ Никифоровъ съ двумя топографами — въ 1841 году, и Подполковникъ Данилевскій съ двумя же топографами — въ 1842 году. Въ-слѣдствіе этого большая часть Хивинскаго Ханства была снята, а вмѣстѣ-съ-тѣмъ и русло Аму-Дерьи съ отводными канавами ея внутри земель хивинскихъ.

отрасли поѣхали офицеры, посланные Полковникомъ Муравьевымъ въ 1821 году; вершины-же самаго Балхана они не достигли. Затѣмъ, отъ Диремъ-Дага, прямо къ сѣверу и почти параллельно съ нимъ, тянется цѣпь *Уеланъ-Даги*, замѣтная по четыремъ сопкамъ изъ нея выдающимся. Цѣпь эта описывается полукругъ къ юго-востоку и за горою *Потма-Даги* соединяется съ главнымъ кряжемъ Балхана; се пересѣкаютъ нѣсколько ущельевъ: *Кари-Гадиги*, *Каралли-Гадиги* (*гадиги*, значитъ «ворота») и другія, чрезъ которыя пролегаютъ караванныя дороги внутрь степи и въ Хиву. Къ сѣверо-западу отъ Диремъ-Дага, цѣпь горъ называемая *Хоша-Сюри*, тянется вдоль сѣвернаго берега Балханскаго-Залива и исчезаетъ въ степи. Возвышающіяся изъ нея двѣ сопки *Акъ-Манъ* также ясно видимы съ береговъ Актама и со-стороны Дарджи. Наконецъ, хребетъ называемый *Малый Балханъ* лежитъ отъ Диремъ-Дага къ юго-востоку, отдѣльно и въ довольно дальнемъ разстояніи отъ сего-последняго.

Балханскія-Горы почти совершенно безплодны. По ущельямъ и покатосямъ ихъ растетъ можжевеловое дерево (тогда-какъ въ другихъ странахъ оно является только въ видѣ кустарника) и кустарники черешни, смоквы и барбариса; а на самыхъ горахъ малыми кустарниками прозябаетъ *Astragalus*. Можжевеловое дерево встрѣчается въ довольно-большомъ количествѣ; но, по недостатку надлежащей толщины, оно все негодно къ употребленію для построекъ; да если-бы находился тамъ даже и строевой лѣсъ, такъ никакими средствами не возможно было-бы доставить его оттуда въ долину, по-причинѣ недоступности горъ. Въ ущельяхъ Балхана, возлѣ родниковъ, находится также растѣніе, дающее извѣстную смолу *Gummi Galbanum*, которая продавалась прежде въ Россіи довольно-дорого; растѣніе это прозябаетъ обыкновенно только въ жаркихъ странахъ. Родниковъ, впрочемъ, немного, и воды въ нихъ не очень обильно. Что касается до металловъ, то, по изысканіямъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ Поручика Фелькнера, и слѣдовъ ихъ тамъ нѣтъ: ядро горъ состоитъ все изъ раковистаго известняка и песчаника, въ которыхъ никогда руды находиться не могутъ. Вообще весь край этотъ не представляетъ никакихъ выгодъ, и природа здѣсь мертва и бесплодна.

Вотъ описаніе дороги къ вершинамъ Диремъ-Дага. Отъ переправы при Актамъ первыя полторы версты дорога идетъ по песчанымъ буграмъ, покрытымъ кустарникомъ, и составляющимъ правый берегъ древняго Оксуса. Направленіе дороги къ сѣверо-востоку. Потомъ пролегаетъ она чрезъ огромную равнину, покрытую рѣдкимъ кустарникомъ; здѣсь, по-видимому, было въ древнѣйшее время корыто Оксуса. Равнина эта нечувствительно отлогостью поднимается до самой подошвы горъ; восточная часть ея покрыта камнями, количество и объемъ конхъ увеличиваются по-мѣрѣ приближенія къ горамъ. Она изборождена также многими сухими руслами потоковъ дождевой воды. Пройдя 12 верстъ по этой равнинѣ, дорога входитъ въ широкое каменистое ущелье, также изборожденное сухими руслами дождевыхъ протоковъ, а чрезъ 5 верстъ поворачиваетъ круто направо и по покатостямъ горъ выходитъ въ широкую долину (2 версты), на правой сторонѣ коей находится между камышемъ родникъ *Ядыхляръ-Чешмесы*, съ отличною холодною водою. Отсюда дорога продолжается вверхъ по этой долинѣ къ юго-востоку, и на протяженіи 5 верстъ поднимается отлогостью до родника *Меулалъ-Кель-Чешмесы*, который даетъ воду хорошую, но въ небольшомъ количествѣ, и также окруженъ камышемъ. Отъ этого родника дорога, или, лучше сказать, тропинка идетъ въ направленіи къ востоку по ущельямъ, по рывинамъ бывшихъ потоковъ и по крутымъ скаламъ, до родника *Тарава-Чешмесы*, окруженнаго можжевеловыми деревьями и смоковичными и черешневými кустарниками (5 верстъ). Отсюда по крутымъ подъемамъ на пространствѣ 3 верстъ, тропинка приводитъ къ самой подошвѣ ядра Балхановъ, гдѣ поднимается по узкому ущелью, называемому Туркменами *Эшекъ-Юлз* и имѣющему болѣе 50° паденія; грунтъ состоитъ тутъ изъ сыпучихъ, мелкихъ, острыхъ известковыхъ камней, подобныхъ щебню, которымъ покрываются дороги *à la Mac-Adam*, такъ-что нога никонимъ образомъ не можетъ ступать твердо. Не доходя до вершины этого ущелья, на лѣвой сторонѣ его встрѣчается незначительный родникъ *Эшекъ-Юлз-Чешмесы*, спрятанный такъ-сказать подъ сводомъ огромной известковой скалы; вода въ немъ въ маломъ количествѣ, но весьма холодная (6° Реомюра). Родникъ этотъ находится въ узкомъ ущельѣ, и окруженъ высокими

перпендикулярными и почти голыми скалами, по трещинахъ коихъ разбросано лишь нѣсколько можжевельныхъ деревьевъ и кустарниковъ барбариса. Вершина ущелья *Дшелъ-Юл* находится въ узкой долинѣ, окруженной высокими горами. Оттуда дорога, въ направленіи къ западу, ведетъ по ущельямъ и крутымъ подъемамъ до самой вершины Диремъ-Дага, съ которой можно обозрѣть огромное пространство степи. — Для вѣщей полноты представленнаго описанія Балханскихъ-Горъ, прилагаются при семъ слѣдующія замѣчанія, слѣланныя Полковникомъ Муравьевымъ и его офицерами въ 1821 году, при поѣздкѣ сихъ-послѣднихъ въ горы *Шахъ-Кули-Бурукъ*.

«По переправѣ у *Актама* чрезъ *Оксузъ* путь къ Балхану идетъ около версты вверхъ, берегомъ рѣки, покрытымъ камышамъ въ ростъ человѣка; потомъ встрѣчаются, по направленію *O ten S*, сыпучіе песчаные курганы, занимающіе разстояніе 7 верстъ. За ними представляется обширная долина, усѣянная кустарниками, и имѣющая ровную къ востоку покатость, измытую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дождевыми потоками; тутъ почва земли становится тверже, и видно много кустовъ сухой желтой травы, вышиною въ человѣческую ростъ. Пройдя 6 верстъ симъ мѣстомъ, дорога примѣтно начинаетъ подниматься по другой такой же равнинѣ, возвышающейся къ востоку по горамъ постепенно верстъ на 10. Здѣсь, между кустами сухой, желтой травы, видна изрѣдка мята съ маленькими фіолетовыми цвѣтами, и еще другая трава, растущая безъ листьевъ, кустами, въ видѣ прутьевъ, издающихъ сильный и пріятный запахъ; вкусомъ она горька и похожа на полынь.

«Вся долина, возвышаясь до самыхъ горъ, имѣетъ много рытвинъ отъ дождевой воды, и всѣ онѣ идутъ по направленію къ Ю. Ю. З. Прощедши отъ *Актама* вышеописанныя 22 версты, путешественникъ входитъ въ большое ущелье, заключающееся высокими и длиннымъ обрывомъ, въ самой глубинѣ коего находится колодець *Беуръ-Куи-Гассанъ-Куи*; онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ сѣверной, малыми гладкими возвышеніями, которыя покрыты травами; среди ихъ, къ югу идетъ небольшое ущелье, которымъ, по словамъ Туркменовъ, можно подняться на самый верхъ Балхана. Вода въ этомъ колодецѣ холодная и прѣсная, самаго лучшаго вкуса.

Около него растутъ нѣсколько кустовъ смоловичныхъ деревьевъ посохшихъ отъ жару; мѣсто это можетъ почесться самымъ лучшимъ во всей Туркменіи. Колодецъ не имѣетъ болѣе сажени глубины, но даетъ много воды; по окрестному около него мѣстоположенію, можно полагать, что во всѣхъ копаняхъ будетъ показываться хорошая прѣсная вода.

«Отъ этого мѣста подъемъ на Балханъ идетъ по крутымъ скаламъ; тутъ начинаютъ показываться въ ущельяхъ можжевеловыя деревья. Выше, лѣсъ этотъ становится чаще, такъ-что деревья растутъ въ 20 и 30 сажняхъ одно-отъ-другаго; онѣ облечены толстою корою и имѣютъ до полуаршина въ поперечникѣ; въ вышину-же нѣкоторыя изъ нихъ восходятъ до 6 и 7 сажень; сучья ихъ издаютъ запахъ кипариса. Источниковъ по всему подъему не имѣется, и хотя мѣсто сіе заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, потому-что во всей прибрежной Туркменіи нѣтъ почти нигдѣ ни хорошей воды, ни большихъ можжевеловыхъ кустовъ, однако оно весьма далеко отъ того понятія, которое даютъ объ немъ Туркмены, не видашіе ничего лучшаго. Они говорили, что источники на этихъ горахъ встрѣчаются на каждомъ шагу, а самыя горы покрыты высокимъ строевымъ лѣсомъ и изобилуютъ всякаго рода растѣніями.

«Цѣпи горъ, лежація на востокѣ отъ первой Балханской горы, но-видимому должны быть точно такихъ же свойствъ, какъ и вышеописанная гора; онѣ простираются далеко въ степь. Можно полагать, что первая гора, о которой здѣсь говорено, имѣетъ 300 сажень вышины, считая отъ колодца, до коего мѣстоположеніе отъ Актама уже примѣтно возвышается.

«Съ этой вершины ясно видны рукава Оксуса и соленое озеро, отъ котораго они раздѣляются. У подошвы ея идутъ дороги изъ *Астрабада* и изъ владѣній *Техд*. Когда берега Балханскаго-Залива были болѣе населены кочевьями, то этими мѣстами часто ходили торговые караваны; нынѣ-же они служатъ путями хищникамъ.

«На Балханѣ паслись прежде конскіе табуны Туркменовъ; но по этому еще не должно заключать о богатыхъ пастбищахъ страны: лошади туркменскія пасутся и въ бесплодныхъ степяхъ, и питаются почти тѣмъ же, чѣмъ и верблюды. Отличная порода туркменскихъ жеребцовъ не имѣетъ быть-можетъ

подобной себѣ въ свѣтъ; они соединяютъ въ себѣ силу съ красотой, проворство съ терпѣніемъ, пробѣгаютъ ужасныя безводныя степи, проводятъ по двое и по трое сутокъ безъ воды, и довольствуются самою бѣдною пищею. Можно сказать, что созданіе это самое благородное во всей Туркменіи. Оно во многихъ отношеніяхъ предпочтительнѣе людей этой страны, разумѣется говоря о нихъ вообще.

«Туркмены не живутъ сами въ Балханскихъ—Горахъ. До 1820 года укрывался въ нихъ многіе годы одинъ старикъ съ двумя сыновьями, славившійся разбоями. Боясь мщенія отъ своихъ соотчичей, онъ не смѣлъ показаться въ ихъ кочевья и жилъ одною ловлею. Потомъ онъ оставилъ горы и переселился въ Хиву.

«Туркмены, любящіе украшать старинныя преданія баснословными рассказами, рассказываютъ много чудесъ объ этихъ горахъ, о развалинахъ городовъ имѣющихся въ нихъ, о крѣпостяхъ и славныхъ чародѣяхъ жившихъ въ этихъ скалахъ. При такихъ рассказахъ принимаютъ они таинственный видъ, возбуждающій любопытство путника.

«Горы эти, когда текла между ними рѣка Оксусъ., были вѣроятно населены; въ нынѣшнемъ состояніи своемъ не заслуживаютъ онѣ большаго вниманія, тѣмъ—болѣе что доступъ до нихъ очень затруднителенъ, по—причинѣ безводія. Они простираются довольно далеко въ степь; восточная оконечность ихъ не обследована, и обследованіе это сопряжено съ большими затрудненіями. Жители, увеличивая все, рассказываютъ многое объ этихъ мѣстахъ; но судя о нихъ по видѣнному, не должно полагаться на слова ихъ, причиною коимъ служитъ между прочимъ и желаніе ихъ видѣть насъ поселившимися въ ихъ землѣ.»

ЗАЛИВЪ КАРА-БУГАЗЪ.

Отъ Красноводской-Косы къ сѣверу, начиная съ колодца *Сеерешимъ*, восточный берегъ Каспійскаго-Моря не представляетъ ни одного замѣчательнаго мѣста до самаго Кара-Бугаза. Между этими пунктами находятся: колодець *Чай-Бурунъ*, мысы *Дарта* и *Акъ-Сенгиръ*, колодцы *Килмы* и *Кендерми*, русло

бывшей рѣчки *Кули*, и проч. При нихъ живутъ Туркмены Юмудскаго колѣна, занимающіеся рыбною ловлею и скотоводствомъ.

Кара-Бугазъ, или *Кара-Бугазъ* (черное горло), посѣщенъ въ первый разъ въ 1836 году экспедиціею Карелина. Соймоновъ, ровно 110 лѣтъ тому назадъ (въ 1726), посѣтилъ берега эти, но опасныя якорныя стоянки и подводные камни пугали его и экипажъ, и онъ не отважился войти въ самый заливъ. Послѣ покушенія этого опытнаго и смѣлаго мореплавателя, никто изъ Русскихъ не рѣшался посѣтить этого залива, и, какъ сказано, совершить предпріятіе это съ успѣхомъ удалось только помянутой экспедиціи.

Кара-Бугазъ соединяется съ Каспійскимъ Моремъ посредствомъ канала, или прохода, имѣющаго $1\frac{1}{2}$ версты въ длину отъ юга къ сѣверу, отъ 110 до 120 сажень ширины и 3 сажени глубины посредиѣ; скорость теченія изъ моря въ заливъ, около $3\frac{1}{2}$ версты въ часъ. Берега залива весьма низки и почти бесплодны: ясно видно, что въ древнее время покрыты они были моремъ. Самый заливъ при началѣ своемъ имѣетъ во многихъ мѣстахъ отмели, но далѣе глубина его довольно-значительна. Западный берегъ Кара-Бугаза низокъ; вдоль его тянутся песчаные бугры, покрытые кустарниками гребенчика. Далѣе къ сѣверу бугры эти возвышаются болѣе и соединяются наконецъ съ *Усть-Уртоли*. Начало залива отдѣляется отъ Каспійскаго-Моря узкою косою, ширина которой въ иныхъ мѣстахъ не болѣе версты.

Заливъ Кара-Бугазскій огроменъ; по словамъ Туркменовъ, онъ имѣетъ около 150 версты въ длину отъ юга къ сѣверо-западу и болѣе 200 версты отъ запада къ востоку. Слѣдовательно, поверхность его заключаетъ въ себѣ болѣе 25,000 кв. версты, и величиною уступаетъ онъ только Аральскому-Морю. Озеро *Кули-Деря*, или *Аджи-Кюси*, видѣнное Муравьевымъ въ 1819 году, на пути его въ Хиву, въ разстояніи около 220 версты къ сѣверо-востоку отъ колодезь *Бажуи* въ Балханскомъ-Заливѣ, и соединяющееся, по словамъ Туркменовъ, съ Кара-Бугазомъ, есть безъ-сомнѣнія юго-восточная оконечность сего залива. Не безъ вѣроятности также и то, что въ прежнее время одинъ изъ рукавовъ *Аму-Дерги* впадалъ въ озеро *Кули-Деря* съ сѣверо-восточной его стороны; съ восточной, это было невозможно,

ибо тамъ глится, отъ юга на сѣверъ, цѣнь горъ *Сара-Баба*, чрезъ которую Муравьевъ проѣхалъ въ 1819 году и описываетъ довольно подробно.

Кара-Бугазъ не заслуживаетъ большаго вниманія; море возлѣ пролива имѣетъ каменистые и такіе неровные грунты, что глубина переходитъ вдругъ съ 8 на 3 и потомъ до 2 и $1\frac{1}{2}$ саж. Входъ отъ пролива въ самый заливъ такъ мелокъ, что доступенъ для однихъ только гребныхъ судовъ. Якорная стоянка противъ залива самая опасная, и потому невозможно производить здѣсь никакой торговли. Вода въ немъ такъ солоня и горька, что рыбы не водятся внутри залива, и даже водяныя птицы, находящіяся около пролива въ большомъ количествѣ, исчезаютъ далѣе внутрь залива. Жители увѣряютъ, что вышеупомянутое озеро *Куми-Деря* поглощаетъ воду Каспійскаго-Моря, потому-что теченіе онаго въ Кара-Бугазъ довольно сильно; достовѣрность послѣдняго обстоятельства не подвержена сомнѣнію, но я думаю, что причиною тому испареніе воды и всасываніе оной окружающими заливъ песками. Проливъ, въ который упомянутой экспедиціи удалось взойти первой, названъ былъ ею, въ честь начальника своего, *Проливомъ-Карелина*.

При началѣ Кара-Бугаза кочуютъ послѣдніе Юмуды поколѣнія *Дервиши*; они занимаются скотоводствомъ и рыболовствомъ; число ихъ кибитокъ не болѣе 50; они живутъ смиренно и пользуются уваженіемъ отъ другихъ туркменскихъ поколѣній. Далѣе къ сѣверу кочуютъ поколѣнія *Идгыръ* и *Эрзари*. *

ЗАЛИВЪ КЕНДЕРЛИНСКІЙ.*

Отъ Кара-Бугазскаго-Залива восточный берегъ Каспійскаго-Моря глится прямо къ сѣверу съ нѣкоторыми уклоненіями

* Для пополненія представленнаго здѣсь описанія *Кара-Бугазскаго-Залива* могутъ служить отчасти свѣдѣнія объ немъ, напечатанныя изъ путешествія по Каспійскому-Морю въ 1726 году Ф. И. Соѣмонова, и помѣщенные Академикомъ Г. Ф. Миллеромъ въ изданномъ имъ «Описаніи Каспійскаго-Моря». Сиб. 1763. Стр. 210—213.

* Какъ противные вѣтры воспрепятствовали Карелинской экспедиціи войти въ этотъ заливъ, то предлагаемое описаніе его взято мною изъ другихъ источниковъ и между прочими изъ карты Колодкина.

на сѣверо-западъ. На пути къ Кендерлинскому-Заливу находятся мысы: *Уголь-Камель*, *Телмир-Баба* и *Хожъ-Аджи*; море возлѣ этихъ обрывистыхъ береговъ весьма глубоко, а подводные камни дѣлають плаваніе около нихъ весьма опаснымъ, особливо между *Уголь-Камель* и *Телмир-Бабоу*.

Кендерлинскій-Заливъ образуется съ одной стороны матерымъ берегомъ, углубляющимся здѣсь къ востоку и потомъ круто поворачивающимся къ западу, а съ другой — косою *Агъсъ-Ади*, отходящею отъ материка прямо къ сѣверо-западу, на протяженіи 25 верстѣ. Входъ въ заливъ довольно широкъ, до 4 верстѣ, а фарватеръ имѣетъ отъ 3 до 6 сажень глубины. Самый заливъ довольно обширенъ, простираясь на 24 версты отъ юга къ сѣверу и на 16 верстѣ отъ востока къ западу; глубина въ ономъ отъ 2 до 6 сажень. Грунтъ — илъ и сѣрый песокъ. Отмели находятся возлѣ береговъ, особливо къ сѣверо-востоку внутри залива. Коса *Агъсъ-Ади* была прежде островомъ, но теперь соединяется съ матерымъ берегомъ. Якорная стоянка въ этомъ заливѣ весьма покойна; но чтобъ войти или выйти изъ него, нужны особенные попутные вѣтры. Окрестности залива бесплодны и почти необитаемы; глѣтомъ кочуетъ вокругъ него нѣсколько кибитокъ Туркменовъ колѣна *Иедыръ*.

Отъ Кендерлинскаго - Залива до мыса *Ракушечнаго* берегъ тянется къ западу; не доходя до послѣдняго находится другой мысъ — *Токмакъ*; отъ Ракушечнаго-же Мыса поворачиваетъ берегъ къ сѣверо-западу до залива *Александръ-Бай*. Повсюду здѣсь имѣетъ онъ одинакій видъ: обрывистъ и бесплоденъ; море возлѣ него довольно-глубоко.

АЛЕКСАНДРЪ-БАЙ И ВЕКТЕМИРЪ-ИШАНЪ.

Александръ-Бай имѣетъ почти фигуру подковы: при началѣ своемъ простирается на 20 верстѣ отъ востока къ западу тогда-какъ длина его отъ юга къ сѣверу всего 10 верстѣ. При сѣверной оконечности своей соединенъ онъ съ другимъ заливомъ, *Вектемиръ-Ишанъ*, посредствомъ пролива. *Вектемиръ-Ишанъ* довольно обширенъ и состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ бухтъ; самая большая изъ нихъ — сѣверная. Якорная стоян-

на въ этомъ заливѣ была-бы весьма покойна, если-бы суда могли проходить черезъ отмель, находящуюся при входѣ въ него; впрочемъ, онъ не представляетъ никакихъ выгодъ, равно-какъ и *Александръ-Бай*, по немнѣю тамъ ни дровъ, ни прѣсной воды. Послѣдній заливъ закрыть ото всѣхъ вѣтровъ, кромѣ южныхъ; глубина въ немъ измѣняется отъ $2\frac{1}{2}$ до $5\frac{1}{2}$ сажень; грунтъ—сѣрый песокъ, но часто и каменистый.

Фигура Бектемиръ-Ишана совершенно другая, чѣмъ какую имѣетъ онъ на картѣ Колодкина.

БЕРЕГЪ ОТЪ АЛЕКСАНДРЪ-БАЯ ДО МЫСА ТЮКЪ-КАРАГАНА.

На юго-западной оконечности залива Александръ-Бай находится Уголъ-Песчаный. Здѣсь берегъ круто поворачиваетъ къ сѣверу и потомъ къ сѣверо-западу, которое направленіе и сохраняетъ почти до мыса *Тюкъ-Караганъ*, не доходя до котораго обращается опять къ сѣверу. На этомъ пространствѣ, берегъ крутъ, обрывистъ и не представляетъ никакихъ мѣстъ достойныхъ вниманія. Углы *Мъловой* и *Притунъ*, находящіеся между вышеупомянутыми мѣстами, суть голыя, обрывистыя скалы, выдающіяся въ море. Около перваго кочуютъ Туркмены поколѣнія Абдалъ.

РАЗСТОЯНІЯ МЕЖДУ ГЛАВНЫМИ ПУНКТАМИ БЕРЕГА ОТЪ ТЮКЪ-КАРАГАНА ДО АСТРАВАДСКАГО-ЗАЛИВА.

	версть.
Отъ мыса <i>Тюкъ-Карагана</i> до <i>Песчаного-Угла</i>	175
— <i>Песчаного-Угла</i> до <i>Кендерминскаго-Залива</i>	125
— <i>Залива-Кендерминскаго</i> до входа въ <i>Кара-Бугазъ</i>	180

* *Александръ-Бай* и *Бектемиръ-Ишанъ* посѣщены были въ 1846 году Подполковникомъ Генеральнаго-Штаба Иваннинымъ, который снялъ и описалъ окрестности обонхъ.

* Противные вѣтры воспрепятствовали Экспедиціи 1836 года пройти мысъ *Тюкъ-Караганъ*; послѣ того былъ онъ описанъ въ 1839 году Капитаномъ Генеральнаго-Штаба Ширковымъ, довольно подробно и снятъ на планъ; а въ 1844 году вторично снятъ и описанъ Подполковникомъ Матвѣевымъ.

	верстг.
Отъ <i>Кара-Бугаза</i> до конца <i>Красноводскій</i> Косы	150
— <i>Красноводскій</i> Косы до конца полуострова <i>Дервиша</i>	40
— <i>Дервиша</i> до <i>Зеленаго-Бугра</i>	105
— <i>Зеленаго-Бугра</i> до <i>Благо-Бугра</i>	30
— <i>Благо-Бугра</i> до <i>Гассанъ-Кули</i>	25
— <i>Гассанъ-Кули</i> до <i>Серебрянаго-Бугра</i>	40
— <i>Серебрянаго-Бугра</i> до устья р. <i>Кара-Су</i>	30

всего 900

**АСТРОНОМИЧЕСКИ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ВЪ 1836 ГОДУ ПУНКТЫ
ВОСТОЧНАГО ВЕРЕГА КАСПІЙСКАГО-МОРЯ.**

	широта.
1. <i>Астрабадскій-Заливъ</i> — при устьѣ рѣчки <i>Багу</i> (10 іюля)	36° 46' 48'', 6.
2. <i>Гассанъ-Кули</i> (средній выводъ изъ пяти наблюдений: 19, 20, 21, 25 и 27 іюля)	37° 23' 15'', 3.
3. Островъ - <i>Огуринскій</i> (средній выводъ изъ трехъ наблюдений: 17, 18 и 19 августа) — по серединѣ и на восточномъ берегу	38° 56' 30'', 4.
— по другому наблюдению (15 августа) въ 5 верстахъ отъ сѣверной оконечности и на восточномъ же берегу	39° 5' 4'', 9.
4. <i>Балханскій-Заливъ</i> — восточные колодцы <i>Балжуи</i> (3 сентября)	39° 59' 33'', 7.
5. <i>Балханскіа-Горы</i> — родникъ <i>Ядыларъ-Чешмесы</i> (10 сентября)	40° 14' 1'', 3.
— юго-западная вершина <i>Диремъ-Дага</i> (12 сентября)	40° 9' 58'', 3.
6. <i>Кара-Бугазъ</i> — на западной сторонѣ Провлива- <i>Карелина</i> (средній выводъ изъ двухъ наблюдений: 30 сентября и 1 октября)	41° 4' 13'', 1.
7. <i>Александръ-Бай</i> — входъ въ <i>Бектеширъ-Ишакъ</i> (4 октября)	43° 10' 1'', 9.
8. <i>Астраханскій-Карантинъ</i> (19 октября)	45° 41' 11'', 1.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА О ПРИВРЕЖНЫХЪ ТУРМЕНСКИХЪ
ПОКОЛѢНІЯХЪ СО ВРЕМЕНИ ВСТУПЛЕНІЯ ИХЪ ВЪ СНОШЕНІЯ
СЪ РУССКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.***

Народъ Туркменскій былъ нѣкогда весьма многочисленъ и кочевалъ весь въ степяхъ Мангышлакскихъ и вдоль восточнаго бѣрега Каспійскаго-Моря; но въ-послѣдствіи времени онъ раздѣлился, и частію перекочевалъ къ Хивѣ, частію въ Бухарію и даже въ Хорасанъ. Тѣ изъ Туркменовъ, кои остались въ предѣлахъ Мангышлака, почитали себя нѣкоторымъ образомъ въ подданствѣ у Хановъ Волжскихъ Калмыковъ и платили имъ легкую дань. Напослѣдокъ безпрерывныя набѣги Киргизовъ принудили и эту часть народа выселиться изъ Мангышлака, такъ-что ихъ осталось тамъ не болѣе 3,000 кибитокъ, или семействъ.

Въ царствованіе Петра-Великаго производимы были неоднократно экспедиціи по Каспійскому-Морю, для точнѣйшаго опредѣленія береговъ его. Въ 1717 году въ Александръ-Баѣ и на Красноводской-Косѣ построены были даже крѣпостцы, которыя и заняты нашими войсками; но несчастная экспедиція Князя Бековича въ Хиву, непріязненность прибрежныхъ Туркменовъ, беспокоившихъ часто гарнизоны помянутыхъ крѣпостицъ, равно-какъ нездоровый климатъ и недостатокъ въ жизненныхъ и другихъ припасахъ, все это принудило наше правительство оставить сіи берега, и всѣ сношенія съ прибрежными Туркменами были на долгое время прекращены.*

Въ 1741 году, Туркмены кочевавшіе около Бухаріи и Хивы, устрасаясь нашествія на эти страны персидскаго Шаха Надира приходили въ числѣ 300,000 кибитокъ въ Мангышлакскую-Степь занять древнія свои кочевья, и просили пособія въ хлѣбѣ изъ Астрахани, откуда и былъ отправленъ къ нимъ

* Матеріалы для этой записки взяты болѣею-частью изъ дѣлъ Тифлискаго Архива.

* Любопытныя подробности относительно похода Князя Бековича въ Хиву, постройки упомянутыхъ крѣпостицъ на восточномъ берегу Каспійскаго-Моря и оставленія ихъ, можно найти въ поманутой выше книгѣ Академика Миллера

корабль съ мукою ; но, свѣдавъ между-тѣмъ объ отступленіи Персіянь , они опять возвратились на брошенные—было ими мѣста, и въ Мангышлакъ осталось ихъ тогда не болѣе 253 кибитокъ.

Съ 1745 года начали они искать покровительства Россіи; въ этомъ году шесть поколѣній, кочевавшихъ около Мангышлака, прислали въ С.-Петербургъ старѣйшинъ своихъ съ домогательствомъ о принятіи ихъ въ подданство Россіи , и о построеніи у нихъ крѣпости для защиты ихъ отъ набѣговъ сосѣдей. Депутаты эти были отпущены безъ всякаго на просьбы ихъ рѣшенія ; ибо въ то же время узнано было о вѣроломствѣ соотчичей ихъ , сдѣлавшихъ насиліе судну нашему, возвышему къ нимъ съѣстные припасы. Затѣмъ Туркмены домогались , ужё черезъ Правителей Калмыцкихъ , дозволенія на переходъ черезъ р. Уралъ , для поселенія въ нашихъ степяхъ; но таковое желаніе ихъ отклонено было Астраханскимъ Губернаторомъ , по той причинѣ , что дозволить имъ переходъ значило—бы подать поводъ къ грабежамъ и разбоямъ для Киргизовъ.

Въ 1767 году, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ представляла на Высочайшее усмотрѣніе мнѣніе свое, что для Россіи нѣтъ никакой выгоды принимать Туркменовъ подъ свое покровительство, тѣмъ-менѣе считаетъ ихъ своими подданными, ибо народъ сей, отъ природы дикій и хищный, подъ видомъ подданства ищетъ только пособія въ жизненныхъ потребностяхъ; что нѣтъ никакого способа завести съ ними благоустроенную торговлю , ибо они вмѣняютъ себѣ въ забаву грабить и убивать купцовъ , или обращать ихъ въ тяжкую неволю ; что единственнымъ средствомъ къ покоренію этого буйнаго народа было—бы построеніе крѣпости гдѣ-нибудь на берегу Каспійскаго-Моря , и что въ-слѣдствіе того съ 1744 года дѣлаемы были многократныя покушенія къ присканію удобнаго мѣста для постройки такой крѣпости ; но что съ-одной-стороны Туркмены сами дѣлали въ томъ величайшія затрудненія , а съ-другой , изъ послѣднихъ свѣдѣній , сообщенныхъ инженеромъ Ладъженскимъ , оказывается, что недостатокъ въ водѣ по всему восточному берегу Каспійскаго-Моря служитъ неопредѣлимымъ препятствіемъ къ заведенію и существованію тамъ русскаго укрѣпленія.

Въ 1798 году, Мангышлакскіе Туркмены прислали къ Астраханскому Губернатору депутацію съ ходатайствомъ о построеніи на мысѣ Тюкъ—Караганъ крѣпости, которая служила-бы мѣстомъ для складки товаровъ въ торговлѣ съ Ташкентомъ, Самаркандомъ, Бухарією, Ургенчемъ и Астраханью. Бывшій тогда въ Астрахани Губернаторъ Аршеневскій одобрялъ эту мысль, и на картѣ, имъ самимъ сочиненной, изъяснилъ всѣ выгоды, какія могли произойти оттого какъ для торговли нашей, такъ и для рыбной ловли, начиная отъ устья Урала до угла Тюкъ-Караганскаго. Предположеніе это не имѣло однако же никакого послѣдствія.

Въ 1802 году, Мангышлакскіе Туркмены, сами объявивъ себя російскими подданными, опять прислали въ С.-Петербургъ депутатовъ, съ возобновленіемъ просьбы о принятіи ихъ въ подданство Россіи, о построеніи крѣпости для защиты торговли ихъ отъ разбоевъ Киргизовъ, и о дозволеніи имъ производить ловъ тюленей при урочищѣ *Гедикъ*. Депутаты эти были приняты, и при обратномъ отправленіи вручена имъ Высочайшая грамота, данная отъ 16 апрѣля 1803 года, на имя Абдалскаго при Мангышлакѣ отдѣленія Туркменовъ, которою они всемилоостивѣйше удостоивались къ принятію подъ покровительство Россіи; самими-же депутатамъ, всего въ числѣ четырехъ человекъ, назначено жалованье, по 100 руб. сер. въ годъ каждому, изъ астраханскихъ доходовъ, и сверхъ-того пожалованы золотыя медали на алыхъ лентахъ.

Въ томъ же 1803 году, Высочайшимъ повелѣніемъ поручено было находившемуся тогда Главнокомандующимъ въ Грузіи Князю Циціанову рассмотреть: какимъ образомъ просимое Мангышлакскимъ Народомъ укрѣпленіе соружено быть можетъ, какаго рода оному быть должно, и какой гарнизонъ нужно будетъ въ немъ держать; затѣмъ составить всему смѣты и планы и представить ихъ при миѣніи своемъ на Высочайшее рассмотрѣніе. Равномѣрно велѣно было ему рассмотреть и просьбу относительно дозволенія Туркменамъ безпрепятственной ловли тюленей при урочищѣ Гедикъ, въ промыслѣ коихъ были они стѣснены по случаю отдачи эмбенскихъ водъ Графу Кутайсову. Въ-слѣдствіе сего посланъ былъ для осмотра восточнаго берега Каспійскаго-Моря Инженеръ-Поручикъ

Лашкаревъ, который призналъ самымъ лучшимъ мѣстомъ для постройки укрѣпленія помянутое урочище Гедикъ. Составленные Лашкаревымъ описаніе и планы представлены были Княземъ Циціановымъ на Высочайшее благоусмотрѣніе, съ мнѣніемъ, чтобы рѣшительное о семъ положеніе отложить до весны 1804 года, въ которое время онъ предполагалъ лично осмотрѣть тѣ мѣста. Но какъ онъ не успѣлъ сдѣлать этого, то по Высочайшему повелѣнію, тоже порученіе возложено было на Инженеръ-Генералъ-Маіора Фелькерзама, который нашелъ выгодными къ построению на нихъ укрѣпленія устья р. Эмбы и Тюкъ-Караганскій Уголь; издержки на это, по сдѣланнымъ нѣмъ смѣтамъ, должны были простираться до 250,000 руб. асс. Приведеніе сего въ исполненіе преемникъ Князя Циціанова Графъ Гудовичъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, полагалъ оставить до удобнѣйшаго времени, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе, сообщенное отношеніемъ Графа Румянцова отъ 18 февраля 1808 года.

Въ 1811 году, пріѣзжали въ Астрахань шесть человекъ Туркменовъ чоудурскаго рода, и просили о позволеніи поколѣнію ихъ, въ числѣ 2,300 семействъ, поступить въ подданство Россіи и поселиться на астраханскихъ степяхъ: депутатамъ этимъ дозволено было предварительно осмотрѣть кочевья мѣста въ Астраханской и Кавказской губерніяхъ. Въ тоже время изъявили желаніе вступить въ подданство Россіи и поселиться въ предѣлахъ нашихъ еще 3,600 семействъ Туркменовъ другихъ поколѣній: по сношенію о томъ Генерала Ртищева съ Государственнымъ Канцлеромъ, предположено было послать военныя суда для перевозки всѣхъ тѣхъ семействъ; но въ назначеніи таковыхъ судовъ встрѣтилось затрудненіе; затѣмъ полагали нанять купеческія, но по сдѣланному Астраханскимъ Губернаторомъ исчисленію, оказалось, что при наймѣ для означенной цѣли 5 судовъ средней величины, вмѣщающихъ каждое до 250 человекъ, потребовалось бы 10 лѣтъ для перевозки однихъ только 2,300 семействъ, заключающихъ примѣрно до 11,500 душъ; а на перевозку на тѣхъ же судахъ скота ихъ, простиравшагося до 850,000 штукъ — 1720 лѣтъ, и на все нѣсколько десятковъ милліоновъ денегъ; переселить же ихъ посредствомъ перекочевки нашли невозможнымъ, по той причинѣ, что Туркмены въ такомъ случаѣ подверглись-

бы на пути нападеніямъ Киргизовъ и другихъ своихъ сосѣдей. Въ-слѣдствіе-того, шестеро депутатовъ, осматривавшихъ земли, отправлены были обратно въ Туркменію. Но послѣ нихъ пріѣхало оттуда восемь другихъ, которые, повторивъ просьбу о принятіи ихъ въ подданство Россіи, присоветовали, что они и всѣ вышеозначенные 5,900 семействъ не желаютъ оставить занимаемыхъ ими мѣстъ, а просятъ только покровительства Россіи, и позволенія чтобы изъ Астрахани доставлялся имъ хлѣбъ для продовольствія.

Въ 1813 году, во время войны нашей съ Персіадами, какой-то Султанъ-Ханъ присылалъ, какъ видно изъ письма его къ Генералу Ртищеву, депутатовъ Гуссейнъ-Хана и Кіатъ-Бека съ увѣдомленіемъ, что онъ съ своими подвластными (юмудскаго колѣна) также возсталъ противъ Персіанъ и опустошилъ всѣ мѣста близъ Астрабада.

Въ 1819 году, Главнокомандующій Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ Генералъ Ермоловъ отправилъ для осмотра восточнаго берега Каспійскаго-Моря Маіора Пономарева и Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Капитана Муравьева: имъ было поручено стараться болѣе всего о пріисканіи пристани, которая бы, сверхъ удобствъ къ закрытію судовъ отъ вѣтра, представляла по-близости прѣсную воду въ достаточномъ количествѣ, такъ-чтобы тамъ можно было учредить магазины для складки товаровъ и построить для прикрытія ихъ крѣпость. Капитану Муравьеву поручено было, сверхъ того, отправиться, если онъ найдетъ возможнымъ, въ Хиву и убѣдить тамошняго Хана, чтобы онъ направилъ торговлю Хивы на тотъ пунктъ, на которомъ найдется возможнымъ сдѣлать предположенныя постройки. При исполненіи возложеннаго на нихъ порученія, Пономаревъ и Муравьевъ не встрѣтили никакихъ препятствій со стороны Туркменъ юмудскаго колѣна, обитавшихъ въ числѣ 40,000 кибитокъ на пространствѣ отъ Серебрянаго-Бугра до Балханскаго-Залива; Туркмены эти даже просили о принятіи ихъ подъ покровительство Россіи, и назначили отъ себя Кіатъ-Бека для нахождения при Маіорѣ Пономаревѣ въ-продолженіе его экспедиціи. Узнавъ здѣсь, что путь въ Хиву нисколько не опасенъ отъ разбойниковъ, Муравьевъ отправился къ Хивинскому Хану въ сопровожденіи Туркменовъ, избранныхъ помянутымъ Кіатомъ. Извѣстно, каковъ

былъ успѣхъ этого посольства: пріѣхавъ въ Хивинскія Владѣнія, Муравьевъ былъ, низачто-нипрочно, продержанъ 48 дней въ заключеніи, и хотя потомъ представился Хану, но не успѣлъ склонить его на предложенія нашего правительства, и тотчасъ же былъ отправленъ обратно изъ Хивы. Впрочемъ, Ханъ, по совѣту Муравьева, послалъ двухъ чиновниковъ своихъ съ письмомъ къ Генералу Ермолову. Съ сими посланными и Кіатъ-Агою, уполномоченнымъ со стороны Туркменовъ, Пономаревъ и Муравьевъ возвратились въ Тифлисъ. Выгоднѣйшими изъ всѣхъ мѣстъ, удобныхъ для построения предположенныхъ магазиновъ и крѣпости, нашли они два пункта: одинъ—при Серебряномъ-Бугрѣ, близъ впаденія въ море рѣки Гюргени, а другой—въ Балханскомъ-Заливѣ у Красноводска. Первый обращалъ на себя вниманіе по близости его къ Астрабаду, отъ котораго отстоитъ онъ не болѣе какъ на 3 или на 4 часа ѣзды, по нахожденію тамъ прѣсной воды въ достаточномъ количествѣ, и не въ дальнемъ разстояніи оттуда — лѣса, годнаго для построекъ, и, наконецъ — рыбныхъ ловель тамошнихъ; при выгодахъ этихъ, неудобства представлялись тѣ, что рейдъ въ означенномъ пунктѣ совершенно открыть, такъ-что въ зимнее время судамъ невозможно стоять тамъ безъ видимой опасности: почти на двѣ версты отъ берега простирается отмель, не позволяющая подходить къ нему близко даже гребнымъ судамъ. Послѣдній, т. е. Красноводскъ, указанъ былъ, напротивъ, именно по преимуществамъ его рейда, который можетъ назваться самымъ покойнѣйшимъ, какого только желать можно; сообщеніе изъ онаго во всякое время года и со всѣми мѣстами совершенно удобно; но при этомъ предвидѣлся недостатокъ въ дровахъ, потому-что, хотя, по увѣренію жителей, и находится мелкій лѣсъ (кустарникъ) на полуостровѣ Дарджи, но лѣсъ этотъ весьма легко могъ быть истребленъ, а замѣнить его было-бы нечѣмъ. Юмуды — какъ изъяснялся Пономаревъ — «народъ безначальный въ полномъ смыслѣ сего слова; никто ими не управляетъ и нѣтъ у нихъ никакой власти, слѣдовательно не существуетъ между ними и никакихъ политическихъ связей».

Въ маѣ мѣсяцѣ 1820 года, посланцы Хивинскаго Хана отправлены были обратно, съ письмомъ отъ Генерала Ермолова, равно-какъ и посланный Туркменами Кіатъ-Ага; о по-

Слѣднемъ Главикокомандующій отзывался съ самой выгодной стороны въ письмѣ своемъ къ Туркменскимъ Старшинамъ, обнадеживая сихъ-послѣднихъ въ тоже время, что просьба ихъ о принятіи въ подданство Россіи представлена имъ на Высочайшее благоусмотрѣніе. Между-тѣмъ рапорты и журналы Пономарева и Муравьева преспроваждены были къ Вице-Канцлеру, и переданы имъ въ учрежденный тогда для Азіатскихъ дѣлъ Комитетъ. Генералу Ермолову, въ-слѣдствіе сего, предоставлено было отправить къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго — Моря вторую, морскую уже экспедицію, для осмотра мѣстоположенія ихъ со всею подробностію, и для тщательнѣйшаго въ-особенности освидѣтельствованія заливовъ Красноводскаго и Кендерлинскаго, съ-тѣмъ-чтобы, по возвращеніи сей экспедиціи, онъ изложилъ свое мнѣніе относительно выбора мѣста для укрѣпленія, и составилъ смѣту какъ денежныхъ суммъ, такъ и воинскимъ потребностямъ, необходимымъ для постройки и вооруженія крѣпости, которая могла-бы вмѣщать 1,000 человекъ гарнизона. На совершеніе таковой экспедиціи и для покупки хлѣба, который-бы можно было продавать и дарить Туркменамъ, вообще терпящимъ въ немъ недостатокъ, ассигновано было 25,000 р. асс., а дабы удержать Юмудское Поколѣніе въ благонамѣренномъ расположеніи, которое оно тогда изъясляю, назначено было еще 10,000 р. асс. на заготовленіе для него разныхъ подарковъ.

Экспедиція эта была отправлена въ 1821 году, подъ начальствомъ Муравьева, произведеннаго между-тѣмъ въ Полковника, а въ помощь ему даны Артиллеріи Подпоручики Рюминъ и Катани. Кіатъ-Бекъ, находившійся при выѣздѣ Муравьева изъ Тифлиса въ городъ Баку, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Яхши-Мамедомъ, былъ взять имъ съ собою, и для поощренія къ дальнѣйшимъ услугамъ, получилъ въ подарокъ погребецъ съ чайнымъ приборомъ и другія вещи.

Окончивъ экспедицію, Муравьевъ возвратился въ Тифлисъ въ концѣ ноября 1821 года.

Онъ произвелъ обстоятельное обозрѣніе и даже инструментальную съемку Балханскаго-Залива, лежащаго по прямѣйшему направленію къ Хивѣ, избралъ на Красноводской-Косѣ удобнѣйшее для укрѣпленія мѣсто, неподалеку отъ спокойной для судовъ якорной стоянки, гдѣ можно притомъ имѣть хотя и

не лучшую, но съ предосторожностями годную къ употребленію прѣсную воду, и осмотрѣлъ Балханскія-Горы, пли отрасль этихъ горъ, гдѣ есть лѣсъ, хорошая прѣсная вода и пастбища; горы эти, почитаемые богатѣйшимъ мѣстомъ по всему восточному берегу и соединяющія всѣ возможныя выгоды съ хорошимъ климатомъ, могли бы, при построении на нихъ укрѣпленія, какъ полагалъ Муравьевъ, привлечь со-временемъ въ окрестности его многочисленныя кочевья разбѣяннаго колѣна Юмудовъ. «Построеніе здѣсь предположеннаго укрѣпленія, извѣстилъ Генералъ Ермоловъ въ отношеніи своемъ къ Вице-Канцлеру, отъ 27 марта 1822 года—дѣйствительно могло бы принести ожидаемую пользу; но всѣ удобства занятія Балханскихъ-Горъ уничтожаются препятствіями непреодолимыми: горы эти отстоятъ на 4 дня пути отъ того мѣста, гдѣ суда могутъ безопасно останавливаться на якорѣ; чтобы добраться до нихъ, надобно проходить степь совершенно безводную и переправляться черезъ рѣку Аму-Дерью, которую нельзя-же оставить безъ защиты, а защиту эту расположить нѣтъ никакой возможности». Отсылая къ Графу Нессельроде составленное Муравьевымъ описаніе Балханскаго-Залива, общій планъ того же залива, планъ Красноводской-Косы, особый подробный планъ оконечности ея, и планъ острова Челекени, Генералъ Ермоловъ присовокупилъ, что Муравьевъ, по наступленію поздняго осенняго времени, не успѣлъ произвести обзорѣнія Кара-Бугазскаго и Кендерлинскаго заливовъ, которыхъ не должно было-бы оставлять безъ изслѣдованія; что къ-сожалѣнію предвидится, что изъ всѣхъ трехъ поименованныхъ мѣстъ, гдѣ-бы ни было устроено укрѣпленіе наше, пути къ Хивѣ подлежатъ будутъ трудныя; и, наконецъ, что не малое протечетъ время, пока нѣкоторая степень образованности сообщится Туркменамъ, кои, ища безопасности, соберутся подъ защиту укрѣпленія нашего, а между-тѣмъ невѣжество мусульманское безпрестанно будетъ избобрѣтать средства охлаждать ихъ къ намъ довѣренность.

Въ 1830 году, Графъ Паскевичъ посылалъ изъ Тифлиса въ Туркменію Есаула Лалаева: ему поручено было, чрезъ сближеніе съ Кіатъ-Бекомъ и другими старшинами, узнать: въ какомъ отношеніи находятся и каково расположены Туркмены

къ Персіи, Хивѣ и Россіи. Возвратившись, Лалаевъ донесъ, что по прибытіи въ Челскепъ, былъ онъ въ аулѣ состоящемъ изъ 30 кибитокъ родственниковъ Кіатъ-Бека, откуда поѣхалъ, въ сопровожденіи самого Кіатъ-Бека, обследовать берегъ до Астрабала; но Кіатъ не хотѣлъ ѣхать съ нимъ внутрь Туркменіи, и въ ночное время бѣжалъ на привезшее ихъ судно. Послѣ того Лалаевъ доносилъ, что Туркмены весьма преданы Россіи, и предпочитаютъ ее прочимъ государствамъ; что всѣ ихъ поколѣнія въ политическомъ отношеніи согласны между собою; что разногласія, раздоровъ и междоусобій, прежде случавшихся, нынѣ не бываетъ, и, наконецъ, въ заключеніе представилъ именный списокъ старшинъ наиболѣе уважаемыхъ Туркменами.

Затѣмъ, при отъѣздѣ своемъ въ С. Петербургъ въ 1831 году, Графъ Паскевичъ снова приказалъ отправить Лалаева въ Туркменію, чтобы пригласить почтеннѣйшихъ старшинъ пріѣхать въ Тифлисъ, для переговоровъ о торговлѣ. По этому случаю, Тайный Совѣтникъ Родофинкинъ, въ отношеніи къ Барону Розену отъ 1 ноября того же 1831 года, писалъ, между прочимъ, что «Туркмены народъ кочующій, не признающій надъ собою никакой верховной власти, за исключеніемъ въ которыхъ лишъ поколѣній ихъ, подвластныхъ Хану хивинскому; въ одномъ году кочуетъ близъ берега одно Туркменское колено, а въ слѣдующемъ, приставъ къ оному, находясь на мѣстѣ его совсѣмъ другое, не имѣющее съ первымъ никакихъ связей; посланцы ихъ, или повѣренные, подпишутъ все, что угодно, единственно для того, чтобы получить подарки, обыкновенно имъ дѣлаемые при такихъ случаяхъ, и потомъ нисколько не беспокоятся о томъ, что подписаннаго ими никто не исполнитъ, ибо знаютъ, что ихъ, посланцевъ, никто не найдетъ для наказанія».

Въ 1832 году, Оренбургскій Губернаторъ Графъ Сухтеленъ приказалъ обозрѣть сѣверо-восточный берегъ Каспійскаго-Моря, для выбора мѣста къ основанію тамъ крѣпости, и г. Карелинъ, которому поручено было это обозрѣніе, избралъ желаемый пунктъ въ заливѣ Мертвомъ-Култукъ, гдѣ, въ слѣдствіе того, въ 1833 году и построено Ново-Александровское Укрѣпленіе.

Въ 1835 году, предприимчивый астраханский купецъ Герасимовъ поѣхалъ въ Гассанъ-Кули, и первый изъ русскихъ торговцевъ вступивъ въ сношеніе съ Юмудами, заключилъ съ ними условіе о томъ, чтобъ они ловили и приготовляли для него рыбу въ собственно имъ принадлежащихъ водахъ. Въ томъ же году привезъ онъ Кіата и сына его Хадырь-Мамеда въ Тифлисъ, для личнаго объясненія съ Командиромъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса Барономъ Розеномъ, насчетъ жалобъ принесенныхъ Кіатомъ на притѣсненія астраханскаго же купца персіянина Миръ-Багирова, оспаривавшаго у него туркменскія воды.

Въ 1835 году, Высочайше утверждена была Экспедиція для обзоренія восточныхъ береговъ Каспійскаго-Моря, подъ начальствомъ Коллежскаго Ассесора Карелина, результаты которой изложены выше.

Послѣ того, какъ Ново-Александровское Укрѣпленіе оказалось построеннымъ на неудобномъ мѣстѣ, то въ 1839 году посланы были на Мангышлакскій берегъ Генеральнаго Штаба Капитанъ Ширковъ и Флота Капитанъ-Лейтенантъ Болиско, которые выбрали, для перенесенія туда Ново-Александровскаго Укрѣпленія, Николаевскую-Гавань на мысѣ Тюкъ-Караганъ. Въ 1844 году, мысѣ этотъ снова былъ осмотрѣнъ и снятъ Маіоромъ Матвѣевымъ, посланнымъ изъ Оренбурга отъ тамошняго Корпуснаго Командира Обручева.

Въ 1845 году, наконецъ, на томъ же мысѣ Тюкъ-Караганъ, на высотахъ Курганъ-Ташъ, возведено было Ново-Петровское Укрѣпленіе, а Ново-Александровское въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года упряднено.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ТУРКМЕНОВЪ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ЮМУДСКАГО КОЛѢНА.

Туркмены населяютъ степи лежація между Каспійскимъ-Моремъ — съ одной, владѣніями Хивинскими и Бухарскими — съ другой, и Хорасаномъ — съ третьей стороны. Народъ этотъ состоитъ изъ двѣнадцати главныхъ колѣнъ, которыя въ-свою-очередь подраздѣляются на меньшіе роды. По родо-

словной таблицѣ, сообщенной намъ Кіатомъ, родоначальникомъ Туркменовъ былъ нѣкто Сеюнъ-Ханъ, который имѣлъ двѣнадцать сыновей; имена ихъ, по порядку старшинства, суть: Гокланъ, или Исенъ; Текѣ; Арсари; Салоръ; Сарыкъ; Сакаръ; Уа; Юмудъ, или Юмудъ; Аймакъ; Карадашли; Алили; Емрели. По именамъ этихъ сыновей, называются и происшедшіе отъ нихъ двѣнадцать главныхъ колѣнъ народа.

Отъ старшаго сына, Гоклана, Сеюнъ имѣлъ шесть внуковъ: Абдала, Игдыра, Бузачи, Мангишлу, Бурунчука и Чоудура, давшихъ имена существующимъ доселѣ родамъ Гокланова колѣна.

Осьмой сынъ Сеюна, Юмудъ имѣлъ въ-свою-очередь четверыхъ сыновей, по именамъ которыхъ колѣно Юмудовъ и раздѣляется доселѣ на четыре главные рода: Шеребъ, Чунн, Байрамъ-Чали, Коджикъ, подраздѣляющіеся на 50 меньшихъ отдѣловъ, такимъ образомъ:

Шеребъ:	Чунн:	Байрамъ-Чали:	Коджикъ:
<i>Каррауи</i>	<i>Атабай</i>	<i>Джюнаитъ</i>	<i>Татаръ</i>
<i>Бехликъ</i>	<i>Акъ</i>	<i>Салакъ</i>	<i>Коджикъ</i>
<i>Бахъ</i>	<i>Дазъ</i>	<i>Караходжа</i>	<i>Хивачи</i>
<i>Ильгай</i>	<i>Бардакъ</i>	<i>Укызъ</i>	<i>Кака</i>
<i>Дюджю</i>	<i>Канюкмазъ</i>	<i>Орусуги</i>	<i>Курама</i>
<i>Тонели</i>	<i>Конгарма</i>	<i>Карсакъ</i>	<i>Мараба</i>
<i>Огурджами</i>	<i>Маширыкъ</i>	<i>Калбулъ</i>	<i>Крикъ</i>
<i>Джафаръ-Бей.</i>	<i>Эймыръ</i>	<i>Кырымса</i>	<i>Аккарылы</i>
	<i>Юлма</i>	<i>Умакъ</i>	<i>Дангрыкъ.</i>
	<i>Игдыръ</i>	<i>Тубелъ</i>	
	<i>Когекъ.</i>	<i>Темешъ.</i>	

Джафаръ-Бей состоитъ въ свою очередь изъ слѣдующихъ 13 подраздѣленій: *Исанъ-Кули-Кюръ* (изъ котораго происходитъ многоупомянутый старшина Кіатъ), *Кельта*, *Карымджикъ*, *Панъ*, *Нурани*, *Ерали*, *Чукканъ*, *Арыкъ*, *Сакаллы*, *Кызылы*, *Бурказъ*, *Кюрдъ* и *Тевеккель-Кюръ*.

Огурджали также подраздѣляются на 4 вѣтви: *Гирей*, *Недылы*, *Семедылы* и *Тереклы*.

Наионецъ къ Юмудамъ же причисляются и слѣдующіе пять родовъ, считающіе себя происходящими отъ потомковъ и учениковъ Магомета: *Ходжа, Ата, Шихъ, Дервишъ и Махтыль.*

Вотъ, что извѣстно намъ о каждомъ изъ двѣнадцати главныхъ колѣнъ Туркменскаго Народа:

1. Гокланъ. Кочуютъ въ верховьяхъ рѣки Гюргени; до 1835 года повиновались Персіанамъ, но теперь (въ 1836 году) въ открытой войнѣ съ ними; вотъ роды ихъ, кочующіе вверху по Гюргени, начиная отъ урочища *Гулибети-Каусъ*:

<i>Дигахъ</i>	350	кибитокъ.
<i>Сенерихъ</i>	500	—
<i>Геркезъ</i>	300	—
<i>Чекеръ-Бедоли</i>	800	—
<i>Ай-Дервишъ</i>	600	—
<i>Геррекъ</i>	750	—
<i>Байендеръ</i>	600	—
<i>Кара-Балханъ</i>	800	—
<i>Еркекли</i>	} всего	600 —
<i>Кеикъ</i>		
<i>Суранли</i>		
<i>Текенджи</i>		
<i>Кель</i>	} всего	800 —
<i>Кизиль</i>		
<i>Телекъ</i>		
<i>Бокадже</i>		
<i>Дари</i>		
<i>Кернозъ</i>		

Послѣдніе десять родовъ называются у Персіанъ *Или-Анги*, «Новыми Родами». — Всѣ Гокланы въ непрерывной враждѣ съ Юмудами. Потомки сыновей Гоклана: *Мангышлы, Абдала, Идырля, Чоудура* и проч., кочуютъ въ степи и при восточномъ берегу Каспійскаго-Моря, отъ Мангышлака до Кара-Бугаза. Они частію независимы, частію повинуются Хивинцамъ.

2. Теке. Живутъ между Гокланами и Хивою; это народъ самый разбойническій, истинный бичъ Хорасана; независимы,

и кочуютъ на сѣверныхъ покатосяхъ цѣпи Эльбурза, отдѣляющей отъ Хорасана пустыни Харезма. Покатости эти простираются отъ *Кизиль-Арвата* до *Мервъ-и-Шаги-Джегана*, и представляютъ богатѣйшій край, гдѣ было прежде нѣсколько большихъ городовъ, каковы: *Нисса*, *Абисердъ*, *Мервъ* и другіе, а теперь видны только тучныя пастбища и плодородныя поля. Въ этихъ долинахъ пасутся извѣстные на всемъ Востокѣ, по отличнымъ качествамъ своимъ, лошади Текейцевъ; на этихъ-то скакунахъ владѣльцы ихъ, въ сопровожденіи Гоклановъ, производятъ гибельныя набѣги свои на сѣверный Хорасанъ, разоряя города и селенія и захватывая людей, которыхъ продаютъ потомъ въ Хиву *. Всякій разъ какъ Персидскій Шахъ предпринимаетъ походъ противъ нихъ, они откочевываютъ въ хивинскія степи, куда невозможно преслѣдовать ихъ, и остаются такимъ образомъ безнаказанными. Живя во враждѣ съ единоплеменниками своими Юудами, съ Хивинцами, напротивъ-того, находятся Теке въ весьма пріязненныхъ сношеніяхъ.

3. Арсари. Кочевали прежде около Балханскаго-Залива, но теперь першли большею-частью въ Бухарію и покорились тамошнему владѣльцу.

4. Салоръ. Живутъ на востокъ отъ Теке; главное ихъ кочевье — *Шерекс*. Поколѣніе это считаетъ себя самымъ благороднѣйшимъ между всѣми Туркменами.

5. Сарыкъ. Кочуютъ около Мерва, къ сѣверу отъ Салорцевъ.

6. Сакаръ. Кочуютъ въ Бухаріи, на лѣвомъ берегу Амударьи.

7. Уа. Живутъ въ Хорасанѣ и находятся въ подданствѣ у Персіанъ.

8. Аймакъ

9. Карадашли

10. Азили

11. Емрели

} кочуютъ на востокъ отъ Салорцевъ и въ Хорасанѣ.

* После 1837 года набѣги эти прекратились, и теперь всѣ вообще Туркмены живутъ гораздо смирнѣе прежняго. Любопытныя подробности о Теке и другихъ туркменскихъ поколѣніяхъ, находятся въ путешествіяхъ Борнса (часть III) и Конолли (часть I).

12. Юмуды. Часть ихъ живетъ постоянно около рѣкъ Атрека и Гюргени, а остальные кочуютъ вдоль береговъ Каспійскаго-Моря къ сѣверу до Кара-Бугаза, внутри степи и въ Хивѣ. Они не признаютъ надъ собою никакихъ законовъ, никакого начальства. Всякая семья имѣетъ своего *pater familias*, *акъ-сакала*, или «бѣлую бороду», которому и повинуются безпрекословно, управляясь во всемъ на основаніи обычаевъ. Бюстителями этихъ обычаевъ, кромѣ акъ-сакаловъ, являются еще избираемые изъ тѣхъ же акъ-сакаловъ Старшины; но власть сихъ послѣднихъ весьма слаба, ибо они не имѣютъ права наказывать своихъ единоплеменниковъ. Впрочемъ, такъ какъ они избираются всѣмъ поколѣніемъ и притомъ изъ старшихъ и опытнѣйшихъ людей, то вообще пользуются довѣренностію народа и находятся съ нимъ почти всегда въ добромъ согласіи. Вотъ имена нѣкоторыхъ изъ Старшинъ въ настоящее время (1836 году): на островѣ Челекени и въ Гассанъ-Кули — Кіатъ-Бегъ съ сыновьями своими Яхши и Хадырь-Мамедомъ; въ Гюмишъ-Тепе — Аманъ-Назаръ и Мамедъ-Сардаръ; внутри степи — Казы Магомедъ-Таганъ и Черкесъ-Хавъ; начальникомъ Нурали считается Пиръ-Кули-Ханъ, а начальникомъ Ерали — Султанъ Мамедъ-Ханъ.

Кромѣ раздѣленія на колѣна и роды, Юмуды дѣлятся еще, по образу жизни, на три отдѣла: Чумуровъ, Чорвовъ и Огурджали. *Чумурали* называются осѣдые Юмуды, занимающіеся хлѣбопашествомъ и огородничествомъ: такіе живутъ по берегамъ Гюргени и Атрека. Имя *Чорвовъ* носятъ Юмуды кочующіе, занимающіеся исключительно скотоводствомъ: живутъ внутри степи. Наконецъ *Огурджали* зовутся тѣ, которые живутъ по берегамъ моря и занимаются рыболовствомъ, перевозкою нефти и соли въ Персію, и морскимъ разбоемъ. Къ сему-послѣднему отдѣлу принадлежатъ жители Челекени, Гассанъ-Кули и Серебрянаго-Бугра.

Наконецъ, прибрежные Юмуды могутъ быть подраздѣлены еще на два вида: на а) тѣхъ, которые, живя по Гюргени, въ сосѣдствѣ съ Персіянами, удержаны отчасти отъ грабительскихъ вторженій въ ихъ предѣлы; и на б) тѣхъ, которые, въ числѣ 8,000 кибитокъ, удалились отъ первыхъ къ сѣверу и поселились около Балхайовъ, откуда не перестаютъ беспокоить

Персію частыми набѣгами. Первые представляются въ-отношеніи къ Персіянамъ тѣмъ же, чѣмъ были въ отношеніи къ намъ, на Кавказѣ, «мирные» Чеченцы, пользовавшіеся правомъ пріѣзжать къ намъ и торговать, а тѣмъ-не-менѣе участвовавшіе во всѣхъ почти грабежахъ, которые производили единоплеменники ихъ, обитающіе въ болѣе непрístupныхъ мѣстахъ. Послѣдніе, въ числѣ 8,000 кибитокъ поселившіеся около Балханскаго-Залива (откуда были ими вытѣснены кочевавшіе тутъ Туркмены же поколѣнія *Ата*), не имѣютъ другаго промысла кромѣ хищничества. Они пріѣзжаютъ на Гюргень, и подъ покровительствомъ родственниковъ своихъ дѣлаютъ набѣги на Персію, и уводятъ отсюда плѣнныхъ на продажу въ Хиву. Не занимаясь ни хлѣбопашествомъ, ни порядочною торговлею, они, хотя и имѣютъ довольное количество денегъ, нуждаются однакоже даже въ самыхъ необходимыхъ для нихъ предметахъ: водой пользуются изъ колодець, по-большей-части солопатою или горькою; а хлѣбъ добываютъ изъ Хивы, куда надо ѣхать за нимъ отъ 15 до 17 сутокъ, и притомъ по трудной дорогѣ. Подать, наложенная на нихъ Хивинскимъ Ханомъ, почти воспретила имъ и этотъ отдаленный путь; они злобствуютъ за это на Хана, и вотъ настоящая причина, побудившая Юмудовъ искать покровительства Россіи. Жители Балхановъ нуждаются въ этомъ покровительствѣ, а кочевья по Гюргени давно мечтаютъ о томъ, какъ-бы избавиться имъ отъ притѣсненій Персіянъ, съ которыми они теперь въ открытой войнѣ; но тѣхъ и другихъ самая пріятная надежда состоитъ въ томъ, что имъ будетъ гораздо свободнѣе грабить Астрабадскую Область.

Что касается до характера Юмудовъ, то они не переимѣнились со времени Муравьева, который описалъ ихъ весьма вѣрно. Идціи народъ этотъ не имѣетъ понятія о гостепріимствѣ, алченъ къ деньгамъ, и изъ-за бездѣлницы готовъ сдѣлать всякаго рода низости; повинности не знаютъ, объ общей пользѣ понятія не имѣютъ; всякой, желая что-нибудь получить, называетъ себя старшиною; но тому только, кто поумнѣе и поотважнѣе, покоряются они дѣйствительно, не заботясь объ его правѣ. Ласковое съ ними обращеніе считаютъ слабостію, а боятся тѣхъ, кто поступаетъ съ ними строго. Сказанное относится къ прибрежнымъ Туркменамъ; Голданы съ

Текѣ можетъ быть и лучше Юмудовъ. Между послѣднимъ, одинъ только Кіатъ - Бекъ и его семейство не походятъ на своихъ родичей.

Туркмены Юмудскаго Колѣна ростомъ высоки, широкоплечи, волосы на бородѣ имѣютъ короткіе, окладъ лица большею-частью калмыковатый; но дѣти ихъ отъ персидскихъ наложницъ и невольницъ, имѣютъ обыкновенно правильныя черты, принимая отчасти физиономію матерей. Одежда прибрежныхъ Юмудовъ персидская; живущіе внутри степи носятъ такую-же, но шапки по-большей-части хивинскія. Волосы на головѣ они брѣютъ подобно всѣмъ магометанамъ суннитской секты; но молодые женатые люди, до рожденія у нихъ дитяти, носятъ зюльфы (локоны).

У женщинъ черты лица пріятны и довольно нѣжны; одежда состоитъ изъ цвѣтныхъ шараваръ, длинной красной, или синей, рубашки и головного убора, подобнаго русскимъ кокошникамъ, только вдвое выше. Кокошники эти, смотря по состоянію мужа, убираются золотыми и серебряными монетами; волосы на лбу оставляютъ при этомъ на-виду, и расчесываютъ ихъ съ тщаніемъ и очень опрятно на двѣ стороны, заплетая сзади въ длинную косу со множествомъ серебряныхъ погремусекъ. Ротъ и подбородокъ закрываютъ бѣлымъ платкомъ, (также-какъ Армянки въ Персіи) и никогда не снимаютъ его передъ посторонними людьми; около шеи носятъ обыкновенно большое серебряное кольцо съ цвѣтными камнями, которое также увѣшиваютъ серебряными погремусками.

Кибитки Туркменовъ дѣлаются на подобіе киргизскихъ или татарскихъ въ Грузіи. Жерди, или чубухи, обводятся камышевымъ плетнемъ и покрываются войлокомъ; внутри кибитки довольно опрятно и чисто; полъ устилается коврами, или войлоками, а около стѣнъ висятъ большіе мѣшки, сдѣланные также изъ ковровъ: въ нихъ находится домашняя утварь и хозяйственныя вещи. Женщины ткуть эти ковры почти на открытомъ воздухѣ, иногда довольно-красивыми узорами.

По здѣшнимъ обычаямъ, сноха никогда не назоветъ своего свекра по имени, и не только не обращается къ нему съ вопросомъ, но даже отвѣчаетъ чрезъ посторонняго или старшаго, имѣющаго право разговаривать съ нимъ свободно; тоже самое наблюдается и въ отношеніи къ старшему дѣверю. Во-

обще, Туркменки живутъ скромно, и всегда повинуются мужьямъ, а эти-последніе оказываютъ безрекословное повиновеніе родительской воли: последняя черта въ характерѣ Туркменовъ едва-ли не единственная, заслуживающая уваженія.

Юмуды и вообще Туркмены ненасытные и жадные тамъ, гдѣ это имъ ничего не стоитъ, дома, напротивъ-того, очень умѣренны; любимое ихъ кушанье — пловъ изъ сарацинскаго пшена; но употребляется оно не въ-частую: обыкновенно питаются хлѣбомъ (чуреками) и бараниною; чай и сахаръ любятъ, но всякаго рода крѣпкими напитками гнушаются и пьянство презираютъ: обыкновенное питье Юмудовъ — вода и молоко. Ъдятъ два раза въ день: разъ — вскорѣ послѣ разсвѣта, а другой — передъ захожденіемъ солнца.

Языкъ Туркменовъ татарскій, сходный съ казанскимъ нарѣчіемъ. Грамотныхъ между ними, кромѣ муллъ, никого нѣтъ. Закона они Магомстанскаго, исповѣданія Омарова (сунниты); время молитвъ и всѣ обряды соблюдаютъ съ точностію, но о догматахъ своего закона яснаго понятія не имѣютъ; мечети замѣняются особенными кибитками для моленія. Къ кладбищамъ, древнимъ развалинамъ, и мѣстамъ гдѣ похоронены святые ихъ, питаютъ большое уваженіе. Глава духовенства носитъ у Юмудовъ титулъ *Казы*.

Что касается до числа народа въ туркменскихъ поколѣніяхъ, то очень трудно и даже невозможно опредѣлить его съ точностію, потому-что поколѣнія эти почти всѣ ведутъ жизнь кочевую, и не имѣютъ ни начальства, ни управленія, слѣдовательно и никакой народной переписи. Кромѣ-того, они, подобно всѣмъ восточнымъ народамъ, изъ хвастовства преувеличиваютъ число кибитокъ каждаго колѣна, когда объ этомъ предметѣ спрашиваетъ ихъ чужеземецъ. Изъ помѣщаемой ниже сравнительной таблицы о числѣ кибитокъ въ туркменскихъ поколѣніяхъ, составленной по свѣдѣніямъ находящимся у Муравьева и Борнса, и отобраннымъ мною у Кіатъ-Бека и его сыновей — видно, что среднимъ числомъ всѣхъ кибитокъ можно положить до 308,200. Слѣдовательно, считая среднимъ числомъ по 4 человѣка на каждую кибитку, общее число Туркменскаго Народа оказывается простирающимся до 1,232,800 обоего пола душъ.

число кибитокъ, или семействъ.				
по свѣдѣніямъ				средній выводъ.
Муравьева.	Борнса.	Кіагъ-Бека и его сыновей.		
Гокланъ	40,000	9,000	40,000	29,600
Теке	50,000	40,000	50,000	46,000
Арсари	100,000	40,000	100,000	80,000
Салоръ	4,000	2,000	4,000	3,300
Сарыкъ	2,000	20,000	2,000	8,000
Сакаръ	2,000	2,000	2,000	2,000
Уа (вмѣстѣ съ Аймакъ, Кара- дашли и Аяли)	80,000	»	80,000	80,000
Юмудъ	40,000	20,000	40,000	33,300
Емрели	3,000	»	3,000	3,000
Абдалъ	»	»	5,000	} 15,000
Игдыръ	»	»	4,000	
Бузачи	»	»	6,000	
Мангышла	»	»	»	} 8,000
Бурунчукъ	} 8,000	8,000	8,000	
Чоудуръ				

Юмуды, при среднемъ числѣ ихъ кибитокъ въ 33,000, или при 133,200 душъ ихъ поколѣнія, могутъ, въ случаѣ нужды, выставить до 20,000 всадниковъ; но малое число изъ нихъ имѣютъ хорошее оружіе. Оружіе это состоитъ въ кинжалѣ, саблѣ, копьѣ, лукѣ со стрѣлами и ружьѣ. Сабли у нихъ кривыя и бываютъ иногда изъ хорошаго хорасанскаго желѣза; это главное ихъ оружіе. Кинжалы носятъ рѣдко; тѣ-же, которые имѣютъ, сдѣланы на-подобіе большихъ ножей. Копья также употребляются не всеми; древко, толщиною въ камышину, бываетъ не длиннѣе полуторы сажени; наконечники дѣлаются изъ хорошаго желѣза. Лукъ и стрѣлы въ употребленіи у тѣхъ, у кого нѣтъ ружей; луки эти невелики и недовольно упруги; стрѣла, пущенная изъ такого лука, далеко не

пролетить. Ружей, особливо съ замками и хорошаго качества, мало; встрѣчаемые обыкновенно — очень длинны, тяжелы, весьма малаго калибра, безъ замковъ и бѣльшую-частью сдѣланы винтовками; бьютъ довольно вѣрно и далеко, когда заряжены хорошимъ порохомъ, но очень неудобны: изъ нихъ нельзя стрѣлять съ лошади, а только съ присошекъ, лежа, и потому они употребляются только въ засадахъ; на длинныя приклады этихъ ружей навивается фитиль, конецъ котораго схваченъ желѣзными щипчиками, придѣланными къ прикладу; а щипчики эти приводятся къ полкѣ посредствомъ желѣзнаго прута, проведеннаго къ правой рукѣ стрѣлка; присошки придѣляются къ ложу около оконечности ствола, въ видѣ двухъ большихъ роговъ. Впрочемъ, нѣкоторые имѣютъ ружья съ замками, совершенно одного построенія съ персидскими; вообще-же Туркмены любятъ украшать стволы всякаго рода ружей своихъ серебряною насѣчкою. Пистолеты видѣли мы единственно въ семействѣ Кіатъ-Бека, и то подаренные ему отъ нашего правительства.

Въ цѣль стрѣляютъ довольно-хорошо, но съ такими приготовлениями и медленностью, что въ рукахъ ихъ огнестрѣльное оружіе теряетъ свое значеніе. Чтобы выстрѣлить, стрѣлокъ сперва ложится, потомъ цѣлится долгое время; при этомъ фитиль часто гаснетъ; въ-заключеніе, онъ попадаетъ пулей въ цѣль, только на разстояніи какихъ-нибудь 60 или 80 шаговъ.

Лучшій военный доспѣхъ Туркменовъ состоитъ безпрекословно въ ихъ быстрыхъ, сильныхъ и красивыхъ лошадяхъ, преимущественно изъ породы *Тенд*, знаменитыхъ на всемъ Востокѣ. Труды переносимые этими животными неимоверны: пробѣгая въ восемь сутокъ до тысячи верстъ чрезъ безводныя степи, безъ травы и безъ сѣна, они питаются во все это время только тѣмъ количествомъ ячменя или джогена (родъ кукурузы), которое могутъ увезти на себѣ вмѣстѣ съ сѣдокомъ и по четверо сутокъ пробываютъ безъ воды. Туркмены поятъ лошадей своихъ горячихъ, но послѣ того долгое время скачутъ на нихъ. Даже дома, на отдыхѣ, лошадямъ этимъ даютъ самую скудную пищу: скупость и безпечность Туркменовъ распространяются и на тѣхъ животныхъ, безъ коихъ-бы они жить не могли.

Сѣдло туркменское нѣсколько отлично отъ персидскаго: лука у него также высока, но задъ дѣлается пошире; прочая конская збруя бываетъ у многихъ довольно богата: ремни обшиваются серебромъ, и вставляютъ въ нихъ большіе сердолики.

Туркмены, какъ уже выше сказано, неспособны ни къ какимъ долговременнымъ военнымъ предпріятіямъ; любимый ихъ образъ войны, есть разбой и хищничество. Главные разбои свои производятъ они въ предѣлахъ Персіи; на воровство пускаются обыкновенно собравшись шайкою отъ 50 до 300 конныхъ охотниковъ; хищники эти берутъ съ собой, для увоза добычи, довольно число верблюдовъ, и смѣло отправляются чрезъ обширныя степи, по извѣстнымъ имъ путямъ, къ границамъ Персіи; не доходя до нихъ на полтора дня пути, они останавливаются въ скрытныхъ и удобныхъ для защищенія мѣстахъ, и отправляютъ оттуда далѣе лишь тѣхъ изъ сообщниковъ своихъ, которые имѣютъ дружественныя и родственныя связи съ Туркменами обитающими на персидской границѣ. Эти послѣдніе, хотя по-временамъ и признаютъ надъ собою владычество Персіи, но съ охотою принимаютъ хищниковъ, и указываютъ имъ тѣ мѣста, гдѣ съ выгодою можно произвести успѣшный разбой. По обстоятельному разузнаніи всего нужнаго, передовые посланные даютъ вѣсть остальнымъ, и хищники всѣ вмѣстѣ внезапно нападаютъ на указанныя имъ селенія или путешествующихъ, и грабятъ безощадно; но при этомъ они берегутъ жизнь несчастныхъ жертвъ своихъ, дорожа ими какъ товаромъ. Увозятъ они людей всякаго возраста и пола, и продаютъ ихъ потомъ въ Хивѣ; но если въ числѣ плѣнныхъ захватываютъ людей богатыхъ и семейныхъ, то всегда берегутъ ихъ тщательно и не продаютъ, въ ожиданіи большаго выкупа отъ родственниковъ, каковой часто и получаютъ. Нерѣдко случается также, что Гокланы, по просьбѣ родственниковъ тѣхъ плѣнныхъ, коихъ они продали уже въ рабство, ѣдутъ опять въ Хиву и крадутъ ихъ обратно, за что получаютъ иногда богатое вознагражденіе.

Набѣги свои на Персію Туркмены производятъ въ разныхъ мѣстахъ; если число хищниковъ невелико, они придерживаются къ морю и производятъ нападенія неподалеку отъ Астрабада; или — отправляются на лодкахъ и киржимахъ въ Астрабадскій-Заливъ и грабятъ въ окрестностяхъ сего-по-

слѣдняго; по когда шайка ихъ многочисленна, тогда, слѣдуя вверхъ по р. Гюргени, дѣлаютъ они грабежи въ Хорасанѣ, лѣсистыя мѣста котораго весьма имъ въ томъ способствуютъ: Туркмены скрываются въ нихъ и выжидаютъ удобнаго случая для нападенія на проѣзжихъ или на купеческій караванъ. Нападенія эти производятъ они преимущественно осенью, по окончаніи домашнихъ работъ, и нарочно для того откармливаютъ лошадей. *

МАРШРУТЫ ВЪ ХИВУ.

Главныя караванныя дороги, ведущія отъ восточнаго и сѣверо-восточнаго береговъ Каспійскаго-Моря въ Хиву, суть:

1. *Мангышлакская.*
2. *Сары-Калмышъ-Юль* (отъ Балханскаго-Залива).
3. *Дегели-Юль* (съ полуострова Дарджи).
4. *Орта-Куй-Юль* (отъ южнаго берега бывшаго Хивинскаго-Залива).

Первою ѣздитъ *Сарты* (осѣдлые туземцы Хивинскаго-Ханства), отправляясь изъ Хивы въ Астрахань большими караванами. Каждогодно въ началѣ мая мѣсяца отправляется караванъ изъ Хивы къ Мангышлаку, употребляя на этотъ путь отъ 25 до 29 дней. Дорога эта совершенно безлѣсна, но чрезъ одинъ или два перехода имѣются колодцы съ водою, болѣе или-менѣе прѣсною. Въ Мангышлакѣ Хивинцы садятся на наши купеческія суда, пріѣзжающія туда въ это время изъ Астрахани съ товарами, которыми, въ ожиданіи прибытія означеннаго каравана, купцы наши обмѣниваются съ прибрежными Киргизами или Туркменами.

Хивинцы ѣздитъ также и въ Оренбургъ, куда поспѣваютъ въ 35 и въ 42 дня. Путь туда лежитъ имъ чрезъ Усть-Ургъ и Киргизскую-Степь.

Товары, которые возятъ они къ намъ, состоятъ изъ выбоскъ, синей бязи, пряденой хлопчатой бумаги, различныхъ

* Часть приведенныхъ свѣдѣній заимствована изъ записокъ Полковника Муравьева. Любопытныя подробности касательно нравовъ и образа жизни прибрежныхъ Юмудовъ можно найти въ путешествіи Эйхвальда по Каспійскому-Морю въ 1825 году (часть I).

шелковыхъ матерій, кашемирскихъ шалей, бухарскихъ мерлушекъ, марены и разныхъ фруктовъ. Сартъ, желаящій торговать съ Россіею, сперва отправляется за означенными товарами въ Бухарію, потому-что въ самой Хивѣ издѣльная промышленность въ большомъ несовершенствѣ. Такимъ образомъ, Хивинскіе Сарты суть только доставщики товаровъ изъ государствъ къ востоку отъ нихъ лежащихъ. Богатства-же находящіяся въ частныхъ рукахъ у людей сего ханства, имѣютъ источникъ во множествѣ хлѣба, который производитъ Хива и которымъ довольствуется она всѣ окружающіе ее народы.

Товары, вывозимые отъ насъ Хивинцами, суть: хорошія и посредственныя сукна; холстъ; посуда стеклянная, мѣдная и чугунная; свинець, кожи, ножи, ножницы, и разныя другія издѣлія, которыхъ они сами не умѣютъ изготовлять, и рубли серебряные.

Остальныя три изъ вышеупомянутыхъ дорогъ служатъ только для Туркменовъ отправляющихся съ восточнаго берега Каспійскаго-Моря въ Хиву, для закупки разныхъ потребностей. Съ этою цѣлію караваны ихъ собираются при колодцахъ *Бугдайли* на полуостровѣ Дарджи, или при колодцахъ *Сегрешели* въ Балханскомъ-Заливѣ; бываетъ это обыкновенно въ началѣ сентября, при восхожденіи надъ горизонтомъ звѣзды *Адракс* (Сириуса), когда жары уже спадаютъ. Во время пути, верблюды пьютъ и горькую воду, но для людей и лошадей бурдюки наполняются хорошею водою, тамъ гдѣ находится она въ колодцахъ, чтобы довольствоваться ею въ мѣстахъ вовсе безводныхъ, или тамъ, гдѣ есть колодцы только съ горькою водою. Эти осенніе караваны обыкновенно зимуютъ въ хивинскихъ владѣніяхъ, но сиѣшатъ возвращаться обратно раннею весною, пока остается много воды по лужамъ, отъ растаяшаго сиѣга. Туркменскіе караваны съ Каспійскаго-Моря нерѣдко также ходятъ въ Хиву и весною; въ такомъ случаѣ возвращаются они домой позднею осенью, чтобы избѣжать жаровъ. Товары, покупаемые Туркменами въ Хивѣ, суть: пшеничная мука, сукно, ситцы и разныя потребности для хозяйства, которыя они вымѣниваютъ на звѣринныя шкуры, барановъ, верблюдовъ, лошадей, войлоки, ковры и плѣнныхъ Персіянъ; когда гоняютъ барановъ, то на путь отъ Балханскаго-Залива до Хивы употребляютъ 40 дней.

Въ-заключеніе, прилагаемъ маршруты трехъ помянутыхъ путей, а вмѣстѣ съ ними и тѣхъ, которыми въ 1819 году слѣдовалъ въ Хиву и обратно Н. Н. Муравьевъ.

САРЫ-КАМЫШЪ-ГОЛЪ.

названія колодезь:	дни вады.	глубина ко- лодезь въ маховыхъ саженяхъ.	качество воды въ колодцахъ.
<i>Сегрешель</i> (въ Балханскомъ-За- ливѣ, при горахъ <i>Окъ</i>) . . .	»	1	хороша.
<i>Бурнакъ</i>	$\frac{1}{2}$	3	id.
<i>Сольменъ</i>	$1\frac{1}{2}$	10	id.
<i>Сеули</i>	$1\frac{1}{2}$	25	горьковата.
<i>Язи-Эшель</i>	1	2	id.
<i>Ерх-Ойланъ</i>	$\frac{1}{2}$	7	id.
<i>Туеръ</i>	$\frac{1}{2}$	3	хороша.
<i>Диринъ-Деплъ</i>	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	солонвата.
<i>Озюкъ-Куй</i>	2	20	горьковата.
<i>Беишъ-Душикъ</i>	2	$1\frac{1}{2}$	хороша.
Хивинская-Земля	3	»	»
Итого	$15\frac{1}{2}$	»	»

По всей этой дорогѣ возлѣ каждаго почти колодца есть довольно кустарниковъ для варенія пищи.

ДЕГЕЛИ-ГОЛЪ.

колодцы и родники, начиная отъ п. <i>Дарджи</i> :	дни вады.	глубина ко- лодезь въ ма- ховыхъ саже- няхъ.	качество воды.
к. <i>Орна</i>	2	$1\frac{1}{2}$	хороша.
к. <i>Гѣзла-Ата</i>	1	2	id.
к. <i>Туеръ</i>	2	3	id.
родн. <i>Донера</i>	2	«	»
к. <i>Акъ-Куй</i>	$1\frac{1}{2}$	3	хороша.
к. <i>Дегели</i>	2	3	id.
к. <i>Акъ-Набатъ</i>	2	5	горька.
г. Хива	2		
Итого	14	»	»

Орта-Куй-Юль.

названія урочищъ, начиная отъ колодца <i>Бугдайли</i> :	длннъ вады.	глубина ко- лодець въ ма- ховыхъ саже- няхъ.	качество воды.
<i>Дената</i> (родникъ)	1	»	довольно хороша.
<i>Аса</i> (ильмень)	2 $\frac{1}{2}$	»	id.
<i>Всхабъ</i> (тоже)	1	»	id.
<i>Дикге</i> (колодець)	1 $\frac{1}{2}$	1	горьковата
<i>Джамалай</i> (тоже)	1 $\frac{1}{2}$	2	хороша.
<i>Арбатги</i> (тоже)	1 $\frac{1}{2}$	2	горьковата
<i>Орта-Куй</i> (тоже)	3	3	хороша.
<i>Нефесъ Кули</i> (тоже)	1	5	горьковата
<i>Сокарга-Ага</i> (тоже)	2	12	»
<i>Хива</i>	1		
итога	15	«	»

Колодець *Бугдайли* находится въ 30 верстахъ къ востоку отъ *Кызъ-Мали*, и въ двухъ дняхъ вѣды къ сѣверу отъ *Гас-санъ-Кули*. На этомъ пространствѣ имѣются колодцы почти на каждомъ агачѣ (7 верстѣ).

Путь Муравьева въ Хиву.

число верстъ,
считая по
4 версты на
часъ вѣды.

Колодець <i>Суджи-Кабилъ</i> (на сѣверо-востокъ отъ красноводской якорной стоянки Муравьева) . .	28.
Кол. <i>Сюльменъ</i>	60.
Кол. <i>Сюйли</i> (вода не хороша; глубина колодца — 15 сажений)	24.
Кол. <i>Делмуръ-Джелъ</i> (на днѣ бывшаго въ семь мѣ- стѣ озера; кустарниковъ нѣтъ; находятся нѣсколь- ко вправо отъ большой дороги; на дорогѣ—же имѣются тутъ колодцы <i>Ясакъ-Джелъ</i> , у кото- рыхъ караваны не останавливаются, по причинѣ солоноватости воды въ нихъ)	30.

Кол. <i>Геройданъ</i> (вода не очень хороша; находится тоже нѣсколько вправо отъ дороги)	10.
Кол. <i>Туеръ</i> (6 колодець въ одномъ мѣстѣ; вода хороша, но кустарниковъ нѣтъ)	109.
Тутъ дорога раздѣляется: одна идетъ прямо, другая беретъ влѣво, уклоняясь къ сѣверо-востоку; послѣдняя двумя сутками ѣзды длиннѣе первой; идетъ она на	
Кол. <i>Диринъ</i> (обдѣланъ камнемъ; вода вонючая и солоноватая)	63.
Кол. <i>Бешъ-Душикъ</i> (вода хороша; неходя 7 верстѣ до этихъ колодець, встрѣчается, на днѣ бывшаго русла Аму-Дарьп, родникъ съ прѣсною водою, именуемый <i>Сары-Калышъ</i>)	216.
Первый водопроводъ	195.
Водопроводъ <i>Ахъ-Серай</i>	34.
Городъ Хива	50.

итого 819.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ МУРАВЬЕВА ИЗЪ ХИВЫ.

Изъ <i>Иль-Гельды</i> до <i>Бузь-Гельменъ</i> (послѣдняго водопровода въ Хивинскомъ-Ханствѣ)	32.
	дней ѣзды.
<i>Шахъ-Сенель</i> (разоренная крѣпость и при ней лужа)	4.
<i>Ахъ-Набатъ</i> (колодець)	2.
<i>Энгюнджъ</i>	2.
<i>Дели</i> , или <i>Дегели</i> (колодець, на половинѣ дороги отъ Хивы до Красноводска)	2.
<i>Ахъ-Куй</i>	1.
<i>Тонера</i> (отъ Дегели досюда — 90 верстѣ)	1.
<i>Туеръ</i> (30 верстѣ)	1.
<i>Делуръ-Джелъ</i>	1.
<i>Сюйли</i>	$\frac{1}{2}$.
<i>Сюльменъ</i>	$\frac{1}{2}$.
Красноводскій-Заливъ	2.

итого 18 дней.

ОБЛАСТНЫЯ ВЫРАЖЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ. *

Д. Ч. А. И. Шренка.

Ближайшею цѣлю Русскаго Географическаго Общества, какъ всѣмъ извѣстно, должно быть изученіе нашего обширнаго отечества, изученіе не ограниченное одними мѣстностями, но занимающееся съ неменьшею любовію и человѣкомъ, ихъ заселяющимъ, о которомъ познаніе столько же важно для географіи, какъ познаніе ниворослей важно для земледѣльца. Если это не подлежитъ сомнѣнію, то не менѣе справедливо и то, что человѣкъ

* Спустя нѣсколько времени по окончаніи предлагаемой статьи я имѣлъ случай ознакомиться съ богатымъ собраніемъ провинціализмовъ Сѣвернаго Нарвія, изданнымъ въ новѣйшее время и въ немногихъ экземплярахъ (особеннымъ оттискомъ изъ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостей) жителемъ города Архангельска, г. Кузмищевымъ; не только радъ уступить ему первенство на этой стезѣ какъ природному Русскому, но и долженъ замѣтить, что сборникъ его, какъ долголѣтняго жителя сѣвернаго поморья, содержитъ въ себѣ гораздо болѣе словъ, нежели сколько собрано ихъ мною. Несмотря на то, сличивъ поверхностно тотъ и другой трудъ, я рѣшился передать въ распоряженіе общества настоящую статью, которая не только въ изъясненіи многихъ словъ можетъ служить дополненіемъ къ статьѣ г. Кузмищева, но и содержитъ въ себѣ выраженія неупомянутыя въ его сборникѣ, чѣмъ доказывается, что трудъ надъ предметомъ насъ занимающимъ нисколько еще не оконченъ; наконецъ, такъ-какъ обѣ статьи писаны независимо одна отъ другой, то онѣ взаимно послужатъ себѣ поправкою, по чему самому я не считалъ за нужное подробное ихъ сличеніе, и отсюда не дозволилъ себѣ никакихъ перемѣнъ или поправокъ тамъ, гдѣ мои извѣстія могли не согласоваться съ замѣчаніями моего предшественника. А. Ш.

русскій въ отдаленнѣйшихъ странахъ обширной родины, по естественному влеченію сердца, еще болѣе имѣеть занимательности для Русскаго, еще въ болѣе мѣрѣ заслуживаетъ съ его стороны точнаго изслѣдованія, нежели 60 иноплеменихъ народовъ, коихъ называетъ онъ земляками. Вотъ почему наблюдатель изъ среды тѣхъ иноплеменныхъ и поставляетъ себѣ въ особенное удовольствіе представить здѣсь собраніе областныхъ выраженій русскаго языка, употребляемыхъ въ Архангельской Губерніи. Быть можетъ нѣкоторые сдѣлаютъ мнѣ вопросъ: въ какой связи находятся провинціализмы русскаго языка, предметъ розысканій чисто-лингвистическихъ, съ занятіями Географическаго Общества? На этотъ вопросъ я отвѣчу, во-первыхъ, что языкъ есть живой отголосокъ думы человѣка: въ языкѣ познается *какъ онъ мыслитъ и понимаетъ*; къ познанію-же человѣка, составляющему одну изъ ближайшихъ цѣлей нашихъ, относится конечно и познаніе его образа мыслей, ибо безъ мысли человѣкъ не есть человѣкъ. Во-вторыхъ — была уже рѣчь въ нашемъ обществѣ о составленіи русскаго географическо-терминологическаго лексикона; въ томъ смыслѣ, какъ я понимаю такой *русскій* лексиконъ, это долженъ быть сборникъ всѣхъ выраженій, употребляемыхъ Русскими въ различныхъ частяхъ государства, для обозначенія мѣстностей, въ которомъ, слѣдовательно, должны заключаться и особенное вниманіе заслуживать областныя географическія выраженія всѣхъ странъ Россіи, ихъ объясненіе и производство; ибо что такое *гора*, это едва-ли кому неизвѣстно, и значеніе этого слова русскому человѣку не вѣдуется отыскивать въ географическомъ лексиконѣ; но что такое *хибѣнь* или *вѣрака*, многіе изъ насъ не узнаютъ не наведя справки: а въ обыкновенномъ словарѣ не найдете этихъ словъ. Извѣстно также что такое *скала*; но знаете-ли вы значеніе словъ: *корга*, *подвѣдница*, *помивѣха*, *пѣхта*, *сталикъ*, *лѣда*, *щерлѣны*? Едва-ли, если вамъ не случилось прогуляться по Бѣлому-Морю, или по Сѣверному-Океану, омывающему берега Архангельской Губерніи; и вотъ вамъ семь выраженій русскаго языка для означенія *скалы*; конечно вы пожелаете точнѣе узнать знаменованіе каждаго изъ нихъ, и для этой цѣли снова должны будете открыть географическій лексиконъ. Итакъ, изданіе подобнаго сборника безъ всякаго сомнѣнія будетъ весьма-полезно, и не

для однихъ Русскихъ, а и для иностранцевъ занимающихся географическимъ, или даже историческимъ, изслѣдованіемъ какого либо отдѣльнаго края Россіи.

Но этотъ географическій лексиконъ *спеціально-русскій* составить только малую часть того, что я понимаю подъ значеніемъ *общаго для Россіи* географическаго словаря. Этотъ послѣдній будетъ содержать въ себѣ изъясненіе выраженій, до мѣстностей относящихся, употребляемыхъ отдѣльно каждымъ народомъ Россіи подвластнымъ; это будетъ родъ *Vocabularium Petropolitanum* Екатерины II, ограничивающійся терминами географическими и народами русскими; и такой словарь не только поведетъ къ тому, что въ карты могутъ быть правильнѣе вносимы названія урочищъ, нерѣдко до невѣроятности искаженныя; но и болѣе того: въ странѣ обитаемой чуждымъ народомъ, названія отдѣльныхъ урочищъ, пестрящія на картѣ, составляютъ нынѣ мертвое скопище буквъ часто варварскаго звука, не имѣющее для насъ ни малѣйшаго значенія, не возбуждающее никакой мысли; если-же мы будемъ понимать знаменованіе географическихъ терминовъ народа той страны, то карта предъ взоромъ нашимъ оживится, и понятныя названія породятъ въ умѣ идеи, которыя поведутъ къ розысканіямъ. Разверните, на примѣръ, двѣ карты: одну Московской губерніи, другую-же Киргизской Степи, — и вы убѣдитесь въ истинѣ сказаннаго. Московская карта съ ея понятными названіями возбудитъ въ васъ множество мыслей, и часто изъ одного названія вы почерпнете весьма справедливое понятіе о мѣстности; напротивъ-того, карта Киргизской-Степи заставитъ васъ только звать. Возьмемъ еще примѣръ изъ архангельскаго сѣвера. Здѣсь въ отдаленныхъ кочевьяхъ Большеземельскихъ Самоѣдовъ протекаетъ довольно значительная, въ сравненіи съ другими, рѣка, которую Самоѣды назовутъ вамъ *Хайодпыдырала*. Что подумаете вы при этомъ варварскомъ названіи? ничего; рѣшительно ничего, кромѣ того, что подивитесь длинному слову и полудикимъ его звукамъ, которые едва будете въ состояніи удержать въ памяти; и посмотрите какъ оно нанесено на карты: *Халигура, Хайпудара, Хайпудырка*, и т. д. Которое изъ этихъ названій правильно? Для этого розысканія вы открываете географическій лексиконъ, и находите: *ла* на самоѣдскомъ языкѣ «рѣка»; *пыдыра* — «лѣсъ»: теперь вы знаете

по-крайней-мѣрѣ, что имѣете дѣло съ *рѣкою*, по которой *растетъ мѣсъ*, и быть можетъ подивитесь, что лѣса въ той сторонѣ тундры поднимаются столь высоко на сѣверъ, до 68-го градуса широты, между-тѣмъ какъ обыкновенная граница ихъ на всемъ пространствѣ архангельскихъ тундръ лежитъ на цѣлый градусъ широты ниже. Вотъ однимъ названіемъ порожденная въ васъ *мысль*, которая увлекаетъ повести розысканіе далѣе. Не находя въ географическомъ лексиконѣ значенія первой части названія — слова *хайодль*, вы развертываете нѣсколько бѣдныхъ собраній самоѣдскихъ словъ, — все, что только имѣемъ мы доселѣ о языкѣ этого народа, — съ намѣреніемъ, если возможно, отыскать его, и вамъ удается: въ одномъ изъ нихъ встрѣчаете вы прилагательное *хайодль*, имѣющее значеніе «святаго», «неприкосновеннаго», взятое отъ существительнаго *хай*, которымъ Самоѣды называютъ своихъ идоловъ. Итакъ, вотъ вамъ *рѣка святаго мѣса*; если это и не дастъ еще полного понятія о занимающей васъ рѣкѣ, ибо вы не знаете, отъ чего взято таковое ея названіе, то по-крайней-мѣрѣ вы уже въ состояніи правильно нанести его на карту; но если изъ какихъ-либо извѣстій вы получили уже свѣдѣніе, что *Шолоховскія Горы* на полуостровѣ Канинѣ подъ 67½ градусомъ широты не суть крайній къ сѣверу оазисъ лѣсовъ (обстоятельство которое дало имъ самоѣдское названіе *Хайодльнидырагой*, т. е. *хребетъ святаго мѣса*), то вамъ не трудно заключить, что и здѣсь по рѣкѣ того же имени вѣроятно встрѣчается то же обстоятельство, по которой она получила названіе, — и дѣйствительно вы не ошибаетесь. Слѣдовательно географическій лексиконъ доставилъ вамъ не только средство исправить названіе мѣстности, но и побудилъ васъ къ изслѣдованіямъ, которыя довели до любопытнаго результата: означенія *впрямой* сѣверной границы лѣсовъ въ этой части Архангельской Тундры, которое позднѣйшему путешественнику по этой странѣ останется только утвердить.

Для того, однако, чтобы изданіе географическаго, или, лучше сказать, *топографическаго* лексикона, котораго пользу для русской географіи мы желали доказать, могло осуществиться въ этомъ видѣ и по этому размѣру, требуется много матеріаловъ не наудачу набросанныхъ и склѣенныхъ въ цѣлое съ грѣхомъ пополамъ, но тщательно собранныхъ

въ извѣстной полнотѣ для каждой страны, дабы зодчій, который предприметъ построить намъ желаемое зданіе, приведенный въ отчаяніе отъ недостатка данныхъ, не бросилъ его прежде окончанія, или-же не оставилъ въ немъ болѣе скважинъ нежели вывелъ стѣнъ.

Въ настоящей статьѣ, хотя писанной первоначально не для цѣлей Р. Г. Общества, и заключающей въ себѣ болѣе 350 словъ архангельскихъ областныхъ выраженій общаго значенія, собранныхъ въ-теченіе двухъ путешествій на востокъ и на западъ этого края, отчасти-же случайно извлеченныхъ при чтеніи сочиненій Лепехина, Фомина, Крестинина и другихъ, встрѣчается однако довольно и такихъ выраженій, которыя могутъ войти въ составъ русскаго географическаго лексикона, значеніе которыхъ отмѣчено съ бѣльшею точностію, и самое происхожденіе изъ русскаго, или языковъ сосѣднихъ народовъ, изъяснено, какъ мнѣ кажется, удовлетворительно. Вотъ причины, побудившія меня представить Обществу малую долю матеріаловъ нужныхъ для предполагаемаго лексикона: желаю тѣмъ содѣйствовать по силамъ къ составленію общаго. Если каждый принесетъ свой участокъ, то со-временемъ будетъ чѣмъ похвалиться.

Но прежде нежели приступимъ къ исчисленію отдѣльныхъ словъ, сдѣлаемъ предварительно нѣсколько общихъ замѣчаній касательно русскаго языка въ Архангельской Губерніи.

Слушая рѣчь архангельскаго простолюдина, вы тотчасъ схватите ея разительное отличіе отъ языка московскаго рѣзкимъ выговоромъ гласнаго звука *о*, который вездѣ произносится первымъ какъ чистое, внятное *о*, между-тѣмъ какъ извѣстно, что въ устахъ Москвича это *о* тамъ только удерживаетъ чистый звукъ свой, гдѣ стоитъ на немъ удареніе, во всѣхъ-же прочихъ случаяхъ превращается въ смягченное *а*, *хоршій*, *хариш*, вмѣсто *хоршій*, *хорошо*, какъ принято писать и какъ постоянно вы услышите въ Архангельскѣ. Но какъ звукъ *о* въ русскомъ языкѣ встрѣчается довольно-часто, то, не будучи смягченъ, придаетъ онъ рѣчи архангельской нѣчто грубое, непріятное для слуха, чего умѣло избѣжать нарѣчіе московское. Въ этомъ отношеніи архангельское нарѣчіе относится къ московскому точно также, какъ суровый дорпческій діалектъ древнихъ Грековъ къ мягкому и плавному іоническому, или къ щеголеватому аттическому.

Сверхъ этой отличительной черты, васъ поразить еще рѣчь архангельскаго крестьянина какой-то особенной пѣвучестью, которою постоянно сопровождается, и вы замѣтите, что эта пѣвучесть заключается въ протяженіи окончательнаго слога рѣчи, который выговаривается съ особеннымъ измѣненіемъ голоса въ нѣсколькихъ тонахъ. Откуда, спросите вы, эта странная привычка? Откуда взяли Архангельцы причудливый обычай говорить на распѣвъ? На вопросъ этотъ отвѣчать можно развѣ догадкою, которая для меня однако же имѣетъ полный вѣсъ убѣжденія: это вліяніе языка первобытныхъ обитателей Архангельской Губерніи, древней Заволоцкой Чуди, на переселенцевъ изъ Новагорода, вліяніе непримѣтно вкрадшееся въ рѣчь побѣдителей изъ языка побѣжденныхъ; послѣдніе, во времена перваго заселенія Архангельской Губерніи, конечно имѣли свои жилища въ сосѣдствѣ новыхъ пришельцевъ, и, вступивъ съ ними мало-по-малу въ болѣе мирныя сношенія и торговые обороты, приняли наконецъ ихъ вѣру, а съ вѣрою и языкъ, утратили такимъ образомъ, въ-теченіе быть можетъ немногихъ столѣтій, свою народность, и обратились въ коренныхъ людей русскихъ; а языкъ этихъ, въ-свою-очередь, привыкнувъ къ пѣвучимъ звукамъ вокругъ нихъ разселенной Чуди, не могъ устоять противъ вкрадчиваго вліянія, котораго слѣды сохранилъ понынѣ. Причины, побуждающія меня къ такому предположенію — тѣ въ-особенности, что эти пѣвучіе звуки, столь странные для непривыкшаго къ нимъ уха, нигдѣ не сопровождаютъ рѣчи столь внятно и постоянно, какъ въ языкъ нынѣшнихъ Архангельскихъ Зырянъ, прямыхъ потомковъ Заволоцкой Чуди. По тому самому, вышеупомянутое произношеніе встрѣчается между Русскими только по системамъ рѣкъ Печоры, Мезени и Двины, гдѣ именно обитала древняя Чудь; далѣе-же на западъ, сколько мнѣ извѣстно, тердается въ послѣднихъ слѣдахъ тамъ, гдѣ пришельцы русскіе сошлись съ другими народами, хотя также финскаго племени, но которыхъ языкъ не имѣлъ этой отличительной черты нарѣчія Заволоцкой Чуди и ея потомковъ.

Впрочемъ, это не единственное вліяніе, какое имѣлъ языкъ финскихъ аборигеновъ на рѣчь пришельцевъ Русскихъ. Онъ оставилъ ему въ наслѣдство еще дурную привычку, также распространенную между Зырянами, превращать довольно-постоянно

но звукъ *ц* въ болѣе мягкое *ч*, что въ-особенности слышно на Мезени, рѣже въ Пинежскомъ и Холмогорскомъ уѣздахъ, но опять весьма употребительно въ Олонецкой Губерніи; вы удивитесь словамъ *улил*, *курил*, *поилуй*, вмѣсто *улица*, *курица*, *поилуй*; хотя и этотъ обычай опять находитъ свои исключенія, нетрудныя для объясненія: такъ, напримѣръ, никогда не услышите вы *царство* вмѣсто *царство*, или *царевич* вмѣсто *царевич*; но вспомните, что это слова, которыхъ правильный выговоръ крестьянинъ каждое воскресенье, каждый праздничный день, слышитъ отъ священника.

Происхожденіе другихъ особенностей архангельскаго нарѣчія не иначе истолковывается, какъ случайнымъ введеніемъ въ употребленіе. Такъ, напримѣръ, гласный звукъ *ы* нерѣдко смягчается въ *и*, и вмѣсто *мды* промышленникъ говоритъ *мди*, а въ родительномъ падежѣ *мдей*; звукъ *ь* во многихъ мѣстахъ постоянно выговаривается какъ *и*: *хмьбь* вмѣсто *хмьбь*, *сиверь* вмѣсто *сиверь*. Это, конечно, обычай, которымъ одолжены Архангельцы своимъ переселенцамъ изъ Малоросіи; отсюда же, быть можетъ, происходитъ и особенность — употреблять имена прилагательныя и нѣкоторыя мѣстоименія, кромѣ единственнаго числа мужескаго рода, постоянно въ видѣ усѣченномъ; напримѣръ: *она негодна*, *велико море*, Самоѣды *робки ребята*. Далѣе, къ особенностямъ архангельскаго нарѣчія принадлежитъ еще выбрасываніе гласной буквы *е* въстрѣтемъ лицѣ единственнаго числа настоящаго времени глаголовъ, оканчивающихся на *ать*: вмѣсто *бываетъ*, *дѣлать*, говорятъ *быватъ*, *дѣлатъ*; или-же во второмъ лицѣ единственнаго числа настоящаго времени глаголовъ возвратныхъ окончаніе *ишья* превращается въ *се*; вы услышите: что ты *ругаессе* — вмѣсто *ругаишься*, и т. д.

Архангельскій языкъ весьма богатъ провинціализмами, и неудивительно: онъ со всѣхъ сторонъ собралъ обильную ихъ жатву, да и понынѣ не перестаетъ ими обогащаться. Самые древніе изъ его областныхъ выраженій суть сохранившіеся въ немъ остатки языка русскаго въ томъ видѣ, какъ говорили имъ за нѣсколько столѣтій въ Великомъ-Новѣгородѣ и отчасти въ другихъ странахъ Россіи; это слова, въ свое время бывшія общимъ достояніемъ Русскаго Народа, но которыя въ сердцѣ Россіи, вышедъ мало-по-малу изъ употребленія, живутъ теперь только въ глуши лѣсовъ архангельскихъ и въ отдаленныхъ де-

брыхъ Сибири, гдѣ извлекаетъ ихъ изъ забвенія любопытный путешественникъ, и вноситъ въ число провинціализмовъ выраженія, то, что нѣкогда было кореннымъ и первобытнымъ въ языкѣ русскомъ. Между сибирскими провинціализмами много встрѣчается общеуботребительныхъ и въ Архангельской Губерніи, но неслышныхъ нигдѣ въ прочихъ краяхъ Россіи; это обстоятельство сперва поражаетъ васъ недоумѣніемъ, если вы примете въ соображеніе взаимную отдаленность странъ; но причина тому естественна: Сибирь, точно также какъ и Архангельская Губернія, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій постоянно принимала въ себя поселенцевъ, частію изъ предприимчивыхъ промышленниковъ отыскивавшихъ добычи, частію служа убѣжищемъ недовольнымъ, въ особенности упорнымъ фанатикамъ, которые укрывались здѣсь въ безвѣстной тогда отдаленности. Эта самая пустышность края, преграждавшая имъ всякое сношеніе съ покинутою родною, служила главною причиною къ сохраненію между ними многихъ словъ, затерянныхъ въ послѣдствіи тамъ, откуда были вынесены.

Другой разрядъ провинціализмовъ принадлежитъ къ тѣмъ остаткамъ языка первобытной Чуди, которые, вкравшись мало-по-малу въ языкъ русскихъ переселенцевъ, сохранились въ немъ, между-тѣмъ какъ самый народъ, у коего были они заимствованы, обрусѣвши, или истребившись, исчезъ изъ страны, нѣкогда имъ занимаемой, оставивъ въ ней единственную по себѣ память въ названіяхъ множества урочищъ пошнѣ употребительныхъ, и помощію языка русскаго рѣшительно неизяснимыхъ, но которыхъ значеніе во многихъ случаяхъ еще можно вывести изъ языковъ финскихъ. Привожу въ примѣръ одно окончаніе названій множества рѣкъ въ Архангельской Губерніи на *га, уга, юга, ега* (Волонга, Паленга, Палуга, Ложуга, Рочуга, Еюга, Урдюга, Немнюга, Мульюга, Пянега, Онега, Индега, Чуега, и мн. др.); означенныя окончанія суть ничто иное, какъ финское слово *jöggi, okki*, означающее «рѣку».

Еще многочисленнѣе словъ, заимствуемыхъ изъ нынѣ существующихъ языковъ сосѣдственныхъ народовъ, съ которыми Архангельцы находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ, Самоѣдовъ и Зырянъ, Лопарей и Финновъ. Первые въ особенности обогатили архангельское нарѣчіе своими словами.

Скитаясь между ними въ лѣтніе мѣсяцы со стадами оленей, Русскіе вмѣстѣ съ кочевой жизнію должны были принять и выраженія, необходимо требуемыя такимъ образомъ жизни. Скажемъ болѣе: проникая мало-по-малу въ дальнія страны угрюмага сѣвера, Русскіе должны были отчасти покинуть свою народную одежду, и въ замѣнъ ея запастись непроницаемою для лютыхъ морозовъ, но вмѣстѣ легкою и удобною, одеждою Самоѣдовъ, которая нынѣ распространилась болѣе-или-менѣе по всей Архангельской Губерніи, сохранивъ, въ цѣломъ и частяхъ, свои самоѣдскія наименованія. Самое понятіе *тундры* было новымъ для пришельцовъ изъ болѣе благодатныхъ странъ умѣреннаго сѣвера, и они заимствовали для него выраженіе изъ языка Лопарей. Извѣдавъ мало-по-малу, изъ-конца-въ-конецъ эту безмолвную тундру, Русскіе вышли на берегъ океана и предприимчивый духъ Великаго Новагорода вскорѣ возникъ властелиномъ надъ бурными водами его. Недолго утлый чолнъ тянулся боязливо у подножія скалистыхъ громадъ и по мелямъ, прибрежнымъ, отыскивая богатой топи семги, омыля, трески или палтусины; недолго отважный промышленникъ слѣдилъ тюленя и морскаго зайца на плывущихъ льдинахъ, несомый по произволу вѣтровъ и волнъ надъ глубиною пучины, не по днямъ и часамъ, а по недѣлямъ; или пускался за нимъ на длинныхъ лыжахъ по тѣмъ же зыбкимъ льдамъ, гдѣ одна ловкость и стремительность бѣга переносили его со льдины на льдину, верстъ за 30 въ открытое море, съ ежечасною опасностію мгновенно исчезнуть въ глубинѣ бездны: скоро чолнъ превратился въ ладью, и парусъ русскій заблѣлъ на неизмѣримомъ океанѣ, направляясь къ подполоснымъ льдамъ для прибыльной добычи моржа, или огибая удивленные скалы Новой-Земли и Шпицбергена, по-архангельски — Груманта, или, наконецъ, пролагая себѣ путь далѣе-и-далѣе на востокъ, гдѣ, самъ себѣ не вѣря, явился въ устьяхъ Оби и Енисея, соперникомъ, по выгодной торговлѣ съ простодушными Самоѣдами, другихъ промышленниковъ, не менѣе предприимчивыхъ, открывшихъ уже тотъ край, сухимъ путемъ, изъ Сибири.

Вотъ, въ немногихъ словахъ, лѣтопись нашего архангельскаго сѣвера, изъ коей, чтобъ возвратиться къ занимающему насъ предмету, простекла новая обильная жатва множе-

ства словъ и выраженій, дотолѣ неслыханныхъ въ русскомъ языкѣ. На крайнемъ сѣверѣ нашемъ, соотечественники впервые познакомились подробнѣе, свыклись съ моремъ, и должны были найти особенныя выраженія для означенія свойства различныхъ мѣстностей и прибрежій того моря; отчасти заимствовали они эти выраженія отъ туземныхъ инородцевъ, болѣе-же изобрѣли свои собственныя. Рыбная ловля, и въ-особенности береговые морскіе промыслы, требовали новыхъ техническихъ словъ. Пускаясь, наконецъ, въ открытое море, промышленники должны были различать съ болѣею точностію страны свѣта для опредѣленія направленій вѣтровъ и берега, и обратили вниманіе на созвѣздія, по теченію которыхъ часто приводилось имъ направлять путь, и которыя, по тому самому, получили свои названія: ибо дивное изобрѣтеніе компаса, или *магоки*, долго оставалось имъ неизвѣстнымъ; да и понинѣ *еще* бойкій промышленникъ нерѣдко странствуетъ по морямъ, вдаль, не употребляя компаса, и руководствуемый свѣтилами небесными, да какимъ-то чутьемъ промышленнымъ. Не мало и погибаетъ ежегодно этихъ смѣльчаковъ; но несытый духъ предиріимчивости, и надежда, подкрѣпляемая русскимъ *авось*, съ каждою новою весною, открывающею взорамъ необъятную синеву морей, манитъ къ новымъ попыткамъ, вводитъ въ новыя опасности, гдѣ неблаго-разумная отвага годъ-за-годомъ поглощаетъ новыя жертвы.

Замѣтимъ, наконецъ, что значительная торговля архангельскихъ поморцевъ, постоянно сближая Русскихъ съ чужеземными народами, въ-особенности съ жителями Норвегіи, занесла и отъ нихъ также нѣкоторое, хотя и незначительное, число новыхъ словъ, замѣчаемыхъ между архангельскими провинціализмами.

Касательно нарѣчій различныхъ краевъ Архангельской Губерніи, чище другихъ сохранился языкъ въ Архангельскомъ, Холмогорскомъ и Пинежскомъ уѣздахъ. Кольскій заимствовалъ лопарскія, Онежскій — финскія выраженія; южный Мезенскій и Шенкурскій уѣзды усвоили много зырянскихъ словъ; въ Шенкурскѣ, сверхъ-того, лѣсные промыслы, и въ-особенности смолокуреніе, ввели свои техническія обозначенія; сѣверный Мезенскій уѣздъ изобилуетъ самоѣдскими словами и обогатился множествомъ терминовъ отъ мореплаванія и морскихъ промысловъ. Самымъ нечистымъ нарѣчіемъ говорятъ

русскіе сосѣди Зырянъ, по средней Печорѣ; за то и зырянскій языкъ здѣсь такъ сильно смѣшался съ русскимъ, что со-временемъ, быть-можетъ, исчезнетъ вѣсть съ финскою народностію, какъ исчезъ безвѣстно на Двинѣ: ибо народъ, занимающій высшую степень образованія, легко уничтожаетъ языкъ и національность менѣе развитаго народа, невозвысившагося еще до сознанія самобытности своего племени, между-тѣмъ какъ примѣровъ обратнаго хода исторія въ своей безсмертной лѣтописи временъ — не сохранила. Такъ Христіанство освѣщаетъ мракъ идолослуженія; но нигдѣ и никогда деревянныя кумиры не вытѣснили Бога Христіанъ.

Приступаемъ, къ исчисленію отдѣльныхъ словъ, составляющихъ архангельскія областныя выраженія.

1. *Вѣдріе*, — ясная погода; старинное русское слово *ведро* употребляется въ Устьцыльмѣ на Печорѣ.

2. *Бурсикъ*, — облако съ дождемъ или снѣгомъ; въ Мезенскомъ и Шенкурскомъ уѣздахъ. Происходитъ, вѣроятно, отъ финскаго глагола *putskun*, «накрапываю».

3. *Марево* (во множ. ч. *маревд*), — земныя испаренія.

4. *Засіспрка*, — суровая погода сопровождаемая вѣтрами въ лѣтнее время; въ Мезенскомъ Округѣ.

5. *Челрѣ*, — густой туманъ, сопровождаемый обыкновеннымъ дождемъ; въ Кольскомъ Уѣздѣ, на морѣ.

6. *Липуха*, — мокрый снѣгъ, осенній или весенній, который *липнетъ* къ предметамъ.

7. *Погѣда*, — буря: «на морѣ хватила насъ сильная погода»; сокращеніе нѣкъ *непогода*.

8. *Пурга*, — зырянское слово, употребляемое въ Устьцыльмѣ, въ томъ-же значеніи: буря, непогода.

9. *Оддѣрнал погѣда*, — буря на морѣ, отгоняющая (отдирающая) судно отъ берега.

10. *Порѣдка*, — слово употребляемое нынѣ въ обще-русскомъ языкѣ только въ уменьшительномъ видѣ — *порошка*; на Пянегѣ.

11. *Снѣгъ рындать* (вмѣсто рындаеть), — снѣгъ несется, падаетъ.

12. *Тало, таликъ*, — протаявшая, освободившаяся отъ снѣга почва; въ Архангельской и Олонецкой губ.

13. *Заря*, — сѣверное сіяніе, также какъ и утренняя или вечерняя заря.

14. *Сндлохи*, — сѣверное сіяніе, когда оно является въ видѣ бѣлыхъ мерцающихъ лучей, неяркаго свѣта.

15. *Столбы*, — сильное сѣверное сіяніе, какъ оно показывается въ ясныя зимнія ночи, когда яркіе лучи (столбы) покрываютъ небо до самаго зенита, играя разными цвѣтами, то потухая, то снова возгораясь.

16. *Божія-дуга*, — радуга.

17. *Зарница*, — утренняя и вечерняя звѣзда.

18. *Лось*, — созвѣздіе Большой-Медвѣдницы.

19. *Остлуккал-лось*, — созвѣздіе Кассіопеи; взято съ самоѣдскаго *хабій-кулмы*, т. е. *остлукое созвѣздіе*.

20. *Утигы-енъдо*, — созвѣздіе Плеядъ; переведено съ самоѣдскаго *нлы-сарнь*, т. е. *утигы лица*.

21. *Мѣтка, маточка*, — такъ называются маленькіе деревянные компасы, употребляемые иногда нашими промышленниками; см. Литке: Путешествіе къ Новой-Землѣ. Самое слово происходитъ конечно отъ глагола *малтъся*, т. е. метаться въ ту и другую сторону, откуда также взято слово *малтнихъ*; нынѣ же маточка въ Архангельскомъ-Поморьѣ почти вывелась изъ употребленія и мѣсто ея заступилъ порядочный компасъ, почему я однажды только слышалъ это названіе отъ Самоѣдовъ, которымъ передали его Русскіе. Отъ названія *маточки*, какъ замѣчаетъ нашъ морякъ въ вышеприведенномъ его сочиненіи, происходитъ названіе *Маточкина-Шара* на Новой-Землѣ.

22. *Сіверъ*, вм. сѣверъ, см. стр. 127.

23. *Полночникъ*, — сѣверовосточный вѣтеръ.

24. *Глубникъ*, — сѣверозападный вѣтеръ. Тотъ же вѣтеръ въ Кольскомъ-Поморьѣ, гдѣ онъ несется вдоль по берегу, называется

25. *Поборѣжнихъ*.

26. *Встокъ* (вм. востокъ), — восточный вѣтеръ.
27. *Лѣто*, *лѣтній* вѣтеръ, — югъ, южный вѣтеръ.
28. *Обѣдникъ*, — юговосточный вѣтеръ, такъ-какъ архангельскій крестьянинъ *обдаеть* въ девятомъ или десятомъ часу утра, когда солнце стоитъ на юговостокѣ.
29. *Шелонекъ*, или *шелонникъ*, — югозападный вѣтеръ.
30. *Межидкъ*, — называется всякій вѣтеръ между поименованными главными направленьями лежащей; такъ, на примѣръ, NNO есть «*межь сиверъ и полуночникъ межидкъ*»; SSW — «*межидкъ межъ лѣто и шелонекъ*».
31. *Повѣтеръ*, *повѣтерья*, — попутный вѣтеръ.
32. *Противидъ*, — противный вѣтеръ или противное сильное теченіе водъ.
33. *Поводъ*, — попутное теченіе рѣки или моря: «мы плыли *на-поводъ* рѣки», т. е. внизъ по теченію.
34. *За'водъ*, — загражденное скалою или выдавшимся мысомъ мѣсто у берега, гдѣ вода не имѣетъ теченія: «мы стояли *въ за-водѣ* за длиннымъ носомъ».
35. *За'берега*, — окраина льда у берега.
36. *Ныласъ*, — первый тонкій ледъ на рѣкахъ.
37. *Сильза*, — льдяная кора облекающая предметы, когда морозъ смѣняетъ сырую погоду.
38. *Чиръ*, — твердая ледянистая кора, которою покрывается поверхность смѣга, когда морозъ слѣдуетъ за оттепелью.
39. *Наракъй*, — то же самое; взято изъ языка самоѣдскаго; въ Мезенскомъ Уѣздѣ.
40. *Мятуха*, — мелкій ледъ; онъ глагола *метать*, ибо, по легкости, отъ *лететься*, разметывается во всѣ стороны по произволу волнъ.
41. *Ропѣкъ*, — льдина небольшого объема.
42. *Сталѣуха*, или *ставѣуха*, — большая льдина омелѣвшая и потому неподвижная между вокругъ несущимися льдинами; отъ глагола *стоятъ*.
43. *Несѣкъ*, — омелѣвшая во время морскаго отлива большая льдина, которую приливы *закоситъ* взгроможденными одна на другую льдинами меньшаго размѣра, образуя такимъ-образомъ мало-по-малу цѣлую гору льдовъ, верѣдко гибельную для промышленныхъ лодокъ.

44. *Голома*, — открытое море; отъ прилагательнаго *голый*, голая поверхность водъ; отсюда же прилагательное

45. *Голомянный*, — въ открытое море смотрящій; «держи судно *голомяннѣе*», т. е. болѣе въ открытое море; въ противуположномъ значеніи употребляется прилагательное въ одной сравнительной степени: *бережнѣе*, т. е. ближе къ берегу.

47. *Настриксъ*, — «судно идетъ *настриксъ*», мореходный терминъ Архангельцовъ, котораго значеніе мнѣ неизвѣстно; я нашелъ его въ одной *мореходной книгѣ*; такія книги, списываемыя одна съ другой, изъ-рода-въ-родъ, замѣняютъ цѣлымъ морякамъ, въ плаваніи по Мурманскому-Берегу въ дальнюю *Нордвееу*, морскія карты.

48. *Взвѣденъ* (во множ. ч. *взводни*), — высокая, сильная волна; происходитъ отъ глагола *возводитъ*, *взводитъ*.

49. *Плѣса*, — всякая на извѣстное пространство открытая поверхность водъ; узкая рѣка имѣетъ свои широкія *плѣсы*, море покрытое мелями — свои (свободныя отъ мелей); *плѣса* для улова рыбы, *плѣса* для прохода судовъ, и т. д.

50. *Судѣй*, — полоса теченія рѣки и *фарватеръ* судовъ.

51. *Межень*, — середина; меженью, на примѣръ, называется середина лѣта или зимы.

52. *Меженная* вода, — всякая по временамъ измѣняющаяся водная поверхность на средней ея высотѣ.

53. *Прибыль* вода, — вода прибывающая, или повышающаяся дѣйствіемъ морскаго прилива; о началѣ дѣйствія прилива говорятъ: «вода *начала прибывать*, или *зажили въ берегахъ*».

54. *Полная* вода, — исполненный, достигшій до высшей точки стоянія приливъ.

55. *Убыль* вода, — вода убывающая, или понижающаяся дѣйствіемъ отлива. Въ томъ же значеніи и

56. *Палая* вода; о началѣ дѣйствія отлива говорятъ: «вода *запала*».

57. *Сухая* вода, — исполненный отливъ, или море при низшемъ горизонтѣ водъ *осушающее* низкіе берега и отмели свои.

58. *Воді*. — Водю называютъ архангельскій поморецъ, въ смыслѣ переносномъ, промежутокъ времени между каждыми двумя полными приливами или отливами: значитъ, около 12 часовъ. Итакъ, сутки онъ раздѣляетъ на двѣ *воды*, и замѣчая при томъ состояніе моря во время рассказываемаго про-

вѣществіа, тѣмъ самымъ означаетъ время; на-примѣръ: «мы выѣхали на оленяхъ *на палой водѣ*, пріѣхали къ мѣсту *на другой суходѣ*»:—значить, поѣздка продолжалась около 15 часовъ. Такимъ образомъ промышленникъ въ морѣ имѣетъ всегда свои карманные часы.

59. *Магалга* и

60. *Болмидца*.—«Въ устьяхъ Двины»—такъ повѣствуетъ знаменитый изслѣдователь водъ нашего Сѣвернаго-Океана — «и далѣе отъ оныхъ, къ морю, до Зимнихъ-Горъ съ одной, и до Унской-Губы съ другой стороны, періодическое теченіе показываетъ весьма замѣчательныя явленія. Три часа послѣ начала прилива вода останавливается на одномъ горизонтѣ, и потомъ падаетъ на $1\frac{1}{2}$ или на 2 дюйма, при чемъ иногда замѣчается вглубь направленное теченіе. Такое замедленіе прилива продолжается отъ 30 до 45 минутъ и называется *макигою*. Послѣ того приливъ возобновляется, и говорятъ: идетъ *большица*, которая въ 2 или $2\frac{1}{2}$ часа, или ровно чрезъ 6 часовъ по началіи прилива, приводитъ полный приливъ». См. Литке: Путешествіе къ Новой-Землѣ.

61. *Щелла*,—высокій обрывъ берега, скалистый или земляной; вѣроятно — испорченное *ущелье*.

62. *Угѣръ*,—высокій берегъ моря; употребляется часто въ одномъ значеніи съ предшествовавшимъ словомъ.

63. *Материкъ*,—высокій земляной берегъ; отъ прилагательнаго *матерой*, сильный, большой.

64. *Кошка*, — такъ называются морскія мели, осушаемые отливомъ и снова покрываемыя, отчасти или вовсе, приливомъ. Кошкою также называется низкій берегъ морской у подножія высокой *щели*, или *угора*. Это слово взято изъ лопарскаго *кюошкк*, которымъ означаются морскія мели, равно-какъ отмели и *пороги* въ рѣкахъ, и даже самые *водопады* рѣкъ. Финское *коски*, также означаетъ *водопадъ*.

65. *Куйпака*,—называется та часть *кошки*, которая обнажается каждымъ послѣднимъ отливомъ; такимъ-образомъ, куйпака бываетъ широкая при высокомъ приливѣ и наоборотъ; а въ бурную погоду, при морскомъ вѣтрѣ, и вся *кошка* дѣлается *куйпакою*. Быть-можетъ слово это имѣетъ свой

корень въ славянскомъ языкѣ, составясь изъ словъ: *докуда* и *паки*, т. е. «*докуда* опять вода поднималась.»

66. *Коргъ*, — подводная скала; въ Кольскомъ Округѣ. Происходитъ, конечно, отъ финскаго прилагательнаго *korkea*, «возвышенный», употребляемаго какъ существительное для означенія скалистой горной высоты; такъ на островѣ Гохландъ горы: Loupa körgia, Pohja-körgi, и т. д. Здѣсь: возвышающаяся надъ морскимъ дномъ скалистая высота.

67. *Подводница*, — значеніе то же, и также употребляется въ Колѣ.

68. *Поливѣха*, — низкая скала въ морѣ, которая покрывается, *поливается* приливомъ, а отливомъ снова обнажается.

69. *Пѣхта*, — скала возвышающаяся надъ поверхностію моря; такъ въ Кольской-Губѣ: *Абрамова-Пѣхта*, *Пиногорева-Пѣхта*, и др. Взято съ лопарскаго *pahta*, означающаго *вору*; въ Кольскомъ Округѣ.

70. *Сталмъкъ*, — высокая скала, возвышающаяся крутымъ обрывомъ надъ моремъ; происходитъ отъ глагола *stallat*; употребляется тамъ же.

71. *Лѹда*, — скала въ морѣ, низкій скалистый берегъ, и скалистое дно. Происходитъ отъ финскаго слова *luoto*, означающаго небольшой островъ, скалу морскую и мель.

72. *Щерлѣны*, — высокіе скалистые обрывы.

73. *Вѣра*, или *вѣраха*, — всякая возвышенность почвы, холмъ, гора; взято съ финскаго и лопарскаго *väara*, означающаго у Финновъ скалу, гору вообще, а у Лопарей — гору съ плоскою вершиною. Употребительно въ Русской Лапландіи; такъ близъ Колы находятся горы: *Соловѣраха*, *Караумна-Вѣра*, и другія.

74. *Хибенъ*, — въ Кольскомъ Округѣ; означаетъ также плоскія гористыя возвышенности, каковы, на-примѣръ, *Имандровскіе-Хибенъ*, или просто такъ-называемыя *Хибенскія-Горы* близъ озера Имандры; и *Ловозерскіе-Хибенъ* къ востоку отъ Умбозера. Слово это, по увѣренію Лопарей, чуждо ихъ языку; взято, оно, конечно, съ финскаго уменьшительнаго *huurpäinen* означающаго небольшой холмъ.

75. *Степъ*; — степями въ Мезенскомъ Округѣ называются плоскія безлѣсныя возвышенности, простирающіяся кряжами среди лѣсистыхъ равнинъ, и раздѣляющія системы водъ; на-примѣръ *Чушовскія-Степъ*, и другія.

76. *Логовина, логъ*, — ущелье, узкая долина.

77. *Мурга*, — такъ называются, по рѣкѣ Пинегѣ, воронкообразныя впадины почвы, свойственныя странамъ лежащимъ на гипсовомъ основаніи, и образуемая земляными провалами надъ пластами разрушенными дѣйствіемъ подземныхъ источниковъ.

78. *Лапта'*, — въ Мезенскомъ Округѣ означаетъ обширную равнину; такъ, на-примѣръ, часть Малой-Земли Самоѣдовъ называется *Малоземельскою-Лаптой*, а обитатели ея Малоземельскими *Лаптандералами*; такъ *Колвенская-Лапта* по рѣкѣ Колвѣ, и проч. Слова эти чисто самоѣдскія.

79. *Тундра*, — слово это, нынѣ вполне усвоенное русскимъ языкомъ, происходитъ отъ финскаго *тунтури*, которымъ означаются высокія плоскія вершины горъ, по возвышенному своему положенію не производящія лѣсовъ, но покрытыя мхами и поростами, смѣняющимися низкими подгорными травами, а индѣ мелкимъ кустарникомъ. Какъ въ верхнемъ, безлѣсномъ сѣверѣ всѣ равнины принимаютъ свойство этихъ возвышенностей, то Русскіе и отнесли къ нимъ общее названіе *тундры*. Самоѣдскому-же языку слово это совершенно чуждо.

80. *Тайбола*, — въ Мезенскомъ и Пинежскомъ уѣздахъ означаетъ обширное необитаемое пространство, черезъ которое ведетъ дорога, постоянная или въ одно только время года позволяющая сообщеніе; такъ *Верхняя*, или *Нисегорская-Тайбола* между рѣкою Мезенью и Пинегою; *Нижняя* или *Кулобская-Тайбола* между Мезенью и Кулоемъ, и *Вожгорская-Тайбола*, чрезъ которую ведетъ зимній путь отъ Вожгорскаго селенія на Мезени къ селенію Устьцьльмѣ на Печорѣ. Происходитъ вѣроятно отъ финскаго слова *taipaleet*, означающаго разстояніе по дорогѣ между двухъ мѣстъ.

81. *Виска*, — небольшая рѣчка; общеупотребительно въ Мезенскомъ Уѣздѣ; взято отъ зырянскаго слова *висъ*, означающаго то же самое, и сроднаго съ финскимъ *vezzi*.

82. *Ручей*, вм. *ручѣй*.

83. *Россыха*, — такъ называются отдѣльныя рѣчки или источники при верховьяхъ рѣкъ, соединяющіяся въ одну главную рѣку.

84. *Падунъ*, — волопадъ; въ Олопецк. и Арханг. губерніяхъ.

85. *Нива*, — словомъ этимъ, искаженнымъ изъ лопарскаго *нива*, въ Русской Лапландіи означаются незначительные пороги въ рѣкахъ.

86. *Полый*, — открытый, отверзтый; на-примѣръ: *рѣка полая*, т. е. не покрыта льдомъ; *двери полая*, т. е. отверзтыя; отсюда

87. *Полыня*, — открытое мѣсто во льду покрывающемъ воды; слово употребляемое во многихъ странахъ Россіи, между прочимъ подъ самымъ Петербургомъ, и потому едва-ли областное.

88. *Полой*, — протокъ между двухъ рѣкъ или озеръ, который, періодически или по-временамъ, наполняется водою, служить къ временному соединенію тѣхъ рѣкъ или озеръ; такъ подъ самымъ городомъ Пинегою замѣчается *полый*, сливающій въ весеннее разлитіе водъ рѣку Пинегу съ р. Куломъ. Слово это происходитъ отъ глагола *поливать*; вода, которая льется обыкновенно одною рѣкою въ извѣстную сторону, въ половодіе *поливается* въ другую рѣку и въ другую сторону*. Точно такъ же произведено слово

89. *Перелой*. — «Перелосмъ называется на Холмогорахъ лощина между Нижнимъ и Глинскимъ, такъ-названная потому что во время ледохода, вода изъ Оногры въ Движу *переливается* по сему удоу». См. Крестинина: Начертаніе исторіи города Холмогоръ. Стр. 24.

90. *Удолъ*, — также употребленное тамошнимъ историкомъ, въ приведенномъ мѣстѣ, архангельское слово, значеніе котораго въ-точности мнѣ неизвѣстно.

91. *Шаръ*, — проливъ между островами или между островомъ и материкомъ; слово, знакомое между нашими географическими выраженіями и общеупотребительное въ Архангельскомъ-Поморьѣ и по рѣкамъ, но котораго происхожденіе все еще не было удовлетворительно объяснено; по моему мнѣнію, это одно изъ словъ, принятыхъ архангельскими переселенцами отъ чудскихъ аборигеновъ Сѣвера, передавшихъ намъ свой языкъ, хотя вѣроятно нѣсколько измѣненный, въ языкѣ

* Ученый-исследователь финскихъ языковъ г. Кастренъ производитъ это слово отъ финскаго корня (см. Bulletin hist. philol. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pet. t. III. 1847 p. 142), что однако несправедливо; оно чисто русское.

ныиѣшнихъ Зырянъ, гдѣ дѣйствительно встрѣчаемъ начало слова *шаръ* въ выраженіи *шоръ* или *шооръ*, означающемъ у нихъ не только проливы между островами, или островомъ и твердою землею, но и рукава рѣки, съ нею опять соединяющіеся, или-же углубляющіеся узкимъ протокомъ вдалѣ отъ берега, и теряющіеся безъ истока въ болотахъ и стоячихъ водахъ. Послѣдняя мѣстность у Архангельцовъ означается названіемъ *куръя*, а въ прибрежій Нижней-Оби — словомъ *зоръ* (испорченнымъ иногда въ *соръ*, какъ *Лалинъ-Соръ* и т. д.): вотъ и сибирскій провинціализмъ отъ того же корня происходящій, и принятый нашими промышленниками отъ сосѣднихъ финскихъ племенъ, для опредѣленія мѣстности другаго рода, у этихъ Финновъ однимъ и тѣмъ же словомъ выражаемой. Языку Самоѣдовъ слово это чуждо, и они употребляютъ его иногда въ испорченномъ видѣ, выговаривая, по недостатку въ языкѣ ихъ звука *ш*, какъ *саръ*; но другое слово

92. *Салма*, — однозначительное слову *шаръ* по Мезенскому-Поморью, происходитъ, быть-можетъ, изъ самоѣдскаго языка, гдѣ *салъ-малъ* или *салмалъ*, значащее въ переводѣ «конецъ мыса», могло, въ переносномъ смыслѣ, перейти для означенія пролива образуемаго между концами двухъ мысовъ; но, конечно, это лишь предположеніе, хотя для меня и вѣроятное. Адмиралъ Литке въ Путешествіи къ Новой-Землѣ, приводитъ еще замѣчаніе поморскаго промышленника, который утверждалъ, что слово *салма* относится только къ проливамъ одного и тогоже моря, между-тѣмъ какъ для проливовъ, соединяющихъ различныя моря, правильнѣе употреблять слово *шаръ*. Но это конечно систематизирующая ученость промышленника, ни на чемъ не основанная: ибо *шары* между островами всѣхъ большихъ рѣкъ, вливающихся въ Сѣверный-Океанъ, искони называются *шарамы*, а никогда не именовались *салмами*, какъ-бы должно по системѣ того промышленника-языковѣда.

93. *Куръя* — узкій протокъ, вдающійся отъ берега далеко въ твердую землю, гдѣ теряется въ стоячихъ водахъ, безъ истока; ср. № 91.

94. *Кутъ*, — конечная внутренность залива, рѣки, улицы и т. д. См. Фомина: Описаніе Бѣлаго-Моря. Стр. 41. Это слово, быть-можетъ, взято изъ польскаго языка, гдѣ озна-

часть *уголъ*; если такъ, то оно зашло на сѣверъ изъ Малороссіи.

95. *Губа'*, — извѣстное слово, означающее заливъ морской; перешло въ русскій языкъ изъ архангельскаго, или сибирскаго сѣвера, равно-какъ и

96. *Носъ*, — вмѣсто мысъ. Если Русскіе, какъ почти всѣ европейскіе народы, не исключая Финновъ и Самоѣдовъ, сравнивали *устыя* рѣкъ съ *устами* человѣческаго лица, то Архангельцы весьма естественно повели сравненіе еще далѣе и нашли въ очеркѣ береговъ къ тѣмъ *устамъ* принадлежащія ихъ *губы* и *носъ*. По тому самому, *губами* могли называться, и вѣроятно назывались первоначально, только глубоко въ берегъ врѣзанные заливы (фіорды), ограниченныя *носами*, какіе во множествѣ замѣчаются по сѣвернымъ берегамъ нашимъ; для заливовъ-же не глубоко вдающихся въ матерую землю, и, слѣдовательно, не ограниченныхъ носами, существуетъ понынѣ другое слово — *мѣхта*; и на картѣ вы не встрѣтите ни одной настоящей *губы*, которая-бы названа была *мѣхтою*, хотя *мѣхты* иногда и называются *губами*, потому, конечно, что происхожденіе и съ-тѣмъ-вмѣстѣ точное значеніе этихъ словъ мало-по-малу позабылось у самыхъ поморцевъ, не открывающихъ уже болѣе новыхъ береговъ, требующихъ новыхъ названій мѣстностямъ.

97. *Мѣхта*, — незначительный, неглубоко врѣзанный въ землю заливъ моря; сравн. предшеств. слово. Происходитъ отъ финскаго слова *мѣхти*, означающаго заливъ морской.

98. *Гора'*, вмѣсто берегъ; на-примѣръ: «вытащи карбасъ на-гору», т. е. на берегъ; отсюда прилагательное

99. *Горній*, вмѣсто береговой; «вѣтеръ горній», т. е. береговой, съ берега дующій.

100. *Прилукъ*, — этимъ словомъ означаютъ Архангельцы внѣшнюю дугу рѣчнаго берега, по которой въ-особенности стремится теченіе: «вода *прилукается*», или «идетъ *лукъ* воды»; и эти воды при каждомъ разлитіи подмываютъ здѣсь берегъ, обрѣзанный такимъ-образомъ обыкновенно крутыми обрывами.

101. *Наволокъ*, — напротивъ-того, есть низменный берегъ, гдѣ судно изъ воды *вололится на сушу*, — берегъ омываемый обыкновенно внутреннею дугою рѣки, и приращающійся при

полноводіи отъ наносовъ, вымываемыхъ у подошвы высокаго берега *прилуковъ*; *наволоки* по сѣвернымъ рѣкамъ изобилуютъ сѣнокосными травами, питающими тучный скотъ холмогорскій.

102. *Лайда*, — прибрежная равнина, понимаемая всепнимъ полноводіемъ или высокими приливами морскими. Происходить отъ финскаго прилагательнаго *лайто*, «отмельіи, низменный».

103. *Дыбунъ*, — зыбкое, топкое болото; въ Мезенскомъ Окр.

104. *Калтусъ*, — ключистое, покрытое торфомъ болото; тамъ же.

105. *Сайта* — синонимъ предшествовавшаго слова, въ тѣхъ же мѣстахъ употребительный.

106. *Ляга*, *ляжка*, — лужа, лужица.

107. *Няша*, — грязь.

108. *Инька*, — женщина не русская; такъ: самоѣдская инька, зырянская инька; употребительно въ Мезенскомъ Уѣздѣ; взято съ зырянскаго *инь*, означающаго замужнюю женщину.

109. *Ботатка*, — мать по Богу, т. е. крестная мать; въ Овешскомъ Округѣ.

110. *Крестивой*, — крещеный въ христіанство самоѣдинъ; въ Мезенскомъ Округѣ.

111. *Крестивой*; — Архангельцы имѣютъ обычай *братитъся*, т. е. заключать съ однимъ, или нѣсколькими изъ ближайшихъ пріятелей, союзъ братства, въ знакъ котораго мѣняются взаимно *крестами*, послѣ чего называютъ другъ—друга *крестовыми братьями*. Обычай этотъ существуетъ и въ другихъ странахъ Россіи, и вѣроятно былъ нѣкогда общимъ.

112. *Братинъ*, — двоюродный братъ.

113. *Жило*, вмѣсто жилище, — всякое жилое строеніе.

114. *Взвѣзь*, — бревенчатая настилка, покато ведущая со двора въ верхній сарай, служащій обыкновенно сѣнникомъ, подъ которымъ внизу находится хлѣвъ для скота.

115. *Шумиха*, или *чумиха*, — волостная изба, въ которой собирается мірская сходка, при чемъ, конечно, безъ *шума* дѣло не обходится; слово это впрочемъ и въ Архангельскѣ устарѣлое, мало употребительное.

116. *Лопотъ*, *лопотина*, — одежда всякаго рода: «одѣнь лапоть, да пойдёмъ.»

117. *Жица* (выгов. жиця), — пряжа.

118. *Покитокъ*, — родъ грубой самодѣльной ткани; въ Архангельскѣ.

119. *Сукманина*, — также самодѣльная грубая ткань; въ Архангельскѣ и другихъ мѣстахъ.

120. *Тяжелю*, — старыи обношенный кафтанъ, надѣваемый когда крестьянинъ отправляется въ *тяжелую* работу; въ Холмогорскомъ Округѣ.

121. *Дѣленки* или *дѣлнцы*, — рукавицы, или перчатки, употребляемыя для грубой работы; въ Онежскомъ Округѣ.

122. *Бахилы*, — большіе, выше колѣна подвязываемые, грубые сапоги, употребляемые промышленниками.

123. *Халва*, — периха; неопрятный, безнорядочный чело-вѣкъ.

124. *Капость*, вм. пакость — мерзость, низость; отсюда глаголъ

125. *капоститъ*, — изпаковать, испортить; или сдѣлать низкій, подлый поступокъ; и существительное

126. *Капостунъ* (въ женск. *капостуня*), — пакостникъ, т. е. ничего незнающій, все портящій чело-вѣкъ, или чело-вѣкъ низкій, подлый.

127. *Страда'*, — сѣнокосъ: «пора идти на *страду*»; отсюда прилагательное

128. *страдній*, — сѣнокосный; *страдаля пора'*, т. е. время сѣнокоса; и глаголъ

129. *страда'ть*, — косить сѣно; въ Архангельскѣ для сѣнокоса не употребляется.

130. *Стойка*, — обыкновенная русская коса; но въ общемъ употребленіи

131. *Горбуша*, — родъ косы съ двояко-выгнутою рукоятью, косы нѣсколько походящей на серпъ, и перебрасываемой при каждомъ взмахѣ со-стороны-на-сторону, при чемъ крестьянинъ трудится надъ работою въ согбенномъ положеніи, *горбушишь*: это дѣлаетъ сѣнокосъ однимъ изъ самыхъ утомительныхъ полевыхъ занятій сѣверныхъ жителей, дѣлаетъ его истинною *страдою*, страданіемъ, и время сѣнокоса заставля-етъ *страдать* весь сѣверъ; но не одинъ сѣверъ, цѣлая Сибирь въ это время *страдаетъ*, т. е. коситъ, также какъ и Архангельцы, *горбушею*: ибо русская коса, въ Сибирѣ *литов-*

ковъ, а въ Архангельскѣ *слийкою* называемая, которою крестьянинъ косить *стол*, не сгорбившись, слѣдовательно съ несравненно меньшимъ трудомъ, и здѣсь въ весьма еще не многихъ мѣстахъ, сколько мнѣ извѣстно, вошла въ обыкновеніе. Общее употребленіе *горбуши* въ Сибири и въ Архангельскѣ, общее названіе ея въ той и другой странѣ, и наконецъ названіе *литовки* для русской обыкновенной косы, заставляютъ полагать, что въ-старину вся Россія *страдала горбушею*, и освободилась отъ этого страданія введеніемъ изъ Литвы тамошней косы, не проникшей еще доселѣ до отдаленныхъ предѣловъ Архангельскаго Сѣвера и Сибири. Любопытно также мимоходомъ замѣтить, что въ одномъ изъ языковъ, принявшихъ сильную примѣсь отъ славянскаго, именно въ латышскомъ, глаголь *straadat* вообще значитъ *работать*.

132. *Кишеъ*, — шесть къ одной оконечности нѣсколько выгнутый и сплюснутый, употребляемый въ Мезенскомъ Округѣ для молотбы хлѣба. См. Быстрова: Описаніе города Мезени (въ Ж. М. В. Д. за 1844 годъ; т. V, стр. 288).

133. *Зѣротъ*, — стогъ сѣна.

134. *Пожня*, — сѣнокосный лугъ каждаго отдѣльнаго владѣльца: «наши *пожни* на одномъ *наволоктѣ*».

135. *Жито*, — ячмень, и потомъ вообще *хлѣбъ въ полѣ*. Происходитъ отъ глагола *жатъ*, и перенесено изъ Малороссіи.

136. *орѣтъ*, — пахать землю.

137. *Щербѣ*, — уха, похлебка; зырянское слово, употребительное по берегамъ Печоры и Мезени.

138. *Шангеи*, — родъ хлѣбовъ изъ пшеничной муки, у крестьянъ въ праздничные дни приготовляемыхъ.

139. *Зобѣнка*, — всякая корзинка, коробка, туясъ; въ Онегѣ.

140. *Зыбла*, — люлька для младенцевъ. Происходитъ конечно отъ прилагательнаго *зыбкій*, качкій.

141. *Цитня*, испорченное *герпня*, — всякій сосудъ для *герпаня* жидкостей; въ Мезенскомъ Округѣ.

142. *Порѣзка*, — въ Архангельскомъ Округѣ тоже что *цитня* по Мезени.

143. *Кубокъ*, — слово, которымъ въ старинномъ русскомъ языкѣ назывался металлическій сосудъ для питья; въ сѣвер-

номъ нарѣчїи сохранилось для извѣстной, не слишкомъ малой мѣры водки, выпиваемой нашими Архангельцами какъ ихъ нормальной и безвредной, изъ металлическаго же сосуда, служащаго для разливанїя при казенной продажѣ; это *четверка*, по сибирски *четушка* (сокращ. четвертушка), или четвертая доля штофа.

144. *Кѣрста*, — могила; въ Онежскомъ Округѣ.

145. *Стѣндѣ*, или *стѣндѣ*, — тѣнь бросаема я предметомъ.

146. *Обратъ*, — узда; въ Онежскомъ Округѣ.

147. *Вѣрга*, — дорога; зырянское слово, употребляемое въ Устьцѣльмѣ и далѣе вверхъ по Печорѣ.

148. *Окѣлица*, — искривленіе прямаго направленїя дороги, рѣки, или вообще всякаго пути: «эку мы околицу дали!» Оттуда прилагательное

149. *Окѣлистый*, — извилистый; околистая рѣка, дорога, и т. д.

150. *Дверста*, вм. дресва; въ Холмогорахъ и на Онегѣ.

151. *Таланъ*, — успѣхъ свойственный кому-либо въ промыслѣ; и потомъ вообще успѣхъ, удача въ жизни: «плохой мой таланъ: звѣря ищю, — найтить не могу, жены искалъ, — наполь».

152. *бла'го*, — очень, довольно, изобильно; на-примѣръ: «у него благо много оленей;» отсюда существительное

153. *Благода'тъ*, — довольство, изобиліе: «у него всякой всячины-то благодать».

154. *Болва'къ*, — идолъ языческихъ народовъ, въ Архангельскѣ — Самоѣдовъ, вырѣзанный изъ дерева или каменный. Отсюда прилагательное

155. *Болванскій*, — нерѣдко встрѣчающееся въ названїяхъ мѣстностей архангельскаго востока, и означающее мѣсто, гдѣ нѣкогда поставлены были, или и понынѣ ставятся, самоѣдскіе идолы. Такъ извѣстенъ *Болванскій-Носъ* на югозападной оконечности острова Вайгача: такъ находимъ *Болванскую-Губу* при устьѣ Печоры, и по тремъ самоѣдскимъ тундрамъ много кое-гдѣ разбросанныхъ *болванскихъ сопокъ*.

156. *Талга'*, — клѣймо, или знакъ каждаго самоѣдскаго родовича, употребляемый имъ для заклѣйменїя оленей, при рукоприкладствѣ, и т. д.

157. *Колм'рникъ*, — капюшонъ изъ какой-либо легкой ткани, съ мелкою сѣтью изъ конскаго волоса, заграждающею

лице, надѣваемый сѣверными жителями лѣтомъ, въ *комарное* время, для защиты отъ несмѣтнаго множества наполняющихъ воздухъ комаровъ.

158. *Икота*, — родъ истерической женской болѣзни, въ особенности распространенной по р. Пинегѣ, и гораздо рѣже въ Мезенскомъ Уѣздѣ. Причиною недуга, обнаруживающагося временными припадками походящими на съумасшествіе, почитаютъ простолюдины *поргу*, или злобное вліяніе пзвѣстныхъ людей на другихъ, заставляющее

159. *Икотышу*, — т. е. особу, на которую переходитъ это вліяніе, противъ ея воли

160. *Икати*, — т. е. обнаруживать подобные припадки дикаго съумасшествія. Болѣзнь эта между женщинами по Пинегѣ почти стольже общенародна, какъ въ другихъ странахъ крестинизмъ; замѣчу, однако, мимоходомъ, что быть-можетъ на половину между ею страждущими есть чисто притворная; ибо одно изъ удивительныхъ свойствъ ея то, что она обнаруживается всякій разъ, когда въ присутствіи женщины дѣлается нѣчто ей непріятное, противное; вы закурите сигару — и пять женщинъ старовѣрокъ, не терпящихъ, какъ вамъ извѣстно, табаку, начинаютъ всѣ вмѣстѣ, въ одной съ вами избѣ, затыкать платками рты и носы, вывертывать глаза, кричать дикими голосами, наконецъ произносить самыя безстыдныя ругательства; это и есть *икота*, дѣйствіе демона, вселившагося въ эти безгрѣшныя души: посмотришь на кутерьму, и радъ бросить любимую *Гафата*, чтобъ укротить тѣмъ основанія воплощеннаго въ пяти женскихъ тѣлахъ дьявола. Таковы пути, которыми нѣжный полъ по Пинегѣ опутываетъ своихъ супруговъ.

161. *Вѣжа*, — названіе жилища Лопарей по Мурманскому берегу Россійской Лапландіи.

162. *Чумъ*, — такъ называются конусовидныя кочевые шалаши, покрытые лѣтомъ берестою, а зимою оленьими кожами, служащіе временнымъ пристанищемъ бродячей жизни по тундрамъ. Хотя Русскіе и приняли ихъ издавна, вѣроятно отъ Самоѣдовъ, наименованіе ихъ однакоже не самоѣдское (ибо Самоѣды называютъ свой кочевой шалашъ *мъ*), но, какъ должно полагать, древнее чудское, сохранившееся еще въ вырѣ-

скомъ названія *валы*; къ-тому, понынѣ существуютъ еще преданія, удостовѣряющія, что Чудь въ сѣверныхъ тундрахъ вела кочевую жизнь, какъ нынѣ Самоѣды.

163. *Чумовйице*, — мѣсто, на которомъ былъ расположенъ чумъ, снятый при откочеваніи далѣе.

164. *Копице*, — мѣсто, обыкновенно находящееся близъ чума, гдѣ *скоплется* въ тѣсную массу пасущееся вокругъ чума стадо оленей, вытаптывая торфянистую почву его такъ, что часто не остается на ней ни травинки, и все превращается въ черную перемѣшанную грязь. Эти копища многіе годы сохраняютъ видъ свой на тундрѣ.

165. *Нюхъ*, — такъ называется верхняя, шерстью наружу обращенная, покрывающая изъ сшитыхъ вмѣстѣ оленьихъ кожъ, которою въ зимнее время покрываютъ коническую огородку шестовъ, заключающую въ себѣ кочевой чумъ.

166. *Поднѣгъе*, — исподнее, *подъ кюкомъ* лежащее, одѣяло изъ оленьихъ кожъ, обращенное шерстью внутрь чума; точно такъ же какъ *малица* и *совицъ*, или *юпты* и *пилы* въ одеждѣ самоѣдской, обращены: исподнее — шерстью внутрь или къ тѣлу, верхнее же — шерстью наружу; это вѣками испытанная, лучшая теорія защищать себя отъ стужи.

167. *Ялди́тъ* — откочевать съ мѣста; глаголъ взятый изъ самоѣдскаго: «пора намъ *сялди́тъ*, *перелди́тъ*».

168. *Ѳдома*, — немѣніе оленей, слѣдовательно средствъ къ кочеванію въ тундрахъ: «чрезъ надежъ повыпали у Самоѣдовъ олени, и многіе *на Ѳдомъ* остались»; или: «мѣтомъ бѣдныя Самоѣды *на Ѳдомъ* сидятъ». Происходитъ отъ самоѣдскаго слова *Ѳда*, что значитъ *пши́й*. Отсюда происходитъ, нерѣдко встрѣчаемое и въ официальныхъ бумагахъ, прилагательное

169. *Ѳдомскій*, т. е. безъоленый: «по озеру Харвею *Ѳдомскіе* Самоѣды рыбу промышляютъ».

170. *Малица*, — самоѣдская шуба, безъ разрѣза впереди, на подобіе рубашки, и носимая мѣхомъ къ тѣлу. Слово самоѣдское.

171. *Совицъ*, — шуба другого рода, также безъ разрѣза впереди, соединенная съ капюшономъ; Самоѣды надѣваютъ ее поверхъ малицы, но шерстью наружу; по самоѣдски *соуоцъ*.

172. *Пандица*, — женская шуба Самоѣдовъ, на ихъ языкѣ *панди*, впрочемъ не употребляемая русскими женщинами, ко-

торыя замѣняютъ ее несравненно болѣе теплою мужскою одеждою, т. е. малицею и совикомъ.

173. *Яндйца*, — по самоѣдски *лндй*, исподняя мѣховая одежда самоѣдскихъ женщинъ, носимая шерстью къ тѣлу.

174. *Пилы*, — по самоѣдски *пиуы*, сапоги изъ кожи съ оленьихъ ногъ, носимые Самоѣдами шерстью вверхъ, а въ зимнее время и Русскими на сѣверѣ.

175. *Лялтй*, — по самоѣдски *лялтй*, родъ чулковъ изъ мягкаго мѣха молодыхъ оленей; они надѣваются подъ пимы, шерстью къ тѣлу.

176. *Тѣбуры*, — также и по самоѣдски, родъ короткихъ полу-сапоговъ, изъ кожи съ оленьихъ ногъ; Самоѣды употребляютъ ихъ въ сильные морозы еще поверхъ пимовъ, шерстью наружу.

177. *Керъжка*, — легкіе сани, видомъ похожіе на маленькую лодку; въ керѣжкахъ Лопари ѣздятъ на оленяхъ, впрягая въ каждую по одному, который ячитъ своего сѣдока тундрами и снѣгами.

178. *Утица*, — легкіе самоѣдскіе сани, употребляемые по тундрамъ, для ѣзды на оленяхъ, зимою и лѣтомъ; взято съ самоѣдскаго *утѳ*.

179. *Са*, — прочный ремень, посредствомъ котораго запряженный олень тянетъ утицу; съ самоѣдскаго.

180. *Лялка*, — широкій ремень, проходящій выше шеи и по плечамъ оленя, концами прикрѣпляемый къ означенному ремню *са*, и такимъ — образомъ въ упряжи служащій оленю вмѣсто *холута*, между-тѣмъ какъ *са* заступаетъ мѣсто *постролки*. Впрочемъ, слово *лялка*, на самоѣдскомъ *подѣръг*, есть чисто русское, старинное, употребляемое между-прочимъ также для наименованія широкаго ремня, посредствомъ коего суда тянутся по рѣкамъ людьми бичевою.

181. *Тѣсма*, — широкій ремень, который обвязывается черезъ хребетъ и подъ брюхо оленя, въ видѣ подпруги, для прикрѣпленія къ нему узды сосѣдняго. Слово заимствованное не отъ Самоѣдовъ, которые называютъ эту часть упряжи *вндина*; а быть-можетъ чисто русское, испорченное изъ *тесма*.

182. *Слжъ*, — узда, проведенная отъ головы одного оленя къ тасмѣ его товарица въ упряжи, по лѣвую руку; взято съ самоѣдскаго.

183. *Тынзэй*, — арканъ, которымъ ловятся изъ стада оленей; взято съ самоѣдскаго.

184. *Харъй*, — длинный тонкій шестъ, которымъ подталкиваютъ сзади оленей, для понужденія ихъ; по самоѣдски называется *торъ*; но слово *харъй* взято отъ повелительнаго на самоѣдскомъ языкѣ *харъдъ*, т. е. «погоняй».

185 *Арешш*, или *аръшш*, — кочевой обозъ Самоѣдовъ. Слово зырянское, чудскаго происхожденія.

186. *Мъсто*, — постель, или все что служить постелью, слѣдовательно пуховикъ и въ-особенности оленья кожа, какъ обыкновенное ложе въ тундрѣ: «сколько *мъстъ* ты вывезъ изъ тундры?» т. е. сколько *оленьихъ кожъ*?

187. *Покопйтмыл денъси*, — такъ называется у Мезенцевъ и означается въ официальныхъ бумагахъ небольшая денежная подать, платимая русскими владѣльцами оленей въ мѣрскую кассу Самоѣдовъ, за пастбу стадъ по тундрамъ, составляющимъ родовую собственность туземцевъ. Эти деньги платятся по числу оленей, съ *копыта*.

188. *Хора*, — самецъ сѣвернаго оленя; съ самоѣдскаго, гдѣ это слово означаетъ мужескій полъ всякаго животнаго, а безъ посторонняго сказуемаго — всегда оленя.

189. *Ва'женка*, — самка оленя, по самоѣдски *мхадей*; слѣдовательно также неизвѣстнаго происхожденія, вѣроятно слово чудское.

190. *Быкъ*, — кладеный олень, въ-особенности употребляемый въ упряжь и для убоя.

191. *Пыжикъ*, — молодой олень до двухмѣсячнаго возраста, по самоѣдски *сугй*; также слово чудское; отсюда прилагательное

192. *Пыжийй*, — мѣхъ молодыхъ оленей, по мягкости шерсти много идущій въ продажу.

193. *Неблюй*, — олень отъ двухъ до трехмѣсячнаго возраста; по самоѣдски *нѣблю*.

194. *Телѣнокъ*, — молодой олень вообще (пыжикъ и неблюй), а въ болѣе ограниченномъ смыслѣ — трехмѣсячный и далѣе, до степени взрослоаго.

195. *Лонцакъ*, или *лончакъ*, — олень, или вообще животное *прошломътмее*. Происходить отъ областнаго выраженія *лонч*, *лончъ*, т. е. въ прошломъ году.

196. *Чопурокъ*. — На Лапландскомъ Берегу Бълаго-Моря существуютъ, отчасти, другія названія для различныхъ возрастовъ оленя, нежели какія употребительны у мезенскихъ оленоводовъ. Такъ молодой олень, родясь *мыжикомъ*, удерживаетъ это названіе до Ильина-Дня, а потомъ дѣлается *чопуркомъ*, оставаясь имъ до Покрова-Дня (1 октября), когда чопурковъ убиваютъ на малицы. Избѣгнувшій гибельной участи *чопурокъ* отселѣ становится густошерстый зимній

197. *Лопанко*; а по достиженіи годичнаго возраста олень-самецъ называется

198. *Ур'къ*; (*лопакъ* по мезенскимъ тундрамъ).

199. *Всндъжа*, — олень-самка годичнаго возраста (*ва'жска* по мезенскимъ тундрамъ), который въ женскомъ полѣ не перемѣняетъ уже болѣе названія, а въ мужескомъ съ каждымъ годомъ получаетъ новое:

200. *Уварсъ*, — двухгодичный олень-самецъ на третьемъ году своего возраста.

201. *Ш'аламатъ*, — трехгодичный олень на четвертомъ году возраста.

202. *Контусъ*, — четырехгодичный на пятомъ году возраста.

203. *Быкъ*, — пятилѣтній на шестой годъ возраста, гдѣ дѣлаютъ его *быкомъ*, назначая для убоя; ибо для означенія кладеныхъ оленей и здѣсь употребляютъ слово *быкъ*, прибавляя по лѣтамъ возраста вышеозначенныя названія: *быкъ ур'къ*, *быкъ-цварсъ*, и т. д. Въмѣсто слова *быкъ* употребляютъ также лопарскія слова:

204. *Г'ирвасъ*, и

205. *Шардунъ*; — *шардунъ-ур'къ* есть тоже что *быкъ-уракъ*, т. е. кладеный олень на второмъ году возраста; *шардунъ-цварсъ* тоже что *быкъ-цварсъ*, и т. д.

206. *Путь*, — такъ называется морской промыселъ, свойственный извѣстному времени года; на-примѣръ: *зимній путь* есть ловля взрослого тюленя, предпринимаемая около 1 февраля изъ-подъ селенія Золотицы у Зимнихъ-Горъ; или *путь на Кедахъ* — ловля молодого тюленя послѣ 1 марта, предпринимаемая съ мѣста, называемаго *Кеды*, и т. д.

207. *Ка'рбасъ*, — обыкновенная лодка на Двинѣ, Мезени, Печорѣ и въ Поморѣ.

208. *Шлякѣ*, — такъ называются шлюпки, на которыхъ промышленники объѣзжаютъ лапландскіе берега, занимаясь рыбною ловлею.

209. *Ра'нница*, — родъ малаго судна, употребляемаго въ Вѣломъ-Морѣ промышленниками.

210. *Лихтеръ*, — ладья, употребляемая для облегченія груза большихъ купеческихъ судовъ, чтобъ провести ихъ чрезъ баръ, на устьѣ Двины, въ Архангельскѣ. Около 20 или 30 такихъ *лихтеревъ* занимаются этою выгрузкою кораблей какъ промысломъ. См. Литке: Путешествіе къ Новой-Землѣ. Слово это происходитъ конечно отъ нѣмецкаго *Lichter*.

211. *Каюкъ*, — судно употребляемое торговыми людьми, плавающими ежегодно внизъ по Печорѣ, для торгу съ при-Срежними ея жителями. Каюкъ печорской несетъ отъ 1, 500 до 2,000, и рѣдко до 3,000 пудовъ груза; суда большаго размѣра, поднимающіе до 4 и 5,000 пудовъ, называются здѣсь *барками*, и разбиваются въ Устьцѣльмѣ или Пустозерскѣ, не возвращаясь вверхъ по рѣкѣ. Каюки волжскіе напротивъ поднимаютъ до 30,000, а Камскіе — до 35,000 пудовъ.

212. *Павозка*, — большая лодка съ прямымъ парусомъ, несущая до 300 пудовъ груза, и сопровождающая суда большаго размѣра, плывущія внизъ по Печорѣ; лодки эти идутъ внизъ нагруженныя; въ обратный-же путь дѣлаются необходимыми для каюковъ при трудномъ плаваніи вверхъ по мелководнымъ рѣкамъ.

213. *Сойма*, и

214. *Когъ*, — въ-старину такъ назывались ладьи, на которыхъ ходили внизъ по Печорѣ, и оттуда берегомъ Большеземельской Самоѣдской Тундры и Карскимъ-Моремъ, чрезъ полуостровъ Ялмалъ, въ Обскую-Губу, для торговли съ Мангазеею. См. Purchas, his pilgrims. ч. III. стр. 549. Быть можетъ однако, что иностранцы не поняли точнаго значенія этихъ словъ, и что *когелы* означали поморцы извѣстное число вмѣстѣ плывущихъ, *когующихъ*, судовъ, *соймалми* называемыхъ.

215. *Тѣлдасъ*, — досчаная устилка на днѣ карбаса.

216. *Пѣлуба*, — досчаная покрывша, устроиваемая надъ лодкою, въ плаваніи по рѣкамъ, для защиты отъ дождя.

217. *Мурманъ* (во множ. Мурманѣ), — обитатель норвежскихъ береговъ. Происходитъ отъ скадминавскаго названія Нормановъ. Отсюда прилагательное

218. *Мурманскій*, — Норманскій; такъ весь сѣверный берегъ Русской Лапландіи называется *Мурманскими-Берегами*.

219. *Нордвѣга*, — Норвегія.

220. *Грѹмантъ*, — Шницбергенъ, и т. д.

221. *Полѹры*, — вмѣсто Поморцы; но Мурманскому-Берегу называются *Полѹрами* промышленники кѣмскіе и онежскіе, выходящіе сюда весною, чрезъ Терскій-Полуостровъ, для рыбной ловли; къ зимѣ возвращаются они на родину водою, держась береговъ.

222. *Становище, становъ*, — удобное мѣсто для стоянія у берега.

223. *Отидѣя*, — отнесеніе вдоль отъ берега; гоняясь за тюленемъ на плывущихъ въ морѣ льдахъ, промышленники нерѣдко вмѣстѣ съ этими глыбами «падаютъ въ отидѣя», т. е. относятся отъ береговъ въ неизвѣстную даль, гдѣ погибаютъ безъ вѣсти, если, по-счастью, волны не выбросятъ ихъ на какую-либо скалу пустыннаго острова Моржовца или на кошку морскую, и тамъ, опять по случаю, не погибнуть они съ голода и холода.

224. *Сѣрка*, — общее названіе тюленя (*Phoca groenlandica*).

225. *Конжуй*, — такъ называется также *сѣрка* на Лапландскомъ Берегу Бѣлаго-моря, и кажется двумя различными именами отличаютъ, въ настоящемъ случаѣ, полы животнаго, какъ у взрослыхъ *мысунъ* и *утельга* означаютъ самца и самку; но въ-точности я упустилъ развѣдать это обстоятельство.

226. *Блѣкъ* (во множ. *блѣкѣ*), — тюлень покрытый бѣлою пушистою шерстью, какъ онъ является на свѣтъ. Чрезъ нѣсколько дней по рожденіи, эта первая шерсть его начинаетъ облѣзать, и *блѣкъ* принимаетъ названіе

227. *Хохлуша*, — которое превращается въ

228. *Плѣханко*, — когда первой шерсти столько уже слияло, что показываются черныя *пѣшины*, поростающія короткою грубою шерстью. Изъ плѣханка дѣлается

229. *Сѣрка sensu strictiori*, т. е. *шестинедѣльный блѣкъ*, отложившій вполне свою первоначальную одежду, замѣнивъ ее другою, удобнѣйшею для будущаго образа жизни. Это названіе остается тюленю до болѣе зрѣлаго его развитія,

достигнувъ котораго чрезъ годичный срокъ, онъ называется, если самецъ, то

230. *Сърѹкъ*, — а если самка, то еще носитъ названіе *сърки* до двухгодичнаго возраста, когда тюлень дѣлается способнымъ къ плодотворенію; тогда *сърѹкъ* становится

231. *Лисѹкъ*, — двухлѣтній тюлень-самецъ; а самка

232. *Утельга*, — двухлѣтняя самка-тюлень. Эти послѣднія названія животное уже не измѣняетъ.

233. *Нѣрна*, — другой родъ тюленя, *Phoca hispida Fabr.*

234. *Залѹкъ*, *морской залѹкъ*, — третья особая порода тюленя, *Phoca alligera Pall.* Ото всѣхъ сихъ названій происходятъ относительныя прилагательныя: *мысий* или *мысуній*, *съркий*, *нерпуній* или *нерпецкій*, *залій*, и проч.

235. *Залѣжка*; — въ извѣстное время подъ-конецъ зимы, тюлени (*Phoca groenlandica*) выбираются на обширныя льдины, гдѣ *лежатъ*, иногда многочисленными стадами, въ 500 и 600 головъ вмѣстѣ, въ лѣнивомъ спокойствіи, совершая дѣйствіе сонтія.

236. *Лалды*, — лыжи употребляемыя при нѣкоторыхъ зимнихъ и морскихъ промыслахъ, какъ на-примѣръ, при Конушиномъ, и другихъ.

237. *Колд*, — длинныя лыжи, особеннаго-ли вида, или чистый синонимъ предидущаго слово — мнѣ неизвѣстно.

238. *Посох*, — шесть, обыкновенно изъ черемуховаго дерева, около двухъ аршинъ длиною, вооруженный на одномъ концѣ

239. *Хвостягою*, — т. е. желѣзною застриною съ выгнутымъ наружу, у ея основанія крючкомъ. Этимъ орудіемъ колютъ тюленей.

240. *Кутило*, — другое орудіе, при тюленьемъ же промыслѣ употребляемое: это шесть на оконечности съ

241. *Зазуброю*, — родомъ гарпуна, или заостреннаго желѣза, съ крючкомъ на боку, насаженнаго на рукоятъ не плотно, а соединеннаго съ псю посредствомъ веревки, длиною около 10 сажень, которая удерживаетъ животное, пронзенное *зазуброю*, въ рукахъ ловца, на рукояти *кутила*.

242. *Стоялка*, — толстая веревка; это выраженіе произошло конечно отъ *столкія* судовъ на якорѣ, съ помощію *веревки*; слышалъ я его въ Кольскомъ - Поморьѣ.

243. *Дупо́л, дупла́,* — родъ шапки изъ бѣлаго полотна, которую надѣваютъ, вмѣстѣ съ бѣлою рубашкою, поверхъ зимней одежды, при тюленьемъ промыслѣ (въ *зимний-путѣ*), дабы на льдахъ, покрытыхъ снѣгомъ, по бѣлизнѣ одежды незамѣтно приблизиться на ружейный выстрѣлъ къ добычѣ.

244. *Тупи́къ,* — выгнутая узкая полоса желѣза съ тупымъ остриемъ, и рукоятю на каждой оконечности, — орудіе которымъ *выбраваютъ* кожи морскихъ звѣрей, т. е. соскабливаютъ пластъ жира, устилающій внутреннюю полость ихъ.

245. *Юро́къ,* — извѣстное количество вмѣстѣ собранныхъ однородныхъ предметовъ; на-примѣръ: *юрокъ олений, юрокъ зѣтриныхъ кожъ* и *юрокъ вицевъ* (прутьевъ). Это слово происходитъ, по всей вѣроятности, отъ зырянскаго (всегда подразумеваемая первобытнѣйшій чудскій, въ зырянскомъ сохранившійся) слова *юръ*, «голова», и, кажется, въ первоначальномъ употребленіи означало нѣсколько *головъ* скота, какъ бы и понынѣ говоримъ о животныхъ, считая *головами*.

246. *Кры́лье,* — вм. крыло, птицы.

247. *Маха́ло,* — также крыло, отъ глагола *махать*. Отъ тогоже корня

248. *Маха́вка,* — длинный шестъ, втыкаемый въ землю, на вершинѣ коего вѣетъ платокъ, рубашка, или тому подобно, чтобъ издали подавать условленный знакъ какого-либо дѣйствія; въ промыслахъ весьма нерѣдко встрѣчается надобность употреблять или *выставляютъ махавку*.

249. *Гурдѣй,* — такъ по Мурманскому Берегу Русской Лапландіи называютъ конусообразно съ заостренными вершинами сложенные груды камней, мѣстами виднѣющіяся съ моря, и весьма важныя для нашихъ безкомпасныхъ плователей, имѣющихъ по нимъ свои примѣты о расстояніяхъ, становищахъ, и т. д.

250. *Кѣхуры.* — Слово это встрѣтилось мнѣ гдѣ-то въ печати и, кажется, есть синонимъ предшествовавшему, по тѣмъ же берегамъ употребляемый.

251. *Фити́ль,* — сѣтъ устройствомъ своимъ похожая на обыкновенную связанную изъ прутьевъ *морду*, но въ болѣешемъ размѣрѣ и съ боковыми крыльями; употребляется по средней Печорѣ для улова рыбы.

252. *Попла́въ,* — сѣтъ съ крупными ячеями до 300 сажень длиною, и на 3 или 4 сажени идущая вглубь, употребляемая для

лови сѣмги по Печорѣ, Мезени, и нѣкоторымъ другимъ рѣкамъ. Она перебрасывается поперегъ глубокаго фарватера рѣки, и несется по теченію; одинъ конецъ ея остается въ рукахъ промышленнаго карбаса, внизъ по водѣ плывущаго, другой свободенъ и влечется теченіемъ; полавки во всю длину сѣти по одной, и привѣшенныя тяжести по другой сторонѣ, удерживаютъ ее постоянно въ вертикальномъ положеніи относительно къ руслу рѣки; такимъ — образомъ сѣмга, идущая противъ теченія, ударяется на пути своемъ въ полавъ, и попадаетъ въ ячею ея, пропускающую рыбу выше грудныхъ перьевъ, но не дающую пройти ей цѣликомъ; обратно-же выскользнуть изъ ячею рыбѣ препятствуютъ перья.

253. *Перемѣтъ*, — это сѣть, устроенная какъ и полавъ, но глубиною не много выше сажени, употребляемая также для ловли сѣмги въ мелководьяхъ моря, при устьяхъ тѣхъ же рѣкъ. Она протягивается въ прямомъ углу съ чертою берега, отчасти по твердой землѣ, понимаемой водами прилива, и потомъ въ отмелое море, сколь далеко позволяетъ то глубина его, что иногда распространяетъ длину всей сѣти верстъ на пять. Перемѣтъ этотъ удерживается по всей длинѣ своей постоянно въ вертикальномъ положеніи посредствомъ вбитыхъ въ почву кольевъ, и приборъ стоитъ въ теченіе всего улова. Каждый приливъ покрываетъ перемѣтъ и приноситъ къ нему рыбу, которая попадаетъ въ ячею, какъ описано выше; послѣ отливовъ промышленники объѣзжаютъ перемѣтъ во всемъ его объемѣ, и вынимаютъ изъ ячею засѣвшую въ нихъ рыбу.

254. *Польдѣтъ*, — простая крупная сѣть въ 2 или въ 3 сажени длины и въ сажень вышины, съ которою двѣ лодки плывутъ внизъ по рѣкѣ; ее вытаскиваютъ, какъ скоро ударится въ нее сѣмга, идущая небольшими стаями (юрками) противъ теченія. Употребляется въ селеніи Поноѣ по Лапландскому Берегу Бѣлаго-Моря.

255. *Заборѣтъ*, — рядъ колевокъ, который ставится поперегъ рѣки, для улова сѣмги; Въ селеніи Поноѣ. Оттуда глаголь

256. *Забирѣтъ* рѣчку, т. е. перегораживать кольями.

257. *Церплѣтъ*, — плетеная изъ прутьевъ перегородка, которая ставится на нѣкоторое разстояніе отъ берега въ рѣчку, чтобъ произвести выше теченія ея *заводѣ* (см. слово № 34), гдѣ ставится сѣть, называемая *сарва*, для улова сѣмги. Въ Поноѣ.

258. *Гарва*, — сѣть съ крупными ячеями (въ 4 вершка поперечника), около 10 сажень длиною, и въ одну сажень вышины; она ставится въ *заводи* за выдавшеюся скалою, или *переплътолиз* (см. предшествовавшее слово) и въ ячеи ея попадаетъ семга. Въ Поноѣ.

259. *Млѣще*, — крѣпкая сѣть, около 10 сажень длиною, и сажени 4 глубиною, съ ячеями около фута въ сторонѣ квадрата, употребляемая въ селеніи Поноѣ для ловли тюленей (нерпы и морскихъ зайцевъ) посредствомъ *крюка*.

260. *Крюкъ*, — сѣть изъ 5 соединенныхъ концами *млѣщ*, заграждающая низменный заливъ моря такъ, что пространство между выдавшимся невысокимъ мысомъ и берегомъ занято сѣтью, поставленною въ видѣ крюка, вогнутаго внутрь залива, и остается только узкій проходъ мимо сѣти въ заливъ, куда заходятъ тюлени, но обратнаго пути найти не могутъ и запутываются въ тенетахъ.

261. *Ярусъ*, — приборъ сѣтей, употребляемый для рыбной ловли по Мурманскому Берегу Русской Лапландіи.

262. *Ошкуй*, — бѣлый медвѣдь; взято съ зырянскаго названія чернаго медвѣдя — *ошк*; древняя Чудь бытъ можетъ для того и другаго звѣря имѣла одно это наименованіе, отличая ихъ, какъ и мы по-русски, цвѣтомъ шерсти; пришельцы-же русскіе отнесли общее обозначеніе *породы* къ невиданному дотогѣ ими *виду*, обладая уже въ своемъ языкѣ особымъ словомъ для другаго вида.

263. Медвѣдь *стервятникъ*, — черный медвѣдь, питающійся преимущественно мясомъ мертвыхъ животныхъ.

264. Медвѣдь *травникъ*, — о которомъ русскіе обитатели лѣсной страны Сѣвера увѣряютъ, будто-бы онъ никогда не трогаетъ пасущагося скота, а питается болѣе ягодами и «Богъ вѣсть чѣмъ». Referta referego.

265. *Норникъ*, — молодой песецъ (сѣверная лисица), пока онъ не оставляетъ своей *норы*; въ августъ и сентябръ онъ становится

266. *Крестовѣтникъ*, — какъ прозывается отъ своего сѣраго мѣха, по которому тянутся черноватыя полосы, одна вдоль по хребту, и двѣ поперегъ, *накрестъ* ее пересѣкающія, къ переднимъ и заднимъ лапамъ животнаго.

267. *Чуларъ*, — глухарь, глухой тетеревъ (*Tetrao Urogallus*).

268. *Мари́ха, марду́шка*, — самка глухого тетерева.
269. *Коса́къ*, — тетеревъ (T. Tetrix. L.) самецъ.
270. *Пестру́ха*, — тетерька, самка *косаха*.
271. *Рябь, рябѣкъ*, — рябчикъ (T. Bonasia L.)
272. *Куропатъ*, — сѣрая куропатка (Lagopus albus. L.)
273. *Морской ла́данъ*, — янтарь, мелкими зернами индѣ на берега выбрасываемый моремъ; ладаномъ этимъ жены окуриваютъ иногда сѣти мужей, ожидая отъ того счастливаго улова рыбы.

274. *Морское ма́сло*, — мягкое животное изъ класса аса-lerphae, плавающее иногда на поверхности водъ; промышленники вывозятъ его домой, какъ лекарство въ разныхъ бо-лѣзняхъ, предполагая въ этомъ морскомъ маслѣ сокровенныя цѣлительныя силы.

275. *Продка*, — первая молодая зелень, весенними почками показывающаяся на деревьяхъ, и первая изъ земли выходящая трава.

276. *Вилъ* (обыкновенно выговаривается *вѣля*), — гибкій пруть, хворостина (въ Мезенскомъ Округѣ); слово, кажется, финскаго происхожденія.

277. *Кю́мелъ*, — стволъ дерева, отъ зырянскаго *кю́мелъ*; отсюда прилагательное

278. *Зако́млистый*, — суковатый; о стволѣ дерева.

279. *Ка́ренга* — суковатый обрубокъ дерева; и прилагательное

280. *Каренговатый*, — суковатый, то же что *закомлистый*.

281. *Ва́кора*, — суковатый лѣсъ, то же что *каренга*.

282. *Кокора*, — остатокъ толстаго древеснаго ствола съ корнемъ вырваннаго бурей или водами, или павшаго отъ времени. Слова эти безъ сомнѣнія финскаго происхожденія, и въ окончаніи ихъ я вижу финское слово *кю́ри* (по эстляндски *кооръ*), русское *кору́*; это стволы, *обнаженные отъ коры*, ветхія.

283. *Дубъ*, — кора лиственныхъ деревьевъ: «березовый *дубъ* выкуривается на деготь, а сосновая *кора* на смолу».

287. *Па́лихъ*, — огорѣвшій, *опаленный* лѣсъ; въ Кольск. Окр.

285. *Подборъ*, — это, кажется, опушка сосноваго *бора*.

286. *Пордмъ*, — такъ называется по притокамъ Мезени и Пинеги извѣстное число сплоченныхъ вмѣстѣ бревенъ для поднятія ихъ по рѣкамъ или по берегу морскому въ другія рѣки

и рѣчки, которыми эти *поромы* сплавляются до Архангельскаго Порта. Отсюда глаголь

287. *Спора́мливать*, — т. е. связывать бревна въ поромъ, сплачивать; и *перепора́мливать*, т. е. развязавъ поромъ, связать его въ другой видъ, бо́льшій или меньшій, по числу составляющихъ его деревьевъ, противъ прежняго, смотря какъ требуетъ того фарватеръ и другія обстоятельства.

288. *Плита́*, — техническое выражение, которымъ означаютъ слои бревенъ, составляющихъ *поромы*.

289. *Ща́нь*, — такъ называется въ Шенкурскомъ Уѣздѣ, котораго жители особенно занимаются смолокурениемъ, засѣчка нанскою топоромъ въ сосновое дерево, для добыванія смолы. См. Лепехина: Путешествіе и проч. ч. IV. стр. 435. Прим.

290. *Засѣ́лка*, *засачиваніе* дерева, — когда съ сосноваго дерева соскабливается кора, съ цѣлію чтобъ изъ обнаженнаго ствола *высачивались* на поверхность смолистыя вещества его; въ Шенкурскомъ Округѣ. Тамъ же, ч. IV, стр. 440.

291. *Сме́жѣ*, — разщепленныя почти въ лучинную толщину полѣнья сосноваго дерева, для выкуриванья изъ нихъ смолы; въ Шенкурскомъ Округѣ. См. тамъ же.

292. *Майда́къ*, — яма выкапываемая въ землѣ для смолокурения; въ Шенкурскомъ Округѣ. См. тамъ же.

293. *Плѣкѣ*, — смола или родъ канифоли, получаемая чрезъ перегонку сосновой смолы; летучія частицы сей-последней удаляются въ видѣ паровъ, а остающееся стекаетъ изъ мѣднаго котла въ бочки и называется *плѣкѣ*. Такъ изъ *скипидара* возгоняется *скипидарное масло*, а остающееся смолистое вещество есть *канифоль*. Пѣковареніе принадлежитъ уже къ городскому промыслу Архангельска. См. Лепехина: Путеш. ч. IV, стр. 448—450.

294. *Ера*, *ѣрникъ*, — всякій низкій кустарникъ по безлѣснымъ тундрамъ растущій, преимущественно же родъ березника — *Betula nana* L.

295. *Жимолѣдникѣ*, — родъ жимолости, *Lonicerа Pallasii Ledeb.*

296. *Кобы́лицѣ*, — тотъ же жимолостникъ.

297. *Кислицѣ*, — красная смородина.

298. *Зеленица*, — *Lycorodium complanatum* L., употребляемая по Печорѣ для крашенія шерстяныхъ тканей, которымъ придаетъ блѣдножелтый цвѣтъ.

299. *Торща*, — такъ называется нѣсколько видовъ растѣній изъ семейства крестовидныхъ (въ-особенности *Thlaspi arvense* и *Sisymb. oheiranthoides*), во множествѣ растущихъ на поляхъ между ниворослей и которыхъ сѣмена, при неурожаѣ, смолотые въ муку, бѣднымъ жителямъ мезенскаго сѣвера отчасти замѣняютъ хлѣбъ. (Прочія названій растѣній см. въ моей «Флорѣ земель Архангельскихъ Самоѣдовъ»).

300. *Едний*, — единый, одинъ: «мы ни одной рыбки не ловили»; «насъ ни одного силы не стало»; впрочемъ, это слово почти общее въ русскомъ простонародіи.

301. *Дорѣдний*, — хорошій; и какъ нарѣчіе: *дорѣдно* — хорошо. каковы твои кони? *дорѣдны*; сдѣлаешь-ли это? *дорѣдно*, сдѣлаю.

302. *Баской*, — ясный, красивый: «баско время на дворѣ», т. е. ясная погода, и «баска дѣвка». Отсюда глаголь

303. *Басится*, — охорашиваться: «какъ ты ни басиссе, все уродомъ останиссе».

304. *Солнопѣчный*, —¹ солнечный, ясный: «солнопечный день по Новой Землѣ на рѣдкость когда выдается».

305. *Хрушкой*, — крупный; въ Шенкурскѣ.

306. *Схрѣпкой*, — хрупкій, ломкій; тамъ же.

307. *Прилѣубый*, — говорится о берегѣ, вдоль котораго значительная покатость почвы заставляетъ воды скоро углубляться: «по *прилѣубамъ* берегъ *прилѣубъ*, а по *наволокамъ* мѣлокъ».

308. *Суровый*, — шаловливый; въ Холмогорскомъ Округѣ. Отсюда глаголь

309. *Суровѣться*, — шалить, рѣзвиться.

310. *Пѣхтусный*; — масломъ *пѣхтуснымъ* называется нетопленое масло, продаваемое въ Петербургѣ подъ названіемъ «*пухонскаго*»; слово это, кажется, финское.

311. *Яловый*, — говорится о животномъ, не принесшемъ въ извѣстное время плода; на-примѣръ: *яловыя гусыни*, которыя въ лѣтнее время не вывели птенцовъ; *яловая кобыла*, кобыла не ожеребившаяся. Противуположное тому

312. *Дѣтнікъ*, — имѣющій дѣтей, птенцовъ; собственно имя прилагательное, измѣненное въ существительное; подобныя прилагательныя иногда встрѣчаются въ архангельскомъ нарѣ-

чин; на-примѣръ: *мѣлецъ*, вмѣсто *мѣлѣй*; такъ и въ общегосподствующемъ русскомъ говорится порою: *дѣлецъ-человѣкъ*, вмѣсто *дѣловой человѣкъ*, и проч.

313. *Лѣнкой*, — вылинялый; лѣнные гуси, и т. д.

314. *Колѣмой*, — безрогий; по Печорѣ и ея притокамъ между рогатымъ скотомъ встрѣчается много *колѣмого*, не имѣющаго роговъ.

315. *Живой*, — не спящій; на-примѣръ: «по вечеру, какъ это приключилось, вся деревня была еще *жива*».

316. *Жить*, — не спать, борствовать; отсюда

317. *Зажить*, — проснуться, начать движеніе: «мы *зажили* утромъ рано»; или «вода *зажила* въ берегахъ». См. № 53; и

318. *Нажить*, — достать, добыть: «сходи *наживи* мнѣ веревку».

319. *Западѣть*, — начинать паденіе: «вода *запала* въ берегахъ», т. е. начала понижаться, падать.

320. *Попадать* (куда), — быть въ движеніи куда-либо, латинское *tendere*: «мы *попадали на судахъ* въ Нордвегу»; «попадали домой пѣшіе или на оленяхъ»; отсюда

321. *Попастъ*, — достигнуть до мѣста; «мы попали изъ Архангельска въ Колу въ недѣлю».

322. *Покосить*, — плыть моремъ: «спора намъ *вышкосить*», т. е. отплыть; или «судно скоро *покосить*», *плыветь*.

323. *Итти съ хозъ*, — итти на развѣдку; слово техническое, употребляемое при тюленьемъ промыслѣ, гдѣ «*отправляются съ хозъ*» для развѣданія *залѣжки* тюленей.

324. *Парусить*, — исполнять дѣйствіе паруса, какъ въ движеніи противудѣйствующемъ направленію вѣтра или воды, такъ и въ покоѣ, стремящемся удержать тѣ силы; на-примѣръ, тѣло идущаго *парусить* въ холу противъ вѣтра, но не наоборотъ; или — снятыми съ судовъ и протянутыми поперегъ теченія парусами *парусить* малыя рѣки при мелководіи, чтобъ поднять высоту воды и образовать фарватеръ.

325. *Опрѣжить*, — опрокинуть: «*не опрѣжь* телѣги на косогорѣ»; въ Архангельской и Олонецкой губерніи; это испорченный глаголъ *обрушитъ*; отсюда съ перемѣною предлога произошло

326. *Запрѣжить* — опрокинуть на водѣ и потопить: «мы *запрѣжили* въ рѣкѣ весь грузъ».

327. *Пахѣтъ*, — мѣсти; такъ *подпахать*, *выпахать*, вмѣсто подмѣсти, вымѣсти; на-примѣръ: «выпаши дворъ».

328. *Напахѣтъ*, — запасти, накопить: «мы напахали сѣна на зиму».

329. *Робитъ*, — работать, дѣлать; слово малороссійское, общепотребительное въ Архангельской Губерніи равно какъ и въ Сибири.

330. *Ероклатѣтъ*, — собравъ въ *юрокъ* особенными призывными звуками оленей, обычныхъ къ упряжи и тѣмъ звукамъ послушныхъ, окружаютъ этотъ юрокъ веревкою, къ которой привязываютъ число ихъ, назначаемое для предстоящаго употребленія, прочихъ отпуская на свободу; это называется техническимъ, съ самоѣдскаго взятымъ, глаголомъ *ероклатѣтъ*.

331. *Огнѣжѣтъ*, — заболѣть цынгою.

332. *Завирѣтъ*, — завертывать, связывать вмѣстѣ; на-примѣръ, завираютъ въ юрокъ кожи, т. е., свернувъ ихъ, связываютъ вмѣстѣ.

333. *Выбривѣтъ*, — соскабливать *тупикомъ* слой жира, покрывающей нижнюю полость кожъ у морскихъ звѣрей. См. № 244.

334. *Толковѣтъ*, — понимать: «понимашь-ли другъ»? отвѣтъ: «толкую».

335. *Повалитъся*, — спать, и лечь спать: «мы поутру долго повалились», т. е. проспали; и «пора намъ повалитъся», т. е. лечь спать; но говорятъ также: «пора намъ *леги повалитъся*».

336. *Нарядитъся*, — вообще одѣться: «и ницій *наряжается* въ свою *лѣпотъ*»; въ повелительномъ говорятъ *нарядся*, вмѣсто *нарядись*.

337. *Ротитъся*, — произносить клятву.

338. *Брататъся*, — заключать союзъ братства; см. № 111.

339. *Отливатъся*; — промышленники, на легкихъ судахъ или карбасахъ удаляющіеся отъ береговъ, будучи застигнуты сильною бурей въ открытомъ морѣ, для избѣжанія гибели въ волнахъ, избираютъ, по своему мнѣнію, послѣднее средство, и начинаютъ *отливатъся саюлемъ*, т. е. бросаютъ въ воду отъ-времени-до-времени жидкій жиръ морскихъ животныхъ, который, разстилаясь тончайшимъ слоемъ по ея поверхности, укрощаетъ нѣсколько бушующія зыби, не давая имъ подниматься столь высоко, чтобъ могли потопить карбасъ. Сред-

ство это въ Архангельскомъ-Поморьѣ извѣстно каждому; но дѣйствительно-ли оно въ самомъ дѣлѣ, о томъ спорятъ еще ученые физики, между-тѣмъ какъ промышленники продолжаютъ отливаться и — спасаются.

340. *Теперѣво*, — теперь; въ Архангельскѣ.
341. *Оногдасъ*, или *оногдасъ*, — намѣдни; въ Кольскомъ Округѣ.
342. *Онолѣдъ*, — намѣдни; тамъ же.
343. *Онолѣсь*, — намѣдни; тамъ же.
344. *Послѣдни*, — намѣдни; въ Архангельскомъ Округѣ.
345. *Лони*, *лонисъ*, — въ прошедшемъ году: отсюда прилагательн.
346. *Лонской*, — прошлогодній, и существительное *Лоняхъ*;
см. N 195.
347. *Вѣснусъ*, — прошедшею весною.
348. *Лѣтосъ*, — прошедшимъ лѣтомъ.
349. *Осенѣсъ*, — прошедшею осенью.
350. *Зимусъ*, — прошедшею зимою.
351. *Утросъ*, — въ прошедшее утро.
352. *Ночѣсъ*, — въ прошедшую ночь. По той же аналогіи, и въ общемъ русскомъ просторѣчій говорится: *вчерасъ*, *позавчерасъ*, вмѣсто вчера, позавчера (третьяго дня). Нѣкоторые изъ приведенныхъ нарѣчій сохранились и въ другихъ странахъ Россіи.
353. *Иногда*, или *ингда*, — иногда.
354. *Тамотка*, — тамъ.
355. *Тутотка*, — тутъ.
356. *Тамьякъ*, — туда, и *Потамьякъ*, — болѣе туда, болѣе въ ту сторону: «держи карбасъ тамьякъ въ море», или «потамьякъ далѣ отъ щели»; въ Кольскомъ Округѣ.
357. *Судаякъ* и *Посудаякъ*, — сюда, и болѣе сюда, болѣе въ эту сторону: «правъ судаякъ въ становище», или «правъ посудаякъ, ближѣе къ берегу»; въ Кольскомъ Округѣ.
358. *На врѣхъ*, — на верхъ.
359. *Межъ*, — между.
360. *Вмѣстѣхъ*, — вмѣстѣ.
361. *Быва'тъхъ*, — можетъ быть; сокращенное *бываетъ*.
362. *Лиша-бы*, — лишь-бы.
363. *Когдѣ нѣтъхъ*, — почему нѣтъ?

364. *Що*, — что (вопросительное); слышно часто въ Мезени; взято изъ малороссійскаго.

365. *Пошто́*, — почему, зачѣмъ, для чего (вопросительное).

366. *Тако*, — такъ; славянское, часто употребляемое слово.

367. *Ино*, — такъ; въ Устьцымль и по срединѣ Печорѣ.

368. *Ново́й*, — иной, другой.

369. *Разово́*, — такъ-и-сякъ, посредственно; въ Шенкурскѣ.

370. *Ньмѣлка*, — не дурно, порядочно; въ Шенкурскѣ, а иногда и въ Мезени: «какъ твоѣ здоровье»? «нѣмака, живу помалу».

371. *Порато́*, — очень, весьма: «порато дородный», т. е. очень хорошій.

372. *Тарко* (въ сравнительной степени *парѣе*); — сильно, крѣпко; въ Мезени; происходитъ, быть-можетъ, отъ существительнаго *парь*, и взялось изъ паровыхъ бань русскихъ.

373. *На-поводь*, или *на по́водь*, — по теченію рѣки или морскаго потока.

374. *На-противекъ*, — противъ теченія водъ.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

ОБЪЯСНЕННЫХЪ СЛОВЪ.

	NN ^o		NN ^o
Аргышъ, арюшъ	185.	Братанъ	112.
Баситься	303.	Брататься	338.
Баской	302.	Бурсакъ	2.
Бахилы	122.	Бывать	361.
Бережѣе	46.	Быкъ	190 и 203.
Благо	152.	Бѣлѣкъ	226.
Благодать	153.	Важенка	189.
Божатка	109.	Вакора	281.
Божія-дуга	16.	Вара, варака	73.
Болванскій	155.	Ведріе	1.
Болванъ	154.	Вѣснусь	347.
Болонь	290.	Взводень	48.
Большинца	60.	Взвозье	114.

Виска	81.	Завирать	332.
Внца	276.	Заводь	34.
Вмѣстяхъ	360.	Зажить	317.
Вода	58.	Зазубра	241.
Вондѣжа	199.	Закомлистый	278.
Ворга	147.	Залѣжка	235.
Востокъ	26.	Западать	319.
Выбривать	333.	Запружить	326.
Вѣжа	161.	Зарница	17.
Въ хозѣ итти	323.	Заротъ	183.
Гарва	258.	Заря	13.
Гярвасъ	204.	Засивѣрка	4.
Глубникъ	24.	Засочка	290.
Голомя	44.	Заяцъ, морской заяцъ	234.
Голомянный	45.	Зеленица	298.
Гора	98.	Зимусъ	650.
Горный	99.	Зобѣнка	139.
Горбуша	131.	Зыбка	140.
Грумацъ	220.	Икать	160.
Губа	95.	Икота	158.
Гурей	249.	Икотница	159.
Дверста	150.	Ингодъ	353.
Дородный	301.	Ино	367.
Дубъ	283.	Инька	108.
Дыбунъ	103.	Калтусъ	104.
Дѣленки, дѣльницы	121.	Капостить	125.
Дѣтникъ	312.	Капостунъ	126.
Едный	300.	Капость	124.
Ера, ерникъ	294.	Карбасъ	207.
Еролтать	330.	Каренга	279.
Желомудникъ	295.	Каюкъ	211.
Живой	315.	Кережка	177.
Жило	113.	Керста	144.
Жито	135.	Кислица	297.
Жить	316.	Кичыгъ	132.
Жица	117.	Кобылица	296.
Заберега	35.	Когды нѣтъ	363.
Забирать	256.	Кокора	282.
Заборъ	255.	Колги	237.

Комарникъ	157.	Лось	18.
Комсль	277.	Луда	71.
Комольй	315.	Лысунъ	231.
Конжуй	225.	Львиной	313.
Контусъ	202.	Лѣто	27.
Копице	164.	Лѣтось	348.
Корга	66.	Ляга	106.
Коренговатый	280.	Лямка	180.
Косачъ	269.	Майданъ	292.
Кочъ	214.	Малица	170.
Кошка	64.	Манпха	59.
Крестивой	110.	Марево	3.
Крестовой	111.	Маргуха, маракушка	268.
Крестоватикъ	266.	Масло морское	274.
Крьлье	246.	Материкъ	63.
Крюкъ	260.	Матка	21.
Кубокъ	143.	Махавка	248.
Куйпака	65.	Махало	227.
Куколь, кукля	243.	Меженная вода	5.
Кутило	240.	Межень	51.
Куть	94.	Межникъ	30.
Куропать	272.	Межь	359.
Курья	93.	Мурга	77.
Кѣкуры	250.	Мурманскій	218.
Ладанъ морской	273.	Мурманъ	217.
Лайда	102.	Мѣсто	186.
Ламды	236.	Мягице	259.
Лапта	78.	Мятуха	40.
Лахта	97.	Наволокъ	101.
Ляпты	175.	На-вѣрѣхъ	358.
Липуха	6.	На-поводъ	373.
Лихтеръ	210.	На-противень	374.
Лиша-бы	362.	Нажить	318.
Логовина	76.	Напахать	328.
Лони, лонпсъ	345.	Наракуй	39.
Лонской	346.	Нарядиться	336.
Лончакъ, лонщакъ	195.	Настрикъ	47.
Лопанко	197.	Неблюй	193.
Лопоть, лопотина	116.	Нерпа	233.

Несякъ	43.	Пеструха	270.
Нива	85.	Пѣхтусный	310.
Новой	368.	Пимы	174.
Нордвега	219.	Плѣса	49.
Норникъ	265.	Плита	288.
Нось	96.	Плѣханко	228.
Ночѣсь	352.	Побережникъ	25.
Ныласъ	36.	Повалиться	335.
Нюкъ	165.	Поводь	33.
Нѣмака	370.	Повѣтеръ, повѣтерня	31.
Няша	107.	Погода	7.
Обратъ	146.	Подборье	285.
Обѣдникъ	28.	Подводница	67.
Оддорная погода	9.	Подпючье	166.
Околистый	149.	Пожня	134.
Околица	148.	Покопытные деньги	187.
Оногдась	341.	Покосить	322.
Ономнясь	343.	Поливуха	68.
Ономѣдь	342.	Полная вода	54.
Опружить	325.	Полой	88.
Орать	136.	Полуночникъ	23.
Осенѣсь	349.	Польй	86.
Остяцкая лось	19.	Польшня	87.
Отливаться	339.	Поморы	221.
Относъ	223.	Понитокъ	118.
Ошкуй	262.	Попадать	320.
Павозка	212.	Попастъ	321.
Падунъ	84.	Поплавъ	252.
Палая вода	56.	Порато	371.
Паликъ	284.	Порока	10.
Палуба	216.	Поромъ	286.
Паница	172.	Порочка	142.
Парко	372.	Посохъ	238.
Парусить	324.	Посядни	344.
Пахать	327.	Пошто	365.
Пахта	69.	Поѣздъ	254.
Перелой	89.	Прибылая вода	53.
Перемѣтъ	253.	Приглубый	307.
Перепахѣтъ	257.	Прилукъ	100.

Противна	32.	Сувой	50.
Прочика	275	Судаякъ, посудаякъ	357.
Пурга	8.	Сукманна	119.
Путь	206.	Суровиться	309.
Пыжикъ	191.	Суровый	308.
Пыжичий	192.	Сухая вода	57.
Пѣкъ	284.	Сѣльзъ	37.
Ражово	369.	Сѣрка	224 и 229.
Раищина	209.	Сѣрунъ	230.
Робить	330.	Сянъ	182.
Ропакъ	41.	Тайбола	80.
Росоха	83.	Тако	366.
Ротиться	337.	Таланъ	151.
Ручей	82.	Тало, таликъ	12.
Рындать	11.	Тамга	156.
Рябь, рябокъ	271.	Тамотка	354.
Са	179.	Тамьякъ, потамьякъ	356.
Салма	92.	Тасма	181.
Сахта	105.	Тѣлдасъ	215.
Сиверь	22.	Телѣнокъ	194.
Сарпоной	306.	Теперьво	340.
Смолье	291.	Тобуры	176.
Совякъ	171.	Толковать	334.
Сойма	213.	Торица	299.
Солнопечный	304.	Травяникъ	264.
Сполохи	14.	Тундра	79.
Спорамливать	287.	Тупикъ	244.
Стамикъ	70.	Тутотка	355.
Стамуха, ставуха	42.	Тынзей	183.
Становище	222.	Тяжелко	120.
Степь	75.	Убылая вода	55.
Стервятникъ	263.	Уварсь	200.
Стойка	130.	Угоръ	62.
Столбы	15.	Удолъ	90.
Стоянка	242.	Утельга	232.
Страда	127.	Уракъ	198.
Страдать	129.	Утица	178.
Страднй	128.	Утичье гнѣздо	20.
Стѣнокъ, стѣико	145.	Утрось	351.

Фѣтъль	251.	Шардунъ	205.
Халява	123.	Шаръ	91.
Харѣй	184.	Шелонскъ, шелонникъ	29.
Хвостяга	239.	Шняка	208.
Хибенъ	74.	Шумиха	115.
Хора	188.	Щапъ	289.
Хохлуша	227.	Щелья	61.
Хрушкой	305.	Щерба	137.
Ципня	141.	Щерлопы	72.
Чемра	5.	Що	364.
Чиръ	38.	Юрокъ	245.
Чопурокъ	196.	Ѣдома	168.
Чумовище	163.	Ѣдомской	169.
Чумъ	162.	Яловый	311.
Чухаръ	267.	Ямдаты	167.
Шаламаты	201.	Ядница	173.
Шаньги	138.	Ярусъ	261.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О ЖИТЕЛЯХЪ НИЖНЕЙ НУБИИ.

(изъ письма къ В. В. Григорьеву)

Д. Ч. А. А. Рафаловича.

(читано въ собраніи 2 марта 1849 года)

Путешественникъ прибывшій изъ Европы въ Египетъ не скоро пріучается распознавать многочисленныя породы разноплеменныхъ жителей, встрѣчаемыхъ въ главныхъ торговыхъ городахъ этого края: Александріи, Каирѣ, Сіутѣ, и т. д. Наблюдателя сначала поражаетъ только одно: отличіе фюзіоміи, тѣлосложенія и языка туземнаго населенія вообще, ото всего видѣннаго имъ въ нашей части свѣта. Мало-по-малу только и постепенно глазъ его пріобрѣтаетъ способность отличать одну отъ другой самыя стихіи, входящія въ составъ этого населенія, казавшагося ему сперва однороднымъ. Онъ убѣждается, что феллахъ Нижне-Египетскій не похожъ на земледѣльца-Саидца, а этотъ отличенъ отъ Араба-бедуина, привольно кочующаго въ песчаныхъ пустыняхъ Африки, или сдѣлавшагося осѣдлымъ хлѣбопашцемъ; что Кобты и Евреи, Христіане Сирійскіе и Османлы, Мограбины Тунисскіе или Марокскіе и уроженцы Меккскіе представляются каждый съ постоянными характеристическими особенностями и признаками, не позволяющими, при нѣкоторомъ навыкѣ, ошибиться относительно происхожденія ихъ. То, что тутъ удается излѣдователю касательно *блага* населенія, также точно повторяется и для *цвѣтнѣхъ* жителей, стекающихся на берега «благословенной рѣки». Оливковые Абиссинцы, желтовато-смурые Индѣй-

цы, многочисленные типы черныхъ въ разныхъ оттѣнкахъ Негровъ, красновато-бурые Нубійцы, слившіеся сначала въ одну массу людей не-бѣлыхъ, постепенно отдѣляются одни отъ другихъ, и вы узнаете въ нихъ самостоятельныя, ясно-обозначенныя группы, изученіе которыхъ съ точки зрѣнія физиологической и правоописательной въ высокой мѣрѣ любопытно и занимательно.

Во время пребыванія моего въ Африкѣ я имѣлъ случай найдити въ весьма частыхъ и продолжительныхъ сношеніяхъ съ однимъ изъ этихъ племенъ въ-особенности: а именно — съ жителями Нижней-Нубіи, называющими себя *Барабра*, * и обитающими между первымъ нильскимъ катарактомъ въ Ассуанѣ, подь 24° 5' 23'', и вторымъ, у Уади-Халфы, подь 21° 53' 33'' с. ш. Область эта, издавна подчиненная египетскому скипетру, мало населена и заключаетъ въ себѣ какихъ-нибудь 80 небольшихъ деревень и одно мѣстечко, *Дорр*, считаемое нынѣ, по разрушеніи въ 1812 году города *Ибрима* войсками Ибрагимъ-Паши, столицю этого края. Полоса удобной и обрабатываемой земли, окаймляющей берега Нила между сказанными двумя катарактами, очень узка и поверхность ея еще уменьшается ежегодно приваломъ наносимаго сѣверо-западными вѣтрами, изъ сосѣднихъ пустынь, кварцоваго песка, покрывающаго нынѣ на лѣвомъ берегу рѣки, значительныя пространства, которые прежде, въ-древности, были воздѣлываемы. Естественныя произведенія этой области посему недостаточны для пропитанія всего населенія, не превышающаго впрочемъ 40,000 душъ обоего пола, и значительная часть его съ юныхъ лѣтъ оставляетъ родину, и отправляется въ Египетъ искать способовъ къ существованію и составленію небольшого капитала, съ которымъ Барабра возвращаются потомъ доживать вѣкъ въ семействѣ, подь знойнымъ солнцемъ и вѣчно-яснымъ небомъ своей скалистой Нубіи.

Прибывъ въ Египетъ, Барабра, которыхъ можно назвать Африканскими Савоярами, посвящаютъ себя преимущественно, и даже исключительно, двумъ родамъ занятій. Одна часть ихъ, и это самая многочисленная, за весьма малую плату поступаетъ матросами на вольныя и казенныя барки, коихъ

* Это множественное число слова *Барбари*.

многія тысячи отъ Ассуана до Средиземнаго-Моря бороздятъ желтыя волпы Нила — этого зыбкаго шоссе, составляющаго главный путь сообщенія въ краѣ, лишенномъ всякихъ почти другихъ дорогъ*. Трезвость, умѣренность въ пищѣ и чрезвычайная честность Барабра побуждаютъ судовладельцевъ отдавать имъ преимущество передъ матросами Египтянами. Тѣ же качества объясняютъ намъ почему столько Нубійцевъ нанимаются въ привратники и сторожа большихъ домовъ, купеческихъ конторъ и магазиновъ, лавокъ или складовъ товара на открытомъ воздухѣ, и т. п.: должности эти въ Александріи и Каирѣ предоставлены рѣшительно однимъ только Барабра**.

Въ-продолженіе путешествій моихъ по Египту, мнѣ пришлось провести почти цѣлыхъ пять мѣсяцевъ на Нилѣ, въ баркѣ: сперва въ январѣ и февралѣ 1847 года — на дорогѣ изъ Каира въ Розетъ и Дамьятъ водою, а потомъ съ 1 октября по 20 декабря тогоже года — во время поѣздки изъ Александріи чрезъ Верхній-Египетъ въ Нижнюю-Нубію до Уади-Халфы. Въ оба эти раза экипажъ моей барки состоялъ по-большей-части изъ Барабра, и я такимъ-образомъ имѣлъ случай про-извести нѣкоторыя наблюденія относительно языка и нравовъ этого племени, которыя излагаются въ слѣдующихъ страницахъ. Не скрываю впрочемъ отъ самаго себя, что эти очерки весьма неполны и если могутъ показаться читателю занимательными, то развѣ потому только, что основаны на собственномъ личномъ моемъ опытѣ и писаны съ природы.

Первый физическій признакъ поражающій васъ когда вы знакомитесь съ Барабра, это цвѣтъ ихъ кожи, красновато-

* Во время пребыванія Французской Экспедиціи въ Египтѣ находилось Нильскихъ барокъ равной величины, около 4,000. Полагаю что въ настоящее время это число еще больше; на каждой баркѣ среднимъ числомъ бываетъ отъ 4 до 6 гребцовъ.

** Постановленіемъ 9 сентября 1706 года Французскій Консулъ въ Египтѣ, Манлье, запретилъ всемъ жившимъ въ этомъ краѣ французско-подданнымъ, подъ опасеніемъ пени въ 300 ливровъ, держать прислугу нубійскую, и это запрещеніе соблюдалось еще во время путешествія Соннини, въ 1772 году. Причиной тому было умерщвленіе королемъ сенарскимъ французскаго вѣра du Vouille, посланнаго Людовикомъ XIV въ Абиссинію. См. текстъ самаго постановленія въ Sonnini, Voyage dans la basse et haute Egypte. T. II стр. 386 и слѣд.

бурый, совершенно похожий на цвет шоколада в досках. Онъ свойственъ также поверхности громадныхъ гранитныхъ скалъ и острововъ, пересекающихъ русло Нила у первого и второго катаракта и выражаетъ, такъ—сказать, тѣсное родство этого племени съ заселяемою имъ землею, подобно тому какъ въ Египтѣ кофейный или, точнѣе, гороховый цветъ нильскихъ водъ отражается въ такомъ же окрашеніи кожи феллаховъ и городскихъ жителей. Для глазъ Европейца цветъ Барабра вовсе не противенъ и пріятнѣе оливковаго оттѣнка Абиссинцевъ, или грязно-чернаго пныхъ породъ Негровъ; поэтому не удивительно что Барабра, вовсе не считающіе себя *блѣдыми*, какъ ошибочно утверждаетъ одинъ ученый*, а называющіе цветъ свой *десса* (бурый), предпочитаютъ его и нашему бѣлому, и черному Негровъ. Роста мужчины Барабра средняго или выше средняго, рѣдко ниже; послѣднее, напротивъ, весьма часто бываетъ между женщинами. Тѣлосложенія всѣ они худощаваго и весьма стройнаго; верхнія и нижнія оконечности у нихъ нѣсколько длинны, но отличаются художественнымъ совершенствомъ контуровъ; руки и ноги малы и красивой, щегольской формы, какъ у Египтянъ; мускулы развиты бѣдно, икръ почти нѣтъ, жира въ подкожной клетчаткѣ не встрѣчаешь, и тучной Бербэри такая же рѣдкость какъ дородный феллахъ въ Дельтѣ; грудь коническая, черепъ не великъ, лобъ высокой и прямой, глаза большіе, черные, и особенно у женщинъ съ весьма плѣнительнымъ выраженіемъ наивной, дѣтской стыдливости и кротости; брови тонки, лице продолговато и нѣсколько узко, но безъ выдающихся скулъ; носъ прямой и красивый, ротъ большой съ толстыми губами, не совершенно прикрывающими бѣлые, отѣсные и большіе зубы; челюсти мало развиты, подбородокъ малъ и пріятно округленъ, шея длинна и тонка, борода коротка и рѣдка, волосы на головѣ черны, безъ лоску, курчавы, но не похожи на шерсть, какъ у Негровъ. Два раза я видѣлъ дѣтей съ волосами свѣтлыми, желтоватыми, которые скорѣе можно сравнить съ осмолеными, чѣмъ собственно бѣлокурными, какъ основательно замѣчаетъ Костаъ.

* Costaz, въ Description de l'Égypte, édit. Panckoucke, T. XII. стр. 265.

Изображенный здѣсь типъ подвергается важнымъ измѣненіямъ, если родители не оба племени нубійскаго. Весьма часто Барáбра женятся на Негритянкахъ, и тогда цвѣтъ кожи дѣтей становится темнѣе, волосы дѣлаются курчавѣе, носъ вдавливается, бѣлая оболочка глазныхъ яблоковъ принимаетъ желтоватый отливъ. Рѣже браки между Барáбра и Аббисинками или коренными Египтянками; въ такихъ случаяхъ потомство, хотя меньше удаляется отъ природнаго типа, но кожа дѣлается свѣтлѣе и волосы бываютъ желтоваты въ первыхъ годахъ жизни. Достоино замѣчанія, что феллахи южной части Оиванды и около Ассуана, работая обыкновенно нагіе въ поляхъ, до того загораютъ отъ солнца, что кожа ихъ становится гораздо темнѣе чѣмъ у Барáбра, живущихъ къ югу отъ нихъ; но этотъ загаръ — явленіе случайное, не органическое и посему не встрѣчается ни у женщинъ феллаховъ, меньше подвергающихъ себя вліянію солнечныхъ лучей, ни у малолѣтнихъ дѣтей, которыя едва-ли смуглѣе жителей Каира и Средняго-Египта, тогда-какъ красновато-бурый цвѣтъ Барáбра свойственъ всѣмъ лицамъ этого племени, безъ различія пола или возраста. Изъ сего любопытнаго факта можно, кажется, заключить что цвѣтоизмѣненія кожи и вообще племенные различія человѣческихъ породъ, не зависятъ единственно отъ вліяній климатическихъ или мѣстныхъ, какъ полагають многіе ученые. Населеніе мѣстечка Дэрра, въ Нижней-Нубіи, представляетъ новое доказательство нашему мнѣнію: жители Дэрра сами себя называютъ Барáбра и говорятъ ихъ языкомъ, а между-тѣмъ разительно отличаются отъ нихъ какъ цвѣтомъ кожи, который гораздо свѣтлѣе, такъ и самыми чертами лица; дѣйствительно они потомки Босняковъ, отправленныхъ въ Нубію Султаномъ Селимомъ послѣ завоеванія имъ Египта, и поселившихся въ Дэррѣ. Слишкомъ три столѣтія прошедшія съ тѣхъ поръ, не могли измѣнить кореннаго типа сихъ пришельцевъ.

Физиономія и вообще наружный видъ Барáбра представляютъ во многихъ отношеніяхъ сходство съ тѣмъ, что встрѣчаемъ у феллаговъ египетскихъ, но несмотря на это я никакъ не могу раздѣлять мнѣніе пзлѣдователей и путешественниковъ, какъ Шамполліонъ — младшій и другіе, утверждающихъ, что Барáбра составляютъ именно то племя.

которое въ древнія, фараоновскія времена заселяло Египеть*, и которое изображено въ живописяхъ, украшающихъ гробницы и ипогеи въ Оивахъ, Эл-Кабъ, Бени-Хассанъ и другихъ мѣстахъ. Главный доводъ, на которомъ основываютъ это мнѣніе, заключается въ томъ, что у изображаемыхъ въ сказанныхъ картинахъ *мужинъ*-Египтянъ, цвѣтъ кожи всегда написанъ краскою темно-коричневою или красновато-бурою, какъ у нынѣшнихъ Барабра. Внимательное изученіе этихъ живописей въ Оивскихъ гробницахъ и сравненіе ихъ съ тѣмъ, что я замѣчалъ при физиологическомъ изслѣдованіи новѣйшихъ Египтянъ и Нубійцевъ, убѣдило меня въ неосновательности приведенной теоріи. Въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ одинъ ипогей, высѣченный къ юго-западу отъ деревни Гурна въ восточномъ склонѣ Ливійской-Цѣпи горъ. Ипогей этотъ состоитъ изъ одной продолговатой четверугольной комнаты; стѣны тщательно выштукатурены бѣлою мастикою и на ней красками, сохранившими всю свѣжесть и яркость оттѣнковъ, изображено между прочимъ шестіе *Негровъ* обоого пола и женщинъ и дѣтей *Барабра*, несущихъ дань и разные подарки. Шестіе это занимаетъ часть южной стѣны ипогея; типъ женщинъ Барабра весьма вѣрно схваченъ и переданъ живописцемъ, и до того сходствуетъ съ типомъ нынѣшнихъ жителей Нижней-Нубіи, что поразилъ не только меня, но и провожавшихъ меня во время экскурсій, матросовъ мосей барки; вмѣстѣ съ этимъ фізіономіи ихъ однакожъ весьма отличны отъ фізіономій изображенныхъ тутъ-же на восточной стѣнѣ влѣво отъ входа, Египтянъ, занимающихся разными ремесленными работами, такъ-что очевидно, что это не есть одно и то же племя. Сверхъ того, въ этихъ картинахъ у женщинъ и дѣтей Барабра кожа того же красновато-бурого цвѣта, который свойственъ имъ въ природѣ, тогда-какъ женщины Египтянки постоянно во всѣхъ ипогеяхъ написаны *желтою* краскою. Мы выше показали, что въ Саидѣ цвѣтъ кожи феллаховъ работающихъ подъ палящимъ солнцемъ, дѣйствительно гораздо смуглѣе оттѣнка сидящихъ въ тѣни избъ женщинъ и дѣтей. Оивскія картины удостовѣряютъ насъ, что древніе художники замѣтили эту разницу, и выражали ее приблизительно, чрезъ присвоеніе

* Champollion le jeune: Lettres écrites d'Égypte et de Nubie. crp. 429.

красновато-бураго оттѣнка мужчинамъ, и желтаго женщинамъ египетскимъ. У Барабра, коихъ цвѣтъ не производится дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, а зависитъ отъ общихъ естественныхъ условій ихъ организаціи — мужчины и женщины цвѣта одинаковаго. Повторяю, что основываясь на развитыхъ здѣсь обстоятельствахъ, я не могу вѣрить, чтобы Барабра были то племя, которое, по мнѣнію ученыхъ, издревле обитало въ Египтѣ и изображено въ ипогеяхъ. Другое возраженіе заимствуемъ изъ языка Барабра, который не представляетъ никакого сходства съ древнимъ коптскимъ; но объ этомъ поговоримъ ниже.

Одежда Барабра-мужчинъ обрѣтающихся въ Египтѣ не отличается отъ одежды тамошнихъ феллаховъ или горожанъ низшихъ сословій. Сверхъ бѣлаго или цвѣтнаго ситцеваго жилета (*сидэйри*) безъ рукавовъ, застегиваемаго спереди множествомъ мелкихъ круглыхъ пуговицъ, и сверхъ широкихъ доходящихъ до колѣнъ шараваръ, надѣваютъ они длинную, темно-голубую или синюю бумажную рубаху (*эри*) съ широкими рукавами. Голову покрываютъ бѣлою бумажною ермолкою (*такіе*), или таковою же изъ сѣраго войлока (*лыб-дэ*) или краснымъ шерстянымъ тарбушемъ, окружаемымъ обыкновенно бѣлою шерстяною, рѣже кисейною шалью, которую матросы въ Египтѣ всегда обвязываютъ особымъ манеромъ, однимъ имъ свойственнымъ. Ходятъ босые и только въ торжественныхъ случаяхъ надѣваютъ красные сафьянные башмаки; чулковъ никогда не употребляютъ. Въ холодную погоду кутаются въ широкій шерстяной плащъ (*аббайе*) безъ рукавовъ, цвѣта сѣраго, бураго или съ бѣлыми и темными полосами. Сверхъ — того, мужчины, какъ взрослые такъ и мальчики, носятъ на лѣвой рукѣ, выше локтя, привязанный къ ремню плоскій кнжаль или ножъ, въ красныхъ сафьянныхъ ножнахъ. На баркахъ во время плаванія и въ деревняхъ Нижней-Нубіи, костюмъ Барабра проще и состоитъ изъ одной только рубашки и бѣлаго *такіе* на головѣ. Дѣти обоюго пола ходятъ совершенно нагіе до 8 или 10-лѣтняго возраста, а тамъ мальчики надѣваютъ рубаху или обвязываютъ бедра кускомъ холста; дѣвочки-же до замужства довольствуются окружающимъ нижнюю часть брюха ремнемъ, къ которому приделаны другіе, висящіе внизъ, тонкіе изъ кожи га-

зеленъ рюмешки, длиною въ 5 или 6 вершковъ. Поясъ этотъ (*бадеи* на языкѣ нубійскомъ, *рахитъ* по-арабски) украшается бусами и раковинами, и составляетъ покрывало весьма прозрачное, которымъ однакожь вполне успокоена стыдливость ихъ. У выходящей замужъ дѣвицы, вечеромъ послѣ вѣнца, поясъ разрывается рукою новобрачнаго, и на другой день молодая жена уже является въ узкихъ, весьма некрасиваго покроа хощевыхъ панталонахъ; всю-же верхнюю часть тѣла по поясъ замужня женщины оставляютъ нагою, и только выходя изъ дома накрываютъ ее и голову кускомъ бѣлаго холста. Въ Дэррѣ онѣ носятъ родъ рубахи безъ рукавовъ (*аржиги*), доходящую до колѣнъ и открытую по бокамъ во всю длину рубахи.

Барабра обоего пола тщательно удаляютъ, посредствомъ бритвы или мази изъ мышьяка съ известью, волосы растущіе въ разныхъ мѣстахъ туловища; мужчины, сверхъ-того, брѣютъ голову, оставляя только на макушкѣ клочокъ волосъ (*гутіаеи*), который многими заплетается въ нѣсколько тонкихъ косъ. У женщинъ и дѣвочекъ волосы висятъ вокругъ шеи и щекъ многими десятками тончайшихъ косичекъ (*иджикки*), которыя образуютъ букли къ видѣ пробочниковъ когда ихъ расплетаютъ, что впрочемъ рѣдко случается. Этотъ головной уборъ, встрѣчаемый также въ Абиссиніи и разныхъ частяхъ Внутренней-Африки, употреблялся въ томъ же точно видѣ и древними Египтянками, какъ доказываютъ упомянутыя выше живописи и барельефы въ ипогеяхъ, равно — какъ и находимыя повѣнныя женскія муміи. Барабрачки мажутъ себѣ волосы рициновымъ масломъ, которое, стекая съ головы на шею и на грудь, напитываетъ одежду ихъ и распространяетъ запахъ весьма противный; растѣніе это (*сурруи*) почти только для сей цѣли и воздѣлывается въ Нубіи. Онѣ также, подобно всѣмъ женщинамъ на Востокѣ, красятъ себѣ ногти и ладони въ оранжевый цвѣтъ, посредствомъ листьевъ ханны (*кофррети*, *Lausonia inermis* L.); натираютъ свободные края глазныхъ вѣкъ сурмянымъ порошкомъ (*мгдмдеи*); татуируютъ (*тукитки*) подбородокъ, руки и другія части тѣла; вдѣваютъ въ правую ноздрю большое мѣдное или серебряное кольцо (*зумілки*); надѣваютъ на руки и на ноги выше щиколотокъ заплата (*зовеи*) изъ тѣхъ-же металловъ или черныя изъ буйволоваго рога (*туміжи*),

привозимыя изъ Сіута; уши украшаютъ серьгами (*шлатшэки*) часто двойными, изъ конхъ однѣ привѣшены къ мочкѣ а другія къ верхнему краю ушнаго хряща, и носятъ на шеѣ множество ожерельевъ (*вінарйки*) изъ бусъ, коралловъ, раковинъ, гвоздикъ, а иногда также и массивныя серебряныя ободки.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ нарядѣ, и возвысивъ природныя прелести всѣми исчисленными ухищреніями искусства — юная Нубійка должна казаться единоплеменнымъ ей мужчинамъ тѣмъ болѣе очаровательною, что, вопреки общему обычаю мусульманскихъ женщинъ, послѣднія у Барабра постоянно являются съ открытымъ лицомъ. Но, какъ безпристрастный повѣствователь, я долженъ сознаться, что дѣйствительно хорошенькихъ между ними встрѣчаешь очень рѣдко, и то развѣ только между весьма молодыми дѣвочками. Старухи же истинно страшны, особенно когда красятъ побѣлѣвшіе волосы въ огненный цвѣтъ посредствомъ хэнны, какъ я это видѣлъ въ Дэррѣ. Замужнія женщины въ Нубіи весьма скоро старѣютъ — отъ тѣхъ же причинъ какъ и женщины въ Египтѣ: ранняго вступленія въ бракъ, на 11 или 12 году, частыхъ родовъ, знойнаго климата, скудной пищи и изнурительныхъ работъ по хозяйству. Между послѣдними, приготовленіе муки изъ жесткихъ зеренъ *дулна* (родъ кукурузы, замѣняющей здѣсь верхне-египетскую *дурру*), безъ мельницъ и жернововъ, не самая легкая. Зерна раздробляются посредствомъ большаго круглаго булыжника, на нѣсколько выдолбленномъ и выглаженномъ гранитномъ камнѣ, обломкѣ древней колонны или истукана. Во время этой весьма продолжительной и утомительной операции женщина стоитъ на колѣнахъ, принимая при томъ позу совершенно классическую и очень граціозную.

Жилища Барабра въ деревняхъ Нижней-Нубіи ни удобствомъ, ни обширностью хвастать не могутъ, и въ этомъ отношеніи онѣ не лучше египетскихъ. Хижины низки, крыты сухими стеблями кукурузы и выстроены изъ сырыхъ кирпичей или и того чаще изъ сушеной грязи; иногда также (если деревня находится у подошвы горъ, идущихъ параллельно Нилу), изъ мелкаго щебня, отторгаемаго вѣтромъ съ отлогостей этихъ горъ, состоящихъ изъ рыхлаго песчаника. Неменѣе-того, деревни нубійскія имѣютъ то важное преимущество предъ селеніями Ниж-

няго и Средняго-Египта, что, будучи выстроены на грунтѣ никогда не покрываемомъ наводненіями Нила, онѣ не нуждаются въ искусственныхъ насыпяхъ, на которыхъ стоятъ избы въ этихъ-последнихъ. Посему въ Нубіи раскинуты онѣ на просторѣ, одна далеко отъ другой. Отъ этого въ нихъ и обращеніе воздуха гораздо свободнѣе, и больше опрятности; послѣдняя зависитъ еще и отъ малаго количества домашней скотины, которую Барабра держатъ только въ числѣ, какое необходимо для орошенія полей и подобныхъ работъ — по недостатку кормовыхъ травъ въ краѣ столь малоземельномъ. Передъ каждою избою женщины устраиваютъ изъ нильской глины отвѣсныя, довольно-правильные цилиндры, пустые внутри и имѣющіе отъ 3 до 4 футовъ въ вышину и 1 или 2 фута въ поперчикъ; толщина стѣнокъ не превышаетъ $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ дюйма. Кверху отверстіе этихъ цилиндровъ (*гусоги*) запирается плоскою круглою крышкою изъ глины же, а внутреннее пространство разбивается иногда отвѣсными простѣвками на нѣсколько подраздѣленій; если вышина цилиндра значительна, то снаружи и внутри въ стѣнки его вдѣлываются небольшіе камешки, одна надъ другими, образующіе такимъ образомъ ступеньки, по которымъ хозяйка можетъ подыматься на самый верхъ ихъ или влѣзать во внутренность. Эти цилиндры издали похожи на обломки колоннъ, но назначеніе ихъ чисто хозяйственное: по неизмѣнію другихъ вмѣстилищъ болѣе удобныхъ, на-примѣръ деревянныхъ ящиковъ или огромныхъ глиняныхъ кувшиновъ, встрѣчаемыхъ въ Египтѣ, они служатъ для сбереженія и охраненія отъ мышей, птицъ и т. д., зерноваго хлѣба, финиковъ, бобовъ и тому подобныхъ припасовъ. Какъ ни плохъ и ни малопроченъ матеріаль (сырая глина), изъ котораго выглѣплены эти цилиндры, они хорошо сохраняются въ краѣ, гдѣ никогда нѣтъ дождей и гдѣ подъ солнечнымъ жаромъ, доходящимъ лѣтомъ въ песокъ до $+ 54^{\circ}$ R., глина почти обжигается. Посѣщая развалины опустѣвшаго города Ибрима, видишь, что домá и каменные мечети разрушены неменѣе крестьянскихъ избъ, тогда-какъ *гусоги*, выстроенныя у послѣднихъ, остались понынѣ въ цѣлости.

Проходя чрезъ деревни Барабра, часто находишь перелъ хижинами мебель, вовсе неупотребительную въ Египтѣ и вообще между жителями Востока, даже высшихъ сословій. Это —

деревянные кровати (*срирки*), состоящая из опирающейся на четырех ножках продолговатой деревянной рамы, обтянутой плетеным тростником. На этих кроватях, которые соотечественник наш Е. П. Ковалевский видѣлъ также и въ Верхней-Нубии, Барабра спятъ во избѣжаніе насѣкомыхъ и пресмыкающихся, особенно скорпионовъ, весьма нерѣдкихъ въ этомъ краю, и коихъ укушеніе въ лѣтніе мѣсяцы очень опасно. Употребленіе *срирки* весьма полезно и тѣмъ, что не допускаетъ, во время сна ночью, накопленія слишкомъ большого числа людей на одномъ тѣсномъ пространствѣ, какъ это бываетъ у феллаховъ египетскихъ, располагающихся цѣлымъ семействомъ на одной старой цыновкѣ постланной на полу, среди бѣдаго дыма и вредныхъ всякаго рода испареній. За исключеніемъ сказанныхъ кроватей, избы Барабра особенною роскошью мебели не отличаются. Въ нихъ находите лишь нѣсколько горшковъ и кувшиновъ разной величины, для черпанія и храненія воды и молока, куринья клѣтки, цыновки домашней работы изъ тонкихъ финиковыхъ листьевъ, да иногда — растрескавшуюся фаянсовую тарелку, сшитую проволокою, одну или двѣ зеленныя бутылки изъ подѣ вина и даже небольшое зеркальце въ красной картонной рамкѣ: послѣдніе предметы привозятся въ Нубію возвращающимися изъ Египта матросами. У шейховъ увидите сверхъ-того коврикъ сирійской или смирской фабрики, длинное арабское ружье доставленное контрабандою изъ Каира, и два или три окрашенные венціанскою ярью плетеные стула, приготовляемые въ «Матери Вселенной», какъ Арабы, со свойственной имъ скромностью, прозвали столицу Египта; но это роскошь, весьма немногимъ доступная; и такими зелеными стульями и ружьемъ здѣсь хвастаютъ такъ же точно, какъ это дѣлаетъ въ Парижѣ или Лондонѣ богатый охотникъ, за большія деньги купившій какой-нибудь коммодъ или письменный столъ работы гениальнаго Буля, или какъ у насъ счастливый любитель гордится оправленными въ золото пистолетами немецкаго знаменитаго Кухенрейтера.

Хлѣбопашество въ Нижней-Нубии, при малоземельности края и бѣдности и безпечности жителей, весьма мало развито и, какъ уже сказано выше, не въ состояніи прокормить всего населенія. Горы, простирающіяся вдоль береговъ Нила, отъ одного катаракта до другаго, оставляютъ весьма

узкую полосу земли между подошвою своєю и рѣкою; полоса эта мѣстами не шире 100 или 150 шаговъ. На многихъ пунктахъ, особенно лѣваго берега, находятся довольно обширныя равнины, нынѣ совершенно покрытыя пескомъ, на-примѣръ въ Уади-Хальфѣ, Уади-Себуа, около Амады и т. д.; и пустыня все болѣе-и-болѣе овладѣваетъ пространствами, которыя покрывались нѣкогда благотворными волнами и тучнымъ иломъ рѣки, и давали безъ сомнѣнія при древнихъ Египтянахъ обильныя жатвы. Тринадцать большихъ храмовъ, коихъ великолѣпныя остатки понынѣ встрѣчаются въ Нижней-Нубіи, служатъ въ глазахъ нашихъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что эта область, нынѣ опустѣвшая, нѣкогда была въ положеніи цвѣтущемъ. Въ настоящее время, каналы, проведенныя въ-древности по краямъ пустыни, и плантаціи колючихъ акацій (*сумтэ*), служившія къ удержанію натиска песковъ—исчезли и «страшный Тифонъ безпрепятственно вторгается въ таинственное ложе Изиды». Нилъ уже не наводняетъ нынѣ полей, которыя однакожъ очевидно образовались изъ осадковъ его ила, и орошеніе полей круглый годъ совершается посредствомъ водочерпательныхъ снарядовъ: колесомъ съ привязанными къ длинной веревкѣ глиняными горшками (*сѣнѣ*), или, въ эпоху половодія—рычагами (*шадуфы*), похожими нѣсколько на употребляемые въ Россіи колодезные «журавли». Главныя естественныя произведенія края суть: *дулкэ* (*holcus sorghum*), ячмень, бобы, чечевица, *каврамези*, тыква, дыни, баміе (*hibiscus esculentus*), немного табаку, сenna, *гисимус*, хэнна и т. п.; изъ деревьевъ примѣчательнѣйшія—финиковыя пальмы, особенно въ сосѣдствѣ Ибрима и Дэрра, думъ, акаціи, смоковницы и пр.

При изложенныхъ условіяхъ, и скотоводство здѣсь не можетъ процвѣтать; Барабра держатъ быковъ, буйволовъ, ословъ, козъ и овецъ, но въ небольшомъ количествѣ; верблюды и лошади находятся только у живущихъ въ соседнихъ пустыняхъ Арабовъ. Домашней птицы, кромѣ куръ и голубей, въ деревняхъ не встрѣчаешь.

Жители, повтому, мяса употребляютъ весьма мало (хотя и большіе до него охотники) и вообще чрезвычайно умѣренны въ пищѣ. Экипажъ моей барки постоянно питался одною чечевицею, отваренною къ водѣ съ солью, безъ всякой другой приправы, и хлѣбными суларями, а между-тѣмъ ему нрѣдко приходилось гре-

сти по 12 и 14 часовъ нѣсколько дней сряду, или съ утра до ночи тянуть бичевою тяжелой барку, подъ палящимъ жаромъ 35 и больше градусовъ по R. По причинѣ этой скудной пищи, Барабра весьма скоро выбиваются изъ силъ, и конечно пять человѣкъ нашихъ матросовъ сдѣлали—бы дѣла больше чѣмъ десять Нубійцевъ. Путешественники увѣряютъ, что послѣдніе ѣдятъ безъ отвращенія ящерицъ, змѣй и крокодиловъ, нерѣдко убиваемыхъ деревенскими жителями; я не имѣлъ случая лично въ томъ убѣдиться, но видѣлъ съ какимъ наслажденіемъ пожирали они барановъ, которыхъ, по принятому обычаю, нѣсколько разъ дарилъ я имъ во время нашей поѣздки. Они сѣдали рѣшительно всѣ части животного, кромѣ кожи, которую бросали въ Нилъ, потому—что дубленія въ Нижней-Нубіи не знаютъ. Въ деревняхъ готовятъ изъ муки духна, смѣшиваемой съ горячею водою и оставляемой на броженіе, особый напитокъ (*мрисо*), который пипитъ какъ пиво, мутенъ, желтоватаго цвѣта, кислватаго вкуса, и чрезъ прибавленіе разныхъ травъ получаетъ качества хмѣльныя. Барабра страстно его любятъ, но на баркахъ держать его нельзя; въ Каирѣ есть нѣсколько заведений, въ которыхъ варятъ эту *мрисо* исключительно для Нубійцевъ; она разливается въ сосуды изъ сушеныхъ и выдолбленныхъ тыквъ; вкусъ ея мнѣ всегда казался противнымъ. Матросы на баркахъ курятъ табакъ изъ трубокъ, покупаемыхъ въ Египтѣ, но въ Нубіи послѣднія довольно рѣдко употребляются, и жители жуютъ сушеные и искрошенные листья сего растѣнія, прибавля къ нимъ немного бѣлой соды.

Промышленная дѣятельность и торговля въ Нижней-Нубіи находятся въ совершенномъ младенствѣ. Немногія нужны жителямъ издѣлія: холстъ, кожи, обувь и т. п., они получаютъ изъ Египта, а сами готовятъ только весьма грубую глиняную посуду, горшки для водочерпательныхъ колесъ *сакис* и большіе кувшины (*лодига*) съ широкимъ отверстіемъ, въ которыхъ женщины носятъ на головѣ воду изъ Нила; кромѣ-того—корзины разной величины и формы, и цыновки изъ плетеныхъ финиковыхъ листьевъ, съ довольно красивыми бурными и красными узорами, но непрочныя; лучшія продаются въ Дэррѣ, гдѣ цыновка длиною въ 5 или 6 футовъ и шириною въ 3, стоить отъ одного до шести піастровъ (отъ 6 до 36 коп.

сер.). Они дѣлають также вышеописанныя пояса для дѣвиць, кожанья фляжки для храненія сурьмы, ножи, длинныя копья и деревянныя ножны къ клинкамъ и рукоятямъ издѣлія египетскаго или нѣмецкаго, изъ Соллингена. Живя на берегахъ Нила, Барабра однакоже не строятъ барокъ, конечно по недостатку лѣса, и не имѣють даже лодокъ для переправы съ одного берега на другой, а въ случаѣ надобности переплываютъ черезъ рѣку или внизъ по теченію Нила, изъ одной деревни въ другую, сидя верхомъ на кускѣ нальмоваго пня и дѣйствуя ногами подъ водою въ видѣ весель; платье и провизію они въ это время держатъ на головѣ. Привыкнуши съ самыхъ юныхъ лѣтъ къ водѣ, въ которой дѣти цѣлый день купаются и рѣзвятся, они плавають какъ рыба: за подарокъ въ нѣсколькихъ копѣекъ, пяти или шестилѣтніе мальчики бросаются въ самыя кипучіе повороты и паденія катарактовъ. Торговля ограничивается продажею и вывозомъ въ Египетъ сухеньихъ финиковъ, породы мелкой, желтаго цвѣта, съ небольшими косточками, и весьма пріятнаго вкуса. Въ нубійскихъ деревняхъ, и даже въ Дэррѣ, нигдѣ не находилъ я базара, тогда—какъ онъ непременно встрѣчается во всѣхъ прибрежныхъ египетскихъ селеніяхъ. Если нужно что купить у Барабра, то отправляются къ нимъ на домъ, или—же они являются къ вамъ на барку; въ Дэррѣ, на площади близъ Нила, видѣлъ я однакожъ кучи финиковъ, высыпанныхъ для мелочной продажи, подъ открытымъ небомъ. Неспособность Барабра къ торговымъ сдѣлкамъ, даже самымъ ничтожнымъ, обнаруживается между—прочимъ и въ томъ, что объявивъ свою цѣну за вещь, они не отдають ея, если покупатель соглашается на эту цѣну, и требуютъ больше чѣмъ свазали сначала, какъ—бы раскаяваясь въ первомъ предложеніи своемъ. Это я безпрестанно видѣлъ въ деревняхъ, при покупкѣ провизіи или какихъ—нибудь древностей. Въ деревнѣ *Дохль*, старикъ съ бѣлой бородою предложилъ мнѣ купить у него кожаную, довольно красивой работы, сумку для сурьмы, украшенную черными страусовыми перьями; онъ запросилъ 60 піастровъ, но послѣ долгаго торга отдалъ ее моему челоуѣку за 8 піастровъ, получилъ деньги и ушелъ. Черезъ полчаса старикъ этотъ явился опять ко мнѣ на барку, говоря, что жена на продажу не соглашается, потребовалъ сумку назадъ, а деньги возвратилъ.

Барáбра управляются въ деревняхъ своихъ шейхами, называемыми здѣсь *салалли*. Личныхъ повинностей въ настоящее время не несутъ и освобождены какъ отъ военной службы, такъ и отъ работъ на казенныхъ фабрикахъ въ Египтѣ. Мехмедъ-Али сначала попробовалъ—было брать съ нихъ рекрутовъ, но вскорѣ убѣдился, что любовь къ независимости и чрезвычайная привязанность къ родному краю дѣлаютъ ихъ совершенно неспособными къ службѣ и военной дисциплинѣ. Земельный сборъ опредѣляется не количествомъ воздѣлываемой земли, а взимается съ вышеупомянутыхъ водочерпательныхъ снарядовъ, употребляемыхъ для орошенія полей: за каждое *сакіе* около Ассуана платятъ 500 піастровъ; выше къ югу, гдѣ земли еще меньше, сакіе платятъ только 300 піастровъ въ годъ. Сверхъ-того, каждое финиковое дерево, каждая смоковница, кусты хенны и проч. обложены податью отъ четверти до цѣлаго піастра въ годъ. Казна также предоставила себѣ право, въ случаѣ надобности, покупать у земледѣльцевъ припасы, по цѣнамъ ею самою опредѣляемымъ, и которыя, какъ увѣряютъ жители, обыкновенно въ-половину ниже настоящей стоимости продуктовъ на-мѣстѣ. Матросы Нубійцы, промышленнощіе въ Египтѣ на вольныхъ баркахъ, отъ подушнаго оклада (*фйрдэ*) освобождены; но тѣ Барáбра, которые постоянно жительствуютъ въ Каирѣ, Александріи и другихъ городахъ, наравнѣ съ Египтянами платятъ фйрдэ, примѣрно равняющійся $\frac{1}{2}$ части получаемаго въ годъ жалованья или дохода; подать эта собирается назначаемыми изъ среды ихъ старостами, или шейхами. Жалованье матросовъ на баркахъ чрезвычайно умеренно: они получаютъ отъ 30 до 40 піастровъ (отъ 180 до 240 к. сер.) въ мѣсяцъ, на собственныхъ своихъ харчахъ. Шкиперу и рулевому даютъ плату нѣсколько большую.

О болѣзняхъ встрѣчаемыхъ между жителями Нижней-Нубии, не могу сообщить никакихъ особенныхъ подробностей, пробывъ слишкомъ мало времени въ этомъ краѣ. Нѣсколько чловѣкъ, мужчинъ и женщинъ, спрашивали у меня совѣта противъ разныхъ ревматическихъ припадковъ, разстройствъ желудка и сифилиса; много дѣтей похищаетъ оспа; глазныхъ поражений, кромѣ легкаго раздраженія соединительной оболочки (*tunica conjunctiva*), я не встрѣчалъ; послѣднее легко устраняется посредствомъ впускаемаго въ глаза раствора сняга камня,

квасцовъ или сѣрнокислаго цинка. Однажды ночью позванъ былъ я изъ прибрежной деревни *М-барки*, у коей барка моя остано­вилась, въ другое село, *Гина́ри*, на краю пустыни, къ дѣвочкѣ, которую за три часа передъ тѣмъ, во время сна на дворѣ, укусилъ въ голову скорпионъ. По всеобщей тревогѣ и волненію отъ этого приключенія во всѣхъ со­сѣднихъ деревняхъ, я заключилъ, съ-одной-стороны, что эти укушенія должны быть весьма опасны, что подтвер­дили мнѣ потомъ и врачи въ Верхнемъ-Египтѣ, а съ-другой — что подобныя происшествія встрѣчаются здѣсь не ча­сто: иначе они не возбуждали бы такой чрезвычайной сума­тохи. Мнѣ удалось спасти эту дѣвочку, чрезъ приклады­ваніе ѣдкаго нашатырнаго спирта къ укушенному мѣсту, и данныя внутрь съ водою, немногія капли тогоже состава, коихъ польза въ этихъ укушеніяхъ дознана опытомъ. Въ *Гина́ри*, лежащемъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Нила, пу­тешественниковъ-франковъ прежде никогда не видывали; при­бытіе мое, европейскій костюмъ, и привезенное со мною ле­карство, чрезвычайно поразили жителей; впрочемъ, они при­няли меня весьма привѣтливо, и все спрашивали, сколько сто­итъ у насъ пузырекъ подобнаго спирта? Проводникъ мой, дюжій и бывалый мужикъ, съ весьма важнымъ видомъ от­вѣчалъ мнѣ на это «*олфаинъ релъ*» (2000 талеровъ), что, ко­нечно, немало усилило во всѣхъ довѣріе къ этому лекарству. Изъ дошедшихъ до насъ, впрочемъ весьма немногочислен­ныхъ, историческихъ свѣдѣній о древнихъ Нубійцахъ, видно что народъ сей не раньше VI или VII вѣка нашей эры озарился спасительнымъ свѣтомъ Евангелія, проникавшимъ къ нему отчасти изъ Египта, гдѣ Св. Маркъ учредилъ престолъ въ Александріи, отчасти изъ Абиссиніи, обращенной къ Хри­стіанству около 330 г. до Р. Х., благодаря апостольской рев­ности Св. Фруменція. Въ развалинахъ города Ибрима я на­шелъ нѣсколько гранитныхъ колоннъ съ выпуклыми на нихъ греческими крестами; капитель одной изъ этихъ колоннъ украше­на четырьмя такими крестами. Въ *сепсакъ* (высѣченыхъ въ горѣ храмахъ и часовняхъ древнихъ Египтянъ), которые находятся въ *Гебел-Адда*, на правомъ берегу Нила, въ раз­стояніи немногихъ часовъ къ сѣверу отъ Уади-Хальфскаго Ка­таракта — на потолкѣ довольно хорошо сохранилось писанное

красками изображеніе Спасителя; въ другихъ мѣстахъ встрѣчаешь на стѣнахъ этихъ памятниковъ образъ Св. Георгія на конѣ. Въ знаменитомъ спеоу, называемомъ нынѣ *Вейтъ-Уали*, къ С. З. отъ храма *Калибиш*, на лѣвомъ берегу Нила, вырѣзано на камнѣ по одному греческому кресту съ каждой стороны главнаго входа. Все это доказываетъ, что было время, когда и въ Нижней-Нубіи этотъ божественный символъ разливалъ животворящіе лучи свои на тамошнее населеніе. Но ученіе мусульманское, распространяемое не кротостію и убѣжденіемъ, не любовью и проповѣдью, а мечемъ и насиліемъ, весьма скоро вытѣснило Христіанство изъ Нубіи! Нынѣ въ Барабра ревностные послѣдователи Магомета, и въ исполненіи наружныхъ обрядовъ религіи весьма точны: вина не пьютъ, соблюдаютъ строго постъ Рамазана, обрѣзываютъ мальчиковъ, и т. п. Мечетей по деревнямъ нигдѣ я не видѣлъ; а видѣнныя мною въ Дэррѣ и Короско весьма малы и выстроены изъ сыраго кирпича; между-тѣмъ Барабра совершаютъ свои молитвы по пяти разъ въ день съ необыкновенною теплотою, которая всегда внушала мнѣ уваженіе къ ихъ ревности, хотя нерѣдко выводила изъ терпѣнія. Когда яростные порывы вѣтра, дующаго иногда съ чрезвычайною силою въ извилистой и узкой какъ трубѣ нильской долины — рвали паруса моей двухмачтовой барки, и угрожали ей крушеніемъ, матросы преспокойно продолжали свои колѣнопреклоненія на палубѣ, не обращая никакого вниманія на то, что происходило въ это время вокругъ нихъ *. Одинъ только рейсъ (шкиперъ) барки, А'шри Шауйшъ, высокій и худощавый старикъ съ коротенькою сѣдою бородкою, сидѣвшій по обязанности своей цѣлый день на носу судна, и находившійся слѣдовательно у меня подъ глазами — никогда не молился. Однажды я сдѣлалъ ему за это выговоръ, что весьма понравилось всему экипажу. Нубіецъ изъ Дэрра, Хассанъ **, которому позволилъ я отправиться на моей баркѣ изъ

* Въ 1804 году, во время войнъ Вахабитовъ противъ меккскаго шерифа Гагеба, отрядъ первыхъ застигнуть былъ меккскимъ войсками въ ту минуту, когда люди, слыши съ дромадеровъ, совершали молитву, стоя на колѣняхъ. Ихъ всѣхъ перерѣзали, и они предпочли погнубнуть, чѣмъ прервать моленія свои, чтобы спастись бѣгствомъ или взяться за оружіе!...

** У этого Хассана было прозваніе *abu-karn*, коимъ Арабы означаютъ единорога — животное, кажется, вовсе не баснословное, если основываться на изслѣдованіяхъ ученаго Френеля.

Александрин до родины его въ Нубин, и который лежалъ тогда, больной дисентеріею, на крышѣ моей каюты — отозвался при этомъ случаѣ, что «*салла алуджъ въ-данъ*» (молитва есть столбъ вѣры). Впрочемъ, въ-послѣдствіи оказалось, что этотъ самый Хассанъ былъ плутъ и негодяй — и неудивительно: онъ слишкомъ долго находился въ соприкосновеніи съ Франками въ Александрин!... Всякій разъ какъ мы проѣзжали мимо встрѣчаемыхъ въ разныхъ мѣстахъ по теченію Нила могилъ шейховъ, которыхъ Европейцы прозвали *сантон*'ами, матросы мои постоянно прочитывали вслухъ *фатиха** — краткую молитву, во время которой молящійся, стоя, протягиваетъ въ направленіи могилы правую руку и потомъ проводитъ ее сверху внизъ по лицу и по бородѣ, если у кого она есть.

Благочестіе Барабра обнаруживается и въ другомъ примѣчательномъ обычаѣ: на сельскихъ кладбищахъ въ Нижней-Нубин, у каждой могилы, состоящей здѣсь изъ невысокой насыпи, окруженной кирпичною стѣнкою или покрытой камнями, чтобы хищные звѣри не могли вырыть трупа — поставленъ горшочикъ или хотя часть разбитаго ковша, которые жителями деревни-наполняются каждый день водою, для утоленія жажды проходящихъ. Въ Египтѣ также встрѣчается подобный обычай, но не на общихъ кладбищахъ, а только на стоящихъ уединенно, въ поляхъ и на отлогостяхъ холмовъ, могилахъ праведныхъ шейховъ: тутъ иногда устранивается даже цистерна (*сѣбилъ*) и живетъ сторожъ раздающій воду утомленнымъ странствителямъ. Такое учрежденіе—истинное благодѣяніе въ знойномъ климатѣ, и во время путешествій моихъ по этому краю не разъ съ чувствомъ живой благодарности пользовался я водою этихъ *сѣбил*'овъ. На осьмиверстномъ пути изъ Ассуана къ острову Филе, находятся по правому берегу Нила два небольшихъ зданія съ куполами въ видѣ мечетей: въ нихъ стоятъ большіе кувшины, которые жители прибережныхъ деревень наполняютъ ежедневно свѣжею водою, за что получаютъ по 20 піастровъ въ мѣсяцъ отъ богатаго нубійца Хассанъ-Кашефа,

* *Дъ-фатиха* есть сокращенное названіе первой главы корана, *ас-сураатъ въ-фатиха въ китабъ въ алиа* (глава введенія въ величественную книгу); въ этой главѣ мусульмане читаютъ особенное благоговѣніе, почему часто читаютъ ее вмѣсто молитвы и повторяютъ по нѣскольку разъ на день.

двѣр'скаго градоначальника, иждивеніемъ коего выстроены и сказанныя зданія.

Барáбра славятся повсюду въ Египтѣ примѣрною честностью. И дѣйствительно, воровство—проступокъ рѣшительно неизвѣстный между ними, хотя фуражировать въ засѣянныхъ овощами поляхъ вдоль береговъ Нила, матросы барокъ считаютъ позволительнымъ. Эта честность Нубійцевъ тѣмъ—болѣе достойна вниманія психолога, что у нихъ въ тоже время страсть къ деньгамъ, *сага аугі fame*, чрезвычайно развита, и даже больше чѣмъ у Египтянъ, у которыхъ она конечно не мала. Барáбра безпрестанно и за все требуютъ бахшиша *: не только за услугу, которую они вамъ оказали, но и за такую, которую вы имъ сдѣлали. Проживавшій въ Нубіи европейскій врачъ рассказываетъ, что нерѣдко больные, которымъ онъ давалъ совѣты и лекарства безмездно, по выздоровленіи приходили къ нему просить денежнаго награжденія; на вопросъ его: за что-же? они наивно отвѣчали: да вѣдь мы столько дней пили ваше лекарство!— Въ деревняхъ не только дѣти всѣхъ возрастовъ, но и взрослые мужчины и женщины преслѣдуютъ васъ толпами для полученія бахшиша, кланаясь и повторяя безпрестанно: *саламенто!* (привѣтъ) слово составленное изъ арабскаго «саламъ», къ которому прибавлено ими итальянское окончаніе. Одни предлагаютъ себя въ проводники, чтобы показать вамъ древнія развалины, другіе приносятъ для продажи разноцвѣтные булыжники, живыхъ ярко—зеленыхъ хамсеновъ, или разныя древности, къ которымъ они впрочемъ относятъ все, попадающееся имъ въ руки, на-примѣръ: черепки англійскихъ фаянсовыхъ тарелокъ или разбитыя графинныя пробки, выбрасываемыя изъ барокъ европейскихъ путешественниковъ. Въ одной деревнѣ, дѣвушка предложила мнѣ крышку полосатой шотландской табакерки, увѣряя и божась, что это «антіка». У меня на баркѣ находился осмилѣтній сынъ шкипера, Али, или, какъ его звалъ отецъ, *Иліа*, мальчикъ весьма умный и бойкій. Онъ обыкновенно провожалъ меня во время экскурсій по деревнямъ, причемъ костюмъ его отличался живопис-

* Это слово, которое путешественникъ чаще всякаго другаго слышитъ вездѣ на Востокѣ, происходитъ отъ персидскаго глагола *бахшиденъ*: дарить.

вою простотою, состоя единственно изъ короткаго блага полотнянаго жилета. По нѣскольку разъ въ день, подъ разными предлогами, являлся онъ ко мнѣ въ каюту, но кончалъ всегда просьбою, чтобы я далъ ему *халиса* (мѣдная монета въ пять *фаддъ*, или $\frac{7}{8}$ копѣйки сер.). Я часто подвергалъ его слѣдующему опыту: положу, бывало, на тарелку изюму, миндаю и орѣховъ, а подлѣ на столъ — мѣдную денягу, и предлагаю Али выбрать, который изъ этихъ предметовъ ему больше нравится. Мальчикъ непремѣнно бросался къ монетѣ, а десертъ оставлялъ, хотя конечно онъ не менѣе другихъ дѣтей любилъ лакомства, и на хамса ихъ въ Нубіи купить не могъ.

Это сребролюбіе Барабра объясняется впрочемъ бѣдностью ихъ и роднаго ихъ края, почти совершенною невозможностью зарабатывать тамъ на-мѣстѣ деньги, и въ-слѣдствіе того высокою цѣною и рѣдкостью сихъ-последнихъ. Потому оно естественнѣе и простибельнѣе, чѣмъ жадность Арабовъ и въ-особенности Бедуиновъ, у которыхъ деньги не суть средство для жизни, а цѣль ея. Я имѣлъ случай встрѣчать въ Египтѣ и Сиріи бедуинскихъ шейховъ, хорошо и даже богато одѣтыхъ и вооруженныхъ, съ дорогимъ янтарнымъ мундштукомъ въ зубахъ, которые не стыдились просить бахшиша въ нѣсколько піастровъ, и притомъ весьма настойчиво и неотвязно.

Живя на родинѣ своей, Барабра отличаются также примѣрною чистотою нравовъ. Хотя женщины у нихъ не сидятъ за-портыя въ домахъ, отъ чужихъ мужчинъ не прячутся и лица не закрываютъ, но тѣмъ-не-менѣе между ними нѣтъ ничего подобнаго египетскимъ *амми* и *саузи* (пѣвицамъ и танцовкамъ), у которыхъ развратъ не только ремесло, но и наука, имѣющая свои правила и систему... Другаго порока, свойственнаго Востоку, Барабра еще болѣе гнушаются. Но матросы прожившіе нѣсколько времени въ Египтѣ, под-конецъ увлекаются случаемъ, примѣромъ и дешевымъ соблазномъ, и слишкомъ часто привозятъ семейству своему въ Нубіи печальный подарокъ — сифилисъ, коимъ были одержимы также и два человѣка изъ моего экипажа. Этимъ путемъ любов-страстная болѣзнь вводится въ Нубію, и нынѣ тамъ вовсе не рѣдка.

Когда, въ 1799 году, французскія войска, овладѣвъ всѣмъ Египтомъ, взяли Ассуанъ и подступили къ острову Філаэ, южнѣй-

шему предѣлу ихъ экспедиціи—то Барабра, жившіе тогда на этомъ островѣ, нынѣ необитаемомъ, принялись—было упорно защищаться противъ подошедшаго къ нимъ отряда въ 300 чело-вѣкъ; подѣ начальствомъ генерала Белльера. Вооруженные однѣми пиками и саблями, они разумѣется не могли устоять противъ первыхъ выстрѣловъ сѣвшихъ на плоть французскихъ вольтижеровъ, и бросились всѣ въ воду вплавь, чтобы спастись бѣгствомъ. Нынѣ между ними нельзя найти никакихъ слѣдовъ воинственнаго духа; запрещеніе феллахамъ египетскимъ держать у себя огнестрѣльное оружіе распространено было Мехмедомъ-Али и на Нубію, и строго соблюдается мѣстнымъ начальствомъ. Въ-слѣдствіе того, европейскаго пистолета нынѣ боятся тамъ не менѣе чѣмъ въ Дельтѣ, и одинъ видъ двуствольнаго ружья способенъ разогнать цѣлую нубійскую деревню: я даже не разъ прибѣгалъ къ этому способу, чтобы из-бавиться отъ осаждавшихъ мою барку надоедливыхъ мужиковъ, требовавшихъ бахшиша. Обыкновенно достаточно было одного, отдаваемого вслухъ слугѣ моему, приказанія вынести изъ каюты пистолетъ, чтобы въ ту же минуту, и не дожидаясь исполненія, всѣ разбѣгались въ разныя стороны. Эта черта малодушія, нынѣ встрѣчаемая даже у Бедуиновъ въ сосѣдствѣ гизе'скихъ пирамидъ, благодаря полиціи «великаго» шаши — рѣзко противоположна тому, что я испыталъ въ Сиріи, особенно сѣверной, гдѣ жители весьма заносчивы, и владѣя сами оружіемъ, угрозъ европейскаго путешественника ни мало не страшатся *.

* Прибывъ 15 іюля 1847 года въ деревню *Дамъ*, на дорогѣ изъ Антіохіи въ Алеппъ, около полудня и при палящемъ зноѣ, я присѣлъ отдохнуть подѣ гнѣною смоковницей, уединенно стоявшей среди площади и окруженной заборомъ. Жители тутъ оказались еще суровѣе видѣнныхъ мною прежде мужиковъ: двѣ дѣвочки, черпавшія воду изъ соседней цистерны, никакъ не хотѣли дать ея, чтобы напоить лошадей нашихъ; а нѣсколько мальчишекъ мѣзъ любопытства окружили дерево, подѣ которымъ я расположился, но никто не согласился принести мнѣ уголь, чтобы закурить сигару. «Если такъ—сказалъ я — подите же сейчасъ прочь и не стойте около меня». Видя, что они не слушались, я поднялъ лежавшее подѣ меня ружье — и мальчики медленно удалились; но одинъ изъ нихъ побѣжалъ въ соседнюю избу и вскорѣ воротился оттуда съ ружьемъ, подошелъ къ дереву и сталъ грозить мнѣ. Онъ стоялъ такъ до самаго выѣзда моего изъ деревни, да и тамъ еще минутъ десять бѣжалъ за нами, неся ружье на плечѣ, и какъ-бы дразнилъ насъ.

Я читалъ въ книгахъ и слышалъ изъ устъ многихъ путешественниковъ, что Барабра не любятъ Европейцевъ, что они злы, заносчивы, мстительны, и что съ ними весьма трудно справиться. Въ подтвержденіе приводятъ рассказы болѣе-или-менѣе романическіе. Самъ я лично не имѣлъ случая убѣдиться въ этомъ, и полагаю, что непріятныя столкновения, на которыя жалуются почти всѣ Европейцы, возвращающіеся изъ Нубіи, происходятъ отъ недоразумѣній, въ-слѣдствіе незнанія ими мѣстнаго языка и чрезвычайной склонности прибѣгать къ палкѣ или хлысту при всякомъ случаѣ, вмѣсто другихъ, болѣе мирныхъ объясненій. Странно и больно видѣть, какъ образованные туристы, едва поставивъ ногу на африканскую землю, вдругъ слагаютъ съ себя филантропизмъ, которымъ шеголяютъ въ Европѣ, и безъ повода и пощады колотятъ бѣдныхъ феллаховъ. Во время продолжительнаго пребыванія на Востокѣ, я никогда не имѣлъ надобности слѣдовать такому печальному примѣру: въ нубійскія деревни отправлялся всегда одинъ, или съ малолѣтнимъ Илією, безъ оружія, въ европейскомъ платьѣ, иногда даже ночью, и — ни разу не имѣлъ ни съ кѣмъ ссоры или непріятности. Обращеніе твердое и вмѣстѣ кроткое, безъ многословія, и кстати даваемый бакшишъ, пріобрѣли мнѣ также привязанность всего экипажа барки, и я почти никогда не испытывалъ тѣхъ замедленій, отлучекъ и даже возмущеній матросовъ, отъ которыхъ столь часто страдаютъ путешественники, по мѣрѣ удаленія ихъ отъ Каира вверхъ по Нилу. Приставая къ какому-либо городу, я всякій разъ призывалъ шкипера, стараго А'шри, и объявлялъ ему на сколько времени — на сутки, полторы или больше — я намѣренъ быть тамъ остановиться. «Теперь видишь — говорилъ я ему, показывая часы — ровно полдень: завтра къ тому же времени непременно, я отправлюсь дальше. Отпусти матросовъ, но распорядись чтобы въ означенный часъ всѣ были на баркѣ. Ждать я никого не намѣренъ; кто не явится, тотъ останется на берегу». А'шри, вмѣсто отвѣта, прикладывалъ руку къ головѣ, въ знакъ повиновенія, кланялся, — и къ опредѣленному сроку барка снималась съ пристани, при полномъ комплектѣ матросовъ.

Умственныя способности развиваются у Барабра весьма рано, такъ-что на пятомъ или шестомъ году дѣти ихъ быва-

ють гораздо бойче и самостоятельнѣе, чѣмъ замѣчается это у дѣтей въ европейскихъ, сѣверныхъ краяхъ. Но въ 14 или 16-лѣтнемъ возрастѣ это развитіе какъ-будто останавливается и дальше уже не идетъ; мальчикъ, казавшійся въ дѣтствѣ весьма умнымъ и смѣтливымъ, выходитъ молодымъ человекомъ довольно тупымъ. Тоже самое явленіе, и можетъ-быть еще въ высшей степени, замѣчается и у феллаховъ египетскихъ. Вообще, какъ они, такъ и Барабра вовсе не расторопны, и совершенно лишены качества, въ Европѣ вездѣ болѣе-или-менѣе свойственнаго простому народу, и проявляющагося самымъ блистательнымъ образомъ у нашего русскаго человѣка, а именно — *слышлености*, позволяющей сему послѣднему «находиться» въ разныхъ затруднительныхъ встрѣчахъ ежедневной жизни, и выпутываться собственнымъ умомъ и часто весьма ограниченными средствами, изъ бѣдъ и недоумѣній всякаго рода. Этотъ недостатокъ практической догадливости и ловкости у моихъ матросовъ Барабра проявлялся особенно на Нилѣ, всякій разъ когда, бывало, барка садится на мель, что впрочемъ безпрестанно случается на этой своеобразной и непостоянной рѣкѣ. Плывешь далеко отъ береговъ, на мѣстѣ кажущемся весьма глубокимъ, какъ вдругъ киль ударяетъ объ дно, слышишь какъ онъ трѣскается въ песокъ и, побороздивъ его нѣсколько сажень, наконецъ завязаетъ. Матросы тотчасъ-же бросаются нагіе въ воду, и стараются плечами сдвинуть барку съ мели. Проработавъ съ полчаса или больше, при крикѣ *о-хей-мисса*, или *а-иа-Мха-ммедъ*, и выбившись совершенно изъ силъ, они убѣждаются что всѣ ихъ попытки тщетны и что барка будто приросла ко дну. Тогда только, но никакъ не прежде, кто-либо изъ матросовъ поумнѣе предложитъ посмотрѣть, куда идетъ направленіе мели и гдѣ собственно вода становится глубже? Оказывается всегда, что надо тащить барку совсѣмъ въ другую сторону: примутся снова за дѣло, потерявъ прежде понапрасну трудъ и время, и черезъ пять минутъ судно поднято и свободно плаваетъ.

Барабра и Египтянамъ нужно вѣчно все объяснять и толковать; имъ, какъ говорится, все въ ротъ положи, а то, если дѣло мало-мальски запутано, они сами никакъ не найдутся. Поплите, на-примѣръ, слугу-нубійца куда-нибудь съ порученіемъ: надо чтобъ послѣднее было какъ-можно проще, малослож-

нѣе и ограничивалось всегда однимъ обстоятельствомъ, котораго посланный могъ-бы держаться буквально. Положиться на его смѣшленность невозможно: онъ все перепутаетъ, перевернетъ, и толку не выйдетъ; предоставить ему чтобы онъ выбралъ то, что лучше или выгоднѣе, никакъ нельзя, потому - что онъ непременно выберетъ худшее! Однимъ-словомъ, у Барабра, какъ и у Египтянъ, понятливости, памяти, хитрости и даже ума много, но разсудительности или сужденія весьма мало: они вѣкъ свой остаются взрослыми дѣтьми. Въ Египтѣ это можно видѣть, между прочимъ, у молодыхъ людей, воспитывавшихся въ общественныя заведенія, и вышедшихъ оттуда инженерами, врачами, землемѣрами и т. д.; они почти всегда лишены самостоятельной, свободной умственной дѣятельности, и требуютъ безпрестаннаго за ними надзора и руководства. Нѣкоторые изслѣдователи ищутъ причины такого умственнаго младенчества нынѣшнихъ Египтянъ въ продолжительномъ порабоженіи ихъ безжалостными завоевателями — но это мусульманское тяготѣвшее столько столѣтій на Грекахъ, или угнетенія перенесенныя Евреями, были вовсе не легче, а умственными способности этихъ племенъ, какъ извѣстно, нимало оттого не пострадали. Полагаю, поэтому, что на произведеніе описаннаго психологическаго явленія въ Египтѣ должны имѣть главное вліяніе физиологическія условія самаго мозговаго ихъ устройства. Во всякомъ случаѣ, оно сдѣлалось причиною, что уже слишкомъ 2000 лѣтъ, со времени Александра Македонскаго, какъ Египтяне потеряли политическое существованіе подъ собственными, единоплеменными имъ, владѣтелями!

Характеръ Барабра, при живомъ сангвиническомъ темпераментѣ, въ теченіе цѣлой жизни сохраняетъ, еще больше чѣмъ у Египтянъ, многія черты дѣтской простоты, непостоянства, кротости, веселости и неопытности, выражающіяся особенно въ языкѣ ихъ и въ страсти къ сказкамъ, къ нарядамъ, къ музыкѣ, пѣнію и пляскѣ. На баркахъ, послѣ ужина, матросы ложатся въ кружокъ на палубѣ, укрываясь отъ ночной росы шерстяными плащами, и одинъ изъ нихъ, всегда родомъ Арабъ, услаждаетъ ихъ сказками, продолжающимися по нѣскольку часовъ, и которыя, точно какъ дѣти, они могутъ слушать двадцать разъ сряду и всегда съ равнымъ интересомъ. Разсказчикъ краснорѣчиво и часто выраженіями книжными, которыхъ бѣдныя

Нубійцы, вообще плохо говорящіе по-арабски, часто не понимают — описываетъ походженія храбраго витязя *Абу-Зейта* и его кобылы, или прелести юной дѣвы, у которой «очи какъ глаза газелей» (*аюк'га к'аюк' ол-сузлнк*), «ротъ похожъ на перстень Сулеймана», «груди словно гранаты» (*румак'к' сьдр'га*), «станъ строенъ и тонокъ», а «бедрa широки и толсты». Онъ выводитъ на сцену замки съ золотыми стѣнами, сраженія Абу-Зейта съ великанами и чудовищами, похищенія красавицы, затѣи волшебниковъ; описываетъ пышные пиры, богатая одежды, кашмировые пояса, алмазные ожерелья придворныхъ невольницъ, и т. п., а добрые слушатели, наѣвшіея пустой похлебки съ заплесневѣлыми сухарями, и щелкающіе зубами подъ дырявыми плащами — одинъ за другимъ засыпаютъ на голыхъ доскахъ палубы, мечтая о повелителѣ праворѣрныхъ, о равнинной Зыбейдѣ и прелестной Дулейкѣ! . . .

Пляска Барабра состоитъ въ дикихъ и весьма неблагопристойныхъ кривляніяхъ нижней части туловища, почти безъ всякаго движенія ногъ, не отдѣляющихся отъ земли; въ рукахъ пляшущій держитъ всегда длинную палку, на которую опирается; въ этихъ кривляніяхъ есть что-то обезьяньское, не человѣческое. Зрители сидятъ кругомъ, въ-тактъ хлопаютъ въ ладоши, и поютъ, аккомпанируя себѣ звуками любимой *дарабуки* — глинянаго барабана, похожаго на большую воронку; широкое отверстіе его обтянуто рыбьимъ пузыремъ, а меньшее открыто. Эту дарабуку, сидя, держатъ подъ лѣвою мышкою, и бьютъ въ нее прямо протянутыми пальцами обѣихъ рукъ. Выѣзжая изъ Каира на баркѣ, путешественникъ непременно обязанъ купить экипажу одну или двѣ дарабуки, безъ которыхъ матросы скупаютъ. На свадебныхъ празднествахъ въ Нижней-Нуби, женщины танцуютъ вмѣстѣ съ мужчинами, выражая притомъ радость свою протяжными и безконечными *кимилиери*: это горловый звукъ, похожій на быстро-повторенное продолжительное у-лу-лу-лу-лу; онъ употребляется въ тѣхъ же случаяхъ и въ Египтѣ, гдѣ эти восклицанія называются *зегроуте*. Въ числѣ моихъ матросовъ былъ одинъ почти совсѣмъ черный Саидецъ, *Нигиль-ад-Динъ*, шутъ записной и любимецъ экипажа. Онъ зналъ разныя пляски, и между-прочимъ извѣстную подъ названіемъ «пчелы» (*ол-нахъ*), свойственную египетскимъ га-

уáзи. Танцующая особа, повторяя жалобнымъ голосомъ: *оль-нахъ л-елни* (пчела меня кусаетъ), вертится въ кружкѣ и постепенно скидаетъ съ себя всѣ части одежды, будто ищетъ и преслѣдуетъ пчелку; въ это время оркестръ хоромъ поетъ *оль-нахъ л-елю* (вогъ пчела); сбросивъ съ себя послѣднее покрывало, гауáзи падаетъ на полъ какъ-бы въ безчувствіи. . . Въ этотъ, самый эффектный моментъ, Нигмъ-эд-Динъ, успѣвъ совершенно раздѣться, бросаясь всегда черезъ бортъ въ Нилъ, и потómъ подплывалъ къ баркѣ съ противоположной стороны, къ великой потѣхѣ зрителей.

При попутномъ вѣтрѣ, когда матросамъ нечего дѣлать, они забавляются пѣніемъ. Пѣсни ихъ, которыхъ я слышалъ весьма много, обыкновенно содержанія эротическаго и всегда поются на арабскомъ языкѣ; одинъ только разъ слышалъ я коротенькую пѣсню бэрбэрийскую: та была совершенно другаго характера и интонаціи. Не умѣю сказать кѣмъ въ Каирѣ и другихъ городахъ, заселенныхъ Арабами, сочиняются слова и музыка романсовъ (*мауáль*); но часто выходятъ новыя, которые весьма скоро, чрезъ пѣвцовъ и альмѣ, распространяются въ публикѣ и дѣлаются народными. Мелодіи иныхъ мауáловъ очень пріятны даже для европейскаго уха, коль-скоро оно успѣло привыкнуть къ музыкальнымъ интерваламъ восточной гаммы, которые меньше нашихъ, и къ головному тону, которымъ онѣ постоянно поются: грудныхъ нотъ Арабы никогда почти не употребляютъ. Барáбра изучаютъ эти пѣсни въ Египтѣ и потомъ распространяютъ ихъ въ Нубіи; одинъ поетъ, а прочіе хоромъ повторяютъ послѣднія слова каждаго куплета, прихлопывая въ тактъ руками и аккомпанируя себѣ дарабукой и тамбуриномъ. У меня былъ поварь египтянинъ, Ахмедъ Меліáнъ, который зналъ множество такихъ мауáловъ; онъ обыкновенно тѣшилъ ими матросовъ послѣ ужина, выдѣлывая притомъ безконечныя трели. Въ этихъ случаяхъ, по принятому обычаю, слушатели ободряютъ пѣвца, испуская громкій крикъ удивленія и удовольствія:—*а-а-а-а*... послѣ каждаго куплета. Матросы, сверхъ-того, никогда не занимаются продолжительною работою, безъ пѣсни, облегчающей движенія веселъ или шестовъ, правильнымъ рѣмическимъ ходомъ звуковъ. Я часто имѣлъ случай видѣть какъ гребцы мои, уставшіе отъ утомительнаго труда въ-продолженіе многихъ часовъ сря-

ду, вдругъ ободрятся, когда, бывало, Ахмедъ затянетъ новую пѣсню. Путешествующіе по Нилу обыкновенно даютъ барава или денежный бахшишъ экипажу въ каждомъ городѣ, въ которомъ останавливаются на нѣсколько времени; подѣзжая къ пристани, матросы затягиваютъ пѣсню въ честь и хвалу своему госнодину, которая начинается всегда словами: *аллахъ лисуракъ, а хавага** (Богъ въ помощь тебѣ, баринъ); послѣ каждой строфы шкиперъ приговариваетъ: *иссалыму!* (да здравствуетъ): тогда всѣ хоромъ поднимаютъ самый ужасный крикъ и ревутъ во все горло.

Въ-заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о нарѣчій жителей Нижней-Нубіи. Костаэзъ, видѣвшій ихъ въ Ассуанѣ въ 1799 году, увѣряетъ, что когда Барабра впервые услышали языкъ прибывшихъ туда полковъ генерала Дезе, то сказали ему: «Мы думали, что вы говорите нашимъ языкомъ, только непонятнымъ для насъ образомъ.» Не будемъ пенять ученому Французу если, увлекаясь пріятнымъ самообольщеніемъ, онъ находилъ мнимое сходство между своимъ языкомъ и нубійскимъ, но не послѣдуетъ его примѣру, утверждая, что русскій нашъ языкъ похожъ на рѣчь Барабра, потому-что въ послѣдней столь часто встрѣчаются окончанія: *ки, ѳнки, ѳнко*, или даже слова какъ: *ѳурки, собаѳки, кѳбки, баѳки* и т. п. Но не въ томъ дѣло: нубійская рѣчь вообще для слуха гораздо пріятнѣе и несравненно мягче арабской, съ которою не представляетъ никакаго сходства, ни въ звукахъ, ни въ словосочиненія; тоже должно сказать и объ отношеніи ея къ прочимъ семитическимъ языкамъ (въ томъ числѣ и къ кобтскому). Если бы Барабра и древніе Египтяне дѣйствительно составляли одно и тоже племя, какъ полагаетъ Шамполльонъ, то неужели въ языкѣ тѣхъ и другихъ не сохранилось-бы никакихъ слѣдовъ этого сродства?... Горловыхъ придыханій, столь затрудняющихъ произношеніе нѣкоторыхъ арабскихъ словъ, на-примѣръ: *ain, kkaf, hha* и т. п., у Нубійцевъ не встрѣчается. Гласныя

* *Хавага* — титулъ даваемый въ Египтѣ всякому европейцу, какого-бы онъ ни былъ званія, вѣроятно потому, что первые Франки, поселившіеся въ этомъ краѣ, всѣ занимались торговлею. По арабски слово это собственно значитъ «купецъ».

просты и выговариваются ясно. Вообще нѣтъ у Барабра глухихъ звуковъ, свойственныхъ языку арабскому, въ которомъ *а* и *о*, *о* и *у*, *э* и *ы* или *и*, и т. п., безпрестанно сливаются, такъ-что ихъ трудно различать въ произношеніи. Но языкъ бербэрійскій бѣденъ, какъ и самое племя говорящее имъ; всѣ предметы выходящіе изъ тѣснаго круга знакомыхъ имъ изъ ежедневной жизни понятій, нубійскихъ названій не имѣютъ, а заимствованы изъ арабскаго языка; такимъ-образомъ, если, на-примѣръ, *жельзо* выражается бербэрійскимъ словомъ *schärtigi*, то *золото* и *серебро*, *déhebki* и *fäddagi* — названія арабскія. Подобныхъ примѣровъ можно-бы привести весьма много. Сверхъ-того, то обстоятельство, что столько Нубійцевъ проводятъ, какъ было сказано выше, большую часть жизни въ Египтѣ, сдѣлалось причиною, что многіе предметы, имѣющіе названія бербэрійскія, въ разговорѣ чаще замѣняются равнозначущими арабскими словами; это мы видимъ, на-примѣръ, въ числительныхъ именахъ отъ 30 до 90 включительно: нубійскія названія ихъ совершенно вытѣснены изъ употребленія арабскими. Жалованье, получаемое въ Египтѣ матросами, слугами и прочими рабочими изъ Барабра, весьма мало, рѣдко выше 40 или 50 піастровъ въ мѣсяцъ: имъ, по этой причинѣ, *сотилли* считать почти не приходится, а оттого число *сто* и дальнѣйшія опять называются на собственномъ ихъ языкѣ.

Во время поѣздки отъ Ассуана до втораго нильскаго катаракта при Уади-Хальфѣ, я составилъ, для личнаго моего употребленія, небольшое собраніе словъ и краткихъ предложеній на бербэрійскомъ языкѣ, которое считаю не бесполезнымъ сообщить здѣсь, потому-что для лингвистовъ оно можетъ имѣть интересъ. Учителемъ моимъ былъ племянникъ стараго Ашри Шауишъ, шкипера моей барки — мальчикъ лѣтъ пятнадцати, по имени Фарагъ, умный и бойкій, одаренный большою смышленостью и догадливостью чѣмъ многіе изъ его единоплеменниковъ. Фарагъ былъ крови смѣшанной, отъ отца бербэри и матери негритянки; свободно объяснялся по-арабски, и прежде жилъ нѣсколько лѣтъ въ Донголь. Каждое утро я звалъ его къ себѣ въ каюту, и подъ диктовкою его записывалъ слова, которыя мнѣ хотѣлось знать; этимъ занятіемъ онъ не мало возгордился передъ товарищами-матросами, давшими ему прозвание «тергуманъ-баши» (главнаго переводчика). Дѣло наше

было однакожь не совсѣмъ легко: пока я записывалъ одни существительныя или прилагательныя, все шло хорошо; но когда я сталъ спрашивать у него перевода глаголовъ, а въ особенности фразъ, даже самыхъ простыхъ, учитель мой приходилъ въ крайнее затрудненіе. Юный наставникъ, сынъ природы, не имѣлъ и понятія объ отвлеченномъ значеніи и важности для меня предлагаемыхъ ему вопросовъ, и всегда относилъ ихъ къ положительному лицу, моему или его собственному. Когда я, на-примѣръ, говорилъ ему: «какъ на вашемъ языкѣ — *я боленъ?*», онъ всегда передавалъ это чрезъ «*ты боленъ?*», то есть не переводилъ моего вопроса, а отвѣчалъ на него; также точно вопросъ «*ты усталъ?*» онъ относилъ къ себѣ лично, и диктовалъ мнѣ «*я усталъ*». Поэтому, не ручаюсь за правильность конструкціи иныхъ изъ моихъ фразъ, тѣмъ-болѣе что Фарагъ никогда почти не переводилъ предложенія мало-мальски длиннаго, однимъ и тѣмъ-же образомъ, когда я заставлялъ его повторять переводъ. Въ этомъ отношеніи онъ иногда просто выводилъ меня изъ терпѣнія. При кратковременности пребыванія моего въ Нубіи, я не могъ ни практическимъ упражненіемъ получить лично болѣе точныя свѣдѣнія, ни развитъ и усовершенствовать понятливость моего учителя, хотя онъ къ такому усовершенствованію былъ весьма способенъ. За одно могу отвѣчать — за вѣрную транскрипцію всѣхъ приведенныхъ въ слѣдующихъ страницахъ нубійскихъ словъ, и за точное означеніе удареній на каждомъ изъ нихъ: въ томъ убѣдился я многократно повѣркою.

Въ Нубіи, коренные жители употребляютъ два главныя нарѣчія, представляющія между собою большое сходство, при нѣкоторыхъ немаловажныхъ впрочемъ различіяхъ: характеристическій признакъ нарѣчія *Донголы* состоитъ въ томъ, что всѣ имена существительныя, безъ исключенія, оканчиваются на *xi* или на *gi*; въ области *Даръ-Мэхасъ*, лежащей по берегамъ Нила къ сѣверу отъ Донголы, имена эти, напротивъ, оканчиваются постоянно на *la* или на *ga*. Фарагъ мой родился въ деревнѣ подлѣ острова Фйлэ, въ самомъ Ассуанскомъ Порогѣ и принадлежалъ къ *arén ademigi* «людямъ катаракта», какъ они сами себя называютъ, которыхъ языкъ, хотя довольно близко подходитъ къ донгольскому, но также представляетъ свои особенно-

сти: многія слова этого—послѣдняго нарѣчія у ассуанскихъ «припорожцевъ» вовсе не употребляются и замѣнены другими, впрочемъ тоже корня бѣрбѣрійскаго. У нихъ, въ—слѣдствіе частыхъ сношеній съ Египетскими Арабами, вошло сверхъ-того большее число оборотовъ, формъ и словъ арабскихъ, нежели дальше на югъ. Въ моемъ собраніи, всѣ слова заимствованныя у послѣднихъ, отмѣнены звѣздочкою.

Окончаніе *ki* или *gi* прибавляется жителями Нижней-Нубіи, равно-какъ и донгольскими уроженцами, не только къ существительнымъ именамъ чисто бѣрбѣрійскаго происхожденія, но и къ словамъ заимствованнымъ у Арабовъ, получающимъ чрезъ то право гражданства у нихъ. Они говорятъ *gēbel gi* (гора)—отъ арабскаго *ge'el*; *ajnebki* (виноградъ)—отъ араб. *ájneḥ*; *fūl gi* (бобы)—отъ арабск. *fūl*, и т. п. Между-тѣмъ я замѣтилъ, что приведенное окончаніе *ki* или *gi* обыкновенно отбрасывается, когда существительное имя стоитъ не одно, а входитъ въ составъ предложенія, или соединяется съ другимъ существительнымъ; на-примѣръ: слово *daw'agi* (чубукъ) откидываетъ слогъ *gi* въ фразѣ: *Ali and daw'agi tokssu* (Али мой чубукъ сломалъ); тоже самое происходитъ съ словами *óssigi* (нога) и *kussúgi* (мясо), когда они соединяются въ одно цѣлое *óssi-kússu*, означающее «икру». Иные разы однакожь это окончаніе въ подобныхъ же случаяхъ сохраняется, или измѣняется въ *ko* или *go*, или, наконецъ, прибавляется даже къ прилагательнымъ и глаголамъ: мнѣ казалось, что тутъ положительнаго правила не соблюдаютъ, а руководствуются болѣе-или-менѣе произволомъ.

Уже было сказано выше, что буквъ затрудняющихъ арабское произношеніе: *ain*, *gháin*, *kkaf*, *hha* и т. д., и отъ которыхъ этотъ языкъ дѣлается столь жесткимъ и тяжелымъ для слуха — въ языкѣ Нубійцевъ нѣтъ; гдѣ такая буква встрѣчается въ заимствованномъ ими словѣ, они замѣняютъ ее другою, болѣе мягкой, на-примѣръ, вмѣсто *dúchán* (табакъ) они говорятъ — *dahángi*, и т. п. Согласныя *k* и *g* передъ гласными *e*, *i*, а иногда также передъ *u* и *o*, произносятся какъ наши *к* и *дж*, но нѣсколько мягче; впрочемъ, это произношеніе иными принято, другими нѣтъ, и посему вѣроятно также зависитъ отъ произвола. Вообще языкъ Нубійцевъ, по множеству въ немъ гласныхъ и отсутствію всякихъ приды-

ханій, горловыхъ и гортанныхъ звуковъ, и т. п., очень пріятенъ для слуха. Меня поразило еще — и это замѣчаніе собственно слѣдовало-бы помѣстить въ началѣ статьи — характеристическій звукъ (*timbre*) голоса вообще у Барабра, который сохраняетъ свою особенность у всѣхъ лицъ этого племени, несмотря на безчисленное множество оттѣнковъ въ высотѣ, объемѣ и другихъ качествахъ голоса у каждаго нубійца въ частности. Я до того пріучился къ этому *timbre*, что узнавалъ по немъ между матросами пезнакомыми мнѣ, говорившими по-арабски въ другой комнатѣ или ночью, такъ-что видѣть ихъ я не могъ, кто изъ нихъ бэрбаріецъ. Нѣтъ сомнѣнія, что причины этого фізіологическаго явленія заключаются въ особомъ устройствѣ дыхательнаго горла, гортани и прочихъ органовъ дѣйствующихъ при произведеніи человѣческаго голоса; но анатомическое изслѣдованіе этихъ частей наврядъ-ли можетъ послужить къ объясненію самаго феномена.

Сколько я ни старался, но не могъ дойти до заключенія, существуютъ-ли въ языкѣ Барабра *падежи*, единственное и множественное *число*, и *какіе* спрягаются глаголы? Употребленіе мѣстоимѣній также не совсѣмъ ясно для меня, такъ-что въ иныхъ изъ приведенныхъ фразъ, я не былъ въ состояніи надлежащимъ образомъ отдѣлить одного слова отъ другаго. Вотъ, впрочемъ, что я замѣтилъ: когда два существительныхъ имени соединяются вмѣстѣ, то первое отбрасываетъ окончаніе *ki* или *gi* и замѣняетъ его буквою *n* (рѣже *m*), если слѣдующее слово начинается съ гласной буквы: на-примѣръ: изъ *missigi* (глазъ) и *agingi* (кожа) составлено слово *missin-agingi*—вѣко; изъ *deuka'gi* (кухня) и *ogig* (человѣкъ) образовалось *deukan-ogugi*—поваръ (кухонный человѣкъ). Эта вводная буква *n* выражаетъ нѣкоторымъ образомъ нашъ родительный падежъ; но если второе слово начинается съ согласной буквы, то *n* часто выпускается; на-примѣръ: изъ *ka'ki* (домъ, хижина), и *tyrti* (хозяинъ), образуется *ka-tyrti*—хозяинъ дома.

Несмотря на всю неполноту и несовершенство моего словаря, полагаю, что привыкшіе къ лингвистическимъ анализамъ съумѣютъ вывести изъ него многія грамматическія заключенія, ускользнувшія отъ меня, совершеннаго профана въ этомъ дѣлѣ. Крайне сожалѣю, что я не воспользовался бывшею у меня возможностью умножить количество записанныхъ

Фразъ — но, находясь въ Нубіи, я не думалъ печатать этого собранія. Изъ извѣстныхъ мнѣ новѣйшихъ путешественниковъ, двое, Калльо * и Кададьвенъ **, сообщаютъ въ своихъ сочиненіяхъ пространные словари нубійскихъ нарѣчій. Первый даетъ списокъ словъ *Донгольскихъ*, но на-дѣлѣ оказы-вается, что всѣ онѣ изъ нарѣчія *Дарт-Мохасъ*. Нубіецъ, диктовавшій Калльо эти слова, былъ изъ послѣдней области, а не изъ Донголы, и ввелъ въ заблужденіе достойнѣйшаго путешественника. Еще богаче словарь гг. Кададьвена и Брѣ-вери, содержащій въ отдѣльныхъ графахъ слова изъ обо-ихъ этихъ нарѣчій. Жаль только, что у нихъ очень много опечатокъ и неточностей; ударенія не выставлены вовсе, или выставлены неправильно, и самая транскрипція, по француз-скому правописанію, неясна и не всегда вѣрна. Собраніе это можетъ служить къ пополненію предлагаемаго мною.

Вотъ правила, коими руководствовался я въ слѣдующихъ страницахъ: я употребляю правописаніе *нѣмецкое*, наиболее подходящее къ звукамъ, которые мнѣ пужно было выразить. Поэтому, гласныя *a, e, i, o, u* — должны вездѣ быть произносимы какъ наши *a, e, u, o, y*; нѣмецкое *y* выражаетъ у меня наше *ы*; двѣ гласныя, или даже три, одна вслѣдъ-за-другою, про-износятся каждая отдѣльно: *ai, ae, oi, ui* и т. д. всегда дол-жны выговариваться здѣсь какъ наши *ai, ae, oi, ui* и проч. Буква *j* — согласная и произносится какъ въ словахъ *jung, jagen, Joseph*; *v* и *w* — соотвѣтствуютъ обѣ нашему *в*; но послѣдняя передъ гласными произносится почти какъ наше *у*. Одно *z* соотвѣтствуетъ нашему *з*, два *ss* должны быть вы-говариваемы какъ русское *с*, *sch* — какъ *ш, ч* — какъ наше *ж*.

Наконецъ, позволю себѣ еще обратить вниманіе на простоту и такъ — сказать дѣтскую наивность нубійскаго языка, выражающуюся наиболее въ сочетаніи именъ су-ществительныхъ, для означенія предметовъ не имѣющихъ въ немъ особенныхъ названій. Такъ, на-примѣръ, слово *agyln-éssi* (слюна), составлено изъ *agylgi* (ротъ) и *éssigi*

* *Caillaud*: Voyage à Méroë, au fleuve blanc, etc. Paris 1827, Т. III, въ приложеніи.

** *Cadwalvne et Brewery*: l'Égypte et la Nubie; Paris 1841; Т. II, стр. 493 и слѣдующія.

(вода); *agylna-küitki* (челюсть) составлено изъ *agylgi* (ротъ), и *küitki* (кость); слово *kamnéngi* (самка верблюда) образовалось изъ *kámgi* (верблюдъ—самецъ) и *eéngi* (жена). *Kaschfog-górkí* значить громъ, и, кажется, составлено изъ словъ *ka'schki* (лошадь) и *foggór* (хромой): это названіе вѣроятно основано на какомъ-нибудь простонародномъ или суевѣрномъ объясненіи причинъ грома, впрочемъ весьма рѣдкаго въ Нижней-Нубіи, особенно вблизи Ассуана. Безполезно было-бы распространяться здѣсь на-счетъ нѣкоторыхъ другихъ замѣчаній, на-примѣръ: что повелительное наклоненіе обыкновенно оканчивается на *gò* или *kò* съ удареніемъ, или на *o*; что окончаніе *bi'gi* присвоено причастіямъ и т. п.: внимательный изслѣдователь самъ это замѣтитъ.— Я кончилъ свой словарь ¹/₇ ноября 1847 года, въ *Ибриль*, мѣстечкѣ Нижней-Нубіи.

С.-П.-Бургъ.

въ февралѣ 1849 г.

СОБРАНИЕ

СЛОВЪ И ПРОСТЫХЪ ПРЕДЛОЖЕНІЙ ИЗЪ НАРѢЧІЯ НАРАВА, ЖИВУЩИХЪ У ПЕРВАГО КАТАРАКТА НИЛЬСКАГО.

(Слова заимствованныя изъ арабскаго языка отмѣчены звездочкою)

А.

Арестантъ, *chabssé'bu*.*

Акація, *gjou'igi*.

Б.

Ба́міе ¹), *gjon'dógi*.

Баранъ, *egé'tki*.

¹) *Hibiscus esculentus* L., растеніе огородное.

Барка, kúbki.
Башмакъ, koríski.
Башмачникъ, korisk-agáilgi.
Бедро, kulúlgí.
Бей! gjom!
Беременная, meéwgi.
Близко, egitti.
Близнецы, barssikígi.
Бобы, hagjubígi.
Богатый, heérbu.
Больной, óddi.
Болтать, digrig-ajabánji.
Большой, dúlu.
Большой палець, mumúlgí.
Борода, ssame'gi.
Браслетъ, kumíki.
Братъ, ambe'ski,
Братъ матери, angígi.
Братъ отца, ambanági.
Бритва, ganírki.
Брить, gánjiri.
Бровь, hagjubígi.
Бросать, lufó, luföss.
Брюхо, túgi.
Бумага (хлопчатая), abúki.
Бурый, de'sse.
Буря, ssóbági.*
Бусы, arýki.
Бѣдный, meskitódu.*
Бѣлый, arógi.
Бѣшеный, arrýbu.

В.

Вареный, kargióssu.
Вловець, ase'bki.
Верблюдъ (самецъ), kámgi.
Верблюдъ (самка), kamnéngi.
Веревка, irigi.

Вергѣться, *durdüre.*
Весло, *mukdáfki.**
Виноградъ, *ájnebki.**
Внизу, *tógo*
Внутри, *aáragi.*
Вода, *e'ssigi.*
Возьми! *ingè!*
Волкъ (гиенна), *éddigi.*
Волосы, *ssiirki.*
Волшебникъ, *dogírki.*
Воръ, *jamági.*
Востокъ, *málti-téru.*
Врачъ, *dawági.*
Встань! *imbello!*
Vulva — *ebetégi.*
Вчера, *uilgi.*
Вымети! *káo!*
Вымой! *eé'wo, schúlo!*
Вѣрь, *hewjedigi ²).*
Вѣко (глазное), *missin-agingi.*
Вѣтеръ, *turúgi.*
Вѣтру много, *túrug-digri.*
Вѣтру нѣтъ, *túrug-dámnu.*

Г.

Газель, *gee'gi.*
Гвоздика, *lertódkí.*
Гвоздь, *schártigi ³).*
Гдѣ? *ssáirre.*
Гитара, *kissírki.**
Гиппопотамъ, *eritki.*
Гладкій, *ssiri, schirgégi.*
Глазъ, *missigi.*
Глотать, *góllu.*

²) Не отъ арабскаго-ли *háwwa*, воздухъ.

³) *Schartigi* значить также *жельзо*.

Глубокій, nàrri.
Глухой, térgu.
Глядѣть, ajnálli.
Гнилой, ssióssu, ssielle.
Гвѣздо, keetigi.
Годъ, gèngi.
Голова, úrki.
Голова деревенскій (шепъ), ssamilgi.
Голубъ, minègi.
Горбатый, korróngi.
Горькій, náddi.
Горячій, gjúgrí.
Господь (Богъ), artigi.
Громъ, kasch-foggórki.
Грязный, értigi.
Грязь (пль), ssibégi.
Грудь, ókki.
Грудь (женская), értigi.
Губа, schúndgi.
Гусь, éssin-darbatki 4).

Д.

Да! éio.
Дай! átta!
Далеко, uàrri.
Даромъ, mogóssu.
Дверь, bábki.*
Деньги, dugúgi.
Деревня, aschejgi.
Дерево, djói.
Десны, nitkitki.
Длинный, nossógi.
Для меня, andogóru.
Добрый, adélto.
Довольный, gurebári.

4) Маъ essigi — вода, и darbatki — курица.

Дождь, arun-éssigi.
Домъ, káki.
Дорога, girki.
Доска, dumísski.*
Дочь, emborúgi.
Дочь брата, ambess-borúgi.
Дочь сестры, anéss-imbóruigi.
Дрожать (въ лихорадкѣ), kébkábkí.
Дрожать (отъ страха), kérkéri.
Другой, ekké'igi.
Другъ, tymbeski.
Дубить кожу, agingi-karigbu.
Дурень (лицемъ), millí, dóbbo.
Дуть, úffi.
Душа, neúrtigi.
Дымъ, gussútki.
Дырявый, urúbu.
Дыханіе, powértigi.
Дѣвица невинная, kejakólgi; loru-kóbbu.

Е.

Есть, (арабск. *fiḥ*) da, dána.
Еще, nýdago.
Еще не, olgónu.

Ж.

Жатву собирать, gjoúru.
Желтый, korgóski.
Желѣзо, schártigi.
Жена, eéngi.
Жениться, bédri.
Женихъ, aríski *; erkenekólgi.
Жесткій, kogórki.
Жила (сухая), kójgi.
Жилетъ, ssidéjrigi.*
Жирафъ, saráfki.
Жирный, doróma.

3.

Заблудиться, dabósslo.
Забывать, eóssi.
Завтра, assálgí.
Закаться, agákki.
Заколоть (зарѣзать), godjóssu.
Зáмокъ, dibki.
Западъ, tin-tèru, tingí.
Запахъ (хорошій), iriss-numèlu.
Запахъ (дурной), iriss-sièllu ⁵⁾.
Засѣянное поле, ugutérbu.
Затылокъ, ornàhar.
Заяць, udlegí.
Звѣзда, uissiki.
Здѣсь, índoru.
Зеленый, désse.
Зембилъ ⁶⁾, schibirki.
Земля, gúgi.
Землякъ, an-aschéjdu.
Зеркало, koálligi.
Злой, milli.
Змѣя, ajági.*
Знаю, aj-oirri.
Зной, gjúgri.
Зола (пепель), ubúrtigi.
Золото, de'hebki.*
Зубъ, ne'gi.
Зѣвать, jamarigéri.
Зэгроутэ ⁷⁾, killílera.

И.

Игла, itillégi.
Играть (въ дамки, кости и т. п.), káschikiri.

5) Ssièllu, собственно значить *змилой*.

6) Мѣшокъ изъ финиковыхъ листьевъ.

7) *Зэгроутэ* (множ. число *загаритэ*), радостные крики арабскихъ женщинъ во время публичныхъ увеселеній и т. п.

Иди (ступай)! *tàniol*
Известь, *girki*.
Изношенный, *kursséłgi*.
Икота, *ssé'ké'ri*.
Икра (mollet), *óssi-kússu* ⁸⁾.
Индиго, *ssubáki*.
Истинно! *ale'ema*.

К.

Камень, *kúllu*.
Камышь, *goé'gi*.
Кашлять, *tósski, tóssliri*.
Квасцы, *schebígi*.
Кипѣть, *jawásci*.
Кислый, *gjú'gri*.
Клецевинное масло ⁹⁾, *huruági*.
Книга, *bákigi* ¹⁰⁾, *bátšchigi*.
Кобыла, *kak-inéngi*.
Когда? *ssitáki?*
Коготь, *ssútigi*.
Кожа (cuir), *agíngi*.
Коза, *bé'rtigi*.
Козель, *butúłgi*.
Колесо (зубчатое у колодець), *argadé'gi*.
Колодезь, *mi árki*.
Кольце (въ ноздрѣ), *sumámgi*.
Кольно, *óssi-kúrti*.
Комната, *hassilgi*.
Копыто, *ssútigi*.
Копье, *schaági*.
Коралль, *lulúgi*.^{*}
Корзина, *adági*.
Корень, *kógi*.
Корова, *tigi*.
Короткій, *urtunátu*.

⁸⁾ Ossigi—нога, kussugi—мясо.

⁹⁾ Oleum Ricini. Huruagi есть также и названіе самаго растенія.

¹⁰⁾ Bákigi значить еще *читать* и также *писать*.

Коса (на головѣ), *màiki*.
Кость, *kiitki*.
Кость (рыбья), *kare-kiitki* ¹¹⁾.
Кость (финиковая), *fassàgi*.
Кохль ¹²⁾, *niłmégi*.
Кошка, *ssaàbki*.
Красивый, *tóngilto*.
Красный, *gelegi*.
Кривой (одноглазый), *anýrki*.
Кровь, *geéwgi*.
Кровь открыть, *geéwg-óssu*.
Крокодилъ, *elúmgi*.
Крошить табакъ, *dahàngi * fermúss.**
Круглый, *durebu*, *hagiotódu*.
Кружка (жестяная), *dibitégi*.
Крыло, *anýrki*.
Крыса, *isskitegi*.
Кто? *ni?*
Кто тамъ? *eni tére?*
Кувшинъ, *harrátli*.
Кузнецъ, *tabitki*.
Курить табакъ, *dahàngi liniri* ¹³⁾.
Курица, *darbátki*.
Кусать, *akéssu*.
Кухня, *deukàgi*, *gjakútki*.

Л.

Ладонь, *ii-túgi*.
Лаять, *uełgi jaháui*.
Легкий, *schorógi.**
Лимонъ, *lemúngi*.
Листъ (древесный), *gabátki*.

¹¹⁾ *Karègi*—рыба, *kiitki*—кость.

¹²⁾ Сурмяной порошокъ для крашенія вѣкъ и бровей.

¹³⁾ *Biniri*—*питъ*; по-арабски *ischrab duchan*, по-турецки *tjun itschmek*.

Лице, kóigt.
Лобъ, gurági.
Ловкій, dóhu.
Лодка, kubto-kínato.
Ложиться, turbóssu.
Ложно, mürssu.
Локоть, ii-kúrti.
Локоть (мѣра), keéwgi.
Лопатка, íim-bogjótú.
Лошадь, káschki.
Луковица, billégi.
Лукъ (оружіе), kilábki.
Луна, unátti.
Лѣнивый, haudébu.
Лѣто, bogóngi.
Люблю тебя, ékke dólli.
Лягушка, koráigi.
Лядвея, gjogingi.

M.

Маленькій, kínato.
Мало, tódu, galiltódu.*
Малъ (ростомъ), urtunatódu.
Масло (коровье), désski.
Мать, anéngi.
Мелководіе, éssi galílu.*
Медленно, nóre, noretái.
Мельница, gjúgi.
Мечеть, illi.
Membrum virile — gilitki.
Много, digri.
Могла, teégi.
Мой, нашъ, ándu.*
Мокрый, gjárgki.
Молятся, ssálligi.*
Молнія, farýkki.

Молодъ, ólgo, kinato.
Молоко, ikigi, itschigi.
Молотокъ, nawitki.
Молчи! kitete!
Море (Нилъ) ¹⁴⁾, bàchrki.*
Мука, поórtigi.
Муравей, górkí.
Муха, kúltigi.
Мѣсяць (тѣсто), kanissi.
Мѣсяць, scháhrki.*
Мѣдъ, nehásski.*
Мѣшокъ, telliski.
Мясо, kussúgi.

Н.

Нагой, uirigbu.
Награда, Lischáragi.
Наверху, dogógi.
Надувать (воздухомъ), ufúndu.
Небо, ssemégi.*
Небо (горгань), nit-kitki.
Невѣста, erkénekolgi.
Недовольный, gurebumai.
Недѣля, gumagi.*
Не знаю, oírmínni.
Никогда, kiidír-nalkóm.
Нитка, uúlgí.
Новый, eérki.
Нога, óssigi.
Ноготь, ssútigi.
Ножъ, kándigi.
Носъ, позря, sзoringi.
Ночь, ugúgi.
Нѣтъ! illa.*
Нѣтъ (арабское *mafisch*), dámnu.

¹⁴⁾ И по-арабски *Бахр* значить одинаково и море и Нилъ.

О.

Обжора, *digri-kállí* ¹⁵⁾.
Обезьяна, *girýdki*.
Облако, *nikigi*.
Обнимать, *doógo*.
Обрѣзанный, *meróssu*.
Овца блестя, *egéda leéngi*.
Огонь, *iki*.
Огурецъ, *tibischki*.
Одѣяло, *schugági*.
Ожерелье, *e'jen-arýki* ¹⁶⁾.
Окно, *taágagi*.
Окунуться, *kýddiri*.
Опрокинутый, *gelbe'bu, gelbóssu*.
Орелъ, *schibillégi*.
Оселъ, *hanúgi*.
Оспа, *gidrigi*.
Оставь! *talgó!*
Островъ, *aártigi*.
Остроконечный, *kokitóteru*.
Острый, *agisbu*.
Отруби, *gorégi*.
Отець, *imbábki*.

II.

Палатка, *ke'rrigi*.
Палець, *ssubági*.
Палка, *nabútki*.
Парусъ (большой), *gflági*.
Парусъ (малый: «trinquette»), *trinkítíi*.
Парь (vareur), *güssútigi*.
Паукъ, *óssi-digriko* ¹⁷⁾.
Пасти (скоть), *jagíwri*.

¹⁵⁾ Буквально — многозвѣщій.

¹⁶⁾ *e'ja, e'jéki* (въ Донгольскомъ Наръчин) — шея, *аруки* — бусы.

¹⁷⁾ *óssi* — нога, *digri* — много.

Передникъ ¹⁸⁾, *be'gi*.
Перецъ, *fi'silgi*.
Перо (птичье), *ri'schki*.
Перо (писчее), *ka'omgi*.
Песокъ, *ssiwgi*.
Печка, *tabungi*.
Письмо, *ka'atschbu*.
Пить, *niri*, *liniri* ¹⁹⁾.
Плавать, *bo'u*.
Плата, *are'kki*.
Плевать, *gjumbut'ki*.
Племянникъ, *amles-to'ki* ²⁰⁾.
Плотникъ, *berk-akailgi* ²¹⁾.
Пляшу, *aj abandi*.
Пляшешь, *err abandi*.
Поваръ, *ceukán-ogugi*.
Погоди! *ssabre!*
Подопва (ноги), *ossi-tugi*.
Подбородокъ, *ssame'gi*.
Подойти, *egittanóssu*.
Подушка, *gjegit'ki*.
Подыми! *ssókke!*
Позови! *úe, uetta!*
Покажи! *amýdde!*
Покупать, *bigjandi*.
Полный, *eenic'bu*.
Половина, *lagátti*.
Половодіе, *é'ssi-dulu* ²²⁾.
Попугай, *sesúr-de'sse*.
Порогъ (рѣчной), *are'gi*.
Порожній, *ssúdu*.
Портки, *libásski*.

-
- ¹⁸⁾ Передникъ изъ ремешковъ, употребляемый двумя лицами до замужства
¹⁹⁾ *bi* прибавленное къ началу глагола, соответствуетъ, кажется, арабскому *bi*, выражающему настоящее время.
²⁰⁾ *Ambe'ski* — братъ, *at'dki* — сынъ.
²¹⁾ *Berki* — дерево, *akailgi* — мастеръ.
²²⁾ *Essi* — вода, *dulu* — большой.

Послѣ, ahárrí.
Послѣ завтра, assál-uekági.
Постель, nebitki.
Потерянный, dabóssu.
Потолокъ, nukýlbu ²³⁾.
Потрохъ, dugússki.
Потъ, értigi.
Поцѣлуй, doogédri.
Почки, kilwakígi.
Пою (пѣсно), aj loóri.
Pterutium — giltági.
Приходи! tá!
Присягать, gjóddo.
Пришедшій, taimbúri.
Продавать, bigjanússuru.
Прыгать, uarri.
Птица, sesúrki.
Пупъ, sseeengi.
Пчела, sinnigi.
Пшеница, illégi.
Пыль, esskétki.
Пѣтухъ, dárkan-óndigi.
Пятка, óssin-agábki.

Р.

Работа, hidmegi.*
Работы нѣтъ! hidme' dámpu.
Рабъ, pugútki.
Рабыня, nogógi.
Радуга, ssímen-arátki.
Разбей! tógo!
Разбитый, tógbu.
Раздѣлить, hágossu.
Разорвать, origéssu.
Рана, kórkí.

²³⁾ Должно быть прилагательное: потолочный?

Ранить, schágbu.
Рано, golgónu.
Рвота, egrígi.
Ребро, okna-kidígi.
Ржание (лошади), jahínnini.
Ржание (осла), jahòngi.
Рогъ, nischiki.
Родиться, uskóssu.
Ротъ, agýlgi.
Рубаха, ka'éggi.
Ружье, bundúki.*
Рука, iigi.
Руль, deffági.*
Рыба, karégi.
Рѣка (вода), éssigi.
Рѣшето, garbángi.

С.

Сабля, ssiuitki.
Свадьба, bátigi.
Садись! tœgu!
Сажа, ssege'mgi.
Сákie ²⁴⁾, kolégi.
Салѣтка, orkéddi.
Самецъ, óndigi.
Самка, kággi.
Саранча, magági.
Свѣсить, ssolíkró.
Свѣтло, massílda ²⁵⁾.
Свѣча, schemáki.*
Сгибать, gjauírgi.
Сегодня, inungúgi.
Сердце, aági.

²⁴⁾ *Sákie* — водочерпательный снарядъ.

²⁵⁾ *Massilgi* — солнце, *dá* — есть.

Серебро, fáddagi.
Серьга, scheláscheli.
Сестра, anéssigi.
Сказка, kumági.
Скамья, ssurúgi.
Сколько? mukótire?
Скоро, bód.
Скорпионъ, ikkingi.
Скупой, deschscha, deschschám.
Сладкій, ingiri.
Сливки, gumbùtki.
Слуга, goásski, chaddámgi.
Слушай меня, ájgi gigírde.
Слеза, ormíssigi.
Слѣва, máintéru, maíngi.
Слѣпой, duguribbu.
Слюна, agýln-éssigi ²⁶⁾.
Смотри! nálu!
Сновидѣніе, ugunùti.
Снаружи, bókigi.
Снурокъ, oúlgí.
Собака, ue'lgí.
Солнце, massilgi.
Солома, ssíltigi.
Соль, umbùtki.
Сосокъ (грудн), érti-kóki.
Спина, gérki.
Споръ, dýdigi.
Справа, iintéru.
Спѣльный, karígbu.
Средина, ssele'gi.
Старый, durúgi.
Стебель (луropy), agégi.
Столъ, tablie'gi.
Стоя, kútteteb.
Страусъ, riischki.

²⁶⁾ *Agylgi* — ротъ, *éssigi* — вода.

Струпья (на головѣ), *guùbki*.
Стѣна, *díbki* ²⁷⁾.
Stuprage — *bideníri*.
Стрѣла, *nischábki*.
Ступай! *nógu!*
Сумасшедшій, *doóschu*, *doóschki*.
Сундукъ, *ssandúgi*.
Сухой, *konèdu*.
Сѣверъ, *kalúmgi*.
Сынъ, *atóki*.
Сырой (неваренный), *déssu*.
Сѣдло, *dagírki*.
Сѣмя (*sperma*), *garátki*.
Сѣять, *terárki*, *bittéri*.

Т.

Талисманъ, *hegjábki*,
Тамъ, *mándoru*.
Тамарих — *aradé'bki*.
Теленокъ, *tito-kínato* ²⁸⁾.
Темно, *núni*.
Теперь, *elékke*.
Терять, *dabóssu*.
Testiculus — *koukíki*.
Тихо, *nóre*.
Топоръ, *gambúgi*.
Трубка (у чубука), *dawa-kulúgi*.
Трутъ, *taámgi*.
Тряпка, *kadengúta*.
Тупой, *diíbu*.
Тѣло, *gittági*.
Тяжелый, *dúllo*.

²⁷⁾ *Díbki*, значить также крѣпость, замокъ.

²⁸⁾ *Tikóki* — корова, *kínato* — маленький.

У.

Уголь, ulútki.

Уголь (зажженный), kenétki.

Удавить, írige-golét.

Удочка, gjakárki.

Узелъ (связанный?), digírbu, digrössu ²⁹⁾.

Узкій, deiktódu.*

Украсить, de'go.

Укусъ (кислый?), náddi.

Усталый, marisbúri.

Утонуть, kúdossu.

Утка, kirkitáki.

Ухо, ulúki.

Учитель, ájgi-kurkýdil (?).

Ф.

Фантазія ³⁰⁾, bátigi.

Фасоль, ugútki.

Финиковое дерево, ombúgi.

Финикъ, bétti.

Х.

Хвостъ, ee'vgi.

Хлѣбъ, kálgi.

Хлѣбъ (въ видѣ лепешки), tobégi.

Хозяинъ, týrti.

Хозяинъ дома, ká-!ýrti.

Холодный, ótki.

Хромой, fóggor.

Худощавый, esseetódu.

Хѣнна ³¹⁾, kofregi.

²⁹⁾ Полагаю, что это скорее прилагательное, чѣмъ существительное имя.

³⁰⁾ *Фантазія* — публичное увеселеніе.

³¹⁾ *Lawsonia inermis*. L., употребляется для крашенія ногтей и ладо-
ней.

Ц.

Цвѣтокъ, kofrégi.
Цыновка, nibítki.
Цѣлое, kamilgi.

Ч.

Чалма, kassírki.
Часть, ssaági.*
Человѣкъ, id, ogíg, adémgi.*
Челюсть, agylna-kiítki³²⁾.
Червь, wugítki.
Черный, urúmme.
Чесать (gratter), kódi.
Чеснокъ, tòngi.*
Чечевица, neerki.
Чистый, nadiftódu.*
Чихать, ágini.
Чубукъ, dawági.*

Ш.

Шадуфъ³³⁾, kiég'.
Шерсть, ssiírki.
Шея, gumúrki.
Шипъ (тернъ), kiníssegi.
Широкій, loíjógi.
Шить, bunúgiri.
Шкуру снять, agíng-óssu.
Шушэ³⁴⁾, gutiagi.

Щ.

Щека, giakmigi.
Щекотать, kíkilli.
Щиколотка, korokádi.
Щипать, ssulúkiri.

32) *Agylgi* — ротъ, *kiítki* — кость.

33) Водочерпательный снарядъ въ родѣ нашего «журавля».

34) *Шушэ* означаетъ клочокъ волосъ, оставляемый жителями Востока на макушкѣ бритой головы.

Ю.

Югъ, ongógi.

Я.

Языкъ, ne'ki.

Яйцо, gaskáti.

Янтарь, massásski.

Ячмень, sseríngi.

Ящерица, áschigi.

Я голоденъ, aj orikbüri.

Я жажду, aj eritbüri.

Я сердитъ, aj salebüri.*

Я сплю, aj nerbüri.

Я усталъ, aj marislüri.

Мѣстоимѣнiя.

Я, aj, ájgi.

Ты, er, ékki.

Онъ, ter, mángi(?).

Мы, errgi, ajgi.

Вы, irrgi.

Они ³⁵⁾. —

Числительныя имена.

Одинъ, oégu.

Два, óu.

Три, tóssku.

Четыре, kémssu.

Пять, dikju, ditschju.

Шесть, górdju.

Семь, kólodu.

Восемь, jídu.

Девять, íssko.

Десять, dími.

³⁵⁾ Я никакъ не могъ добиться перевода этого слова у Фарага, не смотря на всѣ мои вопросы.

Одиннадцать, dimind'oègu.

Двѣнадцать, dimind'ou.

Двадцать, ági.

Двадцать-одинъ, árig'oègu.

Двадцать-два, árig'ou.

Числа отъ 30 до 90 включительно, выражаются по арабски.

Сто, imíl-oègu.

Двѣсти, imíl-ou.

Тысяча, elúf.*

Дни недѣли.

Суббота, kirakégi,

Воскресенье, ssamlégi.

Понедѣльникъ, etnéingi.*

Вторникъ, talatégi.*

Названія прочихъ дней тоже заимствованы изъ арабскаго,
съ прибавленіемъ окончанія *ki* или *gi*.

Фразы.

Я боюсь, ssarkimmi.

Ты боишься, aja ssarkýgi.

Онъ боится, era ssarkýna.

Я ѣмъ, aj bekállli.

Ты ѣшь, ajgo bekállli.

Онъ ѣстъ, ajgo kall(?).

Я ѣлъ, aj kaléssi.

Ты ѣлъ, ajgo kaléssi.

Я смѣюсь, aj lossùri.

Ты смѣешься, ajgo lossùri.

Я плачу, aj boíri.

Ты плачешь, ajgo boíri.

Два человѣка, ogíg (или id) ou.

Три человѣка, ogig tóssku.

Четыре человѣка, id (или ogíg) kémssou.

Пять дѣвицъ, burù dikju.

По чемъ это? mukótige?
Какъ твое имя? (арабское: *ismek éiah*) eki néra?
Зажги огонь, iik arúbe.
Закрѣпи веревку, íri digró.
Не закрѣпляй, bidigirmíni.
Я завтра женюсь, assálgi bédri.
Финики еще незрѣлы, bètti olgó karitsch kómnu.
Дай другой, átta ekélgí.
Другого нѣтъ, ekél dámnu.
Нѣтъ ему равнаго (арабск. *mafisch zèyhu*), tergalíg dámnu.
Есть подобный ему, (*fi zéyhu*), tergalíg dá.
Поди со мной, ájgo lo tà.
Пойду съ тобой, ájgo lo budjùri.
Отвори дверь, bàlki kussó
Затвори дверь, bàbki scherkó.
Какъ названіе этого мѣста? In aschéjgi néra?
У меня глазъ болитъ, amíssi ájga go lí.
У меня брюхо болитъ, tu ájga godí.
Надѣнь рубаху, kadé góndure
Понялъ ты? err gígirmá?
Я не понялъ, gígir kómni.
Я не умѣю плавать, bóu ájgo oirmínni.
Не пужно, hagémni.*
Это ничего, (арабск. *malech*) ué kámonu.
Нѣтъ извѣстій! chaárki * kómni.
Я говорю по-арабски, arabíge bubaindi.
Я не говорю по-арабски, arabíge bubaimínni.
Мнѣ не досугъ, aj fajgémni.*
Дѣвушка хороша, imburu tóngiln.
Не хочу, hagémni.
Онъ не хочетъ, ter hagémnu.
Я былъ въ деревнѣ, aj aschéj rëssi.
Я вчера ѣлъ баранну, ájgo uilli kálssi egétki.
Куда пошелъ твой сынъ? ató ssa gju?
Завтра приѣдемъ въ Уади-Хальфу, assálgi Vádi Halfa err kol-
jùri.
Сколько домовъ въ вашемъ селѣ? in aschéj irr ká mu-
kóteri?
Подай скорѣе немного воды, gowá* éssi tódig átta.

Скажите рейсу, чтобъ онъ завтра пришелъ, *Réis k'wétiru assálgi bitáři.*

Сколько тебѣ лѣтъ? (по арабски *imreek' viah*) *en umür * gja mukótere?*

Я нашелъ деньги и взялъ ихъ, *aj dugúgi gurelgi ingéssi.*

Я тебя видѣлъ въ Каирѣ, *ájki medíne nálssi* ³⁶⁾.

Эта барка дурна, *ikúb milli.*

У него много денегъ, *inína dugu digri.*

Ты женатъ? *err etbúna?*

Когда ты женишься? *Ssitáki bédri?*

Эта дѣвушка очень молода, *ímburu olgó kinatódu.*

У ней нѣтъ ни матери, ни отца, *ualla * tinéngi uállá Im-bábki kómnu* (арабскій оборотъ фразы).

У ней всѣ зубы сломаны, *nellg' amil toogigbúra.*

Я не умѣю плясать, *aj bátigi oírminni.*

Отецъ хорошій человекъ, *imkáb il adélu.*

Мать зла, *tinén dóbbu.*

Я очень устаю, *aj digri maristúri.*

Ступай, купи хлѣба и молока, *gji kálgo itschigo'digianítta.*

Я тебѣ завтра денегъ дамъ, *aj assálgi dugúgi ekibtirri.*

Въ Эснѣ всѣ женщины непогрѣбны, *Issn'erdé búru mály szogóssu.*

Я его увижу по возвращеніи, *uidéri wátti binállı.*

Крокодилъ ѣстъ дѣтей, *elúm afitoniga kállı.*

Есть у васъ хорошіе финики? *Enáj lett' adélt' dána?*

Отъ чего барка не идетъ? *kúl' ma táıme.*

Теперь идетъ хорошо, *elléki alléa táıni.*

Кто разорвалъ парусъ? *ni gilág orú?*

Мой домъ подъ горою, *ákka gebelna togóru.*

Не ходи близъ барокъ, *kúbly nawtir táıme.*

Покажи мнѣ языкъ твой? *en netk' amýdde.*

Умѣешь-ли пѣть? *err ooinná oówgi?*

Дурра еще не спѣла, *iw' olgó karitsch-kómnu.*

Если не пойдешь я тебя ударю, *err gju méki bigjómgu.*

Прійми столъ, *tabliég' ingé.*

³⁶⁾ Барабра заимствована у Египтянъ обыкновеніе называть Каиръ — *medine*, или *medinegi*, то есть «города» по преимуществу.

Умѣешь-ли писать? *err bátschigi oinna?*

Кто выучилъ тебя по-арабски? *neki arabige kurkýddu?*

Мнѣ нуженъ хорошій слуга, *aj chaddám • a'el uegi ha-*
gèri.

У меня голова очень болитъ, *an'uru digrig óldi.*

Моя деревня разрушена, *an aschêj charbébu.*

Я хочу чтобъ ты пошелъ со мною, *aj okki hagèri ájgo 'o*
gjù.

Я очень люблю эту хорошенькую дѣвочку, *aj imburtóki*
tongiltóki digri dólli.

Я вчера сломалъ чубукъ свой, *aj uilgi ánd' dawa•toókssi.*

Кто разбилъ твою трубку? *ni ánd' c'awá-kúlu toógu?*

Али разбилъ мою трубку, *Ali and' dáwa-kúfu toókssu.*

Кто тебя ударилъ по головѣ? *n'ekki úro gjómu?*

Жена меня ударила, *anèn ájge gjómssu.*

Мой домъ здѣсь, *ákka in'oru.*

Твой домъ гдѣ? *ékka ssáirre?*

Его домъ тамъ, *tékka mánc'oru* ³⁷⁾.

Я писалъ къ своему отцу, *aj' embábki bákissi* (выговаривается также *bátschissi*).

Ты писалъ къ своей матери, *err inéngi bakírssu.*

Онъ писалъ къ сестрѣ, *ter tenissi bakírssu.*

Куда ты идешь? *er ssái budjù?*

Куда онъ пошелъ? *ter ssái anù?*

У меня 13 человѣкъ, *anáj ogik diminde-tósski dá.*

У него хорошій домъ, *tenáj ká a'el verdá.*

У тебя добрый конь, *enáj kág addl verdá.*

Я вчера видѣлъ фантазію, *aj uilgi bátigi nálssi.*

Ты былъ на свадьбѣ? *irr (er?) bāti eressure?*

Онъ былъ въ деревнѣ, *ter aschêj rëssu.*

Мы пойдемъ въ Дэрръ, *árr Dërro budjuru.*

Вы возьмете весла, *err mukdáfki árué.*

Онъ возьметъ веревку, *tekón'irig árué.*

Я беру деньги, *aj dugùg bár:*

Кто взялъ деньги? *nin dugùg indjù?*

Пришелъ (одинъ) человѣкъ и взялъ, *id oer tár g'ingëssu.*

³⁷⁾ Эти три примѣра показываютъ, что послѣдняя буква мѣстоименій *aj* (я), *er* (ты), *ter* (онъ), перемѣняется въ первую букву слѣдующаго существительнаго: здѣсь изъ *aj* и *ka* (*kàki*), сдѣлано *ákka* и т. д.

Что, невеста хороша? erkenekól adeltó'e ma?
Много-ли было тамъ людей? mándo adém digri éssu?
Мушны пляшутъ съ женщинами, ogi buru igolu jabássa.
Пили вы тамъ пиво ³⁸⁾? irr mandó meríssagi nissúre?
Ъль ты что-нибудь? háge mukótti kalssúre? *
Нѣтъ не ъль! illà, kalkómni.
Женихъ скупъ, erkenekól déschcha.
Кончимъ здѣсь, indó chalssóssu.*

38) *Мэриса*— нубійское пиво, приготовленное чрезъ броженіе куурузной муки.

О ТОРГОВЫХ ПУТЯХЪ ПО КИТАЮ И ПОДВЛАСТНЫМЪ ЕМУ ВЛАДѢНІЯМЪ.

Иеромонаха Палладія Каваарова *.

І. ПУТИ ПО КИТАЮ.

Торговые пути пересекаютъ Китай во всѣхъ направленіяхъ, но здѣсь, какъ и во всемъ, что носитъ китайскій характеръ, еще многого не достаетъ для совершенства и удобства сообщеній. Первое, что поражаетъ европеѣца въ Китаѣ, есть недостатокъ искусственныхъ дорогъ, которыя хотя устроены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но не въ большомъ числѣ и то лишь въ пунктахъ важныхъ болѣе въ политическомъ, чѣмъ въ коммерческомъ отношеніи, преимущественно около столицъ:

Способы перевозки сухимъ путемъ. — Въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни рѣкъ, ни каналовъ, товары перевозятся на вьючномъ скотѣ, или переносятся носильщиками. Въ Китаѣ весьма мало лошадей; многочисленныя табуны монгольскіе назначены только для армій, и не расходуются по Китаю для другихъ потребностей; поэтому, для вьюковъ употребляютъ верблюдовъ, а чаще муловъ и ословъ. На всѣхъ дорогахъ по Китаю заведены становища для проѣзжающихъ купцовъ, гдѣ они нанимаютъ вьючный скотъ для перевозки своихъ товаровъ; въ мѣстахъ населенныхъ перемѣняютъ его часто; въ другихъ, на-примѣръ, отъ Желтой-Рѣки до Пекина, нанимаютъ его на весь переѣздъ. Товары перевозятся вьюками также у

* Нынѣ Архимандрита и Начальника Русской Духовной Миссіи въ Пекинѣ.

каналовъ и рѣкъ, когда онѣ бываютъ запружены судами съ хлѣбомъ, что весьма часто случается въ Южномъ—Китаѣ. Носильщики нанимаются для переноски товаровъ, преимущественно черезъ трудныя и опасныя мѣста: горы, ущелья, и т. п. Купцы нанимаютъ для себя крытыя рогожаныя, или холщевыя, носилки, которыя утѣждаются на сѣдлахъ двухъ муловъ, идущихъ одинъ за другимъ. Есть еще способъ переѣзда на одноколкахъ (объ одномъ колесѣ), которыя подвигаются сзади наемными крестьянами; эти телѣжки употребляются въ Южномъ—Китаѣ для недалежныхъ переѣздовъ и появляются въ Сѣверномъ съ прибытіемъ въ Пекинъ, изъ южныхъ губерній, студентовъ для экзамена. Близъ Пекина, со стороны Императорскаго—Канала, товары, доставляемые на судахъ, перегружаются на большія телѣги, въ пять и шесть муловъ, и отправляются на нихъ въ столицу.

Способы перевозки водой. — Водяныя сообщенія въ Китаѣ гораздо многочисленнѣе сухопутныхъ, но врядъ-ли справедливо пользуются громкою извѣстностью. Правда, что водянымъ путемъ сплавъ товаровъ удобнѣе и выгоднѣе перевоза сухимъ путемъ; но за то въ Китаѣ, больше чѣмъ въ другихъ странахъ, соединенъ онъ съ затрудненіями. Рѣки, въ теченіи своемъ, образуютъ извилины, удлиняющія путь; притомъ плаваніе удобно только внизъ по теченію рѣкъ, а вверхъ по водѣ, при быстротѣ китайскихъ рѣкъ, оно трудно и медленно; наконецъ, многія второстепенныя рѣки въ Китаѣ усѣяны опасными порогами и водоворотами, а Желтая-Рѣка, въ теченіи своемъ на востокъ, знаменита только наводненіями и опустошеніями, и въ—слѣдствіе песчаныхъ наносовъ и частаго измѣненія ложа, вовсе неудобна для плаванія. Самая замѣчательная и удобная для торговыхъ сообщеній рѣка въ Китаѣ есть *Линъ цзы-цзыкъ*; она соединяетъ западъ съ востокомъ и, пересѣкая Китай во всю его длину, служитъ проходной линіей для всѣхъ путей между сѣверомъ и югомъ. Искусственные каналы, устроенные въ Юговосточномъ—Китаѣ, особенно важны тѣмъ, что сообщаютъ между собою промышленныя и торговые городá. Что касается до Большаго, или Императорскаго, Канала, то первоначальное и главное назначеніе его есть доставка податнаго хлѣба изъ южныхъ хлѣбородныхъ губерній въ столицу. Китайскіе купцы также пользуются этимъ

путемъ, для перевоза своихъ товаровъ; однакожь часто предпочитаютъ переѣздъ моремъ, или сухопутный трактъ, потому что шлюзы на каналѣ, открываемые только въ определенное время, когда въ бассейнахъ накапливается достаточное количество воды, причиняють задержки; притомъ, въ зимніе мѣсяцы, плаваніе по каналу прекращается.

Китайскія суда и лодки. — Самыя общепотребительныя для перевозовъ суда въ Китаѣ суть хлѣбныя, на которыхъ сплавляется казенный хлѣбъ. Чиновники, непосредственно завѣдывающіе сплавомъ казеннаго хлѣба, находя гораздо выгоднѣе перевозъ частнаго груза, чѣмъ казеннаго, позволяютъ купцамъ грузить на эти суда и товары, иногда даже на половину больше чѣмъ хлѣба. Форма хлѣбныхъ судовъ, какъ и всѣхъ китайскихъ вообще, продолговато-квадратная; носъ тупой, корма высокая, на палубѣ устроены палатки изъ досокъ, замѣняющія каюты; мачтъ три: средняя — самая высокая, задняя — пониже, и передняя — еще ниже; паруса дѣлаются изъ цыновокъ. Носовой и кормчій большіею частію живутъ на суднѣ съ семействами. Чиновникъ, надзирающій за хлѣбомъ, занимаетъ среднюю каюту; затѣмъ, въ особыхъ отдѣленіяхъ, размѣщаются матросы и купцы. Грузъ всего судна обыкновенно простирается до 13,000 пудовъ (около 300 тоннъ). Изъ другихъ судовъ меньшаго размѣра, плавающихъ по рѣкамъ и около береговъ Китая, извѣстны: а) Цзянсійскія и Хугуанскія, со множествомъ подраздѣленій; вообще-же они отличаются одно отъ другаго формою своего корпуса (овальною или прямою), кормы и носа (усѣченнаго или сплюснутаго), палубными палатками (рогожаными или досчатыми), и проч.; б) легкія лодки, называемыя *хуа-цзы* и употребляемыя для скорого плаванія и переправы черезъ рѣки; в) лодки «ночныя», плавающія и ночью, что въ Китаѣ не въ обыкновеніи; г) лодки «теплыя», защищенныя отъ вѣтровъ и дождей, д) лодки «ракообразныя», узкія и длинныя, со множествомъ веселъ, употребляемыя въ контрабандѣ опиумомъ. У береговъ *Цзянь-нань*, гдѣ много мелей, плавають на судахъ плоскодонныхъ, тогда-какъ Чжаоцзянцы дѣлають суда съ выпуклымъ дномъ.

Внутреннія таможи. — На всѣхъ главныхъ путяхъ по Внутреннему Китаю устроены таможи. Кромѣ доходовъ, онѣ доставляютъ Китайскому Правительству средство противодѣй-

ствовать заграничной торговлѣ повышеиіемъ тарифа. Эго обстоятельство, какъ извѣстно, не ускользнуло отъ вниманія Англичанъ, послѣ послѣдней войны: въ Нанкинскомъ Трактатѣ они, между прочимъ, настояли и на томъ, чтобы Китайское Правительство не повышало пошлины на товары во внутреннихъ таможахъ. Доходы съ таможенъ опредѣленны, т. е. Правительство опредѣлило, какую сумму каждая таможня должна ежегодно доставлять въ Государственное Казначейство, предоставивъ себѣ право повышать эту сумму по усмотрѣнію, и вмѣстѣ-съ-тѣмъ установивъ тарифъ для всѣхъ провозимыхъ товаровъ; этимъ оно дало таможеннымъ чиновникамъ поводъ злоупотреблять своею властію и палатать на купцовъ лишніе поборы; въ каждой таможнѣ, всякій проѣзжающій купецъ долженъ платить пошлину съ надбавочнымъ вѣсомъ, напримеръ вмѣсто 28 рублей — 32, и сверхъ-того, расхотавать на мелкіе подарки до 3 р. сер. Кромѣ таможенъ, во всѣхъ частяхъ Китая есть множество заставъ, гдѣ проѣзжающіе купцы также должны вносить извѣстную плату. Впрочемъ, такъ-какъ злоупотребленія въ Китаѣ узаконены вѣковой практикой и навѣкомъ, и приведены въ общезвѣстную форму, то купцы уже привычны къ встрѣчамъ подобнаго рода и напередъ знаютъ, что гдѣ ожидаетъ ихъ, сколько нужно заплатить за пропускъ товаровъ безъ осмотра, и проч.; о чемъ они и отмѣчаютъ въ своихъ дорожникахъ.

Предразсудки Китайцевъ на-счетъ несчастныхъ дней. — Говоря о торговомъ классѣ Китая, нельзя оставить безъ замѣчанія суевѣрій его на-счетъ счастливыхъ и несчастныхъ дней, впрочемъ общаго ему со всѣми другими классами. У Китайцевъ, въ такомъ дѣлѣ какъ торговля, счастливые и несчастные дни играютъ важную роль, поэтому подробно исчислены въ Купеческомъ Дорожникѣ. Есть дни, въ которые опасно выѣзжать куда-бы то ни было, потому-что они находятся подъ вліяніемъ зловѣщихъ созвѣздіи, или злыхъ духовъ; или потому-что это дни рожденія какихъ-нибудь героевъ и ихъ святыхъ; есть и такіе дни, въ которые можно ѣхать только въ ту, а не въ другую страну свѣта, и т. п. Несчастныхъ дней въ году, по Купеческому Календарю, приходится ровно на половину.

Предшествующія замѣчанія составлены на основаніи Купеческихъ Дорожниковъ и Руководствъ. Изъ тѣхъ же источниковъ извлечены и предлагаемыя далѣе подробности о торговыхъ дорогахъ въ Китаѣ.

Главные торговые пункты и системы дорогъ въ Китаѣ. — Самые важные торговые пункты въ Китаѣ прилегаютъ къ бассейну *Янь-цзы-цзяна*. Изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія два: *Нанкинъ*, главный городъ Цзяннаньской губерніи, и *Ву-чанъ фу* — въ Хубэйской. Тотъ и другой расположены при *Янь-цзы-цзянѣ*, среди болотъ и озеръ, на той низменной равнинѣ, къ которой, можно сказать, стекаются и воды, и торговые люди Китая; оба также стоятъ на распутии двухъ системъ дорогъ между югомъ и сѣверомъ Китая: системы Нанкинской, или Восточной, и системы Хуаньской, или Западной.

Нанкинская система дорогъ. — Въ Нанкинской системѣ дорогъ извѣстны три главные пути, съ юга на сѣверъ: Кантонскій, или Мэйлинскій, которымъ сплавились въ Пекинъ англійскія и голландскія посольства; Береговой, извивающійся по морскому берегу и сообщающій приморскіе города и порты; и Фуцзяньскій, съ чайныхъ мѣсторожденій.

Кантонская дорога къ Нанкину. — Въ Кантонскій-Заливъ впадаютъ три рѣки, называемыя по странамъ, изъ которыхъ текутъ: Восточную, Сѣверную и Западную; Мэйлинскій-Путь идетъ вверхъ по Сѣверной-Рѣкѣ. Отъ Кантона ѣдутъ по ней на судахъ и лодкахъ 240 верстъ до города *Инь-дэ-сяня* довольно спокойно; далѣе, до самаго города *Шао-чжоу-фу*, на разстояніи 160 верстъ, попадается много опасныхъ пороговъ и стремнинъ, какъ обыкновенно бываетъ въ горныхъ рѣкахъ. Въ *Шао-чжоу-фу* устроена таможня. Отъ этого города считается 100 верстъ до мѣстечка *Цзянь-коу*, замѣчательнаго тѣмъ, что суда, сплавившія товары вверхъ по рѣкѣ до Мэйлинскихъ-Горъ, на обратномъ пути останавливаются здѣсь и нагружаются лѣсомъ и дровами, для сплава въ Кантонъ. Отъ *Цзянь-коу* не болѣе 70 верстъ до города *Нанъ-сюнь-фу*, послѣдняго на сѣверѣ Кантонской Губерніи. Здѣсь товары сгружаются на сушу и наемными носильщиками переносятся чрезъ Мэйлинскій — Хребетъ, отдѣляющій Кантонскую Губернію отъ Цзянсійской. Весь горный переходъ не болѣе 60 верстъ, счи-

тая разстояніе отъ вышепомянутаго города до *Нань-ань-фу*, перваго города Цзянсійской Губерніи съ юга. Здѣсь снова нанимаются суда, и товары сплавляются на нихъ внизъ по рѣкѣ *Чану* до *Нань-гань-фу*, главнаго города въ *Цзюнь-си*, на разстояніи 60 верстѣ; на первой половинѣ пути, по рѣкѣ попадаетса много пороговъ; въ одномъ мѣстѣ товары оплачиваются пошлиной. *Нань-гань-фу*, одинъ изъ самыхъ торговыхъ и промышленныхъ городовъ Китая, расположенъ на рѣкѣ *Чань*, впадающей псевдалекѣ отсюда въ озеро *По-ли*. Отъ этого города путь на сѣверъ раздвояется: одни продолжаютъ плыть на Нанкинъ черезъ озеро; другіе, для сокращенія пути, предпочитаютъ сухопутный трактъ, и, нанявъ въ *Нань-гань-фу* выючный скоть, отправляются западнѣе озера *По-ли*, переѣзжаютъ нѣсколько рѣкъ и черезъ 150 в. достигаютъ города *Цзю-цзюнь-фу*, что на правомъ берегу *Янь-цзы-цзюня*. Здѣсь также можно нанимать муловъ и ословъ, кому надобно ѣхать сухимъ путемъ, до самаго Пекина. По переправѣ черезъ *Янь-цзы-цзюнь*, дорога около 650 в. идетъ болѣею-частію губерніей *Ань-хой*, черезъ нѣсколько рѣкъ и по горнымъ мѣстамъ, до города *Сюй-чжоу-фу*, откуда, или озеромъ, или сухимъ путемъ, выѣзжаютъ на Нанкинскій Водяной Трактъ, оставивъ Нанкинъ позади верстахъ въ 250. Тѣ, которые отправляются изъ *Нань-гань-фу* водой, ѣдутъ на судахъ внизъ по рѣкѣ *Чану* 90 верстѣ до Большаго-Рынка, гдѣ входятъ въ озеро *По-ли*; плаваніе по озеру простирается на 90 в. до сѣвернаго устья его, которымъ оно соединяется съ *Янь-цзы-цзюномъ*; этимъ устьемъ суда входятъ въ рѣку и по теченію ея плывутъ на С.В. до самаго Нанкина; отъ устья *По-ли* считается 400 в. Всего отъ Кантона до Нанкина 1810 в.; изъ нихъ только 60 в. сухимъ путемъ, остальные же всѣ водой. Отъ Нанкина суда идутъ внизъ по теченію рѣки и, вступивъ въ Императорскій-Каналъ, у города *Янь-чжоу*, въ 90 верстахъ отъ Нанкина, выѣзжаютъ на Фуцзянскій Трактъ.

Береговая Кантонская дорога.—Береговой трактъ, отъ Кантона на сѣверъ, не ведетъ прямо на Нанкинъ, а состоитъ изъ частныхъ сообщеній между приморскими городами; преимущественно-же этимъ путемъ посѣщаютъ торговые приморскіе порты. Онъ идетъ кривой линіей, слѣдуя направленію берега и видѣ огибая ненаселенныя мѣста. Дорога отъ Кан-

тна до города *Чань-чжоу*, находящагося противъ порта *Ся-мынь (Амой)*, удаляется отъ берега и идетъ частію Восточной-Рѣкой, частію сухимъ путемъ, на разстояніи 1060 в. Отъ *Чань-чжоу* до города и порта *Фу-чжоу-фу* берегомъ 330 верстъ. Отселѣ до города и порта *Нинь-бо-фу* берегомъ же 750 верстъ, частію сухимъ путемъ, частію водой. Отъ *Нинь-бо-фу* до послѣдняго порта и города *Шань-хал* береговой трактъ идетъ на *Хань-чжоу*, рѣками и каналами, а отсюда, также водой, до *Шань-хал*, на разстояніи 470 в. Всего отъ Канта до *Шань-хал*, береговымъ путемъ, 2610 верстъ.

Фуцзяньская Дорога.— Между Мэйлипскимъ и Береговымъ путемъ простирается сѣтъ поперечныхъ и продольныхъ дорогъ, соединяющихъ между собою замѣчательныя мѣста этой страны, богатой чаями, шелкомъ и другими произведеніями. Та, которая идетъ отъ *Фу-чжоу-фу* на сѣверъ, есть самая важная, такъ-какъ къ ней примыкають, или соединяются съ нею, другіе пути, преимущественно съ чайныхъ плантацій и отъ мануфактурныхъ городовъ. Эта дорога не отличается ни какими удобствами; напротивъ, едва-ли какаѣ-либо другая дорога въ Китаѣ представляетъ столько затрудненій и опасностей для проѣзжающихъ, какъ этотъ Фуцзяньскій Трактъ. Онъ начинается въ городѣ и портѣ *Фу-чжоу-фу*, гдѣ садятся на суда и ѣдутъ вверхъ по рѣкѣ *Ву-луи-цзю*, на западъ, 110 в. до мѣстечка *Шуй-коу*; здѣсь многіе сгружаются на берегъ и отправляются далѣе сухимъ путемъ, не удаляясь отъ рѣки; и хотя этотъ путь чрезвычайно гористъ, труденъ и далѣе рѣчнаго, однакожъ предпочитаютъ его, потому-что плаваніе по рѣкѣ, особенно вверхъ, сопряжено съ большими опасностями; рѣка усѣяна порогами и стремнинами, такъ-что судовщикамъ надобно имѣть большую опытность и умѣнье, чтобы лавировать между ними; ѣдущіе по берегу, для переноски товаровъ, нанимають посыльщикоу на 300 в. до *Пу-гень-саня*, городка, гдѣ окапывается и водяной путь; а суда плывутъ вверхъ по рѣкѣ на С.С.З., около 80 в., до города *Янь-пинь-фу*, среди быстринь и пороговъ; особенно опасенъ порогъ, называемый «Стрѣльчатымъ», въ 50 верстахъ отъ *Шуй-коу*, гдѣ дно усѣяно камнями и теченіе воды чрезвычайно быстро: при неосторожности судовщикоу, суда разбиваются здѣсь въ щепы. Отъ *Янь-пинь-фу* суда плывутъ сна-

чала на сѣверъ, потомъ на С.В.; въ 5 верстахъ отъ помяну- таго города есть порогъ, извѣстный подъ именемъ «Темнаго», самое знаменитое по опасностямъ мѣсто въ рѣкѣ *Ву-лунъ-цзянъ*; проѣзжающіе приносятъ здѣсь жертву духамъ. Отъ *Янь-пинъ-фу* до *Пу-чона*, водой, считается 220 верстъ; на всемъ этомъ протяженіи, рѣка также усѣяна порогами; одинъ изъ самыхъ опасныхъ, называемый «Крысьнимъ», находится верстахъ въ 25 доѣзжая до *Пу-чона*. Всего отъ *Фу-чжоу-фу* до *Пу-чона* 410 верстъ; это пространство внизъ по теченію рѣки проѣзжаютъ дней въ 6, а вверхъ по рѣкѣ — не менѣе какъ въ 17 или 18 дней. Отъ *Пу-чона*, далѣе на сѣверъ, идетъ сухопутный трактъ черезъ горы, отдѣляющія губернію *Фу-цзянъ* отъ Чже- цзянской; въ мѣстечкѣ *Цинъ-ху-чжень* (Чжецзянской Губерніи), во 100 съ небольшимъ верстахъ отъ *Пу-чона*, сухопутный трактъ прекращается и товары снова нагружаются на суда. Наем- ные носильщики переносятъ багажъ черезъ горы въ три дня, съ платою по 1 р. сер. за три пуда тяжести. Отъ *Цинъ-ху-чжени* плывутъ внизъ по небольшой рѣкѣ до города *Цюй-чжоу*, на разстояніи 56 верстъ (сухимъ путемъ только 40 в.), гдѣ вхо- дятъ въ рѣку *Цанъ-танъ*, по которой прибываютъ въ *Ханъ- чжоу*; въ случаѣ медководія въ Цинхучженской рѣкѣ, на- нимаютъ здѣсь небольшія лодки до *Цюй-чжоу* и въ этомъ-по- слѣднемъ перегружаются на суда. *Ханъ-чжоу* отстоитъ отъ *Цинъ-ху-чжени* въ 340 верстахъ. Небольшая рѣка, о которой упомянуто выше, во время лѣтнихъ жаровъ, мелѣетъ въ нѣ- которыхъ мѣстахъ, въ другихъ стѣняется скалами, а индѣ усѣяна порогами; поэтому многіе предпочитаютъ сухопутный трактъ, тѣмъ-болѣе что онъ короче водянаго. Отъ *Цинъ-ху* до *Ханъ-чжоу* плывутъ шесть дней; столько-же и въ обрат- ный путь. Проѣзжающіе купцы останавливаются обыкновенно на станціи *Цзянъ-коу*. По сѣверную сторону города, въ 5 вер- стахъ отъ него, находится знаменитая во всемъ торговомъ Китаѣ таможня *Бэй-синъ-гуанъ*, т. е. Сѣверная Новая Таможня; здѣсь оплачиваются пошлиной всѣ товары, провозимые съ юга на сѣверъ: чай, ткани и другія естественныя и мануфактурныя произведенія Юговосточнаго-Китая, равно-какъ и статьи загра- ничнаго привоза. Чтобъ избѣжать выгрузки товаровъ, купцы или отправляютъ со станціи въ таможню факторовъ, которые предъявляютъ чиновникамъ количество и качество товаровъ

своихъ довѣрителей, или сами отправляются въ таможенную съ фактурами и, при помощи подарковъ, избавляютъ свой багажъ отъ наличнаго разбора.

Примѣчаніе. Для образца, предлагается здѣсь списокъ торговыхъ статей, съ показаніемъ количества пошлины, вносимой за нихъ въ Бѣйсиньгуаньской Таможнѣ; замѣтимъ при этомъ, что въ китайскомъ вѣсѣ: Гинь (собственно *Гинь* или *Цзинь*, у Западныхъ Европейцевъ *catty*) равняется 1 фунту 36 золот. $39\frac{21}{20}$ долямъ; Лана (собственно *Лань*, у Запад. Европейцевъ *tael, talé*) 16-ая часть гинна = 2 р. $15\frac{14}{20}$ к. сер.; Чинь (собств. *Цинь* у Запад. Европ. *taise*) 10-ая часть ланы = $21\frac{16}{20}$ к. сер.; Фынъ (собственно *фынъ*, у Запад. Европ. *sandarine*) 10 часть чинна = $2\frac{9}{33}$ к. сер.; *ли* = $\frac{25}{116}$ к. с.; *хао* = $\frac{5}{232}$ к. с.; *сы* = $\frac{1}{184}$ к. сер.

Кусокъ *атласа*: пошлины — 1 чинъ 3 фына 8 ли. Тоже и сырцовыя ткани.

Кусокъ *бархату*: — 1 ч. 1 ф. 4 ли.

Кусокъ *простой тафты*: — 3 ф. 4 ли, 2 хао.

Кусокъ *цвѣтной тафты*: — 2 ф. 5 ли, 6 хао.

Кусокъ *фл.ѣру*: — 1 ф. 7 ли, 8 сы.

Кусокъ *пемьковаго холста*: — 6 ли, 8 хао.

Кусокъ *бумажнаго холста*: — 5 ли, 8 хао.

Кусокъ *льнянаго холста*: — 6 ли, 8 хао.

Кусокъ *ткацкаво холста*: — 8 ли, 5 хао, 6 ли.

Пара *шелковыхъ сапоговъ*: — 1 ф. 2 ли.

Пара *холщевыхъ сапоговъ*: — 4 ли.

Гнѣзда *саланганы* (ласточквы), за гинь: — 1 ф. 3 ли, 6 хао.

Ладонъ, за гинь: — 2 ли.

Янтарь, за гинь: — 1 ч. 2 фына.

Издѣлія изъ *слоновой кости*, за гинь: — 2 фына.

Балбуковья столовья палочки, за десятокъ: — 4 ли.

Гребни, за сотню: — 1 ф. 2 ли.

Золото въ листахъ, за сто листовъ: — 1 ч. 2 ф.

Въера золотеные, за десятокъ: — 8 ли.

Въера, наведенные золотомъ, за десятокъ: — 4 ли.

Бѣлые въера, за десятокъ: — 8 хао.

Перувианскій бальзамъ, за гинь: — 8 хао.

Варенья и сласти, за сто гиновъ: — 2 ф. 6 ли, 8 хао.

Табакъ, за гинь: — 1 ф. 9 ли.

Чай, за гинь: — 2 лп.

Корень *Жень-шеня*, за гинь: — 1 ч. 4 лп.

Ревень, за сто гинь: — 2 ланы, 4 фына.

Клей, черепаший и другой, за сто гинь: — 4 чина.

Для дальнѣйшаго плаванія, купцы нанимають въ *Хань-чжоу* суда до *Янь-чжоу*, отстоящаго отсель въ 400 верстахъ. Изъ судовъ предпочитаютъ мелкія, дабы удобнѣе было проходить по рѣчкамъ и каналамъ, запруженнымъ судами. За одно мелкое судно, или лодку, до *Янь-чжоу* платять отъ 4 до 6 руб. сер., не включая расходовъ на харчи лодочникамъ. До *Янь-чжоу* — 5 или 6 дней пути. Отъ станціи *Цзюнь-коу* до таможи считается 15 верстъ; суда, нанятые въ городъ, проходятъ къ ней или черезъ Западное-Озеро, или каналомъ черезъ городъ; иные нанимають суда у самой таможни, сплавая къ ней товары на лодкахъ показанными выше путями. Отъ таможни до *Су-чжоу*, другаго важнѣйшаго города Южнаго-Китая, считается 175 верстъ. Этотъ городъ принадлежитъ губерніи *Цзюнь-фу*; въ 5 верстахъ отъ него на югъ, проѣзжаютъ знаменитымъ каменнымъ мостомъ, имѣющимъ около 70 сажень въ-длину. Въ 15 верстахъ на сѣверъ, товары снова оплачиваются пошлиной. Далѣе, путь идетъ къ *Чжень-цзюнь-фу*, городу расположенному на правомъ берегу *Янь-цзы-цзяна*. За 15 верстъ до него, есть мѣстечко *Дань-ту*, гдѣ зимой, отъ убыли воды въ рѣчкѣ служащей каналомъ, товары перегружаются съ судовъ на лодки. Отъ *Су-чжоу* до *Чжень-цзюнь-фу* считается 192 версты. Отъ станціи, на которой останавливаются купцы, 5 верстъ до берега *Янь-цзы-цзяна*, гдѣ переправляются черезъ него; рѣка въ этомъ мѣстѣ шириною 5 верстъ; переправа совершается раннимъ утромъ, во время заштыя, потому-что съ полудня начинается вѣтеръ и на рѣкѣ поднимаются сильныя волны. Для переправы нанимають небольшія лодки, съ платою по 8 или 10 коп. сер. за каждую. На противоположномъ берегу суда пристають у города *Гуа-чжоу*, извѣстнаго по своему огромному рынку. Отсюда, вверхъ по *Янь-цзы-цзяну*, не далеко до Нанкина, а до *Янь-чжоу-фу*, гдѣ сходится дорога изъ Нанкина, всего только 20 верстъ; проѣхавъ мимо *Гуа-чжоу*, суда Трехъ-шлюзнымъ Каналомъ вступаютъ въ Императорскій и прибываютъ въ *Янь-чжоу-фу*.

Нанкинскіе пути къ Пекину. — Въ этомъ-последнемъ городѣ, какъ уже сказано, соединяются дороги Кантонская и Фуцзяньская, и проходятъ товары изъ всѣхъ мѣстъ которыхъ касаются непосредственно эти два главные пути. Товары оплачиваются пошлиной. Купцы рѣшаютъ здѣсь выборъ дальнѣйшаго пути на сѣверъ, смотря по времени года, или по своимъ надобностямъ. Одни нанимаютъ муловъ и ословъ, и сухимъ путемъ отправляются въ Пекинъ. Другіе, что всего чаще, нанимаютъ вьючный скотъ въ *Цинь-цзянь-ту*, на Желтой-Рѣкѣ, во 170 верстахъ отъ *Янь-чжоу-фу* на сѣверъ, гдѣ наемъ скота гораздо дешевле; а туда плывутъ на небольшихъ лодкахъ, по каналу; этотъ способъ гораздо удобнѣе, потому что сухой путь до Желтой-Рѣки труднѣе и дальше водянаго однимъ днемъ; притомъ, при переправѣ черезъ Желтую-Рѣку, надобно платить и за переправу вьючнаго скота. Наконецъ, третьи отправляются каналомъ, который расходится съ сухопутнымъ трактомъ у города *Хуай-аня*; отъ *Янь-чжоу-фу* со сего города плывутъ древнимъ каналомъ, соединяющимъ Желтую-Рѣку съ *Янь-цзы-цзянгомъ*. Отъ *Хуай-аня* 20 верстъ до рынка *Цинь-цзянь-ту*, гдѣ переправа. Здѣсь дорога снова раздѣляется на двѣ: одна идетъ каналомъ, направо отъ перевоза; другая, налѣво отъ него — сухимъ путемъ.

Нанкинская дорога въ Пекинъ водой. — Отъ *Цинь-цзянь-ту* ѣдутъ каналомъ 200 верстъ до станціи *Цзэ-гоу*, гдѣ вступаютъ въ Шаньдунскую Губернію, и гдѣ также начинаются шлюзы. Отъ шлюза *Цзэ-гоу* до Наньванскаго 210 верстъ; на этомъ пространствѣ устроено 22 шлюза; Наньванскій замѣчательнѣе своимъ центральнымъ положеніемъ; съ этого, относительно возвышеннаго, пункта воды канала принимаютъ различное направленіе: къ Нанкину на югъ, и къ Пекину на сѣверъ; рѣчка *Вынъ*, соединяясь съ каналомъ, раздѣляетъ свои воды также на два русла: южное и сѣверное. Вообще, склонъ на югъ простирается до самаго *Гуа-чжоу* или до *Янь-цзы-цзяна*, и каналъ, пересѣкая Желтую-Рѣку, уноситъ мутныя воды ея далеко на югъ; а отъ *Янь-цзы-цзяна*, вплоть до *Хань-чжоу*, стелется равнина съ тихими и ровными водами. Теченіе воды отъ Наньванскаго шлюза на сѣверъ простирается до самаго *Тань-цзиня*. У *Линь-цзинь-чжоу*, послѣдняго города Шаньдунской

Губерніи, шлюзы прекращаются; отъ Наньванскаго доселѣ считаются 72 шлюза, на пространствѣ 178 верстѣ. Здѣсь каналъ входитъ въ рѣку *Вэй*, по которой суда и доходятъ къ *Тань-цзиню*. Такимъ-образомъ каналъ, съ 92 шлюзами, собственно говоря, проходитъ только Шаньдунской Губерніей. Судя по количеству шлюзовъ по сѣверную и по южную сторону Наньванскаго, и сравнительному протяженію, на которомъ они устроены, легко замѣтить, что склонъ и теченіе воды на сѣверъ несравненно быстрѣе, чѣмъ на югъ. Отъ медленнаго теченія канала на югъ, происходитъ то, что нѣкоторые шлюзы, по недостаточному количеству воды въ бассейнахъ, отворяются только черезъ дежъ; въ противномъ случаѣ, дно канала, обнажившись, могло-бы повредиться. *Линь-цзинь-чжоу* есть торговый городъ, у котораго купеческія суда стоятъ, или плывутъ, цѣлыми рядами. Всѣ провозимые здѣсь товары складываются на Котельномъ-Рынкѣ и оплачиваются пошлиной. Отселѣ до *Тань-цзиня* 474 версты; за 105 верстѣ до этого города есть сухонутный трактъ въ Пекинъ, посѣщаемый въ зимнее время. *Тань-цзинь* есть пунктъ весьма важный въ торговомъ отношеніи; здѣсь сходятся два пути: каботажный—моремъ, и путь каналомъ; товары, какъ китайскіе, такъ и заграничные, стекаются на здѣшнюю пристань во множествѣ и весьма здѣсь дешево. Привозные товары оплачиваются пошлиной. Отъ *Тань-цзиня* къ Пекину ѣдутъ или сухимъ путемъ, или на судахъ вверхъ по рѣкѣ *Бай-хэ* до пристани *Чжань-цзя-вань* — 150 верстѣ (сухимъ путемъ только 92 в.). Суда съ казеннымъ хлѣбомъ, не сгружаясь въ помянутой пристани, идутъ до *Тунь-джоу*, отстоящаго отъ нея въ 8 верстахъ; а отсюда казенный хлѣбъ перегружается на меншія суда и сплавляется въ Пекинъ каналомъ съ глухими шлюзами, проведеннымъ изъ столицы въ *Бай-хэ*. Что касается до купеческихъ товаровъ, то они сгружаются на сушу, болѣею частію еще въ *Чжань-цзя-вани*. Отъ этого мѣста расходятся дороги въ разныя стороны: одна идетъ къ *Калгану* на С.З.; другая — въ восточныя ворота Пекина (въ 27 в.); третья — въ юговосточныя ворота его (также въ 27 в.); четвертая, называемая Шаньсійской — въ восточныя ворота купеческой половины столицы. Для провоза своихъ товаровъ въ столицу, купцы нанимаютъ

большія двухколесныя телѣги, въ которыхъ помѣщается отъ 30 до 66 пудовъ кладн.

Нанкинскій сухопутный трактъ въ Пекинѣ. — Сухопутный трактъ отъ *Цинь-цзянь-пу* начинается по переправѣ черезъ Желтую-Рѣку, въ слободѣ *Вань-цзя-инь*, которая отдѣляется отъ *Цинь-цзянь-пу* только рѣкой, на разстояніи 2 версты. Нанявъ здѣсь муловъ, ословъ и носилки, отправляются вверхъ по берегу рѣки, болѣею частію по береговымъ плотинамъ, до городка *Сюй-цзянь-сян*, отстоящаго отъ *Вань-цзя-ина* въ 82 верстахъ на С.З. Эти прибрежныя мѣста представляютъ пустынную и ненаселенную равнину, гдѣ проѣзжающіе купцы не встрѣчаютъ гостинницъ, столь частыхъ на другихъ дорогахъ, и принуждены останавливаться въ бѣдныхъ хижинахъ, построенныхъ изъ тростника. Такъ-какъ Желтая-Рѣка часто мѣняетъ свое ложе, приближаясь то къ тому, то къ другому берегу; то и нѣтъ здѣсь проложенной и постоянной дороги. Далѣе, на сѣверъ, тянутся ряды низкихъ холмовъ и насыпей; значительныя возвышенія встрѣчаются уже версты черезъ 70. Во время дождей, когда Желтая-Рѣка выступаетъ изъ береговъ и затопляетъ окрестности, сообщенія прекращаются и проѣзжіе принуждены дѣлать дальніе объѣзды. У *Су-цзянь-сян* сухопутный трактъ встрѣчается съ каналомъ и идетъ восточнѣе его. Въ 54 верстахъ отъ *Су-цзянь-сян*, вступаютъ въ Шаньдунскую Губернію; отседѣ 113 версты до городка *Пань-Чэна*, гдѣ начинается горная дорога, простирающаяся на 252 версты до деревни *Мань-цунь*. Отъ *Мань-цуня* во 130 верстахъ, у города *Дэ-чжоу*, что на границѣ Чжилійской Губерніи, сухопутный трактъ снова встрѣчается съ каналомъ и, пересѣкши его, идетъ уже западнѣе. Далѣе, 260 версты до *Чжо-чжоу*, города нѣкогда славнаго, а нынѣ замѣчательнаго лишь тѣмъ, что болѣея часть дорогъ изъ южныхъ и западныхъ губерній въ столицу соединяются въ немъ. Отъ *Чжо-чжоу* 50 версты до моста *Лу-гоу-цзо*, построеннаго черезъ рѣку *Сань-гань-хэ*, а отъ моста 15 в. до западныхъ воротъ Купеческаго Города при Пекинѣ.

Всей дороги отъ Нанкина до Пекина: Каналомъ — 1512, а сухимъ путемъ — 1218 версты. Отъ Кантона до Пекина считается 3322 версты.

Хугуанская система дорогъ. — Въ Хугуанской системѣ дорогъ, городъ *Ву-чанъ-фу* служитъ центромъ, къ которому идутъ пути со всѣхъ частей Китая. Этотъ городъ, нынѣ главный въ Хубэйской Губерніи, расположенъ на правомъ берегу *Янь-цзы-цзана*; противъ него, на другомъ, западномъ или лѣвомъ берегу рѣки, стоитъ городъ *Хань-лянъ*, названный такъ отъ рѣкъ *Ханъ* и *Янь*, которыя, соединившись здѣсь, впадаютъ въ *Янь-цзы-цзанъ*; устье ихъ называется *Хань-коу* (устьемъ рѣки *Ханъ*); образовавшаяся здѣсь торговая слобода, называемая, по мѣсту, также *Хань-коу*, извѣстна во всемъ купеческомъ мірѣ китайскомъ, и столько же славна своимъ рынкомъ, на которомъ изобилуютъ произведенія всѣхъ губерній Китая, какъ и Бэйсиньгуанская Таможня.

Хугуанская дорога изъ Сы-чуани. — Съ запада на *Хань-коу* идетъ путь изъ самыхъ отдаленныхъ частей Западнаго-Китая и изъ Сычуаньскаго города *Чонъ-ду-фу* — рѣкою *Янь-цзы-цзаномъ*. Верховья этой рѣки довольно опасны; во многихъ мѣстахъ, воды ея, стѣсняемая скалами, представляютъ быстрины, а индѣ встрѣчаются и пороги; однакожъ трудности плаванія, особенно вверхъ по рѣкѣ, и дальній путь по ней, не останавливаютъ предприимчивыхъ купцевъ и не препятствуютъ имъ посѣщать западъ Китая, богатый металлами, чаемъ и шелкомъ.

Хугуанская дорога изъ Юнь-нани. — Съ юго-запада идетъ на *Хань-коу* сухопутный трактъ изъ *Юнь-нани*, черезъ Губернію *Гуй-чжоу*, индѣ дикими мѣстами, черезъ горы, и вообще сопряженный часто съ большими затрудненіями и опасностями. У города *Ли-чжоу*, въ 1233 верстахъ отъ *Юнь-нани*, дорога раздѣляется на двѣ: одна идетъ прямо на сѣверъ, къ *Янь-цзы-цзану*, который находится отсель только въ 125 верстахъ; другая склоняется на востокъ, къ озеру *Дунъ-тинъ-ху*, и потомъ соединяется съ первой дорогой у *Янь-цзы-цзана*, которымъ и спускаются на судахъ къ *Хань-коу*, или, переѣхавъ его, отправляются далѣе къ *Сянъ-лю*, который отстоитъ отсель въ 237 верстахъ.

Хугуанская дорога изъ Гуанъ-си. — Съ юга, на *Ву-чанъ-фу* есть водяной путь изъ губерніи *Гуанъ-си*. Отъ главнаго города ея *Гуй-лингъ-фу* суда плывутъ на сѣверъ 870 в. по рѣкѣ *Сянъ-цзану*, потомъ 110 в. озеромъ *Дунъ-тинъ-ху* и, наконецъ, по *Янь-цзы-цзану* до *Хань-коу* — 250 верстъ.

Отъ *Хань коу* на сѣверъ идутъ два пути: одинъ — въ Пекинъ и весь Сѣверный-Китай, другой — въ *Си-ань-фу* и прочіе сѣверо-западные города Китая.

Хугуанская дорога въ Пекинъ. — Купцы отправляются въ столицу сухопутнымъ трактомъ, на наемномъ вьючномъ скотѣ; во 165 верстахъ отъ *Хань-коу*, у заставы *Ву-шенъ-гуань*, что на границѣ Хэнаньской Губерніи, начинается тѣсная и трудная дорога по горамъ и черезъ множество горныхъ потоковъ, на разстояніи 45 в., до города *Синь-ля*; далѣе идутъ 370 в. Хэнаньской Губерніей до Желтой-Рѣки; при переправѣ черезъ нее, за cadaго вьючнаго мула платятъ по 10 коп. сер. Отъ перевоза считается 84 в. до *Вэй-хой-фу*, одного изъ самыхъ торговыхъ городовъ въ Китаѣ; по центральному положенію своему, онъ служитъ какъ-бы факторіей въ торговлѣ между югомъ и сѣверомъ, сѣверозападомъ и сѣверовостокомъ Китая. Отъ этого города до границы Чжидэйской Губерніи — 145 в.; далѣе 208 в. до *Чжэнъ-динъ-фу*, города черезъ который проходитъ дорога изъ столицы въ Западныя Губерніи. Отселѣ на С.В. 142 в. до *Бао-динъ-фу*, потомъ 95 в. до *Чжэ-чжэу*, гдѣ сходится сухопутный трактъ изъ Нанкина; далѣе 65 в. до Пекина. Всего отъ *Ву-ганъ-фу* до столицы — 1319 верствъ.

Хугуанская дорога въ сѣверозападные города Китая. — Отъ *Хань-коу* на С.З. дорога идетъ на городъ *Сянь-ля*, отстоящій отъ оной въ 365 верстахъ. Отъ *Сянь-ля* далѣе двѣ дороги: одна — къ *Си-ань-фу*, въ *Шань-си*, другая — въ *Гань-су*. Идущіе въ *Си-ань-фу*, плывутъ на судахъ вверхъ по рѣкѣ *Хань* 90 в. до городка *Гуанъ-хуа*, а отсюда сухимъ путемъ 467 в. до *Си-ань-фу*. — По другой дорогѣ, отъ *Сянь-ля* плывутъ вверхъ по рѣкѣ *Хань* 1130 в., до городка *Мань-сянъ*, гдѣ пересѣкаютъ прямую дорогу изъ *Си-гу-ани* на сѣверъ; отселѣ 80 в. сухаго пути до переправы черезъ рѣку *Цзю-линь*, отдѣляющую *Шань-си* отъ *Гань-су*; далѣе 335 в. до города *Гунъ-ганъ-фу*. Изъ *Мань-сянъ* доселѣ идутъ большею частію горными ложами, хотя этотъ путь и труденъ; лѣтомъ и осадью ложа отъ дождей наводняются, а зимой дорога дѣлается скользкою. Купцы, идущіе въ *Си-гуанъ* съ товарами, или для закупки ихъ въ этой губерніи, осенью и зимой отправляются изъ *Сянь-ля* на югъ къ *Янь-цзы-цзыку*, и на наемныхъ судахъ плывутъ вверхъ по этой рѣкѣ; а весной и лѣ-

томъ, во время разлива рѣкъ, отправляются на небольшихъ лодкахъ по рѣкѣ Ханъ въ Мянъ-сянъ, отсюда сухимъ путемъ на западъ къ Яннинской-Заставѣ и, сѣвши здѣсь снова на суда, плывутъ по рѣкѣ Цзэ-лину въ Сы-чуань.

Дорога изъ Си-ань-фу въ Гунъ-чанъ-фу. — Въ Гунъ-чанъ-фу, Сянъянскій Трактъ соединяется съ дорогой изъ Си-ань-фу на западъ. Изъ этого послѣдняго города дорога идетъ сначала 157 в. до Ци-шанъ-сянъ, гдѣ встрѣчается дорога изъ Сы-чуани въ Си-ань-фу; потомъ до Луннихъ-Горъ 85 в., а отсель 300 в. до Гунъ-чанъ-фу.

Дорога изъ Сы-чуани въ Си-ань-фу. — Изъ Сы-чуани идетъ особый трактъ на сѣверъ къ Си-ань-фу. Отъ Чанъ-ду-фу ѣдутъ сухимъ путемъ 560 в. до Чаодунскаго-Хребта; далѣе дорога пролегаетъ, на разстояніи 65 в., среди его отроговъ, до Удинскаго-Ущелья, откуда 75 в., также горами, до Мянъ-сянъ; изъ этого перекрестнаго мѣста идутъ дороги: въ Гунъ-чанъ-фу на С.З., въ Сянъ-янъ на В., и въ Синъ-фу на С.; по послѣдней, отъ Мянъ-сянъ 40 в. до города Бао-чэна. Далѣе, въ 4 верстахъ отъ него, начинается знаменитый переѣздъ по Мостовой Дорогѣ, проложенной по вершинамъ горнаго хребта, на протяженіи 160 в., въ направленіи на С.З. Она названа такъ потому, что обложена деревомъ, и что черезъ горныя обрывы перекинуты деревянные мосты; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заведены гостиницы, въ другихъ замѣняютъ ихъ горныя пещеры, гдѣ крестьяне, разведя огонь, ожидаютъ проезжающихъ. Дорога дѣлается ровною уже въ 240 в. отъ Бао-чэна, у городка Фынъ-сянъ; отсель на протяженіи 70 в. путь идетъ на востокъ по другой мостовой, называемой «Облачною», и въ городкѣ Ци-шанъ соединяется съ Сианьской Дорогой на западъ. Далѣе до Си-ань-фу — 150 верстъ.

Примѣчаніе. Мы упомянули о дорогахъ отъ Ханъ-коу и Сянъ-яна на сѣверо-западъ потому, что, со-временемъ, этотъ трактъ можетъ сдѣлаться столь же посѣщаемымъ, какъ самые торговые пути въ Китаѣ. Въ настоящее время, торговля на сѣверо-западѣ Китая находится пока въ положеніи застоя и далеко не такъ обширна, какъ было нѣкогда; оттого, и существовавшія на этомъ трактѣ таможи нынѣ упразднены. Но если благоприятныя обстоятельства снова разовьютъ торговля сношенія на сѣверо-западѣ Китая, то естественный путь изъ восточныхъ

и юго-восточныхъ частей его въ эту страну, болѣе-или-менѣе примыкаетъ къ Хугуанскому или Сянъянскому тракту, и по удобству взаимныхъ сообщеній южныхъ дорогъ, въ частой сѣти ихъ открываются на сѣверо-западъ путевыя линіи изъ всѣхъ губерній; такимъ-образомъ, Кантонскій Трактъ соединяется въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ Хугуанскимъ. Отъ Нанкина до *Слнъ-ли* путь извѣстенъ и часто посѣщаемъ; простирается онъ на 890 в.; Отъ *Хой-чжоу-фу* (въ губерніи *Ань-хой*), одного изъ богатѣйшихъ складочныхъ мѣстъ чая, до *Ханъ-коу* два пути: одинъ — водой въ 805 в., другой — сухимъ трактомъ и частью горами, въ 600 верстъ. — Всѣ пути на западъ, проходящіе чрезъ *Си-анъ-фу*, *Ханъ-коу*, *Слнъ-ли* и *Млнъ-сла*, соединяются въ *Гунъ канъ-фу*. Близъ этого города начинается пограничная линія и древніе рынки *Ди-дао*, *Хэ-чжоу* и *Си-минъ*, гдѣ производилась и производится мѣновая торговля: чаемъ съ одной стороны и лошадьми — съ другой; чрезъ него же проходятъ дороги въ Тибетъ, Туркестанъ и Или; посему *Гунъ канъ-фу* долженъ занять въ торговыхъ сношеніяхъ Китая вообще, и западной его части въ-особенности, одно изъ первыхъ мѣстъ. Не менѣе долженъ быть важенъ городъ *Си-анъ-фу*, древній *Чанъ-анъ*, столица нѣсколькихъ китайскихъ династій и нѣкогда центръ торговыхъ и политическихъ сношеній на всемъ сѣверо-западѣ. Ему, какъ кажется, суждено быть складочнымъ мѣстомъ для сѣверо-западной и частью сѣверной торговли Китая, или, по-крайней-мѣрѣ, имѣть по отношенію къ ней такое же значеніе, какое имѣеть Пекинъ по отношенію къ торговлѣ на сѣверѣ, и Шаньсійскій *Тай-канъ-фу* къ торговлѣ съ Россіей.

О Каботажномъ плаваніи Китайцевъ — Обозрѣвъ торговые пути по Китаю, не излишнимъ считаемъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о торговомъ плаваніи Китайцевъ моремъ, прежде-чѣмъ скажемъ что-либо о торговыхъ путяхъ въ въ заграничныя владѣнія Китая. Впрочемъ, намъ не много предстоитъ сказать объ этомъ предметѣ; новѣйшія путешествія къ берегамъ Китая и гидрографическія съемки, произведенныя отъ Кантона до *Фу-чжоу-фу*, на счетъ Остъ-Индской Англійской Компаніи, достаточно знакомятъ съ самыми важными прибрежными пунктами Китая, которые посѣщаются купеческими судами. Что касается до другихъ береговъ Китая и плаванія къ нимъ, то имѣющіяся объ нихъ извѣстія недо-

статочны, какъ у Европейцевъ, такъ и у Китайцевъ. Ограничимся немногими указаніями.

Плаваніе по Китайскому-Морю. — Извѣстно, что плаваніе около береговъ Китая сообразуется съ направленіемъ муссоновъ: весной и лѣтомъ — юго-западнаго, а осенью и зимою — сѣверо-восточнаго; соответственно физическому очертанію береговъ Китая, первый принимаетъ направленіе на С. и С.В. послѣдній — на Ю. и Ю.З. Въ началѣ весны и осени, при смѣнѣ муссоновъ, плаваніе по Китайскому-Морю весьма опасно, ибо въ это время свирѣствуютъ бури и частые морскіе вихри, извѣстные подъ именемъ тифоновъ. Впрочемъ, плаваніе отъ Кантона до *Шан-хай* гораздо безопаснѣе и спокойнѣе, чѣмъ отъ *Шан-хай* далѣе на сѣверъ до Чжнлійскаго-Залива включительно; причиною сему полагаютъ то, что юго-восточные берега Китая защищены множествомъ острововъ, которые умѣряютъ напоръ бурь и быстроту морскихъ отливовъ, тогда-какъ сѣверные берега его обнажены и беззащитны отъ того и другаго. Другой бичъ для торговыхъ мореходовъ китайскихъ — морскіе разбойники, отъ коихъ Китай до-сихъ-поръ не можетъ освободиться; плавая по протяженію всего берега Китая, они пристають на время отдыха къ уединеннымъ островамъ, которые повтому всѣ на счету у китайскихъ мореходовъ.

Несчастья мели. — Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ мѣстъ отъ *Шан-хай* до Чжнлійскаго-Залива представляютъ несчастныя мели, заслоняющія устье Желтой-Рѣки въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, и вѣроятно образовавшіяся отъ наносовъ помлиутой рѣки. Такъ-какъ онѣ не нанесены на европейскія карты, то мы помѣщаемъ здѣсь краткое ихъ описаніе.

Пески простираются въ морѣ, съ запада на востокъ, пятью полосами неодинаковой длины; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, прерываясь, образуютъ они небольшіе перекрестные и продольные фарватеры, хорошо знакомые морскимъ разбойникамъ; Китайцы называютъ ихъ *Ву-лю-ша*, или «Пятиполосными-Песками». Эта песчаная мель, во время морскаго прилива, потопляется водою на такую глубину, что суда могутъ свободно проходить черезъ нее; но въ отливъ, суда, увлеченныя теченіемъ отъ берега на мель, осаживаются на отмельщящіе пески и немн-

всегда погибаютъ; а течение отлива здѣсь тѣмъ быстрее и сильнее, что берега не защищены островами могущими приостанавливать его. Прибрежные жители здѣшнихъ мѣстъ, наученные опытомъ, строятъ для плаванія плоскодонныя суда, который въ отливъ счастливо избѣгаютъ опасности, скользя по пескамъ, слегка покрытымъ водою, тогда-какъ дожныя лодки, съ выпуклымъ дномъ и продольными обручами, глубоко врѣзываются въ пески и разбиваются морскими волнами. Китайскіе мореходы въ точности не опредѣляютъ, на какое разстояніе простирается въ морѣ эта песчанная отмель; но судя по тому, что большія суда, отправляющіяся съ здѣшнихъ береговъ на сѣверъ, сначала плывутъ прямо на востокъ цѣлыя сутки, чтобы обогнуть мель, можно полагать длину ея съ запада на востокъ въ $1\frac{1}{2}$ градуса, а можетъ быть и до высоты Шаньдунскаго Мыса.

Китайскіе порты. — Стоитъ также особеннаго замѣчанія чрезвычайно-выгодное положеніе китайскихъ портовъ, вновь открытыхъ для европейской торговли, оттого-что къ нимъ болѣе-или-менѣе примыкаетъ непрерывная цѣпь сообщений со Внутреннимъ Китаемъ. У Кантона стекаются съ разныхъ сторонъ три рѣки, какъ три пути внутрь страны. Противъ *Самтл*, или *Амол*, Фуцзинскій городъ *Танъ-чжоу* принимаетъ въ себя нѣсколько дорогъ съ сѣвера и запада и сообщается съ моремъ сухимъ путемъ и водой. На западъ отъ *Фу-чжоу-фу*, городъ *Лянь-тинъ* сообщаетъ этотъ портъ съ губерніею *Цзынь-си* и сѣверомъ Китая. Отъ *Нинъ-бо-фу* на западъ есть городъ *Хой-чжоу-фу*, имѣющій самое счастливое положеніе въ центрѣ путей, идущихъ къ нему со всѣхъ сторонъ; онъ сообщается съ *Нинъ-бо-фу* сухимъ путемъ и рѣками. Между портами *Нинъ-бо-фу* и *Фу-чжоу-фу* есть приморскій городъ *Ванъ-чжоу* (подъ 28° шир.); судя по его положенію, стольже выгодному какъ и положеніе *Фу-чжоу-фу*, вѣроятно, онъ легко можетъ сдѣлаться портомъ; впрочемъ мы не вполне знаемъ прибрежную его мѣстность. Послѣдній портъ, *Шанъ-хэй*, имѣетъ ближайшее сообщеніе съ *Янь-цзы-цзылоли* и каналами перекрещивающимися эту сторону Китая; съ сѣвера находится онъ недалеко отъ города *Су-чжоу*, съ юга — отъ *Ханъ-чжоу*. Изъ пристаней на сѣверномъ берегу Китая можно упомянуть о приморскомъ городѣ *Данъ-чжоу*, въ Шаньдунской Губерніи, и *Ганъ-цзыли* — въ Чи-

лійской. Известно, что Чжилійскій-Заливъ не глубокъ; однакожь въ устье рѣки *Бэй-ло*, ведущей къ *Гилъ-чунгу*, входятъ суда въ 300 тоннъ. О другихъ берегахъ Чжилійскаго-Залива известно только то, что около нихъ есть множество мелой и песчаныхъ косъ.

Морская торговля Китайцевъ съ островами.—Китайцы ведутъ морскую торговлю, хотя не обширную, съ Японіей, островами *Лю-цзо*, Сундой, Кохинхиной, Сіамомъ и Индіей; торговля ихъ на Южномъ-Морѣ значительнѣе, чѣмъ на Восточномъ. Обстоятельства чисто политическія и ошибка Китайскаго Правительства давно уже разъединили Японію и Китай, и поставили взаимную торговлю этихъ двухъ коммерческихъ государствъ въ непредѣлимое положеніе, въ которомъ она находится и понынѣ. Между тѣмъ, торговый классъ въ Китаѣ вовсе не чуждается связей съ иностранцами: однѣ неосновательныя опасенія Китайскаго Двора заграждаютъ входы и выходы для заграничной торговли, внушая народу глубокое недовѣріе ко всему иностранному, вопреки интересамъ и желаніямъ торговаго и промышленнаго класса Китайцевъ.

Примѣчаніе. Китайцы вели морскую торговлю съ давнихъ временъ. Владѣя компасомъ, они плавали къ японскимъ островамъ и *Лю-цзо*; можно даже подозрѣвать, что, хотя случайно, они заходили далеко и къ островамъ Тихаго-Океана; ибо, если справедливо, что мансъ, найденный въ Китаѣ съ давнихъ поръ, есть уроженецъ Америки и слѣдовательно привезенъ въ Китай съ востока: то естественно предполагать древнія связи Китайцевъ или съ Америкой, или съ Гавайскими-Островами. Равнымъ образомъ легко могло статься, что какиенибудь китайскія суда увлечены были бурей, или теченіемъ моря, далеко на востокъ и въ послѣдствіи времени возвратились въ Китай съ пассатнымъ вѣтромъ; это тѣмъ вѣроятнѣе, что, по замѣчанію китайскихъ мореходовъ, за Японіей и *Лю-цзо* морское теченіе направляется на востокъ. Гораздо известнѣе древнія сношенія Китайцевъ съ южно-морскими островами Сунды; въ здѣшнемъ морѣ они плавали какъ по своимъ вассальнымъ владѣніямъ: ибо, кромѣ торговыхъ отношеній, южно-морскіе острова имѣли къ Китаю отношенія политическія и по тому самому считались его владѣніями. Подобному какъ, на во-

стою Китайцы могли ранѣ Европейцевъ познакомиться съ Новымъ-Свѣтомъ, такимъ же образомъ на юго-востокъ имъ возможно было издавна приставать къ берегамъ Новой-Голландіи. Плаваніе Китайцевъ въ южныхъ моряхъ простиралось отъ Борнео и Явы къ Суматрѣ, потомъ къ Цейлону, Коромандельскому-Берегу и устьямъ Ганга, — путь, который и нынѣ посѣщается китайскими торговыми судами.

II. ДОРОГИ ВЪ КИТАЙСКИХЪ ВЛАДѢНІЯХЪ.

О торговыхъ путяхъ во владѣнія Китая купеческіе дорожники китайскіе не говорятъ ничего. Заимствуемъ нѣсколько указаній по этому предмету у китайскихъ путешественниковъ. Мы разумѣемъ подъ именемъ китайскихъ владѣній: Маньчжурію, Монголію, Западный-Край и Тибетъ.

Дорога въ Маньчжурію. — Торговля сношенія Китая съ Маньчжуріей, особенно-же съ внутренними ея областями, приобрѣли нѣкоторое значеніе лишь съ недавняго времени. Такъ-какъ населеніе ея состоитъ преимущественно изъ поколѣній бродячихъ, еще не образующихъ гражданскихъ обществъ, то и торговыхъ путей въ ней еще мало, да и тѣ, какіе есть, несомнѣнъ извѣстны. Изъ Китая нуть въ Маньчжурію идетъ отъ Пекина къ С.В. на Шанхайгуанскую-Заставу въ Великой-Китайской-Стѣнѣ. Эта застава, служащая воротами въ Маньчжурію, отстоитъ отъ столицы въ 315 верстахъ и расположена на узкой полосѣ земли, съ юга омываемой водами Чжидлійскаго-Залива, а съ сѣвера огражденной высокими горами. Отсюда до *Мухдена* сухимъ путемъ считается 395 в.; далѣе 120 в. до городка *Кай-жань*, по близости котораго проходитъ новая изгородь, отдѣляющая Ляодунскую Область отъ собственной Маньчжуріи. Отсель 8 станцій, или переѣздовъ, до города *Гириня*, стоящаго на рѣкѣ *Сунгары-ула*; здѣсь есть верфь, гдѣ строятъ суда для сообщенія по рѣкѣ съ различными пунктами. Несмотря на то, что Гириня есть главный городъ въ области этого имени, онъ не пользуется такимъ торговымъ значеніемъ, какъ *Нинмута*. До этого города отъ Гириня дорога идетъ на востокъ черезъ лѣсистый хребетъ

и каменную возвышенность; разстоянія между этими двумя городами 7 дней пути, или 7 переѣздовъ. *Нингута* расположена на рѣкѣ *Аму*, которая впадаетъ въ Амуръ, вытекала изъ Чанъбошанскихъ-Горъ. Положеніе этого города внутри страны, въ смежности съ Кореей и съ племенами занимающимися звѣриннымъ промысломъ, даетъ ему особенную важность въ торговомъ и политическомъ отношеніи; въ настоящее время онъ служитъ средоточіемъ торговли всей Внутренней Маньчжуріи, и китайскіе путешественники замѣчаютъ примѣтное развитіе торговыхъ сношеній въ этихъ странахъ. Мѣновая торговля производится Китайцами съ полудикими племенами обитающими по берегамъ Амура.

Примѣчаніе: Амуръ у Китайцевъ не носитъ, какъ у Русскихъ, одного названія; отъ границъ Россіи на Ю.В. до того мѣста, гдѣ соединяется съ нимъ Сунгари-ула, онъ называется у Маньчжуровъ *Сахалын-ула*, а у Китайцевъ — *Хэй-лунъ-цзлянь*, низовье-же его отъ соединенія съ Сунгари-улой на востокъ называется у нихъ *Хунъ-тунъ-цзюль*. По сказаніямъ китайскихъ писателей, по сѣверную сторону Сахалын-улы, или верховья Амура, обитаютъ *Солони* и *Дажури*, а по южную сторону его — племена: *Сибо*, *Гуама* и *Барху*; далѣе, по южную сторону *Хунъ-тунъ-цзлянь*, или низовья Амура — племена: *Хэйжэ* и *Кіма*, называемые «Собачьими», потому-что употребляютъ собакъ для вѣзды; ближе, на Ю.З. — *Хейжэ*; еще ближе — *Хурха*; послѣднія три племени носятъ у Китайцевъ названіе «Лѣсныхъ», или «Рыбокожныхъ», потому-что онѣ дѣлаютъ одежду изъ рыбьей кожи. Страны, обитаемыя ими, изобилуютъ соболями, черными лисицами, бобрами, бѣлками, соколами; орлами, рыбою и морскими раковинами. Люди этихъ племенъ ежегодно приѣзжаютъ въ Нингуту съ данью. По лѣвую, или сѣверную, сторону *Хунъ-тунъ-цзлянь* живутъ племена *Орогновъ*: ближе — конные, далѣе — оленьные. Самыя отдаленныя племена суть *Килеръ* и *Філа*, обитающіе на *Лухи* (вѣроятно — *Тараканъ*) и другихъ островахъ; по отдаленности своего жилья, посланцы ихъ не могутъ приѣзжать въ назначенное время въ Нингуту, а собираются, разъ въ годъ, въ мѣстечкѣ *Пу-му-сянь*, въ 150 верстахъ отъ Нингуты. Всѣ эти племена, и по образу жизни, и по потребностямъ, и по произведеніямъ ихъ страны, имѣютъ очевидно сходство, если не сродство, съ племенами Сѣ-

верной-Америки. Посему, въ видахъ будущей торговли съ Маньчжуріей, любопытно припомнить здѣсь статьи мѣшны, доставляемыя въ Сѣверную-Америку опытными промышленниками Гудзонбайской-Компани. Слѣдующій списокъ ихъ помѣщенъ въ Коммерческомъ Словарѣ Гидьомена и составленъ на Сандвичевымъ-Островахъ:

1. Шерстяныя одѣяла, зеленого цвѣта съ черными бордюрами.
2. Сукно красное и голубое, 2-го и 3-го сорта.
3. Сукно грубое темноглубаго цвѣта.
4. Шотландская матерія (plaid stuff).
5. Фланель красного, желтаго и голубаго цвѣтовъ.
6. Широкій бумажный холстъ (cotton sheeting).
7. Бумажные платки.
8. Шотландская ткань (cotton plaid) хорошихъ цвѣтовъ.
9. Ситцы хорошихъ рисунковъ и доброты.
10. Равендукъ (кресчатый), какъ на подпругахъ.
11. Нитки красного, голубаго, чернаго и бѣлаго цвѣтовъ.
12. Рубашки: изъ красной фланели, полосатой бумажной ткани и обыкновенныя бѣлыя.
13. Чулки, вязанные изъ этомскихъ нитокъ (worsted).
14. Мужскія перчатки (mittens), шерстяныя иль бумажныя.
15. Башмаки, особенно армейскіе (ammunition shoes).
16. Ружья хорошія, королевскія (king's arms) и охотничьи.
17. Порохъ.
18. Ружейныя пули.
19. Дробь.
20. Кремни.
21. Патронташи.
22. Молотки съ череньями.
23. Топоры (setting axes) съ топорищами.
24. Ручныя пилы, дачныя и косыя.
25. Удочки.
26. Фаянсовая посуда, только не бѣлая.
27. Магросскіе ножи.
28. Обыкновенныя ножички.
29. Ножницы большаго размѣра.
30. Швейныя иглы.
31. Маленькіе наперстки.

32. Перламутровыя пуговицы съ дырочками.
33. Небольшія зеркала.
34. Чугунная пресуда разной величины.
35. Блюда жестяныя.
36. Румяна.
37. Свистки разной величины.
38. Стеклянныя бусы краснаго, желтаго, или темноглубаго цвѣта.
39. Рись.
40. Патока (на половину съ морской водой).
41. Ромъ (на половину съ водой).
42. Листовой табакъ.
43. Мыло.
44. Чемоданы, крытые краснымъ сафьяномъ, съ широкими мѣдными вставками.
45. Китайскіе чемоданы изъ камфорнаго дерева, съ гвоздями и бляхами.

Китайцы, мало знакомые съ внутренними племенами Маньчжуріи, пока еще не приспособились къ ихъ вкусу; одну изъ главныхъ статей ихъ сбыта составляютъ шелковыя ткани и готовыя платья.

Дороги въ Монголію. — Пути изъ Китая въ Монголію проходятъ черезъ заставы, учрежденныя по всей линіи Великой-Стѣны. Изъ аймаковъ Внутренней, или прилегающей къ границамъ Китая, Монголіи, восточныя сообщаются съ Китаемъ двумя заставами: *Си-фынгъ* и *Гу-бэй*. Дороги черезъ заставы: *Ду-ши*, *Чжанъ-цзэ* и *Ша-ху* ведутъ въ городъ *Чэнъ-дэ*, къ Чахарамъ и *Гуй-хуа-чэну*. Въ этихъ мѣстахъ замѣчательны въ торговомъ отношеніи пункты: *Долонъ-норъ*, *Калганъ* и *Куку-хотонъ*. Ордосъ смеженъ съ западной *Шань-си* и опоясанъ съ сѣвера Желтой-Рѣкой, съ юга — Великой-Стѣною; главные пути къ нему проходятъ черезъ три заставы: на востокъ — *Плэ-суанъ*, на югъ — *Юй-линъ*, на западъ — *Нинъ-сл*. Все пространство Монголіи исчерчено дорогами, или почтовыми (казенными), или торговыми (караванными), или частными, т. е. такими, которыми сообщаются между собой монгольскіе аймаки. Отъ Калгана и Куку-хотона дорога на сѣверъ раздѣляется, въ *Сайръ-усу*, на двѣ другія, изъ коихъ одна идетъ въ Ургу, другая — на С.З. въ Улясутай.

Примѣаніе. Доловъ-норъ, Калганъ и Куку-хотовъ, суть мѣста Монголіи пользующіяся особенною извѣстностію. *Доловъ-норъ* (Семь-Озеръ), мѣсто лѣтняго пребыванія одного некинскаго кутухты, въ 250 верстахъ отъ столицы и не вдалекѣ отъ нѣкогда знаменитаго *Жо-хо*, сообщается съ Восточной и Сѣверовосточной Монголіей. *Калганъ* (Ворота), при заставѣ *Чжанъ-цзю-хоу*, въ 200 верстахъ отъ Пекина, есть торговая слобода, оживляемая торговлей Китая съ Россіей, и вмѣстѣ-съ-тѣмъ поддерживающая и укрѣпляющая торговля связи Монголовъ съ Китайцами. Чай, привозимые съ юга къ *Чжанъ-цзю-ванъ* моремъ и каналомъ, а къ Пекину Хугуанской дорогой, отсюда-же доставляемые въ Калганъ, и далѣе по Монголіи черезъ Ургу въ Кяхту, провозятся на волахъ въ одноколкахъ; за Великой-Стѣной поселились цѣлыя деревни Шаньсійцевъ, занимающихся перевозкою чаевъ. *Куку-хотонъ* (Зеленый-Городъ), названный такъ по близъ лежащему древнему кургану, извѣстному подъ именемъ Зеленой-Могилы въ 580 верстахъ отъ Пекина, 150 — отъ Великой-Стѣны и 460 — отъ Шаньсійскаго города *Ди-тунъ-фу*, по сношеніямъ своимъ съ Монголіей еще важнѣе двухъ первыхъ пунктовъ. Китайское вліяніе утвердилось здѣсь съ самыхъ давнихъ временъ, такъ-что въ настоящее время на западъ отъ этого городка, въ направленіи къ Желтой-Рѣкѣ, существуетъ по Линіи особое племя *Хабсурга*, помѣсь Китайцевъ и Монголовъ. Хабсурга занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ и живутъ не въ юртахъ, а хижинахъ. Кромѣ кирпичнаго чая, главной статьи торговли Китайцевъ съ Монголами, изъ Куку-хотона расходятся по всей Монгольской-Стени просо, листовая и нюхательный табакъ, тисненый холстъ на занавѣсы въ юртахъ, и нѣкоторыя мелкія вещи.

По другую сторону Гоби, въ *Урелъ*, или *Курелъ*, пребываніе кутухты Чжэбцзунъ-Дамбы (послѣ Далай-Ламы и Банчэнь-Ламы перваго лица въ ламскомъ мірѣ) и присутствіе Монгольскаго Лагеря, Пограничнаго Управленія и конторъ китайскихъ купцевъ, торгующихъ въ Кяхтѣ, образовало значительный рынокъ для торговли между Китайцами и Монголами. Здѣсь особенно примѣтно развитіе торговли чаемъ; по недостатку серебра, мелкая мѣна производится на число кирпичей чай и на чайныя ассигнаціи въ 2, 3, 4, и болѣе, кирпича. Кредитъ этихъ чайныхъ билетовъ простирается до самой Кяхты.

Большіе обороты и счёты перелгаются на ящики кирпичнаго чая (каждый ящикъ цѣнится въ 8 или 10 р. сер.).

Почти вся торговля съ Монголіею находится въ рукахъ Шаньсійцевъ, тѣхъ самыхъ, которые пользуются и монополіею торговли съ Русскими. Эти сѣверяне Китая, достойные соперники своихъ южныхъ соотечественниковъ въ дѣлѣ торговли, отличаются особенною предприимчивостію и промышленностію. Между тѣмъ какъ торговые дома въ *Тай-ванг* и *Фин-жоу* отправляютъ Россію обозы съ чаемъ, заказываемыми на югѣ Китая, другіе Шаньсійцы, пользуясь содѣлствомъ Монголіи, или понуждаемые бѣдностію страны, проникаютъ, съ произведеніями земледѣлія и мелкой промышленности, въ глубину монгольскихъ степей, или заводятъ пастбища на пастбищныхъ лугахъ, или занимаются извозомъ по Монголіи, или переселяются съ семействами въ Кобдо и Улясутай. Можно съ вѣроятностію предположить, что современемъ, благодаря Шаньсійцамъ, одна только Гоби останется степью; а пастбищныя мѣста, прилегающія къ ней съ юга и сѣвера, потерявъ кочевой характеръ, населятся осѣлымъ народомъ.

Переѣздъ по Монголіи вовсе не такъ труденъ, какъ можно думать, судя по свойству степныхъ мѣстъ и предубѣжденію Китайцевъ, которые, по природѣ и многолѣтнему навыку къ осѣлости, питаютъ глубокое отвращеніе къ кочевой жизни. Сличая сказанія русскихъ и китайскихъ путешественниковъ, можно видѣть, что Гоби, или Пустынная-Степь, поднимается съ юга, начиная отъ Пекинской-Долины, тремя уступами; съ сѣвера, отъ Русской Границы—четырьмя. По этой возвышенной степи проходятъ съ востока песчаная полоса, прерывающаяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и разширяющаяся къ западу; это только и есть трудный переѣздъ на Монгольской-Степи. Что касается до другихъ неудобствъ: недостатка дѣла для топлива, и воды, то въ первомъ не оказывается особенной нужды, при замѣнѣ его другимъ топливомъ, а послѣднюю, какъ доказано и китайскими путешественниками, можно находить во всѣхъ мѣстахъ Монголіи, при небольшой степной опытности.

Дорога въ Западный Край. — Дорога въ Западный-Край идетъ на Ганьсускій городъ *Су-жоу*, извѣстный по своимъ запаснымъ магазинамъ на случай войны на Западѣ, и отстоящій въ 940 верстахъ отъ *Пун-чан-фу*, черезъ который идутъ на

западъ дороги изъ всего Китая. На З.С.З. отъ *Сун-чжоу*, въ 37 верстахъ, находится застава *Цзы-юй-суаи*, расположенная въ проходѣ между двумя горами. Отсель до самаго *Хами*, на протяженіи 755 в., простирается степь, прекращающаяся только за 15 в. до этого города; въ *Хами* устроены казенныя хлѣбныя магазины. Далѣ идутъ двѣ дороги: одна въ Чжунгарію, другая въ Туркестанъ.

По дорогѣ въ Чжунгарію, путь идетъ, черезъ восточную отрасль Небесныхъ Горъ, на *Баркулъ*, въ 165 верстахъ отъ *Хами*. Отъ *Баркула* на З. до *Уру-мичи*, города замѣчательнаго тѣмъ, что въ войну съ Чжегангиромъ, сюда переведены были магазины военныхъ снарядовъ, считается 604 в.; далѣе, 282 в. до *Хурь-хара-усу*, а отъ сего-послѣдняго 408 в. до *Или*, или *Гульджи*. На сѣверъ въ *Тарбагатай*, или *Чучучакъ*, можно ѣхать или изъ Гульджи на С.В. (760 в. пути), или, не доѣзжая съ востока 25 в. до *Хурь-хара-усу*, уклониться на С. къ *Чучучаку* (370 в.). Отъ *Тарбагатай* считается 406 в. до *Бухтармы*, и 350 в. до *Кобдо*, *Или* и *Кобдо* раздѣляются Иртышемъ.

Дорога въ Туркестанъ отъ *Хами* идетъ на *Турфанъ* — 600 верстъ. Отъ этого города есть трактъ на С.З. черезъ хребетъ *Бодо-ола* въ *Уру-мичи* — 245 в.; а на Ю.В. — другой трактъ черезъ Пичанскую Область къ озеру *Лобнору*, откуда идетъ, впрочемъ мало посѣщаемый, путь къ Тибету. Отъ *Турфана* на Ю.З. 450 в. до *Харашара*; отъ этого города на Ю.В. простираются топи и степи; а на С.З. есть трактъ, черезъ рѣку *Чжесудусъ* и хребетъ *Наратъ-дабаханъ*, къ юго-восточной границѣ *Или*. Отъ *Харашара* 320 в. до города *Бугура*, замѣчательнаго тѣмъ, что близъ него устроена черезъ топи земляная насыпь — единственный проходъ съ З. на В. Далѣе, до *Куча* 150 верстъ; на Ю.В. отъ этого города простираются топи и тростниковыя болота. Отъ *Куча* 325 в. до *Аксу*, города весьма важнаго въ сообщеніяхъ по Туркестану. Отъ него идутъ четыре дороги: восточная — въ *Хотанъ*; сѣверная, черезъ *Мусуръ-дабаханъ* — въ *Или*, на разстояніи 615 в.; западная — на *Ушъ*, 120 в.; отъ *Уша* есть новый трактъ въ *Или*, 600 в., удобнѣе *Мусуръ-дабаханскаго*; отъ *Уша* же, черезъ степь, 350 в. до *Кашгара*. Средняя дорога изъ *Аксу* идетъ на Ю.З. Въ *Баркулъ*, въ 290 верстахъ отъ *Аксу*, дорога эта раздвояется: одна идетъ прямо въ *Кашгаръ*, другая —

въ *Яркендъ*, 380 верстъ. На Ю.В. отъ Яркенда 405 в. до *Хотана*; на С.З. — 170 в. до *Ингишара*; отъ сего-послѣдняго 85 в. до *Кашгара*. Отъ Кашгара на С.З. идетъ дорога въ *Коканъ*, черезъ *Дай*, или вершину Болорскаго-Хребта; до перваго отрога горъ считается 150 в.; далѣе 110 в. до большаго хребта; потомъ 55 в. до третьяго перевада; отсюда 295 в. до города *Марсакана*; отъ него 50 в. до *Кокана*. По всей этой дорогѣ есть трава, вода и дрова. Другой путь на западъ идетъ отъ Ингишара къ Ю.З. на *Сырыкулъ*, и потомъ спускается въ *Бадахшанъ*, отстоящій на 850 в. отъ Ингишара.

Призмѣненіе. Въ Западномъ-Крайѣ достойна особеннаго замѣчанія подоса земли, по которой протекаетъ рѣка *Тарымъ*, и гдѣ озеро *Лобноръ* служитъ вмѣстидищемъ водъ всего Туркестана. Озеро это лежитъ среди песчаныхъ равнинъ; южный берегъ его низокъ и покрытъ кучами деревьевъ; любопытные изъ китайскихъ путешественниковъ, поднявшись на нихъ, усматривали на югѣ безчисленное множество небольшихъ озеръ, въ двѣ или три версты въ окружности. *Лобноръ* принимаетъ въ себя рѣку *Тарымъ*, въ которую впадаетъ съ сѣвера *Хайдуголъ*; обѣ эти рѣки судоходны, особенно послѣдняя. Отъ *Лобнора* на Ю.В. простираются пустынные степи и сплошныя цѣпи горъ, тянущіяся отъ *Хухунора* до самаго *Турфана*; эта естественная граница раздѣляетъ туркестанскія степи на восточныя и западныя, или возвышенныя и низменныя; въ первыхъ голыя горы и сухая степь; въ послѣднихъ — болотныя равнины, топи, поросшія тростникомъ и камышемъ и пересѣкаемыя песчаными полосами, или гоби. Эти низменныя равнины, взятыя вмѣстѣ, образуютъ между *Хотаномъ*, *Кучемъ*, *Харашаромъ* и *Турфаномъ*, впадину склоняющуюся къ *Лобнору*.

Путь въ Западный-Край знакомъ Китайцамъ съ давнихъ временъ; имъ проходили посланцы, торговые люди и буддійскіе монахи. По указаніямъ Китайской Исторіи, сношенія Китая съ Западомъ въ прежнія времена были обширнѣе чѣмъ нынѣ, особенно съ Туркестаномъ и за-Болорскими странами; нынѣшняя Иди, или Чжунгарія, была посѣщаема Китайцами сравнительно меньше чѣмъ Туркестанъ, ибо первая населена была преимущественно кочевыми племенами, тогда-какъ Туркестанъ имѣлъ осѣдлыхъ обитателей. Есть также сказанія, что

Хотанская Область и прилежащія къ ней страны, нынѣ болѣе или менѣе пустынные, задолго до Р. Х. славились плодородіемъ земли и богатою природою, такъ-что, за два вѣка до Р. Х., переселилась сюда колонія Индѣйцевъ, привлеченныхъ богатствомъ страны. Физическіе перевороты, долженствовавшіе совершиться съ того времени до IV вѣка по Р. Х., измѣнили видъ страны: вмѣсто плодородныхъ равнинъ явились пустыни. Надобно также полагать, что съ VI вѣка до позднѣйшихъ временъ, природа Туркестана, съ теченіемъ времени дѣлалась все пустыннѣе, а песчанѣе полоса Монгольской Гоби все болѣе-и-болѣе подвигалась и расширялась на западъ; поэтому мѣста, гдѣ нѣкогда были цѣлыя владѣнія, нынѣ представляютъ видъ песчаныхъ и каменныхъ полосъ; даже дороги, пролегавшія изъ Китая на западъ, черезъ эти владѣнія — или вовсе покинуты, или посѣщаются весьма рѣдко.

Въ прежнія времена, въ Западныхъ Странахъ изъ Китая было два пути, расходившихся въ разныя стороны изъ *Гуа-чжоу*, что въ 200 в. отъ заставы *Цзэ-юй-гуань* на западъ; одинъ шелъ прямо съ Хотану на З., другой — къ Пичау на С.З.

Дорога на Хотанъ направлялась сначала отъ *Гуа-чжоу* на Ю.З. и пролегла степью, гдѣ нѣкогда было Шиньшаньское Владѣніе, на разстояніи 500 в.; потомъ, въ томъ же направленіи, шла 500 в. владѣніемъ *Цзюй-лю*; далѣе склонялась на З., 300 в., до Песчаной-Стени; затѣмъ, на пространствѣ 200 в., сыпучими песками, доходила до восточной границы Хотанскаго Владѣнія; отсель на З. она вела въ Хотанъ, на разстояніи 260 в. Отъ Хотана дорога направлялась на Яркендъ, черезъ ущелье, на разстояніи 550 в.; а отъ Яркенда на С.З., черезъ Песчаный-Хребетъ, на Кашгаръ, 250 верстѣ. Отъ Кашгара, какъ и нынѣ, было двѣ дороги: одна шла въ Коканъ, нынѣшнимъ трактомъ; другая — на Ю.Ю.З., сначала на древній Ушъ, 250 в., черезъ дикія горы и каменную степь; потомъ черезъ восточную отрасль Луковаго-Хребта, 400 в.; далѣе 500 в. къ вершинѣ Памирской Возвышенности, или къ озеру Сырыкулю, черезъ снѣжныя и ледныя горы; наконецъ, 350 в., спускалась въ нынѣшній Кундузъ, трудными проходами и горными спусками.

Другая дорога, склонявшаяся на С.З. отъ Гуа-чжоу, шла сначала, 150 в., до Махайской-Стени; или западнаго протяженія монгольской Шамо; потомъ, въ томъ же направленіи,

Матайской-Степью 400 в.; далѣ шла между Ю.З. и З. къ нынѣшнему Пичану, на разстояніи 333 верстъ. Отъ Пичана дорога шла на З. черезъ Гаочанское, или Уйгурское Владѣніе, 830 в., до Куча; отсюда, черезъ небольшую степь, 300 в. на З.; а потомъ на С.З., черезъ Каменистую-Степь, 150 в., до *Мусурь-дабахана*, или Ледяного-Хребта. Этими горами, путешественники ѣхали на З.С.З., подъ жестокими горными ураганами, 200 верстъ, до нынѣшняго озера *Тузкулъ*, близъ котораго обиталъ, въ свое время, Ханъ Турковъ. Отселѣ путь лежалъ на С.З., 250 в., до торговаго городка называвшагося *Чуй*, по рѣкѣ *Чуу*, на которомъ онъ стоялъ. Китайскіе путешественники говорятъ, что этотъ городокъ былъ рынкомъ, куда стекалось много купцовъ и варваровъ, и что такихъ городковъ, или рынковъ, было въ здѣшнихъ мѣстахъ нѣсколько десятковъ. Отъ Чуйскаго городка на З., считалось 200 в. до *Тысли-Источниковъ*, или долины окаймленной съ юга послѣдними острогами Болорскаго-Хребта. По мнѣнію китайскихъ географовъ, этой долиной оканчивается насѣверѣ *Луконей*, или Болорской, хребетъ; здѣсь же, въ VII вѣкѣ послѣ Р. Х., Ханъ Турковъ имѣлъ лѣтнее пребываніе. Въ 75 верстахъ на З. отъ *Тысли-Источниковъ*, былъ городъ *Таласъ*, вѣроятно на нынѣшней рѣкѣ того же имени. Отъ сего мѣста дорога шла сначала на Ю.З., 100 в.; потомъ на Ю., 25 в., въ городъ *Нуши-аля* (Нушкендъ?); потомъ на З. въ древній *Шань*, стоявшій при рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, 100 в.; а отсюда, наконецъ, въ Коканъ и Самаркандъ.

Дорога, описанная нами и пролегавшая на Тузкулъ, не была исключительно посѣщаема только тѣми путешественниками и караванами, которые шли къ бассейну Сыръ-и Аму-Дарьи; этимъ трактомъ путешествовали также и въ Индію изъ Китая, потому что ближайшая дорога черезъ Туркестанъ, при частой смѣнѣ владѣній и даже народовъ, обитавшихъ въ этихъ мѣстахъ, и при вліяніи тибетскихъ государей на Туркестанъ, не всегда была доступна для безопасна для путешественниковъ. Замѣтимъ также, какъ доказываетъ предложенный выше очеркъ древнихъ путей въ Западномъ-Краѣ, что въ-древности, изъ Средней-Азіи было три главныхъ пути черезъ Болорскія-Горы на западъ, именно при нынѣшнихъ урочищахъ: Сырыкулъ, Алаѣ и Тузкулъ, а не два, какъ догадываются европейскіе ученые.

Дорога въ Тибетъ. — Изъ собственнаго Китая въ Тибетъ ведутъ три дороги: Шаньсйская — изъ *Са-ника*, Сычуаньская — изъ *Да-цзынь-лу*, и Юньнаньская; послѣдняя проходитъ черезъ Аву и труднѣе первыхъ двухъ: ее посѣщаютъ только предпріимчивые купцы. Изъ другихъ двухъ дорогъ, болѣе посѣщается Сычуаньская, несмотря на то, что она гористѣе Шаньсйской и представляетъ затрудненія, какихъ нѣтъ на послѣдней; но для Китайцевъ, любящихъ во всемъ осѣдлость, она имѣетъ то преимущество, что съ границъ Китая вводитъ ихъ прямо во владѣнія Тибета, тогда-какъ сѣверная дорога идетъ сначала степями, гдѣ кочуетъ народъ монгольскаго племени. Поэтому, замѣчаетъ Вэй-юань, одинъ изъ новѣйшихъ писателей китайскихъ, намѣстники, посылаемые въ Тибетъ и возвращающіеся оттуда, проѣзжаютъ Сычуаньской дорогой; равнымъ-образомъ, посланцы тибетскіе съ данью и купцы съѣзжаются въ *Да-цзынь-лу*. Здѣшняя страна, продолжаетъ Вэй-юань, высока и холодна. Городъ *Да-цзынь-лу* стоитъ на горѣ и служитъ какъ-бы оплотомъ противъ западныхъ инородцевъ. Отъ него на 3. путь идетъ черезъ рѣку *А-лунь-цзынь* въ *Литань*, 370 в.; потомъ 240 в. до *Батана*, откуда имѣются сообщенія съ Сининскимъ и Юньнаньскимъ трактомъ. Отъ Батана не болѣе 50 в. до *Чжалдо*, или, какъ обыкновенно называютъ его, Передняго-Тибета; здѣсь сходятся также Сининская и Юньнаньская дороги. Далѣе, дорога продолжается черезъ нѣсколько сѣвѣжныхъ хребтовъ, и только во 150 верстахъ отъ Хлассы дѣлается ровнѣе и спокойнѣе; отъ Батана до Хлассы считается 1760. верстъ.

Шаньсйская дорога, начинаясь отъ *Са-ника*, сначала идетъ древнимъ трактомъ къ Хухунору; во 150 верстахъ отъ границы, у горы *Куку-тологал* (Зеленоглавая) она соединяется съ Монгольской, или той, по которой монгольскіе пилигримы путешествуютъ на поклоненіе Далай-Ламѣ, въ Хлассу. Монголы выходятъ изъ своихъ кочевьевъ къ Алатамскому Хребту; отсюда, направляясь на Ю.З., обходятъ заставу *Цзынь-гуань* съ запада, и потомъ идутъ кочевьями Хухунорскихъ Монголовъ. Отъ Куку-тологалъ до границъ собственнаго Тибета путь проходитъ безлѣсной степью; однакожъ почти вездѣ есть трава и вода. По этой дорогѣ, какъ и по Сычуаньской, и почти во всей Средней-Азіи, господствуютъ заразительныя туманы,

опасныя, особенно въ зимнее время. Отъ *Си-ни* до *Хлассы* считается 1866 верстъ.

Отъ *Хлассы* идутъ дороги въ разныхъ направленіяхъ: къ *Таджику*, въ восточнѣйшую Банчанъ-Ламы (420 в.); къ озеру *Тенгри-мору*, что на сѣверной границѣ Тибета (205 в.); въ *Друмба*, полуиндѣйское владѣніе, гдѣ господствуетъ религія Красношапочныхъ Ламъ (520 в.); въ западныя области Тибета, *Ладакъ* и другіе города; во владѣніе *Балбо*, находящееся въ юго-западномъ углу Тибета; и, наконецъ, въ *Горкинское* Владѣніе. Въ эти дороги, хорошо извѣстныя китайскимъ географамъ, болѣею частию гористы и въ извѣстныя времена года непроходимы.

Примѣчаніе. Въ Тибетъ, говоритъ Вэй-юань, дороги весьма часто пролезаютъ черезъ горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ; такихъ горъ въ этой странѣ чрезвычайно много. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, тропа идетъ около снѣжныхъ и ледяныхъ трещинъ, въ нѣсколько саженой глубиною, куда часто надаютъ путешественники и вьючный скотъ; съ вершины горъ скатываются нерѣдко огромныя какъ города лавины снѣгу; во время вьюги, съ горъ наноситъ цѣлыя тучи снѣгу, съ которыми далеко не могутъ сравниться самыя обильныя снѣга, низнообитаемые небомъ. Когда путники бывають достигнуты въ тибетскихъ горахъ подобною непогодою, то слѣзаютъ съ коней и двигаются впередъ, кто какъ можетъ, иные на четверенькахъ, между тѣмъ какъ усталый скотъ падаетъ и издыхаетъ на мѣстѣ; поэтому, горныя дороги въ Тибетъ усѣяны костями животныхъ. Беда по горамъ и долинамъ Тибета удобна только лѣтомъ и осенью; впрочемъ, и лѣтомъ не всегда безопасно путешествовать въ путь, потому что въ это время ледъ въ горахъ таетъ, и вода, стекая по горнымъ скатамъ, наполняетъ низменныя мѣста и прекращаетъ сообщенія. Къ этому присоединяются заразные туманы, а въ Восточномъ Тибетѣ воровство туземцовъ, на которое сильно жалуются китайскіе путешественники.

Съ сѣвера, кромѣ пути изъ Монголіи на Куку-тологай, существуютъ еще двѣ дороги въ Тибетъ: одна — черезъ *Хотанъ*, другая — изъ *Аркенды*; впрочемъ, китайскіе купцы, какъ кажется, вовсе не посѣщаютъ этихъ трактовъ, предоставивъ

ихъ Кашмирцамъ, Коканцамъ и Туркестанцамъ, которые, вѣроятно, не безъ пользы для себя, подтверждаютъ слухи о чрезвычайныхъ трудностяхъ и опасностяхъ этого пути. Главною препоною на немъ есть Куньлунскій-Хребетъ (*Дунду-мунъ* по-монгольски значить «преграда»), покрытый металлющими свѣгами и простирающійся неприступной стѣной отъ Яркенда до Хотана. Дороги въ Тибетъ оггибаютъ этотъ хребетъ: одна — съ запада, изъ Яркенда въ *Нгару*; другая — съ востока, изъ Хотана въ *Хлассу*; обѣ онѣ чрезвычайно гористы, такъ-что проѣзжающіе часто проводятъ въ пути по нѣскольку мѣсяцевъ.

Приключеніе. Исторія представляетъ одинъ замѣчательный примѣръ смѣлаго похода изъ глубины Чжунгаріи въ Хлассу, черезъ Хотанскую Область. Въ началѣ прошедшаго столѣтія, когда вся Средняя и Восточная Азія, Китай, Тибетъ и Монголія вооружились на Чжунгаровъ, а Туркестаны и Киргизы оказывали явную къ нимъ вражду, и, наконецъ, на Русской Границѣ усиливались сторожевые посты, Цзяванъ-Рабтанъ, тогдашній ханъ этого воинственнаго и храбраго племени, рѣшился сдѣлать новую попытку завладѣть Тибетомъ, надѣясь, быть-можетъ, спасти въ этой странѣ самобытность и независимость своего народа. Цзяванъ-Рабтана не останавливало то обстоятельство, что путь изъ Чжунгаріи въ Тибетъ лежалъ чрезъ непріязненныя ему страны; что съ востока сторожила его Китайцы и Хухуворскіе Монголы, съ запада — Туркестанцы, а Тибетскій Государь Лацзамъ укрѣпляетъ всю сѣверную границу Тибета, оставивъ незащищеннымъ одинъ трактъ къ Тэнгривору, такъ-какъ путь къ нему съ сѣвера считался непроходимымъ для войска, и такъ-какъ это озеро ограждается съ сѣвера сплошною цѣпью горъ, чрезъ которыя есть одинъ только проходъ, называемый подъ именемъ «Моста на желѣзныхъ дѣблахъ». Цзяванъ-Рабтанъ, рассчитывая впередъ на такую неосторожность Лацзана, въ ноябрѣ 1716 года отправилъ въ Тибетъ отрядъ въ 6000 человекъ отборнаго войска, подъ предводительствомъ Цзярѣна-Дундоба, съ приказаніемъ пробраться къ Хлассѣ, черезъ Тэнгриворскій-Проходъ. Положительно неизвѣстно, гдѣ шелъ Дундобъ съ своимъ отрядомъ до Хотанской Области; но надобно думать, что онъ прошелъ чрезъ Аксу. Вступивъ, затѣмъ, въ Хотанскую Область, Дундобъ укла-

нился въ горы, чтобы миновать степныя мѣста, гдѣ обитаетъ народъ монгольскаго племени; опасаясь, чтобы здѣсь не открыли его отряда и не дали о томъ вѣсти китайскимъ карауламъ, онъ шелъ только ночью, а днемъ скрывался въ глубокихъ долинахъ. Въ дальнѣйшемъ пути своемъ отрядъ Чжунгаровъ даже былъ потерянъ много отъ суроваго времени года и отъ трудныхъ переходовъ черезъ снѣжныя горы, подъ вліяніемъ заразительныхъ тумановъ и при недостаткѣ провіанта. Наконецъ, въ августѣ 1717 года, черезъ девять мѣсяцовъ послѣ того какъ отправился изъ Джунгаріи, отрядъ вышелъ къ Тенгринору.

Намъ слѣдовало-бы, въ заключеніе, обозрѣть пути изъ Китая въ остальныя страны, подвластныя или считающіяся подвластными ему, именно—въ *Корею* и *Аннамъ*; но, кромѣ голыхъ названій городовъ и мѣстечекъ, встрѣчающихся на пути въ помянутыя владѣнія, мы не находимъ у Китайцевъ ни какихъ удовлетворительныхъ свѣденій по этому предмету. Въ сочиненіяхъ Вэй-юаня, на котораго мы имѣли уже случай ссылаться, есть нѣсколько замѣчаній о дорогѣ въ *Сіамъ*; но авторъ говоритъ о ней мимоходомъ и замѣчаетъ только, что въ Сіамъ пріѣзжаютъ обыкновенно рѣкой, протекающей отъ сѣвера: главная цѣль Вэй-юаня есть изысканіе путей въ Индію.

Примѣчаніе. Вэй-юань, вооруженный противъ Англичанъ глубокою ненавистію, составилъ планъ, какъ дѣйствовать Китайскому Правительству для отраженія вліянія ихъ на Китай. Онъ признаетъ полезнымъ между прочимъ: 1) Учредить въ Кантонѣ училище для изученія европейскихъ языковъ, дабы, переводомъ на китайскій языкъ и чтеніемъ европейскихъ журналовъ и книгъ, постоянно слѣдить за положеніемъ дѣлъ въ Европѣ. 2) Допустить въ китайскіе порты русскіе торговые корабли, для совмѣстничества съ Англичанами. 3) Поощрять Горкинцевъ къ нападенію на англійскія владѣнія въ Индіи. 4) Наконецъ, въ случаѣ нужды, отправить въ Индію войска съ разныхъ пунктовъ. По поводу этого послѣдняго соображенія, Вэй-юань замѣчаетъ, что дороги въ Индію есть и изъ Тибета, и изъ Китая. Самый западный путь идетъ изъ тибетской области Нгари внутрь Индіи, на разстояніи 1000 в. Другой путь, отъ Чжаши-лунбо на Ю.З., идетъ въ Восточную

Индію по границамъ владѣній Брукба и Балбо. Изъ Китая путь въ Индію начинается съ крайней оконечности Юнь-пани; но такъ-какъ отсюда прямо на западъ обитаютъ Красноволодые Дикари, то, для обхода ихъ, дорога раздѣляется на двое: одна идетъ къ Тибетской Границѣ и оттуда уже проникаетъ въ Индію; другая идетъ сначала къ югу, на Аву, а потомъ на западъ въ Индію (Восточную). Путь въ Среднюю Индію изъ Юнь-пани, черезъ Тибетъ, простирается на 1600, а чрезъ Аву—на 2550 верстѣ. По мнѣнію Вэй-юаня, если Красноволодые Дикари будутъ подвластны Китаю, то прямой путь въ Индію, черезъ ихъ страну, будетъ недалеже какъ въ 900 съ небольшимъ верстѣ. Этотъ путь весьма возможенъ: еще въ-древности, одинъ государь династїи Хань напѣревался ятти имъ противъ Даховъ (народа обитавшаго на западъ отъ Кашмира). Затѣмъ, Вэй-юань предлагаетъ отправить въ Индію, юньпаньской дорогой, 10,000 отборнаго войска, для опустошенія плантаціи опиума, и употребить въ дѣло ненависть Бирмянцевъ къ Англичанамъ. Кромѣ-того, заключаетъ онъ, въ Тибетѣ можно строить суда и на нихъ отправлять войска по рѣкѣ Са-лу-спу въ Мартабанъ, а изъ этого порта, моремъ, въ Индію.

III. РАЗСТОЯНІЯ МЕЖДУ НѢКОТОРЫМИ ВАЖНѢЙШИМИ МѢСТАМИ ВЪ КИТАѢ И ЕГО ВЛАДѢНІЯХЪ.

	верстѣ.
Отъ Кантона до Нанкина	1818
Отъ Нанкина до Пекина: водою.	1512
— — — — — сухимъ путемъ	1210
Отъ Пекина до Кяхты	1500
Отъ Фу-чжоу-фу до Нанкина	1318
Отъ Нанкина до Сянь-ана	890
Отъ Хой-чжоу-фу до Хань-коу: водою	805
— — — — — сухимъ путемъ	600
Отъ Гуй-линг-фу (Гуанъ-си) до Хань-коу.	1230
Отъ Юнь-пань-фу до Сянь-ана	1597
Отъ Хань-коу до Пекина	5565
Отъ Хань-коу до Сянь-ана.	311
Отъ Сянь-ана до Си-ань-фу	397

Отъ Пекина до Си-ань-фу.	1267
Отъ Сянь-яна до Мянъ-сяня	1130
Отъ Чэнь-ду-фу до Мянъ-сяня	700
Отъ Мянъ-сяня до Гунь-гань-фу.	415
Отъ Си-ань-фу до Гунь-гань-фу	542
Отъ Гунь-гань-фу до Цзя-юй-гуаня	977
Отъ Цзя-юй-гуаня до Халии	755
Отъ Халии до Куйтуна.	1026
Отъ Куйтуна до Тарбагатая	370
Отъ Тарбагатая до Бухтармы	406
Отъ Куйтуна до Хурь-хара-усу	25
Отъ Хурь-хара-усу до Или	408
Отъ Или до Тарбагатая.	750
Отъ Халии до Аксу.	1845
Отъ Аксу до Или	615
Отъ Аксу до Уша	120
Отъ Уша до Или.	600
Отъ Аксу до Яркенда	670
Отъ Яркенда до Хотана.	405
Отъ Яркенда до Кашгара.	255
Отъ Кашгара до Кокана.	660

ВЪ ОКТАБРЬ 1848 ГОДА.

ЗАСЛУГИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ПО ЧАСТИ РАСПРОСТРАНЕНІЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ
ВОЗНАНІЙ О РОССІИ И ПОГРАНИЧНЫХЪ СЪ НЕЮ
ЗЕМЛЯХЪ АЗИИ.

К. М. БѢРА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Довершивъ разсказъ объ экспедиціяхъ Петра-Великаго къ восточнымъ границамъ Государства, во взаимной ихъ связи между собою, и изложивъ непосредственные ихъ результаты, повѣствованіе наше приняло столь обширный размѣръ, что трудно возвратиться въ прежніе предѣлы.

Отодвинемся теперь на западъ и начнемъ съ блистательнаго, всѣми просвѣщенными народами прославленнаго обогащенія Географіи, которымъ наука эта обязана непосредственно первому нашему Императору и юному его флоту: я разумѣю свѣдѣнія объ истинномъ видѣ Каспійскаго-Моря и удостовѣреніе, что большія рѣки Средне-азиатской Степи, Сирь и Амударья, не впадаютъ въ это море.

Можетъ показаться баснословнымъ, но тѣмъ-не-менѣе достоверно, что до Петра ученый міръ вовсе не зналъ Аральскаго-Моря, и что Каспійское-Море на картахъ почти всегда означалось по свѣдѣніямъ собраннымъ въ Африкѣ за полторы тысячи лѣтъ, а именно—по Птоломею Александрійскому. Изъ совершенно-невѣрныхъ географическихъ положеній его выведено было, что Каспійское-Море должно имѣть эллиптической видъ, съ направленіемъ длиннѣйшей оси отъ востока на западъ. Такъ начерталъ его *Берлингер* въ XV, но преимущественно *Меркаторъ*, отецъ новѣйшей географіи, въ XVI вѣ-

кѣ; и данная ими этому морю форма повторялась во всѣхъ изданныхъ въ-послѣдствіи географическихъ картахъ*.

Объ Аральскомъ-Морѣ и рѣки не было, а потому естественно возникъ вопросъ: не было-ли занимаемое Каспійскимъ-Моремъ пространство во время Птоломея столь обширно, что заключало въ себѣ и Аральское-Озеро, при чемъ большія рѣки, названныя древними Араксомъ и Оксомъ, нынѣ Сиръ и Аму, должны были впадать въ это нераздѣльное море, по положительному увѣренію Древнихъ. Однакожъ, между настоящимъ западнымъ берегомъ Аральскаго и восточнымъ берегомъ Каспійскаго-Моря находится плоская возвышенность древняго образованія — Усть-Ургъ, которая не могла быть покрываемая водою, если-бы даже поверхность Каспійскаго-Моря и была гораздо выше нежели теперь; такъ-что на югъ только отъ этой плоскости, при высшей поверхности моря, можно было-бы допустить узкое соединеніе, которое ни въ какомъ случаѣ не могло представить видъ эллипса. Досто-вѣрно также, что Аравитяне, въ цвѣтущее время своей литературы, почитали Аральское-Море отдѣльнымъ, и по ихъ мнѣнію, впадали въ него обѣ большія степныя рѣки; по ихъ же словамъ, Каспійское-Море протягивалось болѣе отъ сѣвера на югъ нежели отъ востока на западъ. Но эти данныя обнаружались лишь въ повѣйшее время изъ арабскихъ сочиненій. Средніе вѣка и начало новой литературы въ Западной Европѣ не обратили на нихъ вниманія и положились на показанія Грековъ и Римлянъ. Англійскій путешественникъ *Дженкинсонъ*, который въ 1558 году ѣздилъ чрезъ Москву, Астрахань и Мангышлакъ въ Ургенджъ (древнюю Хиву) и Бухару, вмѣсто-того-чтобы исправить старыя ошибки, самъ впалъ въ новое, весьма важное заблужденіе. Онъ узналъ, что большая хивинская рѣка Аму (древній Оксъ) впадаетъ, теперь по-крайней-мѣрѣ — не въ Каспійское-Море, а въ озеро лежащее на сѣверъ (именно Аральское). Это на сѣверъ отъ Ургенджа

* Карта *Берлингъери* издана въ атласѣ приложенномъ къ сочиненію *Hottmair de Hell: Les steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Russie méridionale etc.* Сравню, что *Hottmair de Hell* вовсе не упоминаетъ объ атласѣ Меркатора, по которому обыкновенно изображалось Каспійское-Море въ-теченіе цѣлаго вѣка.

находящееся озеро почиталъ опъ за одно съ озеромъ, изъ котораго, по древнимъ русскимъ извѣстиямъ, вытекаетъ Обь (нынѣ Иртышъ), то-есть принялъ его за озеро Зайсанъ-Норъ. По его мнѣнiю, Оксъ и рукавъ его Ардокъ, на протяженiи нѣсколькихъ сотъ мпль, текутъ подъ землю и изливаются въ это китайское озеро. Столь важное недоразумѣнiе естественно должно было еще болѣе запутать понятiя объ этой водной системѣ, тѣмъ-болѣе что Дженкинсонъ и Аму-то почиталъ за притокъ Сира *.

Свѣдѣнiя эти столько же мало выиграли и чрезъ голыштинское посольство въ Персiю, въ первой половинѣ XII вѣка, сдѣлавшееся извѣстнымъ по описанiю его *Олеаріемъ*. Хотя и убѣдились, что протяженiе Каспiйскаго-Моря отъ Астрахани до Астрабата болѣе нежели отъ востока къ западу; но какъ Аральское-Море все еще оставалось неизвѣстнымъ, и прежнiй предразсудокъ о впаденiи Оксуса и Яксарта въ Каспiйское-Море сохранялся, то Географiя и отъ этого путешествiя не подвинулась впередъ. Во второй половинѣ XVII вѣка, *Иоаннъ Струйсъ*, или *Страусъ* (по южно-германскому нарѣчiю), путешествовавшiй по Азiи въ-теченіе 26 лѣтъ, издалъ описанiе своего путешествiя, въ которомъ столько вымышленнаго и невѣрнаго, что оно не могло заслужить никакого довѣрiя. Къ нему приложена карта Каспiйскаго-Моря, которая болѣе всѣхъ прежнихъ приближается къ истинѣ; но и на нее не стали полагаться, по недостатку въ основательности всего сочиненiя, которое по-видимому составлено изъ темныхъ воспоминанiй. Въ-самомъ-дѣлѣ, и самая карта какъ-бы основана на разказахъ: иначе устье Яика не могло-бы приттись въ первой трети восточнаго берега, а Эмбы — на половинѣ его **.

Доказательствомъ, какъ мало достовѣрны были эти-последнiя извѣстiя, можетъ служить карта Каспiйскаго-Моря изданная въ 1700 году *Делилемъ*-Старшимъ, Королевскимъ Географомъ, при помощи всѣхъ имѣвшихся тогда, по его мнѣнiю, основательныхъ свѣдѣнiй. Ширина моря на ней почти рав-

* Сравни карту которая составлена самимъ Дженкинсономъ, или по его указанiю, и срисована въ вышепомянутомъ атласѣ *Houmaire de Hell*'я.

** Карта эта также помѣщена въ атласъ *Houmaire de Hell*'я.

няется его длинѣ, западный берегъ изображенъ довольно вѣрно, но зато восточный — совершенно ложно и принимается въ себя какъ Сигунъ, такъ и Гигунъ, или Сиръ и Аму. Аральское-Озеро и здѣсь не значится особо *.

Въ Россіи-же, по-крайней-мѣрѣ лѣтъ за сто до того, знали уже о существованіи Аральскаго-Озера. Въ книгѣ Большому Чертежу ** называется оно Синимъ-Моремъ, и въ это Сине-Море непосредственно впадаетъ Сиръ-и посредственно — Аму-Дарья; то-есть Аму впадаетъ въ Арзасъ, или Аргазъ, образующій стокъ изъ Синяго-Моря (Аральскаго-Озера) въ Хвалынское (Каспійское). Поэтому, Арзасъ есть тоже самое, что называли «старымъ русломъ,» или «западнымъ истокомъ» рѣки Аму. Однакожъ, изъ свѣдѣній имѣвшихся у Русскихъ объ Аральскомъ-Озерѣ, въ географическія сочиненія Западной Европы не перешло ничего положительнаго, несмотря на то, что въ началѣ XVII вѣка нѣкоторые ученые, какъ, на-примѣръ, *Исаакъ Масса*, и имѣли у себя копіи съ Большаго Чертежа ***.

Итакъ, вотъ на какой точкѣ остановилось знаніе водной системы большой Западно-азиатской Стени, когда Петръ-Великій призналъ необходимымъ пріобрѣтеніе болѣе точныхъ о ней свѣдѣній. Необходимость эта возникла въ-слѣдствіе того, что послѣ неудачнаго Прутскаго Похода, Азовъ со всѣмъ своимъ округомъ возвращенъ былъ Туркамъ, а Таганрогъ и другія незначительныя укрѣпленія по Азовскому-Морю скрыты и тѣмъ отрѣзаны отъ Россіи моря Азовское и Черное. Между-тѣмъ пріобрѣтена была значительная часть Балтійскаго Берега, и Петръ рѣшился сохранить ее, несмотря на упорное сопротивленіе Швеціи; тѣмъ-не-менѣе Государство и на югѣ не должно было лишиться торговли. Каспійское-Море представляло къ тому выгоды, которыхъ еще долго нельзя было

* Histoire et Mémoires de l'Academie de Paris. 1700.

** Книга Большому Чертежу. Изданіе 1838 года; ст. 71, 72, 156.

*** Кое-гдѣ мелькаетъ неясное свѣдѣніе объ Аральскомъ-Озерѣ на картахъ XVII вѣка; точно такъ и въ наше время нѣкоторые филологи принимаютъ древній *Palus Oxianus* за Аральское-Озеро. Но въ наиболѣе употребительныхъ книгахъ и картахъ вообще замѣтно полное отсутствіе Аральскаго-Озера до времени Петра.

ожидать отъ Чернаго-Моря. Плаваніе по вѣмъ Русскихъ было въ то время весьма ограничено. Кромѣ плаванія по сѣверному берегу для рыбной ловли, Русскіе доходили только до мыса Тюкъ-Карагана, для мѣновой торговли съ собиравшимися туда Туркменами, разбой которыхъ препятствовали Русскимъ достигать Хивы и Бухары. Съ Персіею также производилась торговля, но большею-частію караванами, чрезъ Дагестанъ и Шарванъ, и на этомъ пути часто подвергалась нападеніямъ. Морской путь прямо изъ Астрахани къ персидскимъ портамъ совершенно прекратился, по-крайней-мѣрѣ для Русскихъ, со времени бунта Стеньки Разина (1667—1671). Даже Армяне и Индѣйцы, которые въ концѣ XVII вѣка поселились въ Астрахани и были торговыми посредниками между Русскими и Персіянами, по-видимому не провозили своихъ товаровъ водою *. Предложеніе сдѣланное Петру, въ самомъ началѣ его царствованія, въ 1691 году, хивинскимъ посломъ — о томъ чтобы воздвигнуть на восточномъ берегу Каспійскаго-Моря укрѣпленіе, съ цѣлію вести оттуда торговлю краткимъ караваннымъ путемъ въ Хиву — осталось безъ вниманія **; но оно послужило, быть-можетъ, поводомъ къ описи береговъ Каспійскаго-Моря, продолжавшейся пять лѣтъ, и на основаніи которой будто-бы уже въ 1704 году составлена была карта, никогда впрочемъ неизданная. Объ этой описи говоритъ Миллеръ, основываясь лишь на изданной кѣмъ-то въ 1710 году биографіи Петра-Великаго и на словахъ *Лебрёна*, который упоминаетъ, въ путешествіи своемъ, о какомъ-то русскомъ флотскомъ капитанѣ *Майеръ*, бывшемъ въ Баку въ 1703 году ***. Новѣйшіе писатели **** говорятъ о той же описи утвердительно, ссылаясь впрочемъ на Миллера, который выражаетъ на-счетъ ея большое сомнѣніе. Признаюсь, мнѣ это предпріятіе кажется весьма сомнительнымъ. Съ 1699 по 1704 годъ русскій

* *Чужоземцы*: Ист. Росс. Комм. Т. II, часть 2, стр. 17—46.

** *Storch*: Hist.-stat. Gemälde des Russ. Reichs. B. IV, s. 309.

*** *Samml. R. Geschichte*. B. VI, s. 43.

**** *Шторцъ*, loc. cit. B. V, s. 438—439.; *Эйзенманъ*: Alte Geographie des Caspischen Meeres, въ *Reise auf dem Caspischen Meer und in den Caucasus*. B. II, s. 123.

золотъ былъ еще въ младенчествѣ; къ тому же въ это самое время повстала Сѣверная Война, на которую обращены были всѣ силы Государства. Иностраннаго капитана, конечно, можно было принять въ службу, но перевести иностранное судно въ Каспійское-Море — нельзя. Гдѣ же его строили? Не было-ли это одно изъ тѣхъ судовъ, на которыхъ Русскіе ходили обыкновенно въ Тюкъ-Караганъ или отправлялись на ловлю тюленей? Какъ могло случиться, чтобы Миллеръ, почти современникъ этому событію, ничего о томъ не зналъ? Какъ въ послѣдствіи не оказалось о томъ никакихъ документовъ, и Соймоновъ, который чрезъ 15 только лѣтъ послѣ того объѣхалъ Каспійское-Море и оставилъ подробный дневникъ своего плаванія, не упомянулъ о прежнемъ предпріятіи? Въ надеждѣ, что новый разборъ всѣхъ актовъ относящихся до исторіи Петра-Великаго, предпринятый г. Устряловымъ, разъяснитъ эти недоразумѣнія, я зоньшѣ знаю лишь одно обстоятельство, указывающее на вышепомннутый фактъ, именно — совершенно-точное знаніе общаго вида Каспійскаго-Моря, обнаруженное Петромъ въ 1717 году, при посѣщеніи имъ Парижской Академіи и которымъ удивилъ онъ Делля-старшаго. Если-бы подтверждалась столь равная опись Каспійскаго-Моря, опись произведенная именно въ то время когда взятіемъ Азова открытъ былъ доступъ къ Черному-Морю, и когда еще большія усилія обращены были на приобретеніе гавани на Балтійскомъ-Морѣ, — это послужило-бы новымъ доказательствомъ сильнаго желанія, съ какимъ Петръ стремился къ распространенію торговыхъ сношеній.

Когда Черное-Море было потеряно для Россіи, торговля на Каспійскомъ сдѣлалась для нея еще важнѣе. Во-первыхъ, предстояло оживить торговлю съ Персією, ибо по физическимъ обстоятельствамъ, по рѣзкому различію въ климатѣ между сѣвернымъ и южнымъ берегомъ этого моря, и по естественному оттого различію продуктовъ, торговля эта не прекращалась, несмотря на то, что оба народа, владѣвшіе этими берегами, Персіяне и Русскіе, обнаруживали дотошъ мало наклонности къ мореплаванію и весьма малое въ немъ умѣніе; вмѣсто ихъ другіе народы, Армяне и Индійцы, овладѣли перекупною торговлею. Но, и тѣ, и другіе привыкли только къ караванному пути, на которомъ, при перевозѣ персидскихъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій въ Россію или русскихъ товаровъ

въ Персію, предстоялъ выборъ между опасностями и затрудненіями безводной пустыни на востокъ или нападеніями горцевъ на западъ.

Положеніемъ прочнаго основанія торговлѣ по Каспійскому-Морю всякое торговое посредничество дѣлалось уже излишнимъ, и можно было надѣяться, что даже часть индійскихъ товаровъ будетъ пересылаться черезъ Персію въ Россію. Поэтому, Волынской отправленъ былъ посломъ къ Персидскому Двору, для установленія взаимныхъ торговыхъ сношеній и для точнаго изученія произведеній и потребностей той страны. Ему же поручено было въ послѣдствіи обратить вниманіе и на торговлю съ Индіею. Непосредственнымъ поводомъ къ этимъ мѣрамъ со-стороны нашего Правительства было, безъ сомнѣнія, возстаніе Лезгинцевъ, въ слѣдствіе котораго, въ 1712 году, русско-персидская торговля претерпѣла значительный ущербъ. Но еще до посольства въ Персію, два почти одновременные проэкта привлекли вниманіе Государя на Востокъ и придали новое развитіе торговымъ планамъ его. Изъ проэктовъ сихъ произошли два отдѣльные ряда экспедицій, которыя можно по-справедливости назвать географическими, хотя онѣ въ существѣ были военныя.

Уже въ 1713 году именитый туркменъ *Ходжа-Нефесъ* обратился къ астраханскимъ купцамъ, прибывшимъ въ Тюкь-Караганъ, съ просьбою взять его съ собою въ Астрахань, намѣреваясь сдѣлать Царю предложенія весьма выгодныя для Россіи. Въ Астрахани познакомился онъ съ нѣкоторымъ персидскимъ княземъ *Гилени*, принявшимъ русскую вѣру и русское имя — *Саманова*. Ему Нефесъ сообщилъ свое предложеніе, состоявшее въ томъ, чтобы Петръ завладѣлъ землями при истокѣ Аму, изобилующими золотымъ пескомъ, присовокупляя, что соотечественники его, Туркмены, изъ ненависти къ владычеству Хивинцевъ, будутъ непременно помогать этому. Сверхъ-того, предлагалъ онъ обратить по-прежнему въ Каспійское-Море рѣку Аму, которую Хивинцы, опасаясь Русскихъ, запрудили плотинами и совратили со стараго русла, и упрочить за собою обладаніе ею построеніемъ крѣпости въ устьѣ. *Саманову* показалось все это основательнымъ, такъ-что онъ рѣшился отправиться съ туркменомъ въ Петербургъ. Здѣсь познакомились они съ Капитанъ-Поручикомъ

Императорской Гвардіи черкесскимъ княземъ *Александромъ Бесковичемъ*, пользовавшимся особенною милостію Петра за свой предприимчивый характеръ. Бесковичъ съ восторгомъ принялъ ихъ смѣлыя предложенія и обонхъ пріѣзжихъ представилъ Государю *.

Вскорѣ по прибытіи ихъ въ С.-Петербургъ, въ началѣ 1714 года, губернаторъ сибирскій, Князь *Гагаринъ*, вошелъ почти съ такимъ же докладомъ. Въ Сибирь привозился бухарскими купцами золотой песокъ для продажи. Князь Гагаринъ, справившись о мѣстѣ пріисковъ, узналъ что онъ добывается частью на юго-востокѣ отъ Тобольска изъ Китайскихъ Владѣній, частью на югѣ — изъ окрестностей города Эркети (Иркети), или Эркени (Иркени). Первый изъ этихъ путей велѣлъ Гагаринъ изслѣдовать дворянину Федору Чашникову, который дошелъ до Китайской Стѣны, и изъ окрестностей озера Кокона привезъ 200 лановъ золотого песку (можетъ быть золотой пыли?), съ извѣстіемъ что тамъ промывается довольно-значительное количество золота; ему самому встрѣтилось на дорогѣ общество изъ 150 золотопромышленниковъ; по его словамъ, Калмыки и Тибетцы еще болѣе добывали золота на югѣ, частью изъ какой-то горы, частью изъ рѣки Альтынъ-Голь, т. е. «Золотой-Рѣки». Касательно окрестностей Эркети, Гагаринъ еще ничего не предпринималъ, а только по прибытіи своемъ въ С.-Петербургъ предложилъ Царю назначить туда военную экспедицію, которая на пути могла-бы, для болѣе безопасности, воздвигать укрѣпленія.

Къ-сожалѣнію, свѣдѣнія, доставленныя Гагарину о золотыхъ пріискахъ въ Эркети, или Эркени, были не совсемъ положительны. Къ тому же, по сравненіямъ мною извѣстіямъ, сомнительно: съ тѣмъ-ли прибылъ Гагаринъ въ С.-Петербургъ чтобы предложить экспедицію, или предположенія туркмена Невеса, о которыхъ онъ здѣсь узналъ, побудили его сдѣлать подобное предложеніе, основанное на доставленныхъ ему свѣдѣніяхъ. Трудно рѣшить, онъ-ли, или кто другой, впервые распространилъ ошибочное извѣстіе будто Яркентъ (Эркетъ) лежитъ близъ Аральскаго-Моря. Это обстоятельство было-бы интересно

* *Müller: Sammlung Russischer Geschichte. B. VII, s. 157.*

пояснить, потому именно, что въ послѣдствіи времени, когда судился этотъ губернаторъ, его обвиняли въ томъ, что опъ ложными свѣдѣніями вовлекъ Государя въ дорогія и притомъ бесполезныя экспедиціи къ золотымъ рѣкамъ. Могли полагать, что свѣдѣнія эти относятся къ тѣмъ самымъ странамъ, о которыхъ говорилъ туркменъ, ибо Гагаринъ утверждалъ что упоминаемый имъ Эркетъ находится на берегу рѣки «Дарья», а Нефесъ говорилъ о золотомъ пескѣ при Аму-Дарьѣ; но вообще «дарья» на татарскихъ нарѣчіяхъ означаетъ всякую рѣку: слѣдовательно, либо Гагаринъ вовсе не зналъ собственнаго имени той рѣки, на которой, по его мнѣнію, находился Эркетъ (по нашимъ картамъ — Яркентъ), либо захотѣлъ скрыть это имя, какъ не соглашавшееся съ показаніемъ Нефеса *.

Гагаринъ-ли полагалъ или кто другой, что яркентское золото — тоже, что и золото добываемое при истокѣ Аму, во всякомъ случаѣ очевидно, что Петръ колебался сомнѣніемъ, и велѣлъ обо всемъ распросить случившагося здѣсь хивинскаго посла, прибывшаго объявить Царю о вступленіи на престолъ новаго хана. Тотъ подтвердилъ существованіе золотого песку по рѣкѣ Аму, увѣрилъ Государя, что если ему угодно будетъ назначить экспедицію для изслѣдованія этихъ странъ, то Хивинскій Ханъ окажетъ всякое къ тому содѣйствіе, и также предлагалъ построить укрѣпленія при Каспійскомъ-Морѣ, какъ видно послѣднее изъ инструкціи данной Царемъ Бековичу. Но объ Эркети, или Эркени, кажется, ничего не зналъ, ибо Петръ рѣшился начать дѣйствія въ ту и другую сторону, соответственно двумъ доставленнымъ ему свѣдѣніямъ. Съ этимъ соединились важныя политическія и торговыя намѣренія.

Если вспомнить какую цѣну въ то время придавали владѣнію золотоносною или среброносною землею, и какъ поздно дознали, что богатства лишь тамъ сосредоточиваются, гдѣ развита разнообразная дѣятельность, — съ удовольствіемъ увидимъ, изъ подробныхъ донесеній о поверхности изложен-

* При оправданіи своемъ, Гагаринъ назвалъ рѣку протекающую близъ Эркети (Яркента) прямо: *Аму-Дарья*, а прежде называлъ просто *Дарья* (см. *Müller: Samml. Russ. Gesch. B. VII, s. 198, 192.*

ныхъ нами экспедиціяхъ, что великій Государь гораздо менѣе заботился о золотѣ, нежели объ обезпеченіи промышленности и торговли. Преимущество данное Петромъ торговлѣ предъ золотопромышленностію еще болѣе явствуетъ изъ исторіи экспедицій къ Каспійскому-Морю, которыми мы сейчасъ займемся.

Выше сказано уже, что въ началѣ 1714 года прибылъ въ С.-Петербургъ туркменъ предложившій Русскому Государю завладѣть золотыми россыпями по верхней части Аму-Дарьи и возстановитъ прежнее теченіе этой рѣки въ Каспійское-Море. Послѣднее предложеніе Петръ принялъ и въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ устремлялъ на него свое вниманіе. Онъ тотчасъ же, или по-крайней-мѣрѣ вскорѣ, создалъ планъ для установленія торговаго пути между Россією и Индією чрезъ Аму, потому-ли что ему самому путь этотъ казался естественнымъ, или потому что во времена Римлянъ индѣйскіе товары шли по Оксу (Аму) *.

Далѣе увидимъ мы, что Петръ уже прежде старался войти въ торговыя сношенія съ Индією, и слѣдовательно предложеніе касательно рѣки Аму соотвѣтствовало его желаніямъ. Съ другой-стороны, онъ никогда не имѣлъ намѣренія завладѣть золотыми россыпями, а хотѣлъ лишь ввести въ свое Государство торговлю золотомъ. Если-бы онъ имѣлъ въ виду завоеваніе, то не требовалъ-бы свѣдѣній отъ бывшаго тогда въ С. Петербургѣ хивинскаго посла, который не только увѣрялъ, что Ханъ будетъ содѣйствовать предпріятію, но даже предложилъ Петру построить крѣпость при устьѣ Аму и занять ее гарнизономъ въ 1000 человекъ.

Для приведенія всего этого въ исполненіе самымъ способнымъ человекѣмъ былъ Князь *Бековичъ*, который, будучи родомъ нѣ Кабардинцевъ, зналъ превосходно татарскій языкъ, а женившись на Княгинѣ Голицыной, по родственнымъ связямъ, еще болѣе нежели по прежней службѣ въ Императорской Гвар-

* Такъ утверждаетъ Плиній, говоря что Оксъ изливается въ Каспійское-Море; ошибается-ли Плиній, или въ-самомъ-дѣлѣ впадала въ то время Аму въ Каспійское-Море, во всякомъ случаѣ нѣтъ причины сомнѣваться въ томъ что индѣйскіе товары шли на Западъ чрезъ Агаганстанъ и Балхъ, по рѣкѣ Аму.

дін, преданъ былъ Россіи. Къ тому же онъ былъ молодъ, предприимчивъ и съ самаго начала, горячо принявшись за проэктъ туркмена, доложилъ о немъ Государю; въ-слѣдствіе того и назначенъ онъ былъ исполнителемъ оного.

Прибывшій незадолго до того въ Петербургъ хивинскій посолъ доставилъ извѣстіе о вступленіи на престолъ новаго хана. Въ отвѣтъ на это Бековичъ долженъ былъ передать Хану поздравленіе нашего Царя; кромѣ-того получилъ онъ еще и другое порученіе — на Кавказъ. Еще до хивинскаго предпріятія увѣдомилъ онъ Государя, что Ханъ *Европейскихъ* (Крымскихъ ?) Татаръ склоняетъ Кавказскихъ Горцевъ къ признанію надъ собою верховнаго владычества Турецкаго Султана, и что ханскіе посланцы, получивши отказъ отъ Черкесовъ, были однакожъ благосклонно приняты у Кумыковъ. Поэтому, онъ долгомъ почелъ увѣдомить Царя, что Султанъ можетъ возымѣть замыселъ покорить Кавказскій-Край, тѣмъ-болѣе что прежде многіе князья кавказскіе постоянно платили дань Русскому Царю, а теперь обычай этотъ вывелся.

Бековичу поручено было, сдѣлавъ въ Казани предварительныя распоряженія для хивинскаго похода, отправиться въ Кабарду и тамъ дѣйствовать въ пользу Россіи; о чемъ и данъ указъ Сенату 21 мая 1744 года, съ корабля Св. Екатерина, при Березовыхъ-Островахъ. Мы упомянули объ этомъ неважномъ обстоятельстве, чтобы доказать до какой степени Петръ лично распоряжался подобными предпріятіями, и даже въ путешествіяхъ и походахъ употреблялъ на то свободныя минуты. Мая 18, находясь у Кронслота, на кораблѣ же, Петръ изустно передалъ нѣкоторымъ находившимся при немъ сенаторамъ планы свои касательно Аму, и ссылается на это въ указѣ данномъ при Березовыхъ-Островахъ, гдѣ пробылъ онъ всего нѣсколько часовъ. 22 числа начертанъ былъ планъ похода, и въ то же время отправленъ Бухольцъ; 23 начались военныя дѣйствія. Извѣстно, что лѣтомъ 1744 одержана была Петромъ первая морская побѣда надъ Шведами.

О дѣляняхъ Бековича на Кавказѣ не дошло до насъ ничего. Извѣстно только, что онъ пробылъ тамъ весь 1744

* Докладъ Князя Бековича помѣщенъ въ приложеніяхъ къ Журналу Петра Великаго (ч. II. стр. 350).

годъ. Лишь въ 1715 году выступилъ онъ весною изъ Астрахани въ море, дабы заранѣе убѣдиться въ возможности возстановить прежнее теченіе Аму въ Каспійское-Море и выискать способныя мѣста для постройки крѣпостей. Бековичъ сперва сошелъ на берегъ при Караганскѣ (вѣроятно — вынѣшнемъ Тюкѣ-Караганѣ), куда Русскіе ходили уже издавна, и собралъ нѣсколько Туркменовъ чтобы развѣдать отъ нихъ, полагаютъ-ли они возможнымъ провести рѣку Аму въ Каспійское-Море? Они отвѣчали что для этого достаточно только прорѣзать устроенную далѣе внутри страны плотину, и вырыть верстѣ на 20 канаву до извѣстнаго углубленія, чрезъ которое рѣка протекала дотолѣ. Въ-слѣдствіе этого, Бековичъ немедленно отправилъ двухъ человекъ, въ сопровожденіи Ходжи *Нефеса* (вѣроятно тогоже самага, который былъ въ Петербургѣ), для обозрѣнія плотины. Они пробыли въ дорогѣ 17 дней и пришли къ земляному валу вышиною въ $1\frac{1}{4}$ аршинъ, шириною въ 3 сажени и длиною въ 5 верстѣ, на разстояніи двухъ или трехъ верстѣ отъ русла рѣки Аму, которая во время большихъ наводненій, какъ и тогда случилось, разливается до самой плотины. Потомъ повели ихъ далѣе верстѣ на 20, до нѣкоторой низменности, по которой они въ три дня дошли до Атай-Ибраима. Къ-сожалѣнію, низменность эта не описана подробно и даже не сказано имѣеть-ли она видъ изсякшаго русла. Путешественники-же увѣрились въ томъ, что въ ней когда-то была вода, ибо замѣтили каналы проведенные изъ оной къ сосѣднимъ полямъ и (уже опустѣвшимъ) жилищамъ. При Атай-Ибраимѣ Нефесъ утверждалъ, что эта низменность простирается до Каспійскаго-Моря, но отказался сопровождать туда Русскихъ, боясь преслѣдованій Хивинцевъ. Наши вернулись назадъ (неизвѣстно какимъ путемъ) къ «Краснымъ-Водамъ», куда прибылъ и Бековичъ. Онъ принялъ Балханскій-Заливъ за прежнее устье рѣки, и, полагаясь на доставленные свѣдѣнія, радостно объявилъ о томъ Государю, обѣщая лично изложить все подробнѣе. Зимой 1715—16 года поспѣшилъ онъ къ Его Величеству и засталъ Государя въ Либавѣ, на пути въ Копенгагенъ. Такъ-какъ умолчано о подробностяхъ личнаго донесенія, то неизвѣстно гдѣ именно Бековичъ нашелъ устье, какого оно свойства, и въ боковой-ли Актанской-Губѣ, которую *Еихъ-вельдѣ*, и, черезъ годъ послѣ него, Капитанъ-Лейтенантъ *Ба-*

сарикъ, признали за древнее русло *. Этотъ вопросъ интересно было-бы рѣшить, ибо, какъ въ-послѣдствіи увидимъ, Лейтенантъ *Кожинъ* рѣшительно опровергалъ показаніе Бекевича.

Но Петръ былъ убѣжденъ. Онъ пожаловалъ Бекевича въ Капитаны и самъ, 14 февраля 1716 года, написалъ полную инструкцію для новаго, болѣе пространнаго путешествія **.

При прежнемъ устьѣ Аму, должна была воздвигнуться крѣпость на 1000 человекъ, согласно съ мнѣніемъ Хивинскаго Посла. Затѣмъ повелѣвалось Бекевичу отправиться посломъ въ Хиву, и слѣдуя по упомянутой рѣкѣ, тщательно разсмотрѣть теченіе ея и плотины, и въ то же время изслѣдовать: нельзя-ли направить эту рѣку снова въ прежнее русло, а теперешнія устья въ Аральское-Море — запрудить, и сколько потребуется на эту работу людей; у самой плотины или на берегу рѣки отыскать удобное мѣсто, гдѣ-бы скрытнымъ образомъ можно было выстроить другую крѣпость, и, если окажется къ тому возможность, то и построить ее; Хивинскаго Хана склонить «къ *вѣрности и подданству*» обѣщаніемъ упрочить престолонаслѣдіе за его потомствомъ, и предложить ему охранительную стражу съ условіемъ, что Ханъ будетъ служить Царю вѣрою и правдою; этимъ или другимъ способомъ склонивъ Хана на свою сторону, Князь долженъ былъ просить его дать ему нѣсколько человекъ, которые, въ сопровожденіи двухъ Русскихъ,

* *Reise auf dem Caspischen Meer*. В. I, 268 — 273, и В. II, 173 — 178.

** Инструкція эта перепечатана въ *Журналъ Петра-Великаго*, ч. II, стр. 354, съ припискою: «Сіе писано Его Императорскаго Величества собственною рукою»: здѣсь разумѣются послѣднія строки, въ которыхъ поручается Сенату обратить на дѣло ревностное вниманіе, и который Петръ написалъ собственноручно, вмѣсто подписи. Мы вообще не знаемъ было-ли обыкновеніе, вмѣсто краткой подписи, дѣлать собственноручно подобную приписку, которая весьма часто встрѣчается; нѣтъ сомнѣнія, что вся инструкція самимъ Петромъ написана или имъ продиктована, ибо на ней лежитъ отпечатокъ его слога: въ частностяхъ нѣтъ строгаго порядка; мысли преданы бумагѣ по мѣрѣ развитія ихъ въ умѣ. Въ § 10 сказано, что Лейтенантъ *Кожинъ* пойдетъ въ Индію или въ Яркентъ; § 11 и 12 — о воинскомъ конвоѣ; § 13-мъ измѣняется *Кожину* въ обязанность осведомиться тамъ (т. е. въ Индіи) о прѣлостяхъ и другихъ товарахъ: забыто, что § 10-мъ предоставляется *Кожину* отправиться въ Индію или въ Яркентъ; § 12-мъ назначается конвой и его обязанности. Далѣе измѣняется командующему не пригнѣнять туземцевъ. Вдругъ

должны были отправиться вверхъ по Сыръ-Дарьѣ до города Эркети, для отысканія золота, а равно и нѣсколько лодокъ, чтобы подняться на нихъ вверхъ по Аму-Дарьѣ, сколько будетъ можно; съ этими судами отправить въ Индію фактора, который съ того мѣста, гдѣ останутся суда, послѣдуетъ далѣе въ Индію и подробно опишетъ путь; изъ Индіи-же возвратится ему къ Каспійскому-Морю тѣмъ же путемъ или другимъ, если въ Индіи услышетъ о лучшемъ. Далѣе говорится, чтобы Лейтенанта *Кожика* назначить для поѣздки въ Индію, поручивъ ему освѣдомиться тамъ о пріюстахъ и другихъ товарахъ, и отправить съ нимъ двухъ толковыхъ людей изъ кунцовъ, но не очень старыхъ; заготовить письма къ Ханамъ и Великому Моголу; Бекевичу постараться о томъ чтобы Бухарскаго Хана склонить если не къ подданству, то по-крайней-мѣрѣ къ заключенію дружественнаго союза; на конной и крѣпостной гарнизонъ назначить 4000 человекъ регулярнаго войска съ потребнымъ числомъ лодокъ, и сверхъ-того 1500 Яицкихъ Казаковъ, 500 Гребенскихъ и 100 драгуновъ должны были сопровождать караванъ идущій изъ Астрахани, остановиться у плотины, и построить предположенную тамъ крѣпость.

Мы видимъ, что здѣсь уже и не упоминается о пріискавіи золота по рѣкѣ Аму, а только о незначительной постороной экспедиціи для отысканія пути въ Яркентъ; главная-же мысль — проложить себѣ безопасный торговый путь въ Индію.

Незадолго до отъѣзда Государя изъ С.-Петербурга, Лейтенантъ *Кожикъ* отправленъ былъ къ Каспійскому-Морю для

является мысль, что приказано выстроить крѣпости и назначена на сей предметъ конница; потому и приписано тутъ же, безъ всякой логической связи, что конница не должна забыть взять съ собою лопаты и молоты для постройки крѣпостей. Вообще непонятно то, что касается до караваннаго конвоя; оно могло объясниться только изъ предшествовавшихъ личныхъ разговоровъ. Весьма естественно отсутствіе подписи: инструкція была переписана; копія пропала у Бекевича; черновал-же найдена въ кабинетѣ Государя, вмѣстѣ со всеми приложениями къ печатному Журналу. Отсутствіе подписи побудило припечатать, что черновое написано Его Императорскаго Вѣдическаго собственною рукою ».

съемки восточнаго его берега. Теперь, велѣно ему было состоять въ распоряженіи Князя Бековича; а опись берега долженъ былъ довершить Лейтенантъ *Травинъ*. Кожинъ получилъ отъ Царя особую собственноручную инструкцію о походѣ въ Индію *; ему велѣно было изслѣдовать какъ можно больше рѣкъ, составя имъ и всему пути карты, и обо всемъ вести подробный журналъ **. Онъ долженъ былъ путешествовать подъ именемъ купца; дѣйствительною-же цѣлью его назначалось — найти водяной путь въ Индію.

Итакъ, походъ въ Индію не былъ слѣдствіемъ случайной мысли, а, напротивъ, главною цѣлюю всей экспедиціи.

Бековичъ, употребивъ все лѣто 1716 года на снаряженіе, отправился въ сентябрѣ изъ Астрахани въ Тюкъ-Караганъ, и здѣсь построилъ первую крѣпость, которая однакожь терпѣла совершенный недостатокъ въ прѣсной водѣ. Въ южной губѣ, названной въ честь его *Александровскою*, выстроилъ онъ другую крѣпость, и наконецъ третью — у Красныхъ-Водъ при устьѣ Балханскаго-Залива, въ вершинѣ котораго, во 100 верстахъ отъ построенной крѣпости, предполагали прежнее устье Аму. Бековичъ отыскивалъ это устье и думалъ уже что нашелъ, ибо на 5 верстъ отъ моря встрѣчалъ еще раковины. Лейтенантъ Кожинъ утверждалъ потомъ, что всѣ показанія о прежнемъ руслѣ существовали только въ воображеніи Бековича.

Оставя гарнизоны въ крѣпостяхъ, Бековичъ и Кожинъ возвратились въ Астрахань, и въ 1717 году, о пасхѣ, предприняли походъ въ Хиву, съ кавалеріею, которую нельзя было перевезти на судахъ. Для извѣщенія Хана отправлены были предварительно три гонца, изъ которыхъ однакоже ни одинъ не возвратился. Двоимъ изъ нихъ удалось дать знать въ Астрахань, что въ Хивѣ и окрестностяхъ собираютъ значительное число всадниковъ и питаютъ злые замыслы; что съ ними вѣстниками, обращаются дурно. Аюка, Ханъ Волжскихъ Калмыковъ, также писалъ два предостерегательныя письма,

* Эта инструкція находится у Голикова. Ч. V, стр. 127.

** По мнѣнію Миллера, дѣйствія Кожина долженъ былъ окончить *Урусоев*, но изъ приложеній къ Журналу Петра-Великаго видно, что на то назначенъ былъ Лейтенантъ *Травинъ*.

изъ которыхъ послѣднее можетъ быть опоздало. Бековичъ ничему этому не вѣрилъ; Кожинъ-же былъ осторожнѣе, и, общавъ ему вскорѣ за нимъ послѣдовать, не трогался съ мѣста; а когда Астраханскій Губернаторъ хотѣлъ его къ тому понудить, то сталъ обвинять Бековича въ измѣнѣ, увѣряя что открытіе имъ стараго устья Аму была только выдумка, сдѣланная имъ съ цѣлю предать русскія войска Хивинскому Хану. Должно полагать, что отказъ Кожина слѣдовать за Бековичемъ, еще до отъѣзда его дошелъ до Государя, ибо Князь на пятомъ переходѣ отъ устья въ Эмбы настигнуть былъ Высочайшимъ повелѣніемъ отправить черезъ Персію въ Индію знающаго тамошніе языки человѣка, съ порученіемъ собрать всѣ возможные свѣдѣнія о лежащихъ на пути его странахъ, преимущественно о золотыхъ розсыпяхъ, и затѣмъ возвратиться черезъ Китай и Бухарію. Такимъ-образомъ, едва не явился у насъ второй Марко-Поло. Половинныя мѣры не были дѣломъ Петра. Бековичъ избралъ изъ своего конвоя Мурзу *Тевкелева*. Этотъ-послѣдній долженъ былъ моремъ ѣхать въ Шемаху, а оттуда сухимъ путемъ въ Испагань; но его бросило бурей къ Астрабату; здѣсь взятъ былъ онъ въ плѣнъ персидскимъ намѣстникомъ, и оставался въ плѣну до тѣхъ поръ пока освободилъ его русскій посланникъ при Персидскомъ Дворѣ. Узнавъ-же объ участи постигшей Бековича, Тевкелевъ возвратился въ Россію *. Гибель Бековича отъ коварства Хивинскаго Хана и собственной самонадѣянности есть событіе столь грустное для каждаго патріота, что мы не станемъ здѣсь объ немъ распространяться.

Для Географіи экспедиція Бековича имѣла ту выгоду, что доставила довольно точныя свѣдѣнія о восточномъ берегу Каспійскаго-Моря. Еще въ 1715 году, въ первую поѣздку свою, самъ начерталъ онъ карту, которая однако большею-частью основана не на положительныхъ данныхъ, а на указаніяхъ Туркменовъ. Но по ней Царь, въ бытность свою въ Парижѣ, въ 1717 году, могъ исправить карту Делиля-Старшаго и увѣрить его, что теперь Оксусъ не впадаетъ въ Каспійское-Море, что на восточномъ берегу его находится узкая губа съ весь-

* Sammlung Russ. Gesch. B. XI, s. 175.

ма селетюю водою (Карабугазскій-Заливъ), и что рассказы о стремящихся въ глубину водоворотахъ, ничто иное какъ сказка. Петръ показывалъ Денилю карту *, можетъ быть начертанную Бековичемъ въ первую его поѣздку; или, быть-можетъ, въ 1704 году дѣйствительно сочинена была карта, которую Петръ взялъ съ собою (см. выше). Еще болѣе было сдѣлано для познанія восточнаго берега во время построения Бековичемъ крѣпостей, зимою 1716—1717 г.; Лейтенантъ Кожинъ участвовалъ въ этой работѣ.

Кожинъ, какъ выше сказано, отказался участвовать въ послѣдней военной экспедиціи и за это былъ преданъ суду. Такъ-какъ онъ преимущественно оправдывалъ себя тѣмъ, что слѣды прежняго русла въ вершинѣ Балханскаго-Залива существовали только въ воображеніи Бековича, то Государь отправилъ туда Князя *Урусова*, для проверки его показаній, и поручилъ ему снова изслѣдовать Балханскій-Заливъ. Урусовъ по возвращеніи своемъ объявилъ, что и по его мнѣнію слѣдовъ бывшаго русла не оказывается **. Весьма вѣроятно, что Урусовъ, во время этого путешествія, посѣтилъ и другіе пункты Каспійскаго-Моря; но объ этомъ нельзя сказать ничего положительнаго. Позднѣе онъ употребленъ былъ на западномъ берегу.

Изслѣдованіе Каспійскаго-Моря должноствовало еще долго занимать русскій флотъ. Мы уже видѣли, что еще въ 1715 году Петръ отправилъ Вольнскаго посломъ къ Персидскому Двору, для основанія торговыхъ сношеній. Посолъ этотъ пребылъ тамъ нѣсколько лѣтъ, въ-теченіе которыхъ возмущеніе афганскихъ князьковъ все болѣе-и-болѣе распространялось, такъ-что Шахъ не только не могъ обезпечить торговли, но съ каждымъ днемъ видѣлъ возрастающую опасность для своего престола. Поэтому, Вольнскій представлялъ Государю, что одно средство обезопасить торговлю, есть занять войсками западный берегъ Каспійскаго-Моря. Въ концѣ 1718 года, Вольнскій воз-

* Mémoires de l'Académie de Paris. 1727, p. 382.

** Кожинъ также утверждалъ, что и существованіе плотины близъ Хивы — вымышлено. Но одинъ изъ людей участвовавшихъ въ присканіи оной, будучи оффициально о томъ допрошенъ, подтвердилъ прежне показаніе. Обличеніе его помѣщено въ приложеніяхъ къ Журналу Петра-Великаго.

вратился въ Петербургъ съ извѣстіемъ, что Шахъ соглашается на занятіе Русскими Гилана и Мазандерана, если только это поведетъ къ укрощенію мятежа. Петръ рѣшился приступить къ этому занятію водою, но сперва велѣлъ сдѣлать вѣрную съемку западнаго и южнаго береговъ Каспійскаго-Моря. Съ этимъ порученіемъ отправлены были Капитанъ-Лейтенантъ Карлъ *Фонъ-Верденъ* и Лейтенанты *Соймоновъ* и *Урусовъ*, съ небольшимъ отрядомъ войскъ. Соймоновъ составилъ подробный журналъ этой экспедиціи, продолжавшейся два года (1719 и 1720). По окончаніи ея, Петръ велѣлъ къ картѣ, основанной на послѣдней съемкѣ, присовокупить и съемку восточнаго берега, сдѣланную Бсковичемъ, Кожинымъ (и Травинымъ?). Такъ возникла первая, на точныхъ данныхъ основанная карта Каспійскаго-Моря. Петръ, избранный во уваженіе географическихъ свѣдѣній его о Россіи, Членомъ Парижской Академіи, доставилъ ей эту новую карту, съ приложеніемъ въ некоторыхъ подробностяхъ о съемкѣ. Академія приняла ее какъ трудъ Дѣйствительнаго Академика и помѣстила въ своихъ «Запискахъ». Въ статьѣ къ ней приложенной, Делиль-Старшій доказалъ сколько Географія Азій вообще отъ того выиграла. Сверхъ-того, Делиль издалъ на своемъ иждивеніи эту же самую карту въ двухъ листахъ.

Вотъ почему Парижская Академія, по смерти Государя, составила жизнеописаніе его подъ заглавіемъ: *Eloge du Czar Pierre I*, что дѣлалось исключительно для Дѣйствительныхъ Академикомъ, а отнюдь не для покровителей науки, хотя-бы и изъ Царственныхъ Особъ, которые не доставляли въ Академію собственныхъ трудовъ.

Но тѣмъ еще не ограничились заслуги Петра касательно свѣдѣній о Каспійскомъ-Морѣ. По заключеніи Ништадтскаго-Мира, Царь, въ 1722 году, предпринялъ походъ въ Персію или, лучше сказать, въ Дагестанъ и Ширванъ. *Соймонову* и другимъ флотскимъ офицерамъ повелѣно было подробно изслѣдовать, водою и сухимъ путемъ, отдѣльныя части западнаго берега и составить имъ описанія. Въ слѣдующіе два года—когда Раштъ занятъ былъ русскими войсками, для обезпеченія

* *Mémoires de l'Académie de Paris. 1721.*

торговли, при совершенномъ разстройствѣ Персидскаго Государства, чрезъ изгнаніе прежней династіи — изслѣдованія ихъ простерлись и на южный берегъ. Нѣсколько лѣтъ продолжавшаяся экспедиція *Гербера* (о которой упоминали мы въ началѣ статьи) также сюда относится, ибо имѣла цѣлю изслѣдованіе климата и почвы областей по западному берегу. Что занятіемъ этихъ провинцій имѣлось въ виду не столько распространеніе Государства, сколько развитіе торговли — объявилъ самъ великій Монархъ, сказавши въ отвѣтъ на поздравленія, принесенныя ему по случаю присоединенія новыхъ областей: «Вы въ заблужденіи, если думаете что я стремлюсь къ завоеванію новыхъ земель: у меня ихъ можетъ-быть уже слишкомъ много; мнѣ надобно только побольше воды. Планъ его еще явственнѣе обнаруживается въ Журналѣ Соймонова: при вѣрномъ взглядѣ своемъ, не могъ онъ не видѣть, что страны лежащія по восточному берегу Каспійскаго-Моря не могутъ дать торговлѣ столь свободнаго развитія, какъ западный берегъ. Изучивъ ихъ самъ, онъ рѣшился основать при истокѣ рѣки Кура складочное мѣсто, изъ котораго съ-одной-стороны могли-бы производиться удобныя сообщенія съ устьями Волги и Яика и съ отличными гаванями Астрабата и Ряшта, а съ другой — съ Тифлисомъ; притомъ же, по близости Хивы, часть караванной торговли съ этимъ краемъ могла обратиться на западъ, къ морю. Исполненіе этого плана возложено было на *Соймонова* и Генерала *Матюшкина*; имъ данъ былъ отрядъ войска и поручено дѣлать частію венныя, частію геодезическія экспедиціи. Соймоновъ часто упоминаетъ объ этомъ въ своемъ журналѣ, ибо ему исключительно предоставлено было избраніе мѣста для построенія города. Съемка страны, прилежащей къ устьямъ Кура была уже готова и мѣсто для будущаго города назначено; но въ 1724 году самой постройкѣ мѣшали еще нападенія Персіянъ на укрѣпившійся въ Ряштѣ отрядъ. Наконецъ, весною 1725 года все было приготовлено, и собрано 5000 человекъ рабочихъ, съ-тѣмъ-чтобы приступить къ дѣлу, какъ получили извѣстіе о кончинѣ великаго Государя. Сочтено было нужнымъ ожидать новыхъ приказаній.

* Samml. R. G. VII, 258, 266, 349, 367, 513.

Исполненіе Петрова плана было оставлено ; но, кажется, еще не совсѣмъ, ибо Соймоновъ, съ 1719 по 1725 годъ пробывшій въ Каспійскомъ-Морѣ почти безотлучно и нетерпѣливо желавшій возвратиться, получилъ въ 1726 году повелѣніе пополнить произведенную Кожинымъ съемку восточнаго берега до Астрабата. Результатомъ продолжительныхъ работъ его была вторая, позднѣйшая карта Каспійскаго-Моря, изданная въ 1743 году; весьма сомнительно, чтобы путешественникъ *Брюсъ*, близкій родственникъ знаменитаго фельдцейхмейстера Брюса, доставилъ какіе-либо важные матеріалы для этой карты: она заключаетъ въ себѣ лишь открытія Кожина, Вердена и преимущественно Соймонова. Въѣтъ-съ-тѣмъ не могу я и согласиться съ г. Ейхвальдомъ, по мнѣнію котораго изданная въ 1731 году карта составляетъ эпоху для свѣдѣній о Каспійскомъ-Морѣ; настоящую эпоху, по справедливому признанію Французской Академіи, составляетъ карта 1721 года, хотя она была составлена по повелѣнію Государя и на неполныхъ матеріалахъ: г. Ейхвальдъ, кажется, слишкомъ увлекся авторитетомъ Миллера. Несмотря на великія заслуги сего-последняго, какъ распространителя свѣдѣній о географическихъ предпріятіяхъ въ Россіи, и на примѣрную его точность, я не могу не упрекнуть его, если не въ пристрастіи, то по-крайней-мѣрѣ, въ предубѣжденіи противъ Кожина, котораго онъ слишкомъ унижалъ въ сравненіи съ Соймоновымъ, тогда еще живымъ. Кожинъ, зависѣвшій отъ экспедиціи Бековича, не могъ производить вѣрной съемки; но за-всѣмъ-тѣмъ онъ первый указалъ настоящее направленіе восточнаго берега и истинный видъ Каспійскаго-Моря. Миллеръ замѣчаетъ, что на картѣ 1721 года почти всѣ пункты по восточному берегу положены на цѣльнѣй градусъ сѣвернѣе настоящаго ихъ положенія. Такъ, но весьма вѣроятно, что виною тому составитель карты, а не самъ Кожинъ, который былъ тогда въ немилости и конечно не участвовалъ въ изданіи карты.

При Императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ оставлены были завоеванія на южномъ берегу Каспійскаго-Моря, а вмѣстѣ-съ-тѣмъ и мысль о вліяніи на Восточную торговлю.

Что касается до Петра, то несмотря на неудачныя попытки, онъ не терялъ Индіи изъ вида; узнавъ изъ распросовъ жившихъ въ Астраханн Индѣйцевъ, что иностранцы продолжа-

ютъ еще ходить съ индѣйскими товарами въ Астрабатъ и Раштъ, онъ предвидѣлъ возможность направить эти товары въ Средиземное-Море чрезъ тотъ торговый городъ, который онъ предполагалъ построить на берегу Кура. Оживленіе торговли съ Индіею была мыслью еще юныхъ лѣтъ Петра-Великаго. Уже въ 1694 году, на двадцать-третьемъ году отъ рожденія, и чрезъ шесть лѣтъ по вступленіи своемъ на престолъ, отправилъ онъ въ Индію и въ Персію, для установленія торговыхъ сношеній, московскаго купца *Семена Маленькаго*, приказавъ снабдить его, кромѣ денегъ, и товарами: красною юфтью, моржовымъ зубомъ, тонкими голандскими и англійскими сукнами и проч.; сверхъ-того далъ ему грамоты къ Персидскому Шаху и къ Великому Моголу. Маленькій отправился въ ноябрѣ 1694 года, изъ Астрахани Каспійскимъ-Моремъ въ Низабатъ, а отсюда сухимъ путемъ въ Испаганъ, гдѣ вручилъ Шаху грамоту отъ Царя и имѣлъ у него нѣсколько аудиенцій. Шахъ писалъ даже о немъ къ Петру *. Въ Испаганѣ пробылъ онъ пять мѣсяцовъ, послѣ чего отправился на верблюдахъ въ портовый городъ Бендеръ-Аббасъ, а отсюда въ Суратъ. Обѣхавъ большую-часть Индіи, посѣтивъ Агру и Делли, нашелъ онъ тамъ хорошіи сбыты для юфти. На пути къ Агрѣ, представился онъ Великому Моголу, который далъ ему слона въ подарокъ Русскому Царю. Изъ Индіи возвратился онъ тѣмъ же путемъ: чрезъ Суратъ, Бендеръ-Аббасъ и Испаганъ; въ Персидскомъ-Заливѣ подвергся нападенію арабскихъ морскихъ разбойниковъ, а достигнувъ Шемахи, скончался тамъ. Сопутникъ его, послѣ пятилѣтняго отсутствія, возвратился въ Астрахань одинъ. По смерти Маленькаго, слуга его никуда не являлся, и они оба какъ-будто исчезли. Но экспедиція Бековича напомнила объ нихъ Государю. Человѣка отыскали, распросили, и показанія его внесли въ протоколъ, найденный потомъ въ Кабинетномъ Архивѣ и приложенной къ Журналу Петра-Великаго. Безъ этого протокола до насъ вѣроятно не дошло-бы ничего о столь знаменитомъ путешествіи. Такъ-какъ показанія отобраны отъ необразованнаго и неграмотнаго человѣка, то въ нихъ нѣтъ не-

* *Голіковъ*: Дѣянія Петра-Великаго. I, 246 (второго изданія).

чего достойнаго вниманія для науки; видно только, что Маленькій вездѣ собиралъ свѣдѣнія о торговлѣ.— Затѣмъ, въ первую бѣгноту свою въ Амстердамѣ, Петръ послалъ Князя Ивана Шаховскаго, съ двумя другими лицами, въ Остъ-Индію, для изученія морскому дѣлу; какой былъ результатъ этой посылки, мнѣ неизвѣстно; но она доказываетъ, что Петръ, и въ то уже время признавалъ для Русскихъ возможность ходить моремъ въ Индію, хотя они могли отправляться только изъ Бѣлаго и Азовскаго морей, ибо путь по Балтійскому-Морю не былъ еще имъ открытъ*. Точно-ли Петръ сдѣлалъ тщетную попытку, отправивъ два корабля изъ Архангельска для отысканія чрезъ Ледовитое-Море пути въ Индію, какъ утверждаетъ Французская Академія въ *Bløge du Czar*, я не знаю, ибо не могъ донинѣ найти никакихъ тому доказательствъ. Голиковъ упоминаетъ объ этомъ по устному преданію Миллера, который самъ можетъ-быть кромѣ Похвальнаго Слова не имѣлъ другихъ для того источниковъ. Наконецъ, въ преклонныхъ уже лѣтахъ, не задолго до кончины своей, Петръ съ новымъ одушевленіемъ вспомнилъ объ Индіи и рѣшился послать туда небольшую эскадру. Поводомъ къ этому были обстоятельства довольно-странныя; потому экспедиція предпринята была втайнѣ и сдѣлалась извѣстна немногимъ. Дѣло въ томъ, что на Мадагаскарѣ поселились искатели приключеній. Они желали пріобрѣсти покровительство одной изъ европейскихъ морскихъ державъ, и какъ между ними было нѣсколько Шведовъ, то обратились къ Шведскому Королю Карлу XII, слава котораго можетъ быть только-что дошла тогда до Мадагаскара. Просьба ихъ получена была въ Стокгольмѣ уже не задолго до смерти Короля, и осталась безъ дѣйствія. Въ 1720 году, однакожъ, отправленъ былъ корабль изъ Швеціи въ Мадагаскаръ, для защиты этой колоніи. Петръ, получивъ объ этомъ краткое увѣдомленіе отъ своего посла, могъ думать, что его покровительство будетъ гораздо сильнѣе Шведскаго. Во всякомъ случаѣ, для будущей торго-

* *Голицына: Дондженія, Часть I.* Другой Князь Шаховской въ то же время неслазъ былъ въ Востъ-Индію.

вли въ Индіи, точка опоры въ Мадагаскаръ была-бы чрезвычайно важна. Потому онъ послалъ къ мнимому Мадагаскарскому Королю грамоту, донынѣ сохранившуюся, съ предложеніемъ покровительства. Вице-Адмиралу *Вильстеру* (въ 1723 году) повелѣно было вооружить тайно въ Рогервикѣ три фрегата для похода въ Бенгалію. Ему поручалось склонить Великаго Могола къ торговымъ сношеніямъ, узнать какіе въ Индіи употребляютъ русскіе товары и, вмѣсто балласта, привести тамошняго лѣсу отъ 26 до 30 дюймовъ въ діаметрѣ. На пути долженъ онъ былъ избѣгать всякихъ морскихъ церемоній, даже не выкидывать флага и никуда не заходить кромѣ Мадагаскара, если не принудить къ тому какое-либо несчастіе. На другіе два корабля назначены были командирами Капитанъ *Мърный* и Капитанъ-Лейтенантъ *Кощелевъ*. Но вооруженіе шло медленно и дурно; Великій Адмиралъ Апраксинъ торопился и грозилъ военнымъ судомъ; Вильстеръ донесъ наконецъ, что фрегаты слишкомъ ветхи и просилъ позволенія построить новые. Начали строить, 1724 годъ прошелъ, а въ началѣ 1725 скончался Государь: предпріятіе было оставлено.

По смерти Петра цѣлыхъ восемьдесятъ лѣтъ русскій флагъ не проходилъ чрезъ экваторъ. Между-тѣмъ Англія овладѣла Бенгалією и большею-частью Индіи.

При взглядѣ на рядъ экспедицій Петра въ Сибирь, Китай, Японію, Америку, Большую и Малую Бухарію, Персію и Индію, невольно рождается мысль, что онѣ были и слишкомъ разнообразны, и повидимому недовольно обдуманы; но имѣютъ-ли Петербургскіе жители право произнести подобное сужденіе? Не казалось-ли необдуманнѣе основать на шведской землѣ главный портъ и столицу Русскаго Государства, тогда-какъ побѣдоносныя войска шведскія вытѣсняли Польскаго Короля изъ одного города въ другой, принуждая его отказаться отъ престола, и въ нѣсколько дней заставили Датскаго Короля заключить миръ? Но Петръ зналъ, что шведское могущество рушилось и считалъ излишнимъ преслѣдовать ихъ войска. Въ 1723 году, Россія, имѣя первый флотъ въ Балтикѣ, могла ужъ искать себѣ точку опоры въ Мадагаскарѣ. Это предпріятіе заклю-

чало въ себѣ болѣе условій успѣха, чѣмъ завоеваніе и присвоеніе, за двадцать передъ тѣмъ лѣтъ, устья Невы, когда Россія не имѣла ни одного корабля на Балтикѣ. Планъ Петра: оживить Каспійское-Море торговлею прилежащихъ къ нему земель — естественно родился изъ географическаго ихъ положенія, и только опыты могъ доказать, что зѣмли эти неплодородны и море для плаванія неблагопріятно. Чтобы обсудить опыты сосредоточить большую часть индійской торговли въ русской гавани, должно вспомнить, что Англичане въ то время не имѣли еще въ Индіи собственныхъ владѣній. Нѣтъ сомнѣнія, что по-крайней-мѣрѣ изъ Сѣверной-Индіи товары стали-бы провозиться Каспійскимъ-Моремъ, если-бы по восточному и западному берегу его были торговые городы для принятія ихъ и дальнѣйшаго отправления. Въ минуту кончины Петра готовились три предпріятія: основаніе при устьѣ Куры складочнаго мѣста для восточной торговли; открытіе непосредственныхъ судоходныхъ сношеній съ Индіею; и отысканіе раздѣла между Азіею и Америкою. Первые два предположенія оставлены были по его кончинѣ. Одинъ только Берингъ исполнилъ свое порученіе, несмотря на то, что уже не стало творца предположеннаго ему плана. Исполняя мысль Петра, онъ оказалъ Россіи великую ученую заслугу — открытіемъ Берингова-Пролива, и вещественную — пріобрѣтеніемъ ей береговъ Сѣверной-Америки.

ОТЧЕТЪ

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

за 1848 годъ.

(читанъ въ годовомъ собраніи 12 января 1849 года.)

Ваше Императорское Высочество и милостивые государи!

Совѣтъ Русскаго Географическаго Общества имѣеть честь представить Вамъ отчетъ за *третій* годъ ученой дѣятельности Общества.

Изученіе Россіи въ-отношеніи *географическомъ, статистическомъ* и *этнографическомъ* было въ-теченіе всего года главнымъ предметомъ занятій Общества. Слѣдуя въ-точности Высочайше утвержденному Временному Уставу, оно не упустило впрочемъ удобныхъ случаевъ для пріобрѣтенія свѣдѣній и о другихъ странахъ, но преимущественное вниманіе его было постоянно посвящено нашему обширному отечеству.

Дѣятельность Общества на этомъ поприщѣ была и въ нынѣшнемъ году весьма разнообразна. Ученыя Экспедиціи продолжали трудиться въ разныхъ мѣстахъ по его начертаніямъ и инструкціямъ; разныя Коммисіи, учрежденныя изъ Членовъ Общества, занимались разными частными вопросами, входящими въ область науки; Отдѣленія Общества, каждое

* Составленъ А. В. Голеницынымъ (Д. Ч. О.)

въ той отрасли науки, которая составляет преимущественный предмет его трудовъ, собирали и обрабатывали полезныя свѣдѣнія; многіе изъ гг. Членовъ занимались, сверхъ того, отдѣльно учеными изслѣдованіями; — но всѣ эти труды, совершенные разными лицами и въ разныхъ мѣстахъ, имѣли одну общую цѣль и одно направленіе.

Глубоко сознавая важнѣйшую современную потребность каждаго образованнаго *Русскаго*, потребность *ближайшаго познанія Россіи*, и проникнутое горячею любовью къ отечеству, Русское Географическое Общество во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ руководилось этою мыслью, было оживлено этимъ чувствомъ, и постоянно стремилось оправдать высокое довѣріе Августѣйшаго Монарха, который предоставилъ въ его распоряженіе значительныя средства. Изслѣдуя малозвѣстные края Россіи, изучая разнообразныя явленія народной жизни въ разныхъ племенахъ ея, пользуясь случаями для собиранія свѣдѣній о другихъ странахъ, входя въ сношенія съ иностранными учеными съ цѣлію знакомить Русскихъ съ ихъ трудами, Русское Географическое Общество во всемъ имѣло въ виду только пользу отечества и стремилось заслужить право на его признательность.

Столь разнообразная ученая дѣятельность, при недавнемъ существованіи Общества, не могла еще получить полного развитія. Всякое начинаніе сопряжено съ многоразличными трудностями и потому Совѣтъ просить Ваше Императорское Высочество и Васъ, Милостивые Государи, обратить благосклонное вниманіе Ваше болѣе на направленіе ученыхъ работъ; болѣе на намѣренія Общества, чѣмъ на результаты труда, кои въ столь короткое время не вездѣ можно было достигнуть.

А. УЧЕНЫЯ ЭКСПЕДИЦІИ.

1. *Уральская Экспедиція.*

Важнѣйшимъ ученымъ предпріятіемъ Общества была и въ нынѣшнемъ году геологическо-географическая экспедиція къ Сѣверному-Уралу, на которую употреблены были главныя средства Общества. Личный составъ Экспедиціи оставался тотъ

же. Подъ начальствомъ г. полковника Гофмана (Д. Ч. О.), она состояла изъ гг. маіора Стражевскаго (Д. Ч. О.), Магистра Ковальскаго и естествоиспытателя Брандта. При нихъ находились два топографа военнаго вѣдомства и нѣскольکو горнорабочихъ. Въ 1847 году Экспедиція, какъ извѣстно изъ прежнихъ отчетовъ, изслѣдовала часть Урала отъ Чердыни до горы Квосьмъ-піяръ. На этомъ пространствѣ, составляющемъ 4 градуса широты, опредѣлены были тогда астрономически многіе пункты, произведены геологическія и метеорологическія наблюденія, изслѣдованія надъ царствомъ животнымъ и растительнымъ, и съемка направленія рѣкъ и горъ. Въ 1848 году Экспедиція дѣйствовала такимъ же образомъ далѣе на сѣверѣ.

Согласно съ мнѣніемъ гг. Гофмана и Стражевскаго, которые находились временно въ Петербургѣ въ-теченіе зимы 1847 года, начертанъ былъ слѣдующій общій планъ Экспедиціи на 1848 годъ:

«Мѣстомъ соединенія членовъ Экспедиціи назначается Тобольскъ. По вскрытіи рѣкъ, Экспедиція отправляется внизъ по Иртышу и Оби въ Березовъ, откуда далѣе по Оби до устья Войкара, и вверхъ по этой рѣкѣ до того мѣста, гдѣ она становится мелководною, а затѣмъ слѣдуетъ на оленяхъ по хребту до горы Паришенго. Здѣсь Экспедиція должна раздѣлиться.

«Г. Маіоръ Стражевскій отправляется къ югу по хребту, для осмотра восточнаго склона.

«Г. Гофманъ съ Ковальскимъ и Брандтомъ идетъ на сѣверъ, опредѣляетъ направленіе хребта, спускается по рр. Каръ и Пыдератъ до впаденія ихъ въ море, переходитъ на островъ Вайгачъ и возвращается по западному склону хребта».

Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, что предполагала совершить Экспедиція въ минувшемъ году. Неблагопріятныя обстоятельства принудили измѣнить отчасти этотъ планъ, но главная цѣль Экспедиціи: *изслѣдованіе сѣверной части Урала* — была достигнута, благодаря твердости и усердію членовъ Экспедиціи и въ-особенности распорядительности и рѣшимости начальника оной.

Пока Экспедиція готовилась къ работамъ втораго дѣта, г. Ковальскій оканчивалъ наблюденія свои въ Пустозерскѣ; за-

тѣмъ отправился (въ половинѣ марта) въ селеніе Колву на Уссѣ, а оттуда къ р. Косси и въ Обдорскъ, куда и прибылъ 2 апрѣля.

При переѣздѣ отъ устья р. Косси въ Обдорскъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько наблюденій для опредѣленія широты; изъ Обдорска-же дѣлалъ хронометрическія поѣздки къ Обской-Губѣ и къ источникамъ р. Карь, дабы соединить съ Обдорскомъ нѣсколько пунктовъ того края и отнести къ нимъ въ послѣдствіи долготы пунктовъ Сѣвернаго-Урала, кои предполагалось опредѣлять въ теченіе лѣта.

Для дальнѣйшаго слѣдованія г. Ковальскаго начальникъ Экспедиціи составилъ уже на-мѣстѣ новый планъ, на который испрашивалъ разрѣшенія Совѣта. Планъ этотъ рассмотрѣлъ въ-подробности и одобрилъ г. Управляющій Отдѣленіемъ Географіи Россіи: мнѣніе г. Струве было сообщено г. Ковальскому въ руководство.

Г. Струве полагалъ, между прочимъ, что необходимо опредѣлить на восточномъ склонѣ одинъ пунктъ посредствомъ лунныхъ кульминацій, а именно Обдорскъ, и соединить его хронометрически съ Березовымъ. Сдѣлавъ это опредѣленіе, г. Ковальскій долженъ былъ перейти Хребетъ, опредѣлить положеніе горы Квосьмъ-ніяръ на западномъ склонѣ и соединить хронометрически съ Чердынюю гору Ишеримъ, истокъ Малой-Печоры и деревню Усть-Улсуй.

Изъ С.-Петербурга въ Тобольскъ гг. Гофманъ и Стражевскій отправились въ апрѣль. По причинѣ льда, покрывавшаго рѣки, они не могли выѣхать изъ Тобольска ранѣе 16 мая. 30 числа они прибыли въ Березовъ, гдѣ нашли г. Ковальскаго. Въ началѣ іюня Экспедиція отправилась къ устью Войкара, гдѣ неблагоприятная похода задержала ее нѣсколько дней. Тогда-какъ въ Березовѣ, который только на 200 верстъ южнѣе устья Войкара, земля оттаяла на 12 — 14 вершковъ, на этомъ пунктѣ она была столь сильно мерзлою, что не было возможности вбить въ нее колья для палатокъ.

Вверхъ по Войкару Экспедиція слѣдовала два дня, а затѣмъ отправилась далѣе по Хребту въ партахъ съ приготовленными заблаговременно оленями. Г. Стражевскій съ топографомъ Юрьевымъ отправился на югъ, съ-тѣмъ-чтобы изслѣдовать преимущественно восточной склонъ Хребта. Г. Гофманъ на-

правильнъ путь свой на сѣверъ. До снѣга Ледовитаго-Моря ему предстояло бороться безпрерывно съ препятствіями разнаго рода и подвергаться мпожеству лишеній. Мириады комаровъ измучили людей и оленей, которые едва могли двигаться. Г. Гофманъ называетъ эту часть Хребта — *Пустыннымъ-Ураломъ*, также *Комаровымъ-Горамъ*, ибо, по причинѣ множества насѣкомыхъ, человекъ избѣгаетъ этихъ мѣстъ и сюда никогда не прикочевываютъ инородцы восточнаго и западнаго склона. Вскорѣ начался падежъ между оленями. Каждый день падало по нѣскольку и скорѣ изъ 200 оленей при Экспедиціи осталось только сотня измученныхъ переходами и комарами. Г. Гофманъ побросалъ дорогой всѣ вещи, безъ которыхъ, хотя, впрочемъ, и съ трудомъ, но возможно было обойтись. Въсто быковъ, которые не могли уже везти тяжестей, запрягли въ нарты бывшихъ при Экспедиціи коровъ*. Юля 27 прибылъ г. Гофманъ къ берегамъ Уссы. Отсюда онъ послалъ проводниковъ за другими оленями, и по прибытіи ихъ немедленно отправился далѣе. Среди всѣхъ этихъ препятствій, времени прошло много и потеря эта, по краткости сѣвернаго лѣта, была невознаградима.

По прибытіи Экспедиціи къ берегамъ Кары, наступилъ холодъ весьма чувствительный въ близости моря, но зато исчезли мучители комары. Г. Гофманъ всходилъ 6 августа на самую сѣверную гору Уральскаго-Хребта. Оконечность Хребта окружена здѣсь съ трехъ сторонъ тундровыми озерами, и отсюда видно уже море. Г. Гофманъ предлагаетъ назвать это мѣсто, въ честь Августѣйшаго Предсѣдателя Географическаго Общества — *Константиновскимъ-Камнемъ*. На рѣкѣ Карѣ, сѣверный отрядъ раздѣлялся. Г. Ковальскій отправился въ Обдорскъ, а г. Гофманъ, переѣхавъ Кару, слѣдовалъ вдоль хребта Пайхой до Югорскаго-Шара (пролива, отдѣляющаго островъ Вайгачъ отъ материка), куда и прибылъ 23 августа. Краткость времени, остававшагося для обратнаго пути, не дозволила ему переѣхать на Вайгачъ. Возвратясь къ р. Карѣ, гдѣ оставался по болѣзни г. Брандтъ, г. Гофманъ отправился съ нимъ по

* На Оби и Печорѣ *белыми* называютъ туземцы оленей-овцарей, а *черными* — самокъ. Обыкновенно употребляютъ для вѣды только быковъ.

тундрѣ къ р. Уссу, слѣдоваль внизъ по этой рѣкѣ до Усть-Уссы, затѣмъ по Печорѣ, Цылымѣ и Мылѣ до Ямъ-Озера, наконецъ по Южной-Пижемѣ къ Мезени, и 13 ноября прибылъ въ городъ Мезень.

Г. Гофманъ отзывается съ признательностію объ усердіи Березовскаго Исправника г. Булыгина, Зырянина Терентьева и въ-особенности Обдорскаго купца Трофимова, которому Экспедиція обязана не только успѣхомъ своихъ дѣйствій, но даже возможностью совершить тотъ путь, который она прошла въ 1848 году. Въ то время, когда нельзя было и за деньги снабдить Экспедицію потребнымъ числомъ оленей и доставить ей запасы провіанта въ назначенныя мѣста, купецъ Трофимовъ, въ одного просвѣщеннаго желанія, чтобы родной край его былъ ближе изслѣдованъ, снабдилъ Экспедицію безвозмездно цѣлымъ стадомъ оленей, быковъ и коровъ, всего до 300 головъ. Падежъ оленей причинилъ ему убытка на 2000 рублей серебромъ, но онъ отказался принять какое-либо вознагражденіе.

О свойствѣхъ пройденной мѣстности г. Гофманъ сообщилъ уже Обществу краткія свѣдѣнія. Нынѣ занимается онъ подробнымъ описаніемъ изслѣдованнаго края. На параллели Обдорска, говоритъ онъ, хребетъ поворачиваетъ почти прямо на востокъ, но черезъ 30—35 верстъ принимаетъ прежнее направленіе къ С.С.В. и слѣдуетъ оному до $68^{\circ}28'$ сѣв. шир., дѣмѣняясь только въ высотѣ; затѣмъ вдругъ исчезаетъ въ тундрѣ, которая простирается на 50 верстъ до самаго моря. Верстахъ въ 40 къ Ю.З. отъ источниковъ Кары возвышается хребетъ Поембой, идущій параллельно къ Уралу. Прямо на З. отъ послѣдней горы его тянется къ Вайгачскому-Проливу рядъ каменистыхъ горъ и скалъ, переходящихъ на Вайгачъ. Эта цѣпь называется Самоѣдами Пай хой. Какъ направленіемъ своимъ, такъ и видомъ она совершенно отлична отъ Урала. Первый состоитъ изъ небольшихъ покрытыхъ мхомъ, отлогихъ горъ, а послѣдняя представляетъ рядъ обнаженныхъ и относительно высокихъ скалъ. Самая высокая гора Сѣвернаго-Урала, Пай-яръ, т. е. *голландская каменная*, имѣетъ болѣе 3500 футовъ. Хребетъ изрѣзанъ во многихъ мѣстахъ долинами, изъ коихъ нѣкоторыя образуютъ проходы изъ Европы въ Азію.

Растительность на Сѣверномъ-Уралѣ весьма бѣдная. Причиною этому сѣверо-восточные вѣтры. Низкорастущія березы

и ныи суть единственныя деревья, которыя встрѣчаются къ сѣверу отъ 60°. Изъ царства животнаго встрѣчаются медвѣди, волки, лисицы. Въ тундрѣ особенно много мышей.

Озера и рѣки изобилуютъ рыбою; нѣкоторыя породы перелетныхъ птицъ прилетаютъ сюда лѣтомъ и высиживаютъ здѣсь яйца. Впрочемъ, царство животныхъ и растѣній на Сѣверомъ-Уралѣ вообще весьма бѣдно, и потому, несмотря на неутомимые поиски г. Брандта, ему удалось прибавить весьма немногое къ своимъ собраніямъ. Г. Гофманъ сообщилъ также нѣкоторыя этнографическія замѣчанія объ ипородахъ, кочующихъ близъ Сѣвернаго-Урала. Къ сѣверу отъ Кары встрѣчаются Самоѣды, къ югу — Остяки. Въ-особенности любопытны собранныя имъ свѣдѣнія о торговлѣ Зырянъ-Ижемцевъ, которые смѣшленною своею, неутомимостью и сметливостью приобрѣли господство въ тундрѣ.

Сообщая вкратцѣ о трудахъ cadaго изъ лицъ, участвовавшихъ въ Экспедиціи, г. Гофманъ говоритъ, что магистръ Ковальскій во все продолженіе пути дѣлалъ непрерывно астрономическія опредѣленія и произвелъ цѣлый рядъ геодезическихъ измѣреній. Съ величайшей похвалою отзывается онъ также и объ усердіи топографа Брагина, который занимался своимъ дѣломъ неутомимо, несмотря на то, что по роду занятій своихъ болѣе другихъ былъ подверженъ мученію отъ комаровъ. О трудахъ маіора Стражевскаго со времени раздѣленія Экспедиціи при горѣ Паришенго донесенія еще не получено; извѣстно однакоже, что по чрезмѣрному усилію падежа и сибирской язвы въ пройденной имъ странѣ, онъ, совершивъ значительную часть пути пѣшкомъ и питаясь нѣсколько дней лишь ягодами и мхомъ, достигъ съ крайнимъ трудомъ города Березова, гдѣ сдѣлался боленъ, но потомъ благополучно прибылъ въ Екатеринбургъ.

Г. Ковальскій, въ послѣднемъ донесеніи своемъ изъ Обдорска, объясняетъ тоже, что падежъ скота у Остяковъ служитъ я ему величайшимъ препятствіемъ для развѣздовъ и что онъ долженъ поэтому терять много времени въ ожиданіи оленей.

2. *Исправленіе межевыхъ губернскихъ атласовъ.*

Въ отчетѣ за 1847 годъ изложено было въ-подробности предположеніе Общества объ исправленіи губернскихъ атла-

совъ, составленныхъ въ Межевомъ Вѣдомствѣ и служившихъ матеріаломъ для значительной части специальной 60-листовой карты Имперіи, изданной Военно-Топографическимъ Депо, причѣмъ были описаны и произведенныя для этого предпріятія хронометрическія экспедиціи гг. М. П. Вронченко и А. Н. Драшусова (Д. Ч. О.) и геодезическія работы Генераль-Мажора Мендта (Д. Ч. О.).

Въ-теченіе 1848 года г. Мендтъ продолжалъ заниматься по этому предмету въ Тверской Губерніи. Изъ представленныхъ имъ отчетовъ видно:

а) Что онъ предполагалъ производить геодезическія дѣйствія въ Тверской Губерніи въ-теченіе 6 мѣсяцевъ, но что необходимыя приготовительныя чертежныя работы, сколько по новости дѣла для межевыхъ чиновъ, столько и по другимъ непредвидимымъ обстоятельствамъ, заняли времени гораздо болѣе противъ предположеннаго, такъ-что болѣею-частью окончены были во второй половинѣ мая, а нѣкоторыя — даже въ началѣ іюня, отчего полевыя работы открылись полутора мѣсяцомъ позже.

б) Что при этомъ однако исполнено не только все то количество работъ, какое предполагалось въ декабрѣ 1847 года, а именно снятіе 35,000 кв. верстъ; но необыкновенными усиліями и стараніемъ подчиненныхъ Генералу Мендту межевыхъ чиновъ, въ-теченіе 4 мѣсяцевъ снято даже болѣе чѣмъ предполагалось, именно 37,408 кв. верстъ; и

в) Что въ 1849 году, за вычетомъ съемки 1848 года, остается всего снять въ Тверской Губерніи около 18,500 кв. верстъ. Генераль Мендтъ полагаетъ употребить на эту работу часть межевыхъ чиновъ, которые будутъ назначены въ его распоряженіе, часть ихъ употребить для приготовительныхъ дѣйствій въ другой губерніи, которая избрана будетъ для съемки, нѣкоторое-же число оставить для окончательнаго вычерчиванія на бѣло атласа Тверской Губерніи, ибо нынѣшнею зимою невозможно эту работу совершенно окончить.

Изъ вышеизложеннаго оказывается, что въ одной изъ главныхъ по пространству своему и положенію между обѣими столицами губерній, въ-продолженіе одного года, начиная съ сентября 1847 года, всѣ генерально обмежеванныя дачи (въ числѣ 18,000) окончательно связаны инструментально съ три-

гонометрическими пунктами и нанесены со всеми урочищами на правильно-составленную съѣзъ; затѣмъ въ продолженіе 5 мѣсяцевъ нынѣшняго года 37 лицами слѣлана инструментальная топографическая рекогносцировка съ нанесеніемъ всей ситуаціи, на пространствѣ 37,408 кв. верстъ, т. е. болѣе двухъ третей всей губерніи; и что, наконецъ, остальная часть всей топографической съемки можетъ быть окончена въ первой половинѣ лѣта 1849 года.

Такой блистательный успѣхъ должно приписать сколько упрощенной методѣ, принятой для составленія атласа Тверской Губерніи по предложенію Географическаго Общества, столько же особому усердію и распорядительности производителя этихъ работъ Генераль-Маіора Мендта, при содѣйствіи разныхъ Управленій и особенно Межеваго Вѣдомства. Основываясь на этомъ, можно надѣяться, что при дальнѣйшемъ продолженіи сихъ занятій по предложенному Географическимъ Обществомъ плану, въ непродолжительномъ времени и съ умѣренными издержками, будутъ составлены вѣрные и подробные атласы болѣе части Центральной Россіи.

Изъ прошлогодняго отчета, гг. Членамъ извѣстно, что Государь Императоръ, удостоивъ утвержденія представленный Русскимъ Географическимъ Обществомъ планъ геодезическихъ работъ по сочиненію атласа Имперіи межевыми чинами, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: «предоставить Русскому Географическому Обществу составить, по предварительномъ сношеніи съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, Генеральнымъ Штабомъ и Межевымъ Вѣдомствомъ, подробную инструкцію межевымъ чинамъ для производства статистическихъ работъ при сказанныхъ геодезическихъ дѣйствіяхъ.» Высочайшее повелѣніе сіе было объявлено къ исполненію Отдѣленію Статистики Россіи. Отдѣленіе назначило особую Коммисію изъ гг. Дд. Чч. Д. А. Милютинъ, В. С. Порошина и А. К. Гирса, для начертанія проекта требуемой инструкціи и внесенія оной на разсмотрѣніе Отдѣленія. Вслѣдъ затѣмъ, по приказанію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Предсѣдатель Временнаго Статистическаго Комитета, учрежденнаго при Министерствѣ, М. И. Лексъ (Д. Ч. О.) сообщилъ сказанной Коммисіи, какъ матеріалъ для возложеннаго на нее

труда, сдѣланныя на мѣстахъ, чиновникомъ Министерства Графомъ Д. А. Толстымъ (Д. Ч. О.), изслѣдованія о статистическихъ работахъ, произведенныхъ въ разное время межевными чинами при Генеральномъ Межеваніи. Для полученія дальнѣйшихъ необходимыхъ свѣдѣній, Общество обратилось съ просьбой въ Межевое Вѣдомство. Коммисія-же, по собраніи всѣхъ нужныхъ ей матеріаловъ, приступитъ къ исполненію возложеннаго на нее Отдѣленіемъ порученія.

Изъ донесенія Графа Толстаго Министру Внутреннихъ Дѣлъ видно, что при производствѣ генеральнаго межеванія въ царствованіе Императрицы Екатерины II собраны были межевыми чинами, по бѣльшей части генерально обмежеванныхъ губерній*, и нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія, заключающіяся въ такъ-называемыхъ «экономическихъ примѣчаніяхъ», приложенныхъ къ межевымъ атласамъ тѣхъ губерній. Въ этихъ *экономическихъ примѣчаніяхъ*, составленныхъ на основаніи инструкціи 1766 года, описывалось: положеніе дачи, грунтъ земли, различныя роды пропастѣній и лѣсовъ, крестьянскіе промыслы, способъ обработки земли и уплаты оброка; при описаніи фабрикъ и заводовъ, показывались находящіяся на оныхъ фабричныя принадлежности, размѣръ ежегодной выработки, качество и количество производимыхъ продуктовъ, мѣста покупки первоначальныхъ матеріаловъ, и т. п. Достоинство всѣхъ этихъ описаній неоднаково, ибо необходимо зависѣло отъ образованности и рвенія лицъ, коимъ было поручаемо; но во всякомъ случаѣ, они заслуживаютъ вниманія, какъ первые опыты статистическихъ работъ въ Россіи; сравненіе-же заключающихся въ нихъ данныхъ со свѣдѣніями современными можетъ не рѣдко вести къ замѣчательнымъ выводамъ. Собираніе статистическихъ свѣдѣній продолжалось и въ послѣдствіи — при генеральномъ межеваніи по инструкціи 1797 года; но какъ объ эти инструкціи, составленныя въ прошедшемъ сто-

* Эти губерніи суть: Смоленская, Тульская, Калужская, Воронежская, Слободско-Украинская, Орловская, Московская, Владимірская, Рязанская, Тверская, Ярославская, Костромская, Могилевская, Пензенская, С.-Петербургская, Олонецкая, Новгородская, Вологодская, Псковская, Тамбовская, Витебская, Нижегородская и Курская.

лѣтнн, не могутъ соответствовать настоящему состоянію науки, то необходимость составленія новой дѣлается очевидною.

3. *Экспедиція въ Южный-Египетъ.*

Въ 1848 году получены были краткія извѣстія отъ магистра естественныхъ наукъ г. Ценковскаго, путешествующаго по долинь Нила. Отдѣлившись отъ полковника Ковалевскаго, г. Ценковскій провель нѣсколько мѣсяцевъ въ провинціи Фазогло, занимаясь ботаническими изслѣдованіями. Затѣмъ желалъ онъ присоединиться къ кучеческому каравану, отправляющемуся, по окончаніи періода дождей, въ октябрѣ или ноябрѣ, изъ Хартума вверхъ по Бѣлому-Нилу и достигающему иногда до 4-го градуса сѣверной широты; но, къ-сожалѣнію, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, не могъ сего исполнить. Г. Ценковскій надеется во всякомъ случаѣ пробыть въ Египтѣ еще годъ.

4. *Изслѣдованія г. Дорошина въ Русской Америкѣ.*

Въ 1847 году отправленъ былъ въ колоніи Россійско-Американской Компаніи, для геологическихъ изслѣдованій, горный инженеръ г. Дорошинъ. Русское Географическое Общество поручило ему произвести метеорологическія наблюденія и измѣренія высотъ, и снабдило его нужными къ сему инструментами и наставленіями. Въ-теченіе 1848 года не было получено отъ г. Дорошина никакихъ извѣстій.

В. ТРУДЫ РАЗНЫХЪ КОМПССІЙ.

1. *Изслѣдованіе высотъ отъ Смоленска до Пензы и опредѣленіе проходящей по нимъ оси девоніанской системы.*

Гг. Члены Общества помнятъ предложеніе Барона А. К. Мейендорфа (Д. Ч. О.) объ изслѣдованіи черноземной полосы, простирающейся внутри Россіи отъ Самары и Хвальнска на Волгѣ до Черкасъ и Канева на Днѣпрѣ, и высотъ отъ Смоленска до Пензы, съ опредѣленіемъ проходящей по нимъ оси девоніанской системы.

Предложение это было рассмотрено въ-подробности особой Коммисіей * и Отдѣленіемъ Статистики, и затѣмъ соображенія Коммисіи внесены въ Совѣтъ Общества. Совѣтъ, найдя, что осуществленіе этого предпріятія во всемъ предполагаемомъ объемѣ превысило-бы средства Общества, отдѣлилъ отъ него часть, по преимуществу географическую, именно: изслѣдованіе сказанныхъ высотъ и опредѣленіе проходящей по нимъ бси девоніанской системы, съ-тѣмъ-чтобы привести это въ исполненіе по окончаніи Уральской Экспедиціи, а между-тѣмъ поручилъ г. Управляющему Отдѣленіемъ Общей Географіи г. Полковнику Гельмерсену заняться составленіемъ ближайшихъ по сему предмету соображеній.

2. Изслѣдованіе состоянія внутренней торговли Россіи.

С.-Петербургское купечество пожертвовало въ распоряженіе Общества 5000 руб. сер., съ-тѣмъ-чтобы употребить ихъ «для изслѣдованія состоянія Внутренней торговли Россіи.»

Особая Коммисія **, назначенная Отдѣленіемъ Статистики, занялась изысканіемъ средствъ для исполненія желанія жертвователей. Признавъ, что для соразмѣренія предстоящихъ изслѣдованій съ предоставленными для нихъ денежными способами, необходимо опредѣлить точнѣе кругъ сихъ изслѣдованій, Коммисія полагала, что преимущественно слѣдуетъ обратить вниманіе: во-первыхъ — на однѣ лишь главныя статьи торговли, и во-вторыхъ — на торговые обороты собственно Европейской-Россіи, а въ ней именно того пространства, которое по-справедливости можетъ считаться средоточіемъ и источникомъ ея внутренняго коммерческаго движенія. Затѣмъ, обсудивъ подробно разныя способы собиранія тѣхъ свѣдѣній о главныхъ отрасляхъ внутренней торговли, коими опредѣлилось-бы состояніе оной, Коммисія признала наиболѣе удобнымъ составленіе, посредствомъ особой редакціи, сочиненія, объемлющаго обзорнѣе главныхъ отраслей внутренней тор-

* Коммисія состояла изъ гг. Членовъ: К. И. Арсеньева, А. С. Джунковскаго, Барона Е. К. Мейендорфа, А. О. Озерскаго и Е. К. Петерсона.

** Изъ гг. членовъ: А. Н. Миллютина, Г. П. Небольсина и В. С. Порошина.

говли, и затѣмъ начертала основанія, на коихъ помѣнутое сочиненіе должно быть составлено.

Отдѣленіе Статистики, согласясь съ заключеніемъ Комисіи, учредило особый Совѣщательный Комитетъ изъ пяти членовъ, въ томъ числѣ и редактора, для приведенія сказаннаго предприятия въ дѣйствіе.

Редакторъ обязанъ отыскивать спеціальныхъ людей, которые могутъ заняться составленіемъ отдѣльныхъ статей для помѣнутого сочиненія; Комитетъ разсматриваетъ эти статьи, присуждаетъ за нихъ денежныя вознагражденія, повѣряетъ получаемыя свѣдѣнія чрезъ сношенія съ разными мѣстами и лицами, и затѣмъ озабочивается объ общемъ сводѣ ихъ.

Въ члены Комитета избраны гг. К. И. Арсеньевъ Баронъ А. К. Мейендорфъ, Н. А. Милютинъ и В. С. Порошинъ; Г. П. Небольсинъ назначенъ Редакторомъ.

На изложенномъ основаніи, Комитетъ составилъ уже подробную програму сказаннаго сочиненія, по которой всѣ статьи по содержанію своему распредѣляются на два отдѣла: къ первому относятся частныя описанія главнѣйшихъ предметовъ внутренняго торга; ко второму — общія изслѣдованія о ярманкахъ и главнѣйшихъ торговыхъ пунктахъ; о торговомъ кредитѣ, образѣ сдѣлокъ, средствахъ перевозки, состояніи торговаго класса, и проч. Статьи будутъ выходить по мѣрѣ изготовленія и составлять двѣ отдѣльныя части одного общаго труда. Комитетъ, начертавъ общія основанія для статей обоего рода, приступилъ къ изготовленію нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ-что въ-продолженіе наступившаго года полагаетъ возможнымъ начать печатаніе перваго тома.

3. *Разработываніе Географической Терминологіи.*

Въ отчетѣ за 1847 годъ было упомянуто объ учрежденіи особой Комисіи * по предмету обработыванія Географической Терминологіи, причеиъ сказано, что въ-слѣдствіе разосланнаго Комисіею краткаго объявленія о цѣли ея трудовъ, начали

* Изъ М. Н. Богдановича, В. В. Григорьева, Д. А. и Н. А. Милютинныхъ, Н. И. Надеждина, В. С. Порошина, П. С. Савельева и Г. Ф. Стевана.

уже тогда поступать въ Общество изъ губерній разныя мѣстныя слова, означающія географическіе предметы. Въ концѣ 1847 года, Комиссія составила краткую инструкцію для сообщенія оной тѣмъ лицамъ, отъ коихъ можно надѣяться содѣяствія въ этомъ дѣлѣ. Этой инструкціи разослано было въ теченіе 1848 года около 3,000 экземпляровъ по всей Россіи, въ разныя вѣдомства и управленія.

Призывъ этотъ былъ принятъ съ полнымъ сочувствіемъ: изъ разныхъ краевъ получено въ теченіе года болѣе 600 мѣстныхъ географическихъ и этнографическихъ выраженій, доставленныхъ крестьянами, мѣщанами, помѣщиками, учителями уѣздныхъ училищъ, священниками и нѣкоторыми членами Географическаго Общества *. Доставленныя доселѣ слова получены изъ губерній: Астраханской, Воронежской, Екатеринославской, Иркутской, Новгородской, Псковской, Рязанской, Саратовской, Тверской и Ярославской, изъ Малороссіи, Новороссійскаго-Края, Камчатки, съ Каспійскаго и Бѣлаго морей и съ береговъ Сѣвернаго-Океана. Матеріалъ, собранный Комиссіею полный, хотя довольно значителенъ, но еще недостаточенъ, чтобъ приступить къ его обработкѣ. Изъ многихъ мѣстностей Россіи не получено еще никакихъ извѣстій. Комиссія, озабочаясь о пополненіи своихъ матеріаловъ, надѣется, что въ 1850 году, по накопленіи оныхъ, будетъ въ состояніи приступить къ систематическому своду собранныхъ терминовъ.

4. Собираніе свѣдѣній о климатѣ чрезъ сношенія съ жителями губерній.

Во второй книжкѣ Записокъ Общества помѣщена статья В. С. Порошина (Д. Ч. О.) «о средствахъ къ опредѣненію климата». Г. Порошинъ излагалъ въ ней, между прочимъ, что независимо отъ измѣненій барометра и термометра, есть много другихъ явленій, изъ которыхъ также можно дѣлать

* Изъ гг. Членовъ Общества доставили значительныя собранія географическихъ мѣстныхъ выраженій гг. Стефанъ, Шренкъ, Даль и Клязь Н. М. Голыцынъ. Последний сообщилъ слова, употребляемыя въ Сибири, собранными имъ во время развадовъ по этому краю.

выводы о разности климатовъ, на-примѣръ: время посѣва, восхода, цвѣтенія и жатвы разныхъ хлѣбовъ, распространеніе до нѣкоторыхъ предѣловъ разныхъ породъ животныхъ, птицъ и насѣкомыхъ, также различныхъ растѣній, многіе обычай народныя, основанныя на разности климатовъ, и т. д. Въ-заключеніе, г. Порошинъ представлялъ, что было-бы весьма полезно заняться собираніемъ помннутыхъ свѣдѣній чрезъ сношенія съ жителями губерній.

Для дальнѣйшаго развитія этого предположенія, учреждена была особая коммисія изъ гг. Членовъ Э. Х. Лейца, О. И. Шиховскаго и В. С. Порошина.

Коммисія сія составила для наблюдателей рядъ вопросовъ и подробное наставленіе къ собиранію нужныхъ свѣдѣній. Вопросы и наставленіе напечатаны, согласно предположенію Коммисіи, въ числѣ 12,000 экземпляровъ и разосланы по губерніямъ. Поступающіе изъ разныхъ мѣстъ въ большомъ числѣ отвѣты передаются по-принадлежности въ Комитетъ Физической Географіи Отдѣленія Географіи Россіи.

При семь случаяхъ должно упомянуть съ признательностью, что гг. Дд. Чч. М. П. Муравьевъ и А. И. Левшинъ оказали особенное содѣйствіе Обществу при распространеніи помннутаго наставленія между лицами, могущими съ особымъ усиліемъ способствовать доставленію требуемыхъ свѣдѣній, именно; между чинами Межеваго Вѣдомства, отправленными для практическихъ дѣйствій въ разные уѣзды, и многими мѣстами и лицами вѣдомства Департамента Сельскаго Хозяйства.

В. ТРУДЫ НѢКОТОРЫХЪ ЧЛЕНОВЪ ОБЩЕСТВА НЕЗАВИСИМО ОТЪ РАБОТЪ ОТДѢЛЕНІЙ И КОММИСИЙ.

1. *Хозяйственный Атласъ Россіи.*

Директоръ Департамента Сельскаго Хозяйства А. И. Левшинъ прислалъ Обществу въ даръ карту Европейской-Россіи съ обозначеніемъ на ней главнаго характера почвъ, причемъ объяснялъ, что эта карта входитъ въ составъ изготовляемаго, по его предназначеніямъ и подѣ непосредственнымъ его над-

воромъ, Хозяйственного Статистическаго Атласа Россійской Имперіи.

Этотъ атласъ будетъ состоять изъ значительнаго числа картъ, на которыхъ графическимъ и нагляднымъ образомъ представятся важнѣйшіе предметы Земледѣльской Статистики, какъ то: климатъ, хозяйственные растѣнія, движеніе хлѣбной торговли, лѣсное хозяйство, разныя отрасли земледѣльской промышленности, скотоводство и пр. Основаніемъ этой работѣ служатъ свѣдѣнія, собиравшіяся въ теченіе трехъ лѣтъ, по распоряженію Департамента Сельскаго Хозяйства, чиновниками Департамента, Учебными Фермами, Членами-Корреспондентами Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ и другими лицами.

При недостаточной у насъ вообще обработкѣ Хозяйственной Статистики, подобный трудъ положить, безъ сомнѣнія, весьма важное начало будущему развитію этой науки.

Къ атласу составляется особый текстъ, который представитъ опытъ систематическаго изложенія Хозяйственной Статистики.

Сводомъ и обработываніемъ помянутыхъ свѣдѣній, также какъ и составленіемъ самаго текста, занимается, по указаніямъ г. Левшина, К. И. Веселовскій (Д. Ч. О.).

2. *Этнографическая карта Европейской-Россіи.*

Академикъ П. И. Кенпенъ (Д. Ч. О.) продолжалъ трудиться надъ составленіемъ этнографической карты Европейской-Россіи и пояснительнаго текста къ оной.

Въ настоящее время всѣ четыре листа карты въ главныхъ координатахъ гравюромъ отдѣланы. На 2-мъ и 4-мъ листахъ гравированы названія. На 1-мъ листѣ понадобилось сдѣлать нѣкоторыя поименованія въ отношеніи къ населенію Финляндіи, въ свѣдѣствіе поѣздки въ 1848 году по этому краю Магистра Верелюса, который успѣлъ опредѣлить границы Квейскаго Нарѣчья. Изготовленіе 3-го листа останавливается за неполученіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній.

Въ свѣдѣствіе просьбы г. Кенпена, истребованы были, по Высочайшему повелѣнію, Департаментомъ Военныхъ Поселеній, свѣдѣнія о Волохахъ и Сербяхъ, въ поселеніяхъ этихъ жи-

вудныхъ. Такия же свѣдѣнія собираются щипѣ въ Подольской Губерніи по распоряженію мѣстнаго Военнаго Губернатора. Сверхъ того не достаесть еще свѣдѣній о Латовцахъ Виленской и Гродненской губерній. Географическое Общество просило гг. Губернаторовъ о сообщеніи оныхъ.

Совершенная въ теченіе прошлаго лѣта самимъ г. Кеппеномъ поѣздка по нѣкоторымъ уѣздамъ С.-Петербургской Губерніи, для повѣрки и пополненія показаній, собранныхъ въ теченіе пяти лѣтъ, послужила къ точнѣйшему познанію этнографическаго положенія Губерніи: между новыми выводами и прежними показаніями обнаружилась разность. Всего болѣе эта поѣздка служила къ опредѣленію мѣстопребыванія и числа финскихъ поколѣній Воти и Ижоры.

О Карелахъ Новгородской и Тверской губерній г. Кеппенъ получилъ отъ посѣтившаго эти губерніи г. Европеуса дополнителныя свѣдѣнія, послужившія къ точнѣйшему обозначенію на картѣ ихъ мѣстопребываній. О Карелахъ, водворенныхъ нѣкогда въ Ковловскомъ Уѣздѣ Тамбовской Губерніи, г. Кеппенъ, не взирая на сношенія съ мѣстнымъ начальствомъ и съ разными частными лицами, не могъ получить никакихъ свѣдѣній.

Нынѣ составляются, по указаніямъ г. Кеппена, о каждомъ народѣ, означенномъ на картѣ, историческія выписки, съ-тѣмъ-чтобы въ поясненіяхъ къ этнографической картѣ можно было съ болѣею достовѣрностію означить все, что до него касается.

Для повѣрки получаемыхъ свѣдѣній и дополненія оныхъ, г. Кеппенъ продолжалъ непрерывно обширную переписку съ лицами разныхъ званій въ разныхъ мѣстахъ. Въ-особенности принесли пользу по С.-Петербургской Губерніи сношенія его съ лютеранскими пасторами, которые сообщали вообще свѣдѣнія весьма точныя и подробныя.

3. Труды г. Журавскаго.

Членъ—Сотрудникъ г. Журавскій представилъ Обществу, въ прошломъ году, предложенія свои объ устройствѣ Официальной Статистики посредствомъ разработки, по общему плану, свѣдѣній и матеріаловъ, заключающихся въ дѣлопроизводствѣ

присутственныхъ мѣсть. Особая Комиссія *, разсматривавшая въ-подробности это предположеніе, оцѣнивъ всю важность статистическихъ данныхъ, которыя могутъ быть извлечены изъ актовъ и дѣлъ присутственныхъ мѣсть, признала, что было-бы весьма полезно обратить вниманіе частныхъ лицъ, занимающихся статистическими изслѣдованіями, на способы обработки матеріаловъ изъ сего источника. Заключивъ, затѣмъ, что г. Журавскій, по доказанной имъ опытности въ этихъ занятіяхъ, лучше всѣхъ могъ-бы примѣнять на самомъ дѣлѣ изложенныя имъ предположенія, Комиссія представила Обществу, что по мнѣнію ея слѣдовало-бы просить г. Журавскаго принять на себя производство опытныхъ статистическихъ работъ по Кіевской Губерніи.

Въ-слѣдствіе сдѣланнаго по сему предмету сношенія съ г. Журавскимъ, онъ изъявилъ готовность принять на себя этотъ трудъ. Въ то же время, по просьбѣ Совѣта Общества, г. Кіевскій Генералъ-Губернаторъ изъявилъ готовность содѣйствовать зависящими отъ него средствами успѣху занятій г. Журавскаго.

Нынѣ г. Журавскій представилъ нѣсколько опытныхъ извлеченій изъ актовъ и дѣлъ разныхъ вѣдомствъ Кіевской Губерніи, съ образцами статистической обработки оныхъ. Трудъ этотъ, который заключаетъ въ себѣ 19 весьма многосложныхъ таблицъ и вѣдомостей и около 200 страницъ объясненій и соображеній, совершенъ г. Журавскимъ въ самомъ непродолжительномъ времени и свидѣтельствуетъ вновь какъ о способностяхъ его въ производствѣ статистическихъ работъ, такъ и объ усердіи къ пользамъ науки. Комиссія, разсматривавшая первоначальное предположеніе г. Журавскаго, поручено ваняться разсмотрѣніемъ и этого опыта его труда.

А. Путешествіе по Южной-Россіи Графа А. С. Уварова.

Графъ А. С. Уваровъ (Д. Ч. О.) совершилъ въ 1848 году путешествіе по Южной-Россіи отъ береговъ Дуная до Анапы,

* Изъ гг. Членовъ: А. К. Гирса, В. И. Дала, А. П. Заблочеваго.

собственно для изслѣдованій археологическихъ ; но вмѣстѣ съ-тѣмъ занимался онъ и этнографическими наблюденіями при посѣщеніи Сербскихъ переселенцевъ, начавшихъ переходить въ Россію съ царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, Болгарскихъ колоній, Ногайскихъ и Крымскихъ Татаръ, Мариупольскихъ Грековъ и другихъ прибрежныхъ жителей Чернаго-Моря. Графъ А. С. Уваровъ вездѣ старался знакомиться съ тѣми лицами, которыя обладаютъ знаніемъ края, вступилъ въ связи и переписку съ нѣкоторыми учеными, и обѣщалъ доставить въ этнографическій музей нашего Общества народныя одѣянія нѣкоторыхъ жителей Южной-Россіи *. Онъ предполагаетъ издать свое путешествіе въ-теченіе 1849 года, съ приложеніемъ картъ, плановъ и рисунковъ. Археологическія изслѣдованія Графа А. С. Уварова могутъ быть также полезны Русскому Географическому Обществу, ибо обнимаютъ область Исторической Географіи, которая была до сего времени у насъ весьма мало обработана, въ-особенности относительно среднихъ вѣковъ существованія Русскаго Государства.

5. Труды г. Мельникова.

Другой членъ Географическаго Общества, П. И. Мельниковъ, находился въ-теченіе года въ безпрестанныхъ разъѣздахъ по Нижегородской Губерніи для статистическихъ и этнографическихъ изслѣдованій. Г. Мельниковъ, извѣстный своими замѣчательными статьями о Нижегородской Губерніи, помѣщенными въ тамошнихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, своимъ описаніемъ тамошней ярманки, и публичными въ Нижнемъ-Новгородѣ чтеніями «о Россіи и Нижнемъ въ началѣ XVII столѣтія» (чтеніями, на которыя собиралось болѣе 350 слушателей), состоитъ уже нѣсколько лѣтъ Правителемъ дѣлъ Нижегородскаго Статистическаго Комитета и по этому званію имѣлъ возможность собрать множество любопытныхъ дан-

* Другой Членъ Р. Г. О., Князь Н. М. Голицынъ, обѣщалъ доставить одѣянія Сибирскихъ инородцевъ, собранныя имъ во время путешествія по Сибири.

ныхъ объ этомъ весьма важномъ краѣ. Поѣздки г. Мельникова въ 1848 году имѣли отчасти цѣлю повѣрить некоторыя изъ полученныхъ имъ свѣдѣній, съ тѣмъ-чтобы въ 1849 году могъ онъ приступить къ систематической обработкѣ своего богатаго запаса матеріаловъ и составить для Русскаго Географическаго Общества полное описаніе Нижегородской Губерніи. Ученымъ трудамъ г. Мельникова оказывали постоянно просвѣщенное свое содѣйствіе: Преосвященный Нижегородскій Іаковъ и Начальникъ губерніи Князь Урусовъ.

6. Труды г. Бакунина.

Дѣйствительный Членъ Общества А. П. Бакунинъ, управляя съ 1843 года Тверской Губерніею, непрестанно заботился о собраніи статистическихъ свѣдѣній объ этомъ краѣ и старался всѣми зависящими отъ него средствами возбуждать въ губерніи ученую дѣятельность, направляя оную къ изученію окружающихъ малоислѣдованныхъ предметовъ. Постоянные труды Г. Бакунина увѣнчались уже успѣхомъ, ибо въ-теченіе пяти лѣтъ, при ограниченнѣхъ средствахъ, бывшихъ въ его распоряженіи, составлены по его предначертаніямъ и подъ ближайшимъ его руководствомъ:

- 1) Подробное описаніе всѣхъ фабрикъ и заводовъ губерніи.
- 2) Сборники статистическихъ данныхъ за пять лѣтъ, напечатанные подъ названіемъ «Памятной Книжки къ Отчету Тверскаго Гражданскаго Губернатора».
- 3) Описаніе состоянія лѣсовъ Тверской Губерніи, неподлежащихъ вѣдѣнію Министерства Государственныхъ Имуществъ.
- 4) Подробное описаніе всѣхъ мельницъ, находящихся въ губерніи.
- 5) Сравнительное описаніе Тверской Губерніи въ 1783 и 1846 году.
- 6) Топографическое описаніе всѣхъ почтовыхъ и торговыхъ дорогъ губерніи.

Сверхъ-того въ Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ часто были помѣщаемы статьи, содержащія любопытныя статистическія и этнографическія свѣдѣнія.

Весьма желательно, чтобъ усердный на пользу науки трудъ г. Бакунина нашелъ многихъ послѣдователей. Трудъ этотъ,

представивъ добросовѣстныхъ описанія разныхъ частей губерній и разныхъ отраслей народной ея промышленности, разяснивъ многіе темные до того предметы и вообще собравъ зачасъ поучительныхъ мѣстныхъ свидѣній, облегчилъ конечно во многомъ и административную дѣятельность просвѣдѣннаго начальника края, который досуги свои отъ занятій служебныхъ посвятилъ ученому изученію той области, къ управленію коей призванъ онъ Высочайшимъ довѣріемъ Государя Императора.

7. Занятія г. Дала.

В. И. Даль (Д. Ч. О.) занимался въ теченіе года приведеніемъ въ порядокъ своихъ обширныхъ этнографическихъ запасовъ, въ особенности — огромнаго собранія *поговорокъ и пословицъ*, и — *словарей*, который онъ предположилъ издать подъ названіемъ: «Словарь живаго народнаго Русскаго Языка по всѣмъ нарѣчіямъ». Трудъ этотъ, по самому существу своему, требуетъ не малаго времени, ибо даже разборъ, приведеніе въ систематическій порядокъ и дополненіе справками и поясненіями собранныхъ матеріаловъ, не могутъ быть окончены въ скорости. Система, принятая г. Далемъ для распределенія пословицъ, отличается тѣмъ, что онъ располагаетъ ихъ не въ азбучномъ порядкѣ, а по смыслу ихъ, и потому изъ каждаго почти разряда можно сдѣлать любопытные выводы о томъ, какъ народъ нашъ смотритъ на извѣстный предметъ, какое чувствуетъ къ нему расположеніе, и проч. Словарь г. Дала также не сходенъ съ изданными до сихъ поръ словарями. Въ нынѣшнихъ, даже самыхъ полныхъ словаряхъ, значительную часть занимаютъ, если можно такъ выразиться, слова искусственныя, въ живомъ разговорѣ рѣдко или и вовсе неупотребляемыя. Напротивъ-того живой *разговорный, въ особенности простонародный Русскій Языкъ* вошелъ въ нихъ въ самомъ неполномъ составѣ. Въ словарѣ г. Дала большая часть словъ суть слова бытовые, обиходныя, употребляемыя народомъ ежедневно. Важность этихъ словъ для этнографіи безспорна: они касаются многихъ обычаевъ народныхъ, повѣрій, суевѣрій и проч. и весьма часто объединяютъ ихъ. Въ дополненіе къ словарю своему, г. Даль состав-

ляетъ карту, на которой будетъ показано географическое распределение разныхъ нарѣчій.

Часть матеріаловъ для помнянутыхъ значительныхъ работъ извлекъ г. Даль изъ многочисленныхъ отвѣтовъ, полученныхъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ съ разныхъ концовъ Россіи на этнографическій циркуляръ, разосланный еще въ 1846 году. Изъ этого видно, что присылаемыя въ Общество свѣдѣнія, даже самыя отрывочныя или краткія, если и не всегда могутъ входить въ изданія Общества, то не остаются однако безъ вниманія, при первомъ удобствѣ съ пользою употребляются и по мѣрѣ возможности обрабатываются. При семъ случаѣ повторимъ искреннѣйшую признательность тѣмъ просвѣщеннымъ и благонамѣреннымъ соотечественникамъ, которые отозвались на призывъ Общества. Повторимъ и желаніе, чтобы сообщеніе изъ губерній мѣстныхъ словъ, поговорокъ и пословицъ продолжалось и впредь, тѣмъ болѣе, что полезное для всѣхъ Русскихъ предпріятіе г. Дали можетъ увѣичаться полнымъ успѣхомъ только при содѣйствіи значительнаго числа лицъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Г. ПРЕМІИ ЗА УЧЕНЫЕ ТРУДЫ.

1. *Константиновская Медаль.*

Совѣтъ надѣялся представить въ настоящемъ засѣданіи медаль преміи, учрежденной Его Императорскимъ Высочествомъ Августѣйшимъ Предсѣдателемъ Общества, для награжденія географическихъ трудовъ, но къ сожалѣнію художникъ, которому поручено было изготовленіе оной, умеръ отъ холеры; другой, на котораго нынѣ возложенъ этотъ трудъ, не успѣлъ еще его окончить.

2. *Статистическая Премія.*

Въ 1848 году предстояло Русскому Географическому Обществу во второй разъ, на основаніи положенія о Жуковской Преміи, назначить ее лучшему статистическому сочиненію о *Россіи*, написанному *по-русски*.

Представлены были къ составанію два рукописныя сочиненія, которыя заключали въ себѣ статистическія монографіи. Комиссія, учрежденная для разсмотрѣнія оныхъ, имѣя въ виду, что по новости учрежденія премій не могло еще поступить достаточнаго числа сочиненій, не присудила преміи. Отдѣленіе Статистики, утвердивъ это постановленіе, опредѣлило присоединить премію нынѣшняго года къ преміи 1849 года, и предоставило Управляющему Отдѣленіемъ А. П. Заблоцкому сдѣлать заблаговременно публикацію и назначить срокъ къ представленію сочиненій.

д. сношенія общества съ жителями губерній и съ иностранными учеными.

Въ теченіе всего истекшаго года сношенія Общества съ жителями губерній продолжались непрерывно. Стараясь возбуждать желаніе къ изученію Отечества, стараясь направлять надлежащимъ образомъ труды лицъ, посвятившихъ себя на это дѣло, Общество продолжало разсылать свои разнородныя извѣщенія, наставленія, объявленія, и всего разслало ихъ въ теченіе года болѣе 30,000 экземпляровъ. Одно это число доказываетъ, въ какомъ обширномъ размѣрѣ дѣйствовало Общество. Отвѣты поступали непрерывно, и мы вправѣ сказать что Географическое Общество было столь счастливо, что во многихъ мѣстахъ возбуждало живѣйшее сочувствіе къ трудамъ своимъ и желаніе содѣйствовать полезной его дѣятельности. Наставленія и извѣщенія Общества находятъ нынѣ во всей Россіи, читаются лицами разныхъ сословій и обратили многихъ къ труду полезному и благородному.

Посему, можно смѣло утверждать, что Географическое Общество имѣло благотворное вліяніе на умственную дѣятельность въ разныхъ концахъ Россіи: оно вездѣ согрѣвало Русскихъ любовью къ отечеству и этимъ сильнымъ способомъ побуждало ихъ къ изученію Россіи. Жители самыхъ отдаленныхъ губерній, видя, что труды ученаго сословія, удостоеннаго личнымъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Вѣнчата, направлены къ этой цѣли, съ радостію отзывались на

призывъ Общества и стремились посильнымъ трудомъ своимъ способствовать благой для всей Россіи цѣли его.

Такимъ-образомъ Русское Географическое Общество становится постепенно средоточіемъ ученой дѣятельности, развивающейся въ разныхъ мѣстахъ для познанія Россіи ; къ нему стекаются со всѣхъ сторонъ труды множества лицъ, и въ немъ собирается обильный запасъ драгоценныхъ свѣдѣній.

Нѣкоторыя наставленія и объявленія, разосланныя Обществомъ, были уже поминованы въ настоящемъ отчетѣ. Должно сказать еще объ одномъ изъ нихъ, разосланномъ по Отдѣленію Этнографіи, съ цѣлію собрать свѣдѣнія о *простомъ русскомъ головьѣ*, о народномъ бытѣ кореннаго русскаго населенія во всѣхъ его отгѣнкахъ. Имѣя въ виду, что тѣ свойства, тѣ отличительныя черты, которыя составляютъ родовую принадлежность *русскаго головья*, сохранились въ чистотѣ евоей наиболее въ простомъ народѣ, Географическое Общество нацѣрало подробную программу тѣхъ сторонъ, съ которыхъ простонародный бытъ долженъ быть подвергаемъ изученію съ пользою для Этнографіи. Оно пригласило людей любознательныхъ, въ подручныхъ наблюденію ихъ мѣстностяхъ, обратить вниманіе : 1) на наружность туземныхъ жителей, замѣчая всѣ болѣе-или-менѣе характеристическія особенности ихъ тѣлосложенія и вида ; 2) на языкъ, главный органъ народности, во всемъ разнообразіи его мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ ; 3) на домашній бытъ, въ которомъ всего вѣрнѣе сохраняется древнее наследіе первобытныхъ нравовъ и обычаевъ народа ; 4) на тѣ остатки быта общественнаго, гдѣ сила времени и другихъ вліяній не затерла слѣдовъ первоначальнаго устройства народной жизни изъ самой себя ; 5) на умственныя и нравственныя отличія, во сколько видно въ нихъ природное направленіе и развитіе народнаго духа, а не внѣшнія заимствованія путемъ подражанія и перенимчивости ; наконецъ 6) на народныя преданія и памятники—эту живую, безпристрастную исторію, въ которой народъ высказываетъ себя какъ онъ есть, безъ всякаго притворства и самообольщенія.—Многіе изъ просвѣщенныхъ соотечественниковъ отвѣчали уже на этотъ призывъ, и нѣтъ сомнѣнія, что по мѣрѣ постепеннаго наполненія этой обширной программы должна наконецъ составиться полная, на живыхъ фактахъ основанная

энциклопедія народнаго русскаго быта, основаніе доселѣ невоздѣланной науки Русской Этнографіи.

Сношенія Общества съ иностранными учеными чрезъ посредство многихъ изъ членовъ его, продолжались. Между прочимъ г. Помощникъ Предсѣдателя **Ө. П. Литке**, г. Управляющій Отдѣленіемъ Географіи Россіи **В. Я. Струве**, и Князь **Э. М. Голицынъ** (Д. Ч. О.), которые, во время многократныхъ путешествій своихъ, завели знакомство и связи со многими изъ извѣстнѣйшихъ подвижниковъ въ дѣлѣ науки за границей, находились и въ нынѣшнемъ году въ дѣятельной перепискѣ съ ними, сообщали имъ правильныя свѣдѣнія о томъ, что совершается на пользу науки въ Россіи и наоборотъ получали отъ нихъ новѣйшія извѣстія объ успѣхахъ разныхъ отраслей Землевѣдѣнія за границей.

Изъ помянутыхъ лицъ, Князь Голицынъ находился въ постоянной перепискѣ съ Парижскими Обществами: Географическимъ и Геологическимъ. Между прочими сочиненіями сообщилъ онъ Парижскому Географическому Обществу свои переводы путешествій по Сибири Сенатора Карнилова, Мартоса и другихъ, описаніе своей поѣздки въ Финляндію, извѣстія о трудахъ нашей Уральской Экспедиціи, и проч.

Е. ИЗДАВІЯ ОБЩЕСТВА.

Въ-теченіе 1848 года приступлено къ печатанію III-ей и IV-ой книжекъ Записокъ Общества, ко второму изданію I-ой и II-ой и сверхъ-того собраны матеріалы для V-ой и VI-ой книжекъ.

Съ начала 1848 года Общество приступило къ изданію мѣсячныхъ прибавленій къ запискамъ своимъ подъ заглавіемъ «Географическія Извѣстія». Изданіе это находилось подъ редакціею **Н. И. Надеждина** (Д. Ч. О.) и содержало въ себѣ:

1. Свѣдѣнія о занятіяхъ Общества въ составѣ общихъ его собраний, совѣта, отдѣленій и разныхъ комиссій, а также объ относящихся къ цѣли Общества отдѣльныхъ трудахъ гг. членовъ и сотрудниковъ.

2. Извѣстія о занятіяхъ иностранныхъ ученыхъ обществъ, имѣющихъ подобный кругъ дѣятельности.

3. Всякаго рода любопытныя географическія новости, какъ то: извѣстія о снаряжаемыхъ и объ отправленныхъ уже ученыхъ экспедиціяхъ, о путешествіяхъ предпринятыхъ въ разныя страны, сдѣланныхъ открытіяхъ и описаніяхъ, и т. п.

4. Краткія, имѣющія современный интересъ, замѣтки и указанія по-части географіи, статистики и этнографіи, преимущественно *русской*, но не исключая и другихъ странъ.

5. Библиографическія извѣстія объ изданныхъ въ послѣднее время книгахъ, картахъ, атласахъ и проч.

Нѣкоторые изъ гг. членовъ занимались приготовленіемъ статей для Статистическаго Сборника, изданіе коего предположило себѣ Отдѣленіе Статистики Россіи, и для II-го тома Карманной Книжки для любителей Землеводѣнія.

Ж. ПЕРЕВОДЪ ЗЕМЛЕВОДѢНІЯ РИТТЕРА.

Дѣйств. Членъ и Членъ-Соревнователь Общества П. В. Голубковъ, предположивъ издать на своемъ изданіи русскій переводъ знаменитаго творенія Риттера, поручилъ это дѣло нѣсколькимъ ученымъ въ Москвѣ. Въ числѣ ихъ находится и ученикъ Риттера А. П. Ефремовъ (Д.Ч.О.). Онъ уже перевелъ первый томъ, который и печатается въ Москвѣ подъ его наблюденіемъ. Потомъ г. Голубковъ доставилъ Обществу 5,000 р. сер. на составленіе дополненій къ сочиненію Риттера, соответственныхъ новѣйшему положенію географическихъ знаній. Въ послѣдствіи-же, не признавъ удобнымъ продолжать въ Москвѣ переводъ и изданіе Риттера, г. Голубковъ предложилъ Географическому Обществу принять на себя это многотрудное дѣло, и доставилъ на сей предметъ 15,000 р. сер. Предложеніе г. Голубкова было принято съ полною признательностію за его благородный подвигъ на пользу науки.

Изъ всего вышесказаннаго, Ваше Императорское Высочество и Вы, Милостивые Государи, изволите усмотрѣть, что истекшій годъ былъ для Русскаго Географическаго Общества годомъ по преимуществу *труда*, годомъ непрерывныхъ, раз-

вообразныхъ занятій. Свойство многихъ ученыхъ работъ Общества таково, что только послѣ многолѣтней постоянной дѣятельности окажутся во всей полнотѣ своей результаты ихъ; только въ самомъ концѣ труда являются плоды его. Посему—то прошедшій годъ и не можетъ еще представить правыхъ результатовъ тѣхъ ученыхъ работъ, которыя продолжались непрерывно во все его теченіе.

Въ разныхъ мѣстахъ дѣйствовали ученныя экспедиціи; отдѣльныя комиссіи занимались по разнымъ частнымъ вопросамъ науки; отдѣленія Общества разсматривали и обсуживали положенія этихъ комиссій; многіе изъ гг. членовъ занимались отдѣльно учеными изслѣдованіями; Общество находилось въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ жителями разныхъ губерній; переписка со многими иностранными учеными поддерживалась; собрано много важныхъ и любопытныхъ статей для наполненія вдругъ нѣсколькихъ томовъ Записокъ; готовились статьи для Статистическаго Сборника, для Обзорнія Русской Торговли, для II-го тома Карманной Географической Книжки; готовился переводъ огромнаго творенія Риттера; гравировалась этнографическая карта Европейской Россіи, и со всѣхъ предѣловъ отечества нашего собирались свѣдѣнія, къ познанію его полезныя.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ очеркъ всей вышеназванной ученой дѣятельности Географическаго Общества.

Оканчивая настоящій отчетъ, Совѣтъ Географическаго Общества съ удовольствіемъ обращаетъ вниманіе Вашего Императорскаго Высочества и ваше, Милостивые Государи, на наступившій четвертый годъ существованія Общества. Въ теченіе этого наступившаго года должны явиться нѣкоторые плоды многихъ трехлѣтнихъ работъ. Остается желать, чтобъ единодушное стремленіе всѣхъ членовъ къ той цѣли, которая насъ здѣсь соединяетъ, продолжалось непрерывно, чтобы просвѣщенная любовь къ Россіи оживляла всѣ труды наши и чтобъ изученіе Россіи подвигло впередъ и Науку на пользу и славу Отечества.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО
ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

КНИЖКА V,

ИЗДАННАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

П. Г. РѢДКИНА,

ДѢЙСТВ. ЧЛЕНА ИМП. РУССК. ГЕОГР. ОБЩЕСТВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1851.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ. 23 февраля 1851 года.

Ценсоръ Ю. Шидловскій.

О Т Ч Е Т Ъ

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

за 1849 годъ,

читанный въ годовомъ собраніи Общества, 22 февраля 1850 года, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Константина Николаевича, Предсѣдателя Общества.

*Ваше Императорское Высочество
и Милостивые Государи!*

Советъ Русскаго Географическаго Общества имѣеть честь представить Вамъ краткое обзорніе дѣяній Общества за четвертый годъ его существованія.

Въ обзорніи семъ, Советъ считаетъ долгомъ обратить предварительно вниманіе Ваше на предметы, относящіеся до внутренняго устройства самаго Общества, и затѣмъ перейти къ изложенію ученыхъ трудовъ его на обширномъ поприщѣ, которое указано его дѣятельности.

А. ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО ОБЩЕСТВА.

Коммисія, учрежденная Обществомъ, еще въ исходѣ 1847 года, для пересмотра Временнаго Устава, Высочайше одобреннаго 6 августа 1845 на три года, составила, какъ извѣстно Собранію, въ 1848 году, проектъ новаго Устава, который былъ и

внесень на разсмотрѣніе Совѣта. Здѣсь трудъ Комисіи подвергся подробному обсужденію; вслѣдствіе чего, представленный ею проектъ отчасти измѣненъ, отчасти дополненъ, а затѣмъ, по отпечатаніи, разосланъ ко всемъ Дѣйствительнымъ Членамъ для просмотра. Обсудивъ всѣ представленныя гг. Членами замѣчанія, Совѣтъ, вмѣстѣ съ особо-избранными отъ Общества Членами, составилъ, въ теченіе минувшаго года, окончательный проектъ новаго Устава, который былъ предъявленъ Обществу Собранію Общества, и, съ разрѣшеніемъ Его Императорскаго Высочества, и съ нѣкоторыми сдѣланными Его Высочествомъ замѣчаніями, представленъ, чрезъ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, на Высочайшее утвержденіе.

Не входя здѣсь въ подробное изложеніе измѣненій, предположенныхъ противъ Временнаго Устава, слѣдуетъ замѣтить, что многочисленныя и продолжительныя разсужденія, происходившія при пересмотрѣ Устава, и свидѣтельствующія какъ о важности самаго предмета, такъ и объ отчетливости и добросовѣстности, съ которыми онъ обсуживался въ особой Комисіи и Совѣтѣ, имѣли всѣ одинъ характеръ и одно направленіе: не измѣняя высокой патріотической цѣли, указанной дѣятельности Общества во Временномъ Уставѣ, выразить эту цѣль съ большею, по возможности, ясностію и опредѣлительностію, и изыскать наиболѣе практическіе, согласные съ указаніями четырехлѣтняго опыта, способы къ достиженію этой цѣли.

Эта мысль, которою руководилось Общество, заслужило вполне одобреніе высшаго Правительства. Въ давномъ, 28 числа минувшаго декабря, милостію Августѣйшаго Монарха нашего, новымъ Уставъ, въ который вошли предположенныя Комисіею и Совѣтомъ частныя измѣненія, не только утверждены прежде предоставленныя Обществу значительныя пособія и правъ, но и дарованы новыя преимущества, присвоеніемъ ему наименованія Императорскаго Географическаго Общества и правъ государственной службы Письмоводителямъ Канцеляріи его. Высокія милости, оказываемыя Обществу нашему Августѣйшимъ Покровителемъ всякаго полезнаго начинанія, всякой полезной дѣятельности въ отечествѣ, обязываютъ насъ, Милостивые Государи, къ продолженію и къ усугубленію, по возможности, трудовъ нашихъ.

По истеченіи трехлѣтняго срока дѣйствовавшаго донынѣ Временнаго Устава Общества, надлежало, еще въ концѣ 1848 года, на основаніи § 44 сего Устава, приступить къ избранію, на слѣдующее трехлѣтіе, Предсѣдателя; но Общество нашло необходимымъ приостановиться симъ дѣломъ, до окончательнаго пересмотра и утвержденія Устава. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ Общемъ Собраніи 4 декабря 1848 года положено единогласно выразить, предъ лицомъ Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Константина Николаевича, ревностное желаніе, чтобы Его Высочество осчастливилъ Общество милостивымъ сохраненіемъ званія Предсѣдателя, и продолжилъ бы тѣмъ Высокое Свое покровительство, какъ вѣрнѣйшій залогъ преуспѣянія Общества. Изъявленное Его Императорскимъ Высочествомъ согласіе на удержаніе за собою званія Предсѣдателя принято Обществомъ съ чувствомъ живѣйшей признательности, какъ новое свидѣтельство милостиваго вниманія къ Обществу.

Въ составѣ Совѣта произошли, въ минувшемъ году, слѣдующія перемѣны :

Выбыли по очереди, на основаніи § 42 Временнаго Устава, Члены : А. И. Левшинъ и Э. Х. Ленцъ; Н. И. Надеждинъ избранъ въ Управляющіе Отдѣленіемъ Этнографіи; за умножившимися служебными занятіями, сложили съ себя званіе Членовъ Совѣта : П. Н. Фусъ и М. Н. Мусинъ-Пушкинъ. На мѣсто сихъ 5 Членовъ, избраны, въ годовомъ Собраніи 12 января 1849 года, Дѣйствительные Члены Общества : Д. А. Милотинъ, А. М. Бяляевичъ и И. П. Шульгинъ, и въ Общемъ Собраніи 12 апрѣля : П. А. Тучковъ и А. С. Норокъ.

Составъ самаго Общества увеличился избраніемъ 39 Дѣйствительныхъ Членовъ и 6 Членовъ Сотрудниковъ. Къ 4 декабря 1849 года Общество имѣло :

Почетныхъ Членовъ	45
Иностранныхъ Почетныхъ Членовъ	13
Членовъ Соревнователей	2
Дѣйствительныхъ Членовъ	375
Членовъ Сотрудниковъ	44
Иностранныхъ Членовъ Корреспондентовъ	23

Состояніе суммъ, съ 1 декабря 1848 по 1 декабря 1849 года, о которыхъ представляется, въ настоящемъ засѣданіи, подробная печатная ведомость, было, въ общихъ цифрахъ, слѣдующее :

Остатка къ 1 декабря 1848 г.	25,683 р. 86 $\frac{1}{2}$ к.
Въ приходъ	31,330 — 67 $\frac{1}{2}$ —
Въ расходъ	7,898 — 2 —
Остатка къ 1 декабря 1849 г.	49,116 — 52 $\frac{1}{2}$ —
Въ томъ числѣ :	
а) Остатка отъ текущихъ доходовъ	12,446 — 8 $\frac{1}{2}$ —
б) Неприкосновеннаго капитала	3,600 —
в) Суммъ, имѣющихъ специальное назначеніе на разныя ученныя предпріятія	32,670 — 44 —

По части казначейской составлены Советомъ дополнителныя правила, для удобнѣйшей и легчайшей отчетности по ежегоднымъ взносамъ гг. Дѣйствительныхъ Членовъ.

Библіотека Общества обогатилась 376 сочиненіями. Изъ нихъ: принесено въ даръ отъ сочинителей 38; куплено на счетъ Общества 338.

Главное приращеніе произошло отъ пріобрѣтенія, у книгопродавца Смирдина, всѣхъ извѣстнѣйшихъ, напечатанныхъ на русскомъ языкѣ сочиненій по части географіи, статистики и этнографіи Россіи. Для выбора сихъ сочиненій была составлена особая Комиссія изъ гг. Дѣйствительныхъ Членовъ : А. С. Норова, Н. И. Надеждина и П. С. Савельева. Комиссіею vybrano 220 сочиненій, которыя всѣ и пріобрѣтены.

До минуваго года бібліотека Общества находилась въ завѣдываніи Секретаря. Съ постепеннымъ ея приращеніемъ, Советъ призналъ необходимымъ поручить завѣдываніе ея особому лицу. При этомъ Д. Ч. П. Н. Семеновъ, желая быть полезнымъ Обществу зависящими отъ него средствами, вызвался принять на себя безвозмездно обязанность Библіотекаря. Принявъ съ благодарностію такой вызовъ г. Семенова, Советъ призналъ его Библіотекаремъ, и просилъ приступить немедленно къ составленію систематическаго каталога книгамъ, картамъ и рукописямъ, находящимся въ бібліотекѣ. Каталогъ этотъ нынѣ изготовленъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ составленъ проектъ инструкціи для руководства Библіотекаря.

Музей Общества увеличился, въ минушемъ году, нѣсколькими любопытными предметами. Отъ березовскаго купца Андрея Трофимова присланы въ даръ Обществу одежды инородцевъ Березовскаго Края; отъ Архангельскаго Военнаго Губернатора — одежды инородцевъ Архангельской Губерніи; отъ Д. Ч. князя Н. М. Голицына — лѣтній парадъ Туингуса Якутской Области.

Въ заключеніе къ изложеннымъ свѣдѣніямъ о состояніи Общества и его устройствѣ, слѣдуетъ упомянуть о предположеніи, для распространенія ученой дѣятельности Общества, учредить на Кавказѣ особый Отдѣлъ его.

Нѣкоторые Члены Общества и многія другія лица, находящаяся постоянно на Кавказѣ, занимаются изученіемъ этого края; но труды ихъ, появляясь довольно рѣдко въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, большею частію остаются въ портфеляхъ и архивахъ. Съ цѣлю, чтобы столь полезная дѣятельность не оставалась безъизвѣстною, чтобы она получила одно общее направленіе, и чтобы взаимное содѣйствіе трудящихся облегчало, по возможности, работу каждаго, сообщено было г. Намѣстнику Кавказскому предположеніе объ учрежденіи, подъ его покровительствомъ, особаго Кавказскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества, на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: 1) чтобы Отдѣлъ самъ увеличивалъ составъ свой избраніемъ въ Члены свои тѣхъ лицъ, которыя могутъ быть для него полезны, а эти лица тѣмъ самымъ получали бы званіе Членовъ Сотрудниковъ Р. Г. О.; 2) чтобы тѣ сочиненія гг. Членовъ Отдѣла, которыя они не пожелаютъ издать на свой счетъ, и на изданіе копій Начальство Кавказское не признаетъ возможнымъ удѣлить денежныхъ средствъ, сообщались Обществу въ С.-Петербургѣ, для напечатанія по его усмотрѣнію, и 3) чтобы Кавказскій Отдѣлъ находился въ постоянномъ сношеніи съ Р. Г. Обществомъ, и получалъ безденежно всѣ его изданія, а въ случаѣ возможности, и нѣкоторыя денежныя средства. Впрочемъ желательно было бы, чтобы Главное Начальство края также предоставило, съ своей стороны, нѣкоторые способы для полезной дѣятельности Отдѣла. — Одобривъ эти предположенія и изъявивъ пол-

кую готовность содѣйствовать полезной цѣли Общества, Его Сіятельство, князь Намѣстникъ просилъ Советъ дать сему дѣлу дальнѣйшій ходъ и прислать ему проектъ Устава для Отдѣла, дабы, по разсмотрѣніи сего проекта, онъ могъ доставить тѣ замѣчанія, которыя найдутся нужными по мѣстнымъ обстоятельствамъ края. Проектъ такого Устава, составленный, по порученію Совета, гг. Дѣйствительными Членами Н. И. Надеждинымъ и А. В. Головиннымъ, и подробно разсмотрѣнный и дополненный въ Советѣ, препровожденъ уже къ князю Михаилу Семеновичу Воронцову.

Б. УЧЕННЫЕ ТРУДЫ.

1. УРАЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

Изъ послѣдняго отчета Обществу извѣстно о блистательномъ успѣхѣ, съ которымъ совершенно, не смотря на много-различныя затрудненія, лѣтомъ 1848 года, главнымъ отрядомъ Уральской Экспедиціи, при коемъ находился самъ Начальникъ Экспедиціи, полковникъ Э. К. Гоѣманъ, изслѣдованіе Уральского Хребта, отъ истоковъ Войкара до самаго Ледовитаго Моря, а также о неодолимомъ препятствіи, которое встрѣтилъ второй отрядъ, майора Стражевскаго, по случаю потери всѣхъ оленей, въ возложенномъ на него изслѣдованіи части восточнаго склона хребта. По возвращеніи, въ исходѣ 1848 г., Начальника Экспедиціи въ С.-Петербургъ, сопровождавшій его къ Ледовитому Морю астрономъ Экспедиціи, магистръ Ковальскій отправился въ Обдорскъ для занятій, которыя, по составленному плану, подлежало ему окончить въ продолженіе зимы съ 1848 на 1849 годъ. Разставшись съ полковникомъ Гоѣманомъ у Карскаго Лимана, и опредѣливъ мысъ Толстой, г. Ковальскій предпринялъ путешествіе вдоль береговъ моря, и обогнувъ сѣверную оконечность Урала, достигъ устья рѣки Пыдераты. Здѣсь онъ положительно убѣдился, что восточная цѣпь Урала, помѣщенная на картѣ Регули, въ дѣйствительности не существуетъ. Перѣхавъ Пыдерату и достигнувъ р. Щучи, г. Ковальскій спустился внизъ по этой рѣкѣ до Оби, и по сей послѣдней прибылъ; 17. сентября 1848 г., въ Обдорскъ.

На восточной сторонѣ Урала г. Ковальскому предстоило опредѣленіе Обдорска, Березова и некоторыхъ мѣстъ по Оби между этими двумя городами. Всѣ эти работы окончены астрономомъ, съ совершеннымъ успѣхомъ, къ 4 января 1849 года. 16 января онъ оставилъ Тобольскую Губернію, и на оленяхъ ижемскаго крестьянина Терятева, который отказался отъ всякаго вознагражденія, переехалъ по р. Уссу на Печору. Наступившая оттепель затруднила чрезвычайно путешествіе вверхъ по Печорѣ до г. Чердыни. Мѣстами онъ долженъ былъ идти на лыжахъ. Прибывъ въ Чердынь 23 февраля, г. Ковальскій соединилъ этотъ городъ хронометрически съ деревнею Усть-Улсуи и сопкою Монинъ-Тумпъ, близъ истоковъ Вишеры. 21 марта онъ оставилъ Чердынь, и 17 апреля 1849 года прибылъ въ С.-Петербургъ. Всего, въ теченіе двухлѣтнихъ работъ на Уралѣ и въ при-Уралѣ, астрономъ Экспедиціи опредѣлялъ: на самомъ Уралѣ 167 точекъ, изъ нихъ — 49, и, кромѣ того, измѣрилъ геодезически 40 высотъ. Въ это послѣднее число не входятъ произведенныя имъ барометрическія нивелированія.

Для доставленія г. магистру Ковальскому возможности привести окончательныя вычисленія всѣхъ этихъ многочисленныхъ наблюденій, Совѣтъ, по ходатайству г. Попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, опредѣлилъ продолжить этому ревностному молодому ученому еще на одинъ годъ, съ 9 апреля 1849 г., то содержаніе, какое онъ получалъ отъ Общества, находясь при Уральской Экспедиціи въ качествѣ астронома.

Въ то же самое время Совѣтъ вошелъ въ подробныя соображенія объ окончательномъ изслѣдованіи той части Уральского Хребта, описаніе котораго предоставлено было отряду майора Стражевскаго. Незислѣдованною осталась именно часть хребта между горою *Косымъ-Нырѣ*, лежащею на пути изъ деревни Оранца въ Березовъ подъ $64\frac{3}{4}^{\circ}$ с. ш., и *Кополовымъ Переходомъ*. Между тѣмъ это пространство, на протяженіи всего не болѣе 200 верстъ, есть, быть можетъ, наиболѣе доступная, по природѣ своей, часть Уральского Хребта, такъ что съемка и изслѣдованіе этой части, по мнѣнію бывшаго Начальника Уральской Экспедиціи, могутъ быть окончены въ два мѣсяца, если только, послѣ падежа, остались еще тамъ олени, или мож-

мо ихъ пригнать туда. Въ этомъ предположеніи, г. Гофманъ составилъ подробный планъ дополнительной экспедиціи лѣтомъ 1850 года, для изслѣдованія означеннаго пространства Уральскаго Хребта. По плану сему, обсужденному и вполне одобренному Совѣтомъ, составъ экспедиціи ограничится тремя лицами: геогностомъ, топографомъ и служителемъ. Первый приготовится, въ теченіе зимы, и къ астрономическимъ опредѣленіямъ, которыхъ придется сдѣлать весьма немного, собственно между 64 и 66° сѣвер. шир. Какъ до 1 іюня горы, по причинѣ снѣговъ, непроходимы, то путешественники отправятся изъ Петербурга не ранѣе половины апрѣля, для прибытія къ концу мая въ Оранецъ. Здѣсь должны ждать экспедицію олени, на которыхъ она отправится чрезъ горы Сабля до Квосьмъ - Ньяра, — отдаленнѣйшаго пункта, до котораго достигъ г. Гофманъ въ 1847 году. Отсюда путешественники направятся, по самому хребту горъ, на сѣверъ до пункта, гдѣ раздѣлилась Экспедиція въ 1848 году подъ 66° с. ш., и оттуда по р. Уссь, или притоку ея р. Лемвъ, гдѣ должна быть приготовлена помѣстительная лодка для отплытія въ Печору. Изслѣдованіе всей неосмотрѣнной еще части Урала должно быть приведено къ окончанію къ срединѣ іюля. Затѣмъ путешественники могутъ быть въ концѣ іюля на р. Печорѣ, а обратно въ Петербургъ въ началѣ сентября.

Озабочиваясь благовременнымъ принятіемъ мѣръ къ обезпеченію успѣха этого предпріятія, Совѣтъ Общества вошелъ, еще въ началѣ минувшаго лѣта, въ сношеніе съ Помощникомъ Пинежскаго Окружнаго Начальника Государственныхъ Имуществъ, имѣющимъ пребываніе въ слободѣ Ижмѣ, и просилъ его принять на себя трудъ договорить одного изъ Ижемскихъ Зырянъ къ поставкѣ, къ исходу мая 1850 года, необходимыхъ для путешествія оленей, нартъ, переводчика и рабочихъ, и приготовить лодку на Лемвъ или Уссь, гдѣ, по мѣстнымъ соображеніямъ, представится болѣе удобнымъ. Въмѣстѣ съ симъ, сообщено было, что Его Императорское Высочество, Августѣйшій Предсѣдатель Общества, основываясь на отзывѣхъ полковника Гофмана о прекрасномъ духѣ и отважности Зырянъ, надѣется, что они, по преданности своей къ Правительству и отечеству, не откажутся содѣйствовать этому предпріятію, и

приведуть его къ счастливому концу, со свойственными имъ рывательностію и смелостию.

По отзыву, полученному отъ Пинежскаго Помощника Окружнаго Начальника еще въ началѣ сентября 1849 года, Ижемскіе Зыряне съ полною готовностію изъявили согласіе поставить, въ началѣ будущаго лѣта, подъ проводъ экспедиціи къ указанному мѣсту, потребныхъ оленей, съ нартами, вожатыми, переводчиномъ и рабочими, для чего, въ родѣ пожертвованія, подписались болѣе чѣмъ на 200 оленей. Лодка тоже будетъ приготовлена на рѣкѣ Усѣѣ. Если последовалъ бы, однакоже, въ лѣто текущаго года, подобно двумъ предъидущимъ годамъ, падежъ оленей, который лишилъ бы Зырянь возможности доказать усердіе свое къ дѣлу, предпринимаемому на пользу общую, то о семъ Географическое Общество будетъ увѣдомлено заблаговременно.

Доньятъ не получено никакихъ неблагопріятныхъ извѣстій на счетъ состоянія оленьихъ стадъ и Ижемскихъ Зырянь, и есть полная надежда, что предполагаемая дополнительная экспедиція увѣнчается успѣхомъ.

Между тѣмъ всѣ многочисленныя и важныя матеріалы, собранныя главною Экспедиціею, какъ собственно по части географіи, такъ и для зоологій, ботаники, геогнозіи, приводились, въ теченіе всего минувшаго года, подъ надзоромъ полковника Гофмана, въ порядокъ, для обнародованія ихъ на судъ ученаго свѣта.

Астрономъ Экспедиціи, г. Ковальскій, занимался, съ примѣрнымъ усердіемъ, вычисленіемъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ многочисленныхъ астрономическихъ, геодезическихъ, барометрическихъ и магнитныхъ наблюденій. Работы его, по главнѣйшей, собственно астрономической части, уже окончены, и дали возможность приступить къ составленію подробной карты изслѣдуемаго края. Карта эта составляется участвовавшими въ Экспедиціи офицерами Корпуса Топографовъ, гг. Брагинымъ и Юрьевымъ, въ масштабѣ 25 верстъ въ англійскомъ дюймѣ. Сѣть къ ней изготовлена Д. Ч. Общества, полковникомъ О. О. Максимовымъ, а подлежащіе къ нанесенію на сѣть астрономически-опредѣленные пункты уже сообщены г. Ковальскимъ. Карта будетъ окончена не позже апрѣля ны-

вѣшняго года. Зоологическая коллекція приведена въ порядокъ г. академикомъ Брандомъ, а ботаническая г. академикомъ Рунрехтомъ. Сдѣланныя самимъ Начальникомъ Экспедиціи геогностическія наблюденія обработаны и приведены въ порядокъ, еще частію во время самаго путешествія. Определеніе собранныхъ окаменѣлостей припалъ на себя извѣстный нашъ ученый, графъ Кейзерлингъ. По полученіи отъ него этого труда, вся геогностическая часть можетъ быть окончательно обработана въ самомъ непродолжительномъ времени.

Г. Гофманъ представилъ Совѣту подробный планъ изданія трудовъ Уральской Экспедиціи и приблизительное исчисленіе необходимыхъ на этотъ предметъ издержекъ. Предварительно разсмотрѣнія этого плана во всей подробности, Совѣтъ, въ видахъ сокращенія издержекъ Общества по этому изданію, обратился съ ходатайствомъ къ г. Министру Финансовъ о принятіи въ семь дѣлъ участія Горнымъ Вѣдомствомъ, для котораго обнародованіе геогностическаго и палеонтологическихъ изслѣдованій должно принести непосредственную пользу. Г. Министръ Финансовъ увѣдомилъ нынѣ, что, вслѣдствіе ходатайства Общества, онъ имѣлъ счастье войти со всеподданнѣйшимъ докладомъ объ отпускѣ Обществу, въ два года, изъ суммъ Горнаго Вѣдомства, 5,300 р. серебромъ, на изданіе въ полномъ объемѣ сочиненія изслѣдованій Уральской Экспедиціи; на что, 20 истекшаго января, и послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Совѣтъ поручилъ полковнику Гофману представить соображенія свои о порядкѣ изданія и подробную смету всѣмъ предстоящимъ по этому предмету издержкамъ.

II. ИСПРАВЛЕНІЕ МЕЖЕВЫХЪ ГУБЕРНСКИХЪ АТЛАСОВЪ.

Въ отчетахъ за 1847 и 1848 г. сообщено было, что, по предположенію Общества о постепенномъ исправленіи губернскихъ атласовъ, служащихъ матеріаломъ для значительной части спеціальной 60-ти листовой карты Россіи, и по составленному въ Обществѣ плану и техническому наставленію для производства съ сею цѣлію геодезическихъ работъ, начаты были сіи работы, по Высочайшему повелѣнію, еще въ 1847 году въ Тверской Губерніи, чинами Межеваго Корпуса, подъ начальствомъ Д. Ч. генераль-маіора Мендта. Въ сихъ же отче-

тахъ изложено было о томъ непосредственномъ участіи, которое приняло Общество въ семь важномъ дѣлѣ, опредѣленномъ, посредствомъ особой хронометрической экспедиціи, географическаго положенія значительнаго числа пунктовъ въ губерніяхъ: Владимірской, Тамбовской, Рязанской, Воронежской и Орловской.

Въ мартѣ минушаго года г. Министръ Юстиціи уведомилъ Общество, что г. Военный Министръ, удостоверясь въ успѣхъ работъ, производимыхъ генераль-маіоромъ Медтомъ, и въ пользу принятой для нихъ системы (ибо симъ способомъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, Генеральный Штабъ получитъ топографическія карты двухъ губерній, вполнѣ соответствующія его потребностямъ, а Межевое Вѣдомство будетъ имѣть вѣрно-составленные атласы тѣхъ губерній), подносилъ Государю Императору всеподданнѣйшій докладъ о продолженіи этого государственнаго труда совокупными силами Генеральнаго Штаба и Межеваго Вѣдомства. Его Императорское Величество, выслушавъ докладъ сей съ удовольствіемъ, Высочайше соизволилъ разрешить продолжать это полезное дѣло производствомъ подобныхъ геодезическихъ работъ и въ другія обмежеванныхъ губерніяхъ, лежащихъ на востокъ отъ Московскаго Меридіана, начавъ, въ 1849 году, съ Рязанской Губерніи, и руководствуясь при этомъ принятыми для сего по Тверской Губерніи способомъ и порядкомъ; по окончаніи же работъ въ Рязанской Губерніи, приступить къ съемкѣ Владимірской, потомъ Ярославской, Тамбовской, Воронежской, Пензенской, Нижегородской, Симбирской, Саратовской и Казанской губерній, такъ, чтобы въ 1859 году, т. е. въ теченіе 10 лѣтъ, все эти десять губерній были сняты; для чего и назначить къ симъ работамъ, вмѣсто 36 межевщиковъ, при нихъ находящихся, 40, а вмѣсто прикомандированныхъ 4 офицеровъ Корпуса Топографовъ, 8. Къ исполненію изъясненной Высочайшей воли приняты, въ минушемъ же году, надлежащія мѣры гг. Министрами Военнымъ и Юстиціи.

Что касается до самаго хода геодезическихъ работъ, то г. Главный Директоръ Межеваго Корпуса уведомилъ Общество: 1) что, въ бытность свою, въ минушемъ году, въ Москвѣ, обзрѣвалъ ихъ лично и нашелъ въ наилучшемъ видѣ; 2) что, въ теченіе минушаго лѣта, съемка всей Тверской Губерніи уже

совершенно окончена, а по Рязанской Губерніи съ 15 мая по 1 октября всего пройдено, снятиемъ почтовыхъ и проселочныхъ дорогъ и рѣкъ, 5,505½ верстъ, и привязано 541 пунктъ генеральныхъ межъ, 47 тригонометрическихъ и 49 астрономическихъ. Изъ всего изложеннаго Собраніе увидить, безъ сомнѣній, съ удовольствіемъ, что начатое, по предположенію Общества и частию при содѣйствіи его, дѣло составленія вѣрныхъ губернскихъ атласовъ продолжаетъ производиться, подѣ просвѣщеннымъ управленіемъ нашего достопочтеннаго Сочлена, г. Главнаго Директора Межеваго Корпуса, съ успѣхомъ, который, видя въ соответствіи видамъ Правительства, общаешь, вмѣстѣ съ тѣмъ, обогатить, въ непродолжительномъ времени, географію Россіи обильнымъ запасомъ новыхъ и возможно-вѣрныхъ топографическихъ свѣдѣній о внутреннихъ губерніяхъ.

При утвержденіи Его Императорскимъ Величествомъ плана геодезическихъ работъ по сочиненію атласа Имперіи, было Высочайше предоставлено Русскому Географическому Обществу, какъ извѣстно Собранію: «составить, по предварительномъ сношеніи съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, Генеральнымъ Штабомъ и Межевымъ Вѣдомствомъ, «подробную инструкцію Межевымъ Чиномъ для производства «статистическихъ работъ при геодезическихъ дѣйствіяхъ». Учрежденная для сего при Статистическомъ Отдѣленіи особая Комиссія, рассмотрѣвъ въ подробности сообщенныя ей, въ видѣ матеріаловъ, свѣдѣнія изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, нашла необходимымъ, для успѣшнаго исполненія возложеннаго на нее порученія, просить о сообщеніи ей еще нѣкоторыхъ свѣдѣній, какъ отъ сказаннаго Министерства, такъ и отъ Межеваго Вѣдомства и Генеральнаго Штаба, и предложила, какъ удобнѣйшее средство для полученія всѣхъ необходимыхъ ей данныхъ, просить всѣ три упомянутыя вѣдомства, чтобы они назначали по одному изъ своихъ чиновниковъ, занимающихся специально симъ предметомъ, въ составъ Комиссіи. Предположеніе это, сообщенное г. Главному Директору Межеваго Корпуса, передано имъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, такъ какъ при ономъ учреждена, для этого же дѣла, особая Комиссія, въ которой назначенъ Членомъ чиновникъ и отъ Межеваго Вѣдомства.

Не получивъ ожидаемаго отъ насъ, Советъ войдетъ въ под-
лежащее сношеніе о согласеніи работъ обнхъ Комиссій по
составленію упомянутой инструкціи Межевымъ Чинамъ.

III. ИЗСЛѢДОВАНІЕ ВЫСОТЪ ВНУТРИ РОССИИ, ОТЪ СМОЛЕНСКА ДО ПЕНЗЫ.

Вслѣдствіе предложенія Д. Ч. барона Ал. К. Мейендор-
фа о разностороннемъ изслѣдованіи черноземной полосы внут-
ренней Россіи, предположено было Советомъ, какъ извѣстно
гг. Членамъ изъ прошлагодняго отчета, привести въ исполне-
ніе одну географическую часть этого проекта, именно изслѣ-
дованіе высотъ, составляющихъ северную границу чернозем-
ной полосы, и опредѣленіе проходящей по нимъ оси дево-
нской системы (древняго краснаго песчаника), и поручено бы-
ло г. Управлявшему Отдѣленіемъ Общей Географіи, Гр. П.
Гельмерсену, представить ближайшія по сему предмету со-
ображенія.

По разсмотрѣніи представленныхъ г. Гельмерсеномъ пред-
положеній, Советъ положилъ: 1) по значительной длинѣ всей
возвышенной полосы, подлежащей къ изслѣдованію въ геогра-
стическомъ и физико-географическомъ отношеніяхъ, и прости-
рающейся на 4,200 верстъ, и по невозможности произвести
эти изслѣдованія въ короткое время, распределить исполненіе
этого труда на два года, съ тѣмъ, чтобы въ лѣтніе мѣсяцы
1849 года изслѣдовать северо-западную половину упомянутыхъ
высотъ, отъ Витебской Губерніи до береговъ Дона, а въ слѣ-
дующій годъ восточную половину, отъ береговъ Дона до Вол-
ги; 2) для точнаго опредѣленія высоты девоноской полосы надъ
уровнемъ моря, произвести, вмѣсто барометрическихъ наблю-
деній, геодезическую нивелировку, именно посредствомъ усо-
вершенствованныхъ въ Вѣнѣ дистанци-мессеровъ * Штаммера,
и 3) для успѣха предположеннаго предпріятія, географиче-
скія изслѣдованія и нивелированіе произвести разными лиц-
ми, такъ какъ географъ долженъ указать путь геодезисту, и
для сего предварительно ознакомиться съ мѣстностію.

* Съ устройствомъ и способомъ употребленія сего превосходнагоinstru-
мента Д. Ч. генералъ-майоръ Волотовъ подробно описываетъ гг. Членамъ въ
одномъ изъ Общихъ Собраній, въ 1849 году.

Согласно такому вѣдѣнію своему, Советъ принялъ немедленно мѣры къ снаряженію, еще въ 1849 году, предположенной ученой экспедиціи. Еще въ началѣ 1849 года сдѣлано было, чрезъ Посольство наше въ Вѣнѣ, сношеніе съ Директоромъ инструментальнаго заведенія при тамошнемъ Политехническомъ Институтѣ объ изготовленіи Обществу для сей экспедиціи двухъ усовершенствованныхъ дистанцемессеровъ; а съ приближеніемъ времени, удобнаго для отправленія экспедиціи, Советъ обратился съ ходатайствомъ къ г. Министру Финансовъ о назначеніи отъ Горнаго Вѣдомства и на его издѣвленіи Члена Совета Общества, полковника Гр. П. Гельмерсена, въ качествѣ геогноста и начальника экспедиціи, и въ Департаментъ Генеральнаго Штаба о командированіи въ экспедицію, для геодезическихъ работъ, одного оберъ-офицера Корпуса Военныхъ Топографовъ и двухъ военныхъ топографовъ.

Г. Министръ Финансовъ, изъявивъ согласіе на командированіе полковника Г. П. Гельмерсена, встрѣтилъ, однакоже, затрудненіе въ отнесеніи, въ минувшемъ году, издержекъ по сей командировкѣ на счетъ горныхъ суммъ. Департаментъ же Генеральнаго Штаба, по случаю бывшей въ минувшемъ году экстренной потребности въ топографахъ для самаго Военнаго Вѣдомства, не имѣлъ возможности командировать ни одного изъ нихъ въ распоряженіе Общества.

По сию обстоятельствамъ, Советъ, затрудняясь въ отправленіи для однихъ геогностическихъ изслѣдованій полковника Гельмерсена, и притомъ съ значительными для Общества издержками, не вошедшими въ смету на 1849 г., и принявъ въ соображеніе, что геодезическая нивелировка, къ которой въ минувшемъ году не могло быть приступлено за неизмѣнимъ топографовъ, должна быть произведена, во всякомъ случаѣ, подъ наблюденіемъ начальника экспедиціи, нашелъ необходимымъ отложить и самыя геогностическія изслѣдованія до 1850 года, дабы затѣмъ всѣ работы по экспедиціи могли быть окончены, какъ предположено, въ теченіе двухъ лѣтъ.

Между тѣмъ инструменты, заказанные въ Вѣнѣ, получены Обществомъ еще въ теченіе минувшаго лѣта, и по испытаніи Д. Ч. А. П. Болотовымъ, найдены превосходными. — Овабачи-

вился благовременнымъ принятіемъ всѣхъ мѣръ къ успешному ходу экспедиціи, Советъ обратился, еще въ концѣ минувшаго года, вновь съ ходатайствомъ къ г. Министру Финансовъ о командированіи, на изживеніи Горнаго Вѣдомства, опытнаго въ геогностическихъ изслѣдованіяхъ штабъ-офицера Корпуса Горныхъ Инженеровъ.

Г. Министръ Финансовъ уведомилъ нынѣ, что имъ назначенъ въ предположенную въ текущемъ году Обществомъ экспедицію полковникъ Г. П. Гельмерсенъ, съ оставленіемъ получаемого имъ по службѣ содержанія и съ назначеніемъ ему особаго пособия на командировкѣ.

Советъ сдѣлаетъ, въ слѣдъ за симъ, всѣ необходимыя распоряженія къ снаряженію экспедиціи.

IV. ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ ЮЖНЫЙ ЕГИПЕТЪ.

Магистръ Ценковскій, отправленный въ 1847 году, по ходатайству Общества, и при пособіи его и другихъ ученыхъ учреждений, въ Южный Египетъ съ экспедиціею полковника Ковалевскаго, для изслѣдованій по части географіи и естественныхъ наукъ, оставался, для продолженія возложенныхъ на него ученыхъ занятій, въ долину Нила и по возвращеніи г. Ковалевскаго въ 1848 г. въ Россію. По полученнымъ нынѣ извѣстіямъ, г. Ценковскій окончилъ изслѣдованія свои въ теченіе минувшаго года, и, оставивъ Египетъ, прибылъ въ Триестъ, откуда возвратится въ Россію чрезъ Швейцарію и Германію. У Генеральнаго Консула нашего въ Египтѣ оставлены г. Ценковскимъ, для отправленія въ С.-Петербургъ, богатая коллекція разныхъ предметовъ естественной исторіи. Советъ надѣется, что двухгодичныя изслѣдованія г. Ценковскаго въ любопытномъ краѣ, по которому онъ путешествовалъ, обогатятъ новыми свѣдѣніями и науки, входяція непосредственно въ кругъ занятій Общества.

V. ТРУДЫ РАЗНЫХЪ КОМИССІЙ.

- 1) Составленіе проекта о производствѣ наблюденій надъ качаніями маятника въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Д. Ч. А. Н. Савичъ сдѣлалъ Совету Общества предложеніе о производствѣ наблюденій надъ качаніями маятника, или

надъ относительнымъ напряженіемъ силы тяжести земли въ
такихъ странахъ Россіи, чрезъ которыя проходитъ дуга меридиана,
определяемого градуснымъ измѣреніемъ. При этомъ А. Н. Савичъ вошелъ въ нѣкоторыя объясненія и соображенія,
относительно выбора пунктовъ для наблюденій и необходимаго
для нихъ снаряда.

Важность наблюденій надъ перемѣнами силы тяжести въ
различныхъ мѣстахъ земной поверхности неоспорима, ибо они
представляютъ для физической географіи драгоценный матеріалъ,
изъ котораго можно выводить хотя нѣкоторыя заключенія
о внутреннемъ строеніи земли. До сихъ поръ болышая
часть наблюденій надъ качаніями маятника производима была
учеными мореплавателями хотя и на твердой землѣ, но въ со-
сѣдствѣ съ обширными морями въ западной части Европы;
въ восточной же совершенно еще весьма мало наблюденій. Одо-
бривъ, по симъ уваженіямъ, предложеніе г. Савича, и полагая,
что Русское Географическое Общество, согласно самой цѣли
его учрежденія, должно способствовать къ распространенію
въ нашемъ отечествѣ такихъ работъ по части географіи;
которыя, по существу своему, сохранять навсегда почетное мѣ-
сто въ наукѣ, Советъ назначилъ особую Коммисію изъ г. Упра-
вляющаго Отдѣленіемъ Географіи Россіи В. Я. Струве и гг.
Членовъ Э. Х. Ленца и А. Н. Савича, для подробнаго обсужде-
нія и дальнѣйшаго развитія сдѣланнаго предложенія. Коммисія
эта приступила къ совѣщаніямъ еще въ концѣ истекшаго года.

2) *Разработываніе географической терминологіи.*

Коммисія, учрежденная для разработыванія русской геогра-
фической терминологіи, продолжала свои занятія и въ мину-
шемъ году. Въ теченіе 1848 и 1849 годовъ доставлены въ Ком-
мисію, преимущественно посторонними Обществу лицами, съ
разныхъ концовъ Россіи, немалозначительныя собранія мѣст-
ныхъ географическихъ терминовъ. Собранный, такимъ образомъ,
запасъ русскихъ географическихъ словъ уже достаточенъ для
систематической ихъ обработки, къ которой Коммисія не за-
медлитъ приступить.

3) *Разсмотрѣніе китайскаго географическаго лексикона, составленнаго Членомъ Сотрудникомъ З. О. Леонтьевскимъ.*

Членъ Сотрудникъ г. Леонтьевскій, сообщивъ, что онъ, въ теченіи 15 лѣтъ, занимается составленіемъ китайскаго энциклопедическаго лексикона, обратился съ просьбою въ Совѣтъ о напечатаніи на счетъ Общества или всего лексикона, или отдѣльно, по русскому алфавиту и по порядку китайскихъ ключей, сокращеннаго китайскаго географическаго лексикона, съ указаніемъ сочиненій, изъ которыхъ можно извлечь для него матеріалы. По важности источника, представляемаго китайскою литературою для географіи сопредѣльныхъ нашему отечеству частей Средней Азіи, Совѣтъ обратилъ на предложеніе г. Леонтьевскаго особое вниманіе, и назначилъ, для разсмотрѣнія составленнаго имъ энциклопедическаго лексикона, особую Комисію: изъ Члена Сотрудника Архимандрита Аввакума и Дѣйствительныхъ Членовъ: Г. П. Гельмерсена и В. В. Григорьева.

4) *Исслѣдованіе состоянія внутренней торговли Россіи.*

Въ отчетъ за 1848 годъ изложено было подробно предположеніе Отдѣленія Статистики издать, на пожертвованную с.-петербургскимъ купечествомъ сумму 5000 р. сер. для изслѣдованія состоянія внутренней торговли Россіи, особое сочиненіе, подъ заглавіемъ «Обозрѣніе внутренней торговли Россіи», и упомянуто было объ учрежденномъ при Отдѣленіи Издательскомъ Комитетъ, для приведенія въ дѣйствіе этого предпріятія.

По разсмотрѣніи и утвержденіи Совѣтомъ въ началѣ минувшаго года представленнаго Отдѣленіемъ плана сего изданія, было приступлено къ немедленному отпечатанію, въ 1200 экземплярахъ, подробной программы, въ которой объяснены сущность и порядокъ изложенія предметовъ, долженствующихъ войти въ составъ Обозрѣнія. Программа эта была сообщена всѣмъ гг. Членамъ Общества, съ просьбою оказать изданію, предпринимаемому на пользу общую, содѣйствіе сообщеніемъ свѣдѣній по тѣмъ изъ предметовъ, которые кому ближе извѣстны, а равно приглашеніемъ къ сему и постороннимъ Обществу лицъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, по ходатайству Совѣта Общества, сказанная программа разслана въ потребномъ количествѣ

экземпляровъ, Почтовымъ Департаментомъ, Департаментомъ Сельскаго Хозяйства, Департаментомъ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ и Департаментомъ Мануфактуръ и Внутренней Торговли, въ подвѣдомственные имъ присутственныя мѣста и къ подчиненнымъ имъ лицамъ, съ приглашеніемъ доставить въ Общество тѣ ответныя свѣдѣнія, которыя могутъ быть ими собраны по вопросамъ, изложеннымъ въ программѣ. Сверхъ того, Совѣтъ обратился съ такимъ же ходатайствомъ во все Общество Сельскаго Хозяйства, и, чрезъ гг. Начальниковъ Губерній, во все Губернскіе Статистическіе Комитеты. Отъ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ получено благосклонное дозволеніе одному изъ сотрудниковъ Редакціи Обозрѣнія, г. Крюкову, извлечь изъ матеріаловъ Статистическаго Отдѣленія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ тѣ свѣдѣнія, которыя могутъ оказаться нужными для предполагаемаго изданія.

Изъявленная, какъ многими изъ гг. Членовъ Общества, такъ и Правительственными мѣстами и лицами, полная готовность содѣйствовать этому, столь важному, для отечественной статистики и въ особенности для торгующаго сословія, предпріятію, подаетъ Совѣту основательную надежду, что, по истеченіи нѣкотораго времени, необходимаго для собранія и обработки мѣстныхъ свѣдѣній, требуемыхъ программю, въ Обществѣ сосредоточится богатый запасъ новыхъ и возможно - вѣрныхъ матеріаловъ для описанія внутренней торговли. Въ настоящее время, по невозможности опредѣлить еще, положительнымъ образомъ, количество и объемъ матеріаловъ, которые могутъ быть приобретены этимъ путемъ, обширный, многосложный и разнообразный трудъ, который предначертанъ программю Обозрѣнія, долженъ естественно нѣсколько замедлиться въ самомъ его началѣ. Тѣмъ не менѣе Редакція не только длительно заботится, съ своей стороны, объ изысканіи и приобретеніи матеріаловъ, посредствомъ частныхъ сношеній, пользуясь всякимъ благопріятнымъ къ тому случаемъ, но и приступила уже частію къ самому составленію статей, которыя, согласно программѣ, должны составить первый отдѣлъ предполагаемаго сочиненія, именно: Обозрѣніе главныхъ отраслей внутренней торговли Россіи. Статьи о хлѣбѣ составляются П. С. Усовымъ; о скотѣ, салѣ и кожахъ П. С. Крюковымъ и г. Хо-

децкимъ; статья: пенька, ленъ, масло конопляное и льновой товаръ принялъ на себя Д. Ч. И. С. Вавиловъ.

5) *Разсмотрѣніе проекта г. Члена Сотрудника Журавскаго объ устройствѣ оффиціальной статистики.*

Коммисія, назначенная для разсмотрѣнія какъ проекта г. Члена Сотрудника Журавскаго объ устройствѣ оффиціальной статистики, такъ и представленныхъ имъ многочисленныхъ образцовъ статистической обработки оффиціальныхъ матеріаловъ, представила Съвѣту мнѣніе свое объ этомъ обширномъ и замѣчательномъ трудѣ. Нашла, согласно заключенію Коммисіи, что полное статистическое описаніе какой-либо губерніи, составленное самимъ г. Журавскимъ съ тою же подробностію, какъ представленные образцы, и на основаніи всѣхъ указанныхъ имъ источниковъ, могло бы сдѣлаться дѣйствительно образцовымъ трудомъ для занимающихся статистическими изслѣдованіями, и что ученый трудъ подобнаго рода заслуживалъ бы посему возможнаго поощренія со стороны Общества, Съвѣтъ отнесся къ г. Журавскому съ предложеніемъ: принять на себя составленіе статистическаго описанія Кіевской Губерніи, въ которой онъ имѣетъ мѣстопробываніе, и просилъ, въ случаѣ согласія, сообщить Съвѣту какъ подробную пограмму такого труда, такъ и предположенія свои о средствахъ, которыя надлежало бы для сего предоставить со стороны мѣстнаго Губернскаго Начальства и Русскаго Географическаго Общества.

VI. ТРУДЫ НЕКОТОРЫХЪ ЧЛЕНОВЪ ОБЩЕСТВА, НЕЗАВИСИМО ОТЪ РАБОТЪ ОТДѢЛЕНІЙ И КОММИСІЙ.

Этнографическая карта и полный этнографическій атласъ Европейской Россіи.

Собранію извѣстно, что Сочленъ нашъ П. И. Кепель принялъ на себя, по порученію Общества, составленіе и приготовленіе къ изданію этнографической четырехлистовой карты Европейской Россіи. Гравированіе названій на 2 и 4 листахъ, составляющихъ восточную половину всей карты, продолжалось и окончено въ теченіе минувшаго года. Собственно граверныя работы нѣсколько замедлялись по необходимости:

1) отдѣлать карту удовлетворительнѣе той, которая была принята въ основаніе; 2) увеличить число надписей, и 3) неоднократно измѣнять и отдѣлывать вновь нѣкоторыя части карты.

Для полученія всѣхъ необходимыхъ данныхъ для сей карты, продолжалась, какъ отъ Общества, такъ и отъ самаго П. И. Кеппена, переписка съ Правительственными мѣстами и немалымъ числомъ лицъ. Отъ г. Виленскаго, Гродненскаго и Минскаго Генераль-Губернатора доставлены были весьма подробныя свѣдѣнія о селеніяхъ Виленской и Гродненской губерній, обитаемыхъ Литовцами, Поляками, Евреями и другими инородцами, и вѣдомости о Татарахъ и Цыганахъ, проживающихъ въ Гродненской и Минской губерніяхъ; а отъ Начальника Херсонской Губерніи свѣдѣнія о числѣ Болгарь, обитающихъ въ этой губерніи. При содѣйствіи нѣсколькихъ любителей этнографіи (въ томъ числѣ гг. Ленрота, Кастрена, Тиккетта и др.) получены П. И. Кеппеномъ, между прочимъ, весьма важныя замѣчанія о разноплеменныхъ жителяхъ Финляндіи. Д. Ч. графъ Дм. Андр. Толстой, во время пребыванія своего, въ минувшемъ году, въ Западныхъ Губерніяхъ, содѣйствовалъ также П. И. Кеппену въ полученіи точнѣйшихъ свѣдѣній о жителяхъ сихъ губерній.

Весьма важны изысканія, произведенныя П. И. Кеппеномъ, объ этнографическихъ отношеніяхъ С.-Петербургской Губерніи. Вслѣдствіе собственныхъ его поѣздокъ и сношеній съ приходскими священниками, онъ убѣдился, что число жителей, принадлежащихъ къ финскимъ поколѣніямъ *Воти* (Чудь) и *Ижорь*, гораздо значительнѣе, чѣмъ показывалось донинѣ. Въ минувшемъ году, наконецъ, рѣшенъ вопросъ о томъ, какого колѣна тѣ Финны, которые обитаютъ въ сѣверо-восточной части Лугскаго Уѣзда: оказалось, что это *Ижорь*.

Независимо отъ этнографической карты Россіи, приготовляемой къ изданію отъ Общества, П. И. Кеппенъ предложилъ, въ началѣ минувшаго года, изготовить для Общества акземпляръ полнаго этнографическаго атласа Европейской Россіи, составленнаго имъ, по порученію Императорской Академіи Наукъ, изъ 60 листовъ спеціальной карты Западной Россіи и сдѣлкомъ 40 листовъ подробной (такъ - называемой столбцовой) карты Россіи. Советъ, принявъ съ благодарностью

это предложеніе, назначилъ, въ распоряженіе П. И. Кепена, сумму необходимую на изготовленіе сего экземпляра. Трудъ сей оконченъ еще въ теченіе минувшаго года.

Труды П. И. Срезневскаго.

Д. Ч. Профессоръ И. И. Срезневскій составилъ этнографическую карту Европы на четырехъ листахъ, съ обозначеніемъ пространства, занятаго каждымъ изъ племенъ и языковъ европейскихъ. Карта эта будетъ издана какъ приложеніе къ этнографическому обозрѣнію Европы, приготавливаемому къ печати.

Труды И. М. Симонова.

Д. Ч. Общества и Заслуженный Профессоръ Императорскаго Казанскаго Университета И. М. Симоновъ занимаясь, въ теченіе минувшаго года, вычисленіемъ сдѣланныхъ имъ, во время астрономическаго путешествія его по Казанской, Симбирской и частію Оренбургской губерніямъ, барометрическихъ наблюденій, для опредѣленія возвышенія многихъ мѣстъ сего края надъ уровнемъ моря. Въ особой запискѣ, сообщенной г. Симоновымъ Обществу, изложены какъ самый журналъ его наблюденій, такъ и полученные изъ нихъ, почтеннымъ Сочленомъ нанимъ, выводы, которыми опредѣляется возвышеніе надъ уровнемъ моря 31 пункта въ восточной Россіи.

Труды И. Ѡ. Штукенберга.

Членъ Сотрудникъ И. Ѡ. Штукенбергъ предложилъ Совѣту составить для Общества особую карту, съ обозначеніемъ постепеннаго приращенія Имперіи, съ 1650 года до Адрианопольскаго мира, и оборонительныхъ линій, которыя были учреждаемы, въ теченіе этого времени, противу вѣнскихъ враговъ. Совѣтъ принялъ съ благодарностію это предложеніе И. Ѡ. Штукенберга.

Независимо отъ сего, г. Штукенбергъ продолжалъ трудиться, въ теченіе минувшаго года, надъ изданіемъ указателя источниковъ для географіи, статистики, картографіи и этнографіи Россіи, и полагаетъ приступить къ печатанію втораго отдѣленія этого труда; которое будетъ состоять изъ такъ-называемой имъ законодательной статистики (*legale Statistif*),

т. е. систематическаго обозрѣнія всѣхъ статистическихъ свѣдѣній, заключающихся въ Полномъ Собраніи Законовъ съ 1649 года.

Труды А. П. Архипова.

Членъ Сотрудникъ А. П. Архиповъ занимался составленіемъ для Общества весьма подробнаго описанія Ногайцевъ, кочующихъ въ Ставропольской Губерніи. По сообщенной имъ программѣ, въ составъ этого описанія входитъ географическое обозрѣніе земель, находящихся въ пользованіи Ногайцевъ, статистическое и этнографическое обозрѣніе сихъ инородцевъ. Для совершенной полноты и ясности описанія Ногайцевъ, г. Архиповъ заказалъ уже, и доставить вмѣстѣ съ трудомъ своимъ въ Общество, разныхъ серебряныхъ украшеній женской одежды и значительное число моделей разныхъ орудій, употребляемыхъ въ домашнемъ быту Ногайцевъ.

Пятинадцатилѣтнее знакомство г. Архипова съ Ногайцами и сообщенныя уже прежде Обществу этнографическія замѣтки о Тукменахъ * заставляютъ полагать, что и окончиваемый имъ нынѣ трудъ обогатитъ прекрасною статьею одно изъ изданій Общества.

Кромѣ изслѣдованій о Ногайцахъ, предметомъ занятій г. Архипова въ минувшемъ году было собраніе разныхъ матеріаловъ по изданной Обществомъ программѣ для обозрѣнія внутренней торговли Россіи.

Труды Профессора В. И. Лапшина.

Сверхъ замѣчательной статьи: «О сухомъ туманѣ, бывшемъ въ апрѣлѣ 1849 года въ южныхъ губерніяхъ средней полосы Россіи», уже напечатанной въ Географическихъ Извѣстіяхъ, Членъ Сотрудникъ В. И. Лапшинъ обработывалъ, въ теченіе минувшаго года, метеорологическія наблюденія, произведенныя имъ въ Харьковѣ съ 1844 по 1849 годъ. Г. Лапшинъ приводитъ къ окончанію сводъ этихъ наблюденій и надѣется представить его въ скоромъ времени Обществу.

* Замѣтки эти были напечатаны въ 6 выпускѣ Географическихъ Извѣстій за 1848 годъ, подъ заглавіемъ: «Три дня въ ауль Юсупъ-Кадъ».

Труды А. А. Рафаловича.

Д. Ч. А. А. Рафаловичъ, кромѣ читанной имъ, въ одномъ изъ собраній Общества, статьи: «Этнографическія замѣтки о Нубійцахъ», которая будетъ напечатана въ V книжкѣ Записокъ Общества, приступилъ, въ прошедшемъ году, къ печатанію иностраннаго труда, подъ заглавіемъ: «Этнографическіе очерки Константинополя», и окончилъ первую часть «Записокъ русскаго путешественника на востокъ», въ которомъ содержится описаніе Южнаго Египта и внутреннихъ областей Дельты.

Труды Э. П. Эйхвальда.

Д. Ч. Э. П. Эйхвальдъ сообщилъ Обществу, также въ одномъ изъ собраній минувшаго года, статью о совершенномъ имъ, въ 1848 году, путешествіи въ Алжиръ и къ подошвамъ Атласа, въ которой представилъ весьма любопытныя подробности о настоящемъ положеніи Алжиріи и главнаго ея города, и занимался, сверхъ того, въ теченіе минувшаго года, любопытнымъ, въ этнографическомъ и анатомическомъ отношеніяхъ, сравненіемъ черепа Кабиловъ и Лезгиновъ.

Труды В. В. Григорьева.

Советъ поставилъ себя долгомъ упомянуть, съ особою благодарностію, о трудахъ Д. Ч. В. В. Григорьева, заведывавшаго, въ теченіе минувшаго года, редакціею Географическихъ Извѣстій и принявшаго на себя, сверхъ того, редакцію IV книжки Записокъ Общества.

Мѣстные изслѣдованія разныхъ Членовъ Общества.

Многіе изъ иногородныхъ гг. Членовъ Общества занимаются непрестанно собираніемъ и обработываніемъ мѣстныхъ географическихъ и статистическихъ свѣдѣній.

Советъ считаетъ долгомъ упомянуть здѣсь о слѣдующихъ извѣстныхъ ему работахъ сего рода, которыя производились, въ минувшемъ году, нѣкоторыми Дѣйствительными Членами и Членами Сотрудниками.

Членъ Сотрудникъ контръ-адмиралъ *Кузьмищевъ* занимался собираніемъ статистическихъ свѣдѣній о мореходныхъ купеческихъ судахъ Архангельской Губерніи, и приводитъ этотъ трудъ уже къ окончанію. По краткой программѣ сего труда, сообщенной

почтеннымъ Сотрудникомъ Обществу, можно ожидать, что избранный имъ и столь мало известный донынѣ предметъ его изслѣдованій будетъ рассмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ.

Членъ Сотрудникъ Н. Н. *Мурзаевичъ* занимался собираніемъ свѣдѣній о селахъ и деревняхъ Екатеринославской Губерніи, которую объѣзжалъ минувшимъ лѣтомъ; г. Д. Ч. *Ляликовъ* -- составленіемъ географическихъ замѣтокъ о Поворосійскомъ Краѣ; Д. Ч. *Азбукинъ* — составленіемъ историко-статистическаго описанія Орловской Губерніи; гг. Члены Сотрудники: Н. М. *Сементовскій* — изслѣдованіемъ Малоросійскаго Края, о которомъ онъ составляетъ географическія, статистическія и этнографическія записки; А. П. *Рославскій-Петровскій*, Профессоръ Харьковскаго Университета — разработкою матеріаловъ для полной статистики Харьковской Губерніи и собственно для «Обозрѣнія внутренней торговли» пополненіемъ, согласно изданной отъ Общества программъ, доставленныхъ имъ уже прежде въ Общество свѣдѣній о ходѣ торговли на харьковскихъ ярмаркахъ; М. Ф. *Арбузовъ* — статистическимъ описаніемъ города Великихъ-Луки и его уѣзда.

Сверхъ сихъ вновь начатыхъ въ минувшемъ году работъ, должно упомянуть еще о занятіяхъ извѣстнаго своими статистическими работами Д. Ч. П. И. *Мельникова*, который продолжалъ трудиться надъ собираніемъ и обработкою матеріаловъ для полного описанія Нижегородской Губерніи; Д. Ч. А. П. *Бакунина*, которымъ сообщены составленные и изданные, подъ его руководствомъ: а) сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Тверской Губерніи за 1848 годъ, подъ заглавіемъ: «Памятная книжка къ отчету Тверскаго Гражданскаго Губернатора» и б) описаніе всѣхъ мельницъ, находящихся въ губерніи, и Д. Ч. В. И. *Далъ*, который продолжаетъ заниматься приведеніемъ въ порядокъ и приготовленіемъ къ изданію собранныхъ имъ богатыхъ матеріаловъ для русскаго народнаго словаря.

VII. СНОШЕНІЯ ОБЩЕСТВА СЪ ЖИТЕЛЯМИ ГУБЕРНІИ И СЪ ИНОСТРАННЫМИ УЧЕНЫМИ.

Въ теченіе всего минувшаго года, Общество находилось въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ жителями губерній, получая

постоянно, изъ всѣхъ частей нашего отечества, болѣе или менѣе обширныя статьи и замѣтки, съ отвѣтами и свѣдѣніями по разнымъ разосланнымъ отъ него наставленіямъ и объявленіямъ. Искреннее и живое участіе, оказанное всеми сословіями ученымъ предпріятіямъ Общества, имѣющимъ цѣлю ближайшее познаніе Россіи, свидѣтельствуетъ о пользѣ и современной потребности самыхъ предпріятій, и оживляетъ надежду, что Общество, стремясь неослабно къ достиженію указанной ему Уставомъ цѣли, заслужитъ одобреніе соотечественниковъ.

О подробной программѣ, разосланной отъ Общества для полученія разныхъ свѣдѣній о внутренней торговлѣ Россіи, было уже выше упомянуто. Здѣсь должно сказать еще нѣсколько словъ объ успѣхѣ сношеній Общества по собранію свѣдѣній, служащихъ къ опредѣленію климата и этнографическихъ матеріаловъ.

По разосланнымъ, въ апрѣль мѣсяцѣ 1848 года, печатнымъ программамъ о собраніи свѣдѣній климатологическихъ, получены, въ концѣ того же и въ началѣ 1849 года, отвѣты отъ многихъ лицъ, — къ сожалѣнію, не отъ всѣхъ тѣхъ, къ кому обращалось Общество съ этими вопросами. Причины такой неполноты заключаются въ томъ, что до иныхъ программы сіи дошли слишкомъ поздно, отчасти осенью, и нѣкоторые вопросы о явленіяхъ весны и лѣта потому самому не могли быть ими удовлетворительно рѣшены; эпидемія, свирѣпствовавшая въ разныхъ частяхъ Имперіи, необычайная засуха въ южныхъ губерніяхъ и другія неблагопріятныя обстоятельства, ознаменовавшія 1848 годъ, лишили другихъ всякой возможности дѣлать наблюденія надъ природою по указаніямъ Общества. А какъ, сверхъ того, изъ полученныхъ отвѣтовъ оказалось нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя дополненія къ прежней программѣ, то дополненія эти, въ началѣ 1849 года, составлены и разосланы, въ числѣ 6000 экземпляровъ, чрезъ мѣстныхъ Начальства, къ тѣмъ, которые отвѣтовъ своихъ еще не доставили, съ новымъ приглашеніемъ ихъ сообщить замѣчанія свои о физическихъ явленіяхъ, бывшихъ въ 1849 году. Пишутъ ежедневно получаютъ, въ значительномъ количествѣ, ожидаемые отзывы и сообщенія по этой части.

Плоды самые обильныя и чрезвычайно полезныя пріобрѣтены Обществомъ вслѣдствіе программы, разосланной имъ

по Отдѣленію Этнографіи, съ цѣлю собрать на мѣстахъ живыхъ свидѣній о народномъ бытѣ разнообразнаго населенія нашего великаго отечества, въ особенности коренной и господствующей его стихіи русской.

Число отвѣтовъ на эту программу, поступившихъ доселѣ въ Общество, простирается до 500 номеровъ. Они получаютъ со всѣхъ концовъ Россіи, не выключая отдаленныхъ предѣловъ Сибири. Присылаютъ ихъ лица всѣхъ сословій и званій: помѣщики, чиновники, духовенство, городскіе и даже сельскіе обыватели. Нельзя при семъ не порадоваться сколько, съ одной стороны, тому общему радушію, какимъ встрѣченъ всюду призывъ Общества участвовать въ его трудахъ, столько же, или еще болѣе, той вѣрности и точности, съ которой, почти всѣми отвѣчавшими, поняты намѣренія Общества, изложенныя въ программѣ, а равно и той добросовѣстности и отчетливости, съ которыми составлена большая часть отвѣтовъ. Главный предметъ ихъ есть народность русская, для которой собственно и составлена разосланная отъ Общества программа; но нѣкоторые касаются и другихъ инородческихъ элементовъ населенія Россіи, какъ-то: литовскаго, румынскаго, въ особенности финскаго и отчасти татарскаго. Не всѣ отвѣты исчерпываютъ все содержаніе программы; многіе преимущественно или даже и исключительно занимаются наблюденіями лингвистическими; вслѣдствіе чего собранъ уже довольно богатый запасъ любопытныхъ матеріаловъ о разныхъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ и отгѣнкахъ русскаго живаго языка, которыхъ польза для этнографіи не подлежитъ сомнѣнію. Но всего важнѣе полныя отвѣты на программу, изъ которыхъ многіе имѣютъ видъ тщательно-обработанныхъ и совершенно-удовлетворительныхъ монографій разныхъ мѣстностей, городовъ, посадовъ, мѣстечекъ и прочихъ селеній, описанныхъ прямо съ натуры ихъ природными или давнишними жителями: содержащаяся въ нихъ этнографическія, а также топографическія и статистическія подробности, не оставляютъ ничего желать для полнаго, въ видахъ науки, познанія этихъ мѣстностей, изъ которыхъ большая часть до сихъ поръ ученому свѣту неизвѣстна даже и по имени. При этомъ Свѣтъ вмѣняетъ себѣ въ долгъ засвидѣтельствовать съ признательностью, что наибольшую частью этихъ драгоценныхъ мо-

пографіи обязано Общество мѣстнымъ православнымъ священникамъ, личное усердіе которыхъ было, какъ видно, ободряемо и покровительствуемо просвѣщенными архипастырями. Особенно въ семь отношеній должно упомянуть имя Сотрудника нашего, Высокопреосвященнаго Архіепископа Нижегородскаго *Іакова*, который и самъ лично почтилъ насъ многими заслуживающими полную признательность присылками; а потомъ изъ управляемой имъ Епархіи получено наиболѣе отъ духовныхъ лицъ мѣстныхъ описаній, отличающихся подробностію и отчетливостію. Инспекторъ тамошней Епархіальной Семинаріи, Іеромонахъ Макарій, нынѣ признанный Сотрудникомъ Общества, одинъ доставилъ и продолжаетъ доставлять множество любопытнѣйшихъ свѣдѣній и изслѣдованій о мордовскомъ населеніи Нижегородской Губерніи, которое, какъ видно, составляетъ спеціальнѣйшій предметъ его занятій. Заклучимъ увѣдомленіемъ, что всѣ полученные, такимъ образомъ, матеріалы нынѣ разсмотрѣны Членами Общества по Отдѣленію Этнографіи, и что уже предполагено приступить къ постепенному изданію ихъ въ свѣтъ, подъ надзоромъ и распоряженіемъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Надеждина.

Сношенія Общества съ иностранными учеными продолжались и въ минувшемъ году, частію непосредственно отъ Совѣта, частію чрезъ посредство нѣкоторыхъ изъ гг. Членовъ Общества. Д. Ч. князь Е. М. Голицынъ, находясь въ постоянной перепискѣ съ Парижскимъ Географическимъ Обществомъ, извѣщалъ оное объ ученой дѣятельности нашего Общества, и препровождалъ въ переводѣ отрывки изъ замѣчательнѣйшихъ статей, помѣщенныхъ въ нашихъ изданіяхъ.

УПІ. ИЗДАНІЯ ОБЩЕСТВА.

Въ теченіе минувшаго 1849 г., вышла въ свѣтъ III книжка Записокъ Общества и печаталась IV книжка. Сверхъ того, отпечатапы вторымъ изданіемъ: а) I и II книжки Записокъ и б) Карманная книжка для любителей землевѣдѣнія, которая, между разными изданіями Общества, имѣла наибольшій успѣхъ.

Географическія Извѣстія, имѣющія цѣлю своевременное сообщеніе любителямъ географіи и прикосновенныхъ къ ней

наукъ, какъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ самаго Общества, такъ и вообще текущихъ любопытныхъ новостей по сими наукамъ, издавался, въ прошедшемъ году, подъ редакціею Д. Ч. В. В. Григорьева. Съ настоящаго года редакцію этого повременнаго изданія принялъ на себя Д. Ч. М. И. Талызинъ.

Членъ Соревнователь Общества, коллежскій совѣтникъ П. В. Голубковъ, извѣстный многочисленными пожертвованіями въ пользу распространенія въ Россіи географическихъ свѣдѣній объ Азій, далъ новое доказательство усердія своего къ успѣхамъ науки. Желая содѣйствовать изданію генеральной карты Азій, которая была бы составлена по достовѣрнѣйшимъ и новѣйшимъ свѣдѣніямъ объ этой части свѣта, онъ прецедовидгъ въ Общество 2000 руб. сер., съ просьбою употребить эти деньги для достиженія предположенной цѣли. Вслѣдствіе сего, по предварительномъ сношеніи съ извѣстнымъ Директоромъ Веймарскаго Географическаго Института, докт. Фрориномъ, заключено Совѣтомъ, въ апрѣль минувшаго года, условіе съ Институтомъ, о составленіи, въ семь послѣднемъ, по новѣйшимъ матеріаламъ, большой стѣнной карты Азій на 4 листахъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Представивъ Вамъ, Милостивые Государи, очеркъ годичныхъ занятій Общества, Совѣтъ возобновлялъ только въ памяти вашей какъ дѣйствія свои, о которыхъ онъ доводилъ до Вашего свѣдѣнія въ мѣсячныхъ собраніяхъ, такъ и собственныя труды Ваши. Изъ этого очерка Вы убѣдитесь, что Общество, по всемъ предметамъ, входящимъ въ кругъ его занятій, отчасти предприняло, отчасти дало ходъ и направленіе важнымъ для науки и отечества изслѣдованіямъ.

Результаты нѣкоторыхъ изъ сихъ изслѣдованій должны явиться въ скоромъ времени въ разныхъ приготовляемыхъ Обществомъ изданіяхъ. Совѣтъ не сомнѣвается, что, при едидушномъ стремленіи гг. Членовъ къ исполненію обязанности, которую они приняли сами на себя по чувству благороднаго соревнованія къ пользамъ географическихъ наукъ, и по мѣрѣ распространенія сношеній Общества съ разными лицами внутри

Имперіи, труды Общества будутъ съ каждымъ годомъ приносить плоды, тѣмъ болѣе обильные, что нынѣ, щедротами Августѣйшаго Монарха, упрочено существованіе Общества, и дарованы ему всѣ средства къ достиженію его полезной и патріотической цѣли.

ОПИСАНІЕ

АРАЛЬСКАГО МОРЯ.

—

*Статья Генеральнаго Штаба штабсъ-капитана,
Макисева **

—

О географіи Турана, или бассейна Аральскаго моря, существовали, до позднѣйшихъ временъ, весьма темныя, неточныя и часто одно другому противорѣчащія понятія. Это происходило, вѣроятно, отъ того, что страна за Ураломъ и Каспійскимъ Моремъ представляетъ совершенно голую степь, не одаренную ни однимъ изъ тѣхъ естественныхъ произведеній, которыя бы могли возбудить вниманіе торговаго міра, и обитаемую постоянно племенами кочующими, а слѣдовательно болѣе или менѣе невѣжественными и чуждыми народамъ образованнымъ. Только въ позднѣйшія времена и вслѣдствіе сближенія съ одной стороны Россіи, а съ другой англійской Восточной Индіи съ Среднею Азією, географія этой страны начала мало по малу разъясняться. Въ 1848 и 1849 годахъ оказаны особенно важныя услуги въ этомъ отношеніи тщательнымъ изслѣдо-

* Препровождена въ Императорское Русское Географическое Общество изъ Военнаго Министерства по Высочайшему повелѣнію, для напечатанія въ Запискахъ Общества. Г. Макисевъ участвовалъ въ экспедиціяхъ Флота капитана лейтенанта Бутакова.

заніемъ Аральскаго Моря, на основаніи котораго и составлено предлагаемое описаніе, съ прибавленіемъ очерка историческихъ о немъ извѣстій.

Историческія извѣстія объ Аральскомъ Морѣ.*

Греческіе географы имѣли весьма неточныя понятія о бассейнѣ Каспійскаго и Аральскаго морей. Почти всѣ они утверждали, что Каспійское Море непосредственно соединяется съ Ледовитымъ. Многіе признаки прежняго пребыванія странъ Средней Азии подъ морскою водою, постепенное высыханіе Каспійскаго, особенно Аральскаго Моря, и другихъ озеръ Киргизской Степи, наконецъ преданія Китайцевъ о *горькомъ морѣ* въ Сибири,—все вмѣстѣ согласуется съ этимъ извѣстіемъ **. Гумбольдтъ относитъ, однакоже, это соединеніе ко временамъ задолго доисторическимъ, когда вся огромная впадина Турана могла составлять обширное внутреннее море, которое сливалось съ одной стороны съ Чернымъ, а съ другой, полосою болѣе или менѣе широкою, съ Ледовитымъ и озерами Теле, Таласъ и Балкашъ.

Что же касается до Аральскаго Моря, то греческіе географы не упоминаютъ о немъ ни слова, а описывая теченіе *Яксарта* (Сыръ-Дарья) и *Окуса* (Аму-Дарья), единогласно и положительно говорятъ, что объ эти рѣки впадаютъ въ Каспійское Море. Левшинъ, разобравъ показанія древнихъ о Яксартѣ, выводитъ заключеніе, что, во времена Александра Великаго,

* Въ этомъ отдѣлѣ помѣщены только выводы изъ изслѣдованій *Левшина* (Описаніе киргизъ-казачьихъ ордъ и степей) и *Гумбольдта* (*Asie centrale*).

** О пониженіи уровня Аральскаго Моря можно судить: по разсказамъ стариковъ-Киргизовъ; по обнаженію изъ-подъ воды мелей, превращающихся въ острова; по прибрежнымъ утесамъ, подытымъ волненіемъ на высотъ, до которой теперешнее волненіе достигнуть не можетъ, и по береговымъ насыпямъ гальновъ и песку. Сравнивая карту геодезиста Муравина, составленную въ 1741 году, съ нынѣшними, видимъ, что въ его время заливъ Сары-Чаганакъ вдавался въ материкъ на 80 верстъ далѣе теперешняго. Баронъ Мейендорфъ, путешествовавшій въ Бухару въ 1829 году мимо сѣверо-восточныхъ береговъ Аральскаго Моря, говоритъ, что, по словамъ старыхъ Киргизовъ, оно, лѣтъ за 40 назадъ, простиралось до высотъ Сары-Булакъ и Кукъ-Туриакъ, а теперъ эти высоты находятся отъ берега верстахъ въ 60.

Аральское Море составляло часть Каспійскаго; но Гумбольдтъ не разделяетъ этого мнѣнія. Невѣдніе, въ которомъ находилась вся классическая древность относительно существованія Аральскаго Моря, не доказываетъ, по мнѣнію Гумбольдта, непрерывнаго соединенія обоихъ бассейновъ, а могло произойти совершенно отъ другихъ причинъ; положеніе плоской возвышенности Усть-Урта, какъ бы ни была нова ея формація, должно было послужить преградою подобному соединенію.

Свѣдѣніями о существованіи Усть-Урта мы обязаны экспедиціи полковника Берга (нынѣ генераль-квартирмейстеръ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества), произведенной, въ концѣ 1825 и началѣ 1826 годовъ, отъ Сарайчиковской Крѣпости на Уралѣ до западныхъ береговъ Аральскаго Моря*. Подъ именемъ Усть-Урта, означаящимъ по-киргизски возвышенную (устъ) равнину (уртъ) (plateau), разумѣется, обыкновенно, перешеекъ между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, около 600 футовъ высоты надъ поверхностію своихъ бассейновъ. Плоскость Усть-Урта очерчивается крутымъ, обрывистымъ берегомъ, называемымъ по-киргизски *Чинкъ*. Хотя берегъ этотъ отъ времени довольно обрушился, но донинѣ еще такъ крутъ, что не вездѣ доступенъ для вихода. Плоская возвышенность представляется глазамъ голою степью, почва которой состоитъ изъ песчаной глины, переходящей въ пески и солонцы, съ весьма скудною растительностію. На востокъ Усть-Уртъ примыкаетъ къ Аральскому Морю и простирается еще верстъ на 400 южнѣе; далѣе Чинкъ поворачиваетъ на западъ; потомъ идетъ на сѣверо-западъ къ южной оконечности залива Кайдакъ, образуетъ восточный его берегъ, проходитъ мимо южнаго берега Мертваго Култука и отсюда слѣдуетъ почти прямо на сѣверо-востокъ къ южной части Мугоджарскихъ горъ,

* Участвовавшіе въ этой экспедиціи гг. офицеры: *Анжу*, *Загоскинъ* и *Дюгамель* произвели, подъ руководствомъ полковника Берга, отъ 13 января по 1 февраля, на протяженіи 242 верстъ, отъ Мертваго Култука до Аральскаго Моря, прямо на востокъ, подъ 45° с. ш., барометрическую нивелировку: оказалось, что уровень Аральскаго Моря выше поверхности Каспійскаго 117,652 англійскими футами (почти 17 саженими). Въ этой же экспедиціи участвовалъ, въ качествѣ натуралиста, *Эверсманъ*, слывшій описаніе Усть-Урта, изъ котораго помѣщено здѣсь извлеченіе.

гдѣ и терлется. Отъ этой точки до сѣверо-западнаго угла Аральскаго Моря берегъ Усть-Урта не крутъ; Чинка нѣтъ вовсе; его замѣляютъ пески Большіе Барсуки. По низменной степи, вдоль Чинка и въ различныхъ отъ него разстояніяхъ, разстѣяны холмы и плоскія возвышенности одного образованія и почти одной высоты съ Усть-Уртомъ.

«Нѣтъ сомнѣній, говоритъ *Эверманъ*, что вся плоская возвышенность, нѣкогда, при высшей поверхности морей, составляла большой полуостровъ, который примыкала къ твердой землѣ только съ той стороны, гдѣ граничитъ съ песками Барсуки; Чинкъ прежде былъ морскимъ берегомъ, а разстѣяныя предъ нимъ холмы были островами, отдѣленными отъ твердой земли дѣйствіемъ воды». Кляпротъ повелъ это предположеніе далѣе, и думаетъ, что Усть-Уртъ составлялъ нѣкогда совершенный островъ (по-киргизски Араль), отъ чего Аральское Море и могло получить названіе. Но Гумбольдтъ, допуская возможность соединенія обоихъ морей во времена историческія только съ юга отъ плоской возвышенности, посредствомъ продолженія залива Карабугазъ, сомнѣвается въ соединеніи ихъ въ тѣ же времена съ сѣвера, принимая во вниманіе связь Чинка съ Мугоджарскими горами*.

Понятія Грековъ о бассейнѣ Арало-Каспійскомъ, перейдя, вмѣстѣ съ греческою литературою, въ западную Европу, поддерживались тамъ весьма долго. Удаленность Средней Азии отъ запада, отсутствіе всякихъ непосредственныхъ сношеній между ними и излишнее уваженіе въ Европѣ къ классической древности были причиною, что заблужденія Грековъ повторялись до позднѣйшихъ временъ. Первые намеки о существова-

* Генеральнаго Штаба капитанъ Муравьевъ, путешествовавшій въ Хиву въ 1819 году по направленію отъ Балканскаго Залива, доставилъ весьма любопытныя извѣстія, подтверждающія соединеніе морей южнѣе Усть-Урта. Южная оконечность этой плоской возвышенности, лежащая подъ 42° с. ш., не доходя до стараго русла Оксуса, нѣкогда вливающагося въ Каспійское Море, возвышается надъ равниною, идущею отъ него къ югу, сажень на 20, и имѣетъ видъ морскаго берега, съ заливами и мысами, зарытыми водою. Сосѣдственныя племена обыкновенно называютъ эту оконечность старымъ морскимъ берегомъ. Въ противоположной отъ нея сторонѣ, Муравьевъ на картѣ своей означилъ другой подобный обрывъ или берегъ, такъ что заключающееся между обоими пространства соединяло два морскаго пролива, на которомъ вездѣ встрѣчаются солончаки и горькія озера.

ни Аральскаго Моря начинаютъ встрѣчаться у европейскихъ путешественниковъ не ранѣе XVI столѣтія, а мнѣніе объ отдѣльномъ его существованіи утвердилось вполне только въ XVIII.

Извѣстія восточныхъ писателей объ этомъ морѣ едва ли не самыя древнѣйшія. Въ половинѣ VIII вѣка Арабы распространили свои владѣнія до *Сейхуна* (Сырѣ-Дарьи), а съ X писатели ихъ начинаютъ уже ясно говорить о *Ховарезмскомъ*, т. е. Аральскомъ Морѣ.

Русскіе, живя въ соседствѣ съ востокомъ, также съ давнихъ временъ знали истинное положеніе *Синлго*, т. е. Аральскаго Моря; но до конца XVII столѣтія они такъ мало имѣли сношеній съ Европою, что свѣдѣнія ихъ объ Азіи не могли принести ученому міру никакой пользы. Въ любопытной Русской Географіи, извѣстной подъ именемъ *Книги Большому Чертежу* и писанной въ концѣ XVI столѣтія, находимъ слѣдующія извѣстія:

«А отъ *Хвалиссаго* (Каспійскаго) Моря до *Синева* Моря на лѣвнѣй на солнечный востодъ прямо 250 верстъ. А Синимъ Моремъ до устья Сыра рѣки 280 верстъ». Далѣе читаемъ: «Въ *Сясе* Море съ востоку впаде рѣка Сыръ».

Источники новѣйшихъ свѣдѣній объ Аральскомъ Морѣ.

Петръ Великій, не забывая ничего, что бы могло клониться къ упроченію благоденствія и славы горячо-любимаго имъ отечества, обращалъ свои гениальные виды и на юго-восточные предѣлы Россіи. Устройствомъ линіи на Уралѣ, Онь думалъ утвердить безопасность этихъ границъ отъ набѣговъ Киргизовъ, обуздать своевольный Башкирскій народъ и проложить путь для торговли съ Среднею Азіею и Индіею. Безчеловѣчное убіеніе князя Бековича-Черкаскаго въ Хивѣ, въ 1717 году, не остановило бы его отъ исполненія этихъ предначертаній, если бы не препятствовали другія болѣе важныя обстоятельства, какъ-то: борьба съ Шведами и заботы объ упроченіи новыхъ владѣній на Балтійскомъ Морѣ.

Пять лѣтъ спустя послѣ кончины Петра Великаго, сами Киргизы изъявили, наконецъ, желаніе покориться Россіи. Въ

1730 году ханъ Меньшой Орды (той части степи, которая нынѣ находится подъ вѣдѣніемъ Оренбургскаго Управленія) *Абуль Хаиръ* отправилъ въ Пестербургъ посланцевъ съ письменнымъ предложеніемъ о принятіи его со всею народомъ въ подданство Россіи; вѣдѣствіе чего, *Тевкелевъ*, посланный въ орду, принялъ, въ 1732 году, присягу отъ него, отъ хана Средней Орды *Шемаки* и многочисленнаго собранія изъ всехъ ордъ. Тогда же *Каракалпаки*, кочевавшіе около Сыръ-Дарьи, послѣдовали примѣру Киргизовъ. По возвращеніи Тевкелева въ Петербургъ, статскій совѣтникъ *Кириловъ* составилъ нѣсколько предположеній объ устройствѣ линіи на Уралъ и объ утвержденіи владычества Россіи надъ Киргизами, которыя все были такъ основательны, что заслужили одобреніе Императрицы Анны Іоанновны, и, для приведенія ихъ въ дѣйствіе, назначенъ былъ самъ Кириловъ. Въ инструкціи, данной ему, отъ 18 мая 1734 года, при отправленіи изъ Петербурга, для основанія новаго города при впаденіи Ори въ Уралъ, между прочимъ было сказано: «Стараться завести на Аральскомъ Морѣ пристань и вооруженныя суда; для чего построить сначала на Уралѣ нѣсколько небольшихъ лодокъ, которыя потомъ, разобравъ, держать со всею снастями въ постоянной готовности. Когда же городъ построится, и связи съ Киргизами и Каракалпаками утвердятся, то разобранныя суда въ зимнее время перевезти на Аральское Море, и, опять собравъ и вооруживъ ихъ, открыть плаваніе, для изслѣдованія моря и для торговли». Распоряженіе это было, однако, отменено Именнымъ указомъ отъ 20 августа 1739 года, на томъ основаніи, что мѣста, окрестныя Аральскому Морю, еще весьма мало извѣстны, безъ чего пристань устраивать невозможно. Для осмотра же этихъ мѣстъ и для нанесенія ихъ на бумагу, посланъ былъ, въ 1741 году, геодезистъ *Мурашинъ*, который и составилъ карту Аральскаго моря, служившую до позднѣйшихъ временъ основаніемъ при черченіи моря.

Съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія начали предпринимать особенно часто экспедиціи вглубь Киргизской Степи, съ различными цѣлями, преимущественно же для обозрѣнія этой обширной страны по частямъ. Изъ нихъ имѣющимъ отношеніе къ Аральскому Морю были слѣдующія:

Экспедиція полковника Берга въ 1825 и 1826 годах, оказавъ большую услугу наукъ изслѣдованіемъ перешейка, отдѣляющаго Каспійское Море отъ Аральскаго, осмотрѣла, между прочимъ, западный берегъ послѣдняго.

Въ 1840 году была произведена рекогносцировка, подъ начальствомъ Генеральнаго Штаба генералъ-маіора Жемчужникова, отъ рѣки Эмбы на югъ до залива Каратамакъ, или до сѣверо-западной части Аральскаго Моря.

Въ 1841 году Генеральнаго Штаба подполковникъ Бларамбергъ, провожавшій до Сыръ-Дарьи миссію, снаряженную въ Бухару и Хиву подъ начальствомъ подполковника Бутенева и Генеральнаго Штаба капитана Никфорова, обрекогносцировала сѣверо-восточную часть моря, отъ залива Перовскаго до устья рѣки Сыръ, а также теченіе Сыра вверхъ до коканскаго укрѣпленія Кошъ-Курганъ.

Въ 1842 году новая миссія въ Хиву, подъ начальствомъ подполковника Давидлевскаго, слѣдовала взадъ и впередъ по западному берегу Аральскаго Моря.

Въ 1846 году капитанъ Шульцъ вторично осмотрѣлъ восточный берегъ залива Сары-Чаганакъ, а капитанъ Лемъ опредѣлялъ нѣсколько астрономическихъ пунктовъ въ Киргизской Степи и около Аральскаго Моря.

Такимъ образомъ до 1847 года, или до заложенія укрѣпленія на Сыръ-Дарьи, мы имѣли довольно удовлетворительныя съемки береговъ: восточнаго, до устья Сыръ-Дарьи; сѣвернаго, за исключеніемъ средней части, къ которой примыкаетъ Кугъ-Араль, и западнаго. Что же касается до остальныхъ береговъ и до острововъ, то они чертились, большею частію, по преданію.

Время управленія Оренбургскимъ Краемъ генерала отъ инфантеріи Обручева составляетъ важную эпоху въ отношеніи пріобрѣтенія подробныхъ и достовѣрныхъ топографическихъ свѣдѣній объ этихъ обширныхъ степяхъ, которыя отъ Урала тянутся далеко на югъ, примыкая къ такимъ же степямъ хивинскихъ, бухарскихъ и коканскихъ владѣній. Систематическое производство полунструментальной съемки, начатое съ 1843 года, и устройство нѣсколькихъ укрѣпленій въ Киргизской Степи, оказали въ этомъ отношеніи особенно важныя услуги.

По возведеніи въ 1847 году, устьища на урочищѣ Раймъ, въ 60 верстахъ отъ устья Сыръ-Дарьи, Русскіе стали твердою ногою на этой рѣкѣ, и получили возможность, заведя судоходство на Аральскомъ Морѣ, познакомиться съ нимъ поближе и пополнить, наконецъ, пробѣль въ наукѣ. Море это—одно изъ самыхъ малыхъ на всемъ земномъ шарѣ, такъ что многіе географы называютъ его даже озеромъ, а между тѣмъ до сихъ поръ не имѣло еще полного описанія и было предметомъ многихъ гипотезъ.

Въ началѣ 1847 года, въ Оренбургѣ были построены два двухъ-мачтовые суда: одно военное *Николай*, а другое частное *Михаилъ*. Первое назначалось исключительно для изслѣдованія моря, а второе для заведенія на немъ рыболовства основанною въ этомъ же году компаніею на акціяхъ. Оба суда были потомъ разобраны и весною перевезены на подводахъ за 4000 верстъ на Раймъ, гдѣ они снова были собраны и спущены на воду. Шкуна *Николай* тотчасъ же выступила въ море, подъ командою бывшаго Флота лейтенанта Мертваго; но первое плаваніе ея, по позднему времени, ограничилось только окрестностями устья Сыра. Весною слѣдующаго года шкуна снова выступила въ море и обозрѣла сѣверный его берегъ. Между тѣмъ въ Оренбургѣ было построено другое военное судно, *Константинъ*, нѣсколько большее перваго, которое такимъ же образомъ было доставлено на Раймъ; на немъ лейтенантъ Бутаковъ началъ, осенью 1848 года, полную опись Аральскаго Моря, продолжавшуюся два года. Во время двухмѣсячнаго плаванія шкуны *Константинъ* въ 1848 году, были осмотрѣны всѣ берега Аральскаго Моря, за исключеніемъ восточнаго; открыта и описана группа значительныхъ острововъ, названныхъ *Царскими*, и опредѣлено нѣсколько астрономическихъ пунктовъ; а въ теченіе компаніи 1849 года, продолжавшейся 5½ мѣсяцевъ, на обоихъ судахъ, капитанъ-лейтенантомъ Бутаковымъ и Корпуса Флотскихъ Штурмановъ прапорщикомъ Поспѣловымъ были совершенно окончены: опредѣленія пунктовъ, съемка береговъ, промѣры и вообще вся опись, такъ что теперь море это сдѣлалось намъ вполне известнымъ; и если остается чего либо желать въ этомъ отношеніи, то это подробнѣйшаго изслѣдованія впадающихъ въ него рѣкъ.

Взглядъ на Аральское Море.

Въ русскихъ летописяхъ Аральское Море именуется *Синимъ*; у восточныхъ писателей оно слыветъ подъ именемъ *Ховарезмскаго Озера* (отъ Ховарезма, что нынѣ хивинскія владѣнія); но Киргизы и соседственныя съ ними племена называютъ его *Аралъ-Денгизъ*, что значитъ *Островитное Море*.

Аральское Море лежитъ между 43°42'41"2 и 46°44'42"2 сѣверной широты и между 58°18'47"7 и 61°46'44"8 восточной долготы отъ Гринвичскаго меридіана *. Оно имѣетъ почти

* Т А Б Л И Ц А

АСТРОНОМИЧЕСКИХЪ ПУНКТОВЪ, ПО КОТОРЫМЪ УСТАНОВЛЕНО МОРЕ.

М Ъ С Т А .	ШИРОТЫ.	ДОЛГОТЫ.	ЗАМѢЧАНІЯ.
Кость Аральскій фортъ	46°1'17"7	61°1'44"6	Опредѣлень Бутаковъ. Опредѣлены въ 1846 г. Леммонъ, который считалъ свои долготы отъ острова Ферро. Для перевода ихъ на Гринвичскій меридіанъ, Бутаковъ употреблялъ разность въ 17°45'8".
Южная оконечность полуострова Раима . . .	46°4'19"	61°41'48"	
Могилы Акъ-Джунасъ около залива Сары-Чаганакъ.	46°41'32"	61°43'43"	Опредѣлены Бутаковъ.
Южный берегъ входа въ гавань Чубаръ-Тарузъ	46°44'42"2	60°30'59"6	
Мысъ Узунъ-Канръ.	45°46'3"5	59°17'44"9	
Мысъ Акъ-Гумсукъ.	44°36'1"8	58°18'47"7	
Мысъ Акъ-Суать. . .	43°42'41"2	58°22'6"5	
Островъ Николай I (въ южной бухтѣ) . .	44°59'4"6	59°16'54"6	
Островъ Беллинсгаузена	44°35'35"	58°56'11"	
Островъ Ермолова .	43°43'23"3	60 18 30"6	
Мысъ Кунганъ Савданъ	44°52'43"	61°46'44"8	

одинаковое протяженіе, какъ въ длину, такъ и въ ширину, за исключеніемъ сѣверо-восточной части, которая вдастся глубоко въ материкъ и образуетъ, такимъ образомъ, средиземный заливъ, называемый *Малымъ Моремъ* (Кичкине-Денгизъ), въ отличіе отъ остальной части, известной подъ названіемъ *Большого Моря* (Улу-Денгизъ) *. Малое Море имѣетъ площадь въ 400 квадратныхъ географическихъ миль, отдѣляется отъ Большого островомъ Кугъ-Аралъ и соединяется съ нимъ двумя проливами, изъ которыхъ главный, лежащій между Кугъ-Араломъ и устьями Сыра, имѣетъ до 25 верстъ въ ширину, а другой, между тѣмъ же островомъ и материкомъ, весьма узокъ и мелокъ. Большое Море, котораго площадь простирается до 4000 кв. географическихъ миль, какъ въ длину, такъ и въ ширину, около 250 верстъ **.

Вкусъ воды въ Аральскомъ Морѣ горько-соленый, но несравненно въ меньшей степени, чѣмъ въ океанѣ, что происходитъ отъ множества прѣсной воды, вливающейся въ него рѣ-

* Надобно замѣтить, что только тѣ мѣстные предметы носятъ между всѣми Киргизами одинаковаго названія, которые имѣютъ какіе-либо особенно-рѣзкіе отличительные признаки. Въ отношеніи же другихъ, они часто сбиваются: одни называютъ ихъ такъ, а другіе совершенно иначе. Некоторые, напримеръ, называютъ Малымъ Моремъ средиземный заливъ, ограничивающійся къ югу островомъ Кугъ-Аралъ, между тѣмъ какъ другіе придаютъ это названіе всей сѣверной части моря, простирающейся до южнаго берега острова Барса-Кильмась и замерзающей ежегодно. Конечно, послѣдній признакъ весьма важенъ; но, по словамъ путешественниковъ, Аральское Море замерзаетъ отъ всѣхъ береговъ такъ далеко, какъ только можетъ видѣть глазъ, и вѣроятно случаются зимы, когда оно покрывается льдомъ почти сплошь; иначе вѣдь бы было объяснить, какимъ образомъ попали сайгаки на островъ Николай I.

** Самое большое разстояніе на Аральскомъ Морѣ—это отъ сѣверо-восточной части залива Сыръ-Чаганакъ до юго-западной оконечности моря, или до мыса Ургу-Мурувъ: оно простирается до 400 верстъ. Разстоянія отъ устья Сыръ-Дарыи до важнѣйшихъ пунктовъ моря суть слѣдующія :

до сѣверныхъ частей Малаго Моря	100	вер.
— полуострова Кулады	120	»
— острова Барса-Кильмась	100	»
— западнаго берега моря	180	»
— острова Николай I	160	»
— южнаго берега моря	220	»
— устья Куванъ-Дарыи	120	»

ками Сыръ и Аму. Рыба здѣсь водится различныхъ родовъ, какъ-то: небольшіе осетры (осетріе), шипы, сомы, усачи, сазаны и особый родъ сельдей; а въ рѣкахъ, кромѣ того: жерехи, судаки, щуки, облы и подлещики. Замѣчательно, что тюльцевъ, которыхъ въ Каспійскомъ Морѣ такое множество, здѣсь нѣтъ совершенно.

Глубина моря въ серединѣ простирается до 15 морскихъ сажень (въ 6 футовъ каждая), а по мѣрѣ приближенія къ островамъ и къ берегамъ сѣверному, особенно восточному и южному, она уменьшается постепенно; но къ западному возрастаетъ, такъ что у самаго почти берега достигаетъ до 37 сажень. Такимъ образомъ въ сѣверо-западной части моря, между Царскими Островами и берегами, образуется какъ-бы яма, къ которой наклонится морское дно. Глубина Малаго Моря также весьма значительна: мѣстами простирается свыше 12 сажень. Грунтъ дна состоитъ въ сѣверо-западной половинѣ моря изъ ила, а въ юго-восточной изъ песку. Подводные камни есть только по южную и сѣверную сторону острова Николай I, на сѣверо-востокъ отъ острова Ермолова и около полуострова Куланды. Мелей въ открытомъ морѣ нѣтъ: онѣ встрѣчаются только около песчаныхъ и низменныхъ береговъ и острововъ.

Вообще Аральское Море принадлежитъ къ числу самыхъ бурливыхъ и безпокойныхъ. Вѣтеръ крѣпчаетъ здѣсь вдругъ, разводитъ большое волненіе и потомъ, стихнувъ, оставляетъ послѣ себя зыбъ, при которой лавировать нѣтъ никакой возможности. Ровныхъ вѣтровъ, которые бы дули по нѣскольکو сутокъ сряду, почти не бываетъ; большею частію стоятъ или штили, или крѣпкіе вѣтры, а нерѣдко жестокіе штормы. Господствующіе вѣтры на морѣ сѣверо-восточные: они дуютъ упорно по цѣлымъ мѣсяцамъ, и если иногда сменяются, то только на нѣскольکو дней. Поэтому, идучи съ сѣвера на югъ, здѣсь можно всегда рассчитывать на попутный вѣтеръ, тогда какъ путь отъ юга къ сѣверу сопряженъ съ большими затрудненіями. Вотъ причина, почему, для успѣшнаго плаванія по Аральскому Морю, недостаточны парусныя суда, а необходимы мелко-сидящіе въ водѣ желѣзные пароходы.

Аральское Море почти не имѣетъ хорошихъ якорныхъ стоянокъ, закрытыхъ отъ всѣхъ вѣтровъ. Въ Маломъ Морѣ есть,

правда, весьма удобны стоянки; но какъ господствующіе здѣсь вѣтры сѣверные, то судамъ врядъ ли придется укрываться въ нихъ въ штормъ. У сѣверныхъ береговъ Большого Моря можно съ пользою укрыться отъ сѣверо-восточнымъ вѣтровъ за мысами Южнымъ (на островъ Кугъ-Аралъ), Тюбе-Кара и Узунъ-Каиръ (на полуостровъ Куланды). У западнаго берега рѣшительно нѣтъ ни одного порядочнаго якорнаго мѣста. Южный, по мелкости своей, также не представляетъ въ этомъ отноше- нии никакого удобства. У восточнаго берега есть хорошія бух- ты; но такъ какъ тамъ всѣ берега похожи одинъ на другой, то, въ случаѣ жестокаго вѣтра, легко ошибиться, и, вмѣсто надежнаго убѣжища, попасть на мель и претерпѣть крушеніе. Въ срединѣ моря можно укрыться въ сѣверной и южной бух- тахъ острова Николай I.

Совершенно закрытыхъ природныхъ гаваней найдено на морѣ только три: въ заливѣ *Чубаръ-Тараузъ*, составляющемъ западную часть залива Перовскаго, въ заливѣ *Гуце-Басъ*, находящемся около устья Джанъ-Дары, и на юго-восточномъ бере- гу полуострова *Куланды*.

Топографическое описаніе береговъ и острововъ Аральскаго Моря.

Берега Аральскаго Моря представляютъ совершенную пустыню. Лѣтомъ, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ мѣстъ юго-западнаго и южнаго, вовсе необитаемы; зимою же киргизскія кочевки встрѣчаются по сѣверному и по восточно- му берегамъ, а также и на прилегающихъ къ нимъ островахъ. *Сѣверные берега* мѣстами низменны и песчаны, но большею ча- стію состоятъ изъ глинисто-солонцеватыхъ высотъ, поднимаю- щихся надъ поверхностію моря отъ 100 до 300 футовъ, обры- вистыхъ съ южной стороны и отлого-склоняющихся къ сѣвер- ной. Берега эти очерчиваются весьма извилисто, и образуютъ много заливовъ, полуострововъ и мысовъ. Сюда же должно от- нести острова *Кугъ-Аралъ* и *Барса-Кильмакъ*, между тѣмъ какъ полуостровъ *Куланды*, подобно группѣ *Царскихъ Острововъ* и *Острову Лизиревъ*, имѣетъ совершенно другое образованіе, и состоятъ мѣстами изъ пластовъ известняка. Къ сѣверному бе- регу примыкаютъ въ двухъ мѣстахъ пески, а именно: къ за- ливу *Чубаръ-Тараузъ* — *Милые Барсуки*, а къ восточному берегу

полуострова Куланды — *Большіе Барсуки*. Западный берег моря очерчивается обрывами плоской возвышенности Усть-Урта, состоящей из пластовъ песчаныхъ, глинистыхъ и известковыхъ. Южный берегъ низменъ и состоитъ изъ заросшаго камышемъ наноснаго ила изъ Аму-Дарьи, которая многими рукавами вливается въ море на всемъ его протяженіи, и изъ песку, намываемого волненіемъ, происходящимъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Около этого берега лежитъ островъ *Токмакъ-Ата*. Наконецъ восточный берегъ, къ которому прилегаютъ, сѣвернѣе Сыръ-Дарьи, пески *Кара-Кумъ*, а южнѣе — *Кизиль-Кумъ*, вообще низменъ, песчанъ, покрытъ кустарникомъ и камышемъ, и извилистъ. Около него находится множество песчаныхъ острововъ.

Сѣверо-восточная часть моря, вдаваясь въ материкъ, образуетъ такъ-называемое Малое Море, которое раздѣляется на двѣ части: одна направляется на сѣверо-востокъ и образуетъ заливъ *Сары-Чаганакъ*, къ которому, около могилы Акъ-Джупась, примыкаетъ транспортная дорога, идущая изъ Уральскаго укрѣпленія въ Равмъ, а другая идетъ на западъ отъ первой, и образуетъ заливы: *Перовскаго*, *Джедели*, *Паскевича* и *Нессельроде*.

Восточный берегъ Малаго Моря, на всемъ протяженіи отъ устья Сыръ-Дарьи до урочища *Мергенъ-Сий*, лежащаго слишкомъ въ 20 верстахъ на западъ отъ могилы Акъ-Джупась, низменъ и песчанъ; а въ небольшомъ отъ него разстояніи тянется полоса сыпучихъ холмовъ, усыянныхъ кустами *саксаула* (Пандеръ называетъ его *salsola*, а Лихтенштейнъ причисляетъ къ роду *tamarix*) и *гребенишка* (по-киргизски джангылъ, *tamarix gerganica*).

Между заливами Сары-Чаганакъ и Перовскаго находится глинисто-солонцеватая плоская возвышенность полуострова *Кукъ-Турнакъ*, склоняющаяся къ обоимъ заливамъ некрутою покатостію, у подножія которой образуется песчаное побережье, а къ юго-западу — почти отвѣснымъ обрывомъ, въ 300 футовъ высоты надъ поверхностію воды.

Сѣверный берегъ залива Перовскаго поднимается надъ уровнемъ моря на 270 футовъ, и также весьма обрывистъ. Съ него видны, въ дальнемъ разстояніи, поросшіе кустарникомъ песчаные бугры *Малыхъ Барсуковъ*, которые примыкаютъ къ

морю между заливами Перовскаго и Чубарь-Тараузъ. На этомъ же берегу встрѣчаются родники прѣсной воды, обозначающіеся клочками яркой зелени, состоящей изъ камыша и дикой конопли.

Въ западной сторонѣ залива Перовскаго находится заливъ, или, скорѣе, озеро, *Чубарь-Тараузъ*, представляющее собою превосходную природную гавань, около которой находится вода въ копаняхъ, и есть также топливо, хотя не въ большомъ количествѣ. Къ югу отъ входа заливъ мелокъ, но къ сѣверу, вдоль восточнаго берега, глубина его простирается до 5 и даже до 8 футовъ, т. е. совершенно достаточная для судовъ, могущихъ плавать по Аральскому Морю. Около залива встрѣчаются слѣды киргизскихъ зимовокъ.

Между заливами Перовскаго и Паскевича находится также глинисто-солонцеватая плоская возвышенность полуострова *Чубарь*, обрывисто упирающаяся въ море только на юго-востокъ, а съ остальныхъ сторонъ довольно отлогая.

Проливъ, соединяющій заливъ Перовскаго съ остальною частію Малаго моря, глубокъ, и имѣетъ верстъ 7 ширины. Правый берегъ его (отъ юга къ сѣверу) составляетъ обрывистая возвышенность, отъ 30 до 50 футовъ вышиною, поверхность которой покрыта кустами джангыла и джиды (имѣющей плодъ въ родъ финиковъ), а лѣвый — *Мысъ Св. Василія*, голая и бесплодная высота, поднимающаяся футовъ на 200 отъ поверхности воды, довольно крутая съ южной и отлогая съ сѣверной стороны.

Нагорный берегъ около залива Паскевича, отдѣляющая отъ себя съ восточной стороны небольшія бухты или озера, подобныя Чубарь-Тараузу, *Тересь-Тюбекъ* и *Чумыш-Куль*, вообще не высокъ и удаленъ отъ моря. У подножія его образуется песчаное, большею частію, побережье, и только мѣстами встрѣчаются отдѣльно выдающіяся высоты.

Малое Море ограничивается къ югу островомъ *Кузь-Араль*, въ длину отъ запада къ востоку до 40, а въ ширину до 10 верстъ. Островъ состоитъ изъ плоской возвышенности, южный берегъ которой крутъ и образуетъ мысы *Южный* и *Болваншинъ*; покатоности же другихъ сторонъ довольно отлоги. Берега около Южнаго Мыса представляютъ обрывистые утесы, высотой надъ поверхностію моря до 160 футовъ. Уте-

сы эти подходят къ самому берегу, взгромождены уступами и прорыты во многихъ мѣстахъ глубокими оврагами и промоинами. Всклодь на верхъ довольно затруднителенъ и не вездѣ возможенъ. Верстахъ въ трехъ къ западу отъ Южнаго Мыса нагорный берегъ отходитъ отъ моря и постепенно понижается; но по мѣрѣ приближенія къ Мысу Болванчину, снова возвышается. Нагорное пространство почти совершенно плоско, имѣетъ почву глинисто-солонцеватую, одаренную необыкновеннымъ обиліемъ слюды, и представляетъ собою пустыню съ весьма скудною растительностію. На кочкахъ, которыми устлана поверхность, растетъ мохъ; впрочемъ, въ оврагахъ цѣтрчается небольшое количество ржаннику, и почти вездѣ кусты саксаулы и гребенщика. Почва низменнаго пространства, образующагося особенно - значительными участками въ сѣверо-восточной и въ западной частяхъ острова, песчаная. На восточной сторонѣ Кугъ-Арала, саженьхъ въ 150 отъ берега, есть самосадочная соль. На островъ почти каждую зиму кочуетъ довольно много Киргизовъ*.

* Въ январь мѣсяцъ 1848 г. сюда перекочевало по льду нѣсколько ауловъ съ Косъ-Арала, гдѣ, по большому скопленію Киргизовъ съ ихъ стадами, чувствовался недостатокъ въ подножномъ кормѣ и въ топливѣ. Откочевавшіе Киргизы рассчитывали весною вернуться назадъ; но дождь и происшедшая отъ того гололедица представили затрудненіе для перегона скота и особенно верблюдовъ. Поэтому только часть Киргизовъ возвратилась назадъ, и то съ большими потерями, а прочіе, въ числѣ 43 душъ обоюго пола, остались на Кугъ-Аралѣ; но вскорѣ, для перелѣты подножнаго корма, перекочевали на островъ *Бююр-гунды*. Здѣсь, въ началѣ іюля, толпа усть-уртскихъ Киргизовъ, предавшихъ Хивинцамъ, напала на нихъ, и, угнавъ весь скотъ (500 барановъ, 85 штукъ рогатаго скота, 20 верблюдовъ и 16 лошадей), лишила ихъ не только всего богатства, но даже средствъ къ дальнѣйшему существованію. Боясь вторичнаго нападенія, Киргизы перекочевали на *салатъ*, или лодкахъ, сдѣланныхъ изъ камыша, на островъ *Киндерли*. Въ продолженіе почти трехъ недѣль они питались оставшимися при нихъ двумя или тремя баранами; но этотъ скудный запасъ уже приходилъ къ концу, и ихъ ожидала голодная смерть, какъ вдругъ, 24 числа, показалось въ виду острова, рыболовецкое судно *Михаилъ*, возвращавшееся изъ залива Перовскаго на Косъ-аральскую пристань. Рыболовы, увидавъ подаваемые имъ съ острова сигналы, придержались къ берегу, стали на якорь, и, узнавъ положеніе знакомыхъ имъ Киргизовъ, рѣшились перевести ихъ на Косъ-Аралъ, гдѣ они и были высажены 27 іюля.

Около сѣверо-западной оконечности Кугъ-Арала находится нѣсколько острововъ, изъ которыхъ болѣе другихъ замѣчательны *Бююрзунды*, длиною около 10 и шириною до 3 верстъ, и *Киндерли*, длиною около 3, а шириною около 2 верстъ.

Сѣверный берегъ, начиная ограничивать Большое Море отъ пролива, отдѣляющаго Кугъ-Араль отъ материка, не теряетъ первоначальнаго своего характера, и продолжаетъ идти значительными изгибами, образуя полуострова *Тюбе-Кара* и *Куланды*, и заливы: *Тше-Башъ* и *Чернышева*.

Полуостровъ *Тюбе-Кара*, какъ по наружному виду, такъ и по свойствамъ своимъ, совершенно сходенъ съ Южнымъ Мысомъ Кугъ-Арала, съ тою только разницею, что высота его значительнѣе и простирается свыше 200 футовъ надъ поверхностью воды. Нагорный берегъ, подходя къ самому морю, такъ крутъ, что входъ на него доступенъ весьма не во многихъ мѣстахъ, и сопряженъ съ крайними затрудненіями.

Сѣверный берегъ залива *Тше-Башъ* состоитъ изъ высотъ, постепенно понижающихся къ западу; а западный берегъ, къ которому, кажется, прилегаютъ пески *Большіе Барсуки*, совершенно низменъ; параллельно ему тянется полоса сыпучихъ бугровъ, поросшихъ гребенщикомъ.

Полуостровъ *Куланды* состоитъ изъ плоской возвышенности, оканчивающейся съ юго-востока каменнымъ мысомъ *Изенъ-Араль*, а съ юго-запада мысомъ *Узунъ-Каиръ*.

Мысъ *Изенъ-Араль*, занимая пространство слишкомъ въ 170 сажень длины и около 80 сажень ширины, почти совершенно отдѣленъ отъ полуострова, съ которымъ соединяется низменнымъ перешейкомъ, длиною болѣе полуверсты, а шириною мѣстами не болѣе 2 сажень. Мысъ этотъ возвышается надъ водою футовъ на 45. Южная его сторона, выставленная на дѣйствіе волнъ, обнаруживаетъ постепенно подмываемую и разрушающуюся известковую скалу, такъ что обрушенія эти образовали 15 небольшихъ ущелій, окруженныхъ обрывистыми и иногда навѣсно склоняющимися контрфорсами. Восточная оконечность мыса состоитъ изъ перпендикулярной стѣны, у подошвы которой лежатъ 5 большихъ и весьма много малыхъ обломковъ утеса. Сѣверная сторона не такъ обрывиста, и представляетъ даже возможность для вихода. Вообще весь мысъ окруженъ, болѣе чѣмъ на версту;

множеством различной величины подводных камней; а въ 6 верстахъ къ сѣверу отъ него и верстахъ въ двухъ отъ берега находится *Свнтой-Камень* (Тасы-Аулія), который составляетъ островокъ, тянущійся отъ юго-востока къ сѣверо-западу на 50 сажень и продолжающійся къ сѣверу подводною косою на разстояніи $1\frac{1}{2}$ версты. Камень этотъ, обрывистый со всѣхъ сторонъ, такъ что всходъ на верхъ едва доступенъ, и состоящій изъ пластовъ известняка, имѣетъ въ высоту 35 футовъ надъ поверхностію моря. Вершина его представляетъ собою фигуру трапеціи, которой непараллельныя стороны имѣютъ по 38; изъ параллельныхъ же — сѣверо-западная 42, а юго-восточная 30 шаговъ. Весь камень, особенно вершина его, покрыты гнѣздами пеликановъ и баклановъ.

Перешеекъ, отдѣляющій Изень-Араль отъ материка, по видимому, болѣе и болѣе заливается водою, такъ что со временемъ мысь этотъ вѣроятно будетъ составлять островъ. При оконечности перешейка находится бугоръ одинаковой высоты съ мысомъ, но гораздо меньшаго объема; а въ полуверствѣ отъ него къ западу—другой, составленный весь изъ осадковъ и окаменѣлостей. Прямо на югъ отъ этого послѣдняго, въ разстояніи одной версты, торчатъ надъ водою два огромные известковые камня, оставляя между собою промежутокъ въ 15 сажень. Замѣчательно, что глубина пролива, отдѣляющаго эти камни отъ берега, простирается до 2 сажень. Отъ горы окаменѣлостей нагорный берегъ становится весьма не высокъ (футовъ въ 20), постоянно отходить отъ воды и имѣетъ почву, подобно Кугъ-Аралу и Тюбе-Кара, глинисто-солонцеватую, одаренную весьма скудною растительностію. Низменная часть берега песчана, камениста и заросла во многихъ мѣстахъ камышемъ, перемѣшаннымъ иногда съ луговою травою, гребенщикомъ и саксауломъ. По мѣрѣ отдаленія къ западу отъ Изень-Арала, подводные камни замѣняются береговыми отмелями, которыя препятствуютъ подходить къ берегу, даже небольшой шлюпкѣ, ближе чѣмъ на полверсты. Верстахъ въ 40 отъ мыса, нагорный берегъ снова возвышается. Высоты эти, известковаго образованія и замѣтныя съ моря съ весьма дальняго разстоянія, огибаютъ небольшой заливъ, который можетъ служить хорошею гаванью.

Къ юго-западу отъ известковыхъ возвышеній выдается въ море мысъ *Узунъ-Каиръ*, покрытый песчаными буграми съ каменными насыпями и заросшій, по большей части, камышемъ и кустарникомъ. Онъ продолжается еще подъ водою двумя длинными косами, изъ которыхъ одна каменистая, шириною сажень въ 25, направляется версты на 2 на югъ, а другая песчаная — на юго-западъ. Верстахъ въ 5 къ сѣверу отъ Узунъ-Каира находится весьма хорошая, хотя и не сильная, самосадочная соль.

На полуостровѣ Куланды вырывая колодцы, можно добывать во многихъ мѣстахъ хорошую прѣсную воду. Зимой, кажется, здѣсь кочуетъ довольно много Киргизовъ.

Отъ полуострова Куланды, западные берега котораго низменны и песчаны, до самаго Усть-Урта идутъ довольно крутыя глинистыя возвышенія, мѣстами до 100 футовъ высоты надъ поверхностью моря. У подножія ихъ растиается болѣе или менѣе узкое песчаное побережье. Это урочища *Корджюнды*, *Кумъ-Сутъ* и *Киратамакъ*.

Верстахъ въ 20 къ юго-востоку отъ полуострова Куланды находится островъ *Барса-Кильмась*. Название его, означающее по-русски «дойдешь и не вернешься», произошло отъ нѣсколькихъ несчастныхъ случаевъ, бывшихъ, можетъ быть, съ переломывающимися туда по льду Киргизами. Онъ въ длину отъ сѣверо-востока къ юго-западу 22 версты, а въ ширину отъ 4 до 9 верстъ; самая большая ширина находится въ юго-западной части. Поверхность его простирается до 130 кв. верстъ. Островъ состоитъ изъ плоской возвышенности, вышиною около 200 футовъ надъ уровнемъ моря, крутой съ юго-востока и отлого склоняющейся къ сѣверо-западу. Возвышенность эта имѣетъ свойства одинаковыя со всеми высотами сѣвернаго берега. Низменное побережье, простирающееся по сѣверо-восточной части острова во всю его длину, и имѣющее ширины болѣе версты, представляетъ грунтъ песчаный. Здѣсь встрѣчаются готовыя уже копани, съ водою, годною для употребленія, хотя нѣсколько горьковатою. Растительность на Барса-Кильмась довольно скудная, и если бы островъ не изобиловалъ кустарникомъ, то казался бы совершенно обнаженнымъ.

На Барса-Кильмаст до весны 1848 года жили, семь летъ сряду, Киргизы. Они перебрались сюда по льду, и, кочуя въ безопасности отъ грабежей Хивинцевъ и своихъ одноплеменныхъ барантавщиковъ, значительно разбогатѣли скотомъ; но, переселившись на материкъ, изъ недѣльной боязни къ русскимъ судамъ, были тотчасъ же ограблены.

Западный берегъ Аральскаго Моря, примыкая, на протяженіи около 280 верстъ, отъ оврага Каратамакъ до мыса Ургу-Мурунь, къ плоской возвышенности Усть-Урта, идетъ почти въ одномъ направленіи, по крайней мѣрѣ не образуетъ замѣтныхъ заливовъ, и взгромождено неправильными каменистыми обвалами и утесами, нерѣдко совершенно вертикально упирающимися въ море, особенно около выдающихся отъ материка мысовъ. При солнечномъ освѣщеніи, эти безпорядочно размѣщенные утесы, имѣя мѣстами надъ поверхностію моря свыше 500 футовъ, отъ разноцвѣтности слоевъ каменистыхъ породъ, представляютъ какой-то волшебный видъ съ моря. Взоръ обманывается небольшою, и на этихъ пустынныхъ берегахъ рисуются для зрѣнія различныя развалины: храмы, бани, шатры, колонны и проч. При всемъ, однако, разнообразіи этихъ рисунковъ, для моряка весьма трудно отличить одинъ береговой предметъ отъ другого. Усть-уртскія высоты особенно высоки и обрывисты около середины западнаго берега; по мѣрѣ же приближенія къ сѣверу, особенно къ югу, онѣ замѣтно понижаются. Во многихъ мѣстахъ подъемъ на вершину невозможенъ; даже не можетъ пристать къ берегу небольшая шлюпка. Киргизы устроили на высотѣ у тѣхъ мѣстъ, гдѣ удобно спускаться на водонои, различныя примѣты. По окраинѣ Усть-Урта пролегаетъ караванная дорога изъ Оренбурга въ Хиву, по которой встрѣчаются, хотя не въ близкомъ одна отъ другой разстояніи, копали съ водою, по нуждѣ годною къ употребленію, а на скатахъ—родники. На всемъ западномъ берегу, по причинѣ прямого его очертанія и значительной глубины моря, нѣтъ ни одного удобнаго мѣста для якорной стоянки, что составляетъ большое неудобство, при дующихъ почти постоянно сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ. Въ южныхъ частяхъ западнаго берега кочуютъ Киргизы, приверженные хивинскому хану.

Южный берег Аральскаго Моря вообще низменъ, песчанъ и обросъ камышемъ и кугою. На всемъ протяженіи его впадаетъ въ море многими рукавами Аму-Дарья, образуя заливы съ прѣсною водою: *Кинь-Камысь*, *Талдыкъ*, *Кугъ-Узюкъ* и *Тиче-Башъ* у Бишь-Кума. Прѣсная вода выбивается въ море отъ всего южнаго берега версть на 45; но, при продолжительныхъ свѣрныхъ вѣтрахъ, она смѣшивается съ морскою, даже въ заливахъ. Отмели отъ берега отходятъ здѣсь также весьма далеко. Около залива Талдыкъ и у Бишь-Кума постоянно кочуютъ, кажется, Каракалпаки.

Между заливами Кинь-Камысь и Талдыкъ лежитъ островъ *Токмакъ-Ата*, получившій названіе отъ находящейся на немъ могилы одного святого (аулія) *. Онъ въ длину отъ сѣверо-запада къ юго-востоку версть 25, а въ ширину версть 5, такъ что поверхность его простирается до 85 кв. версть. Островъ вообще песчанъ и низменъ. На немъ растутъ въ изобиліи кусты джангыла и джидовника, а берега обросли камышемъ. Только въ двухъ мѣстахъ представляются на немъ глинисто-солонцеватая высоты, именно: въ восточной, гдѣ находится могила святого, и въ юго-западной.

Токмакъ-Ата отдѣляется отъ материка проливомъ съ прѣсною водою, шириною версты въ 4, а глубиною фута въ 2 и даже менѣе. Хивинцы сообщаются чрезъ него, посредствомъ маленькихъ лодокъ, на которыхъ толкаются на шестахъ, или же въ бродъ.

На Токмакъ-Ата постоянныхъ кочевковъ не бываетъ; но съ августа мѣсяца сюда приходитъ на поклоненіе много богомольцевъ, а зимою разъ въ годъ ѣздитъ по льду и самъ ханъ. Богомольцевъ не пускаютъ на островъ, пока особые чиновники не соберутъ для хана растущую здѣсь въ большомъ изобиліи ягоду джиду, для сбереженія которой строго запрещается рубить кустарникъ.

* Между ордынцами сохраняется преданіе, что пока этотъ святой будетъ вкривительствовать Хивинскому народу, ни одно чужеземное судно не подойдетъ къ устьямъ Аму-Дарьи. Другое преданіе говоритъ, что къ сѣверу отъ Токмакъ-Ата находится пучина, втягивающая въ себя всякое приближающееся судно. Последніе экспедиціи достаточно доказали вѣрность этой молвы.

Восточный берег моря, вдавался тупым угломъ въ материкъ, вообще низменъ, песчанъ, весьма извилистъ и изрѣзанъ множествомъ глубоко вдающихся во внутрь заливовъ, съ узкими и мелкими входами, изъ которыхъ самыя большіе: *Аше-Башъ*, *Кильты*, *Акъ-Сага*, *Бикъ-Тау*, *Слуу*, *Бусай*, *Учь-Уткуль*, *Манасъ*, въ который впадаютъ южныя устья Кувана, *Чумышь-Куль*, около котораго впадаютъ сѣверныя устья Кувана, и проч. Обиліе прилегающихъ къ этому берегу острововъ, отдѣляющихся отъ материка болѣе или менѣе широкими проливами, дополняетъ еще болѣе извилистое его очертаніе. Изъ острововъ замѣчательнѣйшіе: *Каскигуланъ*, *Куйъ-Джидмисъ*, *Джангильды-Тюбекъ*, *Сорчи-Аралъ*, *Аталыкъ*, *Узунъ-Каиръ* и острова: *Меншикова*, *Толмачева* и *Обручева*, лежащіе слишкомъ въ 20 верстахъ отъ берега, а потому неизвѣстные ордынцамъ до экспедиціи Бутакова.

Параллельно побережью, какъ материка, такъ и острововъ, заросшему мѣстами камышемъ, тянутся обыкновенно песчанья насыпи, или дюны, покрытыя кустарникомъ, за которыми постепенно возвышаются песчаные бугры и холмы, перерѣзывающіеся нерѣдко горько-солеными озерами или рукавами моря. Глинисто-солонцеватыя возвышенія, и то незначительныя, встрѣчаются только въ немногихъ мѣстахъ, а именно: между сѣверными и южными устьями Кувана-Дарьи, или около заливовъ *Чумышь-Куль* и *Манасъ*, на островѣ *Сорчи-Аралъ* и мѣстами на урочищахъ *Куганъ-Санданъ* и *Куй-Башъ*. На восточномъ берегу прѣсная вода, кромѣ Кувана-Дарьи, встрѣчается только въ копаняхъ. Киргизскія и каракалпакскія кочевки производятся здѣсь только зимою, когда снѣгъ можетъ замѣнить имъ воду, камыши доставить убѣжище отъ бурановъ и отчасти кормъ для скота, а кустарникъ топливо. Изъ замѣчательнѣйшихъ растений на восточномъ берегу и на прилегающихъ къ нему островахъ встрѣчаются: *гребешникъ*, *саксауль*, иногда *джидденникъ*, *кулянъ-суюкъ*, изъ котораго Киргизы добываютъ желтую краску, *дикая конопля*, изъ которой они же дѣлаютъ рыболовныя сѣти, и проч.; изъ животныхъ: *тигры* (*джуль-барсъ*), *кабаны*, *лисицы*, *сайгаки* и проч. Мѣста эти особенно богаты птицами. Многіе острова устьяны несметнымъ количествомъ гнѣздъ *бабы-птицы*, *баклановъ*, *мартышекъ*, *лебедей*, *чакъ* и проч.

Разсмотрѣвъ берега Аральскаго Моря съ прилегающими къ нимъ островами, остается обратить вниманіе на группу *Царскихъ Острововъ*, открытую въ 1848 году, и на острова *Беллингсгаузена* и *Лазарева*, открытые въ 1849 году.

Группа Царскихъ острововъ находится въ равномъ разстояніи (верстахъ въ 60) отъ острова Барса-Кильмась, полуострова Куланды и западнаго берега моря. Самый большой изъ этой группы и самый замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ острововъ, находящихся на Аральскомъ Морѣ, есть, безспорно, *Николай I*. Онъ заключаетъ въ себѣ до 200 кв. верстъ. О существованіи его до 1848 года рѣшительно ничего не было извѣстно. Островъ не видимъ ни съ одного берега, а ордынцы, не имѣя парусныхъ судовъ, съ которыми бы могли пускаться въ открытое море, ограничиваются только самымъ близкимъ береговымъ плаваніемъ. Зимой же море, отдѣляющее его отъ береговъ, если и замерзаетъ, то не всегда; но и въ эти рѣдкія зимы, не имѣя никакой нужды переходить чрезъ него поперекъ и подвергать себя безъ цѣли опасности отъ бурановъ, они не могли на него натолкнуться. Наконецъ, судя по мѣстнымъ признакамъ и потому, что объ островѣ не существовало до сихъ поръ никакихъ, даже темныхъ преданій, до которыхъ Азіяты большіе охотники, съ достовѣрностію можно заключить, что до 1848 года на него никогда не вступала человѣческая нога.

Островъ Николай I раздѣляется на двѣ части: восточную и западную. Восточная состоитъ изъ плоской возвышенности, основаніемъ которой, по большей части, служатъ пласты известняка. Возвышенность эта имѣетъ въ длину отъ сѣвера къ югу верстъ 12, а въ ширину верстъ 5. Къ югу она выдается двумя мысами, между которыми образуется небольшая бухта, а къ сѣверу продолжается суживающеюся постепенно половою, которая потомъ поворачиваетъ на западъ и идетъ обрывистою глинистою косою, ограничивающею съ сѣвера другую бухту. У подножія этой плоской возвышенности разстилается песчаное побережье, ширину въ $\frac{1}{4}$ версты.

Западная часть острова длиною отъ запада къ востоку въ 10, ширину въ 6 верстъ, весьма недавно, по видимому, освободилась изъ-подъ воды, и по свойствамъ своимъ похожа на восточные берега Аральскаго Моря. Она отдѣляется отъ себя два полуост-

*

рова, изъ которыхъ одинъ идетъ на сѣверъ и замыкаетъ сѣверную бухту съ юго-запада, а другой на югъ. За прибрежьемъ, поросшимъ камышемъ и шириною въ нѣсколько сотъ сажень, тянутся, обыкновенно параллельно берегу, въ три ряда песчаные бугры, или дюны. Далѣе представляется низменное песчаное пространство, среди котораго встрѣчаются глинисто-солонцеватыя площадки и горько-соленыя озера.

Весь островъ (особенно низменная его часть) почти сплошь покрытъ чрезвычайно густымъ и мѣстами почти непроходимымъ кустарникомъ саксаула и гребенщика. Кромѣ того, онъ изобилуетъ сайгаками, мясо которыхъ весьма вкусно; изъ другихъ же четвероногихъ найденъ былъ только ежъ и замѣчены слѣды лисицъ. На островѣ есть также змѣи и земляныя черепахи. Вода въ копаняхъ здѣсь довольно хороша.

Островъ Николай I имѣетъ двѣ бухты: *сѣверную* и *южную*. Поперекъ *сѣверной* идетъ песчаная коса, доходящая до острова *Наслѣдникъ*. Черезъ нее можно проходить только при восточныхъ вѣтрахъ, когда нѣтъ волненія; но при сѣверо-западныхъ и западныхъ весьма не безопасно. Къ югу отъ нея глубина простирается до 5 сажень, а къ сѣверу до 12. Якорная стоянка въ этой бухтѣ весьма удобна.

Южная бухта представляетъ также прекрасную якорную стоянку, закрытую отъ всѣхъ вѣтровъ, за исключеніемъ юго-западныхъ, да и тѣ, встрѣчая на пути своемъ островъ *Константинъ*, не могутъ быть опасны. На сѣверномъ берегу бухты, за высотами, есть соленое озеро съ прекрасною бѣлою солью. Къ сожалѣнію, въ этомъ мѣстѣ нѣтъ прѣсной воды.

Къ группѣ Царскихъ Острововъ принадлежатъ также острова: *Наслѣдникъ* и *Константинъ*. Первый лежитъ верстахъ въ 15 къ сѣверо-западу отъ острова Николай I, а второй верстахъ въ 6 къ югу. Кромѣ того, есть еще другіе два маленькіе острова: одинъ на продолженіи сѣверной косы, а другой къ сѣверо-востоку отъ нея.

Островъ *Наслѣдникъ* простирается въ длину отъ сѣвера къ югу на 9 верстъ, а въ ширину отъ 100 до 200 сажень. Островъ низменъ, песчанъ и почти сплошь покрытъ густымъ камышемъ, заглушающимъ собою всякую другую растительность; мѣстами встрѣчаются, однако, отдѣльные кусты саксау-

ла. Съ острова въ ясную погоду видяются высоты Усть-Урта.

Островъ Константинъ, длиною въ 7 верстъ, весьма узокъ, низменъ и песчанъ, какъ большая часть острововъ Аральскаго Моря. На песчаныхъ буграхъ его растутъ саксауль и гребенщикъ, а по закраинамъ — камышь. Къ югу отъ острова тянется несчаная коса, къ востоку въ нѣсколькихъ мѣстахъ есть весьма опасные подводные камни, а къ западу присоединяется къ нему двумя отмелями небольшой низменный островокъ.

Верстахъ въ 50 къ юго-западу отъ острова Николай I, въ такомъ же разстоянн отъ Усть-Урта, и верстахъ въ 80 къ сѣверу отъ Токмакъ-Ата, находится *Островъ Беллингсгаузена*. Это узкая песчаная коса, въ длину отъ сѣвера къ югу около 3 верстъ, а въ ширину отъ 10 до 30 сажень. Отъ обѣихъ оконечностей ея идутъ мели. На всемъ островѣ есть всего только два кусточка лебеды.

Верстахъ въ 10 къ югу отъ Острова Беллингсгаузена выходитъ изъ-подъ воды невысокая известковая скала, до 3 верстъ въ длину и около одной въ ширину, и названная *Островомъ Лазаревъ*. На немъ разбросаны кусты гребенщика, а по закраинамъ юго-западной стороны встрѣчается камышь.

О рѣкахъ, впадающихъ въ Аральское Море.

Аральское Море принимаетъ въ себя только двѣ рѣки: *Сыръ* и *Аму*, изъ которыхъ каждая протекаетъ до 2,000 верстъ. Онѣ стали известны образованному міру съ глубокой древности; къ сожалѣнію, однако, до сихъ поръ еще весьма мало изслѣдованы.

Рѣка *Сыръ* или *Сыръ-Дарья* называлась у Грековъ, со временъ Александра Великаго, *Яксартомъ*, а у Арабовъ *Сейхунамъ*; но настоящее ея имя уже было известно, между жившими по берегамъ ея турецкими племенами, еще въ XIII столѣтн. Она беретъ свое начало нѣсколькими истоками изъ горъ, лежащихъ между Коканомъ и Кашгаромъ, и идетъ сначала на западъ, потомъ отъ *Ходжента* поворачивается на сѣверъ, а около *Туркестана* на сѣверо-западъ, совершая большую часть своего те-

челія въ предѣлахъ коканскихъ владѣній. Пройдя урочище *Акт-Мечеть*, она раздѣляется на три рукава, изъ которыхъ сѣверный удерживаетъ названіе *Сыра*, средній именуется *Кувань-Дарью*, а южный *Янь-Дарью*. Далѣе, миновавъ коканское укрѣпленіе *Кошъ-Курганъ*, она течетъ уже, на протяженіи слѣшкомъ 300 верстъ, въ предѣлахъ русскихъ владѣній.

Рѣка Сыръ орошаетъ сначала страну, наполненную высокими и лѣсистыми горами, изъ которыхъ стремятся въ все ручьи и рѣчки; но отъ изгиба ея, около Ходжанта на сѣверъ, къ ней примыкаютъ съ лѣвой стороны пески *Кизиль-Кумъ*, занимающіе пространство между Аральскимъ Моремъ и нижними половинами рѣкъ Сыръ и Аму; а отъ раздѣленія рѣки на рукава, съ правой стороны къ ней подходятъ пески *Кари-Кумъ*, направляющіеся на сѣверо-западъ. Во второй половинѣ своего теченія, рѣка Сыръ не принимаетъ въ себя ни одной рѣчки, и, по мѣрѣ приближенія къ устью, раздѣляется на многіе рукава (прораны), между которыми образуются острова. Какъ эти острова, такъ и берега рѣки здѣсь низменны и покрыты камышемъ почти во всю ширину долины. А потому, во время половодія, пространство, занимаемое камышемъ, заливается водою, отъ чего переправы черезъ рѣку возможны здѣсь не вездѣ *. Самая высокая вода въ Сыръ бываетъ въ июль, отъ таянія снѣговъ въ горахъ, находящихся при истокахъ рѣки.

Отъ самаго соединенія истоковъ, Сыръ-Дарья достигаетъ уже значительной ширины и глубины, и дѣлается, кажет-

* Отъ Кошъ-Кургана до устья Сыра, мѣста, удобныя для переправы, суть слѣдующія :

Кошъ-Курганъ

Акт-Чика	145 верстъ.
Майлибагы	39 —
Учь-Урга	30 —
Кара-Тюбе	22 —
Тальбугуть	89 —
Аманъ-Уткуль	20 —
Ханъ-Уткуль	8 —
Устье Сыра	44 —

Итого 390 верстъ.

ся, судоходною на всемъ своемъ протяженіи; но изъ этого свойства рѣки до сихъ поръ не извлечено еще никакой пользы для торговли; она приноситъ несравненно бѣдшія выгоды земледѣлю, орошая, посредствомъ проводимыхъ изъ нея каналовъ, пахатныя поля, которыя, безъ этого пособія, были бы совершенно неспособны къ обработыванію *. При устьяхъ Сыра образуются, однако, отмели версть на 15, между которыми наибольшій фарватеръ бываетъ въ 3, а иногда и менѣе, футовъ; кромѣ того, онъ весьма узокъ, извилистъ и подверженъ частымъ измѣненіямъ. Зимой, когда ледъ лежитъ во многихъ мѣстахъ на самомъ днѣ, теченіе воды продираетъ себѣ подъ нимъ путь и промываетъ, такимъ образомъ, къ веснѣ фарватеры въ 3½ и 4 фута: но къ осени они заносятся опять до 2 и 2½ футовъ. Ежегодное обмелѣніе устьевъ происходитъ, кажется, отъ быстроты теченія рѣки, которая, унося съ своего дна частицы ила, дѣлается весьма мутной, и образуетъ, при своемъ впаденіи въ море, обширныя мели, превращающіяся впоследствии въ песчаные острова. Изъ такихъ острововъ самый замѣчатель-

* Во многихъ мѣстахъ Турана, для орошенія полей, производится весьма обширныя гидравлическія работы. Для примѣра можно представить нѣкоторыя работы прежнихъ обитателей низовьевъ Сыръ-Дарьи, Каракалпакость, занимавшихся преимущественно земледѣіемъ. Такъ, отъ *Тальбузупа* до *Аманъ-Уткуля*, на протяженіи слишкомъ 20 верствъ, для удержанія рѣки въ восточномъ ея руслѣ, устроена ими на самомъ берегу небольшая плотинка, около аршина въ высоту и столько же въ ширину. Черезъ это рѣка течетъ какъ-бы въ корытѣ съ весьма крутыми боками, такъ что, въ разстояніи не болѣе одной сажени отъ плотины, вода покрываетъ уже ростъ человека. Но одна эта насыпь не могла еще исполнить своего назначенія безъ другой, которая-бы, пролегая перпендикулярно къ рѣкѣ, не пускала воду изъ верхнихъ ея разливовъ. Для этой послѣдней цѣли, устроена ими же плотина у *Тальбузупа* (10 верстами выше Ранма), 280 сажень въ длину, около сажени въ ширину и аршина два въ высоту. Посредствомъ такихъ работъ, Каракалпаки осушали пашни, которыя всегда могли поливаться водою изъ рѣки, выпуская ее, посредствомъ покрытій береговой плотины, въ такомъ количествѣ, въ какомъ имъ было необходимо. Подобными же работами оравцы осушаютъ по временамъ озера или, лучше, заливы происходящія отъ разлитія рѣки, какъ напримѣръ: *Акъ-Герикъ*, *Раимъ*, *Джамангачъ*, *Камышлы-Башъ* и проч., и засѣваютъ два ихъ хлѣбомъ. Такъ въ 1841 году долина *Акъ-Герикъ* была совершенно подъ водою; въ 1846 и 1847 годахъ большая часть ея была также залита; но въ 1848 году она представляла осушенное пространство, покрытое засѣянными пашнями.

ный, по своему положению, *Косъ-Аралъ* (прибавляющийся остров). Онъ огибается съ двухъ сторонъ устьями Сыра, изъ которыхъ южное нынѣ совершенно обмелѣло, и заросло камышемъ и кугою. На островъ помѣщается рыболовная ватага, и устроенъ редуть, для обороны судовъ, плавающихъ по морю *.

Около устьевъ Сыръ-Дарьи, по обоемъ ея берегамъ, равно и на Косъ-Аралѣ, кочуетъ довольно много Киргизовъ, особенно зимою. Всѣ они въ крайней нищетѣ: скота у нихъ весьма мало, хлѣбопашество производятъ въ небольшихъ размѣрахъ, а для рыбной ловли имѣютъ болѣе чѣмъ скудные средства. Киргизы обоеихъ береговъ сообщаются между собою посредствомъ *саломъ*, или небольшихъ плотовъ, сдѣланныхъ изъ камыша **.

Куванъ-Дарья течетъ сначала на западъ, и скоро раздѣляется на пять рукавовъ, называемыхъ *Башъ-Узлятъ*; потомъ опять соединяется въ одно ложе, поворачиваетъ на сѣверъ и дѣле снова течетъ на западъ. Въ настоящее время она не вливаетъ воды въ Аральское Море. Оба устья ея совершенно обсохли и на 60 верстѣ запружены Киргизами для земледѣлія. Вода, набѣгающая весною, во время таянія снѣговъ, удерживается только въ ямахъ или омутахъ. Изъ пересохшихъ устьевъ Кувана, сѣверное впадаетъ съ южной стороны въ заливъ *Чимши-Куль*, а южное, кажется, болѣе—въ заливъ *Манастъ*. Около перваго находятся развалины укрѣпленія *Куюкъ-Кила*.

Лны, или *Янга-Дарья* (по киргизскому произношенію *Джаны*, или *Джанга-Дарья*), въ переводѣ «новая рѣка», произошла, какъ увѣряютъ Киргизы, между 1760 и 1770 годами ***.

* Въ 1847 году ватага помѣстилась сначала на песчаной косѣ острова, при самомъ выходѣ изъ рѣки въ море; но вскорѣ случилась такъ-называемая *морья*,—вѣтеръ съ моря, которая залила эту часть острова и заставила, такимъ образомъ, рыболововъ перенести ватагу на настоящее ея мѣсто, находящееся верстахъ въ 5 выше устья. Осенью 1849 года рыболовы остались зимовать на островѣ Николай I, чтобы раннею весною открыть ловъ въ улобныхъ мѣстахъ.

** Подобные плоты портятъ отчасти русло рѣки. Если сала оторвется отъ берега, и, отплывъ на середину, остановится на мелкомъ мѣстѣ, то, служа преградой для свободнаго теченія воды, она не пускаетъ текущаго съ берега земляными частями, которыя, накопившись мало по малу, образуютъ мель, а потомъ и вязменный островокъ.

*** Муравинъ не видалъ этой рѣки и потому не внесъ въ свою карту. Въ подробныхъ караванныхъ маршрутахъ того времени также не упоминается о ней ни

Отдвлясь отъ Кувана, она текла на юго-западъ и впадала въ юго-восточную часть Аральскаго Моря. Въ 1816 году рѣка эта была еще весьма значительна; но въ 1820 баронъ *Мейендорфъ*, путешествовавшій въ Бухару, на мѣсть ея нашель, къ великому удивленію сопровождавшихъ его Киргизовъ, одно только сухое русло. Въ 1849 году, въ юго-восточной части моря найдены глубокія устья рѣки, называющейся также *Джанъ-Дарью*; но есть ли это прежняя Яны-Дарья, возобновившая свое теченіе, или новый рукавъ Аму?—задача эта остается еще неизслѣдованною. Въ пользу перваго предположенія можно сказать то, что найденныя устья — единственныя въ этихъ мѣстахъ и находятся на томъ самомъ мѣствѣ, гдѣ на старыхъ картахъ обозначалось впаденіе Яны-Дарьи; а также, что рѣка эта, по увѣренію Киргизовъ, съ 1848 года опять начала образовываться *; но съ другой стороны устья эти слишкомъ глубоки для такого протока, какъ Яны-Дарья, и скорѣе могли образоваться чрезъ отдвленія отъ Аму новаго рукава, куда устремилась изъ этой рѣки главная масса воды **. Можетъ быть, однако, что оба эти предположенія въ нѣкоторой степени справедливы, и новый рукавъ Аму, прежде впа-

слова. Можетъ быть, рѣка эта существовала и прежде, но впоследствии русло ея пересохло, и новая рѣка была не что иное, какъ возобновленіе старой, направль: *Кизиль-Дарьи*.

* Въ запискѣ, составленной, по разпросамъ Киргизовъ, находящихся при Раимскомъ укрѣпленіи, чиновникомъ Оренбургской Пограничной Комиссіи (въ 1848 г.) объ Яны-Дарьѣ разсказывается слѣдующее: «За 70 лѣтъ тому назадъ, когда Киргизы разныхъ родовъ, соединясь, подъ предводительствомъ бѣи и батыра *Джанке*, согнали Каракалпаковъ съ низовьевъ Сыръ-Дарьи, послѣдніе переселились къ урочищу Акъ-Мечеть и къ тому мѣсту, гдѣ Куванъ-Дарья отдвляется отъ Сыра. Вскорѣ они прорыли для хлѣбопашества каналъ, изъ которой образовалась Яны-Дарья, первоначально и зываемая *Каракалпакъ-Дарья*. Впоследствии Каракалпакки оставили Яны-Дарью и переселились къ Аму, а она пересохла. Въ 1848 году Киргизы Чумекеевскаго рода, кочующіе около отдвленія Куванъ-Дарьи, расчистили для хлѣбопашества истокъ Яны-Дарьи, и отъ того рѣка эта опять вначала образовываться.»

** Капитанъ-лейтенантъ Бутаковъ, по словамъ своего вожака Киргиза, называетъ Джанъ-Дарью новымъ устьемъ Аму, отдвлившимся, 9 лѣтъ тому назадъ, отъ восточнаго ея рукава *Кукъ-Узюкъ*, означеннаго на старыхъ картахъ подъ именемъ *Улу-Дарьи*. «Когда Кукъ-Узюкъ, говоритъ онъ, пересохъ въ главномъ своемъ руслѣ, то образовались изъ него два рукава: *Джалпакъ* и *Джанъ-Дарья*»

денія своего въ море, соединяется съ возобновившеюся Яны-Дарьею.

Джань-Дарья впадаетъ многими устьями въ заливъ *Тущеш-Бишъ*, отдѣляющійся отъ моря нѣсколькими песчаными островами, между которыми самый замѣчательный Островъ *Ермолова*. Входъ въ заливъ довольно затруднителенъ, по множеству мелей; но зато за островами представляется прекрасная якорная стоянка, спокойнѣе и удобнѣе которой нѣтъ во всемъ морѣ. Отъ Острова Ермолова до ближайшаго устья Джань-Дарьи — версть 7. Въ самыхъ устьяхъ теченіе весьма слабо, но вода чиста, и глубина, на протяженіи 3 версть къ верху, не менѣе 4 футовъ, не уменьшаясь, по видимому, и далѣе *. Между устьями находится много низменныхъ песчаныхъ острововъ, образующихъ урочище *Бишъ-Кумъ*. На этихъ островахъ растутъ въ изобиліи джидовникъ, а по берегамъ камышъ и кука. Около Бишъ-Кума кочуютъ по временамъ Каракалпаки.

Аму-Дарья ** называлась у Грековъ *Оксусомъ*, а у восточныхъ писателей *Джси-Хуномъ*. Она вытекаетъ изъ озера *Сары-Куль*, лежащаго на нагорной площади *Памиръ*, и извиается сначала въ юго-западномъ направленіи, по гористой странѣ кундузскихъ владѣній, а около *Балха* поворачиваетъ на сѣверо-западъ и течетъ почти прямою линіею, по бухарскимъ и хивинскимъ владѣніямъ, среди обширной песчаной пустыни, къ Аральскому Морю, куда впадаетъ нѣсколькими рукавами.

Выходя изъ нагорной площади Памиръ, Аму-Дарья орошаетъ сначала *Воханъ*, — страну чрезвычайно гористую и холодную; здѣсь она принимаетъ въ себя пять притоковъ, и потому называется *Пенджъ-Дарьею*. Далѣе съ южной стороны къ ней примыкаетъ также гористая область *Бедакшанъ*, славящаяся здоровымъ климатомъ, живописнымъ мѣстоположеніемъ и богатыми копиями рубиновъ. Здѣсь впадаетъ въ Аму много мелкихъ притоковъ, изъ которыхъ *Бедакшанъ* самый замѣчательный, и рѣка принимаетъ уже настоящее свое названіе. На сѣ-

* Верстахъ въ 25 выше устья, по словамъ вожака, находится переправа Каракалпаковъ на лодкахъ.

** Свѣдѣнія о теченіи этой рѣки заимствованы изъ записокъ бывшаго Предсѣдателя Оренбургской Пограничной Комиссіи, покойнаго генерала Геаса.

верномъ берегу Аму, противъ Бедахшана, находится весьма гористая и мало населенная страна, известная подъ общимъ именемъ *Хуттель*. За Бедахшаномъ и Хуттель простираются: къ югу отъ Аму *Кундузская Долина*, а къ северу оазисъ *Гисаръ*. Долина *Кундуза* орошается двумя притоками, изъ которыхъ на одномъ построены городъ *Кундузъ*, а на другомъ *Тамганъ*, и которые, соединясь, образуютъ рѣку *Акь-Серай*, впадающую въ Аму-Дарью. Долина углубляется во внутрь страны версты на 60, имѣетъ климатъ крайне нездоровый и состоитъ, по большей части, изъ непроходимыхъ болотъ, чрезъ которыя дороги устроены на сваяхъ. Западнѣе Кундуза находится небольшая долина *Хулумъ*, образующаяся по обѣимъ сторонамъ рѣки того же имени, на которой находится города *Хулумъ* и *Гейбекъ*; долина эта славится своими садами. Еще западнѣе лежитъ область *Билхъ*, отдѣленная отъ Аму пустынною полосою. На северномъ берегу рѣки, противъ Кундуза и Хулума, находится оазисъ *Гисаръ*, страна гористая, но весьма хорошо орошенная водою и изобилующая рисомъ. Отъ областей *Билха* и *Гисара*, Аму-Дарья течетъ уже до самаго устья среди песчаной пустыни. Съ лѣвой стороны, начиная отъ *Лулума* и *Билха*, къ ней примыкають *Грухменскіе Пески*, простирающіеся до Устья-Урта, Каспійскаго Моря и горъ, отдѣляющихъ Иранъ съ сѣвера; а съ правой стороны, начиная отъ *Калифи* и *Чарджу*, пески *Кизиль-Кумъ*. Здѣсь берега рѣки совершенно плоски; но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ воды есть другіе довольно высокіе, которые то примыкають къ самому ея руслу, то удаляются отъ него версты на 5 и на 6, и образуютъ, такимъ образомъ, узкую долину, пересѣченную, для земледѣлія, каналами во всѣхъ направленіяхъ, покрытую зеленью и украшенную купами деревьевъ. Не смотря однако на плодородіе этой узкой полосы, во многихъ мѣстахъ ея, особенно по правую сторону русла, или совершенно нѣтъ жителей, или они не занимають подъ пашви всей удобной земли. Самая широкая, болѣе другихъ воздѣланная и плодородная часть этой долины, заключается въ хивинскихъ владѣніяхъ.

Аму-Дарья, до соединенія съ кундузскою рѣкою *Акь-Серай*, имѣетъ ширины не болѣе 400 сажень и представляетъ всюду броды; а отъ этого пункта становится уже на всемъ

остальномъ теченіи судоходною, и бродовъ болѣе не имѣть. Замѣчательнѣшія переправы на лодкахъ встрѣчаются здѣсь въ слѣдующихъ пунктахъ:

При *Термизъ*, на дорогѣ изъ *Самарканда* въ *Балхъ*;

При *Кашфъ*, на дорогѣ изъ *Бухары* въ *Балхъ*. Здѣсь оканчиваются уже прибрежные холмы, и рѣка начинаетъ имѣть теченіе въ плоскихъ берегахъ. Ширина рѣки у перевоза простирается до 150 сажень. Верстахъ въ 25 къ западу отъ *Калифа* находится переправа при селеніи *Ходже-Салегъ*, гдѣ ширина рѣки достигаетъ до 350 сажень, а глубина отъ 1 до 3 и даже 4 сажень. Еще западнѣе встрѣчается ширина въ 400 сажень,—самая большая на всемъ протяженіи рѣки.

При *Кирки*, на дорогѣ изъ *Бухары* въ *Анхой*, и оттуда въ *Балхъ*, *Хулумъ*, *Кундузъ*, *Талиханъ* и проч.

При *Чарджу*, на военной дорогѣ изъ *Бухары* въ *Мервъ* и *Персію*. Здѣсь рѣка имѣетъ до 280 сажень ширины и отъ 2 до 3 и даже 4 сажень глубины.

Отъ *Чарджу* до хивинскихъ владѣній есть нѣсколько частныхъ перевозовъ, изъ которыхъ самый замѣчательный находится въ *Эльджинъ*, гдѣ нагружаютъ товары, идущіе изъ *Бухары* въ *Хиву*.

Зимою переправа черезъ рѣку облегчается тѣмъ, что *Аму* замерзаетъ на большей части своего теченія.

Аму-Дарья, не смотря на свою судоходность, въ настоящее время не приноситъ никакой пользы для торговли. Суда здѣсь строятся плоскодонныя, длиною въ 7 сажень, а глубиною аршина въ два, изъ кусковъ дерева, обдѣланныхъ квадратно и спаянныхъ желѣзомъ. Вверхъ ихъ тянутъ бечевой, а внизъ обращаютъ бокомъ, и пускаютъ, такимъ образомъ, по теченію. Эти барки могутъ подымать грузу до 20 тоннъ, или помѣстить до 150 человекъ. На всемъ теченіи рѣки ихъ находится, однако, весьма ограниченное число. Отъ *Акъ-Серая* до *Чарджу* есть около 15 перевозовъ, и на каждомъ по 2 лодки; другихъ же судовъ тутъ почти не видно. На пространствѣ отъ *Чарджу* до хивинскихъ владѣній ходитъ не болѣе 150 судовъ; здѣсь они служатъ уже не только паромами, но и для перевоза товаровъ, нагружаемыхъ обыкновенно въ *Эльджинъ*. Плотовъ на *Аму-Дарьѣ* нѣтъ совершенно.

Самая высокая вода въ рѣкѣ бываетъ лѣтомъ, отъ таянiя снѣговъ въ горахъ; вода начинаеть обыкновенно подыматься къ маю и возвращается къ прежнему уровню въ октябрь. Въ началѣ iюля она достигаетъ своей высочайшей точки, и тогда бываетъ наводненiе, обнаруживающее свое дѣйствiе рѣдко далѣе, какъ на полторы версты отъ обыкновеннаго русла. Возвышенiе уровня, не производя, однако, наводненiя, бываетъ еще весною, а иногда и осенью.

Аму - Дарья впадаетъ въ Аральское Море тремя главными устьями: *Западное*, идущее вдоль Усть-Урта къ заливу *Кичи-Камысъ*, обмелѣло до 2 футовъ и заросло почти сплошь камышемъ; *Среднее* впадаетъ въ заливъ *Талдыкъ*, на восточной сторонѣ острова Токмакъ-Ата. Оно раздвѣляется на множество рукавовъ; кромѣ того, Каракалпаки отвели изъ него для земледѣлiя выходящiе въ море каналы: *Карабайлы* и *Бузь-Узюкъ*. Изъ этихъ рукавовъ только одинъ, при весьма быстромъ теченiи, имѣеть глубину въ 3 фута; всѣ же остальные—не болѣе какъ 2½, 2 и 1½ фута. *Восточное* устье *Джалпакъ* впадаетъ въ заливъ *Кучъ-Узюкъ*. Протокъ этотъ весьма мелокъ и имѣеть теченiе до того слабое, что за двухъ-футовою мелью, тлнущеюся поперекъ залива, послѣ продолжительныхъ и крѣпкихъ сѣверныхъ вѣтровъ, бываетъ солоноватая вода. Наконецъ *Джанъ-Дарья* есть, можетъ быть, четвертое и самое главное устье Аму.

Въ прежнiя времена Аму - Дарья впадала также въ одинъ изъ заливовъ Каспiйскаго Моря. Англичанинъ *Джекинсонъ*, путешествовавшiй въ Хиву въ 1558 году, и ханъ *Абульгази Богадуръ*, родившiйся въ 1605 году и господствовавшiй въ Ховарезмии съ 1643 по 1663 годъ, подтверждая это извѣстiе, говорятъ, однако, что въ ихъ времена рѣка не текла уже болѣе мимо Ургенча на западъ, а имѣла направленiе на сѣверъ. Когда же именно Аму - Дарья перестала вливать свои воды въ Каспiйское Море?—задача эта до сихъ поръ еще не рѣшена, хотя объ этомъ и существуетъ много различныхъ предположенiй.

О П И С А Н І Е

ХИВИНСКАГО ХАНСТВА *.

Описание это Хивинскаго Ханства основано: на личном обзорѣи большей части его пространства, на глазомѣрной съемкѣ пройденныхъ въ Ханствѣ путей и на распросныхъ свидѣніяхъ, достоверность которыхъ не подвергалась сомнѣнію.

Подозрительный характеръ хивинскихъ сановниковъ и всего народа вообще, равно какъ и условія, при которыхъ мы находились въ Ханствѣ, стѣсняли не разъ нашу волю, и нерѣдко отнимали у насъ самыя близкія средства къ изученію края.

Чтобы представить полнѣйшее описаніе Хивинскаго Ханства, намъ недоставало: времени, пособія нѣкоторыхъ книгъ о Средней Азійи и способностей, которыя могли бы, если не замѣнить эти два недостатка, то, по крайней мѣрѣ, ослабить ихъ очевидное вліяніе на трудъ нашъ.

І. ПРЕДЪЛЫ.

Нынѣшнее Хивинское Ханство не имѣетъ опредѣленныхъ границъ: это есть оазъ, занимающій небольшое пространство

* Составлено въ 1843 году подполковникомъ (нынѣ полковникомъ) Генеральскаго Штаба Г. И. Данилевскимъ, который въ томъ же году возвратился изъ Хивы, куда ѣздилъ имѣть съ миссіею, отправленною нашимъ Правительствомъ.

земли посреди песчаныхъ степей Западнаго Туркестана, прикосновенныхъ къ морямъ Каспійскому и Аральскому, и лежащихъ между владѣніями Россіи, Персіи и Бухаріи.

II. КЛИМАТЪ.

Кратковременное пребываніе въ Ханствѣ не позволило намъ собрать достаточнаго числа данныхъ, изъ которыхъ можно было бы вывести удовлетворительное заключеніе о его климатѣ, и мы, по необходимости, должны руководствоваться, большею частію, распросными свидѣніями.

Хотя, по сжатости предѣловъ осѣдлаго Ханства, должно бы предполагать совершенно-одинаковый климатъ на всемъ его пространствѣ, однако сѣверная полоса, а именно низовья Аму-Дарьи, Кунградъ и даже Ходженли, нѣсколько долѣ подвергается зимнимъ холодамъ, чѣмъ полоса, лежащая южнѣ означенныхъ пунктовъ. Но въ этомъ только и заключается вся разница, которая, впрочемъ, имѣетъ мало вліянія на растительность. Сарачинское пшено, виноградъ и разныя фруктовыя деревья разводятся, одинаково успешно, на всемъ пространствѣ между г. Питнякомъ и г. Кунградомъ включительно, и только одна хлопчатая бумага не достигаетъ надлежащей зрѣлости въ окрестностяхъ Кунграда, что, впрочемъ, Хивинцы приписываютъ свойству почвы, а не атмосферическимъ вліяніямъ.

Весна въ Ханствѣ * наступаетъ обыкновенно въ срединѣ февраля; самая поздняя — въ началѣ марта. Ежегодно въ первой половинѣ этого мѣсяца ханъ выезжаетъ къ устью канала Полванъ-Ата, и присутствуетъ при чисткѣ и напущеніи въ него воды изъ Аму-Дарьи. Эта работа продолжается обыкновенно отъ 6 до 8 дней; а по возвращеніи хана въ Хиву, виноградныя лозы, гранатовыя и фиговыя деревья раскрываются, и въ первыхъ числахъ апрѣля начинаютъ уже покрываться зеленью. Апрельскіе жары весьма сильны и возрастаютъ постепенно до середины іюля, въ продолженіе котораго зной чрезмѣренъ, и не только не прохлаждается вѣтрами, постоянно и сильно дуо-

* Мы говорили объ осѣдой части.

щими въ это время, но еще дѣлается удушливѣе, отъ густыхъ облаковъ пыли, вздымаемыхъ съ песчано-глинистой почвы, которая лѣтомъ никогда не увлажается дождями. Въ первыхъ числахъ юня уже начинаютъ жать пшеницу; около этого же времени поспѣваютъ абрикосы, желтыя сливы и одинъ сортъ темнокраснаго винограда, называемый халили. Во второй половинѣ августа созрѣваютъ все прочіе плоды, а въ сентябрѣ собираютъ сарачинское пшено, марсуну и кукурузу. Первые утренники начинаются въ самомъ концѣ сентября, но весьма слабы и становятся нѣсколько ощутительнѣе только къ послѣднимъ числамъ ноября, въ продолженіе котораго дни стоять постоянно теплыя и тихіе; листь на деревьяхъ начинаетъ желтѣть и падать, замѣтнымъ образомъ, не ранѣе, какъ въ первой половинѣ этого мѣсяца. Лѣтнія ночи хотя и не душливы, однако вообще не такъ прохладны, сравнительно съ температурою дня, какъ бывають обыкновенно въ южныхъ краяхъ.

Наступленіе зимы весьма измѣнчиво, и непостоянство погоды, въ продолженіе этого времени года, составляетъ ея отличительный характеръ *. Бывають годы, когда снѣгъ вовсе не выпадаетъ, и Аму-Дарья замерзаетъ только около береговъ. Это послѣднее обстоятельство случается изрѣдка и не повторялось съ 1836 года. Большею же частію снѣгъ начинаетъ порошиться въ среднихъ числахъ декабря, выпадая весьма рѣдко въ количествѣ, достаточномъ для совершеннаго покрытія земли нѣсколькими толстыми слоями, и лежитъ обыкновенно не долѣе трехъ или четырехъ дней сряду. Морозы бывають иногда довольно сильны, но не продолжительны, и перемежаются безпрестанными оттепелями. Аму-Дарья обыкновенно замерзаетъ въ послѣднихъ числахъ декабря, или въ началѣ января, и весьма рѣдко ранѣе перваго срока; толщина льда на Дарьѣ не превышаетъ $\frac{1}{2}$ аршина. Ледъ стоитъ обыкновенно отъ трехъ до четырехъ недѣль, и Аму неизменно расходится каждый годъ къ февралю мѣсяцу. Въ продолженіе

* Во время нашего пребыванія въ Хивѣ, снѣгъ выпалъ 9 декабря при 19° Р., между тѣмъ какъ наканунѣ этой внезапной стужи и въ продолженіе всѣхъ предвѣдущихъ зимнихъ дней, холодъ въ полдень не превышалъ ни разу 4° Р. Эта стужа продолжалась три дня, а на четвертый ртуть возвысилась опять до 3° Р., потому теплая погода продолжалась неизменно весь декабрь мѣсяць.

самых суровых зимъ, земля не замерзаетъ глубже 8 вершковъ; впрочемъ, это обстоятельство должно приписать отчасти и повсемѣстной солонцоватости почвы Ханства.

Дожди, какъ мы уже сказали выше, не часты въ Ханствѣ, и перепадають обыкновенно лишь весною и осенью, лѣтомъ же почти никогда. Нѣсколько дождливая весна вредить хлопчатой бумагѣ и маренѣ, и жители предпочитаютъ сухую весну.

Господствующіе вѣтры въ Ханствѣ: сѣверо-восточный и восточный; они дуютъ, большею частію, лѣтомъ и въ средніе зимы, но рѣдко бываютъ сильны. Самый порывистый вѣтеръ — западный: Хивинцы рассказываютъ, что онъ часто срываетъ кибитки и даже деревья; онъ свирѣпствуетъ только весною, когда деревья начинаютъ одѣваться листьями.

Грозь и града почти никогда не бываетъ. Сухость воздуха весьма велика, даже въ осенніе мѣсяцы*.

Для пополненія этихъ свѣдѣній о климатѣ Ханства, мы прилагаемъ выписку изъ сдѣланныхъ нами метеорологическихъ наблюдений, въ продолженіе четырехъ-мѣсячнаго пребыванія въ Ханствѣ, въ концѣ 1842 года.

Температура.

	выспл.	низшая.	средняя.
Сентябрь . . .	+ 25° 2	— 4° 5	+ 12° 2
Октябрь . . .	+ 17° 3	— 2	+ 8° 3
Ноябрь . . .	+ 11° 5	— 6	+ 4° 9
Декабрь . . .	+ 4°	— 19	+ 5° 4

Состояніе атмосферы.

	ясныхъ.	пасмурныхъ.	дождливыхъ или снѣжныхъ.
Въ сентябрѣ было дней	26	4	не было.
— октябрь . . .	23	8	не было.
— ноябрь . . .	19	7	4
— декабрь . . .	14	15	2
всего	82	34	6

* Произведенныя натуральнымъ Базинеромъ психрометрическія наблюденія, съ 1 сентября по январь мѣсяцъ, совершенно подтверждаютъ это мнѣніе.

Вѣтры.

	Въ сентябрѣ.	октябрѣ.	ноябрѣ и декабрѣ
Восточныхъ	4	7	6 7
Южныхъ	2	4	4 2
Западныхъ	3	3	4 —
Сѣверныхъ	4	2	— 4
Юго-восточныхъ . .	2	2	4 4
Юго-западныхъ . . .	5	—	4 4
Сѣверо-восточныхъ .	6	3	2 5
Сѣверо-западныхъ .	2	4	— —
Тихихъ дней было .	9	12	15 11

Вліяніе климата Ханства на физическія силы жителей невозможно опредѣлить съ точностію, не имѣвши ни времени, ни средствъ собрать достаточныхъ, по этому предмету, свѣдѣній; мы должны ограничиться только указаніемъ нѣкоторыхъ общихъ фактовъ.

1. Климатъ Ханства вообще благопріятствуетъ здоровью туземцевъ, и, не смотря на отсутствіе правильныхъ медицинскихъ пособій, смертность не велика.

2. Вода какъ въ Аму-Дарьѣ и въ каналахъ, изъ нея вытекающихъ, такъ и въ колодцахъ всего осядлага Ханства, весьма здорова; хотя на видъ мутна, но имѣетъ пріятный и легкій вкусъ.

3. Плоды здоровы, даже излишнее ихъ употребленіе не имѣетъ вредныхъ послѣдствій.

4. Эпидемическихъ опустошительныхъ болѣзней не бываетъ въ Ханствѣ; жителямъ памятенъ только одинъ подобный случай — это годъ, когда свирѣпствовала у нихъ холера.

5. Господствующія болѣзни въ Ханствѣ суть:

Лихорадка обнаруживается большею частию весною и въ началѣ зимы. Хивинскіе эмпирики дѣлятъ ее на три разряда, именуя ихъ: *лягмы*, *злки* и *тебли*. Въ первомъ пароксизмъ бываетъ каждый день, но слабый, и лихорадка въ этомъ видѣ не упорна; второй обнаруживается пароксизмомъ чрезъ день, а третій чрезъ два днѣ. Лихорадка второго свойства весьма упорна и продолжительна; отъ лихорадки же третьяго разряда большею частию умираютъ.

Горячки свирѣпствуютъ несравненно рѣже, и уступаютъ пособіямъ лекарствъ скорѣе, чѣмъ лихорадки.

Простудный кашель обнаруживается часто осенью и продолжается весьма долго, съ присоединеніемъ потери голоса.

Венерическая болѣзнь свирѣпствуетъ въ сильной степени.

Оспа похищаетъ многихъ дѣтей, преимущественно между 2 и 5 годами.

Чалотка поражаетъ обыкновенно тѣхъ, которые употребляютъ опій, и, при сильной сухости воздуха, скоро развивается.

Воспаленіе глазъ составляетъ одну изъ главныхъ хроническихъ болѣзней Хивинцевъ; число слѣпыхъ значительно велико, что, впрочемъ, объясняется, весьма естественно, недостатками надлежащихъ врачебныхъ пособій и чрезмѣрной пылью и сухостію воздуха въ продолженіе почти цѣлаго года *.

6. Въ июль и январь бываетъ наибольшее число больныхъ, и смертность значительнѣе, чѣмъ въ прочихъ мѣсяцахъ.

7. Хотя Хивинцы пользуются вообще хорошимъ здоровьемъ, однако рѣдкіе изъ нихъ достигаютъ до глубокой старости, признаки которой обнаруживаются, большею частію, преждевременно. Мы полагаемъ, что главная причина этого явленія заключается не въ свойствѣ климата, а въ образѣ жизни Хивинцевъ.

Хивинскій климатъ нисколько не обнаруживаетъ вродваго дѣйствія и на здоровье чужеземцевъ. Доказательствомъ тому могутъ служить Персіане, весьма скоро къ нему привыкающіе, а равномѣрно и бывшіе въ Ханствѣ русскіе пѣльные,

* О леченіи сколько-нибудь правильномъ Хивинцы не имѣютъ никакого понятія; хотя къ нимъ завозятся, изъ Бухаріи, Персіи и Индіи, нѣкоторые медикаменты, однако ихъ употребленіе производится безъ всякаго знанія лечебнаго дѣла, которое находится въ рукахъ нѣсколькихъ шарлатановъ, присоединяющихъ къ сомнительной опытности пособія ворожбы и симпатическихъ средствъ. Кровопусканіе въ маломъ употребленіи, и количество выпускаемой крови никогда не превышаетъ полуфунта. Они пускаютъ кровь маленькимъ пожемъ изъ рукъ, изъ ногъ, а чаще изъ переносыя. Прививаніе оспы вовсе неизвестно Хивинцамъ, и эта болѣзнь ежегодно похищаетъ значительное число дѣтей. Объ акушерствѣ не имѣютъ никакого понятія, и, вмѣсто всякаго пособія въ трудныхъ родахъ, жгутъ передъ родовыми змѣивую кожу. Нѣкоторые потогонныя и кровочистительныя средства употребляются Хивинцами, но вообще безъ соображенія съ болѣзнію или возрастомъ больного, а по одному произволу знахаря.

которые все почти сохраняли, до освобождения ихъ изъ неволи, неизмѣнно-хорошее здоровье. Въ подтвержденіе здоровости климата Ханства, можемъ указать и на то обстоятельство, что изъ числа 40 человекъ, находившихся въ составѣ Россійской Императорской Миссіи въ Хивъ въ 1842 году, не было, въ продолженіе четырехъ-мѣсячнаго пребыванія ея въ Ханствѣ, ни одного нѣсколько серьезнаго больного.

Если бы Хивинское Правительство могло понять пользу медицинскихъ заведеній и благотѣльное дѣйствіе прививанія оспы, и ввести ихъ въ Ханство, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что, при благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, народонаселеніе возрасло бы значительно въ самое непродолжительное время.

III. ОРОГРАФІЯ.

Юго-восточный чинкъ Усть-Урта и горы Шейхъ - Джели суть главныя возвышенности заселенной части Ханства, на горизонтально-ровной поверхности котораго встрѣчаются еще нѣсколько другихъ холмовъ. Хотя послѣдніе, по незначительной высотѣ и небольшему объему, не заслуживали бы особеннаго вниманія; однако, для полноты этой статьи, мы не вовсе умолчимъ о нихъ. *

1. *Юго-восточный чинкъ Усть-Урта.* Восточная часть чинка, идущая вдоль западнаго берега Аральскаго моря, имѣетъ видъ обрывистый, изрѣзана всюду глубокими оврагами и разстланна, и у подошгіи своего устья безчисленными обломками, которые стоятъ у моря отдѣльными и громадными утесами, въ самыхъ своенравныхъ формахъ и положеніяхъ, какъ-бы отъ случайностей внезапнаго прекращенія той страшной силы, которая оторвала ихъ отъ Усть-Урта, и обнаруживаютъ, рѣзкими полосами, разнородные пласты составныхъ частей этой плоской возвышенности (plateau). Юго-восточный же чинкъ Усть-Урта тянется между мысомъ Урга и урочища Бишъ - Тюбя, омываясь, у подошвы своей, Айбугирскимъ Озеромъ **. По мѣ-

* При семъ прилагается оро-гидрографическая карта Ханства.

** Отъ мыса Урга до урочища Айбугирь.

ръ удаленія отъ моря, эта часть чинка замѣтно понижается, постепенно теряетъ свой прежній разрушенный характеръ, и хотя еще довольно долго сохраняетъ утесистый видъ, однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляетъ уже удобные подъемы. Приближаясь же къ урочищу Айбугиру и далѣе до урочища Бишь-Тюбя, чинкъ превращается въ невысокіе холмистые ска-ты, всюду отлогіе, и только по срединѣ всего описываемаго нами протяженія, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ озеро Айбугиръ образуетъ глубоко-вдающійся въ Усть-Уртъ заливъ Акъ-Чеганакъ, высота чинка увеличивается, и прежній обрывистый ха-рактеръ проявляется снова, но лишь вокругъ означеннаго за-лива. Отъ урочища Бишь-Тюбя чинкъ круто загибается на за-падъ. Спуски съ Усть-Урта на этомъ протяженіи находятся при урочищахъ: Тайла, Карла-Умбетъ, Мулла-Турумъ и Айбу-гиръ. Всѣ они весьма удобны, послѣдній же совершенно отлогій.

2. *Шейхъ-Джели.* На правой сторонѣ Аму-Дарьи, между широтами городовъ Н. Ургенча и Ходженли, тянется, по на-правленію съ юго-востока на сѣверо-западъ, цѣпь горъ, называемая Шейхъ-Джели. Она начинается невысокими холмами, отстоящими отъ Аму-Дарьи верстахъ въ 46, и постепенно по-вышается, приближаясь къ Дарью; между городовъ Мангытъ и Кипчакъ она подходит къ рѣкѣ, на разстояніе отъ трехъ до одной версты, и примыкаетъ почти вплотъ противъ Кипчака. Далѣе, она быстро понижается и, принимая видъ отлогіхъ хол-мовъ, отклоняется отъ рѣки почти на 6 верстъ, оканчиваясь противъ рукава Лаудана, выходящаго съ лѣвой стороны Аму-Дарьи, горою Бишь-Тюбя, состоящею изъ пяти невысокихъ сопокъ. Высшія точки (points culminants) хребта Шейхъ-Джели находятся противъ городовъ: Гурлена, Кытая, Мангыта и Кип-чака. Первая и вторая носятъ общее названіе цѣли; третья именуется Султанъ-Увайсъ, а четвертая—Чалыкъ. Нижніе уступы Султанъ-Увайса и отрожекъ его примыкаютъ къ небольшому заливу Ходжа-Куль, выходящему изъ Аму-Дарьи. Юго-западный скатъ Шейхъ-Джели изрытъ крутыми оврагами и перерѣзашъ разстллинами; къ водонѣжъ же хребта ошъ образуетъ частые уступы, которые, приближаясь къ Аму-Дарью, принима-ютъ постепенно видъ плоской покатости. Общій характеръ сѣ-веро-восточнаго ската представляетъ отлогіе и ровные спуски,

которыми горы Шейх-Джели, на разстояніи отъ 4 до 5 верстъ, сливаются съ песками Кизиль-Кумъ. Гребень этой цѣпи несетъ на себѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ средняго ея протяженія, конусообразныя сопки. Почва хребта вообще глинистая, бѣловатаго цвѣта, и на ней кой-гдѣ находятся желѣзо-рудный кварцевый и песчаный камень. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ, преимущественно противъ г. Гурлена, Хивинцы добываютъ мраморъ довольно большими кусками, но онъ показался намъ дурного свойства и скважистъ *. Главную высоту Шейх-Джели мы не имѣли времени опредѣлить; но полагаемъ, что она довольно значительна, принимая въ соображеніе, что, на 50-верстномъ разстояніи, центральная часть этихъ горъ весьма ясно обозначается на горизонтѣ. Въ длину хребетъ Шейх-Джели имѣетъ слишкомъ 400 верстъ.

3. *Куба-Тау*, 4. *Мазлымъ-Суфи* и 5. *Тюбя-Тау* суть три небольшія возвышенія. Первое находится на лѣвой сторонѣ Аму-Дарьи, въ 40 верстахъ къ юго-западу отъ г. Мангыта; второе — на 8 верстъ къ западу отъ г. Ходженли; третье — въ 46 верстахъ на сѣверо-востокъ отъ г. Кунграда, между рукавами Талдыкъ-Дарьей и Улу-Дарьей. Общій характеръ этихъ возвышеній почти одинаковъ, и состоитъ изъ конусообразныхъ вершинъ и круто-покатыхъ подножій, возвышающихся надъ горизонтальною окрестностію. Почва этихъ горъ вообще глинисто-солонцоватая и перемѣшана мѣстами съ мелкимъ камнемъ.

IV. ГИДРОГРАФІЯ.

а. рѣки.

Аму-Дарья протекаетъ около 700 верстъ по Хивинскому Ханству, считая отъ крайнихъ юго-западныхъ предѣловъ ея къ Бухаріи до впаденія рѣки въ Аральское Море, и на этомъ протяженіи слишкомъ 400 верстъ по населенной долинѣ Хав-

* Мы видѣли, въ нѣкоторыхъ домахъ хана, куски мрамора, которые имѣли до двухъ и болѣе кубическихъ аршинъ. При Махомедѣ Рахимъ-Ханѣ производилась разработка мрамора въ горахъ Шейх-Джели, но была оставлена и съ тѣхъ поръ не возобновлялась. Издержки разработки, втроемнѣе по незнакомію дѣла, превышали стоимость добытаго металла.

ства. Теченіе Дарьи до г. Питняка клонится постоянно на сѣверо-западъ, и продолжается въ этомъ направленіи до Н. Ургенча. Нѣсколько ниже этого города, она отклоняется къ сѣверу до Мангыта; отсюда же описываетъ выпуклую на востокъ дугу, и отъ г. Кипчака постепенно отклоняется на западъ, а въ 30 верстахъ отъ Кипчака, отдѣляя отъ себя рукавъ *Людангъ*, довольно круто сворачиваетъ вновь на сѣверъ до г. Ходженли, оставляя, не доходя до этого города, съ правой стороны рукавъ *Кукъ-Узикъ*. Отъ Ходженли течетъ она растянутою дугою на сѣверо-западъ и потомъ недолго на западъ до рукавовъ: *Карибайли*, выходящаго съ правой стороны, и *Чуманалъ* — съ лѣвой, а отъ послѣдняго рукава поворачиваетъ крутымъ изгибомъ на сѣверо-западъ, и, сохраняя это направленіе до самаго Кунграда, образуетъ, на означенномъ протяженіи, частыя луки и извилины, и отдѣляетъ отъ себя съ лѣвой стороны рукава *Кыятъ-Джарганъ* и *Кокъ-Дарья*. У Кунграда, Аму-Дарья описываетъ небольшую сжатую дугу, и направляетъ свое теченіе на сѣверо-востокъ, развѣтвляясь въ 7 верстахъ отъ города на два рукава: *Талдыкъ-Дарья* и *Улу-Дарья*. Послѣдній есть главное русло рѣки, и сохраняетъ сказанное направленіе до впаденія въ море, т. е. около 90 верстъ; а на полупути отъ Кунграда, отдѣляетъ отъ себя съ правой стороны еще одинъ рукавъ — *Казакъ-Дарья*. Хотя Аму-Дарья раздробляется, какъ мы видимъ изъ этого описанія, на 9 главныхъ рукавовъ; однако только три изъ нихъ, именно послѣдніе, впадаютъ въ море; прочіе же образуютъ два озера, лежащія на правой и лѣвой сторонахъ долины рѣки; а потому, въ строгомъ смыслѣ слова, дельта Дарьи начинается 7 верстами ниже г. Кунграда, а не съ того мѣста, откуда вытекаетъ ея первый рукавъ.

Ширина Аму-Дарьи, на описываемомъ нами протяженіи, т. е. между Питнякомъ и ея устьемъ, измѣняется довольно часто. Наибольшій просторъ ея русла — въ южной половинѣ ея теченія, до г. Гурлена, и простирается отъ 200 до 425 сажень, сохраняя, впрочемъ, чаще этотъ послѣдній размѣръ; далѣе, до рукава Лаудана, наибольшая ея ширина въ 330 сажень, и отсюда уже она начинаетъ значительно суживаться, такъ что противъ Кунграда имѣетъ только 60 сажень въ поперечникѣ.

Съживаніе Аму-Дарьи, по мѣрѣ приближенія ея къ устью, весьма понятно, принявъ въ соображеніе ту огромную массу воды, которую устраниаютъ отъ главнаго ея русла многочисленные рукава и искусственные каналы, изъ него выходящія, между тѣмъ какъ ни одинъ протокъ не вознаграждаетъ этой убыли воды.

Быстроту теченія Дарьи мы не могли изслѣдовать съ совершенною точностію; ибо видѣли эту рѣку въ зимнее время, когда она, на пройденномъ нами протяженіи, была покрыта льдомъ. Результатъ дѣланныхъ нами наблюденій въ полиньяхъ показалъ, что вода убѣгаетъ въ минуту отъ 30 до 35 сажень. Мы убѣждены, однако, что это средняя скорость ея теченія, ибо видѣли многія незамерзшія мѣста, гдѣ бѣгъ воды очевидно превышалъ быстроту, измѣренную нами; но, къ сожалѣнію, непрочность льда въ такихъ мѣстахъ не позволяла это точнѣе изслѣдовать. Въ подтвержденіе нашего мнѣнія, скажемъ, что косная лодка, съ значительнымъ грузомъ товаровъ, совершаетъ плаваніе, безъ пособія весель и паруса, отъ Н. Ургенча до Кунграда, нѣсколько менѣе чѣмъ въ полторы сутки, что составляетъ до 7 верстъ въ часъ и болѣе, принявъ въ соображеніе частыя извилины рѣки. Съ приближеніемъ къ морю, скорость теченія Дарьи уменьшается: сдѣланныя изслѣдованія по рукаву Талдыка къ Дарьи показали, что вода убѣгаетъ не болѣе 20 сажень въ минуту.

Глубину Аму-Дарьи мы измѣрили, на протяженіи между Мангытомъ и устьемъ Талдыка, во многихъ мѣстахъ, и не находили ни одного, которое было бы глубже 7 аршинъ. Конечно, это могло быть случайностію; но показанія жителей вообще подтверждаютъ, что Дарья не имѣетъ слишкомъ значительной глубины; бродовъ же нигдѣ нѣтъ. Впрочемъ, если бы мелководіе и дозволяло перейти чрезъ рѣку, то топкость дна, повсюду глинисто-иловатаго, служила бы тому препятствіемъ.

Лѣвый берегъ Аму-Дарьи, начиная отъ Питняка, обрываетъ, при незначительной высотѣ, нигдѣ не превышающей 2 сажень; этотъ видъ оный сохраняетъ почти до самаго Кунграда, перемѣшаясь нрѣдка отлогими мѣстами. Ниже этого города, на нѣкоторомъ пространствѣ, тоже крутъ, но, съ приближеніемъ къ устью, становится совершенно отлогимъ. Правый берегъ, отъ Питняка до южной оконечности хребта Шейхъ-

Джели, нѣсколько ниже и отложе лѣваго; на протяженіи этихъ горъ повышается и ставовится немного круче; противъ же горы Челныкъ опять повышается и принимаетъ прежній полуотлогій видъ. Береговой грунтъ земли, съ правой стороны рѣки, глинисто-солонцоватый и изрѣдка песчаный; съ лѣвой же большею частію песчаный. Тальникъ и довольно высокій колочій кустарникъ покрываютъ оба берега рѣки, за исключеніемъ рѣдкихъ и небольшихъ промежутковъ, на которыхъ они открыты. Въ 10 верстахъ ниже Ходженли, на лѣвомъ берегу Дарьи, растеть, кромѣ кустарника, густой камышь, который ниже Кунграда становится сплошнымъ до самаго моря, и покрываетъ значительную часть пространства, занимаемаго дельтою Аму-Дарьи, будучи проходимъ лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Каракалпаки и Киргизы, для сообщенія между собою, прорубили узенькія тропы.

Описаніе рукавовъ Аму-Дарьи мы расположимъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они изъ нея вытекають *.

1. *Лауданъ* отдѣляется съ лѣвой стороны отъ главнаго русла рѣки, противъ горы Бишь-Тюбя, въ 30 верстахъ ниже города Кинчака. На протяженіи 15 верствъ отъ его начала, впадаютъ въ него три небольшіе рукава: Ала-Бія, Кула-Бія и Кувлязьякъ, выходящіе изъ Дарьи въ 3 верстахъ выше его. Протекая по направленію съ юго-востока на сѣверо-западъ нѣсколько болѣе 100 верствъ, Лауданъ впадаетъ или, правильнѣе, образуетъ озеро Айбугирь, лежащее у подошвы юго-восточнаго чинка Усть-Юрта, и отдѣляется отъ себя, до впаденія въ озеро, протокомъ, который, проходя возлѣ Куля-Ургенча, именуется Саркраукомъ и течеть по древнему руслу Аму-Дарьи, исчезая въ пескахъ этого русла, за нѣсколько десятковъ верствъ на юго-западъ отъ города. Лауданъ — самый значительный рукавъ Аму-

* Описаніе теченія рукавовъ: *Лаудана*, *Кукъ-Узьяка*, *Кара-Бийли*, *Чуманая*, *Кыяты-Джаргана*, *Кокъ-Дарьи* и *Улу-Дарьи*, при отдѣленіи ихъ отъ главнаго русла рѣки, основано на личномъ обозрѣніи этихъ мѣстъ и на глазомѣрной съемкѣ; дальнѣйшее же теченіе этихъ рукавовъ описано здѣсь и внесено на карту по распросамъ свидѣльямъ, собраннымъ на мѣстахъ. Рукавъ *Талдыкъ* былъ обозрѣнъ и снятъ глазомѣрно на всемъ его протяженіи; *Казакъ-Дарья* описывается по распросамъ, достоверность которыхъ не должна подвергаться сомнѣнію, ибо основана на многочисленныхъ и единогласныхъ показаніяхъ прибрежныхъ жителей.

Дарьи; ширина его простирается до 70 сажень; берега не высоки, обрывисты и глинисто-солонцоватаго грунта; теченіе его весьма быстро. Замѣчательно, что прежде Лауданъ вытекалъ изъ Аму ниже нынѣшняго мѣста *, и ежегоднымъ расширеніемъ своего русла и прибылью воды угрожалъ затопить всю западную часть Ханства, такъ что 30 лѣтъ тому назадъ, при Махомедъ-Рахимъ-Ханѣ, онъ былъ по этому случаю запруженъ; но чрезъ 5 лѣтъ, послѣ того, открылъ себѣ новый путь въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ вытекаетъ **. Жители замѣчаютъ, что съ нѣ котораго времени напоръ воды изъ Аму-Дарьи въ Лауданъ ежегодно усиливается, и русло этого рукава становится все глубже и шире.

2. *Кукъ-Узякъ* вытекаетъ изъ Дарьи съ правой стороны, двумя верстами выше г. Ходженли. Первоначальное его направленіе — съ юго-запада на сѣверо-востокъ; на 60-верстномъ разстояніи онъ впадаетъ въ озеро Дау-Кара. Ширина его при началѣ въ 20 сажень; берега песчано-глинистые и крутые.

3. *Кара-Байлы* начинается съ правой стороны Дарьи, 40 верстами ниже Кукъ-Узяка, и, при сѣверо-восточномъ направленіи, впадаетъ 20 верстами сѣвернѣе его въ озеро Дау-Кара. Ширина Кара-Байлы сначала въ 15 сажень; берега плоскіе и песчано-глинистые.

4. *Чуманай* отдѣляется съ лѣвой стороны Дарьи 2 верстами ниже Кара-Байлы; описываетъ при началѣ дугу, потомъ направляется на сѣверо-западъ и расходится въ камышахъ озера Айбугира. Ширина Чуманая при началѣ 40 сажень; берега около Дарьи обрывисты, далѣе же отлоги.

5. *Кыль-Джангаръ* вытекаетъ съ лѣвой стороны Дарьи, ниже Чуманая 20 верстами; имѣетъ направленіе съ юго-востока на сѣверо-западъ и впадаетъ въ озеро Айбугиръ, почти противъ урочища Кара-Умбетъ. Ширина рукава въ началѣ 10 сажень; берега обрывисты и глинистаго грунта.

6. *Кокъ-Дарья* вытекаетъ съ лѣвой стороны, ниже предъидущаго рукава 10 верстами, и имѣетъ почти параллельное съ

* Близъ г. Ходженли.

** Слѣды прежняго русла рѣки дѣйствительно видны съ лѣвой стороны г. Ходженли.

нимъ теченіе. Ширина Кокъ-Дарьи въ началъ 10 сажень; берега круты и солощовато-глинистаго грунта: далѣе же плоски. Рукавъ этотъ теряется въ камышахъ Айбугирскаго Озера.

7. *Талдыкъ-Дарья* отдѣляется съ лѣвой стороны Аму-Дарьи, 7 верстами ниже г. Кунграда, и, сохраняя главное направленіе на сѣверъ, впадаетъ, послѣ 75-верстнаго теченія, въ море 8 протоками, на которые начинается раздробляться въ 6 верстахъ отъ своего устья. Главные изъ нихъ: *Кенъ-Каиръ*, *Майлю-Узюкъ* и *Талгу-Узюкъ* съ правой стороны, и *Сусся* съ лѣвой. Каждый изъ поименованныхъ протоковъ имѣетъ отъ 20 до 30 сажень ширины и отъ 2 до 14 верстъ протяженія; прочіе же не шире 2 сажень. Рукавъ Талдыкъ, отъ начала своего до раздробленія на эти протоки, сохраняетъ почти всюду 50-саженную ширину; приближаясь же къ устью, расширяется до 100 сажень. На сказанномъ протяженіи, берега его большею частію обрывисты, но не высоки, и не превышаютъ нигдѣ 3 аршинъ; въ 15 же верстахъ отъ моря становятся совершенно плоски. Глубина воды вообще не значительна. Въ 15 верстахъ противъ устья Талдыка находится, въ Аральскомъ Морѣ, островъ Токманъ-Ата, имѣющій въ длину 15, а въ ширину 6½ верстъ; на немъ кочуетъ небольшое число Киргизовъ Табынскаго рода.

8. *Улу-Дарья* есть главное русло Аму-Дарьи, какъ мы сказали выше. Ширина ея отъ 50 до 100 сажень; берега почти совершенно отлогіе. Она впадаетъ въ море въ 40 верстахъ отъ устья Талдыкъ-Дарьи. Намъ неизвѣстно, на сколько протоковъ она раздробляется при самомъ впаденіи.

9. *Казакъ-Дарья* выходитъ съ правой стороны Улу-Дарьи, въ 50 верстахъ ниже Кунграда, и протекаетъ около 45 верстъ до впаденія въ море, въ сѣверо-восточномъ направленіи. Устье этого рукава отъ главнаго устья Дарьи въ 12 верстахъ. Ширина Казакъ-Дарьи не значительна. Кромѣ описанныхъ рукавовъ, съ лѣвой стороны Аму-Дарьи выходитъ еще нѣсколько небольшихъ протоковъ, о которыхъ, по маловажности ихъ, не упоминаемъ.

При быстромъ и извилистомъ теченіи, Аму-Дарья, на протяженіи отъ Питняка до дельты своей, образуетъ значительное число острововъ. Длина нѣкоторыхъ изъ нихъ простирается до 15 верстъ, а поверхность надъ водою довольно возвышена и

покрыта густымъ кустарникомъ; большая же часть острововъ низки и, по всѣмъ вѣроятностямъ, обнаруживаются только въ позднюю осень и даже смѣняются часто другими, отъ случайныхъ напоровъ воды этой быстрой рѣки. *

Аму-Дарья имѣетъ въ году три главные прилива воды. Первый происходитъ обыкновенно въ началѣ февраля мѣсяца, когда рѣка освобождается отъ льда; онъ вообще не значителенъ и не продолжителенъ. Второй начинается въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; прибывъ воды возрастаетъ въ продолженіи 15 дней, и столько же проходитъ времени, пока Дарья войдетъ въ свои обыкновенные берега; это половодье — самое значительное и самое важное для земледѣльцевъ Ханства. Третій приливъ въ Дарьѣ случается или въ концѣ августа, или въ началѣ сентября, и продолжается обыкновенно отъ 8 до 40 дней; отъ этой осенней прибыли воды зависятъ хорошіе всходы пшеницы, которая одна только съется Хивинцами осенью и требуетъ до зимы безпрестанныхъ орошеній, возможныхъ, въ подлежащей мѣрѣ, только, когда Дарья, достаточнымъ возвышеніемъ своего лѣтняго уровня, разноситъ по каналамъ чужное для того количество воды. Сверхъ этихъ приливовъ, Аму имѣетъ, въ продолженіе всего лѣта, постоянное періодическое повышеніе и пониженіе воды, и это движеніе совершается, по замѣчаніямъ прибрежныхъ жителей, безопибочно каждые 40 дней. Аму-Дарья, во время описываемыхъ нами половодій, никогда не выходитъ изъ своихъ береговъ и, при наибольшей высотѣ воды, течетъ въ уровень съ ними; въ мѣстахъ же отлогихъ, которыя могли бы дать ей просторъ къ разлитію, сдѣланы невысокія земляныя насыпи, идущія параллельно съ берегомъ рѣки иногда на нѣсколько верстъ, и служащія достаточнымъ оплотомъ противъ разливовъ. ** Были однако случаи, что не только близкія къ берегу

* Слѣдуя около береговъ Аму-Дарьи, при возвращеніи изъ Хивы въ Россію, мы не могли, по многимъ причинамъ, посвящать столько времени, сколько бы желали, для тщательнаго изслѣдованія Аму-Дарьи, а потому не можемъ представить полнаго описанія острововъ ея, пожертвовавъ этимъ предостомъ, который казался намъ менѣе важнымъ, въ пользу другихъ свидѣній объ этой рѣкѣ.

** Значительный приливъ воды, посредствомъ рукава Ауадавъ въ Айбутирское Озеро, во время половодій Аму-Дарьи, расширяетъ это озеро на большое пространство, такъ что въ иные годы вода не только подходитъ до подошвы Усти-Урта, около урочища Айбутира, гдѣ находится спускъ въ Ханство съ этой пло-

жидья, но и довольно отдаленныя понимались водою; епрочемя, это происходило единственно отъ непрочности плотинъ, которыми запруживаются каналы, выходящіе изъ Дарьи, или по оплошности при сломкѣ ихъ весною. *

II. *Мерва*, или Мургабъ, какъ называется ее г. Бюрнсъ, протекаетъ по кочевой части Хивинскаго Ханства около 370 верстѣ, по направленію съ юго - востока на сѣверо - западъ, и теряется въ пескахъ, въ 289 верстахъ въ прямой линіи на юго-востокъ отъ г. Хивы, образуя на этомъ мѣстѣ песчанистыя топи. ** Ширина рѣки не велика; но бассейнъ ея долженъ заключать довольно значительную массу воды, принимая въ соображеніе, что она наполняетъ множество канавъ, вырытыхъ, вдоль обоихъ ся береговъ, Туркменами, для орошенія ихъ пашень. Мерва никогда не замерзаетъ.

III. *Тенджентъ* слѣдуетъ тоже причислить къ рѣкамъ Хивинскаго Ханства; ибо онъ протекаетъ чрезъ укрѣпленіе Сараксъ, подвѣдомственное хивинскимъ владѣтелямъ; но мы не имѣемъ никакихъ точныхъ о немъ свѣдѣній; знаемъ только изъ распросовъ, что Туркмены пользуются его водою, для орошенія канавами разводимаго по берегамъ рѣки хлѣбопашества.

В. ОЗЕРА.

Большое число озеръ, находящихся въ заселенной части Ханства, по мелководію и незначительному пространству своему, не представляютъ никакого гидрографическаго интереса; мы ограничимся описаніемъ только тѣхъ, которыя, по величинѣ своихъ бассейновъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія, обозначая прочія на приложенной при семь гидрографической картѣ.

1. Айбугиръ. *** Подошва юго-восточнаго обрыва Усть-Урта, начиная отъ мыса Урга до урочища Айбугира, омывается ской возвышенности, но даже покрываетъ всю нижнюю часть этого отлогаго спуска, что и подало поводъ къ ошибочному мнѣнію, будто разлитіе *озера* не что иное, какъ продолженіе разлива Дарьи, тогда какъ пространство, между Аму и восточнымъ берегомъ озера, никогда не затопляется.

* Подобная оплошность случилась года три тому назадъ, и окрестности Тамауса были затоплены отъ внезапнаго прилива воды въ каналъ Шахъ-Аббаты.

** Это описаніе основано на распросныхъ свѣдѣніяхъ, отобранныхъ отъ тѣхъ, которые часто бывали на этой рѣкѣ.

*** Описаніе Айбугирскаго Озера, кромѣ небольшой части юго-восточнаго берега, основано на личномъ обзорѣ и въ прозвѣдешной глазомерной съемкѣ. При

озеромъ Айбугирь. Наибольшая длина его, между означенныхъ урочищъ, простирается до 125 верстъ. Сѣверный берегъ его примыкаетъ, почти вплотъ, къ южному берегу Аральскаго моря, такъ что воды ихъ, во время бури, или при повышеніи уровня озера, нередко слизаются. Восточный и южный берега Айбугира совершенно плоски. Рукава Аму-Дарьи: Лауданъ, Чуманай, Кыль-Джаргинъ и Кокъ-Дарья суть его главныя притоки, и вливають въ него огромную массу воды, которая, на означенномъ нами пространствѣ, разливается неуравнительно и образуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глубокіе заливы, а въ другихъ представляетъ мелководныя разливы, которые расширяются, или суживаются, смотря по прибыли и убыли воды въ его притокахъ. Наибольшая глубина Айбугирскаго Озера находится въ заливѣ Акъ-Чеганакъ, который ограничивается обрывистымъ и высокимъ чинкомъ Усть-Урга; въ прочихъ же мѣстахъ, озеро сохраняетъ, почти повсемѣстно, отъ 2 до 5 футовъ глубины; ширина его измѣняется отъ 15 до 40 верстъ. Берега Айбугирскаго Озера, за исключеніемъ пространства, занимаемаго заливомъ Акъ-Чеганакъ, поросли густымъ камышемъ, который почти повсемѣстно покрываетъ и самую поверхность воды, кромѣ небольшого пространства, лежащаго между мысомъ Урга и урочищемъ Кара-Гумбетъ, залива Акъ-Чеганакъ и узенькихъ полосъ въ сѣверной части озера, по которымъ производится плаваніе Каракалпаками на небольшихъ лодкахъ. Вода озера всюду прѣсная; грунтъ береговъ его глинисто-солонцоватый, а дно въ неглубокихъ мѣстахъ иловатое, въ заливѣ же Акъ-Чеганакъ глинистое и каменистое.

II. *Дау-Кара*. * Это озеро лежитъ по правой сторонѣ Аму-Дарьи и, подобно Айбугирскому, образуется ея рукавами. Сѣверный берегъ Дау-Кара примыкаетъ вплотъ къ морю и почти сливается съ нимъ. Наибольшая длина его до 120 верстъ. Берега плоски и почти повсемѣстно поросли камышемъ. Рука-

возраженіи пашемъ въ Россію изъ Хивы чрезъ г. Кунградъ, мы проходили это озеро, по льду, противъ мыса Урга.

* Южная оконечность этого озера была глазомерно снята въ 1840 г. капитаномъ Никифоровымъ. Представленное описаніе основано на распросвахъ свѣдѣніяхъ, изъ которыхъ мы помѣстили только то, что намъ казалось, по мѣстнымъ сообщеніямъ и единогласнымъ показаніямъ, неподверженнымъ никакому сомнѣнію.

ва, выходящіе съ правой стороны Аму-Дарьи: Кукъ-Узлякъ и Кара-Байли суть притоки этого озера, какъ мы сказали выше, и вливаются въ него въ 25 верстахъ одинъ отъ другого. Глубина озера не должна быть значительна, судя по плоскости его береговъ. Прибрежный грунтъ земли вообще чисто-песчаный, перемежающійся, въ западной части, глиною и солонцемъ.

III. *Аузыль* находится на лѣвой сторонѣ Аму-Дарьи, въ 50 верстахъ на сѣверо-западъ отъ г. Кунграда, и образуется двумя небольшими протоками, выходящими съ лѣвой стороны изъ рукава *Талдыкъ-Дарья*. Аузыль имѣетъ продолговатую фигуру въ 8 верстѣ длины и въ $4\frac{1}{2}$ версты ширины. Сѣверная его оконечность соединяется съ Аральскимъ Моремъ небольшими и мелкими плесами, покрытыми густымъ камышемъ, которымъ поросли и прочія его стороны. Глубина озера нигдѣ не превышаетъ 5 футовъ. Вода прѣсная; берега плоскіе и глинисто-солонцоватаго грунта.

IV. *Аякъ-Куль*, въ 13 верстахъ на сѣверо-западъ отъ г. Питняка, имѣетъ 12 верстѣ въ длину и не болѣе одной версты въ ширину. Берега плоски и глинисто-солонцоваты. Наибольшая глубина 8 футовъ, но осенью вода понижается и прибрежья высыхаютъ. Аякъ-Куль образуется весеннимъ приливомъ воды изъ каналовъ: Питнякъ, Сундубы и Мухаманъ, входящихъ въ него съ двухъ сторонъ.

V. *Порсу*, около 30 верстѣ на востокъ отъ г. Кулл-Ургенча, наполняется водою изъ канала Арна, входящаго въ него съ восточной стороны; берега Порсу совершенно плоски и поросли камышемъ; глубина его не значительна. *

VI. *Сутанъ-Сулджеръ-Мазы* — солоное озеро, лежащее на востокъ отъ г. Питняка и въ одной верстѣ отъ Аму-Дарьи. Длина его въ 10, ширина въ $4\frac{1}{2}$ версты. Жители добываютъ изъ него соль, которая разводится по всей южной части Ханства. Соль эта дурного качества и имѣетъ черноватый цвѣтъ.

С. КАНАЛЫ.

Заселенная часть западной долины Аму-Дарьи перерезана большимъ числомъ искусственныхъ каналовъ, изъ нея прове-

* Распросныя свидѣнія.

денныхъ. Многіе изъ нихъ, по не большому протяженію и ширинѣ, не имѣютъ никакого значенія; поэтому мы, въ этомъ описаніи, дадимъ мѣсто только главнымъ каналамъ, которые, по величинѣ и системѣ своего развѣтвленія, дѣйствительно заслуживаютъ вниманія. Порядокъ описанія каналовъ мы расположимъ послѣдовательно, начиная съ самаго южнаго.

I. *Питнякъ* вытекаетъ въ 3 верстахъ отъ г. Питняка и до него направляется на юго-западъ, далѣе же описываетъ, ломаными линіями, растянутую дугу на югъ, и, окончательно поворотивъ на сѣверо-западъ, впадаетъ въ озеро Лякъ-Куль. Длина теченія 26 верстъ, ширина почти всюду 2½ сажени, кромѣ нижняго конца, суживающагося до одной сажени. Изъ Питняка проведено много мелкихъ канавъ, направленіе которыхъ измѣняется ежегодно, смотря по соображенію земледѣльцевъ.

II. *Полванъ-Ата* — главный каналъ Ханства, не по протяженію, а по большому числу вытекающихъ изъ него среднихъ канавъ и по пространству земли, орошаемому системою его водъ. Полванъ выходитъ изъ Аму-Дарьи, 42 верстами ниже Питняка; имѣетъ главное направленіе съ востока на западъ до половины своего протяженія, а потомъ склоняется на юго-западъ и, послѣ 85-верстнаго теченія, оканчивается, недалеко отъ г. Хивы, маленькимъ озеромъ Курактази. На протяженіи полуверсты отъ своего начала, Полванъ имѣетъ 25 сажень ширины, потомъ вдругъ суживается до 42 сажень и эту послѣднюю ширину сохраняетъ до половины своего теченія; а отсюда уже поперечникъ его постепенно уменьшается и доходитъ при концѣ до 5 футовъ. Берега его при вершинѣ высоки, отъ насыпной земли, выброшенной ежегодно, во время чистки его русла; но далѣе — почти повсемѣстно ровны съ горизонтомъ окрестности. Наибольшая глубина канала 3 сажени, меньшая 4 фута. Въ началѣ ноября Полванъ запруживается двумя плотинами, для предосторожности отъ весенняго напора воды изъ Аму-Дарьи. Изъ Полвана выходятъ 25 среднихъ канавъ, а именно:

Съ лѣвой стороны:

	Длина.	Сред. ширина.
1. Мухамань	18 версть	1½ саж.
2. Каса	19 —	1½ —
3. Джуванды	16 —	1 —
4. Чалки	13 —	1½ —
5. Шаршили	12 —	1 —
6. Китай	20 —	1 —
7. Мастей	18 —	1½ —
8. Тами	17 —	1½ —
9. Багать	15 —	1 —
10. Наймань	20 —	2½ —
11. Атю - Кюю	22 —	2½ —
12. Камратъ	22 —	1½ —
13. Янарикъ	23 —	2 —
14. Шерравать	10 —	1 —
15. Саятъ	10 —	1 —
16. Голюбмахъ	6 —	1 —
17. Фернухасъ	8 —	1 —
18. Пешкеникъ	8 —	1 —
19. Чаштюба	7 —	1 —
20. Ингрикъ	6½ —	1 —
21. Черджели	9 —	1 —

Главное направленіе этихъ канавъ на юго-западъ и на югъ; нѣкоторыя изъ нихъ оканчиваются въ пескахъ, другія образуютъ небольшія озера. Всѣ онѣ развѣтвляются на множество мелкихъ канавокъ, для орошенія пашней и садовъ; направленіе этихъ канавокъ часто измѣняется, по указанію надобности.

Съ правой стороны:

	Длина.	Сред. ширина.
1. Бишь - Япъ	36 версть	1½ саж.
2. Зей - Таку	20 —	2 —
3. Куукъ	10 —	1 —
4. Бала - Султанъ	10 —	1 —

Главное направленіе этихъ канавъ на сѣверо-западъ и, подобно первымъ, онѣ раздробляются на мелкія канавы и расходятся по пашнямъ.

III. *Казаватъ* вытекаетъ 14 верстами ниже к. Полванъ, имѣя главное направленіе съ востока на западъ; проходитъ возлѣ городовъ: Ханки, Кошъ - Купырѣ и Казаватъ, и оканчивается въ пескахъ, недалеко за г. Казаватомъ, послѣ 90 верстѣ теченія. Ширина этого канала, отъ вершины до Кошъ - Купыра, повсюду въ 40 сажень; далѣе же постепенно уменьшается. Берега Казавата въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнесены насыпью, въ другихъ ровны съ окрестностью, и, на протяженіи 10 верстѣ отъ Аму-Дарьи, покрыты кустарникомъ. Средняя глубина русла канала простирается до 1 сажени. Казаватъ отдѣляетъ отъ себя канавы съ одной лѣвой стороны:

	Длина.	Сред. ширина.
1. Ишимъ	15 верстѣ	4 саж.
2. Салыкъ	19 —	4½ —
3. Кенегенъ	15 —	4 —
4. Казаватъ	20 —	2 —
5. Есибы	6 —	4 —

Всѣ эти канавы текутъ съ востока на западъ и раздѣляются на большое число мелкихъ канавъ, расходящихся по пашнямъ.

IV. *Шахъ - Абатъ*, длиннѣйшій изъ всѣхъ каналовъ Ханства, выходитъ изъ Аму - Дарьи, 26 верстами ниже предъидущаго канала; проходитъ вблизи городовъ: Н. Ургенча, Шахъ - Абата, Амбара, Тамгуса и Ильялы, имѣя главное направленіе до Н. Ургенча на юго - западъ, и оканчивается въ пескахъ 5 верстами западнѣе г. Ильялы. Длина этого канала простирается до 135 верстѣ; ширина въ 14 сажень. Берега, отъ вершины до г. Амбара, почти повсемѣстно покрыты земляною насыпью; далѣе же ровны съ окрестностію. Средняя глубина русла въ 1½ сажени. Шахъ - Абатъ замѣчательнѣе быстройтею теченія воды и тѣмъ, что круглый годъ не пересыхаетъ на всемъ протяженіи, сохраняя въ самую позднюю осень отъ 5 до 6 футовъ глубины. Девять канавъ вытекаютъ изъ Шахъ - Абата:

Съ лѣвой стороны:

	Длина.	Сред. шир.
1. Япы-Ярганъ	23 версты	2½ саж.
2. Мать-Назаръ-Инахъ	15 —	4 —
3. Арвикъ-Каракашлы	40 —	4 —

Съ правой стороны:

	Длина.	Сред. шир.
1. Алманіязь	13 версть	4 саж.
2. Янга-Япъ	20 —	4½ —
3. Тагры-Берды-Калмакъ . .	40 —	2½ —
4. Юсуфъ-Бекъ	15 —	4½ —
5. Тамаусъ	6 —	4 —

Всѣ эти каналы имѣють главное направленіе на сѣверо-западъ и раздробляются на безчисленное множество мелкихъ канавъ.

V. *Ярмышъ* вытекаетъ 15 верстами ниже канала Шахъ-Абата, течетъ почти параллельно съ нимъ и на протяженіи 95 верствъ оканчивается въ пескахъ, 10 верстами сѣвернѣе г. Ильялы. Средняя ширина Ярмыша 8 сажень. Берега его круты и нѣсколько возвышеннѣе, отъ насыпной земли. Выходящія изъ него канавы незначительны.

VI. *Клычъ-Ніязъ-Бай*, вытекая 8 верстами ниже Ярмыша, течетъ почти параллельно ему 96 верствъ и оканчивается въ пескахъ, въ 15 верстахъ на сѣверъ отъ г. Ильялы. Ширина Клычъ-Ніязъ-Бая почти всюду 10 сажень. Изъ него выходятъ:

Съ лѣвой стороны:

	Длина.	Сред. шир.
1. Бишъ-Уйли	9 верствъ	4½ саж.

Съ правой стороны:

1. Гурленъ	22 —	4 —
2. Нукусъ	45 —	4 —
3. Югуръ	37 —	2½ —
4. Полвапъ-Бекъ	20 —	½ —

Главное направленіе этихъ канавъ на сѣверо-западъ. Всѣ онѣ оканчиваются въ пескахъ, кромѣ канавы Гурлена, которая, въ 8 верстахъ отъ г. Гурлена, впадаетъ въ Аму-Дарью. Съѣтъ выходящихъ изъ нихъ мелкихъ канавъ занимаетъ все пространство между городами Клычъ-Баемъ и Гурленомъ.

VII. *Карагузъ* беретъ начало 32 верстами ниже канала Клычъ-Ніязъ-Бай, имѣя главное направленіе на сѣверо-западъ; протекаетъ 80 верствъ и на этомъ протяженіи оканчивается въ пескахъ, на сѣверо-западъ отъ Буддумзаса. Средняя шири-

на этого канала 6 сажень. Выходящія изъ него канавы, по протяженію и ширинѣ своей, не заслуживаютъ особеннаго вниманія.

VIII. *Арна* выходитъ ниже Карагузы 24 верстами; течетъ съ востока на западъ 60 верстѣ, при 8-саженной ширинѣ, и оканчивается озеромъ Порсу. Г. Мапгытъ расположенъ вдоль праваго берега канала, въ 8 верстахъ отъ его вершины. Изъ Арны выходитъ одна только замѣчательная канава, по протяженію своему, Яны-Япъ; она отдѣляется съ лѣвой его стороны, въ 8 верстахъ отъ озера Порсу, и, направляясь на юго-западъ, проходитъ чрезъ ханскій домъ Чербакъ, за которымъ въ 6 верстахъ теряется въ пескахъ. Длина Яны-Япа 33 версты, средняя ширина 2 сажени.

IX. *Сувалли* вытекаетъ 10 верстами ниже рукава Лаудана; проходитъ чрезъ г. Ходженли, расположенный по обѣимъ его сторонамъ, и въ 7 верстахъ отъ сего города впадаетъ въ Аму-Дарью, составляя какъ-бы хорду дуги, описываемой въ этомъ мѣстѣ Дарьей. Протяженіе этого канала 24 верста, ширина его 10 сажень; берега ровны съ окрестностію; средняя глубина 4 сажень. Съ лѣвой стороны изъ Сувалли вытекаетъ довольно большое число канавъ, раздробляющихся на многія другія; но только три имѣютъ названія:

	Длина.	Сред. шир.
1. Суали	8 верстѣ	1 саж.
2. Генегезъ	16 —	1½ —
3. Ташлы	8 —	1½ —

Эти канавы текутъ главнымъ направленіемъ на западъ; изъ нихъ послѣдняя образуетъ озерко Сары-Чунъ-Куль; остальные расходятся по пашнямъ.

X. *Ханскій*. Истокъ этого канала расположенъ 5 верстами выше г. Кунграда, возлѣ котораго онъ проходитъ; главное направленіе теченія на сѣверъ и на сѣверо-западъ. Вода исчезаетъ по пашнямъ, послѣ 20 верстѣ. Средняя ширина канала 2½ сажени. Берега его ровны съ окрестностію. Изъ Ханскаго выходятъ многія канавы; но ни одна изъ нихъ не имѣетъ замѣчательнаго размѣра.

Кромѣ этихъ 40 главныхъ каналовъ, вытекающихъ съ лѣвой стороны Аму-Дарьи, находятся еще четыре по правой ея

сторонѣ, между городомъ Хазарь-Аспомъ и южною оконечно-
стію горъ Шейхъ-Джели. О послѣднихъ каналахъ мы имѣемъ
только однѣ распросныя свѣдѣнія; а потому ограничимся однимъ
обозначеніемъ ихъ названій и размѣровъ въ нижеслѣдующемъ
порядкѣ:

	Длина.	Сред. шир.
I. Шараханъ	45 верстъ	8 саж.
II. Найманъ	22 —	4½ —
III. Уйгурь	28 —	4½ —
IV. Ильтезерь-Ханскій	25 —	2 —

Главное направленіе ихъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ;
они теряются въ пескахъ Кизиль-Кумь. Развѣтвленіе ихъ на
среднія и мелкія канавы должно быть довольно значительно,
принимая въ соображеніе, что пространство, занимаемое этими
каналами, покрыто садами и пашинми *.

Кромѣ вышеописанныхъ 44 главныхъ каналовъ, еще два
вытекаютъ изъ Айбугирскаго Озера; но, по маловажности своей,
они должны быть причислены не къ главнымъ, а къ среднимъ
каналамъ; это:

1. *Янз-Сызгъ*, выходящій съ восточной стороны Айбугирска-
го Озера, на 30 верстъ къ сѣверо-западу отъ г. Кунграда. Дли-
на канала 15 верстъ; средняя ширина 2 сажени; главное напра-
вленіе на сѣверо-востокъ. Выходящія изъ него небольшія канавы
разносятъ воду по пашнямъ Каракалпаковъ и Киргизовъ.

2. *Семть-Казы* выходитъ 12 верстами сѣвернѣе предъиду-
щаго, и, при 8-верстномъ теченіи на сѣверо-востокъ, оканчи-
вается, раздробляясь на малыя канавы. Значительнѣйшая ши-
рина его 4½ сажени.

Мы полагаемъ умѣстнымъ заключить это описаніе изложе-
ніемъ соблюдаемаго Хивинцами порядка во время чистки и
запруженія каналовъ.

Изъ всѣхъ главныхъ каналовъ Ханства, одинъ только Пол-
ванъ-Ата состоитъ въ непосредственномъ владѣніи самаго хи-
вийскаго хана, который ежегодно присутствуетъ и лично
распоряжается при чисткѣ русла его. Чистка Полвана начи-
нается обыкновенно въ первой половинѣ марта. Изъ всего на-
родонаселенія, занимающаго пространство, орошаемое системою

* Принадлежащими хану, его родственникамъ и чиновникамъ.

воду этого канала, каждое семейство обязано выставлять одного работника, который, по предварительной повѣсткѣ, долженъ явиться къ назначенному дню на указанное мѣсто. Ханъ выезжаетъ къ нижнему концу канала, назначаетъ надсмотрщиковъ за каждымъ участкомъ и, по мѣрѣ успѣха работъ, слѣдуетъ вверхъ по каналу до того мѣста, гдѣ онъ выходитъ изъ Аму-Дарьи. По окончаніи чистки, плотина, устроенная осенью, разрушается постепенно, соображаясь съ возвышеніемъ и напоромъ воды въ Дарью. Вся эта работа продолжается обыкновенно отъ 6 до 8 дней. Прочіе каналы прочищаются чрезъ годъ, а нѣкоторые чрезъ два года. Порядокъ сбора работниковъ, по числу семействъ, заселяющихъ систему каждаго канала, одинаковъ, съ тою лишь разницею, что ханъ, не присутствуя при чисткѣ, высылаетъ, для каждаго изъ нихъ, особеннаго чиновника *. Средніе каналы, выходящіе изъ главныхъ, прочищаются ранѣе этихъ послѣднихъ, — всегда въ концѣ февраля, для того, чтобы каждый земледѣлецъ, по напущеніи воды въ главный каналъ, могъ провести ее немедленно на свои пашни. Вода во всѣхъ главныхъ каналахъ держится круглый годъ; но къ концу октября уровень ея понижается, такъ что они не могутъ уже питать выходящихъ изъ нихъ боковыхъ канавъ, которыя съ этого времени высыхаютъ до слѣдующей весны. Запруженіе каналовъ производится обыкновенно въ началѣ ноября. На каналъ Полванъ устриваютъ двѣ плотины: одну при самой вершинѣ, другую въ 30 верстахъ ниже. Въ прочихъ же каналахъ заграждаются только однѣ вершины; а нѣкоторые изъ нихъ, именно тѣ, которыя не подвергаются слишкомъ внезапнымъ приливамъ воды изъ Аму-Дарьи, вовсе не запруживаются. Устройство плотинъ, или, правильнѣе, насыпей, производится слѣдующимъ образомъ: изъ кустарника,

* Сверхъ повинности чистить каналы, каждый работникъ обязанъ вносить по одному аббазу, въ пользу надсматривающаго чиновника; это постановленіе даетъ поводъ къ величайшимъ притѣсненіямъ и несправедливостямъ, слѣдствіемъ которыхъ бываетъ, что богатые лишнимъ взвѣсомъ денегъ откупаются отъ работъ, а у бедныхъ лежитъ двойная. Впрочемъ, изъ всѣхъ злоупотребленій ханскаго управленія, это менѣе другихъ возбуждаетъ ропотъ въ народѣ, который, зная, что въ лучшемъ устройствѣ каналовъ заключаются условія его существованія, не тяготеетъ и лишнею работою.

растущаго въ изобиліи по берегамъ Дарьи, устраиваютъ родъ туръ, внутренняя пустота которыхъ наполняется глыбами глины; эти туры связываются между собою толстыми канатами, свитыми изъ камыша, и опускаются, въ нѣсколько рядовъ, на дно канала; сверхъ этого слоя туръ кладется другой и третій, смотря по надобности; потомъ набрасывается земля и кустарникъ, а для большей прочности, вколачивается рядъ толстыхъ кольевъ со стороны рѣки. Мелководіе каналовъ и самой Дарьи въ это время года облегчаетъ весьма много работу, не вынуждая прорывать временное русло для отклоненія воды отъ мѣста, гдѣ должна производиться работа. Впрочемъ, этотъ послѣдній способъ употребляется тоже Хивинцами, когда они, по какому-нибудь случаю, должны произвести исправленіе въ каналахъ во время паводка.

d. Сухія русла.

Къ сожалѣнію, мы не имѣли средствъ и не могли удѣлить времени для тщательнаго изслѣдованія нѣкоторыхъ сухихъ руселъ, находящихся въ западной долинѣ Аму - Дарьи. Нѣтъ сомнѣнія, что прилежное изученіе этого предмета дало бы намъ возможность собрать нѣсколько любопытныхъ фактовъ о прежнемъ теченіи Дарьи въ Каспійское Море, и привести къ заключеніямъ, которыя могли бы бросить хотя нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ, остающійся доселѣ въ совершенномъ нерѣшеніи, не смотря на всѣ геологическія гипотезы, которыми старались объяснить измѣненіе теченія этой рѣки.

При всей къ себѣ недовѣрчивости, скажемъ, однако, нѣсколько словъ о нашемъ мнѣніи, касательно прежняго направленія Дарьи, основываясь на томъ, что мы видѣли лично и узнали изъ распросныхъ свѣдѣній.

Слѣдуя изъ г. Хивы въ Кунградъ, мы проходили, въ окрестностяхъ г. Ходженли, по сухой и песчаной лощинѣ, лежащей почти параллельно теченію Аму - Дарьи, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ; далѣе и ниже Ходженли, эта лощина отклонилась отъ нашего направленія, на сѣверо-западъ. Характеръ этой лощины являетъ всѣ признаки прежняго присутствія въ ней воды; это заключеніе единогласно подтверж-

дается и туземными жителями. Соображая это обстоятельство съ тѣмъ, что сказано нами въ описаніи рукава Лаудана, мы должны убѣдиться, что по той лощинѣ, около 30 лѣтъ тому назадъ, протекалъ этотъ рукавъ до запруженія его, какъ сказано выше, при Махомедъ-Рахимъ-Ханъ. Между тѣмъ, соотвѣтственное положеніе этого сухого русла съ протокомъ Саркраукъ, проходящимъ чрезъ г. Куия-Ургенчъ и текущимъ по древнему руслу Аму-Дарья, какъ утверждаютъ жители, невольно заставляетъ предполагать, что описываемая нами лощина когда-то была главнымъ русломъ самой Дарья; наконецъ, самое свойство теченія Лаудана, показывающее постоянное усиленіе поворотить къ тому направленію, гдѣ находятся слѣды древняго русла рѣки *, подтверждаетъ это предположеніе. Притомъ, замѣченное жителями съ нѣкотораго времени расширеніе Лаудана и возрастающій ежегодно напоръ въ него воды изъ Дарья, показывая усиленіе его возвратиться въ прежнее ложе, придаетъ большую вѣроятность мнѣнію, что въ давнія времена Аму-Дарья, для впаденія въ Каспійское Море, описывала дугу, которая обозначается упоминаемою нами сухою лощиною и протокомъ Саркраукъ.

Всѣ преданія Хивинцевъ единогласно утверждаютъ, что Аму-Дарья впадала нѣкогда въ Каспійское Море; но ни одно изъ нихъ не упоминаетъ о какомъ-либо земномъ переворотѣ, слѣдствіемъ котораго былъ бы поворотъ Дарья въ Аральское Море. Напротивъ, они объясняютъ это явленіе гораздо проще и едвали не естественнѣе, говоря, что послѣдній изъ харезмскихъ шаховъ, по имени Султанъ-Мегемедъ, имѣя столицей своего ханства г. Куия-Ургенчъ, чрезъ который протекала Аму-Дарья, желалъ заселить часть пустырей, лежащихъ между правымъ берегомъ Дарья и Аральскимъ Моремъ, по тому случаю, что пески, находившіеся на лѣвомъ берегу рѣки, не давали достаточнаго простора земледѣлію; поэтому онъ приказалъ прорыть нѣсколько каналовъ, съ правой стороны рѣки, для оплодотворенія части сказаннаго пространства.

* Это доказывается тѣмъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ протокъ Саркраукъ выходитъ изъ Лаудана, устроена крѣпкая и прочная насыпь, ежегодно исправляемая, съ цѣлью воспрепятствовать этому рукаву обратиться всею массою своей воды въ Саркраукъ.

Первый опыт был удачен, и переселение жителей на это место стало ежегодно увеличиваться, а с тем вместе увеличивалось число каналов и самый объем их, так что каналы, выходящие с левой стороны рѣки, стали мельть, а новые ежегодно болѣе и болѣе наполняться водою; слѣдствіемъ этого было, что Аму-Дарья увлеклась, наконецъ, этимъ новымъ направлениемъ, которое и привело ее къ Аральскому Морю. * Мы должны согласиться, что это преданіе имѣетъ нѣкоторую основательность, когда примемъ въ соображеніе, что проявляющіяся, въ настоящее время, усилія Аму-Дарьи своротить на западъ могутъ объясняться тою же самою причиною, а именно тѣмъ, что всѣ главные каналы Ханства, будучи устроены нынѣ на западной сторонѣ рѣки, привлекаютъ въ эту сторону напоръ ея водъ.

Въ 38 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Кувграда выходитъ, съ левой стороны Аму-Дарьи, сухая лощина, называемая Мулла-Хуразъ, замѣчательная только тѣмъ, что описываемая ею дуга совершенно параллельна той лощинѣ, о которой мы говорили выше.

V. ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ НАСЕЛЕННОЙ ЧАСТИ ЗАПАДНОЙ ДОЛИНЫ АМУ-ДАРЬИ.

Пространство, ограниченное съ сѣвера Аральскимъ Моремъ, съ востока течениемъ Аму-Дарьи, между г. Питнякомъ и ея устьями, съ юга и юго-запада песками, а съ запада юго-восточнымъ чинкомъ Усть-Урта, должно раздѣлить на три полосы: южную, среднюю и сѣверную, представляющія различный характеръ и видъ мѣстности.

Южная полоса заключается въ пространствѣ, обнимаемомъ системою каналовъ: Полванъ-Ата, Казавата и Шахъ-Абата. Здѣсь сосредоточивается главная часть хивинскаго осядлага

* Хивинцы рассказываютъ, при этомъ случаѣ, что у шаха Султаны-Мегеда былъ рабъ, по имени Ходжа, который, за оказанныя имъ услуги, получилъ свободу и, по повелѣнію шаха, сталъ именоваться Ходжа-Гарханъ. Пользуясь свободою, онъ предпринялъ путешествіе по Аму-Дарьѣ въ Каспійское Море, достигъ его западнаго берега, при устьяхъ Волги, и основалъ тамъ городъ, который называлъ своимъ именемъ. Хивинцы и теперь не иначе называютъ Астрахань, какъ Ходжи-Гарханъ, а море Каспійское—Ходжи-Гарханъ-Араль.

народонаселенія, и дѣятельное земледѣліе жителей покрываетъ всю поверхность этой полосы пашнями, садами, безчисленнымъ множествомъ каналовъ и жилищами, близко одно отъ другого расположенными среди обработанныхъ полей; только въ некоторыхъ мѣстахъ, пески вторгаются въ предѣлы этой густой осыдности и нарушаютъ ея однообразный характеръ. Мѣстность этого участка совершенно ровная, при нечувствительномъ наклонѣ съ востока на западъ. * Почва, за исключеніемъ песчаныхъ полосъ, всюду глинистая и глинисто-солонцеватая.

Средняя полоса лежитъ между каналомъ Ярмышъ и рукавомъ Лауданъ. Здѣсь народонаселеніе начинаетъ примѣтно рѣдѣть, количество обработанной земли уменьшается, и пустыри составляютъ преобладающую часть этой полосы. Поверхность одинаково-ровная съ предъидущею, съ наклономъ на западъ, нѣсколько болѣе ощутительнымъ, и въ некоторыхъ мѣстахъ появляются небольшія, отдѣльныя возвышенія. Почва глинистая и глинисто-солонцеватая, и перемежается тоже песчаными полосами, иногда бугристыми.

Сѣверная полоса заключается между рукавомъ Лауданомъ и южнымъ берегомъ Аральскаго Моря. Она разительно отличается отъ двухъ первыхъ тѣмъ, что вся ея поверхность, за исключеніемъ немногихъ промежутковъ, покрыта густымъ кустарникомъ и камышемъ, во многихъ мѣстахъ непроходимымъ. Осыдность и земледѣліе находятся преимущественно у прибрежій Аму-Дарьи. Почва одинакова съ предъидущими участками, съ тою только разницею, что солонецъ преобладаетъ и не перемежается уже нигдѣ песками. Озеро Айбугиръ занимаетъ главную часть этого пространства; впадающіе въ него рукава Аму-Дарьи дѣлятъ всю эту полосу на нѣсколько большихъ острововъ. Поверхность полосы совершенно ровная, и покатость, характеризующая первые два участка, здѣсь ничѣмъ не обнаруживается.

VI. СОСТАВЪ И ЧИСЛО НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

Главныя составныя части разноплеменнаго народонаселенія Ханства суть:

* Это заключеніе мы основываемъ на томъ, что все каналы, находящіеся на пространствѣ этой полосы, несравненно глубже вырыты при вершинахъ, чѣмъ при окончаніи ихъ.

Сарты, Узбеки и Аралы — остьдлые жители.

Каракалпаки, Киргизы и Туркмены — кочевыя племена.

Персіяне и Ямшиды — плѣнные.

Сверхъ того, въ составъ народонаселенія входятъ нѣсколько семействъ Аравитянъ и Евреевъ.

Сарты составляютъ преобладающее племя остьдлаго народонаселенія и суть коренные жители Ханства. Азіяты называютъ Сартами всѣхъ Хивинцевъ вообще. Они живутъ преимущественно въ городахъ, занимаются земледѣліемъ и торговлею, которая почти исключительно находится въ ихъ рукахъ. Правительственныя лица, за исключеніемъ самаго хана и кушъ-бегія, изъ Сартовъ. Всѣ порученія, почетныя и выгодныя, возлагаются на нихъ же, а равно и управленіе городами и ханскими имуществами. Этотъ политическій перевѣсъ, при помощи торговли, способствуетъ немало къ ихъ обогащенію и упроченію возрастающаго первенства.

Узбеки, завоеватели края, нѣкогда сильные и гордые покорители Сартовъ, составляютъ нынѣ второстепенный классъ народонаселенія Ханства, по числу и политическому значенію. Упадокъ ихъ должно отнести ко временамъ Елтезеръ-Хана. Присвоивъ себѣ единовластіе надъ всеми родами Узбековъ, дотоль отдѣльно управлявшихся инахами, и страшась соимѣстниковъ, онъ истребилъ значительнѣйшихъ по происхожденію и многихъ изъ ихъ приверженцевъ. Братъ его, Мохамедъ-Рахимъ, дѣдъ нынѣшняго хана, руководствовался, для утвержденія своей власти, тою же кровавою политикою, и довершилъ начатое Елтезеромъ, уничтоживъ хитростію и силою цѣлыя отдѣленія Узбековъ, которые пытались возстановить прежній порядокъ управленія инахами. Съ тѣхъ поръ Узбеки, постепенно удаленные отъ правительственныхъ должностей, потеряли свое прежнее значеніе и сохранили одно тщеславное преимущество гордиться своею дикою аристократіею предъ хитрыми Сартами. Узбеки живутъ разсыянно по всему Ханству, но главное ихъ мѣстопребываніе въ Хивѣ, Гурленѣ, Хазарь-Аспѣ, Мангытѣ и Кипчакѣ, и въ окрестностяхъ этихъ городовъ. Они занимаются земледѣліемъ и сопровождаютъ хана на войну, выставляя, впрочемъ, небольшое число воиновъ. Мы не беремся распределить ихъ на роды, зная,

вслѣдствіе сдѣланныхъ нами распросовъ, какъ этотъ предметъ запутанъ и даже мало знакомъ самимъ Узбекамъ.

Аралы. Узбеки, живущіе въ сѣверной части Ханства, носятъ названіе Араловъ, т. е. островитянь, потому что живутъ по островамъ, образуемымъ, какъ мы видѣли въ предъидущей статьѣ, рукавами Аму-Дарьи, впадающими въ Айбугирское Озеро. Это наименованіе подало поводъ къ ошибочному мнѣнію всѣхъ географовъ, будто бы Аралы или Аральцы, какъ ихъ у насъ называютъ, суть особенное, коренное племя, которое при Аувязъ-Ивахъ составляло еще самобытное ханство, а при Мохамедъ-Рахимъ поступили въ подданство хивинскихъ хановъ *. Такъ какъ Аралы суть не что иное, какъ Узбеки, то намъ не слѣдовало помѣщать ихъ, въ этомъ описаніи, отдѣльно отъ послѣднихъ, съ которыми у нихъ нѣтъ ничего разнороднаго; мы это сдѣлали для того только, чтобъ очевиднѣе указать на сказанную ошибку. Кромѣ земледѣлія, Узбеки сѣверной части Ханства, или Аралы занимаются рыболовствомъ по Аму-Дарьи, но этотъ промыселъ у нихъ мало развитъ, и заключается только въ ловлѣ сазановъ и мелкой рыбы, хотя Дарья изобилуетъ осетрами и бѣлорыбцею. Сверхъ-того, Аралы охотятся осенью на фазановъ, которые водятся въ чрезвычайномъ изобиліи въ камышахъ, окружающихъ городъ Ходженли и всѣ низовья Аму-Дарьи, и возятъ ихъ цѣлыми сотнями на продажу, въ южную часть Ханства. Города Кунградъ и Ходженли населены преимущественно Аралами. Весьма немногіе изъ нихъ ведутъ еще кочевую жизнь.

Каракалпаки дѣлятся на нѣсколько отдѣленій; кочуютъ въ сѣверной части Ханства, по юго-западному и южному берегамъ Аральскаго Моря, по низовьямъ Аму-Дарьи, въ окрестностяхъ Кунграда, Ходженли, Мангыта, Кипчака и частію на правой сторонѣ Дарьи, около озера Даукара; занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, и ведутъ кочевую жизнь; обязаны выставлять людей на войну, и, болѣе другихъ подвластныхъ Ханству племенъ, отягощены налогами, которые совер-

* Историческія событія вѣрны; ибо при Мохамедъ-Рахимъ дѣйствительно въ роды Узбековъ, какъ мы видѣли выше, присоединились къ его власти, послѣ взятія имъ г. Кунграда; вся ошибка состоитъ въ томъ только, что не Аралы поступили въ подданство Хивы, а Узбеки-Аралы.

шеино разоряють ихъ. Каждое отдѣленіе управляется особливимъ начальникомъ, состоящимъ въ вѣдѣніи кушъ-бегія, по части сбора податей и закята. Подобно Араламъ, они занимаются рыболовствомъ и сверхъ того держатъ лодки для перевоза чрезъ Айбугирское Озеро купеческихъ небольшихъ каравановъ, которые иногда избираютъ этотъ путь *.

Киргизы, находящіеся въ управленіи хивинскаго хана, дѣлятся на нѣсколько родовъ; главные: Табышцы, Адаевцы и Чиклинцы. Первые, кочуя на западномъ берегу Аральскаго Моря, между урочищами Кчи-Кулмагуромъ и Тайлою, на островѣ Токмакъ-Ата, противъ устья Аму-Дарьи, и разсыяно около нѣкоторыхъ городовъ сѣверной части Ханства, до того бѣдны, что не могутъ и не платятъ почти никакой подати хану. Адаевцы занимаютъ полуостровъ Бузачи и нѣкоторыя урочища на Усть-Уртѣ, имѣютъ достаточное скотоводство и платятъ дань Хивѣ, по требованіямъ, посылаемыхъ къ нимъ сборщиковъ закята. Многочисленныя отдѣленія Чиклинскаго Рода кочуютъ на озерѣ Дау-Кара, около горъ Шейхъ-Джели, въ камышахъ, на восточномъ берегу Аральскаго Моря и на Сыръ-Дарьѣ; вносятъ ежегодно закятъ и управляются хивинскимъ чиновникомъ, находящимся постоянно въ крѣпостцѣ Бишъ-Кала, построенной на Сыръ **. Они искренно и сильно желаютъ другого порядка вещей; но внутреннія ихъ вражды съ другими родами ордынцевъ и привольныя для зимнихъ кочевьевъ мѣста по Сыръ-Дарьѣ и около прибрежій моря заставляють ихъ подвергаться и переносить притѣсненія хивинскаго правительства, въ ожиданіи лучшей участи.

Туркмены. Принятое мнѣніе, что туркменскіе роды разсыяны по всей обширной и песчаной равнинѣ, лежащей между восточными берегами Каспійскаго Моря и Аму-Дарьею, даетъ сбивчивое понятіе о настоящихъ мѣстахъ ихъ кочевьевъ. Туркменскіе аулы окаймляють, такъ сказать, указанное про-

* Товары перевозятся на лодкахъ, а верблюды и лошади переводятся въ бродъ или вплавь.

** Осенью 1842 года крѣпость Бишъ-Кала была взята шайкою Киргизовъ, и начальникъ крѣпости, хивинскій чиновникъ, былъ при этомъ убитъ. До сихъ поръ отъ хивинскаго правительства не послѣдовало еще распоряженія къ водворенію пржежняго порядка управленія надъ сыръ-дарьянскими Киргизами.

странство, никогда не занимая постоянно его внутренней части, состоящей преимущественно из солонцовъ и почти бесплодныхъ песковъ; только на короткое время, при наступленіи холодовъ, углубляются въ средину для пастбы верблюдовъ и барановъ, сосредоточиваясь потомъ во весь годъ на постоянныхъ своихъ кочевьяхъ. Мы постараемся общими указаніями опредѣлить эти урочища; но прежде обозначимъ мѣстопробываніе Туркменъ, которые, со временъ Мохамедъ - Рахима, кочуютъ постоянно въ предѣлахъ осѣдлой части Ханства. Они состоятъ изъ *Чаудуръ, Ямудъ, Еръ-Сары, Кара-Ташлы* и *Гокланъ*, которыхъ Мохамедъ-Рахимъ, за какую-то непокорность, отдѣлилъ отъ ихъ однородцевъ и пригналъ въ окрестности Куля-Ургенча, Ильялы, Тамауса, Кишчака и Ходженли, гдѣ они съ тѣхъ поръ занимаютъ хлѣбопашествомъ на отведенныхъ имъ земляхъ. Означенные Туркмены имѣютъ бѣдное скотоводство, ткутъ ковры и дѣлаютъ кибитки для продажи; обложены налогами и обязаны выставять людей въ войско, по требованію хана, съ трехъ кибитокъ одного всадника; управляются старшинами изъ своихъ родовъ, состоящихъ въ вѣдѣніи кушъ-беги. Они сильно ропщутъ на бѣдное свое положеніе, вслѣдствіе притѣснительныхъ дѣйствій хивинскаго правительства.

Южнѣе города Питаяка находится, близъ развалинъ города Даргана, малочисленная часть Туркменъ отдѣленія Ата; они ведутъ, у побережій Аму-Дарьи, кочевую жизнь, не занимаютъ хлѣбопашествомъ и платятъ одинъ закятъ.

Далѣе на югъ, многолюдныя отдѣленія Туркменъ: *Текѣ, Салыхъ, Еръ-Сары, Пенджи, Арбачи* и *Ходжасъ* сосредоточены въ окрестностяхъ Мервы, Юлатана и Пенджи; управляются чиновникомъ, постановленнымъ отъ хивинскаго хана, Ніязь-Мохамедъ-Баемъ (родственникомъ Мяхтера), пребывающимъ постоянно въ Мервѣ, и помощникомъ его, хивинскимъ юсъ-башею Махomedъ-Енимомъ, живущимъ въ Юлатанѣ. На юго-западъ отъ этой орды кочуютъ Туркмены тѣхъ же отдѣленій, около Саракса, подъ начальствомъ двухъ своихъ старшинъ, Ходжамъ-Чукуръ-Хана и Уразъ-Хана, состоящихъ непосредственно въ вѣдѣніи начальника Мервы Ніязь-Махomedъ-Бал.

Понимованные Туркмены * занимаются хлѣбопашествомъ: первые по побережьямъ рѣки Мервы, вторые по рѣкѣ Тедженъ, и скотоводствомъ, состоящимъ преимущественно въ верблюдахъ и баранахъ; рогатаго скота и лошадей разводятъ весьма мало, по недостатку хорошихъ пастбищъ. Всѣ вообще платятъ небольшую подать зерномъ и закятъ со скота, и выставляютъ, по требованію хана, часть войска, въ особенности для набѣговъ на границы Персіи. Ханъ обходится съ ними нѣсколько человѣколюбивѣе, нежели съ прочими своими подданными, опасаясь ихъ силы и воинственнаго духа.

Вдоль Хорасанскихъ горъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ ихъ подошвы, тянутся на западъ аулы отдѣленія Текѣ и Ахаль-Текѣ **, къ вершинамъ притоковъ р. Атрека и до нѣтъ кочевья Гоклановъ и Ямудовъ, зависящихъ отъ Персіи. Здѣсь власть хивинскаго хана часто встрѣчаетъ непокорность; но онъ возстановляетъ ее появленіемъ съ войскомъ, чѣмъ дѣлается послѣ всякаго раза, когда сборщики закята возвращаются безъ ожидаемой дани. Эти Туркмены заводятъ хлѣбопашество по маленькимъ рѣчкамъ, выходящимъ изъ горъ, и имѣютъ скотоводство довольно обширное, состоящее тоже преимущественно изъ верблюдовъ и барановъ.

Изъ Туркменовъ, занимающихъ побережья Каспійскаго Моря, отъ Тюкь-Карагана до Балканскихъ горъ и южнѣе до р. Атрека, только одни Чаудурцы ***, кочующіе на Караганѣ, признаютъ свою зависимость отъ хана и платятъ ему закятъ, но умѣреннѣе другихъ. Отдаленность спасаетъ ихъ отъ притѣсненій хана, которому они, сверхъ незначительнаго закята, посылаютъ иногда, въ знакъ покорности, нѣкоторые подарки, состоящіе изъ лошадей красивыхъ и иноходцевъ ****.

* Изъ полученныхъ нами распросныхъ свѣдѣній оказывается, что вообще число понимованныхъ туркменскихъ отдѣленій простирается до 40 т. кибитокъ.

** Хивинцы опредѣляютъ въ 25 т. кибитокъ эти два отдѣленія Туркменъ.

*** Число Чаудурцовъ Хивинцы полагаютъ въ 90 т. кибитокъ.

**** Въ 1842 году посланы были для сбора закята хивинскіе чиновники: Кытай-Мехремъ къ при-Каспійскимъ Туркменамъ; Кутумъ-Мехремъ къ тѣмъ, которые кочуютъ у подошвы Хорасанскихъ горъ. Закятъ же съ Туркменъ, кочующихъ около Мервы и Саракса, собирается и передается хану начальникомъ Мервы.

Принимая въ соображеніе огромное число Туркменъ, ихъ отдаленіе отъ заселенной части Ханства, сомнительную преданность хивинскому правительству и возможность уклоняться такъ легко отъ его требованій, власть хана надъ Туркменами должна показаться съ перваго взгляда непонятною. Но, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, нельзя не убѣдиться, что покорность ихъ вынуждена мѣстными обстоятельствами. При-Каспійскіе Туркмены зависятъ отъ Хивы по случаю торговыхъ ея сношеній съ Астраханью: занимаясь караваннымъ перевозомъ товаровъ въ Хиву, они часто бываютъ въ рукахъ хивинскаго правительства и, за неудовольствія его на ихъ родъ, могли бы служить отвѣтчиками. Сверхъ того, они должны, по необходимости, посѣщать хивинскіе базары, для мѣны скота на жизненные припасы, не имѣя другихъ способовъ къ ихъ добытію. Туркмены, кочующіе на южныхъ и юго-восточныхъ предѣлахъ Ханства, могли бы, конечно, прибѣгнуть къ защитѣ Персіи; но они знаютъ, какъ заступничество персидскаго правительства не надежно, видя, съ какою слабостію оно дѣйствуетъ для возвращенія своихъ собственныхъ подданныхъ изъ тяжкаго рабства, въ которомъ они, съ давнихъ временъ, находятся у Хивинцевъ и, сверхъ того, обоюдные хищничества Туркменъ и пограничныхъ жителей Хорасана, поселили между ними непримиримую вражду. Къ тому же надо еще прибавить, что Туркмены дорожатъ привольемъ своихъ земель въ Ханствѣ, на которыхъ завелись хлѣбопашествомъ и садоводствомъ, по рѣкамъ Мервъ и Тедженъ. О тѣхъ же Туркменахъ, которые заключены въ осѣдлой части Ханства, и говорить нечего: ихъ слабость — лучшая порука въ покорности хану.

Персіане. Частые набѣги, производимые хивинскими ханами на границы Персіи, почти ежегодно увеличиваютъ число пленныхъ Персіанъ. Нылъ ихъ въ Ханствѣ 15,000 семействъ; изъ этого числа 10,000 находятся въ самомъ тягостномъ рабствѣ, а 5,000 выкупилась или выпущены изъ неволи, и живутъ въ разныхъ частяхъ Ханства, на отведенныхъ имъ земляхъ, платятъ подать съ земли хану, и хотя называются свободными, однако возвратъ на родину имъ невозможенъ. Персіане составляютъ самое необходимое сословіе хивинскаго па-

родонаселенія: земледѣліе, садоводство и почти всѣ домашнія работы производятся ихъ руками. Нѣтъ сомнѣній, однако, что хивинскій ханъ согласился бы на выдачу Персіи нѣкотораго числа изъ нихъ; но отъ этого отклоняютъ его приближенные къ нему сановники, которые лишились бы чрезъ то своихъ доходовъ; ибо каждый изъ нихъ имѣетъ отъ 50 до 200 и болѣе рабовъ изъ Персіянъ, занятыхъ земледѣліемъ.

Ямшиды, родомъ Авганцы, составляли кочевое племя изъ 42,000 кибитокъ въ предѣлахъ гератскаго владѣнія; при богатомъ скотоводствѣ, вели привольную жизнь и управлялись своимъ султаномъ Миръ - Ахметомъ, который, состоя въ зависимости отъ гератскаго правителя, платилъ ему часть собираемой имъ подати съ Ямшидовъ. Въ концѣ 1839 года, нынѣшній ханъ, будучи въ то время еще инакомъ, напалъ на нихъ въ расплохъ и пригналъ въ Хиву до 7,000 кибитокъ. Имъ даны земли въ соседствѣ съ Туркменами, около Куля - Ургенча и далѣе на востокъ по направленію къ Мангыту и Кипчаку; но полученное ими вспомошествованіе для обзаведенія было такъ скудно, что они до сихъ поръ пропитываются, занимаясь въ работники, и живутъ въ крайней нищетѣ. Подать и закятъ съ нихъ еще не берутся; но, по приказанію хана, они участвовали въ сдѣланномъ имъ набѣгѣ на Бухарію въ 1842 году.

Аравитяне. Ихъ весьма мало; они ведутъ кочевую жизнь разсѣянно, около нѣкоторыхъ южныхъ городовъ Ханства. Немногіе изъ нихъ сохранили свой языкъ. Хивинцы относятъ ихъ появленіе въ Ханствѣ къ отдаленнымъ временамъ, говоря, что какой-то хорезмскій шахъ, желая имѣть знающихъ толкователей и учителей исламизма, выписалъ 40 человекъ Аравитянъ изъ Мекки, и что эти 40 человекъ суть прародители нынѣ живущихъ въ Ханствѣ. Они бѣдны и занимаются однимъ скотоводствомъ.

Евреи. Ихъ неболѣе 8 семействъ. Они пришли въ Хиву, 46 лѣтъ тому назадъ, изъ Бухаріи, и съ тѣхъ поръ поселились въ Ханствѣ; занимаются красильнымъ ремесломъ. Хивинское правительство не притѣсняетъ ихъ и допускаетъ свободное соблюденіе обрядовъ ихъ религіи; но замѣтно, что они охладѣли къ вѣрѣ и только изрѣдка отправляютъ свое богослуженіе.

Къ сдѣланному нами обзору племень, составляющихъ народонаселеніе Ханства, слѣдовало бы присовокупить около 5,000 семействъ Бухарцевъ, похищенныхъ Алла-Кули-Ханомъ, въ прошломъ году, съ юго-западныхъ границъ Бухаріи. Но какъ о возвращеніи ихъ на родину бухарскій эмиръ вступилъ въ переговоры съ хивинскимъ правительствомъ и окончательнаго рѣшенія еще нѣтъ съ обѣихъ сторонъ, то упомянемъ только о намѣреніи хана заселить ими пустопорожнія земли, въ сѣверной и западной частяхъ Ханства, куда одна часть уже отправлена.

Главные препятствія къ точному опредѣленію количества народонаселенія въ осыдой части Ханства суть: 1) недостатокъ вѣрныхъ свѣдѣній у самаго хивинскаго правительства; 2) недовѣрчивость Хивинцевъ, встрѣчающая всякую попытку къ разъясненію этого вопроса; 3) рѣшительное отсутствіе порядка и справедливости при нарядахъ работниковъ на общественныя или казенныя работы и, наконецъ, 4) образъ заселенія жителей, обитающихъ отдѣльными домами, разсыпанными между городовъ, тогда какъ въ послѣднихъ сосредоточивается только самая малозначущая часть народонаселенія.

Сдѣланные до сихъ поръ приблизительные выводы о числѣ хивинскаго народонаселенія были основаны или на распросахъ, или на соображеніи числа работниковъ, наряжаемыхъ на чистку каналовъ. Нѣтъ сомнѣній, что этотъ послѣдній способъ могъ бы быть весьма основательнымъ и положительнымъ средствомъ къ достиженію цѣли, но не иначе, какъ при стеченіи многихъ благопріятныхъ къ тому условій. Мы сказали уже выше, что наряды на работы производятся неуравнительно. Но предположивъ даже противное, и тогда встрѣтилось бы много препятствій къ выводу точныхъ заключеній о числѣ народа, потому что какъ каждый главный каналъ чистится тѣми жителями, которые обитаютъ на пространствѣ, обнимаемомъ стѣю выходящихъ изъ него среднихъ канавъ, то, слѣдовательно, для опредѣленія этимъ способомъ общаго числа жителей Ханства, необходимо было бы собрать вѣрныя свѣдѣнія объ отдѣльномъ числѣ работниковъ, исправляющихъ каждый каналъ, что, очевидно, не доступно для Европейца. Заключить же объ

этомъ числѣ работниковъ по чисткѣ одного канала — рѣшительно невозможно; ибо свойство и глубина каналовъ различны, какъ и самый объемъ, протяженіе и быстрота ихъ водъ; следовательно вычисленія, основанныя на соображеніи задаваемыхъ работникамъ уроковъ съ общимъ числомъ дней, въ которые производилась чистка одного канала, ни въ какомъ случаѣ не могли бы быть применены къ другому каналу.

Вышеизложенныя причины и отсутствіе другихъ основныхъ данныхъ заставляютъ насъ, по неволѣ, прибѣгнуть къ результатамъ, выведеннымъ нами изъ распросныхъ свѣдѣній. Но такъ какъ они произведены были на самомъ мѣстѣ и могли свѣряться хоть нагляднымъ наблюденіемъ, и какъ, сверхъ того, эти свѣдѣнія были преимущественно отбираемы отъ Персіянъ, которые имѣютъ менше причинъ, чѣмъ Хивинцы, къ скрытности или къ хвастливому преувеличенію народныхъ силъ Ханства, то мы, не ручаясь за ихъ совершенную непогрѣшность, убѣждены, по крайней мѣрѣ, что они подходятъ къ истинѣ ближе всѣхъ сдѣланныхъ до сихъ поръ оцѣнокъ.

Изъ собранныхъ нами распросныхъ свѣдѣній оказывается, что народонаселеніе, обитающее въ предѣлахъ осыдой части Ханства, состоитъ изъ 75,500 семействъ.

Распределеніе этого населенія по племенамъ, образу жизни, вѣроисповѣданію и сословіямъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

По племенамъ:

Сартовъ	20,000	семействъ.
Узбековъ	18,000	—
Персіянъ * свободныхъ	5,000	—
— рабовъ	10,000	—
Ямшидовъ **	7,000	кибитокъ.
Каракалпаковъ	8,000	—
Туркменъ	5,000	—
Киргизъ	500	—

* Число Персіянъ основано на свѣдѣніяхъ, собранныхъ персидскимъ посланцемъ, бывшимъ въ 1843 году въ Хивѣ, для переговоровъ объ освобожденіи своихъ соотечественниковъ изъ Ханства.

** Число Ямшидовъ определено по единогласному показанію нѣсколькихъ старшинъ этого племени, неимѣющихъ никакихъ причинъ къ скрытію истины.

*

По образу жизни:

Осѣдлыхъ	53,000	кибитокъ.
Кочевыхъ	20,500	—

По вѣроисповѣданію:

Суннитовъ	58,500	—
Шіитовъ *	15,000	—

По сословіямъ:

Чиновниковъ **	500	—
Духовенства ***	1,000	—
Торговыхъ ****	3,000	—
Хлѣбопашцевъ осѣдлыхъ	48,500	—
— кочевыхъ	20,500	—

Считая круглымъ счетомъ по 4 человека въ семействѣ или кибиткѣ, мы получимъ, что все населеніе осѣдлаго Ханства состоитъ изъ 294,000 душъ обоего пола, и составитъ 773 человека на одну квадратную милю.

Капитанъ Муравьевъ, въ 1819 году, опредѣлилъ народонаселеніе Ханства въ 300,000 душъ. Разница нашихъ съ нимъ выводовъ покажется весьма значительною, когда примемъ въ соображеніе: 1) что съ того времени народонаселеніе должно было возрасти по крайней мѣрѣ одною третью; 2) что оно увеличилось 28,000 душъ Ямшидовъ и 3) значительнымъ числомъ Персіянъ, отъ частыхъ набѣговъ, произведенныхъ Алла-Кули-Ханомъ на границы Персіи. Между тѣмъ, эта разница объясняется весьма просто. Капитанъ Муравьевъ, во всю бытность свою въ Ханствѣ, находился съ начала въ Ингилды, а потомъ въ Хивѣ и поэтому видѣлъ одну южную полосу Ханства, кото-

* Секты шіитъ въ цѣломъ Ханствѣ одни только Персіице.

** Число чиновниковъ мы опредѣляемъ приблизительно, принимая въ расчетъ: окружающихъ хана постоянно; начальствующихъ надъ городами Ханства; управляющихъ отдѣльными кочевыхъ племенъ, и состоящихъ при каждомъ изъ нихъ помощниковъ.

*** Духовенство сосредоточено въ Хивѣ и составляетъ одну изъ главныхъ частей его вассаленія; въ прочихъ городахъ Ханства находятъ только по нѣскольку муллъ. Это обстоятельство и извѣстность народонаселенія Хивы служило намъ основаніемъ къ заключенію объ ихъ числѣ.

**** Торговое сословіе находится, безъ изъятія, во всѣхъ городахъ Ханства: преобладающее же число живетъ въ Хивѣ и Н. Ургенчѣ. Мы полагаемъ, что въ обоихъ городахъ до 1,500 купцовъ и столько же въ остальной части Ханства.

рая, какъ уже сказано въ предыдущей статьѣ, дѣйствительно замѣчательна своею населенностію и должна была непременно заставить его полагать, что населеніе всего пространства осѣдлыхъ владѣній хана можетъ быть выражено числомъ 300,000 душъ. Мы же имѣли возможность обозрѣть почти все Ханство, отъ Питняка до Аральскаго Моря и отъ Усть-Юрта до г. Ходженли, и вслѣдствіе того убѣдиться вполнѣ, что почти $\frac{3}{4}$ Ханства столько же безлюдна, сколько южная его полоса населена.

Отношеніе числа жителей къ землѣ, выведенное изъ нашего расчета о населеніи, не должно казаться малымъ, принимая въ уваженіе, что около $\frac{1}{3}$ народонаселенія состоитъ изъ кочевыхъ племенъ, для которыхъ нуженъ гораздо большій просторъ, чѣмъ для осѣдлыхъ жителей. Но сверхъ того, это отношеніе значительно измѣнится, когда прибавимъ, что пространство, занятое водою, непроходимымъ камышемъ, кустарникомъ и песчаными полосами, составляетъ безъ малаго $\frac{1}{3}$ всего Ханства, и слѣдовательно жители относятся къ землѣ не какъ 773:1, а уже какъ 1150 чел. на 1 квадратную милю.

Этотъ результатъ, сличенный съ населенностію средней и сѣверной полосъ Ханства, гдѣ пустыри, воды и камышъ несоразмѣрно преобладаютъ, могъ бы поколебать нашу довѣренность къ сдѣланной нами оцѣнкѣ, представляя ее преувеличенною, если бы чрезмѣрная густота населеній и многолюдства всего пространства, обнимаемаго системою каналовъ Полванъ-Ата, Казавата и частію Шахъ-Абата, не успокоивали насъ на счетъ этого сомнѣнія.

VII. ГОРОДА И ДЕРЕВНИ ХАНСТВА.

Изъ всѣхъ городовъ Ханства, только Хива и Пово-Ургенчъ заслуживаютъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, это названіе, заключаая въ стѣнахъ своихъ нѣсколько значительное населеніе и являя въ большей степени признаки торговой дѣятельности. Но чтобы опредѣлить относительное значеніе сосредоточенныхъ заселеній, назовемъ городами тѣ только заселенія, которыя служатъ мѣстопребываніемъ ханскихъ чиновниковъ, поставленныхъ для завѣдыванія ими, и гдѣ бывають ежедневныя базары.

Чтобы не увеличить объема этой статьи повторениями, прежде всего укажем на общія черты хивинскихъ городовъ.

1. Всѣ почти города Ханства обнесены глиняными стѣнами, непрочность которыхъ, соединяясь съ недостаткомъ всякаго оборонительнаго вооруженія, не даетъ имъ совершенно никакого воинскаго значенія.

2. Окрестности всѣхъ городовъ состоятъ изъ обработанныхъ полей, среди которыхъ разбросаны дома, отдѣльно одинъ отъ другого стоящіе.

3. Въ продолженіе большей части года, городскіе и окрестные жители пользуются водою изъ канавъ; но съ позднью осенью, когда главные каналы мельютъ и не могутъ уже разносить воду въ средніе каналы, Хивинцы вырываютъ колодцы, которые хотя очень неглубоки и скоро вычерпываются, зато и легко замѣняются другими, по причинѣ близкаго и почти повсемѣстнаго присутствія воды подъ землею *.

4. Дома, лавки и городскія стѣны построены, во всѣхъ городахъ, на одинъ ладъ и одинаковымъ способомъ, и всюду представляютъ единообразный видъ; только нѣкоторыя жилища ханскія или зажиточныхъ людей отличаются отъ прочихъ величиною своихъ размѣровъ и нѣкоторою тщательностію въ отдѣлкѣ. О каменныхъ строеніяхъ, которыхъ, впрочемъ, весьма мало, будемъ говорить при описаніи городовъ, гдѣ такіа зданія находятсѣ.

Описаніе городовъ Ханства расположимъ въ азбучномъ порядкѣ; но прежде скажемъ нѣсколько словъ о способѣ ихъ постройки.

Матеріалы, употребляемые Хивинцами для построекъ, суть: тополевыя столбы, кустарникъ и глина, перемѣшанная, для большей прочности, съ соломою.

Городскія стѣны строятся слѣдующимъ образомъ: на разстояніи 10 сажень, врываются въ землю столбы изъ пирами-

* Вода этихъ колодцевъ не ключевая. Мы полагаемъ, что почти повсемѣстное ея присутствіе на столь небольшой глубинѣ можно объяснить безпрестанными орошеніями поверхности земли каплями. Просачиваясь сквозь рыхлыя слои папиры, вода доходитъ до густыхъ и часто глинистыхъ пластовъ, находящихся ниже первыхъ которые, по непроницаемости своей (*impenetrabilité*), составляютъ родъ малыхъ подземныхъ водохранилищъ.

дальнаго тополя; между нихъ становится стоймя, въ нѣсколько ярусовъ, кустарникъ, связываемый перекладинами; потомъ, все это обмазывается съ обѣихъ сторонъ глиною, толстыми слоями, такъ что стѣна имѣетъ обыкновенно внизу до 4 саж. толщины, во всегда суживается къ верху. Вокругъ стѣны складываются, тоже изъ глины, на разстояніи отъ 10—25 сажень, контрфорсы, въ видѣ разрѣзныхъ сверху до основанія конусовъ. Высота стѣны имѣетъ до 4 сажень; вокругъ нея придѣланы бойницы для ружейныхъ выстрѣловъ. Мѣста для воротъ складываются изъ камня, а на половинки употребляются толстыя доски изъ одного прочнаго дерева, называемаго Хивинцами *шруанъ*.

Все дома, безъ изъятія, окружаются точно такими же стѣнами, какъ вышеописанная, съ тою только разницею, что объемъ ихъ зависитъ отъ воли или достатка хозяина. Внутренняя площадь заключаетъ въ себѣ жилье и садъ. Часть, занятая жильемъ, устроивается обыкновенно такъ, что крытый корридоръ, примыкающій къ наружнымъ воротамъ, раздѣляетъ ее на двѣ половины; каждая изъ этихъ половинокъ разгорожена глиняными стѣнами, которыя образуютъ нѣсколько четверугольныхъ большихъ дворовъ; вдоль боковъ этихъ внутреннихъ стѣнъ устроены отдѣльныя комнаты, одна возлѣ другой, съ плоскими крышами, рѣшетчатыми окнами и рѣзными дверями. На плоской крышѣ этихъ комнатъ тянется крытая галлерея. Посреди каждаго изъ дворовъ находится обыкновенно бассейнъ съ водою, вокругъ котораго растутъ нѣсколько виноградныхъ лозъ и тополей.

а. Города.

1. *Амбаръ* — въ 47 верстахъ на с.з. отъ Хивы; расположенъ на лѣвой сторонѣ канавы Шахъ-Абатъ и состоитъ изъ нѣсколькихъ глиняныхъ домовъ и лавокъ, окруженныхъ полуразвалившеюся стѣною, имѣющею, въ каждомъ боку, до 250 сажень. Между домами и лавками находятся пашни. Жителей весьма мало. Два раза въ недѣлю, по нашему по четвергамъ и воскресеньямъ, бываеъ базаръ, на который пріѣзжаютъ только ближніе сосѣдніе жители. Народонаселеніе состоитъ изъ Сартъ и Персіянъ, а въ окрестности кочуетъ малое число Яшидъ. Амбаромъ завѣдуетъ чиновникъ Мать-Назаръ.

2. *Багатъ* — въ 47 верстахъ на с.з. отъ Хивы; расположенъ по обѣимъ сторонамъ канавы того же имени; строения разбросаны между садовъ и пашень. Жители большею частию Узбеки. Лавокъ въ Багатъ до 70; онѣ построены въ два ряда по дорогѣ въ г. Ханки; въ городѣ, два раза въ недѣлю, въ среду и воскресенье, бываетъ базаръ. Начальникъ города Мулла-Артыкъ.

3. *Булдумсазъ* — въ 88 верстахъ на с.з. отъ Хивы, на возвышенномъ мѣстѣ, въ 1½ верстѣ отъ канавы Кызыль-Аланъ, вытекающей изъ канала Клычъ-Ниязъ-Бая; былъ когда-то обведенъ стѣною, отъ которой нынѣ едва остались слѣды, и состоитъ изъ однихъ развалинъ, покинутыхъ жителями. Въ окрестностяхъ кочуютъ Ямуды, Чаудуры и небольшое число Ямнидовъ.

4. *Гурленъ* — въ 43 верстахъ на с. отъ Хивы; расположенъ между канавами Гурленъ и Югуръ, въ одной верстѣ отъ последней; не обведенъ стѣною и застроенъ тѣсно и въ безпорядкѣ; его раздѣляетъ одна главная, кривая улица на двѣ части. Въ Гурленѣ три глиняныя мечети и около 66 лавокъ; часть ихъ въ срединѣ города, по обѣимъ сторонамъ главной улицы, а остальные расположены въ сѣверо-западномъ концѣ города. Въ первыхъ торгуютъ каждый день, а въ послѣднихъ только во время базаровъ, бывающихъ по вторникамъ и четвергамъ. Жители города — Сарты и большею частию Узбеки. Въ окрестностяхъ кочуютъ Киргизы Табынскаго Рода. Начальникъ города Алла-Муратъ.

5. *Джагатай* — въ 35½ верстахъ на с.з. отъ Хивы; расположенъ въ безпорядкѣ по обѣимъ сторонамъ канавы Арвикъ-Кара-Камлы, вытекающей изъ канавы Шахъ-Абатъ; въ немъ находится до 25 глиняныхъ домовъ и 42 лавокъ. Жители — Сарты и Персіяне. Въ окрестности кочуютъ Туркмены въ небольшомъ числѣ. Джагатаемъ управляетъ чиновникъ Вали-Ага.

6. *Ильялы* или *Джеланды* — въ 84 верстахъ на с.з. отъ Хивы; заселенъ при ханѣ Алла-Куль и раскинутъ по обѣимъ сторонамъ канала Шахъ-Абатъ; домовъ считается до 35; всѣ они глиняные, съ плоскими крышами, и разбросаны въ безпорядкѣ между пашень и садовъ. Главное строеніе этого города — хаискій домъ съ садомъ; возлѣ него нѣсколько лавокъ.

Жители — Сарты, Узбеки, Туркмены и Персіяне. Базаръ бываетъ два раза въ недѣлю. Въ окрестностяхъ Ильялы кочуютъ Туркмены и Ямшиды. Начальникомъ города Якупжанъ-Махрамъ, братъ Ходжа-Махрама.

7. *Иллъиъ* — въ 43 верстахъ на в. отъ Хивы; расположенъ по обѣимъ сторонамъ канала Шершели, и нѣсколько влѣво отъ дороги, идущей отъ Хивы въ Хазаръ-Аспъ. Базаръ бываетъ два раза въ недѣлю, по воскресеньямъ и средамъ; лавокъ считается до 70, построенныхъ изъ глины въ два ряда; въ нихъ торгуютъ только въ базарные дни. Жителей въ городѣ весьма мало; они состоятъ изъ Узбековъ и Сартовъ. Домовъ около 50. Начальникъ Иглана Абдрахманъ-Наипъ.

8. *Казаватъ* — въ 23½ верстахъ на с.с.з. отъ Хивы; расположенъ на правой сторонѣ канала Казаватъ; состоитъ изъ небольшого числа домовъ, одной мечети на каменномъ фундаментѣ и 25 лавокъ, выстроенныхъ около канала въ два ряда. Базаръ бываетъ по понедѣльникамъ и четвергамъ, но весьма немногочисленъ. Жители — Сарты. Начальникъ города Арунъ-Юсь-Баши.

9. *Кипчакъ* — въ 96 верстахъ на с.с.з. отъ Хивы; построенъ на лѣвой сторонѣ рѣки Аму-Дарьи, при вершинѣ канавы Книжагалы, выходящей изъ рѣки; не обнесенъ стѣною и заключаетъ въ себѣ 5 мечетей, до 70 лавокъ и небольшое число домовъ; всѣ эти строенія изъ глины. Базаръ бываетъ два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и пятницамъ. Жители города — Узбеки, называемые Аралами; небольшая часть Каракалпаковъ и Киргизовъ, Дюртъкаринскаго, Табынскаго и Баюлинскаго родовъ, кочуютъ въ окрестностяхъ. Начальникъ города Хожа-Ниязъ-Бій.

10. *Китай* — въ 66 верстахъ на с.с.з. отъ Хивы; расположенъ на сѣверной сторонѣ канала Карагуза; не обнесенъ стѣною, и состоитъ только изъ хавскаго дома съ башнею и малаго числа частныхъ глиняныхъ домовъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ около ханскаго. Вблизи послѣдняго находятся 25 лавокъ, гдѣ торгуютъ только въ базарные дни, два раза въ недѣлю, по четвергамъ и воскресеньямъ. Жителей весьма мало; они состоятъ изъ Узбековъ. Домъ и садъ Рахманъ-Берды-Бія, хавскаго дяди, находится возлѣ Китая.

11. *Клычи-Ниязъ-Бай* — въ 72 верстахъ на с.с.з. отъ Хивы; расположенъ на правой сторонѣ канавы того же названія; не обведенъ стѣною, и состоитъ изъ ханскаго дома съ садомъ, трехъ глиняныхъ мечетей и до 400 лавокъ. Базаръ бываетъ два раза въ недѣлю, по средамъ и воскресеньямъ. Жители города — Сарты и небольшая часть Узбековъ. Начальникъ города Хатме-Байтъ.

12. *Кошъ-Купырзъ* — въ 18 верстахъ на с.с.з. отъ Хивы; расположенъ на правой сторонѣ канавы Казавать; обведенъ глиняною стѣною, имѣющею въ каждомъ боку до 450 саж., и заключаетъ въ себѣ до 40 домовъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ, и 15 лавокъ, построенныхъ въ южномъ концѣ города. Жители — Узбеки и въ маломъ числѣ Сарты. Постояннаго базара не бываетъ, по близости города къ Хивѣ. Начальникъ города Мухамедъ-Мурадъ-Катаулъ.

13. *Кунградъ* — въ 204½ верстахъ на с.з. отъ Хивы; расположенъ около лѣвой стороны канавы Ханской и въ 200 саженьяхъ отъ Аму-Дарьи; состоитъ изъ ханскаго дома, окруженнаго стариннымъ садомъ, изъ домовъ начальника города и двухъ его помощниковъ, 7 мечетей, 315 лавокъ и нѣсколькихъ частныхъ домиковъ; всѣ эти строения глиняныя и не обнесены стѣнами. Между правымъ берегомъ канавы Ханской и Аму-Дарьи тянется широкая насыпная стѣна, имѣющая около 4 версты въ длину; около нея, ближе къ берегу рѣки, возвышается другая, которая примыкаетъ двумя сторонами вплоть къ Дарьѣ и составляетъ, съ берегомъ ея, продолговатый четвероугольникъ. Эти двѣ стѣны были некогда укрѣпленіемъ прежняго Кунграда, который, еще въ началѣ царствованія Мохамедъ-Рахимъ-Хана, не зависѣлъ отъ Хивы, управлялся своими тюрмами изъ Узбековъ и считалъ своею принадлежностію города: Ходженли, Мангытъ и Кипчакъ. Правители Кунграда часто дѣлали набѣги на хивинскія владѣнія, опустошая нѣрѣдко окрестности г. Китая и Гурлена. Ельтезеръ-Ханъ не разъ пытался укротить беспокойныхъ сосѣдей; но послѣ всякой попытки, отступалъ съ урономъ. Последній правитель Кунграда, Тюря-Суфи, Узбекъ, изъ роду Кунградъ, долго сопротивлялся нападеніямъ Мохамедъ-Рахимъ-Хана; но былъ предательски убитъ, во время осады города, однимъ изъ своихъ приближен-

ныхъ, Ходай-Берды-Бажманомъ, и Кунградъ, съ принадлежащими ему землями и прочими городами, поступилъ съ тѣхъ поръ подъ власть хивинскихъ хановъ. Базаръ въ Кунградъ бываетъ еженедѣльно два раза, по средамъ и воскресеньямъ, и привлекаетъ значительное число кочевыхъ племенъ. Жители города—Узбеки, называемые Аралами, съ небольшимъ числомъ Сартовъ. Между ними есть нѣсколько богатыхъ купцовъ. Въ окрестностяхъ кочуютъ Каракалпаки и Киргизы, Табынскаго, Алачивскаго, Чиклинскаго и Баулинскаго родовъ. Начальникъ города Кутлумрадъ-Бий. Это званіе наследственное, и, со времени покоренія Кунграда, переходитъ отъ отца къ сыну. Въ 21 верстѣ на сѣверъ отъ Кунграда находится, въ 6 верстахъ отъ лѣваго берега Аму-Дарьи, могила св. Хакимъ-Ата; возлѣ нея поселено нѣсколько жителей, пользующихся подаяніемъ богомольцевъ, которые посѣщаютъ довольно часто это мѣсто.

14. *Куил - Ургенч* (старый Ургенч) — въ 140 верстахъ на с.з. отъ Хивы. Хивинцы относятъ заселеніе стараго Ургенча къ весьма отдаленнымъ временамъ, утверждая, что онъ былъ расположенъ на правомъ берегу Аму-Дарьи, когда она текла въ Каспійское Море, и указываютъ на рѣчку Саркраукъ, вблизи которой находится развалины Ургенча, какъ на прежнее русло этой рѣки. Изъ уцѣлѣвшихъ развалинъ стараго Ургенча, особеннаго вниманія заслуживаютъ: 1) минаретъ, имѣющій помынъ до 280 футовъ вышины съ основанія, но не болѣе 75 футовъ въ окружности; онъ нигдѣ не поврежденъ, кромѣ верха, недавно обрушившагося на нѣсколько футовъ; 2) развалины дома, гдѣ жила и была похоронена Тюрюбъ-Ханымъ, любимая дочь какого-то правителя Куил-Ургенча, и 3) гробница св. Шейхъ-Наджумутдинъ-Кабріе, построенная въ видѣ двухъ соединенныхъ мечетей. Эти три зданія — изъ тесанныхъ камней, выкрашенные яркою зеленою краскою, до сихъ поръ хорошо сохранившіеся. Въ окрестности виднѣются еще нѣсколько обломковъ минаретовъ, нѣсколько полуразвалившихся сводовъ и слѣды каменной стѣны. Относительно упадка Куил-Ургенча нѣтъ никакихъ удовлетворительныхъ свѣдѣній, кромѣ преданія, что онъ былъ разоренъ Калмыками, подъ предводительствомъ Бара-Хана; но никто изъ Хивинцевъ не знаетъ ни времени, ни подробностей этого вторженія. Вновь заселяемая часть города

находится въ верстѣ отъ развалинъ, и расположена по обѣимъ сторонамъ канавы Ханской. Главныя строенія въ ней суть ханскій домъ съ садомъ, обнесеннымъ глиняною стѣною, и каменная мечеть, еще недостроенная; глиняныхъ домовъ считается около 35, лавокъ до 75. Базаръ бываетъ два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и четвергамъ. Заселеніе города началось нѣсколько дѣтальнѣе при Ала-Куль-Ханъ. Жители города — Сарты, Узбеки, Персіяне и небольшое число Туркмевъ. Въ Куня-Ургенчѣ находится таможенная застава, гдѣ, впрочемъ, не осматриваются товары, а приводится только въ извѣстность число верблюдовъ, тюковъ и приходящихъ купеческихъ каравановъ. Въ окрестности кочуютъ Туркмены и Ямшиды. Начальникъ города Мухамедъ-Хуссейнъ.

15. *Кятъ* — въ 36½ верстахъ на сѣверъ отъ Хивы; построенъ на небольшой возвышенности и окруженъ четырехъугольною стѣною, имѣющею въ окружности до 500 сажень. Въ восточной сторонѣ находятся ворота и сторожевая башня; внутри стѣны — около 50 развалившихся глиняныхъ домовъ. Никто не живетъ въ городѣ, и стѣны его почти совсѣмъ обвалились. Лавокъ въ Кятъ 40; онѣ построены на возвышенности, въ двѣ линіи противу городскихъ воротъ; только часть ихъ ежедневно занята продавцами сухихъ плодовъ, курительнаго табаку и мелочныхъ вещей. Базаръ бываетъ еженедѣльно, по средамъ и субботамъ. Окрестные жители большею частію Сарты. Начальникъ города Мухамедъ-Ніазъ Бай.

16. *Мангытъ* — въ 81 верстѣ на с.с.з. отъ Хивы; расположенъ вдоль правой стороны канавы Арны, и застроенъ маленькими глиняными домами, разбросанными въ безпорядкѣ между кривыхъ и узкихъ улицъ. Кромѣ частныхъ домовъ, въ Мангытѣ находится одна медреса (училище), 9 мечетей и 40 лавокъ, построенныхъ въ восточномъ концѣ города; въ нихъ торгуютъ два раза въ недѣлю, во время базаровъ, по средамъ и субботамъ. Жители города — Узбеки, Аралы, небольшая часть Сартовъ и Каракалпаковъ. Въ окрестностяхъ кочуютъ Киргизы Табынскаго Рода и Каракалпаки, живя въ кибиткахъ, загороженныхъ невысокими глиняными стѣнами. Начальникъ Мангыта Досымъ-Бій.

17. *Новый Ургенч* — въ 31 верствѣ на с.в. отъ Хивы; построень въ 1½ верствѣ отъ праваго берега канавы Шахъ-Абатъ; былъ когда-то обведенъ четырехъугольною глиняною стѣною, имѣвшею въ длину 225, а въ ширину 200 саж., отъ которой нынѣ остались только одни обломки, угловыя башни и двое полуразвалившихся каменныхъ воротъ, съ южной и сѣверной сторонъ города, называемыхъ Машерли и Базаръ-Дарвази. Городъ застроенъ въ безпорядкѣ глиняными домами, числомъ до 300. Жители считаютъ въ немъ 15 мечетей и 2 медресы: Ачибай и Алтбай. Какъ мечети, такъ и медресы наружнымъ видомъ не отличаются отъ прочихъ глиняныхъ строеній. Лавокъ въ Ургенчѣ до 320; часть ихъ въ городѣ, близъ воротъ Базаръ-Дарвази, а остальные съ вѣтшей стороны и въ три ряда. На этомъ мѣстѣ, два раза въ недѣлю, по средамъ и воскресеньямъ, бываетъ базаръ. Городское населеніе едва простирается до 2,000 душъ обоюго пола, и состоитъ изъ Сартовъ и весьма небольшого числа Узбековъ. Богатѣйшіе хивинскіе купцы преимущественно поселены въ Н. Ургенчѣ, гдѣ сосредоточивается главная торговля и ремесленная промышленность Ханства. Хлопчатая бумага, марена, халаты и бязь привозятся сюда, для оптовой продажи, въ базарныя дни. Иноземные купцы производятъ, исключительно здѣсь, закупку товаровъ, и отсюда уже выступаютъ съ караванами въ обратный путь. Въ окрестностяхъ Н. Ургенча выдѣлываютъ порохъ, во въ весьма небольшомъ количествѣ и не въ одномъ мѣстѣ. Начальникъ города Кабуль-Бай.

18. *Питнякъ* — въ 76½ верстахъ на востокъ отъ Хивы; заселенъ на канавѣ Питнякъ, въ 3 верстахъ отъ Аму-Дарьи, и состоитъ изъ небольшого числа глиняныхъ домовъ и лавокъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ на пространство 3,500 квадрат. саж. Алла - Кули - Ханъ въ 1842 году * приказалъ обвести его стѣною; но работа при самомъ началѣ была оставлена. Базаръ бываетъ одинъ разъ въ недѣлю, по средамъ, и посѣщается небольшимъ числомъ жителей Хазаръ-Аспа, для мелочной продажи нѣкоторыхъ издѣлій. Начальникъ города Адашъ-Наипъ.

* Предъ выступленіемъ своимъ въ походъ противъ Бухари.

19. *Порсу*—въ 108 верстахъ на с.з. отъ Хивы; состоитъ изъ ханскаго дома съ садомъ, обнесеннымъ глиняною стѣною, изъ небольшого числа лавокъ, гдѣ бываетъ два раза въ недѣлю базаръ, и изъ нѣсколькихъ частныхъ домиковъ. Порсу расположенъ на канавѣ Арны, недалеко отъ впаденія ея въ озеро Порсу. Это мѣсто возбуждаетъ горестное воспоминаніе о предательскомъ убійствѣ князя Бековича-Черкаскаго, который, послѣ заключеннаго съ Хивинцами мирнаго договора, былъ приглашенъ сюда съ небольшою свитою на пирь *, и, по окончаніи трапезы, убитъ, вмѣстѣ съ прочими Русскими, бывшими при немъ.

20. *Таглаузъ*—въ 61½ верстѣ на с.з. отъ Хивы; состоитъ изъ небольшого числа глиняныхъ домовъ, частію полуразрушенныхъ и разбросанныхъ по обѣимъ сторонамъ канавы Шахъ-Абатъ, и 180 глиняныхъ лавокъ, расположенныхъ въ два ряда, около деревяннаго моста, построенаго на канавѣ. Вблизи лавокъ, на правой сторонѣ Шахъ-Абата, построено укрѣпленіе, состоящее изъ четырехъ-угольной стѣны съ угловыми круглыми башнями. Длиннику въ каждомъ боку 300 саж.; высота стѣны въ 4 саж., толщина ея внизу имѣетъ 3 саж., а къ верху суживается до 1½ футовъ. Это укрѣпленіе имѣетъ трое воротъ: съ востока, съвера и юга; они сложены изъ кирпичей, стѣна же и башни изъ глины, и во многихъ мѣстахъ обвалились. Внутри укрѣпленія никто не живетъ, и въ немъ нѣтъ никакихъ воинскихъ запасовъ и средствъ къ оборонѣ. Около лавокъ два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, бываетъ базаръ, на который съѣзжается довольно значительное число окрестныхъ жителей и Туркменъ. Жителей въ городъ весьма мало. Народонаселеніе окрестностей довольно многолюдно, и состоитъ преимущественно изъ Сартовъ. Туркмены и Ямшиды кочуютъ не въ дальнемъ разстояніи отъ Таглауза. Начальникъ города Якубжанъ-Махрамъ, завѣдующій и Ильялами.

* Бековичъ пріѣхалъ съ малымъ конвоемъ и безъ оружія. Хивинцы, подъ предлогомъ лучше угостить гостей, рассадили за обѣдомъ каждого Русскаго между двухъ Хивинцевъ, притворными изъявленіями радунія усыпили всякое подозрѣніе Русскихъ, и, при концѣ трапезы, по условному знаку, схватили спрятанные подъ одеждой кинжалы, и умертвили доверчивыхъ гостей своихъ, всѣхъ безъ изъятія.

21. *Лазарь-Аспъ* — мѣстопребываніе хивинскихъ инаховъ; въ 57 верстахъ на востокъ отъ Хивы; расположенъ на лѣвой сторонѣ канавы Коса, вытекающей изъ кан. Полванъ, и обведенъ четырехъугольною глиняною стѣною, съ кирпичными воротами на югъ. Стѣна имѣетъ въ каждомъ боку 185 сажень длины и 2½ высоты. При постройкѣ ея образовалась, около трехъ сторонъ города, низменность, которая весною понимается водою изъ канавы Полванъ, но не можетъ служить оборонительнымъ средствомъ для города, будучи мелка и всюду проходима въ бродъ. Въ Хазарь-Аспѣ 10 глиняныхъ мечетей, одна каменная медреса, домъ (арикъ) инаха и около 150 лавокъ. Медреса, называемая Кутпу-Инахъ, построена въ 1827 году, при Рахманъ-Куль-Инахъ, и украшена въ нѣсколькихъ мѣстахъ изразцами. Домъ (арикъ) инаха построенъ изъ кирпича и обведенъ глиняною стѣною; на верху арика возведены два купола, покрытые синими изразцами. Большая часть лавокъ расположена въ два и три ряда, съ вѣншей стороны города, разстояніемъ отъ него въ 200 сажень, по дорогѣ въ Хиву. На этомъ мѣстѣ ежедневно, по понедѣльникамъ и пятницамъ, бываетъ базаръ. Жители города — Сарты, Узбеки въ маломъ числѣ и Персіяне. Городомъ завѣдуетъ инахъ Мохамедъ-Еминъ, братъ нынѣшняго хана.

22. *Ханки*, въ 31 верстѣ на с.в. отъ Хивы, на правой сторонѣ канавы Казанатъ; окруженъ квадратною глиняною стѣною, съ одними воротами на югъ, складенными изъ камня; длинникъ въ каждомъ боку стѣны 100 саж.; она во многихъ мѣстахъ совершенно обвалилась и заключаетъ небольшое число глиняныхъ домовъ. Лавки, въ числѣ 85, выстроены передъ воротами, въ два ряда; въ нихъ ежедневно торгуютъ жители мелочными вещами; а базаръ бываетъ два раза въ недѣлю, по вторникамъ и субботамъ. Жители города и окрестностей — Сарты и Узбеки. Начальникъ города Ибрагимъ-Бай.

23. *Хива* — главный городъ Ханства и мѣстопребыванія хивинскихъ хановъ; расположенъ между канавъ Ингрикъ и Чарджели, вытекающихъ изъ канавы Полванъ, и обведенъ двумя глиняными стѣнами. Одна, ограничивая главную часть города, построена на небольшой возвышенности, и образуетъ довольно правильный продолговатый четвероугольникъ, съ четырьмя башнями по угламъ: длина ея 320, а шири-

на 200 саженъ, что составляетъ 2 версты и 40 саженъ въ окружности; высота стѣны до $3\frac{1}{2}$ саженъ, при 4-хъ-саженной толщинѣ въ нижней части и не болѣе 4 фута въ верхней. Эта часть города имѣетъ трое воротъ: на востокъ Абдаль-Баба, на сѣверъ Бакчи-Дарваза, на западъ Шермухаметь-Ата; всѣ они складены изъ кирпичей и украшены изразцами. Другая стѣна построена въ 1842 году, за мѣсяць до выступленія хана съ войскомъ въ Бухарію; она обхватываетъ, вмѣстѣ съ прежнимъ городомъ, часть окрестностей, вошедшихъ нынѣ въ составъ его, и имѣетъ неправильную фигуру; окружность ея въ 6 версты и 400 саженъ, прочіе же размѣры одинаковы съ внутреннею стѣною; изъ 12 воротъ, продѣланныхъ въ этой вѣншей стѣнѣ, только 8 складены изъ кирпичей и отдѣланы, для прочихъ же оставлены мѣста. Въ Хивѣ считается: два ханскихъ дворца, 17 мечетей, 22 медресы, караванъ-сарай, крытые ряды и около 260 лавокъ, разбросанныхъ въ разныхъ частяхъ города, вдоль вѣншей стороны городской стѣны, между воротами Бакчи-Дарваза и Шермухаметь-Ата. Изъ этихъ строеній замѣчательнѣйшія суть: 1) мечеть Полванъ-Ата. Она выстроена, въ честь святого того же имени, ханомъ Мухамедъ-Рахимомъ, въ 1814 году; имѣетъ въ длину 40, а въ ширину 7 саженъ; складена изъ кирпича и украшена куполомъ зеленого цвѣта съ позолоченою маковкою. Внутренность мечети вся выложена пестрыми и голубыми изразцами, и раздѣляется на два отдѣла: въ первомъ, противъ входа, поставлена, на возвышеніи, гробница хана Мухамедъ-Рахима, окруженная мѣдною рѣшеткою; надъ гробницей повѣшены люстра * и знамя, принадлежавшее покойному хану. Съ правой и лѣвой стороны этой гробницы устроены еще двѣ: въ одной похороненъ киргизскій ханъ Ширгазы, въ другой Алла-Кули-Ханъ, умершій въ 1842 году. Во второмъ отдѣлѣ мечети, слабо освѣщенномъ однимъ небольшимъ рѣшетчатымъ окномъ, сооружена гробница св. Полвану, имѣющая 12 футовъ длины, 5 ширины и 4 вышины. 2) Мечеть Сентъ-Бай построена изъ кирпичей при ханѣ Алла-Куль, въ 1835 году; украшена каменными колоннами, имѣетъ довольно правильные размѣры и освѣщается большими готи-

* Вывезенная, въ 1817 году, изъ Астрахани, какимъ-то хивинскимъ купцомъ.

ческими окнами, безъ стеколъ, но съ желѣзными рѣшетками; верхъ мечети покрытъ плоскою крышею. 3) Ханскій дворецъ (арикъ) построенъ возлѣ городскихъ воротъ Шермухамедъ-Ата. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій; нѣкоторыя занимаются ханомъ и его семействомъ, другія назначены для главныхъ сановниковъ; каждый изъ нихъ имѣетъ въ этомъ дворцѣ свою особливую комнату, куда обязанъ приходить послѣ вечерней молитвы и ожидать ханскихъ приказаній; кругомъ дворца глиняная стѣна. Противъ главнаго входа вырыта яма въ 15 футовъ глубины; въ ней казнятъ преступниковъ. Около этой ямы разбросаны, въ совершенной небрежности, 20 мѣдныхъ артиллерійскихъ орудій разнаго калибра. 4) Караванъ-сарай построенъ въ 1823 году при ханѣ Мухамедъ-Рахимѣ; расположенъ въ восточной части города, и одна стѣна его составляетъ часть городской; складенъ изъ кирпича въ два этажа, правильнымъ четверугольникомъ, внутри котораго находится площадь, для выгрузки товаровъ; каждый бокъ караванъ-сарая имѣетъ 30 сажень; въ немъ 46 лавокъ въ нижнемъ этажѣ и столько же комнатъ въ верхнемъ для жилья торговцевъ; ворота одни, съ южной стороны. Къ караванъ-сарая примыкаютъ крытые ряды, построенные изъ глины. 5) Медреса Кутлу-Мратъ-Инахъ—довольно обширное и красивое строеніе, близъ караванъ-сарая, построенное изъ кирпичей, со многими отдѣленіями; посреди находится площадка, на которой вырытъ глубокой и просторный колодезь, покрытый кирпичнымъ сводомъ. Прочія мечети и медресы носятъ названіе своихъ учредителей и построены изъ глины, ничѣмъ не отличающіяся отъ частныхъ домовъ, которые все вообще состоятъ изъ плоско-крытыхъ мазанокъ, обнесенныхъ стѣнами. Площадей въ Хивѣ нѣтъ; улицы узки, извилисты, до невѣроятности нечисты, и общій видъ города представляетъ одну безобразную груду глиняныхъ глыбъ. Базаръ бываетъ два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и пятницамъ, около лавокъ, расположенныхъ вдоль городской стѣны, и привлекаетъ довольно большое число жителей окрестныхъ хуторовъ и городовъ. Народонаселеніе Хивы не превышаетъ 4,000 душъ обоего пола и состоитъ преимущественно изъ чиновниковъ, духовенства и купечества. Между ними преобладаютъ Сарты, потомъ слѣдуютъ Персіане

и Узбеки. Окрестность города состоит из обработанных полей, садовъ и домовъ, принадлежащихъ болышею частію хану и его приближеннымъ; въ числѣ этихъ дачъ, нѣсколько опрятнѣе и красивѣе прочихъ ханскій домикъ Ангерикъ. *

24. *Ходженли* — въ 127 верстахъ на с.з. отъ Хивы; заселенъ по обѣимъ сторонамъ канавы Суванли. Городъ этотъ не укрѣпленъ, и состоитъ изъ 180 глиняныхъ домовъ и до 150 лавокъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ съ южной стороны города, на лѣвомъ берегу к. Суванли; часть ихъ ежедневно бываетъ занята торгующими жителями, остальная только въ базарные дни, по понедѣльникамъ и пятницамъ, еженедѣльно. Жители города — Узбеки-Арады. Въ окрестностяхъ кочуютъ Киргизы и Каракалпаки. Начальникъ города Лувязь-Ходина-Бій.

25. *Шахъ-Абатъ* — въ 33 верстахъ на с.с.з. отъ Хивы; расположенъ между канавами Мать-Назаромъ и Шахъ-Абатомъ, и обведенъ четырехъ-угольною глиняною стѣною, которая во многихъ мѣстахъ развалилась; вышина ея до 2½ саж., длина въ каждой сторонѣ 200 саж. Въ Шахъ-Абатъ ханскій домъ съ садомъ, одна мечеть, до 100 лавокъ и небольшое число частныхъ домовъ; всѣ эти строения изъ глины. Базаръ бываетъ два раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ. Начальникъ города Тюря-Аталыкъ.

Мерва, Юлатанъ, Пенджи и Сараксъ находятся внѣ предѣловъ осыдлой части Ханства и суть центральные пункты, около которыхъ расположены многолюдные аулы Туркменъ. Первый изъ нихъ въ 478 верстахъ на ю.в. отъ Хивы, и состоитъ изъ одного дома, принадлежащаго хивинскому чиновнику Ніязь-Магомедъ-Баю, который управляетъ Туркменами. Юлатанъ, Пенджи и Сараксъ не имѣютъ другихъ строеній, кромѣ глиняныхъ четырехъ-угольныхъ стѣнъ, возведенныхъ Туркменами, по распоряженію хивинскаго правительства, для укрытія и обороны, на случай внезапнаго нападенія пограничныхъ жителей Персін. Первый и второй въ 30 и 35 верстахъ отъ Мервы; третій составляетъ крайнюю точку кочевой части Хан-

* Россійская Императорская Миссія, находившаяся въ 1842 году въ Хивѣ, имѣла въ немъ свое пребываніе.

ства, и отстоять отъ Хивы въ 585 верстахъ на ю.в. Сады этихъ трехъ мѣстъ славятся въ Ханствѣ изобиліемъ и качествомъ плодовъ.

Для полноты этого описанія, мы присовокупимъ здѣсь, въ азбучномъ же порядкѣ, деревни Ханства, съ опредѣленіемъ ихъ разстояній отъ города Хивы и топографическаго положенія. Незначительность этихъ деревень, во всѣхъ отношеніяхъ, дѣлаетъ подробнѣйшее описаніе совершенно бесполезнымъ.

6. Деревни:

1. *Акмакъ-Мечеть* — въ 19 верстахъ отъ Хивы, влѣво отъ дороги, идущей изъ Хивы въ Хазарь-Аспь.

2. *Акъ-Мечеть* — въ 16 верстахъ отъ Хивы, вправо отъ дороги въ Хазарь-Аспь.

3. *Алай*—въ 136 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Мангыта въ Ходженли.

4. *Алла-Чишкань* — въ 13 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Хазарь-Аспь.

5. *Астанада*—въ 16 верстахъ отъ Хивы, вправо отъ дороги въ Хазарь-Аспь.

6. *Атаніязъ*—въ 87 верстахъ отъ Хивы, влѣво въ 9½ верстахъ отъ дороги изъ Китая въ Мангытъ.

7. *Бабахаджа*—въ 81 верствѣ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Китая въ Мангытъ.

8. *Балъ*—въ 16 верстахъ отъ Хивы, влѣво отъ дороги въ Хазарь-Аспь.

9. *Бисетень*—въ 22 верстахъ отъ Хивы, вправо отъ дороги въ Хазарь-Аспь.

10. *Бигабабъ*—въ 19 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Ургенчъ.

11. *Бигабабъ* — въ 34 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Шана въ Багаты.

12. *Бидай*—въ 133 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Мангыта въ Ходженли.

13. *Бишь-Мергенъ*—въ 31 верствѣ отъ Хивы, по дорогѣ въ Кятъ.

14. *Бишь-Уили* — въ 51 верствѣ отъ Хивы, влѣво въ 2 верстахъ отъ дороги изъ Кята въ Китай.

15. *Галдельганъ*—въ 2 верстахъ отъ Хивы, влѣво отъ дороги въ Хазарь-Аспь. Въ этой деревнѣ находится ханскій домъ съ башнею и садомъ.

*

16. *Гумомбахъ* — въ 8 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Хазарь-Аспь.

17. *Джуванды* — въ 54 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Хазарь-Аспь.

18. *Джермень* — въ 94 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Мангыта въ Ходженли.

19. *Джеремисъ* — въ 12 верстахъ отъ Хивы, влѣво въ 5 верстахъ отъ дороги изъ Хивы въ Хазарь-Аспь.

20. *Дюсень* — въ 138 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Мангыта въ Ходженли.

21. *Зиръ* — въ 4 верстахъ отъ Хивы, влѣво отъ дороги изъ Хивы въ Хазарь-Аспь.

22. *Зиръ-Шайтинъ* — въ 4½ верстахъ отъ Хивы, влѣво отъ дороги изъ Хивы въ Хазарь-Аспь.

23. *Итимъ* — въ 11 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Ургенчъ.

24. *Караманъ* — въ 17 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Ургенчъ.

25. *Калчикъ* — въ 32 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Хазарь-Аспь.

26. *Карватъ* — въ 63 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Хазарь-Аспа въ Питнякъ.

27. *Кенегень* — въ 14 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Ургенчъ.

28. *Кинтебахъ* — въ 12½ верстахъ отъ Хивы, вправо отъ дороги изъ Хивы въ Хазарь-Аспь.

29. *Китай* — въ 36 верстахъ отъ Хивы, вправо отъ дороги изъ Хивы въ Хазарь-Аспь.

30. *Камратъ* — въ 28 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Багата въ Ханки.

31. *Кулусумъ* — въ 29 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Багата въ Ханки.

32. *Кобынь-Кала* — въ 28 верстахъ отъ Хивы, вправо отъ дороги въ Хазарь-Аспь. Въ ней жителей нѣтъ; остались одни только слѣды каменной стѣны.

33. *Куруктамды* — въ 23 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Хазарь-Аспь.

34. *Меше* — въ 43½ верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Тамауса въ Гурленъ.

35. *Найманъ-Куль* — въ 30 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Хазарь-Аспь.

36. *Найманъ* — въ 130 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Мангыта въ Ходженли.

37. *Нукасъ* — въ 22½ верстахъ отъ Хивы, влѣво въ 4 верстахъ отъ дороги, идущей изъ Багата въ Ханки.

38. *Нудюкъ* — въ 50 верстахъ отъ Хивы, влѣво отъ дороги изъ Хивы въ Хазарь-Аспь.

39. *Нукусъ* — въ 36 верстахъ отъ Хивы, вправо въ 6 верстахъ отъ дороги изъ Багата въ Ханки.

40. *Нукусъ* — въ 75 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Китая въ Мангытъ.

41. *Нурку* — въ 47½ верстахъ отъ Хивы, въ одной верствѣ вправо отъ дороги изъ Тамауса въ Ургенчъ.

42. *Пшкеникъ* — въ 6 верстахъ отъ Хивы, вправо въ 3 верстахъ отъ дороги изъ Хивы въ Хазарь-Аспь.

43. *Порганъ* — въ 36 верстахъ отъ Хивы, влѣво въ 3 верстахъ отъ дороги изъ Хивы въ Хазарь-Аспь.

44. *Сары-Тул-Куль* — въ 139 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Мангыта въ Ходженли.

45. *Саятъ* — въ 9 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Хазарь-Аспь. Въ этой деревнѣ находится ханскій домъ съ садомъ.

46. *Тулрдыкъ* — въ 37 верстахъ отъ Хивы, вправо въ 10 верстахъ отъ дороги изъ Ханки въ Ургенчъ.

47. *Улу-Уба* — въ 32 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Мангытъ.

48. *Фернукасъ* — въ 5 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Хазарь-Аспь.

49. *Ходжа-Баба* — въ 93 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Китая въ Мангытъ.

50. *Чарджели* — въ 8 верстахъ отъ Хивы на ю.в., около песковъ.

51. *Чаршели* — въ 51 верствѣ отъ Хивы, по дорогѣ въ Хазарь-Аспь.

52. *Чакли* — въ 52 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Хазарь-Аспь.

53. *Чашь-Тюбя* — въ 4 верстахъ отъ Хивы, вправо отъ дороги изъ Хивы въ Хазарь-Аспь.

54. *Чербакъ* — въ 110 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Куня-Ургенча въ Ильялы.

55. *Шаманъ* — въ 7 верстахъ и 200 саженьхъ по дорогѣ изъ Хивы въ Ургенчь.

56. *Шедъ* — въ 28 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Багата въ Ханки.

57. *Шерраватъ* — въ 13 верстахъ отъ Хивы и въ 2½ верстахъ вправо отъ дороги изъ Хивы въ Хазарь-Аспь.

58. *Шихарыкъ* — въ 35 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Ишана въ Багатъ.

59. *Ювархасъ* — въ 66 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ изъ Хазарь-Асна въ Питнякъ.

60. *Янарикъ* — въ 20 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ Хазарь-Аспь. Въ этой деревнѣ находится ханскій домъ съ садомъ.

VIII. СРЕДСТВА СООБЩЕНІЙ.

а. Сухопутный.

Главные дороги Ханства суть: 1) изъ Куня-Ургенча въ Хиву, 2) изъ Хивы въ Н. Ургенчь и Гурленъ, и 3) изъ Хивы въ Хазарь-Аспь. Мы называемъ ихъ главными потому только, что онѣ связываютъ самыя торговыя мѣста Ханства, а впрочемъ не отличаются ничѣмъ отъ другихъ дорогъ, на устройство которыхъ хивинское правительство не обращаетъ никакого вниманія. Эта небрежность не влечетъ, однако, за собою большихъ затрудненій, потому что, при неизмѣнно-ровной поверхности края, дороги вездѣ удобопроходимы: черезъ среднія канавы переправляются въ бродъ, а на главныхъ устроены мосты, хотя и непрочные, но, по неслишкомъ значительной ширинѣ каналовъ, не превышающей 18 сажень, можно весьма скоро ихъ исправить, имѣя вездѣ подъ рукою нужные для того матеріалы въ прибрежныхъ садахъ.

б. Водный.

Хотя Ханство перерезано 10 каналами, и всѣ они удобны для сплавовъ, а пять изъ нихъ: *Полванг-Оста*, *Казаватъ*, *Шахъ-Абатъ*, *Клычъ-Нилъ-Бай* и *Арна* даже соединяютъ всѣ условія

для судоходства въ продолженіе 5 мѣслцевъ въ году; однако Хивинцы пользуются этимъ средствомъ сообщенія очень мало, по причинѣ слабости вѣтшинихъ сношеній и близости разстояній внутри Ханства. Только ханскій хлѣбъ, собираемый въ сѣверной полосѣ, перевозится въ Хиву водою, равно какъ соль, добываемая въ нѣкоторыхъ озерахъ Ханства и расположенныхъ на Усть-Ургѣ.

По теченію Аму-Дарьи производится сплавъ кустарника, растущаго въ изобиліи выше Питняка, по берегамъ рѣки. Куницы тоже отправляютъ иногда свои товары въ Бухару по Дарьѣ, бичевою, отъ Ургенча до Ельджика; но вообще караванный способъ перевозки товаровъ предпочитается.

Хивинцы строятъ лодки изъ пирамидальнаго тополя; онѣ плоскодонны и имѣютъ обыкновенно отъ 24 до 36 футовъ въ длину. Число лодокъ въ цѣломъ Ханствѣ можетъ простираться до 400.

IX. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Сельское хозяйство и торговля составляютъ главныя, или, лучше сказать, единственныя отрасли промышленности Хивинцевъ, у которыхъ фабричная и ремесленная производительность до того скудна и стоитъ на столь низкой степенн, что не можетъ вполне удовлетворять даже собственнымъ потребностямъ народа, не смотря на простоту и ограниченность его нуждъ.

А. сельское хозяйство.

Хивинское сельское хозяйство ограничивается хлѣбопашествомъ, садоводствомъ, скотоводствомъ и шелководствомъ; прочія же отрасли земледѣлія не существуютъ въ Ханствѣ.

а. Хлѣбопашество.

Должно отдать справедливость Хивинцамъ въ умѣнн и трудолюбіи, съ которыми они обрабатываютъ свои поля, неблагодарная почва которыхъ, повсемѣстно солонцеватая и песчано-глинистая, мало пріохочиваетъ ихъ къ воздѣлыванію.

Мѣсто, назначенное для пашни, раздѣляется на танапы*; каждый изъ нихъ окапывается съ четырехъ сторонъ неболь-

* Танапъ, хивинская поземельная мѣра, вѣдетъ въ каждомъ боку 30 саж. Одинъ танапъ = 0,375 десят.

пою канавою, которая приводится въ сообщеніе съ ближайшею среднею канавою. Мѣсто для пашни срывается на четверть ниже уровня боковъ канавокъ, его окаймляющихъ, и на немъ, въ замѣнъ назема, расбрасываютъ небольшими кучами землю, взятую около жилья, перемѣшивая ее съ сухою травою, иногда съ золою и даже съ гліною изъ разрушенныхъ строеній, которая, отъ примѣси соломы и постороннихъ веществъ, получаетъ нѣкоторую плодородность*. Потомъ разравниваютъ эти кучки лопатами и напускаютъ воду въ канавки до тѣхъ поръ, пока она покроетъ все приготовленное для пашни мѣсто, на два и болѣе дюймовъ. Когда вода уйдетъ въ землю, и поверхность поля, сохраняя еще нѣкоторую влажность, перестанетъ уже быть топкою, то начинаютъ распашку; потомъ производятъ посѣвъ, по окончаніи котораго боронятъ зубчатою доскою, и потомъ снова напускаютъ воду тѣмъ же способомъ, повторяя этотъ процессъ по указанію надобности.

Въ мѣстахъ, уровень которыхъ нѣсколько выше и гдѣ пониженіе его сопряжено было бы съ большимъ трудомъ, употребляется водоподъемная машина для наполненія канавокъ водою.

Время и число орошеній засѣянныхъ полей зависитъ отъ погоды и преимущественно отъ рода посѣяннаго зерна.

Растенія, разводимыя въ Хивинскомъ Ханствѣ, суть слѣдующія:

1. Хлѣбныя:

Пшеница. Сѣютъ ее всегда раннею осенью, а убираютъ въ началѣ іюня. Землю уваживаютъ тщательно, чѣмъ для всякаго другого хлѣба, и наводняютъ отъ 5 до 6 разъ, до тѣхъ поръ, пока зерно начнетъ наливатьсѣ: тогда орошеніе прекращается. На одинъ танапъ сѣютъ 5 батмановъ **, и снимается въ урожайный годъ отъ 60 до 70. Цѣна батману пшеницы отъ 75 к. до 1 р. асс.

Сарачинское пшено сѣютъ всегда въ началѣ апрѣля, а снимаютъ въ сентябрѣ. Этотъ родъ хлѣба, требуя безпрестанной

* Хивяцы для удобренія землѣ не употребляютъ другого средства уваживанія, по причинѣ весьма ограниченнаго скотоводства; у нихъ главное средство улучшенія землѣ есть сухая трава.

** Батманъ = 1 пуд. 9 фунт.

поливки, разводятся преимущественно тамъ, гдѣ изобилуютъ средства къ орошеніямъ; а именно по системѣ каналовъ: Полванъ-Ата и Шашъ-Абата, и въ окрестностяхъ Ходженли и Кунграда. На одинъ танапъ высѣвають три батмана, собираютъ отъ 70 до 100; цѣна батману отъ 2 до 3 р. 50 к. асс.

Ячмень и *просо* производятся въ маломъ количествѣ, преимущественно въ сѣверной части Ханства, Карапалками и Киргизами. Эти хлѣба сѣютъ въ апрѣлѣ, собираютъ въ началѣ сентября; они большой поливки не требуютъ. Собирается до 20 батмановъ съ танапа; цѣна батману отъ 75 к. до 1 р. асс.

Джугару сѣютъ въ началѣ апрѣля, орошаютъ только два раза послѣ посѣва, и снимаютъ послѣ первыхъ морозовъ, обыкновенно въ концѣ сентября или въ началѣ октябля. На одинъ танапъ сѣютъ $\frac{1}{2}$ батмана и собираютъ отъ 80 до 150; цѣна отъ 75 к. до 1 р. асс. за батманъ. Зерно употребляется въ пищу и вмѣсто овса, а стебель замѣняетъ сѣно для лошадей и другого домашняго скота.

Чечевицу сѣютъ въ маломъ количествѣ въ началѣ апрѣля, а собираютъ, послѣ сарачинскаго пшена, въ концѣ сентября. Она требуетъ не много поливки; съ танапа собирается отъ 20 до 30 батмановъ. Цѣна отъ 1 до 2 р. асс. за батманъ.

Горохъ сѣютъ очень мало и въ одно время съ чечевицею, собирается же онъ нѣсколько ранѣе; поливки требуетъ мало; высѣвають на танапъ $\frac{1}{4}$ батманъ и собираютъ до 5; цѣна 50 к. и 1 р. асс. за батманъ.

2. Фабричныя растенія:

Хлопчатую бумагу сѣютъ въ началѣ апрѣля. Когда растеніе начнетъ подыматься, то въ боковыя канавки, окаймляющія корни, напускаютъ воду въ такомъ количествѣ, чтобъ она не могла наводнять засѣянное мѣсто; это производится одинъ и никакъ не болѣе двухъ разъ въ годъ. Дождливая весна гибельна для растенія; тогда землю перепахиваютъ и засѣваютъ снова. Хлопчатая бумага собирается въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Стебель растенія подымается отъ $\frac{1}{2}$ до 2 аршинъ; на каждомъ стеблѣ отъ 12 до 40 и болѣе круглыхъ орѣховъ, величиною въ діаметръ около $\frac{3}{4}$ дюйма. Орѣхъ этотъ, созрѣвъ, раскалывается на четыре части и доставляетъ около $\frac{1}{3}$

золотника бумаги и 7 сѣмянныхъ зеренъ. Очистка бумаги отъ зеренъ производится небольшою машиною. На одинъ танапъ сѣють отъ 4½ до 5 батмановъ, которые даютъ отъ 20 до 25 чистой хлопчатой бумаги. Цѣна батману отъ 10 до 12 р. асс. Хлопчатая бумага сѣется преимущественно въ южной части Ханства.

Коплю сѣють въ весьма маломъ количествѣ въ сѣверной части Ханства, и единственно для дѣланія веревокъ.

Табакъ сѣють въ маломъ количествѣ; собираютъ до 20 батмановъ съ одного танапа, и продаютъ: низшій сортъ по 15 р., лучшій по 20 р. асс. Бухарскій табакъ предпочитается хивинскому.

3. Красильныя растенія:

Марену сѣють на грядахъ, впуская воду лишь въ промежуточные канавки, безъ наводненія самихъ грядъ. Снимаютъ растеніе на второй и третій годъ; лучшая марена двултняя. На одинъ танапъ сѣють 5 батмановъ и собираютъ съ него отъ 40 до 50; каждый продается по 6 р. асс. Корень употребляется на краску и окрашиваетъ въ хорошій красный цвѣтъ.

Конжутъ сѣють въ началѣ весны и собираютъ въ августъ, не допуская совершенно дозрѣть, чтобы при жатвѣ не было растраты сѣмянъ; по уборкѣ, высушиваютъ его въ снопахъ. Конжутъ не требуетъ болѣе двухъ разъ въ годъ поливки; стебель его не молотятъ, а вытрясываютъ зерно руками. На танапъ сѣють 3 батмана 10 фунтовъ, которые даютъ отъ 20 до 30. Цѣна сѣмени отъ 2 р. 50 к. до 3 р. асс. за батманъ. По выдѣланіи масла, употребляютъ выжимки отъ сѣмянъ на кормъ верблюдовъ и коровъ, и продаютъ ихъ по 50 к. за батманъ.

Ленъ разводится въ весьма маломъ количествѣ въ сѣверной части Ханства, и единственно для масла, употребляемаго въ краску.

5. Огородныя растенія:

Арбузы, дыни, тыквы, морковь, лукъ сѣются на грядахъ и не требуютъ большой поливки. Съ дынь, при хорошемъ урожаѣ, получаютъ съ танапа 10 тиллей и болѣе чистаго барыша, за исключеніемъ домашняго употребленія.

Луговъ Хивинцы не имѣютъ, а въ зимнѣ разводять растеніе, называемое джунучка, которая употребляется вмѣсто дико-растущей травы. Джунучку сѣютъ въ 6 лѣтъ одинъ разъ, и косить по 3 и 4 раза въ годъ. Послѣ джунучки, обыкновенно высѣваютъ на томъ же полѣ пшеницу.

Земледѣльческія орудія употребляются слѣдующія: 1) плугъ съ чугуннымъ, иногда съ деревяннымъ сошникомъ; 2) желѣзная и чугунная лопата, для уравния земли; 3) мотыги и вилы, для уборки джугары; 4) доска съ желѣзными гвоздями, въ родѣ нашей бороны.

Землю пашутъ обыкновенно быками или лошадьми, запряженными по-парно.

Молотильныхъ и вѣяльныхъ машинъ Хивинцы не имѣютъ. Обмолотку хлѣба производятъ лошадьми, заставляя ихъ бѣгать кругомъ столба, около котораго разстилаются снопы, подобно тому, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ нашихъ губерніяхъ.

Количество обработанной земли, состоящей подъ пашнями и садами, простирается, въ цѣломъ осѣдломъ Ханствѣ, по лѣвой сторонѣ Аму-Дарьи, до 700,000 десятинъ, или 1.866,666 танаповъ. Значительная часть воздѣланной земли принадлежитъ хану, его родственникамъ, главнымъ сановникамъ *, прочимъ чиновникамъ, духовенству, медресамъ и торговому сословію. Но принимая въ расчетъ, что въ ихъ исключительномъ владѣніи состоитъ все обработанное пространство по правой сторонѣ Аму-Дарьи, между каналами Шараханомъ и Ельтезеръ-Ханскимъ, можно полагать, что, изъ означеннаго выше количества пашень, 1 милліонъ танаповъ составляетъ принадлежность простаго народа; принимая въ соображеніе итогъ его, приходится съ небольшимъ по 4¹/₂ танапа на душу. Такой результатъ совершенно подтверждаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія, полученные нами изъ многократныхъ разспросовъ, а именно: земледѣлецъ, имѣющій отъ 8 до 10 танаповъ, считается вполнѣ зажиточнымъ хозяиномъ, и многіе Хивинцы пропитываютъ цѣлое семейство, обрабатывая не болѣе одного танапа земли **.

* Нерѣдкій изъ нихъ имѣетъ отъ 2 до 3 тысячъ танаповъ.

** Этому не должно удивляться, припомнивъ чрезвычайную производительность земли, какъ мы это видимъ въ статьѣ о земледѣліи и садоводствѣ.

По незначительности этой пропорции, не должно, однако, заключать о недостаткѣ свободной земли въ Ханствѣ. Одно воззрѣніе на карту осыдой части убѣдитъ въ противномъ; вышеприведенный же результатъ объясняетъ невозможность обрабатывать, средствами одного семейства, большее число танаповъ *, по причинѣ чрезвычайныхъ трудовъ, предстоящихъ всякому земледѣльцу для удобренія и орошенія полей. Сверхъ того, онъ служитъ новымъ доказательствомъ недостатка рукъ въ Ханствѣ: ибо съ многочисленнѣйшимъ народонаселеніемъ, система орошенія могла бы быть приведена въ несравненно лучшее состояніе, и тогда жители не вынуждались бы тѣсниться на пространствѣ, обнимаемомъ к. Полванъ - Ата, который лучшимъ, противъ другихъ каналовъ, устройствомъ, представляетъ болѣе удобствъ для земледѣльцевъ.

б. Садоводство.

Хивинцы разводятъ сады обыкновенно около домовъ и вообще въ малыхъ размѣрахъ; не смотря на то, они получаютъ значительныя выгоды, отъ чрезвычайнаго изобилія плодовъ. Сады всегда окружены высокою глиняною стѣною, имѣющею видъ продолговатаго четверугольника; посреди сада находится бассейнъ, который наполняется водою изъ ближайшей къ нему средней канавы; отъ него же проведены во все направленія сада небольшія канавки для орошенія деревьевъ.

Разводимыя Хивинцами плоды суть слѣдующіе:

Абрикосы пяти сортовъ: хасеки, гукъ, кызыль, нугуль и хандякъ. Все они поспѣваютъ въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, и сборъ ихъ очень обилень: съ одного дерева получается до двухъ батмановъ **. Лучшіе сорта—три послѣдніе, и продаются по 7 р. асс. за батманъ; первые два менѣе уважаются, и цѣна батману ихъ не превышаетъ 3 р. асс.

Сливы четырехъ сортовъ: пивенди или бухарскіе, рагакъ, бегимъ и шербаты; поспѣваютъ въ началѣ іюля и въ августѣ.

* Немногіе изъ небогатыхъ хозяевъ имѣютъ возможность покупать или нанимать работниковъ.

** Мы принимаемъ здѣсь въ расчетъ количество и цѣнность батмановъ уже высушенныхъ абрикосовъ, ибо они иначе не продаются.

Первый сортъ болѣе уважается; изъ него высушиваютъ черносливъ, который хотя разводится въ значительномъ количествѣ, однако мало поступаетъ въ продажу; цѣна черносливу 15 р. асс. батманъ; съ одного дерева получается до 2 батмановъ. Прочіе сорта продаются въ свѣжемъ видѣ и весьма дешево.

Персики трехъ сортовъ: красные, желтые и бѣлые; поспѣваютъ въ августъ. Хивинцы ихъ не сушатъ; съ одного дерева собирается отъ 7 до 9 батмановъ; цѣна батману отъ 1 до 2 р. асс.

Яблоки четырехъ сортовъ: кукъ, ходжа, хармени и клехи. Первые три поспѣваютъ въ концѣ іюня и въ іюль, и не могутъ долго сберегаться; послѣдній въ августъ, и сохраняется всю зиму; третій сортъ похожъ на наши наливные яблоки. Съ одного дерева собирается отъ 4 до 6 батмановъ и продается отъ 1 р. 50 к. до 2 р. асс.; послѣдняго сорта до 5 батмановъ; цѣна каждого до 3 р. 80 к. асс.

Виноградъ десяти сортовъ: халили поспѣваетъ въ іюнь; шимергани (безъ зеренъ) въ началѣ іюля; хусейни въ концѣ іюля; прочіе сорта: маски, хармени, кишъ-миши (безъ зеренъ), али-какули, султани, сахиды и аскери собираются въ августъ и продаются сушеные. Съ одного танапа получается отъ 50 до 60 батмановъ изюму. Цѣна батману отъ 4 до 6 р. асс. Послѣдній сортъ болѣе всѣхъ уважается и платится до 8 р. асс. за батманъ.

Гранаты двухъ сортовъ: трумъ и ширинъ, кислые и сладкія; первая красная, вторая бѣлаго цвѣта; поспѣваютъ въ сентябрѣ. Ихъ разводятъ немного и преимущественно въ ханскихъ садахъ.

Фиги стали недавно разводить въ Хивѣ, и то въ однихъ ханскихъ садахъ.

Айва (квитовое яблоко) употребляется въ пищу, какъ овощъ, и имѣетъ очень пріятный кислосладкій вкусъ; разводится мало. Дерево походитъ на яблоню, но гораздо выше и толще.

Джиди — небольшая ягода, красная и продолговатая, внутри мучная и заключающая въ себѣ много сахарныхъ частицъ. Ее высушиваютъ и употребляютъ вмѣсто муки на конфекты.

Изъ поименованныхъ нами фруктовыхъ деревьевъ, только гранаты, фиги и виноградъ зарываются на зиму; для прочихъ же не принимаютъ никакихъ предосторожностей отъ холодовъ.

Въ случаѣ сильныхъ морозовъ, сборъ плодовъ бываетъ менѣе обилень, но деревья не гибнутъ.

Сверхъ того, въ Ханствѣ разводятся:

Тополь, серебристый и пирамидальный; перваго мало, второю растеть въ изобиліи, составляетъ опушку садовъ и бассейновъ среднихъ канавъ, и достигаетъ до 53 фут. высоты. Изобиліе этого дерева позволяетъ хозяевамъ употреблять его на нѣкоторыя постройки, преимущественно для настилокъ потолковъ въ домахъ и сараяхъ, и для связей между стѣнъ. Лодки тоже строятся изъ тополя.

Тутъ разводится въ большомъ количествѣ около канавъ. Онъ одѣвается листьями ранѣ прочихъ деревьевъ, и первая зелень, употребляемая для корма шелковичныхъ червей, продается довольно дорого, отъ 50 до 75 к. асс. за небольшую связку.

Наруанъ и *караманъ* (родъ вяза); оба одной породы и различаются только тѣмъ, что наруанъ растеть совершенно прямо, весьма красивъ и вѣтвистъ, и даетъ много тѣни; душло стараго дерева достигаетъ 16 футовъ въ окружности, вышина до 37 футовъ. Изъ карамана дѣлаютъ колеса и арбы. Подпоры крышъ и навѣсовъ въ домахъ вытачиваются изъ наруана, въ видѣ колоннъ, украшенныхъ рѣзбою, довольно чистой и мелкой работы. Вышина подобныхъ колоннъ доходитъ иногда до 25 футовъ.

Какъ фруктовыя, такъ и прочія деревья, растущія въ Ханствѣ, оклиматированы въ Хивѣ только посредствомъ тщательнаго удобренія земли и частыхъ орошеній. Туземная же растительность ограничивается саксаульникомъ и колючимъ кустарникомъ разныхъ родовъ; первый покрываетъ многія необработанныя и солонцеватыя полосы Ханства, а другой растеть по бережьямъ Аму-Дарьи. Саксауль употребляется на топливо и даетъ самый жаркій и не скоро гаснущій уголь. Кустарникъ входитъ въ составъ строительныхъ матеріаловъ.

с. Скотоводство.

Совершенный недостатокъ луговыхъ и пастбищныхъ мѣстъ препятствуетъ развитію скотоводства. Въ самомъ дѣлѣ, оно

весьма ограниченно, и составляет самую ничтожную отрасль хивинскаго сельскаго хозяйства.

Въ остьдой части Ханства роды скота суть:

Бараны, киргизской и бухарской породы; послѣднихъ очень мало. Круглый годъ они должны содержаться въ сараяхъ и кормиться стеблемъ джугары; у зажиточнаго хозяина не бываетъ болѣе 10, много 15 головъ.

Рогатый скотъ вообще очень мелкій, слабосильный и обыкновенной породы; держится хозяевами преимущественно для однихъ полевыхъ работъ.

Верблюды, породы одnogорбой, называемой наръ. Они сильны, рослы, поднимаютъ отъ 15 до 18 пудъ тяжести и гораздо ходятъ двугорбыхъ. Ихъ держать весьма немногіе хозяева, производя внутреннюю перевозку своихъ произведеній болѣею частью на арбахъ; для заграничныхъ же отправленій нанимаютъ верблюдовъ у кочевыхъ племенъ.

Ослы употребляются въ упряжь, въ двухъ-колесныя телеги (арбы), и подъ верхъ; они довольно сильны, хотя и малорослы.

Лошади трехъ породъ: киргизскія, карабаиры и аргмаки. Первые малорослы, слабосильны и неуклюжи: онѣ употребляются для полевыхъ работъ и въ упряжь, а подъ верхъ однимъ только небогатымъ сословіемъ. Вторая порода происходитъ отъ помѣси киргизской матки съ аргмакомъ; лошади этой породы крѣпки и довольно статны, вообще на низкихъ ногахъ, широкогруды и съ сильными крестцами; употребляются только подъ верхъ; цѣнятся отъ 20 до 50 тиллъ. Аргмаки суть лошади чистой туркменской породы; отличаются отъ карабаировъ рослостію, тонкостію и легкостію статей; имѣютъ прямые крестцы, въ родѣ арабскихъ лошадей, сухія головы, длинныя и хорошо поставленныя шея, но вообще узкогруды и на высокыхъ ногахъ; однако, не смотря на этотъ недостатокъ, онѣ сильны и выдерживаютъ весьма быстрыя поѣздки, въ ѣздѣ горячи, быстры, поворотливы и замѣчательно крѣпки на ноги. Эти двѣ послѣднія породы лошадей составляютъ предметъ роскоши у Хивинцевъ. Аргмаки цѣнятся отъ 30 до 200 тиллей.

Хивинцы не имѣютъ ни конскихъ заводовъ, ни табуновъ. Аргамаковъ покупаютъ или вымѣниваютъ у Ямудовъ, кочующихъ въ осѣдлой части Ханства и занимающихся ихъ разведениемъ, хотя тоже въ самыхъ малыхъ размѣрахъ; иногда жители Ханства выращаютъ жеребятъ дома, но мало и большею частію случайно. Необходимость кормить лошадей круглый годъ сухимъ фуражемъ не позволяетъ, и достаточному хозяину, имѣть болѣе двухъ, много трехъ аргамаковъ.

Скотоводство различныхъ кочевыхъ племенъ Ханства находится не въ одинаковой степени богатства; мы имѣемъ весьма мало данныхъ, чтобъ сдѣлать о немъ положительные выводы; знаемъ только, что Киргизы, кочующіе на полуостровѣ Бузачи и на побережьяхъ Сыръ-Дарьи, богаты многочисленными стадами барановъ, рогатаго скота и лошадьми. Туркмены, кочующіе около Мервы и Саракса, держатъ болѣе верблюдовъ, имѣя пастбища, преимущественно только для нихъ годныя; число же барановъ рѣдко превышаетъ у зажиточнаго Туркмена 4.000 головъ, между тѣмъ какъ весьма многіе имѣютъ по 200 и болѣе верблюдовъ. Рогатымъ стотомъ и лошадьми простой породы Туркмены бѣдны, по недостатку для нихъ привольныхъ пажитей; аргамаковъ разводятъ съ тщательностію, но въ маломъ количествѣ *. Каракалпаки и Туркмены, кочующіе въ границахъ осѣдлаго Ханства, имѣютъ изрядное скотоводство, состоящее изъ рогатаго скота, барановъ и верблюдовъ, — перваго наиболѣе. Лошадей у этихъ Туркменъ мало; одни Ямуды, какъ сказано выше, разводятъ аргамаковъ для продажи. О при-каспійскихъ Туркменахъ мы не имѣемъ никакихъ, даже приблизительныхъ свѣдѣній.

а. Шелководство.

Шелководствомъ занимаются преимущественно жители южной полосы Ханства; но сколько мы могли замѣтить, не съ большимъ успѣхомъ. Купцы наши не одобряютъ качество шел-

* Одинъ житель Келата сказывалъ намъ, что быль очевидцемъ, какъ Туркмены, собираясь отомстить Келетцамъ за угнанный у нихъ скотъ, не могли набрать 2.000 лошадей для вѣзга, не смотря на то, что число туркменскихъ кибитокъ простиралось до 10.000.

ка, въ особенности окрашеннаго, и почти не закупаютъ его для ввоза въ Россію. Сырецъ продается въ Хивѣ и Н. Ургентѣ отъ 10 до 12 р. асс. за фунтъ.

в. торговля.

а. *Випшля.*

Фабричная промышленность Хивинцевъ состоитъ единственно въ производствѣ издѣлій бумажныхъ и шелковыхъ, самой грубой или непрочной работы; поэтому земледѣльческія произведенія и нѣкоторые другіе сырые матеріалы составляютъ, почти исключительно, все народное богатство Ханства.

Выгодный сбытъ этихъ продуктовъ возможенъ только въ Россію; ибо соседнія съ Ханствомъ азійскія владѣнія сами изобилуютъ ими, требуютъ ихъ мало или не вывозятъ вовсе. Изъ этого очевидно, что торговли Хивинцевъ съ Бухарою не можетъ имѣть большого развитія, а должна, при настоящихъ обстоятельствахъ, всегда ограничиваться незначительными размѣрами, и, сверхъ того, происходитъ на условіяхъ, вовсе невыгодныхъ для Хивинцевъ; ибо при одинаковомъ богатствѣ въ сырыхъ произведеніяхъ, фабричность бухарская несравненно болѣе развита и стоитъ на высшей степени совершенства, чѣмъ въ Хивѣ.

Главные предметы, вывозимые Хивинцами изъ Бухары, суть: зеленый чай, курительный табакъ, китайскій фарфоръ и нѣкоторое количество шелковыхъ и бумажныхъ матерій; въ замѣнъ Хивинцы должны отдавать наличную монету, когда не имѣютъ въ запасъ достаточнаго количества русскихъ товаровъ.

Съ Коканомъ Хива не имѣетъ прямыхъ торговыхъ сношеній, равномѣрно съ Гератомъ и Мешедомъ; хотя караваны изъ Персіи проходятъ чрезъ Мерву, однако почти никогда не останавливаются въ Хивинскомъ Ханствѣ, а слѣдуютъ прямо въ Бухару.

Изъ сказаннаго легко убѣдиться, что единственная и возможная, по крайней мѣрѣ до этого времени, торговля для Хивы, это съ Россіею; ибо снабжая Ханство нашими сукнами, юфтями, чугуномъ, сахаромъ, шелковыми и бумажны-

ми матеріями, и многими другими мануфактурными произведеніями, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, открываемъ ему путь къ выгодному сбыту его сырыхъ матеріаловъ и даже пѣкоторыхъ грубыхъ рукодѣлій *. Хищническая и стрѣломная политика хивинскихъ хановъ, неустройство и беспорядки, долго существовавшіе въ Киргизской Степи, были причиною, что до 1836 года торговля сношенія наши съ Хивою ограничивались, не смотря на давность ихъ, однимъ приходомъ въ Россію небольшихъ хивинскихъ каравановъ, безъ дѣятельнаго съ нашей стороны участія въ этой торговлѣ. Съ 1836 до 1840 года сношенія съ Хивою были вовсе прекращены, и только въ слѣдующемъ году, при возобновленіи ихъ, русскіе караваны стали, въ первый разъ, ходить въ Хиву, а хивинскіе купцы, по собственнымъ словамъ ихъ, начали оживать отъ убытковъ прошлыхъ годовъ.

Выгода нашей торговли для Хивы столь очевидна самимъ жителямъ Ханства, что, по всей вѣроятности, они будутъ теперь болѣе прежняго дорожить этими сношеніями; но остается рѣшить, можетъ ли этотъ торгъ получить значительное развитіе.

Требованія хивинскаго народа, стоящаго на самой низкой степени образованности, весьма ограничены и, вѣроятно, безъ непредвидимо-выгодныхъ обстоятельствъ, долго еще будутъ таковыми. Сверхъ того, между хивинскими купцами нѣтъ капиталистовъ, чтобъ вести, нашими товарами, транзитную торговлю съ сосѣдними азіатскими владѣніями, и слѣдовательно ввозъ нашихъ мануфактурныхъ произведеній въ Хиву долженъ сдерживаться, по этимъ причинамъ, съ незначительнымъ количествомъ ея потребностей.

Съ другой стороны представляется:

1) Что Хива есть ближайшій къ намъ средне-азіатскій рынокъ;

2) Что путь, ведущій къ ней изъ Оренбурга чрезъ Усть-Уртъ, удобнѣе и безопаснѣе прочихъ путей степныхъ, пролегающаго между кочевьями Киргизовъ, болѣе другихъ признающихъ свою зависимость отъ Россіи; изъ Астрахани же русскіе товары приходятъ чрезъ Мангишлакъ, въ 18 и 20 дней;

* Халаты и бязь, раскупаемые Киргизами и полнейшими оренбургскими жителями.

3) Пошлина, собираемая въ Хивѣ съ нашихъ товаровъ, умерена и въ трое менѣе противъ той, какую мы платимъ въ Бухарь, и наконецъ

4) Обхожденіе хивинскихъ таможенныхъ чиновниковъ и вообще всего народа съ нашими купцами пріязнено и довѣрчиво, а не притѣснительно, какъ въ Бухарь.

Изъ этихъ замѣчаній можно вывести заключеніе, что торговля наша съ Хивою, при теперешнихъ обстоятельствахъ, не можетъ имѣть значительнаго развитія, и что для сбыта нашихъ мануфактурныхъ издѣлій необходимы прямыя сношенія съ Бухарою. Но учрежденіе склада русскихъ товаровъ и торговой конторы въ Хивѣ позволить намъ воспользоваться всеми изложенными выгодами, и, въ то же время, отстранить прочія обстоятельства, стѣсняющія развитіе торговли. Сверхъ того, постоянное присутствіе нашего купечества въ Хивѣ укажетъ ему, какъ лучше приспособить торговлю къ требованіямъ всего Турана и огромнаго числа кочевыхъ его племенъ, богатыхъ скотоводствомъ; следовательно откроетъ, въ непродолжительномъ времени, свободный и просторный стокъ нашимъ мануфактурнымъ произведеніямъ. *

* Купцы наши, не успѣвши еще хорошо ознакомиться съ хивинскою торговлею, не извлекаютъ, изъ сношеній своихъ съ Хивою, возможной, даже при настоящихъ обстоятельствахъ, выгоды. За исключеніемъ хлопчатой бумаги, они вывозятъ изъ Ханства, болышею частію, бязь, выбойку и халаты, оставляя почти безъ вниманія марену и кунжутное сѣмя, сбытъ которыхъ въ Россію доставлялъ бы имъ огромные барыши. Марена, получаемая изъ Кавказскихъ областей, преимущественно изъ Дербента, покупается на мѣстѣ по 8 р. сер. или 28 р. асс. пудъ; — въ Хивѣ батманъ, или 1 пудъ 8 фунтовъ, можно купить за 6 р. асс. Если и предположить, что доброты здѣшней марены выше дербентской, то и тутъ огромная разность цѣвъ должна служить порукою за выгоды ввоза въ Россію этого красиваго вещества; но мы имѣемъ причины думать, что она не хуже получаемой изъ Дербента. Прикащикъ купца Пачугава сдѣлалъ первый опытъ, въ концѣ 1842 года, закупивъ въ некоторое количество марены. Есть сомнѣнія, что, по возвращеніи его въ Россію, выгодный сбытъ этого товара подтвердитъ наши слова. Кунжутное сѣмя, изъ котораго выдѣлывается здѣсь, самымъ простымъ и дешевымъ способомъ, масло, превращающее добротойю наше деревянное, не говоря уже о ламповомъ, и одинаково годное какъ для освѣщенія, такъ и для употребленія въ пищу, покупается въ Хивѣ по 5 р. 50 к. асс. 2 батмана или 2 пуда 16 фунт., изъ чего выдѣлывается одинъ батманъ, или 1 пудъ 8 ф., масла. Перевозка, чрезъ степь въ Оренбургъ, а оттуда водою до Нижняго, обойдется въ дорожѣ 5 р. 50 к. асс. съ пуда. Пудъ же ламповаго масла продается внутри Россіи отъ 16 до 20 р. асс.

*

Новый Ургенчъ и Хива суть самые торговые города Ханства, въ особенности первый. Складка русскихъ товаровъ находится въ Хивѣ; но вся закупка туземныхъ произведеній производится въ Н. Ургенчѣ; по окончаніи торговыхъ дѣлъ въ Ханствѣ, наши купцы выступаютъ съ караванами, обратно въ Россію, изъ этого города.

Преобладающіе товары на хивинскихъ базарахъ суть, неоспоримо, русскіе, потомъ бухарскіе; англійскихъ же такъ мало, что они почти не могутъ войти ни въ какой расчетъ. Последнія получаютъ изъ Бухары и не скоро распродаютъ, состоя преимущественно изъ однихъ ситцевъ, довольно дорогихъ, употребляемыхъ только богатымъ сословіемъ, и то въ маломъ количествѣ.

Таможенные постановленія въ Ханствѣ различны для русскихъ, азійскихъ и туземныхъ торговцевъ. Первые, по договору, заключенному съ хивинскимъ ханомъ въ 1842 г., платятъ по $5\frac{0}{8}$ съ настоящей цѣны товаровъ, одинъ только разъ въ годъ, и чрезъ это пользуются весьма выгоднымъ преимуществомъ, дозволяющимъ имъ сдѣлать нѣсколько оборотовъ въ теченіе года, безъ всякаго вторичнаго вноса пошлины. Азіятцы чужихъ владѣній обязаны вносить по $2\frac{0}{8}$ при ввозѣ товаровъ и столько же при вывозѣ. Туземные купцы, отправляясь въ Россію, платятъ за каждаго верблюда съ хлопчатой бумагой, съ бязью и халатами, по $\frac{1}{2}$ тилли съ перваго, по $1\frac{1}{2}$ со втораго и по 2 съ третьяго, и столько же съ того самаго числа верблюдовъ при возвращеніи въ Хиву, не обращая вниманія на свойство и количество привезенныхъ ими изъ Россіи товаровъ. Эта пошлина составляетъ $12\frac{1}{2}\frac{0}{8}$, и учреждена ханомъ Алла-Куломъ недавно, вслѣдствіе тайнаго провоза монеты хивинскими купцами.

d. *Внутренняя.*

Внутренняя торговля въ Хивинскомъ Ханствѣ довольно дѣятельна, по причинѣ значительнаго числа кочевыхъ народовъ, стекающихся на его базары для мѣны скота на нѣкоторые жизненные припасы; но корыстолюбіе хана и злоупотребленія его чиновниковъ стѣсняютъ и эту мѣну отяготительными и произвольными налогами.

Мы заключимъ эту статью изложеніемъ нѣкоторыхъ замѣчаній о хивинской промышленности вообще.

Съ приходомъ русскаго каравана въ Хиву, въ 1842 году, настала для хивинскаго народа новая эпоха.

До сихъ поръ ограниченность внутреннихъ требованій Ханства и ничтожность внешнихъ вывозовъ сырыхъ матеріаловъ и земляныхъ произведеній его не только не содѣйствовали расширенію круга земледѣльской дѣятельности, но постоянно заключали ее въ тѣсныя предѣлы одной необходимости.

Треть земли Ханства лежитъ не обработанною, по недостатку сбыта сельскихъ произведеній.

Между тѣмъ, климатъ Хивы и распространенная тамъ система орошеній благопріятствуютъ разведенію многихъ южныхъ растений, о торговой пользѣ которыхъ жители не имѣютъ до сихъ поръ понятія. Поверхность и недра Ханства заключаютъ въ себя многіе новые источники народнаго богатства, на которое хивинское правительство смотритъ съ жалкимъ равнодушіемъ невѣжества. Аральское Море, Аму и Сырь изобилуютъ красною рыбою; по всѣмъ вѣроятностямъ, горы Шенхъ-Джели хранятъ металлическіе рудники; въ камышахъ сѣверной части Ханства водятся, въ безчисленномъ множествѣ, фазаны; лисы и барсы находятся въ изобиліи на всей его поверхности. Но несмѣтливые и притѣсненные своимъ собственнымъ правительствомъ Хивинцы оставляли доселѣ безъ вниманія и употребленія эти источники богатыхъ и вѣрныхъ промысловъ. Должно надѣяться, однако же, что причины къ пробужденію народной дѣятельности не замедлятъ явиться.

У ПРАВЛЕНІЕ.

Хивинское Ханство не имѣетъ никакихъ административныхъ подраздѣленій. Хотя Кунъ-Беги и Мяхтеръ завѣдуютъ, первый сѣвѣрною, а второй южною полосою Ханства; однако власть этихъ сановниковъ односторонна, относясь только до сборовъ податей и закята въ означенныхъ полосахъ, отдѣляющихся одна отъ другой теченіемъ канала Шахъ-Абата. Въ каждомъ городѣ Ханства хотя и поставленъ начальникъ, завѣдующій городскими и окрестными жителями; но кругъ дѣятельности его огра-

личивается однимъ слабымъ полицейскимъ надзоромъ и разбирательствомъ самыхъ ничтожныхъ дѣлъ.

Судопроизводство и власть исполнительная принадлежать собственно одному хану. Всѣ дѣла тяжбы и уголовныя поступаютъ прямо къ нему, не проходя ни чрезъ какія инстанціи, производятся имъ всегда словесно и рѣшаются не на основаніи коренныхъ законовъ, которыхъ нѣтъ, но по собственному его произволу, или по внушеніямъ приближенныхъ, когда они принимаютъ участіе въ прикосновенныхъ къ дѣлу лицахъ. Въ случаяхъ, нѣсколько запутанныхъ, ханъ отсылаетъ челобитчика и обвиненнаго къ старшему казы, первому духовному лицу въ Ханствѣ, который къ обстоятельствамъ дѣла прилагаетъ, по возможности, изреченія Корана и на этомъ основываетъ свое мнѣніе. Если же въ догматахъ исламизма нельзя приискать чего-либо примѣняемаго къ разсматриваемымъ обстоятельствамъ, то предлагаютъ обвиненному присягу, и признаютъ его виновнымъ, когда онъ оправдается ею. Свидѣтельство постороннихъ лицъ принимается въ уваженіе, но не всегда, ибо и на этотъ предметъ нѣтъ основныхъ постановленій. Приговоръ казы обыкновенно утверждается ханомъ безъ перемѣны и немедленно приводится въ исполненіе.

Чтобы нѣсколькими словами опредѣлить духъ и свойство хивинскаго судопроизводства, а равно и то вліяніе, которое оно должно имѣть на народную нравственность, мы присовокупимъ, что самое маловажное воровство нерѣдко наказывается смертію, между тѣмъ какъ уголовный преступникъ, убійца, часто избавляется отъ казни, заплативши истцу известную сумму денегъ, что возвращаетъ преступнику всѣ права гражданства.

Можно сказать, что въ хивинскомъ уложеніи существуетъ только одинъ основной законъ: онъ состоитъ въ томъ, что за преступленія — Суннитовъ вѣшаютъ, а Шинтовъ сажаютъ на колъ, такъ что этому роду казни подвергаются только Персіяне — одни, въ цѣломъ Ханствѣ, принадлежащіе къ этой сектѣ.

Управленіе кочевыми племенами, находящимися въ предѣлахъ осѣдой части Ханства, возложено на особыхъ чиновниковъ, съ предоставленіемъ имъ права казни по ихъ собственному усмотрѣнію. Этимъ правомъ пользуются: начальникъ сыр-

дарьгенскихъ Киргизовъ и правитель Туркменъ, кочующихъ около Мервы. Такое уполномочіе влекло бы за собою большія злоупотребленія, если бы означенные начальники не опасались слишкомъ часто пользоваться своею властію, зная изъ опыта, * что племена, имъ подвѣдомственныя, не разъ отомщали смертію за казни своихъ однородцевъ. Притомъ же они не имѣютъ при себѣ никакой охранительной стражи; почему исполнительная власть ихъ нерѣдко встрѣчаетъ сопротивленіе.

Въ Хивѣ нѣтъ особеннаго тюремнаго замка; обвиняемые содержатся подѣ стражею въ ханскомъ дворцѣ, и не долго ждутъ приговора хана, такъ какъ ханъ безъ проволочекъ, не ожидая приведенія дѣла въ ясность, рѣшаетъ, большею частію, по самымъ ничтожнымъ уликамъ.

Мѣсто казни находится передъ дворцемъ ханскимъ и на базарной площади.

XI ФИНАНСЫ.

Источники доходовъ хивинскаго хана слѣдующіа:

- 1) Подать съ земли (салгытъ);
- 2) Закатъ съ кочевыхъ племень;
- 3) Сборъ хлѣба съ земель, принадлежащихъ хану;
- 4) Пошлина съ товаровъ;
- 5) — съ лавокъ во всемъ Ханствѣ;
- 6) — съ продающагося, на базарахъ, скота;
- 7) Отдача ханскихъ садовъ на откупъ.

Подать съ земли собирается съ Сартовъ, Узбековъ, Каракалпаковъ, Персіянъ, освобожденныхъ отъ рабства, и съ тѣхъ Туркменъ, которые, кочуя въ предѣлахъ заселенной части Ханства, обзавелись хлѣбопашествомъ, — всего приблизительно съ 56,000 домовъ, или кибитокъ. Съ cadaго дома взимается отъ $\frac{1}{3}$ до 3 тиллей, * смотря по достатку хозяевъ. Итогъ этой подати составляетъ ежегодно до 100,000 тиллей, или полтора милліона р. асс.

* Два предмѣстника пытывшаго правителя Мервы были убиты Туркменами; ханъ указалъ ихъ слабо.

** Одна тилля содержитъ въ себѣ 15 р. асс. на наши деньги.

Закрытомъ съ кочевыхъ племенъ, или сборомъ сороковой части ихъ скотоводства, обложены Каракалпаки, Киргизы и весь Туркмены, не исключая тѣхъ, которые кочуютъ въ предѣлахъ оспадной части Ханства. Закрыть собирается не скотомъ, а деньгами: съ верблюдовъ, лошадей и рогатаго скота по 5 тиллей съ сорока головъ, и по 10 аббазъ съ сорока барановъ. Определить съ точностію сумму ежегоднаго закрыта невозможно; но какъ онъ составляетъ одинъ изъ главныхъ источниковъ ханскихъ доходовъ, то мы полагаемъ, что онъ простирается до 1 милліона р. асс.*

Сборъ хлѣба съ земель, принадлежащихъ хану. Ханскія земли отдаются ежегодно въ распашку, подъ условіемъ, чтобы третье зерно поступало въ ханскія житницы. Количество этого хлѣба простирается до 150,000 батмановъ** и составляетъ по среднимъ цѣнамъ, 150,000 р. асс. въ годъ.

Пошлина съ товаровъ взимается: съ Азіятцевъ по 2% съ привезенныхъ и столько же съ вывезенныхъ товаровъ; съ русскихъ купцовъ берется единожды въ годъ 5%. Полагая, по примѣру 1842 года, что сумма привезенныхъ и вывезенныхъ товаровъ простирается до 700,000 р. асс., получимъ таможеннаго сбора до 35,000 р. асс. въ годъ.

Пошлина съ лавокъ. Лавки во всѣхъ городахъ Ханства суть собственность хивинскаго правителя, и отдаются въ наймы отъ 1 до 6 тиллей въ годъ, смотря по величинѣ и близости ихъ къ базарному мѣсту. Общій сборъ съ лавокъ въ г. Хивѣ простирается до 1,500 тиллей; полагая такое же количество въ Н. Ургенчѣ, и, круглымъ счетомъ, по 50 тиллей въ прочихъ городахъ и базарныхъ мѣстахъ, получимъ всего 50,000 р. асс.

Пошлина съ продаваемого на базарахъ скота взимается: съ барана 25 к., съ лошади и рогатаго скота 2 р., съ верблюда 4 р. асс. Для этого сбора определены особливые чиновники, въ вѣдѣніи которыхъ находятся по нѣскольку базаровъ. Хива, Ургенчъ, Гурленъ и еще 6 базарныхъ мѣстъ состоятъ въ зависимости, по этому сбору, отъ диванъ-бегія. Опре-

* Аббазъ = 1 р. асс.

** Распросное свидѣніе.

дѣлать этотъ сборъ невозможно. Хотя онъ отяготителенъ для народа, однако не долженъ приносить большого дохода хану; ибо дѣйствіе сборщиковъ не контролируется: они могутъ безответственно удерживать часть сбора въ свою пользу.

Отдача ланскихъ садовъ на откупъ приносить ему ежегодно до 50,000 р. асс. Этотъ расчетъ основанъ на томъ, что у хава собственныхъ садовъ до 38; за исключеніемъ немногихъ, всѣ отдаются на откупъ, и плата за нихъ отъ 80 до 250 тиллъ; принимая среднюю цѣну найма 165 тиллъ, получимъ указанное число.

Итакъ всѣ статьи ханскихъ доходовъ составятъ въ годъ до 2.785,000 р. асс.

Если прибавимъ къ этой суммѣ: 1) денежный сборъ на перевозахъ по Аму-Дарьѣ, гдѣ взимается съ каждаго верблюда, навьюченного товаромъ, по 1 р. 50 к., а съ порожняго 75 к.; 2) акцизъ, по 8 тиллей, съ каждаго танапа, засѣянаго табакомъ; 3) ежегодный денежный подарокъ въ 1,000 тиллей, платимый Каракалпаками; 4) пошлину съ продаваемого скота на базарахъ и 5) подарки, получаемые ханомъ отъ чиновниковъ, въ видѣ непремѣнной обязанности: то годовой доходъ хана можно будетъ опредѣлить въ 3 милліона р. асс.

Постоянныхъ значительныхъ расходовъ хивинскій ханъ не имѣетъ. Главнѣйшія же издержки его составляютъ:

1) Жалованье войску во время похода, по 5 тиллъ каждому всаднику. Принимая въ расчетъ наибольшую численность войска, т. е. 15,000 человекъ, мы получимъ 75,000 тиллей жалованья, или 1.125,000 р. асс.

2. На подъемъ во время войны главнымъ чиновникамъ отпускается до 1.000 тиллей или 15,000 р. асс.

2) Вознагражденіе за палыхъ лошадей, во время похода. 5 тиллъ за каждую.

4) Подарки сукошными и парчевыми халатами, по окончаніи войны, составляютъ до 25,000 р. асс., согласно съ расходомъ, который по этому предмету былъ сдѣланъ по возвращеніи Алла-Кули-Хана, въ 1812 году, изъ Бухары.

Общая сумма расходовъ по вышензложеннымъ статьямъ составитъ, съ вознагражденіями за упалыхъ лошадей, не болѣе 1.170,000 р. асс., изъ которыхъ часть выдается не деньгами.

а зерномъ изъ ханскихъ житницъ; при чемъ, для соблюде-
нія экономіи, прибѣгаютъ даже къ наглымъ обманамъ.*

5) На содержаніе медресъ идетъ сборъ пшеницы съ лавокъ въ
г. Хивѣ, составляющій 4,500 тиллей, или 22,500 р. асс.

6) Содержаніе ханскаго дома заключается въ ежедневномъ
отпускѣ: 2 батмановъ пшеничной муки, 2 батмановъ сарачин-
скаго пшена, 4½ батмана баранины и 10 фунтовъ кунжутнаго
масла, на пицу и освѣщеніе, что составитъ до 5,000 р. асс.
въ годъ.

Такъ какъ большая часть ханскихъ расходовъ не постоян-
на, то и не можетъ быть опредѣлена годовою нормальною смѣ-
тою. Но чтобы дать приблизительное понятіе объ его казнѣ,
мы представимъ сравнительный расчетъ его доходовъ и рас-
ходовъ за послѣднее десятилетіе.

Доходъ за 10 лѣтъ:

Считая въ годъ по 3 милліона 30,000,000 р. асс.

Расходъ за 10 лѣтъ:

a) Совершенные въ этотъ періодъ восемь походовъ, считая по 4 милліону каждый	8,000,000	—	—
b) Содержаніе медресъ	225,000	—	—
c) вспоможеніе	28,000		
Ямшидамъ, пригнаннымъ, въ прошломъ году, изъ-подъ Герата, по 5 батмановъ пшеницы каждому, или по 5 р.	140,000	—	—
d) Содержаніе ханскаго дома	50,000	—	—
e) Экстраординарныхъ расходовъ на 50,000 въ годъ	500,000	—	—

итого 8.915,000 р. асс.

По этому расчету окажется, что ханская казна содержитъ
въ себѣ съ небольшимъ 24 милліонъ рублей ассиги. **
Мы не полагаемъ однако, чтобы и такая сумма находилась въ

* Примѣшиваются песокъ и зола для увеличенія веса.

** Плянный Персидецъ рассказывалъ намъ, что оныя года два тому назадъ,
пробѣтывалъ комнаты, гдѣ хранятся ханскія богатства, и, передвигая сундуки,
замѣтилъ только четыре тяжелыхъ, такъ что ихъ поднимали не мѣнее 6 человекъ;
онъ заключилъ изъ этого, что въ нихъ содержатся слитки золота и серебра.
Вычеканенная монета хранится тоже въ ханскомъ дворцѣ, но особливо, и состо-
ить въ видѣнн одвого чинаованка.

наличности въ его сундукахъ, зная недобросовѣстность чиновниковъ, чрезъ руки которыхъ проходятъ эти доходы, и понимая, какъ легко этимъ чиновникамъ удовлетворять свою алчность и корыстолюбіе, за отсутствіемъ всякаго административнаго порядка.

Въ заключеніе этой статьи, прилагаемъ означеніе курса золотой, серебряной и мѣдной монеты, обращающейся въ Хивинскомъ Ханствѣ въ 1842 году.

Золотая, серебряная и мѣд- ная хивинская монета.	По установленному постоян- ному курсу 3 р. 50 к. асс. на серебряный рубль.
Золотая тилля	15 р. асс.
Серебряныя: сичерикъ или акъ-тенга	75 к.
— кара-тенга	50 —
Мѣдная пуль	2 —

Аббазъ, шай и ярымъ-шай суть именовательныя монеты: первый равняется нашему ассигнаціонному рублю, второй и третій 25 и 12½ копеекъ мѣдью. Тилль почти нѣтъ въ обращеніи, что доказываетъ недостатокъ золота въ казнѣ ханской.

СВѢДѢНІЯ

О ДИКОКАМЕННЫХЪ КИРГИЗАХЪ*.

По народному преданію, земли, занимаемыя нынѣ Черными Киргизами, были прежде обитаемы татарскими (ногайскими) племенами, жившими здѣсь осѣдло. Въ доказательство приводятъ развалины древнихъ укрѣпленій, слѣды которыхъ видны и нынѣ. Нѣкоторые изъ Черныхъ Киргизовъ выводятъ свое происхожденіе отъ Ногаевъ; другіе увѣряютъ, что родоначальникъ ихъ, Киргызбай, съ двумя сыновьями, Атыгенемъ и Тогаемъ, и многими подвѣдомственными ему родами, удалился отъ притѣсненій ногайскихъ старѣйшинъ, Манаса и сына его Саметя, съ береговъ Или, въ горы, лежащія на югъ. Старшій изъ сыновей Киргызбая овладѣлъ землями по вершинамъ рѣкъ: Аму-Дарьи, Сыръ-Дарьи и другихъ не столь значительныхъ, протекающихъ по Кашкаріи; младшій, съ подвѣдомственными ему родами, занялъ озеро Иссыкъ-Куль и его окрестности.

Всѣ поколѣнія Дикокаменной Орды называютъ себя Киргизами; Кара-Киргизами, то-есть Черными Киргизами, называютъ ихъ прочія орды и близкіе сосѣди, какъ напримѣръ: Кокандцы, Кашкардцы и даже Китайцы; Дикокаменными же называли ихъ Русскіе.

Политическое состояніе Орды.

Незначительное число Черныхъ Киргизовъ, кочующихъ въ горахъ близъ Каратигена и Кашкаріи, считаютъ себя поддан-

* Доставлены отъ г. Генералъ-Губернатора Западной-Сибиріи.

ными Китаю; всл. затѣмъ, Орда до 1843 г. платила дань кокандскимъ ханамъ; но, послѣ умерщвленія, въ 1842 году, Бухарцами Махамедъ-Али-Хана и возникшихъ въ Кокандѣ безпорядковъ, главные роды Черныхъ Киргизовъ, кочующіе въ окрестностяхъ Иссыкъ-Куля, признали себя независимыми, подъ видомъ познанія, кому повиноваться, и выгнали Кокандцевъ изъ небольшихъ укрѣпленій, устроенныхъ на рѣчкахъ Караколъ, Баскауитъ и Конуръ-Уленъ, для содержанія военныхъ постовъ, силою, отъ 40 до 60 человекъ, въ видахъ обезпеченія торговыхъ каравановъ и содѣйствія чиновникамъ въ сборѣ ясака.

Раздѣленіе и управленіе.

Вся Черная Орда дѣлится на многіе роды и отдѣленія; главнѣйшія изъ нихъ: Богу, Сары-Багышъ, Султы и проч. Каждый родъ и отдѣленіе управляются манапами, избираемыми большинствомъ народа; хотя достоинство это не есть наследственное, но передается преимущественно сыновьямъ и другимъ родственникамъ выбывшаго манапа, если богатство и личныя достоинства внушаютъ къ нимъ уваженіе.

Число жителей.

Число жителей Черной Орды неизвѣстно и исчисленія самихъ Киргизовъ только приблизительны. Манапы: Урманъ, Джантай и Джанкарачъ, изъявившіе, въ 1847 году, желаніе поступить въ подданство Россіи, считаютъ подвѣдомственныхъ имъ Киргизовъ до 40,000 юрть; у манапа же Буромбая, управляющаго родомъ Богу, полагаютъ до 10,000 юрть и 100,000 лошадей.

Границы.

Обыкновенно на картахъ означаютъ границы Дикокаменной Орды снѣжными хребтами, окружающими озеро Иссыкъ-Куль; но Киргизы не признаютъ этихъ предѣловъ и кочуютъ безпрепятственно отъ озера Иссыкъ-Куля на востокъ до китайской пикетной дороги (изъ Кульджи въ Аксу), на югъ до независимыхъ мелкихъ владѣній Бадахшана и Каратигена, на западъ до Коканда и Ташкента, а на сѣверъ до высоты горъ Кунги-Дла-Тау и по вершинамъ рѣчки Чарына.

Горы.

Небольшое пространство, занимаемое Дикокаменной Ордою, перерезывается, въ разныхъ направленихъ, горными, нерѣдко снѣжными хребтами, составляющими на сѣверѣ отрасли Белуртага.

Первал снѣжная цѣпь, отдѣляющая отъ Кашкаръ-Давана, устремляется на сѣверъ; огибаеть одну изъ вершинъ рѣки Аму-Дарьи, называемую *Алай*, гдѣ извѣстна подъ именемъ Теректы-Даванъ; потомъ тянется на востокъ и, развѣтвляясь, принимаетъ различныя названія отъ омывающихъ подошвы ея рѣкъ, какъ-то: Тонъ-Бурунъ, Тоннъ-Тау, Теректы-Тау и Когуртыкъ-Тау.

Вторая снѣжная вѣтвь, называемая вообще *Киргизынь-Ала-Тау*; устремляется на западъ также подъ разными названіями: Кетмень-Тюбе, Карабура, Кендырь-Тау, Боролдай, и оканчивается горами Кара-Тау, близъ города Акмечети; къ востоку вѣтвь эта, по соединеніи съ горами Кунги-Ала-Тау, дѣлится на многія отрасли, огибающія вершины рѣки Или, называемыя общимъ именемъ *Музарды-Даванъ* (ледяной хребетъ); одна изъ этихъ отраслей даетъ начало семи рѣкамъ, и извѣстна подъ именемъ Ала-Тау (пестрыхъ горъ).

Третія цѣпь Кунги-Ала-Тау соединяется къ востоку, на вершинахъ рѣчки Туиъ, съ кряжемъ Киргизынь-Ала-Тау, а на западѣ оканчивается незначительными холмами, составляющими правый берегъ рѣки Чу.

Склоны, идущіе по разнымъ направленіямъ отъ главныхъ хребтовъ, иногда покрываются снѣгомъ, но льтомъ составляютъ самыя роскошныя пастбища и доставляютъ пріятное убѣжище отъ зноя.

Въ особенности замѣчательны южныя покатоности хребта Киргизынь-Ала-Тау, называемыя общимъ именемъ *Сырты*, или *Сары-Язъ*, гдѣ, даже въ продолженіе всей зимы, кочуютъ многія поколѣнія Черныхъ Киргизовъ.

Всѣ исчисленныя снѣжныя кряжи имѣютъ горныя проходы, или пониженія, называемыя *Асу*; въ этихъ пониженіяхъ снѣгъ выпадаетъ мелкій, скоро растаиваетъ, и потому представляется возможность переѣзжать хребты во всякое время года, даже съ тяжелыми вьюками.

Озера.

Средоточіе земель независимыхъ Черныхъ Киргизовъ составляетъ озеро Иссыкъ-Куль (теплое), лежащее на обширной долинѣ, окруженной снѣжными хребтами Кунги и Киргизынь - Ала - Тау. Иссыкъ - Куль изобилуетъ рыбою, окружено весьма плодородною мѣстностью, орошаемою множествомъ рѣчекъ, поросшихъ лѣсами и кустарниками. Огражденное со всехъ сторонъ снѣжными горами, Иссыкъ-Куль представляетъ надежное убѣжище своимъ дикимъ обитателямъ, и, по качеству земель, представляетъ наибольшія удобства для зимнихъ кочевьевъ. *Теплымъ* оно названо потому, что никогда не замерзаетъ. Окружность его полагають до 450, длину до 200, а самую большую ширину до 80 верстъ. Берега имѣетъ низменные, песчаные и частію болотистые, поросшіе камышами. Вода озера весною и лѣтомъ мало годна къ употребленію, а осенью и зимою принимаетъ дурной запахъ; притомъ она горька и вредна для здоровья. Глубина озера неизвѣстна, но полагають ее значительною. Многіе рассказываютъ, будто бы часть восточнаго берега Иссыкъ-Куля, во времена Ногаевъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими ихъ селеніями, на значительное пространство обрушилась въ озеро, чѣмъ стараются объяснить дурное свойство воды. Впрочемъ, мнѣніе объ обрывѣ берега и гибели ногайскихъ селеній имѣетъ нѣкоторое основаніе: озеро, послѣ сильныхъ бурь, выбрасываетъ на берега разныя принадлежности домашняго быта; такъ, въ числѣ другихъ, въ 1842 году, на южную сторону озера, не далеко отъ мыса Кара-Бурунь, выкинуло волнами огромной величины мѣдный котель, который былъ отобранъ кокандскимъ чиновникомъ и отправленъ ко двору; въ прошлое лѣто, на сѣверномъ берегу озера, близъ устья рѣчки Аксу, найденъ, послѣ бури, другой котель, меньше перваго, который и теперь хранится у Черныхъ Киргизовъ поколѣнія Сары-Багышъ.

Рѣки.

Въ озеро Иссыкъ-Куль впадаютъ множество рѣчекъ, вытекающихъ изъ горныхъ хребтовъ, изъ которыхъ самая большія отъ 70 до 90 верстъ длиною. Теченіе ихъ вообще быстрое; дно каменистое; берега въ вершинахъ крутые и скалистые; порос-

шіе еловымъ лѣсомъ; персправы удобныя въ бродъ, во всякое время года.

Весною въ нихъ бываетъ очень много рыбы, которую Киргизы бьютъ палками и ловятъ мѣтками, спитыми на подобіе палатокъ. Главныя изъ этихъ рѣчекъ: Тупь, Иргаланъ, Караколь, Иртыкъ, Кызыль-Су. Ювки или Зоувки, Баскаунъ, Джитмугузъ, Шарчмакъ. Топъ, Конуръ-Улень, Аксу и другія. Изъ нихъ Иргаланъ и Кызыль-Су имѣютъ въ вершинахъ горячіе ключи, называемые арасаными. Рѣчка Ювки замѣчательна главными караванными путями, идущими чрезъ ея вершины въ Кашкарію и Кокандъ; на правой ея сторонѣ построены въ 1843 году курганъ * изъ глины съ бѣйницами, называемый *Кызыл-Уигуръ*, главнымъ правителемъ отдѣленія Богу. Буромбаемъ Бекмуратовымъ. для защиты каравановъ отъ грабежей и для сохраненія своего имущества, въ случаѣ нападеній Сара-Балышевъ, враждующихъ съ отдѣленіемъ Богу. Во внутренности кургана помѣщается до 40 юртъ, для складки зерноваго хлѣба, собираемаго ежегодно. Караваны, идущіе по этой дорогѣ въ Кошкаръ и другіе города, выпрашиваютъ подарками у Буромбая по нѣсколько вооруженныхъ людей, для сопровожденія ихъ и защиты при нападеніи Барантачей.

На различныхъ рѣчкахъ, впадающихъ въ Иссыкъ-Куль, построено Киргизами до 25 водяныхъ мельницъ.

Изъ сѣверныхъ покатоствъ снѣжнаго хребта Киргизынь-Ала-Тау вытекаетъ замѣчательная, по своей величинѣ, рѣка Чу, которая составляется изъ рѣчекъ Кошкаръ-Су, Джумгалъ-Шамси и Каракочира. Рѣка эта, разсѣкая снѣжный хребетъ, принимаетъ въ себя съ правой стороны небольшую рѣчку, вытекающую изъ озера Иссыкъ-Куля и называемую *Кутемалды*. Теченіе Чу въ вершинахъ очень быстрое, берега и русло каменисты; ниже она изливается по песчаной долинѣ, и имѣетъ воду всегда мутную. Изъ рыбъ водятся въ ней: сомы, сазаны, судаки и другія.

По лѣвую сторону рѣки Чу находятся два кокандскія селенія: Токмакъ-Курганъ и Пишпекъ; первое расположено въ 250, а послѣднее въ 350 верстахъ отъ вершинъ. Въ Пишпекъ ежегодно, весною и осенью, приходитъ отрядъ Кипчаковъ,

* Небольшое укрѣпленіе.

для сбора дани съ Киргизовъ Черной и Большой Орды, кочующихъ по близости. Постоянный гарнизонъ въ этомъ селеніи незначителенъ, но сильнѣе другихъ нѣсколькими десятками чело-вѣкъ. Увѣряють, что въ прошлое лѣто отрядъ Кипчаковъ, собранный въ Пишпекъ, состоялъ изъ 10,000 всадниковъ, съ нѣсколькими орудіями, возимыми на верблюдахъ. Песчаные берега Чу начинаются отъ с. Пишпека; длину рѣки полагають около 900 верстъ.

Рѣка Таласъ вытекаетъ изъ снѣжнаго хребта, отдѣляющаго эту рѣку отъ Чу, тремя вершинами, называемыми Уч-Кошъ-Сай. На лѣвомъ ея берегу, близъ снѣжныхъ горъ, въ 75 верстахъ отъ вершинъ, построено Кокандцами укрѣпленіе, называемое Аувліе-Та, гдѣ помѣщается небольшой гарнизонъ, для наблюденія за Черными Киргизами и охраненія отъ ихъ нападеній каравановъ, идущихъ въ Кокандъ и другіе города Ташкеніи. Таласъ быстро изливается съ горъ, и, пройдя песчаныя степи, впадаетъ въ озеро Каракуль.

Рѣка Чирчикъ, вытекая изъ снѣжнаго хребта Кетменъ-Тюбе, имѣетъ направленіе на западъ. Близъ ея вершинъ, на лѣвомъ берегу, построены Кокандцами небольшой курганъ, для охраненія караванныхъ путей и для сбора закята съ кочующихъ Киргизовъ. Говорять, что рѣка эта содержитъ золотосодержащіе пески, и что Ташкенцы добываютъ золото коврами, погружая въ воду противъ ворсы.

Рѣка Сыръ-Дарья беретъ начало изъ юго-западныхъ накатостей снѣжныхъ горъ, и составляется изъ трехъ рѣкъ: *Нарына*, *Чулишана* и *Ума*. Первая, вытекая многими ключами, называемыми *Таригай*, изъ горъ Киргизынъ-Ала-Тау, не далеко отъ Иссыкъ-Куля, имѣетъ направленіе на западъ; теченіе ея такъ быстро, что, на соединеніи караванныхъ путей, выше кокандскаго кургана *Куртка*, въ 110 или 120 верстахъ отъ вершинъ, чрезъ нее перекинуть бревенчатый мостъ, впрочемъ мало-надежный для переправы значительныхъ тяжестей. Длина Нарына около 450 верстъ; ширина доходитъ до 450 сажень; вершины изобилуютъ строевымъ лѣсомъ, а ниже по теченію, Киргизы имѣють большія пашни. Гулишанъ вытекаетъ изъ снѣжныхъ хребтовъ *Тонъ-Бурунъ* и *Тоинъ-Тау*, идетъ также прямо на западъ и, близъ города *Уша*, соединяется съ тре-

тѣю вершиною *Ушъ*, а не доходя до города *Намангана* 15 верстѣ, соединяется съ *Нарыномъ*, откуда и получаетъ общее названіе *Сыръ-Дарья*. Длина *Гулишана* до 260 верстѣ; ширина до 150 сажень; теченіе весьма быстро; дно каменистое.

Берега *Гулишана* и *Нарына* круты и бесплодны; долины по теченію ихъ глинисты и хлѣбородны. Во всѣхъ почти селеніяхъ, лежащихъ по этимъ рѣкамъ, переправляютъ на лодкахъ, за опредѣленную плату; въ частяхъ ненаселенныхъ, переправы содержатъ Черные Киргизы.

Рѣка Кара-Дарья, изливающаяся по *Кашкарин*, составляетъ изъ двухъ вершинъ: рѣчки *Тюмень-Су*, текущей чрезъ городъ *Кашкаръ*, и рѣчки *Аксу* — чрезъ городъ того же имени. *Аксу* необыкновенно быстра; не имѣетъ бродовъ; русло завалено огромными камнями, и отъ того неудобно для плаванія. *Тюмень-Су* въ вершинахъ имѣетъ броды; выше города *Кашкара* выставлено на ней, для наблюденія за караванами, два пикета: одинъ китайскій, а другой кокандскій; разстояніе между ними не болѣе 15 верстѣ.

Съ лѣвой стороны въ *Тюмень-Су* впадаетъ рѣчка *Астынь-Артышъ*; на ней расположенъ городъ *Артышъ* (*Азретъ-Султанъ*), а близъ устья селеніе *Мараль-Баши*, замѣчательное сосредоточеніемъ здѣсь, въ 1847 и 1848 годахъ, китайскихъ войскъ, противъ возмущившихся кашкарскихъ ходжей, и одержанною Китайцами побѣдою. Селеніе это расположено на дорогѣ изъ *Аксу* въ *Кашкаръ*; по свойству его мѣстоположенія, искусственнымъ наводненіемъ обширной долины можно препятствовать движенію непріятельскаго отряда въ *Кашкаръ*. Изъ притоковъ рѣчки *Аксу* замѣчательнѣйшіе: съ правой стороны рѣчка *Какшалъ*, при которой построены городъ *Турпанъ* (*Учь-Турпанъ*); съ лѣвой рѣчка *Музардъ*; по ея теченію расположено 6 китайскихъ пикетовъ, въ направлевіи изъ *Кульджи* къ *Аксу*.

Берега *Аксу* каменисты, утесисты и почти до самаго устья чрезвычайно высоки; напротивъ, по теченію рѣчки *Тюмень-Су*, мѣстность болѣе ровная, глинистая и мѣстами солонцоватая; переправы устроены на лодкахъ.

Изъ сѣверныхъ покатостей сѣжнаго хребта *Кунги-Ала-Тау* вытекаютъ рѣчки: *Чиликъ*, *Торгонъ*, *Талгаръ*, *Учь-Алматы*, *Каскеленъ* и *Курту*; изъ горъ - *Текесъ-Тау*, *Чарынъ* съ прито-

ками и Текесь. Вся оны имѣють направленіе съ юга на сѣверь (исключая Текеса), и впадаютъ въ рѣку Илю съ лѣвой стороны. Въ вершинахъ ихъ растутъ еловые лѣса и фруктовые деревья: урюкъ * и виноградъ въ дикомъ состояніи; воды ихъ изобилуютъ рыбою, а долины сѣнокосными лугами; дно рѣчекъ каменистое; берега въ вершинахъ скалисты, въ среднихъ и нижнихъ частяхъ болѣе низменны; переправы въ бродъ встрѣчаются во всякое время года. Отъ устья рѣчки Чарыла до города Кульджи тянется, вверхъ по Илѣ, цѣпь китайскихъ карауловъ и селеній.

Сообщенія.

Изъ Семирѣчинскаго Края вся караванные пути въ Кашкарію пролегаютъ чрезъ горный проходъ Сенташь, и сосредоточиваются при курганѣ Кызыль-Унгуръ, построенномъ Мананомъ Буромбаемъ. По этимъ дорогамъ можно проходить съ безопасноцію чрезъ все горныя проходы (Асу) и перевозить тяжести до кургана Кызыль-Унгуръ на телегахъ, а далѣе на вьюкахъ; переправы чрезъ рѣчки въ бродъ не затруднительны.

Въ Кокандѣ дорога направляется чрезъ курганы: Пишкенъ, Мерке, Аувлие-Та и городъ Наманганъ; для тележныхъ обозовъ она большею частію непроходима, и даже для вьючныхъ затруднительна зимою, по причинѣ глубокихъ снѣговъ въ горныхъ проходахъ.

Изъ Коканда въ Кашкаръ кратчайшій путь лежитъ чрезъ города Маргеланъ и Ушъ, составляя не болѣе 12 или 15 переходовъ; но переправа чрезъ горы Теректы-Даванъ крайне затруднительна, и отъ снѣжныхъ обваловъ погибають нерѣдко цѣлыя караваны; во избѣжаніе такой опасности, многіе караваны, достигнувъ хребта Теректы-Даванъ, слѣдуютъ, по его направленію, на югъ до урочища Таллыкъ-Асу, и, пройдя здѣсь горы безъ затрудненія, возвращаются къ прежней дорогѣ; потомъ, перѣхавъ хребетъ Тонъ-Бурунъ, достигаютъ, по рѣчкѣ Тюмень-Су, города Кашкара. Обходъ требуетъ лишнихъ 10 переходовъ.

Изъ Кашкара дорога до Аксу довольно удобна, и на ней расположено 14 китайскихъ пикетовъ; но отъ Аксу до Куль-

* Родъ абрикосовъ.

джи крайне затруднительна; на этомъ пути также устроено Китайцами 18 пикетовъ, изъ числа которыхъ 4 размолжены въ горахъ Музардъ-Даванъ. Люди, занимающіе пикеты въ горахъ, обязываются, каждый разъ послѣ бурной погоды, расчищать дорогу отъ снѣга и льдовъ, а также препровождать проезжающихъ чиновниковъ и караваны; впрочемъ, послѣдніе проходятъ здѣсь рѣдко, и даже торговцамъ, не подданнымъ Китая, путь этотъ воспрещенъ; а потому они направляются изъ Кашкара въ городъ Кара-Шаръ, гдѣ поворачиваютъ въ Кульджу или Урум-джу, и слѣдуютъ по ровной, хотя вдвое длиннѣйшей дорогѣ.

Кромѣ караванныхъ путей, земли Черныхъ Киргизовъ перерѣзываются, въ разныхъ направленіяхъ, болѣе или менѣе удобными кочевыми дорогами.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Лѣса.

Стреловой лѣсъ, исключительно еловый, растетъ по покостямъ, идущимъ въ разные стороны отъ связныхъ хребтовъ Кунги и Киргизшынъ-Ала-Тау; гужевая вывозка его изъ горъ мѣстами довольно удобна, сплавка же водою невозможна потому, что рѣчки завалены огромными камнями и въ вершинахъ маловодны. Кромѣ ели, произрастаютъ фруктовыя деревья въ дикомъ состояніи, какъ-то: яблони, персики, урюжь (абрикосы), виноградъ и разнаго рода кустарники.

Животныя.

Изъ дикихъ звѣрей водятся: маралы, дикіе и каменные козлы, аркары (каменные бараны), сайги, абукень, тигры, барсы, ирбисы, медвѣди, волки, лисцы, куницы, рыси, росомахи, выдры и зайцы; изъ птицъ: фазаны, беркуты, ястребы, соколы и другія.

Ископаемыя.

Золото.

Увѣряютъ, что въкоторыя рѣчки, впадающія въ озеро Иссыкъ-Куль, въ особенности Иргалана, содержатъ золото-

цесные пески; трудно рѣшить, въ какой мѣрѣ показанія эти справедливы.

Жельзо.

Жельзо, на дѣланіе оружія и домашнихъ принадлежностей, Черные Киргизы добываютъ, въ малыхъ частяхъ и весьма грубыми способами, изъ чернаго крупнаго песку, собираемаго на берегахъ Иссыкъ-Куля.

Свинець.

Свинець покупаютъ преимущественно у китайскихъ невольниковъ, называемыхъ Чанпалами, разработывающихъ эту руду на вершинахъ рѣчки Кигинь, недалеко отъ Кульджи. Говорятъ, что свинцовыя руды встрѣчаются и въ кочевьяхъ Черныхъ Киргизовъ, но не разработываются, вѣроятно по неумѣнію.

Соль.

Соль достаютъ Черные Киргизы съ вершинъ рѣкъ Чарына и Чу, также по рѣчкѣ Кетмень-Тюбе.

Драгоценные камни.

Вѣроятно, горы кочевьевъ Черныхъ Киргизовъ изобилуютъ драгоценными камнями; но Ордынцы не умѣютъ распознавать ихъ достоинство. Рассказываютъ, что, въ 1840 году, въ рѣчкѣ Тонь найденъ прозрачный камень голубого или синяго цвѣта, который, переходя изъ рукъ въ руки, достался, наконецъ, какому-то кокандскому чиновнику за 4,000 тиллей.

Древности.

Къ древностямъ можно отнести развалины старинныхъ укрѣпленій, и находимыя въ нихъ монеты и другія вещи. Въ 1847 году, на древнихъ развалинахъ, по теченію рѣчки Кара-Кола, найдено въ землѣ 96 серебряныхъ монетъ, величинаю въ нашъ полтинникъ, съ татарскою надписью. Недавно на рѣчкѣ Шамси, впадающей въ Чу, недалеко отъ кокандскаго кургана Токмакъ, на развалинахъ древней башки, называемой Мунара, найденъ глиняный кувшинъ, наполненный мѣдною мо-

ветою, величиною въ копейку серебра; рассказываютъ и другіе подобныя случаи.

Климатъ.

Въ лѣтнее время климатъ у Черныхъ Киргизовъ гораздо умѣреннѣе, чѣмъ въ степяхъ Семирѣчинскаго Края; хлѣбъ, созрѣвающий въ Большой Ордѣ въ 3½ или 4 мѣсяца, у Черныхъ Киргизовъ едва поспѣваетъ въ 6 мѣсяцевъ. Сильныя жары бывають рѣдко, и никогда не достигаютъ степени семирѣчинскихъ.

Зимою морозы бывають лишь въ горахъ; въ окрестностяхъ же Иссыкъ-Куля температура воздуха всегда выше нуля. Снѣгъ выпадаетъ въ ноябрѣ и растаиваетъ въ началѣ марта мѣсяца; въ низкихъ мѣстахъ снѣгъ бываетъ очень мелкій; дожди осѣжають почву преимущественно весною, и отъ того падсжа въ скотѣ, называемаго джуть, Черные Киргизы почти не знаютъ.

Образъ жизни.

Образъ жизни Черныхъ Киргизовъ, сходствуя, во всѣхъ почти отношеніяхъ, съ образомъ жизни другихъ ордъ, отличается лишь нѣкоторыми оттѣнками ташкентскаго вліянія.

Одежда.

Верхняя одежда Черныхъ Киргизовъ шьется изъ кашкарскихъ матерій, нижняя изъ бѣлыхъ бязей, выдѣлываемыхъ въ Кокандѣ и Китаѣ, а обувь изъ русскихъ красныхъ кожъ.

Вооруженіе.

Вооруженіе составляютъ: айбалты (родъ топоровъ), сабли, пики и ружья. Черные Киргизы, сравнительно съ другими ордами, имѣють болѣе оружія, въ особенности огнестрѣльнаго, пріобрѣтаемаго въ Кокандѣ; но ружья ихъ, называемыя турками, вообще длинны, тяжелы и съ фитилями, вмѣсто замковъ. Холодное оружіе частью покупають, а частью изготовляютъ сами.

Киргизы увѣряютъ, что сами дѣлаютъ порохъ, но не хвалятся его добротою, и потому по дорогой цѣнѣ покупаютъ его въ ближайшихъ городахъ Коканда и Кашкарія.

З А Н Я Т І Я .

Хлѣбопашество.

Хлѣбопашествомъ занимаются почти всѣ Черные Киргизы, и оно на высшей степени, чѣмъ у Киргизовъ Большой Орды. Урожай, даже необильный, удовлетворяетъ потребностямъ всего народонаселенія.

Окрестности озера Иссыкъ-Куля, а также долины рѣкъ Чу, Таласа и другихъ, покрыты пажитями и отличаются хлѣбородствомъ. Черные Киргизы сѣютъ: пшеницу, ячмень и просо; изъ первой готовятъ хлѣбъ; послѣднія употребляютъ въ пищу; притомъ изъ проса дѣлаютъ бузу и перегоняютъ водку. Бѣдные люди не имѣютъ своихъ пашень, но, нанимаясь въ услуженіе у богатыхъ, получаютъ въ лѣто за работу зернового хлѣба отъ 4 до 6 мѣшковъ.

Скотоводство.

Къ разведенію огромнаго скотоводства способствуетъ самая мѣстность: гористое положеніе страны доставляетъ кочующимъ прохладу и здоровый воздухъ во всѣ лѣтніе знойные мѣсяцы. Скотъ вообще лучшихъ породъ, въ особенности рогатый; лошади крѣпки и привычны къ горной ѣздѣ. Барановъ разведено много; торговцы вымѣниваютъ ихъ на большія суммы и отправляютъ въ Кокандъ. Наши купцы съ выгодой также вымѣниваютъ пушной товаръ на русскіе нанки, ситцы, вервереть, чугунные котлы, красныя юфты и проч.

Издѣлія.

Черные Киргизы другими издѣліями не занимаются, кромѣ войлоковъ, попонъ, сѣделъ и нѣкоторыхъ необходимыхъ домашнихъ принадлежностей.

Торговля.

Почти все торговые обороты Черныхъ Киргизовъ ограничиваются мѣною своего скота торговцамъ, приходящимъ изъ Кашкаріи, Россіи, Коканіи и Китая.

Охота.

Звѣриною охотою Черные Киргизы занимаются мало, потому что звѣри водятся или въ самыхъ высокихъ горахъ, или на топкихъ, поросшихъ камышами, болотахъ, куда можно пробираться только пѣшимъ, что для Азіятца кажется невозможнымъ.

Баранта.

Черные Киргизы, какъ и другіе ордынцы, склонны къ хищничеству, барантѣ и воровству. Разграбленіе каравановъ, отгонъ скота у сосѣдей считаются удалствомъ и наѣздничествомъ. Со времени прекращенія владычества Кокандцевъ, своеволіе усилилось, и потому благоразумнѣйшіе родоначальники стараются всеми мѣрами пріобрѣсти покровительство нашего правительства, и просятъ о введеніи въ Орду устройства, подобнаго округамъ.

Отъ набѣговъ Черныхъ Киргизовъ терпятъ наиболее китайскіе Калмыки и Юсуновцы; въ кокандскіе предѣлы они отправляются не охотно, потому что грабежи ихъ строго наказываются. Впрочемъ, и Юсуновцы находятъ удобный случай для разчета, а именно осенью, когда Черные Киргизы гонять бузу, и, предавшись въ излишествъ этому напитку, дѣлаются оплошными.

Наиболѣе отличаются хищничествомъ роды: Сары-Багышъ, Султы и нѣкоторыя отдѣленія родовъ Беликпай и Тонакъ.

Съ появленіемъ въ Семирѣчійскомъ Краѣ русскихъ войскъ, барантачи стали рѣдко показываться, не только на правой, но даже и на лѣвой сторонѣ рѣки Или.

Богатство.

Дикокаменная Орда вообще богаче Большой Орды; многіе зажиточные люди ежегодно вымѣниваютъ въ Китаѣ слитки

серебра, называемые ямбами, которые не передаютъ торговцамъ, а хранятъ у себя.

Бѣдные люди не терпятъ такихъ нуждъ, какъ въ другихъ ордахъ, имѣя всегда возможность приобрести хлѣбъ отъ богатыхъ за самый умеренный трудъ.

Подати.

Отдѣленія, кочующія въ окрестностяхъ Иссыкъ-Куля, до своего освобожденія отъ власти Коканда, платили хану съ 40 штукъ наличнаго скота по одной. Съ другихъ родовъ, кочующихъ въ предѣлахъ Коканда и Ташкента, прежде взыскивалось и нынѣ собирается по одной штукѣ съ 25, за исключеніемъ верблюдовъ. Пошлина эта, или закятъ, собирается кокандскими чиновниками, которые, сверхъ казенной подати, требуютъ для себя съ каждой юрты по одному барану, опираясь въ правахъ своихъ на печать хана. Требования кокандскаго правительства приводятся въ исполненіе безъ различія способовъ каждаго Киргиза, отъ чего бѣдные лишаются послѣдняго достоянія, а иногда и дѣтей, которыхъ отдають или богатымъ въ услуженіе, или чиновникамъ хана въ видѣ залога.

Наконецъ, каждую осень командируются особые чиновники для сбора съ каждой юрты по два барана, на продовольствіе хана и двора; вообще, въ обоихъ этихъ случаяхъ сборы усиливаются отъ злоупотребленій чиновниковъ.

ОБЗОРЪ

ТРИГОНОМЕТРИЧЕСКИХЪ РАБОТЪ ВЪ РОССИИ.

*Статья Д. Ч. Корпуса Топографовъ и капитана Ф. О. Максимова *.*

Въ 1845 году, въ Собраніи Русскаго Географическаго Общества декабря 12 дня, читанъ былъ обзоръ географическихъ работъ въ Россіи, гдѣ въ подробности было сказано объ астрономическихъ работахъ, но только слегка упомянуто о всѣхъ губерніяхъ Россіи, покрытыхъ триангуляціями. Въ 1846 году мал 8 читанъ былъ взглядъ на современное состояніе геодезическихъ и топографическихъ дѣйствій въ Европѣ. Нынѣ, по ближайшему отношенію геодезическихъ дѣйствій въ Россіи къ Русскому Географическому Обществу, сдѣлано болѣе подробное обозрѣніе топографическихъ работъ въ Россіи.

Работы тригонометрическія, составляя самое прочное основаніе для всѣхъ государственныхъ топографическихъ и экономическихъ съемокъ, должны бы всегда предшествовать съемкамъ всякаго рода; но потому ли, что прежде не было приготовленныхъ людей и инструментовъ для тригонометрическихъ наблюдений и исчисленій, или — что снимал части, не заботились о составленіи изъ нихъ цѣлаго, или — что каждое вѣдомство дѣлало съемку, не сносясь съ другими, всего же вѣроятнѣе отъ того, что планы и съемки, не основанныя на тригонометрическихъ пунктахъ, не имѣли над-

* Читана въ Собраніи Русскаго Географическаго Общества 15 октября 1848 года.

лежащей точности, — одно ведомство могло подозревать другое въ невѣрности. Нынѣ, ходатайствомъ Русскаго Географическаго Общества, это, кажется, устраняется: съемки и даже другія описанія должны производиться общими силами всѣхъ министерствъ, что уже и наблюдается при исправленіи атласовъ Тверской губерніи.

Еще въ 1801 году, Военное ведомство почувствовало необходимость имѣть точно-опредѣленные пункты для составленія съемокъ и картъ; а потому оно, усиливаясь достигнуть этого прежде другихъ ведомствъ, приступило къ производству триангуляцій въ Россіи; съ 1816 года непрерывно продолжались тригонометрическія измѣренія въ разныхъ губерніяхъ. Полагаю, что для гг. Членовъ Географическаго Общества любопытенъ будетъ краткій обзоръ всѣхъ триангуляцій, произведенныхъ по 1848 годъ.

О геодезическихъ работахъ въ Россіи.

Тригонометрическія работы предпринимаются съ цѣлю опредѣлить взаимное положеніе точекъ страны по широтѣ, долготѣ и возвышенію надъ поверхностію моря, чтобы, такимъ образомъ, доставить прочное основаніе для съемокъ и картъ всякаго рода. Вычисленіе широтъ и долготъ точекъ земной поверхности предполагаетъ знаніе фигуры и величины земли; самые же размѣры ея узнаются измѣреніемъ длины и направленія линій на ея поверхности.

Поэтому существуетъ взаимное отношеніе между тригонометрическими дѣйствіями и опредѣленіемъ земной фигуры, т. е. триангуляціи не могутъ быть правильно исчислены и употреблены въ дѣло, если не будетъ извѣстна величина земли; и, наоборотъ, познаніе фигуры земли не иначе можетъ быть достигнуто, какъ тригонометрическими измѣреніями на ея поверхности, соединенными съ астрономическими наблюденіями.

Но чѣмъ пространство должна быть мѣстность, покрытая тригонометрическою сѣтью, тѣмъ необходимѣе познаніе фигуры и величины земли, для вѣрнаго вычисленія всей сѣти.

Въ Россіи произведены уже тригонометрическія измѣренія Лифляндіи, Эстляндіи (по берегамъ) и губерній: С.-Петербургской, Псковской и части Новгородской, Тверской, Московской,

Калужской, Тульской, Смоленской, Могилевской, Витебской, Виленской, Гродненской, Волынской, Каменец-Подольской и Киевской, полуострова Крыма и Бессарабии; сверхъ того, дѣлаются измѣренія Царства Польскаго, Закавказскаго Края, Новороссійскаго Края и губерній: Орловской и Черниговской. Но для надлежащей связи и полноты, необходимо еще произвести и многія другія.

Общій взглядъ на положеніе геодезическихъ работъ въ Россіи.

Геодезическія работы, раздѣляясь на тригонометрическія и топографическія, получили въ Россіи, въ послѣднія пять лѣтъ, развитіе болѣе обширное и цѣли своей соответственное.

Триангуляція Царства Польскаго, производимая съ 1845 года, и градусное измѣреніе по Бессарабіи, съ 1846 года, совершенно оканчиваютъ наши работы на западныхъ границахъ; вмѣстѣ съ градуснымъ измѣреніемъ по западнымъ губерніямъ, онѣ служатъ соединеніемъ русскихъ геодезическихъ работъ съ прусскими и австрійскими, а слѣдовательно со всеми европейскими. Такимъ образомъ, по окончаніи полнаго русскаго градуснаго измѣренія (отъ Лапландіи до устьевъ Дуная, на протяженіи 24° по широтѣ), и триангуляцій на Кавказѣ и въ Новороссійскомъ Краѣ, получится непрерывная европейская тригонометрическая сеть отъ Каспійскаго и Чернаго морей до береговъ Ледовитаго и Атлантическаго океановъ, и Средиземнаго Моря, или отъ границъ Персіи до Швеціи, Шотландіи и Испаніи.

Чтобы познакомиться съ ходомъ тригонометрическихъ работъ въ Россіи, начавшихся только въ этомъ столѣтіи, расскажем ихъ исторію.

Назначенный, 31 іюля 1804 года, генераль-квартирмейстеромъ, инженеръ-генераль Петръ Корнилевичъ фонъ-Сухтеленъ нашелъ весьма важный недостатокъ въ издававшейся тогда подробной картѣ Россіи (извѣстной подъ названіемъ столістовой), а именно: совершенное отсутствіе вѣрныхъ пунктовъ, по которымъ бы можно было составить основную сеть и связать произведенныя въ Россіи съемки; поэтому онъ принужденъ былъ опредѣлить сначала хотя нѣсколько астрономическихъ пунктовъ; для чего и были назначены, въ 1802 году, девять

офицеровъ Квартирмейстерской Части обучаться астрономіи у академика Шуберта. По окончаніи курса, въ 1804 и 1805 годахъ, эти офицеры употреблены были для астрономическихъ наблюдений въ разныхъ мѣстахъ Россіи; трудами ихъ определены по географическому положенію города: Сердоболь, Повънецъ, Онега, Архангельскъ, Вытегра, Кемь, Новгородъ, Новая-Ладога, крѣпость Нейшлотъ, кирка Мендугарія (Выборгской губерніи), Нарва, Ревель, Выборгъ, Гапсаль и Перновъ; монастыри: Соловецкій и Никольскій. Определеніемъ этихъ пунктовъ ограничили, на первый разъ, астрономическія дѣйствія для столбовой карты; впоследствии же астрономическія работы были оставлены на нѣкоторое время.

Въ 1824 году, для обученія практической астрономіи офицеровъ Квартирмейстерской Части, приглашенъ былъ профессоръ Дерптскаго Университета (нынѣ академикъ и директоръ Пулковской Обсерваторіи), г. Струве. Съ того времени къ нему постоянно уже отправлялись (въ Дерптъ, а съ 1840 года на Главную Пулковскую Обсерваторію) желающіе обучаться астрономіи офицеры какъ Генеральнаго Штаба, такъ и Корпуса Топографовъ. Курсъ продолжается отъ двухъ до трехъ лѣтъ; по окончаніи курса, офицеры командируются для астрономическихъ наблюдений и разныхъ тригонометрическихъ измѣреній, производящихся подъ вѣдѣніемъ Генеральнаго Штаба *.

Тригонометрическія работы до 1846 года.

Въ 1809 году былъ сдѣланъ опытъ тригонометрическаго измѣренія надворнымъ совѣтникомъ Панскеромъ, поручикомъ (нынѣ генераль-лейтенантомъ) Теннеромъ и подпоручикомъ Достомъ.

Въ 1810 году надворный совѣтникъ Панскеръ, капитанъ Теннеръ и поручикъ Ивановъ сдѣлали опытъ тригонометрическаго измѣренія около Финскаго Залива, между городами С.-Петербургомъ, Ревелемъ и Дерптомъ. Это пространство было

* Съ 1824 по 1848 годъ слушавшихъ астрономическія лекціи было:

офицеровъ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба	1.
— Генеральнаго Штаба	11.
— Корпуса Топографовъ	12.

впоследствии измерено съ большою точностію академикомъ Струве и полковникомъ Врангелемъ.

Военное время остановило продолженіе тригонометрическихъ съемокъ; но зато съ 1816 года онѣ начинаютъ производиться уже не въ видѣ опытовъ, а систематически, людьми, приобрѣвшими спеціальныя познанія въ этомъ дѣлѣ у профессоровъ астрономіи.

Чтобы не повторять одного и того же въ описаніи каждой триангуляціи, сдѣлаемъ нѣкоторыя общія замѣчанія о производствѣ тригонометрическихъ измереній *.

I. РЕКОГНОСЦИРОВКА.

По полученіи Высочайшаго разрѣшенія о произведеніи какого-либо тригонометрическаго измеренія, посылается опытное лицо осмотрѣть мѣстность и выбрать точки для триангуляціи; потомъ составляется проектъ и смета работъ.

II. ПОСТРОЙКА СИГНАЛОВЪ.

Когда послѣдуетъ Высочайшее утвержденіе сметы и положенія, то первое дѣло выбрать основаніе (базисъ) и построить знаки на избранныхъ вершинахъ для треугольниковъ; эти знаки бываютъ: или колокольни церквей, или сквозные сигналы, состоящіе изъ четырехъ основныхъ бревень (связанныхъ поперечными брусьями и двумя или тремя полами), покрытыхъ легкою крышею, или изъ пирамидъ и даже толстыхъ жердей (въхъ).

III. ИЗМѢРЕНІЕ БАЗИСОВЪ.

Для каждой отдѣльной триангуляціи измеряется, особо устроенными приборами, основаніе (базисъ), или длина одной линіи отъ 5 до 10 верстъ. Измѣренная линія проводится къ

* Производство работъ по триангуляціи можно раздѣлить на три части: 1) выборъ и постройка сигналовъ; 2) наблюденія тригонометрическихъ и астрономическихъ, и 3) исчисленія. Начальникъ измеренія долженъ знать сущность каждой части; но собственно его занятіе состоитъ въ исчисленіяхъ по тригонометрической и астрономической частямъ, равно какъ въ описаніяхъ и приведеніи въ порядокъ конечныхъ результатовъ.

морской поверхности, обращая вниманіе на то, чтобы мѣры соответствовали своей длинѣ при известныхъ градусахъ теплоты. Въ случаѣ большого отдаленія триангуляціи отъ базиса, измѣряется еще другой базисъ, называемый повѣрительнымъ. Концы измѣренной линіи означаются задѣланными въ землю чугунными плитами, съ надписью длины и времени измѣренія. Сравнивъ совершенно поверхность земли, надъ концами выстраиваются пирамиды, каменные или деревянные.

Въ Россіи было только шесть приборовъ, употребляемыхъ для измѣренія базисовъ на государственныхъ триангуляціяхъ и градусныхъ измѣреніяхъ.

Первый приборъ, академика Струве, употребленъ при измѣреніи двухъ основаній въ Лифляндіи и Финляндіи для градусныхъ измѣреній, также для измѣренія двухъ основаній въ Бессарабіи; онъ же будетъ употребленъ для тригонометрическаго измѣренія Новороссійскаго Края.

Второй приборъ употребленъ для измѣренія 7 основаній на тригонометрическихъ измѣреніяхъ, произведенныхъ подъ начальствомъ генерала Шуберта, и осьмого основанія для триангуляціи Крыма.

Третій приборъ употребленъ для измѣренія 11 основаній на триангуляціяхъ, произведенныхъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Теннера.

Четвертый приборъ употребленъ при измѣреніи основанія для Калужской и Тульской триангуляціи подъ начальствомъ полковника Оберга.

Пятый приборъ употребленъ при измѣреніи двухъ основаній для триангуляціи Закавказскаго Края подъ начальствомъ полковника Ходзько, и

Шестой приборъ употребленъ для измѣренія основанія лифляндскаго астрономическаго и тригонометрическаго измѣренія; онъ состоялъ изъ 5 деревянныхъ брусковъ.

Всѣ эти шесть базисныхъ аппаратовъ представляютъ нѣкоторыя существенныя разницы въ опредѣленіи разстоянія между концами жезловъ * и въ устройствѣ для установленія ихъ

* Такъ напримѣръ: въ однихъ измѣряются разстоянія высокими (лигетамі) съ серебряными или стальными концами; въ другихъ — устройствомъ рычаж-

въ вертикальной и горизонтальной плоскостяхъ, равно какъ и въ означеніи точекъ по окончаніи дневныхъ работъ.

Каждый приборъ состоитъ изъ четырехъ желѣзныхъ жезловъ (брусковъ), съ стальными концами, длиною въ двѣ сажени или туаза. При каждомъ жезлѣ есть снарядъ для измѣренія теплоты и наклоненія. Въ некоторыхъ приборахъ, вмѣсто термометровъ при жезлахъ, употребляютъ два бруска (жезла) изъ разныхъ металловъ. Длина каждого жезла сравнена, при известной температурѣ, съ нормальными сажеными и двухъ-саженными мѣрами, доставленными изъ Англіи и Франціи. Сравненіе всѣхъ жезловъ производилось г. академикомъ Струве.

Самыя сравненія и измѣренія такъ интересны, что сообщеніе ихъ доставило бы удовольствіе, если бы самъ г. Струве изложилъ когда-либо всѣ подробности, въ свойственномъ ему ясномъ и завлекательномъ разсказѣ.

IV. ИЗМѢРЕНІЕ УГЛОВЪ.

Углы, при производствѣ тригонометрическихъ измѣреній, бываютъ 1, 2 и 3 класса, смотря по ихъ точности; при градусныхъ измѣреніяхъ — только 1 класса. Углы измѣряются различными инструментами, какъ-то: универсальными инструментами, теодолитами, земными и астрономическими, и секстантами.

V АСТРОНОМИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ.

Въ каждой триангуляціи опредѣляется астрономически широта одного или двухъ и болѣе пунктовъ, и направленія сторонъ въ отношеніи къ меридіану (азимуты), для которыхъ тѣ опредѣляемыя точки служатъ вершиною. Иногда дѣлаются наблюденія и для вывода долготы этихъ точекъ.

Въ нихъ отодвигались стрѣлки (сѣль-тебел.), въ третьихъ—стекляными клиньями; въ иныхъ—микроскопами и проч. Форму приборовъ г. академика Струве, генераловъ Шуберта и Теннера можно видѣть въ изданныхъ уже книгахъ: «Градусное измѣреніе въ Остзейскихъ Провинціяхъ» и «Записки Военно-Топографическаго Департамента» часть II и VIII.

VI. ИСЧИСЛЕНИЕ ТРЕУГОЛЬНИКОВЪ.

По измѣреніи непосредственно одной линіи и всѣхъ угловъ, исчисляютъ сферическіе треугольники 1, 2 и 3 класса. Метода исчисления треугольниковъ есть общая, Лежандровъ, всѣ углы приводятся къ 180° и треугольники вычисляются какъ плоскіе. Раздѣленіе треугольниковъ на классы основано на томъ, что одни составляютъ главную сеть страны, другіе служатъ къ опредѣленію побочныхъ сторонъ, служащихъ основаніями треугольникамъ третьяго класса, опредѣляющимъ постоянныя точки для топографическихъ съемокъ.

VII. ИСЧИСЛЕНИЕ ШИРОТЪ И ДОЛГОТЪ ТРИГОНОМЕТРИЧЕСКИХЪ ТОЧЕКЪ.

По опредѣленіи всѣхъ сторонъ и угловъ треугольниковъ, исчисляютъ разности широтъ и разности долготъ всѣхъ точекъ, начиная отъ одной главной, широта которой известна изъ астрономическихъ наблюдений и на которой измѣренъ азимутъ одной изъ сторонъ триангуляціи. Исчисления широтъ и долготъ производятся по обще-принятой методъ Лежандра, разрывая каждый треугольникъ на шаръ, описанномъ нормалью, соответствующую вершинѣ треугольника*, и вводя поправку отъ сжатія земли. Изъ всѣхъ конечныхъ результатовъ составляются списки широтамъ и азимутамъ.

VIII. ЧЕРЧЕНИЕ ТРИГОНОМЕТРИЧЕСКОЙ СѢТИ.

Получивъ широты и разности долготъ отъ главной точки триангуляціи всѣхъ тригонометрическихъ пунктовъ, составляютъ общій чертежъ, то-есть вносятъ ихъ въ проекцію меридіановъ и параллельныхъ круговъ, начерченныхъ для каждой губерніи. Карта эта служитъ сборнымъ листомъ для топографическихъ листовъ съемки каждой губерніи, равнымъ образомъ указателемъ мѣста каждого тригонометрическаго пункта.

* Начальство Военно-Топографическаго Дѣла намѣрено перечислить широты и долготы всѣхъ точекъ триангуляціи 1 класса по методу Гаусса, для чего уже и составлены таблицы. Метода Гаусса употреблена въ первый разъ въ Россіи при исчисленіи широтъ и разности долготъ: въ 1843 году для тригонометрическихъ точекъ Ярославской Губерніи, а въ 1849 году для пунктовъ тригонометрическаго измѣренія въ Новороссійскомъ Краѣ.

IX. РАЗДѢЛЕНІЕ СѢТИ НА ТОПОГРАФИЧЕСКІЕ ЛИСТЫ.

Сѣть съ меридіанами, параллельными кругами и тригонометрическими пунктами раздѣляется на листы * для топографическихъ съемокъ и поручается особому начальнику для исполненія ея топографическими подробностями, въ принятомъ масштабѣ.

X. ИСЧИСЛЕНІЕ КООРДИНАТЪ.

До 1847 года тригонометрическіе пункты наносились на топографическіе листы посредствомъ координатъ; поэтому, сверхъ исчисленныхъ широтъ, долготъ и азимутовъ, исчислялись еще двѣ координаты для каждой точки **. Нынѣ принято вносить тригонометрическіе пункты на топографическіе листы посредствомъ широтъ и долготъ, и тѣмъ возстановлено единство внесенія точекъ, опредѣленныхъ тригонометрически и астрономически.

XI. ОПРЕДѢЛЕНІЕ ДОЛГОТЫ ТОЧЕКЪ, НЕСОЕДИНЕННЫХЪ ТРИАНГУЛЯЦІЯМИ.

Когда широты и разности долготъ тригонометрическихъ точекъ будутъ извѣстны и топографическія съемки многихъ губерній окончены, то, для помѣщенія ихъ на общую карту государства, необходимо опредѣлить разность долготъ нѣкоторыхъ главныхъ городовъ относительно центральной observa-

* Раздѣленіе на мензульные листы прежде было основано на томъ, чтобы каждый листъ представлялъ квадратъ извѣстной длины, и чтобы его стороны были параллельны главному меридіану и вертикалу, проходящимъ чрезъ какую-либо одну точку триангуляціи. Нынѣ мензульные листы ограничиваются съ двухъ сторонъ меридіанами, а съ другихъ двухъ сторонъ параллельными кругами, следовательно представляютъ трапецію. Величина листовъ — около 15 до 20 дюймовъ въ длину и ширину, или около 10' широты и 15' долготы.

** Подъ координатами разумются въ съемкахъ генерала Теннера разстояніе каждой точки отъ главнаго меридіана и длина дуги этого меридіана отъ начальной точки до конца этого перпендикуляра; въ съемкахъ же генерала Шуберта разумется разстояніе по меридіану и первому вертикалу до большихъ круговъ, проведенныхъ чрезъ точку перпендикулярно къ меридіану и первому вертикалу. Положительные квадраты по меридіану приравнялись къ сѣверу отъ главной точки, а по первому вертикалу — въ восточную сторону отъ меридіана.

торіи, а эту послѣднюю связать разностию долготъ съ главными обсерваторіями Европы. Для этого предпринимаются или большія хронометрическія экспедиціи, или долготнїя астрономическія наблюденія на постоянныхъ обсерваторіяхъ. Первыя предпочитаютъ послѣднимъ.

Надо замѣтить, что опредѣленіе разности долготъ есть одинъ изъ трудныхъ предметовъ въ астрономіи, такъ что въ которыя обсерваторіи (на которыхъ въ теченіе уже многихъ лѣтъ производятся наблюденія для полученія долготъ) не опредѣлены еще до 20" въ дугъ.

Теперь опредѣляютъ перевозкою хронометровъ разность долготъ весьма отдаленныхъ точекъ, съ значительною точностію, удовлетворяющею всемъ потребностямъ географіи.

ХИ. СОСТАВЛЕНІЕ СѢТИ МЕРИДІАНОВЪ И ПАРАЛЛЕЛЬНЫХЪ КРУГОВЪ ДЛЯ КАРТЪ.

Географическія положенія мѣстъ, опредѣленные астрономически или тригонометрически, были бы весьма мало полезны, если бы не назначать ихъ правильно на листахъ топографическихъ картъ. Поэтому, для изображенія частей земной поверхности и цѣлой земли на плоскости бумаги, приняты разныя условія, извѣстныя подъ именемъ проекцій.

Для картъ, представляющихъ большія пространства, употреблялись прежде двѣ проекціи: для морскихъ плоскія и меркаторскія, а для географическихъ картъ проекція Банна. Нынѣ въ Военно-Топографическомъ Депо употребляется проекція Гаусса, введенная для генеральныхъ и специальныхъ картъ, если послѣднія заключаютъ не болѣе 40° широты. Но она еще не употребляется и едва ли можетъ быть употреблена для съемокъ и военно-топографическихъ картъ, по случаю измѣняющихся въ ней масштабъ.

Г Л А В А I.

ОПИСАНІЕ ТРИГОНОМЕТРИЧЕСКИХЪ СЪЕМОКЪ, ПРОИЗВЕДЕННЫХЪ
ВЪ ВѢДНИИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

А. Подъ начальствомъ Генеральнаго Штаба генералъ-лейтенанта
ТЕННЕРА.

1. Виленская тригонометрическая съемка*.

По Высочайшему повелѣнію, начата въ 1816 году и окончена въ 1821 году. Она произведена подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта (бывшаго тогда полковникомъ) Теннера.

Базисами для исчисленія триангуляціи были три непосредственно измѣренныя линіи: первал на Дрисвятскомъ Озерѣ, къ сѣверу отъ города Видзы, длиною 5.407,150 сажень; вторая при мѣстечкѣ Понедѣли, близъ курляндской границы, между городами Поневѣжемъ и Якобштатомъ, длиною 5.531,629 сажень, и третья при мѣстечкѣ Полагепѣ, въ Курляндіи, близъ города Мемеля, длиною 4.633,148 сажень**.

Эти основанія связаны между собою первоклассными треугольниками; общія разстоянія, исчисленныя съ этихъ базисовъ, различествовали весьма мало; но и такія небольшія поправки приняты во вниманіе. Виленская триангуляція имѣла всего треугольниковъ 4 класса 149, опредѣляющихъ 400 точекъ; съ 2 и 3 класса содержала 3,020 треугольниковъ, опредѣляющихъ 1,225 точекъ. Для всѣхъ точекъ 4 класса опредѣлены высоты надъ поверхностію моря, посредствомъ наблюденія взаимныхъ зенитальныхъ разстояній. Результатами триангуляціи были, какъ обыкновенно, исчисленныя широты и долготы всѣхъ точекъ и азимуты боковъ треугольниковъ 1 и 2 класса. Широты, долготы и азимуты вычислены изъ Немѣжа—средней точки литовскаго градуснаго измѣренія, принявъ для нея $54^{\circ}29'3''23$ широты и $22^{\circ}59'16''50$

* Хотя теперь названіе «тригонометрическая съемка» рѣдко употребляется оно замѣнено словомъ «тригонометрическое измѣреніе»; во означаемыя здѣсь измѣренія извѣстны подъ именемъ тригонометрическихъ съемокъ, или триангуляцій.

** Все базисы генерала Теннера приведены къ морской поверхности, чрезъ известную высоту обоихъ концовъ базиса, надъ поверхностію моря, посредствомъ геодезическихъ наблюденій.

долготы отъ Парижской Обсерваторіи. Сверхъ того, для нанесенія на топографическіе листы, исчислены прямоугольныя координаты вѣсѣхъ тригонометрическихъ точекъ, принимая за оси меридіанъ и первый вертикаль, проходящіе чрезъ тригонометрической пунктъ Мышканцы, лежащій къ северу отъ Вильны и Немѣжа. Главный рядъ треугольниковъ виленской триангуляціи входитъ въ составъ литовскаго градуснаго измѣренія.

Астрономически наблюденныхъ пунктовъ для виленской триангуляціи было четыре, именно: г. Вильна, Немѣжъ, Мышканцы и Эйтенъ-Тайцы.

Виленская триангуляція приведена въ связь съ прусскою триангуляціею профессора Бесселя при г. Мемель. Общія линии для обѣихъ триангуляцій были стороны Лепайцы и Якубово, съ точностью:

0,000004304 части цѣлаго или своей длины.

—	Лепайцы Мемель	— — — —	0,000004364	част. цѣл.
—	Лепайцы маякъ	— — — —	0,000004236	— —

Широта астрономической точки у маяка,

наблюденная г. Бесселемъ	==	55°43'40,"9.
исчисленная изъ Кенигсберга	=	44, 3.
исчисленная изъ Немѣжа	=	43, 3.
долгота, исчисленная изъ Кенигсберга	=	18°45'51,"67.
— — — Немѣжа	=	8.45.58, 34.

Разность въ долготахъ, простирающихся до 7', происходитъ отъ неточно-принятой долготы Дерпта и, можетъ быть, отъ уклоненія отвѣса. Но, сверхъ того, эти долготы еще не вѣрны, по моему мнѣнію, на 20", чѣмъ и доказывается трудность опредѣлить съ точностію долготу астрономическими наблюденіями, даже въ Дерптѣ и Кенигсбергѣ, между тѣмъ какъ изъ соединенія этихъ двухъ триангуляцій получается вѣрная разность долготъ Дерпта и Кенигсберга = 6°13'38",3.

2. Курляндская тригонометрическая съемка.

Съемка этой губерніи пачата въ 1822 году и окончена въ 1826 году. Она заключаетъ 42 треугольника 1-го класса, которыми опредѣляются 43 точки; 740 треугольниковъ 2-го и 3-го класса опредѣляютъ 375 точекъ. Тригонометрическая

есть была вычислена по понеде́льскому и полагенскому основаніямъ. По причинѣ большого согласія общихъ сторонъ, исчисленныхъ съ обоихъ основаній, въ Курляндіи не было измѣрѣно повѣрительнаго базиса. Высоты первоклассныхъ точекъ надъ поверхностію Балтійскаго Моря были опредѣлены взаимными зенитальными разстояніями. Исчисленіе широтъ и долготъ тригонометрическихъ точекъ Курляндіи было продолженіемъ исчисленій виленской тригонометрической съемки. Для тригонометрическихъ пунктовъ Курляндіи исчислены были прямоугольныя координаты, считая ихъ отъ меридіана и перпендикуляра, проходящихъ чрезъ тригонометрической пунктъ Мышканцы виленской триангуляціи.

Въ курляндской триангуляціи заключаются три пункта, астрономически опредѣленныхъ: Крейзбургъ, Бристенъ и Мигава. Пунктъ Крейзбургъ есть общій генерала Шуберта, генерала Теннера и академика Струве; его положеніе:

у генерала Шуберта	широта	=	54° 30' 41,82	долг.	23° 31' 10,6
— — —	Теннера	—	=	54° 30' 43,6	— 23° 31' 10,3
— академика Струве	—	—	=	54° 30' 42,7	— 23° 31' 9,7

3. Гродненская тригонометрическая съемка.

Гродненская триангуляція начата въ 1825 году, окончена въ 1829 году. Она содержитъ 34 треугольника и 34 точки 1 класса; 1,059 треугольниковъ и 554 точки 2 и 3 класса. Для удостовѣренія въ точности исчисленныхъ сторонъ, измѣренъ въ Гродненской Губерніи, между городами Кобриномъ и Пинскомъ, осовицкій повѣрительный базисъ, имѣющій 5.225,197 сажень, или около 10½ верстъ, при 13° Реомюра. Съ этого базиса и понеде́льскаго былъ исчисленъ главный рядъ треугольниковъ виленской и гродненской съемокъ, входящій въ градусное измѣреніе. Въ гродненской триангуляціи сдѣлано астрономическое наблюденіе на точкѣ Бѣлинъ, составляющей южную точку литовскаго градуснаго измѣренія. Длина дуги меридіана литовскаго градуснаго измѣренія была исчислена между Немъжемъ и Якобштатомъ въ 2° 14' 52",6, и между Немъжемъ и Бѣлиномъ 2° 36' 23",7. Въ доказательство согласія результатовъ и общихъ сторонъ градуснаго измѣренія лифляндскаго и литовскаго, довольно упомянуть, что начальствующіе, въ полной

увѣренности въ своей точности, не сообщили прямо другъ другу конечныхъ величинъ сторонъ и угловъ, а отослали запечатанными къ постороннимъ ученымъ. Для этого были избраны, по взаимному согласію генерала Теннера и профессора Струве, генераль-маіоръ Шубертъ и кенигсбергскій профессоръ Бессель. По полученіи результатовъ отъ обѣихъ сторонъ, генераль Шубертъ писалъ къ генералу Теннеру: «Вчерашняго числа имѣлъ я удовольствіе получить письмо Вашего Превосходительства отъ 11 января за № 21, съ приложеніемъ 11, 14 и 15 главъ геодезической части литовскаго градуснаго измѣренія. Распечатавъ тогда же полученный въ октябрь мѣсяцъ 1829 года и хранившійся въ Военно-Топографическомъ Депю пакетъ отъ г. профессора Струве, я тотчасъ приступилъ къ исчисленію двухъ треугольниковъ: Зестукальнъ-Гайзекальнъ — Даборскальнъ и Гайзекальнъ — Даборскальнъ — Крейзбургъ, и спѣшу Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить о совершенно удовлетворительномъ согласіи Вашей съемки со съемкою г. Струве. Принося Вамъ искреннее мое поздравленіе съ столь явнымъ доказательствомъ точности обѣихъ сихъ геодезическихъ работъ, прилагаю выписку изъ сего сличенія, изъ коего Ваше Превосходительство изволите сами усмотрѣть все подробности.»

Сравненіе результатовъ, полученныхъ съ обѣихъ сторонъ для общихъ треугольниковъ 60 и 61.

№.треугол.	НАЗВАНІЕ УГЛОВЪ.	Струве.		Теннеръ		Струве сѣрем.	Теннеръ углм.	Разности.	
		наблюденные углм.		наблюд.				Струве	сѣрем.
60	Гайзекальнъ	48.29'18,"38	20,"28	49,"10	20,"10	+1,90	+1,90		
	Даборскальнъ	101.11.56,39	55, 64	57, 42	55, 57	-0,75	-1,55		
	Крейзбургъ	60.18.44,21	45, 67	44, 94	45, 49	+1,46	+0,56		
		179.59.58,98	1, 59	1, 46	1, 46				
	Погрѣшность наблюд.	= 2.18 + 0,43							
61	Зестукальнъ	92.59. 8,26	8, 49	8, 49	7, 91	-0,07	-0,27		
	Гайскальнъ	53.11. 6,66	5, 76	6, 60	5, 49	-0,90	-1,14		
	Даборскальнъ	33.49.46.72	48, 15	46. 66	48, 05	+1,43	+1,39		
		180. 0. 1,64	2, 10	1, 45	1, 45				
	Погрѣшность наблюд.	= +1,19 + 0,65.							

Сравненіе боковъ.

	<i>Струве</i>	<i>Теннеръ</i>	<i>Разности,</i>	
	Тузмы при + 13	Реомюра.	Теннера	Струве
			съ тузмахъ въ частяхъ цѣлю.	
Даборскальнъ == Крейзбургъ	6708,3214	6705,273	— 0,0593	0,0000078
Крейзбургъ == Гайзекальнъ	2743,1383	2741,690	— 0,4483	0,0000216
Даборскальнъ == Гайзекальнъ	18367,9777	18368,877	— 0,4007	0,0000218
Даборскальнъ == Зестукальнъ	14735,9682	14735,586	— 0,3822	0,0000230
Зестукальнъ == Гайзекальнъ	10240,5033	10240,379	— 0,1223	0,0000119

Высота общихъ точекъ надъ поверхностію Балтійскаго

Моря:

Названіе точекъ	Высота сверхъ моря въ тузмахъ,		Разность Теннера	Струве.
	Струве	Теннера.		
Гайзекальнъ . . .	161,32	159,29	—	2,03
Зестукальнъ . . .	112,38	110,67	—	1,71
Даборскальнъ . . .	82,25	80,39	—	1,86
Крейзбургъ . . .	46,21	44,84	—	1,37

Для гродненской триангуляціи были, какъ обыкновенно, исчислены широты и долготы всѣхъ тригонометрическихъ точекъ, и азимуты сторонъ 1 и 2 класса, также разности высотъ пунктовъ надъ поверхностію моря. Широты, долготы и азимуты исчислены отъ Немѣжа, следовательно составляютъ продолженіе виленской триангуляціи. Гродненская триангуляція соединяется съ триангуляціею бѣлостокскою и Царства Польскаго.

Для нанесенія на топографическіе листы тригонометрическихъ пунктовъ, исчислены были для каждой точки координаты, при нанесеніи которыхъ приняты осями меридіанъ и первый вертикаль, проходящіе чрезъ Мѣшванцы. Описаніе и конечные результаты градуснаго измѣренія по Курляндской, Виленской и Гродненской губерніямъ напечатаны въ VIII и IX части Записокъ Военно-Топографическаго Депо, въ 1843 и 1844 годахъ.

4. *Минская тригонометрическая сетка.*

Первоклассная тригонометрическая сеть Минской Губерніи, начатая въ 1830 и оконченная въ 1834 году, содержитъ 56 треугольниковъ, опредѣляющихъ 56 точекъ, и 439 треугольни-

довъ 2-го и 3-го класса, опредѣляющихъ 215 точекъ. Вся триангуляція исчислена до основному основанію. Широты, долготы и азимуты, равно какъ и высоты первоклассныхъ точекъ надъ поверхностію моря, исчислены изъ Немѣжа, следовательно составляютъ продолженіе виленской и гродненской триангуляцій. Минская триангуляція соединяется съ триангуляціею витебскою, генерала Шуберта, стороною Пышиногоры-Григоровичи, близъ г. Деспеля. Согласіе широтъ и долготъ было слѣдующее:

	Широта.	Долгота.
Пышиногоры по триангуляціи витебской . . .	54°55'38".6.	6°14'57".9.
— — — — — минской	41.3.	58.3.
	Разность 2,7.	0,4.

Для минской триангуляціи исчислены координаты, служащія къ нанесенію тригонометрическихъ пунктовъ на топографическіе листы. Осми координатъ для нанесенія приняты меридіанъ и первый вертикаль, проходящій чрезъ соборный костелъ въ г. Минскѣ.

По причинѣ большихъ лѣсовъ, въ южной части Минской Губерніи триангуляціи не произведено.

Описаніе и конечные результаты, т. е. широты и долготы для 1,418 тригонометрическихъ постоянныхъ точекъ виленской, курляндской, гродненской и минской триангуляцій, напечатаны въ X и XI частяхъ Записокъ Военно-Топографическаго Депо.

5. Волынская и подольская тригонометрическая съемка.

Волынская и подольская триангуляція, начата въ 1836 и окончена въ 1840 году, содержитъ всего 100 первоклассныхъ треугольниковъ, опредѣляющихъ 97 точекъ; 1,416, треугольниковъ 2-го и 3-го класса, опредѣляющихъ 544 точки. Широты и азимуты опредѣлены астрономически на первоклассныхъ тригонометрическихъ точкахъ: Бѣлинъ, Кременецъ, Погорѣлая, Супрунковцы и Балта. Точка Бѣлинъ принадлежитъ къ гродненской триангуляціи. Среднее согласіе исчисленныхъ и наблюденныхъ широтъ было до 3", азимутовъ до 7'. Для волынской и подольской триангуляціи дѣлалось вычисленіе треугольниковъ 4-го класса дважды; во второй разъ было сдѣлано по причинѣ полученнаго вѣса (достоинства) угловъ 4-го класса.

Широты и долготы всѣхъ точекъ, равно какъ и азимуты

боковъ 1-го класса, исчислены отъ гродненской триангуляціи; следовательно отъ Немѣжа, — средней точки литовскаго градуснаго измѣренія. Для всѣхъ тригонометрическихъ точекъ исчислены координаты, служащія къ нанесенію ихъ на топографическіе листы; осями, при нанесеніи; были приняты меридіанъ и первый вертикаль, проходящіе чрезъ г. Староконстантиновъ.

Главный рядъ треугольниковъ этой триангуляціи, идущей отъ сѣвера на югъ, входитъ въ составъ градуснаго измѣренія въ Россіи.

Волинская и подольская триангуляція, составляя продолженіе гродненской, сама служатъ для продолженія отъ нея кievской и бессарабской. Сверхъ того, она соединяется съ херсонскою и Царства Польскаго.

Описаніе волинской и подольской триангуляціи, со всеми конечными результатами, напечатано въ XII части Записокъ Военно-Топографическаго Деню.

6. *Кievская тригонометрическая съемка.*

Кievская триангуляція начата по Высочайшему повелѣнію въ 1843 году работами въ полѣ и окончена въ 1845 году. Базисомъ для треугольниковъ ея была измѣрена линия близъ Бѣлой-Церкви, длиною въ 2.909,209 сажень. Всего тригонометрическихъ точекъ определено 901. Астрономическій главный пунктъ этой триангуляціи есть обсерваторія въ г. Кievѣ. Широты и долготы пунктовъ кievской триангуляціи, и азимуты сторонъ 1 и 2 класса исчислены отъ подольской триангуляціи.

Для точекъ кievской триангуляціи исчислены прямоугольныя координаты, принимая за оси координатъ меридіанъ и первый вертикаль, проходящіе чрезъ обсерваторію въ Кievѣ.

Полнаго описанія этой съемки отъ начальника ея еще не доставлено, а потому прочія подробности здѣсь не сообщаются.

7. *Бѣлостокская тригонометрическая съемка.*

Начатая въ 1843 году, по Высочайшему повелѣнію, бѣлостокская тригонометрическая съемка была окончена въ 1845 году. Сдѣлано было 23 треугольника 1 класса и 342 треуголь-

ника 2 и 3 класса, определяющих 244 тригонометрических точек. Бѣлостокская триангуляція составляетъ продолженіе гродненской, а потому широты, долготы и азимуты были исчислены отъ Немѣжа. Астрономическихъ наблюденій, особенно для этой съемки, произведено не было.

Стороны южныхъ треугольниковъ бѣлостокской триангуляціи служатъ общими линиями триангуляціи Царства Польскаго.

8. Бессарабская тригонометрическая съемка.

Генераль-квартирмейстеръ генераль-лейтенантъ Бергъ и Директоръ Военно-Топографическаго Депо генераль-лейтенантъ Тучковъ, разсматривая, при вступленіи своемъ въ должность, огромный тригонометрическія работы, произведенныя на западъ, немедленно обратили свое вниманіе на оставшіяся пограничныя пространства: Царство Польское, Бессарабскую Область и Новороссійскій Край, измѣреніе которыхъ должно было предшествовать прочимъ тригонометрическимъ работамъ.

Бессарабская триангуляція, предпринятая, по Высочайшему повелѣнію, въ 1846 году, болѣе для пользы ученой, служить самымъ южнымъ окончаніемъ русскаго градуснаго измѣренія дуги дерптскаго меридіана. Она полевыми работами совершенно окончена въ 1849 году. Въ Бессарабіи измѣрены два базиса приборомъ, принадлежащимъ Пулковской Обсерваторіи, для вывода результатовъ градуснаго измѣренія.

Астрономическія наблюденія сдѣланы на двухъ тригонометрическихъ точкахъ: Вадалуї и Старо-Некраевка, близъ Измаїла.

Широты и долготы точекъ бессарабской триангуляціи, и азимуты сторонъ точекъ 1 и 2 класса исчислены отъ подольской тригонометрической съемки.

Бессарабская триангуляція даетъ возможность заключить изъ сравненія высотъ морей Чернаго и Балтійскаго, что уровни ихъ совершенно одинаковы по высотъ; ибо триангуляціи генерала Теннера простираются отъ Балтійскаго до Чернаго Моря, а въ соединеніи съ градуснымъ измѣреніемъ академика Струва — до Финскаго Залива и сѣверной оконечности Ботническаго; въ соединеніи же съ норвежскимъ измѣреніемъ — до Нордъ-Капа.

9. Тріангуляція Царства Польскаго.

Еще бывший генераль-квартирмейстеръ, генераль отъ инфантеріи Шубертъ послалъ двухъ опытныхъ офицеровъ для рекогносцировки Царства Польскаго. Нынѣшній генераль-квартирмейстеръ генераль-адъютантъ Бергъ вызвалъ въ С.-Петербургу предназначаемаго начальникомъ генераль-лейтенанта Теннера для скорѣйшаго составленія проекта и смѣты на производство тригонометрическаго измѣренія въ Царствѣ Польскомъ, которыя, по окончательному соображенію Директора Военно-Топографическаго Депо генераль-лейтенанта Тучкова, и были представлены на Высочайшее утвержденіе.

Тріангуляція Царства Польскаго начата въ 1845 году и должна продолжиться до 1854 года. Базисовъ въ этой тріангуляціи будетъ измѣрено до 4, астрономическихъ пунктовъ до 8, включая въ то число и Варшавскую Обсерваторію.

Тріангуляція эта оканчивается связь нашихъ геодезическихъ работъ съ прусскими и австрійскими на западѣ. Австрійская тріангуляція уже соединена близъ городовъ Тарнограда и Кракова; съ австрійской стороны въ этомъ дѣлѣ участвовалъ Директоръ Отдѣленія Австрійскихъ Тріангуляцій въ Императорско-Королевскомъ Военно-Геодезическомъ Институтѣ подполковникъ Маріени.

Широты и долготы всѣхъ тригонометрическихъ точекъ, равно какъ и азимуты сторонъ треугольниковъ 1 и 2 класса, будутъ исчислены отъ бѣлостокской и гродненской тріангуляцій, следовательно составятъ продолженіе исчисленій виленской тріангуляціи. Координаты будутъ исчислены отъ Варшавы.

Такъ какъ тріангуляція еще не окончена, то и невозможно сообщить о ней всѣхъ подробностей. Пространство всѣхъ губерній, гдѣ тріангуляціи произведены подъ начальствомъ генерала Теннера, составляетъ гораздо больше цѣлой Франціи и почти осьмую часть всей Европейской Россіи. Всего было измѣрено 13 основаній и опредѣлено до 6,000 тригонометрическихъ пунктовъ.

В. Подъ начальствомъ Генеральнаго Штаба генерала отъ инфантеріи Шуберта.

4. *С.-Петербургская, новгородская, псковская и витебская тригонометрическія съемки.*

Въ 1820 году поручена была полковнику Шуберту съемка Шлиссельбургскаго Уѣзда, и, вмѣстѣ съ этою топографическою работою, предписано было ему составить для ней тригонометрическую сеть, и стараться связать ее съ С.-Петербургомъ. Маловажная работа эта была потомъ распространена; она служила первымъ основаніемъ обширныхъ геодезическихъ работъ, производящихся безпрерывно и до этого времени. Конечно, послѣ того измѣнилось многое относительно инструментовъ, методы наблюденій и способовъ исчисленія.

Полевыя дѣйствія этой съемки окончены въ 1832 году. Для этихъ триангуляцій, распространяющихся по четыремъ губерніямъ, измѣрено 4 основанія; два — почти на одномъ и томъ же мѣстѣ, по старой московской дорогѣ, отъ московской Славянки до возвышенія за Ижорою, длина котораго была 4,910,165 сажень; третіе основаніе — на южномъ берегу Ильменя Озера, отъ деревни Успомена до села Корыстыни, длиною 4,136,555 сажень; а четвертое основаніе измѣрено въ Витебской Губерніи, близъ м. Освей, между Костелами Замляе и деревнею Баркуницы, длиною 5,125,789 сажень. Высота мѣстъ, на которыхъ измѣрены базисы, были опредѣлены различно: для базиса близъ С.-Петербурга топографическимъ нивелированіемъ; для базиса близъ Ильменя Озера — по сношенію съ вѣдомствомъ Путей Сообщенія, а для базиса освейскаго — чрезъ топографическое нивелированіе изъ большое пространство, доводя до точекъ курляндской триангуляціи. Всѣ основанія связаны треугольниками 1 класса, которыхъ было 322; треугольниковъ 2 класса было 557, а треугольниковъ 3 класса 1,025. Этими дѣйствіями опредѣлено 1,336 тригонометрическихъ точекъ. Для астрономическихъ работъ по этой триангуляціи были употреблены точки: Мегги, Пелюсь (на островъ Гохландъ), С.-Петербургъ, Новгородъ, Псковъ, Тарасова-Гора (близъ города Опочки), Пожлоцная - Гора (близъ города Великихъ-Луки), Званье.

(близъ города Полоцка), Телятникова (близъ города Витебска). Разность наблюденныхъ и исчисленныхъ широтъ не простира-лась болѣе 4 секундъ. Широта обсерваторіи Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ была опредѣлена дважды многократными на-блюденіями: по первому ряду наблюденій получено $59^{\circ}56'30''01$, по второму $31''46$. Второй результатъ признанъ вѣр-нѣйшимъ; но по наблюденіямъ, сдѣланнымъ на Пулковской Обсерваторіи, широта эта должна быть $59^{\circ}56'29''7$, слѣдо-вательно отъ результата, опредѣленнаго гораздо болѣе, чѣмъ 100 наблюденіями, отклоняется на $1''7$, что доказываетъ труд-ность получить широту обыкновенными инструментами съ точ-ностію $1''$, хотя гораздо основательнѣе предположить уклоненіе отвѣса къ югу въ С.-Петербургѣ.

Для всѣхъ точекъ триангуляцій: с.-петербургской, псков-ской, витебской и новгородской, исчислены были сначала пря-моугольныя координаты, и по нимъ уже исчислены широты и долготы каждой точки. Осями координатъ приняты меридіанъ и первый вертикаль, проходящіе чрезъ Обсерваторію Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, имѣющую широты $59^{\circ}56'31''46$ и долготы отъ Пулкова $0^{\circ}4'17''94$, а отъ Парижа $27^{\circ}57'58''4$ (по выводу хронометрической экспедиціи). Триангуляціи эти свя-зываются на сѣверъ съ триангуляціею по Финскому Заливу, про-изведенною отъ Гидрографическаго Департамента; на западъ съ триангуляціею и градуснымъ измѣреніемъ академика Струве; на юго-западъ съ триангуляціею генерала Теннера; на востокъ съ триангуляціею генерала Тучкова близъ Новгорода. Свѣдѣнія о триангуляціи по С.-Петербуржской, Псковской и Витебской губерніямъ напечатаны въ Запискахъ Военно-Топографическаго Де-по: въ I и IV части о наблюденныхъ астрономическихъ широтахъ и азимутахъ; во II объ измѣреніи базисовъ и угловъ; въ VI всѣ треугольники 1, 2 и 3 разрядовъ, и наконецъ въ VII ко-нечные результаты и весь ходъ исчисленій, какъ-то: широты и долготы (отъ С.-Петербурга), всѣхъ 1,336 тригонометриче-скихъ точекъ.

2. Могилевская и смоленская тригонометрическая съемка.

Въ 1833 году Высочайше повелѣно было проложить триангуляцію отъ Могилева и Смоленска до Москвы. Основані-

емъ для этой триангуляціи избрана была линія близъ Смоленска, въ Верховскомъ Приказѣ. Базисъ, приведенный къ морской поверхности, имѣлъ 3,120,430 сажень. Высота мѣстности подъ измѣреннымъ базисомъ определена барометрически. Смоленская и могилевская тригонометрическія съемки составляютъ одну нераздѣльную триангуляцію. Съ базиса, измѣреннаго близъ Смоленска, составлено 192 треугольниковъ 1 класса, 208 треугольниковъ 2 класса и 709 треугольниковъ 3 класса. Этими треугольниками определяется 690 тригонометрическихъ пунктовъ. Астрономически измѣрены широты и азимуты на 12 точкахъ, именно: г. Смоленскъ, Тарасовичи, Алексѣйки, Миренова, Бахатова, Забродье, Пячковичи, Буда, Холмець, Никольское, Никитѣ и Жулева. За начальный пунктъ исчисленія широтъ, долготъ и координатъ принята въ г. Смоленскѣ колокольня церкви Николая Чудотворца, имѣющая широту $54^{\circ}46'33''58$, и разность долготъ отъ Пулкова $+ 1^{\circ}43'55''74$, а отъ Парижа $29^{\circ}43'41''79$. Прямоугольныя координаты исчислены, принимая за оси меридіанъ и первый вертикаль, проходящіе чрезъ Смоленскъ. Изъ этихъ координатъ исчислены широты и разности долготъ всѣхъ точекъ смоленской и могилевской триангуляціи. Средняя разность исчисленныхъ и измѣренныхъ широтъ была до $3''$. Триангуляція соединяется съ тригонометрическими съемками: с.-петербургскою, минскою, московскою, тверскою, калужскою и черниговскою.

3. *Московская тригонометрическая съемка.*

По окончаніи с.-петербургской, новгородской, псковской и витебской триангуляцій, Высочайше повелѣно было, въ 1833 году, продолжать съемку отъ Витебской губерніи до Могилева, Бѣлорусскаго и отъ послѣдняго чрезъ Смоленскъ до Москвы. Чтобы употребить, для скорѣйшаго успѣха этой триангуляціи, большое число отицеровъ и инструментовъ, она была раздѣлена на двѣ триангуляціи, которыя начали работы въ одно и то же время въ Смоленскѣ и Москвѣ, вычисляя каждую работу съ особаго базиса. Для этого измѣрена была близъ Москвы линія, по приведеніи на поверхность моря и къ температурѣ 14° Реомюра, длиною въ 3,505,849 сажень. Высота мѣста, на которомъ измѣренъ базисъ, была выведена изъ ба-

рометрическихъ наблюдений. Съ этого основанія была исчислена вся триангуляція по Московской Губерніи. Дѣйствию ея сдѣлано треугольниковъ 4 класса 129, 2 класса 148, 3 класса 4, 417; этими треугольниками опредѣляется 1,030 точекъ. Для триангуляціи московской сдѣланы астрономическія наблюденія на точкахъ: Москва, Лапина, Митлева, Рождество, Новоселки, Богородская и Жумева.

Начальнымъ пунктомъ для исчисленія прямоугельныхъ координатъ была принята колокольня Ивана-Великаго въ Москвѣ. По известнымъ координатамъ были исчислены широты и разности долготъ всѣхъ точекъ московской триангуляціи. Положеніе Москвы было принято: широта $55^{\circ} 44' 54'' 56$, и разность долготъ отъ Пулкова $7^{\circ} 17' 36'' 4$, а отъ Парижа $35^{\circ} 16' 52'' 4$. Эта триангуляція соединяется со смоленскою, калужскою и рязанскою триангуляціями астрономическою; сама же служитъ для продолженія тверской. Смоленская и московская триангуляціи кончены въ 1839 году.

4. Тверская тригонометрическая съемка.

По окончаніи московской и смоленской триангуляціи, начата была въ 1840 году, какъ ихъ продолженіе, тверская триангуляція; она окончена и всѣ исчисленія сдѣланы подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Тучкова.

5. Крымская тригонометрическая съемка.

Съ 1836 по 1838 годъ, подъ главнымъ начальствомъ генераль-лейтенанта Шуберта, была произведена триангуляція полуострова Крыма. Отдѣльнымъ ея производителемъ былъ Генеральнаго Штаба полковникъ Обергъ.

6. Тригонометрическая съемка Финскаго Залива.

Съ 1828 года, въ бытность Директоромъ Гидрографическаго Департамента генераль-лейтенанта Шуберта; замѣчено, что мореходцы съ некотораго времени начали жаловаться на разность, замѣчаемую въ атласахъ Балтійскаго Моря—Сарычева, Спафарьева, Норденшкьерса, Климата и другихъ, которые хо-

та всѣ удобны къ употребленію, но не соответствовали той степени совершенства, на которой находится нынѣ гидрографія. Несогласіе это приписывали тому, что ни одна изъ этихъ картъ не была снята по строгимъ методамъ высшей геодезіи и по одной общей системѣ; но что онѣ, болѣе или менѣе, составлены были изъ частныхъ съемокъ, произведенныхъ различными и отчасти несовершенными инструментами, каковыми съемками исправлялись прежнія карты. Изъ этого заключили (какъ и подтвердилось опытомъ), что всѣ существовавшія карты Балтійскаго Моря, хотя во многихъ частяхъ весьма драгоценны, но въ общемъ объемѣ не представляли точнаго изображенія.

По вступленіи Его Свѣтлости Князя Меншикова въ должность Начальника Главнаго Морскаго Штаба, онъ обратилъ вниманіе на гидрографію русскихъ морей вообще, въ особенности Балтійскаго. По его приказанію, былъ составленъ проектъ для съемки русскихъ береговъ Балтійскаго Моря.

Всѣ его предположенія были Высочайше утверждены 23 марта 1828 года. Базисъ для финской триангуляціи былъ измѣренъ по льду на ревальскомъ рейдѣ два раза, длиною 2252,75 сажень, въ направленіи оптической оси полуденной трубы ревальской обсерваторіи.

Триангуляція простиралась по обѣимъ сторонамъ Финскаго Залива къ Або чрезъ Аландскіе острова до Стокгольма и чрезъ Ревель къ Гапсалу, острову Дагерорту и г. Пернову, причемъ на Аландскихъ островахъ былъ измѣренъ базисъ. Всего треугольниковъ 1-го класса было до 130; 2 класса до 58, а 3 класса около 500. Этими треугольниками опредѣлено 609 точекъ.

Для триангуляціи были сдѣланы астрономическія наблюденія въ Ревель, Мегги - Пелесь, Дагерортъ, Гельсингфорсъ, Гангъ-Э-Уть, Угъ-Э, Або, Вестершеръ и Стокгольмъ. Для всѣхъ тригонометрическихъ точекъ были исчислены прямоугольныя координаты, а изъ нихъ широта и долгота. Начальнымъ пунктомъ при этихъ исчисленіяхъ была принята ревальская обсерваторія, имѣющая широту $59^{\circ}26'6''{,}5$, и долготу отъ Пулкова $5^{\circ}32'5''{,}5$, а отъ Парижа $22^{\circ}27'40''{,}6$. Финская триангуляція соединяется съ градуснымъ измѣреніемъ въ Голландъ и на берегахъ Эстляндіи, съ триангуляціею генерала Шуберта по

Финскому Заливу и около Нарвы, съ лифляндскимъ измѣреніемъ въ Перновѣ, съ шведскимъ на Амандскихъ островахъ.

Пространство губерній, гдѣ сдѣланы триангуляціи подъ начальствомъ генерала Шуберта, составляетъ болѣе половины Франціи, или около десятой части Европейской Россіи.

С. подъ начальствомъ генеральнаго штаба генераль-лейтенанта Тучкова.

4. Тверская и новгородская тригонометрическая съемка.

Тверская и новгородская триангуляція составляетъ продолженіе московской, до соединенія ея съ коростынскимъ базисомъ прежней новгородской триангуляціи. Тверская и новгородская сѣтъ имѣетъ треугольниковъ 4 класса 231, 2 класса 237, 3 класса 1,610. Этими треугольниками опредѣляется 1,127 тригонометрическихъ точекъ. Астрономическіе пункты въ этой триангуляціи были: Горбовцы, г. Осташковъ и г. Валдай. Такъ какъ по треугольникамъ, идущимъ отъ московскаго основанія, исчисленный коростынской базисъ имѣлъ весьма малую разность отъ непосредственно-измѣреннаго въ 1824 году, то для тверской и новгородской триангуляціи не было измѣрено повѣрительнаго основанія. Исчисленіе широтъ и долготъ всѣхъ тригонометрическихъ точекъ и азимутовъ сторонъ треугольниковъ 1-го и 2-го класса произведено отъ Москвы.

Для точекъ тверской и новгородской триангуляціи прямоугольныхъ координатъ исчислено не было. Тригонометрическіе пункты на листы, для исправленія атласовъ Тверской Губерніи, въ первый разъ въ 1847 году были нанесены по широтамъ и долготамъ въ сѣтъ меридіановъ и параллельныхъ круговъ, отъ 5' до 5'. Для этого были исчислены разстоянія каждой точки отъ ближайшаго меридіана и параллели.

По окончаніи тверской и новгородской триангуляціи, начальникъ ея, генераль-лейтенантъ Тучковъ, сравнивалъ конечные результаты широтъ тригонометрическихъ точекъ, исчисленныхъ изъ Москвы, съ опредѣленіями астрономическими тѣхъ же точекъ, замѣтилъ, что, при самомъ большемъ согласіи долготъ, полученныхъ хронометрическими экспедиціями и тригонометрическими операціями, исчисленные и наблюденныя широты,

значительно не согласны, и притомъ всѣ точки, исчисленныя отъ Москвы, на 10" меньше наблюденныхъ, что подало поводъ думать о невѣрности широты Москвы; но какъ широта эта, по наблюденіямъ Корпуса Топографовъ капитана Васильева и астрономовъ: профессора Перевощикова, надворнаго совѣтника Струве и Швейцера, была почти одна и та же; то это привело къ заключенію объ уклоненіи отвѣсной линіи въ Москвѣ, о чемъ и было словесно передано Совѣщательному Астроному Военно-Топографическаго Депо, надворному Совѣтнику Струве, который съ ученою цѣлію сообщилъ о познаніи фигуры земли Московскому Университету, а директоръ и астрономы тотчасъ приступили къ необходимымъ наблюденіямъ въ окрестностяхъ Москвы. Результаты этого важнаго изслѣдованія будутъ вѣроятно когда-либо сообщены Русскому Географическому Обществу.

2. Южная часть могилевской тригонометрической съемки.

Смоленская и могилевская триангуляція, подъ начальствомъ генерала Шуберта, оканчивалась къ югу въ Могилевской Губерніи до г. Могилева; остальная же, южная часть—безъ тригонометрическихъ пунктовъ; а потому, по Высочайше одобренному предположенію, была предпринята, въ 1847 году, триангуляція въ южной части Могилевской Губерніи, для связи ея съ начатою, въ 1848 году, черниговскою. Въ южной части Могилевской Губерніи опредѣлено астрономически оди́нь пунктъ—Тарасовичи близъ Могилева; сдѣлано до 32 треугольниковъ 1 класса, до 120 треугольниковъ 2 класса и до 200 треугольниковъ 3 класса. Этими дѣйствіями опредѣлено до 450 тригонометрическихъ точекъ, и притомъ триангуляція связана съ черниговскою.

3. Тригонометрическая съемка по Волгѣ.

Генераль Тучковъ, принявъ въ свое начальство тверскую триангуляцію, производившуюся прежде подъ вѣдѣніемъ генерала Шуберта, началъ ее въ Осташковскомъ и Валдайскомъ уѣздахъ, гдѣ находятся, какъ извѣстно, Валдайскія горы и ис-

токъ рѣки Волги. При этомъ случавъ онъ замѣтилъ, что, для полноты триангуляцій, необходимо знать, кромѣ широты и долготы, еще третью координату, т. е. взаимныя разности высотъ тригонометрическихъ точекъ (а отсюда и высоту ихъ надъ поверхностію моря), тѣмъ болѣе, что это дѣлается во всей Европѣ, и у насъ дѣлалось съ 1816 года на съемкахъ генерала Теннера. Поэтому съ 1844 года были измѣнены на всѣхъ тригонометрическихъ точкахъ 4 класса зенитальныя разстоянія. Такимъ образомъ найдено, что высота города Осташкова или озера Селигера надъ поверхностію озера Ильменя составляетъ 645 футовъ; Вѣдомствомъ же Путей Сообщенія данная высота озера Ильменя 407 футовъ, изъ которыхъ 48 футовъ составляютъ паденіе рѣки Волхова, а 49 футовъ представляютъ разность горизонтовъ Ладожскаго Озера и Финскаго Залива. Отсюда выводится высота озера Селигера надъ поверхностію Финскаго Залива 752 фута. Самое высокое мѣсто около Валдая къ югу — гора Рыжуха — 4024 футъ, около г. Осташкова къ западу — гора Палицы — 4055 футовъ, а къ юго-востоку — Козловица — 4044 фута надъ поверхностію Финскаго Залива. Известно, что Черное Море имѣетъ почти одинаковую высоту съ Балтійскимъ и что Каспійское Море 84 фута ниже горизонта Чернаго; следовательно, рѣка Волга отъ истока до устья имѣетъ 834 фута паденія.

Такъ какъ къ 1848 году соединеніе триангуляцій, идущихъ отъ С.-Петербурга и Москвы къ Новгороду, было окончено; триангуляціи по Бессарабской Области и Царству Польскому производились; къ рекогносцированію Новороссійскаго Края было приступлено, и, сверхъ того, какъ многія губерніи въ 1847 году вдругъ были покрыты достаточнымъ числомъ астрономически опредѣленныхъ пунктовъ; то, казалось бы, что самое производство триангуляцій было уже кончено. Тогда Директоръ Военно-Топографическаго Депо, соображая точность военно-топографическихъ съемокъ съ ихъ потребностію, обратилъ вниманіе на проложеніе такихъ триангуляцій, которыя бы, обхватывая большое пространство однимъ рядомъ треугольниковъ, соединялись съ оконченными уже триангуляціями, и тѣмъ самымъ служили бы повѣркой точности какъ самыхъ триангуляцій, такъ и астрономическихъ съѣтъ.

Рѣка Волга была первая избрана для этой цѣли, какъ обнимающая большую часть Европейской Россіи; а потому, въ предположеніяхъ на 1848 годъ, Высочайше утверждено продолженіе триангуляціи отъ Могилева и Москвы по Волгѣ къ Ярославлю. Наблюденія этого года еще не обработаны и никакихъ о томъ подробностей сообщить нельзя. Пространство частей губерній, гдѣ произведены тригонометрическія съемки подъ начальствомъ генерала Тучкова, составляютъ до пятидесятой части Европейской Россіи.

Д. подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Оберга.

Въ 1836 году, по осмотрѣ мѣстности Крымскаго Полуострова подполковникомъ Обергомъ, онъ назначенъ былъ производителемъ этой триангуляціи. Базисомъ было избрано мѣсто близъ города Евпаторіи. Длина этого базиса, по измѣреніи и приведеніи къ поверхности Чернаго Моря и къ $+14^\circ$ по Реомюру, была въ 3.676,507 сажень. Съ этого основанія сдѣлано на всемъ полуостровѣ треугольниковъ 1 класса 89, 2 класса 94, а 3 класса 170. Этими дѣйствіями опредѣлено 224 тригонометрическая точка. Астрономическими наблюденіями было опредѣлено 5 пунктовъ, именно: Чуфуть - Кале (близъ г. Бакчисарая), Тете-Оба (близъ г. Осодосіи), Еникале (близъ пролива и недалеко отъ г. Еникаля), Чорюмъ (близъ г. Перекоса) и Булгагъ-Оба (между Евпаторією и Симферополемъ). Повѣрительнаго базиса для триангуляціи измѣрено не было; но ряды треугольниковъ, составляя сомкнутой полигонъ по морямъ Черному, Азовскому и Сивашу, сходятся опять у первоначальнаго базиса. Координаты и по нимъ широты и долготы этой триангуляціи исчислены отъ точки Чуфуть - Кале, имѣющей широты $44^\circ 43'58''$, 79 и долготы отъ Пулкова къ востоку $3^\circ 37'40''$, а отъ Парижа $34^\circ 36'56''$. Крымскою триангуляцією опредѣлены нѣкоторые пункты на противоположенномъ берегу Еникальскаго Пролива близъ Тамани, также и самый Тамань.

Опредѣленные высоты тригонометрическихъ точекъ 1 ряда относятся къ Черному Морю.

Крымская триангуляція окончена въ 1838 году.

Высочайшія горы на Крымскомъ Полуостровѣ суть: Кемаль-Агерекъ 715 сажень или 5,007 футовъ, Чатырь-Дагъ 714 сажень или 4,995 футовъ; обѣ высоты находятся на одномъ непрерывномъ хребтѣ, отъ Симѣрополя къ южному берегу за Бакчисараемъ.

2. Калужская и тульская тригонометрическая съемка.

По окончаніи триангуляціи Крыма, полковнику Обергу было поручено осмотрѣть мѣстность Калужской и Тульской губерній, съ тѣмъ, чтобы составить примѣрную смету и положеніе для производства триангуляціи. Въ 1840 году Высочайше разрѣшено производить тригонометрическую съемку въ Калужской и Тульской губерніяхъ, вслѣдствіе чего былъ измѣренъ, въ 1843 году, базисъ близъ города Болхова Орловской Губерніи, длиною въ 3,990 сажень; базисъ этотъ былъ приведенъ къ поверхности московскаго базиса посредствомъ геодезическаго нивелированія; но, доведя эту триангуляцію чрезъ орловскую и черниговскую триангуляціи до кіевской, можно получить повѣрку относительно приведенія базиса къ поверхности горизонта. Калужская и тульская триангуляціи окончены въ 1847 году. Дѣйствиємъ ихъ сдѣлано въ Калужской Губерніи треугольниковъ 1-го класса 116, 2-го класса 858, а 3-го класса 979. Въ Тульской Губерніи треугольниковъ 1-го класса 86, 2-го класса 835 и 3-го класса 966. Всего опредѣлено въ Калужской Губерніи точекъ 1-го класса 76, 2-го класса 215, а 3-го класса 282; въ Тульской Губерніи — точекъ 1-го класса 64, 2-го класса 254, а 3-го класса 326. Начальнымъ пунктомъ былъ городъ Болховъ Орловской Губерніи. Триангуляція соединяется съ московскою, смоленскою и орловскою триангуляціями астрономическою съѣткою. Въ 1848 году триангуляція эта продолжается чрезъ Орловскую Губернію въ Черниговскую, и продолжается повнѣ до соединенія съ кіевскою триангуляціею.

3. Черниговская тригонометрическая съемка.

Предположеніемъ о геодезическихъ работахъ на 1848 годъ Высочайше разрѣшено: по окончаніи тульской триангуляціи, продолжать триангуляцію калужскую по Орловской Губерніи въ Черниговскую, до соединенія съ Кіевскою. Черниговская

триангуляція, начата въ 1848 году, продолжается въ разныхъ уѣздахъ губерній.

Пространство губерній, гдѣ произведены триангуляціи подѣ начальствомъ полковника Оберга, составляетъ около тридцатой части всей Европейской Россіи.

Е. тригонометрическое измѣреніе новороссійскаго края.

До 1848 года губерніи Херсонская и Екатеринославская, не будучи покрыты тригонометрическою сѣтью, составляли замѣтный промежутокъ между оконченными триангуляціями: кievскою, крымскою и бессарабскою; поэтому въ 1848 году, по Высочайше одобренному представленію, было поручено генералъ-маіору Вронченко рекогносцировать Новороссійскій Край, для составленія проекта и сметы къ производству тамъ триангуляціи.

При осмотрѣ Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерній, предположено провести 7 главныхъ рядовъ треугольниковъ, числомъ до 220, которые бы служили для соединенія этой триангуляціи съ таковыми же: бессарабскою, кievскою, крымскою и съ астрономическими сѣтями харьковскою и Земли Войска Донскаго. О производствѣ этого измѣренія, производящагося съ особенною быстротою, я постараюсь сообщить когда-нибудь Русскому Географическому Обществу.

Ф. тригонометрическая съемка закавказскаго края.

Гористая страна Закавказскаго Края представляетъ удобство для проведенія триангуляціи. Тригонометрическія и астрономическія работы, подѣ начальствомъ Генеральнаго Штаба полковника Ходзько, начаты тамъ въ 1846 году, и въ 1847 году измѣренъ шамхарскій базисъ длиною въ 4.296,411 сажень; сдѣлано 29 треугольниковъ 1-го класса; опредѣлены нѣкоторые астрономическіе пункты въ путешествіе съ хронометрами; опредѣлены положенія и высоты горъ Казбека и Арарата точными наблюденіями. Стороны треугольниковъ, опредѣляющихъ горы Араратъ, болѣе 100 верстъ, а стороны треугольниковъ, опредѣляющихъ Казбекъ, болѣе 150 верстъ.

Въ нынѣшнемъ году производится триангуляція по рѣкѣ Араксу къ сѣверу. Такъ какъ триангуляція еще не окончена,

то и не известны подробности, которыя, по окончаніи, должны составить любопытное чтеніе въ Собраніи Русскаго Географическаго Общества. Измѣряемыя взаимныя зенитныя разстоянія столь значительныхъ горъ, какъ Эльбрусь, Казбекъ, Араратъ и другихъ, послужатъ къ опредѣленію постоянныхъ коэффициентовъ земной рефракціи, которые досель были выведены изъ наблюденій въ мѣстахъ, не столь возвышенныхъ.

Г Л А В А II.

О ГЕОДЕЗИЧЕСКИХЪ РАБОТАХЪ, ПРОИЗВЕДЕННЫХЪ ПОДЪ ВѢДѢНІЕМЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

А. ЛИФЛЯНДСКОЕ АСТРОНОМИЧЕСКОЕ И ТРИГОНОМЕТРИЧЕСКОЕ ИЗМѢРЕНІЕ.

Лифляндское измѣреніе произведено въ 1816, 1817 и 1818 годахъ отъ Дерптскаго Университета профессоромъ (нынѣ Директоромъ Главной Обсерваторіи) Струве. Триангуляція эта, долженствуя служить основаніемъ атласа Лифляндскаго Экономическаго Общества, была сдѣлана секстантомъ, какъ удобнѣйшимъ изъ инструментовъ, находившимся тогда въ математическомъ кабинетѣ Университета; но согласіе ея сторонъ съ общими сторонами градуснаго измѣренія въ Лифляндіи и триангуляцій псковской и балтійской, доказываютъ, что при тщаніи можно наблюдать хорошо и посредственными, даже неудобными къ тому инструментами.

Базисомъ для триангуляціи служила линія въ 6844,92 туаза, или въ 6252,93 сажень, непосредственно - измѣренная приборомъ, состоящимъ изъ пяти деревянныхъ брусковъ, на Озерѣ Вирцярвь. Весь базисъ находился на восточной сторонѣ озера, между деревнями Уникюль, принадлежащею мызѣ Рандень, и Кубія, принадлежащею мызѣ Вальгута. Нормальною мѣрою для брусковъ былъ желѣзный туазъ работы Леннеля. Вся триангуляція имѣла треугольничковъ 2 и 3 класса 313. Этими дѣйствіями было опредѣлено 292 пункта. Сверхъ того, была произведена астрономическая и тригонометрическая съѣзъ по восточному берегу Рижскаго Залива,

отъ Риги до Пернова. На этомъ пространствѣ опредѣлено 13 пунктовъ. Близъ города Пернова былъ измѣренъ базисъ, съ котораго, въ окрестностяхъ этого города, произведена также особая триангуляція. Всего же опредѣлено 325 тригонометрическихъ точекъ.

Согласіе результатовъ съ близлежащими было слѣдующее:

		широта.	долгота.
Рига, Кирка домъ.	Струве	56°56'59"6	41°45'53"
	Теннера	59,0	53
Перновъ, цер. Св. Екатерины	Струве	56°23' 2"9	43° 9'43"
	Врагеля	5,6	37
Добарскальнъ, пирамида.	Струве	56°35' 5"8	43°21'40"
	Шуберта	3,8	44
Мунналеги, пирамида	Струве	56°42'52"4	44°43'38"
	Шуберта	51,2	37

Замѣтное противъ другихъ, хотя въ сущности и незначительное, несогласіе въ результатъ долготы города Пернова произошло отъ измѣренія по восточному берегу Рижскаго Залива; ибо тамъ астрономическія наблюденія были произведены секстантомъ, чтд для 13 опредѣленныхъ пунктовъ, отъ погрѣшностей въ азимутахъ и широтахъ, легко могло составить до 70 сажень. Но если предположимъ, что въ триангуляціи по Финскому Заливу, простирающейся отъ Ревеля до Пернова слишкомъ на 200 верстъ, находятся погрѣшности, то остается самое большее несогласіе до 40 сажень.

Кромѣ опредѣленія широты, долготы и координатъ 325 точекъ въ Лифляндіи, сдѣлано также опредѣленіе высотъ надъ поверхностію моря 280 точекъ. Эти послѣдніе результаты были такъ удовлетворительны, что, по сравненіи ихъ съ результатами высотъ лифляндскаго градуснаго измѣренія, оказалась средняя разность въ 8 дюймовъ. Результаты этой триангуляціи изданы въ 1844 году на нѣмецкомъ языкѣ въ Запискахъ Академіи Наукъ, томъ IV.

При исчисленіи координатъ этой триангуляціи, началомъ принята произвольная точка, имѣющая широты 56° 30' 51", 51" и долготы отъ Дерпта 1° 17' 46", 50. Точка эта не со-

ответствовала никакому определенному мѣсту въ триангуляціи, но широта принадлежала мѣстечку Крейзбургу; а меридіанъ имѣлъ разность долготъ отъ Дерпта $1^{\circ} 17' 46,5''$ къ западу или $43^{\circ} 5' 28,5''$ къ востоку отъ перваго меридіана.

В. градусное измѣреніе въ остзейскихъ провинціяхъ.

Измѣреніе градусовъ широты по дерптскому меридіану въ Остзейскихъ провинціяхъ было предпринято въ 1821 году, съ Высочайшаго соизволенія, бывшимъ Директоромъ Дерптской Обсерваторіи Струве. Работы продолжались до 1830 года. Это измѣреніе столь извѣстно ученому свѣту, по его точности, что излишне бы было о немъ говорить; но, для полноты предпринятаго описанія, сообщаемъ нѣкоторыя общія его основанія.

Базисъ, или начальная непосредственно-измѣренная линія для этой важной работы, была къ сѣверу отъ Дерпта, между деревнями Вайбиферъ и Катко. Разстояніе, приведенное къ горизонту моря и къ температурѣ $+14^{\circ}$, было 2315,131 туаза, или 2,114,906 сажень. Отъ этой линіи была распространена, въ выгодномъ по возможности расположеніи, сѣтъ треугольниковъ около меридіана, идущаго чрезъ Дерптскую Обсерваторію. Сѣтъ была доведена съ южной стороны къ Двинѣ до г. Якобштата, а къ сѣверу до острова Гохланда на Финскомъ Заливѣ. Все протяженіе меридіана было $3^{\circ} 35' 5,209''$ или 204819,554 туаза. Не входя въ любопытныя подробности о самомъ производствѣ и инструментахъ, скажемъ только, что всего было въ градусномъ измѣреніи 33 треугольника по порядку въ главной сѣти и 7 треугольниковъ для связи съ нею нѣкоторыхъ точекъ, какъ-то: концовъ базиса и другихъ. Этими треугольниками определено 32 главныя точки, для которыхъ исчислены были изъ Дерптской Обсерваторіи полярныя координаты въ туазахъ *.

По этимъ координатамъ были исчислены длины двухъ дугъ меридіановъ, которыя суммою своею дали цѣлую длину между

* Хотя спеціально занимающіеся геодезическими работами извѣстно значеніе полярныхъ координатъ: но не излишне будетъ сказать, что полярными координатами определяются точки, если разстоянія до нея отъ какой-либо главной точки извѣстны и притомъ дано положеніе этого разстоянія относительно линіи, постоянно проведенной чрезъ главную точку.

Якобштатомъ и Гохландомъ. Сличая линейную длину дугъ между Якобштатомъ и Дерптомъ, и между Дерптомъ и Гохландомъ (Мегги-Пелюсъ) съ числомъ градусовъ этихъ дугъ, полученныхъ изъ астрономическихъ наблюдений, выведены длины каждаго градуса меридіана для этого протяженія. Любопытныя и важныя для Географическаго Общества подробности о градусныхъ измѣреніяхъ выходятъ изъ круга нашего описанія. Это градусное измѣреніе соединяется съ литовскимъ генерала Теннера при Якобштатѣ. О согласіи результатовъ этого соединенія было упомянуто выше, въ описаніи гродненской триангуляціи. Оно соединяется также со съемками генерала Шуберта въ Лиѳляндіи, на сигналахъ Ленардъ и Гайзекальне, и въ Финскомъ Заливѣ у острова Гохланда. Кромѣ вывода длины градусовъ меридіана, бдительный наблюдатель не оставилъ безъ вниманія, при этихъ многотрудныхъ занятіяхъ, опредѣлить высоты всѣхъ точекъ сѣти градуснаго измѣренія надъ поверхностію Балтійскаго Моря, а увлекаясь наукою, ученый производитель вывелъ изъ взаимныхъ опредѣленій разности высотъ точекъ постоянные факторы, употребляемые при земной рефракціи.

Я не дозволяю себѣ сравнивать эти работы даже съ лучшими европейскими; но могу замѣтить, что, если сдѣланныя уже наблюденія, отъ Нордъ-Капа до Измаила или почти отъ Ледовитаго Моря до Чернаго, будутъ также счастливо окончены, какъ и описанное градусное измѣреніе, то они заслужатъ благодарность грядущаго потомства и будутъ прекраснымъ памятникомъ современной дѣятельности.

Описаніе этого градуснаго измѣренія посвящено Государю Императору и было издано, въ 1831 году, въ Дерптѣ на нѣмецкомъ языкѣ.

С. градусное измѣреніе въ финляндіи.

Окончивъ градусное измѣреніе въ Остзейскихъ провинціяхъ, г. Струве, по Высочайше одобренному, въ 1830 году, предположенію приступилъ къ продолженію градуснаго измѣренія по Финляндіи, начиная отъ острова Гохланда. Сначала были измѣряемы только углы, а потомъ, въ 1843 и 1845 годахъ, измѣрены два базиса: первый къ сѣверу отъ г. Ловизы

въ кирхшиль Елимъ, а второй близъ г. Улеборха. Вся часть этого измѣренія отъ острова Гохланда до г. Торнео имѣеть 76 треугольниковъ, служащихъ къ опредѣленію дуги въ $5^{\circ} 46'$ съ секундами. Это измѣреніе продолжено шведскимъ правительствомъ до Ледовитаго Моря. Еще не исчислены всѣ результаты, а потому прочихъ любопытныхъ подробностей не сообщаемъ.

Д. каспійская экспедиція между чернымъ и каспійскимъ морями.

По случаю несогласія въ результатахъ ученыхъ, опредѣлявшихъ барометрически разность высотъ между уровнями Чернаго и Каспійскаго морей, снаряжена была, въ 1836 году, отъ Академіи Наукъ, по представленію г. Струве, экспедиція въ Дерптъ, изъ астрономовъ: Фуса, Заблера и Савича, которые, въ теченіе 1836 и 1837 годовъ, окончили свои дѣйствія.

Кромѣ главнаго вывода пониженія Каспійскаго Моря на 84 русскихъ фута противъ Чернаго (что найдено помощію трехъ независимыхъ одно отъ другаго геодезическихъ нивелированныхъ), опредѣлены были тригонометрически всѣ деревни и нѣкоторыя примѣчательныя урочища, лежащія по направленію большой дороги, идущей чрезъ часть Екатеринославской Губерніи, Землю Войска Донскаго и Кавказскую Область; также опредѣлены астрономически изъ этихъ пунктовъ по широтѣ и долготѣ географическое положеніе главнѣйшихъ вершинъ Кавказа и высоты ихъ надъ поверхностію Чернаго Моря, что доставить, можетъ быть, пользу для физической географіи. Изданное описаніе этой экспедиціи содержитъ всѣ подробности, относящіяся къ измѣренію: какъ разности уровней Чернаго и Каспійскаго морей, такъ и руководство для употребленія нѣкоторыхъ постоянныхъ величинъ при исчисленіи земной рефракціи; кромѣ того, широты, долготы и высоты 32 точекъ, лежащихъ на протяженіи отъ Новочеркаска до Кизляра. Въ описаніи помѣщены высоты горъ: Бешетау 4589 футовъ или 6,556 сажень, западной вершины Эльбруса 18,514 футовъ или 2,645 сажень, и Казбека 16,545 футовъ или 2,363 сажени.

ГЛАВА III.

О ГЕОДЕЗИЧЕСКИХЪ РАБОТАХЪ, ПРОИЗВЕДЕННЫХЪ ВЪ
ВѢДЪНИИ МИНИСТЕРСТВЪ, ВОЕННАГО И НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕ-
НІЯ, И РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Астрономическія спити.

Открытая гористая мѣстность, имѣющая вблизи роши и
лѣса, годные для постройки, есть самая удобная для производ-
ства триангуляцій. Сверхъ того, пограничныя губерніи, требую-
щія твердыхъ основаній для подробныхъ топографическихъ съе-
мокъ, должны быть непременно покрыты точными тригоно-
метрическими сѣтями. Но въ мѣстахъ лѣсистыхъ и плоскихъ
почти невозможно производить тригонометрическія работы, какъ
напримѣръ: въ сѣверной части губерніи Новгородской, Оло-
нецкой и другихъ. Поэтому для лѣсистыхъ губерній, лежа-
щихъ внутри государства, Начальство Генеральнаго Штаба всег-
да имѣло въ виду, по окончаніи триангуляцій на западъ и югъ,
приступить къ производству покрытія астрономическими сѣ-
тями тѣхъ мѣстъ лѣсистыхъ губерній, гдѣ невозможно, безъ
огромныхъ издержекъ, произвести триангуляціи. Хотя пункты,
полученные скорыми астрономическими наблюденіями, иногда
не представляютъ потребной точности топографическихъ и
экономическихъ съемокъ, но они почти всегда удовлетворитель-
ны для составленія картъ, даже специальныхъ.

Принявъ во вниманіе сказанныя обстоятельства и имѣя въ
виду, что точныя триангуляціи требуютъ несравненно болѣе
времени и издержекъ, нежели составленіе астрономическихъ
сѣтей, Русское Географическое Общество, чтобы исправить и
составить губернскіе атласы, могущіе служить лучшими мате-
ріалами для специальныхъ картъ, предложило, въ 1846 году,
для сокращенія времени, употребить способъ астрономическихъ
наблюденій въ губерніяхъ, непокрытыхъ триангуляціями. Это
предложеніе было принято Начальствомъ Генеральнаго Штаба
и Главнымъ Начальникомъ Межеваго Корпуса. Вслѣдствіе чего,
въ 1847 году были предприняты хронометрическія экспедиціи,
для наполненія астрономическими пунктами губерній: Владимір-

ской, Тамбовской, Рязанской, Орловской, Воронежской, Харьковской, Курской, Полтавской и Земли Войска Донскаго, которыя съ успѣхомъ почти все уже и окончены. Здѣсь слѣдуетъ краткое обозрѣніе этихъ экспедицій, а также двухъ экспедицій, совершенныхъ по предложенію Генеральнаго Штаба астрономомъ Пулковской Обсерваторіи, надворнымъ совѣтникомъ Струве.

А. вольшія хронометрическія экспедиціи астронома надворнаго совѣтника струве.

Въ 1842 году, пулковскій астрономъ надворный совѣтникъ Струве посланъ былъ отъ Главной Пулковской Обсерваторіи въ г. Липецкъ Тамбовской Губерніи, для наблюденія тамъ 26 іюня полного солнечнаго затмѣнія. Снабженный всеми потребными инструментами для наблюденій времени и широты, и 12 хронометрами, астрономъ, во время 36-дневнаго путешествія, опредѣлилъ положеніе городовъ: Новгорода, Москвы, Рязани, Липецка, Воронежа и Тулы. Сверхъ того, это путешествіе устранило всякое сомнѣніе относительно перевозки хронометровъ сухимъ путемъ, даже на большихъ разстояніяхъ, для точнаго опредѣленія долготы мѣсть.

Эти результаты подали поводъ Начальству Генеральнаго Штаба предложить Директору Главной Пулковской Обсерваторіи опредѣлить инструментами обсерваторіи нѣсколько астрономическихъ пунктовъ, лежащихъ на линіяхъ, соединяющихъ три точки: Пулково, Москву и Варшаву, и чрезъ то доставить независимую повѣрку долготамъ, получаемымъ триангуляціями и хронометрическими экспедиціями.

Когда это предположеніе было Высочайше утверждено, то Директоръ Главной Пулковской Обсерваторіи счелъ необходимымъ сначала опредѣлить точнѣе долготу самаго Пулкова, ибо не надежно было бы избрать за начальный пунктъ долготу неопредѣленный точно, относительно главныхъ европейскихъ обсерваторій.

По представленію г. Министра Народнаго Просвѣщенія, было Высочайше утверждено совершить двѣ хронометрическія экспедиціи въ 1843 году между Невой и Эльбою, для опредѣленія разности долготъ С.-Петербурга и Альтоны, а въ 1844

году между Эльбою и Темзою, для соединенія разностию долготъ Альтоны и Гринвича. Получивъ эти результаты, съ величайшею, неслыханною прежде точностию, до нѣсколькихъ сотыхъ долей секунды во времени, можно было приступить къ производству работъ, предложенныхъ Генеральнымъ Штабомъ, внутри Россіи. Описаніе этихъ экспедицій выдано въ 1844 и 1846 годахъ.

Въ 1845 году было произведено соединеніе Пулкова съ Москвою и Варшавою, подъ начальствомъ астронома Пулковской Обсерваторіи, надворнаго советника Струве. Съ 16 мая по 19 іюня съ 40 хронометрами совершено было 8 путей между Пулковымъ, Валдаемъ и Москвою.

Въ томъ же году, отъ начала іюля до 1 сентября, хронометрическою экспедиціею сдѣлано еще 8 путей съ 40 хронометрами, между Пулковымъ, Вилькомиромъ и Варшавою.

Хронометрическими экспедиціями въ 1845 году были опредѣлены разности долготъ Москвы, Валдая, Вилькомира и Варшавы отъ Пулковской Обсерваторіи.

Въ 1846 году, подъ начальствомъ того же астронома, была сдѣлана южная хронометрическая экспедиція, между Москвою и Варшавою чрезъ Николаевъ.

Отправившись 20 іюня съ 40 лучшими хронометрами изъ Москвы чрезъ Николаевъ, астрономъ Струве прибылъ 11 іюля въ Варшаву. Во время этого путешествія опредѣлено было, кромѣ Николаева, положеніе Харькова, Кіева и Житомира.

Іюля 16 экспедиція отправилась обратно изъ Варшавы чрезъ Николаевъ въ Москву, куда и достигла 9 августа. На обратномъ пути опредѣлено положеніе Одессы, Кременчуга, Полтавы, Орла и во второй разъ Харькова. 14 августа экспедиція возвратилась въ Пулково.

Хронометрическою экспедиціею въ 1846 году были опредѣлены по широтѣ и долготѣ: Житомиръ, Полтава, Кіевъ, Одесса, Николаевъ, Кременчугъ, Харьковъ и Орель.

Всѣ любопытныя подробности объ этихъ экспедиціяхъ будутъ сообщены въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ.

Не входя въ численные выводы широтъ и долготъ опредѣленныхъ этими экспедиціями точекъ, любопытно упомянуть о согласіи между разностями долготъ Москвы и Пулкова, кото-

рия выведены изъ триангуляцій, произведенныхъ подъ начальствомъ генераловъ Шуберта и Тучкова.

долгота отъ Пулковска.

1) Подъ начальствомъ генерала Шуберта (триангуляціями: с.-петербургскою, псковскою, витебскою, могилевскую, смоленскую и московскою) 7°14'36,"6.

2) Подъ начальствомъ генерала Шуберта (триангуляціями: с.-петербургскою, псковскою, и новгородскою:) и генерала Тучкова (триангуляціями тверскою и новгородскою) 7°14'34,"0.

среднее 35"3.

3) По опредѣленію астронома Струве (сына) (экспедиціею 1845 года). 7°14'34,"1.

Разность 1,"2 въ дугѣ, или 10 сажень, на разстояніи 600 верстъ, достаточно показываетъ чрезвычайную точность работъ хронометрическихъ и въ особенности тригонометрическихъ. ●

В. АСТРОНОМИЧЕСКАЯ СѢТЬ, ПРОИЗВЕДЕННАЯ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ГЕНЕРАЛЬ-МАІОРОМЪ ВРОНЧЕНКО.

Въ 1847 году, по представленію Русскаго Географическаго Общества, Высочайше утверждено: сдѣлать астрономическую сѣть губерній: Рязанской, Тамбовской, Владимірской и Орловской. Членъ Общества, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вронченко (нынѣ генераль-маіоръ) принялъ на себя эту обязанность и выполнилъ лично съ желаемымъ успѣхомъ.

По надлежащемъ совѣщаніи съ Директоромъ Главной Пулковской Обсерваторіи и Начальникомъ Межеваго Корпуса, М. П. Вронченко получилъ, для производства работъ, 8 отличныхъ хронометровъ, астрономическій теодолитъ и два барометра. Ко времени его отправленія, Главный Начальникъ Межеваго Корпуса, желая воспользоваться этимъ случаемъ, съ согласія М. П. Вронченко, прикомандировалъ къ нему двухъ старшихъ землеѣрныхъ помощниковъ для наблюденій въ каждомъ уѣздномъ городѣ съ избраннаго пункта азимутовъ

замычательныхъ зданій (что впоследствии можетъ служить къ самому вѣрному опредѣленію отклоненія магнитной стрѣлки отъ меридіана); причемъ они могли приучиться и къ другимъ астрономическимъ наблюденіямъ. Для наблюденія азимутовъ, былъ взятъ малый универсальный инструментъ и карманный хронометръ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1847 года, М. П. Вронченко отправился въ Москву и оттуда по вышеупомянутымъ губерніямъ. Основными для долготъ точками этой хронометрической экспедиціи были Москва и Орель; сверхъ того, главными точками были Владиміръ, Рязань, Липецкъ, Козловъ и Тамбовъ, опредѣленные прежде. Всего опредѣлено астрономически, въ Рязанской, Тамбовской, Владимірской и Орловской губерніяхъ, 70 точекъ. Широты ихъ вычислены самимъ наблюдателемъ; долготы же, по случаю откомандированія генераль-маіора Вронченко для исполненія другого порученія, были переданы въ Главную Пулковскую Обсерваторію. Всѣ исчисленія по этому предмету нынѣ уже окончены.

Эта астрономическая стѣть связывается общими пунктами съ подобными ей стѣтями, произведенными подполковникомъ Леммомъ въ Новохоперскъ и Борисоглѣбскъ. Согласіе результатовъ слѣдующее:

	широта	Отъ Пулкова долгота.
г. Новохоперскъ у генерала Вронченко	51.° 5. 57, "7.	44.° 18. 45, "0.
— - подполковника Лемма	55, 5.	48, 0.
— Борисоглѣбскъ у генерала Вронченко	51. 21. 56, 2.	44. 24, 3.
— - подполковника Лемма	54, 5.	20, 85.

Сверхъ того, эта стѣть соединяется съ московскою и калужскою триангуляціями. Результаты еще не сравнены и потому о согласіи не извѣстно. Сравненіе результатовъ астрономическихъ и тригонометрическихъ бываетъ интересно, по различію въ точности тригонометрическихъ и астрономическихъ дѣйствій.

**С. АСТРОНОМИЧЕСКІЯ РАБОТЫ, ПРОИЗВЕДЕННЫЯ КОРПУСА ТОПОГРАФОВЪ
ПОДПОЛКОВНИКОМЪ ЛЕММОМЪ.**

1. *Астрономическая съѣзъ Земли Войска Донскаго.*

По представленію Генераль-Квартирмейстера генераль-адъютанта Берга, Высочайше повелѣно произвести астрономическія наблюденія въ Земль Войска Донскаго, для чего былъ назначенъ астрономъ Корпуса Топографовъ подполковникъ Леммъ.

По надлежащемъ совѣщаніи съ Директоромъ Главной Пулковской Обсерваторіи, въ іюнѣ 1847 года, подполковникъ Леммъ, снабженный шестью хронометрами, астрономическимъ теодолитомъ, барометромъ и другими предметами, нужными для астрономическихъ наблюденій, отправился въ г. Харьковъ, а оттуда, по предварительному плану, въ Воронежъ и обратно въ Харьковъ, въ Новочеркасскъ, по Земль Войска Донскаго, дважды въ Сарепту и дважды въ Воронежъ, опредѣляя на пути разныя точки. Всего было опредѣлено этою экспедиціею 70 пунктовъ. Главными основными точками для долготъ были: Харьковъ, Воронежъ, Новочеркасскъ и Сарепта. Съѣзъ связывается съ съѣзми, произведенными дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Вронченко въ Новохоперскъ и Борисоглѣбскъ, съ съѣзью харьковскаго профессора Шидловскаго въ Харьковъ, Воронежъ и Новочеркасскъ, и съ опредѣленіемъ астрономовъ каспійской экспедиціи въ Новочеркасскъ.

Согласіе результатовъ было слѣдующее:

Новохоперскъ и Борисоглѣбскъ былъ выше:

	широта.	Отъ Харькова. долгота.
Новочеркасскъ у подполковника Лемма	47°24'46"0	3°52'27"75
у профессора Шидловскаго		30,"90
у астрономовъ каспійской экспедиціи	47°24'34,"9.	

Результаты этой съѣзми исчислены и уже употреблены къ составленію оригиналовъ для военно-топографической карты Россіи.

2. *Астрономическая съѣзъ северныхъ частей Новгородской Губерніи.*

Обращая вниманіе на важность геодезическихъ работъ въ западныхъ и южныхъ частяхъ Россіи, Генераль-Квартирмейстеръ, генераль-адъютантъ Бергъ, по представленію Директора Военно

Топографическаго Депо, генераль-лейтенанта Тучкова, исходатайствовалъ, въ 1848 году, Высочайшее разрѣшеніе производить триангуляцію въ Новороссійскомъ Краѣ, какъ составляющемъ необходимое звѣно непрерывной цѣпи триангуляцій, которыя обхватываютъ Россію съ западной и южной сторонъ, отъ Ботническаго Залива до береговъ Каспійскаго моря. Потомъ, озабочиваясь составленіемъ вѣрныхъ съемокъ и картъ внутреннихъ губерній, Директоръ Военно-Топографическаго Депо не преминулъ, какъ уже выше упомянуто, немедля привести въ исполненіе составленный давно проектъ опредѣлить сколь возможно болѣе астрономическихъ пунктовъ въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ невозможно, безъ огромныхъ издержекъ, производить триангуляцію.

Для этого избрана была Новгородская Губернія, лѣсистая въ сѣверныхъ частяхъ и совершенно неудобная къ производству тригонометрическаго измѣренія. Въ томъ же 1848 году, съ Высочайшаго разрѣшенія, назначенъ былъ астрономъ Корпуса Топографовъ подполковникъ Леммъ для составленія астрономической сѣти въ Новгородской Губерніи. Снабженный 8 хронометрами, астрономическимъ теодолитомъ, барометромъ и нѣкоторыми другими мелкими инструментами, онъ отправился, въ іюнь, изъ Пулкова въ Новую Ладугу и потомъ въ Новгородскую Губернію, избравъ основными точками для долготъ Пулковскую Обсерваторію, Устюжцу, Боровичи, Тихвинъ, Кириловъ и Вологду; первыя двѣ точки принадлежать къ тверской и новгородской триангуляціи. Всего опредѣлено 43 пункта, въ томъ числѣ губернской городъ Вологда. Въ сентябрѣ астрономъ возвратился въ С.-Петербургъ, и исчислилъ широты и долготы изъ сдѣланныхъ имъ наблюденій.

d. астрономическая сѣть владимірской губерніи, произведенная московскимъ профессоромъ Драшусовымъ.

Профессоръ Драшусовъ, имѣя 6 хронометровъ, два пассажные инструмента, барометръ и прочіи принадлежности для астрономическихъ наблюденій, опредѣлилъ, въ три поѣздки изъ Москвы, основный пунктъ Владиміръ, а въ путешествія съ хронометрами отъ этого пункта еще опредѣлилъ 6 городовъ Владимірской Губерніи. Городъ Владиміръ есть общій пунктъ, принятый за основаніе сѣти генерала Вронченко.

**Е. АСТРОНОМИЧЕСКАЯ СЕТЬ ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ ВОРОНЕЖСКОЙ, ПОЛТАВ-
СКОЙ, ХАРЬКОВСКОЙ И ЮЖНОЙ ЧАСТИ КУРСКОЙ.**

Въ 1847 и 1848 годахъ по губерніямъ Воронежской, Харьковской и южной части Курской предположено опредѣлить астрономически до 30 точекъ, въ томъ числѣ города: Воронежъ, Харьковъ и Новочеркасскъ. Работы произведены харьковскимъ профессоромъ Шидловскимъ съ 6 хронометрами и астрономическимъ теодолитомъ. Сеть связывается съ астрономическою сетью подполковника Лемма въ Воронежъ, Харьковъ и Новочеркасскъ. Главною основною точкою для долготъ былъ городъ Харьковъ. Всего опредѣлено было 39 точекъ.

Г. УГАЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

Въ 1847 году Русскимъ Географическимъ Обществомъ была снаряжена Геологическо-Географическая Экспедиція къ Северному Уралу; членами ея были: полковникъ Гофманъ, майоръ Стрижевскій, магистръ Ковальскій и естествоиспытатель Брандтъ; при нихъ находились топографы Военнаго Ведомства Юрьевъ и Брагнпъ, и нѣсколько чернорабочихъ. Членъ экспедиціи, магистръ Ковальскій, въ продолженіе 1847 и 1848 годовъ, опредѣлялъ по географическому положенію до 180 пунктовъ; главными точками при опредѣленіи долготъ были избраны: г. Чердынь, Оранецъ, Пустозерскъ, Березовъ, Обдорскъ и другія. Долгота нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣстъ была опредѣлена лунными кульминаціями и закрытіями звѣздъ. Полное описаніе экспедиціи будетъ обнародовано въ самомъ непродолжительномъ времени.

Примчаніе 1. О всѣхъ прочихъ экспедиціяхъ, служащихъ къ опредѣленію географическаго положенія мѣстъ, было сообщено въ «Обзоръ географическихъ работъ въ Россіи», напечатанномъ въ первой книжкѣ Записокъ Русскаго Географическаго Общества.

Примчаніе 2. Всѣми астрономическими и тригонометрическими дѣйствіями опредѣлено въ Россіи до 40,000 точекъ по географическому положенію; изъ нихъ до 6,000 постоянныхъ, а прочія суть знаки, служащія для наблюденій.

По окончаніи всѣхъ описанныхъ важнѣйшихъ геодезическихъ работъ, можно будетъ ожидать, что занятія эти тѣмъ же порядкомъ будутъ продолжаться постепенно по всѣмъ внутреннимъ губерніямъ Европейской и Азіатской Россіи, пролагая въ открытыхъ и гористыхъ мѣстахъ тригонометрическія, а въ лѣсистыхъ мѣстахъ астрономическія сѣти. Въ губерніяхъ же, покрываемыхъ триангуляціями, будутъ постоянно производиться военно-топографическія съемки. Между тѣмъ, основанныя на астрономическихъ сѣтяхъ съемки Межеваго Корпуса, принятія для исправленія межевыхъ атласовъ, скоро доставятъ матеріалы, достаточныя къ составленію спеціальной карты тѣхъ губерній, гдѣ еще не произведено военно-топографическихъ съемокъ.

Сообразивъ огромность пространства, на которомъ производились въ Россіи измѣренія, быстроту и точность работъ, должно согласиться, что у насъ сдѣлано для пользы наукъ и государства въ этомъ отношеніи такъ много, что прочимъ образованнымъ народамъ остается только завидовать нашей деятельности.

НѢСКОЛЬКО КЛИМАТИЧЕСКИХЪ ДАННЫХЪ, ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ГОРОДУ ХАРЬКОВУ.

Статья Профессора Императорскаго Харьковскаго Университета *В. И. Лапина.*

Харьковская Губернія причисляется къ южнымъ губерніямъ Европейской Россіи, отличающимся благорастворевнымъ климатомъ. Но свѣдѣній о различныхъ обстоятельствахъ, которыми съ точностію определяются климатическія отношенія данной мѣстности, нѣтъ не только о цѣлой губерніи, но даже и о городѣ Харьковѣ. Имя Харькова до сихъ поръ не внесено въ списокъ тѣхъ мѣстъ, которыхъ средняя годовичная температура извѣстна. Я рѣшился пополнить этотъ недостатокъ, и съ 1844 года началъ производить метеорологическія наблюденія въ Харьковѣ. Сообщаемыя нынѣ мною свѣдѣнія, будучи извлечены изъ слишкомъ краткаго 8-лѣтняго періода наблюденій, заключаютъ ближайшіе только, средніе метеорологическіе выводы, которые послужатъ началомъ для дальнѣйшихъ изслѣдовацій періодическихъ и не періодическихъ перемѣнъ, отличающихъ климатъ Харькова и всей окрестной страны.

Примчаніе.

Широта Харькова 50° 0' 10"
Долгота отъ Гринича 2° 24' 53" 5

Эти данныя заимствованы изъ хронометрической экспеди-
ціи пужовской.

Температура по R.

Показанія барометра сведены къ
13 $\frac{1}{2}$ R., и считаются полулиниями
англ.

Счетъ времени по новому стилю.

Сокращенныя названія вѣтровъ: O—восточный.
W—западный.

Сообразно съ этимъ и другіе,
какъ-то:

NO—сѣверо-восточный.

NW—сѣверо-западный.

SO—юго-восточный.

SW—юго-западный.

А. ТЕМПЕРАТУРА.

Т А Б Л И Ц А 1,
ПОКАЗЫВАЮЩАЯ СРЕДНІЯ ТЕМПЕРАТУРЫ * КАЖДАГО МЯСЯЦА И ГОДА ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1841 — 1848.

мѣсяцы.	1841	1842	1843	1844	1845	1846	1847	1848	1841—1848	разность меж- ду макс. и мин.
январь . . .	6.**	9.40	4.57 ***	4.88	6.02	4.53	7.61	12.88	6.91	— 6.91
февраль . . .	12.36	4.33	2.09	1.12	9.03	3.23	2.39	2.49	4.11	— 4.11
мартъ . . .	3.06	0.40	0.49	1.29	3.08	0.72	2.87	0.90	1.07	— 1.07
апрѣль . . .	5.38	3.45	5.67	3.04	5.05	6.43	6.12	40.23	5.67	— 5.67
май . . .	12.06	11.98	8.43	12.82	10.42	9.80	8.93	40.94	10.67	— 10.67
іюнь . . .	16.70	14.53	16.36	13.35	14.38	12.33	14.57	17.13	14.92	— 14.92
іюль . . .	17.81	15.40	14.77	15.93	18.31	15.90	15.87	18.39	16.55	— 16.55
августъ . . .	14.79	13.80	14.11	14.90	14.52	15.90	16.19	16.72	15.10	— 15.10
сентябрь . . .	11.45	9.66	9.37	11.05	9.48	9.83	12.81	11.26	10.61	— 10.61
октябрь . . .	6.66	4.12	7.12	4.29	6.10	6.16	5.46	6.43	5.80	— 5.80
ноябрь . . .	1.25	1.29	1.38	3.32	2.03	4.61	0.06	1.43	0.31	— 0.31
декабрь . . .	2.91	2.31	1.58	8.59	0.53	4.78	7.26	5.35	3.80	— 3.80
средняя тем- перат. года.	5.14	4.82	6.14	4.68	5.14	5.49	4.98	6.11	5.31	— 23.46

* Среднія температуры вычислены по методу Шо (Schow), причемъ въ основаніе приняты наблюденія Чиниселло въ Палуэ.

** Температура января 1841 г. выведена изъ наблюдений въ продолженіе 21 дни; не достаетъ съ 13 по 23 число. Въ январѣ 1843 года не достаетъ 13 дней, съ 13 по 26 число.

*** Температура считается по П., а время по в. с.

КАКЪ И РАЗНОСТИ МЕЖДУ НИМИ.

	46.		1847.				1848.			
	Разн.	Мах. и мин. въ году.	Мах.	Мин.	Разн.	Мах. и мин. въ году.	Мах.	Мин.	Разн.	Мах. и мин. въ году.
Январь . . .	24	— 21	2.5	— 17.5	20	.	— 22	— 22.7	24.9	.
Февраль . . .	22.1	.	4	— 14	18	.	4.2	— 24.6	28.8	.
Мартъ . . . 8	19.6	.	7.4	— 17	24.4	.	11	— 11.2	22.2	.
Апрѣль . . .	18	.	16.5	— 5	21.5	.	22.8	— 9	31.8	.
Май	22	.	20.2	— 1.5	21.7	.	23.2	— 4	27.2	.
Июнь 3	18.7	.	23.5	4.3	19.2	.	28	3.5	24.5	.
Июль	18.4	25.4	23	6	17	.	29.1	5	24.1	20.1
Августъ . . . 5	18.8	.	25.3	9	16.3	25.3	29	21	26.6	.
Сентябрь . . . 3	19.9	.	25	5.8	19.2	.	26.5	0.2	23.3	.
Октябрь . . .	22.3	.	16	— 5	21	.	17.5	— 6.2	23.7	.
Ноябрь	18	.	8.2	— 10.5	18.7	.	12.5	— 10.8	23.3	.
Декабрь . . .	22.5	.	2	— 20	22	— 20	8	— 26	34	— 26
			46.4			45.3				55.1

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

Т А Б Л И Ц А 3,

ПОКАЗЫВАЮЩАЯ НАИБОЛЬШІЯ И НАИМЕНЬШІЯ МЯСЯЧ-

НЫЯ ТЕМПЕРАТУРЫ,

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1841 — 1848 г.

МЯСЯЦЫ.	НАИБОЛЬШАЯ ТЕМПЕРАТУРА.	НАИМЕНЬШАЯ ТЕМПЕРАТУРА.	РАЗНОСТЬ.
январь . . .	— 4.53 (1846)	— 12.88 (1848)	8.35
февраль . .	2.09 (1843)	— 12.36 (1841)	14.45
мартъ . . .	0.90 (1848)	— 3.08 (1845)	3.98
апрѣль . . .	10.23 (1848)	3.04 (1844)	7.19
май	12.82 (1844)	8.43 (1843)	4.39
іюнь	17.13 (1848)	12.33 (1846)	4.80
іюль	18.39 (1848)	14.77 (1843)	3.62
августъ . . .	16.72 (1848)	13.80 (1842)	2.92
сентябрь . .	12.81 (1847)	9.37 (1843)	3.44
октябрь . . .	7.12 (1843)	4.12 (1842)	3.
ноябрь . . .	2.03 (1845)	— 3.32 (1844)	5.35
декабрь . . .	— 0.53 (1845)	— 8.59 (1844)	8.06

Т А Б Л И Ц А 4,
ПОКАЗЫВАЮЩАЯ СРЕДНІЯ ТЕМПЕРАТУРЫ ВРЕМЕНЬ ГОДА.

	Зима.	Весна.	Лѣто.	Осень.	Метсор. годъ.	Грѣжд. годъ.	Разность.
1841	-9.10	4.79	16.43	6.45	4.64	5.14	-0.51
1842	-5.55	5.01	14.58	5.02	4.76	4.82	-0.06
1843	-1.60	4.86	15.08	5.96	6.08	6.14	-0.06
1844	-2.53	4.86	14.73	4.01	5.27	4.68	0.59
1845	-7.88	4.13	15.74	5.87	4.46	5.14	-0.68
1846	-2.76	5.65	14.68	4.79	5.59	5.49	-0.10
1847	-3.93	4.06	15.54	6.11	5.45	4.98	0.47
1848	-7.38	7.36	17.41	6.37	5.94	6.11	-0.17
Въ осьми- лѣтней сло- жности.	-5.09	5.09	15.52	5.57	5.27	5.31	-0.04

Т А Б Л И Ц А 5,
**ПОКАЗЫВАЮЩАЯ НАИБОЛЬШУЮ И ПАНМЕНЬШУЮ СРЕД-
 НЮЮ ТЕМПЕРАТУРУ ВРЕМЕНЬ ГОДА ВЪ 1841—1848.**

	Maximum.	Minimum.	Разность.
Зима.	-1.60	-9.10	7.50
Весна	7.36	4.06	3.30
Лѣто.	17.41	14.58	2.83
Осень	6.45	4.01	2.44

Т А Б Л И Ц А 6,

**ПОКАЗЫВАЮЩАЯ СКОЛЬКО ВЪ ИЗВѢСТНЫЕ МѢСЯЦЫ И
ВЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОДА БЫЛО ДНЕЙ, ВЪ КОТОРЫЕ
ТЕРМОМЕТРЪ СТОЯЛЪ НИЖЕ 0°.**

Годы.	Мѣсяцы.	Цѣлый день.	Утромъ.	Вече- ромъ.	Утромъ и вечеромъ.	Всего.	Средняя темп. для ниже 0°.
1841.	январь . .	20	.	.	1	21	21
	февраль . .	28	.	.	.	28	28
	мартъ . .	16	2	1	6	25	21
	апрѣль . .	3	1	.	.	4	3
	октябрь . .	.	3	.	1	4	1
	ноябрь . .	3	7	2	4	16	5
	декабрь . .	18	3	.	1	22	19
	общее число.	88	16	3	13	120	98
1842.	январь . .	29	1	.	1	31	31
	февраль . .	20	1	.	3	24	23
	мартъ . .	7	4	1	11	23	14
	апрѣль . .	.	10	2	1	18	1
	октябрь . .	.	8	.	1	9	0
	ноябрь . .	7	6	.	3	16	9
	декабрь . .	16	5	3	2	26	19
	общее число.	79	35	6	22	142	97
1843.	январь . .	12	3	1	.	16	13
	февраль . .	.	2	1	1	4	1
	мартъ . .	7	8	1	4	20	11
	апрѣль . .	.	3	.	1	4	0
	октябрь . .	.	6	.	.	6	0
	ноябрь . .	6	6	.	2	14	8
	декабрь . .	14	1	1	1	17	15
	общее число.	39	29	4	9	81	48

Годы.	Месяцы.	Цельный день.	Утромъ.	Вечеромъ.	Утромъ и вечеромъ.	Всего.	Средняя темп. дня ниже 0о.
1844.	январь . .	28	.	1	.	29	28
	февраль . .	12	11	.	5	28	16
	мартъ . .	14	6	.	7	27	19
	апрѣль . .	4	10	.	3	17	4
	октябрь . .	.	8	1	2	11	0
	ноябрь . .	20	1	2	2	25	24
	декабрь . .	30	1	.	.	31	31
	общее число.	108	37	4	19	168	122
1845.	январь . .	28	1	1	1	31	31
	февраль . .	28	.	.	.	28	28
	мартъ . .	17	5	3	5	30	21
	апрѣль . .	5	3	.	.	8	6
	май	1	.	.	1	.
	октябрь
	ноябрь . .	5	5	.	2	12	7
	декабрь . .	11	4	2	3	20	14
общее число.	94	19	6	11	130	107	
1846.	январь . .	23	2	.	2	27	25
	февраль . .	14	8	2	1	25	18
	мартъ . .	4	7	2	5	18	8
	апрѣль . .	.	2	.	.	2	.
	май	2	.	.	2	.
	октябрь . .	2	4	.	1	7	2
	ноябрь . .	13	4	.	10	27	24
	декабрь . .	15	5	2	1	23	18
общее число.	71	34	6	20	131	95	
1847.	январь . .	29	1	.	1	31	29
	февраль . .	10	3	2	5	26	20
	мартъ . .	13	5	.	12	30	23
	апрѣль . .	.	9	.	.	9	.
	октябрь . .	.	9	.	2	11	.

Годы.	Мѣсяцы.	Цѣлый день.	Утромъ.	Вечеромъ.	Утромъ и вечеромъ.	Всего.	Средняя темп. для ниже 0°.
1847.	ноябрь . . .	6	7	1	10	24	12
	декабрь . . .	23	3	3	2	31	26
	общее число.	87	37	6	32	162	110
1848.	январь . . .	31	.	.	.	31	31
	февраль . . .	13	11	1	3	28	17
	мартъ . . .	3	22	2	4	31	7
	апрѣль	4	.	.	4	.
	май	7	.	.	7	.
	октябрь	8	.	.	8	.
	ноябрь . . .	11	11	.	3	25	11
декабрь . . .	17	6	1	1	25	20	
	общее число.	75	69	4	11	159	86
Среднее 8-лѣтнее годовичное число.		80	34	5	17	136	95

ВРЕМЯ ЗАМЕРЗАНИЯ И ВСКРЫТІЯ ХАРЬКОВСКИХЪ

РѢКЪ.

- 1840 стали 28 ноября.
 1841 вскрылись . . . 10 апрѣля.
 1841 стали 21 декабря (17—21 замерзали).
 1842 вскрылись . . . 2 апрѣля.
 3 апрѣля разлились.
 1842 стали 20 декабря.
 1843 вскрылись . . . 20 февраля.
 20 марта вторично стали.
 2 апрѣля окончательно вскрылись.

- 1843 стали 21 ноября въ первый разъ.
3 декабря окончательно.
- 1844 вскрылись . . . 7 апрѣля.
- 1844 стали 18 ноября.
- 1845 вскрылись . . . 12 апрѣля и сильно разлились.
- 1845 стали 12 декабря.
- 1846 вскрылись . . . 23 марта.
- 1846 стали 7 ноября (замерзаніе началось еще съ
1-го). Съ 27 ноября по 1 декабря
ледь медленно таялъ и исчезалъ.
2 декабря окончательно стали.
- 1847 вскрылись . . . 30 марта.
- 1847 стали 6 ноября.
17 ноября ледь расплылся и исчезъ.
24 — окончательно стали.
- 1848 вскрылись . . . 30 марта.
- 1848 стали 18 ноября.
8 декабря разошлись.
12 декабря окончательно стали.

Самое раннее замерзаніе 6 ноября { 44 дня.
Самое позднее замерзаніе 21 декабря {
Среднее время замерзанія приходится около 28 ноября,
или, вообще говоря, въ концѣ ноября.

Самое раннее вскрытіе 23 марта { 20 дней.
Самое позднее вскрытіе 12 апрѣля {
Среднимъ числомъ рѣки вскрываются у насъ въ первыхъ
числахъ апрѣля.

По этому расчету харьковскія рѣки покрыты льдомъ въ
теченіе 121—125 дней.

Примѣчаніе. Въ 1843 году рѣки разошлись 20 февраля. Это
надобно считать рѣдкимъ случаемъ и исключені-
емъ, тѣмъ болѣе, что въ томъ же году рѣки вто-
рично стали, и разошлись уже 2 апрѣля.

На основаніи предыдущихъ данныхъ составлена слѣдую-
щая таблица.

Т А Б Л И Ц А 7,

**ПОКАЗЫВАЮЩАЯ СКОЛЬКО ДНЕЙ ВЪ ГОДУ РЪКИ
ПОКРЫТЫ ЛЬДОМЪ И СКОЛЬКО СВОБОДНЫ ОТЪ
НЕГО.**

Годы.	Ледъ ле- жить.	Годы.	Рѣки свобод- ны отъ льда.
18 $\frac{0}{41}$	134	1841	255
18 $\frac{1}{42}$	102	1842	262
18 $\frac{2}{43}$	75	1843	261
18 $\frac{3}{44}$	137	1844	226
18 $\frac{4}{45}$	146	1845	244
18 $\frac{5}{46}$	100	1846	229
18 $\frac{6}{47}$	138	1847	228
18 $\frac{7}{48}$	138	1848	236
Среднимъ числомъ.	121	Среднимъ числомъ.	243

Вышеприведенныя таблицы среднихъ температуръ показываютъ, что въ разсматриваемый нами промежутокъ времени, съ 1841 на 1848 годъ, самые теплые вообще годы суть 1843 и 1848, самый холодный 1844.

Самая холодная зима . . . въ 1841 году.

Самая теплая — . . . — 1843 —

Самая холодная весна . . . — 1847 —

Самая теплая — . . . — 1848 —

Самое холодное лѣто . . . — 1842 и 1844.

Самое теплое — . . . — 1848 году.

Самая холодная осень . . . въ 1814 году

Самая теплая — . . . — 1841 и 1849.

Въ продолженіе 136 дней термометръ показываетъ ниже 0°.

Изъ этого числа $\frac{2}{3}$ средняя температура дня ниже 0°.

Рѣки покрыты льдомъ треть года.

В. ДАВЛЕНИЕ ВОЗДУХА.

Т А Б Л И Ц А 8,

ПОКАЗЫВАЮЩАЯ МЕСЯЧНЫЯ И ГОДИЧНЫЯ ВЫСОТЫ

БАРОМЕТРА СЪ 1844 ПО 1848 Г.

мѣсяцы.	ГОДЫ.	1844.	1845.	1846.	1847.	1848.	1844-1848.
январь . . .		600.36	598.29	592.81	600.86	601.65	598.79
февраль . . .		592.51	591.89	589.27	587.48	593.50	590.94
мартъ . . .		591.60	590.57	593.67	595.72	595.10	593.33
апрѣль . . .		594.10	591.46	591.39	589.64	590.55	591.37
май . . .		592.99	589.39	592.02	591.54	593.21	591.83
іюнь . . .		588.58	591.82	588.27	590.12	591.88	590.13
іюль . . .		590.49	591.60	590.88	589.71	591.45	590.83
августъ . . .		590.22	592.10	594.10	593.08	592.94	592.49
сентябрь . . .		595.90	594.16	592.75	592.84	592.44	593.62
октябрь . . .		594.31	591.75	598.30	593.96	595.54	594.75
ноябрь . . .		595.96	597.73	597.82	600.42	594.59	597.30
декабрь . . .		600.84	590.09	592.41	602.51	594.51	596.07
средняя го- дичная высо- та		593.99	592.54	592.80	593.99	593.95	593.45

Т А Б Л И Ц А 9.															
ПОКАЗЫВАЮЩАЯ НАИБОЛЬШАЯ И НАИМЕНЬШАЯ ВЫСОТЫ БАРОМЕТРА ДЛЯ КАЖДАГО МЕСЯЦА И ГОДА.															
МЕСЯЦЫ.	1844.			1845.			1846.			1847.			1848.		
	макс.	мин.	разн.												
январь . . .	601.24	573.60	27.64	611.12	588.55	22.57	607.57	579.84	27.73	608.27	588.83	21.44	608.63	595.98	12.65
февраль . . .	596.14	582.91	13.20	602.03	578.07	23.96	600.76	578.02	22.74	595.86	574.49	22.37	603.70	580.10	23.60
мартъ . . .	603.76	578.91	24.85	605.76	579.31	27.45	602.12	580.07	22.05	603.30	585.57	17.73	606.33	582.27	24.06
апрель . . .	600.66	587.46	13.20	595.88	582.70	13.18	596.08	584.52	11.56	598.96	577.66	21.30	597.52	584.05	13.47
май . . .	599.	587.59	11.41	598.05	580.42	17.63	598.09	583.49	14.60	603.27	583.86	19.41	598.28	587.39	10.89
июнь . . .	594.09	585.43	8.66	597.62	580.84	16.78	593.53	588.52	5.07	595.16	584.42	10.74	598.07	585.70	12.37
июль . . .	594.47	585.99	8.48	597.84	587.00	10.84	596.18	584.66	11.52	596.36	585.22	11.14	596.62	582.52	14.10
августъ . . .	597.45	586.27	11.18	601.03	585.07	15.96	599.20	590.25	8.95	593.28	588.76	10.52	599.40	587.07	12.33
сентябрь . . .	600.96	588.74	12.22	598.54	586.14	12.40	590.76	576.83	23.93	598.19	586.83	11.36	597.65	586.76	10.89
октябрь . . .	605.13	581.65	23.48	602.34	580.67	21.67	607.00	593.10	13.90	601.72	582.94	18.78	605.06	584.40	20.66
ноябрь . . .	609.93	579.10	30.83	605.39	586.06	19.33	607.37	584.27	23.10	609.26	591.29	17.97	603.73	582.19	21.54
декабрь . . .	607.72	591.33	16.39	604.04	577.90	26.14	609.00	581.48	27.52	612.40	591.39	21.11	603.73	578.54	25.19

Т А Б Л И Ц А 10,

**ПОКАЗЫВАЮЩАЯ ВЫСОТЫ БАРОМЕТРА ПО ВРЕМЕНАМЪ
ГОДА.**

ГОДЫ.	зима.	весна.	лѣто.	осень.	метеоролог. годъ.	гражданск. годъ.	разн.
1844.	594.77	592.90	589.76	595.39	593.20	593.99	— 0.79
1845.	597.01	590.77	591.84	594.55	593.44	592.54	0.90
1846.	590.72	592.36	591.08	596.29	592.61	592.80	— 0.19
1847.	593.58	592.30	590.97	595.74	593.15	593.99	— 0.84
1848.	594.75	592.18	591.15	595.22	593.32	593.95	— 0.63
1844 — 1848.	594.15	592.02	590.96	595.44	593.14	593.45	— 0.31

ВЫСОТА ХАРЬКОВА НАДЪ ПОВЕРХНОСТІЮ МОРЯ.

Введя въ вычисленія * высоты какого-нибудь мѣста, лежащаго между 50° и 60° ш., среднюю высоту барометра 593.45 полул., и среднюю температуру Харькова 5° 31 R.; найдемъ, что высота Харькова надъ поверхностію моря равняется 315.88 англ. футамъ, или 96.28 метр.

* Kupfer. Note sur le calcul de l'élevation d'un lieu pour lequel la hauteur barométrique moyenne est connue, au dessus du niveau de l'océan.

С. В Ъ Т Р Ы.

Т А Б Л И Ц А 11,

**ПОКАЗЫВАЮЩАЯ СРЕДНЕЕ ЧИСЛО КАЖДАГО ВѢТРА ИЗЪ
5-ЛѢТНИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.**

	N.	NO.	O.	SO.	S.	SW.	W.	NW.
январь	5	11	47	28	8	19	23	45
февраль	3	7	30	37	12	23	31	27
мартъ	7	12	48	38	9	15	24	33
апрѣль	2	11	28	36	10	19	26	48
май	5	18	33	27	9	20	32	42
іюнь	5	11	15	17	8	21	38	65
іюль	8	15	24	21	7	14	41	56
августъ	5	30	41	30	5	12	19	44
сентябрь	12	23	41	28	4	16	21	35
октябрь	8	17	35	37	8	19	32	32
ноябрь	5	10	32	43	8	17	28	37
декабрь	5	18	35	39	10	19	21	39
общее число, све- денное къ 1000 .	32	84	186	174	45	97	153	229

Т А Б Л И Ц А 12,

**ПОКАЗЫВАЮЩАЯ СРЕДНЕЕ ЧИСЛО ВѢТРОВЪ И СРЕДНЕЕ
НАПРАВЛЕНІЕ ИХЪ ДЛЯ КАЖДАГО ГОДА.**

	N.	NO.	O.	SO.	S.	SW.	W.	NW.	Среднее направл.
1844	37	109	201	161	43	81	140	225	N 30, O
1845	20	40	142	217	41	112	168	260	S 69 W
1846	37	91	151	163	56	100	152	250	N 62 W
1847	28	90	223	152	33	83	162	223	N 21 O
1848	34	90	209	180	49	102	142	191	S 74, O
1844 - 1848	32	81	185	175	45	97	153	229	N 49 W

Т А Б Л И Ц А 13,

ПОКАЗЫВАЮЩАЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И СРЕДНЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВЕТРОВЪ, ПО ВРЕМЕНАМЪ ГОДА.

	N.	NO.	O.	SO.	С.	SW.	W.	NW.	Среднее направл.
1844 годъ.									
зима . . .	31	60	134	171	92	123	164	225	S 57 W
весна . . .	47	167	316	141	35	46	80	168	N 70 O
лѣто . . .	29	14	42	151	43	111	281	326	N 81½ O
осень . . .	42	123	255	165	29	75	96	215	N 62½ O
годъ . . .	37	91	187	158	59	89	155	233	N 25 W
1845 годъ.									
зима . . .	24	98	255	183	41	50	107	232	N 72 O
весна . . .	12	38	118	190	63	134	188	257	S 69 W
лѣто . . .	14	53	116	177	24	76	145	395	N 58 W
осень . . .	33	41	139	278	6	115	194	194	S 29½ W
годъ . . .	21	57	159	277	33	91	159	270	N 85 W
1846 годъ.									
зима . . .	41	5	87	181	61	223	234	195	S 58 W
весна . . .	29	38	111	210	63	85	152	312	N 88 W
лѣто . . .	18	168	273	76	42	72	138	283	N 4 W
осень . . .	83	123	233	159	64	62	101	169	N 74½ O
годъ . . .	36	85	158	157	58	110	156	240	N 75½ W
1847 годъ.									
зима . . .	21	72	72	273	72	100	158	296	S 88½ W
весна . . .	13	53	276	141	35	111	191	217	S 73½ W
лѣто . . .	36	127	251	109	35	65	169	278	N 23 O
осень . . .	29	90	277	178	25	75	181	212	N 14 O
годъ . . .	26	85	185	158	42	95	170	233	N 59½ W

	N.	NO.	O.	SO.	S.	SW.	W.	NW.	Среднее направл.
1848 годъ.									
зима . . .	22	75	462	212	35	33	64	97 S	83 O
весна. . .	23	77	239	233	60	83	122	163 S	61 O
лѣто . . .	63	141	113	101	39	101	156	286 N	27½ W
осень. . .	24	82	137	210	54	156	174	163 S	26 W
годъ . . .	33	94	237	189	47	93	129	177 S	79½ O
1844 — 1848 годъ.									
зима . . .	22	63	205	192	61	105	144	208 S	19 O
весна. . .	25	74	200	183	51	97	147	223 S	29 W
лѣто . . .	32	101	145	123	36	85	178	299 N	69 W
осень. . .	48	97	192	185	35	93	147	203 N	49 O
годъ . . .	32	84	185	170	46	95	154	234 N	43 W

Изъ вышеприведенныхъ таблицъ оказывается, что

1. Господствующіе вѣтры въ Харьковѣ суть восточные и сѣверо-западные.
2. Среднее годовичное направленіе вѣтра NW.
3. Среднее направленіе вѣтра лѣтомъ сѣверо-западное.

D. СОСТОЯНИЕ АТМОСФЕРЫ.

Т А Б Л И Ц А 14 *

**МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАГО СОСТОЯНІЯ АТМОСФЕРЫ
съ 1841 по 1848 годъ.**

	Ясно и без- облачно.	При облач- номъ ясно.	То облачно, то ясно.	Облачно и пасмурно.	Туманъ.	Дождь.	Слѣгъ.	Молнія.	Громъ.	Градъ.	Гроза.	Буря.	Матерь.
1841	125	42	56	160	28	87	25	13	17	2	3	3	9
1842	88	7	51	215	29	115	54	12	10	3	1	1	1
1843	58	18	27	249	38	112	41	14	14	2	5	5	3
1844	79	33	59	195	23	83	62	6	8	3	4	4	4
1845	64	79	31	191	26	78	43	4	9	1	2	2	9
1846	100	11	64	190	19	85	53	2	3	1	.	.	11
1847	102	44	54	165	22	88	41	12	17	2	3	3	4
1848	109	32	67	158	35	77	36	7	6	2	5	5	7
Среднимъ числомъ.	90	30	51	190	27	91	15	9	9	2	4	2	6

* Числа этой таблицы означаютъ число дней, въ которые данное явление замѣчалось.

Въ январь	} 1841 года	10 дней наблюденія.
— июль		1 — —
— июль		1 — —

всего 12 дней наблюденія.

Въ октябрь 1842 года недостаетъ 4 дней наблюденія.

— январь 1843 — — 13 — —

Оттого въ среднемъ выводъ за 8 лѣтъ и не выходитъ полнаго числа дней въ году.

ТАБЛИЦА 15

**МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАГО СОСТОЯНІЯ АТМОСФЕРЫ ПО ВРЕ-
МЕНАМЪ ГОДА.**

Годы.	Вре- на года.	Ясно.	При обла- номъ ясно.	То облачно, то ясно.	Облачно и па- смурно.	Туманъ.	Дождь.	Снѣгъ.	Молніи.	Громъ.	Градь.	Гроза.	Буря.	Мягелъ.
1841.	зима .	24	.	10	46	5	5	8	9
	весна .	26	1	16	49	7	19	6	1	1	1	.	.	4
	лѣто .	40	8	18	24	.	30	.	11	16	1	3	2	.
	осень .	30	1	15	45	10	26	5	1	.
	общее число.	120	10	59	164	22	80	19	12	17	2	3	3	13
		130												
1842.	зима .	33	3	9	45	16	10	24	1
	весна .	22	4	16	50	.	35	15	1	1	.	.	.	1
	лѣто .	23	.	18	51	.	44	.	9	7	.	.	2	.
	осень .	18	1	7	61	12	30	5	2	2	.	.	2	.
	общее число.	96	8	50	207	28	119	44	12	10	.	.	4	2
		104												
1843.	зима .	7	2	6	62	17	14	27
	весна .	22	.	6	64	6	23	10
	лѣто .	22	11	5	54	.	41	.	11	12	.	4	2	.
	осень .	9	6	10	66	12	33	3	1	1
	общее число.	60	19	27	246	35	111	40	12	13	.	4	2	.
		79												
1844.	зима .	6	2	10	73	8	12	34	6
	весна .	22	13	20	37	9	17	14
	лѣто .	21	16	10	45	3	35	.	5	7	2	3	1	.
	осень .	25	2	14	50	7	23	13
	общее число.	74	33	54	205	27	87	61	5	7	2	3	1	6
		107												

Годы.	Вре- на года.	Ясн.	При облач- ной ясн.	То облачно, то ясно.	Облачно и пасмурно.	Туманг.	Дождь.	Снегг.	Мелшн.	Грозыг.	Градг.	Гроза.	Буря.	Мятель.
1845.	зима .	19	.	13	58	7	2	31	9
	весна .	17	21	13	41	4	24	18	3	4	1	1	.	.
	лѣто .	21	48	6	17	.	15	.	1	5	.	1	1	.
	осень .	14	9	5	63	8	27
	общее число.	71	78	37	179	19	68	49	4	9	1	2	1	9
1846.	зима .	8	1	11	70	11	9	38	6
	весна .	20	11	13	48	4	30	6	2	1	1	.	1	2
	лѣто .	48	.	15	29	.	35	.	.	2	.	.	1	.
	осень .	22	.	21	48	6	5	11	2
	общее число.	98	12	60	195	21	79	55	2	3	1	.	2	10
1847.	зима .	9	6	14	61	11	16	33	2
	весна .	28	11	21	32	3	12	10	2	2	1	.	.	.
	лѣто .	31	19	10	32	2	35	.	9	12	.	2	.	.
	осень .	28	6	12	45	5	24	3	1	3
	общее число.	96	42	57	170	21	87	46	12	17	1	2	.	2
1848.	зима .	23	5	8	55	14	9	24	5
	весна .	36	10	21	25	1	17	3	3	3	.	3	.	.
	лѣто .	35	12	22	23	.	22	.	2	.	.	2	5	.
	осень .	18	7	13	53	16	26	6
	общее число.	112	34	64	156	31	74	33	5	3	.	5	5	5
1841—1848.	зима .	16	2	10	59	11	10	27	5
	весна .	24	12	16	43	4	22	10	2	2	.	.	.	1
	лѣто .	30	14	12	36	.	32	.	6	7	.	2	2	.
	осень .	20	2	12	54	10	24	6
	общее число.	90	30	50	192	25	88	43	8	9	.	2	2	6

Т А Б Л И Ц А 16
КОЛИЧЕСТВА ДОЖДЕВОЙ И СНЕГОВОЙ ВОДЫ СЪ 1843 ПО 1848 ГОДЪ,

ВЫРАЖЕННОЕ ВЪ АНГЛИЙСКИХЪ ДЮЙМАХЪ.

	1843.		1844.		1845.		1846.		1847.		1848.		среднее 5-лѣт- ное число.	
	Дождь.	Снѣгъ.												
январь		1.28	0.12	0.12	1.16	1.01	0.06	0.21	0.23	0.54			0.23	0.54
февраль		0.67	0.84	1.47	1.35	1.46	1.35	2.61	0.82	0.75	0.55	0.21	0.75	1.40
мартъ		0.71	1.95	1.00	1.11	1.25	1.11	0.41	0.82	0.75	0.69	0.02	0.75	0.90
апрѣль	4.48	0.66	0.70	0.01	3.06	1.30	0.04	1.85	0.45	0.02	1.64	0.02	0.69	0.90
май	4.95	0.35	4.50		2.92	0.40	3.49	0.40	2.09	0.40	2.33	0.40	2.33	0.03
июнь	4.93	4.86	1.50		3.12	4.85	1.90	1.42	2.09	2.33	3.28	1.42	2.33	0.03
июль	2.92	3.00	0.94		3.52	1.90	2.42	0.45	1.42	2.10	2.10	0.45	2.10	0.03
августъ	3.00	2.43	2.27		—	2.42	3.14	0.45	0.45	1.51	1.51	0.45	1.51	0.03
сентябрь	2.65	4.02	1.15		2.32	3.14	0.58	0.20	3.27	2.18	2.18	0.20	2.18	0.04
октябрь	0.73	0.79	1.45		0.28	0.40	0.66	—	1.94	1.01	1.01	0.47	1.01	0.04
ноябрь	0.99	1.31	1.23	0.02	0.04	0.40	0.66	—	0.77	0.47	0.80	0.47	0.80	0.27
декабрь	0.74	1.32	0.60	0.85	1.11	2.18	—	0.30	0.68	1.42	0.74	1.42	0.74	0.98
		47.12	5.06	3.47	19.15	6.05	19.21	3.62	14.17	2.60	17.06	2.60	17.06	4.16
Годъ		22.18	19.13	25.20	22.83	16.77	21.22							

Т А Б Л И Ц А 17

**РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДОЖДЕВОЙ И СНЕГОВОЙ ВОДЫ ПО
ВРЕМЕНАМЪ ГОДА.**

	1844.	1845.	1846.	1847.	1848.	СРЕДНЕЕ ЧИСЛО.
зима	4.22	3.34	5.34	6.83	2.11	4.37
весна	3.78	7.53	8.34	5.24	3.05	5.59
лѣто	10.29	4.71	6.64	9.17	3.66	6.89
осень	3.57	3.85	3.04	4.58	6.45	4.30
годъ	21.80	19.13	23.36	25.82	15.27	21.15

Т А Б Л И Ц А 18

РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДОЖДА ПО ВРЕМЕНАМЪ ГОДА.

	1844.	1845.	1846.	1847.	1848.	СРЕДНЕЕ ЧИСЛО.
зима	1.41	1.32	2.13	1.98	0.82	1.53
весна	1.72	6.52	7.23	4.79	3.03	4.66
лѣто	10.29	4.71	6.64	9.17	3.66	6.89
осень	3.12	3.83	2.64	4.38	5.98	3.99
годъ	16.54	16.38	18.64	20.32	13.49	17.07

Т А Б Л И Ц А 19

РАСПРЕДЕЛЕНІЯ СНѢГУ ПО ВРЕМЕНАМЪ ГОДА.

	1844.	1845.	1846.	1847.	1848.	СРЕДНЕЕ ЧИСЛО.
зима	2.81	2.02	3.21	4.85	1.29	2.84
весна.	2.06	1.01	1.11	0.45	0.02	0.93
осень.	0.45	0.02	0.40	0.20	0.47	0.34
годъ.	5.32	4.05	4.72	5.50	1.78	4.08

Изъ таблицъ 14 и 15 видно, что ясныхъ дней, въ теченіе года, въ Харьковѣ 120—122. Если присовокупить къ нимъ и не совсѣмъ безоблачные (то облачно, то ясно), число ихъ составитъ почти полгода. Принявъ во вниманіе то обстоятельство, что пріятная и хорошая погода бываетъ при облачномъ и пасмурномъ небѣ, выйдетъ, что Харьковъ слишкомъ полгода наслаждается хорошею погодою. Зимой приходится на половину ясныхъ дней, на половину пасмурныхъ и облачныхъ; весною число ясныхъ дней превышаетъ; лѣтомъ это отношеніе выходить въ $1\frac{1}{2}$ раза болѣе; осенью такое же отношеніе на оборотъ.

Наибольшимъ числомъ ясныхъ дней отличились	наименьшимъ числомъ ясныхъ дней.
зима 1842 года	зима 1844 года.
весна 1848 —	весна 1843
лѣто 1845 —	лѣто 1843
осень 1847 и 1841	осень 1843

Въ общей сложности 1848 годъ. Въ общ. сложн. 1843 годъ.

Число дождливыхъ дней вдвое больше противъ снѣжныхъ; тѣ и другіе вмѣстѣ составляютъ нѣсколько больше трети года.

Обильнѣйшее дождемъ лѣто было въ 1844 году: въ этотъ годъ выпало дождя почти половина всего годоваго количества атмосферной влаги, и въ полтора раза больше средняго лѣтняго количества за 5 лѣтъ.

По числу дождливыхъ дней, 1844 и 1842 годы превышаютъ весь прочіе. 1848 годъ замѣчательнѣе тѣмъ, что количество дождя, выпавшаго лѣтомъ, составляетъ только половину средняго пятилѣтняго количества дождевой воды.

Ни одинъ годъ не былъ такъ малоснѣженъ какъ 1847⁷/₄₈.

Безснѣжная зима, бездождная весна и сухое лѣто сдѣлали 1848 годъ замѣчательнымъ въ метеорологическомъ, и особенно въ хозяйственномъ отношеніи. Этотъ годъ былъ гибеленъ не для однихъ окрестныхъ мѣстъ Харькова, но и для всего полуденнаго края Россіи. Урожай хлѣба былъ вообще не завидный, но недостатка въ немъ не чувствовали, по причинѣ прошлогоднихъ запасовъ. Зато плодовъ и овощей почти никакихъ; недостатокъ сѣна и соломы повсемѣстный *.

Неурожаѣ капусты и свеклы, составляющихъ необходимую принадлежность кислой пищи простаго народа, былъ одною изъ немаловажныхъ причинъ цынготной болѣзни, свирѣпство-

Вотъ нѣсколько хозяйственныхъ статистическихъ свѣдѣній.

1000 огурцовъ продавалось по 3 и по 3½ р. с., тогда какъ обыкновенная дорога цѣна 1 р. с.

Вотъ свеклы (бураковъ) 3 р. 50 к. с., тогда какъ въ обыкновенное время не покупается дороже 75 к. или 1 р. с.

Мишокъ картофелю (четверикъ) 70 к. с., и болѣе: обыкновенная цѣна 15 к. с.

Сотня бѣлой капусты, не крупнои — 6 р. с. Обыкновенная цѣна 70 — 80 к. с., даже и того дешевле: самая высокая 1 р. с.

Вотъ сѣна, пудовъ въ 20, въ Харьковѣ продавался 10 и 12 р. с., обыкновенно же не дороже 2½ р. с.

Вотъ соломы, вѣсомъ не болѣе 9 или 10 туд., продавался по 1½ р. с., въ другое время 40 — 50 к. с.

Подъ конецъ зимы, въ Изюмскомъ и Купяскомъ уѣздахъ, за стогъ сѣна въ 150 пуд., платили не болѣе 100 — 150 р. с.

Примѣчаніе. Въ томъ же Купяскомъ Уѣздѣ, такой же стогъ можно было вынѣмать зимою, т. е. въ 1850 году, купить, съ доставкою на мѣсто, за 20 и болѣе верстъ, за 7 и 8 р. с.

За кубическую сажень соломы, которую можно помять на 5 легкыхъ возахъ въ одну лошадь, въ тѣхъ же уѣздахъ, платили по 20 р. с. и болѣе.

вавшей въ концѣ 1848 и началъ 1849 года. Началомъ ея можно полагать чрезвычайно дождливую осень 1848 года, въ продолженіе которой дождя выпало вдвое больше противъ 1844 и 1846, къ полтора раза противъ 1845 и 1847 годовъ и сравнительно съ среднимъ пятилѣтнимъ количествомъ.

Недостатокъ сѣна и соломы былъ гибелемъ для овцеводства нашего края. Къ этому присоединилась суровая и продолжительная зима 1849 года. Можно навѣрное положить, что въ Харьковской, Полтавской и Екатеринославской губерніяхъ пропало двѣ трети всего числа овецъ. Многіе богатые помѣщики, скормивъ весь запасъ сѣна и соломы прѣжнихъ лѣтъ, покупали ихъ, подъ конецъ зимы, неслыханною цѣною, и все-таки не сберегли своихъ стадъ: множество овецъ пало въ то самое время, когда, казалось, пора бы пускать на подножный кормъ, т. е. въ мартъ, а зима простояла и этотъ мѣсяцъ.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ.

1. Средняя температура Харькова 5° 31 R
2. Средняя температура зимы 5°.09

—	—	весны	5.09
—	—	лѣта	15.52
—	—	осени	5.57
3. Среднее число дней, въ которые термометръ показывалъ ниже 0°, составляетъ 136.
4. Средняя высота барометра 593.45
полул. англ., при темпер. 13°½ R.
5. Высота Харькова надъ поверхностію моря 315.88 фут. англ. = 93.28 метр.
6. Господствующіе вѣтры: восточные и сѣверо-западные.
Среднее годичное направленіе — сѣверо-западное.
7. Ясныхъ дней и хорошей погоды — полгода.
8. Дождливыхъ дней вдвое больше противъ сухихъ, а вѣтътъ несколько больше ½ года.
9. Среднее количество дожда и снѣгу . . 21,22 дюйм.
Среднее количество дожда 17.06
Среднее количество снѣгу 4.16
10. Рѣки покрыты льдомъ треть года; стапываются въ последнихъ числахъ ноября, вскрываются въ началъ апрѣля.

В Т О Р О Е

ПРИСУЖДЕНІЕ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ПРЕМІИ,

УЧРЕЖДЕННОЙ КОММЕРЦІИ-СОВѢТНИКОМЪ

ЖУКОВЫМЪ.

Отдѣленіе Статистики, на основаніи Положенія, составило особую, изъ гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Г. П. Небольсина, Д. А. Милютинъ и К. С. Веселовскаго, Коммисію, которая, вслѣдствіе сего, представила Отдѣленію Статистики слѣдующее донесеніе.

Мм. Гг.! Отдѣленію Статистики Русскаго Географическаго Общества, на основаніи § 7 Положенія о статистической преміи Коммерціи-Совѣтника Жукова, поручило намъ представить мнѣніе о присланныхъ въ Общество рукописныхъ и о всѣхъ вышедшихъ въ послѣднее время статистическихъ сочиненійхъ.

Исполняя нынѣ такое порученіе Отдѣленія, Коммисія, Вами назначенная, имѣетъ честь представить слѣдующее:

Статистическія сочиненія, которыя, положеніемъ о преміи, допускаются къ соисканію, и которыя поэтому подлежали разсмотрѣнію Коммисіи, раздѣляются на двѣ категоріи:

1. Рукописныя, представленныя въ Общество до 1 марта 1849 года, и

2. Издачныя въ послѣдніе три года.

По первой категоріи, Коммисіи переданы были три сочиненія:

1. Рукопись, доставленная отъ Военнаго Губернатора г. Харькова и Харьковскаго Гражданскаго Губернатора, подъ за-

главiемъ: *Географическія и статистическія свѣдѣнія Куплянскаго Уѣзда*; рукопись подписана: «за Предводителя Депутатомъ «Дворянства Кондратьевымъ» и скрѣплена Письмоводителемъ; in f^o, 68 страницъ.

2. Рукопись безъ особаго заглавія, содержащая въ себѣ описаніе и результаты поѣздки г. Артемьева по Казанской Губерніи; in 4°, 116 страницъ, и

3. Рукопись подъ заглавіемъ: *Очерки статистическаго описанія Саратовской Губерніи*, бывшаго Саратовскаго Гражданскаго Губернатора А. М. Фадѣева; in f^o, 207 стр. и 7 приложений.

По отдѣлу печатныхъ сочиненій, Коммисія, имѣя въ виду, что назначенная, по случаю присужденія Жуковской преміи за 1847 годъ, Коммисія подвергала своему разсмотрѣнію все сочиненія, вышедшія въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ (съ 1 іюля 1844 года по 1 іюля 1847 года), сочла своею обязанностию разсмотрѣть тѣ, которыя вышли съ 1 іюля 1817 г. При этомъ, по примѣру первой Коммисіи, она признала нужнымъ исключить изъ своего разсмотрѣнія статьи, появившіяся въ разныхъ журналахъ и газетахъ.

Такимъ образомъ обсужденію Коммисіи представились слѣдующія печатныя сочиненія:

1. *Записки о Полтавской Губерніи, Н. Арндаренка*. Ч. I. Полтава. 1848.

2. *Древній и нынѣшній Переяславль-Залѣпскій, въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ*. Спб. 1848.

3. *Пѣшеходная опись части русскихъ владѣній въ Америкѣ; произведенная лейтенантомъ Загоскинымъ*. 2 части. Спб. 1848.

4. *Краткій взглядъ на сѣверный и средний Дагестанъ въ топографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, г. Невъросскаго*. Спб. 1848.

5. *Новые очерки Закавказья, Ю. А. Гагемейстера*. Спб. 1848.

6. *Статистическіе очерки Новороссійскаго Края, А. А. Скалковскаго*. Одесса. 1848.

7. *Обозрѣніе экономической статистики Россіи, И. Горлова*. Спб. 1849.

8. *Статистическіе очерки Россіи, К. И. Арсеньева*. Спб. 1848.

Сверхъ сего, передано въ Коммисію собраніе отдѣльныхъ оттисковъ статей, напечатанныхъ г. Богуславомъ въ Трудахъ

Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества и въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а именно: I. *Взглядъ на бѣломорскіе промыслы*; II. *Обозрѣніе причинъ, породившихъ застою въ бѣломорской селѣдливой промышленности*; III. *Историческій взглядъ на бѣломорскіе промыслы*; IV. *Новая Земля и новоземельскіе промыслы*, и двѣ книжки Трудовъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, въ которыхъ напечатаны статьи того же автора: V. *Взглядъ на бѣломорскіе запришше промыслы* (№ 1, 1847 г.), и VI. *Бѣломорская Карелія* (№ 5, 1847 г.).

Географическія и статистическія свѣдѣнія Купянскаго Уѣзда. Рукопись состоитъ изъ трехъ частей; первая названа: *Географическія свѣдѣнія*, вторая *Статистическія свѣдѣнія*, а третья — *о характерѣ Малороссіянъ* — имѣетъ слѣдующее заглавіе: *Вмѣсто характеристики, по неимпнію этнографическихъ свѣдѣній, прилагается слѣдующая статья.*

Въ изложеніи всей этой рукописи замѣтно отсутствіе всякой системы, недостатокъ рациональнаго пониманія существенныхъ условій статистическаго труда и наконецъ рѣшительное пренебреженіе правилами русскаго языка. Даже фактовъ замѣчательныхъ она въ себѣ не заключаетъ: вмѣсто столь опредѣлительнаго языка цифръ, авторъ употребляетъ выраженія: мало, много, слабо и т. п.; поэтому означенная рукопись не имѣетъ значенія даже въ видѣ матеріала.

Рукопись г. Артемьева о Казанской Губерніи есть плодъ поѣздки, совершенной имъ по ѣвкоторой части губерніи, въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, лѣтомъ 1848 года. Эта поѣздка, какъ говоритъ авторъ, была предпринята по распоряженію бывшаго тогда Вице-Губернаторомъ М. Д. Завелѣйскаго, который предложилъ Русскому Географическому Обществу снарядить ученую экспедицію для описанія губерніи.

Но уже изъ одной краткости времени, употребленнаго на поѣздку, можно заключить, что не было возможности основательно описать цѣлую губернію, особенно когда путешествіе не имѣло определенной, специальной цѣли, или, точнѣе, имѣло цѣль слишкомъ обширную. Авторъ въ предисловіи говоритъ, что единственною его инструкціею были слѣдующія слова, прописанныя въ данномъ ему видѣ, или подорожной: «Для со-

бирания свѣдѣній географическихъ и статистическихъ, а также и для обозрѣнія памятниковъ древности и историческихъ урочищъ».

Авторъ представилъ, какъ объяснено въ предисловіи, двѣ части своего отчета: первую называетъ онъ историческою, т. е. дневникъ путешествія; вторая заключаетъ въ себѣ результаты поездки въ отношеніи а) географіи, б) этнографіи, в) статистики и г) древностей. Но въ представленной рукописи недостаетъ двухъ послѣднихъ изъ обѣщанныхъ отдѣловъ, слѣдовательно нѣтъ именно статистическихъ изслѣдованій. Дневникъ путешествія состоитъ изъ подробностей, лично до автора относящихся и имѣющихъ интересъ единственно для него самаго. Отдѣлъ географическій не имѣетъ никакого ученаго значенія; наглядныя замѣчанія автора изложены такъ, что показываютъ въ немъ недостатокъ ученаго приготовленія по этой части. Отдѣлъ этнографическій пространнѣе и содержитъ въ себѣ нѣсколько подробностей о бытѣ однихъ только Черемисовъ; но и здѣсь авторъ сообщаетъ мало новаго. Онъ и самъ въ этомъ сознается, говоря въ заключеніе: «Конечно, я въ своемъ описаніи, ничего, можетъ быть, не прибавилъ новаго къ прежде извѣстному, и даже не все исчерпалъ относящееся до Черемисовъ; но по крайней мѣрѣ я имѣлъ цѣлю представить, въ возможно-краткомъ видѣ и болѣе послѣдовательномъ порядкѣ, судьбы и бытъ Черемисовъ, чѣмъ онъ изображается въ запискахъ г-жи Фуксъ, безспорно любопытныхъ и подробныхъ, но лишенныхъ систематичности».

Все это, а равно самая цѣль, предположенная авторомъ, показываетъ уже, что представленная имъ рукопись не подлежитъ нашему разбору, какъ сочиненіе, не заключающее въ себѣ ничего по части статистики.

Третья и послѣдняя рукопись, подлежащая разсмотрѣнію Коммисіи, есть сочиненіе А. М. Фадѣева: «Очерки статистическаго описанія Саратовской Губерніи». Авторъ, управлявшій, въ продолженіе пяти лѣтъ, губерніею, въ качествѣ главнаго начальника, имѣлъ всѣ средства (и пользовался ими) къ собиранію свѣдѣній по разнымъ частямъ статистическаго изученія края, и если разныя затрудненія, неизбежныя въ этомъ случаѣ и подробно объясняемыя авторомъ во *введеніи*, служили

ли препятствіемъ къ совершенно-удовлетворительному выполнению предпринятаго имъ труда, тѣмъ не менѣе рукопись, представленная подъ скромнымъ заглавіемъ «Очерковъ», заключаетъ въ себѣ систематическое изложеніе почти всѣхъ существенно-важныхъ сторонъ статистическаго описанія обширнаго края. Программа, по которой расположено сочиненіе, весьма обширна и полна; территорія и народонаселеніе разсмотрѣны здѣсь почти во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, которыя требуются современнымъ состояніемъ статистики. Недостаетъ, какъ замѣчаетъ и авторъ, естествоописаній, по царствамъ: минеральному, растительному и животному; но эти предметы по Саратовской Губерніи описаны довольно подробно въ двухъ путешествіяхъ Палласа, а также въ сочиненіяхъ Гильденштедта, доктора Гауровица и профессора Гебеля.

Авторъ вездѣ пользуется настоящими, имѣющими цѣну источниками. Если онъ не входитъ въ критику данныхъ, то тѣмъ не менѣе повсюду видно, что эта критика предшествовала труду; что въ сочиненіе внесены только тѣ данныя, которыя заслуживаютъ наиболѣе довѣрія. Изложеніе вообще ясно, правильно.

Обращаясь къ сочиненіямъ печатымъ, Коммисія находить, что подробному разсмотрѣнію ея подлежатъ собственно только два сочиненія: *Обозрѣніе экономической статистики Россіи*, г. Горлова, и *Статистическіе очерки Россіи*, г. Арсеньева; что касается до прочихъ вышеисчисленныхъ печатныхъ сочиненій, то *Записки о Полтавской Губерніи*, г. Аравдаренки, хотя составляютъ весьма дѣльную монографію, но какъ этого сочиненія издана лишь первая часть, преимущественно относящаяся къ географіи губерніи, а статистическія изслѣдованія, какъ обѣщаетъ авторъ, будутъ помѣщены въ двухъ остальныхъ частяхъ, которыя еще не изданы, то это сочиненіе, впредь до окончанія его, не подходитъ подъ условія, начертанныя въ положеніи о Жуковской преміи.

Почти то же должно сказать о трехъ сочиненіяхъ: *Древній и нынѣшній Переяславль-Залесскій*, *Опись части русскихъ владѣній въ Америкѣ* и *Взглядъ на сѣверный и средній Дагестанъ*, которыя весьма мало относятся къ статистикѣ.

По устраненіи журнальныхъ статей изъ соисканія преміи, Коммисія также не находитъ нужнымъ входить въ разборъ ше-

сти статей г. Богуслава, помещенныхъ въ *Трудахъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества* и въ *Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*. По той же самой причинѣ, *Новыя очерки Закавказья*, г. Гагемейстера, и *Статистическіе очерки Новороссійскаго Края*, г. Скальковскаго, какъ составляющіе лишь сборники статей, помещенныхъ въ *Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* и другихъ повременныхъ изданійхъ, не будутъ здѣсь разсматриваемы. Но Комиссія считаетъ своимъ долгомъ отдать полную справедливость сочиненіямъ гг. Гагемейстера и Скальковскаго, труды которыхъ доставляютъ полезное приращеніе къ нашимъ статистическимъ свѣдѣніямъ о двухъ столь важныхъ частяхъ Россіи.

Обозрѣніе экономической статистики Россіи, составлено И. Горловымъ. С.пб. 1849. 8°. Стр. 333.

Появленіе статистическаго сочиненія, обнимающаго всю Россію и имѣющаго цѣлю представить, въ стройномъ цѣломъ, разнообразныя и разсѣянныя данныя къ познанію нашего отечества, составляетъ въ литературѣ науки статистики, можно сказать, событіе. Подобныя систематическіе труды, являвшіеся, отъ времени до времени, о каждомъ изъ государствъ европейскихкихъ, почти всегда поступаютъ въ разрядъ капитальныхъ приобретеній литературы и служатъ авторитетомъ даже и тогда, когда составляемая послѣ нихъ, болѣе новыя и болѣе полныя сочиненія займутъ ихъ мѣсто во вседневномъ употребленіи.

Но чѣмъ важнѣе значеніе подобныхъ сочиненій, тѣмъ безпристрастнѣе и осмотрительнѣе должна быть ихъ оцѣнка. Масса статистическихъ матеріаловъ, которые нужно изучить, чтобы составить такой трудъ, не всякому доступна; не всякій можетъ провѣрить такое сочиненіе съ документами; не всякій расположенъ посвятить довольно времени на столь утомительное дѣло; а потому публика и большинство писателей охотно замѣняютъ для себя всѣ прежде изданныя, разнородныя статистическіе труды такимъ новѣйшимъ, полнымъ и систематическимъ сочиненіемъ; на него дѣлаются всѣ ссылки, на немъ основываютъ всѣ выводы, по немъ руководятъ молодыхъ людей въ первомъ изученіи отечественной статистики. Случаются ли въ такомъ сочиненіи промахи и ошибки, и онѣ стануть повторяться несчетное число разъ; встрѣтится ли въ немъ непра-

вильный взгляд на тотъ или другой предметъ, и этотъ взглядъ можетъ быть усвоенъ неопытными дѣателями на поприщѣ статистики. Вотъ почему на безпристрастной критикѣ лежитъ тяжелая обязанность, при всемъ снисхожденіи и уваженіи, внушаемыхъ всякимъ серьезнымъ трудомъ, оцѣнить его по его настоящему достоинству, прослѣдить весь процессъ составленія сочиненія, сравнить показанія его съ документами, отмѣтить хорошее, но и указать невѣрное, неточное.

Предметъ и содержаніе книги г. Горлова отчасти указываются самымъ заглавіемъ «Экономическая Статистика Россіи»; но авторъ еще ближе опредѣляетъ ихъ слѣдующими словами: «Экономическое состояніе народа — это сумма способовъ, которыми обладаетъ народъ и которыми онъ удовлетворяетъ своимъ нуждамъ. Такимъ образомъ намъ представляются два предмета, подлежащіе изслѣдованію: народъ и его богатство. Соотвѣтственно съ этимъ, наше сочиненіе естественно дѣлится на двѣ части: Статистику населенія и Статистику промышленности» (стр. 5 и 6). Не станемъ говорить о томъ, какъ не точно такое опредѣленіе экономического состоянія народа; *состояніе* народа не можетъ быть *суммою способовъ*; да и «сумма способовъ» — выраженіе, слишкомъ неопредѣлительное. Слово *способъ* непременно требуетъ еще дополнительнаго объясненія: *способовъ къ чему, для чего*. Если авторъ разуметь способы къ удовлетворенію нуждъ народа, то и это еще весьма мало опредѣляетъ кругъ понятій, которыя хочетъ разсматривать авторъ въ своемъ сочиненіи. Нужды бываютъ весьма разнородны: однѣ чисто физическія, другія нравственныя. Удовлетворенію которыхъ изъ нихъ будетъ имѣть въ виду авторъ: тѣхъ или другихъ, или всѣхъ вообще, безъ исключеній? — Изъ разсмотрѣнія самаго сочиненія мы видимъ, что авторъ ограничивается способами удовлетворенія нуждъ физическихъ. Однакожь и этихъ нуждъ не исчерпалъ онъ всѣхъ, пропустилъ многіе предметы, вполне относящіеся къ кругу, имъ же самимъ начертанному, какъ увидимъ ниже. Не станемъ также говорить о произвольности раздѣленія экономической статистики на двѣ части: *народъ* и *промышленности*; разсмотрѣніе этого вопроса тѣсно связано съ тѣмъ, какое значеніе придаемъ наукѣ статистикѣ вообще; а какъ авторъ не счелъ нужнымъ познакомить

читателя съ своимъ понятіемъ о статистикѣ, и какъ теорія статистики исключена изъ права на Жуковскую премію, то оставляемъ въ сторонѣ эти, впрочемъ, весьма существенные вопросы, и приступаемъ къ обзорѣ самаго содержанія книги.

Первое, важнѣйшее условіе всякаго статистическаго сочиненія, поставленное и положеніемъ Жуковской преміи въ числѣ неотъемлемыхъ требованій, состоитъ въ томъ, чтобы данныя были очищены критически и представлены въ обработанномъ видѣ, сообразно современнымъ требованіямъ науки; а данныя представлены тогда въ обработанномъ видѣ, когда есе, что необходимо для объясненія состоянія предмета, представлено въ логической, стройной послѣдовательности, не упущено изъ вида ничего важнаго, изложеніе не загромождено подробностями, ненужными и мелочными.

Никто не требуетъ, чтобы статистикъ, какъ говоритъ авторъ (стр. III предисловія), самъ измѣрилъ поверхность страны или считалъ самъ количество привозныхъ товаровъ; за неточность или неудовлетворительность основныхъ источниковъ никто его винить не станетъ; но всякій потребуетъ отъ приступающаго къ изложенію статистики Россіи, чтобы онъ былъ знакомъ съ самыми источниками, зналъ относительное достоинство каждаго изъ нихъ, не упускалъ бы изъ вида важные документы и не опирался бы на такіе, которые не могутъ имѣть авторитетъ.

Соблюденія этихъ условій требуетъ самая снисходительная и справедливая критика, и мы обязаны разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ авторъ удовлетворилъ этому требованію.

Начнемъ съ первой части, *Статистики населенія*. Этотъ предметъ представленъ въ трехъ главахъ: величина населенія, составъ его и движеніе. Въ отношеніи къ величинѣ населенія, авторъ ограничивается тѣмъ, что выписываетъ обнародованную, въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, ведомость о народонаселеніи Имперіи за 1836 годъ, составленную по результатамъ послѣдней ревизіи и по другимъ документамъ. *

* Здѣсь, между прочимъ, въ самомъ указаніи источника есть ошибка: означенная ведомость напечатана не въ № 7, а въ № 9 Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1837 года, на стр. ХСVI.

Отъ сочиненія, имѣющаго цѣлю представить матеріалы въ обработанномъ видѣ, можно было бы ожидать не одной простой выписки; документъ, приводимый авторомъ, опредѣляетъ итогъ населенія за 1836 годъ, а книга г. Горлова выходитъ въ 1849 году, — 13 лѣтъ разницы. Авторъ удовольствовался хотя устарѣлымъ, но готовымъ документомъ, и не счелъ нужнымъ употребить столь извѣстные и важные въ статистикѣ приемы вычисленія вѣроятной величины населенія въ болѣе близкій къ намъ годъ. Что такія вычисленія, основанныя на теоріи вѣроятностей, неизбежны въ статистикѣ и ведутъ къ удовлетворительно-вѣрнымъ результатамъ, о томъ здѣсь неумѣстно распространяться: это хорошо извѣстно всѣмъ, знакомымъ съ наукою. Подобное вычисленіе населенія Россіи, за 1846 годъ, уже сдѣлано академикомъ Кеппеномъ, въ его сочиненіи *Über die Dichtigkeit der Bevölkerung in den Provinzen des europäischen Russlands*, и этимъ трудомъ г. Горловъ воспользовался только для 3-й главы своей *Статистики* населенія, выписавъ цифры, показывающія пространство и число жителей каждой губерніи.

Какъ мало авторъ приложилъ труда къ даннымъ о величинѣ населенія, видно изъ того, что онъ приводитъ числа таблицы Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ со всеми подраздѣленіями, тамъ указанными, имѣющими свое значеніе въ финансовомъ отношеніи, но нисколько не нужными въ томъ мѣствѣ, въ которомъ эти свѣдѣнія приведены въ разсматриваемой книгѣ. Еще болѣе излишняго находится въ самомъ изложеніи этой первой главы, которая почти вся состоитъ изъ буквальной выписки, изъ манифеста 13 іюня 1833 г. о производствѣ восьмой народной переписи. Эта длинная выписка, вовсе не относящаяся къ статистикѣ, не подаетъ автору повода ни къ какимъ статистическимъ выводамъ, и потому совершенно не уместна.

Переходя затѣмъ къ *составу населенія*, авторъ разсматриваетъ его въ *племенномъ, экономическомъ и естественномъ* отношеніяхъ. Говоря о племенахъ, онъ самъ указываетъ на то, съ какой точки смотрѣлъ на нихъ: устраняя отъ себя филологическіе, историческіе и нравственные вопросы, онъ поставилъ себя главною задачею: «не полное исчисленіе племенъ, ихъ языки, вѣрованія; а домашній бытъ, а способы существованія

и некоторых типических народов, дающих понятие о бродячей, кочевой, степной (?), оседлой жизни». Действительно, вся статья о племенах, в рассматриваемой книге, не есть ученая обработка имѣющихся матеріаловъ; это есть рядъ выписокъ изъ разныхъ сочиненій весьма различнаго ученаго достоинства, — выписокъ, сдѣланныхъ безъ строгой критики, безъ системы и даже безъ соблюденія необходимой соразмѣрности въ объемѣ. Напримѣръ: о народахъ славянскаго племени, составляющихъ $\frac{3}{4}$ населенія Россіи, ничего не сказано, а о Самовѣдахъ помѣщена, изъ сочиненій г. Иславина и г. Латкина, выписка на пяти страницахъ (стр. 15); о Якутахъ сдѣлано еще болѣе обширное извлеченіе изъ г. Врангеля; тутъ же выписана, изъ того же путешественника, на трехъ страницахъ, характеристика сибирскихъ пустынь, на которыхъ живетъ этотъ народъ (стр. 25 — 27). Мы сказали, что авторъ ограничивается выписками изъ разныхъ источниковъ весьма разнороднаго достоинства. Действительно, приводя о Якутахъ нѣсколько страницъ столь знаменитаго путешественника, какъ г. Врангель, онъ выписываетъ изъ Коля свѣдѣнія о крымскихъ Татарахъ, котораго сочиненіе о южной Россіи есть не болѣе, какъ записная книжка туриста, не имѣющая никакого ученаго достоинства. Между тѣмъ здѣсь представлено изъ Коля четыре страницы (24 — 24) такихъ подробностей, которыя не имѣютъ почти никакого отношенія къ экономической статистикѣ, напримѣръ: живописное описаніе внутренности татарской кофейни и ханскаго дворца въ Бахчисарѣ.

Авторъ приводитъ мѣстами и числовыя свѣдѣнія о разныхъ племенахъ; но эти свѣдѣнія всѣ разнородны, — взяты изъ различныхъ разновременныхъ источниковъ, не сведены къ одному итогу и не служатъ поводомъ ни для какихъ выводовъ. Многія числовыя показанія приведены даже безъ указанія источника, изъ котораго взяты, и безъ означенія года, къ которому относятся (напримѣръ: на стр. 14, свѣдѣнія о числѣ Черемисъ, Чувашъ и Мордвы; на стр. 19 и 20, свѣдѣнія о турецко-татарскомъ племени, и во многихъ другихъ мѣстахъ), а безъ этихъ указаній статистическія числа не имѣютъ никакого значенія для науки.

Въ главѣ о племенахъ есть, сверхъ того, неточности и не-правильности указаній; мы не считаемъ умѣстнымъ исчислять

ихъ въ подробности, потому что всю эту главу считаемъ весьма слабою. Притомъ авторъ самъ устраняетъ отъ себя вопросы чисто-этнографическіе, хотя, казалось бы, что, говоря, въ статистическомъ сочиненіи, о племенахъ, мудрено устранить то, что составляетъ основу и краеугольный камень статистическихъ распределеній народа въ племенномъ отношеніи.

Вторая глава — *экономическій составъ населенія* — начинается выпискою изъ *Матеріаловъ для статистики Россійской Имперіи*, и именно таблицей о числѣ жителей въ Россіи по разнымъ сословіямъ; но тутъ же говорится, что для экономической статистики эту таблицей *нужно пользоваться только съ ограниченіями* (?) (стр. 44), потому что промышленныя занятія не определяются гражданскимъ положеніемъ или мѣстомъ жительства. После этого можно было ожидать, что авторъ приметъ на себя трудъ сдѣлать, по известнымъ въ статистикѣ приемамъ, приблизительныя вычисленія; но онъ ограничивается выпискою лишь того, что находить уже въ обработанномъ видѣ, а самъ ни къ какимъ вычисленіямъ не прибѣгаетъ. Въ заключеніе авторъ говоритъ объ отношеніи городского населенія къ сельскому.

Въ естественномъ составѣ населенія важны, по опредѣленію автора, численныя отношенія возрастовъ и половъ. Приведемъ здѣсь выписку изъ одной статьи г. Арсеньева о численныхъ отношеніяхъ половъ въ Россіи, авторъ тѣмъ и кончаетъ главу, безъ всякихъ выводовъ и заключеній, оставляя читателя въ недоумѣніи, какое отношеніе всѣ эти слишкомъ обширныя выписки имѣютъ къ экономической статистикѣ.

Глава третія, *о движеніи народонаселенія*, состоитъ изъ выписокъ, заимствованныхъ изъ статей гг. Линка, Корсакова и некоторыхъ другихъ. Упомянувъ о прекрасномъ трудѣ г. Корсакова по этому предмету, авторъ говоритъ: «г. Корсаковъ обнаруживалъ въ Матеріалахъ» (т. е. въ Матеріалахъ для статистики Россійской Имперіи) «свѣдѣнія о родившихся и умершихъ по губерніямъ съ 1804 по 1839 годъ, но сдѣлалъ ихъ почти бесполезными, чрезъ то, что не подбѣлъ итоговъ для каждой губерніи и періода. Статистикѣ виднѣ показанія по дѣламъ для губерній, но не находя выводовъ по періодамъ (напримѣръ: десятилѣтнимъ) и даже общихъ итоговъ за все

время, не может сдѣлать *никакого заключенія объ умноженіи народа и о силѣ умноженія*. Самъ онъ этихъ счетовъ сдѣлать не можетъ, потому что таблицы расположены слишкомъ на 80 страницахъ, на каждой страницѣ по 40 рядовъ чиселъ въ два столбца; следовательно надобно сложить до 6,400 чиселъ, изъ которыхъ каждое состоитъ изъ 6 цифръ. Это можетъ сдѣлать только какос-нибудь ведомство или чиновникъ, занявшійся отдѣльною отраслю ариѳметической статистики» (стр. 49). Эти слова весьма многозначительны и даютъ намъ возможность судить о томъ, что авторъ считаетъ дѣломъ ученой обработки статистическихъ матеріаловъ. Итакъ, по мнѣнію автора, статистикъ не можетъ дѣлать вычисленій, потому что они затруднительны и многосложны. Но потому-то ученые статистическіе труды такъ рѣдки и такъ уважаются, что они не легки. Ужели матеріалы — и прекрасные матеріалы — какъ таблицы г. Корсакова — бесполезны потому только, что въ нихъ не подведены итоги по губерніямъ и по періодамъ?

Послѣ статьи о движеніи народонаселенія по времени, авторъ помѣщаетъ статью о движеніи *народонаселенія по мѣсту*, и, подъ этимъ неудобопонятнымъ заглавіемъ, выписываетъ таблицу г. Кеппена объ отношеніи народонаселенія къ пространству, или о степени населенности губерній (что г. Горловъ неправильно называетъ *плотностью* населенія, переводя это слово буквально съ нѣмецкаго *Dichtigkeit*); и потомъ говоритъ о населеніи городовъ. Здѣсь, «чтобы познакомить лучше съ существомъ русскихъ городовъ и ихъ возможнымъ вліяніемъ», онъ приводитъ числа о населеніи Петербурга, Москвы, Нижняго-Новгорода, Перми и Астрахани (стр. 63 и 64). Отчего выбраны изъ губернскихъ городовъ только эти три, не извѣстно, тогда какъ у насъ есть этого рода свѣдѣнія о всѣхъ городахъ, изданныя Правительствомъ. Притомъ о столицахъ показаны свѣдѣнія за 1842 годъ, о Перми за 1838 годъ, а о Нижнемъ-Новгородѣ и Астрахани и года не означено. Что же касается до замѣчаній автора объ избранныхъ имъ городахъ (напримѣръ: о Казани, что расходъ картъ тамъ увеличивается, о Перми, что тамъ нѣтъ ни одного переплетчика, кромѣ нанятаго присутственными мѣстами для переплета шнуровыхъ книгъ и тетрадей), то достаточно указать на эти свѣдѣнія, чтобы ознако-

мать съ характеристикю городовъ, для которой авторъ собралъ данныя въ путешествіи своемъ въ 1839 г. Въ концѣ этой главы говорится о статистикѣ пожаровъ, о двухъ страховыхъ обществахъ, о городскихъ доходахъ, — и все это отнесено къ движению народонаселенія по мѣсту. Нельзя не замѣтить, что такая система изложенія довольно далека отъ строго-логической.

Часть вторая — *Статистика промышленная*. Авторъ принялъ раздѣленіе промышленности на четыре отрасли: первобытную, сельскую, заводскую и торговую.

Къ промышленности первобытной онъ относитъ добычу металловъ и минераловъ, пользованіе лѣсами, рыболовство и звѣроловство.

Въ отношеніи добычи металловъ, авторъ сначала приводитъ нѣсколько историческихъ фактовъ, для указанія постепеннаго развитія у насъ рудокопства; потомъ исчисляетъ важнѣйшіе рудники, въ томъ порядкѣ, какъ они распределены по управленію ими, и наконецъ выписываетъ изъ официальныхъ источниковъ числовыя данныя о количествѣ добываемыхъ металловъ. Должно замѣтить, что горное дѣло въ Россіи, составляющее столь важную отрасль администраціи, имѣетъ свою чрезвычайно богатую литературу; довольно упомянуть о *Горномъ Журналь* и объ изданномъ на французскомъ языкѣ переводѣ важнѣйшихъ изъ него статей: *Annuaire du Corps des Mines de Russie*.

Пользуясь обильными матеріалами, авторъ увлекался важностію и занимательностію предмета, и потому, рядомъ со свѣдѣніями статистическими, помѣстилъ чисто-геологическія и геогностическія подробности объ Уралѣ (стр. 75 — 77), Алтаѣ (стр. 80) и Нерчинскихъ горахъ (стр. 87), имѣющія мало отношенія къ статистикѣ. Еще менѣе умѣстнымъ представляются вставленные въ главѣ о рудокопствѣ въ Россіи выписки изъ А. Смита, Якоба и Макколоха о колебаніи цѣнности дорогихъ металловъ на европейскихъ рынкахъ (стр. 92 — 94), и разсужденіе самаго автора о лажѣ въ Россіи (стр. 94 — 99). Разсмотрѣніе этого послѣдняго явленія ни въ какомъ случаѣ не относится къ статистикѣ рудокопства. Не входя въ подробное разсмотрѣніе мнѣній автора объ этомъ предметѣ, достаточно вообще замѣтить, что объясненія автора о причинахъ лажа не

согласны съ началами политической экономіи. По его мнѣнію, лажъ происходилъ отъ недостатка денегъ; но какъ согласить съ этимъ тотъ фактъ, что изданіемъ указа 1 іюля 1839 года этотъ самый лажъ мгновенно прекратился.

Въ главѣ о добычѣ минераловъ говорится только о добычаніи каменнаго угля и соли, и такимъ образомъ умолчано о многихъ произведеніяхъ минеральнаго царства, добыча которыхъ, однако, составляетъ въ Россіи предметъ болѣе или менѣе важной промышленности. Въ статьѣ о соли собраны числовыя свѣдѣнія весьма неполныя и разновременныя; о добычѣ илецкой соли данныя приведены съ 1806 по 1836 годъ, объ эльтонской съ 1823 по 1832, а полный итогъ всего добываемаго въ Россіи количества соли приведенъ отрывочно за разные годы, тогда какъ есть обнародованныя Правительствомъ свѣдѣнія этого рода за многіе годы. Сверхъ того въ этой статьѣ встрѣчаются неточности въ географическихъ именахъ: Еяиче названъ *Гениге*, Кимбурскія озера названы *Кимбургскими*; о соляныхъ озерахъ Таврической Губерніи говорится: озеро *Перекопское*, *Керченское*, *Евпаторійское* и пр. (стр. 411); это не правильно, — должно сказать: «озера Перекопскія», «Керченскія», «Евпаторійскія», потому что этими именами обозначаются плеяды многихъ озеръ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свое мѣстное названіе, а лишь совокупность ихъ обозначается именемъ города или мѣста, вблизи которыхъ оно находится. — Солекарбонатъ неправильно названъ *солево-кислымъ натрономъ* (стр. 404). При описаніи добычи соли у Илецкой-Защиты помѣщено извѣстіе о томъ, какъ отстроился этотъ городъ, какъ онъ былъ прежде обнесенъ валомъ, и какъ сосѣдніе Киргизы оставили разбойничье ремесло и принимаются за полезныя труды (стр. 403). Вся подобныя отступленія, не имѣющія связи съ главнымъ предметомъ, не совмѣстны съ требованіями систематическаго изложенія.

Въ статьѣ о пользованіи лѣсами приведены сначала числовыя данныя о количествѣ лѣсовъ въ Россіи. Извѣстно, что эти свѣдѣнія, имѣя своимъ основаніемъ результаты генеральнаго межеванія, которое для нѣкоторыхъ губерній окончено за 70 и 80 лѣтъ предъ симъ, не могутъ считаться соответственными нынѣшнему состоянію лѣсовъ. Но авторъ не вѣрно выписыва-

еть данныя изъ тѣхъ источниковъ, на которые осылается. Сказавъ, что Зябловскій принималъ количество казенныхъ лѣсовъ въ 423 мил., онъ говоритъ, что «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ * въ 1839 году полагаетъ это самое количество казенныхъ лѣсовъ, не смотря на значительное ихъ истребленіе со времени генеральнаго межеванія» (стр. 412). Это не справедливо въ отношеніи къ числамъ, потому что въ Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ 1841 года, книжка IV, количество казенныхъ лѣсовъ принимается въ 445½ мил. десятина; не справедливо еще и потому, что истребленіе лѣсовъ со времени генеральнаго межеванія никакъ не можетъ быть определено въ цифрахъ; свѣдѣнія о количествѣ лѣсовъ могутъ быть получены лишь свѣтисмъ на планъ всего пространства Россіи, а этой операци, со времени генеральнаго межеванія, производимо не было.

Послѣ свѣдѣній о распредѣленіи лѣса по полосамъ (стр. 442), взятыхъ у Зябловскаго (Россійская Статистика, II, стр. 49), авторъ представляетъ изъ Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ выписку о количествѣ лѣсовъ по губерніямъ и о породахъ лѣсныхъ деревьевъ, не обозначая, однакоже, этого заимствованія. Переходя потомъ къ причинамъ истребленія лѣсовъ, онъ исчисляетъ нѣкоторыя неважныя, но не упоминаетъ о самыхъ важныхъ, а именно: о необходимости увеличенія полей на счетъ лѣсовъ, вслѣдствіе возрастанія народонаселенія и о размноженіи тѣхъ мануфактуръ и заводовъ, которые дѣйствуютъ огнемъ. Представивъ затѣмъ выписку изъ превосходной статьи академика Бара о томъ, какъ должно смотрѣть на часто-слышимыя сѣтованія объ истребленіи лѣсовъ, авторъ оканчиваетъ статью нѣсколькими словами объ устройствѣ Корпуса Лѣсничихъ, о Лѣсномъ Институтѣ и Обществѣ Лѣснаго Хозяйства. Такимъ образомъ почти ничего не сказано собственно о пользованіи лѣсами; умолчано о принятыхъ мѣрахъ къ правильному устройству хозяйства въ казенныхъ лѣсахъ и о разведеніи лѣсовъ въ безлѣсныхъ южныхъ степяхъ; ничего не сказано о добываніи лѣсныхъ произведеній дег-

* Тутъ онъ, между прочимъ, ссылается на Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ 1839 года, тогда какъ этотъ журналъ началъ издаваться съ 1841 года.

тя, смолы, поташа, скипидара и пр., составляющих однакоже, весьма важныя отрасли народной промышленности въ лѣсныхъ губерніяхъ. Сверхъ того, есть неточности въ фактахъ; напримѣръ: сказано, что Лѣсной Институтъ учрежденъ въ 1829 году (стр. 119). Это заведеніе на томъ мѣстѣ, на которомъ теперь находится, учреждено въ 1811 году, подъ названіемъ Форстъ-Института, а въ 1829 году только увеличенъ штатъ этого заведенія, и сдѣланы измѣненія въ его устройствѣ.

Въ статьѣ о *рыболовствѣ* изложены только свѣдѣнія о черноморскомъ и азовскомъ рыболовствѣ, заимствованныя изъ статьи г. Скальковскаго (Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1846 г.), о волжско-каспійскомъ морскомъ и рѣчномъ, и объ уральскомъ; о промыслахъ въ Бѣломъ Морѣ, по берегамъ Сѣвернаго Океана и въ Балтійскомъ Морѣ почти ничего не сказано. О сальянскихъ рыбныхъ промыслахъ авторъ даже вовсе не упомянулъ. Также ничего не говоритъ о рыболовствѣ внутри Россіи, гдѣ, однако, во многихъ рѣкахъ и озерахъ ловъ рыбы составляетъ важныя статьи мѣстной промышленности.

Еще менѣе удовлетворительна статья о звѣроловствѣ, которая почти вся состоитъ изъ выписокъ, почерпнутыхъ изъ Энциклопедическаго Лексикона, изъ Коммерческой Газеты и изъ статьи г. Бэра (въ сборникѣ: *Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs*), изъ которой взято все, что говорится (стр. 129—133) о звѣриныхъ промыслахъ въ Сибири. Эти источники конечно превосходны; сочиненіе Бэра есть весьма замѣчательная статистическая монографія; но то, что изъ этихъ источниковъ отрывочно заимствуетъ авторъ (даже не вездѣ обозначая такое заимствованіе), не составляетъ ничего цѣлаго, не даетъ понятія о всемъ объемѣ промысла въ Россіи. По самому способу, принятому авторомъ въ составленіи его книги изъ выписокъ, заимствованныхъ у разныхъ писателей, неизбежны пропуски и неполноты. Въ статьѣ о звѣроловствѣ онъ включилъ свѣдѣнія о владѣніяхъ Россійско-Американской Компаніи, съ означеніемъ числа жителей въ нихъ за 1834 годъ, хотя въ ежегодно-печатаемыхъ отчетахъ Компаніи онъ могъ бы найти новѣйшія данныя о составѣ и народонаселеніи этихъ владѣній. Исчисляя роды звѣрей, промышляемыхъ Компаніею, онъ не да-

сть обстоятельнаго понятія о важности этихъ промысловъ, и, между прочимъ, причисляетъ къ нимъ ловлю китовъ, тогда какъ на китовый промыселъ компанейскія суда не ходятъ.

Къ промышленности сельской авторъ относитъ: земледѣліе, садоводство, винодѣліе, шелководство и скотоводство, и такимъ образомъ совершенно пропускаетъ безъ вниманія: пчеловодство, огородничество, разведеніе торговыхъ, волокнистыхъ, масличныхъ и красильныхъ растений, ибо въ статьѣ о земледѣліи объ этихъ отрасляхъ ничего не говорится.

Описанію сельской промышленности авторъ предпосылаетъ довольно обширную статью *о естественныхъ условіяхъ* этой промышленности, разумѣя подъ этими условіями: *пространство, климатъ и почву*. Неоспоримо, что два послѣднія условія имѣютъ большое вліяніе на сельское хозяйство; но изложеніе тутъ же числовыхъ свѣдѣній о пространствѣ Россіи не имѣетъ никакой связи съ предметомъ. «Съ 200 десятинъ будетъ вдвое болѣе собрано хлѣба, чѣмъ со 100 десятинъ», говоритъ авторъ (стр. 134). Справедливо; но точно такое же отношеніе имѣетъ пространство и къ другимъ отраслямъ промышленности — къ звѣрловству, къ лѣсоводству, и пр.

Статья *о климатѣ* вся состоитъ изъ выписокъ, заимствованныхъ изъ разныхъ книгъ; она начинается переводомъ изъ сочиненія Гумбольдта (*Asie centrale*, томъ 3) на стр. 137, 138, 139, 140 и 141; потомъ слѣдуетъ выписка изъ статьи г. Латкина объ архангельскихъ тундрахъ, и эта выписка до того текстуальна, что хотя дѣло идетъ о климатѣ, однако тутъ же говорится объ обитателяхъ этихъ тундръ, о числѣ ихъ, ихъ промыслахъ (стр. 142 — 144); не довольствуясь этимъ, авторъ, вслѣдъ затѣмъ, выписываетъ изъ сочиненія г. Иславина разныя, совершенно не относящіяся къ климату, подробности о промыслахъ Самоѣдовъ, ихъ торговлѣ и даже объ ихъ гостепріимствѣ (стр. 144 — 145). Затѣмъ упомянувъ о предѣлахъ разведенія на сѣверѣ нѣкоторыхъ хозяйственныхъ растений, перескакиваетъ съ глубокаго сѣвера прямо на югъ Россіи, къ степнымъ губерніямъ, о которыхъ говоритъ, что «трудно-разлагающійся черноземъ, напитанность почвы соляными частицами поставляютъ частыя преграды сельскому хозяйству» (стр. 146). Столь общее сужденіе ничѣмъ не доказано, и ничѣмъ доказано быть

не может. Черноземъ составляетъ источникъ богатства степного земледельца; а что касается до соляныхъ частицъ въ почвѣ, то ихъ никакъ нельзя признать характеристикою почвы всѣхъ степныхъ губерній: соляныя частицы находятся въ почвѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Саратовской и Ставропольской губерній, въ Бессарабскомъ Буджакѣ, въ степной части Крыма, въ уѣздахъ: Мелитопольскомъ и Днѣпровскомъ и др.; но никакъ того же нельзя сказать о черноземныхъ, степныхъ частяхъ Тамбовской, Воронежской, Харьковской и другихъ внутреннихъ губерній. Намъ понятенъ и источникъ такихъ ошибочныхъ утверждений автора: заимствуя изъ разныхъ сочиненій, онъ естественно не находитъ ни въ одномъ всего, что ему нужно, — цѣлаго обзора предмета, а дѣлаетъ общія заключенія изъ частныхъ показаній. Тѣ, что говорится у автора какъ о *характерѣ степныхъ губерній вообще* (стр. 146), очевидно было внушено чтеніемъ статьи г. Тэцмана, помѣщенной въ изданіи г. Бэра и Гельмерсена: *Beiträge sur Kenntniss des Russischen Reichs*, и изъ которой, вслѣдъ затѣмъ, приведена длинная выписка. Но чтобы извлечь пользу изъ статистической монографіи, нужно еще умѣть ея воспользоваться, нужно себѣ составить, изъ долгаго изученія предмета на мѣстѣ или изъ книгъ, собственное о немъ понятіе, и тогда всѣ частныя розысканія ученыхъ представятся намъ въ настоящемъ свѣтѣ; мы будемъ понимать ихъ; будемъ ясно видѣть, въ какомъ отношеніи находятся они къ общему, и что можно извлечь изъ нихъ полезнаго. Недостатокъ этого изученія обнаруживается у автора, между прочимъ, въ отношеніи къ разнымъ мѣстностямъ Россіи. Напримѣръ: приведя весьма длинную выписку изъ статьи г. Тэцмана (стр. 147—151), онъ придаетъ замѣчаніямъ этого автора такой смыслъ, какъ будто они относятся ко всѣмъ вообще степямъ южной Россіи, тогда какъ г. Тэцманъ писалъ только о степяхъ той части края, которая ему, какъ иностранцу, не бывшему въ другихъ мѣстахъ Россіи, одна и была извѣстна, а именно: о степныхъ уѣздахъ Таврической Губерніи; но эти степи, по климату и почвѣ, весьма различны отъ большей части степей южной Россіи.

Вслѣдъ за выпискою изъ Тэцмана, идетъ выписка изъ Палласа и изъ Гебеля о солонцахъ саратовскихъ и астраханскихъ

(стр. 151 и 152), и затѣмъ выписка изъ г. Ханькова и изъ г. Гельмерсена о степяхъ, занимаемыхъ Внутреннею и Малою Ордами Киргизовъ (стр. 152—157). Такимъ образомъ авторъ, приведя подлинныя свидѣтельства ученыхъ, *in extenso*, о тундрахъ на сѣверѣ, и о степяхъ таврическихъ и при-каспійскихъ на югѣ, касается только нѣкоторыхъ крайнихъ частей Россіи; читатель, не смотря на длину всей статьи, не въ состояніи составить себѣ никакого понятія о свойствахъ климата и вліяніи его на сельское хозяйство въ Россіи, за исключеніемъ тундръ, гдѣ сельскаго хозяйства не существуетъ, и нѣкоторыхъ частей степной полосы, именно тѣхъ частей, въ которыхъ или существуетъ одно лишь скотоводство (киргизскія степи); или если земледѣліе и существуетъ, то оно встрѣчаетъ препятствія со стороны мѣстныхъ условій (Днѣпровскій Уѣздъ Таврической Губерніи). Все же остальное пространство Россіи, къ которому собственно и относятся слѣдующія затѣмъ статьи о состояніи земледѣлія, скотоводства и другихъ отраслей, оставлено безъ вниманія. Сверхъ того, представляя такой длинный рядъ выписокъ, авторъ упустилъ даже привести ихъ, такъ сказать, къ одному знаменателю, а именно: онъ приводитъ, совершенно такъ, какъ находилъ у разныхъ писателей, означеніе градусовъ термометра, не обративъ вниманія на то, что одни употребляютъ сто-градусное (Цельсіево), а другіе восьмидесяти-градусное (Реомюрово) дѣленіе. Въ выпискѣ, заимствованной у Гумбольдта, градусы показаны по Ц.; вслѣдъ за тѣмъ направленіе изотермическихъ линій (стр. 138), взятое въ журнальной статьѣ одного хозяина, не составляющаго авторитета въ наукѣ климатологіи, градусы очевидно Реомюровы; тотъ же термометръ употребленъ Тэцманомъ; а между тѣмъ все эти разнородныя показанія приведены здѣсь въ смѣшеніи, безъ означенія, по какому термометру они сдѣланы. Для читателя, незнакомаго съ источниками, это можетъ подать поводъ къ совершенному смѣшенію понятій.

Въ статьѣ о *земледѣліи* еще менѣе полноты и необходимой стройности; главную часть этой довольно-краткой статьи занимаютъ разсужденія о торговлѣ хлѣбомъ; а ничего не сказано собственно о состояніи земледѣлія, о степени его развитія, о средствахъ, коими оно производится, объ отношеніи его къ наро-

допоселенію, и пр. Вся статья составлена из отрывочных показаній, взятых из разных статей гг. Кеппена (о потребленіи хлѣба), Протопопова (о торгѣ хлѣбомъ), Веселовскаго (о среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ) и нѣкоторыхъ другихъ. Съ сожалѣніемъ должно замѣтить, что авторъ такъ отрывочно беретъ изъ источниковъ, что даже превращаетъ смыслъ ихъ показаній. Приледя, на стр. 159, заимствованныя изъ Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ цифры о количествѣ земли, состоящей въ пользованіи государственныхъ крестьянъ, онъ далѣе приводитъ, сколько удобной земли приходится на душу въ разныхъ губерніяхъ, не предваривъ читателя, что и эти свѣдѣнія взяты изъ того же источника, и относятся къ однимъ государственнымъ крестьянамъ, т. е. къ одной лишь половинѣ земледѣльческаго населенія Россіи. Здѣсь, какъ и во всей статьѣ, вовсе не говорится о помѣщичьихъ земляхъ, которыя, однакоже, составляютъ почти $\frac{3}{4}$ пространства Европейской Россіи, и слѣдовательно не могли быть упущены въ статистику земледѣлія.

Послѣ свѣдѣній о цѣнахъ на хлѣбъ, выписанныхъ изъ статьи г. Веселовскаго (стр. 165—166), авторъ желалъ дать нѣкоторое понятіе о *внутреннихъ отношеніяхъ* сельскаго хозяйства; но руководствуясь въ этой статьѣ сочиненіемъ г. Шелехова (*Народное руководство къ сельскому хозяйству*), вовлекается имъ въ весьма важныя ошибки. Напримѣръ: онъ говоритъ, что «трехпольная система полеводства есть господствующая въ Россіи» (стр. 166);—эта система есть господствующая только въ средней части Россіи; на югѣ въ степной Россіи исключительно-употребительная система есть выгонная, на сѣверѣ Россіи господствуетъ подсычная система, а въ Остзейскихъ губерніяхъ, повсемѣстно у помѣщиковъ, введена плодоперемѣнная.

Не основательна также приводимая изъ г. Шелехова мысль, что «если бы пахать землю не, по обыкновенію, въ $2\frac{1}{2}$ вершка глубиною, а вдвое глубже, то можно имѣть, вмѣсто двухъ, одну десятину пашни, и на половину уменьшить поверхность поля, съ большею выгодною во всѣхъ отношеніяхъ: пространства, времени, труда, дохода» (стр. 167). Повторяя это одностороннее мнѣніе и видя въ глубокомъ паханіи единственное средство улучшенія нашего хозяйства, авторъ переходитъ къ

исчисленію мѣръ, принятыхъ для распространенія агрономическихкихъ познаній въ Россіи. Это исчисленіе далеко не полно и не точно. Тутъ говорится лишь о нѣкоторыхъ Обществахъ Сельскаго Хозяйства, о нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ. О дѣятельности Обществъ и услугахъ, оказанныхъ ими сельскому хозяйству, приведены отрывочныя данныя, взятая изъ отчетовъ этихъ Обществъ за одинъ 1843 годъ; поэтому и выходить, что о нѣкоторыхъ упущены главныя ихъ заслуги, а упомянуты предметы второстепенной важности. Напримѣръ: о Московскомъ Обществѣ, между прочимъ, сказано, что «чрезвычайную, истинно народную важность можетъ принести предпріятіе этого Общества распространить въ Россіи улучшенные способы дубленія тулуповъ и веревочную обувь» (стр. 168). Очевидно, что здѣсь дубленнымъ тулупамъ и, особенно, веревочной обуви придана слишкомъ большая важность. Изъ учебныхъ заведеній, упоминается только объ Удѣльномъ Училищѣ (возлѣ Петербурга) и о Горыгорьцкой Школѣ, и сказанное объ этихъ заведеніяхъ можетъ считаться слишкомъ поверхностнымъ, не говори уже о томъ, что не упомянуто о многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, служащихъ къ распространенію агрономическихкихъ познаній.

Статья о садоводствѣ состоитъ изъ нѣсколькихъ строкъ, въ которыхъ, однако, встрѣчается много невѣрнаго; извѣстный *Никитскій* садъ (въ Крыму) названъ *Никитинскимъ* (стр. 170); не вѣрно сказано, что казенныя училища садоводства есть въ Полятавѣ, Аккерманѣ (стр. 171), когда тамъ такихъ училищъ нѣтъ.

Статьи о винодѣліи и шелководствѣ (стр. 171—175) хотя не полны, однако, въ сравненіи съ другими статьями о сельской промышленности, могутъ считаться еще достаточными, потому что и самыя эти отрасли хозяйства въ настоящее время еще не достигли большого развитія. Впрочемъ авторъ не воспользовался весьма многими и хорошими матеріалами по этой части, находящимися въ официальныхъ изданіяхъ, какъ Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, Коммерческая Газета и въ изданіяхъ Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи.

Въ статьѣ о скотоводствѣ говорится: о рогатомъ скотѣ, овцахъ и лошадяхъ; но изложеніе лишено и здѣсь системати-

тескаго порядка. Статью о рогатомъ скотѣ авторъ начинаеть нѣсколькими частными числовыми данными о потребленіи мясной пищи, потомъ переходитъ къ луговодству, которое собственно составляетъ особую отрасль хозяйства и которому поэтому было бы правильнѣе дать мѣсто вслѣдъ за статьею о земледѣліи; потомъ говорится вкратцѣ о компаніи застрахованія скота (стр. 178) и наконецъ о холмогорской породѣ скота, и о скотоводствѣ на югѣ Россіи. Здѣсь нѣтъ ни исчисленія породъ, разводимыхъ въ Россіи, ни соображеній о соразмѣрности числа скота съ потребностями сельскаго хозяйства и домашнимъ бытомъ породъ. Опуская столь важныя, чисто-статистическіе предметы, авторъ тутъ же помѣщаетъ, на цѣлой страницѣ, чуждыя общаго для Россіи интереса, хотя и важныя для своей мѣстности, подробности о скотоводствѣ у Калмыковъ. Такимъ образомъ авторъ вездѣ беретъ на выборъ только нѣкоторые предметы отдѣльныя, устраняя другіе, существенно важныя и необходимыя для общей связи и полноты въ статистическомъ сочиненіи о цѣлой Россіи. Такая система совершенно противоположна требованіямъ ученой обработки матеріаловъ, при современномъ состояніи науки. Сверхъ того, въ статьѣ о скотоводствѣ есть невѣрные и неточныя показанія: Николаевъ (Херсонской губерніи) названъ уѣзднымъ городомъ (стр. 178); но онъ заштатный, и уѣзда не имѣеть. «Въ Новороссіи, Малороссіи и на Дону, скотоводство, — по мнѣнію автора, — встрѣчаетъ препятствія для дальнѣйшихъ своихъ успѣховъ, въ недостаткѣ воды» (на той же стр.); это совершенно невѣрно: Малороссію и Землю Донскихъ Казаковъ никакъ нельзя причислить къ безводнымъ мѣстамъ. О салотопленіи, столь важной у насъ отрасли хозяйства, сказано только, что «приготовленіе сала занимаетъ въ Новороссіи довольно капиталовъ» (стр. 178); но салотопленіе не есть промышленность, исключительно принадлежащая Новороссійскому Краю; оно весьма важно также въ Курской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Оренбургской и Казанской губерніяхъ, о которыхъ, однако, авторъ даже не упоминаеть. «Корова даеть сала до 4, быкъ до 6 пудъ» (стр. 178); если авторъ принимаетъ эти цифры за среднія, то онъ слишкомъ высоки: такіе выходы сала получаютъ только отъ самыхъ крупныхъ животныхъ.

Статья объ овцеводствѣ удовлетворительнѣе, но она почти вся составлена изъ статьи г. Гагемейстера (въ книгѣ *Обозрѣніе главныхъ отраслей мануфактурной промышленности въ Россіи*) и изъ статьи г. Веселовскаго (въ *Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ*). Въ концѣ сдѣлано указаніе на существующія учрежденія къ улучшенію овцеводства, и упомянуто только о Московскомъ Обществѣ, и о коренныхъ овчарняхъ ливонской и курляндской, которыя неправильно названы *каземскими* (стр. 182). Эти овчарни принадлежатъ дворянству; и притомъ пропущена эстляндская коренная овчарня (существующая на мызѣ Ореогофъ). Ничего не упомянуто о многихъ другихъ мѣрахъ, которыя предприняты нашимъ Правительствомъ на пользу овцеводства, какъ-то: о шерстныхъ ярмаркахъ, о школахъ овчаровъ при Горыгорьцкомъ Институтѣ, а равно о важнѣйшихъ распоряженіяхъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи по тому же предмету.

Статья о коневодствѣ не только не полна, но даже весьма странна. Не представивъ никакихъ данныхъ о состояніи коневодства въ Имперіи, и упомянувъ только вскользь о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ Главнаго Управленія Государственнаго Коннозаводства, авторъ, безъ всякихъ переходовъ, обращается къ путешествію Коля, и выписываетъ изъ него шесть страницъ о степномъ коневодствѣ (стр. 183—189); но эта выписка такъ текстуальна, что авторъ даже удержалъ описаніе образа жизни и одежды табунщиковъ, — описаніе, занимающее три страницы. Въ русскомъ ученomъ сочиненіи о самой Россіи встрѣчатъ извѣстія такого иностраннаго туриста, каковъ Коля, удивительно, тѣмъ болѣе, что авторъ не могъ жаловаться на недостатокъ печатныхъ матеріаловъ для статьи о коневодствѣ; довольно указать на одни официальные источники, какъ-то: *Журналъ Коннозаводства* и многія статьи въ *Журналахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* и *Государственныхъ Имуществъ*.

Но авторъ вовсе, можно сказать, ничего не сказалъ о состояніи коневодства, а только ограничился живописнымъ обзоромъ степныхъ табуновъ и табунщиковъ; вся эта глава такъ далека отъ требованій ученой обработки статистическихъ матеріаловъ, что нѣтъ, кажется, и нужды упоминать здѣсь подро-

бно о всѣхъ невѣрностяхъ, которыми наполнена сдѣланная авторомъ выписка.

Такимъ образомъ кончается глава о *сельской промышленности*.

Гораздо лучше обработана слѣдующая затѣмъ глава, о *фабричной промышленности*: авторъ почерпнулъ большую часть своихъ показаній по этой части изъ превосходнаго, изданнаго Правительствомъ, сочиненія (*Обозрѣнiе главныхъ отраслей мануфактурной промышленности въ Россiи*. С.-Петербургъ. 1845), которое, по справедливости, можно признать самую полную статистикою этого предмета. Выпискамъ изъ упомянутаго сочиненiя предшествуетъ краткое историческое обозрѣнiе системы управления фабричною частьюю, извлеченное изъ статьи г. Иванова (*Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, 1844 г.). Чтобы дать въ числахъ понятiе о возрастанiи у насъ числа фабрикъ, авторъ приводитъ изъ Германа отрывочныя и неполныя свѣдѣнiя за 1812 годъ, изъ г. Пельчинскаго за 1831, а изъ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за 1839 годъ, не обращая вниманiя на то, что эти свѣдѣнiя, какъ весьма разнородныя, не могутъ быть между собою сравниваемы: у Германа показано число фабрикъ по *нѣкоторымъ* губернiямъ и по *нѣкоторымъ* отраслямъ фабрикацiи; у г. Пельчинскаго показано *на какую сумму* выдѣлано разныхъ фабричныхъ и заводскихъ издѣлiй въ 1831 г., а въ Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ приведены итоги *по цѣлой Россiи* числа разныхъ фабрикъ за 1839 г.; такимъ образомъ сравненiе подобныхъ неоднородныхъ данныхъ совершенно невозможно; но авторъ выводитъ, однакоже, изъ нихъ заключенiе, что заводская промышленность, по многимъ отраслямъ, значительно распространилась (стр. 105). Это заключенiе, конечно, справедливо; но оно нисколько не истекаетъ изъ тѣхъ числовыхъ данныхъ, которыя приведены авторомъ.

Послѣ того онъ опровергаетъ мнѣнiе, будто Россiя есть государство *исключительно-земледѣльческое*. Едва ли и нужно опровергать такое мнѣнiе, которое никѣмъ уже нынѣ и не поддерживается. Кому неизвѣстно, изъ первыхъ началъ политической экономiи, что *исключительно-земледѣльческаго государства* быть не можетъ; что для успѣховъ самаго земледѣлiя,

соответственных возрастающему образованию государства, необходимо одновременное развитие обрабатывающей и торговой промышленности, и что исключительно-земледельческія страны суть только тѣ, которыя находятся на столь низкой степени развитія, что въ собственномъ смыслѣ не составляютъ государствъ.

Затѣмъ, съ страницы 197 до 206, слѣдуютъ выписки изъ упомянутаго *Обозрѣнія* о разныхъ отрасляхъ фабричной и заводской промышленности, обрабатывающей ископаемые продукты; потомъ помѣщена, о свеклосахарныхъ заводахъ, выписка изъ статьи г. Маслова, напечатанной въ *Московскомъ городскомъ листкѣ*, и написанной по одному частному случаю съ полемическою цѣлю. Авторъ не обратилъ вниманіе на то, что факты, приводимые г. Масловымъ, были опровергнуты въ одномъ изъ здѣшнихъ журналовъ (*Отечественныя Записки*), и опровергнуты статистическими цифрами. Поэтому онъ, слѣдуя за г. Масловымъ, повторяетъ невѣрные показанія о привозѣ сахарнаго песку (стр. 207), объ уменьшеніи таможеннаго сбора отъ распространенія производства свекловичнаго сахара. Сверхъ того, о состояніи у насъ свеклосахарнаго производства можно было представить гораздо болѣе важныя и полныя свѣдѣнія, заимствуя ихъ изъ Московскаго Земледѣльческаго Журнала, Записокъ Комитета Сахароваровъ, изъ Журналовъ Министерства Государственныхъ Имуществъ и Внутреннихъ Дѣлъ. Слѣдующія, затѣмъ, статьи: о фабрикаціи льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій, писчей бумаги, о хлопчато-бумажныхъ и шелковыхъ фабрикахъ, о салотопленіи, мыловареніи и свѣчномъ производствѣ, о выдѣлкѣ кожъ и шерстяныхъ издѣлій (съ стр. 208 до 229) — почти всѣ извлечены изъ упомянутаго выше *Обозрѣнія*, съ немногими вставками самаго автора изъ *Библиотеки коммерческихъ знаній*, изъ извѣстныхъ сочиненій гг. Самойлова и Бутовскаго, и изъ Коммерческой Газеты. Въ статьѣ о салѣ онъ даже нашелъ возможнымъ помѣстить опять извлеченіе изъ г. Коля (на двухъ стр. 218—220) о томъ, какъ бьютъ на салганахъ скотъ въ степяхъ. Взявъ за руководство, въ этой части своего сочиненія, *Обозрѣніе главной отрасли промышленности*, авторъ упустилъ изъ вида, что эта книга составлена по случаю бывшей въ Москвѣ мануфактурной выставки, и что поэтому са-

тому въ нее не вошло обзорнiе тѣхъ заводовъ, произведенiя которыхъ на выставкѣ не явились, и которыя, однако, нельзя пропустить въ общей статистикѣ заводской и фабричной промышленности Россiи; напримвръ: заводы винокуренные, пивоварные и т. п.; о нихъ нѣтъ у г. Горлова ни слова, тогда какъ, по величинѣ капитала, ими обрабатываемаго, они принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ въ Россiи. Говоря о свеклосахарныхъ заводахъ, онъ вовсе не упоминаетъ о фабрикаци сахара изъ колониальнаго песка, какъ будто она не существуетъ въ Россiи; въ статьѣ о свѣчномъ производствѣ говорится о выдѣлкѣ салыныхъ и стеариновыхъ свѣчь, о восковыхъ же ни слова; фабрикаци табаку также пропущена. Къ фабричной промышленности авторъ причисляетъ сортировку щетины, упуская изъ виду множество другихъ подобныхъ руководльныхъ производствъ. Упомянувъ о щетинѣ, онъ коснулся, въ той же статьѣ, о ковскомъ волосѣ и объ отпускѣ обоихъ продуктовъ за границу, хотя это вовсе не относится къ главѣ, посвященной обзорнiю фабричной промышленности. О состоянiи сельскихъ и городскихъ ремеслъ въ Россiи авторъ не счелъ нужнымъ упомянуть.

Послѣднiй отдѣлъ книги посвященъ промышленности торговой, которую авторъ разсматриваетъ въ 7 главахъ: I. О средствахъ сообщенiя (разумѣя здѣсь одно судоходство по рѣкамъ); II. Система каналовъ; III. Сухопутная доставка (напрасно эти объ главы отдѣлены отъ первой: предметъ всѣхъ трехъ — средства сообщенiя); IV. О ярмаркахъ; V. Внѣшняя торговля; VI. О предметахъ ввоза и VII. О предметахъ вывоза (опять и здѣсь въ распредѣленiи предметовъ нарушается строгая система: двѣ послѣднiя главы относятся также къ внѣшней торговлѣ).

Глава *о средствахъ сообщенiя* посвящена собственно рѣчному судоходству, и почти вся главнѣйше взята изъ Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ 1843 года (часть VII, Отд. III, стр. 1—32) со вставкою, въ разныхъ мѣстахъ, извлеченiй изъ другихъ источниковъ. Какъ мало обработана эта статья, видно изъ того, что, приводя, болышею частiю текстуально, слова означеннаго Журнала, авторъ не принялъ въ соображенiе, что нѣкоторыя данныя здѣсь противорѣчатъ его же собственнымъ показанiямъ, приведеннымъ въ другихъ мѣстахъ его книги, и взятыхъ изъ другихъ источниковъ. Напри-

мърь: здѣсь, на стр. 230, онъ говоритъ, повторяя слова Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ, что Москва лежитъ на 500 футовъ выше уровня океана, а выше (стр. 139) въ статьѣ о климатѣ, приводя слова А. Гумбольдта, онъ говоритъ, что Москва едва достигаетъ 60 туазовъ высоты (что составляетъ только 380 футовъ). Вставки, которыми авторъ пополняетъ статью означеннаго Журнала, частью относятся къ судоходству, и заимствованы изъ Библиотеки коммерческихъ знаній, а частью нисколько къ предмету не относятся, и составляютъ неумѣстныя отступленія. Напримѣръ: въ статью о средствахъ сообщенія вставлено розысканіе г. Кеппена о томъ, имѣетъ ли истребленіе лѣсовъ вліяніе на обмеленіе нашихъ рѣкъ (стр. 232 и 233), а далѣе бесполезно приведена изъ Коля цѣлая страница (249—250), на которой излагается исторія образованія лимановъ; въ статьѣ о днѣпровскомъ судоходствѣ совершенно напрасно приведена длинная выписка расчетовъ, опубликованныхъ когда-то, не существующею уже нынѣ Компаніею днѣпровскаго пароходства, о выгодахъ учрежденія по Днѣпру двухъ пароходовъ (стр. 252); странно приводить эти расчеты объ ожидаемыхъ выгодахъ, когда и самая Компанія закрылась *.

Статья о системѣ каналовъ взята преимущественно изъ Библиотеки коммерческихъ знаній, но почти вся географическаго содержанія и никакихъ статистическихъ данныхъ о судоходномъ движеніи по каналамъ въ себѣ не заключаетъ. На стр. 266 представлена общая таблица протяженія каналовъ, заимствованная, безъ указанія источника, изъ Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ (1843, VIII, Отд. IV, стр. 66).

Въ статьѣ о *сухопутныхъ доставкахъ* ничего нѣтъ собственно объ этомъ предметѣ, а говорится только о Царскосельской желѣзной дорогѣ; потомъ приводится соображеніе г. Герстнера о выгодахъ отъ постройки желѣзной дороги между Москвою и Петербургомъ; за тѣмъ представляется выписка изъ Высочайшаго указа 21 января 1847 года о выпускѣ двухъ разрядовъ билетовъ Государственнаго Казначейства на издержки по устройству въ 1847 году Московской желѣзной дороги, и въ заключеніе упоминается

* Замѣтимъ еще, что Оцкій бассейнъ авторъ называетъ *Оцкимъ*. Такое названіе не для всякаго будетъ даже понятно.

о жезивно-конной дорогѣ между Волгою и Дономъ. Тамъ статья и кончается, оставляя въ недоумѣніи читателя, ожидавшаго найти здѣсь сведенныя въ систематическомъ порядкѣ, въ разныхъ мѣстахъ разсыяныя данныя о сухопутныхъ трактахъ и коммерческихъ дорогахъ, о движеніи транспортовъ и обозовъ, о гужевой перевозкѣ, составляющей, въ разныхъ частяхъ Россіи, столь важную статью мѣстныхъ промысловъ. Авторъ говоритъ, что объ этихъ предметахъ нѣтъ статистическихъ свѣдѣній (стр. 267). Но этого сказать нельзя: свѣдѣній довольно много; только они разсыяны, не сведены въ одно цѣлое.

Статья о ярмаркахъ также чрезвычайно коротка, не полна и не даетъ никакого понятія о движеніи ярмарочной торговли и о значеніи хотя главнѣйшихъ ярмарокъ. Авторъ ограничился извлеченіемъ изъ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ таблицы, въ которой показано, на какую сумму простирался, въ 1838 году, весь привозъ товаровъ на главныя ярмарки, хотя объ этомъ предметѣ онъ могъ бы найти, въ официальныхъ журналахъ, новѣйшія свѣдѣнія. Вслѣдъ за этою таблицею помѣщено нѣсколько выдержекъ изъ книги г. Мельникова о Нижегородской ярмаркѣ—вотъ все, что находимъ (стр. 274—276) въ статьѣ о ярмаркахъ.

Въ послѣднихъ трехъ главахъ авторъ разсматриваетъ *внѣшнюю торговлю*. Для этой статьи онъ могъ бы воспользоваться отчетами, ежегодно издаваемыми отъ Департамента Внѣшней Торговли, Коммерческою Газетою и многими матеріалами, разсыянными въ официальныхъ и частныхъ періодическихъ изданіяхъ. Но даже изъ богатаго запаса свѣдѣній по этой части авторъ почерпалъ данныя отрывочно, поверхностно и безъ основательнаго изученія предмета. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: общій очеркъ производства внѣшней торговли заимствованъ изъ Коммерческаго Словаря Маккулока, который, въ статьѣ *Петербургъ*, описываетъ вкратцѣ порядокъ биржевыхъ сделокъ между иностранными и русскими купцами; и тутъ же авторъ помѣстилъ, изъ этого же источника, свѣдѣнія объ артеляхъ. Авторъ говоритъ, что морскія страхованія товаровъ, обращающихся въ нашей внѣшней торговлѣ, дѣлаются вообще въ Лондонъ и Амстердамъ, и вовсе не упоминаетъ объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ двухъ компаній морскаго страхованія,

а также о существующихъ, съ давняго времени, въ Одессѣ страховыхъ компаніяхъ этого же рода.— Не знаемъ, откуда занимствоваль онъ неточныя показанія о бракованіи товаровъ въ нашихъ портахъ: по словамъ его, осмотру браковщиковъ подлежать: *лѣсъ, полотно, парусина, ленъ, конопля и проч.*, между тѣмъ какъ лѣсъ бракуется только въ Ригѣ; на полотна и парусину правила о бракѣ не распространяются; браку подлежить не конопля, а пенька, изъ нея получаемая; а подъ словомъ и *проч.* можно разумѣть, что и всѣ другіе товары отпускаются не иначе, какъ съ бракомъ; напротивъ того, бракъ учрежденъ для весьма немногихъ главныхъ отпускныхъ товаровъ, и на примѣръ: въ С.-Петербургѣ, въ отношеніи къ салу, пенькѣ и льну, предоставленъ на волю, по согласію между продавцемъ и покупателемъ. — Разсматривая движеніе вѣншей торговли въ нашихъ портахъ, авторъ, въ своемъ *поверхностномъ очеркѣ*, сдѣлалъ въ иныхъ случаяхъ важныя пропуски, а въ другихъ увлекся въ неумѣстныя отступленія; на примѣръ: при С.-Петербургскомъ портѣ не упомянулъ, что значительная часть Россіи снабжается отсюда иностранными товарами; говори о торговлѣ Риги, распространился о сплавѣ лѣсного товара къ этому порту и о качествахъ разныхъ отпускныхъ товаровъ, выписывая все это изъ Макулока, и, руководствуясь тѣмъ же источникомъ, авторъ говоритъ, что пенька привозится въ Ригу изъ *Польши* (!) Въ статьѣ о портахъ, участвующихъ въ черноморской и азовской торговлѣ, помѣщена таблица о населеніи, числѣ домовъ и о городскихъ доходахъ въ некоторыхъ прибрежныхъ городовъ, и нѣтъ никакихъ данныхъ о быстромъ развитіи одесской торговли: отмѣченъ только привозъ и вывозъ товаровъ за 1845 г. Между статьями одесскаго отпуска показаны весьма маловажныя (рыбы и пр.), а пропущена одна изъ главныхъ — льняное сѣмя. Къ привозимымъ въ Одессу иностраннымъ товарамъ причислена нефть (на стр. 283) и хлопчатая бумага персидская (стр. 287), которая вовсе туда не привозится. О бѣломорской торговлѣ приведены только общіе итоги привоза и отпуска, и сказано, что она производится изъ Архангельска и Мезени, тогда какъ къ послѣднему мѣсту корабли изъ иностранныхъ портовъ вовсе не приходятъ; а между тѣмъ умолчано о торговыхъ сношеніяхъ по-

морскихъ жителей съ Норвегією, главный промыселъ которыхъ состоитъ въ мореходствѣ. — Сухопутную торговлю авторъ раздѣляетъ на западную и восточную, присовокупляя, что послѣдняя есть караванная, и мѣстами дѣйствія ея служатъ Кяхта и граница отъ Бухтармы до Каспійскаго моря. Кяхтинская торговля отнюдь не принадлежитъ къ караванной. Цѣны, приводимыя авторомъ, могутъ дать ошибочное понятіе о значеніи кяхтинской мѣны: по его показанію, общій оборотъ въ ней составляетъ до 5.000,000 р. сер., а еслибы авторъ справился съ «Видами торговли», издавшимися съ 1841 г., въ которыхъ, съ этого года, означается сумма отпуска и привоза по кяхтинскому торгу, по объявленнымъ купечествомъ цѣнамъ, то удостоившись бы, что одного чаю вымѣнивается почти на 7.000,000 р. сер. Въ главѣ о предметахъ ввоза, авторъ, останавливаясь на нѣкоторыхъ только статьяхъ, не руководствовался строгою системою въ размѣщеніи числовыхъ показаній; на примѣръ: ввозъ бумажной пряжи показанъ съ 1826 по 1843 г., а хлопчатой бумаги съ 1800 по 1834 годъ, и нужно искать въ другомъ мѣстѣ той же статьи количество привоза этого матеріала въ новѣйшее время. Говоря о винахъ, авторъ противорѣчитъ самому себѣ; вотъ собственныя его слова: «Напрасно говорятъ, что въ Россіи пьется большею частію поддѣльное шампанское; мнѣ самому случалось разговаривать въ Шалони съ знаменитымъ торговцемъ Жаксономъ, который увѣрялъ, что отправляетъ въ С.-Петербургъ нѣсколько сотъ тысячъ бутылокъ шампанскаго своей фабрики; но — присовокупляетъ авторъ — конечно много шампанскаго, выписываемаго въ Россію, выдвывается въ разныхъ мѣстахъ Германіи и у насъ.» Итакъ чѣмъ же опровергнулъ онъ мнѣніе о большомъ расходѣ въ Россіи поддѣльнаго шампанскаго? Касательно чая, авторъ замѣчаетъ, что онъ имѣетъ личныя убѣжденія, которыя не можетъ передать другимъ. «Мои убѣжденія, — говоритъ онъ, — основанныя на сравненіи чаевъ Готенбурга (въ Швеціи), Англіи, Гамбурга и Швейцаріи, таковы, что я не могу признать превосходства русскихъ чаевъ, кромѣ самыхъ дорогихъ сортовъ». Въ доказательство дороговизны чаевъ въ Россіи, авторъ исчислилъ, что цѣна ихъ возвысилась (съ 1824—28 по 1839—43 г.) на 182%, принявъ въ основаніе отѣнку вымѣненнаго чая по «Ви-

дамъ торговли, и не замѣтилъ притомъ, что стоимость промѣнныя и вымѣнныя товаровъ по кяхтинскому торгу, показывается въ этихъ отчетахъ съ 1844 г., по объявленнымъ цѣнамъ, а до тѣхъ поръ исчислялась по промѣннымъ, которыя гораздо ниже настоящихъ: неужели авторъ, выписывая цифры изъ «Видовъ торговли» о чаѣ, не былъ удивленъ значительною разницею въ стоимости чаевъ, происшедшею единственно отъ измѣненія способа ихъ оцѣнки, а вовсе не отъ возвышенія цѣнъ, которыя, напротивъ того, въ новѣйшее время понизились. — Къ замѣчаніямъ о чаѣ, авторъ присовокупилъ извлеченную изъ Маккулокова словаря таблицу о цѣнахъ на чай въ Англіи, въ томъ самомъ видѣ, какъ она помѣщена въ англійскомъ подлинникѣ, безъ перевода на русскую мѣру и на русскія деньги, и даже безъ перевода на русскій языкъ; для читателя, не имѣющаго подъ рукою метрологіи и незнакомаго съ англійскимъ языкомъ, эта таблица совершенно непонятна. — Притомъ, она начинается съ 1814 и кончается 1831 г.; слѣдовательно относится къ тому времени, когда существовала монополія Остидской компаніи въ чайной торговлѣ; съ уничтоженіемъ этой монополіи, чай въ Англіи нынѣ дешевле того, какъ показано въ приведенной таблицѣ. Авторъ говоритъ, что помѣстилъ ее для сравненія цѣнъ чая въ Англіи и Россіи; но этого сравненія онъ не сдѣлалъ, и даже не приводитъ цѣнъ, существующихъ на чай въ Россіи. — Последняя глава, о предметахъ вывоза, почерпнута большею частію изъ нѣкоторыхъ статей, напечатанныхъ въ Библиотекѣ для Чтенія и Бѣседъ о торговлѣ, изданныхъ г. Вавиловымъ, откуда, между прочимъ, перепечатанъ цѣликомъ торговый счетъ на покупку въ Петербургъ и на отправку въ Лондонъ пуда сала: этотъ счетъ былъ на своемъ мѣстѣ въ книгѣ г. Вавилова; но авторъ не объяснилъ, для какой цѣли необходимо было помѣстить эти цифры въ Экономической Статистикѣ.

Находя въ этомъ сочиненіи такія отрывочныя свѣдѣнія, которыя не имѣютъ близкаго отношенія къ Экономической Статистикѣ государства, тѣмъ болѣе удивительно замѣтить пропускъ предметовъ, весьма важныхъ въ экономическомъ положеніи страны; напримѣръ: нѣтъ ни слова о компаніяхъ на акціяхъ; о почтахъ, о банкахъ и другихъ кредитныхъ установле-

нихъ, о рѣчномъ и морскомъ пароходствѣ, о страхованіяхъ, и проч.

Къ концу книги приложены *прибавленія*; это *выписки* изъ разныхъ, большею частію, официальныхъ источниковъ, представленныхъ безъ всякой системы; следовательно объ нихъ говорить здѣсь излишне: авторъ не имѣлъ въ виду *обработки* этихъ матеріаловъ, а только желалъ выписать нѣкоторые факты. Должно замѣтить только, что многія изъ этихъ выписокъ, если бы были внесены въ текстъ, должны бы были устранить изъ послѣдняго многое устарѣлое, излишнее или неполное; но эту работу авторъ призналъ затруднительною (стр. II предисловія), и оправдываетъ себя только тѣмъ, что упомянутые матеріалы обнаружены имъ 1847 года, когда *Экономическая Статистика* была кончена; но какъ эта книга издана въ началѣ 1849 г., то не понятно, почему авторъ не воспользовался повѣйшими свѣдѣніями, для исправленія и дополненія своего труда.

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, все содержаніе *Экономической Статистики г. Горлова*, мы должны сказать, что она представляетъ весьма неполное и нестройное изложеніе этого предмета, безъ критическаго разбора источниковъ, съ упущеніемъ изъ виду достовѣрныхъ и официальныхъ матеріаловъ; растянутое безпрестанными отступленіями отъ главнаго предмета и вставкою подробностей, не относящихся къ дѣлу. Приводимыя авторомъ статистическія данныя не слиты въ одно цѣлое, представлены не въ томъ обработанномъ видѣ, который позволялъ бы легко обозрѣвать предметъ во всемъ его объемѣ (что и составляетъ цѣль такого систематическаго сочиненія): напротивъ того, они предложены читателю въ той самой формѣ, въ какой найдены въ источникахъ, относящихся къ разнымъ эпохамъ, составленнымъ разными людьми, по разнымъ случаямъ и для разныхъ цѣлей.—Слѣдовательно единства и согласія между такими выписками и быть не можетъ.

Всѣ эти недостатки *Экономической Статистики г. Горлова* указаны, въ нашемъ разборѣ, въ своемъ мѣствѣ и, затѣмъ, остается только присовокупить, что, по 4 пункту Положенія о Жуковской преміи, выдаются преміи за такія только сочиненія, которыя заключаютъ въ себѣ статистическія данныя о нашемъ

отечествъ, очищенныя критически и представленныя въ обработанномъ видѣ, сообразно современнымъ требованіямъ науки.

Перейдемъ, наконецъ, къ сочиненію г. Арсеньева: *Статистическіе очерки Россіи*.

Сочиненіе это состоитъ изъ пяти отдѣльныхъ частей, а именно: *Разсмотрѣніе границъ Россіи; Постепенное приращеніе Россіи въ пространство; Постепенное устройство губерній; Топографическое разсмотрѣніе Россіи по климату и качеству почвы, и Поземельное богатство Россіи*.

Всѣ эти статьи имѣютъ между собою внутреннюю связь, по отношенію къ систематическому изложенію статистики страны. Въ первой статьѣ обозрѣваются границы Россіи, въ отношеніи физическомъ, торговомъ, политическомъ и военномъ; здѣсь можно было бы пожелать болѣе сжатости, опредѣлительности и точности. Двѣ слѣдующія статьи любопытны болѣе въ историческомъ отношеніи, чѣмъ собственно въ статистическомъ. Главную же часть сочиненія, какъ по самому объему, такъ и по содержанию, составляютъ два послѣдніе отдѣла.

Изъ нихъ, первый—*Топографическое разсмотрѣніе Россіи по климату и качеству почвы*—служитъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, какъ бы введеніемъ къ послѣдней статьѣ, самой обширной изъ всѣхъ. Цель ея состоитъ въ томъ, чтобы дать понятіе о характерическомъ отличіи разныхъ частей Европейской Россіи по климату и почвѣ, распределить губерніи на извѣстныя группы, по которымъ, затѣмъ, удобнѣе было бы разсматривать поземельное богатство Россіи. Цель прекрасная; достигнуть ее старались уже многіе писатели; но, надобно сознаться,—почти безъ успѣха. Какъ же разрѣшаетъ эту задачу г. Арсеньевъ?

Онъ распределяетъ губерніи Россіи на 10 пространствъ: Сѣверное, Алаунское, Балтійское, Низменное, Карпатское, Степное, Центральное или Внутреннее, Уральское, Кавказское и Сибирское.

Припомнимъ, что это почти то же самое дѣленіе, которое принялъ авторъ, еще въ 1818 году, въ своемъ *Начертаніи Статистики Россійскаго Государства* (стр. 22—26, част. I). Въ основаніе такого распределенія авторъ полагаетъ различіе климата и почвы. Разсмотримъ, какіе именно признаки приняты въ его классификаціи.

Что касается до климата, то, къ сожалѣнію, авторъ вовсе не призвалъ на помощь точныхъ данныхъ изъ метеорологіи и климатологіи, а характеризуетъ климаты выраженіями общими, весьма мало опредѣлительными: *климатъ холодный, холодно-влажный, суровый, пріятный, здоровый, и т. п.* Такъ напримѣръ: пространство, заключающее въ себѣ Финляндію и губерніи Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую, имѣетъ общимъ отличительнымъ характеромъ *великую стужу въ продолженіе большей части года* (стр. 165); Алаунское пространство (губерніи: С.-Петербургская, Новгородская, Тверская, Смоленская и Псковская) имѣетъ климатъ *не столько чисто-холодный, сколько холодно-влажный* (стр. 171). Балтійское пространство (три Остзейскія губерніи) обозначено климатомъ *менѣе суровымъ, нежели въ Алаунскомъ пространствѣ, но почти столь же непостояннымъ и переменчивымъ*, какъ и въ Петербургской Губерніи (стр. 175). Низменное пространство (губерніи: Витебская, Могилевская, Минская, Гродненская, Виленская, Ковенская и Царство Польское) вовсе не охарактеризовано однимъ общимъ эпитетомъ, что, впрочемъ, едва ли и было бы возможно, по самому составу этого пространства. Далѣе, пространство Карпатское (Малороссія и прежняя Украина) обозначено климатомъ *пріятнымъ, здоровымъ* (стр. 182); степное же пространство опять не имѣетъ общей характеристики, такъ что каждая губернія имѣетъ свои особые признаки. Центральное, или Внутреннее пространство составлено изъ столь многихъ и разнообразныхъ по климату губерній, что самъ авторъ счелъ нужнымъ подраздѣлить это пространство на *четыре* пояса (стр. 205). Уральское пространство (губерніи: Симбирская, Казанская, Вятская, Пермская и Оренбургская), какъ сказано на стр. 209, состоитъ *подъ вліяніемъ, большимъ или меньшимъ, уральской атмосферы* (причемъ авторъ не объяснилъ, что разуметь онъ подъ именемъ *уральской атмосферы*); пространство это подраздѣлено на четыре части: въ одной климатъ *умпренный* (стр. 210); въ другой *весьма суровый*; третья еще сама дѣлится на три пояса, которые также мало охарактеризованы, какъ и четвертая часть означеннаго пространства. Наконецъ, въ остальныхъ двухъ пространствахъ: Кавказскомъ и Сибирскомъ, также нѣтъ определенной

характеристики. Изъ этого видно, что принята авторомъ классификація губерній не имѣетъ прочнаго основанія въ отношеніи климатическомъ. Признаки, которыми старался онъ характеризовать каждую группу губерній, столь мало опредѣлительны, что, въ большей части случаевъ, трудно даже отчетливо объяснить, почему именно каждая губернія отнесена къ тому или другому пространству. При настоящемъ положеніи метеорологіи и климатологіи, уже нельзя нынѣ довольствоваться одними общими эпитетами, не прибѣгая вовсе къ точнымъ числовымъ даннымъ.

Посмотримъ теперь на другое основаніе, принятое авторомъ въ классификаціи губерній, — на различіе *почвы*. Въ этомъ отношеніи также едва ли возможно придать какой-либо общій характеристическій эпитетъ цѣлому пространству, какъ напр.: *почва глинистая и суглинистая, плодородная и неплодородная, сухая, влажная, холодная*. Всѣмъ извѣстно, что все пространство Россіи, за исключеніемъ только полосы черноземной, представляетъ, въ каждой части своей, такое дробное видоизмѣненіе въ свойствахъ почвы, что ни въ одной группѣ губерній не найдется одной общей черты. Для знакомыхъ съ агрономическимъ смысломъ словъ, обозначающихъ разныя свойства почвы, неопредѣлительность выраженій, характеризующихъ различныя пространства, принятыя авторомъ, совершенно очевидна.

И такъ, въ отношеніи къ почвѣ, принятая авторомъ классификація губерній имѣетъ столь же непрочное основаніе, какъ и въ отношеніи климатическомъ. Онъ вовсе не воспользовался изслѣдованіями агрономическими, такъ же какъ и наблюденіями метеорологическими. На недостатокъ матеріаловъ, въ томъ и другомъ отношеніи, нынѣ жаловаться уже нельзя. Щедротами Правительства и трудами ученыхъ уже накоплены у насъ богатые запасы данныхъ для климатическаго познанія Россіи. Правда, что всѣ эти матеріалы находятся еще, можно сказать, лишь въ сыромъ видѣ; предварительная обработка ихъ была бы дѣломъ метеоролога; но если дѣйствительно нѣтъ совсѣмъ готовыхъ выводовъ о климатѣ Россіи, то нельзя принимать климатическіе признаки въ основаніе группировки губерній. То же самое можно сказать и относительно почвы. Впрочемъ, спѣ-

шимъ прибавить, что еслибъ даже и были въ виду самыя точныя метеорологическія данныя о климатѣ и самыя подробныя агрономическія карты почвъ, то и тогда едвали было бы возможно достигнуть правильнаго распредѣленія губерній на столь большія группы, какъ предположено сдѣлать авторомъ разбираемаго сочиненія. Многія изъ нашихъ губерній даже, отдѣльно взятыя, представляютъ такія обширныя пространства, что ничего общаго о климатѣ и почвъ сказать нельзя. Вотъ почему всѣ предложенныя досель распредѣленія губерній по группамъ, пространствамъ, полосамъ и т. п., были вообще неудачны и нисколько не служили къ облегченію изученія страны.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, мы считаемъ излишнимъ входить еще въ болѣе подробный разборъ четвертой статьи *Очерковъ Россіи*, а обратимся къ самому обширному отдѣлу этого сочиненія: *О поземельномъ богатствѣ Россіи*. Здѣсь авторъ имѣетъ цѣлю рассмотреть: какъ распредѣлены жизненные способы въ разныхъ частяхъ Имперіи; какой край сравнительно богаче другого; въ чемъ состоитъ естественное богатство каждой страны; на что должна быть обращена и дѣйствительно обращается дѣятельность жителей, и какъ великъ наличный плодъ этой дѣятельности въ годичныхъ итогахъ.

А. Для разрѣшенія этой важной задачи, авторъ, распредѣляя губервіи на 40 особыхъ группъ или пространствъ, рассматриваетъ, по каждой губервіи, слѣдующія данныя:

1. Общее пространство земель въ десятинахъ;
2. Количество полей, луговъ, лѣсовъ и земли неудобной;
3. Состояніе земледѣлія вообще и въ особенности величину урожая хлѣба, и соразмѣрность его съ потребностями народа въ отношеніи продовольствія;
4. Соразмѣрность количества луговъ съ числомъ содержамаго скота,
- и 5. Мѣстныя средства края, или особенныя источники довольства или богатства, независимыя отъ земледѣлія и скотоводства.

Представляя весьма любопытную картину состоянія главныхъ производительныхъ силъ нашего отечества, авторъ вездѣ пользовался новѣйшими и возможно-лучшими источниками. Для показаній о пространствѣ, онъ принимаетъ результаты недав-

няго исчисленія пространства губерній, сдѣланнаго гг. Швейцеромъ и Струве; для опредѣленія количества разныхъ хозяйственныхъ угодій, какъ-то: полей, луговъ, лѣсовъ и неудобной земли, онъ пользуется результатами генеральнаго межеванія, но пользуется ими съ критикою, съ осмотрительностію, не придавая имъ значенія безусловной точности по отношенію къ настоящему времени; наконецъ, для изображенія состоянія земледѣлія и вообще всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства, въ томъ числѣ и скотоводства, а равно для показанія степени развитія мѣстныхъ промысловъ и особенныхъ источниковъ народнаго богатства, авторъ принялъ въ основаніе числовыя данныя за 1846 годъ, для всѣхъ губерній однородныя, и потому дѣлающія возможнымъ всякаго рода сравненія и сличенія; притомъ эти числовыя данныя извлечены изъ официальныхъ источниковъ, слѣдовательно, сколько возможно въ настоящее время, достовѣрны и надежны. Данныя этого рода, представленныя въ книгѣ г. Арсеньева, являются въ свѣтъ въ первый разъ и приносятъ собою богатое приращеніе къ нашимъ статистическимъ матеріаламъ; притомъ, кромѣ официальныхъ данныхъ, авторъ воспользовался многими весьма хорошими, частію печатными, частію рукописными источниками, которые имъ и указаны въ особыхъ ссылкахъ въ концѣ книги. Но, основывая свои изслѣдованія на столь обильныхъ данныхъ, онъ вездѣ представляетъ свидѣтельства принятыхъ имъ въ руководство источниковъ, въ обработанномъ видѣ, въ строгой системѣ; каждое изъ 40-ти пространствъ вообще и каждая губернія въ частности разсмотрѣны имъ въ однообразномъ порядкѣ; причемъ о предметахъ существенно-важныхъ говорится пространнѣе и обстоятельнѣе, о предметахъ второстепенной важности короче; при соблюденіи этого необходимаго и столь естественнаго порядка, и при изложеніи яснымъ и правильномъ, авторъ даетъ возможность составить себѣ отчетливое понятіе о мѣстныхъ богатствахъ того или другаго края въ нашемъ обширномъ отечествѣ.

Б. Комиссія считаетъ излишнимъ представлять здѣсь подробно содержаніе этого отдѣла *Статистическихъ очерковъ* г. Арсеньева: обзорніе главныхъ данныхъ и выводовъ, которыми авторъ характеризуетъ поземельное богатство, отдѣльно по каждой изъ 55 губерній, 3 областей и 5 градоначальствъ, со-

ставляющихъ Россію, — такое обзорніе растянуло бы чрезмѣрно объемъ нашего донесенія; въ самой книгѣ г. Арсеньева, глава о поземельномъ богатствѣ Россіи занимаетъ 380 страницъ, что составляетъ почти $\frac{3}{4}$ всего сочиненія. Притомъ это сочиненіе, какъ напечатанное, уже разошлось въ публикѣ, а потому каждый можетъ собственнымъ чтеніемъ удостовѣриться въ справедливости нашего отзыва.

Итакъ, ММ. ГГ., Коммиссія, назначенная Вами для разбора статистическихъ сочиненій, подлежащихъ конкурсу на Жуковскую премію, признала единогласно, что изъ всѣхъ рассмотрѣнныхъ ею рукописей и печатныхъ книгъ, заслуживаютъ особеннаго, передъ прочими, вниманія Вашего два сочиненія: рукопись г. Оадѣва: *Статистическіе очерки Саратовской губерніи*, и книга г. Арсеньева: *Статистическіе очерки Россіи*. Въ послѣдней, глава V, посвященная изслѣдованію поземельнаго богатства Россіи, есть важное приобрѣтеніе для ученой литературы нашей по предмету отечественной статистики.

Имѣя въ виду, что изслѣдованіе г. Арсеньева обнимаетъ всю Россію, тогда какъ сочиненіе г. Оадѣва относится въ одной только губерніи, и основываясь на §§ 2 и 3 Положен. о Жуковской преміи, гдѣ предпочтеніе дается изслѣдованіямъ, обнимающимъ наибольшее пространство Россіи, а съ другой стороны — сочиненіямъ печатнымъ предъ рукописными, Коммиссія имѣетъ честь предложить Вамъ, ММ. ГГ., на основаніи приведенныхъ выше соображеній, присудить полную Жуковскую премію г. тайному совѣтнику Константину Ивановичу Арсеньеву, за его статистическое изслѣдованіе поземельнаго богатства Россіи; сочиненіе же г. Оадѣва напечатать, буде авторъ изъявитъ на то свое согласіе, въ *Запискахъ Русскаго Географическаго Общества*, или отдѣльною книгою.

Отдѣленіе Статистики, по выслушаніи сего донесенія, въ засѣданіи 12 ноября 1849 года, согласилось съ заключеніемъ избранныхъ имъ комиссаровъ, и, на основаніи состоявшагося о томъ постановленія, Совѣтъ Русскаго Географическаго Общества сдѣлалъ распоряженіе о выдачѣ г. Арсеньеву присужденной ему преміи.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

*къ карты Аральскаго Моря и Хивинскаго Ханства, съ ихъ окрестностями, составленной Д. Ч. Я. В. Ханыковымъ *.*

Г. Вице-Предсѣдатель Императорскаго Русскаго Географическаго Общества предложилъ мнѣ составить, изъ доставленныхъ намъ, съ разрѣшенія Правительства, матеріаловъ, карты: Аральскаго Моря, Хивинскихъ владѣній и окрестностей озера Иссекуля, въ поясненіе къ статьямъ о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ означенныхъ мѣстахъ, которыя изслѣдованія предполагается напечатать въ V книжкѣ Записокъ нашего Общества.

Карта Аральскаго Моря и Хивы въ настоящее время мною окончена, но представляя ее Обществу, я, по самому существу этой работы, вынужденъ просить его дозволить мнѣ нѣсколько словесныхъ объясненій.

Въ ручномъ изображеніи странъ, святыхъ по всѣмъ правиламъ геодезій, достаточно картографу оправдать принятую методу сокращенія подробной съемки; гораздо большія критическія обязанности лежатъ на томъ, кто приступаетъ къ изготовленію карты странъ, знаемыхъ по однимъ только маршрутамъ, или съемкамъ отдѣльныхъ частей, не связаннымъ общюю сътью: трудъ этотъ соответствуетъ то-

* Читана въ Собраніи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 13 ноября 1850 года, въ присутствіи Предсѣдателя Общества, Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Константина Николаевича.

му, что называется въ архитектурѣ возстановленіемъ древнихъ зданій по сохранившимся обломкамъ, съ тою разницею, что отъ зодчаго требуютъ главнымъ образомъ ненарушимости общаго характера древней архитектуры, картографъ же обязавъ оправдать и малѣйшія подробности своей работы.

Такое оправданіе моей карты заключается въ статьяхъ гг. Данилевскаго и Макшеева, къ поясненію коихъ она предназначена, равно въ другихъ документахъ, бывшихъ въ моемъ распоряженіи.

Я, разумѣется, не буду злоупотреблять терпѣніемъ собранія чтеніемъ этихъ документовъ, а ограничусь общею характеристикою ихъ.

Но дабы пріобрѣсти право на вниманіе Ваше даже къ этому коротенькому обзору, позвольте мнѣ, прежде чѣмъ я приступлю къ нему, объяснить, почему Араль и Хива достойны ученой любознательности вообще, и со стороны Русскихъ въ особенности. — Еслибъ мнѣ приходилось говорить о Хивѣ XII вѣка, я бы не имѣлъ надобности въ подобномъ предисловіи, ибо историческая важность тогдашнихъ владѣтелей Ховарезма не подлежитъ сомнѣнію. Уже съ начала распространенія исламизма въ Туранъ возникло развитіе современной образованности на низовьяхъ Аму-Дарьи. Извѣстный арабскій географъ X вѣка Аль-Истахри говоритъ: «Въ Маверъ-Эль-Нагръ гостепрѣимство и великодушіе къ чужезцамъ выше всякихъ похвалъ, и всѣ семейства этой страны составляютъ какъ бы одну семью». Одинъ изъ первыхъ магометанскихъ астрономовъ IX вѣка, Абу-Джафаръ-Мохамедъ, прозывался Альхарезми, то-есть былъ уроженецъ харезмскій. Въ XI столѣтіи, знаменитые Альбируни и Авиценъ проживали при дворѣ Харезмскаго Шаха; даже вызовъ Махмуда Газневیدا, сопроводить его въ покореніи Индіи, соблазнившій Альбируни, не побудилъ Авицену оставить берега Оксуса. Тамъ же находился, въ эпоху нашествія Чингизъ-Хана, знаменитый Якутъ, описывающій съ особенною любовью трехлѣтнія занятія свои въ богатыхъ бібліотекахъ Мерва, въ то время цвѣтущаго харезмскаго города, нынѣ ничтожнаго туркменскаго кочевья. Политическая важность и самостоятельность Харезма начинается собственно съ XI вѣка, то-есть съ паденія власти Персидскихъ Сельджукидовъ, которое дало воз-

возможность Шахамъ Харезмскимъ распространить владычество свое далеко на югъ. Первый Харезмскій Султанъ Мохамедъ-Текешъ, украсившій наметъ свой почетнымъ изображеніемъ полулунія, заставилъ даже Ассасиновъ перенести разбойничье гнздо свое изъ Арсланъ-Гушай въ Аламутъ; а сынъ и преемникъ его, Алла-Эдинъ-Мохамедъ, отторгъ у соседа своего, владѣльца Караджата, то-есть вытѣшняго Китайскаго Туркестана, — Самаркандъ и Бухару; затѣмъ покорилъ Фаржабъ, Бальхъ, весь Хорасанъ, Керманъ, Мазандеранъ; разгромилъ Кипчакъ; подчинилъ себѣ часть Туркестана до Ускенда; лишь глубокой снѣгъ и Курды спасли Калифа Насыра въ Багдадъ отъ побѣдоноснаго Алла-Эдина. Вслѣдствіе этой удачи, Алла-Эдинъ принялъ названіе « тѣни Божіей на землѣ »; мать же его, бывшая главною советницею и помощницею сына, носила титулъ Шудавенди-Джиханъ, то-есть « обладательницы міра ».

Но эпоха политическаго величія Ховарезма была предтечею окончательнаго паденія его. Въ 1217 году, Чингизъ, положивъ начало завоеванію Китая, не смѣлъ еще посягнуть на Ховарезмъ и предложилъ чрезъ трехъ пословъ дружбу тамошнему Шаху; союзъ былъ заключенъ; но вслѣдъ затѣмъ, первый караванъ изъ Монголіи, въ полторы тысячи человекъ, былъ истребленъ Хабирганомъ, намѣстникомъ Алла-Эдина, по его приказанію. Посоль Багръ, отправленный Чингизомъ съ требованіемъ удовлетворенія, убитъ Алла-Эдиномъ, а два Монгола, сопровождавшіе посла, возвращены владѣльцу, опозоренные лишеніемъ бороды. Три дня и три ночи молился Чингизъ на горѣ о помощи свыше для отмщенія, и молитва его осталась не безплодною: въ 1218 году, Монголы впервые спустились съ Тхяшана и Билура, а уже 10 февраля 1221 года Алла-Эдинъ умеръ бѣглецомъ въ Абизгунъ, на одномъ изъ острововъ Каспія, прибрежныхъ къ Гилянцу.

Паденіе Харезма имѣло огромную важность и для Россіи: послѣ взятія Дженда, то-есть вытѣшняго Отрара, Чингизъ направилъ сына своего Джуджи въ Кипчакъ и такимъ образомъ проложилъ дорогу Батыю; а Чепе-Нуянъ и Субутай-Бегахдыръ, преслѣдовавшіе Алла-Эдина, тогда же проникли въ Россію чрезъ сѣверную Персію и Кавказъ.

По смерти Чингиза, Харезмъ составилъ часть Джаготаева улуса, который обнималъ южную полосу Западной Сибири, долину рѣки Или-Скаты, западной оконечности Тяньшана и Билурскаго хребта, наконецъ все пространство къ сѣверо-востоку отъ южной окраины долины Аму. Но вскорѣ междуособіа, неизбежный и смертельный педугъ всѣхъ азійскихъ владычій, ослабили и раздробили Джаготасевъ улусъ. Въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка. Тимуру удалось снова сдѣлать среднюю часть Аму-Дарьи средоточіемъ полувѣтной монархіи, но не надолго: по смерти Абусаида, правнука Тамерлана, въ 1468 году, маленькіе владычцы въ долинахъ Сыра и Аму, состояшіе уже и прежде лишь въ мнимой зависимости отъ Самаркандскаго повелителя, начали непрерывныя распри. Между тѣмъ Узбеки, небольшое туркское племя, жившее за Билурскимъ хребтомъ, у южнаго подножья Тяньшана, готовили Тимуридамъ изгнаніе. Одинъ изъ узбекскихъ родоначальниковъ, Шайбекъ, узнавъ около 1498 года о распряхъ въ Маверанегрѣ, вознамтрился завладѣть имъ, нашелъ вскорѣ огромное число приверженцевъ и въ 1504 году покорилъ всю Трансоксиану, а въ 1507 году часть Хорасана. Хотя въ 1510 году Шайбекъ палъ въ сраженіи противъ Персидскаго Шаха Измаила-Сафи; но наследовавшіе владычество Шайбека, дядя его Куджъ-Канджи и племянникъ Убеидъ - Улло, восстановили власть предшественника своего, если не въ Хорасанѣ, который остался надолго спорнымъ пунктомъ между Узбеками и Персами, то по крайней мѣрѣ во всей остальной части Маверанегра и Турменіи.

Съ тѣхъ поръ Узбеки не переставали тамъ владычествовать. Съ самаго начала ихъ власти, она сложилась въ формахъ удѣльной системы, т. е. образовалось множество мелкихъ владычцевъ, главою коихъ считался Бухарскій Эмиръ, но такъ, что первенство его, въ особенности для отдаленныхъ областей Харезма и Ферганы, было часто лишь именовательное и ясно опровергалось набѣгами, производимыми со стороны тамошнихъ владычцевъ на самую Бухару.

Набѣги эти сдѣлались преимущественно часты со стороны Хивы въ началѣ XVII вѣка, со вступленіемъ на хивинскій престолъ извѣстнаго историка Абуль-Газы-Хана, производившаго

родъ свой отъ Чингиза; онъ неоднократно вторгался въ Бухарію и хотя былъ отражаемъ отъ города, но разорялъ страну. Абуль-Газа, отправясь въ Мекку, уступилъ престолъ сыну своему Анушъ, послѣдовавшему примѣру отца. Наконецъ, бухарскому владѣльцу, Сандъ-Субганкуль-Бегадырь - Хану (1680 — 1702 года) удалось возстановить противъ Авуши сына его Эренкъ-Султана, который, въ 1680-хъ годахъ свергнувъ отца, вскорѣ самъ былъ увлеченъ желаніемъ ограбить Бухарію; поискъ Эренкъ-Султана кончился несчастливо; по возвращеніи изъ похода онъ былъ отравленъ Хивинцами, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, послали просить Бухарскаго Эмира о назначеніи имъ Хана. Такимъ образомъ Ховарезмъ сдѣлался снова зависимъ отъ Бухары. Ханомъ въ Хиву назначенъ былъ Шаніязъ. Онъ управлялъ этою странюю еще и въ 1700 году, но уже тогда повидимому тяготился подчиненностію Эмиру, и потому отправилъ пословъ къ Петру Великому просить о принятіи Хивы въ подданство Россіи, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе, въ грамотѣ Хану отъ 30 іюня 1700 года.

Въ 1703 году былъ въ Россіи посланецъ отъ новаго Хивинскаго Хана Арабъ-Магомета; въ грамотѣ на его имя, отъ мая мѣсяца 1703 года, подтверждено признаніе Хивы въ подданствѣ Россіи.

Въ 1714 году пріѣзжалъ въ Петербургъ посолъ отъ Хаджи-Мохамедъ-Бехадырь-Хана, сношевія съ которымъ и подали поводъ къ отправленію экспедиціи Бековича; послѣдній, по прибытіи своемъ въ Хиву, нашелъ уже тамъ другого владѣльца, вѣроломство коего было причиною гибельнаго окончанія похода.

Муравьевъ называетъ этого владѣльца Инакомъ-Ишъ-Мухамедомъ, присовокупляя, что ему наследовалъ сынъ его Мухамедъ - Амийнъ, затѣмъ ввукъ Эвезъ и правнукъ Эльтезеръ, смѣщенный братомъ своимъ Мухамедъ-Рахимомъ, который умеръ уже въ 1825 году.

Тотъ же порядокъ престолонаслѣдія встрѣчается въ родословныхъ Хивинскихъ Хановъ, составленныхъ по распросамъ, а именно: Генсомъ (въ рукописи) и Базиверомъ (въ его путешествіи).

Фрязерь, на основаніи собранныхъ имъ распросовъ, говоритъ, что во время Надиръ-Шаха, то-есть въ 1740 году, правилъ Хивою Юль-Барсъ, по убіеніи котораго Персіянами и удаленіи послѣднихъ, узбекскіе родоначальники стали избирать въ Ханы молодыхъ мальчиковъ изъ рода киргизскихъ султановъ, но содержали ихъ почти въ заключеніи, пользуясь только ихъ именемъ для узаконенія своихъ дѣйствій. Наконецъ, Мухамедъ-Аминъ, родоначальникъ Инаховъ, то-есть, по объясненію Фрязера, будто бы одного изъ узбекскихъ поколѣній, завладѣвъ, при помощи Туркменъ, верховною властію, которая затѣмъ и переходила по прямой линіи къ сыну его Эвесь-Инаху, внуку Ильтенезеру и брату сего Мухамедъ-Рахиму.

Но все эти показанія вовсе не оправдываются сохранившимися историческими актами.

Въ письмѣ, полученномъ въ Астрахани, въ мартѣ 1715 года, отъ Хивинцевъ Аталыка-Ишкара и Назаръ-Ходжи-Инаха къ бывшему тогда въ Россіи хивинскому посланнику Ашуръ-Беку, между прочимъ, читаемъ: «Да будетъ Вамъ извѣстно: Ядыгеръ Ханъ умеръ, мѣсто же его заступилъ Ханъ-Арянгъ. Въ юртахъ и въ народѣ повсюду спокойно. Если меньшему брату не удалось заступить ханское мѣсто, будетъ царствовать старшій. Мы хотѣли было ѣхать съ вами вмѣстѣ, но не сдѣлалось по нашему, и мы поѣхали одни. Потѣжайте и Вы немедленно въ Хиву, не опасаясь ничего, бѣды никакой не будетъ. Если Ханъ и народъ будутъ живы и здоровы, возмущенію не бывать».

Ашуръ-Бекъ былъ въ началѣ милостиво принятъ Петромъ Великимъ и даже, какъ утверждаетъ въ письмахъ къ астраханскому оберъ-комсдауту Чирикову, отъ 5 марта и отъ апрѣля 1715 года, получилъ отъ Государя порученіе ѣхать въ Индію, для покупки попугаевъ и барсовъ, и для поднесенія хивинскому владѣльцу 6 пушекъ съ лафетами, 8½ пудовъ пороха и 270 ядеръ. Но впоследствии, по повелѣнію Императора, эти вещи отобраны у Ашуръ-Бека и самъ онъ задержанъ въ Астрахани. Въ одномъ изъ писемъ, гдѣ онъ просилъ Чирикова объ отпускѣ его, находимъ слѣдующее: «Я пріѣхалъ сюда по указу Государеву, чтобы ѣхать тою дорогою, которою мнѣ надобно. Но нѣсколько медлилъ потому, что въ Хивѣ убили Хана. На мѣсто его вступилъ было Ханъ

изъ Каракалпаковъ. и тотъ умеръ. Теперь Ханомъ Ширгазы изъ Бухары. Онъ знаетъ меня и цѣнить въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ Ядыгеръ».

Дѣйствительно, владѣваніе въ Хивѣ, во время прихода Бековича, Ширгазы, а не Ишъ Мухамедъ-Біа, подтверждается во 1^ю показаніями, сдѣланными 29 сентября 1717 года симбирскому коменданту Бахметьеву Калмыкомъ Бакши, который, по приказанію калмыцкаго Хана Аюки, сопровождалъ Бековича въ Хиву и, послѣ погибели его, отпущенъ оттуда; во 2^ю допросомъ, снятымъ 13 іюня 1720 года въ Астрахани съ тамошняго подъячяго Восковойнаго, вывезеннаго отъ Туркменъ, куда онъ попалъ изъ Хивы, послѣ погибели отряда Бековича; въ 3^ю письмомъ канцлера къ Хивинскому Хану въ 1720 году, въ которомъ означенный владѣлецъ уведомлялся, что вытѣхавшій отъ него въ г. Гурьевъ, въ качествѣ посланца, Венсъ Мамбетей, съ извѣстіемъ о смерти Бековича, арестованъ и умеръ въ Петербургѣ; наконецъ, въ 4^ю грамотою Бухарскаго Хана Абудъ-Феиза къ Императору Петру I отъ 1724 года, вывезенною изъ Бухары въ 1725 году русскимъ посланникомъ, секретаремъ Экспедиціи Оріентальныхъ Дѣлъ Флоріемъ Беневени, гдѣ между прочимъ сказано: «Такожъ предъ нѣсколькимъ временемъ мы слышали, что Ширгазы, юргенскій владѣтель, всякою необходимою неучтивостію, оставя свою честь и не хотя быть добрымъ человекомъ, отъ васъ идущаго посла со всякимъ обманомъ и лестью смерти предаль и имѣніе его разорилъ, и тѣмъ свою честь повредилъ; и сіи его негодные и недобрые поступки не за благо, но за противно намъ показались; и для наказанія онаго Ширгазы, послали мы высокопочтеннаго Шахтей-Муръ Хана, который есть государства того наследникомъ и его же колѣна, съ высокимъ нашимъ указомъ въ нынѣшнихъ временахъ, и повелѣли земли и имѣніи его разорить, отъ чего падѣмся, что въ скорости онаго Ширгазы весьма разорень будетъ, и чрезъ сіе для любви и радости нашей и вы обрѣловаться можете».

Въ 1729 году, прибывшій въ Россію посломъ отъ Бухарскаго и Хивинскаго Хановъ, Ядыгеръ дѣйствительно привезъ извѣстіе, что Ширгазы уже умеръ и предъявилъ просьбу новаго владѣльца о возстановленіи по прежнему торговыхъ сноше-

ній съ Хивою, прервавшихъ вслѣдствіе убіенія Бековича, что, впрочемъ, разрѣшено было уже прежде того, а именно: указомъ Верховнаго Совѣта, 22 апрѣля 1727 года, на имя Астраханскаго Военнаго Губернатора фонъ-Мендена.

Русскіе офицеры, Гладышевъ и Муравинъ, находившіеся въ Хивѣ въ 1741 году, свидѣтельствуютъ, что, во время нашествія Надиръ Шаха, дѣйствительно тамъ властвовали, какъ говоритъ Фрязеръ, не упоминаемый ни Муравьевымъ ни Базинеромъ, Юль-Барсъ Ханъ. Но когда онъ былъ осажденъ Надиромъ въ Ханкахъ, Хивинцы призвали къ себѣ и провозгласили Ханомъ начальника Малой Киргизской Орды Абуль-Хаира. Только послѣ нѣсколькихъ дней владычества, Абуль-Хаиръ обманомъ бѣжалъ изъ Хивы, опасаясь Персіянъ. Юль-Барсъ попалъ въ плѣнъ, казненъ Надиромъ, а Хива взята приступомъ; послѣ чего Надиръ оставилъ тамъ своимъ намѣстникомъ какого-то Таира. Между тѣмъ въ аральскомъ владѣніи, лежавшемъ въ то время на самой дельтѣ Аму-Дарьи, избранъ былъ владѣльцемъ Нуръ-Али, сынъ Абуль-Хаира. Воспользовавшись уходомъ Персіянъ, Нуръ-Али, съ помощію Хивинцевъ, убилъ Таира и былъ провозглашенъ Ханомъ въ Хивѣ.

Вслѣдствіе сего, въ 1742 году посланъ къ нему, какъ къ русскому подданному, присяжный листъ; но отвѣта получено не было; возившій же этотъ документъ до кочевьевъ Абуль-Хаиръ Хана, Гладышевъ, въ 1742 году сообщилъ, что сынъ Надиръ Шаха стоялъ въ то время подъ Чарджуемъ, намѣреваясь, по отмщеніи Аральцамъ за смерть Таира, оставить Ханомъ въ Хивѣ сына прежняго владѣльца Юль-Барса.

Это, кажется, не исполнилось, ибо, по свидѣтельству Рычкова и показанію бывшихъ въ Хивѣ въ 1753 году русскихъ переводчиковъ, Гуллева и Чучелова, тамъ, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, вступилъ на ханство Каипъ, сынъ Киргизскаго Батыръ Султана.

Въ одномъ изъ примѣчаній рапорта Оренбургскаго Оберъ-Коменданта и Областнаго Командира Зенбулатова, отъ іюля 1783 г., Уфимскому и Симбирскому Генераль-Губернатору Апухтину, находимъ относительно означеннаго Каипа слѣдующее: «Сей Каипъ Султанъ фамиліи Батыръ Султана изъ роду Ширгазы Хана, бывшаго въ Хивѣ, въ время котораго посланъ

ный со здѣшнихъ сторонъ въ 1717 году Гвардіи-Капитанъ Князь Александръ Черкасскій съ войскомъ истребленъ. А по причинѣ того, и онъ Канпъ посланному изъ Оренбурга въ 1752 году переводчику, съ караваномъ, не только задержаніе, но и озлобленіе учинилъ. За что, по разсужденію Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, въ презрѣніи здѣсь онъ оставленъ.

Наконецъ, Бланкеннагель, посѣщавшій Хиву въ 1794 году, говорить, что въ то время тамъ былъ Ханомъ Фазиль-Бій, не упоминаемый ни Муравьевымъ, ни Фрязеромъ, у Базинера же показанный въ числѣ братьевъ Мухамедъ-Аминя, не носившихъ ханскаго достоинства.

Изъ всего этого легко удостовѣриться, что составленные доселѣ списки и родословныя хивинскихъ владѣльцевъ довольно не точны.

Сверхъ того, самое положеніе Хивы въ теченіе всего XVIII вѣка, такъ какъ описываютъ его очевидцы, не дозволяетъ предполагать, чтобы тамъ могла происходить правильная передача ханской власти отъ отца сыну.

Въ показаніяхъ Гладышева и Муравина 1741 года, читаемъ слѣдующее: «Хивѣ подсудныхъ городовъ 11, изъ которыхъ на пути тѣчи отъ Оренбурга: Гурлянь, Везирь, Кентъ, Шабасъ, Казабатъ; по ту сторону Хивы: Ханки (оные города сами видѣли), Ургенчъ, Адарусъ. Бетнякъ, Аксарай (объ оныхъ слышали), въ которыхъ во всѣхъ главные тутошніе князьки, а не хивинскіе, токмо во владѣніи хивинскомъ считаются».

Къ сѣверу отъ Хивы, на самыхъ низовьяхъ Аму-Дарьи, лежало въ то время владѣніе аральское, о которомъ представленный Татищевымъ къ Абуль-Хаиру Аль-Мухамедъ-Абызь показалъ Гладышеву, что оно дѣлится на четыре тѣубы, а именно:

«1. Въ Мангупкомъ родѣ имѣется городъ, называемый Шахтемиръ; въ немъ старшины: Бердали Бекъ, Артукъ Бекъ, Сечъ-Али Бекъ, Курать-Гали Бекъ; 4 брата, всѣ тамошніе старшины да беки и прочіе, посовѣтывавшись, Мубгалтя Салтана приняли въ Ханство».

«2. Ихъ родъ въ Копрацкомъ родѣ; у нихъ старшины: Бикъ Назаръ Аталыкъ Рахмангуль Би, Лувязъ Инахъ.»

«3. Кничатскаго рода Уразъ-Гали Кимбекъ, да Перидъ Аталыкъ.»

«4. Ходжа Илинскаго рода старшины Хатыбъ Ходжа, Мурза-Би и другіе мелкіе роды сообщаются съ показаннымъ четырьмя тюби; всего ихъ народа имѣется съ 40,000, которыхъ съестъ на кови.»

О порядкѣ перехода ханской власти въ Хивѣ нѣтъ подробностей у Гладышева и Муравина, а только сказано: «У Хивинцевъ же обыкновеніе такое, что ежели Ханъ хотя малую какую досаду или обиду имъ покажетъ, то они его какими нибудь способы тайно умертвятъ и того никакъ уже не упустятъ». Но означенные офицеры были личными свидѣтелями провозглашенія новаго Хана у Аральцевъ, что, по всей вѣроятности, совершалось точно также и въ Хивѣ. Гладышевъ говорить по сему предмету: «Будучи въ ономъ мѣствѣ, между Аральцами учинилась не только знатная ссора, но и баталія, изъ того, что нѣкоторая часть Аральцевъ намѣрены принять себя въ Ханы Абуль-Хаиръ, ханскаго сына Нурали, а другіе того не хотятъ; однако напоследокъ, по окончаніи оной междуусобной ссоры, все Аральцы согласно реченнаго Нурали Салтана приняли себя въ дѣйствительнаго Хана, который тамъ и остался. Оное его утвержденіе оттого произошло, что напредъ сего въ томъ народѣ былъ одинъ князекъ Шарахазы, и оный тому лѣтъ съ 40 отъ нихъ же Аральцевъ убить до смерти, а послѣ его остались три сына: первый Артыкъ, другой Сейдали, третій Куразали, и хотябъ изъ нихъ одинъ который и могъ быть произведенъ Ханомъ, но народъ, ихъ сожалея, чтобъ по ихъ легкомысленному обычаю тотъ, который въ Ханы произведется, также какъ и отецъ ихъ погубленъ не былъ, и для того думали, чтобъ изъ постороннихъ кого въ Ханы себя принять, чего ради объявленные князьки и нѣкоторая часть ихъ народа разсуждали, что Абуль-Хаиръ Ханъ подъ властію Ея Императорскаго Величества состоитъ, чего ради и народы тамошніе его нѣсколько боятся, и для того усовѣтовали принять себя въ Ханы сына его Абуль-Хаиръ, ханскаго вышесказаннаго Нурали Салтана, и хотя въ томъ ихъ народа часть достойная препятствовала, и въ томъ между ними произошли ссоры и несогласія, а притомъ было нѣсколько и кро-

*

вопротія, но наконецъ единогласно усовѣтовали и онаго Нураи Салтана, какъ вышеупомянуто, за дѣйствительнаго себя Хана приняли, который тамъ нынѣ и остался.

Посылавшій Хиву въ 1753 году, купецъ Рувакинъ, котораго замѣтки объ означенной странѣ напечатаны въ любопытномъ московскомъ мѣсяцесловѣ 1776 года, говоритъ слѣдующее :

«Городъ Хива, въ которомъ хивинскіе Ханы дворъ свой имѣютъ, такожъ и подвластныя того Хана крѣпостцы: 1) Абары, 2) Шабать, 3) Кентъ, 4) Чепь, 5) Азарысь, 6) Ургеничъ, всѣ стоятъ при каналахъ, пропущенныхъ изъ рѣки Аму-Дарьи; укрѣпленія, кромѣ невысокихъ глиняныхъ стѣнъ и небольшихъ рововъ, не имѣютъ; артиллеріи никакой нѣтъ, а оружіе ихъ по большей части стрѣлы и копья; имѣютъ же и огненное оружіе, но онаго весьма мало.»

«Отъ Оренбурга до Хивы по примѣру хода не болѣе тысячи верстъ почитать должно.»

«Во всѣхъ объявленныхъ крѣпостцахъ жителей весьма мало; а торги производится въ установленные дни, такъ какъ въ русскіихъ селахъ бываетъ; а большой торгъ у нихъ бываетъ въ Ургеничѣ, потому что оная всѣхъ ближе къ Киргизь-Кайсацкой Ордѣ, такожъ и къ Оренбургу первая; пріѣзжаютъ въ оную: Киргизь-Кайсаки, Бухарцы, Трухменцы и Аральцы.»

«Хивинцы живутъ болѣе въ окружности вышеписанныхъ крѣпостей, каждой при своемъ разведенномъ саду, гдѣ и хлѣбъ для себя сѣютъ, а крѣпостцы имѣютъ только для защищенія въ случаѣ непріятельскаго нападенія, какъ у нихъ происходитъ частыя ссоры съ Трухменцами, которые такоужь оружіе употребляютъ, какъ и Хивинцы. Междуусобные у Хивинцевъ раздоры нерѣдко бываютъ. Скотоводства они не имѣютъ, а довольствуются покупкою скота отъ Киргизь-Кайсаковъ и Аральцевъ.»

«Хивинцы въ Ханы избираютъ изъ Киргизь-Кайсацкой Орды изъ бухарскихъ ханскихъ поколѣній, а не изъ подданныхъ.»

Наконецъ, Бланкеннагель, бывшій въ Хивѣ въ 1793 году, говоритъ: «Хивинскіе Осбеки раздѣляются на разные роды, которые одинъ съ другимъ находятся въ непрестанной враждѣ. Многолюднѣйшій изъ нихъ есть Конратскій, который ны-

нѣ имѣть въ рукахъ верховную власть. Инахъ онаго управляетъ хивинскимъ народомъ съ большимъ или меньшимъ могуществомъ. Владѣющій нынѣ имѣетъ совѣтъ, безъ коего онъ ничего не можетъ предпринять.»

«Знатный или богатый Хивинецъ, коль скоро подаетъ какой-либо поводъ къ подозрѣнію на себя, лишается жизни, и не прежде узнаетъ о жребіи своемъ, какъ въ ту минуту, когда его умерщвляютъ; а въ такомъ случаѣ по большей части и его родственники и друзья равной съ нимъ подвергаются участи; убійцы раздѣляютъ между собою наслѣдство умерщвляемыхъ.»

«Всякій живетъ тамъ въ недовѣрчивости, и при первой вѣсти о себѣ, справедливой или несправедливой, принимаетъ, для спасенія своего, за оружіе; по началу ссоры, не должно уже помышлять о примиреніи, потому что договоры у Хивинцевъ никогда не содержатся.»

«Юмуты, изъ рода Туркменцевъ, народъ кочевой, населяютъ часть земли, лежащей близъ Каспійскаго Моря, на границахъ Персіи, въ окрестностяхъ Астрабада; они разбойничаютъ болѣе всѣхъ другихъ Туркменцевъ. Они дѣлаютъ воровскіе набѣги въ Персію, а равно сему поступаютъ они съ Бухарцами, Хивинцами, Киргизами и съ другими однородцами ихъ. Лѣтъ за тридцать назадъ, отецъ нынѣ владѣющаго Инаха, захватя верховную власть въ Хивѣ съ помощію сихъ Юмутовъ, уступилъ имъ лежащій въ сорока верстахъ отъ Хивы городъ Амбаръ съ его окрестностями. Съ тѣхъ поръ живетъ въ хивинской области около шести тысячъ Юмутовъ обо его пола. Юмуты, какъ сказано, почитаются за лучшихъ тамошнихъ воиновъ; но лучшій изъ нихъ воинъ не можетъ сравниться съ послѣднимъ изъ нашихъ казаковъ.»

«Каракалпаки обитали прежде по обоимъ берегамъ Сыр-Дарьи; но съ тѣхъ поръ, какъ Киргизцы, въ бывшихъ между ними войвахъ, истребили большую часть Каракалпаковъ, остальные перешли къ Хивѣ, отдали своего Хана Осбекамъ, и живутъ съ того времени подъ покровительствомъ Хивинцевъ. Они имѣютъ только мѣстами селенія; большая же часть ведетъ жизнь кочевую.»

«Хивинскій Ханъ въ правительствѣ значить меньше всѣхъ; три раза въ годъ показывается онъ народу, окруженный тѣми, которые дѣлами правятъ; въ прочее же время сидитъ въ заперти подь строгимъ присмотромъ. Въ придворномъ его содержаніи не соблюдается даже благопристойности, и нерѣдко въ самомъ необходимомъ претерпѣваетъ нужду.»

«Въ Хивѣ всегда происходятъ междуусобія, насилія и грабежи, кои содержатъ всѣхъ вообще въ непрерывномъ страхѣ, и нтъ одного дня, который бы могли они провести въ безопасности; а сіе причиною, что жителямъ и въ мысль не приходять выгоды жизненныя.»

По всѣмъ этимъ даннымъ ясно, кажется, что въ теченіе всего XVIII вѣка, Хива не представляла даже признака государственнаго устройства, а что все низовье Аму-Дарьи находилось подь владычествомъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ общинъ, управляемыхъ собственными старшинами: стверныя общины именовательно считались въ зависимости отъ владѣльца кунградскаго, а южныя отъ хивинскаго, смѣняя, впрочемъ, означенныхъ владѣльцевъ по своему произволу.

Въ концѣ XVIII вѣка, по свидѣтельству Муравьева, вѣкто Эльтезеръ или Ильтезеръ завладѣлъ управленіемъ Хивы и, женившись, не смотря на простое происхожденіе свое, вопреки мѣстному обычаю, на дѣвушкѣ изъ рода Ходжей, то-есть потомковъ Магомета, присвоилъ себѣ титулъ Хана. Упротивъ власть внутри своего удѣла крайнею жестокостію, онъ вознамѣрился заявить независимость свою отъ бухарскаго Хана походомъ противу него, но утонулъ при переправѣ черезъ Аму. Слабый преемникъ его, Кутли-Мурадъ, снова ограничился титуломъ Инаха и лишь именовательно властію надъ мѣстными родоначальниками. Но примѣръ Ильтезера возбудилъ желаніе подражать ему въ младшемъ братѣ его Мухамедъ-Рахимѣ, который, убивъ Кутлу-Мурада и другого соперника, двоюроднаго брата своего Мухамедъ-Ніазъ Бека, не только подчинилъ своей власти все низовье Аму-Дарьи до Аральскаго моря, но положилъ начало вліянію Хивы на сосѣднихъ Киргизовъ и Туркменъ, равно какъ возобновилъ признаки внутренняго гражданскаго устройства въ своихъ владѣніяхъ. Вслѣдствіе неудачнаго похода противу Бухары, Мухамедъ-Рахимъ долженъ

былъ признанъ временно зависимость свою отъ тамошняго Эмира; но зависимость сія была лишь именовательная.

Въ эпоху смерти Мухамедъ-Рахима, то-есть въ 1825 году, Хивинское Ханство уже представляло одно политическое цѣлое, дѣйствительно подчиненное хивинскому владѣльцу.

Наслѣдникъ и сынъ Мухамедъ-Рахима, Алла-Куль, въ 17-лѣтнее управленіе свое, если не увеличилъ, то по крайней мѣрѣ не ослабилъ завѣщанной ему власти. По смерти Алла-Кула наследовалъ сынъ его Рахимъ-Куль, который скончался однако уже въ 1845 году и былъ замѣщенъ братомъ, Мохамедъ Аминемъ, управляющимъ въ Хивѣ досель.

Такимъ образомъ. сначала нынѣшняго столѣтія, Хивинское владѣніе получило нѣкоторую политическую значимость. Но это преобразованіе, составляя успѣхъ сравнительно съ предшествовавшимъ положеніемъ ханства, еще не могло сдѣлать его важнымъ, ни какъ врага, ни какъ союзника, для такого могущественнаго сосѣда, какъ Россія. Равномѣрно и въ торговыхъ видахъ не могла Хива, по видимому, заслуживать особаго вниманія съ нашей стороны, ибо, по малочисленности и грубости своего народонаселенія, она не представляетъ ни большого, либо зажиточнаго рынка для сбыта продуктовъ нашихъ, ни мѣста производства цѣнныхъ товаровъ. Наконецъ, побережья Арала и низовья Аму-Дарьи, составляя пространство, разъединенное со всѣми окрестными странами недостаткомъ удобныхъ сообщеній, большею частію бесплодное и однообразное, не возбуждаетъ, кажется, любопытства въ физическомъ отношеніи, а разрушительное невѣжество нынѣшнихъ 250-лѣтнихъ владѣтелей этой мѣстности заставляетъ отчаяваться, чтобы мѣстныя розысканія могли принести пользу въ историческомъ отношеніи. Потому можно бы думать, что ни въ практическомъ, ни въ ученномъ смыслѣ побережья Арала и низовья Аму-Дарьи не заслуживаютъ затруднительнаго географическаго изученія ихъ. Но такой выводъ, какъ онъ ни кажется правдоподобенъ, будетъ, смѣю думать, не основателенъ. и дабы вѣрно оцѣнить настоящее географическое значеніе разсматриваемой нами мѣстности, необходимо обратиться къ другимъ, болѣе вѣрнымъ соображеніямъ.

Сопредѣльность независимыхъ владній возбуждастъ обыкновенно отношенія двухъ родовъ: торговыя и національныя.

Торговый путь въ Россію съ береговъ Джейхуна, или Аму-Дары, проложенъ былъ уже въ VIII вѣкѣ, какъ свидѣтельствуя найденныя у насъ монеты того времени, изъ разныхъ городовъ Маверанегра. Владычество Татаръ въ Россіи еще ближе ознакомило Харезмцовъ съ разными частями нашего отечества, ибо они въ первую эпоху этого владычества являются главными и самыми страшными откупщиками татарской дани. Сверхъ того, заведеніе въ то же время Венеціанскихъ и потомъ Генуезскихъ коловій на Черномъ Морѣ возобновило торговый путь оттуда въ долину Сыра и Аму. А потому неудивительно, что уже въ 1364 году встрѣчаемъ показаніе летописцевъ о присутствіи въ Нижнемъ-Новгородѣ многочисленныхъ хивинскихъ и бухарскихъ торговцевъ, и что съ покореніемъ Казани и Астрахани, Хивинскіе, Бухарскіе и Самаркандскіе владѣльцы начали часто отправлять посланцевъ ко двору Московскому, для покровительства своихъ промышленниковъ. Государя Московскіе ласково принимали посланныхъ и поощряли эти торговыя сношенія; но замѣчательно, что во всѣхъ коммерческихъ соображеніяхъ относительно Средней Азіи, какъ Московскаго двора, такъ и западныхъ Европейцевъ, входившихъ съ ними по сему предмету въ сношенія, сама Средняя Азія никогда не была цѣлю, а только средствомъ проникнуть въ отдаленную Индію. Для открытія этого пути, уже въ 1520 году пріѣзжалъ въ Москву Генуезецъ Павелъ Центуріоне, а въ 1537 году Венеціанецъ Марко Фоскарини. Но гораздо любопытнѣе для насъ свидѣтельство безыменнаго сочинителя «*Relatione dell Imperio di Moscovia*» 1553 года о томъ, что та же мысль занимала сильно Іоанна IV. Въ означенной книгѣ читаемъ:

«Il nostro Imperatore, per facilitar un tal viaggio, ha proposto premii grandissimi, sperando, a prendoli la via, di far un corsivo viaggio, mediante il quale cresceria grandemente il datio et legabelle, oltre che per il picciolo pretio i suoi Moscoviti s'accommodarano di speciarie chegran quantità ne consumano.»

Эта заботливость Государя объясняется прежде начавшимся уже сношеніями Русскихъ съ Индією.

Первое известное по летописям путешествіе изъ Россіи въ Индію совершилъ тверской торговецъ, Афанасій Никитинъ. Получивъ дозволеніе отъ Великаго Князя Михаила Борисовича, онъ отправился изъ Твери, въ 1469 году, Волгою, съ товаромъ. Черезъ владѣнія Великаго Князя Московскаго Іоанна Васильевича пропустили его до Нижнего-Новгорода безъ задержанія. Дождавшись тамъ возвращавшагося изъ Москвы ордынскаго посла Ширвана Асамбека, присталъ онъ къ свитѣ посольской; но не смотря на такое надежное сопутствіе, Никитинъ двоекратно ограбленъ былъ астраханскими Татарами и Кайтаками. Изъ Дербента пошелъ онъ къ Бакъ, а оттуда, черезъ Мизандронъ и другія персидскія провинціи, направилъ путь къ острову Ормусу; былъ въ Гузаратъ и далѣе; сухимъ путемъ проѣхалъ черезъ горы индійскія до Бедера, столицы Великаго Султана Хоросанскаго. Въ обратный путь пустился онъ изъ Ормуса черезъ Ширазъ въ Испагань, а изъ Персіи черезъ Трапезонтъ прибылъ въ Кафу.

Изъ индійскихъ же странъ въ Москву первый пріездъ впоследствии при Великомъ Князѣ Василіѣ Іоанновичѣ. Въ сентябрь мѣсяцъ 1533 года, прибылъ въ столицу Россіи Индѣецъ, подъ названіемъ гостя, Таусениъ-Хозя, и привезъ отъ Индійскаго владѣтеля Бабуръ-Падши, то-есть Султана Бабера, грамоту, въ которой предлагалъ онъ Россійскому Государю быть съ нимъ въ дружбѣ и братствѣ. Когда Таусениъ-Хозя продалъ въ Москвѣ ея товары свои, то, при отпускѣ его, вручена была ему отвѣтная Государева къ Бабуръ-Падшѣ грамота, гдѣ писано: «чтобъ люди промежъ ихъ тѣдили; а о братствѣ къ нему (Великій Князь) не приказалъ, потому что не въдаетъ его Государства; невѣдомо: онъ Государь, или государству тому урядникъ.»

Стремленіе къ поддержанію и развитію свихъ сношеній продолжалось и послѣ Грознаго. Годуновъ въ особенности заботился объ этомъ. По возстановленіи въ Россіи порядка въ XVII вѣкѣ, Алексѣй Михайловичъ назначилъ къ Индійскому Шаху-Джагану, то-есть Великому Моголу Джихангиру, гонцомъ казанскаго купца Никиту Сыроежина и астраханскаго жителя Василія Тумканова, вмѣнивъ имъ въ обязанность собрать возможные свѣдѣнія о пути въ Индію; но Шахъ Абасъ II отка-

заяся пропустить ихъ туда. Въ 1651 году вновь назначены гонцами къ Персидскому и Индійскому Шахамъ гости Василий Шоринъ и два прикащика его Родіонъ и Иванъ Никитины; но и они останвлены были въ Персіи. Въ 1663 году прѣѣхали въ Москву купцы отъ Индійскаго Шаха, Армяне Петровъ, Григорьевъ и Савельевъ; однако Алексѣй Михайловичъ не хотѣлъ допустить монополіи армянскихъ промышленниковъ по индійской торговлѣ, а потому не только не оказалъ имъ льготъ, но, въ 1669 году отправивъ въ Хиву и Бухару посломъ Пазухина, предписалъ ему собрать точнѣйшія свѣдѣнія о пути въ Индію. Вслѣдствіе привезенныхъ имъ указаній, посланъ былъ въ 1675 году изъ Астрахани, вмѣстѣ съ русскимъ посломъ въ Бухару Даудовымъ, Астраханецъ Исупъ Касымовъ съ грамотою къ Великому Моголу Эвренкзебу.

Бухарскій и Балхивскій Хань, изъ угожденія Россійскому Монарху, препроводили безопасно русскаго посланника чрезъ свои владѣнія до границъ Индіи. Исупъ въ 1670 году прибылъ въ Кабуль. Тамашній градодержецъ Мекретъ Ханъ отписалъ въ Янобать (Джелабать) къ Ацемъ Хану, чтобы онъ донесъ Шаху о прибытіи посланника изъ Россіи. Но Великій Моголь не пожелалъ быть въ сношеніи съ Россією, и Мекремедъ-Ханъ отозвался Исупу, что у Государя его, Индійскаго Шаха, издавна до прародителя ихъ, до Темиръ-Аксака и до нынѣшняго времени, отъ нѣсколькихъ сотъ лѣтъ Россійскаго Государства пословъ и посланниковъ въ Индію не бывало, потому что Россійское Государство съ Индійскимъ въ дальнемъ разстояніи, и ссоръ никакихъ прежде не было и нынѣ нѣтъ; а знатно-де Россійскій Царь къ Индійскому Шаху присылаетъ посланниковъ для богатства, а не для какихъ дѣлъ иныхъ; да и въра-де русская явая, и имъ-де басурманомъ съ христіяны въ дружбѣ быть не прилично. Мекретъ Ханъ, приводя Исупу въ примѣръ какого-то Семена, назвавшагося русскимъ посланникомъ, но въ дѣйствительности бѣлаго жида, который въ 1658 г. перешелъ въ службу Шаха, — склонялъ къ тому же Касымова. Тотъ однако отвергъ это съ пренебреженіемъ, — за что навлекъ на себя негодованіе Хана и былъ высланъ изъ Кабула, получивъ изъ Шаховой казны 2,000 рупій. Касымовъ

возвратился въ Москву въ январь 1678 г. и вывезъ выкуплен-ныхъ имъ 40 пѣтнниковъ изъ Индіи.

Въ 1695 г. 7 мая последовало вновь повелѣніе отправить изъ Приказа Большой Казны черезъ Персію, Хиву, Бухарію, Балкъ и въ городъ Кабуль для торговаго промысла съ государскими товарами и съ золотыми, кучину гостиной сотни, Семена Маленькаго, Сергѣи Аникѣева и астраханскаго посадскаго челоуѣка Ивана Севрина, придавъ имъ въ Астрахани изъ посадскихъ людей въ цѣловальники добраго и правдиваго челоуѣка, а для осторожности и караула стрѣльцевъ 5 челоуѣкъ и одного толмача. Кучицы снабжены были изъ Посольскаго Приказа грамотами къ Персидскому Шаху и къ владельцамъ Хивинскому, Бухарскому и Балхинхинскому.

Маленькій выѣхалъ въ ноябрь 1694 г. изъ Астрахани; черезъ Испаханъ безпрепятственно доѣхалъ до Индіи; посѣтилъ Агру, Дели; представился Великому Моголу, который далъ ему слона въ подарокъ Русскому Царю; 22 января 1722 г. изъ Суража поплылъ въ Бендеръ - Абасъ, разложивъ товары свои на два корабля, брандербургскій и суратскій, изъ которыхъ послѣдній захваченъ былъ морскими разбойниками; наконецъ, достигнувъ Шемахи, умеръ тамъ, равно какъ племянникъ его Аникѣевъ; въ Астраханъ же возвратился только слуга ихъ, который былъ спрошенъ по приказанію Петра I, но не могъ сообщить большихъ свѣдѣній.

Вмѣстѣ съ посылкою Бековича въ Хиву, предписано было Кожину идти оттуда въ Индію; а когда до Государя дошло извѣстіе о томъ, что Кожинъ отказался соупутствовать Бековичу, то порученіе его вѣрно передать Тевкелеву, о судьбѣ которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Немедленно по заложеніи Оренбургской Линіи, основатель ея Кириловъ занялся проектомъ объ открытіи сношеній оттуда черезъ Аральское Море и Аму-Дарью съ Индіею. Преемникъ же его Неплюевъ представилъ полный проектъ, «какіе способы могутъ послужить къ распространенію Оренбургской коммерціи въ Бухарію до Индіи,» который былъ одобренъ и, для заведенія торговаго сношенія съ Индіею, дана привиллегія на 15 лѣтъ торговой компаніи, составленной изъ оренбургскихъ купцовъ: Журавлева, Твередышева, Кикина, Макарова, Мавродія и Аб-

дула Хазлиа. Послѣдній въ 1750 г. отправилъ въ Индію для опыта два небольшіе каравана съ товарами на 8,000 р. Они благополучно достигли своего назначенія и выгодно распрода ны; находившіеся же при нихъ прикащики, магометане, про брались на позвратномъ пути въ Мекку. Дальнѣйшихъ послѣд ствій означенная компанія кажется не имѣла.

Это многовѣковое значеніе сѣверо-западной части Средней Азія, исключительно только какъ пути къ странамъ ее окру жающимъ, вполне объясняется характеромъ сказаннаго про странства. Будучи окаймлено на югъ и востокъ высокими го рами, изъ коихъ многія переходятъ за снѣговую линію, она представляетъ покатость, наклоненную отъ нихъ къ сѣверо-за паду, и которая на сѣверъ разрѣзывается мысообразно-вда ющимся въ нее Южнымъ Ураломъ. Центральныя части юж ныхъ и восточныхъ горъ недоступны развитію оскдлости, по орографическому и климатическому характеру своему; средина покатости, занятая Аральскимъ Моремъ и прибрежными ему мѣстами, представляетъ въ послѣднихъ песчаныя и безводныя степи, перерезанныя среднимъ и нижнимъ теченіемъ только двухъ рѣкъ. Аму и Сыра. Такимъ образомъ, кромѣ прибрежій этихъ притоковъ, къ оскдлому обитанію способны лишь предгорья Алтая, Урала, Тхляшана, Билура и Хиндукуша, то-есть весьма незначительная часть всего пространства, составляющая притомъ не сплошную массу, а группу оазисовъ, раздѣленныхъ пустынями. Посему понятно, что сѣверо-западная часть Средней Азіи никогда не можетъ представить обширнаго развитія са мостоятельной гражданственности, большихъ промышленныхъ и образованныхъ государствъ.

Но бѣдная, по природѣ своей, Средняя Азія имѣетъ значи тельную важность мѣстоположеніемъ своимъ, будучи окружена Китаемъ, Индіею, Ираномъ и Европою, для которыхъ пред ставляетъ ближайшее и до усовершенствованія мореплаванія почти единственное средство взаимнаго сообщенія. Вслѣд ствіе сего, уже въ глубокой древности находимъ мы свидѣ тельства о важныхъ торговыхъ путяхъ чрезъ это пространство и видимъ, что оно служило большою дорогою при всѣхъ пе редвиженіяхъ народовъ, подавшихъ поводъ главнымъ міровымъ переворотамъ. По этому же самому и въ первоначальныхъ по-

литико-торговыхъ соображеніяхъ о Средней Азій, она является только путемъ къ отдаленнѣйшимъ странамъ.

Но если при младенчествѣ мореплаванія этотъ путь могъ казаться выгоднымъ, то нынѣ легкость водянаго сообщенія съ сѣверо-восточною Персіею по Каспійскому Морю чрезъ Астрабадъ, а по Инду со странами, на системѣ этой рѣки лежащими, дѣлаетъ совмѣстничество съ нимъ трудной перевозки товаровъ на вьюкахъ, чрезъ бесплодныя степи и едва проходимыя горы, крайне не надежнымъ. Слѣдовательно въ настоящее время разборъ можетъ подлежать только торговое значеніе сѣверо-западной части Средней Азій самой по себѣ.

Дѣятельныя и самостоятельныя сношенія Россіи съ этимъ пространствомъ начались собственно съ половины XVIII вѣка, то-есть съ основанія Оренбурга и проложенія Оренбургской Линіи; ибо хотя азіятскіе караваны приходили и до того на Сибирскую Линію, равно какъ въ Сарайчикъ и Астрахань, но русское купечество не принимало непосредственнаго участія въ этой торговлѣ, а крайняя опасность перехода черезъ степь отъ Калмыковъ, Киргизъ и Башкиръ, заставляла самыхъ Азіятцевъ ограничивать по возможности отправку товаровъ.

Свѣдѣнія, сохранившіяся относительно развитія этой торговли съ означенной эпохи, представляютъ слѣдующія данныя:

<i>Годы.</i>	<i>Привозъ.</i>	<i>Отпускъ.</i>
1773—77 на . . .	214,794 р. а.	206,136 р. а.
1793—97 — . . .	1.547,069 —	1.579,445 —
1801— 7 — . . .	2.074,564 —	987,974 --
1812—15 — . . .	4.074,564 —	3.582,881 —
1820—23 — . . .	5.381,155 —	3.763,611 --
1824—27 — . . .	5.759,252 —	4.389,705 —
1828—31 — . . .	6.267,414 —	5.889,646 —
1832 на	5.712,757 —	5.624,418 —
1833 —	6.920,935 —	6.781,750 —
1834 —	7.408,462 —	6.687,909 —
1835 —	8.208,161 —	6.543,484 —
1836 —	10.086,975 —	7.698,095 —
1837 —	10.030,513 —	6.794,906 —
1838 —	7.872,399 —	6.041,074 --

Годы.	Привозъ.	Отпускъ.
1839 на	8.544,640 р. а.	6.374,059 р. а.
1840 —	2.914,026 р. с.	2.345,583 р. с.
1841 —	3.825,886 —	2.738,724 —
1842 —	3.128,332 —	2.308,944 —
1843 —	2.654,565 —	2.114,224 —
1844 —	2.467,100 —	2.495,712 —
1845 —	2.720,328 —	2.266,401 —
1846 —	3.150,871 —	2.341,122 —
1847 —	2.893,472 —	2.441,245 —
1848 —	2.874,298 —	2.157,132 —

Такимъ образомъ въ настоящее время торговля со всею сѣверо-западною частию Средней Азiи составляетъ лишь $\frac{1}{53}$ всѣхъ оборотовъ по внѣшней торговлѣ Имперiи. Сравнительно съ обширностию границы, на которой она производится, результатъ этотъ можетъ показаться незначителенъ въ государственномъ смыслѣ. Но необходимо принять въ соображенiе: 1) что торгъ сей существуетъ въ настоящемъ видѣ всего 75 лѣтъ, въ продолженiе которыхъ онъ увеличился въ 13 разъ; 2) что торговля сношенiя съ Среднею Азiею принадлежатъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ въ нашемъ отечествѣ заграничныхъ оборотовъ, въ коихъ отпускъ выдѣланныхъ товаровъ слишкомъ вдвое превосходить привозъ таковыхъ издѣлiй, тогда какъ напротивъ по европейской торговлѣ привозится обработанныхъ товаровъ въ четыре раза болѣе, чѣмъ отпускается изъ Россiи *; 3) что, на-

* Въ послѣднiе годы привозъ и отпускъ обработанныхъ издѣлiй на средне-азiатской границѣ находились въ слѣдующемъ отношенiи :

1834 годъ	1.492,962 р. а.	3.949,848 р. а.
1835 —	1.791,243 —	3.790,964 —
1836 —	1.813,975 —	4.687,432 —
1837 —	2.235,684 —	3.838 365 —
1838 —	1.946,193 —	3.132.634 —
1839 —	2.760,061 —	3.294.212 —
1840 —	799,105 р. с.	1.453,737 р. с.
1841 —	1.387.898 —	1.611.116 —
1842 —	967,172 —	1.351.624 —
1843 —	638,487 —	1.352,087 —

конецъ, средне-азіятская торговля составляетъ главную пружину развитія торговой дѣятельности въ Заволжской Россіи, ибо пространство это, по преимуществу земледѣльческое, весьма бѣдно внутреннимъ торгомъ, сбывая большую часть продуктовъ изъ первыхъ рукъ на волжскіе рынки. Посему лишь одни заграничныя торговля сношенія привлекаютъ въ Заволжскъ самостоятельныхъ торговцевъ-капиталистовъ и возбуждаютъ мѣстную торговую предприимчивость.

По всемъ этимъ уваженіямъ, не смотря на числительную незначительность оборотовъ по средне-азіятской торговлѣ, нельзя не признать въ развитіи ея государственной важности, и слѣдовательно невозможно считать не важнымъ тѣ условія, отъ коихъ зависитъ успѣшность этого развитія.

Одно изъ главныхъ таковыхъ условій составляетъ обезпеченіе и удачный выборъ путей сообщенія.

Во всякой торговлѣ есть извѣстные пути, наиболее способствующіе выгодному ходу ея, какъ удобнѣйшіе или кратчайшіе. Но въ дорогахъ, пролегающихъ чрезъ населенныя и плодородныя страны, можно, при затруднительности слѣдованія прямѣйшимъ путемъ, достигнуть цѣли другимъ, хотя и болѣе отдаленнымъ сообщеніемъ. Казалось бы, что степь малозаселенная и неразмежеванная между отдѣльными вотчинниками представляетъ еще болѣе легкости къ произвольному проложенію и выбору торговыхъ путей; однако же на дѣлѣ встрѣчается совершенно противное. Бесплодность и неудобопроходимость значительной части степи, равно какъ отдаленность одного отъ другого разбросанныхъ въ ней центровъ торговли, дѣлаетъ только нѣсколько извѣстныхъ направленій исключительно выгодными и даже возможными для прохода каравановъ. Важнѣйшія изъ этихъ направленій суть дороги, идущія отъ Оренбурга и Троицка къ низовьямъ Сыръ-Дарьи, какъ наиболее облегчающія сношенія Россіи съ Бухаріею, Коканомъ и съ принадлежащею ему Ташкеніею. Утвержденіе это мо-

1844 годъ	710,567 р.	1.557.685 р.
1845 —	731,533 —	1.273,951 —
1846 —	884 455 —	1.319,486 —
1847 —	677,039 —	1 375.118 —
1848 —	766,519 —	1.929 938 —

жетъ показаться парадоксальнымъ для тѣхъ, кто захочетъ судить о дѣлѣ на основаніи карты. Съ одной стороны сообщеніе съ Коканомъ представляется гораздо выгоднѣйшимъ и ближайшимъ изъ Семипалатинска, чѣмъ изъ Троицка; съ другой — путь изъ Астрахани чрезъ юго-восточное побережье Каспія есть, по видимому, кратчайшій для сношенія съ Бухаріею. Но Семипалатинскъ менѣе выгоденъ Троицка и Оренбурга, потому что сообщается гораздо труднѣе съ внутреннею Европейскою Россіею, центромъ всей нашей торговой дѣятельности; Астрахань же хотя и связана съ этими частями Имперіи нашею главною торговою артеріею — Волгою, отъ устьевъ которой къ юго-восточнымъ берегамъ Каспія предстоитъ также болѣе удобный способъ перевозки, чѣмъ на верблюдахъ; но за то эти побережья такъ безводны и негостепріимны, что на всемъ протяженіи ихъ, отъ Гурьева до Астрабада, за исключеніемъ Тюбь-Каранскаго Мыса, нельзя было доселѣ пріискать удобнаго мѣста для торговаго стаповища; къ тому же путь отъ этихъ береговъ въ Бухару пролегаетъ чрезъ кочевья Туркменъ, народа наименѣе до сихъ поръ обузданнаго изъ вѣдѣхъ кочующихъ племенъ Средней Азіи, и сверхъ того по мѣстамъ, почти совершенно безводнымъ.

Если же низовья Сыръ-Дарьи составляютъ важнѣйшій пунктъ въ коммерческихъ сношеніяхъ Россіи съ С. З. Средней-Азіи, то значеніе Хивы въ этомъ случаѣ очевидно, такъ какъ она есть ближайшее къ этимъ низовьямъ пѣскольно устроенное владѣніе, могущее имѣть наиболѣе вліянія на тамошнихъ обитателей. Я говорю — ближайшее, потому что хотя Коканія, посредствомъ Туркестана и Отрара, прикасается кажется непосредственнѣе къ устьямъ Сыра; но два означенныхъ города принадлежатъ къ Ташкеніи, которая сама составляетъ доселѣ весьма ненадежный удѣлъ Кокана, и слѣдовательно образуетъ скорѣе рубежъ между имъ и устьемъ Сыра, чѣмъ опорную точку для коканскаго вліянія на сѣн послѣднія.

Таково торговое значеніе Хивы въ настоящее время. Нужно ли объяснять, что оно возвысится, въ случаѣ открытія воднаго сообщенія отъ сѣвернаго берега Арала къ среднимъ частямъ Сыръ и Аму-Дарьи? А что подобное сообщеніе не невозможно, это вполне подтверждается повѣйшими географическими

ислѣдованіями, о которомъ отчетъ печатается съ Высочайшаго разрѣшенія въ Запискахъ нашихъ.

Уже въ 1847 году, съ открытіемъ мореплаванія по Аралу, спущены были на Сырь-Дарьѣ и вышли въ море: шкуна Николай, поднимающая до 700 пуд. груза, два двѣнадцати-весельныхъ барказа и семь лодокъ разнаго размѣра; а въ 1848 году къ нимъ прибавлена еще шкуна Константинъ.

Сверхъ того, слухъ о рыбномъ богатствѣ Арала возбудилъ промышленную предприимчивость двухъ извѣстныхъ оренбургскихъ купцовъ, Дзева и Путолова, которые въ томъ же году спустили на Сырь-Дарью одно мореходное судно и пять большихъ лодокъ для рыболовства. Въ 1849 году работники этихъ судовъ уже зимовали на островѣ Николаѣ, чтобы раннею весною открыть ловъ въ удобныхъ мѣстахъ, и, для развитія означеннаго промысла, образовалась въ Оренбургѣ компанія на акціяхъ.

Въ какой мѣрѣ эти промышленныя начинанія могутъ обнадеживать развитіе торговаго мореходства, — объ этомъ положительно, на основаніи обнародованныхъ свѣдѣній, сказать еще нельзя. Путь къ Аралу отъ русской границы весь сухопутный, и частію по мѣстамъ песчанымъ, маловоднымъ. Берега этого моря бесплодны и вовсе лишены строеваго дѣла; хорошихъ якорныхъ стоянокъ и закрытыхъ гаваней мало; Араль принадлежитъ къ числу самыхъ бурливыхъ и безпокойныхъ бассейновъ: вѣтеръ крѣпчаетъ вдругъ, разводитъ большое волненіе и потомъ, стихнувъ, оставляетъ послѣ себя зыбь, при которой лавировать нѣтъ возможности. Ровные, умеренные вѣтры, которые бы дули по нѣскольکو сутокъ средю, рѣдки; господствующее направленіе вѣтра сѣверное; но этотъ вѣтеръ обыкновенно переходитъ изъ штиля въ порывистый и даже жестокой штормъ. Устья двухъ единственныхъ большихъ рѣкъ, впадающихъ къ Араль, Аму и Сырь, стѣснены мелями и представляютъ фарватеръ весьма извилистый, не глубже 4, а мѣстами даже 2 футовъ. Вотъ невыгодная сторона дѣла!

Зато разстояніе сѣверо-восточнаго берега Арала отъ Оренбурга 700 верстъ, то-есть въ два съ половиною раза меньше всей дороги до Бухары. Изъ рѣдкихъ хорошихъ гаваней,

встрѣчающихся въ означенномъ морѣ, именно дѣтъ находятся при сѣверномъ берегу: въ бухтѣ Чубарь-Тараусь, принадлежащей къ заливу Перовскаго, и на сѣверо-восточной оконечности полуострова Куланды; при первой изъ этихъ гаваней прѣсная вода въ копаняхъ и родникахъ въ изобиліи, и есть кормъ для скота; на полуостровѣ же Куланды, равно какъ при заливѣ Каратамакъ, замѣчены Бутаковымъ признаки каменнаго угля, и хотя позднѣйшія изслѣдованія Антипова не даютъ надежды найти этотъ уголь близъ самаго моря, но по свидѣтельству Ибнъ-Гаукала и Абульфѣда, мы знаемъ, что этого рода топлива еще въ X вѣкѣ употреблялись въ среднихъ частяхъ долины Сыра. На желѣзномъ пароходѣ съ баржами на буксирѣ и даже на парусныхъ судахъ, при благопріятномъ вѣтрѣ, можно въ сутки перевезти товаръ изъ Чубарь-Тарауза къ устьямъ Аму-Дарьи. Эти устья дѣйствительно мелки, но самое восточное изъ нихъ, Джанъ Дарья, имѣетъ на три версты отъ моря не менѣе 4 футовъ глубины; низовья же Сыръ-Дарьи въ западномъ рукавѣ къ веснѣ углубляются также отъ 3 до 4 футовъ, и начинаютъ мельть лишь съ исхода сентября. Вверхъ отъ этихъ низовій, глубина обнхъ рѣкъ вездѣ гораздо значительнѣе; судоходность Сыра на 100 верствъ отъ устья уже изслѣдована; о плаваніи же лодокъ съ грузомъ по Аму-Дарьи отъ Чардуя до хивинскихъ предѣловъ есть положительное свидѣтельство Бланкенгагеля и Бориса. Это составляетъ ободрительную сторону вопроса. Рѣшить, что превозможеть на практикѣ, удобства или неудобства, — предоставлено одной будущности; но если и въ средне-азіятской торговлѣ суждено судоходству современемъ замѣнить, хотя отчасти, доисторическій способъ перевозки тяжестей на верблюдахъ, то промышленное значеніе Аральскаго моря и Хивинскаго Ханства возрастетъ чрезвычайно, такъ какъ чрезъ первое будутъ лежать пути ко всемъ важнѣйшимъ рынкамъ западной части Средней Азіи, а чрезъ самую средину второго пойдетъ дорога къ главнѣйшему торговому мѣсту этого пространства, къ Бухарь.

Я уже имѣлъ случай замѣтить выше, что сопредѣленность средне-азіятскихъ равнинъ съ Россіею возбуждаетъ не одни торговля, но и государственныя отношенія. Значеніе Россіи въ этомъ смыслѣ имѣетъ обще-историческую важность: большая

часть главныхъ переворотовъ въ древнихъ и среднихъ вѣкахъ Европы произошла вслѣдствіе движенія народовъ изнутри Азіи; стремясь къ западу, они прежде всего должны были выходить на обширныя низменности между Верхнимъ Иртышемъ и низовьями Сыръ-Дарьи; отсюда предстоили имъ три направленія: къ сѣверу, по Ишимскимъ низменностямъ, вдоль восточнаго свѣса Южнаго Урала до нынѣшней Екатеринбургской сѣдлины или пониженія хребта, представлявшаго удобный входъ въ долину Камы; къ сѣверо-западу — по Иргизу, Эмбѣ, Хобдѣ и Илеку, вдоль юго-западныхъ скатовъ Южнаго Урала, къ низовьямъ Яика и Волги; наконецъ, къ югу — черезъ Туркменскія степи въ Иранъ и черезъ Кавказъ въ Придонскія равнины. По этимъ путямъ дѣйствительно и происходило движеніе многихъ разрушительныхъ племенъ; послѣднимъ изъ нихъ было монгольское. Выдержавъ первая въ Европѣ натискъ его, Россія 200-лѣтнимъ данничествомъ искупила западъ отъ новаго гибельнаго потрясенія. Въ XVI вѣкѣ покореніе Казани, Астрахани и распространеніе русскаго владычества въ Сибири открыло намъ возможность менѣе страдательно противудѣйствовать азіатскому вліянію на западъ; мы начали колонизировать Заволжье до береговъ Камчатки, чтобы тѣмъ поставить оплотъ противу дальнѣйшихъ натисковъ средне-азіатскаго варварства на образованный міръ. Эта колонизація, вполне оправдываемая обязанностию самосохраненія, имѣла, сверхъ того, еще другое отличіе отъ всѣхъ нерусскихъ колонизацій: послѣднія большею частію сопряжены были съ истребленіемъ или по крайней мѣрѣ порабоцненіемъ туземцевъ пришельцами; у насъ, напротивъ, колонизація постоянно вела къ преобразованію инородцевъ, преимущественно мирнымъ путемъ, въ русскихъ гражданъ, къ возможному уравниенію туземцевъ въ правахъ и выгодахъ съ господствующимъ племенемъ. Эта высокая цѣль составить несомнѣнно одно изъ блистательнѣйшихъ отличій нашей исторіи; но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, должна была имѣть вліяніе на самый характеръ колонизаціи.

Во всѣхъ другихъ колоніяхъ переселенцы начинали обыкновенно съ ненависти и пренебреженія къ туземному быту, съ совершеннаго отчужденія отъ него и насильственнаго перенесенія на новую почву незнакомыхъ и нерѣдко противныхъ ей учрежденій. У насъ, напротивъ, колонизирующіе первоначально какъ-бы

сами подчиняясь вліянію туземцевъ, принимая повидному кочевья привычки въ ущербъ осядлости: Уральцы, съ XVI вѣка занявшіе низовья Яика, досель не знаютъ личной собственности, и вся промышленная дѣятельность ихъ до сихъ поръ совершается какъ-бы набѣгами. Въ извѣстный срокъ Войсковымъ Начальствомъ опредѣляется мѣсто для лова рыбы; все войско собирается туда, и что къмъ поймано, то и составляетъ его избытокъ, безъ права производить ловъ отдѣльно, гдѣ бы то ни было въ войсковыхъ дачахъ, не въ установленное время. То же дѣлается съ сѣнокосомъ: въ назначенный день все казаки стекаются на избранный покосъ, и годовой запасъ каждого ограничивается слятымъ имъ въ установленный срокъ сѣномъ; наконецъ, даже въ хлѣбопашествѣ встрѣчаемъ подобный же характеръ: каждый можетъ заводить хуторъ и распахать землю на мѣств. не занятомъ другими, или не предназначенномъ на общественныя надобности; но это не превращаетъ обработаннаго участка въ личную собственность. Поднимаясь далѣе на сѣверъ, къ Сибири, встрѣчаемъ сходные тому примѣры. Если кто лѣтомъ заѣдетъ въ одно изъ богатыхъ сель хлѣбороднаго Челябинскаго Уѣзда, населенныхъ русскими крестьянами, онъ нерѣдко найдетъ почти опустѣвшія деревни, охраняемыя однѣми старухами: рабочее народонаселеніе иногда на цѣлыя недѣли отлучается изъ домовъ на отдаленныя поля, сѣнокосы, пастбища, или рыболовныя озера. Но эти уступки кочевому быту, сближая пришельцевъ съ туземцами, не вредятъ развитію гражданственности; въ тѣхъ же мѣстахъ, у тѣхъ же переселенцевъ, встрѣчаютъ признаки осядой зажиточности и даже чистоты, рѣдкой не только между крестьянами внутри Россіи, но и во всей Европѣ, кромѣ Голландіи, Англіи, Давіи и Швеціи.

Между тѣмъ, среди кочевыхъ туземцевъ совершается также постепенно другого рода преобразование: съ начала эти племена, слѣдуя первобытной привычкѣ, переходятъ ежегодно огромныя разстоянія, останавливаясь на каждомъ мѣствѣ лишь по нѣскольку дней; таковы еще досель Киргизы, зимующіе за Сыръ-Дарьей, которые между тѣмъ лѣтомъ приходятъ на мѣвку въ Оренбургъ; но вскорѣ кругъ кочеванія цѣлыхъ общинъ ограничивается небольшими, положительно опре-

дьявными округами, какъ напримѣръ: у Киргизъ Сибирскихъ и Букеевскихъ, у Волжскихъ Калмыковъ и Кувдовскихъ Татаръ. Затѣмъ возникаетъ потребность проводить по крайней мѣрѣ зиму въ постоянныхъ жилищахъ, у коихъ обыкновенно съ весны, предъ выходомъ на кочевье, застѣвается уже нѣскольکو хлѣба, какъ напримѣръ у всѣхъ кочующихъ Башкиръ. Наконецъ, кочевка обращается лишь въ краткосрочную роскошь, въ замѣну душныхъ избъ кибитками, только на скоропреходящую безработную пору, какъ у нѣкоторыхъ осѣдлыхъ Башкиръ и Мещеряковъ; а вслѣдъ затѣмъ, совершенно забывается, и потомки бродящихъ пастырей становятся полезными земледѣльцами, каковы большая часть племенъ, населяющихъ западное предгорье Южнаго Урала.

Этотъ постепенный, безнасилованный процессъ цивилизаціи совершается въ Заволжьи, начиная съ XVI вѣка. Поверхностные наблюдатели, не дающіе себѣ труда вникнуть въ сущность дѣла, считаютъ нѣтъ переселеніе кочевыхъ племенъ къ осѣдлости невыгоднымъ для нихъ, подкрѣпляя это заключеніе дѣйствительно обычнымъ явленіемъ, то-есть меншею зажиточностію новыхъ земледѣльцевъ, сравнительно съ ихъ предками-пастухами. Но въ мирѣ вообще, какъ для частныхъ лицъ, такъ и для народовъ, никакое коренное улучшеніе не достигается безъ предварительныхъ жертвованій; а въ развитіи гражданственности переходъ отъ кочеванія къ осѣдлости есть самый значительный шагъ къ цивилизаціи: нѣтъ сомнѣнія, что съ этимъ переходомъ первыя осѣдлыя поколѣнія, потерявъ богатый стада, которылъ, безъ большихъ трудовъ для своихъ хозяевъ, обезпечивали существованіе ихъ, становятся неопытными земледѣльцами, для коихъ нелегко соперничествовать съ болѣе искусными совѣтниками; но это временное испытаніе есть залогъ лучшей будущности для потомковъ означенныхъ поколѣній.

Развитіе осѣдлости въ Заволжьи началось, какъ я уже сказалъ, съ XVI вѣка; однако же въ исторіи русской колонизаціи на сѣверныхъ предѣлахъ Средней Азіи есть замѣчательная эпоха, разграничивающая два разнохарактерные періода: до XVIII вѣка мы преимущественно заботились объ огражденіи своихъ предѣловъ, дѣйствовали главнымъ образомъ отрица-

тельно; а съ Петра Великаго и въ особенности со времени Анны Юанновны начинается періодъ положительной цивилизаціи инородцевъ.

Петръ Великій ясно понялъ необходимость, для обезопасенія азіятскихъ рубежей Россіи и для пользы образованія вообще, не ограничиваться одною постройкою крѣпостей на окраинахъ Имперіи, а стараться о развитіи гражданственности у сосѣдей.

Война съ Швеціею и виды на Черное Море временно отвлекли вниманіе Государя отъ первоначальнаго плана; но когда побѣда надъ Карломъ XII успокоила Императора на счетъ западной границы государства, а неудачи Турецкой кампаніи лишили надежды на скорое открытіе морского пути для Россіи чрезъ Азовское и Черное моря; то Петръ Великій снова и съ большею еще настойчивостію обратился къ осуществленію видовъ своихъ на Среднюю Азію. Государь думалъ удобнѣе всего достигнуть цѣли, дѣйствуя отъ восточныхъ береговъ Каспія и отъ южныхъ предѣловъ Западной Сибири. Съ этимъ намѣреніемъ охранительная линія послѣднихъ отодвинута была до средняго теченія Иртыша; а на трехъ пунктахъ восточнаго берега построены крѣпостцы, и Бековичъ пошелъ отъ этихъ береговъ на Аму-Дарью. Но учрежденіе крѣпостей и походъ Бековича кончились неудачно, и хотя Петръ Великій, въ замѣнъ восточнаго побережья Каспія, занялъ впоследствии южное, т. е. Гилянъ и Мазендеранъ, однако же приобрѣтеніе это оказалось столь же мало прочнымъ, ибо уже по трактату 1732 года означенныя провинціи возвращены Надиръ-Шаху. Что касается до Сибирской Линіи, то хотя она сохранилась и развилась, по отдаленность ея отъ центра Россіи препятствовала ей служить опорною точкою для могущественнаго дѣйствія на Среднюю Азію. Мѣстоположеніе таковой опорной точки было предъугадано самимъ Петромъ Великимъ послѣ Персидскаго похода.

Въ одной изъ записокъ, оставленныхъ Тевкелевымъ, между прочимъ, сказано. «Въ 1722 году, при Его Императорскомъ Величествѣ, блаженной и высокой славы достойныя памяти Государь Императоръ Петръ Великомъ, былъ я низайшій въ Персидскомъ походѣ старшимъ переводчикомъ

въ секретныхъ дѣлахъ, и по возвращеніи изъ Персидскаго похода, Его Императорское Величество Государь Императоръ Петръ Великій изволилъ имѣть желаніе, для всего отечества Россійской Имперіи полезное намѣреніе, въ приведеніи издревле слышимыхъ и въ тогдашнее время почти неизвѣстныхъ Киргизъ-Кайсацкихъ Орды въ руссійское подданство, и оное свое Монаршее особое, меня низжайшаго, къ тому употребить намѣреніе имѣлъ, съ тѣмъ, буде оная Орда въ точное подданство не пожелаетъ, то стараться мнѣ, не смотря на великія издержки, хотя бы до милліона держать, то токмо чтобъ однимъ листомъ подъ протекцію Россійской Имперіи быть обязанъ, ибо, какъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Петръ Великій въ 1722 году, будучи въ Персидскомъ походѣ и въ Астрахани, чрезъ многихъ изволилъ увѣдомиться объ оной Ордѣ, хотя - де оная Киргизъ - Кайсацкая стеной и легкомысленный народъ, *только-де спмъ азіятскимъ странамъ и землямъ, оная Орда ключъ и врата* ».

Тевкелевъ этотъ былъ тотъ самый, который сопровождалъ Бековича и, по приказанію Государя, отправленъ былъ имъ по Каспію въ Шемаху, дабы проникнуть оттуда въ Индію, для собранія возможныхъ свѣдѣній о странахъ, лежащихъ на пути. Но бури занесла Тевкелева въ Астрабадъ, гдѣ онъ былъ взятъ въ плѣнъ тамошнимъ намѣстникомъ и освобожденъ уже нашимъ посломъ при Персидскомъ Дворѣ Волинскимъ, по распоряженію котораго возвратился въ С.-Петербургъ.

Когда въ 1730 году Абуль-Хаиръ-Ханъ меньшей Киргизской Орды, тѣснимый Джунгарами и тревожимый Башкирами и Калмыками, прислалъ посланцевъ съ просьбою о принятіи его съ однородцами въ подданство Россіи, то веденіе окончательныхъ переговоровъ внутри Орды, по этому щекотливому предмету, возложено было на означеннаго Тевкелева, и, благодаря его твердости, умѣнью и краснорѣчію, въ 1732 году, то-есть именно въ минуту возвращенія Персіи при-Каспійскихъ провинцій, окончилось успѣшно, именно присягою Малой Киргизской Орды на подданство Императрицы. Но чтобы эта присяга произвела практическія послѣдствія, нужно было перенести русскую военную границу далеко на югъ, то-есть отъ Шешмы и Уфы, гдѣ она шла до того, къ берегамъ Яка, и такимъ

образомъ прирѣзать къ Имперіи всю землю Башкиръ, занимавшихъ какъ обширныя степи, такъ едва проходимыя лѣсистыя кряжи Южнаго Урала, — этой естественной твердыни на распутьи двухъ главныхъ дорогъ народныхъ движеній изъ Средней Азіи въ Европу. Трудное дѣло сіе возложено было также на питомцевъ Петра Великаго: сначала на перваго русскаго статистика, Оберъ-Секретаря Сената Кирилова, затѣмъ на географа и историка нашего Татищева и, наконецъ, послѣ Урусова, на челоуѣка съ желѣзною волею и пронизательнымъ умомъ, Неплюева. Благодаря ихъ усиліямъ, Омскъ и Уральскъ, въ промежуткѣ между которыми, къ югу отъ Уфы, существовалъ до 1730-хъ годовъ лишь пригородъ Сакмарскъ, основанный въ 1719 году сибирскими бѣглецами, а въ 1727 году занятый, по распоряженію Правительства, Яицкими казаками, связались въскорѣ заселенною линіею по берегамъ Урала и Ул, такъ что не только многократныя бунты Башкиръ и набѣги Киргизъ, но даже возстаніе всѣхъ туземцевъ, въ совокупности съ старинными русскими переселенцами, односторонне именуемое Пугачевскимъ, не могло потрясти русскаго владычества въ этихъ странахъ.

Съ тѣхъ поръ начѣла гражданственности все далѣе и далѣе были переносимы Русскими вглубь Средней Азіи: въ 1820 году прирѣзанъ Илецкій районъ; въ 1822 году, съ изданіемъ устава о Сибирскихъ Киргизахъ, началось устройство Иртышско-Ишимской Степи, гдѣ въ 1824 году открыты приказы Каркаралинскій и Кокчетаевскій; въ 1831 году Алгускій и Учубулакскій; въ 1833 году Баянъ-аульскій; въ 1834 г. Аманъ-Карагайскій; въ 1835 основаны укрѣпленія Улутауское и Актарское. Въ томъ же году основано на сѣверо-восточномъ берегу Каспія Ново-Александровское укрѣпленіе, при заливѣ Каспійскаго моря Кайдакъ. Въ 1836 году прирѣзано пространство между Уемъ-Ураломъ и лѣвою окраиною долины Тобола; въ 1841 году окончательно основано поселеніе Улутауское; въ 1846 году укрѣпленіе Оренбургское и Уральское на Тургаѣ и Ирғизѣ, и Новопетровское на Мангышлакъ; въ замѣнь упраздненнаго Ново-Александровскаго; наконецъ, въ 1847 году укрѣпленіе Раимское при устьѣ Сыръ-Дарьи; въ 1850 году Копальское у подножья С. З. отроговъ Тхянь-Шана.

Такимъ образомъ, въ теченіе не болѣе вѣка, Россія распространила зародыши осыдлости и благоустройства на пространства между 70° и 100° долготы и между 45° и 55° широты, и достигла этой цѣли безъ истребленія туземцевъ, съ весьма слабыми военными усиліями и можно сказать одною только административною распорядительностію.

Все это постепенно придвигало насъ съ трехъ различныхъ сторонъ къ берегамъ Арала, и къ устьямъ Сыра и Аму-Дарьи, а потому естественно возвышало для насъ значеніе осыдлыхъ, расположенныхъ тамъ владѣній.

Я уже имѣлъ случай замѣтить, что изъ таковыхъ владѣній, Коканское болѣе разьединено, чѣмъ связано съ устьями Сыра, Ташкеніею, а потому вліяніе его на при-Аральскихъ Киргизъ незначительно и далеко слабѣе хивинскаго, которое, вѣсть съ тѣмъ, одно простирается на сѣверные племена Туркменъ. Слѣдовательно очевидно, что изученіе состоянія и способовъ Хивы заслуживаетъ вниманія съ нашей стороны не въ одномъ торговомъ отношеніи.

Я могъ бы, сверхъ того, добавить къ исчисленнымъ доводамъ, что при-Аральское пространство достойно въ высшей степени любопытства метеоролога, какъ мѣсто проявленія наибольшихъ крайностей материковаго климата, относительно котораго наблюденія, производимыя по просьбѣ Академіи Наукъ въ Раимскомъ и Петровскомъ укрѣпленіяхъ, скоро прольютъ несомнѣнно большой свѣтъ; что замѣчательное отклоненіе Аму-Дарьи къ Аралу, послѣ многовѣковаго впаденія въ Каспій, не можетъ не составить важнаго предмета изученія для геолога; что грубость нынѣшнихъ владѣтелей этихъ странъ не лишаетъ однако же надежды найти тамъ по крайней мѣрѣ памятники прошедшаго, наименѣе подверженныя разрушенію, то есть клады древнихъ монетъ и могильныя украшенія; но я не вхожу въ развитіе этихъ доводовъ, позволяя себѣ надѣяться, что вышесприведенныя мною уваженія достаточно оправдываютъ просьбу о вниманіи къ представляемымъ мною критическимъ объясненіямъ.

Обращаюсь къ обзору картографическихъ матеріаловъ, касательно разсматриваемой мѣстности.

Древніе Греки и Римляне не имѣли достовѣрныхъ свидѣній не только о видѣ Арала и низовьяхъ Сыра и Аму-Дарьи, но, по всей вѣроятности, даже о существованіи перваго, ибо знаменитѣйшіе географы того времени предполагали, что двѣ сказанныя рѣчки впадаютъ въ Каспійское Море; лишь нѣкоторые добавляли къ сему, какъ Геродотъ и Страбонъ, что дельта Оксуса образуетъ, сверхъ того, болотистые разливы, или, какъ Амміанъ Марцелинъ и Птоломей, что одинъ рукавъ этой дельты впадаетъ въ особое Оксіанское Озеро.

Незнаніе это легко объясняется тѣмъ, что прямыя сношенія древнихъ на сѣверо-западной границѣ Азіи не простирались почти за Кавказъ, Бальхъ и Согдіанскую долину, то-есть нынѣшній Заревшанъ, откуда торговый путь въ Серіку оставялъ Аральское Море далеко влѣвъ. Если даже Каспій, несмотря на утверженіе Геродота и Птолемея, до Менандра Константинопольскаго признавался заливомъ Ледовитаго Океана, то естественно, что свидѣнія объ Араль должныствовали быть еще ограниченнѣе.

Во время Менандра возникли дипломатическія сношенія между Туркскимъ Ханомъ Дизавуломъ и Императоромъ Юстиномъ, для открытія новаго пути изъ Серіки на западъ, минуя враждебныхъ Партовъ. Согдіянецъ Маніяхъ въ 568 году прибылъ въ Византію, а въ 569 г. отправился оттуда съ императорскимъ посломъ Земархомъ къ Дизавулу. Клапротъ въ 1822 году приложилъ къ своему разбору сочиненія г. Шмидта, о древней образованности средне-азіатскихъ народовъ, маленькую карту Средней Азіи, на которой, между прочимъ, обозначилъ путь Земарха, протянувъ его въ средину близко къ Аральскому Морю. Согласно съ этимъ, Нибуръ и Гумбольдтъ признали вѣроятнымъ, что большое озеро, упоминаемое Земархомъ въ своемъ путешествіи, есть Аральское, а г. Эйхвальдъ утверждаетъ даже, что это не подлежитъ сомнѣнію. Вопреки сему, я позволю себѣ значительно сомнѣваться въ правдоподобности такового заключенія, и такъ какъ Земархъ могъ одинъ, изъ дошедшихъ до насъ древнихъ путешественниковъ, говорить въ качествѣ очевидца объ Араль, то свидѣтельство его и заслуживаетъ тщательнаго разсмотрѣнія съ нашей стороны. Менандръ Константинопольскій, въ своей исторіи дипломатиче-

скихъ сношеній восточнаго двора съ варварами, передаетъ показаніе Земарха слѣдующимъ образомъ:

«Postquam fama ad finitimas Turciæ gentes pervenerat, legatos Romanorum advenisse, eosque unâ cum Turcorum legatis Byzantium redire, ejus regionis dux Disabulum supplex oravit, ut Reipublicæ Romanæ visendæ gratia sibi quoque legatos mittere liceret. Quod Disabulus non recusavit. Sed quum aliarum quoque gentium duces idem peterent, nulli alii, quam soli Chliatium Duci concessit. Itaque hunc etiam Romani assumentes, trajecto flumine Oich, haud breve viæ spatium emensi, ad illam ingentem et latam paludem pervenerunt. Hic Zemarchus tres dies commoratus, mittit Georgium, cui munus breviores epistolas perferendi delatum erat, ut Imperatori legatorum a Turcis reditum significaret. Georgius igitur cum duodecim Turcis desertam quidem et inaquosam, sed breviorē viam Byzantium versus ingressus est. Zemarchus autem per arcuosa paludis iter faciens per duodecim dies, loca prærupta prætergressus, attingit ripas non solum fluminis Nichi, sed etiam Daichi, et rursus per alias paludes ad Attilam pervenit.» (*Menand. Hist. legat. Barbaror. ad Romanos.* p. 300, 301, 619, 623, 628. *Nicbuh,* ed. Bonn. 1829).

Очевидно, что дабы опредѣлить направленіе пути, необходимо прежде всего рѣшить, гдѣ была расположена исходная точка его, то-есть главное становище Дизавула. По свидѣтельству Менандра, Земархъ нашелъ ставку Хана въ одной изъ долинъ Эктага или Эктеля. Созвучіе перваго имени съ названіемъ Актау побуждаетъ г. Эйхвальда заключить, что Дизавуль жилъ въ горахъ, извѣстныхъ нынѣ подъ этимъ именемъ, между Сыръ-Дарьёю и Заревшаномъ. Если бы это было справедливо, то конечно можно бы предположить, что Земархъ коснулся Аральскаго Моря; но гипотезъ г. Эйхвальда противоречатъ какъ китайскія лѣтописи, такъ самый текстъ Менандра. Изъ первыхъ мы знаемъ, что центръ туркскаго владычества находился въ VI вѣкѣ въ Западномъ Алтаѣ, а не на крайней оконечности Тяньшана. Сверхъ-того, Земархъ самъ въ двухъ мѣстахъ поясняетъ слово Эктагъ и Эктель, какъ означающее не бѣлыя, а золотыя горы,—има, издавна присвоенное въ Азій Алтаю; наконецъ, описывая походъ Дизавула противу Персовъ, Земархъ говоритъ, что Хаканъ дошелъ до страны Талашъ. Г.

Эйхвальдъ утверждаетъ, что это — по-бухарски (то-есть, вѣроятно, по-персидски) значить поле; но бесполезно прибѣгать къ подобному изысканному объясненію, когда есть гораздо простѣйшее, а именно: въ названіи р. Талашъ, текущей донынѣ къ югу отъ Чуя, которую Клапротъ и Гумбольдтъ дѣйствительно признали за Талашъ Земарха. Если же это, какъ весьма вѣроятно, справедливо, то Земархъ ни въ какомъ случаѣ не могъ найтн Дизавула въ Актау, ибо Талашъ лежитъ къ северу отъ сихъ горъ и слѣдовательно вовсе не на дорогѣ отъ нихъ въ Персію. Потому Клапротъ, Нибургъ, Риттеръ и Гумбольдтъ весьма основательно признали Эктагъ Земарха за нынѣшній Алтай. Но въ такомъ случаѣ нельзя, кажется, допустить, согласно съ ними, чтобы двѣ, прежде другихъ поименованныя Менандромъ рѣки на возвратномъ пути Земарха означали Сырь и Эмбу, а большое озеро между ними — Араль, такъ какъ дабы отъ Норъ-Зайсанга достигнуть р. Урала или нынѣшней Сарайчиковской, или даже выше сего (ибо Земархъ вовсе не касался Каспійскаго Моря), очевидно бесполезно дѣлать огромный кругъ на югъ, спускался за Сырь-Дарью. Мы знаемъ, по свидѣтельству Бальдучи Пеголети, что торговый путь Генуэзцевъ изъ Тавриды къ берегамъ р. Или, въ XIV вѣкѣ, описывалъ еще большій кругъ, а именно: шель отъ Сарайчика на Старый-Ургенчъ и оттуда, чрезъ Отраръ, въ нынѣшнюю Гульджу; но это дѣлалось съ цѣлію коснуться самыхъ торговыхъ странъ и не идти по дикимъ степямъ; между тѣмъ какъ Земархъ, спускался на югъ и не достигая однакожъ до осыдыхъ и образованныхъ мѣстъ, именно замѣнялъ бы удобную дорогу чрезъ земли нынѣшнихъ Сибирскихъ Киргизъ едва проходимымъ путемъ — чрезъ степь Бедпакъ-Дала. Сверхъ того, между большимъ озеромъ и р. Хикъ, Земархъ идетъ 12 дней озерами, песками и горами; въ послѣднихъ Эйхвальдъ узнаеть Мугоджары; но весь переходъ чрезъ нихъ составляетъ всего два дня и слѣдовательно никакъ не объясняетъ Земархова пути.

Оно представится, по мнѣнію моему, гораздо естественнѣе, если подъ Ойхомъ разумѣть Иртышъ, подъ большимъ же озеромъ — Галхашъ, откуда Георгій могъ дѣйствительно быть направленъ прямо къ западу чрезъ голодную степь, а Земархъ взять съверіе, чрезъ холмистыя, но болѣе плодородныя до-

лины притоковъ Нуры, и затѣмъ, отъѣхавъ Тургай подъ именемъ Ика, достигнуть Дайха или Яика. Только при подобномъ слѣдованіи Земархъ не могъ, разумѣется, видѣть Арала.

Китайцы тоже знали основательно лишь верхнія и среднія части долины Сыра и Аму; Аральское же и Каспійское моря сливались въ ихъ понятіяхъ въ одно Западное Море.

Но съ самаго перваго начала географической литературы у Арабовъ, мы находимъ у нихъ, благодаря частымъ сношеніямъ съ Маверанегромъ, довольно точныя понятія какъ о двухъ рѣкахъ его, такъ и объ Аралѣ, чтó сохранилось въ продолженіе всей мусульманской литературы до XVII вѣка и ясно выражено на дошедшей до насъ картѣ Альбистахри.

Равнообразно и въ первомъ древне-русскомъ географическомъ сочиненіи, въ книгѣ Большаго Чертежа, составленіе которой принадлежитъ къ концу XVI и началу XVII вѣка, содержатся весьма удовлетворительныя для того времени свѣдѣнія не только объ Аральскомъ или Синемъ Морѣ, но даже о его прибрежьяхъ.

Точность этихъ свѣдѣній, во время, предшествовавшее XVII вѣку, объясняется какъ выше приведенными торговыми сношеніями Россіи съ Маверанегромъ и Индією, такъ и заботливостію Московскихъ Государей о расширеніи сей торговли, и частымъ пріѣздомъ къ намъ посланцевъ отъ средне-азіатскихъ владѣльцевъ. Въ теченіе же XVII столѣтія были даже неоднократно посылки русскихъ агентовъ къ этимъ владѣльцамъ. Такъ именно въ 1620 году отправленъ къ Бухарскому Имамъ-Кули Хану, въ качествѣ посланника, дворянинъ Иванъ Давыловъ Хохловъ. Въ данной ему къ Бухарскому Хану грамотѣ, отъ 24 мая, Царь благодарилъ Хана за посла Эдема, изъявлялъ желаніе быть съ Эмиромъ въ согласіи и дружбѣ, увѣдомлялъ его, что, въ знакъ пріязни своей, посылаетъ ему 4 добрыхъ кречетовъ во всемъ нарядѣ, и извѣщая о сдѣланномъ по просьбѣ его предписаніи Казанскому, Астраханскому и другихъ городовъ воеводамъ, о позволеніи Бухарцамъ торговать разными товарами и о защищеніи ихъ отъ притѣсненій и обидъ, требовалъ того же для русскихъ купцовъ, пріѣзжающихъ въ Бухарію, просилъ объ освобожденіи русскихъ плѣнныхъ и о скоромъ отпускѣ посланника Хохлова. Въ наказѣ сему посланнику, между

прочтмъ, предписаво слѣдующее: развѣдывать о находящихся въ Бухаріи русскихъ павинныхъ, и въ особенности о именитыхъ дворянахъ; если для допущенія къ Хану упорно будутъ требовать у него пошлины, то ему оныхъ отнюдь не платить и возвратиться въ Россію; когда Бухарскій Ханъ пригласитъ его къ себѣ за столъ, требовать, чтобы въ то время пословъ другихъ державъ за онымъ не было; а если они будутъ, то чтобы ему сидѣть выше ихъ, въ противномъ же случаѣ не обѣдать; назначено, что ему отвѣчать на вопросы о сношеніяхъ Россіи съ другими государствами, о перемиріи съ Польскимъ Королемъ и о другихъ политическихъ дѣлахъ, а самому о семъ заговаривать не вѣльно: о кречетахъ, посланныхъ въ даръ Хану, приказано объявить, что они не сидѣлые, кои не выносятъ далекаго пути, а дикіе; при семъ подтверждено, чтобы царскіе кречетяники, съ ними отправленные, не были на ханской охотѣ.

На пути въ Бухарію, Хохловъ терпѣлъ нападенія отъ кочевыхъ Туркменцевъ и притѣненія отъ Хановъ Юргенскихъ, желавшихъ отнять у него кречетовъ, и отъ ханскихъ приближенныхъ, домогавшихся отъ него подарковъ и пошлинъ. Въ городѣ Бухарѣ встрѣтилъ его посадскій староста; Хохловъ былъ помѣщенъ въ караванъ-сараѣ и получалъ поденный кормъ, состоявшій изъ пшена, 30 лепешекъ и одного барана. Тамшній воевода требовалъ его къ себѣ съ подарками, въ чемъ Хохловъ отказывалъ ему неоднократно, говоря, что онъ присланъ къ Хану Имамъ-Куль; воевода хотѣлъ насильно отнять у него подарки, и посланникъ со свитой принужденъ былъ прибѣгнуть къ оружію. Наконецъ, они были отпущены въ Шамарханъ (Самаркандъ), мѣстопробываніе Хана, и на пути туда получали кормъ отъ пристава, ихъ сопровождавшаго. Передъ Самаркандомъ встрѣтилъ ихъ отъ Хана Адамъ-Бей, бывшій въ Россіи посломъ. Имъ вѣльно вѣхать въ городъ и остановиться въ караванъ-сараѣ. На другой день по пріѣздѣ, они были у Хана, который прислалъ за ними того же Адамъ-Бея; Ханъ принялъ ихъ на дворѣ посадскаго человека, сѣдя, подогнувши подъ себя ноги, между двухъ палатъ, на деревянномъ помостѣ, покрытомъ ковромъ; владѣльца окружали около двадцати князей. Есаулъ хотѣлъ взять у посланника, тотчасъ по входѣ его на тотъ дворъ; царскую грамоту, но онъ не далъ ея, и говорилъ Хану привѣт-

ствіе по полученному имъ наказу. Видя, что Ханъ не встаетъ при имени и поклонѣ царскомъ, посланникъ замѣтилъ ему, что всѣ Государя встають изъ уваженія къ имени Его Царскаго Величества; Ханъ извинился тѣмъ, что давно уже русскихъ пословъ у нихъ не было, и, сказавъ, что онъ слушалъ Государеву рѣчь съ удовольствіемъ, и, замыслившись о ней, забылъ встать, увѣряя, что это не происходило отъ непріязни и неуваженія. Грамату Царскую приказавъ онъ принять есаулу, и на рѣчь посланника отвѣчалъ, что исполнить требованія Царя, велитъ сыскать всѣхъ полоненниковъ русскихъ и отправить къ нему Хохлову въ Бухару. Потомъ посланникъ объявилъ Хану о поминкахъ Царскихъ, состоявшихъ изъ 4 кречетовъ: Ханъ велѣлъ принять ихъ ближнимъ своимъ людямъ; послѣ сего посланникъ поднесъ отъ себя въ даръ 40 соболей и флагу вина, по принятіи коихъ Ханъ отпустилъ его, сказавъ, чтобы онъ ѣхалъ въ Бухару и ожидалъ скорого его туда прибытія. Адамъ-Бей объявилъ Хохлову, что Ханъ пожаловалъ ему 1000 ханлыковъ (бухарская монета, содержащая въ себѣ 2 алтына); но вмѣсто суммы сей, посадскій староста доставилъ ему только 180 ханлыковъ, сказавъ, что остальные взялъ Адамъ-Бей, уѣхавшій въ Бухару. По приказанію ханскому, потребовали у него двѣ пищали, турецкую и русскую; русскую пищаль возвратили, а о той дали знать, что она понравилась Хану. Съѣтныя припасы покупалъ Хохловъ на свой счетъ, и отправился на своихъ подводахъ въ Бухару, откуда, по долгомъ ожиданіи Хана, посылалъ къ нему толмача просить объ отпускѣ. По приказанію Хана, посланникъ пріѣхалъ опять въ Шамарханъ въ началѣ іюля, но не засталъ тамъ Имамъ-Кулы, отправившагося съ войскомъ въ Балкъ, къ брату своему Недиръ - Магомету. Возвратясь вскорѣ въ столицу, Ханъ, по причинѣ болѣзни своей, принявъ Хохлова на своемъ дворѣ въ постели у окошка, и отпустилъ его, сказавъ, что пошлетъ къ Царю посла съ граматою, что онъ приказавъ не удерживать русскихъ полоненниковъ, находящихся при дворѣ его, и вольныхъ, если пожелаютъ возвратиться въ отечество, но что другихъ отыскивать за смятеніемъ некогда; онъ обѣщавъ при томъ выполнить требованія Царя по усмиреніи мятежниковъ. Подарки хановы состояли въ слѣдующемъ: жеребецъ съ сѣдломъ и уздою, чалма шелковая

съ золотомъ и серебромъ, красный бархатный кафтанъ и шелковый съ золотомъ кушакъ.

По кончинѣ Царя Михаила Федоровича, сынъ его и наследникъ, Царь Алексѣй Михайловичъ 1646 года іюля 14 отправилъ въ Бухарію съ разными товарами купчину Аниса Грибова, и послалъ съ нимъ къ Хану Недирь-Магомету извѣстительную грамоту о возшествіи соемъ на Всероссійскій престолъ, въ коей просилъ отпустить съ симъ купчиною русскыхъ платныхъ, находящихся въ Бухаріи. Грамата сія отправлена была изъ Персіи къ Бухарскому Хану, а купчина Грибовъ самъ не дохалъ до Бухаріи, по причинѣ случившейся тамъ междуусобной войны, и торговалъ въ Персіи. Поводомъ къ сей войнѣ было сверженіе съ престола Хана Недирь-Магомета и избраніе на оный сына его Абдуль-Лизза; происшедшія отъ того внутреннія безпокойствія и войны съ Великимъ Моголомъ, покровительствовавшимъ Недирь-Магомету, и съ Юргенскимъ Ханомъ, прекратили навремя сношенія Бухаріи съ Россією.

Царь Алексѣй Михайловичъ возобновилъ и расширилъ сіи сношенія, отправивъ въ 1669 году посланцевъ въ Хиву и Бухару.

Первое порученіе возложено было на астраханскаго боярскаго сына Ивана Федотова и на тамошняго посадскаго челоука Матвѣя Муромцева.

Они отправились изъ Астрахани 15 февраля 1669 года съ посланцемъ Хивинскаго Хана Нависъ Шаха Паладою-Могаметъ-бекъ - Рузумовымъ и прибыли, идя все сухимъ путемъ, къ городу Хивѣ 2 іюня того же года; вслѣдъ за тѣмъ, по распоряженію Хана Ануши, назначенъ былъ къ нимъ особый приставъ, отведена квартира и опредѣлено содержаніе.

13 іюня Иванъ Федотовъ представлялся Анушъ Хану, былъ принятъ съ честью и хотя Ханъ отрекся отъ преувеличенныхъ показаній хивинскаго посланника о богатствѣ и торговой важности Хивинскаго Ханства; однакожь, для личнаго удостовѣренія, дозволилъ Федотову, на второй аудіенціи 22 іюня, съездить самому въ важнѣйшіе торговые города. Вслѣдствіе чего, онъ 30 іюня отправился въ Хааки, а оттуда въ Хазараспъ, гдѣ дѣйствительно убѣдился въ начтожномъ развитіи хивинской промышленности, ибо, говорятъ Федотовъ въ своемъ донесеніи, «въ тѣхъ-де городахъ юргенское и хивинское вса-

кихъ чиновъ люди межъ себя торгуютъ зедеями, и выбойки, и бумагою хлопчатою, и пестредьми, и шолкомъ сырцомъ; а купать-де шолку сырцу пудъ по 60 рублевъ, выбойки по 13 алтынъ по 2 деньга, пестредь по 6 алтынъ по 4 деньга, зедеи по 3 алтына по 2 деньга, бумаги хлопчатой пудъ по 1½ руб.; а дѣлають шолкъ, и бязи, и зедени простые; а не чаровые въ Юргенской земль; а бурмети, и выбойки, и бумагу, и пестреди привозять изъ Бухарь сами Юргенцы; а Бухарцы съ товары въ Хиву и въ Юргенчъ прѣзжаютъ мало; Индѣйцы и Бахинцы не прѣзжаютъ, и складовъ Юргенцы съ Индѣйцы въ торгѣхъ не имѣють, и верблюжьею шерстью не торгуютъ и *Россійскаго Государства торговымъ людемъ отъ тѣхъ товаровъ большіе прибыли и пожитковъ не чаятъ*, потому что въ Астрахани тотъ товаръ купать не только шолкъ сырецъ и дѣланной немногимъ больши сорока рублевъ, а зедени по 4 алтына по 2 деньга, пестреди по 9 алтынъ, бязи аршинъ по 3 деньга, бурмети и выбойки по 15 алтынъ, бумагу хлопчатую по 2 руб. п.»

О политическомъ положеніи Хивы Фетотовъ сообщаетъ слѣдующее:

«А ратныхъ-де всякихъ чиновъ служилыхъ людей во владеніи Юргенскаго Хана 15,000 человекъ; служатъ лучнымъ боемъ; а пищали есть мелкіе и то не у многихъ людей; а земля-де Юргенская не велика, и хлѣбомъ и всѣмъ скудна, и лѣсовъ нѣтъ, и въ лѣтнее и въ осеннее время тѣтъ варять травую; а въ зимнее скудное время дрова привозять съ великою нужею зъ Дарчи рѣки; а вздъ до той рѣки три сутки; да и вода проведена изъ той же рѣки; а иныхъ колодезей и ключевыхъ нѣтъ; а объѣзжаютъ Юргенскую землю въ 3 дни; а деньга дѣлають мѣдныя; а тѣми деньгами торгуютъ только межъ себя.»

«А съ Туркскимъ-де Салтаномъ и съ Крымскимъ Ханомъ у Юргенскаго Хана ссылокъ никакихъ нѣтъ.»

«А съ Персицкимъ де Шахомъ Юргенской Ханъ ведетъ войну за то, что Персицкой Шахъ противъ прежнего подарковъ погодно не присылаетъ; и за то Юргенской Ханъ ходилъ Персицкаго Шаха въ города въ Астрабадъ и въ Карашаръ войною; и тѣхъ городовъ многихъ людей побили, въ полонъ поймали; и

нынѣ де у Персикаго Шаха въ зборѣ много ратныхъ людей стоять въ Мешете, да въ Страбате; и Юргенской Ханъ имѣеть опасеніе большое и часть на себя Персикаго Шаха прихода войною.

13 сентября 1669 года Федотовъ съ товарищами оставили Хиву, выкупивъ тамъ 12 русскихъ за 828 руб., и 6 ноября благополучно прибыли въ Астрахань.

Въ томъ же 1669 году въ іюнь мѣсяцъ отправлены посланниками въ Бухару Борисъ и братъ его Семенъ Пазухины. Въ данной имъ къ Бухарскому Хану Абдуль-Азизу грамотѣ, Царь требовалъ освобожденія и присылки съ сими посланниками русскихъ пѣнныхъ, и изъявилъ желаніе быть съ Ханомъ въ согласіи и соизволеніи на торговлю Бухарцевъ въ Россіи.

Прибывъ 28 іюня слѣдующаго года въ деревню за 7 верстѣ отъ города Бухары, Пазухины отправили туда толмача, для извѣщенія о пріѣздѣ своемъ въ качествѣ посланниковъ отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича къ Абдуль-Азизу Хану. Въ тотъ же день Ташъ-Булакъ-Бекъ, намѣстникъ Бухарскаго Хана на время похода его противъ Балковскаго Хана, прислалъ къ нимъ есаула и дворянина съ извиненіемъ, что встрѣчи большою посольству сдѣлать нельзя, ибо всѣ служилые люди пошли въ походъ съ Ханомъ. Посланники отправились съ присланными къ городу, и за 3 версты остановились въ полѣ, куда и прислано имъ достаточное количество състныхъ припасовъ. Прибывъ въ Бухару по приглашенію намѣстника, они были у него для отправленія къ Хану гонца, съ извѣстіемъ о ихъ посольствѣ. По тамошнему обычаю, състные припасы для посланниковъ собирались съ купечества первые три дня сряду, по прошествіи коихъ отпускали имъ ежедневно по 3 руб. и 28 алтынъ (на русскія деньги). Сначала они отказывались отъ сего скуднаго и несообразнаго съ достоинствомъ ихъ содержанія, говоря, что довольны жалованьемъ своего Государя и могутъ сами себя содержать; но наконецъ согласились принять оное, когда имъ объявили, что оно назначено до указа ханскаго.

Іюля 14, Ханъ прислалъ къ нимъ чиновника своего Малай-Кашара, который, спросивъ ихъ о здоровьѣ, говорилъ имъ отъ имени Хана, чтобы они не были печальны, чтобы прогуливались въ ханскихъ заповѣдныхъ садахъ и надѣялись на его ми-

лостъ. Ханъ указалъ выдать имъ единовременно 245 рублей на содержаніе ихъ до отпуска, который обещалъ имъ въ непродолжительномъ времени. Отблагодаривъ посланнаго, они сказали ему, что если Ханъ и не укажетъ выдавать имъ сей суммы, то они будутъ довольствоваться Царскимъ жалованьемъ, и просили не задерживать ихъ отпускомъ.

По возвращеніи Хана въ столицу 29 декабря, на другой день приставъ извѣстилъ ихъ, чтобы они были готовы явиться къ Хану; они требовали, чтобы въ то время не было у Хана другихъ пословъ и чтобы за ними присланы были лошади. На возраженіе пристава, что сего ни для какихъ пословъ у нихъ не дѣлаютъ, они отвѣчали, что бухарскимъ посламъ въ Россіи даютъ лошадей изъ Царской конюшни; вельдствіе чего и прислана отъ Хана для Бориса Пазухина верховая ослланная лошадь, на коей онъ отправился въ сопровожденіи пристава на приемную аудіенцію; брать его и свита ѣхали на своихъ лошадяхъ; грамоту Царскую везъ впереди подьячій Прошлецовъ. Посланникъ ни къ кому изъ вельможъ не заѣзжалъ и никакихъ пошлинъ не платилъ. У воротъ ханскаго двора встрѣтилъ ихъ Малай-Бекъ, начальникъ пѣхоты, стрѣлковъ и артиллеріи, и просилъ ихъ слѣзть съ лошадей, ибо никакой посолъ не въѣзжаетъ на дворъ ханскій; исполнивъ сіе, они взошли на рундукъ, устроенный для приема пословъ. Ханъ сидѣлъ на четвероугольномъ съ 6 ступенями возвышеніи, покрытомъ золотыми коврами. По правую сторону сидѣли на рундукъ первые чины бухарскіе, Ходжи, ханскаго поколѣнія, а по лѣвую другіе высшіе чины; всѣхъ было слипкомъ 400 человекъ.

Приставъ, объявлявшій Хану о присланныхъ ему дарахъ, записывалъ поминки Царскіе, между тѣмъ какъ вельможи разговаривали съ посланниками о сношеніяхъ Россіи съ Турціею и другими государствами. Первый ханскій чиновникъ требовалъ у нихъ Царской грамоты; но Борисъ Пазухинъ отказалъ ему въ семъ, говоря, что по указу Государя, никому не вручить его грамоты, кромѣ самаго Хана. Наконецъ, послѣ долгаго спора, по требованію его, доложили о семъ Хану, который чрезъ пристава вельтъ ему представиться. Посланника вели подъ руки два вельможи по ступенямъ съ правой стороны престола; Ханъ, приподнявшись, съ честью принялъ отъ не-

*

го Царскую грамоту, и, не читая, положилъ ее передъ собою. Потомъ посланникъ объявилъ Хану о поминкахъ Царскихъ, говорилъ рѣчь о желаніи Царя утвердить дружескія и торговля сношенія между обѣими державами, требовалъ освобожденія русскихъ плѣнныхъ. По окончаніи рѣчи, Ханъ велѣлъ посланникамъ сѣсть близъ него между вельможами, спрашивалъ ихъ о времени ихъ отправленія и о пути въ Бухарію, а кромѣ того ни о чемъ не говорилъ.

Января 7 слѣдующаго года Ханъ чрезъ пристава требовалъ къ себѣ посланниковъ съ ихъ дарами. чтѣ они въ тотъ же день и исполнили. Ханъ спрашивалъ ихъ о потѣхахъ Царскихъ, о соколахъ и кречетахъ; потомъ велѣлъ принести двухъ кречетовъ своихъ, и, посадивъ ихъ на руку, говорилъ, что это его любимая охота и что онъ желалъ бы имѣть такихъ птицъ отъ Царя Русскаго, и спрашивалъ о ближайшемъ пути въ Россію.

На другой день, по приказанію ханскому чрезъ пристава, посланники были у Ходжей, совѣтниковъ ханскихъ, и просили ихъ ходатайства объ освобожденіи плѣнныхъ, обѣщая имъ Царскую милость. Ходжи увѣряли ихъ въ усердіи своемъ къ пользѣ Царя и предлагали свое покровительство въ случаѣ мятежа или грабительства.

Февраля 2 посланники приглашены чрезъ пристава къ ханскому столу, съ извѣщеніемъ, что другихъ пословъ за онымъ не будетъ. Обѣдъ былъ на томъ же рундукѣ, на которомъ происходила пріемная аудіенція. Посланники сидѣли по лѣвую сторону отъ Хана, съ вельможами и воеводами изъ разныхъ городовъ, по сему случаю собранными, а по правую сторону сидѣли Ходжи и духовныя особы. Передъ Ханомъ лежали его доспѣхи; за нимъ стояли 12 придворныхъ, державшіе попеременно его посохъ и саблю; передъ нимъ были 200 есауловъ съ посохами, а позади ихъ на рундукахъ по обѣ стороны стояли по 9 человекъ съ пищалями. Скатерть несь въ мисѣ столыникъ; передъ нимъ шелъ дворецкій и, взявъ скатерть, подалъ ее придворному чиновнику, коего должность состояла въ томъ, чтобы накрывать на столѣ, отвѣдывать кушанья, принимать ихъ и ставить передъ Хана, стоя на колѣняхъ на верхней ступенькѣ: Сначала подали овощей, ягодъ и разныхъ сахаровъ *нарядныхъ* —

выраженіе посланника въ его реляціи. Ханъ, прежде нежели самъ началъ ѣсть, послалъ со стольникомъ овощей Ходжамъ, вельможамъ и Борису Пазухину, который, привставъ, поклонился ему. Перемѣнивъ скатерть, подали разныхъ кашъ цвѣтныхъ и мясъ на 31 мисъ, которыя всѣ поставили въ одно время, и конихъ оныхъ тѣмъ же порядкомъ присылали посланнику, прежде нежели наложилъ себѣ. Передъ Ханомъ стояли золотые сосуды и тарелки; питье — молоко и воду — подносили ему въ золотыхъ чашахъ. Десять потѣшниковъ забавляли объдавшихъ разными играми и пѣли по книгѣ; послѣ сего, приведенъ былъ зѣбрь съ чернымъ надъ губою рогомъ, при чемъ Ханъ спрашивалъ посланника, водятся ли такіе зѣбры въ Россіи и гдѣ добывается кость рыбы зуба. Послѣ стола, пили молоко изъ деревянныхъ чашъ за ханское здоровье; потомъ болре разошлись и посланники возвратились къ себѣ на подворье. Они поднесли подарки ближнимъ вельможамъ ханскимъ, прося ихъ содѣйствовать освобожденію плѣнныхъ и ускоренію ихъ отпуска; но Ханъ отложилъ оныя до окончанія войны и до учрежденія безопаснаго пути чрезъ Калмыцкія кочевья. Между тѣмъ посланники были неоднократно приглашаемы къ ханскому столу. Іюля 12 приставъ увѣдомилъ ихъ о скоромъ отпускѣ, велѣлъ имъ готовиться въ путь и принесть ханскіе подарки: золотомъ шитый кафтанъ, чалму и кушакъ. Сентября 20 Ханъ прислалъ посланникамъ 9 русскихъ плѣнныхъ съ приставомъ, который объявилъ имъ отъ Хана, что плѣнные сіи куплены у Хивинцевъ, пріѣзжавшихъ въ Бухарію, по 40, 50 и болѣе рублей за cadaго; что Ханъ отправляетъ ихъ къ Царю Алексію Михайловичу, для утвержденія взаимнаго согласія и дружбы, и не посылаетъ болѣе, ожидая возвращенія изъ Москвы посла своего Мулло-Оора и пріѣзда новыхъ русскихъ пословъ; но что Ханъ не будетъ удерживать русскихъ выходцевъ изъ иныхъ земель, которые пожелаютъ возвратиться въ отечество. Не смотря на всѣ усилія посланниковъ освободить большее число плѣнныхъ, они въ томъ не успѣли. Они требовали подводу для отъезда, вмѣсто конихъ, по тамошнему обыкновенію, назначено выдать имъ денегъ 400 руб., изъ конихъ вычли 40 часть въ казну и 20 приставу. Согласно данному имъ наказу, они тайно увѣщевали русскихъ плѣнныхъ сохранять вѣру свою и стараться о воз-

вращеніи себѣ свободы. На оставшіеся у нихъ отъ издержекъ и на полученныя ими за проданныя товары деньги 585 рублей, они выкупили 22 плѣнныхъ, въ числѣ коихъ не нашлось ни дворлянъ, ни дѣтей боярскихъ.

Отпускная аудіенція была 20 октября и происходила тѣмъ же порядкомъ, какъ пріемная. Ханъ говорилъ посланникамъ, что, желая сохранить дружескія сношенія съ Царемъ Россійскимъ, онъ исполнитъ его требованіе о плѣнникахъ, коихъ будетъ отпускать съ своими и Царскими послами, только когда дорога черезъ кочевья Калмыцкія сдѣлается безопасною. и что онъ посылаетъ къ Царю Алексію Михайловичу съ грамотою стольника своего Исургамъ-Абкерема. Посланники отвѣчали Хану чрезъ ближнихъ его бояръ, что они не могутъ безъ его грамоты возвратиться къ своему Государю, и просили отправить оную съ ними, на что Ханъ согласился, и, взявъ надъ нами руки, отпустилъ ихъ. Въ тотъ же день Ханъ пошелъ въ походъ по Туркестанской дорогѣ, а на другой день прислалъ съ приставомъ грамоту. Содержаніе ея слѣдующее: Абдуль-Азизъ-Бегадыръ Ханъ благодаритъ Царя за посланниковъ его, увѣдомляя, что и онъ отправилъ было въ Россію своего посланника, который, будучи ограбленъ Калмыками, принужденъ возвратиться въ Бухарію; Ханъ заключаетъ грамоту тѣмъ, что посланнику Борису Пазухину подробно поручено отъ него объявить словесно о разныхъ дѣлахъ. Посланники, по полученному ими наказу, помѣстили въ донесеніяхъ своихъ слѣдующія извѣстія о тогдашнемъ состояніи Бухаріи: войско ея простиралось до 130 тысячъ и состояло по большей части изъ Туркестанцевъ, Каракалпаковъ и Кайсаковъ; природные Бухарцы — народъ невоинственный; казна ханская очень бѣдна, ибо всѣ деревни росписаны на содержаніе войска и разныхъ чиновниковъ, а собираемая съ денежнаго двора сумма и пошлинныя деньги всѣ издерживались на ханскіе домашніе расходы; хлѣба въ Бухаріи съяли весьма мало; поля поливали напускною водою, для чего употребляли плѣнныхъ. Велѣдствіе наказа, Пазухинъ представилъ подробное извѣстіе о пути въ Индію.

Въ 1675 году назначенъ былъ руссійскимъ посланникомъ въ Бухару Василій Александровичъ Даудовъ, съ коимъ отправленъ Астраханскій Татаринъ Маметъ-Исупъ Касимовъ, послан-

ный къ Великому Моголу. Въ данной имъ къ Хану Бухарскому грамотѣ, Царь Алексѣй Михайловичъ напомнилъ Хану о сдѣланномъ чрезъ Бориса Пазухина обѣщаніи, отпустить Русскихъ плѣнныхъ съ первымъ будущимъ Царскимъ посланникомъ, и просилъ о препровожденіи чрезъ владѣнія его въ Индію Маметъ-Исуна Касимова.

Они плыли моремъ 3 недѣли, вышли на берегъ у Караганской пристани, наняли у Туркменцевъ верблюдовъ и ѣхали степью до Хивы. Тамашній Ханъ ходилъ войною на Бухарію, и они принуждены были 10 недѣль ждать его возвращенія. Даудовъ былъ у него съ Царскими подарками и просилъ объ освобожденіи русскихъ плѣнныхъ; Ханъ обѣщалъ исполнить сіе требованіе, если Бухарскій Ханъ, имѣвшій, по его словамъ, много плѣнныхъ русскихъ, сдѣлаетъ то же. По его повелѣнію, у посланника взяли двухъ кречетовъ изъ посланныхъ отъ Царя Абдуль-Азизу.

Изъ Хивы въ Бухарію ѣхали они степью 2 недѣли; въ Бухару пріѣхали въ январѣ 1676 года; на другой день по пріѣздѣ были у Хана, который обрадовался имъ и подаркамъ, и указалъ выдать посольству на кормъ 350 руб. (на русскія деньги). Абдуль-Азизъ сначала отказалъ Даудову въ освобожденіи плѣнныхъ; но потомъ, по неотступному домогательству посланника, чрезъ ближнихъ его вельможъ, согласился отпустить съ нимъ только 5 человекъ вольныхъ, откупившихся работою, говоря, что имѣетъ нужду въ людяхъ, по причинѣ войны съ Хивинскимъ Ханомъ, который, какъ видно изъ показаній казанскаго толмача Ивана Горнаго, отправленнаго къ Царю отъ Даудова, и изъ реляцій самаго посланника, взялъ у Бухарскаго Хана много городовъ и истребилъ много народа: Ханъ обѣщалъ вскорѣ отправить къ Царю своихъ пословъ и съ ними отпустить 20 плѣнниковъ безъ платы, что и повторилъ въ грамотѣ своей къ Царю, отправленной съ Даудовымъ. Посланникъ выкупилъ въ Хивѣ и Бухаріи русскихъ невольниковъ 33 человекъ, которые съ доставленіемъ въ Россію стоили 1,114 рублей.

Явленіе совершенно противное восточной и древне-русской литературѣ представляетъ географія и картографія западной Европы. Несмотря на положительныя показанія Арабовъ и даже

свѣдѣнія, сообщенныя европейскими путешественниками, какъ напримѣръ: Пляно Карпини, Рюисброкомъ, Марко Паоло и другими, еще въ первой половинѣ XVI вѣка у западныхъ географовъ не только не было яснаго свѣдѣнія объ Аральскомъ Морѣ *, но даже нѣкоторые изъ лучшихъ между ними, какъ напримѣръ: Мартынъ Вальдземюллеръ и Петръ Апіенъ видятъ въ самомъ Каспійзъ заливъ Сѣвернаго Океана. Путешествіе Дженкинсона окончательно исправило эту погрѣшность; но тѣмъ не менѣе ни на картахъ искуснѣйшаго картографа XVI вѣка Ортелиуса, ни въ изображеніяхъ Азіи извѣстнѣйшаго картографа XVII столѣтія Сансона нѣтъ еще Аральскаго Моря, и Оксусъ, равно какъ Яксартъ, впадаютъ въ Каспійское.

Это тѣмъ удивительнѣе, что въ означенное время уже возникли довольно дѣятельныя сношенія между Россіею и западною Европою, которыми тамошніе государственные люди и ученые именно пользовались для пріобрѣтенія свѣдѣній объ Азіи. Доказательства сему не малочисленны: Въ *Ramusio Discorso sopra li viaggi delle Spetierie, Vol I. fol 373*, находимъ, что при проѣздѣ въ 1518 году чрезъ Аугсбургъ русскаго посланника (вѣроятно дѣяка Владиміра Племяшниковъ), одинъ изъ тамошнихъ знаменитыхъ математиковъ предложилъ ему вопросъ: могутъ ли торговцы отъ сѣверныхъ береговъ Россіи проникнуть Ледовитымъ Океаномъ на востокъ въ Индію? Въ отвѣтъ на это говоритъ посланникъ: «*Fattasi portare una charta dove era la descrizione di Moscovia et altre provincie suggette a quella.*»

Въ наказѣ, данномъ посланнику Лукъ Новосильцову, отправленному въ 1585 году отъ Федора Іоанновича къ Императору Рудольфу, между прочимъ, читаемъ: «А нѣчто вспросятъ про Кизылбашскаго, тожъ и Персидскаго: какъ бнъ нынѣ со Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ и какъ съ Турецкимъ? и Лукьяну говорити А которые Государи живутъ межъ Государя нашего Царства, Царства Астрахани и межъ Кизылбашскою земли, Царь Бухарской, и Турхестанской Царь, и

* На нѣкоторыхъ картахъ къ востоку отъ Каспія показывается еще озеро, какъ напр. на картѣ Маріно Сануто 1323 г. и Фра Маура 1459 г.; но ничто не даетъ повода считать его положительно за Аральское Море. Къ такимъ же изображеніямъ относится, вѣроятно, и найденное Данилевскъ на одной картѣ XIII вѣка, напечатанной въ *Gesta Dei per Francos*.

Казачкой Царь, и Юргенской Царь, и Грузинской, и Изюрской, и Калмыцкой, и Шамахейской, и Шевкальской, и тѣ всѣ нынѣ съ Кизылбашскимъ и межъ себя мирны съ докладу и совѣту Государя нашего; и во всякихъ большихъ дѣлахъ, съ кѣмъ кому дружба ли или недружба станетъ, пишутъ о томъ и докладываютъ Государя нашего; а о чемъ къ нимъ Государь нашъ отпишетъ или прикажетъ, и они въ томъ передъ Государемъ нашимъ во всемъ послушны бывають, и пословъ частыхъ ко Государю нашему присылають съ великими поминки и почестливостью.»

Предусмотрѣнный вопросъ былъ действительно предложенъ посланнику находившимся при немъ приставомъ, Даніелемъ Принцемъ, на чтѣ и сообщенъ былъ предписанный отвѣтъ, какъ видно изъ статейнаго списка.

Подобныя же указанія встрѣчаются во многихъ другихъ статейныхъ спискахъ; но мы ограничимся приведеніемъ здѣсь лишь тѣхъ отрывковъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаютъ отношенія къ Россіи въ XVI вѣкѣ, послѣ паденія Казани и Астрахани, владѣльцевъ сѣверо-западной части Средней Азій. Въ наказѣ, данномъ Афанасію Резанову, отправленному посломъ къ Императору Рудольфу въ 1588 году, сказано: «А нѣчто спросятъ про Казань и про Астрахань и Осонасію говорити и иные земли многи ко Государя нашего Государству къ Астраханскому приложилися: Бухарскій Царь, Юргенской Царь, Хивинской Царевичъ, Изюрской Царевичъ, Казацкая Орда.» Въ наказѣ приставу при императорскомъ послѣ Варкачѣ, бывшемъ въ Москвѣ въ 1589 году, между прочимъ сказано, чтобы онъ говорилъ: «А Бухарской Абдула Царь, и Юргенской Царь, и Изюрскій Царевичъ всѣ въ Государь нашего волѣ.» Наконецъ, въ отвѣтъ данномъ Варкачу отъ имени Федора Іоанновича 11 іюня того же года въ отвѣтной палатѣ, между прочимъ, находимъ: «Дьякъ Елизарей говорилъ: и что говорилъ еси на посольствѣ, что Цесарское Величество хочетъ вѣдати о томъ, кто съ Персидскимъ Шахомъ въ соединеніи, которые Государи, и сколько у котораго силы, и мыслятъ ли Государь нашъ Крымскаго въ томъ соединеніи призвать?—о томъ бы тебѣ Царское Величество отвѣтъ учинити велѣлъ. И Царское Величество тебѣ велѣлъ объявити:

съ Кизылбашскимъ Шахомъ его рати живеть до дву сотъ тысячъ; а съ нимъ въ соединенье будутъ Бухарской Царь, рати его до ста тысячъ; Юргенской Царь, рати его до пятидесять тысячъ, да которые учинилися подъ Государя нашего его Царскою рукою; а съ Персидскимъ Шахомъ будутъ стояти за одинъ же: Грузинской Александръ Царь, рати его до пятидесять тысячъ; Шевкальской Князь, рати его до тридцати тысячъ; Черкаскіе Князи, и Князь Тюменской, и Князь Окутцкой, у тѣхъ у всѣхъ ратныхъ людей до семидесять тысячъ; Ногаи Заволжскіе, Урусъ Князь и съ Мурзы, тѣ издавна Государю нашему служатъ, рати ихъ до пятидесять тысячъ.»

Въ 1609 г. пріѣзжалъ въ Москву ученый голландскій географъ Исаакъ Мааса, который пріобрѣлъ здѣсь много географическихъ свѣдѣній и даже, по свидѣтельству Адслунга, очеркъ вновь открытыхъ частей Сибири; а по предположенію Бера—самую рукопись книги Еольшой Чертежъ. Но, къ сожалѣнію, въ изданныхъ имъ картахъ: 1609 г. *Russiæ, alias Moscovia dictæ, partes septentrionales et orientales*; 1610 г. *Tabula geographica partis Europæ et Asiæ quæ septentrionem spectant*; 1612 *Novissima Russiæ tabula*—онъ не касается С. З. части Средней Азии. То же самое встрѣчаемъ въ другой картѣ, изданной въ 1614 г. Жерардомъ, на основаніи русскихъ источниковъ: *Tabula Russiæ desumpta ex autographo quod delineandum curavit Fœdor, filius Tzaris Boris desumpta, et adfluvios Dwinam, Zuchanam aliaque loca, quantum ex tabulis ad nos delatis fieri potuit, amplificata ac Magno Domino Tzari ac Magno Duci Michaeli Feodorowitsch Omnium Russorum Autocratori etc. dedicata.*

Такимъ образомъ, не смотря на всѣ эти сношенія, только свѣдѣнія, сообщенныя Петромъ Великимъ въ концѣ XVII и началъ XVIII вѣка амстердамскому бургомистру Видзену, ниренбергскому картографу Гомману и Парижской Академіи начали нѣсколько разъяснять географическія понятія Западной Европы о странахъ къ востоку отъ Каспія; а потому уже на картахъ преобразователя новѣйшей картографіи Делиля и Гомана, въ началѣ XVIII вѣка, есть ясное указаніе существованія Арала, хотя въ гораздо меньшемъ объемѣ, чѣмъ онъ имѣеть дѣйствительно, и въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ Каспія. То же повторяется еще на картѣ Мааса 1735 года; но уже на картѣ

Виттенбергскаго Профессора Хааза, обнаруженной въ 1744 году, составленной же раньше того (такъ какъ онъ умеръ въ 1742 г.), Араль получилъ болѣе правильную форму и положеніе, хотя Аму-Дарья показана все еще впадающею въ Балханскій Заливъ, а въ замѣнъ ея, въ южный берегъ Арала вливается Кизиль-Дарья, на вершинахъ которой стоитъ городъ Самаркандъ.

На картѣ, приложенной къ 496 стр. IX т. *Histoire générale des voyages* 1749 г., находимъ подобное же изображеніе; только Кизиль-Дарья вытекаетъ не далеко къ сѣверо-востоку отъ Самарканда, и немного ниже Ургенча принимаетъ въ себя рукавъ Аму-Дарьи, которая другимъ русломъ течетъ въ Каспій.

Любопытно было бы разъяснить, что послужило поводомъ къ этимъ измѣненіямъ, такъ какъ карта Морского Капитана Дубровина, составленная въ 1692 г. на основаніи свѣдѣній, собранныхъ имъ во время поѣздокъ по Азіи, и изданная Кириловымъ въ 1731 году, еще представляетъ Аральское Море въ видѣ узкой полосы, образуемой разливами Аму-Дарьи, наполненной озерами и отдѣляющей полуиссохшее русло къ Балханскому Заливу, т. е. вовсе несходно съ изображеніемъ Хааза; болѣе же близкая къ нему карта Генвея, гдѣ въ первый разъ обнаружены результаты изслѣдованій Томсона, Гога, Гладышева и Муравина, издана лишь въ 1754 году.

Карта Дубровина очевидно основана на расирсахъ лицъ знавшихъ Аральское Море только съ юга и даже можетъ быть по одному озеру Лаудану, ибо этимъ объясняется множество острововъ, показанныхъ на картѣ, незначительность присвоиваемаго морю протяженія и невѣрность всего очертанія, при достаточной точности изображенія иссохшаго русла и окаймляющаго его чинка. Соленое Озеро, поставленное къ сѣверу отъ Лаудана, есть не Джуребъ-Гускенъ, какъ думаетъ г. Эйхвальдъ, а по всей вѣроятности, солонцоватая топь Барса-Кильмень, среди которой, на островѣ, по разсказамъ Киргизъ, донынѣ существуютъ развалины стараго кремля.

Въ началѣ XVII вѣка географическія свѣдѣнія объ Аральскомъ Морѣ и низовьяхъ Аму-Дарьи могли быть значительно увеличены показаніями образованныхъ очевидцевъ, а именно: участниковъ въ экспедиціи Князя Бековича-Черкаскаго. Но гибельное окончаніе этой экспедиціи лишило Россію и всѣхъ

важныхъ географическихъ данныхъ, которыхъ ожидали отъ сего предпріятія.

По письму Абуль-Хазиръ Хана къ Урусову, полученному въ Оренбургъ 30 апрѣля 1741 года, къ 1740 г. оставалось въ Хивѣ живыхъ лишь 24 человека изъ отряда Бековича; но въ показаніи Гладышева 3 мая 1741 года по сему предмету сказано: «Въ бытность свою въ Хивѣ, уведомился онъ Гладышевъ отъ имѣющагося тамъ въ плѣну янцаго казака Андрея Бородинна, что въ ономъ городѣ Хивѣ содержится въ плѣну, взятыхъ изъ команды Бековича, какъ Русскихъ, такъ Калмыкъ и иноземцевъ, съ 3,000 человекъ, о которыхъ онъ заподлинно знаетъ, потому что ихъ весною выгоняютъ на работу для очищенія кругомъ города Хивы канала, да сверхъ того съ 500 человекъ такихъ же плѣнныхъ имѣется въ Аральскомъ владѣніи». Это показаніе очевидно преувеличено, такъ какъ извѣстно, что весь отрядъ Бековича составляли:

1. Эскадронъ шведскихъ драгунъ (по показанію Лейтенанта Кожина, драгунъ было 600 человекъ)
2. Двѣ роты пѣхотныхъ солдатъ, посаженныхъ на коней.
3. Артиллерійскіе офицеры и нижніе чины съ пушками и босвыми патронами (о числѣ пушекъ ничего не сказано).
4. Разныя морскіе и адмиралтейскіе служители.
5. Астраханскіе россійскіе дворяне, мурзы и Нагайскіе Татары, до 500 человекъ.
6. Гребенскіе казаки 500 человекъ.
7. Янцкіе казаки 1,500 человекъ.
8. Кушцы съ товарами, какъ Русскіе, такъ изъ Татаръ, Бухарцевъ и другихъ до 200 человекъ.

Изъ числа значительныхъ лицъ при отрядѣ входились: Князь Самановъ, астраханскій дзорлинъ Корейтовъ, Маіоры Франкенбергъ и Пальчиковъ, и братья Килзл Бековича: Сююнчъ и Акъ-Мурза.

Всего участвовало въ экспедиціи съ небольшимъ 4,000 человекъ, изъ которыхъ значительная часть вѣроятно погибла уже въ 1747 году, тѣмъ же менѣе большая половина должна была остаться въ живыхъ еще долго послѣ того; однако же выходцевъ изъ нихъ въ Россію было весьма мало, и еще менѣе приобрѣтено отъ нихъ географическихъ свѣдѣній.

Изъ таковыхъ показаній, первое, по времени полученія, заключается въ донесеніяхъ отъ марта и іюля 1716 года, астраханскихъ дворянъ Ивана Воронина и Алексѣя по прозванію Святого, посланныхъ Бековичемъ въ означенномъ году гонцами въ Хиву съ Тюбь-Карагана и задержанныхъ Ханомъ Ширгазы.

Второе показаніе изложено въ донесеніи Казанскому Губернатору Саратовскаго Коменданта Бахметьева отъ 4 октября 1717 года, и заключасть допросъ, снятый 29 сентября того же года съ присланнаго въ Саратовъ Ханомъ Аюкою Калмыка Бакши, который сопровождалъ Бековича, но по умерщвленіи его, отпущенъ былъ Хивинскимъ владѣльцемъ въ Россію, вмѣстѣ съ Татарами и Черкесами, бывшими въ отрядѣ.

Третье показаніе отобрано 13 іюля 1720 года отъ астраханскаго подъячаго Восковойнаго, взятаго въ плѣнъ съ Бековичемъ, потомъ перепроданнаго изъ Хивы Красноводскимъ Турхменамъ и вырученнаго у нихъ однимъ Калмыцкимъ Тайшою.

Четвертое показаніе должно заключаться въ актахъ о приездѣ въ Россію въ 1720 г. хивинскаго посланца Венсъ-Мамбета, который былъ арестованъ въ Гурьевѣ и умеръ въ Петербургѣ.

Пятый источникъ свѣдѣній представляетъ путевой журналъ Флоріо Беневени. Отправившись 24 іюля 1719 г. изъ Астрахани въ Шемаху, онъ былъ задержанъ тамъ, потомъ въ Персін, и лишь въ концѣ 1720 г. прибылъ въ Бухару. Послѣ многихъ непріятностей, онъ хотѣлъ выѣхать оттуда, но Бухарское Правительство тому препятствовало, не смотря на то, что въ декабрѣ 1724 г. предписано было обязать Бухарцевъ, проживавшихъ въ Астрахани, чтобы они испросили у Хана свободный пропускъ и провожатыхъ для Беневени; наконецъ, въ апрѣлѣ 1725 г. онъ рѣшился тайно уѣхать изъ Бухары въ Хиву, гдѣ болѣе мѣсяца удерживаемъ былъ тамошнимъ Ханомъ, и послѣ труднаго степнаго пути, наконецъ достигъ Астрахани *.

* Весьма желательна бы для пользы географіи, чтобы журналъ Флора Беневени, имлюційся на италіанскомъ языкѣ въ рукописи, былъ напечатанъ. До селѣ извѣстны касательно этого путешествія лишь слѣдующія подробности:

Шестое показаніе сдѣлано 7 января 1744 г. въ Оренбургѣ яицкими казаками Иваномъ Мещеряковымъ, Иваномъ Плаконинымъ, Петромъ Шадругинымъ, Василиемъ Стокольниковымъ и Яковомъ Васенкинымъ, которые также принадлежали къ отряду Бековича и освобождены изъ Хивы Надиръ-Шахомъ, по взятіи имъ означеннаго города въ 1744 году.

Наконецъ, 15 декабря 1747 г. (такъ какъ у Бакмейстера очевидно по ошибкѣ выставленъ 1747 г.), взято въ Сенатѣ показаніе съ вышедшаго изъ хивинскаго плѣна Астраханца Николая Ѳедорова о побѣдкѣ его и дворнина Тараковского, по порученію Князя Бековича въ 1746 году, отъ Краснодарскаго Мыса до урочища Ибрагимъ-Ата.

Бевевени въѣхалъ изъ Астрахани, вѣстѣ съ бывшимъ въ Россіи бухарскимъ посломъ Ханъ Кули-Бекъ-Топчи-Баши, моремъ чрезъ Персію въ Бухарію. Въ десяти вѣстахъ отъ бухарской столицы, російскаго посланника встрѣтилъ Топчи-Баша, съ 50 придворными служителями, и проводилъ до назначенной ему квартиры, къ предѣстамъ. Января 3 дня 1721 г. былъ въѣздъ въ городъ посланника, сопровождаемаго главнымъ евнухомъ съ немалюю свитою придворныхъ чиновниковъ, и на эту церемонію Ханъ смотрѣлъ изъ галлерей своего дворца, но аудіенція была отложена, по случаю болѣзни Хана, продолжавшейся до 10 декабря. Бухарскіе Министры настаивали, чтобы посла персидскаго, прѣѣхавшаго уже посла, какъ присланнаго отъ стариннаго ихъ пограничнаго союзника, принявъ прежде посланника дальняго Государя, но Бевевени настоялъ въ противномъ. Сверхъ того, хотя въ инструкціи ему вѣльно было сообразоваться съ церемоніаломъ, принятымъ для другихъ пословъ, и особенно для персидскаго, но оный, по усильному его требованію, во многомъ измѣнилъ. Бевевени въѣхалъ на дворъ хавскій верхомъ и поклонился Хану по европейскому обычаю (между тѣмъ какъ посоль персидскій, принятый послѣ него, кланялся до земли). Ханъ кивнулъ ему головой и поздравилъ его съ прѣѣздомъ. Посланникъ настоятельно требовалъ, чтобы Царскую въручную грамоту принималъ отъ него самъ Ханъ, который наконецъ согласился протянуть руку и коснуться грамоты, когда посланникъ положилъ ее на престолъ. Рѣчь посланника на турецкомъ языкѣ была очень длинна, такъ что главный евнухъ сдѣлалъ ему знакъ рукою, чтобы овъ пересталъ и приблизился къ Хану для представленія грамоты: послѣ чего евнухъ самъ оковчилъ прѣвзвную рѣчь, сообщая ему посланникомъ еще прежде аудіенціи. Отвѣтъ Хавскій состоялъ въ сихъ двухъ словахъ: хорошо, изрядно. Къ престолу, который возвышался отъ земли на 2 аршина, придявы были съ обѣихъ сторонъ ступени. Посланникъ взомъ на 2-ю ступень, на кою стоялъ придворный Министръ Кушъ-Беги. Престоль былъ очень широкъ и Ханъ сидѣлъ посреди оного на подушкахъ, такъ, что нельзя было подойти къ нему близко; почему придворный Министръ взялъ изъ рукъ посланника грамоту и подвинулъ ее по престолу къ Хану, который положилъ на нее руку въ знакъ благосклоннаго пріянія. Еще до аудіенціи, узнавъ, что посоль дру-

Изъ этихъ показаній первыя четыре и шестое имѣютъ лишь историческій интересъ; для географіи же важно пятое и послѣднее, воплія подтверждаемое новѣйшими маршрутами Муравьева и Аббота.

Въ 1721 году посланъ былъ къ Каракалпакамъ на устье Сыра, отъ Казанскаго Воеводы толмачъ Овсянниковъ и дворянинъ Вершининъ. а вслѣдъ за тѣмъ, для сопровожденія въ степь бывшихъ въ Москвѣ каракалпацкихъ посланцевъ, Аванасій Филиповъ, который возвратился въ 1724 году. Но географическіе результаты этой поѣздки неизвѣстны.

Въ 1731 году отправился съ торговымъ караваномъ въ Хи-ву и Бухару Артиллеріи Полковникъ Гарберъ; только онъ дол-

гихъ Государей сажаютъ очень низко. Беневени требовалъ себѣ особаго стула, на что Ханъ не согласился, и на упорныя требованія Беневени отвѣчалъ ему черезъ придворнаго Министра, что не можетъ сего исполнить, опасаясь Узбековъ, которые не потерпятъ выше себя никого, кромѣ самаго Хава; но обещалъ ему второе мѣсто послѣ перваго Министра. Вопреки сему обещанію, посла поселили на четвертомъ мѣстѣ; однако и это возбудило замѣтное негодованіе Узбековъ. Послѣ аудіенціи, Беневени былъ приглашенъ къ обѣду. Узбеки самовластно владѣли большою частью городовъ (коихъ въ Бухаріи, по исчисленію посланника, двадцать три); только подарками и ласками удерживалъ ихъ Ханъ въ повиновеніи. Въ 1718 году, юный Ханъ, поставленный придворными, пригласивъ къ себѣ около 300 знатѣйшихъ Узбековъ, велѣлъ умертвить ихъ для своей безопасности; но это произвело продолжительныя возмущенія, среди коихъ въ Самаркандѣ провозглашенъ былъ другой владѣтель. Тайно отъ Узбековъ велѣно было имѣть сношеній съ Хапомъ, а они, опасаясь усиленія его власти, не согласились бы на заключеніе союзнаго договора съ Россіею: вотъ почему посланникъ поступалъ съ ними осторожно, основывая свои сношенія на торговлѣ; ибо наши товары для Узбековъ необходимы. Между тѣмъ черезъ придворнаго Министра и главнаго евнуха, онъ тайно склонялъ Хава къ оборонительному союзу съ Россіею, представляя ему, что съ помощію русскаго войска, онъ можетъ приобрести полную власть. Сначала евнухъ отвѣчался тѣмъ, что не смѣетъ доложить о семъ Хану; но потомъ отвѣчалъ отъ его имени, что Ханъ не имѣетъ нужды въ помощи, ибо только нѣкоторые изъ Узбековъ противъ него, а желаетъ единственно утвердить торговыя сношенія съ Россіею. Подозрѣвая, что евнухъ на сторонѣ Узбековъ, посланникъ старался черезъ сестру и мамку Хава имѣть тайное съ нимъ свиданіе, на что и успѣлъ получить его согласіе; но послѣ оно было отиѣнено; на сдѣланное ему предложеніе писать секретно къ Хану. Беневени не согласился, опасаясь его вѣстоинства. 1722 года іюня 23, когда посланникъ праздновалъ день тезоименитства Императора, Ханъ иноконито, въ толпѣ народа, бывшій на посольскомъ дворѣ, старался имѣть съ нимъ свиданіе; но также не рѣшился, опасаясь Узбековъ.

жень былъ вскорѣ воротиться, вельдствие разграбленія каравана недалеко за Ураломъ.

Въ 1731 году былъ за Сыръ-Дарьею Тевкелевъ, который и возвратился въ 1733 году.

Гораздо полезнѣе были для науки розысканія относительно Аральскаго Моря и низовой Аму-Дарьи, произведенныя въ 1740-хъ годахъ.

Капитанъ Эльтонъ, находившійся сначала въ русской, потомъ въ персидской службѣ, снова возбудилъ своими представленіями надежды Англичанъ на возможность открытія выгодной торговли съ Сѣвверною Персіею чрезъ Каспій и съ стѣро-западною частію Средней Азіи. Два англійскихъ купца: Томсонъ и Гокъ 26 февраля 1740 года отправились изъ Петербурга въ Самару, а 17 іюня прибыли оттуда въ Уральскъ и 26 числа того же мѣсяца вступили въ Киргузскую степь, гдѣ 16 іюля достигли ставки одного знакомаго имъ Султана Янъ-Бекъ-Батыря. Прокочевавъ съ нимъ до 8 августа, они, вѣроятно изъ долины Ори, направились въ Хиву; 16 августа достигли стѣро-западнаго берега Арала; 3 сентября спустились въ низмен-

Бенсвени сообщалъ о тогдашнемъ состояніи Бухаріи слѣдующее: Узбеки господствовали, а собственно Ханскую дружину составляли 350 вооруженныхъ Калмыковъ, 150 Хонзатовъ, рожденныхъ отъ Русскихъ отца и матери и воспитанныхъ въ магометанской вѣрѣ, и около 30 христіанъ, русскихъ плѣнныхъ. Въ Бухаріи не было ни крѣпостей, ни артиллеріи; посланники видѣли въ Бухарахъ 17 пушекъ, давно взятыхъ у Монгольцевъ, но бывшихъ безъ употребленія, ибо никто не умѣлъ съ ними обращаться. Употребительныя оружія въ Бухаріи: сабля, лукъ и копье, а въ некоторыхъ мѣстахъ фитильное оружіе. Многія изъ пограничныхъ мѣстъ, принадлежавшихъ прежде Хану, отпали отъ него и являлись особымъ владѣтелямъ. Столичный городъ Бухары, обнесенный полуобвалившимся валомъ изъ земли и необожженнаго кирпича, имѣлъ 13 верстъ въ окружности, 15 тысячъ домовъ — мазанокъ, также изъ земли и необожженнаго кирпича, высокую башню и при ней медресь, ханскій дворецъ, окруженный высокою стѣною, на большомъ земляномъ бугрѣ въ срединѣ города, и большія мечети, — все это изъ обожженнаго кирпича. Торговля была въ худомъ состояніи; купцы обдѣляли; Узбеки грабили на дорогахъ и въ городахъ, и до того притѣсняли жителей, что они цѣлыми домами убѣгали въ Монголію. Внутреннія безпокойства принуждали Хава быть въ согласіи съ соседними державами, а корысть побуждала ежегодно отправлять къ Персидскому Шаху и Великому Моголу пословъ, которые покупали у Хана грамоты, а отъ тѣхъ дворовъ получали подарки. Изъ Персіи же и Индіи въ Бухарію посла пріѣзжали рѣдко потому что Узбеки ихъ обирали и отпущали нищими.

ную долину Лаудана, 5-го прибыли въ Старый-Ургенчъ а 8-го въ Хиву. Проведя въ семь городъ все время осады его Надиръ-Шахомъ, они воспользовались вступленіемъ персидскихъ войскъ, для выгодной распродажи своихъ товаровъ. Затѣмъ Томсонъ 15 декабря отправился по правому берегу Аму-Дарьи въ Бухару и, пробывъ тамъ до 8 августа 1741 года, пошелъ обходомъ по западнымъ предгорьямъ Билура и южнымъ скатамъ Хиндукуша въ Персію, гдѣ 22 сентября прибылъ въ Мешедъ. Товарищъ же Томсона оставался, для сбора долговъ и за опасностію пути, до 6 апрѣля 1741 года въ Хивѣ; послѣ чего, перейдя на восточный берегъ Аму, направился къ низовьямъ Сыра, которыхъ достигнулъ на 15-й день; за этуо рѣкою онъ былъ ограбленъ и едва добрался самъ до ауловъ Япъ-Бекъ Батыря, откуда проникъ въ Россію. Столь неблагоприятное окончаніе предпріятія не воспрепятствовало Гоку во второй разъ пуститься въ степь съ товаромъ, по порученію Русскаго Правительства, въ концѣ 1741 года.

Эти путешествія двухъ Англичавъ могли бы доннѣ имѣть большую важность для географіи, такъ какъ пройденное Томсономъ пространство къ югу отъ Хивы доселѣ не было вновь посѣщено ни однимъ Европейцомъ. Но къ сожалѣнію, географическія познанія британскихъ купцовъ были весьма не значительны, ибо напр. Томсонъ полагаетъ Бухару на цѣлый градусъ сѣвернѣе Хивы; сверхъ того, отчетъ о путешествіи, изданный Генвеемъ, очень не полонъ и наиболѣе бѣденъ географическими свѣдѣніями касательно послѣдней части Томсоновой дороги.

Въ одно время съ двумя поименованными Англичанами, находились въ степи и въ Хивѣ два русскихъ офицера: Гладышевъ и Муравинъ. Поводомъ къ послыскъ ихъ была просьба Хана Меньшей Киргизской Орды Абуль-Хаира о построеніи ему города близъ устья р. Сыра. Высочайшимъ указомъ 20 августа 1739 года повелѣно было отвѣчать Хану, что постройкѣ долженъ предшествовать осмотръ мѣстъ; для чего приказано послать къ нему свѣдущихъ людей, вмѣнивъ имъ въ обязанность привести геодезически въ извѣстность весь пройденный ими путь. Исполненіе этого порученія возложено было на знающаго татарскій языкъ, Поручика Гарвизоннаго Оренбургскаго Драгунскаго полка Дмитрія Гладышева, геодезиста Муравина, Инже-

нернаго Надзирателя Назимова и переводчика Усмана Араславова, съ нѣсколькими казаками. Версть за 100 до Абуль-Хаирова кочевья, напала на нихъ разбойничья шайка Киргизъ Чиклинскаго рода и, ограбивъ, увлекла съ собою Надзирателя Назимова, деньщика его и уральскаго казака Федорова; остальныхъ же отпустила слѣдовать по назначенію. На 33-й дель пути, т. е. 7 октября 1740 года, Гладышевъ съ товарищами прибылъ въ ставку Абуль-Хаира, на рѣкѣ Адамати, неподалеку Куванъ-Дарьи; но засталъ тутъ одну Ханшу, такъ какъ самъ Абуль-Хаиръ находился въ Аральскомъ владѣніи. По желанію Хана, русскіе офицеры отправились къ нему въ сопровожденіи сына его Нурали и дяди Ніяза. Выѣхавъ изъ ставки 15 октября, они 2 ноября прибыли въ аральскій городокъ Шахтемиръ и, по приглашенію Абуль-Хаира, на другой день поѣхали съ нимъ въ Хиву, куда звали его на Хаяство Хивинцы, угрожаемые Надирь-Шахомъ; 7 ноября достигъ Гладышевъ Хивы, а 8-го, по просьбѣ Абуль-Хаира, вмѣстѣ съ послами его, геодезистъ Муравинъ отправленъ былъ въ лагерь персидскаго владѣльца, подъ г. Ханки, съ ходатайствомъ о пощады Хивы, какъ избравшей себѣ во владѣльцы русскаго подданнаго. 9-го Муравинъ былъ принятъ Надиромъ, который обласкалъ его и обнадежилъ въ милости къ Абуль-Хаиру, требуя только, чтобы онъ самъ прибылъ къ нему. Съ этимъ отвѣтомъ посланные 10-го поѣхали обратно, и прибыли въ Хиву 11 ноября. Абуль-Хаиръ дѣйствительно-было собрался въ персидскій лагерь, но перехвативъ доставленное оттуда въ городъ письмо, въ которомъ, отъ имени Надира, приглашали жителей не выпускать Хана до прибытія Шаха, заставилъ Хивинцевъ, подъ предлогомъ поѣздки къ послѣднему, отворить себѣ заваленныя городскія ворота, и затѣмъ со всею своею свитою, въ томъ числѣ и съ русскими офицерами, поскакалъ въ противную отъ персидскаго лагеря сторону, преслѣдуемый выстрѣлами обманутыхъ горожанъ. Вечеромъ того же дня, у города Шавата, напали на Хана Туркмены; но онъ отразилъ ихъ, и 12 ноября, у Ходзеили, перетѣхалъ на правую сторону р. Аму, во владѣніа Аральцевъ. Здѣсь, послѣ многихъ споровъ и даже кровопролитій, сынъ Абуль-Хаира Нурали былъ окончательно избранъ въ Ханы; самъ же Абуль-

Хайръ съ Гладышевымъ и Муравинымъ возвратился въ свою ставку, откуда русскіе офицеры благополучно прибыли въ Орскъ, въ апрѣль 1741 года. Отъ этого путешествія сохранились: 1) журналъ Муравина, съ обозначеніемъ пройденнаго разстоянія и румбовъ; 2) опись народовъ, кочующихъ на пройденномъ пути; 3) показанія Гладышева и Муравина о происшествіяхъ во время ихъ поѣздки, и 4) свидѣнія, сообщенныя Гладышеву о Средней Азіи Аль-Мухамедъ Абызомъ, секретаремъ Абуль-Ханра.

Въ августъ 1741 года Гладышевъ снова былъ отправленъ къ Абуль-Ханру, и 7 января 1742 года нашелъ его за Сыръ-Дарьей, близъ низовій Аму, откуда 6 марта отпущенъ обратно на Оренбургскую линію; объ этой поѣздкѣ сохранились только краткія показанія, отчасти обнародованныя въ Исторіи Рычкова. Въ концѣ 1742 года Гладышевъ опять ѣздилъ къ Каракалпакамъ, и когда, по возвращеніи, посланъ былъ съ Каракалпацкими посланцами въ С.-Петербургъ, то на мѣсто его командированъ на Сыръ-Дарью унтеръ-офицеръ Гордѣевъ и толмачъ Мансуръ Дѣльной. По возвращеніи изъ столицы, Гладышевъ въ 1743 году еще разъ повхалъ въ степь и пробылъ тамъ до слѣдующаго года. Объ этихъ поѣздкахъ краткія указанія находятся только въ Исторіи Рычкова.

Журналъ Томсона и Гока впервые напечатанъ въ путешествіи Генвеля, 1754 года, къ которому приложена и карта пути двухъ означенныхъ Англичанъ. На другой картѣ въ томъ же сочиненіи нанесенъ довольно вѣрно путь Муравина, съ сохранившимся доселѣ подлинникомъ съемки его, копія съ которой имѣется и въ одномъ пріобрѣтенномъ мною рукописномъ экземплярѣ Оренбургской Исторіи Рычкова. На той же картѣ Генвель нанесенъ другой замѣчательный маршрутъ, а именно Маіора Миллера, ходившаго въ 1743 году изъ Орска, черезъ г. Туркестанъ, къ Зионгорцамъ, близъ озера Балхашъ, и обратно. Журналъ этого любопытнаго путешествія не отысканъ мною; но въ вышепомянутой рукописи Рычкова я нашелъ маршрутную карту, полнѣе Генвеевой.

Почтенный сочленъ нашъ Г. Штукенбергъ, въ IV т. своей Гидрографіи, говоритъ, будто Муравинъ выводитъ Аму-Дарью изъ озера; я объясняю это тѣмъ, что г. Штукенбергъ взро-

*

ятно приписываетъ все изображеніе означенной рѣки на картѣ Генвеля русскому геодезисту; но это несправедливо, ибо Муравинъ общей карты вовсе не составлялъ, а ограничился лишь точнымъ изображеніемъ своего маршрута.

Документы о путешествіи Гладышева послужатъ также къ устраненію другого, кажется, ошибочнаго утвержденія г. Штукенберга, будто Аральцы никогда не составляли подъ этимъ именемъ особаго владѣнія, а что названіе это есть просто *выдумка Русскихъ*, присвоившихъ его некоторымъ Туркменскимъ племенамъ между Араломъ и Каспіемъ. Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Аль-Мухамедомъ Абыземъ Гладышеву, видно, что самое сѣверное осѣдлое владѣніе Узбековъ, на низовьяхъ Аму, въ половинѣ XVIII вѣка носило названіе Аральскаго и у Азіятцовъ.

Послѣ Муравина, первое показаніе очевидца о низовьяхъ Джейхуна и объ Аральскомъ Морѣ заключается въ статьѣ самарскаго купца Данила Рукавкина, который ходилъ въ Хиву съ торговымъ караваномъ въ 1753 году. Въ первый путь они шли чрезъ Устюртъ; обратно же, какъ должно полагать, чрезъ Сырь-Дарью, ибо Рукавкинъ говоритъ о переходѣ чрезъ сію рѣку.

Къ сожалѣнію, у Рукавкина есть только нѣсколько подробностей о первомъ пути, изъ коихъ видно, что караванъ, поднявшись на Устюртъ, по оврагу Курсай (гдѣ въ 1826 году спускался Полковникъ Бергъ), направился на пески Шамъ (до которыхъ въ 1840 году доходилъ Полковникъ Бизяновъ и Штабсъ-Капитанъ Рехенбергъ); затѣмъ, оставя вправѣ Солонецъ Барса Кильмесъ (обозначенный топографами, сопровождавшими Никифорова въ 1840 году и о коемъ Рукавкину рассказывали то же преданіе, что и Аботу 90 лѣтъ спустя), спустился съ Устюрта у Айбугира и, перейдя подъ Ургенчемъ текуцій доиний изъ Аму-Дарьи протокъ Саркраукъ, достигъ Хивы. Относительно же дороги отъ сей послѣдней къ Сырь-Дарьѣ, нѣтъ никакихъ подробностей, кромѣ указанія ея безводности; причѣмъ разстояніе дороги чрезмѣрно укорочено.

Почти въ одно время съ Рукавкинымъ, именно въ 1754 г., были въ Хивѣ, для выручки задержаннаго тамъ русскаго каравана, переводчики Гуляевъ и Чучеловъ. О первомъ упоми-

насть Рычковъ, какъ о человекѣ, весьма свѣдущемъ въ географіи при - Аральскихъ странахъ: они возвратились на линію въ 1755 г., и представили письменныя показанія, которые, впрочемъ, мнѣ неизвѣстны.

Послѣ Рукавкина, цѣлыя 25 лѣтъ не встрѣчаемъ свидѣтельствъ очевидцевъ о разсматриваемыхъ нами странахъ; но отъ 1793 года сохранились замѣтки Бланкеннагеля, посланнаго нашимъ Дворомъ, по просьбѣ Хивинскаго Хана Фазильбѣя, для излеченія его отъ глазной боли. Къ сожалѣнію, Бланкеннагель сообщаетъ только общія свѣдѣнія о Ханствѣ и характеръ его жителей; относительно же пути медика узнаемъ лишь, что онъ шелъ въ Хиву по западному берегу Арала, возвращался же чрезъ Устюртъ на Мангшалакъ и въ оба слѣдованія перѣѣхалъ чрезъ старое русло Аму-Дары, нѣкогда направившейся, какъ ему сказали, въ Карабугазскій заливъ.

По указанію г. Даля, замѣтки Бланкеннагеля напечатаны въ Соревнователь просвѣщенія, но, кажется, сокращенно.

Въ 1802 году, по докладу Министра Коммерціи Графа Румянцева, послѣдовало 12 августа Высочайшее повелѣніе отправить въ Бухарію, для улучшенія нашихъ торговыхъ сношеній съ этою страной и точнѣйшаго извѣданія пути, русское посольство. Обязанность эта, которую первоначально предполагалось возложить на Директора Оренбургской Таможни Величко, окончательна поручена была Поручику Гавердовскому, ко- ему приданы: докторъ Большой, колоноважатые Ивановъ и Богдановичъ, переводчики Биктяшевъ и Бикчуринъ. Посольство могло отправиться въ путь изъ Орской крѣпости лишь 29 іюля 1803 года; но не дойдя верстѣ 80 до перевоза Майлибаща на Сыръ-Дарьѣ, вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній о занятіи этой рѣчки враждебными толпами Хивинцевъ и Киргизъ Чиклиевскаго рода, 8 сентября направилось обратно въ Орскъ. Въ 1809 г. Гавердовскій представилъ журналъ своей поездки, состоявшій изъ двухъ частей: первая заключала дневникъ съ подробнымъ маршрутомъ; вторая общее обозрѣніе Киргизской степи и прилегающихъ къ ней странъ, съ генеральною картою этихъ мѣстъ. Вторая часть, по Высочайшему повелѣнію, напечатана въ 1811 году; но, по недостиженію Гавердовскимъ Сыръ-Дары, мало разъясняетъ разсматриваемую нами мѣстность.

Болве могъ бы сообщить объ ней сопровождавшій Гавердовскаго докторъ Большой, такъ какъ онъ, будучи захваченъ въ плѣнъ Киргизами, оставался въ ихъ аулахъ за Сырь-Дарьею до 40 июня 1804 года; однакожь обнаруженные имъ показанія не содержатъ никакихъ удовлетворительныхъ свѣдѣнй.

Въ 1809 году посланъ былъ въ Бухарію офицеръ Башкирскаго войска Абдуль-Насырь-Субханкуловъ; его замѣчанія и маршруты имѣются въ рукописи, но они мнѣ неизвѣстны. Гг. Даль, Циммерманъ и Штукевбергъ упоминаютъ о посылкѣ въ 1818 году Субханкулова въ Хиву; однакоже слѣдовъ таковой командировки я нигдѣ не нашель и думаю, что она предполагается по смѣшенію съ вышеозначенною посылкою въ Бухару.

Равномѣрно упоминаютъ сказанные писатели о посылкѣ изъ Оренбурга въ Хиву въ 1819 году Коллежскаго Совѣтника Бикчурнина; но подлинныхъ доказательствъ сего я также нигдѣ не нашель; извѣстно только, что въ 1819 году предполагалось сначала послать въ Хиву чиновника; впоследствии же командированъ былъ съ порученіемъ Башкирскій старшина Абу-Бакировъ, который долженствовалъ быть въ Хивѣ нѣсколько ранѣ Муравьева.

Путешествіе послѣдняго, продолжавшееся сухопутно съ 19 сентября по 13 декабря 1819 года, имѣетъ особую важность, какъ по свѣдѣніямъ, которыя онъ обнаруживалъ о Хивѣ вообще, такъ по маршруту его, досель единственному, отъ юго-восточныхъ береговъ Каспія къ низовьямъ Аму - Дарьи. Къ сожалѣнію, Муравьевъ не могъ сдѣлать наблюденій даже надъ широтою мѣстъ; самыя разстоянія опредѣлялъ однимъ верблюжьимъ ходомъ, и то лишь на сѣверномъ, первомъ пути своемъ, а не на обратномъ.

На слѣдующій годъ, послѣ путешествія Муравьева, отправлено было изъ Оренбурга Русское Посольство, подъ начальствомъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Негри, коему приданы были офицеры Генеральнаго Штаба Мейендорфъ, Вальховскій и Тимофеевъ, докторъ Пандеръ и переводчикъ Яковлевъ. Сверхъ того, Посольство сопровождалъ еще докторъ Эверсманъ. Караванъ выступилъ изъ Оренбурга 10 октября и прибылъ къ Бухарѣ 20 декабря, откуда вышелъ 22 марта и достигъ Орска въ началъ мая 1821 года. Географическими ре-

зультатами экспедиціи была съемка пути, съ опредѣленіемъ астрономически широты пяти мѣстъ; описаніе пройденнаго въ Киргизской степи пространства и Бухарскаго Ханства, съ картою этихъ мѣстъ, издаанными на французскомъ языкѣ Барономъ Мейендорфомъ; равно какъ замѣчанія, обнаруженныя гг. Эверсманомъ, Пандеромъ и Яковлевымъ.

Въ 1824 году повторень былъ, только гораздо въ бѣльшихъ размѣрахъ, опытъ вооруженнаго каравана, не удавшійся подъ руководствомъ Гавердовскаго. Караванымъ головою былъ тотъ же Кайдаловъ, который отправлялъ товары и въ 1803 году; Начальникомъ отряда Полковникъ Цюлковскій, а офицеромъ Генеральнаго Штаба Капитанъ Жемчужниковъ. Караванъ выступилъ 2 ноября изъ Оренбурга; 15 декабря переправился чрезъ Сыръ-Дарью; но 11 января 1825 года, дойдя до возвышенія Биштюбя въ пескахъ Кизиль-Кумъ, остановлень былъ разбойничьею партією и, пробывъ у означеннаго урочища до 26 января, направился обратно къ Орской крѣпости.

О пути этого каравана издана досель только маленькая книжка Кайдаловымъ, хотя и есть въ рукописи гораздо подробнѣйшіе маршруты.

Въ этомъ же 1825 году, только нѣсколько позднѣе возвращенія вооруженнаго каравана, выступилъ изъ крѣпости Сарайчиковской другой отрядъ, подъ начальствомъ Полковника Берга, при которомъ находились: офицеръ Генеральнаго Штаба Вальховскій, Флота Капитанъ-Лейтенантъ Анжу, чиновникъ Военно-Топографическаго Депо Леммъ и докторъ Эверсманъ. Отрядъ этотъ обогнулъ сѣверо-восточный берегъ Каспія, перерезалъ Устюртъ по 45° С. Ш. и, дойдя до изгиба западнаго берега Арала на сѣверо-востокъ, спустился съ Устюрта черезъ оврагъ Карасай, а 4 марта 1846 года прибылъ въ крѣпость Сарайчиковскую.

Извѣстныя уже ученому міру изслѣдованія этой экспедиціи были весьма важны въ географическомъ отношеніи. Но главное вниманіе досель обращено было на барометрическую нивелировку между Каспіемъ и Араломъ, то-есть на менѣе достойную сторону изслѣдованій, тогда какъ астрономическія опредѣленія Лемма — именно самая важнѣйшая часть розысканій; не смотря на то, что они уже напечатаны въ 1837 году, практически примѣнены вполнѣ только въ картѣ Н. Ханькова.

Даже баронъ Гумбольдтъ, въ знаменитомъ сочиненіи своемъ *Asie Centrale*, изданномъ въ 1843 году, принялъ въ соображеніе, при изслѣдованіи разстояній между Араломъ и Каспіемъ, лишь опредѣленіе лагернаго мѣста Берга на западномъ берегу Аральскаго Моря 4 февраля 1826 года; наблюденія же 2 и 3 февраля на томъ же берегу упомянуты только въ приложеніяхъ. Между тѣмъ, они-то именно и оказываются нынѣ вполне вѣрными, тогда какъ точность долготы, вычисленной 4 февраля, подвержена большому сомнѣнію.

Уже въ 1840 году Полковникъ Жемчужниковъ, производя съемку отъ бывшаго Акъ-Булаккаго укрѣпленія до урочища Каратамакъ, на берегу Арала, нашель послѣдній восточите, чѣмъ предполагалось по опредѣленію 4 февраля. Это побудило къ отсылкѣ изъ Оренбурга наблюденій, сдѣланныхъ 4 февраля гг. Леммомъ и Анжу, въ Казанскій Университетъ для повѣрки. Въ отзывѣ астронома-наблюдателя Казанскаго Университета Липунова, отъ 9 февраля 1844 года, изъяснено: «Для опредѣленія географической широты мѣста, оба наблюдателя слѣдовали одному способу: они брали близъ-полуденныя высоты верхняго края солнца и потомъ приводили ихъ къ полуденнымъ, основываясь на томъ, что измѣненія высотъ близъ меридіана пропорціональны квадратамъ часовыхъ угловъ. Такое предположеніе весьма близко къ истинѣ въ наблюденіяхъ г. Лемма, который сдѣлалъ въ пространствѣ 40 минутъ времени до прохожденія и 40 минутъ послѣ прохожденія солнца чрезъ меридіанъ. Наблюденія же г. Анжу начинаются довольно далеко отъ меридіана, такъ что предположеніе пропорціональности между измѣненіями высотъ и квадратами соответствующихъ часовыхъ угловъ не можетъ быть почитаемо вѣрнымъ. Для вычисленія поправки высоты при часовыхъ углахъ, довольно значительныхъ, простирающихся до 18',658, слѣдовало бы здѣсь употребить точную формулу

$$x = \frac{2 \cos \varphi \cos \delta \sin^2 \frac{1}{2} t}{\sin (\varphi - \delta) \sin 1''} - \left(\frac{2 \cos \varphi \cos \delta \sin^2 \frac{1}{2} t}{\sin (\varphi - \delta) \sin 1''} \right)^2 \frac{\cot (\varphi - \delta) \sin 1''}{2}$$

(гдѣ φ широта мѣста, которую достаточно знать приближенно, δ склоненіе и t часовой уголъ солнца), въ которой, только при весьма малыхъ часовыхъ углахъ можно приписать

$$\frac{2 \cos \varphi \cos \delta \sin^2 \frac{1}{2} t}{4}$$

вмѣсто $\sin^2 \frac{1}{2} t$.”

«Въ вѣрности средней полуденной высоты солнца, выведенной изъ наблюдений г. Анжу, можно еще сомнѣваться и потому, что наблюдения его сдѣланы только по одну сторону меридіана; а въ способъ опредѣленія широты по близь-полуденнымъ высотамъ свѣтила, главнымъ условіемъ полагается брать одинакое число высотъ до прохожденія и послѣ прохожденія чрезъ меридіанъ.»

«Быть можетъ, отъ этихъ причинъ происходитъ большая разность въ полуденныхъ высотахъ, найденныхъ г. Анжу; самая меньшая изъ нихъ $31^{\circ} 51' 10''$, 5 отъ самой большой $31^{\circ} 54' 43''$, 2 различается $32^{\circ} 7'$, между тѣмъ какъ изъ полуденныхъ высотъ г. Лемма самая меньшая $32^{\circ} 41' 39''$ отъ самой большой $32^{\circ} 41' 54''$, 5 различается только на $12''$, 5.»

«Относительно наблюдений, сдѣланныхъ для опредѣленія географической долготы мѣста, замѣтить надобно, что г. Лемма, вмѣстѣ съ наблюденіями разстояній луны отъ солнца, бралъ высоты сихъ свѣтилъ, что необходимо: во-первыхъ, для вычисленія времени изъ солнечныхъ высотъ, а во-вторыхъ, для опредѣленія истиннаго разстоянія луны отъ солнца. Г. Анжу бралъ только одни разстоянія, а высоты солнца и луны опредѣлилъ вычисленіемъ средняго времени для наблюденія. Можетъ быть, вычисленіе долготы изъ наблюдений г. Анжу было бы вѣрнѣе, еслибъ, для каждаго четырехъ или пяти взятыхъ имъ разстояній, вычислять высоты солнца и луны отдѣльно. Впрочемъ, такъ какъ разность долготъ, найденныхъ гг. Леммомъ и Анжу, заключается только въ $33''$ времени, а самый способъ опредѣленія долготы изъ разстояній луны отъ солнца такого рода, что при употребленіи его, нельзя отсчитать за вѣрность до 1 минуты времени, то я думаю, что это новое вычисленіе долготы изъ наблюдений г. Анжу, весьма долгое и затруднительное, будетъ бесполезно.»

«По этимъ уваженіямъ предпочитая наблюденія г. Лемма, я полагаю широту мѣста принять $45^{\circ} 38' 27''$ N, а долготу $3^{\circ} 53' 54''$, 3 отъ Гринвича къ востоку».

Такимъ образомъ, г. Алпуновъ призвалъ опредѣленіе долготы Лемма удовлетворительнымъ, съ возможною ошибкою до 1 минуты времени, или $15'$ по дугѣ. Эта ошибка действитель-

но обнаружена новѣйшими съемками Капитанъ - Лейтсванта Бутакова, по которымъ берегъ Аральскаго Моря на 41' въ дугъ или слишкомъ 42 верстѣ восточнѣ лагеря Полковника Берга 4 февраля 1825 года. Хотя это очертаніе берега не основано у Бутакова на астрономическомъ наблюденіи, но невозможно предположить, чтобы, при морской съемкѣ почти отвѣсныхъ береговъ, остался незамѣченнымъ заливъ, который бы долженъ круто вдаваться на 42 верстѣ въ материкъ, слѣдуя наблюденіямъ Лемма, такъ какъ разность широты лагерей 3 и 4 февраля равняется всего 4' 47"; долготы же 41'. Эта разность долготъ вмѣстѣ съ тѣмъ противорѣчитъ и путевому журналу экспедиціи Полковника Берга, изъ коего видно, что отрядъ, выступивъ 4 февраля въ 7 часовъ утра, слѣлалъ по берегу Аральскаго Моря переходъ отъ лагеря 3 февраля всего на 2 версты 273 саж., между тѣмъ какъ, соответственно наблюденію, слѣдовало бы пройти по крайней мѣрѣ 14 верстѣ.

Отъ 1826 до 1834 года нѣтъ показаній очевидцевъ объ описываемомъ нами пространствѣ. Но въ последнемъ году путь между Бухарією и Оренбургомъ былъ изслѣдованъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ: съ юга изъ Бухары прибылъ на русскую границу съ караваномъ докторъ Хонибергеръ, который, проживъ пять лѣтъ при дворѣ Рюнджигъ-Цинга, въ 1834 году возвратился въ отечество черезъ Кабуль, Балхъ, Бухару, Оренбургъ и Петербургъ; однако доселѣ нѣтъ еще подробнаго описанія его путешествій. Въ томъ же году ходилъ изъ Оренбурга въ Бухару и обратно ориенталистъ Демезонъ; весьма краткое извѣстіе о повздкѣ его обнародовано г. Савельвымъ, въ статьѣ о Бухарѣ, въ Энциклопедическомъ лексиконѣ.

Въ 1835 году отправился въ Бухару съ караваномъ, въ качествѣ путешественника, Прапорщикъ Виткевичъ. Выйдя 9 ноября изъ Орска, онъ 5 декабря переправился чрезъ Сыръ-Дарью, при урочищѣ Майли-Башъ, и 2 января 1836 года прибылъ въ Бухару; оставивъ сей городъ 13 февраля, Виткевичъ 18 апрѣля былъ обратно въ Орскъ.

Путь Виткевича замѣчателенъ тѣмъ, что караванъ, съ которымъ онъ слѣдовалъ, перейдя Яны-Дарью, составляющую, по свидѣтельству Виткевича, одно и то же съ Кизиль-Дарьєю, направился къ западу отъ обычной дороги и такимъ образомъ

описалъ отъ нея до города Вафкенда, по совершенно неизвѣстному до того пространству, полукругъ. Къ сожалѣнію, подробныхъ топографическихъ свѣдѣній объ этомъ пути не имѣется.

Есть поводъ думать, что въ 1838 году прїѣзжали въ Хиву изъ Персіи два Англичанина, — по крайней мѣрѣ слухи объ умерщвленіи ихъ были весьма гласны и подтверждены словами самаго Хана Капитану Аботу въ 1840 году; но никакихъ точнѣйшихъ свѣдѣній по сему предмету не имѣется, кромѣ указанія г. Базивера, что въ 1838 году повѣшенъ былъ въ означенномъ городѣ какой-то докторъ Фрисъ. Между тѣмъ, къ этому же времени должно относиться напечатанное въ *Magazin für die Litteratur des Auslandes* 1840 г. стр. 310, письмо не названнаго англійскаго офицера объ охотѣ, въ которой онъ участвовалъ вмѣстѣ съ Хивинскимъ Ханомъ, на берегахъ прежняго русла Аму-Дарьи. Оно весьма любопытно, именно по подробностямъ касательно послѣдняго предмета, вполне подтверждающимъ описаніе Муравьева, который, по всей вѣроятности, видѣлъ ту же часть стараго русла.

Въ 1839 году отправлены были 30 октября изъ Оренбурга съ бухарскимъ караваномъ къ тамошнему Эмиру, по желанію его, два горныхъ офицера: Маіоръ Кавалевскій и Капитанъ Геренгросъ. Но вслѣдствіе тогдашнихъ непріязненныхъ отношеній къ намъ Хивы, означенные офицеры 22 ноября отдѣлились отъ каравана на сѣверо-восточной оконечности песковъ Большіе Барсуки и направились отгуда прямо въ укрѣпленіе Акъ-Булакское; по сему дневникъ ихъ, извлеченіе изъ котораго напечатано въ Горномъ Журналѣ, не разъясняетъ разсматриваемыхъ нами мѣстъ; тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ нѣкоторую важность, по тому обстоятельству, что подтверждаетъ показаніе, сдѣланное покойнымъ Капитаномъ Романовымъ англійскому геологу Мурчисону, объ отсутствіи горной перемычки между Мугоджарами и Устюртомъ. Въ дневникѣ Кавалевскаго подъ 22 ноября записано: «Ѣхали на сѣверо-востокъ; въ правой сторонѣ оставили огромныя соленыя топи. Перѣехали рѣчку Каунджиръ и вершины Тибевя. 23 ноября, перѣхавъ Чеганъ, поднялись на Устюртъ ущельемъ, непроходимымъ для вьючныхъ верблюдовъ. Рѣка Чеганъ, какъ извѣстно, нижними частями своими касается Акъ-Булакской долины, лежащей къ за-

паду отъ Мугоджаръ; слѣдовательно, если отъ вершинъ Тибетни, на восточномъ скатѣ Мугоджаръ, можно достигнуть праваго берега Чегана, не переходя горъ, то очевидно, что Мугоджары оканчиваются съвертне.

Въ 1840 году астрономъ Васильевъ, сопровождавшій отрядъ, направленный подъ начальствомъ Генераль-Адъютанта Перовскаго противъ Хивы, весьма точно опредѣлилъ положеніе Акъ-Булакскаго укрѣпленія, недалеко отъ подножій Устиурта, и тѣмъ доставилъ важную опорную точку для приуроченія съемокъ этого пространства. Одновременно съ симъ, а именно 12 декабря 1839 г., посланъ былъ англійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Гератъ, Тодомъ, Капитанъ Аботъ въ Хиву. Онъ слѣдовалъ самую прямую дорогою изъ Мерва чрезъ степь и прибылъ въ столицу Алахъ-Кула въ началѣ января; въ первыхъ же числахъ марта 1840 г. отправился оттуда чрезъ Старый Ургенчъ, вдоль южнаго чинка къ Мангышлаку, а потомъ въ Ново-Александровское укрѣпленіе. Путешествіе Абота, изданное въ 1843 году, и приложенная къ нему карта весьма скудны географическими указаніями. При всемъ томъ, оно имѣетъ нѣкоторую важность, такъ какъ Аботъ былъ первый изъ Европейцевъ, видѣвшій Мервъ въ настоящемъ его положеніи и осмотрѣвшій прямую дорогу изъ Герата въ Хиву, равно какъ южный свѣсъ чинка, доселѣ вовсе неизвѣстный.

Аботъ, на возвратномъ пути, встрѣтился близъ Старога Ургенча, съ Киргизами, везшими въ Хиву Поручика Мухамедъ-Ширифъ-Литова. Онъ находился, по порученію Оренбургскаго начальства, въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ, на сѣверо-восточныхъ берегахъ Каспія; 12 января былъ захваченъ враждебными Киргизами; сначала отвезенъ ими въ горы Каратау близъ полуострова Бузачи, а 2 февраля, по распоряженію сына Киргизскаго Батыря Сующъ-Кары, отправленъ южною Устиуртскою дорогою на Ибрагимъ-Ата и оттуда въ Хиву. Здѣсь пробылъ онъ до конца іюли, когда отпущенъ Алахъ-Куломъ въ Россію и, проѣхавъ чрезъ Старый Ургенчъ на Караумбеть къ восточному свѣсу чинка, 18 августа 1840 года достигъ Оренбурга.

Объ этихъ поѣздкахъ Литова краткое указаніе напечатано въ Географическихъ Извѣстіяхъ 1849 г.

Вслѣдъ за Аботомъ посланъ былъ тѣмъ же Тодомъ изъ

Герата въ Хиву Капитанъ Шекспиръ, который 13 мая оставил Герата, 23 прибылъ въ Мевръ и, выйдя оттуда 27 числа, направился къ Хивѣ, но только путемъ, отклонявшимся отъ Аботова значительно на востокъ. Въслѣдствіе этого направленія, Шекспиръ 4 июня уже вышелъ на берега Аму-Дарьи, вдоль которыхъ и слѣдовалъ до 9 числа того же мѣсяца, то-есть почти до г. Питняка, откуда черезъ Хазараспъ достигъ Хивы. Я считаю долгомъ обратить вниманіе на это обстоятельство, такъ какъ оно составляетъ главную важность довольно пустого, впрочемъ, журнала Шекспира, ибо о видѣнной имъ части Аму-Дарьи мы не имѣли доселѣ свидѣтельствъ европейскихъ путешественниковъ, а распросныя свидѣнія давали поводъ предполагать, именно въ этихъ мѣстахъ, ущелья и подводныя камни, невыгодныя для судоходства. Между тѣмъ, эта важнѣйшая сторона изслѣдованій Шекспира не была доселѣ надлежащимъ образомъ оцѣнена у насъ: г. Савельевъ, въ разборѣ путешествія Базинера, не обратилъ на это вниманія; самъ же г. Базинеръ утверждаетъ, въ предисловіи къ своему сочиненію, что Шекспиръ слѣдовалъ по одному пути съ Аботомъ, что несправедливо, если даже относить эту фразу только къ возвратному пути Шекспира, такъ какъ онъ шелъ гораздо сѣвернѣе Абота, а именно не на Мангишлакъ, а прямо на Ново-Александровскъ. Нельзя не пожалѣть, что Аботъ и Шекспиръ, съ которыми были секстанты и хронометры, не сдѣлали никакихъ наблюдений надъ широтою мѣстъ, если не въ самой Хивѣ, гдѣ это могло быть опасно, то по крайней мѣрѣ на дорогѣ. Сверхъ того, не могу умолчать о хвастовствѣ Шекспира, будто онъ выкупилъ пленныхъ, возвращенныхъ Хивинскимъ Ханомъ въ Россію въ 1840 году. Здѣсь неумѣстно было бы представлять подробныя доказательства совершенной несправедливости этого утвержденія; къ тому же они были-бы излишни, такъ какъ слѣдившимъ за средне-азіятскими происшествіями въ началѣ прошедшаго десятилѣтія извѣстна положительная невѣрность показанія Шекспира; возразить же противу него я счелъ долгомъ только потому, что оно два года тому назадъ перешло безъ замѣчаній даже въ книгу, изданную въ Россіи *.

* Штукенбергъ, Географ. т. IV. ст. 222.

Въ апрѣль мѣсяцъ 1840 же года осмотрѣна средняя полоса сѣверной части Устюрта, по направленію котораго, по всей вѣроятности, шелъ караванъ Рукавкина въ 1753 году, а именно: отрядъ подъ начальствомъ Полковника Бизанова, въ сопровожденіи Генеральнаго Штаба Штабсъ-Капитана Рехенберга, отправясь отъ сѣверныхъ частей Эмбы, изошелъ на Устюртъ по оврагу Карасай и, послѣ 60 верстѣ слѣдованія на югъ, достигъ песковъ Шамъ, откуда возвратился назадъ; наконецъ, въ томъ же 1840 году съемочный отрядъ, подъ начальствомъ Генераль-Маіора Жемчужникова, достигъ до сѣверо-западнаго угла Аральскаго Моря, близъ урочища Каратамакъ, и сообщилъ первыя положительныя свѣдѣнія о пространствѣ между устьевъ рѣкъ Четырлы, Актыкенъ, заливомъ Князя Чернышева и западную окраину Большихъ Барсуковъ.

Слѣдующій 1841 годъ былъ весьма важенъ для успѣховъ географіи сѣверо-западной части Средней Азій: 3 мая этого года выступили изъ Оренбурга двѣ миссіи: въ Хиву подъ начальствомъ Капитана Никифорова, и въ Бухару подъ начальствомъ Маіора Бутенева. Къ первому прикомандированъ былъ упомянутый выше Поручикъ Аитовъ; ко второму Коллежскій Ассессоръ Ханьковъ, естествоиспытатель Леманъ, горный офицеръ Богословскій, и, сверхъ того, къ обоимъ нѣсколько топографовъ; наконецъ, до Сыръ-Дарьи сопровождалъ миссію съемочный отрядъ, подъ начальствомъ Подполковника Бларенберга. Экспедиція слѣдовала вверхъ по рѣкѣ Илеку, чрезъ вершины рѣки Ори, къ рѣкѣ Иргизу, внизъ по его теченію до урочища Аиръ-Кизыла, и оттуда чрезъ пески Каракумъ къ Сыръ-Дарьѣ, которой достигла 5 іюня. Здѣсь экспедиція раздѣлилась на три части: Полковникъ Бларенбергъ пошелъ обратно, чрезъ озера Аксакаль Барбы, вверхъ по рѣкѣ Тургаю до урочища Карсакъ-Баши, — дальѣ чрезъ степь на рѣку Иргизъ и мимо вершинъ этой рѣки въ Орскую крѣпость; Поручикъ Романовъ, отдѣлившись отъ главнаго отряда уже при переходѣ чрезъ Мугоджары, шелъ сначала вдоль восточнаго свѣса ихъ, потомъ къ заливу Перовскаго, по сѣверо-восточному берегу Арала до устья Сыра, вверхъ по этой рѣкѣ до Коканской крѣпостцы Кошъ-Курганъ, и обратно по лѣвому берегу рѣки Тургаю и по рѣкамъ Кабыргъ, Улькюлку и Кумаку въ Орскую крѣпость. Капитанъ Ни-

кифоровъ, перейдя съ Хивинскимъ посольствомъ рѣку Сырь при переправѣ Аманъ-Уткуль, слѣдоваль сначала на Хивинскую крѣпостцу Джанъ-Кала, далѣе вверхъ по Куванъ-Дарьѣ и оттуда на юго-востокъ къ городу Кипчаку, нѣсколько южнѣе пути Муравина за 400 лѣтъ передъ тѣмъ.

Въ самомъ Ханствѣ приведены Никифоровымъ въ известность маршруты: отъ г. Хивы до Ташауза, Гурлена (чрезъ Казавадъ) до Явы-Ургенча, Ханковъ и Хазараспа; отъ Ташауза до Кипчака, Куны Ургенча (чрезъ Иль-Аллы) и до Айбугира (чрезъ Бульдумсазъ). На возвратномъ пути, однимъ изъ топографовъ снятъ маршрутъ отъ Айбугира до Ново-Александровскаго укрѣпленія, Литовымъ отъ Айбугира же до Оренбурга по восточному берегу Арала и мимо бывшаго Акбулакскаго укрѣпленія, наконецъ самимъ Никифоровымъ отъ Айбугира до крѣпости Сарайчиковской. Выйдя изъ Ташауза 2 ноября, Никифоровъ прибылъ въ Сарайчиковскую крѣпость 28 числа того же мѣсяца, а Литовъ въ Оренбургъ 11 декабря.

Не менѣе дѣятельны были одновременныя изслѣдованія Русскихъ въ Бухаріи: отдѣлясь отъ Хивинской миссіи при Сырь-Дарьѣ, Бутеневъ поднялся выше по рѣкѣ до урочища Майли-башъ, гдѣ, переправившись чрезъ нее, слѣдоваль обыкновеннымъ караваннымъ путемъ въ Бухару, куда прибылъ въ концѣ августа. Въ началѣ сентября, состоявшіе при Бутеневѣ Ханьковъ, Леманъ и Богословскій отправлены были въ Самаркандъ. Изъ сего послѣдняго Богословскій проходилъ почти до вершинъ Заревшанской долины, или древней Согдіаны, то-есть до горъ Каратау; Н. Ханьковъ же возвратился чрезъ Карши въ Бухару, откуда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1842 года миссія отправилась обратно.

Изслѣдованія эти остались не безплодны для науки: результаты съемоковъ Бларенберга и составленная въ поясненіе къ нимъ записка Романова отчасти обнаружены въ статьѣ Н. Ханькова о народонаселеніи Киргизскихъ степей и въ приложенной къ ней картѣ. Маршруты Никифорова послужили основаніемъ картѣ Хивы, изданной первоначально въ 1845 году въ Берлинѣ Циммерманомъ, подъ именемъ Базиверовской, а впоследствии приложенной самимъ г. Базиверомъ къ его путешествію.

Относительно Бухарскаго Ханства, напечатано полное географическое описаніе Н. Ханыковымъ, геогностическія и климатологическія замѣтки г. Бутеневымъ, и, сверхъ того, ожидается изготовленный уже г. Гельмерсеномъ къ печати дневникъ Лемана.

Гораздо безуспѣшнѣе были изслѣдованія одного англійскаго путешественника, обѣщавшія весьма важные результаты для науки, а именно Коноли. Онъ уже въ 1830 году пытался проникнуть въ Хиву изъ Астрабада, но долженъ былъ возвратиться послѣ нѣсколькихъ дней пути. Черезъ 10 лѣтъ, то-есть осенью 1840 года, Коноли достигъ однако же Хивы, гдѣ и пробылъ до іюня 1841 года, затѣмъ пробрался въ Коканъ и осенью того же года возвратился въ Бухару; но здѣсь въ 1842 году погибъ, вмѣстѣ съ отечественникомъ своимъ Стодартомъ. Бумаги ихъ, въ числѣ коихъ находились астрономическія наблюденія Коноли, истреблены, и только одно показаніе его передано намъ Н. Ханыковымъ въ Описаніи Бухарскаго Ханства.

1842 годъ доставилъ важныя географическія дополненія къ изслѣдованіямъ Никифорова. Для довершенія начатыхъ имъ переговоровъ въ Хивѣ, отправленъ былъ туда Полковникъ Данилевскій. Выступивъ изъ Оренбурга 1 августа, онъ, следуя по восточному берегу Арала, 19 октября прибылъ въ Хиву, проведя предварительно нѣсколько времени въ Ташаузѣ, а 31 декабря того же года отправился оттуда чрезъ Кипчакъ, Кунградъ къ юго-западному углу Арала. Сверхъ того, въ половинѣ ноября мѣсяца, находившійся вмѣстѣ съ Данилевскимъ натуралистъ Базинеръ посланъ былъ первымъ въ Хазараспъ, для поднесенія подарковъ Инаху. Эта поѣздка, равно какъ путь миссіи въ Хиву и обратно до г. Кипчака, могли только служить къ повѣркѣ маршрутовъ Никифорова; но отъ послѣдняго герода до Кунграда и дагѣе до Аральскаго Моря изслѣдовано вновъ весьма важное пространство, оставленное Никифоровымъ въ пробѣлѣ. Сверхъ того, распросы Данилевскаго и Базинера дали имъ возможность пополнить личныя свои наблюденія значительною массою новыхъ свѣдѣній, изъ коихъ часть уже обнародована Базинеромъ, другая же печатается въ Запискахъ нашего Общества. На основаніи таковыхъ распросовъ, Базинеръ означилъ на изданной имъ картѣ, а Данилевскій упоминаетъ въ своемъ опи-

сані, будто озеро Деукара, подобно Айбугирскому, почти сливается съ Аральскимъ Моремъ. Но это показаніе кажется мнѣ весьма неправдоподобнымъ, такъ какъ оно опровергается маршрутомъ Гладышева, новѣйшими распросами объ этомъ протранствѣ кочевавшихъ тамъ Киргизъ и, наконецъ, изслѣдованіями юго-восточнаго берега моря, произведенными въ 1849 г. Поспѣловымъ, который не замѣтилъ слѣдовъ подобнаго залива.

Въ соображеніяхъ своихъ объ измѣненіи Аму-Дарьюе прежняго теченія, Данилевскій приводитъ лишь одно преданіе Хивинцевъ; но въ пискѣ его ко мнѣ изъ Хивы, полученномъ въ Римѣ въ 1843 году, онъ рассказываетъ два другихъ преданія, изъ которыхъ одно замѣчательно тѣмъ, что представляетъ впервые намекъ самихъ Азіятцевъ на измѣненіе русла рѣки землетрясеніемъ; а потому и считаю неизлишнимъ привести здѣсь слова Данилевскаго въ подлинникъ:

«За недостаткомъ лучшаго, я долженъ ограничиться сообщеніемъ вамъ хивинскаго преданія касательно измѣненія Аму-Дарьюе своего русла. Осматривая въ Куль-Ургенчѣ развалины, близъ прежняго теченія рѣки, я слышалъ это преданіе отъ одного муллы, надзирающаго за развалинами и служащаго при гробѣ какого-то положеннаго здѣсь магометанскаго хаджи.»

«Вотъ въ точности рассказъ муллы:

«600 лѣтъ тому назадъ (прежде всего, я долженъ предупредить васъ, что у Хивинцевъ въ употребленіи лишь два историческія эры: 600 лѣтъ или вчера; и такъ—) 600 лѣтъ тому назадъ, когда Хива называлась еще не этимъ именемъ, а Харезмомъ, Аму-Дарья текла на западъ въ сторону Коблы и вливалась въ море Астраханское. Великолѣпные города росли по берегамъ рѣки; но краше и больше всѣхъ былъ Старый Ургенчъ; а потому Шахи Харезмскіе избрали его своею столицею. Властвовавшій въ то время Государь имѣлъ много дочерей прекрасныхъ и любимыхъ имъ; но прекраснѣе и возлюбленнѣе всѣхъ между ними была Дашша Турубья, которую Шахъ избралъ опорой своей старости и повѣренной своихъ заботъ. Посвящая все время на ласки своей дочери, онъ день за днемъ забывалъ болѣе и болѣе правительственныя обязанности, а Харезмцы же

опасались бдствія. Между тѣмъ, оир было близко. Въ шести суткахъ верховой ѣзды къ западу, кочевали Калмыцкія орды, управляемыя Бараханомъ. Онъ уже давно съ завистью слышалъ о роскоши и богатствѣ въ Кунь-Ургенчѣ, и ожидалъ лишь благопріятной минуты для вторженія. Минута эта наконецъ наступила. Калмыки нахлынули на столицу Харезма, и голова Шаха пала подъ выгнутымъ клинкомъ Барахана. Вскорѣ затѣмъ онъ узналъ о необычайной красотѣ Ханьши Турубьи и, соблазненный ею, отправилъ къ Княжю визиря своего съ богатыми подарками и предложеніемъ раздѣлить Ханское ложе. Но Турубья съ негодованіемъ отвергла дары, присовокупивъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ вступить въ бракъ съ убійцею отца ея. Велѣдъ затѣмъ, созвавъ вѣрныхъ подданныхъ, она повелѣла имъ завалить все входы во дворецъ и оставить ее одну въ немъ. Черезъ три дни и три ночи, по исполненіи этого повелѣнія, въ часъ третьей молитвы правобѣрныхъ и подземный гулъ, глухими и продолжительными раскатами, навелъ трепеть на жителей. Ему послѣдовала страшная затишь, — и вдругъ земля дрогнула; вершина великолѣпнаго Ургенческаго минарета обрушилась; воды Амударьи поднялись какъ горы, и рѣка, сверхъестественною силою отброшенная къ востоку, залила цвѣтушія и обработанныя части Харезма, и потекла къ Аралу. . . .

«Разскащикъ мулла показалъ мнѣ комнату, гдѣ послѣдовала кончина Ханьши, и завалившійся минаретъ, какъ неопровержимыя подтвержденія подлинности преданій.»

Отъ 1842 до 1846 года не было новыхъ добавленій къ географическимъ даннымъ, относительно разсматриваемаго нами пространства; но послѣдній годъ принесъ зато разомъ весьма важныя улучшенія картографіи этихъ мѣстъ, вслѣдствіе командированія въ Киргизскую степь Подполковника Лемма, который на пространствѣ между Орскою крѣпостью, устьями Сыра и горами Улугтау, опредѣлилъ 99 астрономическихъ пунктовъ, изъ коихъ 23 расположены либо на сѣверо-западномъ берегу Арала, либо на правомъ берегу Сыра и въ сѣверной половинѣ нижней долины ея.

Въ 1817 году произведена на 55 верстахъ подробная съемка устьевъ рѣки Сыра.

Въ 1848 и 1849 годахъ окончена съемка береговъ Аральскаго моря гг. Бутаковымъ и Посьпеловымъ.

Въ 1850 г. изслѣдованы пески Барсуки и сѣверное прибрежье Арала.

Такова сумма географическихъ данныхъ, пріобрѣтенныхъ европейскими наблюденіями. Хотя мы можемъ считать себя въ этомъ отношеніи богатыми, сравнительно съ познаніями, имѣвшимися лѣтъ 25 тому назадъ, однако далеко еще не все приведено этими разысканіями въ точную извѣстность; а потому многое необходимо дополнять распросами, догадками и критическимъ примѣненіемъ древнѣйшихъ показаній.

Эти источники уже издавна обращали на себя вниманіе ученыхъ географовъ. Видзень, при второмъ изданіи извѣстнаго своего сочиненія: Сѣверная и Восточная Татарія, включилъ туда много подобныхъ распросныхъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ или, вѣроятно, по благорасположенію къ нему Петра Великаго. Это нѣсколько дополнено было въ IX томѣ Всеобщей исторіи путешествій, безъ означенія, впрочемъ, источниковъ. Черезъ 43 лѣтъ послѣ того, издано Русскою Академіею сочиненіе трудолюбиваго Рычкова: Оренбургская топографія, гдѣ къ доступно извѣстнымъ фактамъ присовокуплено много любопытныхъ распросныхъ свѣдѣній. Въ 1785 году обнаружены приведенныя въ порядокъ трудами Георга бумаги, оставшіяся послѣ академика Фалька, который 31 марта 1774 года застрѣлился въ Казани, по окончаніи шестилѣтняго путешествія по Россіи. Въ 4-мъ томѣ этого собранія есть также нѣсколько распросныхъ свѣдѣній и, между прочимъ, маршрутъ изъ Оренбурга въ Хиву, гдѣ, при описаніи города Кунь-Ургенча, упоминается о разграбленіи его Калмыцкимъ Ханомъ и о находящихся тамъ гробницахъ магометанскаго хаджи Шейхъ-Рейбирота, равно какъ Ханьши Турумы, то-есть вѣроятно Турубинъ, къ которой относится преданіе, сообщенное мнѣ Данилевскимъ 70 лѣтъ поздые.

Въ томъ же 1785 году обнаружены 2-й Т. Историческаго описанія россійской коммерціи, Чулкова; но свѣдѣнія, въ немъ заключающіяся, составляютъ буквальное повтореніе сказаннаго Рычковымъ.

Между тѣмъ, съ развитіемъ правильной администраціи на границахъ Оренбургскаго края и Западной Сибири, начали все болѣе и болѣе накопляться тамъ распростиры данныя о Средней Азійи. Древнѣйшія изъ нихъ имѣютъ теперь преимущественно историческую, а не географическую важность.

Гораздо любопытнѣе для насъ распросы, собранныя въ теченіе нынѣшняго вѣка, какъ потому, что они точнѣе и отчетливѣе, такъ по болѣе возможности исправлять и повторять ихъ сравненіемъ съ вновь собранными точными свѣдѣніями о Средней Азійи. Показанія эти могутъ быть раздѣлены на двѣ главные категоріи: одни заключаютъ въ себѣ общія историческія и статистическія обозрѣнія Хивы, Туркменіи и Киргизъ-Кайсаковъ; другія—подробныя топографическія свѣдѣнія и маршруты. Перваго рода данныя находятся во многихъ путешествіяхъ по Азійи, въ особенности же у Муравьева, Мейендорфа, Фрезера и Борнса; во изъ нихъ ничего нельзя извлечь для картографіи. Гораздо важнѣе для нея данныя втораго разряда. Многіе подобныя распросныя маршруты изданы были Квинейромъ, Клапротомъ, Мейендорфомъ, Сеньковскимъ, Спасскимъ и Гумбольтомъ; но все они относятся до дорогъ либо изъ Западной Сибири въ Китайскій Туркестанъ, Коканъ и Бухару, либо туда же изъ Персіи, то-есть именно не касаются разсматриваемой нами мѣстности. Между тѣмъ, объ ней имѣются также богатые распросныя матеріалы. Основаніе имъ положено въ Оренбургѣ, бывшемъ тамъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка, Начальникомъ Таможни Величко; но преимущественно обязана географія въ этомъ отношеніи Предсѣдателю Оренбургской Пограничной Коммисіи Григорію Федоровичу Генсу. Прибывъ на службу въ Оренбургъ также въ первые годы настоящаго столѣтія, въ качествѣ Инженернаго ошцера и съ отличныимъ университетскимъ образованіемъ, Генсъ неоднократно былъ посылаемъ въ степь, а въ 1815 году сопровождалъ экспедицію къ свинцовымъ горамъ; вслѣдствіе чего составилъ весьма отчетливое обозрѣніе совершенно неизвѣстнаго тогда пространства между Тоболомъ и Тургаемъ; въ 1818 году онъ былъ употребленъ для приведенія въ порядокъ архива Оренбургской Пограничной Коммисіи, что ознакомило его съ имѣвшимися прежними данными о Средней Азійи, а вслѣдъ за тѣмъ Генсъ назначенъ Пред-

свидетелем этой Комиссiи, чѣмъ и оставался въ продолженiе сличномъ 20 лѣтъ.

Во все это время, будучи въ непрерывныхъ сношенiяхъ со всеми прiѣзжавшими въ Оренбургъ Азiятцами, купцами и путешественниками, онъ не упускалъ ни одного случая обратиться это на пользу географiи и, спрашивая каждого, извлечь изъ него всевозможныя свѣдѣнiя о знакомыхъ ему странахъ; послѣ чего эти показанiя либо просто записывались въ дневникъ, либо излагались въ видѣ особыхъ записокъ. Нѣкоторыя изъ этихъ записокъ изданы гг. Беромъ, Гельмерсеномъ и Далемъ; другiя имѣются въ копияхъ; но мелкiя дневныя замѣтки, сколько мнѣ извѣстно, существуютъ только въ подлинникѣ. Сынъ покойнаго Генса, во время пребыванiя своего въ Петербургъ въ 1816 году, сказалъ мнѣ, что онъ намѣренъ составить изъ нихъ систематическiй сводъ; но черезъ два года этотъ молодой человекъ самъ погибъ отъ холеры въ Оренбургѣ.

Важнѣйшiя распросныя свѣдѣнiя, собранныя Генсомъ, заключаются въ слѣдующихъ статьяхъ :

1818 года. Показанiя купца Гоголина о Бухарѣ.

1819 года. Показанiя оренбургскаго мѣщанина Якова Петрова, находившагося въ плѣну въ Хивѣ и Бухарѣ съ 1787 по 1819 годъ.

1821 года. Показанiя солдатскаго сына изъ Желѣзинской крѣпости Ларiона Кашлева, находившагося въ плѣну въ Бухарѣ съ 1775 по 1821 годъ.

1822 года. Показанiя о Бухарѣ Еврея Дезерцева.

1822 года. Показанiя о Бухарѣ Бухарца Атарифа-Галлѣева.

1822 года. Маршруты, составленные по рассказамъ Татарина Абзялила Варкiена.

1824 года. Свѣдѣнiя о Бухарѣ, Кокандѣ и вообще о средне-азiятской торговлѣ, составленные изъ распросовъ Казаискаго Татарина Муртазы Фейзулина, неоднократно посѣщавшаго поминимованныя страны въ продолженiе 1807 — 1823 годовъ.

1826 года. Показанiя о Хивинскомъ Ханствѣ вышедшаго изъ плѣна асраханскаго мѣщанина Матвея Ковырзина.

въ лучшихъ похвалъ для него можетъ служить то, что покойный Генсъ, величайшій знагокъ Киргизскихъ Степей и киргизскаго быта, въ сдѣланныхъ имъ замѣчаніяхъ на первый томъ этого сочиненія, которыя выходятся въ рукописи, не открылъ ни одного большого промаха. Карта, приложенная къ сочиненію г. Левшина, первоначальное составленіе которой принадлежитъ бывшему Оберъ-Квартермистру Оренбургскаго корпуса Тимофѣеву, была въ 1830 годахъ самое полное и добросовѣстное выраженіе имѣвшихся тогда свѣдѣній о сѣверо-западной части Средней Азіи, соединяя въ себѣ карты Муравьева, Мейендорфа, результаты экспедицій г. Берга 1823 и 1825 годовъ, и изслѣдованій, произведенныхъ съ Сибирской Ливніи.

Позднѣе Левшина, въ числѣ критико-ученыхъ сочиненій, разсматриваемой нами мѣстности, заслуживаютъ быть упомянутыми: разсужденія Циммермана о Средней Азіи, статья о Киргизскихъ Степяхъ Н. Ханькова и образцовое твореніе Барона Гумбольдта *Asie Centrale*.

Во всемъ имъ приложены карты; лучшая изъ нихъ, по свойству самыхъ матеріаловъ, на которыхъ основана, есть карта Н. Ханькова. Но кромѣ того она не простирается южнее устья Сыръ-Дарьи; въ нее не вошли многія, имѣющіяся данныя, такъ такъ во время составленія сей карты, между Мугоджарами и Ураломъ не было еще сплошной съемки, предпринятой тамъ съ 1843 года и доведенной уже на югъ до рѣки Эмбы. За Мугоджарами не производилось еще астрономическихкихъ опредѣленій, сдѣланныхъ Леммомъ въ 1846 году, и съемокъ многочисленныхъ полосъ степи, совершенныхъ въ томъ же, равно какъ 1847 и 1850 годахъ, разными отрядами. Наконецъ, Аральское Море извѣстно было съ точностію лишь въ тѣхъ небольшихъ пространствахъ сѣвернаго берега, концы которыхъ были релативосцированы Жемчужникова и Пларенберга въ 1840 и 1841 году, ибо полная съемка этого моря произведена Бугаковымъ только въ 1848 и 1849 годахъ, равномерно и съемки Ивана отъ Тюбъ-Карагана до Александръ-Бая, и Жеребцова въ Карабугазскомъ заливѣ сдѣланы позднѣе. Вслѣдствіе сего, означенная карта въ сѣверо-западной половинѣ своей не полна, а въ юго-восточной во многихъ отношеніяхъ негодна.

Тытъ не ментѣ, она значительно лучше близко предшествовавшей ей карты Циммермана *Entwurf des Kriegs-Theaters Russlands gegen China*, не только потому, что Н. Ханьковъ могъ воспользоваться многими, недоступными Циммерману матеріалами, но такъ какъ послѣдній не употребилъ даже всѣхъ обнаруженныхъ до 1839 года данныхъ, другія же примѣнья не удачно

1) Въ главномъ основаніи карты, въ спискѣ астрономическихъ пунктовъ, приводя несколько опредѣленій, не имѣющихъ никакой достовѣрности, какъ напримѣръ: Дженкинсона, или положенія мѣсть на картахъ Кирилова и де Гебелевымъ однометрическимъ измѣреніямъ. Циммерманъ въ то же время вовсе не руководствуется астрономическими пунктами, изданными Шубертомъ еще въ 1826 году, и наблюденіями Демма, напечатанными въ Запискахъ Военно-Топографическаго Депо въ 1837 году. Изъ послѣднихъ ему извѣстно ища произведенное 4 февраля, на западномъ берегу Арала, но здѣсь онъ ошибается на 53", не говоря уже о томъ, что выбираетъ изъ всѣхъ опредѣленій 1826 года по несчастію то, которое именно одно оказывается, въ слѣдствіе новѣйшихъ изысканій, непримѣнимымъ. Это незнаніе достовѣрныхъ источниковъ заставляетъ Циммермана прибѣгать къ ненадежнымъ отчето даже въ положеніи важнейшихъ пунктовъ, какъ напримѣръ: Астрахани, Сарайчиковской, Каймыковской, Орской; — у него встрѣчаются ошибки.

2) Руководствуясь для Каспійскаго Моря картою Колодкина, онъ вовсе не принялъ въ соображеніе изданной уже въ 1834 году карты Васильева, а потому Мертвый-Култукъ, полуостровъ Бузачи, заливъ Камакъ и Тюбъ-Караванскій облусуровъ у Циммермана не только не улучшены, сравнительно съ Колодкинымъ, но даже искажены произвольными ивмненіями. Что касается до берега моря дѣляемъ къ югу, то за ошибочность его нельзя упрекать Циммермана, такъ какъ онъ не могъ руководствоваться рекогносцировками ни Каролина въ 1836 году, ни Иванна въ 1844 году, ни Жеребцова въ 1847 году.

3) Наконецъ 3) даже тѣ матеріалы, которыми воспользовался Циммерманъ, мало послужили ему для развѣденія мѣстности; сѣтъ рѣчь составить еще лучшую сторону карты, если только исключить несущескую зрѣлку мѣстности

отъ Эмбы, рѣку Уджалъ, впадающую въ Аральское Море и т. п. Но даже въ гидрографической части есть непоятныя ошибки, такъ напримѣръ: Эмба впадаетъ еще на картѣ двумя большими рукавами въ Каспій, между тѣмъ какъ она давно не достигаетъ береговъ его; система Урала соединена водянымъ путемъ съ системою Эмбы, посредствомъ *какого-то канала Бити-Шона*, который связываетъ будто-бы Талдышъ и Узунъ-Темиръ, въ действительности же есть *тропинка*, протянутая между вершинами сихъ рѣкъ на картѣ Левшина; равномерно вершины рѣки Тебена связаны съ какими-то лѣвыми притокомъ Эмбы Кара-Акента у подножія Айрюка; верхняя часть долины Эмбы на полградуса отнесена западнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, Вѣтъ же большую часть надписей составляютъ исковерканныя татарско-русскія слова, *не имѣющія рѣшительно никакого смысла*: спрашивается, какую пользу могутъ принести — Чивандъ Хюзмонность, Посто-Эба, Бараидъ-Гильджи, Тутундипашаиски и тому подобныя, выставленныя безъ всякаго знака, который бы пояснялъ смыслъ этихъ словъ, или сопровождаемыя знакомъ, противнымъ настоящему смыслу названій, какъ напримѣръ; знакомъ колодца, когда татарское слово Куль, стоящее въ надписи, означало озеро; въ особенности же, къ чему употреблены подписи, для самаго картографа очевидно составившія іероглифы, какъ на примѣръ: Nazivaem Uro Maloi Barzduk; въ этой фразѣ не только западный Европеецъ, но и Русскій кое-что не узнаетъ: урочище, называемое Малые Барсуки; а если бы и угадалъ, то это нисколько не послужило бы ему къ объясненію, что подъ онымъ должно разумѣть гряду песковъ. Подобное щегольство наборомъ непоятныкъ названій только обманываетъ толпу читателей на счетъ действительной бѣдности географическихъ данныхъ.

Гораздо лучше позитивная карта Циммермана Туркменія и Хавы, подъ заглавіемъ *Uebersichtsblatt zur Darstellung des Gebirges und unteren Laufes des Oxus*, такъ какъ она ограничивается здѣсь означеніемъ урочищъ, известныхъ съ достаточною вѣроятностію, именно: южный берегъ Арала и низовья Аму-Дарьи нанесены съ очерка карты Данилевскаго, дошедшей въ Берлинъ подъ именемъ Базинеровской. Къ югу отъ Читанки сделано весьма полезное дополненіе нанесеніемъ пути Шек-

опира вдоль Аму-Дарыи; но къ сожалѣнію, маршрутъ этотъ, равно какъ и Абботовскій, не продолжены до Мерва и до Герата. Къ западу отъ Аму нанесенъ путь Конопли и Муравьева, но послѣдній также не полный; наконецъ, юго-восточный берегъ Каспія изображенъ по свѣдѣніямъ, доставленнымъ Карелинымъ и Бларенбергомъ въ 1836 году; которыя сообщены были Генераль-Адъютантомъ Перовскимъ Барону Гумбольдту въ 1842 году. Тогда, впрочемъ, не имѣлось еще въ виду астрономическихъ опредѣленій этой экспедиціи, почему островъ Огурчиискій показанъ слишкомъ стверно, равно какъ входъ въ Гассанъ-Куланскій заливъ.

Заливъ Хивинскій нанесенъ Циммерманомъ также согласно съ предположеніями Карелина, который его, впрочемъ, не посещалъ, равно какъ ни одинъ изъ мореплавателей на Каспій, исключая Путятина въ 1844 г.; но въ разсужденіи, приложенномъ къ картѣ, этотъ заливъ подалъ поводъ къ заключеніямъ, обнаруживающимъ, съ какою опрометчивостію дѣлаются иногда ученые выводы. Г. Циммерманъ, на стр. 466, говоритъ: «Eine alte Karte, die ich in der berühmten und vollständigsten Karten-Handlung in Europa von Simon Schropp et Comp. hieselbst antraf: Provinciarum Persicarum Kilaniae, nempe Chirvaniae, Dagestaniae aliarumque vicinarum regionum partium nova geographica tabula, ex itineralio celeberrimi olim Adami Olearii aliisque recentioris geographice adminiculis desumpta a J. B. Homanno S. C. M. Geographie ejusque Filio 1728—giebt merkwürdiger Weise den Schlüssel zur Zeichnung der Ostküsten des Caspischen Meeres in Kolodkin's See-Atlas 1822 dieses Meeres, der auf Aufnahmen gegründet sein soll. Man findet den Chivensischen Golf ganz so eingetragen wie dort... Seit 1728 datirt sich also die bedeutende Verkleinerung des Chivensischen Golfes, nicht seit 1820, wie ich nach Kolodkin's Karte geglaubt hatte; denn das war mir nicht im Traume eingefallen, dass im grossen russischen Seeatlas hundert Jahre alten Karten, welche in den Längen ganz falsch sind, blos copirt sind.» Я не знаю, въ какой мѣрѣ рядокъ въ Германіи атласъ Гоммана, но могу только сказать, что еще гораздо прежде, чѣмъ г. Циммерманъ отыскалъ одинъ листъ этого атласа въ лучшей германской лавкѣ картъ, я уже давно имѣлъ полный экземпляръ, чрезъ петербургскихъ букинистовъ, за весьма дешевую

дствъ. Тамъ, действительно, находится карта, приводимая Циммерманомъ; только въ ней Хивинскій Заливъ несколько другого вида, чѣмъ у Колодкина; а потому уже одно это должно бы воздержать берлинскаго картографа отъ обвиненія Колодкина въ подложномъ замѣтвованіи изображенія береговъ Каспія съ карты 1728 года; но есть еще убѣдительнѣйшія уваженія, которыя побуждали къ тому же. Въ предисловіи къ своему атласу, г. Колодкинъ прямо и добросовѣстно указываетъ, откуда взято имъ изображеніе Хивинскаго Залива, именно говорить: «Заливъ же Хивинскій, *высезенъ съ карты Г. Гильденштеда*, и на одной только его картѣ помѣщенъ, а на всѣхъ прочихъ въ семь мѣствъ берега оставлены не соединенными». И такъ, вся вина Колодкина въ томъ, что онъ положился на карту Гильденштеда 1774 года, а не предпочелъ болѣе правдивыя изображенія русскихъ картографовъ. Эта цитата естественно рождастъ другой вопросъ: какимъ образомъ г. Циммерманъ, такъ часто ссылающійся на атласъ Колодкина, не знаетъ вышеприведенныхъ строкъ предисловія къ атласу и, если, какъ весьма вѣроятно, видѣлъ изъ всего атласа одну общую карту, то по какому праву возводитъ столь оскорбительныя подозрѣнія на человека, который посвятилъ 17 лѣтъ возможно точному изображенію Каспія? Что же касается до вывода г. Циммермана, — будто изъ того, что Хивинскій Заливъ Колодкина взятъ у Гоммава, слѣдуетъ, что этотъ заливъ началъ усыхать съ 1728, а не съ 1820 года, — то подобное заключеніе принадлежитъ къ числу парадоксовъ недостойныхъ науки. Въ Хивинскомъ Заливѣ до 1814 г. никто изъ Европейцевъ еще не былъ, а потому и всѣ изображенія его совершенно произвольны; омертави же Гоммава предшествовало даже изслѣдованіямъ Бековича и Кожина, какъ видно изъ того, что Красноводекаю коса представлена островомъ; следовательно относится къ эпохѣ, когда волею не было подобныя данныхъ о восточномъ берегу Каспія. Какъ же можетъ подобное *безпочвенное показаніе шриберговскаго торговаго порта* служить основаніемъ для ученыхъ заключеній объ убыли воды въ Каспійскомъ Морѣ?

Карта Хивинскаго Ханства, изданная г. Базиеромъ, есть собственно уменьшенная копія съ карты, составленной Гитеріемъ Давилевскимъ изъ рекогносцировокъ топографовъ, се-

проводивших покойнаго Никифорова и самаго Данилевскаго. Къ этому г. Базинеръ придалъ только северную часть Арапскаго Моря съ карты Н. Ханыкова и нанесъ свой маршрутъ по западному берегу Арама. Главная заслуга Базинера состоитъ въ томъ, что онъ расположилъ карту по градусамъ; но и это не было трудомъ самостоятельнымъ, ибо приуроченіе городовъ Хапства къ разнымъ широтамъ и долготамъ сдѣлано не по соображенію маршрутовъ Никифорова и Данилевскаго съ астрономическими опредѣленіями Лемма, а просто принятымъ за широту и долготу Хивы тѣхъ предположеній, которыя господствовали въ Оренбургѣ по сему предмету до 1846 года; сверхъ того, на картѣ далеко не обозначены всѣ астрономическіе пункты, имѣвшіеся уже до изданія ея, а именно: изъ Леммовскихъ опредѣленій 1825 года приведено одно, между тѣмъ какъ Базинеръ долженъ бы навести таковыхъ три; изъ коихъ два выпущены гораздо важнѣе, чѣмъ нанесенное. Изъ наблюденій же 1846 года приведено всего два, тогда какъ ихъ следовало бы навести 4. Если бы г. Базинеръ исполнилъ это, то, впрочемъ, избѣгнулъ бы замѣчанія, которое встрѣчаемъ у него на счетъ карты Н. Ханыкова 1845 года; онъ говоритъ:

« Von Orenburg bis hierher hatten wir nach unsern Hodometer-Messungen etwas über 603 Werst zurückgelegt; in gerader Linie beträgt aber die Entfernung dieser beiden Punkte nach der neuesten Karte der Kirgisen Steppe, welche durch das Journal des Ministeriums des Innern im Jahre 1845 veröffentlicht worden ist, etwa 555 Werst. Hieraus folgt, dass wir im ganzen nur eine Krümmung von 48 Werst, oder auf 100 Werst in gerader Linie nur einen Umweg von etwas über 8½ Werst gemacht haben, was mir eine viel zu geringe Zahl zu sein scheint, um nicht gegen die Richtigkeit der genannten Karte einigen Zweifel zu hegen.»

Между тѣмъ, точки, служащія предѣлами намѣренія, опредѣлены на картѣ астрономически, такъ какъ входъ на Устюртъ г. Базинера лежитъ на одной параллели съ Акъ-Булакскимъ укрѣпленіемъ и не можетъ быть болѣе одного градуса восточнѣе этого укрѣпленія; следовательно, естественнѣе было, нежели усомниться въ вѣрности собственнаго одометрическаго (всегда не безошибочнаго) промѣра, чѣмъ карты, основанной на астрономическихъ измѣреніяхъ.

Не смотря на все это, пока съёмки Никифорова и Данилевскаго не были изданы подробно и не приурочены къ градусамъ отчетливѣе, чѣмъ у Базинера, его карта Хивинскаго Ханства оставалась лучшимъ изображеніемъ этого рода.

Карта Бухарскаго Ханства Н. Ханыкова, для долинь Зарешана и Шахри-Сабза, равно какъ для северо-западной окраины Ханства, заслуживаетъ предпочтеніе предъ всеми прочими, такъ какъ никто въ новѣйшее время не имѣлъ возможности лучше изучить этихъ долинь, чѣмъ означенный путешественникъ, здѣвшій въ одно время съ нимъ покойный Леманъ, г. Богословскій и сопровождавшій ихъ топографъ. Въ изображеніи юго-восточной части Ханства встрѣчаемъ только нѣкоторыя дополненія по дорогѣ изъ Карши въ Гисаръ; затѣмъ долина Аму изображена совершенно тождественно съ Борсомъ; а къ северо-востоку отъ Гисара даже менѣе подробностей чѣмъ у Борса.

Общая карта Средней Азіи Циммермана нѣрвдко обильнѣе подробностями послѣдней и значительно отличается отъ бывшихъ предъидущихъ; но 1) эта разность основана на гадательныхъ выводахъ изъ разпачащенныхъ источниковъ, безъ подробнаго указанія данныхъ, служившихъ основаніемъ для этихъ выводовъ; 2) около Бадакшана эта карта, будучи основана на опредѣленіяхъ Іезуитовъ 1759 г. разнится отъ карты Вуда на 30 шир. и почти на 2° долготы.

Такова сумма матеріаловъ, которыми я пользовался для изготовленія составленной мною карты.

Въ заключеніе, мнѣ остается лишь сказать, какимъ образомъ я употребилъ эти матеріалы.

Въ северной и южной частяхъ карты не встрѣчалось затрудненій: Аральское Морѣ, пространство къ северо-востоку отъ него, т. е. въ Сыръ-Дарьёю, и къ северо-западу, т. е. по северному чинку, расположены на основаніи астрономическихъ опредѣленій Лемма, Васильева и Бутакова. Западный Хорасанъ, Мервъ и Персидское Ханство изображены по астрономическимъ же наблюденіямъ Фризера, Борса и Лемма. Число этихъ основныхъ данныхъ, какъ обнаружывается нижеслѣдующая таблица, довольно значительно, и хотя въ Бухарскомъ Ханствѣ доселѣ нѣтъ ни одного достовѣрнаго долготнаго опредѣленія, однако же большой невѣрности въ долготѣ Бухары предвидѣть нельзя.

№	Название мѣстъ.	С. Шир.	Долгота отъ Фер- ро.	Имя наблюдателя. Время наблюденія, способъ определе- нія долготы.
	Бывшее укрѣпленіе Акь-Булакъ	47° 4' 57"	75° 29' 39"	Васильевъ 1840 г. Дун. кульминац.
1	Лагерь Берга 11 февраля 1826 года.	46° 25' 25"		Леммъ 1826 г.
2	Юж. бер. входъ въ зал. Чубарь-Тараузъ.	46° 44' 42"	78° 10' 35"	Бутаковъ 1848 49 г. Хрон.
3	Косъ Аральскій постъ	46° 4' 47"	78° 41' 20"	Бутаковъ 1848 — 49 г. Дун. кульм.
4	Пирамида близъ пад. р. Сыръ-Дарья	46° 3' 23"	78° 48' 59"	Леммъ 1846 г. Хро-
5	Р. Сыръ-Дарья при впад. въ Лиманъ	46° 3' 32"	79° 0' 42"	Леммъ 1846 г. Хрс- ном.
6	Съвер. конецъ Ли- манъ	46° 8' 42"	79° 0' 23"	Леммъ 1846 г. Хрон.
7	Р. Сыръ-Дарья	46° 2' 33"	78° 50' 56"	Леммъ 1846 г. Дун.
8	Р. Сыръ-Дарья	46° 6' 54"	79° 14' 8"	Леммъ 1846 г. Дун.
9	Колодець Куль-Ку- дукъ	46° 57' 41"	79° 20' 29"	Леммъ 1846 г. Хрон.
10	Плотина Аробогудъ.	46° 9' 36"	79° 2' 42"	Леммъ 1846 г. Дун.
11	Южи. оконечн. полу- острова Раимъ	46° 4' 49"	79° 26' 56"	Леммъ 1846 г. Хрон.
12	Могила Джуль-Пасъ.	46° 41' 32"	79° 28' 54"	Леммъ 1846 г. Хрон.
13	Тальбе-Гуть	46° 0' 30"	79° 29' 41"	Леммъ 1846 г. Хрон.
14	Колод. Алты-Кудукъ.	46° 50' 25"	79° 30' 41"	Леммъ 1846 г. Хрон.
15	При озеръ Каммыш- лы-Башъ	46° 14' 54"	79° 3' 33"	Леммъ 1846 г. Хрон.
16	Колодець-Сапакъ	46° 28' 43"	79° 39' 41"	Леммъ 1846 г. Хрон.
17	Колод. Акъ-Шаблакъ.	46° 40' 20"	80° 8' 8"	Леммъ 1846 г. Хрон.
18	Колод. Сорго-Кудукъ.	46° 48' 33"	80° 11' 51"	Леммъ 1846 г. Хрон.
19	Колод. Токобай	46° 54' 7"	80° 15' 50"	Леммъ 1846 г. Хрон.
20	Колод. Морунъ-Ку- дукъ	46° 46' 57"	80° 15' 57"	Леммъ 1846 г. Хрон.
21	Колодець Акай	46° 29' 40"	80° 21' 44"	Леммъ 1846 г. Хрон.
22	Колодець Бурмашъ.	46° 37' 32"	80° 25' 35"	Леммъ 1846 г. Хрон.
23	Лаг. Берга 21 янв. 1826 г. около кол. Чурухъ	45° 3' 49"		Леммъ 1826 г.
24	Лаг. Берга 2 февр. 1826 г. около Аральск. Моря	45° 26' 15"	76° 43' 51"	Леммъ 1826 г. Дун. разстоян.

№	Название мѣсть.	С. Шир.	Долгота отъ Фег- го.	Имя наблюдателя, время наблюденія, способъ определе- нія долготы.
25	Лаг. Берга 3 фев. 1826 г. около Аральск. Мор.	45°36'41"	76°19'16"	Леммъ 1826 г. Луи. разстоян.
26	Мысъ Узунъ-Каиръ.	45°46'3"	76°57'20"	Бутакъвъ 1848 — 49 г. Хроном.
27	Озеро Айсерикъ.	45°58'44"	79°38'35"	Леммъ 1846 г. Хрон.
28	Топографическая точ- ка	45°49'25"	79°55'17"	Леммъ 1846 г. Хрон.
29	Р. Сыръ-Дарья.	45°45' 8"	80° 0' 5"	Леммъ 1846 г. Хрон.
30	Уроч. Майли - Башъ на р. Сыръ-Дарья.	45°48'11"	80°17' 0"	Леммъ 1846 г. Хрон.
31	Уроч. Кара-Тюбя на р. Сыръ-Дарья.	45°42' 0"		Тафасевъ 1820 г.
32	Лагерь Берга 28 янв. 1826 г.	44°58'50"		Леммъ 1826 г.
33	Лаг. Берга 30 янв. 1826 г. близъ Арал. Моря.	44°56'17"		Леммъ 1826 г. Бутакъвъ 1848 —
34	Мысъ Акъ-Тумеукъ.	44°36' 1"	75°58'23"	49 г. Хроном.
35	Остр. Беллингаузенъ	44°35'35"	76°35'47"	Бутакъвъ 1838 — 49 г. Хроном.
36	Южная бухта остров. Николай	44°59' 4"	76°56'30"	Бутакъвъ 1848 — 49 г. Хроном.
37	Мысъ Кунганъ - Сап- данъ.	44°52'43"	79°26'20"	Бутакъвъ 1848 — 49 г. Хроном.
38	Уроч. Каракъ на р. Куванъ-Дарья.	44°52' 3"		Тафасевъ 1820 г. Бутакъвъ 1848 —
39	Мысъ Акъ-Суатъ	43°42'41"	76° 1'42"	49 г. Хроном. Бутакъвъ 1848 —
40	Остр. Ермоловъ.	43°43'23"	77°58' 6"	49 г. Хроном.
41	Бухара	39°48'41"		Тафасевъ 1820 г.
		39°43'41"		Борнсъ 1832 г.
		39°46' 0"		Стодартъ и Н. Ха- никовъ 1844 г.
42	Мирабадъ	39°21'51"		Борнсъ 1832 г.
43	Чаджуй	39° 0'30"		Борнсъ 1832 г.
44	Бульгое	38°39'21"		Борнсъ 1832 г.
45	Хорошо	37°6' 55"	74°35'36"	Леммъ 1839 г. Хрон.
46	Товаръ	37°18'27"	74°40'21"	Леммъ 1839 г. Хрон.
47	Фирuze	37°21'35"	75° 1'36"	Леммъ 1839 г. Хрон.

№	НАЗВАНІЕ МѢСТЪ.	С. Шир.	Долгота отъ Ферро.	Имя наблюдателя, время наблюденія, способъ опредѣленія долготы.
48	Буджнурдъ	37°29'25"	74°53'59"	Фрлзеръ 1832 г. <i>Хрон.</i>
		37°29'13"	75° 6'21"	Леммъ 1839 г. <i>Хрон.</i>
49	Ширванъ	37°24' 6"	75°42' 6"	Леммъ 1839 г. <i>Лун. кульм.</i>
50	Кабушанъ	37° 9' 5"	75°55'53"	Фрлзеръ 1822 г. <i>Хрон.</i>
		37° 8' 4"	76°10'21"	Леммъ 1839 г. <i>Хрон.</i>
51	Ходжа-Абдула . .	37°36'45"	.	Борнсъ 1832 г.

Но затѣмъ остается цѣлая полоса между $39\frac{1}{2}^{\circ}$ и $43\frac{1}{2}^{\circ}$, т. е. въ 400 верстѣ ширины, на пространствѣ которой нѣтъ ни одного астрономическаго опредѣленія, не только долготы, но даже и широты мѣстъ. Между тѣмъ, въ этой полосѣ лежитъ вся съемка Хивинскаго Ханства и здѣсь же оканчиваются, именно у Хивы, почти все имѣющіеся маршруты; а потому хотя они и начинаются отъ астрономическихъ пунктовъ, но необходимо, для окончательной постановки съемки и маршрутовъ, опредѣлить положеніе Хивы.

На изданныхъ, въ теченіе послѣднихъ 100 лѣтъ, картахъ, Хива поставлена подъ слѣдующими градусами.

Имена составителей картъ.	С. Шир.	Долгота отъ Ферро.
Муравинъ 1741 года	40° 35'	78° 40'
Томсонъ 1741 года	38° 27'	80° 41'
Панснеръ 1816 года	40° 40'	77° 28'
Ароусмитъ 1818 года	41° 46'	75° 40'
Позняковъ 1825 года	40° 40'	77° 29'
Мейендорфъ 1826 года	41° 36'	78° 40'
Левшинъ 1831 года	41° 42'	78° 5'
Эйхвальдъ 1834 года	40° 30'	77° 40'

ИМЕНА СОСТАВИТЕЛЕЙ КАРТЪ.	С. Шир.	Долгота отъ Ферро.
Борнсъ 1834 года	41° 27'	76° 58'
Вильдъ 1839 года	41° 24'	77° 41'
Абботъ 1813 года	41° 40'	77° 40'
Гумбольдтъ 1843 года	41° 40'	77°
Циммерманъ 1844 года	41° 45'	77° 50'
Мурчисонъ 1845 года	41° 44'	77° 55'
Базинеръ 1848 года	41° 5'	77° 55'

Мы не будемъ входить въ разсмотрѣнiе положенiя Хивы на картахъ, предшествовавшихъ Гумбольдтовой, какъ потому, что давняя, руководствовавшiя прежнихъ картографовъ, неизвѣстны, такъ и по весьма вѣроятной произвольности ихъ образа дѣйствiй. Постановка Хивы на картахъ, изданныхъ послѣ 1840 года, зависѣла отъ выбора двухъ различныхъ указанiй на этотъ счетъ, сдѣлавшихся извѣстными въ то время. Съ одной стороны, розысканiя и соображенiя, произведенныя въ Оренбургѣ до поѣздокъ Пикифорова и Данилевскаго въ Хиву, укоренили тамъ мнѣнiе, что означенный городъ долженъ лежать подъ 41° 5' сѣверной широты и 77° 55' долготы отъ Ферро. Съ другой стороны, Абботъ и Шекспиръ, посѣщавшiе Хиву, присвоили ей широту 41° 20'; Ароусмитъ же въ картѣ, приложенной къ путешествiю Аббота, принявъ, неизвѣстно почему, для Хивы 41° 40' сѣверной широты и 77° 40' долготы отъ Ферро.

Оренбургское опредѣленiе, сдѣлавшееся извѣстнымъ въ Европѣ изъ маленькой карты, сообщенной Генералъ-Адъютантомъ Перовскимъ Александру Гумбольдту въ 1842 году, принято безусловно г. Базинеромъ; опредѣленiе же Ароусмита перешло на карту Барона Гумбольдта, только съ уменьшенiемъ долготы на 40'. Циммерманъ, который въ текстъ своего разсужденiя склоняется въ пользу показанiй Аббота и Шекспира, на приложенной къ этому разсужденiю картѣ показываетъ Хиву подъ 41° 45' широты и 77° 55' долготы, т. е. допускаетъ среднее число между оренбургскимъ и англiйскимъ показанiями.

Основанiемъ первому служили главнымъ образомъ два маршрута, Муравина и Муравьева. — Первый весьма подробенъ

дасть румбы всѣхъ направленийъ пути; но неизвѣстно, какимъ способомъ измѣрялись разстоянія.

У Муравьева также даны румбы перваго пути; но измѣреніе его основано на разсчетѣ верблюжьяго хода, который принимается за 4 версты въ часъ; тотъ же разсчетъ принять и Макартнеемъ. Но уже Вольней опредѣлялъ часовой ходъ верблюда въ 3 съ небольшимъ версты; Борнсъ же, дѣлавшій по сему предмету подробныя изслѣдованія, нашель, что верблюдъ караваннымъ ходомъ дѣлаеть въ часъ не болѣе 3 версты 142 сажень. По этимъ соображеніямъ, всѣ разстоянія Муравьева нужно сократить по крайней мѣрѣ на 350 саж. для каждаго 4 верстѣ, что первоначально не принималось въ разсчетъ.

Относительно же примѣненія маршрута Муравина, слѣдуетъ замѣтить, что онъ, по чрезмѣрной длинѣ своей, можетъ служить нѣкоторымъ руководствомъ къ опредѣленію Хивы только отъ Сыръ - Дарьи. Между тѣмъ, когда въ Оренбургѣ посредствомъ этого маршрута отыскивали положеніе Хивы, на нижнихъ частяхъ Сыра имѣлась только широта урочища Кара - Тюба, новѣйшія же, точныя опредѣленія устьевъ этой рѣки еще не были сдѣланы.

Посему Оренбургское предположеніе о широтѣ и долготѣ Хивы, принятое Базинеромъ, *не имѣеть прочнаго основанія.*

Что касается до англійскаго опредѣленія, то широта въ немъ, показанная Абботомъ, основана на приблизительномъ исчисленіи лошадинаго хода отъ Мерва; долгота же, равно какъ измѣненіе широты, допущенное Ароусмитомъ, *досель ничемъ не оправданы.*

Для опредѣленія положенія Хивы, я имѣлъ пять *глазопри снятыхъ маршрутовъ къ этому городу отъ астрономическихъ пунктовъ*, именно: отъ устьевъ Сыръ - Дарьи при урочищѣ Аманъ - Уткуль, отъ Ново - Александровскаго укрѣпленія (коего широта опредѣлена Карелинымъ), отъ Сарайчиковской крѣпости, отъ Мыса Аксуата чрезъ Айбугиръ и отъ того же мыса чрезъ Кунградъ.

Главнымъ основаніемъ принять мною *последній маршрутъ*, какъ кратчайшій и прямѣйшій. При этомъ получены для Хивы: широта та же, что у Ароусмита, т. е. $41^{\circ} 40'$; но долгота на 1° восточнѣе, а именно $78^{\circ} 40'$ отъ Ферро, т. е. выводъ почти одина-

новой съ положеніемъ, даннымъ сему городу Муравинимъ въ 1742 г. и Лапи въ 1826 г., на картѣ къ путешествію г. Мейендорфа.

Между Хивою и южнымъ берегомъ Арала расположена имою вся рекогносцировка Ханства, въ томъ видѣ, какъ она имѣется, и къ означенному же городу сведены всѣ маршруты.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	страницъ.
I. Отчетъ Общества за 1849 годъ	1.
II. Описаніе Аральскаго моря, Генеральнаго Штаба штабсъ-капитана <i>Макшеева</i>	30.
III. Описаніе Хивинскаго Ханства, Генеральнаго Штаба полковника Данилевскаго	62.
IV. Свѣдѣнія о Дикокаменныхъ Киргизахъ, доставленныя отъ Генераль-Губернатора Западной-Сибири .	140.
V. Обзоръ тригонометрическихъ работъ въ Россіи, Корпуса Топографовъ капитана <i>Максимова</i>	154.
VI. Нѣсколько климатическихъ данныхъ, относящихся къ городу Харькову , Профессора Императорскаго Харьковскаго Унивѣрситета <i>Липшица</i>	199.
VII. Второе присужденіе статистической преміи, учрежденной коммерціи-сѣтъникомъ <i>Жуковымъ</i>	230.
VIII. Пояснительная записка къ картѣ Аральскаго Моря и Хивинскаго Ханства, съ ихъ окрестностями, составленная <i>Я. В. Ханыковымъ</i> . (Д.Ч.О.)	268. ←

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО
ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

КНИЖКА VI,

ИЗДАННАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. И. ПОПОВА,

ДѢЙСТВ. ЧЛЕНА ИМП. РУССК. ГЕОГР. ОБЩЕСТВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ Типографіи II Отд. Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

1852.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ. 1852 года.

Ценсоръ Н. Пейкеръ.

О ГЕОГРАФИЧЕСКИХ СВѢДѢНІЯХЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

ГЛАВА I.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ НА РУСИ

ВЪ IX, X, XI И XII СТОЛѢТІЯХЪ ДО 1100 ГОДА.

Географическія свѣдѣнія на Руси начались едва ли не въ одно время съ преданіями историческими. Несторъ, древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ лѣтописцевъ, уже на первыхъ листахъ своего повѣствованія представляетъ многія географическія свѣдѣнія, которыя онъ ни откуда не могъ почерпнуть, какъ только изъ домашнихъ, отечественныхъ источниковъ, и которыя ясно показываютъ, что наши предки о памяти о самихъ себѣ не отдѣляли воспоминаній какъ о своей землѣ, такъ и о другихъ странахъ, извѣстныхъ имъ по слуху, или какъ очевидцамъ. Иначе сказать: на Руси, въ древнее время, преданія историческія, въ памяти народа, шли рука-объ-руку съ преданіями географическими. Въ этомъ отношеніи наши предки, нѣкоторымъ образомъ, походили на древнихъ Грековъ, у которыхъ Геродотъ былъ первымъ историкомъ и первымъ географомъ. Въ нашемъ народѣ, осѣломъ и въ то же время странствующемъ, то для завоеваній, то для торговли, это и не могло быть иначе: осѣлость вызывала въ немъ любовь къ родной землѣ, привязанность къ ней и желаніе узнать ее поближе, торговля и военныя странствованія развивали любопытство и охоту къ познанію другихъ странъ. Странникъ, возвращаясь домой, рассказывалъ обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ на чужбинѣ. Разказы сіи, необходимые для новыхъ странствованій, быстро распространялись въ народъ и мало-по-малу составляли народныя географическія преданія, которыя, постепенно возобновляемыя и расширяемыя новыми странствителями, переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе и потомъ, вмѣстѣ съ историческими преданіями, вносились лѣтописцемъ въ его сказанія.

Лучшимъ и наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ сему служить Несторова Лѣтопись, которая прямо начинается историко-географическими преданіями о раздѣленіи земли между сыновьями Ноя; здѣсь извѣстія географическія, съ перваго же разу, распадаются на два отдѣла: на иноземный и отечественный, домашній. О странахъ, неизвѣстныхъ нашимъ древнимъ предкамъ, Несторъ черпаетъ свѣдѣнія изъ Греческихъ Хронографовъ; страны же, болѣе или менѣе знакомыя древней Руси, описываетъ по своимъ домашнимъ источникамъ: по преданіямъ и разговорамъ бывалыхъ людей. Въ настоящее время мы оставимъ въ сторонѣ первый отдѣлъ, до насъ неотносящійся, и пересмотримъ второй, свидѣтельствующій, какія географическія свѣдѣнія Несторъ могъ получить дома, не прибѣгая къ Греческимъ книгамъ.

Исчисливъ разныя страны по Греческимъ Хронографамъ, Несторъ во второмъ отдѣлѣ своихъ географическихъ извѣстій говоритъ: «Афету же яшась до Понетскаго моря на полнощныя страны, Дунай, Днѣстръ, и Кавкаскіи горы рекше Угорски, и отудѣ даже и до Днѣпра, и прочая рѣки: Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Волга, яже идетъ на востокъ въ часть Симву. Въ Афетовѣ же части сѣдять: Русь, Чудь и вси языцы: Меря, Мурома, Вель, Морьдва, Заволочская Чудь, Пермь, Печера, Ямь, Угра, Литва, Зимьгола, Корсь, Сѣтьгола, Любь; Ляховѣ же и Пруси, Чудь присѣдять къ морю Варяжскому; по сему же морю сѣдять Варязи сѣмо ко вѣстоку до предѣла Симва, по тому же морю сѣдять къ западу до землѣ Агнянски и до Волошски; Афетово бо и то колѣно: Варязи, Свели, Урмане, Готѣ, Русь, Агняне, Галичане, Волхьва, Римляне, Нѣмци, Корлязи, Вендици, Фрягове и прочіи; даже присѣдять отъ запада къ полуденю и сѣдяться съ племянемъ Хамовымъ»⁽¹⁾: Ни одного изъ сихъ извѣстій Несторъ не могъ получить отъ Грековъ, ибо о многомъ, здѣсь описанномъ, они вовсе не знали, а многое называли не такъ, какъ названо здѣсь. Несторъ же, кромѣ Грековъ, не имѣлъ другихъ чужеземныхъ источниковъ; слѣдовательно всѣ географическія свѣдѣнія, здѣсь имъ изложенныя, почерпнуты на Руси отъ Русскихъ бывалыхъ людей; свѣдѣнія же сіи болѣе или

(1) Лавр. стр. 2. Полн. Собр. Лѣт. Т. I.

менше объемяютъ не только Россію, но и всю Европу. И такъ Русскіе въ XI вѣкѣ, а вѣроятно и прежде, знали всю Европу; но знаніе сіе было, такъ сказать, береговое, т. е. Русскимъ были знакомы только берега Европы отъ Балтійскаго до Чернаго Моря; внутренность этой страны имъ была мало извѣстна, какъ это уже довольно ясно видно изъ выше приведеннаго Несторова очерка, гдѣ преимущественно означены только береговые народы: Прусы, Чудь, Варяги, Свен, Урмане, Готы, Русь, Агняне и проч. Но это еще осязательнѣе доказывается слѣдующимъ Несторовымъ же описаніемъ пути въ Грецію и изъ Греціи: «Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Двѣпру, и верхъ Двѣпра волокъ до Ловати, по Ловати внити въ Илмерь озеро великое, изъ него же озера потечетъ Волховъ и вѣтечетъ въ озеро великое Нево, того озера видеть устье въ море Варяжское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а отъ Царюгорода прити въ Понтъ море, въ не же втечетъ Двѣпръ рѣка» (*). И такъ настоящій и главный источникъ географическихъ свѣдѣній о Европѣ для древней Руси заключался въ морскомъ пути въ Грецію около береговъ цѣлой Европы. И этотъ путь былъ самый древній, его указали нашимъ предкамъ Норманны, у которыхъ онъ былъ извѣстенъ подъ наименованіемъ *austur-vigi* и *vester vigi*. Слѣдовательно географическія свѣдѣнія о береговой Европѣ распространились у насъ съ водвореніемъ Варяговъ или Норманновъ сперва въ Новгородѣ, а потомъ въ Кіевѣ, и дошли до Нестора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ записалъ въ своей лѣтописи прямо изъ устъ народа, у котораго они не умирали, постоянно время отъ времени возобновляясь разсказами новыхъ странствователей, которые, можетъ быть до половины XII вѣка, не переставали кружить по морямъ, проѣзжая изъ Россіи въ Грецію, или изъ Греціи черезъ Россію къ берегамъ Балтійскаго Моря. Она даже съ водвореніемъ Варяго - Руссовъ на Русь успѣли отыскать себѣ и другой путь по Западной Двинѣ, о которомъ также есть свидѣтельство у Нестора: «Тѣмъ же и изъ Руси можетъ ити по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима до племени Хамова» (*). И такъ, основываясь на ясныхъ и определенныхъ свидѣтельствахъ Нестора, мы, не обвинясь, можемъ

(*) Лавр. стр. 3. (*) Тамъ же.

сказать, что Русскіе въ XI, а можетъ быть и въ IX вѣкѣ, имѣли географическія свѣдѣнія о приморскихъ берегахъ всей Европы, и даже знаемъ вѣрно, что свѣдѣнія сіи приобрѣтались именно морскими путешествіями въ Грецію, которыя нашимъ предкамъ указаны поселившимися на Руси Норманнами или Варягами, отчаянными морскими странствователями въ началѣ среднихъ вѣковъ.

Но не одна береговая Европа была знакома древнимъ Руссамъ; они посѣщали и предѣлы Азіи, и также оставили нѣкоторыя географическія замѣтки о сей странѣ, о чемъ ясное свидѣтельство тоже находимъ у Нестора, который, описывая течение Волги, говоритъ: «Изъ того же (Оковскаго) лѣса потече Волга на востокъ и втечетъ семьдесятъ жерель въ море Хвалысьское. Тѣмъ же и изъ Руси можетъ ити въ Болгары и въ Хвалысы, на востокъ дойти въ жребій Сямовъ» (*). Что это извѣстіе чисто Русское, домашнее, а не заимствованное гдѣ нибудь, изъ другихъ или третьихъ рукъ, на это мы имѣемъ ясныя свидѣтельства у Арабскихъ писателей: Якутъ, въ своемъ географическомъ словарѣ, приводитъ отрывки изъ доведеніи Ибнъ-Фозлана, изъ которыхъ видно, что въ X вѣкѣ въ Хазарской столицѣ Итилѣ, стоявшей при устьяхъ Волги, находились цѣлыя слободы Русскихъ купцовъ. А Истахри даже говоритъ, что Руссы плавали по самому Каспійскому морю и въ первые годы X вѣка ограбили Ширванъ, притомъ очевидно были тамъ не мимоходомъ, ибо у Ширванскихъ береговъ сообщали свое имя одному острову, который въ X вѣкѣ у Арабскихъ писателей и былъ извѣстенъ подъ именемъ *Джезиретъ аль-Русіе*.

Съ географическимъ извѣстіемъ о теченіи и устьяхъ Волги неразрывно соединены свѣдѣнія о Волжскихъ Булгарахъ, Буртасахъ, Хозарахъ и Хвалысахъ; ибо если Руссы въ X вѣкѣ плавали по Волгѣ и Каспійскому морю и торговали въ Булгарѣ и Итилѣ, то необходимо должны были имѣть какія либо географическія свѣдѣнія и о тамошнихъ странахъ. Но Несторъ объ этомъ говоритъ нѣсколько позднѣе, а потому и мы не считаемъ себя въ правѣ забѣгать напередъ, и обратимся къ географическимъ извѣстіямъ о самой Россіи и о Черномъ Морѣ, упоминаемымъ у Нестора въ IX столѣтіи. По свидѣтельству Нестора,

(*) Лавр. стр. 3.

какъ мы уже видѣли въ вышеприведенной выпискѣ въ его лѣтописи, Русскіе звали устья Дуная и теченіе Днѣстра, Днѣпра, Десны, Припяти, Двины, Волхова и Волги. Потомъ въ другомъ мѣстѣ онъ же упоминаетъ о теченіи Полоты, Семи, Сулы, Ловати, о Сожѣ, Окѣ и Бугѣ, а также объ озеряхъ: Бѣлоозерѣ, Ильмерѣ, Невѣ и Клецинѣ. И не ограничивается однимъ упоминаніемъ названій, но съ нѣкоторыми подробностями указываетъ на поселенія и города разныхъ племенъ, жившихъ по берегамъ сихъ рѣкъ и озеръ. Такъ, по его свидѣтельству, по Дунаю, Бугу и Днѣстру даже до Чернаго Моря жили Дулебы, Вельняне, Улучи и Тиверци. «Дулеби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Вельняне, а Улучи и Тиверци сядяху по Днѣстру, присѣяху къ Дунаеву; бѣ множество ихъ, сѣдаху по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне» (*). А по Днѣпру, Припяти, Двинѣ и Ильменю жили Поляне, Древляне, Дреговичи, Полочане и Славяне Ильменскіе. «Также и ти Словяне пришедше и сѣдаше по Днѣпру, и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсахъ; а друзіи сѣдоша между Припятью и Двиною, и нарекошася Дреговичи; нѣи сѣдоша по Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, именемъ Полота. Славяне же сѣдоша около озера Ильмера, прозвашася своимъ именемъ, и сѣдлаша градъ и нарекоша в Новгородъ» (*). Слѣдуя въ верхъ по Двинѣ Несторъ доходитъ до верховьевъ Волги и Днѣпра и указываетъ на жилища Кривичей. «Кривичи сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; туда бо сѣдять Кривичи» (*). Далѣе, перебравшись на лѣвый берегъ Днѣпра, онъ говоритъ о поселеніяхъ по Деснѣ, Семи, Сулѣ, Сожѣ и Окѣ. «А друзіи (Словѣни) сѣдоша по Деснѣ и по Семи и по Сулѣ и нарекошася Сѣверъ» (*). «Радимичи и Вятичи отъ Ляховъ. Бясто бо два брата въ Лясѣхъ, Радимъ, а другій Вятко; и пришедша сѣдоша: Радимъ на Сѣзю, прозвашася Радимичи, а Вятко сѣдѣ съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи» (*). Потомъ, идя по теченію Оки въ Волгу, указываетъ на жилища Муромы, Черемисы и Морлавы. «По Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Муромы языкъ свой, и Черемиса свой языкъ, Морлава свой языкъ» (*). Перешедши на лѣвый берегъ Оки къ сѣверу, онъ указываетъ жилища Мери и

(* Лавр. стр. 5. (*) Тамъ же 3. (7) Тамъ же 5. (8) Тамъ же 3. (9) Тамъ же 5. (10) Тамъ же.

Веси: «на Бѣлозерѣ сѣдять Веси, а на Ростовскомъ озерѣ Меря, и на Клещивѣ озерѣ Меря же». ⁽¹¹⁾ И далѣе въ глубокомъ сѣверѣ и на западъ къ Балтійскому Морю находятъ поселенія Перми, Печоры, Ями, Литвы, Зимголы, Корси, Норовы и Либи: «А се суть нини языци, пже дань дають Руси: Чудь, Пермь, Ямь, Литва, Зимгола, Корсь, Норова, Либи; си суть свой языкъ имуще, отъ колѣна Афетова, иже живуть въ странахъ полувоцныхъ ⁽¹²⁾».

Всѣ сія географическія свѣдѣнія собственно о земляхъ, бывшихъ въ соединеніи съ Русью, очевидно были народными преданіями, хорошо извѣстными Русскимъ племенамъ Славянъ еще въ IX вѣкѣ; ибо Несторъ говоритъ о нихъ въ самомъ началѣ своего повѣствованія, еще не приступая собственно къ Русской исторіи, которая у него начинается съ призванія Варяжскихъ князей въ 862 году. Но не объ однихъ своихъ земляхъ знали Русскія племена Славянъ; между ними ходили географическія свѣдѣнія о жилищахъ и другихъ Славянскихъ племенъ. Такъ, по свидѣтельству того же Нестора, они знали о жилищахъ Дунайскихъ Славянъ, о Моравіи, Чехіи, Сербіи, о Хорватахъ, Хорутанахъ и Ляхахъ. «По мнозѣхъ временѣхъ сѣли суть Словени по Дунаеву, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска, отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше, на которомъ мѣстѣ: яко пришедше на рѣцѣ именовемъ Морава и прозвашася Морава, а друзіи Чеси нарекошася; а се ти же Словѣни Хорвате Бѣли, и Серебъ и Хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и населящемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове же друзіи Лутичи, нини Мозовшане, нини Помаряне ⁽¹³⁾».

Начавши собственно Русскую исторію съ 862 года, Несторъ приводитъ частію новыя географическія свѣдѣнія, заимствованныя собственно изъ домашнихъ источниковъ, частію повторяетъ прежнія. Такъ, при Рюрикѣ, говоритъ о городахъ: Ладогѣ, Новгородѣ, Изборскѣ, Полоцкѣ, Ростовѣ, Бѣлозерѣ, Муромѣ и Кіевѣ. «И избрашася 3 брата съ роды своими и придоша; старѣйшій Рюрикъ сѣдѣ въ Ладогѣ, а другій Синеусъ на Бѣлозерѣ, а третій Изборскѣ Труворъ,—и раздая мужемъ своимъ

¹¹⁾ Лавр. стр. 5. ⁽¹²⁾ Тамъ же ⁽¹³⁾ Лавр. стр. 3.

грады, оному Полотескъ, оному Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находницы Варязи; а первім населенцы въ Новѣгородѣ Словѣне, Полотьски Кривичи,» и пр. (11). При Олегѣ у него являютя еще новыя извѣстїя о Русскихъ городахъ; такъ, при описанїи Олегова похода къ Кіеву, кромѣ Смоленска упоминается Любечъ, стоявшїй на Днѣпрѣ ниже Смоленска; потомъ, при заключенїи мира съ Греками, говорится о городахъ Черниговѣ и Переяславѣ (12). Далѣе, при Игорѣ, говоритъ о новыхъ кочевьяхъ Печенѣговъ въ степяхъ, прилежащихъ къ Черному Морю и Дунаю; о морскомъ пути Руссовъ въ Константинополь по Днѣпру и, придерживаясь западныхъ береговъ Чернаго Моря, мимо устьевъ Дуная (13). И наконецъ, въ договорѣ съ Греками, упоминаетъ о Корсунской странѣ, объ устьяхъ Днѣпра и вообще о сѣверномъ берегѣ Чернаго Моря и близъ-лежащихъ островахъ. «А о Корсунтѣй странѣ: елико же есть городовъ на той части, да не имать Великій Князь Русскїй, да воюетъ на тѣхъ странахъ Аще обрѣщеть въ устьѣ Днѣпрскомъ Русь Корсуныя рыбы ловяща, да не творять имъ зла никакоже. И да не имѣють власти Русь зимовати въ вустѣ Днѣпра, Бѣльбережи, ни у святаго Елѣрья» (14). Рассказывая о княженїи Ольги, Несторъ входитъ въ нѣкоторыя географическія подробности, преимущественно о Русской землѣ; такъ, напримѣръ, говоря о посольствѣ Древлянъ, довольно отчетливо описываетъ мѣстность Кіева: «и присташа (послы) подъ Боричевымъ въ лоды. Бѣ бо тогда вода текуща вдоль горы Кіевскїя, и на Подольи не сѣлаху людье, но на горѣ; градъ же бѣ Кіевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордѣтинъ и Никифоровъ, а дворъ княжъ баше въ городѣ, идѣже есть нынѣ дворъ Воротиславъ и Чудинъ, а перевѣснищи бѣ внѣ града, и бѣ внѣ града дворъ другїи, идѣже есть дворъ Демьстиковъ, а за св. Богородицею надъ горою дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ камень» (15). Говоря о походѣ Ольги въ Древлянскую землю, упоминаетъ, что тамъ были города, изъ которыхъ главнїй называетъ Коростенемъ; потомъ, рассказывая о дани, наложенной на Древлянъ, говоритъ, что часть этой дани должна идти Вышгороду; и наконецъ, описывая путешествие Ольги по областямъ, сообщаетъ по-

(11) Лавр. 9. (12) Лавр. 13. (13) Лавр. 19. (14) Лавр. 22. (15) Лавр. 23.

вые географическія свѣдѣнія о Новгородской сторонѣ, указывая на тамошнія рѣки Мсту и Лугу и на Новгородскій пригородъ Псковъ: «Иде Волга Новугороду и уставы по Мьстѣ повосты и данн, и по Лугѣ оброки и данн; ловища ея суть по всей земли, знаменья и мѣста и повосты, и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне (19).»

Въ княженіе Святослава у Нестора преимущественно встрѣчаются географическія свѣдѣнія о земляхъ, бывшихъ въ предѣлахъ тогдашней Руси, и особенно на юговостокъ и на югозападъ. На юговостокъ свѣдѣнія его идутъ вслѣдъ за походами Святослава къ Дону, гдѣ былъ Казарскій городъ Бѣлая Вѣжа, и къ Кавказскимъ Горамъ, гдѣ жили Ясы и Касоги: «Иде Святославъ на Казары . . . и бывши брани одолѣ Святославъ Козаромъ и градъ ихъ Бѣлувѣжю взя; Ясы побѣди и Касоги» (20). На югозападѣ, при описаніи Святославова похода въ Дунайскую Болгарію, встрѣчаются новыя географическія извѣстія о Днѣпровскихъ порогахъ, которые въ это время были заняты Печенѣгами, и о Болгарскихъ городахъ Переяславцѣ на Дунаѣ и Доростолѣ. Но особенно много географическихъ свѣдѣній сообщаетъ Несторъ при описаніи княженія Владиміра Святославича, и преимущественно о часто Русскихъ мѣстностяхъ. Такъ мы у него въ это время находимъ много мѣстныхъ подробностей о Кіевѣ; напримѣръ, во время войны Владиміра съ Ярополкомъ, онъ говоритъ о предмѣстьяхъ Кіева Дорогожичи и Капичѣ, о теремномъ дворѣ Святослава и о городѣ Ролнѣ, стоявшемъ при устьѣ Росн; а по занятіи Кіева упоминаетъ о Кіевскихъ пригородахъ: Бѣлгородѣ (въ 10 верстахъ отъ Кіева небольшой городъ, какъ сказано въ повѣсти объ ослѣпленіи Василько, стр. 110). Вышгородѣ, Василевѣ и о городахъ, выстроенныхъ Владиміромъ по рѣкамъ Деснѣ, Остеру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ и о селахъ Берестовомъ и на Лыбеди; а при описаніи крещенія Кіевлянъ, о Боричевскомъ берегѣ, о которомъ впрочемъ онъ говорилъ еще прежде, при разказѣ о построеніи Кіева, равно какъ и о Кіевскихъ горахъ Щековицѣ и Хоревицѣ. А также подробнѣе объясняетъ западные предѣлы тогдашней Руси, гдѣ у него въ это время упоминаются города Туровъ, Перемышль,

(19) Лавр. 25. (20) Лавр. 27.

Червень, Владимір Волинскій и земля Ятвяговъ; кромѣ того, въ это же время въ первый разъ упоминается о Тмутаракани, гдѣ, при раздачѣ владѣній сыновьямъ Владиміра, посаженъ былъ княземъ Метиславъ. При описаніи Ярославова княженія во первыхъ у Нестора упоминаются въ первый разъ Алты и Смядынь, на которыхъ были убиты Борисъ и Глѣбъ, первая на югъ отъ Кіева, а вторая подъ Смоленскомъ; потомъ онъ упоминаетъ о городѣ Берестѣ, на границахъ между Русью и Ляхами, куда бѣжалъ Святополкъ, разбитый на Алтѣ; далѣе, о рѣкѣ Судомѣри, на дорогѣ между Новгородомъ и Полоцкомъ, гдѣ Ярославъ разбилъ Брячислава Полоцкаго, шедшаго съ добычею изъ Новгорода. Подъ 1024 годомъ указываетъ на Суздаль и Камскую Болгарію, о которой впрочемъ говорилъ и прежде, но не указывая, въ какомъ краю она находилась; здѣсь же прямо пишетъ, что изъ Суздаля въ Болгарію должно идти Волгою: «Въ се же лѣто всташа Вольсви въ Суздали . . . Бѣ шятсѣжъ великъ и голодъ по всей той странѣ; идоша по Волзѣ вси людье въ Болгары, и привезоша жито» (21). И наконецъ, говоря о походахъ Ярослава на западъ, упоминаетъ о городахъ Бѣльзѣ и Юрьевѣ или нынѣшнемъ Дерптѣ, который построенъ Ярославомъ послѣ покоренія прибалтійской Чуди (22); а при описаніи послѣдней битвы съ Печенѣгами въ 1036 году, въ первый разъ встрѣчается извѣстіе о рѣкѣ Сетомли.

Повѣствуя о событіяхъ, послѣдовавшихъ по смерти Ярослава, Несторъ постепенно распространяется въ географическихъ подробностяхъ о тогдашней Руси и частію о сосѣднихъ съ нею странахъ. Такъ, въ первый же годъ по смерти Ярослава, онъ упоминаетъ о Торкахъ, жившихъ на югъ отъ Переяслава и Кіева (23), и Половцахъ, жившихъ на югъ и юго-востокъ отъ Кіева, изъ коихъ первые упоминались еще при Владимірѣ, а вторые только что заняли мѣста Казаръ и Печенѣговъ и въ 1066 году слѣлали первый набѣгъ на приднѣпровье со стороны Алты и разбили тамъ Русскихъ князей, и потомъ, въ томъ же году, воевали у Чернигова и потерпѣли поражение у Сновска, гдѣ многіе потонули въ волнахъ рѣки Снови (24). Изъ его описанія похода Русскихъ князей на Половцовъ въ 1103 году, видно, что кочевья Половецкія доходили до Днѣпра, ниже пороговъ за Хортицкимъ островомъ и за Сутенью,

(21) Лавр. 64. (22) Тамъ же. (23) Лавр. 81. (24) Лавр. 74.

можетъ быть, вплоть до Черноморскаго берега, и между ними еще оставались вежи Печенѣговъ и Торковъ, которыя въ этомъ походѣ были покорены Русскими князьями ⁽²¹⁾. Въ разсказѣ о набѣгѣ Половцовъ на Переяславль, въ 1108 году, другія кочевья Половецкія являются за Сулою и Хороломъ ⁽²²⁾; а подъ 1109 годомъ указывается на Донъ, какъ на главное мѣстопробываніе Половцовъ ⁽²³⁾. Такимъ образомъ, изъ географическихъ свѣдѣній о Половцахъ, сообщаемыхъ Несторомъ, мы видимъ, что кочевья Половецкія въ концѣ XI и началѣ XII вѣка были разбросаны по всѣмъ степямъ на востокъ отъ Сулы и Хорола, можетъ быть далеко за Донъ и Волгу, тамъ, гдѣ въ IX и X вѣкахъ жили Хазары и Буртасы; а на югъ отъ Сутени и Хортцы, внизъ по Днѣпру, до Чернаго Моря, въ прежнихъ жилищахъ Печенѣжскихъ. Сообщивши столь важныя въ географическомъ отношеніи свѣдѣнія о сосѣднихъ съ Русью странахъ на югъ и востокъ, Несторъ представляетъ не менѣе важное по времени географическое извѣстіе о странахъ глубокаго Сѣвера, частію сопредѣльныхъ съ тогдашнею Русью. Это извѣстіе заключается у него въ помѣщенномъ подъ 1092 годомъ вводномъ разсказѣ одного Новгородца, Гюраты Роговича, который говорилъ ему такъ: «Яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшу отроку моему къ нимъ, и отгуду иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ и сѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ. Югра же рекоша отроку моему: дивно мы находихомъ чюдо, его же нѣсмь слышали прежде сихъ лѣтъ; се же третье лѣто поча быти, суть горы зайдуче луку моря, имъ же высота ако до небесе, и въ горахъ тѣхъ клнчь великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще высѣчися, а въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молятъ, и есть неразумѣти языку ихъ, но кажутъ на желѣзо и помагають рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ ножъ ли, ли сѣкиру, даютъ скорою противу. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмъ же недоходимъ ихъ всегда, есть же и подаль на полунощіа ⁽²⁴⁾». Изъ этого замѣчательнаго географическаго разсказа мы видимъ, что границы Новгородскихъ владѣній

⁽²¹⁾ Лавр. 118—119. ⁽²²⁾ Тамъ же, 120. ⁽²³⁾ Тамъ же, 121. ⁽²⁴⁾ Тамъ же, 107.

простирались на сѣверовостокъ за рѣку Печору и до моря; за ними слѣдовали въ глубокомъ Сѣверѣ Югры и Самоѣды, жившіе тамъ, гдѣ они и теперь живутъ; потомъ, далѣе на сѣверовостокъ къ Лукоморью и Каменному поясу, можетъ быть, до Обской Губы или даже далѣе за Обь, а скорѣе за Карскій Заливъ, какъ выражаетъ Несторъ: зайдуче луку моря, лежали страны, уже въ XI и XII вѣкѣ посѣщаемыя, ежели не самими Новгородцами, то по крайней мѣрѣ бывшими съ ними въ восточныхъ сношеніяхъ Самоѣдами и Югрою, которые сообщали Новгородцамъ, хотя темныя и даже баснословныя свѣдѣнія о всѣхъ сихъ странахъ, но изъ нихъ впрочемъ уже видно, что въ той сторонѣ лежали высокія горы, путь къ нимъ былъ загороженъ пропастью, лѣсами и глубокимъ снѣгомъ, такъ, что сами Самоѣды не всегда доходили туда, но тѣмъ неменѣе знали, хотя по слухамъ, что и за сими горами были еще земли въ глубокомъ сѣверѣ. Такимъ образомъ, Русскіе въ XI и XII вѣкахъ такъ далеко заходили на сѣверъ, какъ въ то время не заходилъ ни одинъ Европейскій народъ, ни даже отчаянные мореходы Норманны, и на столько знали глубокой сѣверъ Азіи, на сколько онъ не былъ извѣстенъ никому въ Европѣ, даже нѣсколько вѣковъ поздиѣ. Сообщаемыя здѣсь Несторомъ свѣдѣнія объ этомъ краѣ еще въ XVI вѣкѣ были совершенною новостію для Герберштейна и для всей Европы, какъ это видно изъ извѣстнаго его сочиненія *Commentarii Moscoviticarum, regum* гдѣ онъ сообщаетъ въ Латинскомъ переводѣ чисто Русское извѣстіе о пути къ Печорѣ, Югрѣ и Оби (*Itinerarium ad Poeszorum, Jugagiam et Obiusque fluvium*). Лѣтопись Нестора въ XII вѣкѣ была уже хорошо извѣстна въ большей части тогдашней Россіи, слѣдовательно, у Русскихъ того времени географическія свѣдѣнія о глубокомъ сѣверѣ Европы и Азіи были обширнѣе и вѣрнѣе, нежели у всѣхъ тогдашнихъ Европейцевъ, а Новгородцы, постоянно, годъ отъ году далѣе, проникая въ этотъ край, вѣроятно въ это же время имѣли уже свѣдѣнія болѣе полныя, нежели какія сообщены здѣсь Несторомъ; но мы пока еще не открыли источниковъ, которыми бы можно было повѣрить и опредѣлить это вѣроятіе.—Далѣе у Нестора уже не встрѣчается географическихъ извѣстій о чуждыхъ странахъ, и потому обратимся къ тѣмъ географическимъ подробно-

стямъ собственно о Россіи того времени, которыя помѣщены въ его лѣтописи при разсказѣ о событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертію Ярослава до начала XII вѣка. Чтобы наше изложеніе представить въ большемъ порядкѣ и опредѣленнѣ, мы будемъ говорить по Несторовой лѣтописи о каждомъ краѣ тогдашней Руси отдѣльно, и начнемъ съ Полоцкаго княжества, которое у Нестора въ это время встрѣчается въ числѣ первыхъ.

При описаніи событій, относящихся къ Полоцкому и Смоленскому краю, Несторъ, подъ 1066 годомъ, во первыхъ, упоминаетъ о Минскѣ, тогдашнемъ пограничномъ городѣ Полоцкихъ владѣній; потомъ, за Минскомъ, по его разсказу, слѣдуетъ рѣка Немиза, — гдѣ по взятіи Минска былъ разбитъ Всеславъ Полоцкій — и далѣе рѣка Рша подъ Смоленскомъ, гдѣ Ярославичи измѣннически схватили Всеслава⁽²⁰⁾. Подъ 1092 годомъ, говорятъ о Полоцкомъ пригородѣ Дрютьскѣ⁽²¹⁾, гдѣ нибудь неподалеку отъ нынѣшняго Могилева, на берегахъ рѣки Друца, между Днѣпромъ и Березиною. Нѣсколько прежде, подъ 1071 годомъ, Несторъ упоминаетъ еще объ одномъ Полоцкомъ пригородѣ Голотичскѣ, у котораго Ярополкъ Изяславичъ, князь Владиміро - Волынской и Туровской, побѣдилъ въ этотъ годъ Всеслава, князя Полоцкаго⁽²²⁾. Голотичскъ вѣроятно былъ гдѣ нибудь на югъ отъ Минска по теченію Березины, на границахъ Туровскихъ и Полоцкихъ владѣній, можетъ быть, гдѣ нынѣ Голынка, неподалеку отъ Свислоча, нѣсколько вправо отъ дороги изъ Турова въ Минскъ. Подъ 1074 г. упоминаетъ о Тороцкѣ⁽²³⁾.

На югъ и западъ отъ Полоцкаго края вдутъ страны Туровскія, Волынскія и Червенскія. Несторъ особенно представляетъ много подробностей о землѣ Волынской, гдѣ по смерти Ярослава у него встрѣчаются города Дорогобужъ, близъ нынѣшняго Ровна на Горыни, который въ 1084 году былъ отданъ Всеволодомъ Давыду Игоревичу; потомъ, подъ 1085 годомъ, упо-

(20) Лавр. 72. Немизою Несторъ не называетъ ли Березину, которой нельзя было миновать Ярославичамъ, идя отъ Минска къ Полоцку. Немизу же назвать какимъ либо городомъ никакъ нельзя, ибо въ словѣ о полку Игоревѣ прямо сказано: Немизѣ кровавы брезѣ. (21) Лавр. 92. (22) Тамъ же, 75. (23) Тамъ же, 88.

минается Луческъ, лежавшій нѣсколько на юговостокъ отъ Владимира-Волынскаго: изъ этого города въ 1085 году Ярополкъ Изяславичъ, преслѣдуемый Мономахомъ, бѣжалъ въ Ляхи. Въ слѣдующемъ году встрѣчаются Червенскіе города Звенигородъ и Перемышль; недалеко отъ перваго изъ нихъ въ этомъ году былъ убитъ Ярополкъ Изяславичъ, а второй въ то время принадлежалъ Рюрику Ростиславичу, къ которому бѣжалъ Ярополковъ убійца Нерадецъ. Подъ 1097 годомъ у Нестора упоминается о Теребимлѣ, также Червенскомъ городѣ, который въ это время принадлежалъ Васильку Ростиславичу ⁽²³⁾. Подъ 1100 годомъ встрѣчаются Волынскіе города Бужскъ, Дубенъ и Чарторыескъ, даваемые на Увѣitchьскомъ съѣздѣ Давыду Игоревичу, выведенному изъ Владимира-Волынскаго ⁽²⁴⁾. Бужскъ и теперь еще существуетъ въ Галиціи и лежитъ при Бугѣ, между Львовымъ и Бродами, прямо на югъ отъ Владимира-Волынскаго, а Дубенъ можетъ быть вышшній Дубно, на юговостокъ отъ Луцка, между Луцкомъ и Кременцемъ; Чарторыескъ въ нынѣшнемъ Луцкомъ уѣздѣ, на сѣверовостокъ отъ Луцка.

Обращаясь къ востоку отъ Волынской земли, идетъ земля Кіевская и Переяславская. Несторъ объ этомъ краѣ, во второй половинѣ XI и въ началѣ XII столѣтія, сообщаетъ слѣдующія подробности. Подъ 1080 годомъ у него встрѣчаются Переяславскіе Торки ⁽²⁵⁾. Подъ 1084 годомъ городъ Олешья, внизъ по Днѣпру, даже за порогами. Упоминаніе объ Олешьѣ нѣкоторымъ образомъ указываетъ, что все теченіе Днѣпра на югъ до впаденія его въ Черное Море принадлежало къ владѣніямъ Кіевского князя; ибо тогдашній Кіевскій князь Всеволодъ, желая выпроводить изъ Олешья ворвавшася туда Давыда Игоревича и захватившаго тамъ Греческихъ купцовъ, далъ ему, въ замѣнъ Олешья, Дорогобужъ. Или, если нельзя допустить, чтобы Кіевскія владѣнія такъ далеко простирались на югъ; то надобно согласиться, что Олешья было важнымъ торговымъ городомъ, ближайшимъ рынкомъ для торговли Кіева съ Греціею, состоявшимъ подъ покровительствомъ Кіевского князя; въ противномъ случаѣ, Всеволоду нѣ зачѣмъ бы было вызывать оттуда Русскаго же Князя Давыда Игоревича и въ замѣнъ Олешья отдавать ему свой городъ Дорогобужъ. Подъ

(23) Лавр. 109. (24) Тамъ же, 116. (25) Тамъ же, 87.

1092 годомъ у Нестора встрѣчаются города Пѣсоченъ и Перволока, на границахъ Половецкихъ ⁽²⁰⁾. Первый на лѣвомъ берегу Суоя, на югѣ отъ Перелславя, гдѣ нынѣ мѣстечко Песчаное, или можетъ быть на рѣкѣ Удаѣ, на лѣвомъ ея берегу, пониже Перволоки, гдѣ нынѣ мѣстечко Пески, неподалеку отъ Лубенъ; а второй нѣсколько на сѣверовостокъ отъ Перелславя, на одномъ изъ притоковъ рѣки Удая. Въ слѣдующемъ году упоминаются города: Треполь, Желань, Торческъ и рѣка Стугна ⁽²¹⁾. Всѣ сіи мѣста лежали на правомъ берегу Днѣпра, ниже Кіева; именно: Треполь при впаденіи Стугны въ Днѣпръ, гдѣ нынче мѣстечко Треполье; Желань правѣ Треполя, ближе къ Кіеву, т. е. между Кіевомъ и Вышгородомъ; и наконецъ Торческъ, на одномъ изъ притоковъ рѣки Роси, съ лѣвой стороны. Этотъ городъ, по смыслу лѣтописи, былъ, кажется, главнымъ укрѣпленнымъ мѣстомъ Торковъ, жившихъ по рѣкѣ Роси, и въ сіе время, вѣроятно, составлялъ пограничную крѣпость Кіевскихъ владѣній съ ниже-Днѣпровскою Половецкою стѣною и, должно быть, былъ укрѣпленъ довольно сильно, ибо въ 1093 году Половцы могли его взять только послѣ девяти-недѣльной осады. Подъ 1095 годомъ Несторъ упоминаетъ, по случаю нападенія Половцовъ на Поросье, о городахъ Юрьевѣ и Святополчѣ ⁽²²⁾. Юрьевъ очевидно принадлежалъ къ Торческимъ городамъ, расположеннымъ по сѣверному берегу Роси для отраженія или удержанія Половцовъ съ этой стороны; Святополчъ же въ настоящемъ году построенъ былъ Святополкомъ на Витчевомъ холму, что лежитъ на западномъ берегу Днѣпра, нѣсколько ниже Треполя, именно для поселенія Юрьевцовъ, которые бѣжали изъ своего города отъ Половцовъ, залѣтовавшихъ тогда въ Поросьѣ. Подъ 1096 годомъ упоминается городъ Зарубъ на Кіевской сторонѣ Днѣпра, противъ устья Трубежа, гдѣ, по свидѣтельству лѣтописи, былъ бродъ черезъ Днѣпръ; по этому броду въ 1096 году Святополкъ и Мономахъ перешли Днѣпръ и напали на Половцовъ, стоявшихъ за Трубежемъ ⁽²³⁾. Кажется, Зарубъ также принадлежалъ къ Торческимъ и Берендейскимъ городамъ, построеннымъ для огражденія Кіевской области отъ набѣговъ Половецкихъ; ибо подъ 1105 годомъ въ лѣтописи сказано: «пришедъ Бонакъ змиѣ

(20) Лавр. 92. (21) Тамъ же, 94. (22) 97. (23) 98.

на Зарубѣ и побѣдѣ Торки и Берендѣе» (*). Подъ 1098 годомъ лѣтопись упоминаетъ о Городцѣ, неподалеку отъ котораго заключенъ былъ въ этомъ году миръ Мономаха, Давыда и Олега съ Святополкомъ (**). Городецъ этотъ, вѣроятно, былъ нѣскольکو ниже Кіева на восточномъ берегу Днѣпра; ибо миръ сей былъ заключенъ именно тогда, когда Момахъ, съ своими союзниками шедшій отъ Переяслава, хотѣлъ броситься черезъ Днѣпръ для нападенія на Кіевъ. Далѣе, подъ 1101 годомъ, говорится о рѣчкѣ Золотчѣ, гдѣ тогда сошлись Русскіе князья противъ Половцовъ, и о городѣ Саковѣ, гдѣ заключенъ былъ миръ между Половцами и Русскими. Золотча течетъ на восточной сторонѣ Днѣпра, начинаясь выше Кіева и впадая нѣскольکو ниже; городъ Саковъ также былъ на восточной сторонѣ Днѣпра, нѣскольکو выше Канева: онъ, кажется, принадлежалъ, подобно Торческу и Зарубу, къ разряду городовъ пограничныхъ, построенныхъ для удержанія Половцовъ; около него жили Турпѣи (**). Подъ 1104 годомъ упоминается Зареческъ, около котораго тогда воевали Половцы и были разбиты воеводами Святополка, князя Кіевскаго (**). Зареческъ, вѣроятно, стоялъ на южномъ берегу Роси, и потому, въ отношеніи къ Кіеву, былъ за рѣкою; полагать сего Зареческа за Сулою нельзя, ибо тогда на защиту его приходили бы полки отъ Переяславскаго князя Мономаха, а не отъ Кіевскаго Святополка. Подъ 1107 годомъ встрѣчается въ Переяславскомъ княжествѣ городъ Лубенъ на рѣкѣ Сулѣ, куда доходили въ томъ году Половецкіе князья (**). Подъ 1110 годомъ, по случаю похода на Половцовъ, упоминается мѣстечко Воина, отъ котораго Русскіе князья воротились съ похода (**). По лѣтописи нельзя прямо указать, гдѣ именно была эта Воина; но, судя по ходу событій, вѣроятно гдѣ нибудь около Сулы, гдѣ и теперь еще существуютъ два мѣстечка подъ подобнымъ названіемъ: одно *Воинка*, за Сулою на востокъ, неподалеку отъ Лубенъ, а другое *Воинское*; почти при устьѣ Сулы, на западномъ берегу.

На сѣверъ отъ Переяславскихъ владѣній идутъ страны Черниговская, Сѣверская, и далѣе на сѣверо-востокъ до Оки, земля Рязанская и Муромская, а далѣе за Окою на сѣверъ, обширная страна Суздальская. Несторъ, въ своей лѣтописи, рассказываетъ

(*) Лавр. 119. (**) Тамъ же, 116. (***) 141. (****) 119. (****) 126. (****) 121.

о событіяхъ по смерти Ярослава, сообщаетъ о всѣхъ сихъ странахъ слѣдующія подробности. Подъ 1064 и 65 годами онъ довольно опредѣленно говоритъ о Тмутаракани, которая въ это время принадлежала къ Черниговскимъ владѣніямъ; изъ его словъ видно, что Тмутаракань лежала въ сосѣдствѣ съ Козарамъ⁽⁴⁴⁾, неподалеку отъ Касоговъ и отъ Корсуни, и была въ близкихъ сношеніяхъ съ Греками, которые опасались храбраго Ростислава Владиміровича, Тмутараканскаго князя, и постарались сбыть его⁽⁴⁵⁾. Разказы Нестора о Тмутараканскихъ событіяхъ вообще чрезвычайно важны въ географическомъ отношеніи за XI вѣкъ: они, при помощи другихъ источниковъ, показываютъ, что сѣверный берегъ Чернаго Моря, и особенно Крымскій Полуостровъ и прилежащія къ нему страны, а также Азовское Море и низовья Дона, въ это время были раздѣлены между Казарами, Греками, Русскими и жителями Кавказа. Подъ 1067 годомъ упоминается о рѣкѣ Сновѣ и городѣ Сновскѣ, неподалеку отъ Чернигова, гдѣ Святославъ въ этомъ году разбилъ Половцовъ⁽⁴⁶⁾; рѣка Снова существуетъ и теперь подъ тѣмъ же названіемъ и впадаетъ съ правой стороны въ Десну въ нынѣшнемъ Черниговскомъ уѣздѣ. Подъ 1071 годомъ сказано, что Половцы воевали у Ростовца и Нелтивна⁽⁴⁷⁾. По географическому отрывку, напечатанному въ Воскресенскомъ спискѣ Кіевской лѣтописи, мѣста сіи значатся на Деснѣ, между Новгородомъ Сѣверскимъ и Брянскомъ. Подъ тѣмъ же годомъ, рассказывая о событіяхъ Ростовскихъ, Несторъ упоминаетъ о городѣ Ярославѣ, принадлежавшемъ къ Ростовской области, и о рѣкѣ Шекснѣ⁽⁴⁸⁾; а подъ 1074 годомъ, рассказывая о Св. Антоніи, онъ упоминаетъ о Болдиныхъ Горахъ близъ Чернигова⁽⁴⁹⁾. Подъ 1078 годомъ говорится о Сѣжицѣ или Сожицѣ, гдѣ тогда Половцы разбили Всеволода, княжившаго въ Черниговѣ⁽⁵⁰⁾. Сожицею называется очевидно какая либо рѣка, текущая въ предѣлахъ Черниговской и Переславской области, и можетъ быть, какъ замѣчаетъ Карамзинъ, нынѣшняя рѣка Оржица, впадающая съ западной стороны въ Сулу. Подъ 1087 годомъ у Нестора упоминается о городѣ Муромѣ, который въ этомъ году былъ взятъ Камскими Болгарами⁽⁵¹⁾. Это упоминаніе въ географическомъ отношеніи имѣетъ то значеніе, что

(44) Лавр. 88. (47) 70—72. (48) 74. (49) 75. (50) 75. (51) 83. (52) 85. (53) 98.

Болгары въ это время сосѣднн устьямъ Оки и слѣдовательно Черниговскому Княжеству, ибо Муромъ принадлежалъ къ Черниговскимъ владѣніямъ. Въ 1095 году въ первый разъ упоминается о Курскѣ, откуда въ это время Мономаховъ сынъ Изяславъ ходилъ на Муромъ (*). Этнмъ извѣстіемъ о Курскѣ значительно пополняются географическія свѣдѣнія о странахъ, лежащихъ на востокъ отъ Днѣпра. А подъ 1096 годомъ встрѣчается извѣстіе о Стародубѣ и Рязани, которое также пополняетъ географическія свѣдѣнія на сѣверовостокъ отъ Днѣпра (**). Далѣе, подъ тѣмъ же годомъ еще, упоминается о городѣ Суздали и о рѣкѣ Клязми подъ Суздалемъ (**).

Изъ мѣстностей Новгородскаго края Несторъ, въ разсказѣ о событіяхъ по смерти Ярослава, упоминаетъ только одно Заволочье, гдѣ былъ убитъ Глѣбъ Святославичъ въ 1078 году (†). Вотъ и всѣ географическія свѣдѣнія, сообщаемыя намъ Несторовою лѣтописью, окончивающеюся 1110 годомъ. Но другими Русскими источниками того же времени свѣдѣнія сіи значительно пополняются, а именно: поученіемъ Владиміра Мономаха, повѣстью Василія объ ослѣпленіи князя Василька Ростиславича, Новгородскими лѣтописями и путешествіемъ игумена Давиала въ Іерусалимъ. А посему теперь нужно разсмотрѣть каждый изъ сихъ источниковъ отдѣльно.

Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи указываетъ, во-первыхъ, на двоякій путь изъ Приднѣпровья въ Ростовъ, черезъ землю Вятичей, т. е. по теченію Оки, и черезъ Смоленскъ, или влучи вверхъ по Днѣпру. Потомъ, по его же указанію, мы въ первый разъ узнаемъ о городахъ Сутейскѣ, Бродахъ и Микуличѣ, въ Волинской и Червенской сторонѣ, и первый вѣроятно на границахъ съ Ляхами, какъ можно заключить изъ самаго разсказа: » по велицѣ дни идохъ изъ Переслава та Володмѣра на Сутейску мѣра творить съ Ляхы («)»; второй и теперь извѣстенъ подъ старымъ названіемъ, а послѣдній не одно ли съ нынѣшнимъ Микулищемъ въ Тарнопольскомъ уѣздѣ въ Галиціи? Далѣе Владиміръ говоритъ, что онъ, вмѣстѣ съ Ляхами, водилъ Русскія войска въ Силезію, пробылъ тамъ четыре мѣсяца и доходилъ до Глоговы (Глогау) и до Чешскаго Лѣса, по приказу тогдашняго Кіевскаго князя Святослава; такимъ образомъ, изъ

(*) Лавр. 98. (**) Тамъ же. (***) 108. (†) 88. (††) 103.

его указанія мы получаемъ первыя географическія свѣдѣнія нашихъ предковъ XI столѣтія о земляхъ, лежавшихъ за Польшею на западъ. Владиміръ также дополняетъ въ своемъ поученіи географическія свѣдѣнія XI столѣтія о Полоцкомъ краѣ, въ предѣлахъ котораго указываетъ на города Логожскъ, на югъ отъ Полоцка, нынѣшній Логойскъ, въ Борисовскомъ уѣздѣ, и на Лукомль, на юго-западѣ отъ Полоцка, нынѣшняя Лукомля, въ Сѣвннскомъ уѣздѣ, и кажется тамъ же помѣщаетъ мѣстечко или городъ Одрскъ, можетъ быть на нынѣшней рѣкѣ Одровѣ въ Копысскомъ уѣздѣ, слѣдовательно на границахъ Полоцкихъ владѣній съ Смоленскими. Потомъ, обращаясь къ Переяславию, онъ указываетъ на неизвѣстный изъ другихъ источниковъ городъ или мѣстечко Обровъ, вѣроятно, на одномъ изъ притоковъ рѣки Трубежи, гдѣ нынче мѣстечко Бобровица, на половинѣ пути отъ Чернигова къ Переяславию. Въ Черниговскихъ же предѣлахъ въ первый разъ говорятъ о Новгородѣ-Сѣверскомъ, а въ землѣ Вятичей о городѣ Корядвѣ; потомъ, поворачивая на югъ къ степямъ Половецкимъ, о рѣкѣ Хорогѣ и городѣ Горошняѣ, стоявшемъ на восточномъ берегу Сулы, на одной линіи съ Каневымъ. Далѣе, нѣсколько на западъ отъ Сулы, говорятъ о городѣ Вороницѣ, лежавшемъ на рѣкѣ Крапивнѣ, неподалеку отъ впаденія ея въ Золотоношу, верстъ на 50 южнѣе Горошина, въ сосѣдствѣ съ поселеніями Торковъ Половецкихъ, племени Итичевичей, которое жило на востокъ за Сулою, слѣдовательно въ Переяславскихъ владѣніяхъ, самымъ дальнимъ городомъ, глубоко вдавшимся въ Половецкія степи. Продолжая описывать свои походы на Половцовъ, онъ упоминаетъ о городѣ Прилукѣ, о рѣкѣ Супоѣ, о городѣ Бѣлой-Вѣжѣ, при верховьяхъ рѣкѣ Остера и Удая, на границахъ Переяславскихъ владѣній съ Черниговскими, верстахъ въ пятьдесятъ отъ Прилукъ, на сѣверо-востокъ къ Сулѣ; далѣе о городѣ Халепѣ, вѣроятно, гдѣ-нибудь на Сулѣ^(*). Потомъ говорятъ о Римовѣ, должно быть гдѣ нынѣ селеніе Римъ, на одной линіи съ Прилуками, въ 40 верстахъ прямо на востокъ, верстахъ въ 15 отъ

(*) Здѣсь мудрено допустить Халепъ Днѣпровскій, лежавшій неподалеку отъ Триполя, ибо Мономахъ говоритъ, что послѣ битвы на Сулѣонъ до вечера еще былъ у Халепа; а Днѣпровскій Халепъ отъ Сулы отстоятъ никакъ не ближе 140 верстъ.

Сулы. За Римовымъ упоминаеть о рѣкѣ Голтавѣ, что нынѣ Голтва, съ востока впадающая въ рѣку Пселъ: это уже въ предѣлахъ Половецкихъ степей, отъ Римова на юго-востокъ въ 130 верстахъ. Потомъ, обращаясь на сѣверо-западъ, упоминаеть о Снятинѣ или Кенятинѣ, на восточномъ берегу Сулы, вверхъ отъ падевія въ нее рѣки Удая, въ нынѣшнемъ Лубенскомъ уѣздѣ; далѣе о Ромнѣ, вверхъ по Сулѣ, на сѣверо-востокъ отъ Лубно, и о Выри, неподалеку отъ Ромна на востокъ, также вверхъ по Сулѣ: это, кажется, было при Мономахъ самое дальнее пограничное мѣсто Переславскихъ владѣній къ восточнымъ или Придонскимъ кочевьямъ Половцовъ. Такимъ образомъ, Мономахъ, въ своемъ поученіи, первый представляетъ самыя подробныя географическія свѣдѣнія о границахъ Переславскихъ владѣній, на югъ и востокъ къ кочевьямъ Половецкимъ.

Поченіе Мономаха дополняетъ географическія свѣдѣнія о границахъ Киевскихъ владѣній съ Половецкими кочевьями, гдѣ, должно быть по берегамъ Роси, помѣщаетъ города Святославль, Красенъ и Варинъ. Судя по смыслу разсказа, Святославль стоялъ ближе къ переправѣ черезъ Днѣпръ, на Киевской сторонѣ; за Святославлемъ слѣдовалъ Торческъ, потомъ Юрьевъ, далѣе Красенъ и наконецъ Варинъ, уже въ степяхъ Половецкихъ; ибо Мономахъ говоритъ, что, по разбитіи Половцовъ у Бѣлой Вежи, «и потомъ на Святославль гонихомъ по Половцахъ, и потомъ на Торческій городъ, и потомъ на Порчевъ по Половцехъ, и пакы на той же сторонѣ у Красна Половцы побѣдихомъ; и потомъ съ Ростиславомъ же у Варина вежи взяхомъ» (*).

Въ повѣсти объ ослѣпленіи князя Теребовльскаго Василья Ростиславича, встрѣчающіяся географическія извѣстія преимущественно относятся къ западному краю тогдашнихъ Русскихъ владѣній и собственно къ Волини, Турову и Червенной Руси, и частію къ Киевской области. Здѣсь писатель-современникъ во-первыхъ упоминаеть о Выдубичѣ и Рудицѣ, возлѣ Киева; потомъ говоритъ, первый изъ современниковъ, о Пинскѣ, городѣ Туровской области, по прямому направленію на западъ отъ Турова, при рѣкѣ Припети; далѣе упоминаеть о городѣ Здвиженѣ, на дорогѣ изъ Киева во Владиміръ-Волинскій, на рѣкѣ Здвижѣ, въ нынѣшнемъ Киевскомъ уѣздѣ. Вступя въ Туровскій край, онъ

(*) Лавр. 103.

упоминаетъ, кромѣ Турова и Пинска, о Берестѣ и Погоривѣ⁽⁴⁾. Здѣсь, подъ именемъ Погоривы, очевидно влѣжитъ разумѣть всю страну Туровскихъ владѣній, лежащую по рѣкѣ Горыни, начинающейся на востокъ отъ Кременца, идущей съ юга на сѣверъ и впадающей въ Припеть между Туровомъ и Пинскомъ; Берестьемъ же безъ сомнѣнія называется нынѣшній Брестъ-Литовскій. Такимъ образомъ, мы здѣсь видимъ, что Туровскія владѣнія тогда занимали огромныя пространства, — съ востока на западъ, отъ низовья Березины и даже на востокъ за Березину до крайнихъ предѣловъ тогдашней Руси на западѣ, т. е. до Бреста-Литовскаго и Дрогичина; а съ юга на сѣверъ, отъ верховьевъ Горыни до предѣловъ Полоцкихъ, гдѣ стояли впоследствии Туровскіе города Несвижъ и Слуцескъ. Въ самой Волынской странѣ указываетъ на тамошніе, прежде неизвѣстные города Всеволожъ, Шеполь и Перемиль, которые Давыдъ Игоревичъ, Владиміро-Волынской князь, предлагалъ на выборъ своему узнику, ослѣпленному Васильку Ростиславичу; города сія вѣроятво были въ нынѣшнемъ Луцкомъ и Дубенскомъ уѣздахъ Волынской губерніи, на что указываетъ, какъ смыслъ самаго разказа, такъ и сохранившееся доселѣ названіе селенія Перемилковки въ Дубенскомъ уѣздѣ. А Всеволожъ, какъ говоритъ та же повѣсть, лежалъ на дорогѣ отъ Теребовля къ Владиміру-Волынскому, и едва ли не ближайшимъ городомъ къ сему послѣднему; ибо, далѣе въ разказѣ, Василько и Володаръ, во время войны съ Давыдомъ Игоревичемъ, на первыи напали на Всеволожъ, а по взятіи его осадили Владиміръ, слѣдовательно Всеволожъ прямо приходился въ Луцкомъ уѣздѣ, какъ сосѣднемъ съ Владимірскимъ уѣздомъ. Далѣе, упоминаетъ о Луцкѣ и Турійскѣ, какъ городахъ сосѣднихъ съ Владиміромъ: оба сіи города существуютъ и теперь. Луцкъ, какъ уѣзанный городъ, на юго-востокъ отъ Владиміра, при рѣкѣ Стырѣ, а Турійскъ, какъ деревня, на сѣверъ отъ Владиміра верстахъ въ 30, при рѣкѣ Туріи, впадающей въ Припеть. Потомъ, описывая войну Святополка съ Давыдомъ Игоревичемъ, говоритъ о Берестѣ на Бугѣ, т. е. о нынѣшнемъ Брестѣ-Литовскомъ, куда Святополкъ приходилъ для переговоровъ съ Ляхами, какъ въ пограничный городъ Туровскихъ владѣній. Далѣе, говоря о войнѣ Святополка

(4) Лавр. 112.

съ Ростиславичами, упоминаетъ о городѣ Перемышль, влившій Пресмыслъ на Санѣ, и о рѣчкѣ Вагрѣ, неподалеку отъ Перемышля впадающей въ Санѣ; и сямъ оканчиваются географическія свѣдѣнія, встрѣчающіяся въ повѣсти объ ослѣпленіи Василька Ростиславича Теробовльскаго.

Новгородскія лѣтописи представляютъ географическія извѣстія преимущественно о Новгородскомъ краѣ, да и то очень незначительныя; ибо самыя лѣтописи, до предположеннаго нами времени, т. е. до 1110 года, вообще, очень кратки и отрывочны. Третья Новгородская лѣтопись, подъ 988 годомъ, упоминаетъ о Новгородскомъ урочищѣ Перыни, гдѣ во время идолопоклонства Новгородцовъ стоялъ идолъ Перуна (*), а въ слѣдующемъ году о каменномъ городищѣ на берегу Волхова; подъ 1015 годомъ о Новгородскомъ пригородѣ Торжкѣ; подъ 1036 годомъ говоритъ, что Ярославъ жилъ въ Новгородѣ на Торговой сторонѣ, близъ рѣки Волхова, и что за сямъ мѣстомъ въ послѣдствіи осталось названіе Ярославово городище (**). А первая Новгородская лѣтопись, подъ 1040 годомъ, упоминаетъ о Финскомъ племени, извѣстномъ подъ названіемъ Еми, съ которымъ въ этомъ году воевалъ Новгородскій князь Владиміръ Ярославичъ (**); племя это жило въ нынѣшней Финляндіи, вплоть до Балтійскаго Моря. Въ третьей же Новгородской лѣтописи, подъ 1044 годомъ, упоминается о построеніи каменной крѣпости на Софійской сторонѣ (**); в тамъ же, подъ 1059 годомъ, встрѣчается извѣстіе о городѣ Копысѣ, въ предѣлахъ Полоцкаго княженія; на этотъ городъ, по свѣдѣтельству лѣтописи, лежала дорога изъ Кіева въ Новгородъ. Подъ 1069 годомъ, въ первой Новгородской лѣтописи, упоминается о Вожанахъ, т. е. жителяхъ Водьской пятины, подчиненной Новгороду (**). Эта пятинна, населенная разными Финскими племенами, лежала нѣсколько на юго-западъ отъ Новгорода и съ одной стороны соприкасалась къ Финскому заливу, а съ другою сосѣдила съ Полоцкими владѣніями. Въ 1069 году Вожане были въ союзѣ съ Всеславомъ Полоцкимъ, за что были жестоко наказаны Новгородцами подъ предводительствомъ Глѣба Святославича, который разбилъ Всеслава и Вожанъ на Гнези, подъ самымъ Новгородомъ.

Извѣстіями, почерпнутыми изъ Новгородскихъ лѣтописей,

(*) Новг. 207. (**) Тамъ же, 210. (***) 2. (****) 211. (****) 2.

окапчиваются всё дошедшія до насъ отечественныя географическія свѣдѣнія (до 1110 года), относящіяся собственно до Россіи и до странъ, съ нею сопредѣльныхъ. Но, за это же время, древняя Русская литература представляетъ превосходнѣйшій сборникъ географическихъ свѣдѣній о восточномъ краѣ Средиземнаго моря и о Палестинѣ и Сиріи, составленный Русскимъ игуменомъ Давидомъ, путешествовавшимъ въ Иерусалимъ въ княженіе Святополка Изяславича.

Извѣстія, сообщаемыя игуменомъ Давидомъ о пройденныхъ имъ странахъ, такъ были занимательны въ свое время, что у предковъ нашихъ Давидова книга, извѣстная подъ именемъ Стравника, была любимѣйшимъ чтеніемъ и дошла до насъ во многихъ спискахъ; да и теперь она во многомъ еще не утратила своего значенія. Замѣчательно, что игуменъ Давидъ начинаетъ описаніе своего путешествія только съ выѣзда изъ Константинополя, о пути же своемъ изъ Россіи не говорятъ ни слова; это даетъ поводъ думать, что дорога изъ предѣловъ тогдашней Руси до Константинополя была слишкомъ извѣстна современникамъ Давидовымъ, и можетъ быть имѣла уже своихъ описателей, почему Давидъ и почелъ неинтереснымъ и излишнимъ повторять уже извѣстное. Вполнѣ ли правильно настоящее наше мнѣніе, мы не утверждаемъ, ибо прамыхъ данныхъ, ни рго, ни сопта, нѣтъ налицо; но постоянныя и близкія сношенія, по-крайней-мѣрѣ, приднѣпровскихъ Руссовъ съ Византійскими Греками, въ нѣкоторой степени могутъ служить опорой тому, что путь изъ Руси въ Константинополь, ежели и не былъ описанъ никѣмъ изъ Русскихъ въ X или XI столѣтіи, то по-крайней-мѣрѣ такъ хорошо и подробно былъ знакомъ въ разсказахъ между народомъ, что самое описаніе было бы уже излишнимъ и нелюбопытнымъ. Припомнимъ, что, по свѣдѣтельству лѣтописи, Кіевляне въ 1068 году грозили князьямъ съечь свой городъ и удалиться въ Греческую землю⁽⁶⁷⁾: конечно, еслибъ путь въ Византію не былъ хорошо знакомъ Кіевлянамъ, то они не подумали бы прибѣгать къ такой угрозы, да и князья бы ей не повѣрили; но князья принудили Изяслава удалить Ляховъ, чего хотѣлось Кіевлянамъ, слѣдовательно угрозу Кіевлянъ считали возможною, и путь въ Грецію знакомымъ и обычнымъ для Русскихъ.

⁽⁶⁷⁾ Лавр. 74.

Собирая и сообщая географическія свѣдѣнія Русскихъ людей въ началѣ XII столѣтія о Русской землѣ и сопредѣльныхъ съ нею странахъ, было бы несправедливымъ не представить свѣдѣній въ началѣ того же XII вѣка, собранныхъ Русскимъ игуменомъ Данииломъ о пройденныхъ имъ странахъ на Востокѣ, и тѣмъ болѣе, что самъ Даниилъ, при благочестивой цѣли посѣщенія Св. Земли, имѣлъ въ виду и ту цѣль, чтобы сообщить своимъ современникамъ подробнѣйшія свѣдѣнія о Востокѣ, для чего даже не жалѣлъ и издержекъ, какъ это онъ самъ говоритъ въ своей книгѣ: «Азъ бо, недостойныйи игуменъ Даниилъ, пришедъ въ Іерусалимъ, пребыхъ 16 мѣсяць въ мѣстохъ св. Саввы, и оттолѣ могохъ походити, испытуя вси св. мѣста, и видѣхъ и. Невозможно бо безъ вожа добръ ходити, и безъ языка добръ испытати и видѣти всѣхъ св. мѣстъ. И что у себя имѣя въ руку моего худаго добитка, отъ того всѣмъ подавахъ вѣдающимъ добръ вся св. мѣста во градѣ и внѣ града, да быша ми указали всѣ добръ.» А прежде того пишетъ: «Да и се написахъ вѣрныхъ ради человекъ, дабы се кто слышавъ о мѣстѣхъ сихъ святыхъ, потщался душею и мыслею ко святымъ си мѣстомъ и равну мзду симъ принять съ ходившими до св. мѣстъ.»

Описаніе путешествія Даниилова можно раздѣлить на три части: на описаніе пути до Іерусалима, на описаніе самаго Іерусалима съ окрестностями, и на описаніе Галилеи и поморья.

Въ первой части Даниилъ сообщаетъ слѣдующія подробности о странахъ, лежащихъ на пути до Іерусалима: «Путь во Іерусалимъ отъ Царяграда по Узкому Морю вѣтъ 30 верстъ, до Петала острова, а до великаго моря 100 верстъ отъ Царяграда. А то есть первой островъ на Узцѣ морѣ; и есть ту лимонъ добръ; и ту есть градъ Ираклій великій. . . А отъ Петалы острова до Галипола 100 верстъ, а отъ Галипола града до Абыда 50 верстъ. . . А отъ Абыда до Ида 20 верстъ. И ту есть на великое море вытти налѣво во Іерусалимъ, а на десную ко св. горѣ, къ Селуню и къ Риму. А отъ Ида до Тенедоса острова 30 верстъ, то есть первый островъ на велицѣмъ морѣ. . . И ту есть противу того острова градъ бысть великъ, а имя ему Трода. . . А отъ Тенедоса острова до Митилена острова 100 верстъ. . . А оттуда до Хіоса острова 100 верстъ, въ томъ бо островѣ раждается мастива и вина добрая и овощи всяки. А

отъ Хиоса до Ефеса города есть версть 60 . . . А Бюесъ градъ есть на сушѣ отъ моря вдалѣе 4 версть, въ горахъ, обилень же есть всѣмъ. . . . Отъ Ефеса до Самоса острова версть 40, и въ томъ островѣ рыбы многія, обилень же островъ той всѣмъ. Отъ Самоса острова до Карія острова 20 версть. А отъ Карія острова до Патмоса острова 2 версты. Вдалече, всторонѣ по морю, Патмосъ островъ. . . . А оттуда есть Леросъ, тожъ Нисара островъ; и потомъ Косъ островъ велики великъ, и богатъ всѣмъ, людьми и скотомъ, тажъ Телосъ островъ, тажъ Харскіе острова. И всѣ тѣ острова богаты людьми и скоты, близъ себе, по десяти версть имутъ межъ собою. Тожъ Родосъ островъ великъ велики и богатъ всѣмъ. Въ томъ островѣ былъ Олегъ князь Рускіи два лѣта и двѣ зимы. А отъ Родоса острова до Самоса версть 200. А отъ Самоса острова до Накрина острова версть 60; ту градъ Накринъ. Въ томъ градѣ Накринѣ и по земли той по всей полны до Миръ, ту ся раждается темьянъ Готевнъ-чермный А отъ Накрина до Патера града есть версть 40. Ту есть рожество Св. Николы, той есть и отчина его градъ Патеръ. А отъ Патера до Миръ версть 40, видѣ же гробъ Св. Николы. А отъ Миръ до Хелловія версть 60. А отъ Хиоса до Кипра острова до великаго есть версть 200. Кипръ же островъ великъ велики, и множество въ немъ людей, и обилень же есть всѣмъ добрымъ. Суть же бо въ немъ Епископовъ 24, все жъ митрополю одна. . . . И ту ражается ладонъ темьянъ, спадываетъ съ небеса яко роса, мѣсяцъ Іюль ажъ Августа. Суть бо мнози по горамъ древца малые, визки съ травою, на то падаетъ темьянъ той добрый, и емлютъ въ та два мѣсяца, а въ выне не падаеть. А отъ Кипра острова до Яфа града есть версть 400, все по морю пати. А всего пути и по морю и по земли отъ Царяграда до Яфа есть версть 1000 и 600. Яфа же есть на брезѣ близъ Іерусалима, а оттуда пати по суху къ Іерусалиму версть 30, да по полю 10 версть по горамъ до церкви Св. Георгія. Ту есть церковь Св. Георгія велика, создана клетчки, ту и гробъ его бысть подъ олтаремъ, ту мученикъ Христовъ Георгій, и воды многи суть. И ту опочиваютъ всѣ пришельцы странники у воды тоя, со страхомъ великимъ; есть бо мѣсто то пусто и лоньянъ. Ту бо близъ есть Асколонъ градъ: Срацыни выходятъ и побиваютъ странцыя на пути. Да ту есть болѣвань велика. А отъ мѣста Св. Ге-

оргія въ горы до Іерусалима есть 19 верстъ великихъ; но все въ горахъ каменныхъ, путь тяжкой и страшенъ величїа.

Вторая часть труда Давилова начинается описаніемъ мѣстностей Іерусалимскихъ. «И есть же Св. градъ Іерусалимъ въ дебрѣхъ, около его горы каменны высоки, и олны пришедъ близъ городу ту видѣти градъ. Первое видѣти домъ Давидовъ, а потомъ мало подошедъ видѣти Елеонскую гору и святая святыхъ, а потомъ весь градъ видѣти. И ту есть гора ровна близъ пути града Іерусалима, яко версты одна вдалѣе, и на той горѣ сѣдають людіе съ коней и пѣши вси людіе ходять и поклоняются Христїане Св. Воскресенію. . . . И идуть пѣши съ радостію великою ко Св. граду Іерусалиму. Ту есть церковь Св. Стефана первомученика, у пути близъ, на лѣвой странѣ. Ту же есть гора каменна плоска, раздѣлася въ распятіе Христово, а то зовется адъ; а то есть близъ стѣны городныя, яко мушь каменїемъ вержетъ. Потомъ входятъ во градъ Св. Іерусалимъ вси люди съ радостію великою, ворота сущи близъ дому Давидова; тѣ суть врата отъ Вилеема лицъ, и тѣ бо суть зовутся Венїамїнови. И яко же внидучи въ городъ, путь есть сквозъ градъ: на право же къ Святаа Святымъ, а на лѣво къ Св. Воскресенію, идѣже есть Гробъ Господень». Далѣе слѣдуютъ описанїя церкви Воскресенїя Господня, о столпѣ Давидовѣ, о прѣтворѣ Соломона и купели, о дому Соломона, о Гевсиманїи, о горѣ Елеонстей. Потомъ описывается путь къ Іордану. «Есть же путь отъ Іерусалима къ Іордану чрезъ гору Елеонскую на лѣвнїи востокъ лицъ, есть же путь тяжекъ и страшенъ величїа и безводенъ: суть бо горы каменны и высоки величїа. Поганїи же мнози приходятъ, и избивають Христїанъ въ горахъ и въ дебрѣхъ страшныхъ. Отъ Іерусалима же до Іордана версть 20 и 6 великихъ, 15 верстъ до Кузивы, идѣже постался Св. Іоакимъ; есть мѣсто то тамо идучи на лѣвой сторонѣ въ петоцѣ. А отъ Кузивы до Іерихона 5 верстъ, а отъ Іерихона до Іордана 5 верстъ великихъ, все по ровну въ песцѣ, путь тяжекъ величїа: ту бо мнози человѣцы задыхаються отъ зною и умирають отъ жажды водныя. Ту бо есть море Содомное близъ пути того.» Далѣе слѣдуютъ разказы о горѣ Ермонской, о Іорданѣ, о Іерихонѣ, о лаврѣ Св. Саввы, о Сїонѣ, о Вилеемѣ, о Хевронѣ и другихъ мѣстахъ при-Іерусалимскихъ; наконецъ Данїилъ обращается снова къ Іерусали-

му. и указываетъ на мѣстность Иверскаго монастыря, отъ котораго направляетъ путь свой на западъ къ Рамѣ и морю. Здѣсь подробности пути, въ географическомъ отношеніи, представляютъ большой интересъ, ибо большая часть упоминаемыхъ Данииломъ мѣстностей уже не существуетъ въ настоящее время. Вотъ самое описаніе: «И есть Рама та дебрь велика, и не той дебри сидѣли села многа, и то есть область Внемсеменная. А отъ Рамы къ западу лицъ, 4 версты до Еммауса; и есть бо за горою село то, тамо идучи къ Яффѣ отъ Иерусалима. А отъ Еммауса до Лидды версты 4, по полю все пати, ту былъ городъ великъ, имя ему Лидда, нынѣ зовется Рамблѣя. Отъ Лидды до Юппинъ есть версть 8, нынѣ зовется градъ той градъ Яффа, Фряжскимъ языкомъ. Отъ Яффы града до Тарса есть версть 6, а отъ Тарса до Кесаріи Филипповы есть версть 24, все подлѣ моря пати; а отъ Кесаріи Филипповы до Капернаума града 8 версть. . . А отъ Капернаума до Кармилскія горы 6 версть; а отъ горы Кармилскія до града Каиафы есть верста одна; а отъ Каиафы городка до Акры есть версть 15; а отъ Акры до Тира города есть версть 10. Ту есть близъ село Сарепта Сидонская; а отъ Силона до Верита града есть версть 15. . . А отъ Верита до Зовея 20 версть; а отъ Зовея до Триполя 40 версть; а отъ Триполя до рѣки Суды 20 версть; а отъ Суды рѣки до Антиохіи великія, подалѣ отъ моря, есть версть 50. Антиохія градъ великъ, и то бо зовется градъ Антиохія Великая. А оттуду до Лаодикія есть версть 100, потому зовется Малая Антиохія, та жъ Калимеросъ островъ, та жъ Самалія градъ, та жъ Хиладони островецъ малъ. Тѣ жъ вси города подлѣ моря. Мы жъ вси тѣ города минухомъ по морю, непроставаячи, но приставомъ въ Хиладони, а оттолѣ идехомъ въ Миръ и къ Патору граду; а оттолѣ путь къ Цареграду.»

Последняя часть труда Даниилова заключаетъ въ себѣ прѣвосходное въ географическомъ отношеніи описаніе Галлилеи; оно начинается указаніемъ дорогъ изъ Иерусалима въ Галлилею. «И есть пути отъ Иерусалима въ Галлилею и къ Тиверіадскому Морю, и къ Фаворской горѣ и къ Назарету. Та бо земля зовется вся Галлилея и около Тиверіадскаго Моря; есть бо земля та на лѣтній востокъ лицъ, а Тиверіада градъ есть вдалѣе отъ Иерусалима 4 дни человеку пѣшему пати, и есть путь стра-

мень вельми, въ горахъ каменныхъ и прекрутыхъ; 3 дни нати въ горахъ тѣхъ каменныхъ страшныхъ, а день четвертый по полю нати, все подлѣ Иордана, къ востоку лицъ оны до верха Иорданова, откюду Иорданъ потече. . . . Да сей путь есть отъ Вифлеема до кладезя Св. Богородицы версть 20; а отъ кладезя до Иудейскихъ горъ суть верста, . . а отъ тѣхъ горъ до кладезя Давыдова суть версты 2; а отъ Кладезя до пещеры Давыдовы суть версты 4; . . а отъ тѣхъ горъ до Сихемскихъ горъ суть версты 4; . . а оттуду до веси Иосифовы, иже нарицается Сихемъ, есть версть 10. И ту есть кладязь Иаковль глубокъ вельми, и вода его студена и сладка вельми. Ту есть градъ Самарійскій, яко полверсты вдалѣе отъ кладязя того. Градъ же Самарія великъ вельми, и обилень всѣмъ добромъ, и овощи всякіе въ немъ. И той нынѣ градъ Самарія зовется Неополія. А отъ того града Самарія есть мѣсто къ западу лицъ дву версть вдалѣе, ина мѣсту тому Севастополь; на томъ мѣстѣ градъ малъ созданъ. . . А оттуду есть версть 4 до Армаеи. . . Есть отъ Самаріи до Вассана града версть 30. Есть же мѣсто то страшно и грозно вельми; всходитъ бо изъ городища того 7 рѣкъ, и стоятъ тростіе велико по рѣкамъ тѣмъ, и Оуницы мнози стоятъ по городищу тому, яко лѣсъ часть; ту бо живутъ Срацины мнози поганіи, и бьютъ на бродѣхъ по рѣкамъ тѣмъ. И львове мнози по рѣкамъ тѣмъ, въ тростѣхъ ту рождаются. То бо есть мѣсто близь Иордана рѣки. А отъ Вассана до верха Иорданова, до мытницы Матѣевы версть 20; путь же отъ Вассана нати по полю подлѣ Иордана, къ востоку лицъ, оны до верха Иорданова. Иорданъ же рѣка поидеть изъ моря Тиверіадскаго отъ двою источнику, кипить изъ земли чудно вельми.» Далѣе слѣдуетъ описаніе Иордана и потомъ Давидъ обращается къ Тиверіадскому Морю: «Море же Тиверіадское обходчиво, яко озеро; вода же его сладка, яко въ рѣцѣ, неслана пить, добра бо есть zelo: въ длину есть море то 50 версть, а въ ширину есть 20 версть, рыбы жъ въ немъ много. . . И есть же градъ Тиверіадъ великъ вельми, въ длину 2 версты, а въ ширину болѣе версты, и стоятъ же подлѣ моря Тиверіадскаго.» Описывая поморье Тиверіадское, Давидъ говоритъ: «ту близь село Капернаумъ. И ту подъ тѣмъ селомъ рѣка велика течеть, и та рѣка поиде изъ озера Геннисаретскаго, и входитъ та рѣка въ море Тиверіадское. Озе-

ро жъ то Геннисаретско, велико вереть 40 чрезъ и въ длину и въ ширину; озеро жъ то кругло есть, вся мокачно, и рыбы въ немъ множество. И ту же есть близъ другой градъ великъ, имя ему Геннисаритъ, и потому ся зоветъ озеро то Геннисаретское. И ту близъ града другій градъ, имя ему Декаполія. . . И ту есть обонъ-поль озера того гора висока, имя той горъ Ливанъ. На той горъ Ливанъ рождается Ливанъ темляецъ бѣлый. Изъ той жъ горы Ливанскія повдоша 12 рѣкъ великихъ; шлетъ же шесть рѣкъ къ востоку лицъ, а шесть рѣкъ на югъ лицъ, и входятъ тѣ шесть рѣкъ въ озеро Геннисаритское, и другія шесть рѣкъ идуть къ велицѣй Антиохіи—да то ся зоветъ Месопотамія, еже есть средорѣчье . . . Горы жъ той Ливанскія не могохомъ дойти, страха ради поганыхъ, но сказаша намъ о горъ той добръ свѣдоушіи; мы же грѣшныи токмо очима своими видѣхомъ ту гору и та вся мѣста около озера того Геннисаритскаго.» Далѣе у Даниила слѣдуетъ описаніе Фаворской горы, Назарета, Каны Галлилейской и обратнаго пути въ Иерусалимъ. «Фаворская гора и Назаретъ отъ Тиверіадскаго Моря на западъ лицъ есть 50 великихъ версть . . . Есть бо отъ Фаворскія горы до Назарета версть 5, двѣ версты втти по полю, а три въ горахъ, путь тяжекъ велии и непроходенъ, и тѣсенъ; ту бо поганіи Срацины мнози сѣдять въ горахъ тѣхъ, и по полю тому сидять многи селы Срацинскія, и тѣ изъ горъ тѣхъ страшныхъ выходятъ и избиваютъ странныхъ Есть же отъ Назарета до села Исавова 5 версть, а отъ села того до Кана Галлилея 4 версты. Кана Галлилея есть село на людномъ пути. И ту обретохомъ дружину добру и многу идущю во Акру, и пристахомъ къ нимъ съ радостию и вѣдохомъ съ ними во Акру. Акра жъ былъ градъ Срацинской, и вышѣ Фрази держать. Есть же градъ той Акра на велицѣмъ морѣ, и есть ту ливень добръ, и обилень всѣмъ есть градъ той. И пребыхомъ 4 дни въ Акрѣ и обрѣтохомъ дружину многу, идущю во Иерусалимъ, и придохомъ въ Кану. А отъ Назарета на полдень до Акры есть версть 28 великихъ. А отъ Акры вѣдохомъ къ горъ Карнизстей; а отъ туда вѣдохомъ въ Капернаумъ, а отъ Капернаума вѣдохомъ въ Кесарію Филиппову, путь есть подлѣ моря идти по полю. А отъ Кесаріи вѣдохомъ въ Самарію; путь есть отъ моря горы, назѣво версть 15, и вѣдохомъ полтора дни, и быхомъ на другой день

по полудни въ Самарію, потиху идучи, зноя рали. И ту лежахомъ ночь передъ градомъ Самаріи, у кладязя Іаковля. И отуду воставше идохомъ путемъ своимъ, имъ же придохомъ отъ Іерусалима, и доидохомъ поздорову до Св. града Іерусалима съ радостію великою, походивше добръ и видѣвше святая мѣста вся (*).

Описаніемъ обратнаго пути въ Іерусалимъ оканчиваются географическія свѣдѣнія о Востокѣ, сообщаемыя игуменомъ Даниломъ; на сколько сія свѣдѣнія интересны, здѣсь нѣтъ нужды говорить, ибо она валицо сами, и съ достоинствами и съ недостатками, и каждый можетъ судить о нихъ по своему усмотрѣнію. Но то безспорно, что книга Данилова служитъ яснымъ свидѣтельствомъ тому, на сколько наши предки, еще въ началѣ XII столѣтія, имѣли желаніе знать отдаленныя страны, и какъ умѣли приводить это желаніе въ исполненіе. Послѣдующія столѣтія представляютъ намъ новые источники географическихъ свѣдѣній у нашихъ предковъ.

(*) Г. Сахарова: Сказанія Русси. Народа, Т. II, кн. 8, стр. 12—35.

ГЛАВА 2-Я.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ НА РУСИ,

ВЪ XII, XIII И XIV ВѢКАХЪ.

Послѣ первыхъ 10 лѣтъ XII столѣтія, географическія свѣдѣнія на Руси значительно увеличиваются, да и въ самыхъ источникахъ своихъ болѣе разнообразятся; ибо, съ прекращеніемъ Несторовой лѣтописи, является много новыхъ лѣтописцевъ, писавшихъ въ разныхъ краяхъ Русской земли, съ новымъ запасомъ географическихъ свѣдѣній о каждомъ краѣ въ той степени, какъ онъ дѣлался болѣе знакомымъ и извѣстнымъ у современниковъ. Притомъ, съ умноженіемъ путешественниковъ, рѣшаются свѣдѣнія и о чужихъ земляхъ, и сверхъ того, съ этого же времени начинаютъ появляться и официальные памятники, также не бѣдные географическими свѣдѣніями о Русской землѣ. Все это объемъ источниковъ для географическихъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ дѣлаетъ довольно обширнымъ и разнообразнымъ и, во избѣжаніе сбивчивости, требуетъ, чтобы источники каждаго края излагались отдѣльно, не смѣшиваясь съ источниками другихъ краевъ, дабы такимъ образомъ можно было видѣть: въ какомъ краѣ Русской земли какія географическія свѣдѣнія преимущественно распространились, т. е. съ какими странами тогдашніе, того или другаго края, люди имѣли болѣе частыя сношенія. Это необходимо и потому, что въ тогдашнее время почти каждый край Русской земли жилъ особою отдѣльною жизнію, и мы впали бы въ грубыя и непростительныя ошибки, если бы развитіе жизни народнои въ одномъ краѣ Руси стали измѣрять развитіемъ ея въ другомъ краѣ.

Мы начнемъ нашъ обзоръ съ Новгорода, какъ такой страны, которая, по предпріимчивости своихъ жителей, шла всегда и во

всемъ впереди другихъ странъ Русской земли. У Новгородцевъ, въ настоящіе три вѣка, торговая и воинская дѣятельность была преимущественно устремлена на западъ и сѣверо-востокъ; и туда же направлялись и географическія свѣдѣнія, которыя были, или сами слѣдствіемъ торговыхъ и военныхъ предпріятій, или въ свою очередь давали поводъ къ тѣмъ или другимъ предпріятіямъ.

На Западѣ торговля и военныя предпріятія Новгородцевъ были устремлены къ берегамъ Балтійскаго Моря и къ тамошнимъ островамъ. Здѣсь они, въ XII и XIII столѣтіяхъ, были самыми дѣятельными торговцами и посѣщали не только важнѣйшіе острова Балтійскіе, но и берега Помераніи, Давіи и Скандинавіи; на восточныхъ же берегахъ Балтійскаго Моря были почти въ постоянной войнѣ съ жившими тамъ Финскими племенами, а также съ Шведами и Ливонцами, недопускавшими Новгородцевъ далѣе развинути свои владѣнія по берегамъ моря. Все это весьма знакомяло Новгородцевъ съ Балтійскимъ Моремъ и прилежащими къ нему землями, и такимъ образомъ распространяло географическія свѣдѣнія о тамошнемъ краѣ. По Новгородскимъ лѣтописямъ, уже въ 1111 году, Новгородцы, съ княземъ своимъ Мстиславомъ, стали выдвигаться далѣе на западъ, и въ первый разъ встрѣтились съ Финскимъ племенемъ Очелю (¹), вѣроятно жившимъ въ предѣлахъ нынѣшней Эстляндіи, на сѣверо-западъ отъ Чудскаго озера, ближе къ берегамъ Балтійскаго Моря, ибо въ первой Новгородской лѣтописи сказано, что въ 1179 году Очела, побѣжденные Мстиславомъ, бѣжали къ морю (²). Въ 1113 году Новгородцы съ Мстиславомъ снова пустились въ Эстляндію и разбили Чудь, жившую въ лѣсахъ (³); а на четвертый годъ Мстиславъ опять ходилъ съ Новгородцами въ ту же сторону и взялъ принадлежавшій Чуди городъ Медвѣжю Голову (⁴), лежавшій почти на границѣ Чюди съ Ливью; такимъ образомъ при Мстиславѣ Новгородцы захватили почти всю страну Чюди и выдвинулись къ границамъ Ливоніи. А при его преемникѣ Всеволодѣ они обратились въ другую страну, въ нынѣшнюю Финляндію, и побѣдили тамъ, въ 1128 году, Финское племя Емь (⁵); эта новая страна для Новгородцевъ на сей разъ представила большія затрудненія на походѣ, и лѣто-

(¹) Новг. 1, стр. 4. (²) Тамъ же, стр. 17. (³) Тамъ же, 4. (⁴) Тамъ же. (⁵) 5.

писецъ говорить: «лють бяше путь». Но походы Мстислава въ Эстонию еще не подчинили этой страны Новгороду, и Всеволодъ, послѣ Финляндскаго похода, жегъ и опустошалъ Эстонию еще три раза, въ 1130, въ 1131 и 1133 годахъ, и въ послѣдній походъ взялъ Юрьевъ, а во второмъ походѣ былъ разбитъ около какого-то урочища, названнаго въ лѣтописи Клиномъ. Такое упорное стремленіе Новгородцевъ завладѣть Эстонию очевидно было въ слѣдствіе распространившейся торговли съ забалтійскими странами, которая требовала болѣе прочныхъ и пространныхъ владѣній на Эстляндскомъ берегу, дабы имѣть сколько можно болѣе надежныхъ пристанищъ для Новгородскихъ мореходцевъ, а въ случаѣ нужды и готовую защиту отъ морскихъ разбойниковъ, которыхъ тогда чрезвычайно много было на Балтійскомъ Морѣ. О торговлѣ Новгородцевъ съ заморскими западными землями ясно говорятъ лѣтописи того времени; такъ, подъ 1130 годомъ, упоминается о потопленіи 7 Новгородскихъ судовъ, шедшихъ съ товарами отъ острова Готландъ, тогдашняго главнаго базара сѣверно-Европейской торговли (°); и далѣе, подъ 1134 годомъ, есть извѣстіе, что Новгородцы, въ своихъ морскихъ торговыхъ путешествіяхъ, доходили до береговъ Давин и въ этомъ году были разбиты Датчанами (°), т. е. вѣроятно Датскими морскими разбойниками. Подъ 1142 годомъ говорится, что какой-то Шведскій князь, въ 60 швекахъ, напалъ-было на три Новгородскихъ лоды, шедшихъ съ товарами за море; но былъ отбитъ съ урономъ (°). Послѣ 1133 года Новгородцы, занятые войною съ Русскими князьями, въ продолженіи 46 лѣтъ не обращали вниманія на западныхъ своихъ сосѣдей Эстонцевъ; но въ 1179 году, подъ предводительствомъ знаменитаго Мстислава Ростиславича, въ числѣ 20,000 человекъ, снова ходили на Очелу, пожгли всю ихъ землю и проникли до самыхъ береговъ Балтійскаго Моря (°). Между тѣмъ, знакомство съ прибалтійскими странами распространялось болѣе и болѣе; Скандинавы или Варяги были обычными гостями въ Новгородѣ и даже имѣли тамъ свою церковь, такъ, подъ 1181 годомъ: лѣтопись говорить, что на торговищѣ сгорѣла Варяжская церковь (°). А въ 1186 году, Новгородскіе повольники, собранные Выпатою Васильевичемъ, ходили въ Финляндію и воротились домой съ множе-

(°) Новг. 1, стр. 6. (°) Тамъ же. (°) Тамъ же, 9. (°) Тамъ же, 17. (°) Тамъ же, 18.

ствомъ плѣнныхъ Еми ⁽¹¹⁾. Подъ 1188 годомъ есть извѣстіе, которое показываетъ, что Новгородскіе купцы ежегодно ходили за море; въ лѣтописи сказано, что по случаю ссоры съ Готландскими Нѣмцами и Варягами, Новгородъ на слѣдующую весну никого изъ своихъ не пустилъ за море ⁽¹²⁾. Эстонія же и Финляндія, столько разъ опустошаемыя Новгородцами, все еще оставались непокоренными. Новгородцы, вмѣстѣ съ Кореллянами и Псковичами, съ 1190 года въ продолженіи 3-хъ лѣтъ дѣлали походы въ сіи страны, опустошили Финляндію и заняли въ Эстоніи Юрьевъ и Медвѣжью Голову; а въ 1200 году изъ Великихъ Лукъ проникли въ Летгалію, лежащую уже въ Литовскихъ или Латышскихъ предѣлахъ, на югъ отъ Эстоніи ⁽¹³⁾. Потомъ, въ 1212 и 1214 годахъ, Мстиславъ Мстиславичъ Удалой снова водилъ Новгородцевъ въ Эстонію, и воевалъ тамъ съ Чудскими племенами Тормы и Еревы и взялъ Эстовскіе города Медвѣжью Голову и Воробинъ ⁽¹⁴⁾. Упоминаемыя здѣсь племена Чуди жили: Торма на сѣверъ отъ Юрьева или нынѣшняго Дерпта, гдѣ и теперь еще есть два селенія съ названіемъ Торма, а Ерева—по нынѣшней рѣкѣ Перновъ ближе къ морскому берегу. Между-тѣмъ, торговыя сношенія съ Варягами продолжались, они по прежнему ѣздили въ Новгородъ, жили въ немъ и имѣли свою церковь; ибо подъ 1217 голомъ лѣтопись говоритъ: «а въ Варяжской божици изгорѣ товаръ весь Варяжскій, безъ числа» ⁽¹⁵⁾. Подъ тѣмъ же годомъ упоминается о новой войнѣ Новгородцевъ и Псковичей съ Чудью, объ осадѣ города Медвѣжьей Головы и о вмѣшательствѣ въ это дѣло Нѣмцевъ, которыхъ Новгородцы разбили подъ Медвѣжьей Головою ⁽¹⁶⁾. Въ 1219 году Новгородцы, съ своимъ княземъ Всеволодомъ, пошли на западъ сквозь всю Эстонію вплоть до моря, осаждали Пертцевъ (нынѣшній Перновъ) и разбили Нѣмцевъ, Литву и Ливь ⁽¹⁷⁾. Потомъ, въ 1222 г., они съ княземъ Святославомъ вступили въ землю Ливи и по рѣкѣ Аа достигли Кеси (нынѣшняго Вендена) и воевали тамъ съ Литовцами, пришедшими на помощь къ Венденцамъ ⁽¹⁸⁾. Въ слѣдующемъ же году осаждали Кольванъ (Ревель), года четыре назадъ только-что выстроенный Датчанами ⁽¹⁹⁾, и опустошили всю Эстонію. Въ 1227 году Яро-

⁽¹¹⁾ Новг. 1. 19. ⁽¹²⁾ Тамъ же, 20. ⁽¹³⁾ Тамъ же, 25. ⁽¹⁴⁾ Тамъ же, 31—32. ⁽¹⁵⁾ Тамъ же, 35. ⁽¹⁶⁾ Тамъ же. ⁽¹⁷⁾ Тамъ же, 37. ⁽¹⁸⁾ Тамъ же, 38. ⁽¹⁹⁾ Тамъ же, 39.

славъ съ Новгородцами ходилъ опустошать Финляндію ⁽²⁰⁾; потомъ готовился къ походу на Ригу, при чемъ Псковичи отказали ему въ пособіи, говоря, что они съ Рижанами заключили миръ ⁽²¹⁾. Походъ, замышляемый Ярославомъ противъ Риги и союзъ Псковитянъ съ Рижанами, ясно показываютъ, что вся Эстонія и Ливонія отъ Чудскаго Озера вплоть до устьевъ Западной Двины были очень хорошо знакомы Новгородцамъ и Псковичамъ и считались постояннымъ поприщемъ ихъ торговыхъ и военныхъ предпріятій. Здѣсь Новгородцы соперничали съ Нѣмцами, и въ началѣ XIII вѣка были недалеко отъ того, чтобы сдѣлаться господствующими въ обѣихъ сихъ странахъ, тѣмъ болѣе, что тамошніе коренные жители, Чудь и Ливь, были къ нимъ расположены болѣе, нежели къ Нѣмцамъ и Датчанамъ, утвердившимся въ приморскихъ городахъ этого края. Новгородцы и Псковичи имѣли столь тѣсныя связи въ Эстоніи, что ихъ изгнанники находили тамъ убѣжище и союзниковъ, и перѣдко изъ Эстоніи дѣйствовали на Новгородъ и Псковъ. Такъ, напримѣръ, въ 1232 году Борисъ Негодѣвичъ съ своими товарищами бѣжалъ изъ Пскова въ Медвѣжью Голову, и оттуда въ слѣдующемъ году завладѣлъ-было, при помощи Нѣмцевъ, Изборскомъ ⁽²²⁾. Псковичи были даже въ тѣсномъ союзѣ съ Рижскими Нѣмцами противъ Литовцевъ ⁽²³⁾.

Но не въ такомъ отношеніи къ Новгороду была Финляндія: эта страна, не смотря на нѣсколько Новгородскихъ походовъ противъ Еми, надолго еще оставалась краемъ малозвѣстнымъ, а тамошніе старожилы, Сумь и Еми, народомъ враждебнымъ и непокорнымъ; здѣсь Новгородцевъ предупредили Шведы и успѣли утвердиться въ этомъ краю прежде, нежели Новгородцы хорошо узнали о немъ. Отъ этого ихъ походы въ эту страну были самыми затруднительными, и даже Александръ Невскій въ 1256 году ходилъ туда, какъ въ страну малозвѣстную и потерялъ многихъ проводниковъ; хотя онъ опустошилъ земли Еми, но тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству лѣтописи, «бысть волъ путь» ⁽²⁴⁾. А объ отцѣ его Ярославѣ, ходившемъ на Еми со стороны моря въ 1226 году, въ лѣтописи прямо сказано: «ходи изъ Новгорода за море на Еми, гдѣ же ни одинъ отъ Рускихъ князь возможно бывати» (Лавр. 190). Только съ XIV вѣка этотъ край

⁽²⁰⁾ Новг. 1. 42. ⁽²¹⁾ Тамъ же, 43. ⁽²²⁾ Тамъ же, 48. ⁽²³⁾ Тамъ же, 50. ⁽²⁴⁾ Тамъ же, 56.

мало-по-малу началъ дѣлаться болѣе извѣстнымъ. По свидѣтельству лѣтописей, въ 1311 году «ходиша Новгородцы войною на Нѣмецкую землю за море, на Емь, съ княземъ Дмитріемъ Романовичемъ, и переѣхавше море, взяша первое Купецкую рѣку, села пожгоша и головы поймаша, а скоть изсѣкоша; потомъ взяша Черную рѣку всю, и тако по Черной придоша къ городу Ваная, и взяша городъ и пожгоша, а Нѣмци избѣгоша въ дѣтинець; бѣше бо мѣсто великиа сильно твердо, на камени высоцѣ, не имѣя приступа ни откуду же; и сослаша съ покловомъ, просяще мира, Новгородцы же мира не даша и стояши 3 дни и 3 ночи, волость труче, села великіа пожгоша, обиліе все потравиша, а скота не оставиша ни рога; и потомъ, идуче, взяша Кавгалу рѣку и Перну рѣку, и выдоша въ море, и придоша здорови вси въ Новгородъ»⁽²⁵⁾. Это первое скольконибудь подробное извѣстіе нашихъ лѣтописей о Финляндіи; но и здѣсь географическія свѣдѣнія ограничиваются только рѣками Кумо (Купецкая рѣка), Нокією (Черная рѣка) Кавгалой и Перной, и городомъ Ваняемъ, нынѣшнимъ Ваавё. Далѣе Кумо Новгородцы не заходили; да и въ сихъ предѣлахъ, кажется, только прошли по рѣкамъ и опустошили побережія. Самое опустошеніе и быстрота, съ которою совершенъ былъ походъ, показываютъ, что это было не больше, какъ морской набѣгъ, чисто въ Норманскомъ вкусѣ, безъ желанія поближе узнать страну и войти съ тамошними жителями въ торговляя сношенія. Но, испытавши одинъ разъ счастья, они не замедлили и еще повторить опытъ по тому же морскому пути, и въ 1318 году вступили въ землю Сумя, проникли въ рѣку Полную и взяли Модеревъ, городъ Сумскаго князя и Пискупль⁽²⁶⁾: это, кажется, нынѣшній городъ Або или Абовскій замокъ, построенный Финляндскимъ префектомъ Модеромъ, и рѣка Аураюки, на которой стоитъ Або, ибо Аураюки по-Финляндски и теперь значитъ полвая рѣка.

Продолжая свои морскіе набѣги по Балтійскому Морю, Новгородцы проникли до Норвегіи, и около 1323 года опустошили предѣлы Дронтгеймской области, а также не разъ грабили Шведскую Лапландію, проходя туда, кажется, сухимъ путемъ изъ Кареліи; которая въ это время была поприщемъ

⁽²⁵⁾ Новг. 1, стр. 69 ⁽²⁶⁾ Тамъ же, 72.

жестокихъ битвъ между Шведами и Новгородцами, дѣлившими между собою эту страну. Въ 1339 году Новгородцы отправляли свое посольство къ Магнусу, королю Шведскому, моремъ послы, какъ говоритъ лѣтопись, наѣхали короля въ Мурманской (Норвежской) землѣ въ городѣ Людови (нынѣшній Лундъ) ⁽²⁷⁾. Это извѣстіе о путешествіи Новгородскаго посольства ясно показываетъ, что Новгородцы хорошо знали берега не только Дави и Швеціи, но и Норвегіи, и странствовали не по одному Балтійскому Морю, но и по Сѣверному Океану, что засвидѣтельствовано даже и Норвежскими лѣтописями, которыя, какъ мы уже видѣли, упоминаютъ о Новгородскихъ набѣгахъ на Дрондгеймъ.

Такимъ образомъ въ продолженіе XII, XIII и XIV столѣтій Новгородцы были уже хорошо знакомы со всѣми странами, лежащими на западъ отъ ихъ отечества: вдоль и поперекъ избороздили Балтійское Море, проходили Зундъ и Бельты, знали Нѣмецкое Море и Сѣверный Океанъ, прележащій къ берегамъ Норвегіи, и ходили туда или какъ торговцы, или какъ морскіе разбойники, подобно викингамъ Скандинавскимъ.

На сѣверовостокъ географическія свѣдѣнія Новгородцевъ еще въ предшествовавшія столѣтія, какъ мы уже видѣли, простирались до Уральскаго Хребта и даже далѣе, за Обь, въ глубину Сибири; но эти свѣдѣнія не имѣли еще тѣхъ подробностей, какія они приобрѣли въ настоящіе три вѣка, въ продолженіе которыхъ огромныя пустынные пространства сѣвера, ирѣдка заселенныя полудикими Финскими племенами, были широкимъ поприщемъ для Новгородскихъ торговцевъ и повольниковъ: изъ нихъ одни искали здѣсь драгоценныхъ пушныхъ товаровъ и даже серебра, называемаго въ нашихъ лѣтописяхъ «Закамскимъ», вымѣнивая ихъ на свои произведенія, особенно на разныя желѣзныя орудія, въ которыхъ нуждались дикари; другіе развѣзжали по здѣшнимъ рѣкамъ, грабили прибрежныхъ жителей и своими отважными походами по непроходимымъ лѣсамъ открывали новые пути для торговцевъ. Уже въ 1114 году Ладожскій посадникъ Павелъ говорилъ одному Кіевлянину: «Еще мужи старіи ходили за

⁽²⁷⁾ Новг. 1, 79.

Югру и за Самоядь; яко видѣвши сами на полунощныхъ странахъ, спадѣ тучи и въ той тучѣ спадѣ веверца млада, зми топерво рожена, и възрастши и разходится по земли, и пакы бываетъ другая туча, и спадаютъ оленци мали въ ней и взрастаютъ и разходится по земли» (28). Это извѣстіе очевидно есть видоизмѣненіе подобнаго извѣстія, помѣщеннаго у Нестора, о невѣдомыхъ людяхъ за Югрою, просѣкающихъ гору и просящихъ желѣза; но оно въ то же время показываетъ, что Новгородцы продолжали торговать съ симъ отдаленнымъ краемъ и постепенно приобрѣтали болѣе подробныя свѣдѣнія о тамошнихъ произведеніяхъ, о которыхъ, кажется, съ намѣреніемъ рассказывали небывалымъ людямъ чудеса, чтобы подивить другихъ своими похождениями. Но на Сѣверной Двинѣ и за Двиною были уже не баснословныя походы повольниковъ и отважныхъ торговцовъ, а постоянныя владѣнія Новгородца, занятія Новгородскими колоніями и платившія дань. Такъ, подъ 1169 годомъ, лѣтопись говоритъ: «иде Давыславъ Лааутиничъ за Волокъ даньщикомъ съ дружиною» (29). Подъ 1187 годомъ есть извѣстіе о Новгородскихъ данникахъ въ Печорѣ и Югрѣ; лѣтопись говоритъ: «въ то же время избѣни быша Печерскѣи даньники и Югрскѣи въ Печерѣ, а друзи за Волокомъ; и паде головъ о стѣ къметьства» (30). Ежегодное посѣщеніе Новгородскихъ данщиковъ съ дружинами дѣлаю сѣя страны болѣе и болѣе извѣстными. Подъ 1193 годомъ встрѣчаемъ даже подробное извѣстіе о Новгородскихъ походахъ въ Югорскую сторону, и о товарахъ, оттуда получаемыхъ. По словамъ лѣтописи, «идоша изъ Новгорода въ Югру ратью съ воеводою Ядрѣемъ, и придоша въ Югру и възвѣша городъ, и придоша къ другому граду, и затворишася въ градѣ, и стояше подъ городомъ 5 недѣль; и възвѣшаху къ нимъ Югра льстью, рекуще тако: яко копимъ серебро и соболи и ина узорочья, а не губите своихъ смердъ и своей дани,—а льстяще ими, а въе копяче; и яко скопиша вое, и выслаша изъ города къ воеводѣ: поиди въ городъ; и иде въ городъ воевода, поиди съ собою попа, Иванка Легена, и внѣхъ вѣчьшихъ» (31). Это замѣчательное извѣстіе показываетъ, во 1-хъ, что Новгородцы, въ своихъ владѣніяхъ по Сѣверной Двинѣ и за Двиною, постоянно стре-

(28) Ипат., стр. 8. (29) Новг. 1. 14. (30) Тамъ же, 19. (31) Тамъ же, стр. 21.

милась быть полными господами, и всякое непослушаніе наказывали посылкою войска; во 2-хъ, они не только хотѣли власти въ этомъ краю, но старались развить въ немъ свою гражданственность, какъ это видно изъ построения тамъ многихъ городовъ съ чисто Новгородскимъ устройствомъ, о чемъ мы вскорѣ будемъ говорить подробно, и изъ желанія распространить между полулюкими жителями Христіанство, посылая; вмѣстѣ съ воеводою, священника, и очевидно не для совершенія только церковныхъ требъ при войскахъ, но и для распространенія Христіанства у туземцевъ, ибо при вступленіи въ городъ, воевода прежде всего бралъ съ собою священника, можетъ-быть для того, чтобы избрать мѣсто для построения церкви въ завоеванномъ городѣ, какъ это всегда дѣлали Русскіе, въ знакъ своего владычества надъ люкороенною странкою; наконецъ въ 3-хъ, въ настоящемъ извѣстіи въ первый разъ упоминается о закамскомъ серебрѣ, очевидно получавшемся Новгородцами отъ Югорцовъ, ибо Югры говорили воеводѣ: «копимъ серебро и соболя». Подъ 1323 годомъ Новгородская лѣтопись упоминаетъ, что заратылисы Устюжане съ Новгородцами, захватили Новгородцовъ, ходившихъ въ Югру, и ограбили ихъ. Въ слѣдующемъ году Новгородцы, съ княземъ Юріемъ, ходили въ Заволочье и взяли Устюгъ на штурмъ; оттуда отошли къ Двинѣ, куда Устюжскіе князья немедленно отправили посольство и заключили съ Новгородцами и съ Юріемъ миръ на прежнихъ условіяхъ. Князь Юрій съ Заволочья отправился въ Орду по Камѣ ^(*). Изъ этого извѣстія мы видимъ, что Новгородцы дѣйствовали въ задвинской сторонѣ не однимъ оружіемъ, но и договорами, ибо Устюжскіе князья «докончали миръ по старой пошлнѣ», т. е. на условіяхъ, издавна бывшихъ между Устюжанами и Новгородцами; слѣдовательно, Устюгъ давно былъ знакомъ Новгороду и былъ съ нимъ въ сношеніяхъ, выгодныхъ для Новгородской торговли, которая чрезъ Устюжскія владѣнія шла на сѣверовостокъ въ Югру и на востокъ къ Камѣ. Еще въ 1174 году нѣкоторые Новгородскіе выходцы основали здѣсь колонію, потомъ заняли берега Вятки, покорили Вотяковъ и Черемису, и состави-

(*) Новг. 1, стр. 73.

ли особую, независимую республику по Новгородскимъ обычаямъ и правиламъ: въ XII вѣкѣ уже были у нихъ города Никулцынъ, Кошкаровъ и Хлыновъ. ⁽³²⁾

Въ Двинской или Заволочьской землѣ Новгородцы, въ XIV вѣкѣ, были полными хозяевами; въ тамошнихъ волостяхъ и городахъ въ Шенкурскѣ на Вагѣ, въ Каргополѣ на Онегѣ, въ Пинежѣ и другихъ, уже правили посадники и бояре, присылаемые изъ Новгорода ⁽³³⁾: мало-по-малу они строили тамъ новые города, даже иногда и безъ Новгородскаго приказа. Такъ, напримѣръ, въ 1342 году Лука Вареломѣевъ построилъ Орлець, а сынъ его, Онциферъ, утвердился на Вагѣ ⁽³⁴⁾. Изъ Двинскихъ городовъ и волостей Новгородцы нерѣдко ходили по Волгѣ и производили грабежи, даже до Каспійскаго Моря, по Русскимъ и Татарскимъ владѣниямъ. Такъ, напримѣръ, въ 1366 году Московскій князь Дмитрій Ивановичъ гнѣвался на Новгородцевъ за то, что ихъ повольники или молодцы ходили на Волгу и грабили Московскихъ гостей ⁽³⁵⁾. Въ 1386 году, Новгородцы, по требованію Московскаго князя, посылали посадника своего за Волокъ взыскать съ Заволочьской земли 5000 руб. за то, что Заволочане были на Волгѣ и производили тамъ грабежи ⁽³⁶⁾. По свидѣтельству Никоновской лѣтописи, въ 1360 году они ограбили Жукотинъ, одинъ изъ городовъ прежней Камской Болгаріи ⁽³⁷⁾. Въ 1366 году Новгородцы ограбили Нижній-Новгородъ, захватили тамъ всѣ купеческія суда, и рѣкою Камю нѣсколько времени ходили, для грабежа, по Болгарской землѣ ⁽³⁸⁾. Въ 1374 году, въ числѣ 90 ушкуевъ, ограбили Вятку и завладѣли Казанью; потомъ, раздѣлившись на два отряда, одни въ 50 ушкунъ пошли внизъ по Волгѣ къ Сарая, а другіе, въ 40 ушкунъ, отправились вверхъ по Волгѣ и пограбили все Зарусье (вѣроятно Засурье) и Марквашъ ⁽³⁹⁾. Въ слѣдующемъ году въ 70 ушкунъ, Новгородцы напали на Кострому, взяли и ограбили городъ, съ большою добычею и плѣнниками спустились внизъ по Волгѣ въ Казань и распродали тамъ плѣнниковъ; оттуда, по Волгѣ, пустились къ Сарая, граба по дорогѣ всѣхъ встрѣчающихся гостей, потомъ приплыли въ Астрахань и снова распродали тамъ плѣнниковъ ⁽⁴⁰⁾. Въ 1391 году, они снова

⁽³²⁾ Ист. Г. Р. т. III, прим. 31 и 32. ⁽³³⁾ Новг. 1, стр. 99. ⁽³⁴⁾ Новг. 1., стр. 81-98. ⁽³⁵⁾ Тамъ же, 88. ⁽³⁶⁾ Тамъ же, 94. ⁽³⁷⁾ Ник. лѣт. т. III, стр. 216. ⁽³⁸⁾ Тамъ же, т. IV, стр. 12. ⁽³⁹⁾ Тамъ же, 38. ⁽⁴⁰⁾ Тамъ же, 45.

грабили Жукотинъ и Казань⁽⁴¹⁾. Такимъ образомъ Новгородцамъ хорошо были знакомы всѣ земли, лежащія на сѣверъ и востокъ отъ Новгорода. Съ одной стороны, широкая полоса земли по берегамъ Бѣлаго Моря и Сѣвернаго Океана до Уральскаго хребта и до Оби составляла почти сплошное владѣніе Новгородцевъ, платившее имъ дань и, хотя изрѣдка, заселенное ихъ городами, особенно по рѣкамъ Онегъ, Сѣверной Двинѣ, Вяткѣ и по верховьямъ Камы; съ другой стороны, почти все теченіе Волги и нижнихъ притоковъ ея вплоть до Каспійскаго Моря было поприщемъ Новгородской торговли и разбойничества для кутниковъ или повольниковъ. Кажется, что Новгородцы были не незнакомы и съ Каспійскимъ Моремъ, извѣстнымъ въ то время подъ именемъ Хвалынскаго: въ сказкѣ о Васильѣ Буслаевичѣ одинъ Новоторжанинъ Костя хвалится, что къ нему съ Хвалынскаго Моря идутъ три корабля съ самоцѣтными каменьями.

По оффиціальнымъ памятникамъ и по лѣтописямъ, Новгородскія владѣнія въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ раздѣлялись на пять пятинъ: Вотскую, Шелонскую, Деревскую, Бѣжецкую и Обонежскую. Вотскую пятину составляли земли, лежащія на сѣверъ отъ рѣки Луги и на западъ отъ Волхова до Балтійскаго Моря, по западному берегу Ладожскаго Озера и даже на сѣверъ до Бѣлаго Моря и Сѣвернаго Океана. Въ этой странѣ жили между Новгородцами древніе тамошніе туземцы Воть и Ижера, и частію Корела и Лопь. Здѣсь Новгородцы имѣли города: Ямъ, Копорье, Тесовъ, Орешекъ, Лалогу и Корельскій Городокъ. Шелонская пятинка лежала на югъ отъ Вотской пятинны, гдѣ, на сѣверъ, границею была рѣка Луга, а съ запада границами были Чудское озеро и Псковскія владѣнія, на югѣ земли Полоцкія и Смоленскія, и на востокъ Деревская пятинка, отдѣлявшаяся озеромъ Ильменемъ и рѣками Полистомъ и Ловатью. Здѣсь были города: Новгородъ, Порховъ, Дубровна, Опока, Сабль, Голинъ и Великія Луки⁽⁴²⁾. Пятинка Деревская была на востокъ отъ Шелонской и на югъ отъ Обонежской и Бѣжецкой. Отъ Шелонской пятинны она отдѣлялась озеромъ Ильменемъ и рѣками Полистомъ и Ловатью, отъ Обонежской рѣкою Мстою, отъ Бѣжецкой также Мстою и Твердой, на востокъ

(41) Тамъ же, 199. (42) Ник. лѣт. III, стр. 183.

упиралась въ Тверскія и Московскія владѣнія, а на югъ граничила съ Смоленскими землями. Въ этой пятинѣ были города: Бронницы, Руса, Деманъ, Коломна, Торжекъ и Волокъ-Ламскій, вѣзъывавшійся въ Московскія владѣнія. Бѣжецкая пятина, сходявшаяся съ Деревскою у Вышняго-Волочка, шла на сѣверовостокъ по рѣкѣ Мологѣ рядомъ съ Обонежскою патиною, отъ которой отдѣлялась рѣками Сясю и Тихвинкою; на востокъ она сходилась съ Бѣлозерскими и Ярославскими землями, а на югъ съ Тверскими. Здѣсь были города: Устюжна, Кистья, Палиць, Городецъ, Змень, Езьское, Рыбоньское, Изьское, Боровичи, Бѣжець, Егна, Мелеча, Шапина. Обонежская пятина на рѣкѣ Мстѣ сходилась съ Деревскою и Бѣжецкою патиною, а на Волховѣ съ Ветьскою; она лежала на западѣ по восточному берегу Ладожскаго озера, потомъ на востокъ тянулась по Онежскому озеру и по Вытегрѣ до рѣкѣ Онеги и Ваги и даже до Сѣверной Двины и Пинеги, которая была ея крайнимъ восточнымъ предѣломъ; на сѣверѣ Обонежская пятина упиралась въ Бѣлое Море, а на югъ граничила съ Бѣжецкою патиною и Бѣлозерскими землями. Здѣсь были города погосты и мѣста: Сварь, Юскола, Тервиничи, Вьюница, Усть-Павса, Пахитна, Оловецъ, Кокцева Гора, Перминъ, Кокоровъ, Мосіегъ, Луцевичи, Тойвотъ, Липка, Каргополь, Вага или Шенкурекъ, Вельскъ, Пинегъ, Вологда, Волдутовъ погостъ, Тудоровъ, Иванъ, Ракула, Спирковъ, Вихтуй, Кегрель, Емецъ, Пунтъ, Лигуй, Чудинъ, Вавдитъ, Векшенза, Борокъ, Отминъ, Тойма, Пома, Тошма, Пененичь, Порогопустци, Валдитъ, Волокъ-въ-Моши и Орлецъ ⁽⁴⁴⁾.

Кромѣ пятинъ, въ Новгородскихъ договорныхъ грамотахъ упоминается о Новгородскихъ владѣніяхъ, лежавшихъ въ сосѣдствѣ съ сѣверными Норвежскими владѣніями, каковы Колоперемъ и Тре, и на сѣверовостокъ Пермь, Печера и Югра, которыя не входили въ составъ пятинъ ⁽⁴⁵⁾.

О Русскихъ земляхъ, лежащихъ на востокъ и югъ отъ Новгорода, Новгородцы въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ имѣли самыя подробныя географическія свѣдѣнія, что доказывается, какъ многими географическими подробностями, встрѣчающимися въ

⁽⁴⁴⁾ Русск. Дост. Т. I. стр. 84—85, и Собр. Гос. Гр. и Док. Т. I. № 2.

⁽⁴⁵⁾ Тамъ же.

Новгородскихъ лѣтописяхъ, такъ и тѣмъ, что Новгородцы въ это время вели самую дѣятельную торговлю во всѣхъ Русскихъ земляхъ. Она для нея вѣдали не только въ Суздальскія, Смоленскія, Полоцкія, Черниговскія и Кіевскія владѣнія, но даже въ землю Волинскую; а съ покореніемъ Россіи Мэнголами, путешествовала и по Ордынскимъ степямъ. Такъ мы знаемъ, что по смерти Московскаго князя Семена Ивановича, Новгородскій посолъ Семень Судоконъ вѣдаль въ Орду ходатайствовать о князѣ Константиинѣ Суздальскомъ ⁽⁴⁶⁾. О посѣщеніи Новгородцами Волинскихъ владѣній ясно и опредѣленно говоритъ Ипатіевская лѣтопись при описаніи кончины Владиміро-Волинскаго князя Владиміра Васильковича, въ 1286 году; въ ней сказано: «плакашася вахъ нимъ все множество Владимірцовъ, мужи и жены и дѣти, Нѣицы и Сурожцѣ и Новгородцы и Жидовѣ плакахуся» ⁽⁴⁷⁾. О торговлѣ Новгородцовъ въ Кіевѣ нерѣдко упоминаютъ лѣтописи: напрямѣръ, подъ 1141 годомъ, Новгородская лѣтопись говоритъ, что В. К. Всеволодъ Ольговичъ, разгнѣвавшись на Новгородцевъ, задержалъ ихъ гостей въ Кіевѣ ⁽⁴⁸⁾; подъ 1147 годомъ упоминается о Новгородской божницѣ въ Кіевѣ. ⁽⁴⁹⁾ О торговлѣ же и пребываніи Новгородцевъ въ Суздальскихъ земляхъ можно судить по частымъ упоминаніямъ лѣтописей о томъ, что, въ случаѣ ссоры съ Новгородомъ, Суздальскіе князья всегда задерживали у себя Новгородскихъ купцовъ: такъ, въ 1148 году, князь Юрій Долгорукій отпустилъ задержанныхъ Новгородцевъ по просьбѣ епископа Нифонта «и Новгородскіе гости всѣхъ цѣлы и съ торги ихъ отпусти» ⁽⁵⁰⁾; подъ 1196 годомъ лѣтопись говоритъ, что Всеволодъ Георгіевичъ изымалъ Новгородцевъ за Волокомъ и по всей землѣ своей, и держалъ ихъ у себя ⁽⁵¹⁾.

Но, кромѣ торговли и войны, Новгородцы приобрѣтали географическія свѣдѣнія разными дальними путешествіями. Такъ до насъ дошло описаніе путешествія Добрыни Ядрейковича (бывшаго въ послѣдствіи Архіепископомъ Новгородскимъ подъ именемъ Антоція) въ Царьградъ. Это путешествіе было совершено въ 1210 году; описаніе его хранится въ библіотекѣ г. Погодина, и заключаетъ въ себѣ довольно замѣчательныхъ

⁽⁴⁶⁾ Новг. I, стр. 86. ⁽⁴⁷⁾ Ипат., стр. 228. ⁽⁴⁸⁾ Новг. I, стр. 9. ⁽⁴⁹⁾ Ник. лѣт. II, стр. 102. ⁽⁵⁰⁾ Тамъ же, стр. 103. ⁽⁵¹⁾ Новг. I, стр. 23.

подробностей вообще о Константинополѣ и въ особенности о тамошнемъ Софійскомъ храмѣ. Мы имѣемъ также отрывокъ путешествія Новгородца Стефана ко святымъ мѣстамъ. Этотъ Стефанъ путешествовалъ около 1350 года, и оставилъ записки о своемъ пребываніи въ Константинополѣ: въ этихъ запискахъ находимъ описаніе тогдашнихъ Константинопольскихъ замѣчательностей, съ подробностями превосходно характеризующими духъ того времени, какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Новгородѣ. Стефанъ упоминаетъ и о встрѣчѣ съ своими земляками, проживавшими въ Константинополѣ: это извѣстіе даетъ поводъ думать, что отдаленныя земли Византійской Имперіи и въ тогдашнее время были нерѣдко посѣщаемы предприимчивыми гражданами Новгорода. На подобную же мысль наводитъ находящееся въ Новгородской лѣтописи извѣстіе о взятіи Константинополя крестоносцами въ 1204 году⁽²²⁾: и здѣсь нѣкоторыя подробности о Константинополѣ и о тамошнемъ Софійскомъ храмѣ довольно ясно намекаютъ на знакомство Новгородцевъ съ тѣмъ краемъ. Находить въ этомъ извѣстіи переводъ какой нибудь Византійской хроникѣ, мы не имѣемъ никакого права; нѣкоторыя сходства въ рассказѣ объ одномъ и томъ же предметѣ въ Новгородской лѣтописи и въ Византійскихъ хроникахъ еще не могутъ служить доказательствомъ перевода, а не оригинальнаго Русскаго сочиненія.

Ближайшими сосѣдями Новгорода на востокъ были Суздальцы, и потомъ Москвичи. Этотъ край у Новгородцевъ былъ извѣстенъ подъ общимъ именемъ Низовья и заключалъ въ себѣ Тверскія, Вѣловерскія, Ростовскія, Суздальскія и Московскія владѣнія. Въ началѣ XII вѣка всѣ сія земля, подъ общимъ названіемъ Суздальской или Ростовской страны, были причислены къ владѣніямъ южнаго или Русскаго Переяслава и составляли независимый удѣлъ младшихъ князей Мономахова дома. Географическія свѣдѣнія объ этомъ краѣ начали распространяться съ тѣхъ поръ, какъ тамъ поселился Мономаховъ сынъ, Юрій Долгорукій. Этотъ беспокойный и предприимчивый князь ближе познакомилъ Суздальцевъ съ прочими странами Руси, а для жителей другихъ частей Русской земли сдѣлалъ страну Суздаль-

(22) Новг. 1, стр. 26.

скую болѣе доступною и знакомою. Ея походы в войны въ Приднѣпровьѣ и Новгородѣ, продолжавшіеся около 22 лѣтъ, открыли для Суздальцевъ всю Русскую землю; они въ это время узнали не только Черниговъ, Кіевъ и другіе ближайшіе города, но даже страны Волынскую и Галицкую, а частію и Половецкія степи, гдѣ они являлись то друзьями, то врагами Половцевъ. И тѣ же войны Юрія открыли путь въ Суздальскую землю для жителей другихъ краевъ Руси, которые, за исключеніемъ Новгородцевъ, до сихъ войнъ очень рѣдко посѣщали отдаленный Суздальскій край и едва знали его. Въ лѣтописяхъ до Юрія, кромѣ Ростова, Суздаля и Бѣлоозера, мы не встрѣчаемъ другихъ городовъ въ этомъ краю, и конечно не потому, чтобы ихъ не было, но очевидно отъ того, что этотъ рѣдко посѣщаемый край былъ мало извѣстенъ въ другихъ странахъ Руси.

Но со времени Юрія Долгорукаго здѣсь дѣлаются извѣстными многіе города и урочища. Такъ, въ 1135 году, Юрій промѣнялъ Кіевскому князю Ярополку, на Русскій Переяславль, Суздальскія владѣнія Ростовъ и Суздаль и нѣкоторыя другія волости, но не всѣ^(*). Конечно, здѣсь мы встрѣчаемъ еще прежніе знакомые города Ростовъ и Суздаль; но уже видимъ, что не они одни составляли Суздальскія владѣнія Юрія, ибо лѣтопись прямо говоритъ, что Юрій отдалъ Ярополку не всю свою волость. Далѣе, подъ 1137 годомъ, упоминается о Ждановой Горѣ, гдѣ Новгородцы бились съ Суздальцами^(**): это урочище до сего времени ни разу не встрѣчалось въ лѣтописяхъ. Потомъ, война Юрія съ Изяславомъ Мстиславичемъ за Кіевъ-хорошо знакомитъ Суздальцевъ съ страной Вятчей. Такъ, въ 1146 году, Юрьевъ сынъ Иванъ похотѣлъ всю землю Вятчей, убѣгая отъ преслѣдованія Изяславовыхъ союзниковъ, Черниговскихъ князей Давыдовичей, онъ, вмѣстѣ съ Святославомъ Ольговичемъ, изъ Новгорода Сѣверскаго отступилъ къ Карачеву, который, по выраженію лѣтописи, стоялъ въ лѣсной землѣ; потомъ они отодвинулись къ Брянску (въ лѣтописи Дѣбрянскъ, но это названіе не должно вести къ сомнѣнію или къ мысли, что подъ Дѣбрянскомъ должно разумѣть не Брлнскъ, а другой городъ, ибо въ лѣтописяхъ XV вѣка, во время войны Іоанна III-го съ Литвою, во многихъ мѣстахъ очень ясно указывается, что Дѣбрянскъ и

(*) Ипат., стр. 12^(**) Тамъ же, 14.

Брянскъ одинъ в тотъ же городъ). Послѣ того они пошли къ Козельску, а отъ Козельска на востокъ, прямо къ Дѣдославию, что за Упою (гдѣ, кажется, потомъ былъ Дѣдаловъ); потомъ двинулись на сѣверъ, къ рѣкѣ Осетру, и остановились въ городѣ Колтеокѣ, гдѣ скончался Иванъ Юрьевичъ. Святославъ же съ Юрьевыми Суздальцами и съ своею дружиною, по смерти Ивана, обратился къ западу, къ верховьямъ Оки, и остановился въ городѣ Лобынскѣ, на устьѣ Протвы; далѣе, идя вверхъ Протвы по направленію къ Смоленскимъ владѣніямъ, Святославъ, по приказу Юрія, покорилъ племя Голядь, жившее при верховьяхъ Протвы⁽⁶⁵⁾. Въ слѣдующемъ году, Юрій угощалъ Святослава въ Москвѣ (въ первый разъ упоминаемой въ лѣтописяхъ), которая, кажется, была пограничнымъ городомъ Суздальскихъ владѣній съ Новгородскими и Черниговскими, ибо въ лѣтописи, подъ 1176 годомъ, упоминается, что Лопаня, лежащая первая на югѣ отъ Москвы, была Черниговскій городъ и составляла удѣлъ Олега Святославича; а относительно сосѣдства Москвы съ Новгородскими владѣніями можно заключать изъ того, что Волокъ-Ламскій, находящійся въ 100 верстахъ отъ Москвы, въ XV вѣкѣ еще принадлежалъ Новгороду, да и самая Москва, кажется, была выстроена первоначально на Новгородской землѣ, — прежнее ея названіе *Кучкова Села* встрѣчается только въ Новгородскомъ краѣ, гдѣ между землевладѣльцами въ XV вѣкѣ сохранялась фамилія Кучковичей⁽⁶⁶⁾. Отъ Москвы Святославъ опять возвратился къ Лобынску, потомъ вступилъ въ городъ Неринскъ, подъ которымъ переправился черезъ Оку на степную сторону⁽⁶⁷⁾. Отъ Неринска онъ опять двинулся къ Дѣдославию, откуда отправилъ пришедшихъ къ нему Половцевъ къ верховьямъ Угры на Смоленскъ, а самъ пошелъ къ Девагорску и занялъ всю землю Вятичей до Брянска и Воробьи-на, т. е. все Подесенье, Мценскъ, Домагощъ и Блоу; занявши всю землю Вятичей, Святославъ, вмѣстѣ съ пришедшимъ къ нему Глѣбомъ Юрьевичемъ, выступилъ изъ Мценска и перешелъ въ страну Сѣверянъ, гдѣ прежде всего занялъ Курскъ, оттуда двинулся во владѣнія Переславскія къ Выреву, и занялъ все Посемье, потомъ пошелъ къ Выхаю и Попашу. Этотъ походъ Святослава съ Юрьевыми Суздальцами представляетъ собраніе географическихъ подробностей о землѣ Вятичей, доселѣ остававшейся,

⁽⁶⁵⁾ Ипат., 28—29. ⁽⁶⁶⁾ Тамъ же, 118. ⁽⁶⁷⁾ Тамъ же, 29.

по нашимъ лѣтописямъ, совершенно неизвѣстною, и обнимаетъ географическими овѣдѣніями всю страну по Окѣ и Деснѣ отъ Москвы почти до Чернигова. Благодаря предприимчивости Юрія и усердію его добрыхъ Суздальцевъ, мы получаемъ теперь нѣсколько ясное понятіе о томъ, что этотъ, доселѣ неизвѣстный край, совершенно забытый прежними вашими лѣтописями, кипѣлъ жизнью и дѣятельностію не меньше другихъ краевъ Руси; что въ немъ было множество городовъ, которые лежали преимущественно по теченію рѣкъ, на путяхъ сообщенія, и слѣдовательно были выстроены съ торговыми цѣлями; нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь пролегла одна изъ значительныхъ дорогъ отъ Днѣпра въ Камскую Болгарію, на которую намекаютъ и Арабскіе писатели^(*). Къмѣ и когда построены упоминаемые здѣсь города, до насъ теперь это не относится; для географіи важно только то, что здѣсь существовали города, что и этотъ край не былъ пустынею, и пользовался извѣстностію у современниковъ.

Теперь обратимся къ географическимъ свидѣтельствамъ, относящимся собственно до Суздальской земли. Здѣсь лучшимъ для насъ указателемъ служитъ походъ Изяслава и Ростислава Мстиславичей изъ Новгорода и Смоленска въ Суздальскую землю, въ 1148 году. Изяславъ съ Ростиславомъ условились соединиться на устьѣ Медвѣдицы, и для того Изяславъ изъ Новгорода пошелъ къ Волгѣ, и потомъ Волгою до устья Медвѣдицы, гдѣ, соединившись съ Ростиславомъ, отправился внизъ Волгою до Коснятина, а отъ этого города идя внизъ по Волгѣ, они сожгли шесть Суздальскихъ городовъ^(**), дошли до Углича Поля и оттуда до устья Молога, отъ которой внизъ по Волгѣ проникли до Ярославля^(**). Лѣтописи не говорятъ, какіе именно города были взяты и опустошены Изяславомъ; но для насъ довольно уже и того, что отъ Коснятина до Углича Поля лежало по Волгѣ 6 городовъ; мы отсюда видимъ, что край этотъ былъ уже довольно заселенъ, и что Волга издавна была кормилицею прибрежныхъ жителей, которые спѣшили покрывать берега ея городами. Ко времени же правленія князя Юрія Владиміровича Долгорукаго относятся извѣстія о Владимірѣ-на-Клязми, Переславлѣ Залѣскомъ на Переславскомъ озерѣ, Дмитровѣ на Яромѣ и Юрьевѣ Поль-

(*) Истахри Lib. Clim. p. 97 Идриси (Géogr. edit. Jaubert. II, 401.)
(**) Соф. вр. I, стр. 192. (***) Ипат. стр. 40.

скомъ. Владиміръ, какъ свидѣтельствуяютъ лѣтописи, былъ построенъ еще Юріевымъ отцомъ, Мономахомъ, но при Юріи онъ сдѣлался болѣе извѣстнымъ, особенно, когда полюбилъ этотъ городъ старшій Юріевъ сынъ Андрей Боголюбскій. Построеніе Переяслава-Залѣскаго, Юрьева-Польскаго и Дмитрова лѣтописи приписываютъ самому Юрію, и относятъ къ 1152. году первые два города, а послѣдній къ 1154. году, рассказывая, что тутъ родился у Юрія сынъ Всеволодъ — Дмитрій, во имя котораго и городъ получилъ названіе Дмитрова. Вѣроятно, къ времени же Юрія должно отнести построеніе Стародуба на Клязмѣ, Галича-Мерьскаго при Галичскомъ озерѣ и Геродца на Волгѣ, хотя лѣтописи того времени и не упоминаютъ о сихъ городахъ; но ихъ названія, одинакія съ названіями южно-Русскихъ городовъ, прямо указываютъ на Юрія Долгорукаго, который любилъ давать южно-Русскія названія Суздальскимъ мѣстностямъ; притомъ Волжскій-Городецъ встрѣчается уже въ лѣтописи подъ 1173. годомъ (*).

По смерти Юрія, при его сыновьяхъ Андрѣѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ, географическія свѣдѣнія о Суздальской и Ростовской сторонахъ получаютъ еще болѣе развитіе. Во время княженія Андрея Боголюбскаго, подъ 1159. годомъ, упоминается о городѣ Кидекши на Нерли, на сѣверо-западъ отъ Переяслава-Залѣскаго, гдѣ Юрій выстроилъ церковь Бориса и Глѣба, въ память того, что здѣсь когда-то было ихъ ставовище (**). Андрей Боголюбскій построилъ Боголюбовъ и особенно украсилъ и укрѣпилъ любимый Владиміръ-Клязменскій: выстроилъ тамъ богатую церковь Божіей Матери, и много другихъ каменныхъ церквей и монастырей; обвелъ городъ каменными стѣнами, и, подражая Кіевскимъ наименованіямъ и строениямъ, построилъ золотыя ворота. При немъ Владиміръ сдѣлался столицею новаго Великаго Княжества Суздальскаго или Владимірскаго, а вся Суздальская и Ростовская сторона начала считаться первенствующимъ и могущественнѣйшимъ княженіемъ на Руси, предъ которымъ трепетало уже все Приднѣпровье. По свидѣтельству Ипатьевской лѣтописи, Суздальскій край при Боголюбскомъ былъ уже въ торговыхъ сношеніяхъ съ Греками, Латинами, Жидами, Болгарами и другими народами, и ихъ гости или купцы пріѣзжали во Вла-

(*) Ипат., 106 (**) Ипат., 82.

двиръ (⁶³). Суздальскія владѣнія при Боголюбскомъ граничили, на западъ съ Новгородскими и Смоленскими владѣніями, на югъ съ Черниговскими или Сѣверскими, гдѣ страна Радимичей уже принадлежала къ Суздальскимъ владѣніямъ, земля Вятчей, кажется, рѣкою Окою раздѣлилась между Сѣверскимъ и Владимірскимъ княжествомъ, а край Муромскій и Рязанскій, хотя имѣлъ своихъ князей, но уже зависѣлъ отъ Андрея, который распоряжался тамошними князьями, какъ своими подручниками; на востокъ же онъ два раза воевалъ въ землѣ Камскихъ Болгаровъ, гдѣ Суздальцы, вмѣстѣ съ Рязанцами и Муромцами, доходили до Камы и взяли Болгарскій городъ Брахимовъ, который Татищевъ полагаетъ на Сурѣ, именно тамъ, гдѣ въ послѣдствіи былъ выстроенъ городъ Василь-Сурскъ, а по свидѣтельству Никоновской лѣтописи Брахимовъ лежалъ на берегахъ Камы. На сѣверѣ Суздальскія или Владимірскія владѣнія граничили съ Заволочьемъ, Двинскою землею и Пермью.

При Андреевомъ братѣ Всеволодѣ въ лѣтописяхъ встрѣчаются по Суздальской землѣ новые города и урочища, вѣроятно, бывшіе уже извѣстными при Андрѣе и даже, можетъ быть, при Юріѣ. Такъ, во время войны Всеволода съ Глѣбомъ Рязанскимъ, въ 1177 году, въ первый разъ упоминается городъ Коломна, кажется составлявшій границу Суздальскихъ владѣній съ Рязанскими (⁶⁴). Подъ тѣмъ же голомъ встрѣчаемъ названія рѣки Колахши и Прусковой Горы, на дорогѣ отъ Рязани къ Владиміру; здѣсь Всеволодъ разбилъ Глѣба Рязанскаго. Всеволодъ, подобно Андрею, желалъ распространить Суздальскія владѣнія насчетъ Болгаръ, и по сему случаю лѣтописи упоминаютъ о нѣсколькихъ Болгарскихъ городахъ, до того времени неизвѣстныхъ. Такъ Всеволодовъ походъ на Болгаръ въ 1184 году начался по рѣкѣ Волгѣ, гдѣ, не доходя до Великаго Города, войско высадилось у городка Тухчина, кажется, при устьѣ нынѣшней Цывилы, ибо въ Ипатьевской лѣтописи сказано, что Всеволодъ высаживался противъ острова Исадъ, при устьѣ Цевцы (⁶⁵), которая не означаетъ ли Цывилы? потомъ, когда войско поемъ перешло Черемисль, оно было встрѣчено Болгарами изъ городовъ Собѣкуля, Челмата и Терцскаго (⁶⁶). Гдѣ находилась означенные здѣсь города—опредѣлить нельзя, но кажется,

(⁶³) Ипат., 115. (⁶⁴) Лавр., 162. (⁶⁵) Ипат., 125. (⁶⁶) Тамъ же, 165.

по Волгѣ; ибо въ лѣтописи прямо сказано, что разбитыхъ Болгаръ гнали до Волги и тамъ потопили въ учавлахъ, на которыхъ они думали убѣжать. Въ Ипатьевской Лѣтописи, при описаніи того же похода, мы находимъ два племени Болгаръ: Болгары Серебряные и Болгары «зовомые Тетмюзи.»

Во время Рязанскихъ междоусобій, бывшихъ по смерти Глѣба, въ которыхъ Всеволодъ принималъ дѣятельное участіе, какъ судья и примиритель, упоминается о многихъ, до того неизвестныхъ городахъ въ Рязанскихъ и Муромскихъ владѣніяхъ. Таковъ Пронскъ на Геронѣ, впадающей въ Оку съ южной стороны⁽⁶⁷⁾; потомъ Колоновъ, за Окою, на рѣкѣ Прѣ, на пути отъ Коломны въ Рязань⁽⁶⁸⁾. Подъ 1207 годомъ говорится о Рязанскихъ городахъ Ужескѣ и Ольговѣ, гдѣ-то на Окѣ, выше Пронска; ибо въ лѣтописи сказано, что когда Всеволодъ послалъ свой полкъ отъ Пронска къ Окѣ, то ратники, пришедъ къ Ужеску, услышали, что Романъ, вышедши изъ Рязани, бьется съ лодышками у Олгова⁽⁶⁹⁾. Потомъ, на пути отъ Пронска къ Рязани, лѣтописи упоминаетъ о городѣ Добромѣ, который лежалъ на лѣвомъ берегу Прони; ибо, по словамъ лѣтописи, Всеволоду на походѣ изъ Пронска къ Рязани должно было подѣ Добрымъ переходить черезъ Провю⁽⁷⁰⁾, и наконецъ о Бѣлгородѣ, котораго мѣстность не означена, но вѣроятно прямо за Рязанью; ибо сказано, что Всеволодъ, зажегши Рязань, пошелъ къ Бѣлгороду и велѣлъ тоже его сжечь. При нападеніи Батыя такъ же сказано, что онъ сжегъ Пронскъ, Бѣлгородъ и Ижеславецъ. Нынѣ же есть село Ижевское на Окѣ, выше впаденія Пры; слѣдовательно, по смыслу лѣтописи, Бѣлгородъ можно положить на Окѣ же выше Ижеславца и ниже Рязани. Такимъ образомъ при Всеволодѣ Юрьевичѣ Рязанская сторона дѣлается для насъ довольно знакомою, и мы ясно видимъ, что съ этой стороны Руссія владѣнія соединялись съ Половецкими степями и граничила съ ними рѣкою Пронєю, гдѣ Пронскъ былъ передовымъ укрѣпленіемъ, и вѣроятно значительнымъ торговымъ пунктомъ съ Половцами и прибрежьями Чернаго и Азовскаго Морей. За Пронєю прямо начинались Половецкія степи, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ лѣтописи, говоря, что Всеволодъ, при осадѣ Прон-

(67) Лавр., 169. (68) Тамъ же, 171. (69) Тамъ же, 182. (70) Тамъ же, 183.

ска сталъ за рѣкою за Провою съ поля Половецкаго (71). Но границю Рязанскихъ владѣнй на югъ не ограничивались географическя свѣдѣнй Суздальцовъ; ибо Всеволодъ съ сыномъ своимъ Константиномъ въ 1199 году ходилъ въ Половецкя степи на Донъ и прогналъ Половцовъ къ берегамъ моря. Походъ этотъ продолжался ольшкомъ мѣсяць, и Всеволодъ исходилъ всѣ Половецкя зимовища по Дону (72). Въ войнахъ Всеволода съ Новгородомъ въ первый разъ упоминается о рѣкѣ Твери. Всеволодъ, по занятіи Торжка говоритъ Новгородцамъ: «а повлъ есивъ юви Тхверью, а в Волховомъ наюю.» Кажется съ перваго похода Всеволода на Новгородцовъ, или по крайней мѣрѣ съ войнъ Юрія Долгорукаго, должно полагать распространеніе Суздальскихъ границъ на счетъ Новгорода въ томъ краю, гдѣ впоследствии образовались владѣнй Тверскія.

Въ княженіе Всеволодова сына Георгія преимущественное вниманіе Суздальскихъ князей было обращено на востокъ, т. е. Камскую Болгарію и Мораву; а посему въ лѣтописяхъ встречается еще нѣсколько подробностей объ этомъ краѣ, доказывающихъ, что географическя свѣдѣнй этого времени простираются глубоко на востокъ, до Яика или нынѣшняго Урала. Камскіе Болгары, доселѣ обезпечиваемые Суздальскими князьями, при Георгіѣ вздумали напасть на Суздальскя владѣнй и въ 1219 году захватили Устюгъ-Белскій и потомъ пробрались на Унжу, но будучи отражены жителями города Унжи, не удержались и въ самомъ Устюгѣ. Георгій же, желая отомстить за набѣгъ, въ 1220 году отправилъ свои войска въ землю Болгарскую, подъ предводительствомъ брата своего Святослава. Его войска двинулись двумя путями: одни отъ Устюга на верхъ Камы, а другія ввязъ по Волгѣ. Сія послѣдняя, подъ начальствомъ самого Святослава, послѣ упорнаго боя взяли Болгарскій городъ Ошель, стоявшій на Волгѣ неподалеку отъ устья Камы, а въ то же время первые, подъ предводительствомъ Всеслава Добрынича, побрали и пожгли множество городовъ, лежавшихъ по берегамъ Камы; и сошлись съ Святославомъ въ Камскомъ устьѣ. На другой годъ Георгій собрался самъ идти въ землю Болгарскую, и уже дошелъ до Волжскаго Городца; но остановленный Болгарскимъ посольствомъ, заключилъ миръ; впрочемъ, желая впередъ имѣть

(71) Лавр., 182. (72) Тамъ же, 174.

укрѣпленное и удобное мѣсто ближе къ Болгарскимъ владѣніямъ, велѣлъ построить при впаденіи Оки въ Волгу Нижний-Новгородъ ⁽⁷²⁾. Съ 1226 года Георгій началъ посылать свои войска на Мордву; въ первый разъ туда ходили братья его Святославъ и Иванъ, которые, взявши тамъ нѣсколько селъ, возвратились домой съ добычею ⁽⁷³⁾. Во второй разъ, въ 1228 году, онъ послалъ туда племянника своего Василька Константиновича, но воротить его съ границы за Нижнимъ-Новымъ городомъ, собрался идти самъ съ братомъ Ярославомъ и племянниками. Суздальскія войска прежде всего захватили владѣнія Мордвы Пургасовой, опустошили ихъ, а жителей загнали въ лѣса, а которые не успѣли уйти, тѣхъ избилъ, и возвратился домой. На другой годъ Мордва, подъ начальствомъ Пургаса, напала было на Нижний-Новгородъ, но была отбита, и потому потерѣла сильное пораженіе въ своей землѣ отъ ротвика Георгіева Пуреша, другаго Мордовскаго князя, который съ Половцами напалъ на Пургаса и избилъ все его племя. Въ этомъ же году Суздальцы въ первый разъ услышали о движеніи Татаръ къ предѣламъ Камской Болгаріи; лѣтописцы говорятъ: «того же лѣта Саконни и Половцы възбѣгоша изъ визу къ Болгаромъ передъ Татары; и сторожеве Болгарьскыи прабѣгоша, бѣени отъ Татаръ близъ рѣки, ей же имя Якъ» ⁽⁷⁴⁾.

Всѣ сіи лѣтописныя извѣстія Георгіева времени для насъ чрезвычайно важны: они даютъ вѣрныя указанія, какъ постепенно распространялись у Суздальцовъ географическія свѣдѣнія о земляхъ, лежащихъ на востокъ отъ Суздальскихъ владѣній. Такъ походъ на Болгаръ въ 1220 году, особенно съ Устюга Великаго на Каму, показываетъ, что Суздальцы хорошо знали всѣ дороги въ Камскую Болгарію, когда могли составить и привести въ исполненіе планъ соединенія двухъ войскъ близъ устья Камы, начавшихъ походъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ. А войны съ Мордвою свидѣтельствуютъ, что Суздальцы давно уже были хорошо знакомы и съ этимъ лѣснымъ краемъ; ибо Георгій здѣсь имѣлъ между Мордовскими князьями своего ротвика Пуреша. Кроме того въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о сихъ войнахъ мы узнаемъ, что Мордовскія земли были покрыты непроходимыми лѣсами и не имѣли городовъ. Извѣстія же о первомъ

(72) Лавр. 189. (73) Тамъ же, 190. (74) Тамъ же, 192.

движеніи Татаръ къ Камской Болгаріи, показываютъ, что Болгарскія границы на востокъ простирались до рѣки Яика; ибо, по свидѣтельству лѣтописи, Татары разбили на этой рѣкѣ стражу Болгарскую.

Въ описаніи Георгіева княженія лѣтопись также довольно представляетъ извѣстій собственно о Суздальскихъ владѣніяхъ. Мы уже видѣли, что владѣнія сіи на югѣ граничили Окою вплоть до ея устья, гдѣ Георгій построилъ Нижній-Новгородъ; на востокъ же ихъ границею были земли Болгарскія, отдѣлявшіяся, можетъ-быть, рѣками Унжею и Волгою; а на сѣверѣ крайними предѣлами ихъ были верховья Костромы и Бѣлоозеро. Для опредѣленія же западныхъ границъ подробнѣйшія свѣдѣнія представляетъ рассказъ лѣтописи о войнѣ Георгія съ Константиномъ Ростовскимъ и Мстиславомъ Новгородскимъ. Изъ этого рассказа мы видимъ, что крайними предѣлами Суздальскихъ владѣній на западъ были Тверскія земли; ибо Мстиславъ, вышедши изъ Новгорода, первыя укрѣпленія Суздальскія встрѣтилъ на Тверцѣ и взялъ Зубцовъ; а Ярославъ, противникъ Мстислава, укрѣпился въ Твери. Здѣсь Суздальскія земли соприкасались съ Новгородскими, Смоленскими и Черниговскими. Съ Новгородской и Смоленской стороны пограничными городами были Тверь и Зубцовъ; и кромѣ того Смоленскія земли отдѣлялись рѣкою Протою ниже Можайска: а съ Сѣверскими и Черниговскими владѣніями Суздальскія земли сходились при впаденіи Угры въ Оку и внизъ по Окѣ. При Юріѣ Долгорукомъ, въ описаніи похода Изяслава Мстиславовича, мы видѣли, уже что дорога изъ Новгорода въ Суздальскія земли лежала на Медвѣдицу къ Волгѣ; а при описаніи Мстиславова похода открываемъ еще новую дорогу отъ Зубцова на Шону и Дубну къ Кевятину на Волгѣ (*), отсюда сухимъ путемъ на Городище на рѣкѣ Саррѣ, между Переяславлемъ и Ростовомъ, и даже въ центръ Суздальской земли къ Юрьеву и Владиміру черезъ рѣки Кзу и Липицу. При завоеваніи Суздальской земли Батыемъ въ 1237 году, сказано, что Татары взяли въ Суздальской землѣ 14 городовъ, и прошли съ одной стороны до Галича Мерьскаго, а съ другой до Торжка. Кромѣ того, это же извѣстіе о Батыевомъ нападеніи указываетъ намъ нѣсколько на границы Муромскихъ и Рязанскихъ владѣній на

(*) Троицк., 212.

югѣ. По свидѣтельству Троицкой Лѣтописи полки Батыевы предъ вступленіемъ въ Муромскія и Рязанскія владѣнія остановились лагеремъ на какой-то рѣкѣ Онузѣ, вѣроятно на границахъ Муромскихъ съ Мордовою; потомъ Рязанскіе и Муромскіе князья, чтобы не впускать Татаръ въ свои владѣнія, дали имъ битву на берегахъ Воронежи ⁽⁷⁾, т. е. далеко отъ Пронска въ степяхъ Половецкихъ; слѣдовательно Рязанцы и Муромцы довольно хорошо уже знали топографію Половецкихъ степей, когда по имени называли тамошнія рѣки.

При Юріѣ Всеволодовичѣ Суздальскія или Владимірскія владѣнія уже не составляли одного княженія: значительная ихъ часть, именно Ростовъ, Ярославъ, Угличе-Поле, Бѣлоозеро, Галичъ и Устюгъ отошли въ вотчину наслѣдниковъ старшаго Юріева брата Константина. Преемникъ Юріевъ Ярославъ долженъ былъ еще отдѣлить для братьевъ, своихъ — Святослава, Суздаля и для Ивана Стародубъ. А по смерти Ярослава дробленіе еще болѣе увеличилось: Тверь, Кострома, Переяславль Залѣсскій и Москва составили отдѣльныя вотчины; къ Суздалю отошли Нижній-Новгородъ и Городецъ, къ Твери Зубцовъ, Кашинь и весь край, пограничный съ Смоленскими, Новгородскими и Ростовскими владѣніями, къ Переяславу Дмитровъ. Новое соединеніе всѣхъ сихъ владѣній началось не раньше XIV вѣка, когда начала усиливаться Москва.

Завоеваніе Россіи Монголами имѣло большое вліяніе на распространеніе географическихъ свѣдѣній въ сѣверовосточной или Суздальской Руси. До сего времени географическія свѣдѣнія между жителями этого края, со временъ Юрія Долгорукаго, ограничивались Русскими владѣніями вообще, степями Половецкими и землями Болгарскою и Мордовскою (съ тѣхъ поръ, какъ Андрей Боголюбскій и братъ его Всеволодъ обратили вниманіе въ эту сторону) и также, можетъ-быть, Византійскою Имперією, по случаю церковныхъ сношеній съ патріархомъ Константинопольскимъ. Но со времени завоеванія Россіи Монголами, князья и народъ сѣверовосточной Руси волей-неволей должны были познакомиться съ самими отдаленными странами, составлявшими огромную имперію потомковъ Чингисовыхъ. Уже Платонъ Карпинъ, посолъ папы Иннокентія IV въ 1246 году во глуби-

(7) Тамъ же, 221.

въ средней Азіи въ Карожорумѣ видѣлъ при ханскомъ дворѣ Русскаго князя Ярослава Всеволодовича, и даже разсказываетъ о Русскихъ священникахъ, совершавшихъ священнослуженіе по Греческому (т. е. Русскому) обряду передъ ставкою Гаюка, и о многихъ Россіянахъ, состоявшихъ на службѣ у хана и между ними объ одномъ ханскомъ любимцѣ, золотыхъ дѣлъ мастерѣ Козмѣ, который сдѣлалъ для хана печать и тронъ изъ слоновой кости, украшенный золотомъ и драгоценными камнями съ разными изображеніями ⁽⁷⁸⁾. Путешествіе свое Платон Карпинин совершалъ чрезъ землю Половецкую до береговъ Волги, гдѣ кочевала Орда Батыева; потомъ переехалъ въ безводныя степи Кангитовъ (или по-Русски Хвалисовъ) около озера Балхамъ; далѣе, въ Хиву или въ землю Бесерменовъ, оттуда въ страну Кара-Китавовъ, лежавшую отъ Аральскаго Озера до Оби и Иртыша; и наконецъ за Обью вступилъ въ пустыни нынѣшней Сибири и шелъ до озера Байкала, отъ котораго вверхъ рѣкою Селенгою вошелъ въ рѣку Орханъ, по которой достигъ до тогдашняго мѣстопробыванія хана-Каракорума. Конечно, тою же дорогою, начиная отъ орды Батыя ходили и Русскіе въ далекую Татарію. А Русскихъ сюда ходило очень много; ибо по нашимъ лѣтописямъ еще прежде Ярослава сынъ его Константинъ былъ посланъ въ великую Татарію ⁽⁷⁹⁾; потомъ въ 1247 году туда же посылалъ Батый Александра Невскаго и брата его Андрея ⁽⁸⁰⁾; въ 1256 году туда же ѣздили князь Борисъ Васильевичъ Ростовскій и послы Невскаго ⁽⁸¹⁾; въ 1268 году былъ тамъ князь Глѣбъ Васильевичъ Бѣлозерскій ⁽⁸²⁾; а въ 1269 году въ столицѣ Батыевой Сарай уже поставляется Русскій Епископъ Митрофанъ, и такимъ образомъ Сарай поступаетъ въ число Русскихъ епархій ⁽⁸³⁾. Эта епархія въ столицѣ ханской ясно говоритъ, что Русскихъ такъ много жило между Татарами, и такъ много ѣздило ихъ въ Орду, что не болѣе какъ черезъ 20 лѣтъ послѣ завоеванія Руси Татарами понадобилась въ ханской столицѣ не только священники, но и постоянный Русскій епископъ. Оно и не могло быть иначе, ибо не одни князья и Русскія посольства ѣздили къ ханамъ для засвидѣтельствованія покорности и полученія ярлыковъ; но цѣлыя полки Рус-

⁽⁷⁸⁾ Путеш. къ Татар. пер. Языкова. стр. 55. ⁽⁷⁹⁾ Ник. III, стр. 18. ⁽⁸⁰⁾ Тамъ же, 27. ⁽⁸¹⁾ Тамъ же, стр. 37. ⁽⁸²⁾ Тамъ же, 46. ⁽⁸³⁾ Тамъ же, 50.

скихъ воиновъ прошивали между Татарами, состоя на службѣ ханской и участвуя въ Татарскихъ воинскихъ походахъ. Такъ, по свидѣтельству Плана Карини, Батый и Гаюкъ посылали въ Россію своего вельможу для набора воиновъ ⁽⁶⁴⁾: отъ двухъ сыновей третьяго. Рубруквисъ, посолъ Людовика Святого, бывшій въ Монголіи въ 1258 году, говоритъ, что въ ставѣ Монгольскомъ и въ окрестностяхъ онъ видѣлъ много Россіянъ, Венгерцовъ и Ясовъ, которые скитались по стенамъ вмѣстѣ съ Монголами ⁽⁶⁵⁾. По Русскимъ лѣтописямъ мы знаемъ, такъ же что Русскіе князья съ своими полками участвовали въ Татарскихъ походахъ; такъ въ Никоневской Лѣтописи подъ 1275 годомъ сказано: «ходиша Татарове и князи Рускіи на Литву и воеваша возвратишася со многими полономъ». ⁽⁶⁶⁾ Въ 1278 году ханъ Менгу-Темаръ водалъ съ собою въ Яскій походъ Русскихъ князей и ихъ дружины, при чемъ Россіяне отличились взятіемъ Яскаго города Деякова, въ вышнемъ Дагестанѣ, за что ханъ отпустилъ ихъ на Русь съ честію и дарами ⁽⁶⁷⁾. Въ тотъ же годъ Глѣбъ Васильковичъ Ростовскій съ Феодоромъ Ростиславичемъ Ярославскимъ снова участвовалъ въ какомъ-то ханскомъ походѣ; лѣтопись говоритъ, что онъ отъ юности своей служилъ Татарамъ и былъ защитникомъ христіанъ передъ ханомъ ⁽⁶⁸⁾. Подъ 1279 годомъ лѣтопись еще упоминаетъ объ участіи Русскихъ князей въ Татарскомъ походѣ на Литву; ⁽⁶⁹⁾ въ 1338 году Русскіи князья вмѣстѣ съ Татарскими воеводами по повелѣнію ханскому ходили на Смоленскъ ⁽⁷⁰⁾; въ 1389 году князь Борисъ Константиновичъ Суздальскій нѣсколько участвовалъ въ Тохтамышевомъ походѣ на Тамерлана въ Самаркандъ (Ник. IV, 191). Кромѣ того, при вступленіи на престолъ каждого новаго хана къ нему являлись для изъявленія покорности и полученія ярлыковъ не только князья, но Митрополитъ и Епископы; такъ лѣтопись, упоминая о возшествіи на престолъ Узбека, именно говоритъ: «а новыи Царь Озбакъ селъ на царствѣ, и вся обновашася, и вси приходяду во Орду, того ради, понеже тогда во Ордѣ и ярлыки имаху, койждо на свое имя, и князи и Епискупы» ⁽⁷¹⁾. Ханъ пользовался не только военною службою Рус-

⁽⁶⁴⁾ Собр. Пут. къ Тат. пер. Язык., стр. 185. ⁽⁶⁵⁾ Voyage de Rubruquis. ⁽⁶⁶⁾ Ник. III, стр. 59. ⁽⁶⁷⁾ Тамъ же, 64. ⁽⁶⁸⁾ Тамъ же, 66. ⁽⁶⁹⁾ Тамъ же, 68. ⁽⁷⁰⁾ Тамъ же, 170. ⁽⁷¹⁾ Тамъ же, 108.

скихъ, но поручали имъ и другія свои дѣла; такъ Сарайскій Епископъ Θεогностъ три раза ѣздилъ въ Царь градъ посланникомъ отъ Хана Менгу-Темира ^(*). Притомъ Русскіе были обычными посѣтителами Орды и не по службѣ, а по торговлѣ и по другимъ своимъ дѣламъ. Напримѣръ лѣтопись, при описаніи убіенія Михаила Тверскаго въ 1319 году, говоритъ: «быху тамо (въ Ордѣ, стоявшей по случаю Узбековой большой облавы за Терекомъ) мнози народи, аки песокъ собравшеся людіе, и Цареградцы, и Нѣмцы, и Литван Русь; и мнози православніи ивидаше слезяху» ^(**). Всѣ сіи свидѣтельства о частыхъ путешествіяхъ въ Орду (которая, надобно замѣтить, въ лѣтнее время постоянно странствовала то около Каспійскаго Моря, то у Азовскаго, то у Чернаго, или въ Закавказьѣ и даже въ Персіи, какъ это можно видѣть изъ ханскихъ ярлыковъ и другихъ намятниковъ), очень ясно указываютъ, что Русскіе при Татарахъ широко распространили у себя географическія извѣстія объ отдаленныхъ, прежде для нихъ почти невѣдомыхъ, земляхъ и конечно въ свое время имѣли какія либо описанія своихъ путешествій или дорожники; ибо это было необходимо какъ для частныхъ людей, такъ еще болѣе для правительства, которое по частнымъ сношеніямъ всегда имѣло нужду не только въ путевказателяхъ, но и въ свѣдѣніяхъ болѣе подробныхъ о тѣхъ краяхъ, гдѣ странствовали и жили Татары. До насъ даже дошло нѣсколько свидѣтельствъ о географическихъ подробностяхъ, бывшихъ въ ходу у Русскихъ въ XIV столѣтіи. Такъ въ приведенномъ выше описаніи смерти Михаила Тверскаго сказано: что Орда въ это время стояла «за Терскомъ подъ великими горами подъ Яскими и Черкасскими у града Твѣякова, на рѣцѣ Свинцѣ близъ вратъ желѣзныхъ, у болвана мѣдянаго, у златыя главы, у Темиревы богатыревы могилы» ^(***). А въ Львовской Лѣтописи еще прибавлено: «минувъ грады Свѣнскіе и Черкасскіе» (Руск. Лѣтоп. Львова II стр. 76) Слѣд. въ началѣ XIV вѣка здѣсь на дорогѣ изъ Руси въ Закавказье было нѣсколько лесскихъ и черкасскихъ городовъ, о которыхъ мы теперь вовсе ничего не знаемъ, и о которыхъ даже въ концѣ XIV вѣка, по свидѣтельству Пименова Дорожника, сохранилась одна память. Далѣе, когда тѣло убитаго Михаила повезли на Русь, то должно было переѣзжать рѣку Адежъ, потому городъ Мошарыкъ

^(*) Никон. III, 68. ^(**) Тамъ же. 118. ^(***) Тамъ же, 119.

и далѣ Бездежъ ^(*) Рѣки Адежъ мы не знаемъ; Мотарыкъ же или Маджары, какъ объясняетъ Карамзинъ, лежалъ на рѣкѣ Кумѣ, а Бездежъ въ землѣ Ясовъ, на одномъ изъ рукавовъ Волги. Названія сія давно уже исчезли въ нашей географіи; о нихъ даже не упоминается въ Книгѣ Большаго Чертежа. Подъ 1346 годомъ лѣтописи, упоминая о моровой язвѣ, опустошавшей въ это время востокъ, перечисляютъ страны того края очевидно по свѣдѣніямъ, приобрѣтеннымъ во время путешествій къ Татарамъ. Такъ Никоновская Лѣтопись говоритъ: «бысть моръ силенъ зѣло подъ восточною страню на Орначи, и на Австорокани, и на Саран и на Бездежи, и на прочихъ градахъ стравнехъ, на христіанехъ, и на Арменехъ и на Фрязехъ, и на Черкасѣхъ, и на Татарехъ, и на Обязехъ» ^(**). Въ Троицкой Лѣтописи это же извѣстіе измѣнено такъ: «и бысть моръ великъ на люди: на Бесермены, и на Татары и на Ормены, и на Обезы, и на Жиды, и на Фризы и на Черкасы ^(***)». Здѣсь извѣстія объ Орначи (это Орна по Шаво Карпини или Тана древняя и нынѣшній Азовъ при устьѣ Дона) Астрахани, Сараѣ и Бездежѣ рѣшительно получены во время путешествій къ Татарамъ, ибо во всѣхъ сихъ мѣстахъ, какъ мы уже знаемъ, кочевала Орда. То же должно сказать и объ этнографическихъ свѣдѣніяхъ: они также приобрѣтены путешествіями къ Татарамъ: Бесерменами очевидно здѣсь называются Хивинцы, чрезъ земля которыхъ шла дорога изъ Руси въ Великую Татарію, какъ уже объяснено выше; Ормичами, Черкесами и Обзами названы жители Закавказскаго края, куда ходили Русскіе во время Узбека, какъ видно изъ описанія смерти Михаила Тверскаго; подъ жидами и Фризами здѣсь должно разумѣть поселенія Генуэзцовъ и Венеціанъ въ Тавридѣ, куда бѣжалъ Мамай, разбитый Тохтамышемъ въ 1381 году. При описаніи завоеваній Тамерлана, наши лѣтописи еще подробнѣе развиваютъ тогдашнія географическія свѣдѣнія на Руси о восточныхъ странахъ. Такъ о мѣстѣ рожденія Тамерлана лѣтопись говоритъ: «страна нѣкая есть между яко быти Индѣикъ сѣвернымъ странамъ и восточнымъ, именовъ Араръ, нарицаетъ же междорѣчье, занеже двомъ источникамъ окружающимъ ю; и въ той странѣ сыиъ нѣкоего мѣста старѣйшины именовъ Тмаръ свирѣпъ зѣло» ^(***). Въ

^(*) Ник. III, 122. ^(**) Тамъ же, 183. ^(***) Ист. Г. Р. IV, прим. 357. ^(***) Ник. IV, стр. 246.

другомъ мѣстѣ та же лѣтопись пишетъ о Тамеранѣ: «о семъ убо Темирѣ Аксацѣ повѣдаша нѣцѣи, яко отъ Залцкихъ Татаръ отъ Самархинскія (Самаркандскія) страны отъ Синія Орды, иже бѣ за Желѣзными вратами» ⁽⁹⁹⁾. Потомъ исчисляя его завоеванія, говоритъ: Темирѣ Аксацѣ завоевавъ Самаркандъ, покоряя Персиду, побѣдилъ Баязета, прошелъ въ Египетъ, и на возвратномъ пути покорилъ Дамаскъ и Иерусалимъ; «пріять же и Ассирію и Вавилонское царство, и Севастію и Арменію, и всю орду поплѣни; и пріять и Синюю Орду, еже есть близъ Индіи, и Сарай Великій, и Чегодан, и Теврази, и Гурстани, Обѣи и Гурвы, и оттуду поиде во Охтои. Пріять и Шамахію, Китай и Крымъ, и ополчися поиде къ Великой Ордѣ. И царя Тохтамыша побѣдивъ прогна. И прииде близъ предѣлъ Рязанскія земли. . . . и вая градъ Елецъ» ⁽¹⁰⁰⁾. Или въ иномъ мѣстѣ той же лѣтописи: «А се имена тѣмъ землямъ и царствамъ, еже поплѣнилъ Темирѣ Аксацѣ: Чегодан, Горусани (Хоросанъ) Гулустани, Китай, Синія Орда, Ширазы, (Ширазъ) Аснаганы (Испаганы), Арначи (Орначь), Гивенъ (Гиланъ), Шизъ, Шибранъ или Ширбѣнъ (въроятно Ширванъ), Шамахіи (Шамаха), Савастъ, Арзунумъ (Арзерумъ), Теврази (Тавриазъ), Теализи (Тифлисъ), Гурзустаніи, Обеза, Гурзіи, (Грузію), Багдаты (Багдадъ), Темирѣ Баты, рекше Желѣзная Врата (Дербентъ), Ассирію, Вавилонское царство, Иерусалимъ, Севастію, Арменію, Дамаскъ великій и Сарай великій» ⁽¹⁰¹⁾. Или тамъ же, о мѣстѣ битвы Тамерлана съ Тохтамышемъ, пишетъ: «и бысть ямъ бой въ полѣ чистѣ, на мѣстѣ нарицаемомъ Ординскомъ, на кочевіи Царя Тахтамыша близъ рѣки Себенчи» ⁽¹⁰²⁾. Большая часть печатныхъ здѣсь наименованій странамъ очевидно взята не изъ книгъ, но прямо отъ Русскихъ людей, бывавшихъ тамъ; ибо лѣтопись ясно говоритъ: *повѣдаша нѣцѣи*. Притомъ даже и немногимъ дошедшимъ до насъ намяткамъ мы можемъ указать, что Русскіе въ XIV вѣкѣ бывали во многихъ странахъ, завоеванныхъ Тамерланомъ, и имѣли о нихъ географическія свѣдѣнія пріобрѣтенныя живою дѣятельностію народа, а не почерпнутыя изъ книгъ. Такъ въ самомъ описаніи родины Тамерлановой, лѣтописецъ, говоря, что она лежитъ какъ бы на сѣверъ и востокъ отъ Индіи, и называется между-рѣчьемъ, довольно ясно намекаетъ, что онъ слышалъ о ней отъ Русскихъ людей, бывавшихъ тамъ, и кото-

⁽⁹⁹⁾ Ник. IV, 258. ⁽¹⁰⁰⁾ Тамъ же, 248. ⁽¹⁰¹⁾ Тамъ же, 259. ⁽¹⁰²⁾ Тамъ же, 260.

рые объясняли ему мѣстность по своему. Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ первоначальное поприще подвиговъ Тамерлана называетъ Синюю Ордою,—это чисто народное Русское названіе Самарканда тоже показываетъ, что въ XIV вѣкѣ Русскіе были хорошо знакомы и съ этимъ краемъ. Въ лѣтописи даже есть намеки на двѣ дороги въ эту сторону: на одну отъ Урала или Яика, (лѣтописецъ говоритъ о Тамерланѣ, яко отъ Заяцкихъ Татаръ) и на другую отъ Дербента или отъ Желѣзныхъ Вратъ (отъ Синія Орды, иже бѣ за Желѣзными Враты). И точно первый путь на Яикъ былъ вѣроятно обычнымъ у Русскихъ, путешествовавшихъ въ Великую Татарію; по немъ шелъ, какъ мы уже знаемъ, и Плато Карпини; вторая же дорога на Дербентъ, должно быть, была открыта съ того времени, какъ Русскимъ приходилось посѣщать Орду, кочевашую за Терекомъ. А если Русскіе знали дорогу въ Самаркандъ на Закавказье, то конечно имъ были извѣстны и Чегодай и Хоросанъ, Ширазъ, Испаганъ, Гиланъ, Ширванъ, Шамаха, Тифлисъ, Тавризъ и Гулистанъ. О посѣщеніи Русскими Гулистана мы даже имѣемъ прямое свидѣтельство; такъ Митрополитъ Алексѣй получилъ въ Гулистанѣ ярлыкъ отъ Тайдулы, что написано на самомъ ярлыкѣ: «когда Орда кочевала на Гулистанѣ.» Мы также имѣемъ важное указаніе на географическое положеніе Татарскихъ владѣній въ свидѣтельствахъ лѣтописей о раздѣленіи Орды; такъ по лѣтописямъ мы знаемъ Большую или Золотую Орду на Волгѣ, гдѣ главнымъ городомъ былъ Сарай; потомъ извѣстна Синяя Орда, подъ названіемъ которой Русскіе въ XIV вѣкѣ разумѣли всѣ Татарскія владѣнія за Яикомъ; далѣе Нагайская Орда между Дономъ и Волгою, Крымская Орда на западъ отъ Дона, и наконецъ Бѣлгородская Орда по сѣверному берегу Чернаго Моря.

Но кромѣ лѣтописныхъ указаній на географическія свѣдѣнія жителей сѣверо-восточной Руси въ XIV столѣтіи, до насъ дошло и чисто-географическое сочиненіе этого же времени, писанное въ сѣверо-восточной Руси—*Хожденіе Пиминово во Царь-градъ*. Оно объясняетъ не только путь въ Византію, но описаніе самой Византіи и даже Палестины и наполнено многими весьма любопытными географическими и другими подробностями. Писателемъ этого хожденія былъ Игнатій, діаконъ Смоленскаго епископа Михаила; мы даже знаемъ, что

оно писано по повелѣнію Митрополита Пимина, ибо при самомъ началѣ описанія сказано: «и повелѣ Митрополитъ Пиминъ Михайлу владыцѣ Смоленскому, да Сергію архимандриту Спаскому, и вся ктождо аще кто хошетъ писати сего путешествованіе все, како поидоша и гдѣ что случися, или кто возвратится или не возвратится вспять; мы же сія вся писахомъ» ⁽¹⁰³⁾. Вотъ сокращенное изложеніе описанія отъ начала до конца. «Бысть же начало пути тому отъ града Москвы мѣсяца Апрѣля въ 13 день (1389 года), въ великій вторникъ страстныя недѣли; и аще поидохомъ отъ Москвы, и пріидохомъ на Коломну въ субботу великую; а во Св. недѣлю пасхи поидохомъ къ Рязани по рѣцѣ по Окѣ, и приспѣхомъ къ Перевитску, и ту срѣте насъ Еремей Епископъ Рязанскій, и приблжившимся намъ къ Переяславу срѣтоша насъ сыновѣ В. К. Олега Ивановича Рязанскаго Поидохомъ же отъ Переяслава въ недѣлю Оумину, проводиши жъ съ нами и три струги да насадъ на колесахъ. (Отъ Переяслава до рѣки Дона В. К. Олегъ велѣтъ проводить путешественниковъ боярину Станиславу съ дружиною, на случай нападенія разбойниковъ). Въ четвертокъ же пріидохомъ къ рѣцѣ къ Дону и спустихомъ суды на рѣку на Донъ. И во вторый день пріидохомъ до Чурь Михайловыхъ, (вѣроятно городъ извѣстнаго рязанскаго Князя Кюръ Михайла), сице бо тамо тако нарицаемо есть мѣсто, нѣкогда бо тамо и градъ былъ баше. (Здѣсь путешественники разстались съ провожатыми.) Въ недѣлю же Св. Мүроволицъ оттуду пошлыхомъ рѣкою Дономъ на низъ. Бысть же сіе путное шествіе печально и унылаво, баше бо пустыня зѣло всюду, не бѣ бо видѣти тамо ничто же, ни града ни села; аще бо и бываша древле грады красны и нарочиты зѣло видѣніемъ мѣста, точію пусто жъ все и не населено; видѣ бо видѣти человека, точію пустыни веліа и звѣріе множество: козы, лоси, волцы, лисцы, выдры, медвѣди, бобры; птицы: орлы, гуси, лебеди, жаравли и прочая, и баше вся пустыни великіа. Во вторый же день рѣчнаго плаванія минухомъ двѣ рѣцѣ Мечу и Сосну; въ третій же день проидохомъ острою луку, въ четвертый же день проидохомъ кривый Боръ, въ шестый жъ день приспѣхомъ до усть Воронеза рѣки. Наутріе жъ въ недѣлю, на память

⁽¹⁰³⁾ Ник. IV, стр. 159.

Св. Чудотворца Николы, пришеде къ намъ князь Юрій Елецкій съ бояры своими и со многими людьми. Оттудажъ приплыхомъ къ Тихой Соснѣ, и видѣхомъ столбы каменны бѣлы, дивно же и красно стоать рядомъ, яко стози малы, бѣлыжъ и свѣтлы зѣло надъ рѣкою надъ Сосною. Таже минухомъ и Черленый Яръ рѣку, и Бетюкъ рѣку и Похорь (въ другихъ спискахъ Хоперь) рѣку. Въ недѣлюжъ пятую о Самарянинѣ минухомъ пловуще Медвѣдицу рѣку, и Горы высокія рѣку, и Бѣлый Яръ рѣку. Въ понедѣльникъ же пловуще минухомъ горы каменныя красныя, во вторникъ же Терклію (въ нынѣхъ спискахъ Серклію) градъ минухомъ пловуще, не градъ же убо, но точію городище; таже и перевозъ минухомъ, и тамо обрѣтохомъ первіе Татаръ много зѣло, якожъ и якоже песокъ. Въ среду же пловуще минухомъ Великую Луку и царевъ Сарыхозинѣ улусть; и тако оттуду нача насъ страхъ обдержати, яко видохомъ въ землю Татарскую, ихъ же множество оба пола Донъ рѣки, аки песокъ. Въ четвертокъ же пловуще минухомъ Бекъ - Булатовъ улусть; стадажъ Татарскія видѣхомъ только множество, якоже умъ превосходящъ: овцы, козы, волы, верблюды, кони. Таже въ пятокъ минухомъ Червленныя горы. Въ недѣлю же шесту сѣгнаго минухомъ Акъ-Бугинѣ улусть, и ту многое множество Татаръ, и всякихъ скоть стады безъ числа много. Отъ Татаръ же никто же насъ пообидѣ, точію восприсяша ны вездѣ, мы же отвѣщомъ; и они слышавше ничтоже намъ пакости творяху и млеко намъ даяху; и сие съ миромъ въ тишинѣ плавахомъ. Въ понедѣльникъ же придохомъ Бузукъ рѣку. Въ канунъ Вознесеньева дни приспѣхомъ, пловуще до моря, града Азова. Въ недѣлю же седмую Св. Отецъ владшеся въ корабль на усть Дона рѣки подъ градомъ Азовымъ. Тогда же во Азовѣ живуще Фрязовѣ и Нѣмцы, владѣюще тѣмъ мѣстомъ, и отступихомъ въ море. (Здѣсь описывается остановка корабля Фрязами.) Тогда убо вѣтру добру и пособну бывшу плыхомъ по морю въ радости; таже въ третій день тяжекъ вѣтеръ въ преки быше, и прияхомъ истомленіе велие. И проидохомъ устіе Азовскаго моря, и изыдохомъ на великое море; въ шестый же день въ субботу минухомъ Каонскій Лямень и Сурожъ; и мношествоующимъ плавахомъ добре четыре дни: недѣлю, понедѣльникъ, вторникъ и среду. Таже въ пятый день въ четвертокъ возвѣя вѣтръ супротивенъ

зѣло, и поведе насъ по морю въ лѣвую страну къ Синопу граду; и впадехомъ въ Ламевъ близъ града Синопа и тамо пребыхомъ два дни. Таже возвѣя добръ и покосенъ вѣтръ, и поплыхомъ близъ града; баху жъ тамо горы высоки зѣло, въ половину убо тѣкъ горъ стврахуся облацы преходяще по воздуху. Тажъ оттуда мало пришедше сице шолъ тѣми же горами противу града Амастра заговѣхомъ къ Петрову дни; и сице въ токъ пловуще минухомъ Пандораклю. Въ среду же возвѣя вѣтръ супротивенъ зѣло, и пакы возвратихомся въ Пандараклю, и пребыхомъ тамо 15 дній. Таже оттуда плдохомъ въ сандаліяхъ (можетъ быть въ гондолахъ) ко Царюгороду на рождество Св. Ивана Предтечи; и на утріе въ нятокъ минухомъ пловуще Діополь градъ; въ субботу же обѣдахомъ на усть рѣка Сахара; въ недѣлюже минухомъ градъ Даевусій и Карею градъ. Тажъ пловуще придохомъ во градъ Астравію и тамо пребыхомъ пытающе вѣстей о Амуратѣ царѣ; баше бо царь Амуратъ Турскій пошелъ ратью на Сербскаго царя Лазаря (здѣсь разскажъ о походѣ Амурата), и поидохомъ отъ града Астравія въ недѣлю предъ Петровымъ днемъ; на утріе же поидохомъ отъ Филы и минухомъ Риву; и придохомъ ко устію и минухомъ Фоваръ. Вѣяру жъ добру сушу вельми приспѣхомъ въ Царьградъ. Въ понедѣльникъ же вѣзунъ Петрову дни во время вечерни придоша къ намъ Русь, живущая тамо, в ту ночь пребыхомъ въ корабли. На утріе жъ мѣсяца Іюня въ 29 день благодаряще Господа внидохомъ въ градъ Константинъ.»

Далѣе сочинитель путешествія описываетъ пребываніе въ Константинополь и тамошнія достопримѣчательности, видѣныя путешественниками; говоритъ о храмѣ Софійскомъ, объ императорскомъ дворцѣ, объ Ипподромѣ и разныхъ колоннахъ, о церкви Іоанна Предтечи, о церкви Св. Апостоль, о гробницахъ императорскихъ, о монастырѣ Патріарха Аеанасія, о монастырѣ первоученика Стефана, о церкви Пантократора, и другихъ. Описывая церковь Св. Софіи, говоритъ: «ходихомъ верду церкви Св. Софіи и видѣхомъ 40 оконъ шейныхъ, ижъ на верху церкви Св. Софіи, и мѣрдохомъ оное едино со столпомъ по двѣ сажени; и снхъ 40 оконъ въ ширину ивѣдку съ столпомъ по двѣ сажени въ шѣй церковной, и саму идего чюдихомся, яко предив-

но и изрядно и удобрено». При посвященіи Пантеонартерской церкви путешественники видѣли въ сѣеудохранилищѣ Св. Евангеліе, писанное все золотомъ рукою императора Феодосіа Малаго. Въ слѣдъ за достопримѣчательностями Константинско-польскими путешественникъ описываетъ бывшее при немъ вѣчаніе на Царство императора Мануила.

Потомъ переноситъ вниманіе читателей въ Иамастану, и рассказываетъ много любопытныхъ подробностей объ этомъ краѣ, которыя дають вѣрное понятіе о тогдашнемъ состояніи Святыхъ мѣстъ. Такъ, описывая церковь Воскресенія Христова во Иерусалимѣ, говоритъ: « в ту гробъ Господень, а противъ гроба Господня Греческая служба, Грецы служатъ; а съ правую сторону гроба Господня Римская служба, Римляне служатъ; а на полатѣхъ съ правую сторону Арменская служба, Армени служатъ; а съ правую сторону Гроба Господня на земли Фризская служба, Фризы служатъ; а отгуды пакы Сирская служба, Сирияне служатъ; а съ лѣвую сторону гроба Господня за гробомъ Господнимъ Яковиткая служба, Яковиты служатъ; а съ лѣвую сторону Господня гроба Фризская служба, Фризы служатъ; а отгуды пакы Нѣмецкая служба, Нѣмцы служатъ; а отгуде службы пакы Фризская служба, Фризы служатъ. А съ правую сторону Греческія на полатѣхъ голгофа, зовомѣе любное мѣсто . . . а служба тамо Грузинская, Грузи служатъ; а за нею Венеційская служба, Венецыи служатъ; а за тѣми Угри служатъ; а за тѣми иная Фризская служба, Фризы служатъ; а подъ голгофою низу на земли Иверская служба, Ивери служатъ; на лѣвой сторонѣ у Фризскія службы долѣ Влѣсметеры служатъ. Потомъ слѣдуютъ описанія Геесманіи, потока Кедркаго, Элеонской горы, Виваніи, Савина Монастыря, долины Иосафатовой, монастыря Феодосіа Кинновіарха, рѣки Иордана, Содонскаго Моря, Вволеема, Назарета и другихъ мѣстъ Палестинскихъ ⁽¹⁰⁶⁾.

Путешествіе Памина для насъ чрезвычайно важно. Съ одной стороны потому, что въ немъ въ первый разъ сообщаются сколько нибудь подробныя географическія свѣдѣнія о пути отъ Москвы до Чернаго Моря; здѣсь путешественникъ представляетъ довольно живую картину при-донскихъ степей во время

(106) Ник. Лѣт. IV, стр. 158—184.

владычества Монголовъ, и нѣсколько намекаетъ о прежнемъ до-Монгольскомъ состояніи этого края; а также нѣкоторымъ образомъ проводитъ границу между кочевьями Татаръ и Русскими селеніями въ этой странѣ; мы видимъ изъ его описанія, что Русскія селенія здѣсь оканчивались Чуръ-Михайловымъ городищемъ, гдѣ-то недоходя еще до устья Мечи; потомъ шли пустыннымъ, никѣмъ незаселеннымъ степи до горъ, лежащихъ за устьемъ Медвѣдицы и Бѣлаго Яра, и за горами уже начинались кочевья Татаръ, гдѣ, должно быть, впереди всѣхъ стоялъ улусъ Сары хожмы. Съ другой стороны, описаніе Палестинскихъ мѣстъ, кромѣ своего внутренняго интереса, очень полезно для сравненія съ подобнымъ же описаніемъ игумена Давиала, бывшаго тамъ въ первые годы XII вѣка. Почти въ одно время съ Пименомъ былъ въ Царь градѣ дьякъ Александръ, приходившій туда по торговымъ. Онъ оставилъ краткую записку о своемъ путешествіи, въ которой описалъ достопамятности Константинопольскихъ церквей: Св. Софіи, монастыря Монганы, монастыря Одигатри, Церкви Св. Апостолъ, монастырей Пантократора, Продрома, Св. Николая, Козмы и Даміана, Пелеевста, Студійскаго и другихъ.

Зная хорошо страны, лежавшія на востокъ и югъ отъ Россіи, жители сѣверо-восточной Руси также были знакомы и съ Западною Европою, хотя и не были съ нею въ постоянныхъ сношеніяхъ и отдѣлялись отъ нея Литовскими, Польскими и частію Татарскими владѣніями. Такъ, по свидѣтельству лѣтописей, Василій Дмитріевичъ сынъ Донскаго, въ 1386 году, въ бѣгствѣ своемъ отъ Тахтамыша, шелъ на Подолію, Валахію и Нѣмецкую землю. Лѣтописцы говорятъ: «Князь Василій Дмитріевичъ, видя себя держима въ Ордѣ, и помысли яко невозможно ему убѣжати прямо на Русь, и умысли крѣпко съ вѣрными своими доброты, и побѣжа въ Подольскую землю въ Волохи къ Петру воеводѣ, и оттуду иде въ незнаемыхъ таяся. И пришедшу ему въ Нѣмецкую землю позна его Князь Витовтъ Кестутьевичъ»⁽¹⁰⁴⁾. Конечно, еслибы спутники Василія не имѣли свѣдѣній о Западной Европѣ и не знали туда дороги, то Василій не могъ бы идти въ эту сторону. Притомъ, кромѣ этой дороги въ Западную

⁽¹⁰⁴⁾ Ник. IV, стр. 151.

Европу, Москвичи знали еще и другой путь въ эту сторону: Такъ Василіевы бояре въ 1391 году, посланные за его невѣстою, дочерію Витовта, въ Нѣмецкую землю, ѣхали на Новгородъ и Псковъ и потомъ Балтійскимъ моремъ ⁽¹⁰⁶⁾.

Собственно о сѣверовосточныхъ земляхъ Руси во время владычества Монголовъ мы также находимъ въ отечественныхъ древнихъ памятникахъ много географическихъ подробностей, до того времени не встрѣчавшихся. Особенно распространяются свѣдѣнія о Московскихъ владѣніяхъ. Такъ, по духовному завѣщанію, втораго Даниилова сына, В. К. Ивана Даниловича Калиты, писанному въ 1328 году, уже значатся въ числѣ Московскихъ владѣній Можайскъ и Коломна съ волостями, составлявшіе удѣлъ старшаго его сына Симеона; потомъ Звѣнигородъ, Кремична, Руза, Тростна, Нечуча и другія волости, назначенныя второму сыну Ивану; далѣе Лопастна, Серпуховъ, Перемышль и иныя волости, причисленныя къ третьему удѣлу—Андрееву; и наконецъ Сурожикъ, Мушкина Гора, Радонежъ и другія, завѣщанныя супругѣ Ивановой съ младшими дѣтьми ⁽¹⁰⁷⁾. Въ грамматѣ В. К. Ивана Ивановича, между волостями уже упоминаются: Гжель, Кошира и Боровскъ; кромѣ того присоединенныя къ Москвѣ отъ Рязанскихъ владѣній на обмѣнъ Лопастны: Новый Городокъ на устьѣ Поротля и другія Рязанскія мѣста по сю сторону Оки ⁽¹⁰⁸⁾. Въ договорной грамматѣ В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, писанной въ 1371 году, въ числѣ Московскихъ городовъ стоятъ Галичъ (Мерьскій), Вышгородъ (на Протвѣ) и Кропивна ⁽¹⁰⁹⁾. Въ его же договорной грамматѣ съ В. К. Олегомъ Ивановичемъ Рязанскимъ, писанной въ 1381 году, довольно подробно описаны границы Рязанскихъ и Московскихъ владѣній: главною границею положена Ока, по которой съ Московской стороны къ Москвѣ принадлежали: отъ Коломны въ верхъ, т. е. на западъ Поченъ, Новый Городокъ, Лужа, Верей, Боровскъ, а на низъ по Окѣ, т. е. къ востоку отъ Коломны по рѣкѣ Цну; также къ Москвѣ причислялась Тула и Мещера ⁽¹¹⁰⁾. Въ духовной грамматѣ В. К. Дмитрія Донскаго, писанной въ 1389 году, упомина-

⁽¹⁰⁶⁾ Ник. IV, 194. ⁽¹⁰⁷⁾ Собр. Г. Г. и Д. Т. 1, № 21. ⁽¹⁰⁸⁾ Тамъ же, № 25. ⁽¹⁰⁹⁾ Тамъ же, № 23. ⁽¹¹⁰⁾ Тамъ же, № 32.

наются повья мѣста: Калуга и Роца, Товъ и Медынь, причисленныя къ Можайскому удѣлу Андрея Дмитріевича. Въ этой же грамматѣ въ числѣ Московскихъ владѣній, какъ сказано приобрѣтенныхъ еще при В. К. Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ, помѣщаются: Галичь и Кострома, причисленные къ удѣлу К. Юрія Дмитріевича; Бѣлоозеро, данное К. Андрею Дмитріевичу; Углече Поле, завѣщанное К. Петру Дмитріевичу ⁽¹¹¹⁾. Кромѣ того въ одной жалованной грамматѣ, данной В. К. Дмитріемъ Донскимъ, упоминается о Перми и Печерѣ, какъ о Московскихъ владѣніяхъ, причисленныхъ къ Москвѣ еще при В. К. Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ ⁽¹¹²⁾. Впрочемъ, граммата сія говоритъ о некоторыхъ только угодьяхъ, уступленныхъ Новгородцами Московскому князю въ Печерѣ. Въ уставной же Двинской грамматѣ, данной В. К. Васильемъ Дмитріевичемъ въ 1398 году исчислены слѣдующія Двинскія волости, полузависѣвшія тогда отъ Московскаго князя: Орлецъ, Мати-горы, Холмогоры, Курь-островъ, Чюхчелемъ, Ухть-островъ, Курья, Княжь-островъ, Дижить островъ, Конечные дворы, Новакса и Уна,—эти земли отъ Орлеца внизъ по Двинѣ; отъ Орлеца же вверхъ по Двинѣ: Кривой, Ракулы, Наволокъ, Челмахта, Емецъ, Калея, Карьегоры и Нижняя Тойма ⁽¹¹³⁾.

По лѣтописямъ же мы знаемъ, что Даниль Александровичъ въ 1302 году, по духовному завѣщанію Переяславскаго князя Ивана Дмитріевича, получилъ его владѣнія Переяславль и Дмитровъ; а въ 1303 году сынъ Давида Юрій завоевалъ Можайскъ и тамошняго князя Святослава привелъ плѣнникомъ въ Москву ⁽¹¹⁴⁾. При томъ же Юріѣ Давиловичѣ подъ 1317 годомъ упоминается Клинъ, какъ пограничный Тверской городъ къ Московскимъ владѣніямъ ⁽¹¹⁵⁾. Потомъ, при В. К. Симеонѣ Ивановичѣ, подъ 1348 годомъ, упоминается городъ Алексинъ, составлявшій владѣніе Митрополита ⁽¹¹⁶⁾. При В. К. Дмитріѣ Ивановичѣ Донскомъ подъ 1368 годомъ упоминаются московскіе города и волости на дорогѣ въ Литву: Холохолъ, Оболенскъ и Тросна, чрезъ которые въ это время шелъ на Москву В. К. Литовскій Олгердъ ⁽¹¹⁷⁾. Подъ 1371 и 1372 годами упоминаются въ числѣ Московскихъ владѣній Молога, Углече Поле, Кострома и Кистьма, завоеванныя въ это время Тверскимъ княземъ Михаиломъ

⁽¹¹¹⁾ Собр. Г. Г. и Д. Т. I. 34. ⁽¹¹²⁾ А. А. Э. Т. 1, № 6. ⁽¹¹³⁾ Тамъ же, № 13. ⁽¹¹⁴⁾ Ник. III. 100. ⁽¹¹⁵⁾ Тамъ же, 113. ⁽¹¹⁶⁾ Тамъ же, 190. ⁽¹¹⁷⁾ Тамъ же, IV, 21.

Александровичемъ ⁽¹¹⁸⁾. Подъ 1375 годомъ въ числѣ владѣній, подчиненныхъ или союзныхъ Москвѣ, но имѣвшихъ своихъ князей, Лѣтопись упоминаетъ Суздаль, Городецъ, Ростовъ, Смоленскъ, Ярославль, Бѣлоозеро, Кашинъ, Мологу, Стародубъ, Брянскъ, Новосиль, Оболенскъ и Тарусу ⁽¹¹⁸⁾. Подъ 1378 годомъ встрѣчается городъ Чухлома, куда въ это время былъ сосланъ въ заточеніе Митрополитъ Пиминъ ⁽¹¹⁹⁾. Въ войнѣ В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ Мамаемъ, окончившейся Куликовскою битвою, встрѣчается довольно географическихъ подробностей какъ о степяхъ, лежащихъ на югъ отъ Рязанскихъ и Муромскихъ владѣній, такъ и о разныхъ Русскихъ владѣніяхъ, подчиненныхъ Москвѣ. Здѣсь прежде всего мы узнаемъ, что Московскіе государи имѣли уже въ степяхъ стражи, которые наблюдали за всѣми движеніями Татаръ. Такъ В. К. Дмитрій Ивановичъ, при вѣсти о Мамаевомъ походѣ, посылалъ Родіона Ржевскаго, Андрея Волосатаго и Василя Тупика и многихъ другихъ на Быструю и Тихую Сосну наблюдать за Мамаемъ и даже ѣхать подъ самую Орду, чтобы добыть языка ⁽¹²⁰⁾. Потомъ съ тою же цѣлію посылалъ воеводу Семена Мелика и съ нимъ Игнатія Крена, Оому Тынина и многихъ другихъ, о которыхъ именно сказано въ лѣтописи: «на то устроенныхъ тамо вѣдомцовъ, да видятся съ стражи Татарскими и подають скоро вѣсть» ⁽¹²¹⁾. Слѣдовательно, въ степяхъ въ это время были уже постоянные стражи, хорошо знакомые съ топографіею степей, знавшіе мѣстность вдоль и поперекъ, и вѣроятно жившіе тамъ въ разныхъ укрѣпленіяхъ и притинахъ, на кои частію намекаетъ и лѣтопись, говоря, что на рѣкѣ Чюръ-Михайловѣ стоялъ *въ крѣпкой сторожѣ* Оома Кацюгей ⁽¹²²⁾. Еще яснѣе говорятъ о Русскихъ укрѣпленіяхъ по степлямъ грамматы Митрополитовъ Θεогноста и Алексѣя на Черный-яръ, изъ которыхъ въ первой, писанной между 1334—1353 годомъ, упоминается о городахъ по рѣкѣ Воронѣ ⁽¹²³⁾, а во второй, писанной около 1350 года, мы находимъ Русскіе караулы по Хопру и Дону ⁽¹²⁴⁾. Кромѣ того, изъ обѣихъ грамматъ видимъ, что эта сторона населена была Русскими еще въ концѣ XIII вѣка, ибо Митрополиты Θεогностъ и

⁽¹¹⁸⁾ Ник. IV, 30 и 33. ⁽¹¹⁹⁾ Тамъ же, 42—43. ⁽¹²⁰⁾ Тамъ же, 78. ⁽¹²¹⁾ Тамъ же, 97. ⁽¹²²⁾ Тамъ же, 105. ⁽¹²³⁾ Тамъ же, 109. ⁽¹²⁴⁾ Акт. Истор. Т. I. № 1. ⁽¹²⁴⁾ Тамъ же, № 3.

Алексѣй ссылаются на грамматы Митрополитовъ Максима и Петра, по которымъ край этотъ по рѣки Ворону и Хоперь причислялся къ Рязанской епархіи. Далѣе лѣтопись, при описаніи битвы съ Мамаемъ, опредѣленно говоритъ, что войска сошлись на Куликовѣ Полѣ между рѣками Непрядвой, Мечей и Довомъ ⁽¹²¹⁾. Исчисляя же союзниковъ и подручниковъ Дмитріевыхъ, лѣтопись упоминаетъ о князьяхъ Андрѣй Кемскомъ, Глѣбѣ Каргопольскомъ (вѣроятно принадлежавшихъ къ семейству Вѣлозерскихъ князей), Львѣ, князѣ Прозоровскомъ и о князьяхъ Андомскихъ и Устюжскихъ ⁽¹²²⁾. Это извѣстіе лѣтописи для насъ имѣетъ большое значеніе, какъ свидѣтельство что города Кемь, Каргополь, Андома и Устюгъ существовали уже въ XIV столѣтіи и составляли удѣлы разныхъ князей. Изъ другихъ мѣстъ лѣтописей мы видимъ, что Москвичи имѣли географическія свѣдѣнія и о земляхъ, лежавшихъ на востокъ отъ Московскихъ владѣній. Такъ Дмитрій Ивановичъ Донской въ 1377 году посылалъ свои войска въ Мордовскую землю за рѣку Пьяну ⁽¹²⁷⁾; далѣе, по свидѣтельству Никоновской Лѣтописи, В. К. Василій Дмитріевичъ Московскій въ 1396 году посылалъ своего брата Юрія на Болгарь, гдѣ Москвичи тогда завоевали города Болгары Великіе, Жукотянъ, Казань, Кременчукъ и многіе иныя ⁽¹²⁸⁾; Подъ сямъ же годомъ въ той же лѣтописи мы находимъ довольно подробное извѣстіе о Перми и о земляхъ, лежащихъ около ея и далѣе на сѣверъ. Лѣтопись, упоминая о кончинѣ Пермскаго Просвѣтителя и перваго тамошняго Епископа Стефана, такъ говоритъ о земляхъ, лежащихъ около Перми: «А се имена живущимъ около Перми землямъ и странамъ и мѣстомъ иноязычнымъ: Двиняне, Устюжане, Виляжене, Вычагжане, Пенезане, Южане, Серьяне, Гліяне, Вятчане, Лопь, Корела, Югра, Печера, Вогуличи, Самоядь, Петрасы, Пермь Великая, Гамала, Чусовая; рѣка же первая именемъ Вымь впаде въ Вычегду, другая рѣка Вычегда, обходяще всю землю Пермскую, потече въ сѣверную страну и впаде въ Двину межъ Устюга 40 верстъ; рѣка же третья Вятка, потече въ другую страну Перми, вниде въ Каму рѣку; сія же рѣка Кама обходящи всю землю Пермскую, по сеі рѣцѣ мнози азыцы сѣдаютъ, и по-

⁽¹²⁵⁾ Ник. IV, 114. ⁽¹²⁶⁾ Тамъ же, 98. ⁽¹²⁷⁾ Лвов. лѣт. II, стр. 160. ⁽¹²⁸⁾ Ник. IV, стр. 267.

тече на югъ въ землю Татарскую, и впаде въ Волгу рѣку ниже Казани 60 верстъ ⁽¹²⁹⁾.» Это замѣчательное извѣстіе лѣтописи служить доказательствомъ, что Москвичи въ XIV столѣтіи не только хорошо знали сѣверныя земли нынѣшней Россійской Имперіи вплоть до Океана и Уральскихъ Горъ; но имѣли, кажется, описанія тамошнихъ главныхъ рѣкъ въ родѣ тѣхъ, кои впоследствии являются въ книгѣ большаго чертежа. Лѣтопись описываетъ теченіе и устья сихъ рѣкъ съ такою же отчетливостію, какъ это писалось въ книгѣ большаго чертежа: «рѣка Вычегда обходяще всю землю Пермскую, потече въ Сѣверную страну, и впаде въ Двину межъ Устьяга 40 верстъ». Не имѣя прямыхъ данныхъ, мы не можемъ утверждать что наши предки въ XIV столѣтіи имѣли чертежи своихъ и чужихъ сосѣднихъ земель, и писали къ чертежамъ книги; однакоже настоящее свидѣтельство лѣтописи и прежнія указанія, что въ Москвѣ нарочно приготавливались люди, хорошо знакомые съ степями, лежащими за Окою по Дону и Волгѣ ⁽¹³⁰⁾, наводятъ на мысль, что Московское правительство заботилось о приобрѣтеніи географическихъ свидѣній о сосѣднихъ земляхъ, и можетъ быть уже имѣло какія либо руководства, чертежи съ объясненіями, составленные для цѣлей часто служебныхъ, официальныхъ. Намъ еще мало извѣстны богатѣйшіе географическіе и статистическіе матеріалы, составлявшіеся у насъ официально въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ, которые частію и теперь еще хранятся въ архивахъ. Весьма возможно допустить, что они начались еще въ XIV вѣкѣ, особенно, если найдемъ на то намеки въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ.

Но обратимся опять къ лѣтописи. При описаніи войны В. Князя Василья Дмитріевича съ Новгородцами за Двинскія земли, бывшей въ 1398 году, упоминаются слѣдующія мѣстности сего края. Новгородцы начали свой походъ въ Заволочье, и во первыхъ пришли къ Двинскому городу Орлецу, куда къ нимъ явился владыченъ намѣстникъ изъ Вели, вѣроятно нынѣшняго Вельша; съ Двины Новгородцы пустились къ Бѣлозеру и взяли тамъ старій Бѣлозерскій городокъ, а Бѣло-

(129) Ник. IV, 268. (130) Тамъ же, 105.

зерскіе князья и воеводы Московскаго князя пришли къ нимъ изъ Новаго городка Бѣлозерскаго; потомъ Новгородцы пошли на Кубену, Вологду и Устюгъ⁽¹³¹⁾; далѣе двинулись на рѣкѣ Сухонѣ. Это извѣстіе открываетъ намъ новыя географическія свѣдѣнія, именно о Вели или Вельскѣ, Кубенѣ и Сухонѣ, которыхъ мы до того времени не встрѣчали въ лѣтописяхъ. Изъ войнъ Москвичей съ другими сосѣдями мы получаемъ новыя свѣдѣнія о другихъ краяхъ тогдашней Руси: такъ въ 1368 году Князь Владиміръ Андреевичъ взялъ Ржеву, принадлежавшую Тверскому княженію⁽¹³²⁾. Въ войнахъ съ Олгердомъ Литовскимъ упоминаются Московскіе города: въ 1370 году Перемышль, гдѣ К. Владиміръ Андреевичъ поджидалъ Олгерда⁽¹³³⁾, и въ 1373 году Любутскъ, гдѣ-то на границахъ Московскихъ владѣній съ Смоленскими⁽¹³⁴⁾. Потомъ въ войнахъ Москвичей съ Андреемъ Олгердовичемъ упоминаются Трубчевскъ и Стародубъ Сѣверскіи⁽¹³⁵⁾.

Рядомъ съ Московскими владѣніями, какъ мы уже видѣли, въ сѣверо-восточной Руси находились другія Русскія владѣнія: на сѣверѣ Бѣлозерскія, Ярославскія и Ростовскія, на востокѣ Нижегородскія или Суздальскія, на югѣ Муромскія и Рязанскія, на западѣ Смоленскія, Тверскія и Новгородскія. Изъ нихъ Бѣлозерскія, Ярославскія и Ростовскія земли въ XIV вѣкѣ болѣе или менѣе уже были подчинены Москвѣ, и географическія свѣдѣнія о нихъ мы уже исчислили выше, когда говорили о Московскихъ владѣніяхъ; о земляхъ Великаго Новгорода также уже было сказано въ своемъ мѣстѣ.

Теперь обратимся къ остальнымъ сѣверо-восточнымъ Русскимъ владѣніямъ, и по порядку, во-первыхъ къ Суздальскимъ или Нижегородскимъ. Нижегородскія владѣнія первоначально состояли изъ Суздаля, Гороховца, Луха, Городца и Нижняго Новгорода. Нижегородцы были въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Камскою Болгаріею, Татарами и Мордвою. Въ Болгарію они ѣздили по Волгѣ, и бывали тамъ какъ для войны, такъ и для торговли; такъ въ 1370 году В. Кн. Дмитрій Ковстантиновичъ посылалъ своего брата Бориса на Болгарь, и прину-

⁽¹³¹⁾ Новг. I, стр. 99. ⁽¹³²⁾ Лвов. II, стр. 137. ⁽¹³³⁾ Тамъ же, 141. ⁽¹³⁴⁾ Тамъ же, 148. ⁽¹³⁵⁾ Тамъ же, 167.

даль тамошняго князя Асана уступяты престолъ Салтану Базову сыну ⁽¹³⁶⁾. О торговлѣ ихъ въ Камской Болгаріи лѣтопись упоминаетъ при описаніи Тохтамышева похода на Москву въ 1382 году, разказывая, что Тохтамышъ, по занятіи города Болгаръ, велѣлъ захватить тамъ суда и товары Русскихъ гостей ⁽¹³⁷⁾. Конечно, между Русскими здѣсь были и Нижегородскіе купцы, какъ ближайшіе сосѣди Болгаръ, на что нѣкоторымъ образомъ указываетъ и то, что Нижегородскіи князь первый узналъ о походѣ Тохтамыша. Нижегородцы, бывшіе въ Болгарахъ, прежде всѣхъ успѣли подать ему вѣсть. Въ отношеніи къ Моравѣ, Нижегородцы, далѣе и прежде другихъ Русскихъ провикли въ эту землю, ихъ владѣнія здѣсь далеко выдвигались къ Сурѣ и, кажется, простирались до рѣки Пьяны въ нынѣшнемъ Сергачскомъ уѣздѣ. Въ 1372 году, Князь Борисъ Константиновичъ выстроилъ на Сурѣ городъ Курмышъ ⁽¹³⁸⁾; въ 1376 г. Ордынскіи Царевичъ Аромша опустошалъ уже Нижегородскія земли, лежавшія на восточномъ берегу Суры; а еще прежде, въ 1374 году, Татары Мамаевой Орды опустошали Нижегородскія владѣнія на югъ отъ Пьяны, гдѣ, кажется, лежалъ городъ Кишь ⁽¹³⁹⁾; потомъ, въ 1377 году, сынъ Князя Дмитрія Константиновича Симеонъ, съ Можайскимъ бояриномъ Теодоромъ Андреевичемъ Свбломъ, завоевалъ всю Мордовскую землю ⁽¹⁴⁰⁾. Подробнѣйшихъ географическихъ свѣдѣній о княжествѣ Суздальскомъ или Нижегородскомъ мы не имѣемъ, а о земляхъ княженія Муромскаго и вовсе ничего не знаемъ, кромѣ того что здѣсь былъ городъ Муромъ и земли Мецеры, нѣсколько южнѣе Мурома. Но о владѣніяхъ Рязанскихъ находимъ географическія свѣдѣнія болѣе подробныя.

Рязанскія земли на сѣверѣ граничили съ владѣніями Московскими, Владимірскими и Муромскими; отъ Московскихъ владѣній, какъ мы уже видѣли изъ договорной грамматы В. К. Дмитрія Донскаго съ В. К. Олегомъ Рязанскимъ, они отдѣлялись рѣкою Окою, гдѣ, на сѣверномъ берегу, были уже Московскіе города Почень, Новый городокъ, Лужа, Верея и Боровскъ. Очевидно однако же, что эта граница позднѣйшая, — прежде и сѣверный берегъ Оки со всѣми вычисленными здѣсь города-

⁽¹³⁶⁾ Ник. IV, стр. 24. ⁽¹³⁷⁾ Тамъ же, 131. ⁽¹³⁸⁾ Тамъ же, 34. ⁽¹³⁹⁾ Лвов. II, стр. 150. ⁽¹⁴⁰⁾ Тамъ же, 162.

ми принадлежалъ Рязани; ибо въ самой договорной грамматѣ, города сіи еще названѣ Рязанскими; граммата, перечисливши ихъ, говоритъ прямо: «и иная мѣста Рязанская, которая не будутъ на той сторонѣ, то къ Москвѣ» ⁽¹⁴¹⁾. Отъ Владимірскихъ и Муромскихъ владѣній, Рязанскія земли также вѣроятно отдѣлялись Окою; ибо Московская граница по Окѣ простиралась только до устьевъ Цны; а еще далѣе къ сѣверовостоку Рязанскія земли сходились съ жилащами Мордвы. Къ востоку, по всему вѣроятію, Рязанскія границы терялись въ лѣсахъ Мещеры и Мордвы и простирались до Медвѣдицы; ибо, при описаніи перваго Батыева похода, въ лѣтописяхъ сказано, что Батый изъ Болгарской земли лѣсами прямо вступилъ въ Рязанскія владѣнія и сталъ подлѣ Онозы. Въ грамматахъ Митрополитовъ Феогноста и Алексѣя на Черный Яръ Русскіе города и селенія по Медвѣдицѣ, Хопру и Воронѣ причисляются къ Рязанской епархіи, слѣдовательно, можно допустить, и къ Рязанскимъ владѣніямъ; это подтверждаетъ и лѣтописное извѣстіе о разбитіи Рязанскимъ В. К. Олегомъ Царевича Маматъ-Салтана въ предѣлахъ Чернаго Яру «въ караулѣхъ возлѣ Хопоръ и Дону» ⁽¹⁴²⁾. На югъ же Рязанскія владѣнія по рѣкѣ Дону, вѣроятно, простирались до устья Воронежа; ибо здѣсь Рязанскіе Князья Юрій Ингваревичъ съ братьями въ 1237 году дали первую битву Батю ⁽¹⁴³⁾; да и послѣ, въ XIV вѣкѣ во время путешествія Митрополита Пимина, Рязанскій Князь Олегъ приказывалъ Елецкому Князю Юрію проститься съ Митрополитомъ на устьѣ Воронежа; ⁽¹⁴⁴⁾. На юго-западѣ, т. е. по лѣвому берегу Дона, границею Рязанскихъ земель была уже быстрая Сосна, ибо на этой рѣкѣ стоялъ самый южный Рязанскій городъ—Елецъ. Западная же граница шла на Новосиль, Одоевъ, Тулу и Торусу; ибо Новосильскіе, Одоевскіе и Торускіе Князья происходили отъ В. К. Михаила Всеволодовича Черниговскаго. Тула же, какъ уже видно изъ приведенной выше грамматы Дмитрія Донскаго съ Олегомъ Рязанскимъ, принадлежала Москвѣ. Изъ городовъ Рязанскихъ въ лѣтописи и другихъ памятникахъ упоминаются: Переяславль Рязанскій, столица тамошнихъ князей на Трубежѣ, какъ зна-

⁽¹⁴¹⁾ Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, 32. ⁽¹⁴²⁾ Ник. IV, 298. ⁽¹⁴³⁾ Лвов. II, стр. 1. ⁽¹⁴⁴⁾ Ник. IV, стр. 161.

читя по книгѣ большаго чертежа ⁽¹⁴⁵⁾; пониже Переяслава на Оку Старая Рязань, а выше Переяслава въ 40 верстахъ отъ Коломвы Перевитскъ ⁽¹⁴⁶⁾, Ростиславль, при впаденіи Осетра въ Оку ⁽¹⁴⁷⁾, Провскъ на Провѣ, Чюръ Михайловъ, гдѣ-то при верховьяхъ Дона; объ этомъ городѣ упоминается въ путешествіи Пимина, только уже по памяти, что тутъ былъ прежде городъ: не древнѣй ли это удѣль Князя Киръ Михаила ⁽¹⁴⁸⁾? Далѣе по границамъ съ Московскими и Торускими владѣніями, вѣроятно, частію по сѣверному, а частію по южному берегу Оки, лежали Рязанскіе города Поченъ, Лопасня, Мстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубокъ и Бродничъ, упоминаемые въ приведенной выше договорной грамматѣ В. К. Дмитрія Донскаго, и названные тамъ уступленными къ Рязани отъ Тарусскихъ князей. Потомъ, подъ 1387 годомъ, въ лѣтописи упоминается Рязанскій городъ Любутскъ, на который въ этотъ годъ напали Татары; городъ сей, кажется, лежалъ на западъ отъ Рязани, ибо Татары подошли къ нему уже тогда, когда опустошили Рязань ⁽¹⁴⁹⁾. Этотъ Любутскъ не одно и то же съ Любутцкомъ, упоминаемымъ въ лѣтописи подъ 1372 годомъ, подъ которымъ, во время войны Олгерда Литовскаго съ Московскимъ княземъ, сошлись Литовскія и Тверскія войска, ибо подъ 1394 годомъ въ лѣтописи есть извѣстіе, что Рязанскій Князь Олегъ въ этотъ годъ ходилъ ратью къ Любску и со многими полономъ возвратился во свояси слѣдовательно было два Любска: одинъ Смоленскій, какъ мы видѣли выше, а другой Рязанскій. Самымъ южнымъ городомъ къ западу въ Рязанскихъ владѣніяхъ былъ—Елецъ, стоявшій на лѣвомъ берегу Быстрой Сосны, и составлявшій особый удѣль.

На западъ отъ Рязанскихъ земель лежали мелкія владѣнія разныхъ княжескихъ родовъ, происходившихъ отъ В. К. Михаила Всеволодовича Черниговскаго: именно по Зупѣ лежали владѣнія Князей Новосильскихъ; по верховьямъ Оки до Калуги Болховскихъ, Белевскихъ, Одоевскихъ и Воротынскихъ; далѣе между Калугою и Серпуховымъ—Тарусскихъ; на западъ отъ Оки по Протвѣ-Оболенскихъ (почти среди Московскихъ владѣній);

⁽¹⁴⁵⁾ Кн. Бол. Чер., стр. 123. ⁽¹⁴⁶⁾ Ник. IV, стр. 159 ⁽¹⁴⁷⁾ Кн. бол. Чер., стр. 118. ⁽¹⁴⁸⁾ Ник. IV, стр. 160. ⁽¹⁴⁹⁾ Ник. IV, 155.

по Жиздрѣ—Козельскихъ, и еще далѣе къ западу по Цитѣ и Деснѣ—Карачевскихъ и Брянскихъ, и наконецъ по правому берегу Угры—Мосальскихъ, которыя уже примыкали къ владѣніямъ Смоленскимъ. За Мосальскими владѣніями начинались прямо за Угрою замки и города разныхъ князей Смоленскихъ; во мы о нихъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

На сѣверъ отъ Смоленскихъ владѣній начиналось великое княжество Тверское; самымъ южнымъ городомъ этого княжества былъ Зубцовъ, лежавшій на правомъ берегу Волги. По восточнымъ предѣламъ Тверскихъ владѣній, почти по Московской границѣ, были города Никулинъ на Шошѣ, составлявшій особый удѣлъ между Тверскими князьями, Клинь на Сестрѣ, Корчева, на правомъ берегу Волги до впаденія въ нее Сестры; далѣе внизъ по Волгѣ, тоже на правомъ ея берегу, Бѣгородъ, и наконецъ съ лѣвой стороны Волги Кашинъ на рѣкѣ того же имени, составлявшій также особый удѣлъ Тверскихъ князей, называвшихся Кашинскими и бывшихъ почти въ постоянномъ союзѣ съ Москвою. Нѣсколько выше Кашина, на Волгѣ, при устьѣ Нерли, стоялъ также Тверской городъ, уже извѣстный выше Ксвятинъ или Константинъ; онъ въ 1288 году былъ опустошенъ В. К. Дмитріемъ Александровичемъ Владимірскимъ⁽¹⁴⁰⁾. На сѣверъ и западъ Тверскія владѣнія сходились съ Новгородскими пятнами, Бѣжецкою и Деревскою, гдѣ ближайшими къ Тверскимъ владѣніямъ были Новгородскіе города Торжокъ и Бѣжецкъ, и наконецъ съ Смоленскими владѣніями, гдѣ пограничнымъ Смоленскимъ городомъ была Ржева на Волгѣ. Внутри Тверскихъ владѣній, по свидѣтельству лѣтописей, были города: Старица и Тверь по Волгѣ, и Холмъ, мѣстность котораго опредѣлить прямо нельзя; но впрочемъ нѣсколько можно предположить, что этотъ городъ былъ гдѣ нибудь недалеко отъ границъ Смоленскихъ, можетъ быть, на мѣстѣ нынѣшней деревни Красный Холмъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ, на востокъ отъ Зубцова; ибо извѣстные Холмскіе князья Всеволодъ и Михаилъ Александровичи были въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Латовцами, что конечно, имъ неудобно было бы дѣлать, если бы ихъ городъ Холмъ лежалъ гдѣ либо на

(140) Ник. III, стр. 87.

востокъ или на сѣверъ отъ Твери, бывшей тогда въ рукахъ ихъ противниковъ, князей Кашинскихъ. Эту же мысль подтверждаетъ и то, что Михаилъ Александровичъ имѣлъ родовымъ своимъ удѣломъ городъ Микулинъ, завистливый отъ Холмскихъ князей, а мы уже видѣли, что Микулинъ стоялъ на югъ отъ Твери. Другихъ городовъ Тверскихъ владѣній въ лѣтописяхъ не упоминается, кромѣ городка, выстроеннаго Княземъ Михаиломъ Александровичемъ въ 1366 году, гдѣ-то на Волгѣ неподалеку отъ Твери ⁽¹⁵¹⁾. Да еще судя, по свидѣтельству родословныхъ книгъ, къ Тверскимъ городамъ должно причислить Дорогобужъ и Чернятинъ; ибо родословныя книги говорятъ, что отъ Константина, сына Александра Михайловича, произошли князья Дорогобужскіе и Чернятинскіе. Несмотря на небольшое пространство, какое занимали Тверскія владѣнія въ XIV столѣтіи, эта сторона по своей населенности и богатству жителей составляла одно изъ сильнѣйшихъ великихъ княженій въ Сѣверо-восточной Руси, которое было опаснѣйшимъ соперникомъ могущественной Москвы. Главною причиною таковой силы, кажется, была торговля; ибо Тверскія земля, находясь между владѣніями Новгорода и Москвы, были необходимымъ перепутьемъ торговли Востока съ Западомъ, здѣсь начиналась главная дорога Азіатско-Европейской торговли — Волга. О множествѣ торговцовъ, прїѣзжавшихъ и проживавшихъ въ Твери, даже изъ Татарскихъ Ордъ, ясно свидѣлствуютъ лѣтописи. Такъ, подъ 1326 годомъ, Никоновская Лѣтопись говоритъ, что Тверской князь Александръ Михайловичъ возставши на ханскаго посла Щелкана, избилъ множество Ордынскихъ гостей старыхъ и новопришедшихъ съ Щелканомъ въ Тверь ⁽¹⁵²⁾.

Собравши сколько можно было географическихъ свѣдѣній въ XII, XIII и XIV вѣкахъ о владѣніяхъ Сѣверовосточной Руси, мы теперь обратимся къ западнымъ Русскимъ владѣніямъ, приднѣпровскимъ и заднѣпровскимъ, и разсмотримъ, какъ о нихъ говорятъ тамошніе источники. Первенствующимъ городомъ въ приднѣпровьѣ почти въ продолженіе всего XII вѣка остается по прежнему Кіевъ, и около Кіева преимущественно сосредоточивается дѣятельность тамошнихъ князей, а слѣдовательно и

(151) Ник. IV, стр. 15. (152) Ник. III, 137.

развитіе жизни народной. 1111 годъ, по свидѣтельству Ипатіевской лѣтописи, начинается походомъ южныхъ Русскихъ князей въ земли Половецкія. Этотъ походъ свидѣлствуетъ, что дорога отъ Кіева и Переяслава въ Половецкія степи на этотъ разъ шла на Сулу, Хороль, Пселъ и Гольту, и далѣе на Ворсклу, а оттуда прямо къ Дону⁽¹⁶³⁾. Замѣчательно, что лѣтопись не упоминаетъ ни о Сѣверскомъ Донцѣ, ни объ Осколѣ, которыхъ нельзя бы было миновать, шедши съ середины Ворсклы къ Дону. Это умолчаніе о Донцѣ и Осколѣ ведетъ къ двумъ заключеніямъ:—или походъ этотъ былъ совершенъ ниже нынѣшней Полтавы по правому берегу Донца, слѣдовательно къ самымъ низовьямъ Дона, на орду Кончакову и Кобякову. Но въ этомъ случаѣмѣшаетъ рѣка Сальница или Дегей, ибо, по смыслу Слова о полку Игоревѣ, Сальница впадала въ Донъ выше устья Донца; слѣдовательно Русскимъ, чтобы биться съ Половцами на Сальницѣ, нужно было переходить на сѣверный берегъ Донца; лѣтопись же не говоритъ о такомъ переходѣ. Кажется вѣроятнѣе что Русскіе въ это время перешли Ворсклу при ея верховьяхъ и потомъ направились къ Дону, придерживаясь сѣвера, а посему перешли Донецъ и Осколъ при самыхъ ихъ вершинахъ, отъ чего лѣтописецъ и не отличилъ ихъ отъ прочихъ тамъ протекающихъ небольшихъ рѣчекъ: Корени, Корочи, Нежеголя, Бѣлаго колодезя и Тихой Сосны или Потудона; и означилъ общимъ выраженіемъ: «и оттудѣ преидоша мнози рѣки». Если принять это положеніе, то должно согласиться, что въ настоящій походъ Русскіе князья ходили не къ низовьямъ Дона, а къ самой среднѣй его теченія, т. е. въ нынѣшнюю Воронежскую губернію, и слѣдовательно упоминаемыхъ въ лѣтописи Половецкихъ городовъ Шаруканя и Сугрова нужно искать въ нынѣшнемъ Острогжскомъ или въ Богучарскомъ уѣздахъ, и тутъ же гдѣ нибудь должно искать рѣку Салницу или потокъ Дегей, гдѣ были разбиты Половцы. Предполагать въ сей рѣкѣ нынѣшнюю Салу очень мудро; ибо Салъ впадаетъ въ Донъ съ лѣвой стороны, въ лѣтописи же не сказано, чтобы Русскіе въ этотъ походъ переходили черезъ Донъ; по смыслу лѣтописи, она ограничилась на этотъ разъ только правымъ берегомъ Дона. О об-

(163) Ипат., стр. 2.

ратномъ пути лѣтописи не упоминаетъ, вѣроятно онъ былъ по прежней дорогѣ, т. е. держась сѣвера. Какъ бы то ни было, этотъ походъ много познакомилъ Русскихъ съ придонскими степями, гдѣ они не бывали, кажется, со времени Владимира Святославича. Подобный походъ повторился еще черезъ 5 лѣтъ: въ 1116 году Владиміръ Мономахъ посылалъ на Донъ сына своего Ярополка. Лѣтописи при семъ случаѣ не описываетъ ярополкова пути, но очевидно онъ шелъ по той же дорогѣ, по которой и Мономахъ въ 1111 году, ибо Ярополкъ взялъ у Половцовъ тѣ же города Шаруканъ и Сугровъ, и еще новый городъ Балинъ⁽¹⁶⁴⁾; но кажется этотъ походъ окончился южнѣе прежняго, ибо въ лѣтописи сказано, что Ярополкъ взялъ въ плѣнъ дочь Яскаго князя; Ясовъ же и Касоговъ наши лѣтописи относятъ къ низовьямъ Дона и къ Кавказу; слѣдовательно здѣсь, снова увеличилось знакомство Русскихъ съ придонскими странами и въ этотъ же годъ географическія свѣдѣнія Русскихъ объ этомъ краѣ распространились еще болѣе; ибо досего времени жившіе по Дону, рядомъ съ Половцами, Торки и Печенегы, послѣ двухъ-суточнаго боя съ Половцами, удалились къ Днѣпру подъ покровительство Русскихъ⁽¹⁶⁵⁾. А въ слѣдующемъ году привлачулись къ Днѣпру и новые распространители свѣдѣній о Донѣ Казары, жители Бѣлой Вѣжи, прогнанные съ Дона Половцами⁽¹⁶⁶⁾. Въ 1120 году Ярополкъ снова ходилъ на Половцовъ уже за Донъ; лѣтописи не описываетъ подробностей этого похода, и мы знаемъ, былъ ли онъ совершенъ по прежней дорогѣ, или по новой (Лав. 128). При преемникѣ Мономаховомъ, его сынѣ Мстиславѣ, географическія свѣдѣнія приднѣпровскихъ Руссовъ не только перешли за Донъ, но даже и за Волгу; ибо лѣтописи говорятъ, что при Мстиславѣ Русскіе били Половцовъ на берегахъ Яика; такъ въ Ипатіевской Лѣтописи сказано: «Володимеръ самъ собою постоя на Дону и много пота утеръ за Руськую землю; а Мстиславъ мужи свои посла, загна Половци за Донъ и за Волгу и за Яикъ»⁽¹⁶⁷⁾. Это извѣстіе показываетъ, что прежніе походы къ Дону, и особенно поселеніе Донскихъ и Волжскихъ старожилловъ, Торковъ, Печенеговъ и Бѣловежцевъ, въ приднѣпровьѣ, хорошо познакомили Русскихъ съ придонскими и приволжскими

(164) Ипат., ст. 7. (165) Тамъ же. (166) Тамъ же, 8 (167) Тамъ же, 15.

степями такъ что Русскіе полки удачно могли пройти донынѣшняго Урала (или Яика). Но не съ однѣми придонскими и приволжскими степями знакомились приидѣпровскіе Руссы, воюя съ Половцами; ибо Половецкія кочевья были разсыпаны по всему степному пространству отъ Урала до Дуная. На сѣверъ они соприкасались съ Рязанскими владѣніями почти до рѣки Прони, гдѣ кочевалъ съ своею ордою князь Ельтукъ ⁽¹⁵⁸⁾. Далѣе по Дону, какъ мы уже видѣли, въ нынѣшней Воронежской губерніи кочевала орда Шаруканова, которая, кажется въ 1152 году, помогала Юрью Долгорукому противъ Изяслава подлѣ Черниговомъ, и потомъ шла назадъ домой не на перерѣзъ чрезъ Пселъ и Ворсклу, но къ ихъ верховьямъ на Путивль ⁽¹⁵⁹⁾, гдѣ, какъ мы замѣтили, въ 1111 году шелъ къ Дону Мономахъ. Южнѣ Шарукановой орды, почти по самому берегу Азовскаго и Чернаго морей, даже до Днѣпра и за Днѣпръ къ Дунаю были кочевья орды Боняковой; съ этою-то ордою въ 1152 году удачно воевалъ Изяславовъ сынъ Мстиславъ на берегахъ рѣкъ Углы, нынѣшней Орели и Самары ⁽¹⁶⁰⁾. Слѣдовательно, здѣсь приидѣпровскіе Руссы подвигались съ своимъ оружіемъ и съ свѣдѣніями о юговосточномъ краѣ къ берегамъ Азовскаго и Чернаго морей. Но въ эту сторону знакомство Русскихъ съ тамошнимъ краемъ не ограничивалось уже Углою и Самарой; ибо въ 1153 году Изяславъ посылалъ того же Мстислава вивъзъ по Днѣпру за пороги до Олешья, для встрѣчи своей невѣсты, которую вели изъ Обезъ ⁽¹⁶¹⁾, т. е. изъ Абхазіи. Слѣдовательно, Русскіе бывали уже и въ этой закавказской сторонѣ, ибо иначе какимъ бы образомъ Кіевскому князю выписывать себѣ невѣсту изъ такого отдаленнаго края. Кіевскіе князья XII вѣка были въ столь близкихъ сношеніяхъ съ берегомъ Чернаго моря по Днѣпру и столь дорожили симъ путемъ, что по возможности старались держать его въ безопасности; такъ въ 1160 году Ростиславъ Мстиславичъ посылалъ своихъ воеводъ Порьга Несторовича и Якуна наказать Берладниковъ за взятіе Олешья ⁽¹⁶²⁾. А въ 1170 году Мстиславъ Мстиславичъ владѣвшій тогда Кіевомъ, ходилъ со многими приидѣпровскими князьями на Черноморскихъ По-

⁽¹⁵⁸⁾ Ипат., стр. 29. ⁽¹⁵⁹⁾ Тамъ же, 70. ⁽¹⁶⁰⁾ Тамъ же, 71. ⁽¹⁶¹⁾ Тамъ же, 74. ⁽¹⁶²⁾ Тамъ же, 86.

ловцовъ, именно потому, что они отнимаютъ Греческіи соляной и заловный путь, и въ томъ же году, по разбитіи Половцовъ, навремя останавливался въ Каневѣ, поджидая гречниковъ и заловниковъ ⁽¹⁶²⁾. И недаромъ князья дорожили этою дорогою: по ней постоянно производилась значительная торговля между Греціей и Кіевомъ и симъ же путемъ сама князья ссылались съ Константинопольскимъ дворомъ. По Днѣпру ходилъ въ Кіевъ митрополиты и Епископы изъ Греціи ⁽¹⁶³⁾; по нему же отправлялись въ Царьградъ и Русскіе князья, сосланные въ Грецію Мстиславомъ Владимировичемъ, и въ 1162 году Мстиславъ и Васylko, сыновья Георгія Долгорукаго ⁽¹⁶⁴⁾.

Завоеваніе Кіева войсками Боголюбскаго въ 1169 году не прервало сношеній придѣпровскихъ Руссовъ съ Половцами; они продолжались по прежнему, и съ тѣмъ вмѣстѣ распространялись и дѣлались отчетливѣе географическія свѣдѣнія о Половецкихъ степяхъ. Такъ въ 1183 году Рюрикъ Кіевскій и Святославъ Черниговскій бился съ Половцами на Углѣ или Орсли, и въ то же время Игорь Святославичъ сражался съ ними за Мерломъ, не вдалекѣ отъ Сѣвернаго Донца. Въ слѣдующемъ году Святославъ разбилъ Кончака за Хороломъ, и кажется гнался за нимъ почти до береговъ Чернаго Моря ⁽¹⁶⁵⁾. Игорь же Святославовичъ съ 1185 году ходилъ на Половцовъ къ Дону и былъ тамъ разбитъ Кончакомъ. Этотъ походъ довольно подробно описанъ какъ въ лѣтописи, такъ особенно въ современномъ Словѣ о полку Игоревѣ; а посему мы здѣсь воспользуемся географическими свѣдѣніями, которыхъ довольно разсыпано въ обоихъ сказаніяхъ. По свѣдѣтельству лѣтописи, Игорь держалъ свой путь на Донецъ, потомъ на Осколъ и далѣе къ Салницѣ (вѣроятно нынѣшній Богучаръ), слѣдовательно шелъ нѣсколько южнѣе Мономаха. Съ Половцами Игорь встрѣтился въ первый разъ на Сурьмѣ (должно быть нынѣшній Чиръ), такимъ образомъ прошелъ уже далѣе на югъ, но тамъ переправился чрезъ Сюрнїи еще южнѣе и далѣе битву на рѣкѣ Каалѣ, гдѣ и былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Каалой должно быть называлась какая нибудь рѣчка, ближайшая къ морю; ибо далѣе въ лѣтописи сказано, что пораженная

⁽¹⁶²⁾ Ипат., 98. ⁽¹⁶³⁾ Тамъ же, 92. ⁽¹⁶⁴⁾ Тамъ же, 91. ⁽¹⁶⁵⁾ Тамъ же, 128 и 129.

дружины Игоревы частью потонула въ морѣ; но впрочемъ Каялу все еще нельзя признать какой либо приморской рѣчкой; она вѣроятно протекала еще до впаденія Донца въ Донъ, ибо при описаніи битвы нигдѣ не говорится о вторичномъ переходѣ Русскихъ черезъ Донецъ, можетъ быть, это нынѣшній Кагальникъ. Лѣтописный разсказъ объ Игоревомъ походѣ сообщаетъ также нѣсколько подробностей о кочевьяхъ Половецкихъ; въ лѣтописи сказано, что плѣнный Игорь былъ отведенъ въ кочевья Таргловичей, которые, кажется, кочевали за Торомъ, слѣдовательно уже на южномъ берегу Донца, ближе къ морю (Игорь, собираясь убѣжать отъ Половцовъ, велѣлъ привести коня на ону страну Тора). Всеволодъ и Святославъ были отведены въ кочевья Буревичей, Владиміръ къ Улашевичамъ ⁽¹⁶⁷⁾. Такимъ образомъ мы отсюда узнаемъ, что приморскія Половцы дѣлались въ это время на нѣсколько ордъ. По свидѣтельству Слова о Полку Игоревѣ мы узнаемъ, что Руссамъ придѣйровскимъ были уже мало знакомы Волга, Азовское побережье, Сурожъ, Корсунъ и Тмутаракань; слѣдовательно они въ концѣ XII вѣка забывали уже тѣ географическія свѣдѣнія, которыя были приобрѣтены въ X-мъ. Слово о полку Игоревѣ говоритъ: «Дивъ кличетъ, велитъ послушати земли незнаемъ, Вьялъ и Поморію и Посулію, и Сурожу и Корсуню, и тебѣ Тмутараканьскій бляванъ». Здѣсь они прямо названы землями незнаемыми, т. е. о которыхъ только знали по слуху, а куда почти не ходили. Итакъ Половецкія кочевья, несмотря на походы нашихъ князей въ Придонскія степи и даже къ Волгѣ и за Волгу, сильно препятствовали распространенію географическихъ свѣдѣній на востокъ отъ Днѣпра. Временные и не всегда удачные походы князей не упрочивали безопасности мирнымъ путешественникамъ и торговцамъ; мы уже видѣли выше, что и Днѣпровскій путь трудно было удерживать нашимъ князьямъ, о дорогахъ же къ Дону и Волгѣ они не могли уже и думать. Рѣдкіе походы ихъ въ эту сторону предпринимались или изъ мести за набѣги, или для того, чтобы сколько нибудь обезпечить города, лежащіе по Сулѣ; торговля шла только по Днѣпру, и можетъ быть по немвогимъ рѣкамъ, впадающимъ въ Днѣпръ. Такъ, напримѣръ, въ лѣтописи

(167) Ипат., стр. 130—133.

сказано, что во время Святославова похода на приморскихъ Половцовъ, въ 1184 году, встрѣтились ему за Сулою гости, шедшіе изъ земли Половецкой, и объявили, что Половцы стоятъ на Хоролѣ⁽¹⁶⁶⁾. Игоревъ походъ къ Дону былъ послѣдній; послѣ него приднѣпровскіе князья болѣе уже не ходили въ эту сторону далѣе Сулы, и все ихъ вниманіе было обращено на Днѣпръ, куда сильно выдвинулись Половцы. Съ появленіемъ Монголовъ въ придонскихъ степяхъ, приднѣпровскіе Руссы уже вовсе потеряли изъ вида весь край, лежащій на востокъ отъ Днѣпра; Калкская битва была послѣдняя, гдѣ приднѣпровцы бились въ степяхъ за Днѣпромъ.

Теперь разберемъ сказанія лѣтописей о географическихъ свѣдѣніяхъ приднѣпровскихъ Руссовъ, которыя они имѣли въ XII вѣкѣ о Черноморскомъ берегѣ отъ Днѣпра до Дуная. Здѣсь прежде всего представляется неуспѣшный походъ Вячеслава Владиміровича въ 1116 году къ Дунаю, при чемъ Русскіе дошли до Дырстра или Доростола, и посылка Мономахомъ въ томъ же году Ивана Войтишича для посаженія по Дунайскимъ городамъ Мономаховыхъ посадниковъ⁽¹⁶⁹⁾. Потомъ, въ 1153 году, полки Изяслава Мстиславича Кіевскаго ходили за рѣку Сереть къ границамъ выѣшней Молдавіи⁽¹⁷⁰⁾ съ Галиціею. Далѣе, въ 1159 году, кн. Иванъ Ростиславичъ Берладникъ, при помощи поморскихъ Половцовъ, занялъ по-Дунайскіе города⁽¹⁷¹⁾ въ выѣшней Бессарабіи. Сей князь передъ этимъ жилъ въ Кіевѣ, слѣдовательно приднѣпровскимъ Руссамъ была знакома дорога къ Дунаю по Черноморскому берегу, и они были въ близкихъ сношеніяхъ съ тамошними Половцами, что подтверждается и посылкою Кіевскихъ полковъ въ эту сторону въ 1160 году⁽¹⁷²⁾. Съ Дуная же Русскіе уже ходили въ Булгарію и Македонію, принадлежавшіе тогда Византійской Имперіи; такъ объ Иванѣ Ростиславичѣ Берладникѣ сказано, что онъ умеръ въ Селунѣ⁽¹⁷³⁾. Но въ Византійскія владѣнія Русскіе въ XII вѣкѣ знали и другую дорогу, изъ Днѣпра прямо по Черному морю; по этой дорогѣ Мстиславомъ Великимъ были отправлены князья Полоцкіе, по ней же ходили и дѣти Юрія Дол-

⁽¹⁶⁶⁾ Ипат., стр. 129. ⁽¹⁶⁹⁾ Ипат., 7. ⁽¹⁷⁰⁾ Тамъ же, 73. ⁽¹⁷¹⁾ Тамъ же, 84. ⁽¹⁷²⁾ Тамъ же, 86.—⁽¹⁷³⁾ Тамъ же, 91.

горукаго, Мстиславъ и Василько, въ 1162 году ⁽¹⁷⁴⁾, и послѣдній получилъ отъ Константинопольскаго императора вѣсколько городовъ на Дунаѣ. Днѣпровская дорога въ Византию была самою обычною, и купцы, ѣздившіе по ней, назывались Гречниками и Залозниками. Была и третья дорога къ Червону Морю по Днѣстру, гдѣ преимущественно производилась торговля солью, которая получалась изъ Удеча (гдѣ имбудъ въ приморьи) ⁽¹⁷⁵⁾. Изъ Половецкихъ ордъ, кочевавшихъ на западъ отъ Днѣпра по Черноморскому берегу, по свидѣтельству лѣтописей, приднѣпровскимъ Руссамъ были извѣстны такъ называемые Лукоморскіе Половцы, у коихъ въ 1193 году были князьями Акушъ и Тогльй ⁽¹⁷⁶⁾, а потомъ орды Котьяна и Бѣговарса, кочевавшія, кажется, ближе къ Днѣстру и Дунаю ⁽¹⁷⁷⁾. Галичане и Волынцы изъ своего края ходили воднымъ путемъ въ Кіевъ по Днѣстру въ Черное Море, а потомъ моремъ въ Днѣпръ, которымъ идя въ верхъ приходили въ Кіевъ ⁽¹⁷⁸⁾.

Страны, лежавшія на западъ отъ Русскихъ владѣній, были, кажется, особенно знакомы приднѣпровскимъ и приднѣстровскимъ Руссамъ, которые еще до Владиміра Мономаха знали дорогу въ Венгрію, Богемію и разныя Германскія владѣнія. Такъ мы уже видѣли, что Святополкъ Михайлъ въ 1097 году посылалъ своего сына Ярослава къ Уграмъ, возбуждая ихъ противъ Володаря Ростиславича Перемышльскаго ⁽¹⁷⁹⁾. А Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи свидѣтельствуетъ о себѣ, что онъ по приказу Святослава ходилъ въ Ляхи за Глоговы до Чешскаго лѣса ⁽¹⁸⁰⁾. Ипатіевская же лѣтопись подъ 1111 годомъ ясно свидѣтельствуетъ, до коихъ мѣстъ простиралось знакомство приднѣпровскихъ Руссовъ съ Западною Европою; она говоритъ, что слава тогдашнихъ побѣдъ надъ Половцами распространилась у Грековъ, Угровъ, Ляховъ, Чеховъ и даже до Рима ⁽¹⁸¹⁾; вѣроятно, всѣ сіи страны были уже знакомы приднѣпровскимъ Руссамъ того времени.

По порядку мы сперва рассмотримъ свѣдѣнія Русскихъ объ Уграмахъ. Подъ 1112 годомъ лѣтопись говоритъ, что повезли въ Угры за короля Мономахову дочь Ефи-

⁽¹⁷⁴⁾ Ипат., стр. 91. ⁽¹⁷⁵⁾ Тамъ же, 92. ⁽¹⁷⁶⁾ Ипат., 142. ⁽¹⁷⁷⁾ Тамъ же, 170. ⁽¹⁷⁸⁾ Тамъ же, 164. ⁽¹⁷⁹⁾ Лавр., 115. ⁽¹⁸⁰⁾ Тамъ же, 103. ⁽¹⁸¹⁾ Тамъ же, 3.

мію ⁽¹⁵²⁾; потомъ въ 1118 году Ярославъ Свяполчичъ бѣжалъ къ Уграмъ изъ Владиміра Вольтинскаго ⁽¹⁵³⁾; а дѣ 1123 году этотъ же Ярославъ привелъ съ собою Угровъ, Ляховъ и Чеховъ ⁽¹⁵⁴⁾. Вячеславъ, сынъ Мономаховъ, также былъ знакомъ съ Уграми, Угорскій король присылалъ ему на помощь свои войска, въ 1139 году ⁽¹⁵⁵⁾. Но особенное знакомство съ землями Угорскою, Лядскою и Чешскою было при Изяславѣ Мстиславичѣ, которому Угорскій король былъ зять, а Чешскій князь Володиславъ и Лядскій Болеславъ были сваты ⁽¹⁵⁶⁾. Изяславъ нѣсколько разъ посылалъ туда своего брата Владиміра, сына Мстислава, и иныхъ пословъ; и король Угорскій нѣсколько разъ приходилъ на помощь къ Изяславу противъ Юрія Долгорукаго и Владиміра Галицкаго. По смерти Изяслава, братъ его, Владиміръ, въ 1155 году отправилъ въ Угорскую землю мать свою, супругу Мстислава Великаго, а на слѣдующій годъ и самъ бѣжалъ туда, преслѣдуемый племянникомъ своимъ, Мстиславомъ Изяславичемъ ⁽¹⁵⁷⁾. Потомъ почти въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Угорскими королями были князья Вольтинскіе и Галицкіе, особенно когда по смерти Ярослава Владиміровича Галицкаго начались въ Галицкой сторонѣ смуты, въ которыхъ Угры принимали сильное участіе. Въ то же время вступили въ сношеніе съ Уграми князья Черниговскіе; такъ въ 1189 году Святославъ Всеволодичъ посылалъ къ Угорскому королю сына своего Глѣба ⁽¹⁵⁸⁾. Изъ Угорской земли Русскіе провикали и въ Германію; такъ Владиміръ, сынъ Ярослава Галицкаго, въ 1190 году отъ Угорскаго короля ушелъ въ Нѣмецкія земли, гдѣ былъ принятъ императоромъ Германскимъ съ честію и любовію, когда рассказалъ про себя, что онъ племянникъ по матери Всеволоду Юрьевичу Суздальскому, котораго уже знали и уважали въ Германіи ⁽¹⁵⁹⁾. А Даниилъ и Василько Романовичи были уже въ сношеніяхъ съ герцогомъ Австрійскимъ Фридрихомъ въ 1237 году, и хотѣли изъ Венгріи пройти къ нему на помощь противъ императора Фридриха II-го, но были удержаны отъ этого Угорскимъ королемъ, у котораго тогда были въ гостяхъ ⁽¹⁶⁰⁾. Въ 1252 году Даниилъ Романовичъ

⁽¹⁵²⁾ Ипат., стр. 3. ⁽¹⁵³⁾ Тамъ же, 8. ⁽¹⁵⁴⁾ Тамъ же, 9. ⁽¹⁵⁵⁾ Тамъ же, 14. ⁽¹⁵⁶⁾ Тамъ же, 45. ⁽¹⁵⁷⁾ Тамъ же, 79. ⁽¹⁵⁸⁾ Тамъ же, 137. ⁽¹⁵⁹⁾ Тамъ же, 138. ⁽¹⁶⁰⁾ Ипат., 175.

ходилъ на помощь къ Угорскому королю противъ Нѣмцевъ, и былъ подѣ Пожгомъ, гдѣ Нѣмцы дивились богатству вооруженія Данилова и Татарскому оружію его дружины ⁽¹⁹¹⁾. А подѣ 1254 годомъ лѣтопись говоритъ, что Венгерскій король просилъ у Данила его сына Романа, обѣщая женить его на сестрѣ убитаго Австрійскаго герцога Фридриха и отдать ему Австрію и Штирію; но женивши не исполнилъ обѣта и оставилъ безъ пособія въ городѣ Нѣперцѣ. Данилъ же, какъ новый родственникъ Угорскаго короля, помогалъ ему противъ Чеховъ въ землѣ Опавской, при чемъ въ лѣтописи сказано, что Данилъ шелъ въ Чешскую землю изъ Кракова черезъ рѣку Одру къ городу Козли, оттуда къ рѣкѣ Псивѣ и далѣе къ рѣкѣ Опавѣ; потомъ по Опавѣ вверхъ къ городу Насилью, авзяша этотъ городъ, пошелъ въ Глубичичи, потомъ думалъ ити къ Особолозѣ; но послѣ покоренія Герьборта, возвратился за Одру и потомъ чрезъ Краковъ домой. ⁽¹⁹²⁾ Также въ 1291 году Даниловъ сынъ Левъ ѣздилъ въ Чехи къ тамошнему королю Вацлаву, но не для войны, а посломъ, гдѣ и докончалъ съ нимъ миръ ⁽¹⁹³⁾. Всѣ сіи лѣтописныя извѣстія ясно показываютъ, что Венгія и Богемія болѣе или менѣе были знакомы для приднѣпровскихъ и особенно приднѣстронскихъ Руссовъ даже географически; въ Галичѣ были нѣмецкіе ворота, т. е. застава, черезъ которую шла дорога въ нѣмецкія земли; въ земли сіи ходили не только Русскіе князья и новны, но, вслѣдствіе близкихъ сношеній князей съ тамошними владѣтелями, вѣроятво и торговцы. А при началѣ владычества Татаръ чрезъ Угорскую землю даже шла дорога въ Константинополь. Такъ въ 1250 году митрополитъ Кириллъ, отправляясь на поставленіе къ Патріарху, шелъ черезъ Венгію. Нѣмцы въ Галичѣ и Владимірѣ - Вольнскомѣ даже составляли часть постоянныхъ жителей, какъ свидѣтельствуется лѣтопись подѣ 1287 годомъ: «и созва (Мстиславъ Васильевичъ) бояры Володимерскія брата своего, и мѣстичѣ Рускіи и Нѣмцѣ, и повелѣ предо всеми чести грамоту братню» ⁽¹⁹⁴⁾. Подѣ 1282 годомъ лѣтописецъ, говоря о смерти Владимира Васильковича, какъ мы уже видѣли выше, упоминаетъ: «и плакахуся надѣ

⁽¹⁹¹⁾ Ипат., стр. 187. ⁽¹⁹²⁾ Тамъ же, 189—190. ⁽¹⁹³⁾ Тамъ же, 226. ⁽¹⁹⁴⁾ Тамъ же, 216, 185, 175.

нимъ все множество Вололимерцовъ, мужи и жены и дѣти, Нѣмцы, и Суражане и Новгородцы и жидове»⁽¹⁹⁶⁾; подъ 1151 годомъ говорится объ Угорскихъ и Лядскихъ воротахъ въ Кіевѣ⁽¹⁹⁷⁾; слѣдовательно, изъ Кіева лежали уже пзвѣстныя дорога въ Австрію и Польшу, отъ которыхъ получали названіе и городскіе ворота. Все это показываетъ, что въ семь краѣ была сильная торговля; если Суражане, Нѣмцы, Новгородцы и Жидаы не только проѣзжали во Владиміръ-Волынскіі, но и живали тамъ и даже составляли часть постояннаго народонаселенія, и конечно не для чего инаго, какъ для торговли; то всего вѣроятнѣе, что и приидѣстровскіе Руссы, наоборотъ, ходили для торговли въ Венгрію, въ Богемію и въ Нѣмецкую землю, на что есть указанія и въ западныхъ лѣтописяхъ.

Теперь обратимся къ знакомству приидѣпровцовъ и приидѣстровцовъ съ Польскою и Литовскою землею. Лѣтописи говорятъ, что подъ 1123 годомъ Ярославъ Святополковичъ осаждалъ Владиміръ-Волынскій съ Уграми, Ляхами и Чехами⁽¹⁹⁸⁾. Въ 1140 году Ляхи помогали Всеволоду Ольговичу, воевавшему противъ князей Волынскихъ и Галицкихъ⁽¹⁹⁹⁾; въ 1144 году Владиславъ, Лядскій князь, ходилъ съ Всеволодомъ Ольговичемъ на Владиміра Галицкаго⁽²⁰⁰⁾. Подъ 1146 годомъ сказано, что Болеславъ Лядскій князь былъ зятемъ Всеволоду Ольговичу⁽²⁰⁰⁾. Въ 1149 Изяславъ Мстиславичъ Кіевскій сносился съ Уграми, Ляхами и Чехами, кула отправлялъ посольства съ богатыми дарами, приглашая тамошнихъ владѣтелей помогать ему противъ Юрія Долгорукаго и Владиміра Галицкаго, при чемъ Лядскіе князи отвѣчали: «мы смы у тебе близъ, а одного себѣ оставимъ стеречи земли своея, а два къ тобѣ поѣдета»; а Чешскій князь сказалъ: «а язъ готовъ смь самъ съ полкн своими»⁽²⁰¹⁾. Ляхи или Поляки были довольно частыми посѣтителами и даже, кажется, постоянными жильцами не только въ Кіевѣ, гдѣ мы знаемъ Лядскія ворота или заставу, въ которую шла дорога изъ Кіева въ Ляхи; но даже въ Переяславѣ Русскомъ встрѣчаемъ Летьскую божницу, о которой упоминается въ лѣтописи подъ 1154

⁽¹⁹⁶⁾ Ипат. стр. 220. ⁽¹⁹⁷⁾ Тамъ же, 60. ⁽¹⁹⁸⁾ Тамъ же. ⁽¹⁹⁹⁾ Тамъ же, 16. ⁽²⁰⁰⁾ Тамъ же, 17. ⁽²⁰⁰⁾ Тамъ же, 20. ⁽²⁰¹⁾ Тамъ же, 21.

годомъ ⁽²⁰²⁾. Въ 1159 году Лядскіе князи помогали Ярославу Галицкому противъ Ивана Ростиславича Берладника ⁽²⁰³⁾; въ 1169 году Ляхи были въ союзѣ съ Мстиславомъ Изяславичемъ Вольнскимъ и съ Ярославомъ Галицкимъ и вмѣстѣ съ ними ходили на Кіевъ. Здѣсь въ лѣтописи Ляхи и Ярославъ названы ротниками Мстислава, т. е. самыми близкими союзниками ⁽²⁰⁴⁾. Въ 1273 году княгиня Ярослава Галицкаго, недовольная поведеніемъ мужа, бѣжала съ своимъ сыномъ Владиміромъ въ Ляхи ⁽²⁰⁵⁾, а въ слѣдующемъ году Ляхи помогали Ярославу Галицкому ⁽²⁰⁶⁾. Въ 1179 году Святославъ Черниговскій женилъ своего сына на дочери Лядскаго князя Казиміра ⁽²⁰⁷⁾. Въ 1188 году Романъ Мстиславичъ Вольнскій ходилъ къ Лахамъ за помощію противъ Угровъ и получилъ отъ Казиміра полки подъ предводительствомъ Межьки ⁽²⁰⁸⁾; а въ 1190 году Казиміръ Польскій помогалъ, пришедшему къ нему изъ Германіи, Владиміру Ярославичу Галицкому ⁽²⁰⁹⁾. Въ 1195 году Романъ Вольнскій воевалъ въ Польшѣ за Казиміровичей противъ ихъ дяди Межька ⁽²¹⁰⁾; и въ 1196 году опустошалъ землю Ятвяжскую за то, что Ятвяги громили его Вольнскія волости ⁽²¹¹⁾. Съ сего времени Ятвяги и Литовцы вступаютъ въ болѣе частыя мирныя и враждебныя сношенія съ Русскими князьями и лѣсная страна ихъ сдѣлалась болѣе знакомою для Русскихъ. Слово о Полку Игоревѣ упоминая про подвиги Романа, говоритъ, что Литва, Ятвяги и Деремела «повергли сулицы и главы своя подклонили» ⁽²¹²⁾. Въ лѣтописяхъ даже сохранилась пословица: *але Романи живеши, что Литвиномъ ореши*. Эта пословица указываетъ, что Романъ сильно потѣснялъ Литовскую землю. Онъ умеръ въ 1205 году въ войнѣ съ Ляхами, въ то время, когда онъ уже проникъ до Вислы; по смерти его, супруга его съ малолѣтними сыновьями Даниломъ и Василькомъ, во время мятежа въ Галичѣ, бѣжала къ Лешкѣ Польскому и получила отъ него защиту, какъ отъ родственника. Въ 1215 году Литовскіе и Жмудскіе князья, числомъ двадцать одинъ, вступили въ союзъ съ Романовыми дѣтьми про-

⁽²⁰²⁾ Ипат., стр. 77. ⁽²⁰³⁾ Тамъ же, 83. ⁽²⁰⁴⁾ Тамъ же, 96. ⁽²⁰⁵⁾ Тамъ же, 106. ⁽²⁰⁶⁾ Тамъ же, 108. ⁽²⁰⁷⁾ Тамъ же, 121. ⁽²⁰⁸⁾ Тамъ же, 137. ⁽²⁰⁹⁾ Тамъ же, 139. ⁽²¹⁰⁾ Тамъ же, 146. ⁽²¹¹⁾ Тамъ же, 150. ⁽²¹²⁾ Слово о Пол. Игор. изд. Грам. 52.

тивъ Ляховъ ⁽²¹³⁾; въ 1225 году Данилъ Романовичъ приводилъ Ляховъ противъ Мстислава и Александра ⁽²¹⁴⁾; въ 1229 году Романовичи Данилъ и Василько помогали Ковраду Лядскому противъ Володислава: при семъ случаѣ Русскіе доходили до Калиша, — ихъ путь лежалъ на Вепрь и Прѣсну. Осаждая Калишь, они между прочимъ доходили до Милича и Старогорода и повоевали нѣсколько сель Воротиславскихъ, т. е. еще западнѣе Калиша къ берегамъ Одера. Въ это время приднѣстровцы и Ляхи такъ сблизились между собою, что, заключая миръ подъ Калишемъ, они клялись другъ другу: «аще по семъ коли будетъ межи ими усобица, не воевати (не брать въ плѣнь) Ляхомъ Русское челяди, ни Русъ Лядской» ⁽²¹⁵⁾. Въ 1240 году, при нашествіи Батыя, Данилъ удалился въ Мазовію и до возвращенія въ Галичъ владѣлъ тамъ Вышегородомъ, даннымъ ему отъ Мазовецкаго князя Болеслава ⁽²¹⁶⁾. Въ 1245 году Романовичи, воюя съ Болеславомъ Лядскимъ, вступили въ Польшу четырьмя дорогами; самъ Данилъ воевалъ около Люблина; Василько по Изволи и по Ладѣ, около Бѣлое (вѣроятно нынѣшняя Біала, на одномъ изъ притоковъ Западнаго Буга); дворскій Андрей по Сану (можетъ быть до впаденія его въ Вислу), а Вышата у Подгорья ⁽²¹⁷⁾. Въ 1251 году Романовичи вмѣстѣ съ Ляхами ходили въ землю Ятвяжскую и проникли за рѣку Наревъ, почти къ границамъ Прусовъ и Бортовъ. ⁽²¹⁸⁾ Въ 1252 и 1253 годахъ Данилъ, защищая Литовскихъ князей Тевтивила и Эдовида, братьевъ своей жены, противъ Миндовга, самъ съ братомъ Василькомъ двинулся къ Новогородку, а часть своихъ полковъ, вмѣстѣ съ Тевтивиломъ, послалъ на соединеніе съ Жмудью и Рижскими Нѣмцами. Тевтивилъ съ Даниловыми полками прошелъ чрезъ всю Литовскую землю до самой Риги, куда вступилъ съ большимъ полкомъ и былъ принятъ съ честію. Въ описаніи этой войны сказано, что Данилъ, при самомъ началѣ ея, послалъ Выкынта въ Ригу и въ Жмудь, а Рижскіе Нѣмцы для Данила обѣщались дать помощь Тевтивилу ⁽²¹⁹⁾; слѣдовательно, въ это время приднѣстровскіе Руссы знали уже дорогу на Жмудь и Куронію до

⁽²¹³⁾ Ипат., стр. 162. ⁽²¹⁴⁾ Тамъ же, 165. ⁽²¹⁵⁾ Тамъ же, 168—169. ⁽²¹⁶⁾ Тамъ же, 178. ⁽²¹⁷⁾ Тамъ же, 181. ⁽²¹⁸⁾ Тамъ же, 186. ⁽²¹⁹⁾ Тамъ же, 187.

самой Риги, и эта дорога шла, можетъ быть, обычнымъ путемъ приидѣстровцовъ въ Ригу и Рижанъ съ Вольтинію и Галлчъ; вначе почему же бы Рижскимъ Нѣмцамъ знать Даніила; ежели бы между ими и Вольтинцами не было сношеній. Подъ 1256 годомъ лѣтопись описываетъ войну Даніила съ Ятвягами; изъ сего описанія мы узнаемъ, что помогавшіе Даніилу Ляхи раздѣлялись на Судимирцовъ, Мазовчанъ и Краковлянъ; земля же Ятвяжская была занята племенами Ятвяговъ, Злиньчанъ, Крисманцовъ и Покѣнцовъ; тамъ были селенія и города: Болкидище, Привище, Олыдквиць, Тансевичи, Буряля, Раймоче, Комата, Дора, «домъ Стекинтовъ, старѣйшаго Ятвяжскаго князя»—и еще селеніе Корковичи⁽²⁰⁰⁾. Такимъ образомъ приидѣпровскіе и приидѣстровскіе Руссы въ XII и XIII столѣтіяхъ знали Польскую землю до Кракова и Калиша съ одной стороны и до Балтійскаго поморья съ другою; земли же Ятвяжскую, Жмудскую и Литовскую они проходили вплоть до Риги, и были, кажется, въ близкихъ сношеніяхъ съ Рижскими Нѣмцами. Знакомство Руссовъ съ сими землями, особенно съ Литвою и Польшею, большею частію было мирное; Русскіе князья роднились съ Польскими и Литовскими князьями, помогали другъ другу въ междоусобіяхъ и въ войнахъ съ ви́шними врагами. Если въ такихъ отношеніяхъ находились другъ къ другу князья, то и народонаселеніе тѣхъ и другихъ владѣній было между собою связано торговыми и другими выгодами. На это мы имѣемъ даже прямое свидѣтельство лѣтописи: такъ въ 1268 году, когда Болеславъ Кравинскій послалъ свои полки воевать Холмъ, принадлежавшій Шварну Даніиловичу, народъ успѣлъ укрыться именно потому, что украинскіе Ляхи сами подали вѣсть о походѣ полковъ Болеслава⁽²¹¹⁾. Слѣдовательно, народъ былъ еще въ тѣснѣйшихъ связяхъ, чѣмъ самые князья.

Опредѣливши, сколько возможно, границы географическихъ свѣдѣній, которыя имѣли приидѣпровскіе и приидѣстровскіе Руссы XII и XIII столѣтій о нерусскихъ земляхъ на востокъ, югъ, западъ и сѣверъ, мы теперь обратимся къ опредѣленію географическихъ границъ собственно Русскихъ владѣній, сперва въ приидѣровѣ, а потомъ въ Вольтини и Червоной Руси.

(200) Шат., стр. 193. (211) Тамъ же, 203.

По Днѣпру, на восточномъ его берегу, и къ верховьямъ Оки въ древнихъ земляхъ Сѣверянъ, Родимичей и Вятичей, лежали уже извѣстныя намъ прежде княженія Переяславское и Черниговское.

Переяславское княженіе, по раздѣлу Ярославову заключавшее въ себѣ, кромѣ собственно Переяславской области, еще земли Суздальскую, Ростовскую, Бѣлозерскую и Поволожье, по смерти Владиміра Мономаха отдѣлилось отъ сего края, которымъ владѣлъ отдѣльно меньшій Мономаховъ сынъ, Юрій Долгорукій. Переяславль же съ своею областію достался второму Мономахову сыну Ярополку; и такимъ образомъ Переяславское княженіе заключалось уже только въ однихъ Переяславскихъ земляхъ, прилегавшихъ къ восточному берегу Днѣпра. Границы сихъ земель вообще оставались прежнія, и послѣдующія извѣстія лѣтописей говорятъ только о временныхъ перемѣнахъ границъ и прибавляютъ нѣкоторыя географическія подробности, прежде незамѣченныя, на которыя мы теперь и постараемся указать.

Подъ 1113 годомъ въ Ипатьевской Лѣтописи упоминается рѣка Вырь, впадающая въ Сѣмь съ восточной стороны между Рильскомъ и Путявлемъ; сюда въ этомъ году Момахъ приходилъ на соединеніе съ Олегомъ, чтобы вмѣстѣ идти на Половцовъ ⁽²²²⁾. Подъ 1115 годомъ говорится въ той же лѣтописи, что Ярополкъ выстроилъ для Друцкихъ плѣнниковъ городъ, Жельнь ⁽²²³⁾, вѣроятно нынѣшній Жовникъ въ Золотоношскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу Сулы, неподалеку отъ ея впаденія; ибо въ этомъ мѣстѣ Переяславскому князю всегда нужно было имѣть большое народонаселеніе для отраженія Половецкихъ набѣговъ. Подъ 1126 годомъ лѣтопись говоритъ, что Половцы, услышавши о смерти Мономаха, «присунулись къ Баручю и ко Бронь-князю»—желая захватить кочевавшихъ подлѣ Торковъ; но Ярополкъ изъ Переяслава успѣлъ загнать Торковъ въ города, и Половцы ничего не успѣли. Потомъ, услышавши, что Ярополкъ возвратился въ Переяславль они бросились—было снова на Посулье, но были нагнаны Ярополкомъ и разбиты у Полкоствѣна ⁽²²⁴⁾. Въ настоящее время упоминаемыхъ здѣсь городовъ уже

⁽²²²⁾ Ипат., стр. 4. ⁽²²³⁾ Тамъ же, 7. ⁽²²⁴⁾ Лавр., стр. 129.

не существуетъ, и сходныя нынѣшнія названія нѣкоторыхъ урочищъ не могутъ служить надежнымъ руководителемъ; посему, для опредѣленія мѣстности сихъ городовъ, хотя приблизительно надобно взять во вниманіе извѣстіе лѣтописи о томъ, что Половцы при настоящемъ набѣгѣ имѣли цѣлю отогнать Торковъ; Переяславскіе же Торки кочевали въ углѣ, образуемомъ впаденіемъ Сулы въ Днѣпръ; слѣдовательно, очевидно, города Баручь и Бронь-княжъ стояли на правомъ берегу Сулы. Здѣсь же, по свидѣтельству Ипатіевской Лѣтописи, были и другіе города, вѣроятно составлявшіе Сульскую линію крѣпостей. Въ лѣтописи сказано: «бѣже вѣсть Ярополку (о набѣгѣ Половцовъ) и повелѣ гнати люди и Торки въ Баручь и прочая грады»⁽²²¹⁾. Полкостѣнь былъ кажется уже за Сулою, можетъ-быть на лѣвомъ ея берегу; ибо въ Ипатіевской Лѣтописи сказано: «Половцы вратишася на посульѣ воевать,» Ярополкъ же, какъ свидѣтельствуемъ Лаврентіевская Лѣтопись, «постиже я у Полкостеня»; слѣдовательно уже за Сулою, на Посульѣ. По случаю похода Мстислава Владиміровича Кіевскаго противъ Всеволода Ольговича Черниговскаго, лѣтопись упоминаетъ о томъ, что Всеволодъ пригласилъ Половцовъ, которые и успѣли прійти къ Ратмировой Дубровѣ за Выремь, и отправили въ Черниговъ пословъ съ вѣстію о своемъ приходѣ; но послы были перехвачены на Локнѣ Ярополковыми посадниками, которые сидѣли по всей Семи, и Изяславъ Мстиславичъ въ Курскѣ⁽²²²⁾. Настоящее извѣстіе показываетъ, что въ этой сторонѣ рѣка Семь отдѣляла Черниговскія владѣнія отъ Переяславскихъ, именно: лѣвый или южный берегъ Семи принадлежалъ Переяславу, а Сѣверный Чернигову. Ратмирова Дуброва здѣсь опредѣляется уже самою лѣтописью за Выремь, слѣдовательно на юго-востокъ отъ Путивля и Рылска; а Локна есть одна изъ рѣчекъ, впадающихъ въ Семь съ южной стороны, или можетъ быть и въ Вырь. Въ настоящее время въ этой сторонѣ много рѣчекъ, имѣющихъ названіе Локни, но къ которой изъ нихъ отнести приведенное выше извѣстіе лѣтописи рѣшить нельзя, ибо названія сія очевидно позднѣйшія, — о нихъ не упоминается еще и въ книгѣ большаго чертежа. Подъ 1155 годомъ въ Лаврентіевской Лѣтописи встречаемъ города Нежа-

⁽²²¹⁾ Ипат., стр. 10. ⁽²²²⁾ Лавр., стр. 130.

тинъ, Городецъ и Баручь, ограбленные Половцами, пришедшими съ Ольговичами отъ Чернигова ⁽²²⁷⁾; но въ Ипатьевской Лѣтописи объ этомъ походѣ Ольговичей и Половцовъ сказано иначе, не упоминаютъ о Нежатинѣ и Баручѣ: «и поидоша воююще селѣ и городы Переяславской власти и люди съкуще, даже и до Кіева придоша, и Городецъ зажгоша, ѣзяху по оной сторонѣ Диѣпра ⁽²²⁸⁾». Сія различныя извѣстія объ одномъ и томъ же походѣ ведутъ къ тому заключенію, что ими нельзя опредѣлить мѣстности городовъ, упоминаемыхъ здѣсь въ Лаврентьевской Лѣтописи; ибо изъ разсказа Ипатьевской Лѣтописи видно, что Половцы разсыпались по всей Переяславской области; слѣдовательно, на такомъ общемъ извѣстіи нельзя утверждать мѣстности того или другаго города, или, иначе сказать, настоящее извѣстіе не измѣняетъ уже сказаннаго нами прежде опредѣленія упоминаемыхъ здѣсь мѣстъ. Подъ 1140 годомъ въ лѣтописяхъ встрѣчается Коронь и Малотинъ: первый упоминается по случаю преслѣдованія Всеволодовыхъ войскъ отъ Переяслава къ Диѣпру, слѣдовательно онъ лежалъ гдѣ нибудь по этой дорогѣ, т. е. на западъ отъ Переяслава; въ спискахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, какъ показываютъ гг. Надеждинъ и Неволинъ, есть деревня Коронь въ пяти верстахъ отъ Переяслава ⁽²²⁹⁾. Это указаніе совершенно согласно со смысломъ лѣтописи, въ которой сказано, что Андрей Переяславскій гналъ «Всеволодовы полки до Корони, а далѣе не пусти дружины своея. И завтра миръ створи Всеволодъ со Андреемъ, и на ту ночь загорѣся Переяславъ, Всеволодъ же исполнився страха Божія и не посла къ городу никого же. На утрѣ же Всеволодъ поча молвити къ Андрееви . . . а то ми Богъ далъ, оже ся есте сами зажгли, аже бы лиха хотель, то что бы ми годно, то же бы сотворилъ» ⁽²³⁰⁾. Весь этотъ разсказъ лѣтописи прямо и ясно говоритъ, что Коронь былъ подлѣ Переяслава. О Малотинѣ лѣтопись говоритъ по случаю заключенія мира съ Половцами; вотъ слова ея: «пріиде Половецкая земля и вси князи Половецкіи на миръ, и ходиша къ нимъ Всеволодъ изъ Кіева, а Андрей изъ Переяслава къ Мало-

⁽²²⁷⁾ Лавр., стр. 132. ⁽²²⁸⁾ Тамъ же, стр. 13. ⁽²²⁹⁾ Изслѣд., Зап. и Лек. о Р. И. Погод. Т. IV., стр. 274. ⁽²³⁰⁾ Ипат., стр. 16.

тиву ⁽²²¹⁾. Очевидно, Малотинъ былъ гдѣ нибудь на Сулѣ, въ краю пограничномъ съ Половцами; Ходаковскій согласно съ лѣтописью указываетъ на Малотинъ въ Пирятинскомъ повѣтѣ на Оржицѣ ⁽²²²⁾, вѣроятно при впаденіи Оржицы въ Сулу, а не на западъ отъ Пирятина, гдѣ есть селеніе Малотенцы; ибо въ такомъ случаѣ всей Половецкой земли не пропустили бы такъ далеко въ глубь Переяславскихъ владѣній, устья же Оржицы находились почти на самой границѣ.

Подъ 1142 годомъ Лаврентіевская Лѣтопись говоритъ о рѣкѣ Стрекаѣ на дорогѣ изъ Чернигова или Кіева въ Переяславль: «и вехотѣ (Игорь) ити въ Переяславль, и пришедъ ста по Стрѣкви, и стояша два мѣсяца . . . Ростиславъ же съ Смольняны понмавъ волости ихъ (Черниговской) 4 города; и слышавше отъишлоша отъ Переяславля ⁽²²³⁾». Разсказъ лѣтописи прямо указываетъ на какую либо рѣчку подъ Переяславлемъ, впадающую въ Суной, если походъ Игоря вести отъ Чернигова; если же Игорь шелъ къ Переяславлю отъ Кіева, какъ утверждаетъ Ипатьевская Лѣтопись ⁽²²⁴⁾, то въ такомъ случаѣ Стрекву должно будетъ искать между рѣчками, впадающими въ Трубежъ. Ни въ какомъ случаѣ подъ Стреквою нельзя разумѣть города, ибо лѣтопись говоритъ: «ста по Стрѣкви»—это выраженіе можетъ быть отнесено къ рѣкѣ, о городѣ же было бы сказано ста на Стрекви, или въ Стрекви. Подъ 1147 годомъ въ Ипатьевской Лѣтописи сказано, что Изяславъ Мстиславичъ въ походѣ своемъ отъ Кіева къ Чернигову, или скорѣе къ Новгороду-Сѣверскому, перебродившися черезъ Днѣпръ, шелъ на Альту, Нежатинъ и Русотину, гдѣ и остановился ⁽²²⁵⁾. Настоящее извѣстіе само довольно ясно указываетъ на топографію упоминаемыхъ здѣсь городовъ; по словамъ лѣтописи Нежатинъ стоялъ за Альтою, можетъ быть при верховьяхъ Трубежа; Русотина же очевидно была за Трубежемъ и сѣвернѣе верховьевъ Суной, можетъ быть на южномъ берегу Остера; ибо Изяславъ, получивши вѣсть объ взмѣнѣ Черниговскихъ князей, воротился отъ Русотины назадъ, и сталъ при верховьяхъ Суной, куда къ нему пршло извѣстіе изъ Кіева объ убіеніи Игоря ⁽²²⁶⁾. Если

⁽²²¹⁾ Ипат., стр. 17. ⁽²²²⁾ Арцыб. Т. I, прилѣч., 515. ⁽²²³⁾ Лавр., 135. ⁽²²⁴⁾ Ипат., 18 ⁽²²⁵⁾ Тамъ же, 31 ⁽²²⁶⁾ Ипат., стр. 34.

Русотину полагать на Трубежѣ, гдѣ нынче селеніе Русановъ, то положеніе ея противорѣчило бы смыслу лѣтописи; ибо въ такомъ случаѣ Изяславъ, переходя отъ Русотины на Супой, не отступалъ бы назадъ, именно какъ, сказано въ лѣтописи, а шелъ бы впередъ.

Подъ тѣмъ же 1147 годомъ лѣтопись, продолжая описывать войну Изяслава съ Ольговичами, упоминаетъ о городахъ Вырь, Выханъ и Попашъ. Вырь рѣка, какъ мы уже знаемъ, была между Рыльскомъ и Путивлемъ, слѣдовательно тамъ же былъ и городъ Вырь. Это подтверждаетъ въ настоящемъ случаѣ и Ипатьевская Лѣтопись; въ ней сказано, что Святославъ Ольговичъ съ Глѣбомъ Юрьевичемъ пошли къ Курску, и по занятіи сего города «пошли къ Выреви, и посажа посадники своя Глѣбъ Гюргевичъ по Семейю за полемъ и у Выря. Половчи мнози ту заходяша ротѣ съ нимъ. И ту приде къ нимъ Всеволодичъ Святославъ, и послашася къ Выревцемъ, рекуче: оже ны ся не предасте, дамы вы Половцемъ на половъ; и не дашася имъ. И оттуду идоша къ Выханю, и ту неуспѣша ничтоже; а оттуда идоша къ Попашу . . . и бишася и взяша Попашъ⁽²²⁷⁾». Здѣсь мы видимъ Вырь городомъ пограничнымъ съ степями, ибо Глѣбъ посадилъ посадниковъ по семейю, т. е. на южномъ Переяславскомъ берегу Семи, и потомъ за полемъ и у Выря т. е. прямо по выходѣ изъ степи за полемъ; подъ Выремъ же явились и Половцы, слѣдовательно подошли къ первому городу, лежащему на границахъ съ степью. Далѣе Ольговичъ съ своими союзниками, не принятый Выревцами, пошелъ къ Выханю и Попашу по направленію къ Переяславу; слѣдовательно Выханъ и Попашъ должно искать на юго-западъ отъ Выря, т. е. по Семи или по Сулѣ; и лѣтопись сама прямо указываетъ на Сулу, ибо по словамъ ея Изяславъ Мстиславичъ, узнавши о походѣ Ольговичей, двинулся изъ Переяслава къ Черной Могилѣ на соединеніе съ братомъ своимъ Ростиславомъ, шедшимъ изъ Смоленска, и тамъ условился съ нимъ идти къ Сулѣ, дабы перенять дорогу стоявшимъ на Сулѣ Ольговичамъ; а мы выше оставили Ольговичей въ Попашѣ; слѣдовательно Выханъ и Попашъ были по указанію лѣтописи на верховьяхъ Сулы.

(227) Ипат., 35.

Далѣ подѣ тѣмъ же годомъ лѣтопись говоритъ, что по удаленіи Ольговичей отъ Сулы и по возвращеніи Изяслана въ Кіевъ, а Ростислава въ Смоленскъ, Глѣбъ Юрьевичъ занялъ городокъ отень, и оттуда нападалъ на Переяславль; но былъ отбитъ тамошнимъ княземъ Мстиславомъ, который гнался за нимъ до Носова на Рудѣ⁽²³²⁾. Городкомъ здѣсь очевидно называется Остерскій Городецъ, или нынѣшній Остеръ при впаденіи рѣки Остра въ Десну, а тогда вѣроятно бывшій на лѣвомъ берегу Остра, ибо правый принадлежалъ къ Черниговскимъ владѣніямъ; онъ здѣсь названъ отень Городъ потому, что дѣйствительно принадлежалъ Глѣбову отцу Юрію Долгорукому какъ это прямо свидѣтельствуется лѣтописью; подѣ 1141 годомъ. Въ ней сказано, что когда Новгородцы выбрали себѣ въ князья Юрьева сына Ростислава, то Всеволодъ Ольговичъ Кіевскій, желая за это мстить Юрію, занялъ Городецъ Вѣстрьскій; и то же подтверждаетъ самъ Юрій подѣ 1152 годомъ, говоря: «оже есте мой Городецъ пожгли и божвицу, то а ся тому отожду противу,»⁽²³³⁾. Носовъ же очевидно находился на дорогѣ отъ Переяславля къ Остерскому Городку, на одномъ изъ притоковъ Трубежа, который притокъ и теперь еще сохранилъ за собою названіе Руды.

Подѣ 1150 годомъ въ Ипатьевской Лѣтописи есть извѣстіе, что въ Переяславскомъ княженіи на восточномъ берегу Днѣпра выше Канева жили Турпен, кажется одноплеменники Торкамъ⁽²³⁴⁾. Жилища ихъ были, по словамъ лѣтописи, должно быть около Сакова; ибо тамъ сказано, что Переяславскій князь Ростиславъ Юрьевичъ, услышавши о движеніи Мстислава Изяславича изъ Канева черезъ Днѣпръ, оставилъ брата своего Андрея въ Переяславль; «а самъ гна къ Сакову и сгони Турпѣ у Днѣпра, и переинавъ ѣ переведѣ ѣ Переяславлю.» Подѣ 1174 годомъ упоминается объ одномъ еще неизвѣстномъ прежде городѣ по Сулѣ.—Серебряномъ, названіе котораго и теперь еще сохранилось въ имени мѣстечка Серебряное между Удомемъ и Сулою въ Прилуцкомъ уѣздѣ. По словамъ лѣтописи Серебряной стоялъ неподалеку отъ Боруча, гдѣ былъ и Римовъ, о которомъ мы уже знаемъ, что онъ стоялъ неподалеку отъ Су-

(232) Ипат., стр. 36. (233) Тамъ же, 17 и 71. (234) Тамъ же, 50.

лы и былъ однимъ изъ близкихъ къ границѣ городовъ Переяславскихъ ⁽²⁴¹⁾. Лѣтопись говоритъ: «Игорь Святославичъ совокупивъ полки свои и ѣха въ поле за Ворсколь, и срѣте Половцы иже ту ловятъ языка, изъйма ѣ; и повѣда ему колодникъ, оже Кобякъ и Концакъ шли къ Переяславу. Игорь же слышавъ то повѣха противу Половцомъ, и переѣха. Въ расколъ у Лтавы къ Переяславу, и узрѣшась съ полкы половецкими; бяхуть бо воевали у Серебряного и у Баруча; дружина же игорева постигше онѣхъ избивше, а иныхъ изъймаша» ⁽²⁴²⁾. Это извѣстіе, кромѣ Серебрянаго, упоминаетъ еще о Лтавѣ на Ворсклѣ, слѣдовательно указываетъ, что Переяславскія владѣнія на юго-востоку выдвигались не только за Сулу, но даже и за Ворсклу, ибо за Ворсклою Игорь встрѣтилъ Половцовъ, которые ловили тамъ языка, т. е. искали тамошнихъ жителей, чтобы узнать отъ нихъ нужныя для себя вѣсти, или употребить ихъ проводниками; а отсюда мы видимъ, что на Ворсклѣ еще не жили Половцы, иначе бы имъ незачѣмъ было ловить здѣсь языка; другихъ же владѣній мы никакихъ здѣсь не знаемъ, кромѣ переяславскихъ, слѣдовательно и Ворскла причислялась къ нимъ же, и Лтава, стоявшая на Ворсклѣ, былъ переяславскій городъ, можетъ быть въ родѣ караульной крѣпости или сторожи, какія бывали въ XV, XVI и XVII вѣкахъ у Москвичей въ степяхъ, пограничныхъ съ Татарами. Вѣроятно къ такимъ же Переяславскимъ городамъ или сторожевымъ крѣпостямъ въ степяхъ принадлежали Лукомля, упоминаемая подъ 1179 годомъ, и также стоявшая въ степи за Сулою ⁽²⁴³⁾, — и Донецъ, вѣроятно на рѣкѣ Донцѣ, куда прибѣжалъ Игорь Святославичъ отъ рѣки Тара въ 11 дней пѣшаго пути ⁽²⁴⁴⁾. Но города сѣв., стоявшіе такъ далеко на востокъ отъ Сулы, не уничтожаютъ еще положенія, что настоящею границею владѣній Переяславскихъ была рѣка Сула; точно также какъ въ XV и XVI вѣкахъ настоящею границею московскихъ владѣній съ Татарами была рѣка Ока, хотя сторожевые городки Московскіе выдвигались до Сѣвернаго Донца, и даже до Тора. Лѣтопись, указывая на успѣхи Кончака, князя Половецкаго въ войнахъ съ Русскими князьями прямо говоритъ:

⁽²⁴¹⁾ Тамъ же, 87 ⁽²⁴²⁾ Тамъ же, 107—108. ⁽²⁴³⁾ Ипат., 122. ⁽²⁴⁴⁾ Тамъ же, 134.

«Кончакъ иже снесе Сулу»⁽²⁴⁶⁾, т. е. что до Кончака Сула была границею, отдѣляющею Половцевъ отъ Русскихъ, а Кончакъ уничтожилъ и эту границу. То же самое подтверждаетъ и другая лѣтопись, свидѣтельствующая подъ 1186 годомъ, что Половцы взяли «всѣ грады по Сулѣ»⁽²⁴⁷⁾. Послѣ этого извѣстія мы болѣе не имѣемъ уже свидѣтельствъ о географическихъ подробностяхъ Переяславскихъ владѣній, вѣроятно очень стѣсненныхъ Половцами; а съ завоеваніемъ Руси Монголами и всѣ свѣдѣнія о Переяславскомъ княжествѣ прекращаются. По свидѣтельству Платона Карпини, на восточной сторонѣ Днѣпра вплоть до Дона уже кочевалъ Татарскій князь Монтиій въ 1246 году⁽²⁴⁸⁾. Такимъ образомъ вся эта сторона надолго поступила въ полное распоряженіе Монголовъ, и болѣе или менѣе сравнялась со степями, лежащими за Сулою.

Княжество Черниговское, лежавшее на сѣверъ отъ Переяславскаго и отдѣлявшееся отъ него рѣками Десною и Сямью, въ XII вѣкѣ потеряло Тмутаракань и Рязань съ Муромомъ, изъ коихъ первая нахлынувшими ордами Половцовъ совершенно отдѣлилась отъ Русскихъ владѣній; послѣдніе же составили отдѣльное Русское княжество, владѣтели котораго хотя и происходили отъ рода Черниговскихъ князей, но совершенно разошлись съ своими родичами, и, какъ мы уже видѣли, вступили въ ближайшія отношенія къ странѣ Суздальской. Остальныя затѣмъ земли Черниговскія, хотя и дробились на разныя мелкія княженія, но тѣмъ не менѣе въ такой были постоянной связи и зависимости другъ отъ друга, что представляли одно цѣлое—землю Черниговскую. Страна сія на западѣ примыкала прямо къ Днѣпру, на югѣ соприкасалась съ владѣніями Переяславскими, а на востокъ далеко входила въ Половецкія степи, особенно по рѣкѣ Семи и верхнимъ притокамъ Дона, гдѣ сходилась съ землею Рязанскою; на сѣверѣ сосѣдями Черниговскихъ владѣній были земли Суздальская и Смоленская; послѣдняя, кажется, отдѣлялась рѣками Сожею, Угрою и Протвою, при устьяхъ которой вѣроятно находился послѣдній Черниговскій городъ Лобынскъ, упоминаемый въ лѣтописи подъ 1146 годомъ⁽²⁴⁹⁾. За Лобынскомъ,

⁽²⁴⁶⁾ Тамъ же, 155. ⁽²⁴⁷⁾ Ник., III., 249. ⁽²⁴⁸⁾ Собр. пут. къ Татар., стр. 17. ⁽²⁴⁹⁾ Ипап., стр. 29.

при верховьяхъ Протвы, начинались жилища племени Гомадъ, принадлежавшія къ Смоленскимъ владѣніямъ; граница же Черниговскихъ владѣній съ Суздальскими была уже на лѣвомъ берегу Оки, гдѣ, какъ свидѣтельствуесть лѣтопись подъ 1176 годомъ, отъ устья Лопасни на западъ начиналась волость Черниговская⁽²⁰⁰⁾. Главное дѣленіе всѣхъ Черниговскихъ владѣній по племенамъ, составившимъ основное населеніе, можетъ быть принято слѣдующее: 1) Земля Сѣверягъ—это вся страна по Деснѣ и Семи; 2) Земля Вятичей по теченію Оки и ея притокамъ съ южной и сѣверной стороны; 3) земля Радвиичей по Сожѣ; кромѣ того весь этотъ край дѣлился на разные княжества, изъ которыхъ главныя были собственно княженіе Черниговское и княженіе Новгородъ-Сѣверское.

Собственно Черниговское княжество прилегало къ Днѣпру и Переяславскимъ владѣніямъ, отъ которыхъ, подлѣ Днѣпра, отдѣлялось Десною. Однимъ изъ ближайшихъ городовъ къ Переяславскимъ и Кіевскимъ владѣніямъ былъ Моривѣйскъ, о которомъ лѣтопись подъ 1139 годомъ говоритъ, что Ярополкъ Владиміровичъ, шедши изъ Кіева на Черниговъ, былъ встрѣченъ посольствомъ Всеволода Ольговича у Моривѣйска, гдѣ и заключилъ миръ⁽²⁰¹⁾. Можетъ быть, древній Моривѣйскъ стоялъ тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Моровскъ, на правомъ берегу Десны, въ Остерскомъ уѣздѣ: ходъ событія, рассказаннаго въ лѣтописи, не противорѣчатъ такому заключенію. По направленію отъ Моривѣйска на сѣверо-западъ тянулись города Рѣчица и Любечъ на Днѣпрѣ и Гомьн на Сожѣ⁽²⁰²⁾, одинъ изъ пограничныхъ Черниговскихъ городовъ съ Смоленскими владѣніями, какъ ясно показываетъ лѣтопись, говоря, подъ 1142 годомъ, что Ростиславъ Смоленскій, услышавши о походѣ Черниговскихъ князей къ Переяславу, двинулся въ ихъ владѣнія и взялъ около Гомьн волость ихъ всю. И донынѣ еще сохранялось названіе мѣстечка Гомель на западномъ берегу Сожи въ Бѣлицкомъ уѣздѣ Могилевской губерніи. Въ этомъ мѣстѣ именно былъ и лѣтописный городъ Гомьн; ибо книга большаго чертежа прямо говоритъ: «рѣка Ипутъ пала въ рѣку Сожу выше града Гомли

⁽²⁰⁰⁾ Ипат., стр. 118. ⁽²⁰¹⁾ Тамъ же, 15. ⁽²⁰²⁾ Новг. 1, стр. 32. Ипат. 333. 35 и 18.

20 верстъ ⁽²²²⁾, а нынѣшній Гомель какъ-разъ приходитъ на 20 верстъ ниже впаденія Ипути въ Сожъ. Еще сѣвернѣе Гомъи на западѣ былъ Чечерскъ, также на Сожѣ, въ Рогачевскомъ уѣздѣ; объ этомъ городѣ лѣтопись, подъ 1168 годомъ, прямо говоритъ, что онъ былъ пограничный съ Смоленскими владѣніями, По ея словамъ, Ростиславъ, идучи изъ Кіева въ Новгородъ Великій, былъ встрѣченъ Ольгомъ Святославичемъ, однимъ изъ Черниговскихъ князей, въ его городѣ Чичьрьскѣ, и изъ Чичьрьска вступилъ въ Смоленскія владѣнія, гдѣ Смольняне встрѣтили его за 300 верстъ отъ своего города. Еще сѣвернѣе Чечерска къ востоку былъ Черниговскій городъ Ормина въ нынѣшнемъ Мглинскомъ уѣздѣ, который Всеволодъ Ольговичъ въ 1142 году отдалъ Давыдовичамъ; и теперь еще на сѣверѣ отъ Мглина сохранилось это названіе въ двухъ мѣстечкахъ, изъ которыхъ одно отстоитъ отъ Мглина въ 17, а другое въ 34 верстахъ. На востокѣ Черниговскія владѣнія соприкасались съ Новгородъ-Сѣверскими, гдѣ въ половинѣ XII вѣка рѣка Сновъ, кажется, была границею. По крайней мѣрѣ въ 1149 году Святославъ Ольговичъ, Новгородъ-Сѣверскій князь, называлъ Посемье и Сновскую тысячу своею отчиною ⁽²²³⁾; на сѣверѣ же Черниговскимъ ближайшимъ городомъ къ Новгородъ-Сѣверскимъ владѣніямъ былъ Ропескъ, на одномъ изъ притоковъ Снова, съ правой стороны въ нынѣшнемъ Новозыбковскомъ уѣздѣ ⁽²²⁴⁾. На югѣ Черниговскія владѣнія сходились съ Переяславскими; здѣсь границею были рѣка Остеръ и верхніе притоки Сулы съ правой стороны; пограничными Черниговскими городами были: Глѣбъ, Всеволожъ, Уненежъ, Бѣла-Вежа и Бохмичь. Города сѣв, сколько можно судить по смыслу лѣтописи и по сохранившимся частію доселѣ названіемъ мѣстностей, лежали въ такомъ порядкѣ: Глѣбъ былъ ближайшимъ Черниговскимъ городомъ на сѣверѣ отъ Сулы; ибо въ 1147 году Черниговскіе князья, въ походѣ своемъ на Изяслава дошедшіе до Переяславскаго города Понаша на Сулѣ, услышавши о походѣ Изяслава, пошли назадъ къ Чернигову и первый городъ на ихъ дорогѣ былъ Глѣбъ; лѣтопись прямо говоритъ: «и пойдеша на Глѣбъ

⁽²²²⁾ К. Б. Ч., изд. 1846, стр. 85. ⁽²²³⁾ Новг. 1, стр. 94 и 19. ⁽²²⁴⁾ Тамъ же, 45.

къ Чернигову»⁽²²¹⁾. За Глѣблемъ слѣдовала Бѣловѣжа при верховьяхъ Остера и Удая. Здѣсь глѣ-то была и другая Бѣловѣжа, известная въ лѣтописи подъ именемъ старой; она, кажется, лежала ближе къ Сулѣ; ибо въ 1149 году князь Юрій Долгорукій стоялъ въ ней цѣлый мѣсяцъ, ожидая Половцовъ изъ-за Сулы⁽²²²⁾. Въ нѣвѣгѣ большого чертежа именно сказано: «рѣка Остръ вытекла изъ-подъ городища Бѣлыя Вѣжи, отъ верху рѣки Удая»⁽²²³⁾. Далѣе нѣсколько на сѣверъ отъ Бѣлой Вѣжи, находился Бохмачъ; это названіе и теперь еще сохранилось за однимъ селеніемъ въ Конотопскомъ уѣздѣ. Потомъ слѣдовалъ Всеволожъ, нынѣ селеніе Саводожъ, на одномъ изъ притоковъ Остера съ сѣверной стороны или Бораны въ вышнемъ Берзенскомъ уѣздѣ; еще западнѣе Всеволожа лежалъ Уненежъ на Остерѣ, можетъ-быть нѣдѣшній Нѣжинъ или Омбидъ, который лежитъ по Остеру же на востокъ отъ Нѣжина и приходится восточнѣе Всеволожа, въ Боранскомъ уѣздѣ, что и согласнѣе со смысломъ лѣтописи⁽²²⁴⁾. Такою порядкомъ сихъ пяти городовъ именно описываетъ лѣтописецъ подъ 1147 годомъ, говоря, что Изяславъ Мстиславичъ отъ Черной Могилы (въ Переяславскихъ владѣніяхъ); желая перехватить Черниговскихъ князей на Сулѣ, пошелъ-было въ ту сторону; но услышавши на дорогѣ, что Черниговскіе князья уже отступили отъ Сулы по направленію къ Чернигову, переимѣнилъ свое направленіе, и, желая перехватить ихъ, двинулся къ Всеволожу, ибо зналъ, что дѣль отъ Сулы должно было идти на этотъ городъ; но когда и тутъ не догналъ ихъ, то взялъ Всеволожъ. Когда о семъ узнали жители Уненежа, Бѣловѣжи, Бохмача и другихъ городовъ, то бѣжали къ Чернигову; Изяславъ же, нагнавши бѣглецовъ и зажегши всѣ сіи города, пошелъ къ Глѣблю⁽²²⁵⁾, не нагнавъ Черниговскихъ князей. Но очевидно въ этой сторонѣ было и еще много городовъ Черниговскихъ, которые, такъ сказать, направили къ Деснѣ и Днѣпру; ибо лѣтописецъ, упоминая о бѣгствѣ Уненежанъ и Бѣловѣжцовъ по взятіи Всеволожа, говоритъ: «и нѣмъ грады мнози бѣжаша», т. е. когда Изяславъ Мстиславичъ шелъ отъ Всеволожа къ Глѣблю. И точно, подъ 1159 годомъ мы еще встрѣчаемъ въ этой сторонѣ нѣ-

⁽²²¹⁾ Новг. 1, стр. 85. ⁽²²²⁾ Тамъ же, стр. 36. ⁽²²³⁾ Тамъ же, 42. ⁽²²⁴⁾ К. Б. Ч. изд. 1846 г. стр. 86. ⁽²²⁵⁾ Ипат., стр. 36.

сколько Черниговскихъ городовъ, а именно: Лутаву съ правой стороны Десны, при впаденіи въ нея рѣчки Лутавы, слѣдовательно на юго-западъ отъ Моривѣйска (здѣсь въ этомъ году былъ сѣздъ Изяслава Давыдовича Кіевскаго съ Святославомъ Ольговичемъ Черниговскимъ) ⁽²⁶⁰⁾; потомъ Любескъ и Оргощъ. Гдѣ именно были сіи два города, прямо опредѣлить нельзя; но по смыслу лѣтописи они должны находиться между Моривѣйскомъ и Всеволожемъ, и были вообще городки незначительные, населенные Половцами и Псарями. Владѣвшій тогда этими городами Святославъ Ольговичъ жалуется на Изяслава Давыдовича, что онъ ему уступилъ Черниговъ «съ семью городъ пустыхъ, Моровіескъ, Любескъ, Оргощъ, Всеволожь, а въ вѣхъ сѣдять псаревеже и Половцы» ⁽²⁶¹⁾. Исчисленіе сихъ городовъ между Маровійскомъ и Всеволожемъ побуждаетъ думать, что они и на самомъ дѣлѣ были между ними, а населеніе ихъ псарями и Половцами, т. е. людьми небогатыми и воинственными, ведетъ къ заключенію, что они именно были городами пограничными къ Переяславскимъ владѣніямъ, и что ихъ не зачѣмъ искать гдѣ нибудь въ другомъ краю, и особенно ближе къ Чернигову.

Такимъ образомъ, судя по указаннымъ границамъ, пространство собственно Черниговскихъ владѣній было очень незначительно, и едва ли составляло четвертую часть нынѣшней Черниговской губерніи; но оно цвѣло народонаселеніемъ, которое особенно было густо въ углу, образуемомъ Остеромъ и Десною, а также около Любеча по Днѣпру. Самый Черниговъ былъ окруженъ множествомъ селеній и городовъ; ибо лѣтопись, описывая Изяславовъ походъ къ Чернигову въ 1148 году, говоритъ: «и пришелъ ста Изяславъ на Олговѣ поля, и ту стояша три дни, и несѣша въъ Чернигова выйти (тамошніе князья) и позже вся села ихъ ои и до Боловса» ⁽²⁶²⁾. Еслии Ольгово поле и Боловостъ принимать вмѣстѣ съ Арцыбашевымъ, Погодинымъ, Надежлиннымъ и Неволиннымъ за нынѣшнія селенія Бѣлоусъ на рѣчкѣ Бѣлоусѣ, впадающей въ Десну съ правой стороны, и за Льговъ и Льговскій (хуторы) въ 8 верстахъ отъ Чернигова, что нисколько не противорѣчитъ смыслу лѣтописи; то очевидно, что въ

⁽²⁶⁰⁾ Ипат., 84. ⁽²⁶¹⁾ Тамъ же. ⁽²⁶²⁾ Тамъ же, 37.

настоящемъ лѣтописномъ извѣстіи говорится о краѣ, прилежащемъ къ лѣвому берегу Днѣпра. Это положеніе подтверждается свидѣтельствомъ лѣтописи подъ 1152 годомъ, гдѣ сказано, что Изяславъ, влучи отъ Днѣпра къ Чернигову, сталъ на Боловесѣ. Здѣсь упоминается о Черниговскомъ городѣ Лжичь на лѣвомъ берегу Днѣпра, южнѣ Моровіійска, ибо въ лѣтописи сказано: «Вячеславъ съ Изяславомъ стоимета на сей сторонѣ (на лѣвой) Днѣпра, у Лжичь, и слышавша оже Гюргя стоитъ у Чернигово, поидоша отъ Лжичь полки свои къ Чернягову; и яко же быша у Моровіійска и ту узрѣша» ⁽²⁰³⁾. Въ этой же сторонѣ на сѣверѣ, какъ уже извѣстно, былъ и Любечъ, одинъ изъ населеннѣйшихъ городовъ Черниговскихъ; ибо, по свидѣтельству Лѣтописи, Изяславъ говорилъ своимъ союзникамъ: «а поидемъ, къ Любчю, идежешхъ (т. е. Черниговскихъ князей) вся жизнь», т. е. лучшія имѣнія, села. На югѣ отъ Чернигова были еще города Стоянничь, съ лѣвой стороны Десны, по впаденіи въ нее рѣчки Крырола, ниже Семи: ибо лѣтопись, подъ 1160 годомъ, рассказывая о походѣ Изяслава Давыдовича отъ Выря къ Чернигову, говоритъ, «пойде Изяславъ къ Чернигову со всею силою Половецкою на Святослава на Ольговича; и стаха подлѣ Десну по Крырову оли до устья, а внизъ до Стояничь» ⁽²⁰⁴⁾. За Стоянничями уже на правомъ берегу Десны находился городъ Свѣнковичи, который, очевидно, стоялъ при впаденіи Свины въ Десну, т. е. въ ближайшемъ разстояніи отъ Чернигова, ибо лѣтопись говоритъ, что Изяславъ, отбитый отъ Десны, отступилъ къ Игореву броду, гдѣ, получивши вѣсть изъ Чернигова, что Святославъ боленъ, а дружина распущена, обратился опять къ Чернигову: «и пріѣхавъ къ Деснѣ противу Свѣнковичемъ, и въ зорѣ переправи полци своя черезъ Десну и пусти я воевать, переѣхалъ же баше и самъ черезъ Десну и пусти я воевать, переѣхалъ же баше и самъ черезъ Десну» ⁽²⁰⁵⁾. Къ востоку отъ Чернигова, ближе къ границамъ съ Новгородъ-Сѣверскими владѣніями, также было нѣсколько Черниговскихъ городовъ, таковы: Семынь, передъ самымъ Черниговомъ, за Семыню Гюричевъ, и далѣе за Гюричевымъ Свины, на рѣкѣ Свины. Мѣстность или по крайней мѣрѣ порядокъ, въ какомъ сіи города другъ за другомъ слѣдовали, довольно отчетливо объяс-

⁽²⁰³⁾ Ипат., стр. 70. ⁽²⁰⁴⁾ Тамъ же, 86. ⁽²⁰⁵⁾ Тамъ же, 87.

яется лѣтописью при описаніи Юрьева похода отъ Глухова къ Чернигову: Юрій отъ Глухова двинулся къ Березому, нынѣшняя Березна, въ Новгородъ-Сѣверскихъ владѣніяхъ; съ Березны онъ пошелъ къ Свины: «и яко ста у Свины, а завтра въ недѣлю не хотя ити къ городу, но ста у Гюричева, и ставши тамъ, и пусти Половцовъ къ Чернигову воевать; Половцомъ же пришедшимъ къ городу, много полона взяша и Семьинъ пожгоша» (206). Въ Лаврентьевской же лѣтописи, при описаніи сего похода передъ Гюричевымъ еще упоминается Канинь; вотъ слова лѣтописи: «Гюрги же придеъ ста у Глухова, и приде къ нему множество Половецъ и Ольговичъ Святославъ; и сдумавше вси поидоша къ Чернигову, и перешедше Сновъ и стапа у Гюричева близъ города, перешедше Канинь» (207). Здѣсь мы ясно видимъ, что Канинь былъ за Сновомъ, не доходя Гюричева; слѣдовательно, по Ипатьевской Лѣтописи между Свиною и Гюричевымъ.

Владѣнія Новгородъ-Сѣверскія заключали въ себѣ все Подесенье и Посемье, т. е. уголъ, образуемый Десною и Семью, а на правомъ берегу Десны они прикасались къ собственно Черниговскимъ владѣніямъ по рѣкѣ Снову, отъ впаденія ея до верховья. Самый крайній городъ на востокъ по Семи былъ Курскъ, лежавшій на правомъ берегу; по этому же берегу были Новгородъ-Сѣверскіе города: Льговъ, Рыльскъ, Путивль, потомъ между Семью и Десною Хороборъ, можетъ-быть нынѣшній Коропъ въ Королевецкомъ уѣздѣ, и недалеко отъ впаденія Свины Сосница, нынѣ уѣздовый городъ на рѣкѣ Убедѣ, впадающей въ Десну съ правой стороны. Далѣе, въ углу, образуемомъ Десною и Сновомъ, городъ Березомъ, можетъ-быть нынѣшняя Березна, и наконецъ, при впаденія рѣки Снова въ Десну, Сновскъ, самый крайній Новгородъ-Сѣверскій городъ на юго-западѣ. Такимъ образомъ, по южной границѣ Новгородъ-Сѣверскихъ владѣній мы находимъ семь городовъ, и показанное географическое положеніе ихъ и принадлежность къ Новгородъ-Сѣверскимъ владѣніямъ подтверждаются слѣдующими мѣстами лѣтописей. О принадлежности Курска къ Новгородъ-Сѣверскимъ владѣніямъ лѣтопись прямо говоритъ подъ 1146 годомъ; въ

(206) Ипат., стр. 70. (207) Лавр., стр. 145.

ней сказано, что Новгородъ-Сѣверскій князь Святославъ, когда Кіевъ былъ занятъ Изяславомъ: «сперва бѣжалъ въ Черниговъ и оттуду ѣха Курску уставливать людей и оттуда Новгороду (Сѣверскому) приде» (268). Въ томъ же году тотъ же Святославъ отдалъ Курскъ со всѣмъ Посемьемъ союзнику своему, Ивану Юрьевичю, когда тотъ пришелъ къ нему на помощь противъ Изяслава (269). Та же лѣтопись говоритъ далѣе о принадлежности къ Новгородъ-Сѣверскимъ владѣніямъ города Путивля; ибо въ ней сказано, что Изяславъ съ своими союзниками князьями Черниговскими, въ томъ же году, осаждалъ Путивль, и когда взялъ его, то находившійся тамъ дворъ Святославль (Новгородъ-Сѣверскаго князя) раздѣлялъ на четыре части (270). Объ Ольговѣ или Льговѣ лѣтопись упоминаетъ подъ 1152 годомъ; по ея словамъ; къ Ольгову въ это время пришли Половцы, союзники Юрьевы, тогда какъ Юріи изъ земли Вятичей черезъ Мценскъ шелъ на Глуховъ (271). Изъ этого разсказа ясно можно видѣть, что Ольговъ долженъ быть на Семи, именно тамъ, гдѣ нынче Льговъ; ибо мѣстность нынѣшняго Льгова какъ разъ приходится въ сосѣдствѣ съ Половецкими степями и по дорогѣ къ Глухову, гдѣ стоялъ Юріи. Подъ тѣмъ же годомъ говорится и объ Рьльскѣ. Лѣтопись разсказываетъ, что когда Юріи съ Святославомъ Ольговичемъ и Половцами былъ отбитъ отъ Чернигова, то съ союзниками своими пошелъ сперва за Свинь, потомъ за Сновъ, и оттуда Половцы пошли на Путивль въ свои степи, а Юріи съ Святославомъ на Новгородъ-Сѣверскій; а изъ Новгорода Юріи пустился къ Рьльску, дабы идти оттуда въ Суздаль черезъ землю Вятичей (272). Конечно, это движеніе отъ Новгорода на Рьльскъ и потомъ въ Суздаль дѣлало лишній уголъ, и Юрію прямѣе было бы идти съ Новгорода на Сѣвскъ; но онъ, идя на Рьльскъ, съ одной стороны имѣлъ ту выгоду, что скорѣе удаллся отъ преслѣдованія Изяслава и его союзниковъ, а съ другой нѣкоторымъ образомъ поддерживалъ и Святослава, грозя изъ Рьльска Вырю и дежась въ Сѣверскихъ же владѣніяхъ. Вѣроятно, для сихъ двухъ выгодъ лишній уголъ къ Рьльску не дѣлалъ большаго расчёту; при-

(268) Ипат., стр. 25. (269) Тамъ же, 26. (270) Тамъ же, 27. (271) Тамъ же, 69. (272) Тамъ же, 70.

томъ же Юріи, можетъ быть, еще надѣялся соединиться съ Половцами, что было очень удобно сдѣлать въ нынѣшнемъ Рыльскѣ, какъ городѣ, ограничивомъ съ степями. Подъ 1234 годомъ лѣтопись прямо говоритъ о Хороборѣ, Сосницѣ и Сновскѣ, что они были города, лежащіе около Десны; по ея словамъ Давидъ Романовичъ и Владиміръ Рюриковичъ Кіевскій, воюя съ Михаиломъ Черниговскимъ, «подоша отъ Чернигова вмаючи землю, повмаше грады многи по Деснѣ, ту же взяша и Хороборъ и Сосницу и Сновскъ» (273). Слѣдовательно, означенныхъ городовъ мы должны искать около Десны, съ правой и съ лѣвой ея стороны, какъ нами и указано. Городъ Березомъ встрѣчается въ лѣтописи подъ 1152 годомъ; тамъ сказано, что Юрій, пробираясь къ Чернигову изъ Суздаля, черезъ Мценскъ и Спашь, пришелъ на Глуховъ, гдѣ сослался съ Святославомъ Ольговичемъ княземъ Новгородъ-Сѣверскимъ, приглашая его также идти къ Чернигову; потомъ съ Глухова, получивъ согласіе Святослава, двинулся къ Березому и далѣе сталъ у Свини (274). Этотъ путь отъ Глухова къ Свини черезъ Березомъ прямо указываетъ, что Березомъ долженъ находиться гдѣ-нибудь на правомъ берегу Десны, не доходя до Свини, и всего вѣроятнѣе гдѣ теперешній уѣздный городъ Черниговской губерніи Березна. Подъ 1149 годомъ въ лѣтописи упоминается городъ Ярышевъ; гдѣ именно онъ находился, опредѣлить нельзя; но, судя по смыслу лѣтописи, его нужно искать на юго-восточной границѣ Новгородъ-Сѣверскихъ владѣній по Семи. Лѣтопись говоритъ, что Юрій Долгорукій, въ походѣ своемъ на Изяслава, двинулся изъ Суздаля въ страну Вятичей и соединился съ Половцами; потомъ сослался съ Святославомъ Новгородъ-Сѣверскимъ и сталъ у Ярышева, куда къ нему пріѣхалъ Святославъ. Съ Ярышева, послѣ неудачныхъ сношеній съ Давыдовичами, они пошли на Бѣлую Вѣжу на старую, и поджидали тамъ Половцовъ цѣлый мѣсяць, и оттуда пошли къ Сулою (275). Изъ разсказа лѣтописи мы ясно видимъ, что Ярышевъ былъ въ числѣ первыхъ городовъ на походѣ Юрія изъ земли Вятичей къ Семи и что онъ стоялъ сѣвернѣе Бѣлой Вѣжи старой; ибо отъ Ярышева Юрій пошелъ

(273) Ипат., стр. 173. (274) Тамъ же, 70. (275) Тамъ же, 42.

на Бѣлую Вѣжу; старая же Бѣлая Вѣжа, какъ мы уже знаемъ, лежала на востокъ отъ верховьевъ Удая и Остера и на сѣверъ отъ Сулы; слѣдовательно, Ярышевъ былъ на правомъ или на лѣвомъ берегу Семи, можетъ-быть на западъ отъ Путивля. Самъ Новгородъ-Сѣверскій былъ, гдѣ и теперь, на правомъ берегу Десны выше впаденія въ нее Семи; на сѣверъ отъ Новгорода-Сѣверскаго ближайшимъ городомъ былъ Радошь, вѣроятно Радогощъ, на правомъ берегу Судости; городъ этотъ уже не существовалъ при составленіи книги Большаго Чертежа, и названъ въ ней городищемъ: «противъ Стародуба на рѣкѣ на Судости городище Радогощъ»⁽²⁷⁶⁾. Нынѣ здѣсь находится, по указанію Арцыбашева, заштатный городъ Погаръ, который точно приходится почти противъ Стародуба. Потомъ отъ Радогоща на сѣверо-западъ былъ городъ Сининъ-Мостъ. Надеждинъ и Неволнинъ указываютъ, что отъ нынѣшняго Погара по дорогѣ къ Стародубу находится и теперь еще селеніе Сининъ въ 23 верстахъ отъ Стародуба⁽²⁷⁷⁾. За Сининымъ Мостомъ на юго-западъ находился Стародубъ. По свидѣтельству лѣтописи; Сининъ Мостъ былъ самымъ сѣвернымъ Новгородъ-Сѣверскимъ городомъ, ближайшимъ къ Смоленской землѣ; ибо Юрій шелъ Смоленскими владѣніями, и когда миновалъ Смоленскій городъ Зарой на Ипутѣ, то былъ встрѣченъ Святославомъ Ольговичемъ у Синина-Моста, и потомъ снялся съ нимъ у Радоща, и оттуда пошли къ Стародубу⁽²⁷⁸⁾. Съ восточной стороны Новгородъ-Сѣверскихъ владѣній, на сѣверъ отъ Семи лежали города Глуховъ, на одномъ изъ притоковъ Клевани, на сѣверъ отъ Путивля; еще сѣвернѣе Глухова Сѣвскъ на рѣкѣ Сѣвѣ, впадающей въ Нерусу; и далѣе за Сѣвскомъ Болдыжъ, Кромы и Спашъ, и наконецъ Карачевъ, крайній сѣверо-восточный городъ сѣверскихъ владѣній, отъ котораго уже начиналась земля Вятичей, какъ о томъ ясно говоритъ лѣтопись подъ 1146 годомъ. По ея словамъ, Святославъ Ольговичъ, узнавши о походѣ Изяслава Мстиславича, оставилъ Карачевъ, «и бѣжа за лѣсъ у Вятичь»⁽²⁷⁹⁾. Еще восточнѣе и сѣвернѣе Карачева Мценскъ на Зушѣ, кажется уже принадлежащій землѣ

⁽²⁷⁶⁾ Кн. Б. Ч., стр. 85. ⁽²⁷⁷⁾ Исслѣд. Погод. Т. IV, стр. 241. ⁽²⁷⁸⁾ Ипат., 77. ⁽²⁷⁹⁾ Тамъ же, 28.

Вятичей. Въ лѣтописи подѣ 1152 годомъ говорится о Юрьѣ и его союзникахъ, князьяхъ Рязанскихъ и Половцахъ: «и поидоша туда на Вятичѣ, и тако взяша я, тоже на Мценскѣ, оттуда же идоша на Снашѣ, таже на Глуховѣ, ту и сташа» ⁽²¹⁰⁾. Подѣ 1147 годомъ сказано, что Глѣбъ Юрьевичъ съ Святославомъ Ольговичемъ изъ Мценска пошли къ Крому; но, не доходя Крому, ихъ нагнали въ Снашѣ послы отъ Владиміра Давыдовича и Святослава Всеволодича ⁽²¹¹⁾. Еще же прежде, подѣ 1146 годомъ, лѣтопись говоритъ объ Изяславѣ Давыдовичѣ: «иде изъ Путивля на Сѣвской на Болдыжъ, простѣ бо бѣ ему путь Карочеву» ⁽²¹²⁾. Изъ приведенныхъ здѣсь лѣтописныхъ свидѣтельствъ мы видимъ, что упомянутые выше семь городовъ лежали въ такомъ именно порядкѣ другъ за другомъ, въ какомъ они поставлены нами, т. е. самымъ южнымъ изъ нихъ былъ Глуховъ, ближайшій къ Путивлю; онъ, очевидно, и въ XII вѣкѣ стоялъ тамъ же, гдѣ и теперь находится—на одномъ изъ притоковъ Клевани, на рѣчкѣ Есмани. За Глуховымъ слѣдовалъ Сѣвскъ на рѣчкѣ Сѣвѣ; ибо въ 1146 году Изяславъ Давыдовичъ изъ Путивля шелъ на Сѣвокъ, какъ и приходится это по самой мѣстности, ибо по прямой дорогѣ изъ Путивля въ Сѣвскъ Глуховъ остается влѣвѣ. На сѣверо-востокъ отъ Сѣвска былъ Болдыжъ, по дорогѣ къ Карачеву, какъ это ясно указываетъ только-что приведенный походъ Изяслава Давыдовича; ибо, по словамъ лѣтописи, онъ съ Сѣвска къ Карачеву шелъ на Болдыжъ; по указанію Надеждина и Неволлина, въ спискахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и теперь еще существуетъ селеніе Болдыжъ, въ 4-хъ верстахъ отъ города Дмитровска, что какъ-разъ приходится по дорогѣ изъ Сѣвска къ Карачеву. Отъ Болдыжа на востокъ при рѣчкѣ Надвѣ, впадающей въ Крому, лежитъ городъ Кромъ, какъ сказано и въ Книгѣ Большаго Чертежа ⁽²¹³⁾. И наконецъ отъ Крома по дорогѣ къ Мценску лежалъ городъ Снашѣ; ибо въ 1147 году, когда Глѣбъ Юрьевичъ съ Святославомъ Ольговичемъ шли изъ Мценска къ Крому, то въ Снашѣ ихъ нагнали послы Владиміра Давыдовича; въ настоящее время въ этой сторонѣ очень много селеній съ названіемъ Спасъ или Спасское.

⁽²¹⁰⁾ Ипат., 69. ⁽²¹¹⁾ Тамъ же, 30. ⁽²¹²⁾ Тамъ же, 27. ⁽²¹³⁾ К. Б. Ч., стр. 116.

На восточной сторонѣ сѣверскихъ владѣній, западнѣе описанной нами линіи городовъ, шла еще линія, ближайшая къ Новгороду-Сѣверскому, на югѣ начинавшаяся городомъ Зартымъ или Зарытымъ и окончивавшаяся Вщижемъ на сѣверѣ, который стоялъ на Деснѣ выше Брянска; по этой линіи были города Воробейно, Росуса и Трубчевскъ. Въ лѣтописи подъ 1160 годомъ о сихъ городахъ упоминается съ нѣкоторыми указаніями на мѣстность; такъ о Зарытомъ сказано: «Воева Георгій Ярославичъ изъ Турова Путивлю . . . Выревцы же затворившася отъ него, и непустиша его къ себѣ; онъ же оттуда възратився иде въ Зартыи, и ту пребывъ иде опять вратився у Вырь». Или нѣсколько ниже о Святославѣ Ольговичѣ говорится: «И пришедь ко Выреви и пожже острогъ около города . . . И ту стоявше и шедше къ Зарытому, и ту пожегше, и много зла створивше, възратитися у свояси» (114). Оба приведенныя извѣстія указываютъ на Зарытый какъ на городъ, лежащій на западъ отъ Выря, а по первому извѣстію даже на сѣверѣ или сѣверо-западѣ отъ Путивля; слѣдовательно, его и нужно искать около Путивля, гдѣ нынче находится рѣка Рѣтъ, впадающая въ Десну; а посему правильно заключаютъ Надеждинъ и Неволнинъ, что Зарытымъ могъ называться городъ за Рѣтью, и слѣдовательно Зарытый или Зартый должно полагать около нынѣшняго Королевца. Далѣе лѣтопись говоритъ, что Изяславъ Давыдовичъ, стоявшій въ степи за Выремъ, по удаленіи Святослава Ольговича отъ Зарытаго, пошелъ съ Половцами къ Воробейнѣ и къ Росусѣ—«и туде повоевавъ иде къ сыновцю своему ко Вщижу, и оттуда началъ воевать Смоленскую волость». Когда же противники Изяславовы пошли ко Вщижу, то онъ послалъ къ Андрею Юрьевичу Суздальскому просить у него помощи, который и прислалъ къ нему Изяслава съ своимъ полкомъ и съ Муромскою силою; но прежде нежели онъ успѣлъ подойти съ союзниками ко Вщижу, противники помирились съ племянникомъ его, Вщижскимъ княземъ, и Изяславъ удалился въ Вятчи. Это извѣстіе прямо говоритъ, что Вщижа должно искать на границахъ владѣній Смоленскихъ, Черниговскихъ и земля Вятчей; здѣсь дѣйствительно и теперь еще нахо-

(114) Ипат., 86—87.

дится селеніе Вщижъ, на берегу Десны, на 40 верстѣ отъ Брянска вверхъ, что именно и подтверждаетъ лѣтопись подъ 1156 годомъ, называя Вщижъ городомъ, около Десны; она говоритъ: «бѣжа Володимиричъ Сыновець Изяславъ, изъ Березого во Вщижъ и зал у него всѣ города подесненскіе, нестворивъ извѣта хрестьному цѣлованію къ стрывеву своему, и яся цю Ростислава по Смоленскаго князя; и приде къ нему Мстиславичъ изъ Стародуба въ засаду» (244). А когда Вщижъ несомнѣнно стоялъ на Деснѣ выше Брянска, и лѣтопись говоритъ еще о подесненскихъ городахъ въ этой сторонѣ; то съ вѣроятностію можно допустить, что Росуса и Воробейно, лежавшіе на дорогѣ отъ Выря ко Вщижу, принадлежали также къ числу упоминаемыхъ здѣсь подесненскихъ городовъ, къ которымъ, безъ сомнѣнія, принадлежить и Трубчевскъ, находящійся и теперь на Деснѣ, и въ лѣтописи подъ 1185 годомъ упоминаемый какъ удѣлъ одного изъ Сѣверскихъ князей (245).

Съ завоеваніемъ Чернигова Монголами и по убіеніи тамошняго князя Михаила Всеволодича, Черниговскія владѣнія распались. Собственно область Черниговская и Новгородъ-Сѣверская, т. о. низовья Десны и Семи, столь прежде богатая народонаселеніемъ и устѣянная множествомъ городовъ, запустѣли и сдѣлались сперва кочевьемъ Монголовъ, а потомъ достались Литвѣ. Русскія лѣтописи съ половины XIII вѣка совершенно потеряли изъ виду; этотъ край, послѣ Михаила онѣ упоминаютъ только объ одномъ Черниговскомъ князѣ, Михайловомъ сынѣ, Романѣ. Жизнь Русская, выгнѣнная изъ этого края, отступила къ верховьямъ Семи, Десны и Оки. Сыновья Михайловы: старшій, Романъ, удалился въ Брянскъ, откуда владѣлъ Черниговомъ и можетъ быть Новгородомъ-Сѣверскимъ; второй, Семенъ, занялъ Глуховъ, Новосиль, Одоевъ, Бѣлевъ и Воротыньскъ; третій, Мстиславъ, завладѣлъ Карачевомъ, Козельскомъ, Мосальскомъ, Звенигородомъ и кажется Ельцемъ; четвертый, Юрій, утвердился въ Торусѣ и Ободенскѣ. Кромѣ того изъ другихъ родовъ Черниговскаго княжескаго дома потомки утвердились въ Рыльскѣ, Курскѣ, Ворголскѣ и Липецкѣ (247).

Обширнѣйшимъ княженіемъ изъ числа Черниговскихъ въ Монгольское время было княженіе Брянска; къ нему причисля-

(244) Ипат., 79. (245) Тамъ же, 129. (247) Родосл. Кн. Ч. I.

лись Черниговъ и Новгородъ-Сѣверскій; слѣдовательно, на югѣ были границами его, можетъ-быть Десна и Семь; на востокѣ опять Десна въ ея верховьяхъ и вершины Угры, гдѣ Брянскія владѣнія сходились съ Карачевскими; на сѣверъ же Брянскія земли примыкали къ Смоленскимъ, на что указываютъ упоминаемыя въ лѣтописяхъ войны Брянскихъ князей съ Смоленскими и даже походы подъ самый Смоленскъ; въ 1286 году Романъ Брянскій осаждалъ Смоленскъ и сжегъ его посады ⁽²⁸⁸⁾. На западѣ границею Брянскихъ владѣній, кажется, былъ Двѣпръ. Это княженіе до конца своего, т. е. пока не было покорено Литовцами, не раздроблялось и было въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Москвою, кажется всегда дружественныхъ; такъ, напримѣръ, въ 1341 году Московскій князь Иванъ Ивановичъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Брянскаго князя Дмитрія ⁽²⁸⁹⁾; въ 1375 году Брянскій князь Романъ Михайловичъ помогалъ Дмитрію Донскому противъ Михаила Александровича Тверскаго ⁽²⁹⁰⁾. Земли Брянскаго княжества очевидно были хорошо знакомы Москвитямъ, какъ по дружественнымъ отношеніямъ князей, такъ и по тому, что на Брянскъ лежалъ путь изъ Москвы въ Кіевъ, на что указываетъ путешествіе Кіевскаго Митрополита Максима въ 1299 году. Лѣтопись говоритъ, что «Митрополитъ иде изъ Кіева ко Брянску; а отъ Брянска иде въ Сузальскую землю» ⁽²⁹¹⁾; или въ 1310 году путешествіе Митрополита Петра ⁽²⁹²⁾. Но обширность Брянскихъ владѣній во всемъ объемѣ не существовала и ста лѣтъ. Гедеминъ, князь Литовскій, покоривши Кіевъ, скоро занялъ и Черниговъ, а потомъ мало по малу отошло къ Литовцамъ все южное Подесенье и Посемье; такъ, по свидѣтельству лѣтописи, въ 1379 году мы уже видимъ Стародубъ и Трубчевскъ Литовскими городами ⁽²⁹³⁾. Наконецъ и самый Брянскъ достался Литвѣ, и Романъ Михайловичъ, помогавшій въ 1375 году Донскому, кажется, былъ послѣднимъ Брянскимъ княземъ изъ дому Михаила Черняговскаго; ибо въ битвѣ съ Мамаемъ въ 1380 году, Брянскимъ княземъ былъ уже Дмитрій Ольгердовичъ Литовскій ⁽²⁹⁴⁾. Лѣтопись даже подъ 1355 годомъ говорятъ: «нача обладати Брянскомъ князь ве-

⁽²⁸⁸⁾ Ник. III, 85. ⁽²⁸⁹⁾ Тамъ же, 175. ⁽²⁹⁰⁾ Ник. IV, 42. ⁽²⁹¹⁾ Ник. III, 96. ⁽²⁹²⁾ Тамъ же, 106. ⁽²⁹³⁾ Ник. IV, 84. ⁽²⁹⁴⁾ Тамъ же, 105.

ликой Литовскій» ⁽²⁰²⁾; но вѣроятно съ этого времени Брянскъ только поступилъ въ зависимость отъ Литвы, а впрочемъ еще имѣлъ своихъ князей, потомковъ Михаила.

На востокъ отъ Брянскихъ владѣній лежали земли княжества Карачевского. Примыкая на западъ къ Брянскимъ владѣніямъ, Карачевскія земли на сѣверѣ сходились съ Смоленскими и Московскими, гдѣ крайнимъ ихъ городомъ былъ Звенигородъ; ибо сынъ перваго Карачевского князя Мстислава, Адрианъ, былъ княземъ Звенигородскимъ ⁽²⁰³⁾. На востокъ Карачевскія земли граничили съ Тарусскими, Воротыньскими и Бѣлевскими землями, можетъ-быть по теченію Верхней Оки и Жвиздры; на югѣ же онѣ сходились съ землями Новосильскими. Карачевское княжество составляли города Карачевъ, Козельскъ, Звенигородъ, Мосальскъ и Елецъ, и можетъ-быть Болховъ, Мещевскъ, Брынъ, Медынь и Верей, какъ можно судить по родословнымъ тамошнихъ князей. Это княженіе недолго оставалось нераздѣльнымъ; ибо сынъ Мстислава Карачевского, Адрианъ, уже сдѣлался отдѣльнымъ княземъ Звенигородскимъ и можетъ-быть Верейскимъ и Медыньскимъ; а внукъ Иванъ, сынъ Тита, составилъ особое владѣніе въ Козельскѣ, и можетъ-быть виѣсть съ Козельскомъ владѣлъ Перемышлемъ и Мещевокомъ; потомъ одинъ правнукъ, Феодоръ, утвердился въ Елцѣ, а другой, Юрій, въ Мосальскѣ ⁽²⁰⁴⁾. Всѣ сіи потомки Мстислава Карачевского вступили въ ближайшія отношенія къ князьямъ Литовскимъ и Рязанскимъ: такъ одинъ внукъ Мстислава, Святославъ, былъ женатъ на Олгердовой дочери Феодоръ, другой, Адрианъ Звенигородскій, на дочери Литовскаго князя Гаманта, и третій, Иванъ Козельскій, на дочери Олега Рязанскаго ⁽²⁰⁵⁾.

Владѣнія Глуховскія и Новосильскія, начинались отъ Глухова, шли на востокъ къ Новосилу, что при Зубѣ; здѣсь они сходились съ владѣніями Елецкими; потомъ, идя отъ Новосила на сѣверъ по теченію Оки, они на западъ граничили съ владѣніями Козельскими, гдѣ къ Новосильскимъ городамъ принадлежали:

⁽²⁰²⁾ Ник. III, 207. ⁽²⁰³⁾ Родосл. Ч. I, стр. 185. ⁽²⁰⁴⁾ Тамъ же, 186. ⁽²⁰⁵⁾ Ник. IV, 50.

Мценскъ, Бѣлевъ, Воротыньскъ и Одоевъ; на востокъ они соприкасались съ владѣніями Пронскими и Рязанскими.

На сѣверъ отъ Новосильскихъ владѣній лежали земли Торускія и Оболенскія; они съ одной стороны примыкали къ землямъ Московскимъ, а съ другихъ сторонъ были окружены: съ востока владѣніями Рязанскими, съ юга Одоевскими, и съ запада Воротыньскими. Земли Торускія и Оболенскія были меньше всѣхъ удѣловъ Черниговскихъ; здѣсь были города Торуса, Оболенскъ, Тростна и Мезецкъ, какъ значится по родословнымъ. Торускіе князья были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Московскими и держались только ихъ силою.

Владѣнія Курскія и Рыльскія составляли пограничный край Русскихъ земель на югъ; они начинались отъ Рыльска при Семи и простирались на востокъ вплоть до верховья Воронежа. Здѣсь были города по Семи: Рыльскъ, Лговъ и Курскъ, по рѣкѣ Ворголу—Ворголь и при верховьяхъ Воронежа—Липицы. Каждый изъ сихъ городовъ составлялъ отдѣльное княженіе, которые, впрочемъ, подчинены были князю Курскому; по крайней мѣрѣ Курскій князь въ лѣтописи называется великимъ княземъ⁽²⁹⁹⁾. Долго ли существовали южныя княжества, въ лѣтописяхъ нѣтъ извѣстій; но, вѣроятно, они особенно по Ворголу и Воронежу скоро были обращены въ пустыню, ибо всегда первыя подвергались грабительству Татаръ; по крайней мѣрѣ изъ путешествія Митрополита Пимена мы ясно видимъ, что въ XIV вѣкѣ здѣсь была уже совершенная пустыня, въ которой изрѣдка встрѣчались развалины городовъ; тутъ даже не кочевали Татары. Собственно же Рыльскъ и Курскъ поступили въ вѣдѣніе Литвы, ибо въ лѣтописи при описаніи битвы Витовта съ Едигѣемъ въ 1399 году, въ числѣ убитыхъ Литовскихъ князей упоминается князь Федоръ Патрикѣевичъ Рыльскій⁽³⁰⁰⁾.

На правомъ или западномъ берегу Днѣпра первымъ, самымъ южнымъ Русскимъ владѣніемъ было княжество Кіевское. Оно съ востока примыкало прямо къ Днѣпру; эта граница никогда не измѣнялась; также болѣе или менѣе постоянна была граница южная, собственно для Кіевского народонаселенія оканчивавша-

(299) Ник. III, 77. (300) Ник. IV, 283.

яся лѣвымъ берегомъ Роси, а для подчиненныхъ Кіевскимъ князьямъ Торковъ, Берендѣевъ и вообще такъ навываемыхъ Черныхъ Клобуковъ, переступавшая за Рось и неопредѣленно двигавшаяся въ Половецкія степи. Но границы Кіевскихъ владѣній съ запада и сѣвера почти всегда измѣнялись, смотря по тому, который князь владѣлъ Кіевомъ; иногда они захватывали всю Волинь до Бреста-Литовскаго, а на сѣверѣ достигали до верховьевъ Нѣмана и заходили за половину теченія Березины; а иногда едва переступали предѣлы нынѣшней Кіевской губерніи. Посему, чтобы скольконибудь яснѣе понимать западныя и сѣверныя границы Кіевскихъ владѣній въ разное время, мы должны пересматривать ихъ почти при каждомъ князѣ особо.

При Владимірѣ Мономахѣ, на западѣ къ Кіевскимъ владѣніямъ, послѣ бѣгства Ярослава Святполчича въ 1118 году принадлежала вся Волинь, куда Мономахъ сперва отправилъ сына своего, Романа, а по смерти его послалъ другаго сына, Андрея; на сѣверѣ Кіевскія границы достигали до Минска; ибо въ 1119 году Мономахъ отнялъ этотъ городъ у Глѣба Всеславича ⁽³⁰¹⁾. Но по смерти Мономаха мы уже видимъ, что Волинь и Туровъ составляли отдѣльныя княженія, и первое принадлежало Мономахову сыну Андрею, а второе другому его сыну, Вячеславу. Кромѣ того, пространство между Стыремъ и Горынью при впаденіи ихъ въ Припеть составляло княжество Городенское, гдѣ былъ княземъ Всеволодъ; а на сѣверномъ берегу Припети было и еще отдѣльное владѣніе въ Клеческѣ (около нынѣшняго Несвижа), гдѣ княжилъ Вячеславъ Ярославичъ; къ сему владѣнію, можетъ быть, принадлежалъ и Слуцкъ ⁽³⁰²⁾.

Послѣ Мстислава, Волинское княжество въ 1136 году досталось сыну его Изяславу, и послѣ того постоянно оставалось въ его родѣ; а Туровское удержалось за Вячеславомъ Владиміровичемъ. Тогдашній Кіевскій князь, Ярополкъ, уже не имѣлъ вліянія на сія владѣнія и въ 1134 году Вячеславъ утвердился въ Туровѣ совершенно противъ его воли ⁽³⁰³⁾. При Ярополкѣ на югъ Кіевскихъ владѣній

⁽³⁰¹⁾ Ипат., 8. ⁽³⁰²⁾ Лавр., 130. ⁽³⁰³⁾ Тамъ же, 132.

упоминаются города Василевъ и Красецъ, на нынѣшней рѣчкѣ Краснѣ, по дорогѣ отъ Триполья къ Бѣлугороду, и Халепъ, нѣсколько ниже Триполья по Днѣпру ⁽³⁰⁴⁾.

При Всеволодѣ Ольговичѣ, когда онъ владѣлъ Киевомъ, Туровъ и Владиміръ Волынской на время отошли-было отъ Вячеслава и Изяслава; но потомъ опять перешли къ нимъ. Изъ свидѣтельства лѣтописи мы видимъ, что при Всеволодѣ владѣнія Киевскаго князя на сѣверъ, за Припетью, простирались отъ Днѣпра вплоть до Западнаго Буга; ибо Всеволодъ въ 1142 году роздалъ своимъ братьямъ: Рогачевъ на Днѣпрѣ, Клическъ на одномъ изъ притоковъ рѣки Лани пониже Несвижа, Городецъ, немного выше нынѣшняго Кобрина, Берестье и Дрогичинъ по Бугу ⁽³⁰⁵⁾. Всѣхъ сихъ городовъ нельзя искать южнѣе означенной черты, или на правомъ берегу Припети, хотя названія нѣкоторыхъ мѣстностей, сохранившіяся теперь, указываютъ на противное; ибо по правому берегу Припети были владѣнія Туровскія и Волынскія, которыя принадлежали другимъ князьямъ; притомъ же братья Всеволодовы, получившіе помянутые города, жаловались, что Всеволодъ осозался Мстиславичами около, «а намъ на безголове и безмѣстье» ⁽³⁰⁶⁾,—чего конечно нельзя бы было сказать, ежели бы города сіи были при верховьяхъ Случи на востокъ отъ Новгорода-Волынскаго, гдѣ сохранились теперь подобныя названія, ибо въ такомъ случаѣ были бы въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Киевскими владѣніями. На означенную же нами мѣстность сихъ городовъ на сѣверъ отъ Припети и до Буга указываетъ и бывший въ 1145 году походъ Давыдовичей и Игоря Ольговича въ Польшу и уступка имъ со стороны Поляковъ города Визны, стоящаго при слияніи Бобра съ Наревомъ, что какъ разъ приходится въ сосѣдствѣ съ Дрогичинскимъ и Кобринскимъ краемъ ⁽³⁰⁷⁾.

При Изяславѣ Мстиславичѣ, хотя Владиміръ и Туровъ снова присоединились къ Киевскимъ владѣніямъ ⁽³⁰⁸⁾, но во время борьбы Изяслава съ Юріемъ Долгорукимъ очевидно, что они принадлежали только Киевскому князю, а не Киеву. Собственно Киевское княжество ограничи-

⁽³⁰⁴⁾ Ипат., стр. 14. ⁽³⁰⁵⁾ Тамъ же, 19. ⁽³⁰⁶⁾ Тамъ же. ⁽³⁰⁷⁾ Тамъ же, 21. ⁽³⁰⁸⁾ Тамъ же.

валось на западъ теченіемъ Случи и Горыни, — Пересопница и Дорогобужъ, лежавшіе по симъ рѣкамъ, принадлежали уже къ Туровскому княжеству ⁽³⁰⁹⁾; а на юго-западъ пограничными городами были Котельница, Межибожье и Божескій, отъ верхнихъ притоковъ Тетерева къ Восточному Бугу; въ 1148 году Изяславъ, посылая Ростислава въ Божескій, говорилъ ему: «а ты постережи земли Русской оттолѣ» ⁽³¹⁰⁾. На сѣверѣ за Туровскими владѣніями Слуцкъ, и Клымскъ и вся страна Древовичей принадлежали сперва Владиміру Давыдовичу, а потомъ Святославу Ольговичу, Новгородъ-Сѣверскому князю ⁽³¹¹⁾. Яснѣе всего опредѣляетъ границы Кіевскихъ владѣній на западъ слѣдующее извѣстіе лѣтописи: Мстиславъ Изяславичъ, сынъ Изяслава Вольнскаго, провожая въ 1150 году Гляба Юрьевича изъ Доробужа въ Корческъ, переѣхавши Корческъ, говорилъ ему: «поѣди брата, къ отцю своему, а то волость отца моего и моя по Горину» ⁽³¹²⁾; то же говорилъ Изяславъ Андрею Боголюбскому въ Пересопницѣ: «а проси ми у отца волости по Горину» ⁽³¹³⁾. Слѣдовательно, Кіевскія владѣнія не доходили на западъ и до Горыни, и здѣсь первымъ Кіевскимъ городомъ былъ Корческъ, нынѣшній Корець, на Корчикѣ, притока Случи. За Корческомъ на востокъ слѣдовалъ Кіевскій городъ Ушескъ, гдѣ-нибудь при верховьяхъ Уши, можетъ-быть нынѣшній Ушомиръ. А на юго-западъ прямо за Горыню на востокъ, можетъ-быть въ нынѣшнемъ Заславскомъ уѣздѣ, начинались жилища Черныхъ Клобуковъ, зависѣвшихъ отъ Кіевскаго князя; ибо Изяславъ изъ Пересопницы и Дорогобужа шелъ къ нимъ на Гольско, кажется нынѣшняя Гульча, и Куниль, нынѣшній Куниевъ или Уневъ, въ Острожскомъ уѣздѣ при верховьяхъ Горыни, куда къ нему немедленно явились Черные Клобуки, съ которыми онъ и отправился къ Кіеву ⁽³¹⁴⁾. По дорогѣ изъ Галича къ Кіеву южными Кіевскими городами были Волохова, нынѣшніе Волосовцы, недалеко отъ восточнаго Буга, на сѣверѣ, въ нынѣшнемъ Хмельницкомъ уѣздѣ, — Прилукъ

⁽³⁰⁹⁾ Ипат., стр. 46. ⁽³¹⁰⁾ Тамъ же, 39. ⁽³¹¹⁾ Тамъ же, 45. ⁽³¹²⁾ Тамъ же, 49. ⁽³¹³⁾ Тамъ же, 52. ⁽³¹⁴⁾ Тамъ же, 49.

за Бугомъ, на востокъ на Деснѣ, впадающей въ Бугъ, Ярополчъ и Мунаревъ, вѣроятно при верховьяхъ Роси, или даже за Росью, т. е. на правомъ ея берегу; здѣсь въ 1160 году Владиміръ Андреевичъ и Ярославъ Изяславичъ и Галичане избили Половцовъ, возвращавшихся съ полономъ въ степи ⁽²¹⁴⁾, — Володаревъ, нынѣшняя Володарка, также на правомъ берегу Роси, въ нынѣшнемъ Таращанскомъ уѣздѣ. По направленію къ востоку отъ Володарева слѣдовало Перепетово, потомъ Ольшаница, впадающая въ Рось съ лѣвой стороны; за Ольшаницею къ Киеву слѣдовала Стугна, за Стугною Тумашъ и далѣе Звенигородъ; всѣ сія мѣста вѣроятно были въ нынѣшнемъ Васильковскомъ уѣздѣ ⁽²¹⁵⁾.

Походъ Изяслава къ Киеву въ 1150 году указываетъ на слѣдующіе по дорогѣ города. Изяславъ, двинувшись изъ своихъ Волынскихъ владѣній, прежде всего подошелъ къ Пересоницѣ, самому юго-западному городу Туровской области на Стублѣ, впадающей въ Горынь; нѣсколько южнѣе Пересоницы стоялъ Зареческъ, по сожженіи котораго Изяславъ сталъ у Мильска, въ нынѣшнемъ Острожскомъ уѣздѣ, между Зарѣческомъ и Дорогобужемъ; далѣе пошелъ на Дорогобужъ, стоявшій на западномъ берегу Горыни, недалеко отъ нынѣшняго Равно; потомъ прямо отъ Дорогобужа за Горынью было мѣстечко Хотрин, откуда шла дорога на Корческъ; отъ Корческа Изяславъ по теченію Корчика на сѣверъ, и остановился недалеко отъ впаденія Корчика въ Случь. Потомъ, перешедъ Случь, Изяславъ пошелъ на Чертовъ Лѣсъ къ Ушеску, гдѣ перебродился черезъ Ушу. Чертовымъ Лѣсомъ вѣроятно назывался лѣсъ, покрывавшій все пространство отъ впаденія Корчика въ Случь до самой Уши; ибо одинъ Галичанинъ, захваченный въ бою на Уши, говорилъ Изяславу, что Владиміръ Галицкій стоитъ прямо за городомъ въ первомъ лѣсу. Отъ Уши Изяслава дорога, по сказанію лѣтописи, шла на Святославлю Крипиду, можетъ быть на нынѣшній Святецъ, идя по правому берегу Уши на сѣверовостокъ. Эта дорога явпо отдаляла Изяслава отъ Киева; но онъ ее держался до времени для

⁽²¹⁴⁾ Ипат., стр. 86. ⁽²¹⁵⁾ Тамъ же, 50—51.

того, чтобы обмануть гнавагося за нимъ по пятамъ Владимира Галицкаго; а потомъ, мнвовавъ переправу черезъ Иршу, вдругъ поворотилъ къ югу, чтобы соединится съ дружинниками, жившими по Тетереву, въ чемъ вполне и успѣлъ. Своротивъ ночью отъ Святослави Криницы на Мичьскъ, стоявшій вѣроятно на лѣвомъ берегу Тетерева; ибо Изяславъ, по словамъ лѣтописи, отъ Мичьска переправился черезъ Тетеревъ, и оттуда пришелъ на Здвижень, а отъ Здвижени къ Бѣлгороду, подъ которымъ, кажется, былъ Обрамль мостъ чрезъ Ирпень. Если Святослави Криница есть нынѣшній Святецкъ, то очевидно Мичьскъ стоялъ далѣе на сѣверовостокъ отъ нынѣшняго Родомысла, можетъ-быть гдѣ нынѣшній Унинъ или Кихорь; что кажется и вѣроятнѣе, ибо по этой дорогѣ не было рѣчекъ, которыя бы затрудняли путь; поворачивая же на Радомыслъ нужно было перебираться черезъ Иршу и еще двѣ три рѣчки, гдѣ на переправахъ могъ бы догнать Изяслава князь Галицкій и пересѣчь дорогу къ Киеву. Изяславу всего нужнѣе было избѣгнуть остановокъ, въ чемъ онъ и успѣлъ, идя по дорогѣ отъ Святецка на Унинъ; ночной переходъ и всмѣнне рѣчекъ по дорогѣ до самаго Тетерева много способствовали ему; Галицкій князь едва только могъ дойти до Мичьска, когда Изяславъ вступилъ уже въ Кіевъ, по дорогѣ же на Родомыслъ переправа черезъ Иршу могла его остановить. По занятіи Кіева Изяславомъ, сыновья Долгорукаго, Андрей и Владимиръ, сопровождашіе Галицкаго князя отъ Пересопицы, разставшись съ нимъ у Мичьска, пошли на Давыдову Боженку къ устью Припети для переправы черезъ Днѣпръ къ Остерскому Городку, куда уже убрался Юрій Долгорукій⁽³¹⁷⁾. Этотъ походъ Изяслава ясно показываетъ, что ему хорошо была извѣстна вся мѣстность западной Руси. Въ походъ Мстислава Изяславича съ Угорскими полками на помощь къ отцу въ Кіевъ упоминается мѣстечко Сапогннъ, по смыслу лѣтописи неподалеку отъ Дорогобужа⁽³¹⁸⁾; вѣроятно нынѣшній Сапожинъ, на дорогѣ отъ Дорогобужа къ Корческу.

(317) Ипат., 54—57. (318) Тамъ же, 65.

Въ первый годъ по смерти Изяслава (1154 г.) упоминается доселѣ неизвѣстный городъ Пересѣченъ; онъ по всему вѣроятію стоялъ между Кіевомъ и Вышгородомъ; ибо преемникъ Изяславовъ Ростиславъ, собирая дружину на Половцовъ, остановился въ Пересѣченѣ, выступивъ изъ Кіева, и потомъ отъ Пересѣчена прошелъ къ Вышгороду, подъ которымъ началъ переходить черезъ Двѣпръ ⁽³¹⁹⁾.

По смерти Вячеслава, когда Юрій Долгорукій снова утвердился въ Кіевѣ, уже владѣнія Кіевскія на югѣ граничили Поросьемъ, а съ запада и сѣвера къ нимъ присоединялись Туровскія земля. Юрій раздѣлилъ ихъ между своими дѣтьми такимъ образомъ: Андрею далъ Вышгородъ, Борису-Туровъ и Васильку-Поросье; а потомъ, желая, всѣ Туровскія владѣнія присоединить къ Кіеву, выгналъ изъ самаго юго-западнаго Туровскаго города Пересопницъ Мстислава Изяславича князя Владиміра Вольинскаго ⁽³²⁰⁾. Между Туровскими городами около этого времени упоминается въ первый разъ Мозырь, данный Юрьемъ Святославу Ольговичу. Западная граница Кіевскихъ владѣній этого времени очень ясно опредѣляется неудачнымъ походомъ Юрія подъ Владиміръ Вольинскій; Юрій, возвращаясь изъ Вольни, недобывъ тамъ ни одного города для своего племянника Владиміра Андреевича, отдалъ ему Дорогобужъ, Пересопницу и всѣ погорыньскіе города до Турова, который оставилъ за своимъ сыномъ Борисомъ ⁽³²¹⁾. Слѣдовательно, Горынь была и въ это время болѣе или менѣе постоянною границею Кіевскихъ владѣній съ Вольнью.

Послѣ Юрія Долгорукаго Кіевскія владѣнія на сѣверѣ значительно сократились; ибо къ нимъ уже не принадлежали не только земли за Припетью, но и самыя города по южному берегу Припяти; Туровъ, Пинскъ, и другіе составляли отдѣльное владѣніе, гдѣ былъ княземъ Юрій Ярославичъ, котораго въ 1158 году не могъ выгнать оттуда тогдашній Кіевскій князь Изяславъ Давыдовичъ ⁽³²²⁾. Та же граница на сѣверъ осталась и послѣ Изяслава Давыдо-

⁽³¹⁹⁾ Ипат., 75. ⁽³²⁰⁾ Тамъ же, 77—78. ⁽³²¹⁾ Тамъ же, 80. ⁽³²²⁾ Тамъ же, 82.

вича ⁽²²³⁾. При Ростиславѣ Мстиславичѣ упоминаются города, отъ Котельница (нынѣшней Котельни) къ Бѣлгороду, Митюжарѣ и Кучари, нынѣшніе Кочерово въ Родомысльскомъ уѣздѣ, и Мотыжинѣ, близъ Бѣлгородка; лѣтопись говоритъ: Мстиславъ и Рюрикъ отъ Котельницы пошли къ Бѣлгороду на Митюжарѣ и прежде пришли къ Кучарѣ. Потомъ отъ Бѣлгорода къ Кіеву или вообще къ Днѣпру упоминаются мѣста Желань и Буличь, на которыя шелъ Изяславъ Давыдовичъ, бѣжавшій отъ Бѣлгорода. Буличь можетъ-быть нынѣшняя деревня Бѣличи на сѣверо-востокъ отъ Бѣлгорода къ Днѣпру; на это прямо указываетъ лѣтопись: она говоритъ, что за Буличемъ къ Днѣпру были озера, близъ которыхъ убитъ Изяславъ Давыдовичъ; они и теперь есть за Бѣличами у Днѣпра ⁽²²⁴⁾. При Мстиславѣ Изяславичѣ Кіевскія владѣнія стѣснились еще болѣе; на сѣверъ они не доходили уже далѣе устья Припети, а на западъ Овручъ и верховья Уши не принадлежали уже Кіеву; на югѣ Владиміръ Андреевичъ Дорогобужскій уже объявлялъ притязаніе на Торческъ и все Поросье. А когда Андрей Юрьевичъ Боголюбскій прислалъ свои войска на Мстислава Изяславича; то за Кіевскимъ княземъ оставался уже почти одинъ Кіевъ съ ближайшими къ нему пригородами. По взятіи Кіева войсками Андрея Боголюбскаго и особенно по смерти Андреева братъ Глѣба, когда Кіевъ былъ переданъ Ростиславичамъ Смоленскимъ, Кіевскія владѣнія рѣшительно раздробились; такъ: Торческъ съ Поросьемъ принадлежалъ Михайлѣ Юрьевичу—брату Боголюбскаго, Кіевъ—Роману Ростиславичу Смоленскому, Бѣлгородъ его брату—Рюрику, и Вышгородъ другому брату—Мстиславу ⁽²²⁵⁾. Послѣ сего стравы по правую сторону Днѣпра никогда не соединилось надолго въ одну обширную область, и границы Кіевскихъ владѣній вѣдѣлись и зависли отъ случая и средствъ князей, занимавшихъ Кіевъ, такъ что въ настоящее время, по дошедшимъ до насъ памятникамъ, мы даже не можемъ слѣдить за непрерывнымъ и совершенно

⁽²²³⁾ Ипат., стр. 86. ⁽²²⁴⁾ Тамъ же, 90. ⁽²²⁵⁾ Тамъ же, 106.

случайнымъ ихъ измѣненіемъ. Прежняго Кіевскаго княжества, со взятія Кіева войсками Боголюбскаго, уже больше не было; но по временамъ бывали болѣе или менѣе пространныя владѣнія то Ростиславичей, то Ольговичей, занимавшихъ попеременно Кіевъ; но владѣнія сіи не были уже собственно Кіевскими владѣніями: Кіевъ палъ безъ возврата и продолжалъ еще жить только чужею жизнію, а не своею, т. е. князья Кіевскіе бывали болѣе или менѣе сильными уже не Кіевскими силами, но собственными своими средствами, получаемыми или съ Волыни, или изъ Смоленска, или изъ Чернигова. Такъ продолжалось до конечнаго разоренія Кіева Монголами въ 1240 году. При Монголахъ Кіевъ сперва сдѣлался жилищемъ ихъ баскаковъ; такъ въ лѣтописи подъ 1257 годомъ говорится, что всѣ Кіевскіе города отъ Межибожья, при верховьяхъ восточнаго Буга, до Корческа и, по Тетереву, до Жидичева были за Татарами; потомъ тамъ утвердились незначительные Русскіе князья, и наконецъ при Гедиминѣ онъ со всѣмъ придѣлкомъ достался Литвѣ.

Ближайшимъ сосѣдомъ Кіевскихъ владѣній на западъ и сѣверъ были владѣнія Туровскія; они, какъ мы уже замѣтили выше, то отдѣлялись отъ Кіевской области, то соединялись съ нею. Болѣе или менѣе постоянною границею ихъ на западѣ была рѣка Горынь и частію Стырь въ своихъ низовьяхъ, за которыми уже начинались владѣнія Волынскія. Здѣсь были Туровскіе города пограничныя—Дорогобужъ, Мильскъ, Зарѣчскъ и Пересопица; а на сѣверѣ болѣе постоянною границею была рѣка Припеть, гдѣ лежали города—Пинскъ, Туровъ и Мозырь; но иногда Туровскія владѣнія въ эту сторону переходили и за Припеть до Слуцка и Несвижа. Восточныхъ и южныхъ границъ опредѣлить нельзя; ибо они по близкимъ связямъ Кіевскихъ и Туровскихъ владѣній измѣнялись постоянно. Впрочемъ въ послѣднее время, т. е. въ концѣ XII вѣка и въ XIII-мъ съ довольною вѣрностію можно признать Овручъ или Вручій и нынѣшній Искорость пограничными Туровскими городами съ Кіевскою землею. Такъ Рюрикъ Ростиславичъ, владѣвшій Кіевомъ послѣ Романа Ростиславича, преимущественно жилъ въ Овручѣ, Туровскомъ городѣ, пограничномъ съ Кіевскими

владѣніями ⁽³²⁶⁾. Посреди Туровскихъ владѣній протекала рѣка Случь; на западномъ берегу этой рѣки было Бѣлобережье, чрезъ которое шла дорога изъ Кіева въ Галичь. Бѣлобережье, по смыслу лѣтописи, вѣроятно находилось недалеко отъ впаденія въ Случь рѣки Деревной, въ южномъ краю Новгородъ-Волынскаго уѣзда; ибо въ лѣтописи сказано: «двиге рать Андрей королевичъ (изъ Галича) на Даника и иде къ Бѣлобережью, Володиславу же ѣхавшу восторожѣ отъ Даника изъ Кіева, и стрѣте рать во Бѣлобережьи: и бившимся имъ о рѣку Случь, и говиша до рѣки Деревное и лѣса Чертова» ⁽³²⁷⁾. Неподалеку отъ Бѣлобережья было и Полонное, упоминаемое въ лѣтописи подъ 1234 годомъ; оно, по смыслу лѣтописи, такъ же какъ и Бѣлобережье, лежало на дорогѣ изъ Волыни и Галича въ Кіевъ, ибо здѣсь Данилъ Романовичъ изъ Галича нагналъ Александра Бѣльскаго, когда тотъ изъ Бѣльска пробирался въ Кіевъ. Селеніе Полонное и теперь еще находится въ этомъ краю, именно въ южной оконечности Новгородъ-Волынскаго уѣзда, на одномъ изъ притоковъ Случи съ лѣвой стороны.

На западъ отъ Туровскихъ владѣній лежали земли Волынскія; они на востокѣ сходились по рѣкѣ Горыни съ Туровскими и Кіевскими владѣніями, на югѣ съ Галицкими, на западъ съ Польскими и на сѣверъ съ Литовскими. Въ XII, XIII и началѣ XIV столѣтіи Волынь постоянно принадлежала потомству старшаго Мономахова сына Мстислава и преимущественно была за Изяславомъ Мстиславичемъ, его сыновьями, внуками и правнуками. Главнымъ городомъ Волынской земли былъ Владиміръ Волынскій на рѣкѣ Лугѣ, впадающей въ Западный Бугъ, потомъ на юго-востокъ отъ Владиміра Луцкъ на рѣкѣ Стырѣ, также одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ, и еще далѣе на юго-востокъ на Стырѣ же лежалъ третій Волынскій городъ Дубенъ.

Въ этомъ краю, т. е. на востокъ отъ Владиміра Волынскаго и Луцка были еще волынскіе города: Чемеринъ на Олыкѣ, впадающей въ Горынь съ западной стороны, на востокъ отъ Луцка, на сѣверъ отъ Дубна, что совершенно согласно съ извѣстіемъ лѣтописи, въ которой сказано: что Изяславъ съ своими союзниками, въ 1149 году, узнавши, что Юрій уже въ Пересоп-

⁽³²⁶⁾ Ипат., 147—148. ⁽³²⁷⁾ Тамъ же, 172.

ницѣ, «поядоша отъ Лучьска и шедше стаха у Чемерина на Олычѣ» ⁽³²⁸⁾. Нѣсколько южнѣе Чемерина, по дорогѣ къ Луцку, былъ городъ Муравяца, у котораго въ 1149 году останавливались сыновья Юрѣя; по словамъ лѣтописи Муравица должна была стоять нѣсколько западнѣе Дубна, ибо сыновья Юрѣя не успѣвши взять этого города отступили къ Дубну ⁽³²⁹⁾. Потомъ въ этомъ же краю на Стырѣ, на сѣверѣ отъ Луцка, лежали Волинскіе города Жидичинъ и Черторыйскъ. Лѣтопись подъ 1227 годомъ прямо говоритъ, что Жидичинъ былъ ближе къ Луцку, ибо когда Данилъ Романовичъ пришелъ молиться Св. Николѣ въ Жидичинъ, то Ярославъ, бывшій тогда княземъ въ Луцкѣ, звалъ его къ себѣ ⁽³³⁰⁾; а о Черторыйскѣ та же лѣтопись подъ 1226 годомъ упоминаетъ, что онъ былъ ближе къ Пинску ⁽³³¹⁾. Подъ 1183 годомъ упоминается о князѣ Дубровицкомъ; нынѣ есть деревня Дубровицана лѣвомъ берегу Горыни нѣсколько выше впаденія въ нее Случи. Дубровица сія не была ли Волинскимъ городомъ?

На югѣ Волинскими городами ближе къ Галицкимъ границамъ была Бѣльзъ, прямо на югъ отъ Владиміра Волинскаго на Западномъ Бугѣ, и, при его верховьяхъ, Бужескъ; а нѣсколько сѣвернѣе сихъ городовъ и ближе къ Владиміру Полонній. По свидѣтельству лѣтописи онъ былъ между Владиміромъ и Луческомъ, но нѣсколько южнѣе ихъ; ибо Владиміръ Галицкій во время осады Луческа Юрѣемъ, пришедъ изъ Галича «ста на Полоной между Владиміромъ и Луческомъ, и тако разѣхалъ» ⁽³³²⁾, т. е. отдѣлилъ Юрѣя отъ Изяслава, спѣшившаго съ полками изъ Владиміра на выручку къ Луческу. Далѣе на юго-востокъ отъ Бужеска стоялъ Перемиль, ближайшій къ Галицкимъ владѣніямъ, о чемъ свидѣлствуетъ лѣтопись подъ 1196 годомъ, гдѣ сказано, что Владиміръ Галицкій «пожегъ волость Романа Волинскаго у Перемилѣ» ⁽³³³⁾. Арцыбашевъ находитъ деревню Перемилевъ неподалеку отъ Теревовля, и думаетъ, что здѣсь былъ древній Перемиль, но такому указанію прямо противорѣчитъ лѣтопись подъ 1283 годомъ, гдѣ сказано, что Телебуга въ

⁽³²⁸⁾ Ипат., стр. 46. ⁽³²⁹⁾ Тамъ же. ⁽³³⁰⁾ Тамъ же, 167. ⁽³³¹⁾ Тамъ же, 166.

⁽³³²⁾ Тамъ же, 47. ⁽³³³⁾ Тамъ же, 149.

своемъ походѣ на Ляховъ отъ Кременца прямо шелъ къ Перемилю, и потомъ къ Бужску, и отъ Бужска, на Владиміръ Волинскій ⁽²²⁴⁾. Конечно ему на походѣ къ Бужску вовсе не нужно было сворачивать далеко на югъ къ Теребовлю; слѣдовательно Перемиля должно искать между Кременцомъ и Бужскомъ, гдѣ найдеть на рѣкѣ Липѣ. За Перемилемъ къ юго-востоку слѣдоваль Выгошевъ, упоминаемый въ лѣтописи подъ 1152 годомъ между Волинскими города Бужскомъ, Шумскомъ и Тихомлемъ ⁽²²⁵⁾. Въ этомъ краю и теперь еще существуетъ мѣстечко Вышгородка въ Кременецкомъ уѣздѣ на юго-западъ отъ Кременца; а Карамзинъ полагалъ, что Выгошевъ послѣ былъ названъ Вышградомъ ⁽²²⁶⁾. Еще восточнѣе Выгошева нѣсколько къ югу былъ Волинскій городъ Станковъ на лѣвомъ берегу Серети; а отъ Станкова прямо на сѣверъ Тихомль; ибо въ лѣтописи подъ 1153 годомъ сказано, что Изяславъ Мстиславичъ въ своемъ походѣ на Ярослава Владиміровича Галицкаго, отъ Тихомля «пойде къ Станкову; ту же и Галичскій князь вышелъ полки своими. Изяславъ же пусти Володимира Андреевича, и сына своего Мстислава и Черныи Клобуки битися съ ними о рѣку Сереть, а самъ пойде къ Теребовлю» ⁽²²⁷⁾. Сѣвернѣе Тихомля были города: къ западу Кременецъ, а къ востоку Шумскъ и восточнѣе Шумеска Гнойница. Подъ 1152 годомъ лѣтописи говорятъ: «Изяславъ посла посадника своя въ города: въ Бужескъ, Шумескъ, Тихомль, у Выгошева и Гнойницу» ⁽²²⁸⁾. О Бужескѣ, Тихомлѣ и Выгошевѣ мы уже говорили; а о мѣстоположеніи Шумеска есть свидѣтельство лѣтописи подъ 1231 годомъ, гдѣ она говорятъ: «Данилови же снемшуся съ братомъ, и постыже и (королевича Андрея и его союзниковъ, шедшихъ изъ Галича) у Шумска, и повѣствоваста съ ними о рѣку Велью» ⁽²²⁹⁾; слѣдовательно Шумскъ былъ на лѣвомъ берегу Вельи, впадающей въ Горынь, гдѣ и теперь еще есть селеніе Шумскъ въ 35 верстахъ отъ Кременца. Прямаго указанія мѣстности Гнойницы лѣтописи не представляютъ; изъ нихъ мы можемъ видѣть только то, что Гнойница должна быть около Шумска; а въ настоящее время на востокъ отъ Шумска при Горыни дѣй-

⁽²²⁴⁾ Арцыб. II. 300, Ипат. стр. 212. ⁽²²⁵⁾ Тамъ же, 69. ⁽²²⁶⁾ Кар. II. 192. ⁽²²⁷⁾ Ипат., 73. ⁽²²⁸⁾ Тамъ же, 69. ⁽²²⁹⁾ Тамъ же, 172.

ствительно находятся два селенія, большая и малая Гнойница, которыя, непротиворѣча смыслу лѣтописи, могутъ означать мѣстность древней Гнойницы. Самыми южными городами Волынскими были Каменецъ на рѣкѣ Смотрицѣ, недалеко отъ впаденія въ Днѣпръ, гдѣ нынѣ Каменецъ-Подольскъ, и еще южнѣе Каменца Колодажнѣ, нынѣшній Лодыжинъ въ Гайсинскомъ повѣтѣ на правомъ берегу Восточнаго Буга. Оба сѣи города были ближайшими къ кочевьямъ Черныхъ Клобуковъ, зависѣвшихъ отъ Кіевского князя. Въ первый разъ о Каменцѣ лѣтопись упоминаетъ подъ 1196 годомъ, гдѣ сказано: «Володимеръ (Галицкій Ярославичъ) повоева и пожже волость Романову (Волыискаго Мстиславича) около Перемиля, а отселъ Ростиславъ Рюриковичъ (княжившій въ Торческѣ) съ Володимеричи и съ Чернымъ Колбукомъ, ѣхавше, повоеваша и пожгоша волость Романову около Каменца» (340). То же подтверждаетъ и другое свидѣтельство лѣтописи подъ 1228 годомъ, гдѣ упоминается, что Владиміръ Рюриковичъ Кіевскій «всади Котаня на конь, и вси Половци и придоша къ Каменцю» (341). Оба сѣи свидѣтельства ясно говорятъ, что упоминаемый здѣсь Каменецъ былъ именно тамъ, гдѣ нынѣ стоятъ Каменецъ-Подольскъ; особенно первое свидѣтельство прямо указываетъ на него; ибо Ростиславу Рюриковичу изъ Торческа всего ближе было подойти съ Черными Клобуками къ Каменцу Подольскому, да и для Владиміра Рюриковича, шедшаго на Волынь изъ Поросья, онъ долженъ былъ также однимъ изъ ближайшихъ Волынскихъ городовъ. На ту же мѣстность Каменца указываетъ и третье свидѣтельство лѣтописи подъ 1235 годомъ, гдѣ она говоритъ: «Придоша Галичане на Каменецъ и вси Болоховскіи князи съ ними, и повоеваша по Хомору и повдоша ко Каменцю» (342). Каменецъ-Подольскій былъ ближайшимъ городомъ Волынскимъ и для Галичанъ съ одной стороны, и для Болоховскихъ князей, жившихъ при верховьяхъ Восточнаго Буга съ другой стороны. О Колодажнѣ лѣтопись упоминаетъ подъ 1240 годомъ при описаніи похода Батыева отъ Кіева къ Владиміру Волынскому; вотъ ея слова:

(340) Ипат., 149. (341) Тамъ же, 166. (342) Тамъ же, 174.

«Батью вземшу градъ Кіевъ и слышавшу ему о Данилѣ, яко въ Угрѣхъ есть, поиде самъ Володимірю и приде къ городу Колодажну, и постави порока 12 и не може рубити стѣны, и начатъ перемолвливати люди; они же послушавше злого совѣта его, передашася и сами избити быша. И приде Каменцю Изяславию взять я, видѣвъ же Кременецъ градъ Даниловъ, якоже невозможно пріяти ему, и отъиде отъ нихъ, и приде къ Володимірю, и взя и копьемъ»⁽²⁴⁵⁾. Это свидѣтельство ясно говоритъ, что Колодажнъ долженъ быть самымъ восточнымъ Волинскимъ городомъ на югѣ, и Арцыбашевъ очень вѣрно указываетъ мѣстность его на правомъ берегу Восточнаго Буга, гдѣ нынѣ село Ладыжинъ, отъ котораго прямая дорога идетъ къ Каменцу. Здѣсь нельзя принять никакихъ другихъ указаній на Колодажну, хотя и до сего времени сохранились съ симъ именемъ мѣстечки въ Луцкомъ и Новгородъ-Волинскомъ уѣздахъ, ибо и то и другое были не на пути Батьи къ Владиміру. Если признать за лѣтописный Колодажнъ Луцкую Колодажъ, то зачѣмъ бы Батью, бывши въ Луцкомъ уѣздѣ почти подъ самымъ Владиміромъ, сворачивать совершенно назадъ къ Кременцу; а если принять Колодажну Новгородъ Волинскую, что на Случѣ, то прямая дорога Батью отъ этой Колодажны къ Владиміру шла на Кременецъ; по лѣтописи же онъ отъ Колодажна шелъ сперва на Каменецъ, куда отъ Случи нужно было за- даваться слишкомъ далеко на югъ, вовсе не по дорогѣ къ Владиміру. Искать же Каменца гдѣ нибудь въ Ковельскомъ уѣздѣ, напримѣръ на мѣстѣ деревни Камень Каширскій, мы не имѣемъ никакого права; ибо зачѣмъ же Батью изъ Ковельскаго уѣзда идти назадъ къ Кременцу почти мимо Владиміра, къ которому онъ по всему вѣроятію очень спѣшилъ, ибо подошедъ къ Кременцу и, видя крѣпость его стѣнъ, даже не попробовалъ осадить его.

Изъ опредѣленія мѣстности перечисленныхъ нами южныхъ Волинскихъ городовъ мы явно видимъ, что Волинская граница на югѣ шла по верховьямъ Западнаго Буга и по лѣвому берегу Серети до впаденія ея въ Днѣстръ; по-

(245) Ипат., стр. 178.

томъ, прошедши по лѣвому берегу Днѣстра, можетъ-быть до нынѣшняго Могилева на Днѣстрѣ, переходила на правый берегъ Восточнаго Буга, гдѣ крайнимъ Волинскимъ городомъ былъ Колодажнѣ.

Волинскіе города, лежащіе на западъ отъ Владиміра, были слѣдующіе: Угровескъ, Устилугъ, Володава, Берестье и Дрогичинъ по правому берегу Западнаго Буга; потомъ Верещинъ, Комовъ и Охажъ по лѣвому берегу Буга; и далѣе на западъ между Бугомъ и Вепремъ Грубешевъ, Грибовицы, Тернова, Ухань, Червень, Холмъ, Столпье и Пуговно. Границею Волини съ этой стороны, кажется, была во первыхъ рѣка Вепрь, которая отдѣляла Волинь отъ Польши; ибо подъ 1213 годомъ лѣтопись говоритъ, что когда Ляхи стали воевать около Буга, то Данилъ выслалъ противъ ихъ свои полки, которые разбили ихъ и гнали до рѣки Вепря⁽³⁴⁴⁾. Города Берестье, Угровескъ, Верещинъ, Стоянье и Комовъ, въ XIII вѣкѣ именно назывались городами украинными; такъ подъ 1213 годомъ въ лѣтописи сказано: «Данилу же возвратившуся къ домови, и ѣха съ братомъ, и прія Берестій, Угровескъ, Верещинъ, Столпье, Комовъ и всю украину»⁽³⁴⁵⁾. Наименованія сихъ городовъ и донынѣ еще сохранились въ названіяхъ мѣстечекъ и селеній на показанныхъ нами мѣстахъ; а что города сіи въ древности именно были въ этомъ краю, на это мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ въ лѣтописи. Такъ о Берестьи съ довольною подробностію говорится подъ 1097 годомъ, гдѣ Ляхи говорятъ Давыду Игоревичу: «пойди съ нами Берестью, яко се вабитъ ны Святополкъ на снемъ, и послушавъ ихъ Давыдъ, иде Берестью съ Володславомъ. И ста Святополкъ въ градъ, а Ляхове на Бугу»⁽³⁴⁶⁾. Здѣсь мы явно видимъ, что Берестье было на Западномъ Бугѣ, гдѣ и теперь Брестъ Литовскій. Объ Угровскѣ лѣтопись упоминаетъ нѣсколько разъ; такъ подъ 1204 годомъ сказано: «Александръ (при помощи Ляховъ захватившій Владиміръ Волинскій у Романовичей) прія Угровескъ, Верещинъ, Столпье и Комовъ»⁽³⁴⁷⁾. Подъ 1213 годомъ Угровескъ,

⁽³⁴⁴⁾ Ипат., 160. ⁽³⁴⁵⁾ Тамъ же. ⁽³⁴⁶⁾ Лавр., 114. ⁽³⁴⁷⁾ Ипат., 157.

какъ мы уже видѣли, былъ причисленъ къ украиннымъ городамъ; подъ 1223 годомъ лѣтопись, перечисляя Владиміръскихъ епископовъ, между прочимъ упоминаетъ: «бѣ бо прежде того епискупъ Асафъ во Угровьскы» ⁽³⁴⁰⁾. Подъ 1229 годомъ сказано: «Данилъ и Василько идоста на войну (въ Ляхи), оставста же въ Берестѣи Володимера Пиньскаго и Угровчаны и Берестьяны, стеречи земли отъ Ятвязь» ⁽³⁴¹⁾; и далѣе подъ тѣмъ же годомъ: «Данилови будущю во Угровцѣ, прислаша Галичане, рекуше: яко Судиславъ шель естъ въ Понизы, а Королевичъ въ Галичи осталъ; а поиди борже. Данилови же собравшу вой во борзѣ, посла Димьяна на Судислава, а самъ иде въ малѣ дружинѣ къ Галичи изъ Угровска; и во третій день бывшу ему на ночь во Галичѣ» ⁽³⁴²⁾. Всѣ сии свидѣтельства показывають, что Угровскъ стоялъ неподалеку (отъ Владиміра, и былъ одинъ изъ богатыхъ и многолюдныхъ городовъ Волини, ибо въ немъ живали и епископы и князья Владимірскіе, и Данилъ поручалъ Угровчанамъ и Берестьянамъ защищать Волинскую землю отъ Ятвяговъ. Изъ послѣдняго же свидѣтельства мы видимъ, что Угровскъ долженъ былъ находиться на югъ отъ Владиміра ближе къ Галицкой землѣ; ибо Данилъ изъ Угровска въ 1229 году выступилъ въ походъ къ Галичу; а второе свидѣтельство называетъ Угровскъ украиннымъ городомъ наравнѣ съ Берестьемъ и другими Прибужскими городами. Слѣдовательно Угровскъ находился при Бугѣ, именно тамъ, гдѣ теперь стоитъ селеніе Угрунскъ, или около этого мѣста. Подъ 1259 годомъ есть въ лѣтописи извѣстіе, что Угровскъ построенъ Даниломъ: «Данилови бо князю во Володмирѣ, созда градъ Угорескъ и постави во немъ Пискупа» ⁽³⁴³⁾. Въ лѣтописяхъ не встрѣчается извѣстій, изъ которыхъ бы можно было прямо опредѣлить мѣстность Верещины; но какъ онъ два раза упоминается въ лѣтописяхъ между Угровскомъ, Берестьемъ, Комовымъ и Столбцомъ, и притомъ подъ 1213 годомъ названа въ числѣ прочихъ украиннымъ городомъ; то съ довольною вѣроятностію ее можно поставить тамъ, гдѣ нынче мѣстечко Верещинъ, т. е. неподалеку отъ Грубешева на лѣвомъ берегу Буга. На такомъ же

⁽³⁴⁰⁾ Ипат., стр. 163. ⁽³⁴¹⁾ Тамъ же, 163. ⁽³⁴²⁾ Тамъ же, 169. ⁽³⁴³⁾ Ипат. 196.

основаніи и городъ Столпые, упоминаемый въ лѣтописи подъ 1213 годомъ, можно отнести къ тому мѣсту, гдѣ нынче стоитъ селеніе Столпые на сѣверо-западъ отъ Холма по дорогѣ въ Люблинъ на притокѣ рѣки Угера, какъ указалъ Погодинъ въ своихъ изслѣдованіяхъ ⁽³⁴²⁾. Мѣстность Комова и Уханей довольно хорошо опредѣляется лѣтописью подъ 1205 годомъ, гдѣ сказано: «Литва же и Ятвѣзъ воеваху и повоеваша Турискъ и околю Комова оли и до Червена, и бишася у воротъ Червенскихъ, а застава бѣ въ Уханяхъ» ⁽³⁴³⁾. Слѣдовательно Комовъ и Ухани должно искать за Бугомъ на западъ подлѣ Червена, гдѣ дѣйствительно и теперь есть селенія: Ухани на полдорогѣ изъ Грубешева въ Красныставъ, и Комовъ на сѣверъ отъ Уханей къ Холму, за Червеномъ, почти прямо противъ Туриска. Для опредѣленія же мѣстности Червена мы обратимся къ свидѣтельству Карамзина, который говоритъ, что Червень есть нынѣ простое селеніе, и называется Чернеевъ, близъ Холма на югъ. Для объясненія этого положенія приводитъ слѣдующія мѣста Волинской лѣтописи: «Кондратови ставшу, гдѣ нынѣ градъ холмъ стоитъ, пославшу ему къ Червну воевати» и другое: «Литва же и Ятвѣзи бишася у воротъ Червенскихъ, а застава бѣ въ Уханяхъ» ⁽³⁴⁴⁾. Сія мѣста лѣтописей ясно указываютъ, что Червень былъ между Холмомъ и Уханями, т. е. тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ селеніе Чернеевъ. Подъ 1255 годомъ лѣтопись упоминаетъ о Грубешевѣ; по ея словамъ: Данилъ, отпуская сына своего Романа съ полками въ Галичь (вѣроятно изъ Холма), «а самъ ѣха проводить вой своихъ; ѣдушу же ему до Грубешева, и уби вепревъ шесть, и вдасть мяса воемъ на путь» ⁽³⁴⁵⁾. Изъ этого свѣдѣнія видно, что Грубешевъ стоялъ на западномъ берегу Буга на югъ отъ холма ближе къ Галицкимъ границамъ, вѣроятно тамъ, гдѣ и нынче стоитъ городъ Грубешевъ. Подъ 1150 годомъ лѣтопись упоминаетъ, что Изяславъ Мстиславичъ, находясь съ своими союзниками Уграми во Владимірѣ: «послалъ бяше Угры на покормъ Устилогъ» ⁽³⁴⁶⁾. Очевидно, Устилогомъ называлось то мѣсто, гдѣ было устье рѣки Луга (на которой стоитъ Владиміръ Волинскій), которое еще и теперь со-

⁽³⁴²⁾ Т. IV, стр. 197. ⁽³⁴³⁾ Ипат., 157. ⁽³⁴⁴⁾ Ист. Г. Р. Т. I, прим. 131. ⁽³⁴⁵⁾ Ипат., 192. ⁽³⁴⁶⁾ Тамъ же, 53.

хранило это названіе. Подъ 1248 годомъ упоминается о нападеніи Ятвяговъ на Забужье: «Воеваша ятвязѣ около Охожѣ и Бусовна, и всю страну ту поплениша, еще бо Холму не поставлену бывшую Даниломъ. Гна же по нихъ Василько изъ Володиміря, угони ѣ, и бывшу ему третій день изъ Володиміря въ Дорогычинѣ, онѣмъ же бьющимся у Дорогычинскихъ воротъ, и приидѣ на нѣ Василько; онѣмъ же възвѣхавшимъ противу и нестерпѣвшимъ отъ лица Василкова»⁽²⁵⁷⁾. Въ этомъ извѣстіи мы встрѣчаемъ города Бусовна, Охожѣ, Холмъ и Дорогычинѣ. Холмъ нынѣ называется Хелмъ, и мѣстность его намъ извѣстна, онъ стоитъ на западъ отъ Буга; а лѣтопись говоритъ, что Ятвяги потому именно повоевали и поплѣнили Охожѣ, Бусовну и всю страну ту, что Холмъ тогда еще не былъ поставленъ Даниломъ; слѣдовательно Охожѣ и Бусовна должны находиться недалеко отъ Холма, т. е. на западномъ берегу Буга. Касательно Дорогычина, мы имѣемъ и еще нѣсколько свидѣтельствъ лѣтописи, изъ которыхъ мѣстность этаго города опредѣляется довольно отчетливо; тамъ подъ 1240 годомъ сказано: «Данилъ иде въ землю Мазовскую, и дасть ему Князь Болеславъ градъ Вышегородъ, и бысть ту дондеже вѣсть прія, яко сошли суть съ землѣ Руское безбожніи (Татары), и возвратися въ землю свою. И приде ко граду Дорогычину, и восхотѣ внити во градъ»;—но ему и брату его тамъ отвѣчали . . . «не изволите внити въ онъ»—онъ отошелъ и отправился къ Берестью⁽²⁵⁸⁾. Подъ 1251 годомъ лѣтопись говоритъ: «Въ таже лѣта сѣде Самовитъ во Мазовши и посла къ нему Данило и Василко, рекша ему . . . изиди съ нами на Ятвязѣ; и у Болеслава помочи пояста, и снѣшася во Дорогычинѣ, и поидоша»⁽²⁵⁹⁾. Подъ 1255 годомъ «Данило же прія вѣнецъ въ городъ Дорогычинѣ, идущу ему на войну съ сыномъ Львомъ и Самовитомъ княземъ Лядскимъ на землю Ятвяжскую»⁽²⁶⁰⁾. Всѣ сіи свидѣтельства единогласно указываютъ, что Дорогычина должно искать тамъ, гдѣ нынѣ Дорогычинѣ на Бугѣ къ сѣверо-западу отъ Бреста-Литовскаго; ибо лѣтописный Дорогычинѣ по всѣмъ приведеннымъ свидѣтельствамъ примыкалъ къ Мазовіи и землѣ Ятвяжской, къ кото-

⁽²⁵⁷⁾ Ипат., 182. ⁽²⁵⁸⁾ Тамъ же, 178. ⁽²⁵⁹⁾ Тамъ же, 185. ⁽²⁶⁰⁾ Тамъ же, 1916.

рымъ примыкаетъ и нынѣшній Дрогичинъ. Посему мы не имѣемъ никакого права искать лѣтописнаго Дорогичина въ наименованіи деревни Дрогичинъ въ Кобринскомъ уѣздѣ, тѣмъ болѣе, что лѣтопись прямо говоритъ, что Данилъ, въ 1240 году, пришедши изъ Мозовія къ Дорогичану и непринятый тамъ, пошелъ къ Берестью; чтобы дойти къ Кобринскому Дрогичану изъ Мозовія, Данилу нужно бы было прежде прійти къ Берестью, а не отъ Дрогичина переходить къ Берестью. Подъ 1243 годомъ лѣтопись говоритъ: «Давилу будущу во Холмѣ, прибѣже къ нему Половчинъ его, рекый: яко Батыи воротился естъ изъ Угорь, и отрядилъ на тя два боготыря; Данилъ же затворивъ Холмъ, ѣха ко брату его Василкови; а Татарове воеваша до Володавы и по озерамъ много зла створше»⁽³⁶¹⁾. Это свидѣтельство показываетъ, что Володаву должно искать по Бугу на сѣверъ отъ Холма, гдѣ дѣйствительно и теперь еще существуетъ мѣстечко Влодаво на западномъ берегу Буга между Холмомъ и Берестьемъ, и близъ нынѣшней Влодавѣ также находятся озера. Подъ 1268 годомъ лѣтопись говоритъ: «Василко поиде къ сонмови (съ Ляхами) до Тернави, и бывшу ему у Грбовцы и приде къ нему вѣсть, оже Ляхи лѣсть учивили, къ сонмови не шли»⁽³⁶²⁾. Настоящее извѣстіе лѣтописи указываетъ, что Грабовць долженъ лежать на дорогѣ изъ Владиміра къ Терновѣ; Тернова же должна быть тамъ, гдѣ нынѣ находится мѣстечко Терногура на восточномъ берегу Вепря на югъ отъ Красныстава; слѣдовательно и Грабовца должно искать въ той же сторонѣ, гдѣ мы его и находимъ въ деревнѣ Грабовець на западъ отъ Грубешева на одномъ восточномъ притоцѣ Вепря прямо по дорогѣ къ Терногурѣ, или прежней Терновѣ, очевидно стоявшей на границѣ тогдашнихъ Волынскихъ владѣній съ Польскими.

Сѣверная граница Волынскихъ владѣній начиналась отъ Дрогичина и шла до верховьевъ Припети и низовьевъ Горыни. Здѣсь крайнимъ Волынскимъ городомъ былъ Бѣльскъ, на сѣверовостокъ отъ Дрогичина, на одномъ изъ притоковъ Нарена, который вѣроятно вмѣстѣ съ рѣкою Нуръ служилъ границею между Волынью и Ятвягами. О Бѣльскѣ лѣтопись

⁽³⁶¹⁾ Ипат., стр. 180. ⁽³⁶²⁾ Тамъ же, 203.

упоминаетъ подъ 1233 годомъ, говори, что Данилъ послалъ своихъ людей съ братомъ и сыномъ въ Литву, и «взяста Городенъ, а сама воротистася отъ Бѣльска»⁽²⁶³⁾. Нынѣшній Бѣльскъ дѣйствительно приходится, на дорогѣ изъ Волыни къ Гродно. Подъ 1288 годомъ лѣтопись говоритъ о Владимірѣ Васильковичѣ: «и у Бѣльску построи церковь иконами и кнѣгамъ». О Нурѣ же, какъ о границѣ съ Ятвѣгамъ, лѣтопись говоритъ подъ 1250 годомъ такимъ образомъ: «тое же звыи Кондратъ присла послаъ по Василька, (брата Данилово) река пойдемъ на Ятвѣзѣ; падшу снѣгу и серену, не могоша вати и воротистася на Нурѣ»⁽²⁶⁴⁾. На югозападѣ отъ Бѣльска стоялъ городъ Мѣльницъ недалеко отъ Дрогичина къ востоку, вѣроятно гдѣ нынѣ деревня Мѣленчицы; подъ 1288 годомъ Юрій Львовичъ говоритъ Владиміру Васильковичю: «отець ми велятъ быти въ Драгичинѣ и Мѣльницѣ; а быю челомъ тобѣ, дай ми Берестій, то бы ми сполу было»⁽²⁶⁵⁾. Это извѣстіе лѣтописи прямо показываетъ, что упоминаемый здѣсь Мѣльницъ долженъ быть около Дрогичина и Берестья, именно подлѣ того мѣста, гдѣ нынѣ деревня Мѣлейчицы. За Мѣльницемъ къ востоку слѣдовалъ Каменецъ на Лоснѣ, отъ Бреста къ сѣверовостоку, о которомъ въ лѣтописи подъ 1276 годомъ прямо сказано: «нача собѣ думати, (Владимірѣ Васильковичѣ) абы кдѣ за Берестьемъ поставити городъ . . . и ѣха съ бояры и улюби мѣста надъ берегомъ рѣки Лысны, и отереби с; и потомъ срубк на немъ городъ, и нарче ныа ему Каменецъ»⁽²⁶⁶⁾. На юговостокъ отъ этого Каменца слѣдовалъ Кобринъ на Мухавцѣ, о которомъ упоминается въ Духовной Владиміра Васильковича, гдѣ онъ пишетъ: «далъ есмь княгинѣ своей по животѣ своемъ, городъ свой Кобринъ»⁽²⁶⁷⁾. На востокъ отъ Кобрина лежалъ городъ Камень, вѣроятно гдѣ нынѣ село Камень - Королевъ въ Кобринскомъ уѣздѣ. Лѣтопись о немъ упоминаетъ два раза, въ первый разъ подъ 1262 годомъ, гдѣ сказано: «Миндовгъ посла рать на Василька и воеваша около Каменя; Василько посла по нихъ

⁽²⁶³⁾ Ипат., 188. ⁽²⁶⁴⁾ Тамъ же, 185. ⁽²⁶⁵⁾ Тамъ же, 218. ⁽²⁶⁶⁾ Тамъ же, 206. ⁽²⁶⁷⁾ Тамъ же, 215.

Желяслава и Степана Медушника, и гоняша по нихъ ольпо до Ясольны» (368); потомъ подъ 1276 годомъ: «Тройдеиі пославъ брата своего Сирпутья, и воева около Каменя, Володимеръ же противу тому пославъ вси у него Турійскъ, на рѣцѣ Нѣмнѣ» (369). То и другое повѣстіе указываетъ, что Каменя должно искать на границѣ Литовской не вдалекѣ отъ Ясольды, гдѣ и дѣйствительно нынѣ стоитъ селеніе Камень-Королевъ. Изъ перваго повѣстія мы еще видимъ, что съ этой стороны Ясольда была границею между Литвою и Вольинью; ибо войска Василька гнались за Литовцами до Ясольды. Вѣроятно, здѣсь Вольинскія владѣнія сходились съ Пинскими; ибо въ 1253 году Даниалъ шелъ къ Литовскому Новогрудку чрезъ Пинскія земли, насильно приказавъ князьямъ Пинскимъ идти за собою и, отъ Пинска на сѣверъ, встрѣтилъ первую заставу Литовскую на озерѣ Зятѣ, гдѣ, разбивъ Литовцовъ, гналъ до рѣки Щары (370). Отъ Ясольды Вольинскія владѣнія спускались къ югу до Небля, въ нынѣшнемъ Пинскомъ повѣтѣ при озерѣ на лѣвомъ берегу Припечи. Небель, кажется, былъ пограничнымъ Вольинскимъ городомъ съ Пинскими владѣніями; ибо, когда въ 1262 году князь Василько разбилъ Литовскую рать подъ Неблемъ при озерѣ, то Пинскіе князья явились къ нему въ Небель;—«и пріѣхаша, по словамъ лѣтописи, къ Василькови съ пѣтьемъ, и начаша веселитися» (371). Съ Небля Вольинскія владѣнія шли на Дубровицу, что на лѣвомъ берегу Горыни почти при впаденіи въ нее Случи, гдѣ нынче село Домбровкаца.

Изъ внутреннихъ Вольинскихъ городовъ около Владиміра въ лѣтописяхъ упоминаются на юго-востоцѣ: Свинуси, Хвалимичи и Житань; на сѣверозападѣ: Люмобль и Рай; на сѣверовостоцѣ: Турійскъ, Мѣлиница и Всеволожъ. О Свинусѣхъ и Хвалимичахъ лѣтопись упоминаетъ подъ 1157 годомъ, гдѣ сказано, что Юріі Долгорукіи на походѣ къ Владиміру «снястося съ Ярославомъ Галичскимъ у Свинусѣхъ въ селѣ, и оттуда поидоста къ Володимиру, и стаста въ Хвалими-

(368) Ипат., стр. 260. (369) Тамъ же, 266. (370) Тамъ же, 188. (371) Тамъ же 290.

чихъ, и оттуда же и пустиста на воротъ къ городу» ⁽³⁷²⁾. Названія Свишухи и теперь еще остается за однимъ селеніемъ, состоящимъ при верховьяхъ Луги на юговостокъ отъ Владиміра; Хвалымичи же, по смыслу лѣтописи, очевидно должны были стоять на дорогѣ отъ Свишухъ къ Владиміру, и въ близкомъ отъ него разстояніи; ибо прямо изъ Хвалымичей Юрїи посылали свои полки на приступъ къ Владиміру. О Житани встрѣчается извѣстіе подъ 1261 годомъ, гдѣ сказано, что Бурундай, идя къ Владиміру изъ Шумска на Кременецъ и Луческъ, и не дошедъ города, «ста на Житани на ночь, и завтра прїѣха въ Володимерь» ⁽³⁷³⁾. Слѣдовательно Житани была на дорогѣ изъ Луческа во Владиміръ. Подъ 1283 годомъ лѣтопись довольно отчетливо опредѣляетъ мѣстность городовъ Любомля и Рай, говоря: «Владиміръ Васильковичъ поѣха изъ Володимира до Любомля, изъ Любомля поѣха до Берестья, изъ Берестья до Каменца» (т. е. на Лостынь) ⁽³⁷⁴⁾. Слѣдовательно Любомль былъ на дорогѣ изъ Владиміра въ Берестье, гдѣ и теперь есть еще селеніе Любомль во Владимірскомъ уѣздѣ. Далѣе въ лѣтописи сказано: когда Владиміръ изъ Каменца опять вздумалъ воротиться въ Любомль, то ѣхалъ на городъ Рай, куда къ нему прїѣзжалъ и братъ его Мстиславъ; слѣдовательно Рай былъ на дорогѣ отъ Лостыненскаго Каменца къ Любомлю. О Турійскѣ, Мѣлницѣ и Всеволожѣ мы также имѣемъ довольно подробныя извѣстія въ лѣтописи. Мѣстность Турійска опредѣляется двумя лѣтописными извѣстіями. Изъ перваго, относящагося къ 1097 году, видно, что бояре Давыда Игоревича, Лазарь и Василь, бѣжавшіе-было изъ Владиміра въ Луцкъ, воротились къ Турійску ⁽³⁷⁵⁾; а во второмъ, подъ 1205 годомъ, лѣтопись говоритъ: «Олександръ сѣдасу въ Володиміръ а брату его Всеволоду въ Червнь, Литва же и Ятвѣзъ воеваху, и повоюаша Турискъ и около Комова оли и до Червена» ⁽³⁷⁶⁾. По обоимъ извѣстіямъ Турійскъ долженъ находиться неподалеку отъ Владиміра на сѣверовостокъ, гдѣ и дѣйствительно нынѣ

⁽³⁷²⁾ Ипат., стр. 80. ⁽³⁷³⁾ Тамъ же, 198. ⁽³⁷⁴⁾ Тамъ же, 214. ⁽³⁷⁵⁾ Лавр., 114. ⁽³⁷⁶⁾ Ипат., 157.

находится селеніе Труйскъ при рѣкѣ Турѣ въ Ковельскомъ уѣздѣ. О Мѣлицѣ лѣтопись говоритъ: «посла Мишовтъ рать на Василька, и воеваша около Каменя . . . а другая рать Литовская воеваша тое же недѣли около Мѣлицѣ, Василько же съ сыномъ своимъ Володимиромъ и съ бояры и со слугами угониша я у Небля города»⁽³⁷⁷⁾. Изъ сего извѣстія видимъ, что упоминаемая здѣсь Мѣлица должна быть южнѣе Каменя и Небля, и дѣйствительно на нынѣшнихъ картахъ находимъ село Мѣлицы въ Ковельскомъ уѣздѣ на востокъ отъ Туриска, отъ котораго будетъ прамая дорога на Небля. Наконецъ о Всеволожи лѣтописецъ упоминаетъ два раза: въ первый разъ подь 1097 годомъ говорится, что Володаръ и Василько Ростиславичи въ походѣ своемъ къ Владимиру Вольнскому «придоста ко Всеволожу»⁽³⁷⁸⁾; а во второмъ извѣстіи, подь 1287 годомъ, доношкы говорили Владимиру Васильковичу: «братъ ти (Мстиславъ) даеъ городъ Всеволожь бояромъ и села раздаеъ». Владимиръ же, огорчиншись симъ, говоритъ: «се лежю въ болѣсти, а братъ мойи мнѣ живу еще судю, раздаеъ мой города и села моя»⁽³⁷⁹⁾. По обоимъ извѣстіямъ, особенно послѣднему, Всеволожа должно искать на востокъ отъ Владимира въ сторонѣ къ Луцку; ибо Мстиславъ, братъ Владиміровъ, былъ Луцкій князь, слѣдовательно городъ Всеволожь находился около Мѣлицы, Турійска и Черторійска, гдѣ и доселѣ еще сохранилось за однимъ селеніемъ названіе Волажки.

По смерти Василька Романовича Вольнь была раздѣлена между его сыновьями, Владиміромъ и Мстиславомъ; послѣ Владимира (бездѣтнаго) она вся досталась Мстиславу, а дальнѣйшая участь ея въ подробностяхъ неизвѣстна. Подь 1305 годомъ Густынская лѣтопись говоритъ, что Гедиминъ князь Литовскій взялъ Овручъ и Житомиръ у Кіевского князя Станислава, и потомъ поразилъ Льва Луцкаго, Романа Брянскаго и прочихъ князей и взялъ Кіевъ, Камешъ, Черкасы, Путивль, Брянскъ и Вольнь⁽³⁸⁰⁾. Но это извѣстіе явно невѣрно, ибо таже лѣтопись подь 1304 годомъ говоритъ: «Гедиминъ

⁽³⁷⁷⁾ Ипат., стр. 200. ⁽³⁷⁸⁾ Лавр., 113. ⁽³⁷⁹⁾ Ипат., 214. ⁽³⁸⁰⁾ Пол. Соб. Лѣт. Т. II., стр. 348.

князь Литовскій, порази Льва Даниловича Лучскаго и Владимира Васильковича Вольнскаго, и самого уби и Володимеръ градъ взять» (321). Изъ Вольнской уже лѣтописи мы вѣрно знаемъ, что Владимиръ Васильковичъ скончался отъ болѣзни въ 1288 году и отдалъ половину Вольни брату своему Мстиславу. Въ одной родословной книгѣ сказано, что который-то Вольнскій князь, можетъ быть Мстиславъ Васильковичъ, выдалъ свою дочь за Гедимина сына Любарта, и не имѣя сыновей, назначилъ его своимъ преемникомъ на Вольни, и такимъ образомъ Вольня соединилась съ Литвою, — что болѣе согласно съ истинною (322). По присоединеніи Вольни къ Литвѣ, извѣстіе объ этомъ краѣ въ нашихъ лѣтописяхъ почти прекращается въ продолженіе XIV и XV столѣтій; съ этого времени извѣстія возобновляются, но уже какъ о странѣ Литовско-Польской.

Рядомъ съ Вольнскими владѣніями на югозападъ отъ нихъ были владѣнія Галицкія. На сѣверѣ они отдѣлялись отъ Вольнскихъ верховьями западнаго Буга, на востокъ рѣками Серетью и Днѣстромъ; послѣдняя была ихъ границею до степей, прилежащихъ къ Черному морю, по которымъ кочевали Половцы. Южная граница Галицкой земли также терлась въ стѣняхъ по рѣкамъ Пруту, Серету и до Дуная; на западѣ же служили границею частію Карпатскія горы, частію Вислокъ, Висла и Санъ. Старѣйшими городами Галицкой земли первоначально были Перемышль, на правомъ берегу Сана при устьѣ Вагра, и Теребовль на Серетѣ, почти на границахъ съ Вольнью. Потомъ въ XII столѣтій первымъ городомъ тамошней земли сдѣлался Галичь на Днѣстрѣ, гдѣ утвердился князь Владимиръ Володаревичъ, называемый въ лѣтописяхъ Владимиркомъ.

Во время войны Владимирка Галицкаго съ Всеволодомъ Ольговичемъ Кіевскимъ, въ 1144 году, первымъ Галицкимъ городомъ, ближайшимъ къ границамъ Вольнскихъ владѣній, является Теребовль на рѣкѣ Середѣ (по лѣтописямъ Серетѣ), нынѣшній Трёмбовля. Подъ симъ городомъ, по свидѣтельству лѣтописи, встрѣтились Галицкія и Кіевскія войска; но какъ ихъ раздѣляла рѣка Середъ, онѣ не вступили въ битву, и пошла каждое по своему берегу внизъ по рѣкѣ, и чрезъ недѣлю подступили

(321) Полн. Соб. Лѣт. II, 348. (322) Рук. Патр. Библ. N. 200/212, стр. 110.

къ Звенигороду, нынѣшній Дзвинградъ, на Днѣстрѣ, на западъ отъ Хотина, неподалеку отъ устья Середи; здѣсь войска остановились и Владимірко занялъ крѣпкую позицію на голыхъ горахъ. Между тѣмъ союзникъ Всеволодовъ, Изяславъ Давыдовичъ, посланный впередъ въ Половецкія степи, привелъ Половцовъ сперва къ Днѣстру, черезъ который переправился подъ Ушицею, потомъ взявши Ушицу, пошелъ къ Середу и, переправясь черезъ него выше Теребовля, занялъ Микулинъ. После послѣдней переправы, полки Всеволодовы и толпы Половцовъ свободно могли зайти Владимірку въ тылъ и отрѣзать его отъ Галича и Черемышля, что они и сдѣлали, и тѣмъ принудили Владимірка просить мира ⁽³²³⁾. Въ Галицкомъ краю, кромѣ упомянутого нами города Звенигорода, есть еще два мѣста съ тѣмъ же названіемъ: одно недалеко отъ Галича на рѣкѣ Стрипѣ, а другое въ окрестностяхъ Львова; но очевидно ни одно изъ нихъ не можетъ въ настоящемъ случаѣ занять мѣсто указаннаго нами Звенигорода; ибо къ обѣимъ дорогамъ идетъ черезъ Середь. Если Кіевляне не рѣшились переправиться черезъ эту рѣку въ глазахъ Галичанъ подъ Теребовлемъ, то конечно имъ также нельзя было перейти ее ни выше ни ниже Теребовля, ибо Галичане, по словамъ лѣтописи, шли рядомъ съ ними по другому берегу Середи. Но совѣтъ иное дѣло, если принять Звенигородъ, указанный нами; ибо въ такомъ случаѣ Галичане при устьѣ Середи необходимо должны были остановиться для переправы черезъ Днѣстръ или Середь; а тѣмъ временемъ Кіевляне свободно могли перейти Днѣстръ и подойти къ указанному нами Звенигороду. То же подтверждаетъ и переправа Изяслава Давыдовича черезъ Середь подъ Микулинымъ; Галичане слишкомъ далеко были отодвинуты внизъ по Середу до Днѣстра, и потому Изяславовымъ Половцамъ свободно было переходить черезъ Середь выше Теребовля подъ Микулинымъ, нынѣшнее Микулинце, гдѣ не было полковъ Галицкихъ. Этого нельзя бы было сдѣлать ни подъ Стривскимъ, ни подъ Львовскимъ Звенигородомъ, ибо въ такомъ случаѣ Галицкія войска были очень близко отъ Микулинской переправы и остановили бы Изяславовыхъ Половцовъ. О томъ, что передъ Микулинымъ нужно было переходить черезъ Середь, и что этотъ городъ стоялъ на мѣстѣ

⁽³²³⁾ Лавр., 135.

нынѣшняго города Микулинце, мы имѣемъ прямое указаніе въ лѣтописи подъ 1202 годомъ, гдѣ сказано: «пришедшу Рюрику на Галичь, и срътоша и боляре Галичкыи и Володимерстѣи у Микулина на рѣцѣ Серетѣ, и бывшимъся има весь день о рѣку Серетѣ, и мнози язвени быша» ⁽²⁴⁴⁾. Ушица, упоминаемая въ настоящемъ извѣстїи лѣтописи, должна быть Ушица, находящаяся на Днѣстрѣ на востокъ отъ Звенигорода въ нынѣшней Подольской губерніи; ибо Изяславу, вѣдшему Половцовъ изъ степи, дорога лежала именно на нынѣшнюю Подольскую Ушицу; ему, не перешедъ Днѣстра, нельзя было подойти къ Середу. Такимъ образомъ изъ лѣтописнаго описанія Всеволодова похода мы видимъ, что по юговосточной границѣ Галицкихъ владѣній лежали города по Середу Микулинъ (нынѣшній Микулинце) и Терембовль (Трембовля) и по Днѣстру Звенигородъ и Ушица, одинъ направо отъ устья Середы, а другой на востокъ отъ нынѣшняго Каменца-Подольскаго. Между Терембовлемъ и Звенигородомъ въ лѣтописи упоминается мѣстность Рожне-поле. Вотъ слова лѣтописи: «блещеть межи има рѣка Серетѣ, идоша обои подлѣ рѣку, за недѣлю къ Звенигороду, а на Рожни полѣ немогаша бити» ⁽²⁴⁵⁾. Слѣдовательно, Рожне-поле должно находиться у рѣки Середы ввысь отъ Требовля къ Звенигороду, что подтверждаетъ и другое извѣстїе лѣтописи подъ 1097 годомъ, гдѣ сказано, что во время похода Святослава Михаила на Володаря и Василька Галицкихъ, сіи послѣдніе встрѣтили и разбили его на Рожни, а «побѣдивши, стаща ту, рекуща: довлѣтъ нама на межи своей стати, а недоста ни каможе» ⁽²⁴⁶⁾. Границею Галицкихъ владѣній, какъ мы уже знаемъ, была рѣка Середь, слѣдовательно и Рожня-поля должно искать на Середи.

Далѣе подъ тѣмъ же годомъ лѣтопись упоминаетъ о Галицкихъ городахъ Тисмяничѣ, и о другомъ Зѣвнигородѣ, ближайшемъ къ Галичу, можетъ быть о томъ, который на Стрипѣ. Въ лѣтописи сказано: «на туже зиму вшедшу Володимиру въ Тисмяничю на лавы, въ тоже веремѣ послашася Галичане по Ивава по Ростиславича въ Звенигородъ, и введоша къ себѣ въ

⁽²⁴⁴⁾ Ппат., 156. ⁽²⁴⁵⁾ Лавр., 135. ⁽²⁴⁶⁾ Тамъ же, 115.

Галичъ» ⁽²⁹⁷⁾. Тисменичъ вѣроятно тотъ самый, который и теперь еще существуетъ подъ именемъ Тисменицы на правомъ берегу Вороны, впадающей въ Быстрицу на югъ отъ Галича. А подъ Звенигородомъ здѣсь неудобно разумѣть Дэвинограда на Днѣстрѣ; ибо этотъ Звенигородъ, какъ мы видѣли уже изъ описанія Всеволодова похода, принадлежалъ Владимірку, въ настоящемъ же Звенигородѣ княжилъ Иванъ Ростиславичъ, слѣдовательно подъ симъ Звенигородомъ должно разумѣть или Стринскій или Львовскій Звенигородъ; но скорѣе первый, какъ ближайшій къ Галичу, и слѣдовательно удобнѣйшій для сношенія Галичанъ съ Иваномъ Ростиславичемъ.

Въ описаніи войны Изяслава Мстиславича съ Владиміромъ Галицкимъ въ 1150 году находимъ на западѣ Галицкіе города Санокъ на рѣкѣ Санѣ, и Перемышль недалеко отъ впаденія Вагра въ Санъ. Санокъ можетъ-быть тогда былъ ближайшимъ городомъ къ Венгерской границѣ, что подтверждаютъ и слѣдующія извѣстія лѣтописи: подъ 1202 годомъ сказано, что Венгерскій король «снялся съ ятровью своею въ Санокѣ» ⁽²⁹⁸⁾, слѣдовательно пограничномъ городѣ; а подъ 1231 годомъ Санокъ прямо названъ Угорскими воротами: «говяше и ови до Санока воротъ Угорскихъ» ⁽²⁹⁹⁾. О мѣстности Перемышля при Санѣ и Вагрѣ ясно свидѣтельствуетъ лѣтопись подъ 1097 годомъ; по ея словамъ «Ярославъ сынъ Святополчъ, приде съ Угры, и Король Коломанъ и два епископа, и сташа около Перемышля по Вагру, а Володаръ затворися въ градѣ». Потомъ, когда Половцы, приведенные Давыдомъ Игоревичемъ, разбили Угровъ, то «Угра побѣгоша, и мнози истопоша въ Вагру а другіе въ Сану; и бѣжаше возлѣ Санъ у гору, и спихаху другъ друга» ⁽³⁰⁰⁾. Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1150 годомъ тоже сказано, что Венгерскій Король, перешедъ горы, прежде всего взялъ Санокъ, а потомъ пошелъ къ Перемышлю ⁽³⁰¹⁾; слѣдовательно Перемышль былъ на востокѣ отъ Санока, именно тамъ, гдѣ нынѣ находится Пржемысль. Изъ описанія второй войны Изяслава съ Владиміромъ, бывшей въ 1152 году, мы видимъ, что на сѣверо-западѣ Галицкихъ владѣній на Санѣ же былъ городъ

⁽²⁹⁷⁾ Ипат., 20. ⁽²⁹⁸⁾ Тамъ же, 156. ⁽²⁹⁹⁾ Тамъ же, 171. ⁽³⁰⁰⁾ Лавр., 115. ⁽³⁰¹⁾ Ипат., 52.

Ярославъ, на сѣверъ отъ Перемышля; ибо въ лѣтописи сказано: «Изяславъ же приде на Санъ рѣку, яже идетъ подъ Перемышль; и якоже пребрѣде рѣку Санъ, и ту пригна ему посолъ отъ Короля въ стѣ дружины, и рече Изяславу: зять ти ся Король кланяеть и тако ти молвить: се уже 5 день сдѣ стою, жда тебѣ, а поѣдъ . . . Утрій же день Изяславъ поиде къ Ярославлю, помина ш, ста обѣду . . . Утрій же день придоستا къ рѣцѣ Санови, ниже города Перемышля, ту и сташа полки своими всѣми . . . Володиміръ же не дадя въ свою землю внити рати»⁽³⁰²⁾. Этотъ разсказъ лѣтописи показываетъ съ одной стороны, что Ярославль столлъ сѣвераѣе Перемышля; а съ другой, что въ это время Галицкія владѣнія на западѣ начинались Саномъ, по крайней мѣрѣ около Перемышля и Ярославля. По разсказу лѣтописи, Изяславъ и Король Венгерскій свободно соединились за Саномъ, и притомъ Изяславъ, съ цѣлю соединенія съ Венгерскимъ Королемъ, нарочно перешелъ за рѣку Санъ, т. е. въ землю, принадлежащую къ Галицкимъ владѣніямъ; а когда по соединеніи они стали приступать къ Сану ниже Перемышля, то Владиміръ старался воспрепятствовать переправѣ черезъ рѣку, именно, какъ сказано въ лѣтописи, съ тѣмъ, чтобы не пустить рати въ свою землю; слѣдовательно за Саномъ на западъ была уже не Галицкая земля.

Подъ 1159 годомъ есть извѣстіе, что Галицкія владѣнія на югѣ простарались до Дуная; въ лѣтописи сказано, что Иванъ Берладникъ съ Половцами занялъ Подунайскіе города, захватилъ тамъ двѣ кубары съ товарами и дѣлалъ обиды Галицкимъ рыболовамъ; потомъ пошелъ къ Кучелмину и далѣе къ Ушицѣ, куда Ярославъ успѣлъ выслать засаду; къ Ростиславичу пришли также Половцы и собралось Берладниковъ шесть тысячъ человекъ⁽³⁰³⁾. То же подтверждаетъ и Слово о Полю Игоревѣ; оно, обращаясь къ Ярославу, говоритъ: «Галичскій осмомыслѣ, Ярославъ! высоко сѣдши на своемъ золотокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскія своими желѣзными полкы, заступивъ Королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча беремены черезъ облакы, суды ряда до Дуная»⁽³⁰⁴⁾. Оба свидѣтельства ясно говорятъ, что по Дунаю были Галицкіе города,

⁽³⁰²⁾ Ипат., стр. 66. ⁽³⁰³⁾ Тамъ же, 83. ⁽³⁰⁴⁾ Слово о Пол. Игор., изд. Грам., 52.

завсѣвшіе отъ Галицкаго князя; но какіе именно были сіи города, по лѣтописямъ и другимъ источникамъ неизвѣстно. Въ лѣтописяхъ упоминается только одинъ Берладъ, нынѣшній Бырладъ при рѣкѣ Берладѣ, впадающей въ Сереть, недалеко отъ Прута; но и тотъ, судя по извѣстіямъ, кажется былъ населенъ вольняцею, ни отъ кого независѣвшую, какъ справедливо замѣтилъ Карамзинъ ⁽³²⁵⁾. Степи между Днѣпромъ и Дунаемъ были заняты кочевьями Половцовъ; слѣдовательно Подунайскими Галицкими городами могли быть только приморскіе города въ устьяхъ Дуная, точно такъ же, какъ при устьяхъ Днѣпра былъ городъ Олешье; въ сихъ городахъ производилась Галичанами торговля съ Греціею и жили разные Галицкіе промышленники, такъ напримѣръ лѣтописецъ упоминаетъ о Галицкихъ рыболовахъ въ Подунайскихъ городахъ. Сіи города были, можетъ быть, подъ покровительствомъ Галицкаго князя, который могъ защищать ихъ и выѣшиваться въ тамошнія дѣла, посылая свои полки по Пруту и Серети, имѣвшихъ верховья въ его непосредственныхъ владѣніяхъ.

Подъ 1188 годомъ упоминается городъ Прѣснескъ, или Плѣснескъ, на границахъ Галицкихъ съ Вольнскими владѣніями. Въ «вѣникѣ на обжинки Русинамъ» говорится, что «на мѣстѣ города Плѣсноска существуютъ нынѣ окопы и великіе курганы заросшіе лѣсомъ, недалеко отъ Подгорца, первой почтовой станціи изъ Бродъ къ Золочову». Это указаніе вполне согласно съ свидѣтельствомъ лѣтописи, гдѣ именно указывается, что Плѣснескъ былъ первымъ Галицкимъ городомъ по выходѣ изъ Вольнскихъ владѣній; ибо Романъ Вольнскій, приглашаемый тайно Галичанами, послалъ свой передовой отрядъ занять Прѣснескъ: «да заѣдутъ Прѣснескъ переди. Они же затворишася (жители Преснеска), Угрѣ же и Галичане заѣхаша и у Прѣснескъ, и вѣхъ изнимаша, а друзіи утекоша» ⁽³²⁶⁾.

Подъ 1208 годомъ упоминается о третьемъ Звенигородѣ въ Галицкихъ владѣніяхъ, котораго нельзя приурочить ни къ Стринскому, ни къ Двѣстровскому, и который, по смыслу лѣтописи, лежалъ на дорогѣ отъ Перемышля къ Галичу при рѣкѣ Лютой или недалеко отъ этой рѣки. Въ настоящее время есть

⁽³²⁵⁾ Ист. Г. Р. Т. II, стр. 290—291. ⁽³²⁶⁾ Вѣнокъ Рус. II, 162. Ипат., 137.

рѣчка Лютинка въ Стрыйскомъ округѣ. Вотъ слова лѣтописи: «я совокупившеса вси (т. е. Данилъ Романовичъ съ Уграми) первое придоша на градъ Перемышль. Оттуда же (по занятіи Перемышля) придоша ко Звенигороду. Звенигородомъ же лють борющимся съ нима И приѣхаша Половца Романови (Князю бывшему тогда въ Звенигородѣ) на помощь Половци же узрѣвши ѣ (Угровъ), крѣпци налегоса на ня, овѣмъ же ѣдущимъ напредѣ нми къ Лютой рѣцѣ одва препроводиша рѣку Лютую. Оттудѣ же Романъ изыдѣ изъ града, помощи ница въ Русскихъ князѣхъ; и бывшу ему Шумскы на мосцѣ, ятъ бысть Зернкомъ и предашася Звенигородцы. Оттуда же поидоша къ Галичю» (Данилъ съ Уграми⁽²⁹⁷⁾). Разсказъ лѣтописи прямо говоритъ, что Звенигородъ лежалъ на дорогѣ отъ Перемышля къ Галичу, и что недалеко отъ него была рѣка Лютая, а мы уже знаемъ, что есть и нынѣше рѣчка Лютинка въ Стрыйскомъ округѣ; слѣдовательно упоминаемаго здѣсь Звенигорода должно искать въ Стрыйскомъ округѣ, можетъ-быть на самой рѣкѣ Стры, около нынѣшняго Жыдичова, что какъ разъ придется на дорогѣ отъ Перемышля къ Галичу, или на мѣстѣ нынѣшняго города Стры, что также не противорѣчитъ лѣтописи. То же подтверждаетъ лѣтопись подъ 1235 годомъ, гдѣ сказано, что Данилъ шелъ изъ городка (нынѣшняго Грудска) къ Галичю, но узнавши, что тамъ затворилось много Угровъ, поворотилъ назадъ и повоевалъ около Звенигорода. Очевидно, что поворачивая отъ Галича къ Грудску, нельзя было воевать другаго Звенигорода, кромѣ того, который находился въ Стрыйскомъ округѣ.

Подъ 1211 годомъ въ лѣтописи упоминаются города, еще неопредѣленные нами: Моклековъ, Збыражъ, Быковенъ, Зъбши и Любачевъ. Лѣтопись говоритъ, что по разбитіи Галичанъ и ихъ союзниковъ, Угровъ и Чеховъ на Бобрискѣ, Лестько Польскій, союзникъ Даниловъ, не могли взять Галича, «шедъ воева около Теревовля, и около Моклекова и Збыража, и Быковенъ взять бысть Ляхи и Русью, и взя плѣнъ великъ воротися въ Ляхы»⁽²⁹⁸⁾. Изъ этого разсказа видно, что Моклековъ, Збыражъ и Быковенъ должны были находиться недалеко отъ Теревовля и конечно по направленію къ запад-

(297) Ипат., стр. 158, 175. (298) Тамъ же, 160.

ному Бугу, по дорогѣ въ Польшу; ибо Лестко, по разграбленіи сихъ городовъ, пошелъ домой. По этому направленію въ настоящее время нѣтъ мѣстностей съ подобными названіями, за исключеніемъ одного Збыража, который нынѣ называется Зборожъ, въ Тарнопольскомъ уѣздѣ. Но мѣстность Збаража не совсѣмъ соответствуетъ дорогѣ Лестька въ Польшу; ибо онъ лежитъ за Серетью на востокъ, и скорѣе бы принадлежалъ къ Вольнскимъ, а не Галицкимъ городамъ; болѣе сообразно съ смысломъ лѣтописи мѣстность Збыража назначить при верховьяхъ Стрина, гдѣ нынѣ деревня Зборовъ: тогда Збыражъ будетъ и въ Галицкихъ владѣніяхъ и на дорогѣ отъ Теребовля въ Польшу. Быковень же вѣроятно былъ на западъ отъ Збыража, можетъ-быть при верховьяхъ Буга; ибо въ лѣтописи онъ упоминается послѣ Збыража; а Моклековъ, должно быть, стоялъ ближе къ Теребовлю, можетъ-быть на Стрипѣ или на Серети, но вообще въ этой сторонѣ. Подъ тѣмъ же городомъ упоминается городъ Любачевъ. Этотъ городъ итеперь еще стоитъ на рѣкѣ Любачевкѣ, съ правой стороны впадающей въ Санъ; мѣстность его приходится на сѣверовостокъ отъ Ярославля, что не противорѣчитъ тексту лѣтописи, гдѣ Любачевъ упоминается за Перемышлемъ. Въ это же время мы встрѣчаемъ городъ Зъпиши, гдѣ Венгерскій Король Андрей имѣлъ свиданіе съ Лестьскомъ Польскимъ, на которомъ было рѣшено выдать Лесткову дочь за Венгерскаго Королевича и отдать ему Галичъ. Этотъ городъ очевидно былъ на границѣ Галицкой земли съ Венгерією, гдѣ и теперь направо отъ Дунайца есть мѣстечко Збишаница, которое съ большою вѣроятностію можетъ означать мѣстность лѣтописной Зъпиши.

Подъ 1213 годомъ упоминаются мѣстности Галицкія: Городокъ, Щарекъ, Зубря, Rogozyno, Толмачъ, Онуть, Плава и Кучельмишъ. Лѣтопись говоритъ, что Венгерскій Король и Лестько подступили къ Перемышлю, откуда немедленно убѣжали Тысящій Ярунъ; Мстиславъ же Мстиславичъ Удалой, а владѣвшій тогда Галичемъ, послалъ противъ нихъ воеводу къ Городку; но воеводы не могли удержать городка и, разбитые, бѣжали; Угры и Ляхи на гнали нѣкоторыхъ изъ нихъ на Щирецъ. Мстиславъ самъ въ это время стоялъ на Зубряхъ, и узнавши о пораженіи своихъ воеводъ, и не надѣясь самъ выдержать битвы, просилъ зятя своего Данила затвориться въ Галичѣ. Угры и Ляхи бро-

сились-было на Галичь, но встрѣченные Давидомъ отступили отъ города, и пошли за Рогожину на Мстислава и выгнали его изъ Галицкой земли. Мстиславъ отступая далъ знать Давиду, чтобы онъ вышелъ изъ Галича, который, оставивъ Галичь, пошелъ на Толмачь, гдѣ нагнали его воеводы, посланные Венгерскимъ Королемъ, и бились съ нимъ день и ночь; отъ Толмача Данилъ прошелъ въ Онуть и оттуда въ степь. «Бывшую же гладу велику, подоша возы къ Плаву, взявша возы накормишася изобильно. Оттуда же подоша ниже Кучелмина, мысляще куды перейти рѣку Днѣстръ, Божіею же милостію подоша лодьи изъ Олешья, и пріѣхаша въ нихъ на Днѣстръ и насытишася рыбъ и вина; оттуду же пріѣха Данилъ ко Мстиславу» т. е. въ Подолію ⁽³⁹⁾. Судя по разсказу лѣтописи Городка, Щирека и Зубрьи, мы должны искать на сѣверозападъ отъ Галича по направленію къ Перемышлю, ибо Данилъ выслалъ своихъ воеводъ къ Городку на встрѣчу Венграмъ и Ляхамъ, шедшимъ отъ Перемышля, и дѣйствительно въ настоящее время мы находимъ по этому направленію города: Грудень на сѣверъ отъ Комарно, Щерзекъ прямо на востокъ отъ Комарно, и рѣку Зубржу, которая, начинаясь у Лемберга, впадаетъ въ Днѣстръ, принимая къ себя съ правой стороны рѣчку Щерку; мѣстности сіи какъ невадо лучше соотвѣтствуютъ извѣстію лѣтописи, слѣдовательно мы почти съ полною увѣренностію должны полагать лѣтописные Городокъ на мѣстѣ Грудека, Щирекъ на мѣстѣ Щерзека или рѣки Щерки, и Зубрюю на мѣстѣ рѣки Зубржи. Рогожину же должно по всему вѣроятію искать на сѣверѣ или сѣверовостокъ отъ Галича, ибо Венгры и Ляхи, преслѣдуя Мстислава, отступавшаго отъ Зубрьи, шли отъ Галича за Рогожину и тамъ принудили его удалиться въ Подолію; слѣдовательно Рогожиной называлась одна изъ рѣкъ, впадающихъ въ Днѣстръ между Стрипой и Зубрьей, можетъ-быть та самая, на которой нынѣ стоятъ городъ Рогатынъ, или рѣка Липа. Очевидно, Мстиславъ, отступая отъ Зубрьи, долженъ былъ взять направленіе къ рѣкѣ Липѣ, т. е. на сѣверовостокъ отъ Галича; ибо съ запада и юга шли Угры и Ляхи, дорога же по Липѣ давала ему возможность въ случаѣ нужды безъ большихъ хлопотъ и обходовъ отступить въ Волинь или Подолію, что онъ и сдѣлалъ; а въ случаѣ успѣш-

(39) Ипат., 161.

ной встрѣчи съ Уграми, не лишала средствъ подать помощь Галичу, въ которомъ онъ велѣлъ пока держаться Даниилу. Упоминаемый въ лѣтописи въ настоящемъ разказѣ Толмачъ, очевидно, есть нынѣшній Тлумачъ, лежащій на юговостокъ отъ Галича; ибо Даниилъ, получивши отъ Мстислава приказъ оставить Галичъ, естественно могъ отступить только на юговостокъ; на западъ ему не куда было идти, а сѣверъ и сѣверовостокъ были заняты Уграми и Ляхами, гнавшими Мстислава. Если же Толмачъ есть нынѣшній Тлумачъ, то и Овута должно искать по тому же направленію къ юговостоку, и нынѣшнее мѣстечко Ануты на правомъ берегу Днѣстра вѣскольکو на западъ отъ Днѣстровскаго Дзвиннограда, именно должны стоять на мѣстѣ лѣтописнаго Овута; ибо Даниилу, преслѣдуемому Уграми, можно было идти только линією между Днѣстромъ и Прутомъ, избѣгая переправъ, на которыхъ могли бы его настигнуть Угры, гнавшіеся по пятамъ. Преслѣдованіе такъ было сильно, что Даниилъ немогъ переправиться черезъ Днѣстръ и подъ Онутомъ, и долженъ былъ идти въ степи, какъ и сказаво въ лѣтописи: «и идоша въ поле». Слѣдовательно упоминаемые здѣсь Плаву и Кучелминъ должно уже искать на юговостокъ отъ Овута въ степи. Плава очевидно была степнымъ городомъ на дорогѣ отъ Чернаго моря въ Галицкую землю; ибо здѣсь Даниилъ, съ своею дружиною томимый голодомъ, захватилъ проѣзжавшій обозъ съ хлѣбомъ. Кучелминъ вѣроятно лежалъ еще восточнѣе Плавы и, кажется, уже на правомъ берегу Днѣстра вѣскольکو южнѣе Ушицы; ибо въ лѣтописи подъ 1159 годомъ сказано, что Иванъ Ростиславичъ, подымаясь отъ устьевъ Днѣстра вверхъ, сперва подошелъ къ Кучелмину, а потомъ къ Ушицѣ⁽⁴⁰⁰⁾. Да и въ настоящемъ разказѣ есть подтвержденіе, что Кучелминъ стоялъ на Днѣстрѣ; ибо въ лѣтописи сказано: «придоша ниже Кучелмина, мысляще, кудѣ перейти рѣку Днѣстръ». Здѣсь же есть указаніе, что Днѣстръ былъ торговымъ путемъ изъ Чернаго моря; ибо Даниилъ, ниже Кучелмина, встрѣтилъ ладьи, шедшіе, изъ Олешья (т. е. отъ устьевъ Днѣпра), которыя перевезли его и дружину на лѣвый берегъ Днѣстра, и снабдили его виномъ и рыбою, вѣроятно товарами, везенными на продажу. Объ этомъ пути есть и другое свидѣтельство лѣтописи, подъ 1224 годомъ, гдѣ сказано:

(400) Ипат., 84.

«а выгонцы Галичскыя придоша по Диѣпру (вѣроятно по Диѣстру) и вондоша въ море; бѣ бо людей тысяща, и вондоша во Диѣпръ и возведоша пороги, и стаха у рѣкы Хорѣтицѣ на броду у протолчи» ⁽⁴⁰¹⁾.

Подъ 1219 годомъ лѣтопись упоминаетъ о городѣ Щекаревѣ; гдѣ находился этотъ городъ, въ настоящее время опредѣленно указать нельзя; но, по смыслу лѣтописи, можно догадываться, что онъ лежалъ на границахъ тогдашней Польши съ Волинью и Галиціею, гдѣ нибудь между Саномъ и западнымъ Бугомъ; ибо въ лѣтописи сказано: «приде Лестько на Данила къ Щекареву, бороня ему ити на помощь Мстиславу тестеву своему» ⁽⁴⁰²⁾. Мстиславъ же въ это время шелъ изъ понизья или Подолія на Галичъ, занятый Уграми и Ляхами, куда по условію должны были идти и Данилъ изъ Владиміра-Волинскаго. На то же указываетъ и другое извѣстіе лѣтописи подъ 1282 годомъ, гдѣ она говоритъ, что Болеславъ Польскій, пользуясь временемъ, когда Левъ Галицкій пошелъ съ Татарами въ Венгрію, «пришелъ во двусту воева около Щекарева и взя десять селъ, и тако идашеть назадъ съ великою гордостію. По семъ же Левъ пріѣха домовъ, и сжалися о бывшемъ, оже Болеславъ воевалъ его землю» ⁽⁴⁰³⁾. Это послѣднее извѣстіе ясно говоритъ, что Щекаревъ принадлежалъ къ Галицкимъ владѣніямъ; а изъ обовхъ свидѣтельствъ замѣтно, что онъ былъ пограничнымъ городомъ съ Польшею.

Въ извѣстіяхъ 1229 года встрѣчается Галицкое мѣстечко Углиницы, которое, по опредѣленному и ясному свидѣтельству лѣтописи, должно было стоять подлѣ самаго Галича на противоположномъ берегу Диѣстра; ибо лѣтопись прямо говоритъ: «Данилови же пріѣхавшу ко Галичю . . . стояше Углиницѣхъ, на брезѣ Диѣстра; выѣхавшимъ же Галичаномъ и Угромъ и стрѣляшася на леду; вечеру же бывшу, зажгоша мость на Диѣстрѣ беззаконныйи лыхий Сомбюкко» ⁽⁴⁰⁴⁾. Подъ 1230 годомъ упоминается Галицкій городъ Вишвя; нынѣ есть въ Галиціи городъ Сандова-Вишвя при рѣкѣ Вишвѣ на полдорогѣ отъ Перемышля къ Львову. Эта мѣстность не противорѣчитъ извѣстію лѣтописи, гдѣ сказано, что бояринъ Филиппъ, благорасположенный къ

⁽⁴⁰¹⁾ Ипат., 164. ⁽⁴⁰²⁾ Тамъ же, 162. ⁽⁴⁰³⁾ Тамъ же, 210. ⁽⁴⁰⁴⁾ Тамъ же, 169.

Александръ Бѣльскому, вызывалъ въ Вишню Данила изъ Галича, думая захватить его или убить; въ Перемышлѣ же въ это время собрались Галицкіе бояре, также злоумышлявшіе на Данила, куда послѣ укрылся и Александръ, когда по Данилову приглашенію Василько двинулся съ войскомъ къ Бѣльзу ⁽⁴⁰²⁾.

Подъ 1231 годомъ упоминается мѣсто Голыя Горы, вѣроятно на востокъ отъ Галича; ибо въ лѣтописи сказано, что по взятіи Ярославля Уграми, Король пошелъ къ Галичу. «Климья же съ Голыхъ Горъ убѣжа отъ князя Данила ко Королеви, и по немъ вси бояре Галичскіи предашася» ⁽⁴⁰³⁾. То же подтверждаетъ лѣтопись подъ 1144 годомъ, гдѣ сказано: «Всеволодъ (Олговичъ) иде къ Теробовлю. И выиде противу нмъ Володимеръ (Галицкій) весь совокупився къ Теробовлю; и немогша битися, зане башеть межн ими рѣка Сереть, идоша обои подлѣ рѣку занедлю къ Звенигороду; и на Рожни-поли немогшася бити, зане Володимеръ стоя на Голыхъ Горахъ ⁽⁴⁰⁴⁾». Слѣдовательно Голыхъ Горъ должно искать между Теробовлемъ и Днѣстровскимъ Звенигородомъ, т. е. около рѣки Серета. Потомъ, подъ тѣмъ же 1231 годомъ, при разсказѣ о войнѣ Данила съ Королевичемъ Андреемъ, занявшимъ Галичъ, упоминается Галицкій городъ Тарчево; онъ, по смыслу лѣтописи, лежалъ около нынѣшняго Тарнополья при верховьяхъ Серета, или за нимъ къ югу; ибо въ лѣтописи сказано, что Данилъ, нагнавъ разбитаго на Случи Андрея у Шумска, говорилъ съ нимъ чрезъ рѣку Велью; потомъ, передшедши Велью подъ Шумскомъ, погнался за нимъ къ Торчеву, гдѣ у нихъ былъ бой, послѣ котораго Андрей бѣжалъ въ Галичъ. Данилъ же, заключивъ союзъ съ Александромъ Бѣльскимъ, обратился къ Пльснску и взялъ его подъ Арбузовичами, и, получивъ много плѣнниковъ, пошелъ во Владиміръ-Вольнскій ⁽⁴⁰⁵⁾.

Въ XIII вѣкѣ Галицкія владѣнія на югѣ переступили уже границу Карпатскихъ горъ и простирались до предѣловъ нынѣшней Буковины и Трансильваніи. Наша лѣтопись представляетъ ясное о томъ свидѣтельство, подъ 1235 годомъ, гдѣ говорятъ, что Ростиславъ, сынъ Михайловъ, услыхавши на возвратномъ пути съ охоты изъ степей, что Данилъ завладелъ

⁽⁴⁰²⁾ Ипат., стр. 170. ⁽⁴⁰³⁾ Тамъ же, 171. ⁽⁴⁰⁴⁾ Лавр., 135. ⁽⁴⁰⁵⁾ Ипат., 172—173.

Галичемъ: «бѣжа во Угры путемъ, имъ же идаше на Борсуковъ дѣлъ, и приде къ Банирѣкомѣй Родна, и оттуда иде во Угры⁽⁴⁰⁹⁾». Наименованія, подобныя лѣтописнымъ, и теперь еще сохранились за двумя мѣстностями на границахъ Буковины съ Трансильваніею: они называются Bogsekъ и Rodna, и славятся минеральными водами. И въ лѣтописи Родна названа *баней*; да и здесь рассказъ указываетъ на Борсекъ и Родну. Ростиславу, возвращавшемуся съ охоты изъ степей при-Прутскихъ, ближайшая и безопаснѣйшая дорога въ Венгрію была именно на сіи мѣста. Ему не нужно было ни сворачивать въ сторону, ни обращаться назадъ: онъ тутъ могъ пройти въ Угры тѣмъ же самымъ путемъ, которымъ шелъ къ Галичу, какъ и сказано въ лѣтописи: «бѣжа во Угры путемъ, имъ же идаше на Борсуковъ дѣлъ».

Подъ 1241 и 1242 годами лѣтопись упоминаетъ о Галицкихъ городахъ: Бакотѣ, Коломыѣ и Калиусѣ. Бакота лежала въ Понивѣ, т. е. нынѣшней Подолиѣ на Днѣстрѣ, какъ можно судить по смыслу лѣтописи, въ которой о Бакотѣ упоминается три раза; въ первый разъ сказано: «Доброславъ (Галицкій бояринъ) вшедъ въ Бакоту все Понизье прія»; потомъ: «Ростиславъ собра князѣ Волоховские и останокъ Галичанъ приде къ Бакотѣ»; печатникъ Кирилль, посланный туда Даниломъ, не пустилъ его въ городъ, Ростиславъ же пошелъ за Днѣстръ; и наконецъ сказано: «Даниль же хотя уставити землю, и ѣха до Бокоты и Калиуса»⁽⁴¹⁰⁾. Въ сіи свидѣтельства прямо указываютъ на юговосточный край Галицкихъ владѣній, а особенно изъ двухъ послѣднихъ мѣстъ видно, что Бакота должна быть на Днѣстрѣ ниже Хотина; ибо Калиусъ и теперь еще находится на лѣвомъ берегу Днѣстра въ Ушицкомъ уѣздѣ. У Мерватора, въ его Литовской картѣ, Бакота дѣйствительно показана ниже Хотина на лѣвомъ берегу Днѣстра. Коломыя и теперь еще существуетъ подъ именемъ Коломен на лѣвомъ берегу Прута, на югъ отъ Галича. Рядомъ съ Коломыєю въ лѣтописи упоминается городокъ Вотъницъ, должно быть нынѣшнее мѣстечко Отыня, лежащее на сѣверъ отъ Коломен на полдорогѣ къ Твеменицѣ; въ лѣтописи же Вотъницъ названъ какъ бы пригородомъ Коломыи⁽⁴¹¹⁾.

(409) Ипат., стр. 175. (410) Тамъ же, 179, 180. (411) Тамъ же.

Подъ 1241 годомъ упоминаются Галицкія мѣста Печера и Домаири. Арцыбашевъ Печерою называетъ нынѣшнюю деревню Печерну въ Залѣщанскомъ уѣздѣ, а Домаири принимаетъ за нынѣшній Мазамполь. Точно ли нынѣшнія мѣста занимаютъ помалутыя древнія, доказать нельзя; но то несомнѣнно, по смыслу лѣтописи, что Печера и Домаири должны быть въ этой сторонѣ; ибо Ростиславъ, шедшій изъ Понизья въ Галичъ, необходимо долженъ былъ идти чрезъ нынѣшніе Залѣщанскій и Маріанпольскій уѣзды. Тутъ же упоминается городъ Щекотовъ, куда, при нашествіи Даниіла, Ростиславъ бѣжалъ изъ Галича. Вѣроятно, этотъ городъ лежалъ на западѣ отъ Галича; ибо на этотъ разъ Ростиславъ, удаляясь въ Венгрію, послалъ Константина Рязанскаго въ Перемышль для подержанія тамошняго Епископа своего, сторонника.

Подъ 1243 годомъ упоминается городъ Брокъ, подъ которымъ Татары разбили Ростислава, и откуда онъ бѣжалъ въ Угры. Можетъ быть, это нынѣшній Бржостекъ, на Вислокѣ, впадающемъ въ Вислу, который былъ по дорогѣ Ростиславу въ Венгрію. Не вдалекѣ отъ Бржостека, на одномъ изъ притоковъ восточнаго Вислока, находится нынѣ городъ Пржеворскъ, который также упоминается въ лѣтописи почти подъ нынѣшнимъ названіемъ и очевидно въ томъ же мѣстѣ. Подъ 1281 годомъ лѣтопись говоритъ: «иде Льстько (Польскій) на Льва (Галицкаго) и взя у него городъ Переворескъ»⁽⁴¹¹⁾. Это прямое свидѣтельство лѣтописи о Череворескѣ подтверждаетъ вѣроятность и указанной нами мѣстности Борка. Если это вѣрно, то въ XIII вѣкѣ Галицкія владѣнія на сѣверозападѣ очевидно простиралась далеко за рѣку Санъ, къ Санскому и Виславскому Вислокамъ. Если же принять за лѣтописный Брокъ нынѣшнюю деревню Борки, на западѣ отъ Вислока, почти на самой Вислѣ, что также не противоричитъ смыслу лѣтописи: то очевидно, что Галицкая граница здѣсь простиралась до самой Вислы; и такимъ образомъ догадка Зубрицкаго (основанная на томъ, что и понынѣ есть нѣсколько Русскихъ селъ и деревень между Саномъ, Вислой и Дунайцемъ), что Русское племя издавна жило по правому берегу Вислы между Дунайцемъ и Саномъ⁽⁴¹²⁾, вполне

⁽⁴¹¹⁾ Ипат., стр. 209. ⁽⁴¹²⁾ Крит. Пов. Черв. Русск. Зубр., стр. 37.

оправдывается нашею лѣтописью. Посему вышнѣе Русское народонаселеніе тамошняго края вовсе ненужно принимать за Польское заселеніе береговъ Вислы Русскими плѣнниками по завоеваніи Казимиромъ Галича; ибо лѣтописи, какъ мы видѣли, называетъ города Брокъ у Вислы и Зьпнишь у Дунайца Русскими городами болѣе нежели за сто лѣтъ до Казимира.

Подъ 1259 годомъ въ лѣтописи упоминается Галицкій городъ Львовъ, вышнѣшній Лембергъ, построенный Даниломъ. Въ 1840 году Казимиръ Король Польскій занялъ въ одинъ походъ Львовъ, а въ другой покорилъ Перемышль, Санекъ, Любачевъ, Галичъ, Тереховъ и другіе города, и такимъ образомъ присоединилъ къ Польскимъ владѣніямъ всю землю Галицкую. Съ этого времени въ нашихъ лѣтописяхъ мы болѣе не встрѣчаемъ географическихъ свѣдѣній объ этомъ краѣ.

Между Галицкими, Волынскими и Кіевскими владѣніями, на югъ отъ Туровскихъ, лежала земля князей Болоховскихъ. Она образовалась, какъ отдѣльное владѣніе, въ началѣ XIII или въ концѣ XII вѣка, частію изъ владѣній Туровскихъ, частію изъ Кіевскихъ и преимущественно изъ земель, занятыхъ Черными Клобуками. Въ первый разъ князья Болоховскіе упоминаются подъ 1231 годомъ; лѣтопись говоритъ, что съ Венгерскимъ Королевичемъ Андреемъ, во время его похода къ Бѣлобережью и Случи на Данила Романовича: «были Олександръ и Глѣбъ Зереміевичъ, ивни князи Болоховскіи и Угоръ множество»⁽¹¹⁴⁾. Но, вѣроятно, Болоховскіе князья были и прежде, и кажется безошибочно можно сказать, что ихъ владѣнія сдѣлались независимыми вскорѣ послѣ покоренія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго. Болоховъ же, или Болохово, упоминается еще въ 1150 году; когда Владимиръ Галицкій шелъ на помощь къ Юрью Долгорукому въ Кіевъ, его путь лежалъ, по описанію лѣтописи, на Болохово, Мунаревъ и Володареву⁽¹¹⁵⁾; онъ вѣроятно тогда принадлежалъ къ владѣніямъ Туровскимъ или Кіевскимъ. Границы Болоховской земли въ томъ видѣ, какъ она была въ XIII столѣтіи, прикасались съ владѣніями: Кіевскимъ, Туровскимъ, Волынскимъ и Галицкимъ; земли сіи были расположены по обомъ берегамъ восточнаго Буга и простирались на югъ, можетъ быть, до Днѣстра, а на

⁽¹¹⁴⁾ Ипат., 172. ⁽¹¹⁵⁾ Тамъ же, 50.

сѣверъ до верховьевъ Случи и Тетерева. Здѣсь, по указанію лѣтописей, были города: Болоховъ или Болохово, на одномъ изъ сѣверныхъ притоковъ восточнаго Буга, гдѣ нынѣ Болоховцы на западъ отъ Хмѣльника; Деревичъ, на одномъ изъ притоковъ Случи, который и теперь называется Деревичка и находится въ югозападномъ краю нынѣшняго Новгородъ-Волынскаго уѣзда; Городецъ, онъ же кажется и Городокъ, можетъ быть нынѣшній Грудскъ, на лѣвомъ берегу Смотрича, въ сѣверо-восточномъ концѣ Каменецъ - Подольскаго уѣзда; Кудинъ, вѣроятно нынѣшняго Кольна, на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Тетерева въ Житомирскомъ уѣздѣ; Божскій, можетъ, быть на рѣкѣ Бугѣ, или рѣчкѣ Божскъ, впадающей въ восточный Бугъ при его верховьяхъ въ Лѣтичевскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Межибожья; Межибожье, между Бугомъ и Бужскомъ въ углу, гдѣ и теперь еще есть деревня Менджибожь; Дьяковъ, быть можетъ нынѣшнее селеніе Дьяковцы въ Литинскомъ уѣздѣ, на востокъ отъ Межибожья; Белобережье, при верховьяхъ Случи; Семочь, на западъ отъ Болохова, гдѣ нынѣ село Самчинцы, въ юго-восточномъ углу Старокопстантиновскаго уѣзда; Городскъ, на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Тетерева, гдѣ нынѣ Ясно-городокъ, въ юго-восточномъ углу Новгородъ-Волынскаго уѣзда; Жидичевъ, на рѣкѣ Тетеревѣ, можетъ-быть нынѣшній Житомиръ; Чернатиъ, не нынѣшнее ли Чернихово на сѣверъ отъ Житомира въ Житомирскомъ уѣздѣ; Возвясль, не тамъ ли, гдѣ нынѣ селеніе Ваглай, въ восточномъ углу Старокопстантиновскаго уѣзда, на востокъ отъ Бѣлобережья. Кромѣ того въ числѣ городовъ Болоховской земли упоминаются Кобудъ и Губино, вѣроятно лежавшіе въ Прибужскомъ же краю, но гдѣ именно неизвѣстно.

Подъ 1243 годомъ въ лѣтописи сказано: «Давидъ князи Болоховскіе изья отъ руку Болеславу, князи Мозовскаго, рекшу Болеславу, яко неспдахъ имъ? рекый: несуть вой твои, но сугъ особнѣи князи, и хотяше разграбити ѣ; они же обѣшашася работѣ быти; овѣмъ же молящымся, Давидъ же и Василько за нѣ хоти съ нимъ брань створити»⁽¹¹⁶⁾. Въ этомъ мѣстѣ лѣтописи нѣкоторые изслѣдователи думаютъ видѣть указаніе на то, что Болоховская земля была въ сосѣдствѣ съ Мазовією; но лѣтопись

⁽¹¹⁶⁾ Ипат., стр. 180.

говорить только, что Болоховскіе князья, когда-то прежде 1243 года, нападали на Мазовецкую землю вмѣстѣ съ Даниломъ и Василькомъ, можетъ-быть по ихъ приглашенію, или скорѣе пользуясь ихъ походомъ въ ту сторону. Потомъ, когда Данилъ и Василько помирились съ Болеславомъ, то сей послѣдній хотѣлъ ограбить ихъ и говорилъ, что они не Даниловы войны, а особенные князи; но Данилъ заступился за нихъ, какъ за своихъ союзниковъ. Здѣсь нѣтъ и помину о сосѣдствѣ Болоховской земли съ Мазовецкою; а всѣ другія свидѣтельства лѣтописи прямо указываютъ, что она лежала въ томъ краю, который нами означенъ выше, т. е. въ нынѣшней Каменецъ-Подольской губерніи на сѣверовостокъ отъ Днѣстра по обоимъ берегамъ восточнаго Буга. Лѣтописныя свидѣтельства, подтверждающія указанную нами мѣстность Болоховской земли и частію объясняющія положеніе городовъ ея, упоминаемыхъ въ лѣтописи, суть слѣдующія: подъ 1231 годомъ лѣтопись говоритъ о союзѣ Болоховскихъ князей съ Королевичемъ Андреемъ и о походѣ ихъ къ Бѣлобережью, гдѣ они бились у рѣки Случь съ Даниловымъ воеводою Володиславомъ, шедшимъ изъ Кіева ⁽⁴¹⁷⁾. Потомъ подъ 1235 годомъ сказано: «придоша Галичане на Каменецъ и вси Болоховьскіи князи съ ними, и повоеваша по Хомору и поидоша ко Каменцу» ⁽⁴¹⁸⁾. Далѣе подъ 1241 годомъ разсказывается: «Ростиславъ (Михайловичъ, княжившій въ Галичѣ) собра князи Болоховьскыя и оставокъ Галичанъ, приде ко Бакотѣ» ⁽⁴¹⁹⁾. Тутъ же говорится, что Болоховская земля была подъ покровительствомъ Татаръ; вотъ слова лѣтописи: «оставили бо ихъ Татарове, да имъ орютъ пшевицю и проса» ⁽⁴²⁰⁾. И наконецъ подъ 1257 годомъ въ лѣтописи замѣчено: «Данилъ воздвиже рать противу Татаромъ, сгадавъ съ братомъ и со сыномъ посла Деонисія Павловича, взя Межбожье, потомъ воевахуть людіе Данилови же и Василькови Болоховъ, а Лвови Побожье и люди Татарскыя; веснѣ же бывши, посла сына своего Шварна на Городокъ и на Сѣмоць и на вси городы, и взя Городокъ и Самоць и всѣ городы, сѣдящія за Татары, Городескъ и по Тетереви до Жидичева. Възъвъгляне солгаша Шварномъ, поимше Тивуна не вдаша ему тивунати;

(417) Ппат., 172. (418) Тамъ же, 174. (419) Тамъ же, 179. (420) Тамъ же, 180.

Шварно же приде поймавъ городы вся, и по немъ придоша Бѣлобережцѣ, и Чернятинци, и вси Болоховци къ Давиду»⁽⁴¹⁾. Подъ 1150 годомъ, при описаніи похода Владимира Галицкаго на Кіевъ, лѣтопись свидѣтельствуеть, что его путь лежалъ на Болохово, Мунарень и Володареву⁽⁴²⁾. Всѣ сіи свидѣтельства ясно говорятъ, что Болоховская земля была по дорогѣ отъ Галича къ Кіеву. Такъ, по послѣднему свидѣтельству, Владимиръ идетъ изъ Галича къ Кіеву на Болохово; а по первымъ тремъ свидѣтельствамъ, Болоховскіе князья являются союзниками Галичанъ и нападаютъ на Волынь съ юговостока, а не съ сѣверозапада, какъ они нападали бы, еслибы жили въ соудствѣ съ Мазовіей. По четвертому свидѣтельству, Болоховская земля является, подъ покровительствомъ Татаръ или за Татарамн, и жители ея орютъ для нихъ пшеницу и просо; но въ соудствѣ съ Мазовіею у Татаръ никогда не было владѣній, и всѣ походы ихъ въ Польшу кончались ничѣмъ. Кромѣ того, свидѣтельство 1257 года прямо указываетъ на нѣкоторыя Болоховскія мѣстности, которыя частію и теперь еще сохранили прежнія названія, и лежатъ именно на дорогѣ изъ Галича въ Кіевъ. Такъ, по словамъ лѣтописи: «Даніилъ воздвиже рать противу Татаръ, посла Деонисія Павловича и взя Межибожье», которое и теперь еще извѣстно подъ именемъ Межибожа, и стоитъ въ углу, образуемомъ впаденіемъ рѣчки Божанъ въ восточный Бугъ. Далѣе сказано: «потомъ же воевахуть люде Даниловиже и Василькови Болоховъ, а Лвови Побожье и люди Татарскыя»—и нынѣ селеніе Болосовци лежитъ первое въ прямомъ направленіи на сѣверъ отъ Межибожья; а Побожьемъ очевидно названъ или городъ, лежащій за Бугомъ отъ Болохова, или весь край на югъ отъ Буга, сопредѣльный въ то время съ кочевьями Татарскими, какъ и сказано въ лѣтописи: «повоеваша Побожье и люди Татарскыя». Другія подробности того свидѣтельства показываютъ на тотъ же край; такъ, въ томъ же году, вѣсною Даніилъ послалъ сына своего Шварна на Городомъ и Семоць; и теперь еще на Смотричѣ есть селеніе Грудекъ или Городокъ прямо на дорогѣ изъ Галича къ восточному Бугу. Далѣе за Грудекомъ на сѣверовостокъ, уже за Бугомъ, къ сѣверу подлѣ Болохова или нынѣшняго

(41) Ипат., стр. 194—195. (42) Тамъ же, 50.

селенія Болосовцы, лежитъ селеніе Самчинцы, которое какъ разъ приходится на дорогѣ къ верховьямъ Тетерева, куда шель Шварнъ. Отъ селенія Самчинцы, или лѣтописнаго города Семочь къ сѣверовостоку лежитъ селеніе Ваглай, мѣстность котораго соотвѣтствуетъ лѣтописному городу Возяглю; ибо въ лѣтописи сказано, что по взятіи Сѣмочя Возяглю не прислали къ Шварну сказать, что они принимаютъ его тиуна, и онъ, пославши къ нимъ тиуна, миновавъ Возягль, пошелъ прямо къ Тетереву и взялъ Городескъ, нынѣшній Ясно-городокъ, стоящій на одномъ изъ притоковъ Тетерева, потомъ покорилъ всѣ города, лежащіе по Тетереву до Жидичева; нынѣшняго Житомира. Наконецъ то же свидѣтельство говоритъ, что по занятіи городовъ по Тетереву, покорились Данилу Бѣлобережцы, Червятинцы и Болоховцы, т. е. всѣ города Болоховскіе, лежащіе на сѣверѣ отъ пройденнаго Шварномъ пути; ибо о Бѣлобережцахъ мы вѣрно знаемъ, что они жили къ сѣверу отъ Возягля въ углу, образуемомъ впаденіемъ Хомара въ Случь. Лѣтопись подъ 1231 годомъ прямо говоритъ: «Володиславу ѣханшу во сторожѣ отъ Данила изъ Кіева, и стрѣте рать во Бѣлобережьи, и бившимся имъ о рѣку Случь, гониша до рѣки Деревное и лѣса Чертова» ⁽⁴²³⁾. И теперь еще въ этомъ краю есть рѣка Деревичька, впадающая въ Случь. Свидѣтельство лѣтописи подъ 1241 годомъ исчисляетъ остальные Болоховскіе города, о которыхъ мы говорили выше; въ лѣтописи сказано: «слышавъ же Данилъ приходъ Ростиславль со князи Болоховскими на Бакоту, абье устремися на нѣ, и пойма грады ихъ: Деревичь, Губинъ и Кобудъ, Кудинъ, Городецъ, Божьскый, Дяльковъ» ⁽⁴²⁴⁾. Это свидѣтельство важно для насъ тѣмъ, что города сіи, очевидно лежащіе въ Прибужскомъ краѣ, называются прямо городами Болоховскихъ князей. При нападеніи Батыя на Приднѣпровье, Волынь и Галичь, какъ мы уже видѣли, Болоховская земля была пощажена Татарами; ибо Болоховскіе князья обязались воздѣлывать для нихъ поля. Дальнѣйшая судьба Болоховскихъ владѣній намъ не извѣстна; вѣроятно, они, какъ ближайшія къ Татарскимъ кочевьямъ, начавшимся на югъ за Бугомъ, и кажется частію населенныя Татарами, причислились въ послѣдствіи къ Бѣлгородской ордѣ, кочевавшей въ низовьяхъ Днѣстра и Буга.

⁽⁴²³⁾ Ипат., стр. 172. ⁽⁴²⁴⁾ Тамъ же, 180.

На сѣверъ отъ Волынскихъ, Туровскихъ и Кіевскихъ владѣній, между западнымъ Бугомъ и Днѣпромъ, лежали земли Ятвяжскія, Литовскія, Пинскія и Полоцкія. О знакомствѣ Волынянъ съ землею Ятвяжскою мы уже упоминали, говоря о географическихъ свѣдѣніяхъ заднѣпровской Руси съ своими сѣдами на сѣверозападѣ; подробнѣйшихъ извѣстій объ этомъ краѣ наши лѣтописи не представляютъ.

Первое ближайшее знакомство жителей Волыни съ Литвою, по нашимъ лѣтописямъ, начинается съ 1215 года, когда Литовскіе князья, числомъ двадцать одинъ, прислали посольство къ Давиду и Васильку Романовичамъ съ предложеніемъ мира; впрочемъ здѣсь мы еще узнаемъ только о нѣкоторыхъ племенахъ, которыя, по указанію лѣтописи, были собственно Литовцы, Жмудь, Рушквичи, Булевичи и Дяволтва. Лѣтописецъ говоритъ: «Бяху же имяна Литовскихъ князей, се старѣйшеи: Живинбудъ, Давъятъ, Довъспрукъ, братъ его Мидогъ, братъ Довъяловъ Великаль; а се Жемотьскіи князи: Ердивилъ, Выкынтъ; а Рушквичевъ: Кинтибутъ, Вонибутъ, Бутовитъ, Вижвикъ и сынъ его Вишлій, Китеній, Пликосова; а се Булевичи: Вишмутъ, его же уби Мидогъ и жену его поплъ и братью его побилъ, Едивила, Спрудѣйка; а се князи изъ Дяволтвы: Юльки, Пукъикъ, Бикши, Ликіикъ» (121). Гдѣ жили упоминаемыя здѣсь племена, настоящее свидѣтельство лѣтописи не указываетъ; мы узнаемъ жилища только нѣкоторыхъ изъ нихъ племенъ по другимъ источникамъ. Лѣтописецъ Быховца говоритъ, что жилища Жмуди были по низовьямъ Нѣмана и по рѣкамъ Дубиссѣ, Юрѣ, Нѣвежѣ и Святой; потомъ по рѣкѣ Видля начиналась собственно Литовская земля (122), которая на югѣ простиралась, кажется, до Ясольды и Шары, какъ увидимъ въ послѣдствіи. Жилища Дяволтвы находились, кажется, на сѣверѣ отъ Литовской земли по верховьямъ рѣки Святой, около нынѣшняго Вилкомира, гдѣ и теперь еще есть селеніе Дѣвьятовъ; вѣроятно на сѣверозападѣ они сходились съ землею Латыголы. Гдѣ жили Рушквичи и Булевичи, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; знаемъ только, что Литовская земля вообще на западѣ граничила съ землею Ятвяжскою, на сѣверѣ съ Латы-

(121) Ипат., стр. 161—162. (122) Pomniki do dz. Litew., стр. 2—3.

голою и Нѣмецкими, на востокъ съ Полоцкими и на югъ съ Пинскими и Вольынскими владѣніями.

Въ лѣтописи Быховца, безъ означенія годовъ, являются древнѣйшими Литовскими городами по Нѣману отъ устья вверхъ: Юрбургъ на рѣкѣ Юрѣ, можетъ-быть нынѣшнее Поюржи, но отнюдѣ не Юрбургъ на Нѣманѣ, который стоитъ слишкомъ далеко отъ Юры; потомъ Куносось при устьѣ рѣки Нѣвежи, нынѣшній Ковно; далѣе, по рѣкѣ Святой, нынѣшней Свентѣ, Вилкомиръ въ землѣ Дзевятовской. Первые два города были собственно въ землѣ Жмудской, которая, кажется, простиралась отъ устья Нѣмана на востокъ до рѣки Святой; потомъ за рѣкою Святою къ сѣверовостоку начиналась земля Дзевятовская, или, по нашимъ лѣтописямъ, Дяволтва. Въ этой же землѣ, кажется, кромѣ Вилкомира, на сѣверовостокъ отъ него былъ еще городъ Керновъ, вѣроятно нынѣшнее селеніе Крейна въ Вилкомирскомъ уѣздѣ на западъ отъ Динабурга, при верховьяхъ рѣки Святой, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Летголою. Указанная нами мѣстность Кернова совершенно согласна со смысломъ лѣтописи, которая говоритъ: «княже Куносъ (Жмудскій владѣвшій въ Ковно) милъ двухъ сыновъ, одного Кернуса, а другого Гамбута. А пануюцю ему въ земли Жмудской, почѣлъ множити и разширати, и выходити за рѣку Веллу, въ землю Завельскую, и прошедъ рѣку Святую вышей и нашель мѣстце вельми хорошо, и сподобалося ему тое мѣстце велии, и онъ тамъ поселилъ сына своего Кернуса, и назвали тое мѣстце по Кернусѣ Керновомъ. А потомъ Куносъ умре и по немъ сынъ его Кернусъ пановалъ на всей земли Завельской, по границу Латыгоскую и по Завельскій Браславль, ажъ по рѣку Двину» (47). Потомъ Быховецъ говоритъ, что вся страна на востокъ отъ рѣки Святой и на сѣверъ отъ Веллы, нынѣшней Виліи, назвалась землею Литовскою, которая на сѣверъ простиралась до западной Двины, гдѣ граничала съ Летыголою, и на востокъ до Браслави, гдѣ сходилась съ владѣніями Полоцкими. Но за Вилію на югъ Литовскія владѣнія первоначально еще не переходили; южный берегъ Виліи и верхнее теченіе Нѣмана еще принадлежали Русскимъ князьямъ; ибо, по словамъ Быховца, Литовцы перебрались на югъ за Вилію только по нашествіи

(47) Pomniki do dziejow Litewskich, стр. 2—3.

Батыя на Кіевъ. Вотъ подлинныя его слова: «а въ тотъ часъ довѣдался князь великій Монгвилъ Жомойтскій ижъ Русская сторона спустѣла, и князи Русскіе розогнаны, и онъ давши войско сыну своему Ердвилу и послалъ съ нимъ павовъ своихъ ралныхъ. И зашли за рѣку Веллу, и потомъ перешли рѣку Нѣманъ, и зашли въ четырехъ миляхъ отъ рѣки Нѣмна гору красную, и сподобалося имъ и вчанаги на ней городъ и назвали его Новгородокъ, и вчинилъ собѣ князь велики Ердвилъ столецъ и назоватися великимъ княземъ Новгородскимъ. И пошодши зъ Новгородка и зарубилъ городъ Городенъ, и потомъ пошолъ до Берестья, и нашелъ Берестецъ и Дрогичинъ и Мелникъ отъ Батыя спустошонъ и показены, и онъ тые города зарубилъ и почалъ на нихъ княжити» (428). Это свидѣтельство Литовскаго лѣтописца, хронологически хотя невѣрное, имѣетъ нѣкоторое согласіе съ Вольнскою лѣтописью, въ которой въ первый разъ упоминается о Новгородкѣ и Гроднѣ, какъ о Литовскихъ городахъ, не раньше 1253 года; гдѣ сказано: «Тевтивилъ (Жмудскій) присла Ревбу река: пойдѣ къ Новгороду. Данило же пойдѣ съ братомъ Василькомъ и со сыномъ Львомъ, и съ Половцы, со сватомъ своимъ Тегакомъ, и приде къ Пиньску; князи же Пиньсцѣи имѣяху лествъ, и поя ѣ со собою неволею на войну. И послаша сторожѣ Литва на озерѣ Зыятѣ, и гнаша черезъ болота до рѣки Щарѣ . . . На утрѣя же плѣвниша всю землю Новгородскую, оттуда же возвратишася въ домъ своѣи. Потомъ же посла съ братомъ и со сыномъ Романомъ люди своя, и взяста Городенъ, а сама воротистася отъ Бѣльска; потомъ же посласта многы своя пѣшцы и коньницы на грады ихъ, и плѣвниша всю воотчину ихъ и страны ихъ. Миндогъ же посла сына си и воена около Турьска. Того же лѣта присла Миндогъ къ Данилу, прося миру и хотя любви о сватствѣ» (429). Такимъ образомъ и Литовская и Русская лѣтописи согласно свидѣтельствуютъ, что Литовцы перебрались на югъ за Вилію не раньше половины XIII столѣтія; до этого же времени южный берегъ Виліи принадлежалъ Русскимъ князьямъ, какъ объ этомъ прямо сказано въ лѣтописи Быховца, и что также подтверждается Вольнскою лѣтописью подъ 1235 годомъ, гдѣ упоминается о Изяславѣ, княжившемъ въ

(428) Pomn. do dz. Lit., стр. 4. (429) Ипат., 188.

Новгородѣ, который по приглашенію Данила ходилъ вѣнчать съ Миндовгомъ на Ляховъ ⁽⁴²⁰⁾. Быковецъ не говоритъ, какому дому Русскихъ князей принадлежалъ южный берегъ Вилии, и въ Волынской лѣтописи также не объяснено, кто такой былъ по происхожденію Изяславъ, княжившій въ Новгородѣ; но, очевидно, онъ не принадлежалъ ни къ Волынскимъ, ни къ Пинскимъ князьямъ, ибо между Волынскими князьями въ это время не было Изяслава, какъ это заподлинно извѣстно по лѣтописямъ. Пинскіе же князья были въ нѣкоторой зависимости отъ Данила; выраженіе же лѣтописи: «Данилъ возведе на Копрата Литву Миндовга, Изяслава Новгородскаго», показываетъ Миндовга и Изяслава независимыми отъ Данила, самостоятельными князьями. Посему съ достаточною вѣроятностію можно допустить, что въ началѣ XIII столѣтія южный берегъ Вилии еще принадлежалъ роду Полоцкихъ князей, старинныхъ владѣльцевъ этого края. Впрочемъ есть извѣстія, что еще въ концѣ XII вѣка Литва старалась утвердиться здѣсь и даже, кажется, дѣлала набѣги къ берегамъ Припяти; ибо подъ 1190 годомъ лѣтопись говоритъ, что Рюрикъ Ростиславичъ изъ Овруча ходилъ на Литву ⁽⁴²¹⁾; потомъ подъ 1193 годомъ та же лѣтопись упоминаетъ, что Рюрикъ опять изъ Овручи собрался на Литву ⁽⁴²²⁾; а далѣе въ 1195 году снова ѣздилъ въ Овручъ «своихъ дѣла орудій» ⁽⁴²³⁾. Вообще, владѣя Кіевомъ, онъ часто жилъ въ Овручѣ для своихъ дѣлъ, слѣдовательно берегамъ Припяти въ это время грозила опасность отъ Литовцовъ; по крайней мѣрѣ ихъ набѣги удачныя или неудачныя простирались до этого края.

Такимъ образомъ, по общему свидѣтельству Литовской и Волынской лѣтописей, въ половинѣ XIII вѣка Литва владѣла всюю страню отъ западной Двины или границъ Летыголы почти до Припяти, или точнѣе до верховьевъ Шары и устья Яселды, которыя въ то время отдѣляли Литву отъ Волыни; какъ объ этомъ ясно говоритъ Волынская лѣтопись подъ 1253 годомъ, гдѣ сказано, что во время похода Данила къ Новгородку, Литовцы выслали своихъ сторожей къ озеру Зьлтѣ и къ рѣкѣ Шарьѣ. Въ этомъ краю по Русскимъ лѣтописямъ упоминаются

⁽⁴²⁰⁾ Ипат., стр. 175. ⁽⁴²¹⁾ Тамъ же, 141. ⁽⁴²²⁾ Тамъ же, 143. ⁽⁴²³⁾ Тамъ же, 147.

Литовскіе города: Здѣтовъ, на одномъ изъ притоковъ Яселды, самый ближайшій Литовскій городъ къ Пинскимъ владѣніямъ; Волковыескъ, не подалеку отъ рѣчки Россы, впадающей въ Неманъ съ лѣвой стороны, на западъ отъ рѣчки Зелвы; Услонимъ, нынѣшній Слонимъ, на Шарѣ; и Новорородокъ на сѣверо-востоки отъ Слонима. Лѣтопись, при описаніи Данилова похода на Миндовга въ 1252 году, говоритъ: «Данило же и Василько поидоста къ Новугороду. Даниль же и Василько, братъ его, разгадавъ со сыномъ, брата си посла на Волковыескъ, а сына на Услонимъ, а самъ иде ко Здѣтову; и повмаша грады многы и възвратишася въ домы» ⁽¹²⁴⁾. Далѣе подъ тѣмъ же годомъ встрѣчаются въ лѣтнемъ города Ворута и Твиреметь. Нынѣ сихъ названій не сохранилось; но по смыслу лѣтописи, Воруту должно искать на сѣверо-западъ отъ нынѣшней Вильны; ибо въ ней сказано: «Тевтевилъ (изъ Жмуди) иде на Миндовга; Миндовгъ же собрался бѣ и умысливъ же собѣ небитися полкомъ, къ вниде во градъ именемъ Ворута». Очевидно Ворута была на границѣ Литвы съ Жмудью. Твиреметь уже въ самой Жмуди. Лѣтопись говоритъ: «праде Миндовгъ, собравъ силу велику, на городъ Выкыитовъ (Жмудскаго князя) именемъ Твиреметь, выѣха же Тевтевилъ изъ города, Русь и Половцы Даниловы съ ними и Жемонъ съ ними, и мнози пѣшці; гонящимъ же имъ, застрѣли конь Половцинъ Миндовгова въ стегно, и возвратися Миндовгъ въ землю свою» ⁽¹²⁵⁾. Слѣдовательно прямо называется Твиреметь Жмудскимъ городомъ, и Арцыбашевъ съ довольнымъ вѣроятіемъ, при опредѣленіи мѣстности Твиремети, указываетъ на нынѣшній Тверь въ Тельшскомъ уѣздѣ Виленской губерніи ⁽¹²⁶⁾. Въ походѣ Даниловомъ на Миндовга въ 1253 году упоминается Литовскій городъ Городенъ, который взяли Даниловы люди, шедшіе отъ Бѣльска; это очевидно нынѣшнее Гродно, что подтверждается другимъ свидѣтельствомъ лѣтописи подъ 1260 годомъ, гдѣ сказано, что полки Даниловы отъ Волковыеска, воевавши по Зелвѣ, вздумали ити на Городенъ ⁽¹²⁷⁾; а рѣка Зелва отъ Волковыеска течетъ по дорогѣ на нынѣшній Гродно. Подъ 1260 годомъ упоминается земля Нальщанская; лѣтопись говоритъ: «ишущю ему (Васильку Романовичу) сыновца своего Романа

⁽¹²⁴⁾ Ипат., 187. ⁽¹²⁵⁾ Тамъ же, 188. ⁽¹²⁶⁾ Арц. Повѣст. о Рос. Т. II, прил. 125. ⁽¹²⁷⁾ Тамъ же, 197.

воеваша землю Литовскую и Нальщанскую». Это известіе указываетъ, что Нальщанскую землю должно искать подлѣ Литовской, и вѣроятно за Виліей къ сѣверу, что подтверждаетъ и другое свидѣтельство лѣтописи подъ 1264 годомъ, гдѣ сказано: «Воишелгъ видѣвъ помочъ Шварнову и Василькову, нача пристраиватися и поиде въ силѣ тяжцѣ, и нача города имати до Давелтвѣ и въ Нальщанѣхъ» ⁽¹³⁸⁾. Давелтва же, мы знаемъ, была около нынѣшняго Вилкомира, слѣдовательно и Нальщанскую землю должно полагать въ той же, сторонѣ. У Быховца есть известіе, что Гольшанъ, сынъ Романава, князя Литовскаго, перешедъ рѣку Веллу, «нашолъ гору Красную межи горами надъ рѣкою Вильнею, въ милѣ отъ устья рѣки Вилия, гдѣ упадываетъ въ рѣку Веллу противъ Роконтъшоукъ и въсчичаиъ городъ, и назове своимъ именемъ Гольшанъ»; потомъ «чина ловы въ пущѣ» за десять милъ отъ вновь построеннаго города, нашелъ другое удобнѣйшее мѣсто надъ рѣкою Кораблемъ, и тамъ поселился и назвался княземъ Гольшанскимъ ⁽¹³⁹⁾. Если землю Гольшанскую Быховца принять за одно съ землею Нальщанскою Вольнской лѣтописи, что очень вѣроятно по разности языковъ того и другаго источника: то Нальщанская земля должна быть на сѣверъ отъ Вилии въ 10 милахъ отъ впаденія въ нее Вилени, что не противорѣчитъ и смыслу нашихъ лѣтописей, въ которыхъ Нальщанская земля показывается между Литовскою землею и Давелтвою.

При описаніи смерти Миндовга, въ 1263 году, Вольнская лѣтопись говоритъ, что въ это время Полоцкъ принадлежалъ уже Литвѣ; ибо Тренята, князь Жмудскій, одинъ изъ соучастниковъ Миндовгова убійства, какъ сказано въ лѣтописи, «посла по брата своего по Товтавила до Полотъска, рѣка тако: брате прѣиди съмо, раздѣливъ землею и добытокъ Миндовговѣ» ⁽¹⁴⁰⁾. Дошедши до того времени, когда Полоцкъ причислялся къ Литовскимъ владѣніямъ, мы обратимся къ географическимъ свѣдѣніямъ о Полоцкой землѣ за прежнее время.

Полоцкія владѣнія въ XI столѣтіи и въ началѣ XII были довольно обширны; на востокъ они простирались до Днѣпра, къ сѣверу граничили съ владѣніями Новгородскими и Балтійскимъ моремъ, на западѣ терлись въ лѣсахъ Литвы и Жмуди, можетъ

⁽¹³⁸⁾ Ипат., стр. 202. ⁽¹³⁹⁾ Pomniki do dz. Litew., стр. 11., ⁽¹⁴⁰⁾ Ипат. 201.

быть, вплоть до рѣки Святой и даже далѣе, а на югѣ упирается въ Принеть. Имѣя прямое сношеніе съ Балтійскимъ моремъ и прорѣзанная значительными рѣками, земля Полоцкая была одна изъ самыхъ удобныхъ странъ для торговли; на юго-востоцкѣ судоходная Березина открывала Полочанамъ большую дорогу къ Двѣпру; черезъ самый Полоцкъ текла западная Двина, служившая прямою дорогою въ Балтійское море, и на югозападъ отъ Минска начинался Нѣманъ, доверегъ пересѣкавшій Литовскую землю, и также ведшій торговцевъ къ Балтійскому морю. Богатство и овеволеніе жителей показываютъ, что въ XII вѣкѣ торговля Полочанъ была въ цвѣтущемъ состояніи, и что тамошній народъ былъ одного характера и образа жизни съ Новгородцами и Смоленянами.

О владѣніяхъ Полоцкихъ князей на берегу Балтійскаго моря по Двинѣ и Нѣману свидѣтельствуегъ Несторъ въ XII столѣтіи: онъ въ числѣ племенъ, платящихъ дань Руси, перечисляетъ Литву, Зимголу, Корсь и Либь⁽⁴⁴¹⁾. Изъ нихъ Зимгола или Жмудь, Жемондь, а съ нею и Литва, какъ уже извѣстно намъ по Быковцу, и въ XII вѣкѣ жили при устьѣ Нѣмана и на востокъ отъ устья по Нѣману до рѣки Невѣжи и потомъ по рѣкѣ Святой; а Корсь и Либь, племена Латышскія, или лѣтописная Летыгола, по Рускимъ и Литовскимъ лѣтописямъ, имѣли свои поселенія по берегу Балтійскаго моря отъ устьевъ западной Двины на сѣверовостокъ и на югозападъ. Слѣдовательно, если сіи Литовскія и Латышскія племена были давниками Руси во время Нестора, т. е. въ началѣ XII вѣка, то поэтому и берегъ Балтійскаго моря при устьяхъ Нѣмана и Двины, и на востокъ отъ устьевъ Двины, принадлежалъ Руси; изъ Руссовъ же здѣсь не кто другой могъ быть владѣтелемъ, какъ Полочане, ближайшіе сосѣди къ этому краю. Это подтверждается еще тѣмъ, что, во 1-хъ, подъ 1106 годомъ лѣтопись упоминаегъ о походѣ Полоцкихъ князей въ Зимголу или Жмудь⁽⁴⁴²⁾; и во 2-хъ, что Нѣмцы, поселяясь въ XII вѣкѣ при устьяхъ Двины, должны были просить на то согласія Полоцкихъ князей, какъ владѣльцевъ этого края. Ливонская лѣтопись прямо говоритъ, что Полоцкій князь Владиміръ господствовалъ до устья Двины въ 1186 году, и имѣлъ на Двинѣ крѣпость Коженойсь (нынѣшній Коженхузенъ); по

(441) Полн. Собр. Р. А. Т. I, стр. 5. (442) Тамъ же, 120.

тѣмъ говорить о другомъ Двинскомъ князѣ, Всеволодѣ, который жилъ въ Герсикѣ, нынѣшнемъ Крейцбургѣ. Такииъ образомъ три лѣтописи, Руская, Ливонская и Литовская, прямо свидѣтельствуютъ, что Полоцкія владѣнія на западъ и сѣверозападъ простирались до Балтійскаго моря; что въ Латышской землѣ или Летыголѣ Полоцкія князья имѣли крѣпости по Двинѣ; что въ Жмудѣ, т. е. къ устью Немана, дѣлали походы, хотя не всегда удачныя, и что Литовцы начали выдвигаться за рѣку Святую на востокъ не раньше конца XII вѣка, да и то только къ сѣверу отъ Вилии, на южный же берегъ Вилии переступили не раньше половины XIII столѣтія. Все это пространство до того времени исключительно причислялось къ Полоцкимъ владѣніямъ и, кажется, большая часть городовъ въ этомъ краѣ принадлежала своимъ населеніемъ и построеніемъ Полочанамъ, на что намекаютъ ихъ названія чисто Русскія; напримѣръ: Новгородокъ, Волковыескъ, Городенъ, Ковно, Воруто, Вилкомаръ и другіе. То же указаніе видимъ въ названіяхъ Литовскихъ рѣкъ, напримѣръ Нѣманъ, отъ верховья, начинающагося недалеко отъ Минска до самаго устья, носить одно названіе и по нашимъ и Литовскимъ лѣтописямъ, слѣдовательно по всему теченію этой рѣки жилъ одинъ господствующій народъ—Полочане; потомъ рѣки, впадающія въ Нѣманъ, даже въ его низовьяхъ, носятъ чисто Русскія имена, таковы: Дубина, Невѣжа, Святая и пр.

Изъ нашихъ лѣтописей XII и XIII столѣтій мы можемъ почерпнуть слѣдующія географическія свѣдѣнія о землѣ Полоцкой. Подъ 1116 годомъ, при описаніи войны Мономаха съ Глѣбомъ Полоцкимъ, встрѣчаются ближайшіе къ границамъ Смоленскихъ и Кіевскихъ владѣній Полоцкіе города: Орша (или Рша) и Копысь на Днѣпрѣ, Друцъ на Друцѣ и Минскъ на Свислочѣ, впадающей въ Березину. Лѣтопись говоритъ: «Володимерь поиде къ Смоленску съ сынами своими, съ Давыдомъ Святославичемъ и Олговичи, и взя Вячеславъ Ръшю и Копысу, а Давыдъ съ Ярополкомъ узя Друтескъ на щитъ, а Володимерь самъ поиде къ Меньску»⁽¹¹²⁾. Далѣе, подъ 1128 годомъ, по случаю войны Мстислава Кіевскаго съ Полоцкими князьями, упоминаются въ этомъ краѣ города Изяславъ, нынѣшній Заславъ, на сѣверозападъ отъ

(112) Ипат., стр. 7.

Минска при верховьях Свислочи; Стрѣжевъ, нынѣшній Стрѣшнй на правомъ берегу Двѣпра, между устьями Друча и Березины; Борисовъ, на Березинѣ; Логожскъ, въ Борисовскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Гнойнѣ, на сѣверовостокъ отъ Изяслава и на западъ отъ Борисова; Немочъ, на сѣверовостокъ отъ Борисова, ближе къ Полоцку, въ нынѣшнемъ Лепельскомъ уѣздѣ, гдѣ, какъ указываютъ Надежинъ и Неволитъ, по спискамъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, значится селеніе Немочъ, неподалеку отъ Лепеля на сѣверовостокъ. Указанная здѣсь мѣстность означенныхъ городовъ вполне согласна съ рассказомъ Лѣтописи о войнѣ Мстислава съ Полоцкими князьями. Лѣтопись говоритъ: «посла Мстиславъ Вячслова изъ Турова, Авдreja изъ Володимеря (Вольшскаго), Всеволода изъ Городна, Вячеслава Ярославича изъ Клячска, тѣмъ повелѣ вѣти къ Изяславу»⁽⁴⁴⁴⁾. И указанный нами Изяславъ, т. е. нынѣшній Заславъ, дѣйствительно находится въ той сторонѣ Полоцкихъ владѣній, куда сподручье было вѣти изъ Волыни, Турова, Городна и Клячска. Потомъ въ лѣтописи сказано: «Всеволоду Ольговичю повелѣ вѣти съ своею братією, на Стрѣжевъ къ Борисову». Стрѣжевъ, нынѣшній Стрѣшнй, на правомъ берегу Двѣпра, на сѣверъ отъ Устья Березины, конечно для Всеволода Ольговича, шедшаго изъ земли Черниговской, долженъ быть первымъ Полоцкимъ городомъ по дорогѣ къ Борисову. А что онъ былъ Полоцкій городъ, на это прямо указываетъ лѣтопись подъ 1159 годомъ, гдѣ сказано, что Рогволодъ Борисовичъ по занятіи Полоцка отдалъ Стрѣжевъ Всеволоду сидѣвшему въ Изяславѣ⁽⁴⁴⁵⁾. Логожскъ, по смыслу лѣтописи, также очевидно стоялъ на сѣверовостокъ отъ Изяслава, гдѣ и нынѣ на рѣкѣ Гнойнѣ есть селеніе Логойскъ; ибо, говоритъ лѣтопись, одинъ изъ Полоцкихъ князей, Изяславъ, зять Мстиславовъ, пошелъ-было отъ Логожска къ Изяславу, но вида невозможность пробраться къ городу, отдался въ руки шурина своему вмѣстѣ съ Логожскими, которыхъ велъ съ собою⁽⁴⁴⁶⁾. Конечно, Изяславу не откуда было вѣти какъ съ сѣвера, отъ Изяслава, ибо югъ и востокъ были уже заняты полками Мстислава. О Немочѣ лѣтопись говоритъ: «потомъ же и Новгородцы придоша съ Мстислави-

(444) Ипат., стр. II. (445) Тамъ же, 83. (446) Тамъ же, 11.

чемъ Всеволодомъ къ Неключу» ⁽⁴⁴⁷⁾. Очевидно, что здѣсь можно разумѣть только Неключъ, Лепельскіиі, который именно стоитъ въ сторонѣ, ближайшей къ Новгородскимъ владѣніямъ.

Настоящій Мстиславовъ походъ въ Полоцкую землю имѣлъ самыя гибельныя послѣдствія для сего края. Черезъ годъ Мстиславъ сослалъ Полоцкихъ князей въ заточеніе въ Грецію, всю ихъ землю присоединилъ къ своимъ владѣніямъ, назначилъ въ тамошніе города для управленія своихъ мужей и вотомъ, кажется, послалъ туда сына своего, Изяслава. Конечно, это присоединеніе было ненадолго, ибо, при его пріемникѣ, Полючане отложились и приняли къ себѣ прежнихъ князей, возвратившихся изъ Греціи; но ово дало случай усилиться Литовцамъ, которые, пользуясь разстройствомъ Полоцкой земли, съ этого времени стали сильно напирать къ востоку и уже болѣе не удерживались ни рѣкою Святою, ни рѣкою Виліей. Лѣтопись Патріарха Гермогена прямо говоритъ, что съ того времени Литовцы отдѣлились отъ Полочанъ, и приняли себѣ въ князья бѣжавшихъ изъ Греціи дѣтей Ростислава Рогволодича, князя Давила и Брата его, князя Молкова ⁽⁴⁴⁸⁾. Да и по другимъ лѣтописямъ видно, что Литва еще при Мстиславѣ оказала свою силу; ибо черезъ два года по занятіи Полоцкихъ владѣній, Мстиславъ долженъ былъ идти на Литву съ своими сыновьями, Ольговичами и съ Всеволодомъ Городенскимъ ⁽⁴⁴⁹⁾; причемъ Литовцы побили множество Кіевлянъ. Воротавшіеся изъ Греціи князья Полоцкіе не могли уже подчинять себѣ всѣхъ прежнихъ своихъ владѣній, и остановили успѣховъ Литвы. Такъ подъ 1159 годомъ лѣтопись упоминаетъ, что одинъ изъ Полоцкихъ князей, Володаръ, долженъ былъ воевать съ Литовцами для защиты своихъ границъ, кажется при верховьяхъ Березины, гдѣ прежде вовсе не было еще Литовцевъ ⁽⁴⁵⁰⁾. Володаръ же этотъ, какъ видно изъ свидѣтельства лѣтописи подъ 1162 годомъ, княжилъ въ Городцѣ, который стоялъ на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Вили, въ цыгвинемъ Вилейскомъ уѣздѣ, на сѣверо-западъ отъ Изяслав-

⁽⁴⁴⁷⁾ Ипат., стр. 11. ⁽⁴⁴⁸⁾ Рук. Патр. библиот. ⁽⁴⁴⁹⁾ Ипат., стр. 12. ⁽⁴⁵⁰⁾ Тамъ же, 83.

ли, гдѣ еще и нынѣ есть селеніе Городецъ. Слѣдовательно, во второй половинѣ XII вѣка Литва выдвинулась далеко вверхъ по Виліи, и, кажется, уже вступила въ ближайшія сношенія съ разными Полоцкими князьями, особенно владѣвшими въ западныхъ городахъ, что прямо подтверждаетъ и лѣтопись, описывая походъ Рогволода Полоцкаго на Володаря Городецкаго. Тамъ сказано: «приходи Рогволодъ на Володаря съ Полотчанъ къ Городцю, Володаръ же не да ему полку въ дне, но ночь выступи навъ изъ города съ Литвою, и много зла створися въ ту ночь»⁽⁴⁴¹⁾. Здѣсь Литовцы, съ которыми Володаръ воевалъ въ 1159 году, уже являются его союзниками, сидятъ въ его городѣ и бьются за него съ Рогволодомъ. На тѣ же сношенія Литовцевъ съ Полоцкими князьями указываетъ извѣстіе лѣтописи подъ 1180 годомъ, гдѣ, при описаніи войны Святослава Киевскаго съ родственниками своими, Черниговскими князьями, сказано: «сдумавъ же Ярославъ съ Игоремъ, поидоста къ Друтьску, поемше съ собою Половцѣ; и придоша Полоцкія князя въ стрѣтеніе, помогающе Святославу: Васильковича, Брячиславъ изъ Витебска, братъ его Всеславъ съ Полочаны, съ ними же бяхуть, и Лябь, и Литва, Всеславъ Микулочъ изъ Логожеска, Андрей Володьшичъ и сыновець его Изяславъ, и Василько Брячьславичъ, снемшеся вси поидоша мимо Друтьскъ противу Святославу»⁽⁴⁴²⁾. Это извѣстіе намекаетъ, что Литва пришла къ Всеславу съ сѣверозапада, ибо съ Литовцами были тутъ и Лябь, т. е. Летыгола, жившая, какъ мы знаемъ, на сѣверѣ отъ Двины, къ Балтійскому морю; слѣдовательно Литовцы въ это время главнымъ образомъ жили еще на сѣверномъ берегу Виліи, гдѣ сходились около Браслава съ Летыголою. То же подтверждаетъ другое извѣстіе лѣтописи подъ 1198 годомъ; Новгородская лѣтопись, рассказывая о кончинѣ Изяслава Ярославича, говоритъ: «Изяславъ бѣше посаженъ на Лукахъ княжити, а отъ Литвы оплечье Новугороду»⁽⁴⁴³⁾. Здѣсь мы также видимъ, что главныя поселенія Литовцевъ въ это время были на сѣверозападѣ отъ Полоцка; что Литва направала съ востоку только въ этомъ краю, т. е. вѣскольکو сѣвернѣе Полоцка и стремилась къ Новугороду и Пскову, а соб-

⁽⁴⁴¹⁾ Ипат., стр. 91. ⁽⁴⁴²⁾ Тамъ же, 124. ⁽⁴⁴³⁾ Новг. I, стр. 24.

ственно съ Полоцкомъ находилась въ дружественныхъ отноше-
 нияхъ; какъ и свидѣтельствуеъ лѣтопись подъ тѣмъ же го-
 домъ, говоря: «на ту же осень придоша Полочане съ Литвою
 на Лукн и погнаша хоромы На ту же зиму ходи князь
 Ярославъ съ Новгородци и съ Пальковичи, и съ всею областью
 Новгородскою къ Полоцкску; и уорѣвоша Полочане съ Пок-
 лоновъ на озерѣ Каспль» (444). По этому извѣстію Литовцы
 опять являются союзниками Полочанъ, и идутъ съ ними на
 Новгородциѣ владѣнія; очевидно, что здѣсь Полочане воевали
 Литовцевъ, а не Литовцы Полочанъ; ибо Ярославъ, въ отище-
 ніе за набѣгъ, ходилъ не на Литву, а на Полоцкъ. Все сѣмъ из-
 вѣстія согласно съ лѣтописью Быхомца свидѣлельствуютъ,
 что Литовцы до самаго конца XII вѣка не переходили еще на
 югъ отъ Влині, что границы Полоцкихъ владѣній, на сѣверо-
 западѣ, отодвинутыя Литвою до Браслава (можетъ-быть и за
 Браславъ къ востоку), на югозападѣ, оставалась прежнія и
 простиралась до земель Ятвяжскихъ и Жиудв. Литовцы, хотя
 и прорывались въ этотъ край и даже дѣлали набѣги до самой
 Припечи, какъ мы уже видѣли изъ свидѣлельствъ лѣтописей
 подъ 1190, 1193 и 1195 годами, но очевидно не могли еще
 утвердиться здѣсь. Граница Полоцкихъ земель на востокъ въ
 концѣ XII столѣтія также оставалась прежняя, т. е. Двѣпръ
 и верховья Двины до впаденія въ нее съ одной стороны Усвята,
 а съ Другой Каспль; ибо мы видѣли, при описаніи войны Свато-
 слава, въ 1180 году, что Друцкъ и Ватескъ еще принадлежали
 Полоцкимъ князьямъ, а въ 1198 году Полочане выходили къ
 Каспль на встрѣчу Ярославу, шедшему изъ Новгорода на По-
 лецкъ. Объ Усвятѣ, какъ о Полоцкой границѣ, лѣтопись упо-
 минаетъ еще въ 1225 году, гдѣ сказано, что Ярославъ Нов-
 городскій «бился съ Литвою на Усвятѣ». Кромѣ того въ
 этомъ же краю на сѣверозападѣ отъ Усвята въ 1185 году
 упоминается Полоцкій городъ Еменецъ, какъ пограничный
 съ Новгородскими землями. Нынѣ неподалеку Невля есть
 еще селеніе Еменецъ, мѣстность котораго совершенно со-
 гласна съ указаніемъ лѣтописи. Следовательно здѣсь Полоц-
 кая граница простиралась до нынѣшняго Невля (445). Изъ дру-

(444) Новг. Л., стр. 24 (444) Тамъ же, 19—42.

тренихъ Полоцкихъ геродовъ въ XII вѣкѣ упоминаются: Ду-
дутокъ, нынѣшнее селеніе Дудичи на югъ, отъ Минска, въ Игу-
меновомъ уѣздѣ, неподалеку отъ верховьевъ Нѣмана; мѣст-
ность селенія Дудичей вполне согласна съ указаніемъ Слова о
полку Игоревѣ о городѣ Дудуть. Въ Словѣ сказано: «Все-
славъ отвори врата Новуграду разшибъ славу Яроslаву,
скоче влѣкомъ до Немга съ Дуудоткъ» ⁽⁴⁶⁶⁾, т. е. отъ Дуудоткъ
Всеславъ пустился на Нѣманъ или Немгу, а нынѣшніе Дудичи
именно стоятъ очень близко отъ верховьевъ Нѣмана. А подъ
1159 годомъ упоминается о мѣстечкѣ Бѣльчидѣ, мѣстность ко-
торого рѣшительно соответствуетъ нынѣшнему мѣстечку Бѣль-
чицѣ, которое по спискамъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ,
какъ указываютъ Надеждинъ и Невольнъ, находится въ 3-хъ
верстахъ отъ Полоцка за Двиною; по смыслу же лѣтописи, Бѣль-
чица древняя должна находиться именно подлѣ Полоцка; ибо въ
лѣтописи сказано: «Начаша Полочане вабити Ростислава къ
собѣ, рекуче: княже! поѣди къ намъ, суть ны съ тобою речи;
поѣди же къ намъ въ городъ; бѣшетъ бо князь въ то время ни
Бѣльчица» ⁽⁴⁶⁷⁾.

Въ началѣ XIII вѣка Полоцкія владѣнія оставались въ тѣхъ
же границахъ, въ какихъ были въ концѣ XII столѣтія; но послѣ
нашествія Батыя на югозападную Русь, какъ сказано у Быхов-
ца, Литовцы перебрались на южный берегъ Вилии, и въ про-
долженіе какихъ либо двадцати лѣтъ подчинили себѣ всѣ
Полоцкія земли, частію посредствомъ войнъ, а частію при
помощи брачныхъ союзовъ князей, и такимъ образомъ земля
Полоцкая стала называться землею Литовскою. Но вла-
дѣнія Пинскія и Городенскія, которыя лежали по обомъ
берегамъ Припети и принадлежали особымъ Русскимъ кня-
зьямъ, еще оставались независимыми, хотя были уже въ
близжайшемъ сосѣдствѣ съ Литовскими землями въ ихъ по-
вомъ объемѣ. Въ нихъ были города: Пинскъ, на правомъ берегу
Припети между Туріей и Стыремъ при ихъ впаденіи; Городея,
также на правомъ берегу Припети между Стыремъ и Горынью,
тоже при ихъ устьяхъ; на лѣвомъ берегу Припети Слуцкъ, при
верховьяхъ Случа; Клеческъ, и Несвижъ, на сѣверопадѣ отъ

⁽⁴⁶⁶⁾ Сл. о полку Игор. изд. 1844 г., стр. 191. ⁽⁴⁶⁷⁾ Ипат., стр. 83.

Слуцка, первыйи при верховьяхъ Лавы, впадающей въ Днѣпръ, а второйи на Липѣ, одномъ изъ верхнихъ притоковъ Нѣмана. Весь этотъ край, кажется, былъ заселенъ племенемъ Дреговичей; лѣтопись подъ 1116 годомъ называетъ Слуцкѣ городомъ Дреговичей⁽⁴⁴⁸⁾. Князья Пинскіе упоминаются еще какъ самостоятельные владѣтели въ 1253 году; лѣтопись говоритъ: «Данило поиде къ Новгородку и приде къ Пиньску; князи же Пиньциѣи вмѣяху лествъ, и повѣ со собою неволею на войну», и подъ 1292 годомъ сказано: «преставися Пинскій князь Юрьи»⁽⁴⁴⁹⁾. А князь Несвижскій Юрійи участвовалъ въ Кальскомъ бою, какъ свидѣтельствуесть Новгородская лѣтопись⁽⁴⁵⁰⁾.

По свидѣтельству Русскихъ лѣтописей, Литовскія владѣнія при Миндовгѣ уже заключали въ себѣ всѣ земли на сѣверъ отъ Припечи, и на западъ отъ Днѣпра; Миндовгъ владѣлъ Здѣтовымъ, Волковъиискомъ, Слонимомъ, Новгородкомъ, Слуцкомъ, Минскомъ и Полоцкомъ, и только Витебскіе князья остались независимыми. Литовцы даже успѣли проникнуть въ Черниговскую землю и производили тамъ большія опустошенія; въ лѣтописи подъ 1258 годомъ упоминается Миндовговъ мовода Хвалъ, о которомъ сказано: «иже велико убійство творяше землю Черныговской»⁽⁴⁵¹⁾; а подъ 1263 годомъ таже лѣтопись говоритъ, что Миндовгъ въ тотъ годъ посылалъ всю свою силу за Днѣпръ на Романа Брянскаго⁽⁴⁵²⁾.

Послѣ Миндовга, по свидѣтельству Быховца, собственно въ Литовской землѣ являются города: Керновъ, неподалеку отъ Вильны, нынѣшнее Кернова; лѣтопись говоритъ: «умершу Роману, начне княжити въ Новгородѣ сынъ его старшій Наримонтъ и иччинилъ естъ городъ Керновъ, и знесе съ Новгородка столецъ до Кернова, и началъ княжити и назовется великій князь Новгородскій, Литовскій и Жомойтскій»⁽⁴⁵³⁾. Въ это же время построены городъ Гедройты, нынѣшніе Гедройцы, въ Виленскомъ уѣздѣ, на сѣверъ отъ Вильны; Быховецъ говоритъ: «третійи братъ Наримонтовъ, Гедрусъ, зарубилъ городъ, и назоветъ его именемъ своимъ Гедройты, и прозовется княземъ Гедройтскимъ»⁽⁴⁵⁴⁾.

⁽⁴⁴⁸⁾ Ипат. 7., стр. 226. ⁽⁴⁴⁹⁾ Тамъ же, 188. ⁽⁴⁵⁰⁾ Новг. I, стр. 41. ⁽⁴⁵¹⁾ Ипат. стр. 195. ⁽⁴⁵²⁾ Тамъ же, 201. ⁽⁴⁵³⁾ Pomniki do dz, Litew. стр. II. ⁽⁴⁵⁴⁾ Тамъ же.

Потомъ еще являются города: Роконтышки и Гольшавы, одинъ на правомъ берегу Вилии, гдѣ нынѣшніе Рыконты, къ сѣверовостоку отъ Трокъ, а другой, противъ Роконтышокъ, въ одной миле отъ впаденія Вилии въ Вилію; о сихъ двухъ городахъ мы говорили уже выше. За тѣмъ является городъ Утены, можетъ-быть нынѣшніе Уцяны въ Вилкомирскомъ уѣздѣ, на сѣверовостокъ отъ Вилкомира. По словамъ Быховца: «второй братъ Наримонта Довмонтъ, сяде на отчизнѣ своей Утынѣ, и назовется княземъ Утынскимъ» ⁽⁴⁶⁵⁾. Указанная нами мѣстность Утены опредѣляется слѣдующимъ обстоятельствомъ: во время войны Довмонта Утенскаго съ Наримонтомъ, когда сей послѣдній осадилъ Утены, Довмонтъ, не имѣя возможности сопротивляться, бѣжалъ во Псковъ ⁽⁴⁶⁶⁾; слѣдовательно Утены были въ сторонѣ ближайшей ко Пскову, гдѣ именно находятся нынѣшніе Уцяны. Всѣ сіи города являются незадолго до 1270 года, ибо по нашимъ лѣтописямъ Тройденъ сдѣлался великимъ княземъ Литовскимъ въ этомъ году ⁽⁴⁶⁷⁾. Потомъ, во время княженія Наримонта, слѣдовательно не задолго до 1270 года, къ Литовскимъ владѣніямъ была присоединена земля Ятвяжская, и тамъ на рѣкѣ Беброи Наримонтовъ братъ Тройденъ выстроилъ Раиі городъ. Быховецъ говоритъ: «доведался великій князь Наримонтъ што князи Ятвежскіи змерли, а люды ихъ безъ господаря мешкають, и князь Наримонтъ пойде на нихъ, и они непротивешия имъ подалися, и поклонилися ему, и онъ оставши имъ господаремъ, и взявши ихъ, далъ брату своему Тройдену за дань, и князь Великій Тройденъ найде гору красну надъ рѣкою Беброю, и зарубилъ городъ и назоветъ его Раиі городъ, и прозовется княземъ великимъ Ятвижскимъ и Доиновскимъ» ⁽⁴⁶⁸⁾. Утвердившись въ землѣ Ятвяжской, Литовцы, по свидѣтельству Быховца, стали чинити набѣги на Ляховъ, Мазовшанъ и Волинію, что подтверждается и нашими лѣтописями, въ которыхъ подъ 1274 годомъ упоминается, что Тройденъ посылалъ Гродвянъ на Дрогичинъ ⁽⁴⁶⁹⁾. Потомъ, въ 1276 году, Тройденовъ братъ Сирпутий воевалъ около Каменца, т. е. по Муховцу ⁽⁴⁷⁰⁾, за что Владиміръ Васильковичъ послалъ рать въ Литву къ Тройденову городу Турійску, который

⁽⁴⁶⁵⁾ Pomn. do dz. Litew. стр. II. ⁽⁴⁶⁶⁾ Тамъ же, 12. ⁽⁴⁶⁷⁾ Ипат., стр. 204. ⁽⁴⁶⁸⁾ Pomn. do dz. Litew., стр. II, ⁽⁴⁶⁹⁾ Ипат., стр. 205. ⁽⁴⁷⁰⁾ Тамъ же, 206.

отомъ на Нѣманѣ, вѣроятно нынѣшній Турецъ въ Новогородскомъ уѣздѣ. Подъ 1278 годомъ въ нашихъ же лѣтописяхъ упоминается о войнѣ Тройдена съ Ляхами ⁽⁴⁷¹⁾. Премникъ Тройдена, Витень, распространилъ границы Литовской земли на юго-западъ до самаго Буга ⁽⁴⁷²⁾ и даже ниже Буга перебрался черезъ Вислу и сжегъ Левичицу у Ляховъ въ 1299 году ⁽⁴⁷³⁾. Еще прежде, въ 1286 году, Витень посылалъ свои полки къ Ригѣ и въ Лѣттыголу; но здѣсь Литва не имѣла успѣха и не могла взять ни одного города ⁽⁴⁷⁴⁾. Такимъ образомъ Литовцы къ XIV вѣку распространили границы своихъ владѣній: на западъ до Буга и до Прусской земли, откуда Пруссы, гонимые Нѣмцами, начали переселяться въ 1276 году и были посажены Тройденомъ въ Гроднѣ и Волковыискѣ ⁽⁴⁷⁵⁾, на сѣверъ до владѣній Литовскихъ, Псковскихъ и Новгородскихъ; на востокъ придвинулась почти къ самому Днѣпру, и даже прорывались за Днѣпръ въ Черниговскія владѣнія; и наконецъ на югъ съ одной стороны проникли до устья Березины, а съ другою до Ясельды и Нарева.

Въ XIV столѣтїи границы Литовскихъ владѣній распространились еще болѣе: на западъ Литовцы проникли въ Пруссию, а на югъ и востокъ загладили почти всю западную Русью. Премникъ Витена, Гедиминъ, по свидѣтельству Быховца, на другой же годъ своего правленія пошелъ на Прусскихъ Нѣмцовъ, и разбивши ихъ на рѣкѣ Отмонѣ на сей сторонѣ города Жеймонъ, (сейчасъ, вѣнынъ вѣннемъ Августовскомъ воеводствѣ на западъ, отъ Нѣмана) проникъ далѣе въ землю Прусскую и занялъ города Тылжу (нынѣшній Тильзитъ) и Рагнету (нынѣшній Рагнатъ) ⁽⁴⁷⁶⁾. Потомъ, въ 1305 году, война съ Русскими князьями, занялъ Овручъ и Житомиръ, вѣроятно всю Туровскую землю ⁽⁴⁷⁷⁾ и въ то же время подчинилъ себѣ край Пинскій, ибо въ одной родословной сказано, что Гедиминъ «отдалъ Пинскъ сыну своему Нармонту» ⁽⁴⁷⁸⁾ что подтверждаетъ и Быховецъ. Ипатіевская лѣтопись еще подъ 1292 годомъ упоминаетъ о самостоятельныхъ Пинскихъ князьяхъ ⁽⁴⁷⁹⁾; следовательно Пинская земля до Гедимина не была еще завоевана Литовцами. По занятіи

⁽⁴⁷¹⁾ Ипат., стр. 207. ⁽⁴⁷²⁾ Родослов. кн. I, стр. 30. ⁽⁴⁷³⁾ Ипат., 226. ⁽⁴⁷⁴⁾ Тамъ же, 213. ⁽⁴⁷⁵⁾ Тамъ же, 206. ⁽⁴⁷⁶⁾ Pot. do dz. Litew. стр. 15. ⁽⁴⁷⁷⁾ Полн. Соб. лѣт., Т. II, стр. 348. ⁽⁴⁷⁸⁾ Рукосн. Петр. библ. ⁽⁴⁷⁹⁾ Ипат. стр. 226.

Подолаго и Туровскаго края, Гедиминъ првступилъ къ завоеванію земель Кіевскоіи и Переяславскоіи, и разбивши на Ирпени Кіевского Станислава и его союзниковъ, Олега Переяславскаго и Романа Браснаго, занялъ Кіевскіе города: Бѣлгородъ, Кіевъ, Вышгородъ, Черкасы, Коневъ, Шутывль, Слєповрадъ и, перешедъ Днѣпръ, завладѣлъ странною Переяславскою, и посадивъ на Кіевъ и Переяславъ княземъ Мицковова сына Ольгимонта Гольшанскаго ⁽⁴⁰⁰⁾. Такимъ образомъ присоединилъ къ Литовскимъ владѣніямъ весь западный берегъ Днѣпра и южную часть восточнаго. Далѣе въ нашихъ родословныхъ упоминается, что еще при Гедиминѣ сыиъ его, Любартъ, женатый на дочери Волынскаго князя Андрея, по смерти тестя получилъ по наслѣдству Волынь ио самую Подолю ⁽⁴⁰¹⁾, что подтверждается и договорною грамотою 1340 года, въ которой сыновья Гедиминовы, Евнутей, Кестутій и Любартъ, говорятъ Казимиру Польскому: «а вамъ держати землю Володимирскую, Луцкую, Бельскую, Холмскую и Берестіііскую сполна» ⁽⁴⁰²⁾. По свидѣтельству Быховца, другой сынъ Гедиминовъ, Олгердъ, также при жизни отца, получилъ по наслѣдству отъ тестя землю Витебскую ⁽⁴⁰³⁾. Такимъ образомъ при Гедиминѣ Литовскіе князья сдѣлались чисто Русскими владѣльцами и представителями Русской жизни въ Заднѣпровьѣ; ихъ владѣнія, состоявшія изъ Русскихъ княжествъ, на западъ граничили Бугомъ и Вепршемъ, на сѣверѣ сообщали съ Ливонскими, Псковскими и Новгородскими землями, на востокъ упирались въ Днѣпръ и даже выходили за него въ земли Витебской и Переяславской, и на югъ доходили до Роси и верховьевъ Случи, Горыня, Стыря и западнаго Буга.

Собственно въ Литовской землѣ, по свидѣтельству Быховца, при Гедиминѣ являются новые города, имъ построенные: Троки на югозападѣ отъ Виліи, и Вальна при Виліи; оіи два города одинъ послѣ другаго при Гедиминѣ были главными городами или столицами Литвы ⁽⁴⁰⁴⁾. Далѣе, при Гедиминѣ же, въ первый разъ встрѣчается изетаринный городъ Кровъ, нынѣшнее село Крєво въ Ошмянскомъ уѣздѣ, при верховьяхъ рѣчки

⁽⁴⁰⁰⁾ Pom. do dz. Litew., стр. 15—16. ⁽⁴⁰¹⁾ Рук. Патр. биб. ⁽⁴⁰²⁾ Ак. Зап. Рос. Т. I, № 1. ⁽⁴⁰³⁾ Pom. do dz. Litew., стр. 17. ⁽⁴⁰⁴⁾ Тамъ же, 17.

Везинны, впадающей въ Иѣманъ съ правой стороны. Этотъ городъ очевидно лежалъ уже въ древней землѣ Кривской и, можетъ быть, былъ первоначальнымъ селеніемъ Кривичей, откуда они прошли къ Смоленску и Полоцку. При Гедиминѣ онъ достался въ удѣлъ его сыну Олгерду ⁽¹⁴⁶⁾. Что онъ стоялъ именно въ томъ краю и можетъ-быть на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣшнее село Крево, на это прямо указываетъ слѣдующее обстоятельство, замѣченное въ лѣтописи: Кестутій, составивши заговоръ съ Олгердомъ противъ старшаго брата Евнутія, когда захватилъ Вильну, послалъ оттуду гонца на встрѣчу къ Олгерду, который спѣшилъ туда же изъ Витебска, и гонецъ его встрѣтилъ Олгерда въ Кревѣ. Слѣдовательно древній Кревъ лежалъ на дорогѣ изъ Витебска въ Вильну, а нынѣшнее Крево именно лежитъ въ этомъ краю.

Преемникъ Гедимины, сынъ его, Олгердъ, еще болѣе распространилъ границы Литовско-Русскаго государства. Въ 1351 году, разбивши Татаръ на Свней Водѣ, онъ завладѣлъ Подолією и землею Болоховскою, бывшими до того времени за Татарами, и управлявшимися черезъ атамановъ и Татарскихъ баскаковъ; здѣсь Олгердъ посадилъ своихъ племянниковъ Каріатовичей, которые начали строить, въ этомъ опустошенномъ Татарами краю, новыя города и возобновлять старые. На рѣкѣ Смотричѣ они построили городъ Смотричъ, на восточномъ Бугѣ, въ нынѣшней Каменецъ-Подольской губерніи—Брацлавъ, въ Киевской губерніи, въ нынѣшнемъ Макиевскомъ уѣздѣ—Сокалець, на югозападъ отъ Смотрича, въ нынѣшней Галиціи въ Чериковскомъ уѣздѣ—Скалу, на правомъ берегу Збруча, и Черлены, можетъ-быть нынѣшнюю Черневцы, въ Ямпольскомъ уѣздѣ, и возобновили Каменецъ и Бакоту ⁽¹⁴⁷⁾. Потомъ около 1356 года Олгердъ, воспользовавшись безпорядками, происшедшими въ Брянскѣ по смерти тамошняго князя Василія, завладѣлъ Брянскомъ и всѣмъ Черниговскимъ краемъ ⁽¹⁴⁸⁾ и въ 1358 году занялъ Мстиславль и Ржеву въ Смоленской землѣ. Такимъ образомъ Литовскія владѣнія при Олгердѣ на югѣ простирались до Каменца-Подольскаго, Брацлава и Черкасъ; а на востокъ ихъ пограничными городами были: самымъ

⁽¹⁴⁶⁾ Pom. do. dz. Litew., стр. 17. ⁽¹⁴⁷⁾ Тамъ же, 19—20 ⁽¹⁴⁸⁾ Ник. III, стр. 207.

южнымъ Полтава, потомъ Глинскъ и Глинница, въ высѣйшемъ Роменскомъ уѣздѣ ⁽⁴⁴⁸⁾, Путивль, Глуховъ, Рыльскъ, Трубчевскъ и Брянскъ. Въ доказательство, что Брянскъ, Путивль, Глуховъ и Трубчевскъ при Олгердѣ были уже Литовскими городами, можно представить извѣстія нашихъ лѣтописей, изъ которыхъ видно, что въ сихъ городахъ княжили Литовскіе князья. Подъ 1180 годомъ лѣтопись упоминаетъ о князѣ Дмитріи Олгердовичѣ Брянскомъ ⁽⁴⁴⁹⁾; а подъ 1378 годомъ того же Дмитрія Олгердовича называетъ княземъ Трубчевскимъ, и притомъ говоритъ, что рать Московская ходила въ землю Литовскую и повоєвала Трубчевскъ и Стародубъ «и явилъ власти и станы» ⁽⁴⁵⁰⁾; подъ 1399 годомъ въ той же лѣтописи встрѣчаемъ князя Федора Патрѣкѣевича Рыльского ⁽⁴⁵¹⁾. Далѣе къ сѣверовостоку за Брянскомъ граница Литовская шла по Леснѣ и Угрѣ, въ коихъ первая отдѣляла Литовскія владѣнія отъ разныхъ мелкихъ княжествъ, каковы Карачевское, Мосальское, Козельское и другія, въ которыхъ еще княжили потомки Михаила Черниговскаго, какъ значится по родословнымъ и лѣтописямъ; вторая же была рубежомъ между Москвою и Литвою. На сѣверѣ и западѣ Литовскія границы при Олгердѣ, кажется, оставались тѣ же, какія были и при Гедиминѣ; ибо войны Олгерда съ Нѣмецкимъ Орденомъ въ Пруссіи, также съ Орденомъ Меченосцевъ въ Ливоніи, съ Псковичами и Новгородцами, хотя иногда и были успѣшны, но никогда не доставляли прочныхъ завоеваній для Литвы.

По смерти Олгерда, сынъ его, Ягайло, выдвинулъ Литовскую границу на западъ до самой Вислы или по Бѣлую-Воду, куда иногда ненадолго продвигались и прежніе Вольнскіе князья. Въ лѣтописи Быховца сказано: «Ягайло, перешедши Вислу подъ Завихвостомъ, спалилъ Завихвостъ, Опатовъ и другіе города Польскіе по самую Вислицу, и поималъ тамъ множество жителей. И потомъ половеню вчинилъ границу за Ляхи по бѣлую води, т. е. по рѣку Вислу» ⁽⁴⁵²⁾. Потомъ, когда Ягайло выбрали въ король Польскіе, всѣми Литовскими землями завладѣлъ двоюродный его братъ, Витовтъ, который, при помо-

⁽⁴⁴⁸⁾ Временникъ кн. X, стр. 84., родослов. ⁽⁴⁴⁹⁾ Ник., VI, 105. ⁽⁴⁵⁰⁾ Тамъ же, 84. ⁽⁴⁵¹⁾ Тамъ же, 283. ⁽⁴⁵²⁾ Potink. do dz. Litew., стр. 27—28.

шия Литовскихъ и Прусскихъ Нѣмецкихъ рыцарей, побѣдилъ Ягайла и принудилъ его отступить отъ Литовскихъ владѣнй. Причемъ литовцы въ числѣ Литовскихъ городовъ уже упоминаютъ Могилевъ на Днѣпрѣ, гдѣ княжилъ Андрей Владиміровичъ⁽⁴⁰²⁾; потомъ Оршу, перешедшую было прежде къ Смоленскому князюству⁽⁴⁰³⁾. Наконецъ, въ 1396 году, Витовтъ завадѣлъ и всю Смоленскую землю⁽⁴⁰⁴⁾. Такимъ образомъ къ концу XIV столѣтія Литовско-Русскія владѣнія обнимали собою всѣ земли, которыми когда либо владѣли прежніе Русскіе князья на западъ отъ Днѣпра; только одинъ Галицкій край не вошелъ въ составъ ихъ, ибо этою странною успѣлъ завладѣть Казимиръ Великій, Король Польскій, еще въ 1340 году. А на восточномъ берегу Днѣпра въ составъ Литовскихъ владѣнй вошла все княжество Переяславское, также Черниговское, Новгородъ-Сѣверское по Путивль, Глухонь, Рылокъ и Брянскъ включительно, и наконецъ княжество Смоленское. Слѣдовательно съ этой стороны Литовско-Русскія владѣнія простирались прямо къ землямъ Московскимъ, Тверскимъ и Новгородскимъ. А на юговостокѣ они граничили степями Татарскими, точно такъ же, какъ въ XII столѣтіи прежніе княженія Переяславское, Черниговское и Новгородъ-Сѣверское были смежны съ степями Половецкими.

Съ XV столѣтія Литовцы не дѣлали болѣе прибрѣтеній въ Русской землѣ, или дѣлали очень незначительныя въ Псковскихъ и Новгородскихъ владѣніяхъ, и то невдолго; а съ половины XV столѣтія мало по малу начали терять и прежнія свои прибрѣтенія, которыя прибавала въ свои руки Москва. И по сему въ слѣдующій столѣтіе мы уже болѣе не будемъ говорить отдѣльно о географическихъ свѣдѣніяхъ въ Литовской Руси.

Слѣзавши обзоръ Русскихъ земель, лежащихъ на востокъ и западъ отъ Днѣпра, теперь остается собрать географическія свѣдѣнія о странѣ, лежащей при верховьяхъ Днѣпра. Страна сія, въ продолженіе XII, XIII и XIV столѣтій, составляла особое, довольно значительное, княжество Смоленское, гдѣ главнымъ городомъ былъ Смоленскъ при Днѣпрѣ. Смоленскъ, съ своею обла-

(402) Ротн. do dz. Litew., 29. (403) Тамъ же, 30 (404) Тамъ же, 35.

свою, по смерти Ярослава Великаго, сперва переходила отъ одного княжескаго рода къ другому, а потомъ достался Ростиславу Мстиславичу, внуку Мономахову, и до покоренія Литвою уже постоянно оставался въ его родѣ. На югъ Смолѣнскія владѣнія соотвѣстали съ Черниговскими, простиравась до Печерска на Сожѣ, самаго сѣвернаго Черниговскаго города; або въ лѣтописи подъ 1168 годомъ сказано, что Ростиславъ Смоленскій пришелъ изъ Кіева къ Ологу Остродубскому въ Чичерокъ и оттуда уже огоравился въ Смоленскую землю: «приде Ростиславъ Чичирьску къ зати Олгови, ту бо Олгъ ждалъ его; наутрѣ же день възва Ростиславъ къ собѣ Олга и дчерви большими дары учредилъ воѣхъ, иде Смоленску. И вчаша и срѣтати лутшіи мужи Смольшы за 300 верстѣ»⁽⁴⁴⁶⁾. Отъ Печерска Смоленская граница шла къ другому Черниговскому городу, Воцину, который стоялъ при Деснѣ, въ 40 верстахъ отъ Брянска къ верху; отсюда, въ 1156 году, тамошній князь свосился съ Ростиславомъ Смоленскимъ и, остави своего люду, Изяслава Давидовича Черниговскаго, приступилъ къ союзу съ Смоленскимъ княземъ⁽⁴⁴⁷⁾. Отъ Воцижа Смоленская граница поворачивала къ сѣверовостоку, гдѣ рубежомъ была верховья Десны, которая отдѣляла Смоленскія земли отъ Брянскихъ. Здѣсь, можетъ быть, пограничнымъ Смоленскимъ городомъ былъ Рославль или Ростиславль; ибо, по книгѣ Большаго Чертежа, Рославль значится въ 20 верстахъ отъ Десны, гдѣ она поворачиваетъ на востокъ⁽⁴⁴⁸⁾; потомъ съ Десны Смоленская граница переходила на Угру къ ея верховьямъ. Впрочемъ, кажется, были Смоленскія владѣнія и за Десною на востокъ; ибо въ уставной грамотѣ Ростислава Смоленскаго, писанной въ 1150 году, упоминается Шуйская дашь, а вышѣ селеніе Шуй лежитъ на востокъ отъ Десны на границахъ Мясальскаго уѣзда съ уѣдомъ Елиз. Верховья Угры принадлежали къ Смоленскимъ владѣніямъ; объ этомъ лѣтописецъ лоне говоритъ подъ 1147 годомъ: «Святославъ же (Ольговичъ) приде къ Давиду, и ту придоша къ нему друзи Доловѣ, Токсобичи, и прсда я на Смольныи, и половеца верхъ Угры»⁽⁴⁴⁹⁾. Съ Угры Смоленская граница къ сѣверовостоку въ правденіи шла къ верховьямъ Прѣты

⁽⁴⁴⁶⁾ Ипат., стр. 94. ⁽⁴⁴⁷⁾ Ипат. 79. ⁽⁴⁴⁸⁾ Кн. Б. Ч., стр. 63. ⁽⁴⁴⁹⁾ Ипат., 30.

вы и оттуда на Можайскъ, который, по крайней мѣрѣ въ XIII столѣтїи, былъ крайнимъ сѣверовосточнымъ Смоленскимъ городомъ. Въ XII же столѣтїи, очевидно, Смоленскія владѣнія далеко выдвигались на востокъ въ землю Суздальскую: въ уставной грамотѣ 1150 года Ростиславъ князь Смоленскїи пишетъ: «Суждали залѣская дань, аже воротитъ Гюрчи, а что будетъ въ ней изъ того Святѣи Богородицѣ десятина» ⁽⁵⁰⁰⁾. Очевидно, что западная часть Суздальской земли причислялась прежде къ Смоленскимъ владѣніямъ, и была отнята у Смоленскихъ князей, навсегда или на время, Юриемъ Долгорукимъ. Въ лѣтописяхъ однако же подробностей этого происшествїя мы не находимъ; тамъ только упоминается, подъ 1147 годомъ, что Святославъ Ольговичъ «ходилъ воевать область Смоленскую, и взя люди Голядъ верхъ Протвѣ» ⁽⁵⁰¹⁾. Но Можайскъ, очевидно, тогда еще не былъ взятъ, ибо онъ оставался Смоленскимъ городомъ и составлялъ особый удѣлъ, еще во второй половинѣ XIII столѣтїа, Можайскаго князя Федора Ростиславича, въ 1277 году ⁽⁵⁰²⁾. Отдѣленіе Можайска послѣдовало въ 1303 году, когда этотъ городъ былъ взятъ Московскимъ княземъ Юриемъ Даниловичемъ, который привелъ въ Москву плѣнникомъ и послѣдняго Можайскаго князя Святослава ⁽⁵⁰³⁾. На сѣверѣ Смоленскія владѣнія граничили съ Тверскими и Новгородскими. Здѣсь Смоленскїи рубежь шелъ съ Можайска на Ржеву и со Ржевы въ верхъ до озера Селигера, какъ это можно заключать изъ слѣдующаго мѣста Новгородской лѣтописи; при описанїи войны Мстислава Торопецкаго съ Ярославомъ въ 1216 году, въ лѣтописи сказано: «поиде князь Мстиславъ на зять свой Ярослава съ Новгородци, (озеромъ) Серегеремъ, и вниде въ свою волость (Торопецкую), и рѣче Новгородцемъ: идѣте въ зажитїа, толико головъ неемлите; паоша исполнишася кѣрма и сами и кони, и быша върху Влзѣ; осѣлъ Святославъ Ржевку, городць Мстиславъ (въ Воскресенскомъ епискѣ: «а князь Святославъ осѣлъ городець Ржевку») съ полки въ 10 тысяць; Мстиславъ же съ Володимиромъ съ Плесковскимъ поиде бързе въ 5 сътъ . . . в пригови, или побѣгли прочь а Ярунъ баше затворился въ градъ въ 100, и отбїся штъ; и пои-

⁽⁵⁰⁰⁾ Доп. къ Ипат. Т. I, № 4. ⁽⁵⁰¹⁾ Ипат., стр. 29. ⁽⁵⁰²⁾ Ник. III, стр. 62. ⁽⁵⁰³⁾ Тамъ же, 100.

де Мотиславъ и вѣла Зубчовъ, и быша на Возуѣ»⁽⁴⁰¹⁾. Здѣсь ясно говорится, что отъ озера Селигера прямо начиналась область Торонская, и шла отъ верховьевъ Волги къ Ржевѣ, которая также принадлежала къ Торонскому удѣлу, гдѣ, кажется, Смоленская земля сходилась съ Суздальскою; ибо, по смыслу лѣтописи, Зубцовъ уже былъ не Смоленскій городъ. Отъ Селигера Смоленская граница поворачивала на западъ къ Холму при впадѣніи нынѣшней рѣки Куньи въ Ловать. Такимъ образомъ Холмъ былъ крайнимъ Смоленскимъ городомъ на сѣверозападѣ, на рубежѣ съ Новгородскими владѣніями. По свидѣтельству подтвердительной Ростиславовой уставной грамоты 1151 года, Холмъ былъ отданъ во владѣніе Смоленской Епископской кафедры⁽⁴⁰²⁾. Отъ Холма рубежъ Смоленскій спускался на югъ рѣкою Куньей или можетъ-быть Ловатью, гдѣ пограничнымъ Новгородскимъ городомъ съ Смоленскою землею были Великіе Луки, какъ это можно заключать изъ свидѣтельства лѣтописи подъ 1168 годомъ, гдѣ сказано, что Ростиславъ изъ Торопца послалъ въ Новгородъ къ сыну своему, Святославу: «веля ему възвѣхати противу себе на Луки, и ту снимася на Лукахъ съ сыномъ и съ Новгородци»⁽⁴⁰³⁾. Отъ Великихъ Лукъ Смоленская граница шла на Усвятъ, гдѣ Смоленская земля сходилась съ землею Полоцкою; здѣсь пограничнымъ Смоленскимъ городомъ былъ Лучинъ, нынѣшніе Лученки, на Двинѣ, нѣсколько выше впадѣнія въ нее Усвята; отсюда до Каспли и Витебска была спорная земля, принадлежащая то Полоцкимъ, то Смоленскимъ князьямъ. Потомъ съ Орши и Копыса шла западная граница Смоленскихъ владѣній по Диѣпру. Что Лучинъ принадлежалъ къ Смоленскимъ владѣніямъ и по всему вѣроятію находился на указанномъ нами мѣстѣ, или по крайней мѣрѣ въ этой сторонѣ, на это есть прямое свидѣтельство лѣтописи подъ 1173 годомъ, гдѣ сказано: «Юрикови идуцю изъ Новгорода къ Смоленску, а и бысть на Лучинѣ, верьбноѣ недѣлѣ въ пятюкъ»⁽⁴⁰⁴⁾. Слѣдовательно, по смыслу лѣтописи, Лучинъ былъ на дорогѣ изъ Смоленска въ Новгородъ, гдѣ находятся и нынѣшніе Лученки. А о принадлежності къ Смоленскимъ владѣніямъ Копыса свидѣствуетъ, извѣстная уже, Ростиславова уставная гра-

⁽⁴⁰¹⁾ Новгород., стр. 34. ⁽⁴⁰²⁾ Дон. къ Ак. Ист. Т. I, стр. 7. ⁽⁴⁰³⁾ Ипат., 24. ⁽⁴⁰⁴⁾ Тамъ же, 107.

моща; она Конысь считаетъ въ числѣ Смоленскихъ городовъ, и полагаетъ съ него погородную дань въ пользу Епископской казны: «а се отъ Конысы 6 гривенъ урока и двѣ денгицы, а почестья 35 кунъ» (409).

Изъ внутреннихъ городовъ въ Смоленской землѣ главнымъ городомъ по прежнему оставался Смоленскъ. Потомъ городами удѣльныхъ Смоленскихъ княженій были: Торонецъ, Можайскъ, Вязьма, Мстиславль, Дорогобужъ и Красный. Торонецкій удѣлъ, судя по положенію Торонца и по лѣтописнымъ даннымъ, обнималъ собою сѣверный край Смоленскихъ владѣній, сосѣдній съ Новгородскою землею и владѣніями Суздальскими, въ послѣдствіи Тверскими. Къ этому удѣлу, кромѣ Торонца, принадлежала Ржевка или нынѣшній Ржевъ на Волгѣ, въ сосѣдствѣ съ Тверскими владѣніями, какъ это говоритъ лѣтопись подъ 1216 годомъ, гдѣ Ржевка на Волгѣ названа «городець Мстиславль» (т. е. Мстислава Торонецкаго) (410). Кромѣ того къ Торонцкому же удѣлу, судя по мѣстоположенію, вѣроятно принадлежала Холмъ при впаденіи Кунья въ Ловать, на Новгородскомъ рубежѣ, и Жижца, кажется, нынѣшнее селеніе Сидки на Волгѣ, нѣсколько выше Ржевы. О сихъ двухъ городахъ упоминаетъ извѣстная Ростиславова уставная грамота 1151 года: въ ней Холмъ назначался во владѣніе Смоленской Епископской казны, а съ Жижцы въ пользу Епископа полагалось: «погородья пять гривенъ, а почестья гривна и денга» (411). На юго-востокъ отъ Торонецкаго удѣла лежалъ удѣлъ Можайскій; границъ его, по дошедшимъ до насъ памятникамъ, указать нельзя; но что Можайская область составляла особый удѣлъ, это ясно свидѣлствуетъ лѣтопись подъ 1303 годомъ, гдѣ она называетъ Можайскимъ княземъ Святослава, котораго Юрій Даниловичъ отвелъ плѣнникомъ въ Москву (412). За Можайскимъ удѣломъ на западъ лежалъ удѣлъ Вяземскій, который также имѣлъ своихъ князей, какъ можно видѣть изъ извѣстій лѣтописи подъ 1300 годомъ, гдѣ сказано: «князь Александръ Глѣбовичъ Смоленскій хова ратию къ Дорогобужу и градъ оступи . . . князь Андрей Вяземскій приде на нихъ подъ Дорогобужь ратию и поможе

(409) Додъ въ Ак. Ист. Т. I, стр. 8. (410) Новгород. I, стр. 24. (411) Дополн. въ Ак. Ист. Т. I, стр. 8. (412) Ник. III, стр. 100.

Дорогобужцемъ»⁽⁵¹²⁾. Это извѣстiе даетъ поводъ думать, что Дорогобужъ принадлежалъ къ Вяземскому же удѣлу; впрочемъ границъ сего удѣла опредѣлить нельзя, а только, судя по мѣстности, можно указать, что онъ лежалъ между Можайскимъ и Смоленскимъ удѣлами. За Вяземскимъ удѣломъ, т. е. за Дорогобужемъ, вѣднчался удѣлъ собственно Смоленскiй, который на сѣверо-западѣ сходилса съ Витебскимъ и Торопецкимъ, а на югѣ примыкалъ къ Красенскому удѣлу, о которомъ упоминается въ лѣтописи подъ 1165 годомъ, гдѣ сказано: что Ростиславъ далъ «Роману Вячеславу внуку Васильевъ и Краснъ»⁽⁵¹³⁾. Краснъ очевидно нынѣшнiй Красной, а подъ Васильевымъ нельзя ли разумѣть нынѣшней Василевки на границѣ Красенскаго уѣзда съ Рословскимъ? Кромѣ того, въ Ростиславовой уставной грамотѣ упоминаются Смоленскiе города, о которыхъ, за неимѣнiемъ извѣстiй, мы не можемъ сказать, составляли ли онѣ особые удѣлы, или прочислялись къ извѣстнымъ уже Смоленскимъ удѣламъ. Таковы были: Мстиславль, очевидно нынѣшнiй Мстиславль, уѣзднiй городъ Могилевской губернiи, на рѣкѣ Вехрѣ, впадающей въ Сожъ; Крупль, можетъ-быть, нынѣшнiй Крупецъ, деревня въ Рославльскомъ уѣздѣ, при верховьяхъ рѣки Надвы; Вержовскъ, не нынѣшняя ли Ржева на Волгѣ? По крайней мѣрѣ на картахъ названiя Вержовска не встрѣчается; а въ грамотѣ при исчисленiи Смоленскихъ городовъ не помѣщено Ржевы. По свойству же языка возможно замѣненiе Вержевска въ Ржеву. — нынѣшнiй Брянскъ въ лѣтописяхъ называется же Дебрянскомъ. Копось, вѣроятно нынѣшнiй Копысь на Двѣпрѣ; Поцинь, или въ другомъ мѣстѣ Пацинь, можетъ-быть нынѣшнiе Пуцыки, въ Чаускомъ уѣздѣ, неподалеку отъ Чаусъ на сѣверовостокъ, на рѣкѣ Прони, впадающей въ Сожъ, или, вѣрнѣе, нынѣшнее Пацинь; въ Рославльскомъ уѣздѣ, близъ Десны; Лучинъ, какъ мы уже видѣли, нынѣшнiе Лученки, по дорогѣ отъ Смоленска въ Новгородъ, въ Велижскомъ уѣздѣ; Ростиславль, вѣроятно нынѣшнiй Рославль; Ельна, при верховьяхъ Десны, гдѣ в теперь стоитъ уѣзднiй Смоленской губернiи городъ Ельня; Изяславль, мѣстности котораго теперь указать нельзя, ибо пока подобнаго наименованiя въ Смоленскомъ краю невидно, а по древнимъ памятникамъ

⁽⁵¹²⁾ Ник. III, стр. 98. ⁽⁵¹³⁾ Ипат., 93.

сколько нибудь подробныхъ указаній не встрѣчается. Всѣ исчисленныя здѣсь мѣста, равно какъ Дорогобужъ, Торопецъ и Жижды, въ грамотѣ прямо названы городами; они платили по-городное. Сверхъ того тутъ же упоминаются Смоленскія мѣста безъ названія городовъ, или прямо именуясь селами; таковы: Врочницы, можетъ-быть городъ или по крайней мѣрѣ цѣлая волость, судя по платимой дани, простиравшейся до 200 гривенъ; Каспля, вѣроятно на рѣкѣ Касплѣ; Хотшинъ, также, кажется, городъ, ибо платилъ дани 200 гривенъ; можетъ-быть нынѣшній Хотимскъ, въ Рославскомъ уѣздѣ, на границахъ его съ Климовичскимъ; Жабачевъ, можетъ-быть то же городъ, ибо платилъ одинакую дань съ Хотшнымъ; Вотосовичи, Шуйская, и Дешняны. Жебачева, Вотосвичей и Дешнянъ въ настоящее время мы не знаемъ; подъ Шуйской же, какъ мы уже видѣли, кажется, можно разумѣть нынѣшнее селеніе Шуи, при верховьяхъ Десны, въ Мосальскомъ уѣздѣ. Далѣе слѣдуютъ: Вѣтская, Былевъ, Витринъ, Жичичи, Басѣя, Мирятичи, Добратино, Доброчково, Дѣдогостичи. Изъ сихъ наименованій въ настоящее время можно приурочить Вѣтское къ селенію Вѣтки, въ Медынскомъ уѣздѣ, на одномъ изъ притоковъ Угры, въ древности оно могло принадлежать или Можайскому или Вяземскому уѣзду; Витринъ, къ деревнѣ Ведрину, въ Духовщинскомъ уѣздѣ, въ древности оно могло принадлежать къ Смоленскому уѣзду; Басѣя, вѣроятно, лежала при рѣкѣ Баси, въ нынѣшнемъ Копыскомъ или Чаусскомъ уѣздѣ; Мирятичи, можетъ-быть нынѣшнее Мерчалово, на Протвѣ, въ Можайскомъ уѣздѣ ⁽⁵¹⁴⁾; Добратино, можетъ-быть нынѣшнее село Доброе, въ Чаусскомъ уѣздѣ на границѣ, его съ Мстиславльскимъ. Доброчково, можетъ быть, нынѣшнее селеніе Добричи, въ Рогачевскомъ уѣздѣ, на Сожѣ. Потомъ грамота еще перечисляетъ мѣстности: Зарубъ, Женни, Путтинъ, Бѣвницы, Дѣвичи, Прупой, Оболава, Кречуть и Исконь. Зарубъ очевидно на югъ отъ Смоленска на дорогѣ въ Кіевъ; ибо въ 1168 году Ростиславъ, шедши изъ Смоленска въ Кіевъ, остановленъ былъ болѣзнію въ Зарубѣ, гдѣ и скончался ⁽⁵¹⁵⁾; Бѣвницы, можетъ быть нынѣшняя деревня Бѣлынковичи, въ Климовичскомъ уѣздѣ; Дѣвичи, вѣроятно нынѣшнее Дѣдово, въ Поречьскомъ

⁽⁵¹⁴⁾ Русск. Ист. Сбѣр. Т. VII, стр. 217. ⁽⁵¹⁵⁾ Ипат. 95.

уѣздъ, на Кастлѣ; Прупой, нынѣ можно приурочить къ Пропойску, въ Быховскомъ уѣздѣ, при впаденіи Прони въ Сожъ; Оболва или Обольва, нѣсколько приурочивается къ селенію Обольцы, въ сѣверозападномъ углу Копыскаго уѣзда; Кречугъ, можетъ-быть приуроченъ къ нынѣшнему Кричеву, на Сожѣ, въ Черниговскомъ уѣздѣ. Наконецъ, въ той же грамотѣ упоминаются мѣстности: село Дросевское, село Ясенское, Мойшинская земля въ Погоновичахъ, Нимикорскія озера, Сверковы Луки и озеро Колодарское. Нынѣ есть деревня Ясенская, въ Осташковскомъ уѣздѣ, почти при истокахъ Волги, къ которой можно приурочить село Ясенское; Мойшинскую землю названіемъ своимъ напоминаетъ деревня Мошна, въ Духовщинскомъ уѣздѣ. По смыслу грамоты, здѣсь должно искать и Поговичей, ибо въ ней прямо сказано: Мойшинская земля въ Погоновичахъ; Сверковы Луки, вѣроятно нынѣшняя деревня Свершково, въ Смоленскомъ уѣздѣ, на юго-востокъ отъ Смоленска по дорогѣ въ Рославль. Впрочемъ, настоящее приуроченіе показанныхъ мѣстностей, кромѣ нѣкотораго сходства въ наименованіяхъ, не имѣетъ другихъ основаній; ибо, кромѣ грамоты, мы не имѣемъ на сіи мѣстности никакихъ указаній въ древнихъ памятникахъ. Но для насъ уже важно и одно упоминаніе Ростиславовой грамоты: оно дозволяетъ намъ судить сколько нибудь о населенности Смоленскаго края.

Изъ очерка древнихъ Смоленскихъ границъ мы видимъ, что земля сія въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ была не очень обширна и только развѣ вдвое больше нынѣшней Смоленской губерніи. Не принимая въ расчетъ той части Суздальской земли, которая причислялась къ Смоленскимъ владѣніямъ до Юрія Долгорукова, и ѳ принадлежности которой мы знаемъ только по упоминанію уставной Ростиславовой грамоты, безъ указанія рубежа, къ Смоленскому Великому княжеству, тогда принадлежали, кромѣ нынѣшней Смоленской губерніи, два юго-восточные уѣзда нынѣшней Псковской губерніи (Холмскій и Торопецкій), два югозападные уѣзда Тверской губерніи (Ржевскій и Осташковскій), два западные уѣзда Московской губерніи (Можайскій и Верейскій) и можетъ-быть небольшія части западныхъ уѣздовъ Калужской, Орловской и сѣвернаго края Черниговской губерніи, почти вся губернія Могилевская, за исключеніемъ уѣздовъ Бѣлицкаго и части Рогачевскаго, ко-

торыя тогда принадлежали къ Черниговскимъ владѣніямъ. Новгородъ, иногда причислялся къ Смоленскимъ владѣніямъ восточныя уѣзды нынѣшней Витебской губерніи, т. е. собственно Витебской, Суражской и Валожской. Но тѣмъ не менѣе Смоленская земля въ XII и XIII вѣкахъ составляла одно изъ богатыхъ и сильныхъ княжествъ того времени; лѣтопись не одинъ разъ называетъ Смоленскъ сильнымъ и богатымъ и отчасти сравниваетъ съ Новгородомъ. Такъ, въ 1152 году, Изяславъ говоритъ Ростиславу: «тамо брате у тебе по Бозѣ Новгородъ сильный и Смоленскъ» ⁽⁵¹⁶⁾. Подъ 1151 годомъ тотъ же Изяславъ говоритъ Ростиславу: «тамо по Бозѣ у тебе сынъ твой и мой Новгородъ Ярославъ, а тамо у тебе Смоленскъ» ⁽⁵¹⁷⁾. Смольняне, имѣя въ своей землѣ истоки Днѣпра, Волги, западной Двины и часть Ловати, были самымъ торговымъ народомъ въ XII и XIII столѣтіяхъ; ихъ купцы посѣщали Кіевъ, Ригу, Новгородъ и землю Суздальскую; о чемъ мы имѣемъ прямыя указанія древнихъ памятниковъ. Такъ, Троицкая лѣтопись, подъ 1216 годомъ, говоритъ, что Ярославъ Всеволодовичъ, во время войны съ Константиномъ и Мстиславомъ, велѣлъ заключить въ Переяславскую тюрьму Новгородцевъ и Смольнянъ, «иже бяху зашли гостебюю въ землю его» ⁽⁵¹⁸⁾. Поступокъ Ярослава показываетъ, что Смольняне, какъ и Новгородцы, особенно были торговымъ народомъ; Ярославъ, вредя Смоленской и Новгородской торговлѣ, имѣлъ въ виду принудить Смольнянъ и Новгородцевъ, дорожившихъ торговлею, къ скорѣйшему прекращенію войны; ибо, сажая въ тюрьму ихъ торговыхъ людей, онъ въ то же время не трогалъ Ростовцевъ, также своихъ противниковъ, зная, что препятствіемъ торговлѣ ихъ не оставишь и не принудишь къ прекращенію войны. Въ этой же лѣтописи мы находимъ свидѣтельство, что Смольняне были одинаковаго характера съ Новгородцами: такъ одинъ опытный бояринъ говоритъ Ярославу и Юрію: «а мужи ихъ (т. е. Мстислава и братьевъ его) Новгородцы и Смольняне дераи къ боеви» ⁽⁵¹⁹⁾. При описаніи Липецкой битвы сказано: «Новгородцы же съѣдше съ конь, и порты и сеновъ сметавше, боси поспочиша, а Смольняне такоже поспочиша

⁽⁵¹⁶⁾ Ипат., 69. ⁽⁵¹⁷⁾ Тамъ же, 58. ⁽⁵¹⁸⁾ Полн. Собр. лѣт. Т. 1, стр. 215. ⁽⁵¹⁹⁾ Тамъ же, 212.

пѣши»⁽⁴²⁰⁾. О торговыхъ сношеніяхъ Смоленска съ Балтійскимъ моремъ довольно ясно намекаетъ лѣтопись еще подъ 1148 годомъ, говоря, что по случаю пріѣзда Изяслава Кіевскаго къ Ростиславу Смоленскому: «Изяславъ да дары Ростиславу, что отъ Рускихъ земель (т. е. отъ Приднѣпровья) и отъ всѣхъ Царскихъ земель (т. е. отъ Константинополя) а Ростиславъ да дары Изяславу, что отъ верхнихъ земель (т. е. отъ Новгорода, земли Суздальской и Болгаріи-Камской) и отъ Варягъ» (т. е. съ Балтійскаго моря).⁽⁴²¹⁾ Изъ этого свидѣтельства лѣтописи мы видимъ, что Смольяне были торговыми посредниками между сѣверными и южными землями Руси, что они доставляли на югъ произведенія изъ Новгорода, Болгаріи и съ Балтійскаго моря, а на сѣверъ произведенія приднѣпровья и Греціи. О сѣверной торговлѣ Смольяны указываютъ и самыя товары, ими доставляемые: такъ, подъ 1160 годомъ, лѣтопись, рассказывая о дарахъ между Ростиславомъ Смоленскимъ и Святославомъ Черниговскимъ, говоритъ: «да бо Ростиславъ Святославу Соболями, и горностаими, и черными кунами и песци, и бѣлыми волки, рыбьими зубы; (т. е. моржовыми клыками, которые добывались изъ Югры и Печеры съ сѣвернаго Океана), а Святославъ да Ростиславу пардусъ и два коня борза у ковану сѣдлу»⁽⁴²²⁾. Еще въ XIII вѣкѣ мы уже имѣемъ ясное свидѣтельство о торговлѣ Смоленска съ Ригою, Готландією и разными Нѣмецкими городами; до насъ дошла договорная торговая грамота Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою, Готландією и Нѣмецкими городами, писанная въ 1228 году. Изъ этой грамоты открывается: что въ торговлѣ съ Смоленскомъ участвовали Рига, Готскій берегъ, Любекъ, Данцигъ, Минстеръ, Гренвингенъ, Дротмундъ и Бременъ. Западная Двина, отъ верховьевъ до устья, была свободнымъ торговымъ путемъ для Нѣмцовъ и Смольяны, и послѣдніе ходили съ своими товарами не только въ Ригу и къ Готскому берегу, но и въ Любекъ и другіе Нѣмецкіе города; въ Смоленскѣ и на Волокъ были даже Нѣмецкія божвицы⁽⁴²³⁾. О цвѣтущемъ состояніи и богатствѣ Смоленска и его земли, въ XII и XIII столѣтіяхъ, свидѣтельствуется многолюдство самаго города Смоленска: въ Троицкой лѣтописи, при опи-

⁽⁴²⁰⁾ Тамъ же, 214. ⁽⁴²¹⁾ Ипат. 39. ⁽⁴²²⁾ Тамъ же, 86. ⁽⁴²³⁾ Собр. Гос. Гр. и Дог., Т. II.

заніи моровой язвы, бывшей въ 1230 году, есть извѣстіе, что на четырехъ Смоленскихъ кладбищахъ похоронено въ это время тридцать двѣ тысячи человекъ. Лѣтопись говоритъ: «бысть моръ въ Смоленьскѣ; створша 4 скудельницы, въ дву положиша 16 тысящъ, а въ третьей 7, а въ четвертой 9 тысящъ» (**). Имѣя ясныя свидѣтельства о цвѣтушей и обширной торговлѣ Смольнянъ, зная изъ указанія лѣтописей о многолюдствѣ самаго Смоленска, мы не можемъ отрицать, что и вся Смоленская сторона была богата народонаселеніемъ, и, конечно, имѣла много городовъ, хотя указанія лѣтописей объ этомъ предметѣ и немногочисленны. Не должно забывать, что дошедшія до насъ лѣтописи только вскользь упоминаютъ о Смоленскомъ краѣ; притомъ по всемъ извѣстіямъ мы знаемъ, что въ XII и XIII вѣкахъ Смоленская сторона несравненно менѣе всѣхъ другихъ краевъ тогдашней Руси подвергалась опустошеніямъ войны; слѣдовательно имѣла первое и главное условіе для свободнаго и сильнаго развитія народонаселенія.

(**) Собр. Рус. лѣт. Т. I, стр. 220.

ГЛАВА 3-Я.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ НА РУСИ

ВЪ XV ВѢКѢ.

Москва, еще въ XIV столѣтіи получившая рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми владѣніями въ сѣверовосточной Руси, въ XV вѣкѣ дѣлается уже совершеннымъ средоточіемъ Русской жизни: къ ней, какъ къ центру, стягиваются не только всѣ сѣверовосточныя Русскія княжества, но и значительная часть западныхъ, имѣвшихъ въ XIV вѣкѣ центромъ своимъ Литву. А посему и при разсмотрѣніи географическихъ свѣдѣній на Руси за это время, мы должны обратиться прямо къ Москвѣ, какъ центру Русской жизни.

При наступленіи XV столѣтія, границами Московскихъ владѣній, на западѣ были Жиздра, гдѣ крайнимъ городомъ былъ Козельскъ⁽¹⁾, потомъ Перемышль⁽²⁾ и Калуга, съ Калуги граница шла на Угру, съ Угры на Медынь⁽³⁾, съ Медини на Можайскъ, далѣе на Волокъ или Волочекъ близъ Берендеева, съ волока на Клинъ, который былъ пограничнымъ городомъ⁽⁴⁾ и принадлежалъ еще къ Твери. Потомъ на Сестру и Волгу, которая отдѣляла Московскія владѣнія отъ Тверскихъ. Потомъ Волгою на Угличъ, на Бѣжецкъ и⁽⁵⁾ до Устюжны⁽⁶⁾. На сѣверѣ границы Московскихъ владѣній начиналась Устюжною и полузависимымъ отъ Москвы краемъ Бѣлозерскимъ, далѣе отъ Вологды на востокъ по Сухонѣ шли до Устюга, который хотя еще имѣлъ своихъ князей, но уже зависѣлъ отъ Москвы; отъ Устюга Московская гра-

(1) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, стр. 70. (2) Тамъ же, 63. (3) Тамъ же, 59. Ник. V 26. (4) Новг. I, 103. 60. (5) Ник. IV, стр. 42. 253. (6) Собр. Гос. Гр. и Дог., Т. I, стр. 70, 276.

ница шла на Вычегду, и потомъ въ глубокомъ сѣверовостокѣ терялась во владѣніяхъ Новгородскихъ, Пермскихъ и Вятскихъ. На востокѣ пограничными Московскими владѣніями были область Нижегородская, и потомъ Муромская, Мещерская и Мордовская земля (7), такъ что границею Московскихъ владѣній съ Казанскими была рѣка Сура, гдѣ стоялъ Нижегородскій городъ Курмышъ (8). На югѣ Московскія владѣнія сходились съ Рязанскими, гдѣ, какъ извѣстно по договорнымъ грамотамъ, границею была рѣка Ока по всему своему теченію въ верхъ до Алексина, который уже принадлежалъ къ Московскимъ владѣніямъ (9); потомъ отъ Алексина шла на Калугу, гдѣ при Устьѣ Живдры южная граница сходилась съ западною, и шла на Козельскъ, самый крайній югозападный городъ Московскихъ владѣній, гдѣ примыкала къ мелкимъ Задѣпровскимъ удѣламъ Литвы. Такимъ образомъ Московскія владѣнія при самомъ началѣ XV вѣка являются обширѣйшими изъ всѣхъ владѣній сѣверовосточной Руси, за исключеніемъ развѣ Новгородскихъ, и притомъ занимаютъ пространство, самое богатое народонаселеніемъ, гдѣ жизнь Русская начала развиваться и цвѣсть еще съ половины XII вѣка; гдѣ въ продолженіе почти 300 лѣтъ съ самою мѣстностію были связаны многія историческія воспоминанія, драгоценныя и близкія къ сердцу для каждаго Русскаго. Раздѣленіе этой богатой и цвѣтущей страны на удѣлы очень немного значило для Москвы, какъ для государства, ибо удѣлы были невелики: такъ по смерти Донскаго изъ пяти удѣловъ самый большой, Владиміра Андреевича, состоялъ только изъ девяти городовъ. Притомъ они такъ были разъединены между собою, что никогда не могли составить одного цѣлаго; ибо четыре города: Серпуховъ, Боровскъ, Перемышль и Козельскъ, лежали на югозападѣ отъ Москвы, и почти первые подвергались нападеніямъ Литвы, потомъ еще четыре города: Угличъ, Ярославль, Юрьевецъ и Городецъ, лежали на сѣверѣ и востокѣ отъ Москвы и раздѣлены были между собою большими пространствами, принадлежавшими частію собственно Московскому князю, частію другимъ удѣльнымъ князьямъ, и наконецъ послѣдній городъ Радонежъ былъ совершенно разобщенъ со всѣми другими городами Владимірова удѣла и находился въ

(7) Ник. IV, 276. (8) Тамъ же, 34. (9) Собр. Гос. Гр. и Док. Т. I.

ближайшемъ разстояніи отъ Москвы (10). Такое же расположеніе было и въ другихъ удѣлахъ, гораздо меньшихъ Владимірова, такъ, что не смотря на видимое раздѣленіе, Московскія владѣнія составляли одно государство, народъ всѣхъ городовъ жила одною общою Русскою жизнію, которой главнѣйшій представителемъ была Москва. Притомъ же для каждаго удѣла была своя доля и въ самой Москвѣ, и такимъ образомъ этотъ городъ во всѣхъ отношеніяхъ являлся средоточіемъ интересовъ почти всей сѣверовосточной Руси, или по крайней мѣрѣ наибольшей и наилучшей ея части.

Первое двадцати пятилѣтіе XV вѣка прошло для Москвы безъ виднѣвшихъ приобрѣтеній, хотя она и порывалась переступить границы, въ которыхъ ее застало настоящее столѣтіе; но попытки сіи были неудачны, и границы Московскихъ владѣній остались прежнія. Тѣмъ не менѣе географическія свѣдѣнія Московскаго народа не ограничивались предѣлами собственной земли. Положеніе Москвы, географическое жизненное и политическое, въ это время было таково, что народъ, почти по необходимости, по ходу самой жизни знакомился не только съ отдаленнѣйшими краями Русской земли, но и другими странами. Такъ, по церковнымъ дѣламъ, Москва, какъ главное мѣстопробываніе Русскаго Митрополита, была въ постоянныхъ сношеніяхъ со всею Русскою землею, гдѣ только исповѣдовалась Православная вѣра. Литовская Русь, во всемъ ея объемѣ, не смотря на отдѣльную жизнь политическую и народную, до 1416 года была по церковнымъ дѣламъ въ тѣсныхъ связяхъ съ Москвою; Московскіе Митрополиты сами ѣздили въ Волинскую, Полоцкую и Кіевскую земли и посылали туда своихъ намістниковъ, десятниковъ и другихъ повѣренныхъ людей, для сбора доходовъ и для надзора за тамошними церковными дѣлами. Кроме того, во всѣ тамошніе Епископы большею частію присылались изъ Москвы, или по крайней мѣрѣ въ Москвѣ принимали поставленіе въ свой санъ. Такимъ образомъ знакомство Москвитянъ съ Литовско-Русскимъ краемъ не прерывалось. Еще въ 1416 году въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчаемъ исчисленіе Литовскихъ Епархій, кои были: Владимірская на Волини, Холмская за Бугомъ, Червенская, Галичская, Туров-

(10) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, № 40.

ская, Черниговская, Смоленская, Полоцкая и Лудская ⁽¹¹⁾. Съ 1416 года, по случаю избранія особаго Митрополита для Литовской Руси, сношенія Москвы съ сѣмъ краемъ по церковнымъ дѣламъ прекращаются; но это не останавливаетъ знакомства Москвитянъ съ Литовскою Русью. Какъ бы въ замѣнъ церковныхъ сношеній, усиливается сношенія княжескія: удѣльные Литовскіе князья, Ольгердовичи и Гелминновичи, тѣснѣе витовтомъ, толпами идутъ въ Москву съ своими боярами и слугами, и распространяютъ между Москвитянами свѣдѣнія объ оставленной отчизнѣ. Такъ, въ 1409 году, къ В. Кн. Василью Дмитріевичу пріѣхало вдругъ семь Литовскихъ князей: князь Свидригайло Ольгердовичъ изъ Брянска, князь Патрикій Звенигородскій, князь Александръ Звенигородскій изъ Путавы, князь Федоръ Александровичъ, князь Семень Перемышльскій, князь Михайло Хотѣвскій, князь Урустаменскій, и съ ними Епископъ Бринскій Исакій и бояре Черниговскіе, Бринскіе, Стародубскіе и Ярославскіе ⁽¹²⁾. Нѣкоторая зависимость Русской Церкви отъ Патріарха Константинопольскаго поддерживало знакомство Москвитей съ Греческою землею; продолжавшаяся еще зависимость Московскихъ государей отъ разныхъ Татарскихъ хановъ по прежнему открывала Москвитямъ пути въ разныя Татарскія земли, и къ низовьямъ Дона, на Волгу и на Яикъ. Кромѣ того караулы по Хопру, Дону, а также развѣздныя станицы по степамъ, вѣроятно продолжались при Василіи Дмитріевичѣ, такъ же какъ и при отцѣ его, Дмитріи Ивановичѣ Донскомъ, и конечно годъ отъ году далѣе подвигались въ степи и знакомились съ при-Волжскимъ и при-Донскимъ краями. Войны Василья Дмитріевича съ Новгородцами, преимущественно производившіяся на Двинѣ и въ Заволочьѣ, открывали Москвитянамъ весь этотъ край до Бѣлаго моря. Такъ, мы знаемъ изъ лѣтописей, что въ 1417 году бояринъ, великокняжескаго брата Юрія Дмитріевича, Глѣбъ Семеновичъ съ Вятчанъ и Устюжанами, спустился внизъ по Двинѣ въ насадахъ, «подолевалъ всю Двинскую землю, и Заволочьскую, и Колмогоры, и Барокъ, и Моржъ и Емецъ» ⁽¹³⁾. Это же извѣстіе показываетъ на близкія сношенія съ отдаленною Вяткою, ибо въ походѣ

⁽¹¹⁾ Ник. V, стр. 58. ⁽¹²⁾ Тамъ же, 16. ⁽¹³⁾ Тамъ же, 68.

участвовали и Витязе. Но, кромѣ сношеній съ разными странами, по дѣламъ церковнымъ, политическимъ и военнымъ, Москвичи въ началѣ XV вѣка имѣли большое и близкое знакомство съ разными землями по торговлѣ. Имѣя въ своихъ предѣлахъ Оку, Волгу, верховья Двины и ихъ многочисленныя притоки, Москвичи вели дѣятельную торговлю со всеми сосѣдями. Мы знаемъ уже по прежнимъ указаніямъ, что Московскіе купцы торговали во владѣніяхъ Татарскихъ и Литовскихъ и во всѣхъ сосѣднихъ Русскихъ княжествахъ, что еще доказывается посѣщеніемъ Московскими торговцами лѣтней Болгарской ярмарки, потомъ пребываніемъ разныхъ пріѣзжихъ купцовъ въ Москвѣ. Въ лѣтописи подъ 1414 годомъ упоминается о Литовскомъ гостѣ Оумѣ Лазаревѣ, пріѣзжавшемъ неоднократно въ Москву для торговли, и во время одного Московскаго пожара потерявшемъ много своего богатства. Въ то время появляется даже особый богатый классъ Московскихъ торговцевъ, извѣстный подъ именемъ Сурожанъ, т. е. купцовъ, торгующихъ съ Сурожемъ. Договорныя грамоты Московскихъ князей съ князьями другихъ Русскихъ и Литовскихъ владѣній говорятъ также, что Москвичи дорожили торговлею и производили ее во всѣхъ сосѣднихъ краяхъ, такъ, что великіе князья всегда въ своихъ договорныхъ грамотахъ, въ числѣ другихъ условій, помѣщали и условіе о нестѣсненіи торговли, и даже опредѣляли количество торговыхъ пошлинъ. Условія сіи обыкновенно выражались словами: «а новыхъ мытовъ намъ незамышляти, ни пошлинъ; а мыта съ воза и въ городѣхъ и всѣхъ пошлинъ денга, а явыхъ всѣхъ пошлинъ съ рубля алтынъ, а съ лошади съ доски по алтыну, а съ струга съ набой два алтына, а безъ набой денга». Такъ это сказано въ договорной грамотѣ Василья Дмитріевича съ Федоромъ Ольговичемъ Рязанскимъ, писанной въ 1402 году⁽¹⁴⁾. Въ договорной грамотѣ съ Тверскимъ княземъ говорится: «а гостемъ и торговцемъ Новгорода великаго и Торжку и съ пригороды дати ти путь чистъ, безъ рубежа сквозъ Тверь и Тверскія волости; а мытовъ ти новыхъ и пошлинъ незамышляти» и прибавляется о Московскихъ гостяхъ и торговцахъ: «а мыта ти держати и пошлины имати по старой пошлинѣ у нашихъ гостей и тор-

(14) Соб. Гос. Гр. и Док. Т. I, стр. 67.

говцовъ; а путь имъ дати чистъ» (16). Или въ договорѣ съ Литовскимъ великимъ княземъ: «а межъ насъ посломъ Литовскимъ и нашимъ и Смоленскимъ и торговцамъ путь чистъ» (17). Въ другой грамотѣ съ Тверскимъ княземъ опредѣлены всѣ подробности взиманія торговыхъ и прежнихъ пошлинъ, чтобы отстранить всякое недоразумѣніе и поводъ къ стѣсненію торговцевъ: «а новыхъ те мытовъ незамышляти; а на старыхъ те мытехъ имати съ воза по моракѣ обѣушной, а кости съ челоуѣка мортка; а поѣдетъ на веревъ съ торговлю ино мортка же; а кто промытется, ино съ воза промыты по штидесять, а заповѣди шестдесять одна колько бы возовъ ни было: а промыта то, гдѣ обѣдетъ мытъ; а проѣдетъ мытъ, мытника у завора небудеть, мыта и промыты нѣтъ; а можетъ его мытникъ, инъ возметъ свой мытъ, а промыты и заповѣди нѣтъ. А съ лодыи пошлинъ, съ доски по два алтына всѣхъ пошлинъ, а болѣ того пошлины нѣтъ, а струга алтынъ всѣхъ пошлинъ; а тамли и осминючаго отъ рубля алтынъ; а тамли и осминючее взять: а оже иметъ торговати, а поѣдетъ мимо знаеть мытъ да кости, а болѣ того пошлинъ нѣтъ; а поѣдетъ безъ торговли съ того мыта и пошлинъ нѣтъ. А межъ насъ людемъ нашимъ и гостемъ путь чистъ безъ рубежа» (18). Самый городъ Москва былъ уже очень обширенъ и хорошо населенъ еще въ концѣ XIV столѣтія. Въ лѣтописи подъ 1395 годомъ упоминается о Московскомъ пожарѣ, отъ котораго на посадѣ сгорѣло нѣсколько тысячъ дворовъ (19). Слѣдовательно въ Москвѣ дворы уже считались тысячами, что ясно говорить о многолюдствѣ города.

Послѣ перваго двадцатипятилѣтія XV вѣка географическія свѣдѣнія на Руси распространились очень значительно. По сношеніямъ съ Татарами, Русскіе проникли до самаго Крыма и ознакомились съ этимъ краемъ гораздо ближе, нежели какъ знали его прежде: ибо въ 1432 году зимовалъ въ Крыму у Ширинъ-Тягина князь Юрій Дмитріевичъ съ своею сватою (20). Въ 1431 году, Московскій князь Василій Васильевичъ посылалъ своего воеводу, князя Федора Давыдовича Пестраго, въ Болгарію, который съ своими полками повоювалъ всю землю по

(16) Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, 48. (17) Тамъ же, 52. (18) А. А. Э. Т. I, № 14. (19) Ник. IV, стр. 257. (20) Ник. V, стр. 109.

Волгѣ и Камѣ ⁽²⁰⁾. Потомъ въ 1450 году Москвичи, при отраженіи Малбердея, гоняся за Татарами по Воровежскимъ степямъ, проникли до рѣки Битюка ⁽²¹⁾. По сношеніямъ же съ Татарами мы узнаемъ, что Москвичи успѣли придвинуть границу своихъ владѣній на югозападъ до Бѣлева; ибо въ 1438 году при занятіи Бѣлева Ханомъ Улу-Махметомъ, Московскій князь посылалъ свои войска съ требованіемъ, чтобы Ханъ очистилъ Бѣлевъ ⁽²²⁾. Въ войнѣ В. Кн. Василья Васильевича съ Дмитріемъ Шемякою особенно распространяются географическія свѣдѣнія о сѣверномъ краѣ тогдашней Руси: такъ въ 1448 году Москвичи въ первый разъ упоминаютъ о городахъ въ тамошней сторонѣ: Чухломѣ и Каргополѣ ⁽²³⁾. Потомъ въ войнѣ съ Вятчанами, помогавшими Шемякѣ, Московскіе воеводы проникли до Вятскихъ городовъ: Орлова и Котельнича, и привели ихъ въ подданство Московскому Государю ⁽²⁴⁾, и такимъ образомъ границу Московскихъ владѣній на сѣверовостокѣ поставили на рѣкѣ Вяткѣ. Въ 1452 году, Московскія войска, предводительствуемые государевымъ сыномъ, Иваномъ Васильевичемъ, преслѣдуя Дмитрія Шемяку, съ Суховы переправились на Кокшенгу и потомъ Кокшенгою вступили въ Вагу и проникли до впаденія ея въ сѣверную Двину; побравши всѣ городки, расположенныя по теченію сихъ рѣкъ, возвратились съ добычею и большимъ плономъ домой ⁽²⁵⁾. Это извѣстіе лѣтописи для насъ чрезвычайно важно въ географическомъ отношеніи: оно указываетъ, что этотъ, теперь малонаселенный край тогда былъ многолюденъ, что торговля съ Бѣлымъ моремъ и разныя промыслы звѣроловства и рыболовства влекли туда сперва Новгородцевъ, прежде всѣхъ проложившихъ сюда дорогу, а потомъ и другихъ жителей сѣверовосточной Руси, которые тамъ строили города, теперь уже исчезнушіе вслѣдствіе направленія промышленности въ другую сторону. Не менѣе торговли и войны, къ распространенію географическихъ свѣдѣній на Руси способствовала и проповѣдь Христіанства. Такъ, лѣтопись подъ 1455 годомъ упоминаетъ, что въ этотъ годъ убитъ Вогуличами одинъ изъ преемниковъ Стефана Пермскаго, Епископъ Пятиримъ ⁽²⁶⁾. Это

⁽²⁰⁾ Ник. V, 98. ⁽²¹⁾ Тамъ же, 218. ⁽²²⁾ Тамъ же, 125. ⁽²³⁾ Ист. Рус. Татищ. Т. IV, стр. 575. ⁽²⁴⁾ Ник. V, стр. 285. ⁽²⁵⁾ Тамъ же, 221. ⁽²⁶⁾ Тамъ же, стр. 278.

свѣдѣніе показываютъ намъ, что знакомство Москвитинъ съ Сѣвѣрною Азією или Зауральемъ, начавшееся въ XIV столѣтіи, продолжалось и теперь, и конечно распространялось все болѣе и болѣе, какъ проповѣдниками Христіанства, такъ и разными промышленниками; неоставлявшими преждепроложенныхъ дорогъ въ эту сторону, богатую звѣроловствомъ. Мы скоро узнаемъ очень любопытное описаніе этого края, составленное, по всему вѣроятію, въ концѣ XV вѣка. Но обратимся теперь къ замѣчательнѣйшему географическому памятнику времени Василия Васильевича Темнаго, къ путешествію Митрополита Исидора во Флоренцію, начавшемуся въ 1438 году и окончившемуся 1440 г. Этотъ памятникъ представляетъ намъ довольно подробное географическое знакомство съ тогдашнею Европою, и дошелъ до насъ въ одной древней рукописи, хранящейся въ Синодальной Патріаршей Библиотекѣ. Рукопись сія хотя уже напечатана въ древней Россійской Визлюфикѣ, но тѣмъ не менѣе, для полноты обзора географическихъ свѣдѣній на Руси въ первой половинѣ XV столѣтія, здѣсь не неугодно будетъ выписать хотя краткое содержаніе сего путешествія.

Въ путешествіе выѣхавъ съ Исидоромъ отправился Авраамій, Епископъ Суздальскій, Архимандритъ Вассіанъ и Митрополичьи бояре со святою изъ духовныхъ и свѣтскихъ людей. Изъ Москвы они выѣхали 8 Сентября; 14 Сентября прибыли въ Тверь, гдѣ къ нимъ присоединился посолъ Тверскаго князя Фомы. Изъ Твери они пошли на Торжокъ, потомъ на Вышній Волочокъ, откуда рѣкою Мстою въ Новгородъ. Кто велъ журналъ путешествія по Синодальному списку, мы не знаемъ; но очевидно это былъ трудъ оффиціальныи какого либо дьяка или инока, находившагося въ Митрополичьей свитѣ; ибо вездѣ отмѣчено время пребыванія путешественниковъ и разстояніе мѣстъ и ночлеги, какъ это обыкновенно водилось въ старинныхъ оффиціальныхъ бумагахъ Москвитинъ. Въ Черниковскомъ спискѣ путешествія, изданномъ Сахаровымъ, названъ составительъ этого журнала инокъ Симеонъ изъ Суздаля. Въ журналѣ сказано: «Отъ Москвы до Твери 200 верстъ безъ двадцати; отъ Твери до Торжка 60 верстъ, отъ Торжка до Волочка 70 верстъ, отъ Волочка до Новгорода и Мстою 300 верстъ». Путешественники пріѣхали въ Новгородъ Октября въ седьмой день; изъ Новгорода отправились во Псковъ и прибыли туда Декабря 6-го, «а отъ

Новгорода до Пскова и ту была пиры мнози и дары велицы». Во Псковѣ путешественники пробыли семь недѣль, и выѣхали оттуда въ землю Ливонскихъ Нѣмцовъ, Января 22. Первый Нѣмецкій городъ, куда они прѣѣхали, былъ Каспяръ (вѣроятво нынѣшній Кастеръ, неподалеку отъ Дерпта); съ Каспира они прѣѣхали въ Юрьевъ (Дерптъ). Вотъ описаніе Юрьева: «Градъ же Юрьевъ великъ каменъ, палатяжъ въ немъ вельми чудны, намъ же невидящимъ дивящеса, церкви же бѣ многи и монастыри велицы. Рѣкажъ бѣ обшла съ той страны откуда мы прѣѣхали. Горыжъ блху у нихъ, поля и садове красны. Церквѣжъ крестьянскіи бѣ двѣ у нихъ: Св. Николай и Св. Юрій, крестьянъ же мало. Отъ Юрьева до Риги 200 верстъ». По дорогѣ къ Ригѣ, которая шла на Волмаръ, путешественники видѣли множество городовъ, и прѣѣхали въ Ригу 4 Февраля, гдѣ и пробыли до 5 Мая. Изъ Риги поѣхали моремъ къ Любеку, «сперва на Русскую землю, потомъ на Прусскую, Поморскую и Жунскую, отголѣ на Свицкую» и наконецъ къ Любеку, куда прибыли 19 Мая. Любекъ описывается слѣдующимъ образомъ: «и видѣхомъ градъ вельми чуденъ, и поля блху и горы не велики, и садове красны, полаты вельми чудны повлащенными верхи, и монастыри въ немъ вельми чудны и сильны; и товара въ немъ много всякаго; и воды приведены въ него и текутъ по всѣмъ улицамъ по трубамъ, а иныя изъ столповъ, студены и сладки». Далѣе описывается божица и монастырь, гдѣ путешественники видѣли удивившее ихъ изображеніе Божіей Матери. «Яко жива стоитъ Пречистая и Спаса держитъ на руцѣ младенчымъ образомъ; и зазвѣняше колокольчикъ, и слѣтитъ ангелъ сверху, и свесетъ вѣнецъ въ рукахъ и положитъ на Пречистую; и пойде звѣзда яко по небу, и на звѣзду зряше влху волоси три, а предъ ними человекъ съ мечемъ, а за нимъ человекъ съ товаромъ, и внесоша дары Христу, злато и ливанъ и смирну, и придоша ко Христу и Богородицѣ и поклонившаея, и Христосъ обратяся и благослови ихъ, хотяше руками взяти дары, яко дитя, играя у Богородицы на рукахъ; они же поклонившася и отдаша; и ангелъ возлетитъ горѣ и вѣнецъ взя». Далѣе путешественникамъ показывали монастырскую библіотеку, гдѣ они видѣли болѣе 1000 книгъ.

Изъ Любека они отправились, въ пятницу, на Троицкой недѣли, и, отѣхавъ четыре мили, ночевали въ городѣ

Мельнѣ (нынѣ Мелленъ въ Лауенбургѣ). Около этого города путешественники видѣли — «озера, а съ другую страну приведена рѣка болѣ 20 верстъ изъ великія рѣки Елевы (Эльбы). А отъ Елевы рѣки Мечъ рѣка, и перевоза поперекъ ее три версты. А отъ той рѣки до Лунбрега (Люнебурга) града двѣ миль». Далѣе слѣдуетъ описаніе Люнебурга: «той убо градъ величествомъ подобенъ есть Любку, и среди града того суть столпы устроенны, въ мѣди позлащены, вельми чудны, третью сажень и выше, и у тѣхъ столповъ у коегождо люди прирѣжены около того же мѣды; и истекають изъ тѣхъ людей изъ всѣхъ воды сладки и студены, у одинаго изъ устъ, а у инаго изъ уха, а у инаго изъ ока, а инаго изъ локти, а у инаго изъ ноздрію, истекають же прытки яко изъ бочекъ». Отъ Лунбрега путешественники пошли на Брунзвигъ (Брауншвейгъ), отстоящій на 16 миль. Въ описаніи Брунзвига сказано: «что онъ величествомъ выше всѣхъ прежнихъ градовъ, и палаты въ немъ видѣти вельми чудны; и еще жъ рѣки велики приведены по всему граду тому, брега ихъ и дна морованы каменьемъ». Отъ Брунсвика они поворотили на востокъ къ Батмеру (11 миль) вѣроятно нынѣшнему Бернбургу, о которомъ путешественники говорятъ: «той бо градъ величествомъ Любку подобенъ есть, и подъ весь градъ той улицы морованы и палаты, а воды къ нему приведены отъ Аламанскія земли» (Нѣмецкія). Съ Батмера они пошли на Липесъ (Лейпцигъ), отъ Липеса на Афратъ, вѣроятно нынѣшній Эрфуртъ, о которомъ говорятъ: «великъ и чуденъ имѣніемъ многимъ и хитрымъ рукодѣліемъ предумноженъ, и такого товара и хитра рукодѣліемъ ни въ коемъ градѣ въ предписанныхъ не видѣхомъ». Съ Эрфурта они пошли на Бамбергъ, который называютъ Бембеверегъ, потомъ на городъ Понтъ, подъ которымъ рѣка Тискъ, и далѣе на Нурбергъ т. е. Нюренбергъ, о которомъ въ описаніи сказано: «вельми великъ и крѣпокъ, и людей въ немъ много и товара, и палаты въ немъ дѣланы бѣлымъ каменьемъ велики, чудны и хитры, тако же и рѣки приведены ко граду тому великими силами хитро. А отъ Любка до Нюрберга сто миль. И той Нурберхъ градъ стоитъ среди Аламанскія земли. А Аламанская земля, то-есть не иная вѣра, ни иный языкъ; но есть единя вѣра Латвиская, а языкъ Нѣмецкій же, но разный яко Русь съ Сербы». Отъ Нюренберга путешественники пошли на Аусбургъ или какъ сказано, Австорокъ, на Дунаѣ въ 17 милахъ

отъ Нюренберга. Объ этомъ городѣ составитель путешествія пишетъ: «величествомъ превзыдѣ всѣ предписанныхъ градовъ, и палаты въ немъ, и воды и иное строеніе вельми чудны, и божницы въ немъ устроенныя, съ надворья писано вельми хитро, а внутри якожь нныя божницы подписаны; и ту писанъ Царь Юстиніанъ начальныи здатель града того, да нныя цари Римскіе писавы, тоже и Угорскіе и Аламаускіе».

Отъ Аусбурга они пошли къ Тиролюскимъ Альпамъ (Полонныя горы) на Журнбрюкъ, вѣроятнѣ Инспрукъ. о которомъ говорятъ: «городокъ не великъ, держитъ его князь зовомый Дукъ (Герцогъ Австрійскіи). Отъ Инспрука къ Полоннымъ горамъ пошли на городъ Фреанду; (отъ Инспрука 24 мили), потомъ въ Фрескую (Итальянскую) землю до города Павды (Падуи), и всего шли горами 60 миль». О Полонныхъ, т. е. Альпійскихъ горахъ, путешественникъ говоритъ: «горыжь тѣ не ту суть, но отъ Чернаго моря пошли даже и до Бѣлаго моря, яко поясъ зовется земный каменный; только же высоца суть, облаца вполъ ихъ ходять, и облаца отъ нихъ ся взимають. Снѣзи же лежатъ на нихъ отъ сотворенія горъ тѣхъ; въ лѣтѣ же жаръ и зной великъ въ нихъ, но снѣгъ же не таяше». Отъ Падуи путешественники пошли на Феррару, куда и прибыли 18 Августа. Здѣсь тогда находился 8-й вселенскій соборъ, гдѣ уже поджидали Исидора. О Феррарѣ въ путешествіи сказано: «въ томъ же градѣ Феррарѣ на Панинѣ дворѣ возведенъ столпъ камень высокъ и великъ надъ торгомъ, и на томъ столпѣ устроены часы, колоколъ великъ, и коли ударитъ, на весь градъ слышати; и того столпа отведено крыльцо и двои дери; и коли при спѣетъ часъ ударитъ въ колоколъ, и выдетъ изъ столпа на крыльцо Ангель, просто видѣти яко живъ, и потрубитъ въ трубу, и входятъ другими дверцами въ столпъ, а людемъ всѣмъ видящимъ ангела, и трубу видящимъ, и гласъ его слышати; и потомъ въ тотъ великій колоколъ восходяше на всякъ часъ Ангель ударяше». Далѣе отмѣчаются цѣны на разные припасы въ Феррарѣ: «и въ томъ же градѣ ѣсти купихомъ. яловца 20 золотыхъ. боровъ пять золотыхъ, а золотой по 30 грошей, а баранъ 2 золотыхъ; гусь три гроши, куря три гроши, хлѣба 9 проскуръ на грошь, сыръ по золотому».

Потомъ Русскій Митрополитъ, съ своею свитой, 27 Января, отправился изъ Феррары во Флоренцію, куда еще прежде

уѣхали Папа и Патріархъ Константинопольскій. Русскіе рѣкою По (въ журналѣ названа Пова) «поѣхали отъ Феррары на Аржентъ (Рженти) 25 миль, потомъ на Бастію (Башты) семь миль, далѣе на Салвъ (Селжи) также семь миль». Отъ Селва путники перебрались на берегъ и пошли сухимъ путемъ на Луго (Алуга), далѣе на Фаенцу (Фензы) и оттуда во Флоренцію. Путь до Флоренціи описанъ такъ: «подъ Береномъ рѣка Ирчець быстра вельми, черезъ се мостъ камень, и садовъ множество маслячныхъ, и мѣсто красно межъ горъ; и отъ Берена до града славнаго и прекраснаго Флоренцы 50 миль; а всѣ горы каменны высоцы, а путь тѣсень и тяжекъ вельми, навъ же возы не ходять, но на вьюкахъ вѣзять, и виво родится въ горахъ тѣхъ вельми добро и сладко, красно». Далѣе слѣдуетъ описаніе самой Флоренціи: «той же градъ Флоренза великъ зѣло, такого необрѣтохомъ во предписанныхъ градѣхъ; божицы въ немъ красны зѣло и велицы, и палаты въ немъ устроены бѣлымъ каменіемъ, вельми высоки и хитры; и по средѣ града того течеть рѣка велика и быстра вельми, именовъ Рна (т. е. Арно) и устроены на рѣцѣ той мостъ камень и широкъ вельми, и съ обѣ стороны моста устроены палаты. Есть же во градѣ тамъ больница велика, и есть въ ней до 1000 кроватей; тожъ устроена хасрадъ (богадѣльня) немощнымъ и пришельцемъ и страннымъ изъ иныхъ земель. Есть монастырь пивый, устроенный бѣлымъ каменіемъ хитро и вельми твердо, а врата желѣзны; а божица вельми чудна, и есть въ ней службъ сорокъ, и мощей святыхъ множество, и ризъ драгихъ множество съ каменіемъ драгимъ, и со златомъ и съ жемчугомъ; старцовъ же въ немъ сорокъ, житіе же ихъ не взходно изъ монастыря. А погребеніе умершихъ тѣхъ старцовъ во устроенныхъ тѣхъ монастырѣхъ в гробы ихъ, новоумершаго старца выкладывають, а вѣткія кости вынимають, и кладутъ въ кастеръ и на нихъ смотря поминають часъ смертвый. Въ томъ же градѣ дѣлають камки и аксамиты со златомъ; товару же всякаго множество, и садовъ маслячныхъ. И туже сукна скарлатныя дѣлають. Туже видѣхомъ дровіе кедры и кипарисы, кедръ какъ Русская сосна много походила, а кипарисъ корою яко липа а хвоею яко ель, но мало хвоею кудрава, магка, ашибки походили на сосновые. И есть во градѣ томъ божица устроена велика, камень мраморъ бѣлъ

да чертъ; и у божницы той устроенъ столпъ и колокольница, такожь бѣлый камень мраморъ, а хитрости ей недоумѣтъ умъ нашъ. И ходихомъ во столпъ той по лѣстницѣ, и сочтохомъ ступени чотыреста и пятьдесятъ. Въ томъ же градѣ видѣхомъ лютыхъ звѣрей двадцать два. А около града того стѣнъ шесть миль». Въ Черпиковскомъ спискѣ, вмѣсто миль, поставлено *поприщъ большиѣ*, и прибавлено еще: «въ томъ же градѣ видѣхомъ черви шелковые; да и то видѣхомъ какъ шелкъ емлютъ съ нихъ».

По окончаніи собора, Русскіе путники отправились въ отечество другою дорогою, такъ что, начавши путешествіе изъ Пскова, воротились домой черезъ Литву. Изъ Флоренціи они уже пошли на Скорпію, т. е. Скарперію, потомъ на Краненъ, т. е. Кавренъ и на Болонью; далѣе рѣкою Фарою въ По, и рѣкою По до города Кезы (Каза-де-Марина), откуда моремъ до Венеціи. Венеція описана слѣдующимъ образомъ: «а той градъ стоятъ въ морѣ, а суха пути къ нему нѣтъ, отъ берега 13 миль стоятъ въ морѣ; среди его проходятъ корабли и катарги; а по всѣмъ улицамъ воды и ѣзять въ баркахъ. Но вельми той градъ великъ, и палаты въ немъ чудныя а вавы позлащены, и товара въ немъ всякого много; занеже корабли приходятъ, изъ иныхъ земель, отъ Іерусалима, отъ Царя града, отъ Азова, изъ Турскіи земли, изъ Сорочинъ и изъ Нѣмецъ. Есть въ градѣ томъ церковь, святой Марко Евангелистъ, каменная, и столпы въ ней чудны, Гречинъ писалъ мусіею. и доверху видѣти вельми чудно, а внутри рѣзаны святыя, мраморъ и вельми хитро. А сама велика церковь, а надъ предними дверми изнутри поставлены чотыре кони мѣдныя, позлащены великіи, видѣти яко жини, и повѣшены два змія велики убиты. Ту и самъ Св. Марко лежитъ; а мощей святыихъ много и изъ Царя града. И монастырей много около града того по островамъ на морѣ, близъ иныхъ церквей, много». Изъ Венеціи путешественники сперва пристали къ острову, гдѣ монастырь Св. Николая; потомъ шли 110 миль моремъ до города Печери, очевидно на нынѣшнемъ Истрійскомъ берегу, далѣе отъ Печери спустились моремъ еще на югъ, 30 миль. до города Помы, откуда спустились къ острову и городу Осарѣ, гдѣ простояли десять дней, и потомъ двинулись къ городу Семм, нынѣшній Сенижъ на Хорватскомъ берегу, здѣсь высадились изъ корабля

и пошам сухимъ путемъ сперва, черезъ землю Хорватскую, на городъ Брынь, 15 миль лѣсомъ на горы, потомъ къ городу Мудруны, нынѣшній Модрусь, далѣе на городъ Возоль, еще далѣе на городъ Истребискъ, откуда на Очки, гдѣ начинаются владѣнія Угорскаго царя. Съ Очкѣ на Загребъ, потомъ на Краковецъ и Крыжъ, можетъ-быть нынѣшніе Крыжевцы, на сѣверовостокъ отъ Загреба; далѣе на Веншь, откуда на Бѣлгородъ и Будинъ, который описывается такъ: «отъ Бѣлграда до Фудна 40 верстъ, той убо градъ стольный есть Угорскаго королевства, на славней рѣцѣ Дунай, красенъ убо великъ, и посадъ по обѣ стороны рѣки. Королевъ дворъ есть, стоятъ во градѣ весьма крѣпокъ и хорошь; есть убо на посадѣ за градомъ кладязь, кипятъ въ котлѣ горячая вода въ змѣи и шлѣтъ». Здѣсь прекращается журналъ путешествія, довольно уже краткій къ концу, особенно начиная съ дороги отъ Загреба.

Такимъ образомъ спутники Исидора, въ продолженіе путешествія во Флоренцію, прошли отъ Псковадо Риги, и потомъ моремъ до Любека, а отъ Любека сухимъ путемъ долиною между Эльбою и Рейномъ до Дуная, и, пересѣвши Дунай, черезъ Тирольскія горы проникли въ Италію, которою сперва прошли по восточному берегу до Флоренціи, а потомъ, идя назадъ изъ Флоренціи, отправились на сѣверозападъ къ Болоньи и далѣе рѣкою По спустились въ Адриатическое море. Отъ Казы-Марины переехали въ Венецію, изъ которой перешли на Хорватскій берегъ, и потомъ черезъ Хорватію прошли въ Венгрію и Венгрію достигли Литвы, откуда уже пріѣхали въ Москву. Это путешествіе позавлекло Москвитанъ съ Германію, Италію и Венгрію; они вывели оттуда свѣдѣніи объ успѣхахъ Европейской жизни, которая, какъ увидимъ послѣ, не пропала даромъ, и принесла обильные плоды для развитія Русской жизни; ибо въ концѣ настоящаго же столѣтія Юзевъ III-ій началъ выписывать въ Москву разныхъ художниковъ изъ Италіи и Германіи. Живое описаніе чудесъ Европейскаго искусства, привезенное спутниками Исидора, возбуждало въ Московскомъ Государѣ и народѣ сильное желаніе пересадить сѣмя искусства на Русскую почву. Увлечательныя рассказы очевидцевъ о великолѣпнѣи устройствѣ Европейскихъ городовъ пришли очень кстати; ибо Москва, оставившись средо-

теміемъ обширнаго государства, удобно могло уже приступить къ работамъ о собственномъ великолѣвіи.

За семнадцать лѣтъ до Исидорова путешествія во Флоренцію, одинъ Москвитянинъ, Іеродіаконъ Зосима, совершилъ путешествіе на востокъ въ Царьградъ и Палестину, и оставилъ записки своего странствованія. Въ запискахъ оныхъ пишетъ, что изъ Троицкой Лавры сперва отправился на богомоуе въ Кіевъ, и тамъ задумалъ идти въ Іерусалимъ. Это новое путешествіе онъ началъ въ сообществѣ со многими купцами и вельможами. Они изъ Кіева пустились на югозападъ и, пройдши 150 верстъ, достигли восточнаго Буга, у города Браслава; отъ Браслава они вступили въ степи Татаръ Бѣлгородской Орды, и шли 250 верстъ Татарскою дорогою, «которая зовется на Великій Доиъ». Пройдши этотъ путь они достигли Днѣстра подъ Мигиревыми Кыминами, гдѣ былъ перевозъ черезъ рѣку и Литовская граница съ Волохами. Отъ этого переезда они шли три дня Волошкою землею и достигли Бѣлграда; изъ Бѣлграда, пройдши девять верстъ, спустились въ устье Днѣстра—«гдѣ стоитъ столпъ, называемый «фонарь»; здѣсь сѣли на корабль и чрезъ три недѣли прибыли въ Царьградъ.

Іеродіаконъ Зосима, какъ видно изъ его описанія путешествія, былъ человекъ бывалый, много видѣвшій и умѣвшій вездѣ пройти, чтобы посмотреть замѣчательное; онъ еще въ 1414 году былъ въ Константинополѣ, въ свѣтъ Княжны Анны Васильевны, отправлявшейся тогда невѣстою къ Іоанну Палеологу, сыну Императора Мануила. Знакомый съ Константинополемъ, онъ во второе свое путешествіе осмотрѣлъ и описал всѣ тамошнія достопримѣчательности съ такими подробностями, какъ ихъ не находимъ ни у одного изъ нашихъ путешественниковъ, и который въ настоящее время для насъ чрезвычайно драгоценны, какъ перламутр и живая картина Константинополя въ какіе нибудь тридцать лѣтъ до его завоеванія Турками. Зосима началъ свой обзоръ Царьградскихъ достопримѣчательностей съ Софійскаго храма; здѣсь онъ, между прочимъ, видѣлъ образъ Спасителя Исповѣдника, передъ которымъ поповѣдаютъ свои грѣхи. Подлѣ Софійскаго храма осматривалъ Иовъ ками чегъ, потомъ былъ въ монастырѣ Одыитріи, гдѣ чудотворный образъ Вождей Матери; далее посѣщалъ другіе монастыри. По его рассказамъ, передъ вратами Софійскаго храма стояла

столпъ, а на немъ Царь Юстиніанъ на конѣ—сковъ мѣднѣ, и самъ мѣднѣ вылитъ; правую же руку держитъ разпростертую, а зреть на востокъ, а самъ хвалится на Срацынскіе цари; а Срацынскіе цари противу ему стоятъ, всѣ болваны мѣднѣ, держатъ въ рукахъ своихъ дань; въ другой же рудѣ держитъ яко яблоко злато, а на яблоцѣ крестъ. Отъ памятника Юстиніану, яко въ стрѣловищѣ есть мѣсто, еже ся зоветъ подорожь (ипподромъ) урыстанье конское, и туто поставленъ столпъ на насыпи, а насыпь есть вышвыи челоуѣка съ 3, а на насыпи той четыре лодыга мраморныя, а на лодыгахъ тѣхъ поставленъ столпъ, а высота его 6 сажень, а ширина его одна сажень, единъ камень безъ става. И возлѣ стоятъ столпъ, три главы асидовы мѣднѣны силѣтоны, вмѣсто одной главы. Есть столпъ идучи къ Студіискому монастырю весь подвисанъ, что на свѣтѣ есть; сей столпъ поставилъ Царь Аркадіи на память свою. Предъ вратами Апостольской церкви стоятъ Ангелъ страшенъ великъ и держитъ въ рудѣ скипетръ Царяпрада, а противъ его стоятъ Царь Константинъ, акъ мужъ живой, и держитъ онъ въ рукахъ своихъ Царьградъ, и даетъ на соблюдение тому Ангелу. А въ сторонѣ монастыря Пантократоръ, отъ два стрѣлища большая, есть монастырь, еже ся зовутъ, Аполликанти; предъ враты того монастыря лежитъ жаба каменная; сія жаба при Царѣ Левѣ премудромъ, по улицамъ ходячи, смертію людей пожирала. Близъ стѣны монастыря Перепты стоятъ два болвана каменны велики, иже были суть при Левѣ премудромъ правосудіи». Зосима перечисляетъ въ Константинополѣ 22 монастыря, которые были посѣщены имъ, и которыхъ достопримѣчательности онъ описалъ въ своемъ путешествіи. Представивши замѣченныя имъ подробности Константинополя, Зосима переходитъ къ общему очерку всего города и говоритъ: «а Царьградъ стоитъ на три угла: двѣ стѣны отъ моря, а третья отъ западу, приступа дѣла ратныхъ. Въ первомъ углѣ отъ Бѣлаго моря создавъ Студійскій монастырь; во второмъ углѣ создавъ Св. Юрія монастырь, зовемый Монгавъ: а сей бѣше первое градецъ малъ, зовемый Византія, напротивъ Скутара. А мѣсто зовемое Скутаръ, есть на оной странѣ моря, и есть ту торговщица; съѣзжаются Турчане, а съ сея страны Греки и Фразове, и торгуютъ межъ собою. Въ третьемъ углѣ стоятъ церкви Влахерна. Отъ Лимена повыше мало стоитъ Царева па-

лата; а за Лименомъ стоитъ Фражскій градъ, красенъ и добръ и лѣпъ».

Пробывъ ползими и лѣто въ Константинополѣ, Зосима отправился на Святую гору (Аѳонскую). Онъ въ Цареградской пристани сѣлъ на корабль и ѣхалъ 100 миль узкимъ моремъ (Дарданеллами) до острова Мармаръ, о которомъ говоритъ: «въ томъ бо островѣ всѣ Цареградцы колютъ мраморъ и мостятъ церкви и палаты въ Цареградѣ. Отъ Мармара 60 миль шелъ до Галлиполя, гдѣ Турецкій перевозъ. Отъ Галлиполя прошедши еще 60 миль, вступилъ въ устье и вышелъ на великое море Понтійское, которое иначе называлось Бѣлымъ гдѣ стоитъ градъ Трояда въ самомъ устьѣ». Далѣе продолжаетъ рассказывать о пути на Аѳонъ: «отселъ выходятъ пути на великое море: на право поити ко Св. Горѣ и къ Селуню, и ко Арменской землѣ и къ Риму; на лѣво же ходятъ правовѣрніи ко Іерусалиму. Илучи отъ устья десять миль, мнухомъ островъ Зягрій, отгуду 300 миль островъ Лимбры; отгуду пльхомъ 100 миль и мнухомъ островъ Лимнось; и отгуду пльхомъ 60 миль подъ Св. гору». На святой горѣ Зосима исчисляетъ 22 монастыря, конхъ наименованія: Лавра, Ватопедъ, Хиландаръ, Монастырь Русскій, завомый Св. Пантелеимонъ, Пантакраторъ, Свѣмонъ, Верверскій, Зуфгри, Дохіаръ, Ксенось, Алузъ, Капакалъ, Кулгумось, Протатій, Ксерапоталъ, Овилтон, Василевпиргій, Павлова пустыня, Діонисіевъ монастырь, Григоріевъ монастырь, Симона Петраве, Кастомонить.

Съ Аѳона Зосима ходилъ сухимъ путемъ въ Селунь, на поклоненіе Св. Димитрію Селунскому и преподобной Феодорѣ; изъ Селуни, вмѣстѣ съ тамошнимъ Митрополитомъ, отправился во Іерусалимъ. Путь его лежалъ на Лемнось и потомъ на Хіосъ, о которомъ говоритъ, что «тамъ родится мастика, и рѣжия, и шелкъ и всякъ овощи». Съ Хіоса отправился на Патмосъ, потому 800 миль шелъ Понтійскимъ моремъ, наконецъ присталъ прямо къ Палестинскому берегу; въ Іерусалимъ пришелъ рано поутру въ Свѣтлое Воскресенье, и пробылъ тамъ цѣло лѣто. Приступая къ описанію своего пребыванія въ Іерусалимѣ, Зосима прежде всего описываетъ празднованіе Воскресенія Христова, потомъ упоминаетъ о посѣщеніи Іерусалимскихъ церквей, причемъ рассказываетъ о разныхъ притѣсненіяхъ,

которыя Иерусалимскіе Христіане терпятъ отъ Арабовъ. Далѣе говорятъ о своемъ путешествіи на Иорданъ до Мертваго моря, о посѣщеніи Сихема, Внодеема, Рахилина гроба, Церкви Св. Иліи, Иверскаго монастыря и села Скудельнича. Разсказъ его довольно подробенъ и наполненъ разными Палестинскими преданіями о посѣщенныхъ имъ мѣстахъ. Почти въ концѣ описанія Зосима сообщаетъ любопытное извѣстіе о владѣтеляхъ Египта и Дамаска и о городахъ, принадлежавшихъ Египетскому Султану. Вотъ подлинныя слова его: «а во Египтѣ Султанъ сирѣчь Царь, имя ему Тотаръ; а въ Дамаскѣ Цембакъ: се имъ Серацкиа имена. А се полъ Египетскимъ княземъ Султаномъ градовъ: 1. Египеть 2. Иерусалимъ, 3. Александрія, 4. Газа, 5. Дамаскъ, 6. Антіохія, 7. Верить, 8. Триполь, 9. Рамла въ Палестинѣ, 10. Ладда, 11. Вдалеми».

Въ обратномъ пути изъ Иерусалима Зосима шелъ на Раму, Ладду, Яфору и Юшюю, гдѣ и сѣлъ на корабль, и, проплывъ 300 миль, прибылъ въ Кипръ. Описывая Кипръ, Зосима говоритъ: «въ семь островѣ градъ великій стольный Никосія: тутъ стоитъ Рига Фряжскій, сирѣчь князь, обладаетъ всѣмъ островомъ тѣмъ; и братъ его Арцибургъ тутже сѣдитъ; Греческихъ Епискупъ 4, и два мирянина и два черница. Во всѣхъ церквахъ Фряжскихъ со органы поютъ на великіе праздники. А второй градъ Киринія; въ семь градѣ родится сахаръ, и рожки, и гровдія, и аспадъ, а мустъ мала. Оттолѣ есть 10 верстъ село княже, зовется Оморео, сирѣчь хорошее; ту тако же родится сахаръ, и тутъ лежитъ Св Мамантъ. Четвертый градъ Фамагуота; а пятый градъ Ларники; а шестый градъ Пафосъ, а седмый градъ Кикко, идѣже былъ Лазаръ четверодневный». Въ Кипрѣ Зосима пребылъ полтора мѣсяца. Потомъ 500 миль плывъ моремъ до острова Родоса; объ атомъ пути онъ говоритъ: «и видѣхомъ землю и горы, дѣхъ же всия и въ писаніи не слышахъ, и ходихомъ по Лукоморью». Это замѣчаніе нашего путешественника довольно прямо указываетъ, что путь въ Палестину нашимъ предкамъ, въ XV вѣкѣ, былъ уже знакомъ по книгамъ; что они изучали его еще дома, а во время самаго путешествія преимущественно старались посѣщать мѣста, уже знакомыя по описаніямъ, замѣченнымъ въ книгахъ; следовательно, въ важна-

ла географія, по крайней мѣрѣ тѣхъ мѣстъ, съ которыми связаны воспоминавія о земной жизни Христа. О Родосѣ Зосима говоритъ: «сей островъ предала Апостола ко Апостольской церкви въ Римъ; ту свидѣть отъ Папы Римскаго мистръ великій, и всѣ у него крестоносцы, а церковные люди, носятъ кресты на лѣвыхъ плечахъ, на портицахъ нашиваны; и ту есть Митрополитъ Греческій и Епископъ и попъ марининъ». Отъ Родоса нашъ путешественникъ плылъ моремъ 2500 миль, и присталъ къ острову Митилену, оттуда пошелъ къ Константинополю, гдѣ и зимовалъ; наконецъ въ Маѣ мѣсяцѣ сѣлъ на когребль, и Чернымъ моремъ отправился въ Русь.

Путешествіе Зосимы было какъ бы прощальнымъ съ Греческимъ Константинополемъ, ибо послѣ Зосимы, до завоеванія Константинополя Турками, въ нашихъ памятникахъ нѣтъ уже никакихъ извѣстій о посѣщеніи этого города. Путешествіе сіе для насъ очень важно не по однимъ извѣстіямъ о Константинополѣ и Палестинѣ, но и по географическимъ свѣдѣніямъ о за-Днѣпровской и за-Днѣстровской Руси, отъ Кіева до самаго устья Днѣстра, какъ мы видѣли выше. Подобныхъ извѣстій мы не встрѣчаемъ въ нашихъ отечественныхъ памятникахъ; они тѣмъ для насъ замѣчательны, что свидѣтельствуютъ, что эта сторона была еще знакома сѣверовосточной Руси и въ XV столѣтіи, и что въ этомъ краѣ еще продолжалась торговля съ Константинополемъ. Зосима прямо говоритъ, что онъ отправился изъ Кіева съ многими купцами, которые шли на Бугъ и Днѣстръ и оттуда въ Черное море.

Представивши обзоръ географическихъ свѣдѣній за первую половину XV вѣка у Москвитянъ, теперь обратимъ вниманіе на жителей другихъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ владѣній сѣверовосточной Руси. Кромѣ Москвы, на сѣверовостокѣ Руси были самостоятельными владѣльцами; Новгородъ со Псковомъ, Тверь, Рязань и нѣкоторые незначительные удѣлы потомковъ Михаила Черниговскаго, находившіеся на югѣ отъ Московскихъ и Рязанскихъ земель. Изъ нихъ владѣнія князей Черниговскаго дома, сѣверныя земли Московскими, Рязанскими и Литовскими, открытыя для Татарскихъ набѣговъ съ юга и притомъ слишкомъ слабыя по своей раздробленности, едва ли могли имѣть какіе либо успѣхи

въ развитіи народной жизни и въ знакомствѣ съ сосѣдними землями; выключая развѣ Татарскихъ степей, куда иногда жители преслѣдовали набѣгавшихъ на ихъ города Татаръ, и гдѣ можетъ-быть у тамошнихъ князей были станицы и развѣзды для наблюденія за Тарскими сакмами. Таковы были земли Торусскія, Воротынскія, Одоевскія, Бѣлевскія, Новосильскія и другія; мало по малу вошедшія въ составъ Московскихъ владѣній. Та же участь была и для земель Рязанскихъ; впрочемъ, это владѣніе, какъ довольно сильное, имѣло обширнѣйшій кругъ дѣятельности, и слѣдовательно большее знакомство съ сосѣдними странами, по крайней мѣрѣ въ началѣ XV вѣка, на что есть указанія и въ дошедшихъ до насъ разныхъ памятникахъ. Такъ, по договорной грамотѣ 1433 года, между В. Кн. Рязанскимъ Иваномъ Феодоровичемъ, съ тогдашнимъ Московскимъ В. Кн. Юрьемъ Дмитриевичемъ, мы находимъ, что Рязанскія земли на западъ граничили съ Торусскими владѣніями и что Тула и Берестье принадлежала къ Рязани, на востокъ же Рязанская граница сходилась съ Мещерскою и нѣсколько проникала въ земли Татарскія и Мордовскія (27). Слѣдовательно простиралась до рѣки Суры въ ея верховьяхъ, и далѣе на юговостокъ шла на Медвѣдицу, гдѣ былъ Черленый Яръ, принадлежавшій къ землямъ Рязанскаго Епископа, и наконецъ до впаденія Медвѣдицы въ Донъ, какъ значится по грамотамъ Митрополитовъ Феоноста и Алексѣя (28). Впрочемъ сія довольно обширная земля была раздѣлена на два, почти равныя, владѣнія, изъ коихъ первое, лежавшее на сѣверѣ, называлось великимъ княженіемъ Рязанскимъ, а второе, примыкавшее къ южнымъ степямъ, составляло великое княженіе Пронское (29). Это послѣднее владѣніе было въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Татарами и преимущественно поддерживалось ихъ помощію, такъ что иногда Пронскіе князья захватывали и самую Рязань, какъ напримѣръ это было въ 1409 году, когда Пронскій князь Иванъ Владиміровичъ, при помощи Татаръ, выгналъ Рязанскаго князя Феодора Ольговича. Рязанцы, какъ ближайшіе сосѣди съ Татарами, едва ли не лучше всѣхъ современниковъ знали Татарскія степи; ибо они и по мирнымъ сношеніямъ чаще всѣхъ бывали у Татаръ, а также нерѣдко, отражая Татарскіе на-

(27) Соб. Гос. Гр. и Дог. Т. I, № 48. (28) Ак. Ист. Т. I, № 1. и 3. (29) Ник. V, стр. 14.

бѣги, гонялись за ихъ полчищами по Придонскимъ степямъ. Такъ въ лѣтописи упоминается подъ 1411 годомъ: «приходиша Татарове на Резачь изгономъ; Резавцы жъ ходиша за намъ въ погоню, и ихъ биша и полонъ отъяша»⁽²⁰⁾. Тоже повторяется подъ 1426 годомъ⁽²¹⁾ и упоминается о Татарскихъ набѣгахъ на Рязанскія границы подъ 1437, 1439 и 1442 годами. Подъ 1444 годомъ описывается битва Рязанцовъ и Москвичей съ Татарскимъ Паревичемъ Мустафою, причемъ упоминаются въ Рязанскихъ полкахъ Мордва и Рязанскіе казаки⁽²²⁾. Рязанскими казаками здѣсь, вѣроятно, названы пограничные жители, поселенные по Холпру, Медвѣдицѣ и Дову, составлявшіе переводную стражу Рязанскихъ владѣній противъ Татаръ,—тѣ самые, о которыхъ упоминается въ извѣстныхъ грамотахъ Феогноста и Алексѣя, Митрополитовъ Московскихъ, на Червленый Яръ. Въ первые годы XV вѣка Рязань, при своемъ знаменитомъ князѣ Олегѣ Ивановичѣ, не ограничивала своихъ сношеній Москвою и Татарами, но иногда имѣла вліяніе и на дѣла Литовскія. Такъ, въ 1401 году, Олегъ Ивановичъ, желая помочь изгнанному изъ Смоленска князю Юрью Святославичу, вооружилъ противъ Витовта князей Муромскаго, Провскаго и Козельскаго, отвалъ у Литовцевъ Смоленскъ и посадилъ тамъ прежняго князя своего, союзника Юрія Святославича⁽²³⁾. Потомъ, въ 1402 году, посылалъ своего сына Родослава на Брянскъ⁽²⁴⁾. Такимъ образомъ географическія свѣдѣнія Рязанцевъ ограничивались землями Московскими, Муромскими, Мордовскими, Мещерскими, Татарскими и частию Литовскими. Можетъ быть, у Рязанцовъ были сношенія и съ другими странами по торговлѣ; но за ниминіемъ Рязанскихъ лѣтописей, мы объ этомъ не знаемъ.

Но совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ былъ Новгородъ со Псковомъ, соприкасаясь своими общирными владѣніями съ Литвою, Нѣвцами, Балтійскимъ моремъ, Сѣвернымъ Океаномъ, съ землями, лежащими по Оби, съ Камскою Болгаріею, составлявшею тогда владѣніе Татаръ, и съ землями Московскими и Тверскими. Притомъ, производя сильную и дѣятельную торговлю, Новгородцы, волей-не-волей, имѣли обширнѣйшія географическія свѣдѣнія объ отдаленныхъ странахъ. Вотъ мѣста изъ

⁽²⁰⁾ Ник. V, стр. 36. ⁽²¹⁾ Тамъ же, 92. ⁽²²⁾ Ник. V, стр. 192. ⁽²³⁾ Ник. IV, стр. 302. ⁽²⁴⁾ Тамъ же, 305.

дѣятельней, указывающія на дѣятельныя сношенія этого предприимчиваго народа съ разными землями. Въ 1401 году Новгородскіе бояре, Степанъ Ивановичъ съ товарищами, собравъ Вожанъ, бились съ Москвичами въ Заволочѣ на Колмогорахъ⁽²⁴⁾. Въ 1406 году Псковичи сперва воевали Полоцкія волости, потомъ ходили въ Нѣмецкую землю, побили Нѣмцовъ подъ Новымъ Городкомъ (можетъ-быть Нейгаузенъ) и гнались за ними до Кѣрѣянова. Въ слѣдующемъ году они взяли у Нѣмцовъ городъ Порхъ⁽²⁵⁾. Подъ 1410 годомъ Новгородская лѣтопись, упоминая о войнѣ Литовцевъ съ Нѣмцами, говоритъ, что у Литовцевъ была три побовща съ Пруссамъ в Нѣмцами, что Литовцы ходили по Нѣмецкой землѣ одиннадцать съ половиною недѣль, побрали всѣ Нѣмецкіе города, за исключеніемъ трехъ, и подъ Маріинымъ городомъ (Маріенбургомъ) стояли 8 недѣль⁽²⁶⁾. Это извѣстіе, конечно, подчеркнуто лѣтописцемъ не изъ Литовскихъ или Ливонскихъ хроникъ, въ которыхъ оно разсказано не такъ, а изъ разсказовъ самовидцевъ, т. е. или отъ Новгородцевъ и Псковитянъ, бывшихъ тогда въ Ливоніи, или отъ Ливонцевъ и Литовцевъ, пріѣзжавшихъ въ Новгородъ; слѣдовательно въ томъ и другомъ случаѣ указываетъ на близкія и постоянныя сношенія Новгорода и Пскова съ Ливоніею и Литвою. Подъ слѣдующимъ годомъ та же лѣтопись, разсказывая о войнѣ Новгорода съ Шведами, говоритъ, что Новгородцы, съ одной стороны преслѣдуя Шведовъ, проникли до Выборга, а съ другою, изъ Заволочья, отъ устья Двины, прошли моремъ въ сѣверныя предѣлы Норвегіи⁽²⁷⁾. Здѣсь мы ясно видимъ, что для Новгородцевъ былъ знакомъ и этотъ отдаленный край Скандинавскаго полуострова. Подъ 1414 годомъ лѣтопись упоминаетъ о Новгородскомъ посольствѣ въ Литву, а подъ 1415 о нападеніи Татаръ на Елецкія земли и о сильныхъ пожарахъ въ Москвѣ и Смоленскѣ⁽²⁸⁾. Очевидно, что Новгородцы хорошо знали всѣ событія не только въ Литвѣ, Смоленскѣ и Москвѣ, но даже въ краю, соприкасающемся съ Татарскими степями, въ одномъ изъ самыхъ южныхъ городовъ тогдашней Руси, Ельцѣ; слѣдовательно, всѣ сѣв страны они постоянно посѣщали, и конечно не для чего иного, какъ для торговли. Подъ 1442 годомъ лѣтопись разсказыва-

⁽²⁴⁾ Новг. I, стр. 101. ⁽²⁵⁾ Тамъ же, 103. ⁽²⁶⁾ Тамъ же 104. ⁽²⁷⁾ Тамъ же, ⁽²⁸⁾ Тамъ же, 105.

еть объ убіеіні Литовскаго князя Жилимонта Александромъ Чарторижскимъ и братомъ его, Иваномъ, объ избраніи Казимира въ Литовскіе князья, по другихъ тамошнихъ проишествіяхъ⁽³⁹⁾. Сія извѣстія опять ясно свидѣлствуютъ, что весь Литовскій край былъ хорошо знакомъ Новгородцамъ, и они такъ интересовались тамошними событіями, что вносили ихъ въ свои лѣтописи. Подъ 1443 годомъ въ третьей Новгородской лѣтописи, при описаніи голода, упоминается, что многіе Новгородцы разошлись, иные въ Литву, иные въ Латвію, и иные въ Бесерменство изъ хлѣба⁽⁴⁰⁾. Здѣсь мы имѣемъ новое доказательство, что Новгородцы были знакомы не только съ Нѣмецкою и Литовскою землею, но и съ странами Мусульманскими, подъ которыми лѣтопись, конечно, здѣсь разумѣетъ земли Татарскія. Подъ 1445 годомъ четвертая Новгородская лѣтопись говоритъ, что Ливонскіе Нѣмцы, послѣ нападенія на городъ Жмы, прислали сказать Новгородцамъ: «мы васъ не воюемъ, а воюетъ васъ князь Григорей изъ заморія Клевскій, про своего проводника Итолка Ругодвца»⁽⁴¹⁾. Это извѣстіе, подтверждаемое и бумагами Нѣмецкаго ордена, свидѣлствуетъ, что Новгородцы знали и герцога Клевскаго, слѣдовательно бывали и въ самой Германіи, или по крайней мѣрѣ знали ее по рассказамъ прѣзжавшихъ оттуда купцовъ. Это извѣстіе говоритъ о знакомствѣ Новгородцевъ, съ землями, лежащими на западъ отъ Новгорода; а вотъ свидѣтельство о сношеніяхъ Новгорода съ востокомъ. По сказанію Никоновской лѣтописи, Новгородцы съ своими посадниками Анеаломъ, въ 1409 году, воевали въ Камской Болгаріи, пріидеиъ часть ихъ рати, въ числѣ 100 насадовъ, отправилась Камюю, а другая часть, на 150 насадахъ, Волгою; но какъ Волжская часть рати опоздала прійти на соединеніе къ назначенному сроку, то Новгородцы и были разбиты Татарами⁽⁴²⁾. Четвертая Новгородская лѣтопись, подъ 1446 годомъ, говоритъ: что Василиій Шенкурскій и Михаіла Яковль, воеводы Новгородскіе, ходили съ Заволоцкою ратію въ трехъ тысячахъ на Югру — «и поймающе Югорскихъ людей много, и жень и дѣтей, и разплочашася; они же Югрицы доспѣша надъ ними область, а ркуа тако: мы хотимъ вамъ дань дати, а хотимъ счестися и указати вамъ, ста-

⁽³⁹⁾ Новг. I, стр. 113. ⁽⁴⁰⁾ Новг. III, 249. ⁽⁴¹⁾ Новг. IV, стр. 126. ⁽⁴²⁾ Ник. V, 29.

ны, и острова и урочища. А въ то время скопившеса и ударившеса на островъ Васильевъ, и много людей, дѣтей болгарскихъ и удалыхъ людей избиша, человекъ съ 80; а Василей убѣжа съ сыномъ своимъ Семеономъ въ малѣ дружинѣ, а внѣи разбѣгшася по лѣсу. А другій воевола Михайло Яковль въ то время былъ въ иной рѣкѣ; и потомъ Михайло прѣѣхалъ къ Васильеву острогу, видѣ острогъ разоренъ и своихъ побитыхъ, а иные разбѣгшихся, и нача искати своихъ по рѣцѣ; и скопишася къ нему Василей съ сыномъ, и явля вси, и прѣѣхаша во свою землю» (43). Изъ сихъ двухъ извѣстій мы ясно видимъ, что Новгородцы въ первой половинѣ XV вѣка не оставляли своего знакомства на востокъ ни съ Камскою Болгарією, куда знали дорогу и Камою и Волгою, ни съ Югрою, куда ходили изъ Заволочья. Разсказъ о Югорскомъ походѣ Василья Шенкурскаго и Михайлы Яковлева живо характеризуетъ образъ странствованія Новгородцевъ по отдаленнымъ дикимъ землямъ; здѣсь Новгородцы являются предшественниками и какъ бы учителями позднѣйшихъ казаковъ, которые такимъ же образомъ пролагали новые пути по Сибири, и, строя въ дикихъ лѣсахъ остроги или крѣпосцы, повемногу покоряли эту обширную страну Московскому государю.

Собственно о Новгородскихъ и Псковскихъ владѣніяхъ географическія свидѣнія за первую половину XV столѣтія очень немногочисленны. Новгородскія владѣнія вообще, въ XV вѣкѣ, раздѣлялись на собственно Новгородскія земли и на Псковскія; граница сихъ двухъ владѣній была вдалеко отъ Дубровны. Такъ, въ Псковской лѣтописи подъ 1460 годомъ сказано: «посадники Псковскіи и бояре сръѣтоша князя Юрья (шедшаго изъ Новгорода) за рубежомъ по Дубровнѣ» (44). Далѣе на юговостокъ Псковская граница подходила къ Порхову и Вышгороду, какъ свидѣтельствуєтъ Псковская лѣтопись подъ 1428 годомъ (45); потомъ сворачивала на Ржеву къ западу (нынѣшній Новоржевъ на Лыстѣ), которая уже принадлежала Литвѣ, по крайней мѣрѣ въ это время; ибо въ лѣтописи подъ 1406 годомъ сказано, что «Псковичи повоевали у Литовцевъ Ржеву и Великіе Луки» (46). Въ Новгородской 1-й лѣтописи, подъ 1435 годомъ, около Ржевы

(43) Новг. IV, стр. 124. (44) Псков. I, стр. 219. (45) Тамъ же, 205. (46) Тамъ же, 197.

именно означенъ Псковской рубежъ. Отъ Ржевы граница шла къ верховьямъ рѣки Великой, гдѣ крайнимъ Псковскимъ городомъ была Опочка ⁽⁴⁷⁾; отъ Опочки Псковскія владѣнія шли къ верховьямъ рѣки Лужи, гдѣ вѣроятно былъ упоминаемый въ лѣтописи Псковской городъ Коложе ⁽⁴⁸⁾. Отсюда Псковская граница примыкала къ землямъ Ливонскихъ Нѣмцовъ, къ областямъ городовъ Мариенбурга и Нейгаузена, который въ нашихъ лѣтописяхъ называется новымъ городкомъ Нѣмецкимъ ⁽⁴⁹⁾. Немного на сѣверовостокъ отъ Нейгаузена, Псковская граница шла на рѣку Серицу ⁽⁵⁰⁾, можетъ-быть ту самую, на которой нынѣ стоятъ мѣстечко Печеры, гдѣ были Псковскія волости Лагозовица ⁽⁵¹⁾, Деманица, Залесье (нынѣшнее Залѣсье) ⁽⁵²⁾ и пригороды Изборскъ, и Выборъ, можетъ-быть на самомъ рубежѣ съ Нѣмцами, ибо въ лѣтописи сказано подъ 1434 годомъ: «того лѣта Псковичи новыи города укрѣпивше, стѣну и привалы къ стѣнѣ привалиша, одному на берегѣ во Гловѣ, а другому въ Залѣсьи на Выборѣ» ⁽⁵³⁾. Отъ Логозовицы начинался южный и восточный берегъ Псковскаго озера, далѣе восточный же берегъ Чудскаго озера, и наконецъ рѣка Нарова, составлявшія западную границу Псковской земли. При выходѣ Наровы изъ Чудскаго озера, кажется, Псковская граница выходила даже за Нарову; ибо въ лѣтописи подъ 1460 годомъ упоминается о спорѣ Псковичей съ Нѣмцами за Озольцу и Желачко, которые уже лежали на западѣ отъ Наровы ⁽⁵⁴⁾. Главныя поселенія Псковитянъ лежали по рѣкѣ Великой и ея притокамъ; тутъ находились ихъ города Псковъ, и, на югъ отъ Пскова Островъ, гдѣ-то неподалеку отъ Острова, Кателенъ ⁽⁵⁵⁾, потомъ Вороначь, нынѣшній Вороничъ, на Лестѣ, недалеко отъ впаденія ея въ Великую ⁽⁵⁶⁾, и наконецъ Опочка, самый крайній Псковской городъ на югѣ. Между Островомъ и Вороничъ были еще города: Вельи, кажется, при впаденія рѣчки Сии въ Великую ⁽⁵⁷⁾, и Вревъ, гдѣ-то въ той же сторонѣ ⁽⁵⁸⁾; на восточномъ берегу Чудскаго озера у Псковитянъ былъ городъ Гловъ, о которомъ упоминается подъ 1431

⁽⁴⁷⁾ Пск. I, стр. 202. Новг. I, 111. ⁽⁴⁸⁾ Тамъ же, 197. ⁽⁴⁹⁾ Тамъ же, 198. ⁽⁵⁰⁾ Тамъ же. ⁽⁵¹⁾ Тамъ же, 199. ⁽⁵²⁾ Тамъ же, ⁽⁵³⁾ Тамъ же, 207. ⁽⁵⁴⁾ Тамъ же, 218—219. ⁽⁵⁵⁾ Тамъ же, 204. ⁽⁵⁶⁾ Тамъ же, 197. ⁽⁵⁷⁾ Тамъ же, ⁽⁵⁸⁾ Тамъ же, 204.

и 1434 годах ^(*). Такимъ образомъ мы видимъ, что Псковскія владѣнія въ первой половинѣ XV вѣка были очень необширны и едва ли составляли половину нынѣшней Псковской губерніи; но дѣятельная и обширная торговля въ прежнее и тогдашнее время дѣлала сію небольшую землю довольно сильнымъ и значительнымъ владѣніемъ того времени, что доказывается продолжительною войною Псковитянъ съ Ливонскими Нѣмцами и съ великимъ княземъ Литовскимъ, знаменитымъ Витовтомъ. Войну сію, продолжавшуюся три года, Псковитяне рѣшительно выдерживали одни, и кончили честнымъ для себя миромъ ^(**). Псковъ и его пригороды были еще сильнѣе своимъ народонаселеніемъ и богатствомъ, и даже не робѣли стоять отдѣльно отъ Новгорода въ продолженіе 34 лѣтъ ^(***) противъ всѣхъ своихъ враговъ. Псковскіе города вообще были довольно хорошо укрѣплены, и при нападеніи непріятелей, почти всегда удачно отбивались или давали за себя окупъ.

Западная граница собственно Новгородскихъ владѣній, въ первой половинѣ XV вѣка, начиналась нѣсколько сѣвѣннѣе Ржевы, ибо, какъ мы уже видѣли, Ржева и Великіе Луки, прежніе Новгородскіе города, принадлежали Литовцамъ хотя временно. Отъ Ржевы Новгородская граница шла на Вышгородъ, Порховъ, Дубровну и Ямъ-городъ, потомъ къ устьямъ Ижоры и Невы, на Лодожское озеро, гдѣ былъ Новгородскій городъ Ореховъ, нынѣшній Шлиссельбургъ ^(***). Здѣсь лежали земли, составлявшія Вотъскую патицу. За Нвою начиналась уже спорная земля у Новгородцевъ съ Шведами. Впрочемъ, у Новгородцевъ были уже здѣсь города по западному берегу Ладожскаго озера, Тиверскій и Корельскій. Отъ Орехова западная Новгородская граница шла на Узерку и по западному берегу Ладожскаго озера, на озера Пеглиарви, Тохмоарви, и Теласарви или Целецкое, гдѣ начиналась спорная Корельская земля, зависѣвшая то отъ Новгорода, то отъ Швеціи. Далѣе къ берегамъ Бѣлаго моря, Новгородскія владѣнія сходились съ Норвежскими, и не были истощены границъ. Въ лѣтописи подъ 1419 годомъ въ этомъ краю упоминаются Новгородскія земли: Корельскій погостъ въ Варзугѣ, и Заволочскіе погосты: Не-

^(*) Пск. I, стр. 206, 207. ^(**) Новгород. I, 103. ^(***) Новгород. I, 208; ^(****) Новгород. IV, 123.

вокъ, Корельскій монастырь св. Николы, Конечный погостъ, Яковля Курья, Ондръяновъ берегъ, Кнгъ-островъ, Кяръ-островъ, Михайловъ монастырь, Чигломъ и Хъчинна, на которые въ этомъ году нападали Норвежцы, пришедшіе моремъ въ бусахъ и шнекахъ ⁽⁶³⁾. Отъ Бълаго моря владѣнія Новгородскія на сѣверо-востокъ простирались по прежнему, до Сибири. Хотя Московскіе Великіе Князья старались утвердиться въ сосѣднихъ Новгородскихъ областяхъ, лежавшихъ по сѣверной Двинѣ, однако же не имѣли успѣха. За то Василию Дмитріевичу удалось завять Бѣжецкій верхъ, Волокъ Ламскій и Вологду. Его сынъ, Василій Темный, хотя въ 1435 году и обѣщаль возвратить сія области Новгороду, но это намѣреніе осталось неисполненнымъ ⁽⁶⁴⁾. Такимъ образомъ въ первой половинѣ XV вѣка Новгородъ потерпѣлъ значительныя утраты въ своихъ владѣніяхъ: съ одной стороны, Литовцы отодвинули Новгородскія границы за Ржеву, а съ другой, Москвичи выдвинули свою границу на Мологу, Шексну и Сухону, принадлежавшія прежде Новгороду. Изъ Новгородскихъ пригородовъ въ самомъ началѣ XV вѣка лѣтопись упоминаетъ о Русѣ, Ладогѣ, Орѣховѣ, Тверскомѣ, Копорѣ, Корельскомѣ, Торжкѣ, Волокѣ - Ламскомѣ, Порховѣ, Вышгородѣ, Высокомѣ, Кошкнѣ и Городцѣ, которые въ 1404 году были отданы, временно, пришедшему въ Новгородъ Смоленскому князю Юрью Святославичу ⁽⁶⁵⁾. Подробнѣйшихъ географическихъ свѣдѣній о Новгородскомъ краѣ за первую половину XV вѣка мы не имѣемъ; но за то за вторую половину мы найдемъ самыя полныя географическія свѣдѣнія объ этой сторонѣ; ибо, кромѣ лѣтописныхъ извѣстій, до насъ дошли оффиціальныя Писцовыя книги Новгородскихъ владѣній конца XV вѣка.

Тверскія владѣнія, сколько можно судить по извѣстіямъ, встрѣчающимся въ лѣтописяхъ, въ первой половинѣ XV вѣка имѣли прежнія границы, въ которыхъ оставилъ ихъ знаменитый тамошній князь Михаилъ Александровичъ. Тогдашнее положеніе Твери было таково, что какъ по внутреннему состоянію Тверскихъ владѣній, такъ и по разнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, Тверичи, окруженные сильными сосѣдами, Литовцами,

⁽⁶³⁾ Новг. I, стр. 108—109. ⁽⁶⁴⁾ Тамъ же, 112. ⁽⁶⁵⁾ Нов. IV, стр. 107.

Новгородцами и Москвитчами, ничего не могли предпринять къ распространенію своихъ границъ, а еслии когда и предпринимали что противъ Новгородцевъ, то не имѣли надлежащаго успѣха. Съ Москвою же и Литвою во все это время они оставались въ постоянномъ мирѣ, который, вѣроятно, много способствовалъ развитію Тверской торговли; впрочемъ мы не имѣемъ собственно Тверскихъ лѣтописей, а посему не знаемъ и подробностей объ этомъ предметѣ.

Сдѣлавши обзоръ географическихъ свѣдѣній на Русь за первую половину XV вѣка, намъ теперь слѣдуетъ перейти ко второй половинѣ, заключающей въ себѣ съ 1462 года правленіе Великаго Князя Юанна III-го. Это время, по разнообразію географическихъ свѣдѣній на Русь, самое обильное и занимательное. Москва начала вступать въ болѣе близкія связи съ отдаленными государствами Европы и Азіи; прежнее знакомство Москвитянъ съ разными народами развилось въ болѣе или менѣе опредѣленныя отношенія Московскаго правительства къ другимъ; самый географическій объемъ государства пріобрѣлъ болѣе опредѣленныя и обширныя границы; полузависимость разныхъ Русскихъ владѣній почти исчезла и превратилась въ полное соединеніе съ Москвою.

Прежде всего мы обратимъ вниманіе на то, какія географическія свѣдѣнія пріобрѣла Русь во вторую половину XV вѣка, съ какими землями она ознакомилась. Въ западной Европѣ Москву узнали еще въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, именно на Флорентинскомъ соборѣ, гдѣ представителями ея были Митролитъ Исидоръ съ своею свитою; въ это же время, какъ мы уже видѣли, и Москвитчи нѣсколько ознакомились съ западною Европою; это знакомство было добрымъ началомъ тѣхъ отношеній, въ которыя въ послѣдствіи Москва вступила съ нею. Путешествіе Исидора на Флорентійскій соборъ не пропало даромъ ни для Москвы, ни для Европы, хотя и не достигло ближайшей цѣли, съ которою было предпринято. Европейцы, узнавши здѣсь Москвитянъ, какъ могущественныхъ представителей восточнаго Христіанства, ухватились за мысль войти съ ними въ ближайшія сношенія для замышляемыхъ походовъ противъ Турокъ, грозившихъ покорить Европу; Москвитчи же, узнавши отъ спутниковъ Исидоровыхъ о цвѣтущемъ состояніи видѣнныхъ ими въ Европѣ городовъ, захотѣли воспользо-

ваться плодами Европейской опытности въ дѣлѣ искусствъ и гражданственности. Первое знакомство однако же начали сами Европейцы. Папа Павелъ II-й, думая подвигнуть Московскаго Государя противъ Турокъ, въ 1469 году отправилъ въ Москву Грека Юрія съ предложеніемъ Іоанну вступить въ бракъ съ Софією, дочерью владѣтеля Амморейскаго Омы, воспитывавшеюся въ Римѣ. Іоаннъ отвѣчалъ на это чрезъ свое посольство въ Римъ, отправивъ туда Ивана Фрязина, который получилъ отъ Папы лсты, чтобы послать Великаго Князя ходить добровольно 2 года по всѣмъ землямъ, подчиненнымъ Папѣ (*). Въ 1472 году Московскій Государь отправилъ новое посольство въ Римъ, чтобы привести оттуда Царевну Софію, посольство сіе, бывшее подъ начальствомъ того же Ивана Фрязина, Венеціанскаго уроженца, было принято въ Италиі съ большими почестями и, возвращаясь назадъ съ Царевною, шло черезъ Германию до Любека, и, по наказу папскому, вездѣ находило почетныя встрѣчи и проводы. вмѣстѣ съ Софією пріѣхали въ Москву многіе Греки, проживавшіе въ Италиі. Все это съ одной стороны знакомяло ближе Европу съ Москвою, а съ другой еще больше знакомило Москвичей съ Европою; ибо послы Московскіе, не зажмурившись, развѣзжали по Европѣ: кромѣ собственного любопытства, они, вѣроятно, имѣли и официальную обязанность сколько можно болѣе узнавать бытъ Европейцевъ и о всемъ, что услышать и увидятъ, доносить Государю. Конечно, мы не имѣемъ статейныхъ списковъ Фрязина, и слѣдовательно не можемъ прямо указать, какія именно свѣдѣнія о Европѣ доставило его посольство; но что были доставлены свѣдѣнія, и довольно значительныя, въ этомъ почти нельзя сомнѣваться, ибо тогдашняя администрація Московскаго Двора была такова, что къ ней всего ближе можно отнести извѣстное правило Римлянъ о посольствахъ, отправляемыхъ къ неизвѣстнымъ народамъ: «*ut mores, instituta totamque vivendi rationem ejus gentis, apud quam legationis nomine versabantur, diligenter litteris consignarent*». Существованіе подобнаго правила въ Москвѣ доказывается многими наказами и статейными списками послѣдующихъ посольствъ, о которыхъ мы будемъ говорить

(*) Львов. III, стр. 30.

въ своемъ мѣстѣ. Еще послѣ перваго посольства Ивана Фрязина въ Римъ, пріѣхалъ въ Москву посолъ Венеціанскаго дожа Николая Трона; но это посольство, скрытое Фрязинымъ и потомъ открытое въ Москвѣ, навлекло Государеву опалу на Венеціанскаго посла. Вслѣдствіе чего Московскій Государь, по заключеніи брака съ Софією, отправилъ свое посольство въ Венецію; посломъ Государя былъ Россіянинъ Семень Толбузинъ. Ему, между прочимъ, наказано было привести изъ Италіи хорошаго архитектора, для построенія въ Москвѣ большой церкви Успенія Пресвятыя Богородицы ^(*), и онъ вывезъ изъ Венеціи Болонскаго уроженца Аристотеля Фіораванти, пріобрѣвшаго уже знаменитость постройкою большой церкви и воротъ въ Венеціи ^(**). Мы не имѣемъ статейнаго списка посольства Толбузина; но, судя по рассказамъ о Венеціанской землѣ, сохраннымъ въ Русскомъ лѣтописцѣ Львова, статейный списокъ Толбузина заключалъ въ себѣ много географическихъ и статистическихъ подробностей о той странѣ. Такъ въ лѣтописцѣ Толбузинъ рассказываетъ о церкви Св. Марка и городскихъ воротахъ въ Венеціи, о палатахъ Аристотеля, объ избраніи Венеціанскаго дожа всею землею посредствомъ выниманія отмеченныхъ зеренъ изъ сосуда, о мощахъ Св. Екатерины, о городѣ, въ которомъ живетъ дожъ, и о первоначальномъ построеніи Венеціи, о которомъ говорятъ такъ: «а мѣсто де то, какъ сказываютъ старожители и книжники, сперва невелико было, да много де въ морѣ камнемъ придѣлали хитроки, гдѣ Венеція градъ стоитъ» ^(**).

Въ 1473 году былъ посланъ Беклемишевъ въ Крымъ. Въ дѣлахъ этого посольства упоминается, что ему приказано было между прочимъ захватить въ Кафу и требовать отъ тамошняго Генуэскаго консула, чтобы Генуэсцы выдали Русскимъ купцамъ отнятые у нихъ товары, на двѣ тысячи рублей, и впредь не дѣлали подобнаго насилія, вреднаго для успѣховъ взаимной торговли. Это извѣстіе показываетъ, что торговля сношенія Москвитянъ съ сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря продолжались по прежнему. Не смотря на то, что владѣльцы тамошняго края смѣнялись одна дружна, Русскіе продолжали возить свои товары и одна-

(*) Ник. VI, стр. 52. (**) Львов. III, стр. 41. (***) Тамъ же.

ково торговали съ Крымцами, Итальянцами и Турками. При торговлѣ, постоянно продолжавшейся, конечно, и географическія свѣдѣнія объ этомъ краѣ годъ отъ году увеличивались на Руси. Русскіе не только знали различныя дороги въ эту страну, по которымъ было бы удобнѣе провозить товары, но также не были незнакомы съ обычаями и требованіями тамошнихъ жителей: ибо торговцамъ нельзя не знать, что требуется въ той сторонѣ, куда они возятъ свой товаръ, и откуда получаютъ тамошніе товары на обихъ. Конечно, до насъ не дошло никакихъ описаній тамошняго края, сдѣланныхъ торговцами; но самый фактъ торговли служитъ прямымъ свидѣтельствомъ о географическомъ знакомствѣ съ тою странюю. Этотъ фактъ подтверждается не однимъ наказомъ Беклемишеву; въ Архивской лѣтописи подъ 1475 годомъ при описаніи занятія Кафы Турками сказано: «Турковъ взяша Кафу, и гостей Московскихъ многихъ побиша, а вныхъ попмаша, а вныхъ пограбивъ на окупъ даваша» ⁽⁷⁰⁾. Изъ посольствъ же между Турецкими Султаномъ и Московскимъ Государемъ видно, что Русская торговля не ограничивалась только однимъ сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря, но простиралась и на прочія владѣнія султана: такъ Баязетъ въ своей грамотѣ къ Іоанну, присланной съ Московскимъ посломъ Плещеевымъ въ 1498 году, говоритъ: «и гости свои въ мою землю отпушай, и пришедь увидать нашу правду къ тебѣ и тобѣ скажутъ. Что о тѣхъ гостѣхъ писалъ ты ко мнѣ прежь сего, о всемъ твой посолъ и твоя грамота вѣдомо мнѣ дала съ правдою» ⁽⁷¹⁾. Въ дѣлахъ посольства Голохвостова въ Константинополь въ 1499 году, то же говорится объ исходатайствованіи разныхъ выгодъ Московскимъ торговцамъ въ Турецкихъ владѣніяхъ.

Контарини, Венеціанскій посолъ къ Персидскому шаху Узунъ-Гассану, въ своемъ путешествіи упоминаетъ, что онъ въ 1476 г. встрѣтилъ въ Экбатанѣ великокняжескаго посланца изъ Москвы, Марка Руфа, который велъ переговоры съ шахомъ Узуномъ. Московскій посолъ отправился назадъ въ Москву вмѣстѣ съ Персидскимъ и съ Венеціанцомъ Контарини; сей послѣдній въ своемъ путешествіи говоритъ: что они ѣхали изъ Тифлиса черезъ Ша-

(70) Ист. Гос. Рос. Т. VI, прим. 127. (71) Дѣл. Крым. № 1.

маху, богатую шелкомъ, Дербентъ и Астрахань. По его словамъ, городъ сей тогда состоялъ изъ землянокъ, обвесенныхъ худою стѣною; тамошніе купцы доставляли въ Москву шелковыя ткани и получали оттуда мѣха и сѣдла. Марко Руфъ и Контарини съ величайшею осторожностію ѣхали по степамъ Донскимъ и Воронежскимъ, боясь хищныхъ Татаръ; не видали ничего кромѣ неба и земли; часто выѣли недостатокъ въ водѣ; не находили ни вѣрныхъ дорогъ ни мостовъ; сами дѣлали плоты, гдѣ надлежало переправляться чрезъ рѣки, и восхваляли милость Божию, когда достигли благополучно до Рязанской области, лѣсной, мало населенной, но обильной хлѣбомъ, мясомъ, медомъ и совершенно безопасной для путешественниковъ. По Русскимъ памятникамъ нѣтъ извѣстія о посольствѣ Руфа къ Узунъ-Гассану; но что оно было, въ этомъ мы не можемъ сомнѣваться, ибо Контарини не могъ же и не имѣлъ выгоды выдумывать отъ себя о встрѣчѣ съ Руфомъ въ Экбатанѣ, о путешествіи своемъ въ Москву и о приѣмѣ тамошнимъ Государемъ. Мы не знаемъ причинъ, для чего Маркъ Руфъ былъ посланъ въ Персію; но для насъ довольно и того, что онъ былъ; слѣдовательно Русскіе и въ XV столѣтіи знали дорогу въ эту сторону. Описаніе Донскихъ и Воронежскихъ степей у Контарини вѣсколько сходно съ описаніемъ тѣхъ же мѣстъ въ путешествіи Пимена въ XIV столѣтіи. Контарини, какъ иностранцу, вездѣ казалось, что его ведутъ наобумъ не зная дороги; тогда какъ провожатые Руфа были безъ сомнѣнія люди бывалые, хорошо знавшіе этотъ край, что доказывается и самымъ дѣломъ: ибо путники ни разу не встрѣтились съ хищными Татарами, о чемъ конечно и старались провожатые. Такимъ образомъ изъ путешествія Контарини мы узнаемъ, что Русскіе времяпъ Іоанна III имѣли вѣкоторыя географическія свѣдѣнія и о внутреннихъ земляхъ Персіи, по крайней мѣрѣ Шарвана. Но, кромѣ Персіи, Москвичи въ это же время вѣроятно хорошо знали всѣ земли отъ Каспійскаго моря на востокъ до Аральскаго и на сѣверъ до Иртыша; ибо въ этомъ краю кочевали союзники Іоанновы, Нагаи, съ которыми онъ очень часто сносился взаимными посольствами. Торговая предприимчивость Русскихъ еще далѣе посольствъ простиралась въ Азію. Такъ около 1470 года одинъ Тверскій купецъ Аеонасіи Никитинъ по торговымъ дѣламъ былъ въ Деканѣ, на берегу Малабарскомъ, въ королевствѣ Голконаскомъ, и

оставилъ очень любопытныя записки своего путешествія, содержанія которыхъ мы не можемъ не помѣстить въ настоящемъ трудѣ.

Никитинъ начинаеть свои записки такъ: «Господи Иисусе Христе! помилуй мя раба Своего, грѣшнаго Аѳонасыя Никитина сына. Се написахъ грѣшное свое хожденіе за три моря: первое море Дербентское, или дорія Хвалитская; второе море Индѣйское, дорія Индустанская; третье море черное, дорія Стамбульская. Поводохъ отъ Св. Спаса златоверхаго съ его милостью отъ В. К. Михаила Борисовича и отъ Владыки Геннадія Тверскихъ; поидохъ на низъ Волгою и приидохъ въ монастырь къ Св. и Живоначальной Троицѣ, Св. мученикомъ Борису и Глѣбу, и у Игумена сл. благословивъ у Макарья. Изъ Колязина поводохъ на Угличъ, съ Углича на Кострому ко Князю Александру съ иною грамотою, и къ Великому Князю всея Русіи отпустилъ мя добровольно, и на плесо въ Новгородъ Нижній къ Михайлу къ Киселеву, къ Намѣстнику и къ пошляннику, къ Ивану Сараеву, пропустили добровольно. А Василиіи Папинъ проѣхалъ городъ, а язъ ждалъ въ Новгородѣ двѣ недѣли посла Татарскаго Ширваншина Асамбека; а ѣхалъ съ кречеты отъ Великаго Князя Ивана, а кречетовъ у него 90. И поѣхалъ съ нимъ на низъ Волгою, и Казань есмь, и Орду, и Усланъ, и Сарай и Берекзаны проѣхали добровольно, и въѣхали есмь въ Бузанъ рѣку, и ту наѣхали на насъ три Татарины поганыя и сказали намъ лживыя вѣсти: «Кайсымъ салтанъ стережетъ гостей въ Бузани, а съ нимъ 3000 Татаръ». И посолъ Ширваншинъ Асамбекъ далъ имъ по однорядкы, да по полотну, чтобъ провели мимо Астрахань, и оны вѣсть дали въ Асторохани Царю, и язъ свое судно покинулъ, да полезъ есмь на судно послово съ товарищи. По мѣсячу вочи ларусомъ Царь насъ видѣлъ, и Татарове насъ кликали: не бѣгайте! и Царь послалъ за нами всю свою орду, и по нашимъ грѣхомъ насъ постигли въ Бузанѣ; застрѣлили у насъ челоуѣка, а мы у нихъ двухъ застрѣлили, и судно наше меньшее стало на езу, и оны его взяли часа того, да разграбили, а моя рухлядь вся въ меншемъ суднѣ. А большимъ есмь судномъ пошли до моря, ино стали на усть Волги на мели, и оны насъ тутъ взяли, да судно есмь взадъ тянули до езу, и тутъ судно наше большое взяли и четыре головы взяли Русскія, а насъ отпустили голыми головами за море. А вверхъ насъ не

пропустили вѣсти дѣля; и пошли есмь къ Дербенту двѣма суды: въ одномъ судиѣ посоль, а Русаковъ насъ 10 головами, а въ другомъ 6 Москвичъ да 6 Тверячъ; и встала фурставина на морѣ, да судно меньшее разбило о берегъ, и пришли Кайтаки да людей поймали всѣхъ. И пришли есмь въ Дербентъ, и ту Василей (Папинъ) по здорову пришелъ, а мы пограблены; и билъ есмь челомъ Василью Папину да послу Шерваншину, что есмь съ нимъ пришла, чтобы ся печаловалъ о людехъ, что ихъ поймали подъ Тархы (Тарки) Кайтаки. И Асамбекъ печаловался и ѣздилъ на гору къ Ширваншѣ-Бѣгу И Ширванша Бѣгъ того часа послалъ къ шурину своему Аляль-Бѣгу, Кайтаческому князю, что судно ся мое разбило подъ Тархы, и твои люди пришелъ людей поймали, а товаръ ихъ пограбили; и ты бы, мене дѣля, люди ко мнѣ прислалъ и товаръ ихъ собралъ, занеже тѣ люди посланы на мое имя; а что тебѣ будетъ надобѣ, и ты ко мнѣ пришли, и я тобѣ своему брату за то нестою. И Аляль-Бѣгъ того часа отослалъ людей всѣхъ въ Дербентъ добровольно, а изъ Дербента послали ихъ къ Ширвану, въ орду его Койтуль; а мы поѣхали къ Ширвану въ Койтуль, и билъ есмь ему челомъ, чтобъ насъ пожаловалъ, чѣмъ дойти до Руси, и онъ намъ не далъ ничего. Ано насъ много, и мы заплакавъ да разошлись кой кулы: у кого что есть на Руси, и той пошелъ на Русь, а кой долженъ, и той пошелъ куда его очи повесля; а иные остались въ Шамахѣ, а иные пошли работать къ Бакѣ».

Далѣе Никитинъ говоритъ, что онъ пошелъ въ Баку, гдѣ «горить огонь неугасаемый»; въ Баку сѣлъ на корабль и Каспійскимъ моремъ пришелъ къ Мазандеранскому берегу, гдѣ шелъ на Бокаръ, Сару, Амоль, потомъ на Димовантъ (Демавену) и Корею (Кіеру), откуда поворотилъ направо въ Кошанъ, съ Кошана опять поворотилъ налѣво къ Навну и Езду, отъ Езда черезъ горы пошелъ на Сырчанъ, потомъ на Таромъ, (Таремъ) къ Лару, изъ Лары на Бендеръ и наконецъ въ Ормузъ, «гдѣ взялъ первый великъ день» (Пасху). О климатѣ Ормузда онъ говоритъ: «а въ Гурмызѣ есть солнце варно, чело-вѣка жечь». Изъ Ормуса шелъ онъ моремъ 10 дней до Моската, съ Моската на Дѣгу въ четыре дни, изъ Дѣга въ Кузрятъ (Гузуратъ), изъ Гузурата въ Коанбаатъ (можетъ-быть прежнюю Камбайю въ дельтѣ Инда); изъ Кавбата въ Чувль. Отъ Орму-

за до Чувиль онъ шелъ все моремъ 6 недѣль. Съ Чувиль, по словамъ Никитина, начинается собственно Индѣйская страна, слѣдовательно Чувиль уже стоялъ на лѣвомъ берегу Инда. Изъ Чувиль нашъ путешественникъ пошелъ на Пали (Пили) сухимъ путемъ и шелъ 8 дней, отъ Пали на Умри (Орманъ) къ Индѣйскимъ горамъ десять дней, съ Умри въ Чунеръ, что на острову, семь дней; съ Чунера до Бедеръ, нынѣшній Бедаръ, тогдашнюю столицу великаго султана, онъ шелъ цѣлый мѣсяцъ; изъ Бедера пошелъ въ Колонкеръ, и отъ Колонкера до Колберга, отъ одного до другаго города онъ шелъ по пяти дней. По его счету «отъ Чувиль до Чунера 20 кововъ, а отъ Чунера до Бедера 40 кововъ, а отъ Бедера до Колонкера 9 кововъ; а промежу тѣхъ великихъ градовъ, на всякъ день по три города, а иной по четыре гроды: колько кововъ, толко градовъ». О жителяхъ Индіи Никитинъ говоритъ: «а люди ходятъ вси наги, а голова не покрыта, а груди голы и власы въ одну косу заплетены; и всѣ ходятъ брюхаты, а дѣти родятъ на всякій годъ, а дѣтей у нихъ много, а мужики и жовки всѣ наги, а всѣ черны; язь куды хожу, ино за мною людїи много да дивуются бѣлому челювѣку». О климатѣ и произведенїяхъ земли рассказываетъ слѣдующее: «зима у нихъ стала съ Троицына дни, а зимовали есмь въ Чунерѣ, жили есмь два мѣсяца; еже день и ночь четыре мѣсяца, всюда вода да грязь; въ тѣ же дни у нихъ роютъ да сѣютъ пшеницу, да тутурганъ, да погутъ, да все сѣбственное; вино же у нихъ чинятъ въ великихъ орѣхѣхъ кози Гудустанская; а брагу чинятъ въ Татну. Коня же кормятъ нофотомъ, да варятъ кичирисъ съ сахаромъ да кормятъ коня, да съ масломъ, порану же даютъ имъ шешни. Въ Индейской же земли коня ся у нихъ неродятъ; въ ихъ земли родятся волю да буволю, на тѣхъ же ѣздятъ, и товаръ возятъ, все дѣлаютъ. А весна у нихъ стала съ Похвалы Св. Богородица. А празднуютъ Шихуаладину веснѣ двѣ недѣли по Покровѣ, а празднуютъ 8 днѣ; а весну держатъ 3 мѣсяца, а лѣто 3 мѣсяца, а зиму у нихъ 3 мѣсяца». Изъ Бедера Никитинъ взялъ въ Индѣйскій Іерусалимъ, т. е. въ Елморъ, о которомъ говоритъ: «тамошній храмъ величїною будетъ съ пол-Твери», что на стѣнахъ его вырѣзаны дѣянїя тамошняго божества, это божество онъ называетъ Бутомъ, и пишетъ: «въ Бухавѣ Бутъ вырѣзанъ изъ камня изъ чернаго, вельми великъ, да хвостъ у него черезъ него, да руку пра-

вую подвѣлъ высоко, да простеръ ее, аки Уставелъ Царь Цареградскій, а въ лѣвой рукѣ у него копье, а на немъ нѣтъ ничего, а видѣнье обезьянино; а иные Буты наги, нѣтъ ничего, а жонки Бутовы наги вырѣзаны и съ соромомъ и съ дѣтьми. А передъ Бутомъ же стоитъ волъ вельми великъ, а вырѣзанъ изъ камня изъ чернаго, а весь позомоченъ, а цѣлуютъ его въ копыто, а сыплютъ на него цвѣты». Далѣе онъ рассказываетъ о богомольцахъ, пріѣзжающихъ въ Елморъ: «къ Порвати же ѣздить о великомъ заговѣнѣ, къ своему ихъ туто Іерусалиму (а Бесерменскы Икока, а по Русски Іерусалимъ, а по Индѣйски Порватъ); а съѣзжаются всѣ наги, а жонки всѣ наги, а иные въ фотахъ, да на шеяхъ жемчугу много, да яхонтовъ, да на рукахъ обручи да перстни златы олофакъ. А внутрь въ Бухтану ѣздить на волѣхъ, а у вола рога окованы мѣдью, а на шеѣ у него 300 колоколовъ, да копыта подкованы мѣдью; а тѣ волы Аччен зовутъ». Изъ Еллора Никитинъ опять воротился въ Бедеръ, и въ этотъ разъ прожилъ тамъ болѣе года, отыскивая удобнѣйшую дорогу на Русь, потомъ пошелъ къ Келбергу, изъ Келберга въ Кулури, гдѣ пробылъ пять мѣсяцовъ, изъ Кулури въ Калики (вѣроятно Каликутъ), гдѣ большой базаръ, потомъ къ Ковобергу, далѣе къ Шихуаладну, а оттуда на Комендрію и Кивярасу къ Сурѣ (Мизорѣ), а изъ Суры въ приморскій городъ Дабыль, вѣроятно на Малаборскомъ берегу, о которомъ говоритъ: «Дабиль же есть градъ вельми великъ, а къ тому же Дабыли съѣзжается вся поморіа Индійская и Ефіопская». Далѣе рассказываетъ о обратномъ своемъ пути въ Россію. «Туже (въ Дабили) окаянный азъ рабище Аѳонасіѣ устрѣмился умою пойти на Русь; и видохъ и сговорихъ отколѣ на корабленемъ, а отъ главы своея два златыхъ до Гурмыза града дойти. Видохъ же въ корабль изъ Дабыля града до Велика дени за три мѣсяца, идохъ же въ тавѣ (Индійскомъ кораблѣ) по морю мѣсяць, а не видѣхъ ничего, на другыи же мѣсяць увидѣхъ горы Ефіопскыя (Аравійскіи берегъ). Въ той же землѣ Ефіопской быхъ пять дени. А оттудова же идохъ 12 дени до Моската; въ Мошкатѣ же 6 великъ день (Пасху) взялъ, и поидохъ до Гурмыза 9 дени, и въ Гурмызѣ же быхъ 20 дени». Съ Ормуза онъ пошелъ на Лари, далѣе на Ширазъ, Вергъ, Ездъ, Испаганъ, Каманъ, Куму, Сау, Султанію и наконецъ прибылъ въ Тавриазъ; изъ Тавриза пробрался въ Ширванъ, въ орду Асанъ-Бека (т. е. Узу-

Асана); пробылъ тамъ десять дней, но не найдя пути на Русь, по случаю войны, пошелъ на Арцицару (вѣроятно Арзерумъ) и оттуда въ Трепизонтъ; здѣсь сѣлъ на корабль и Чернымъ моремъ прибылъ въ Кафу.

Такимъ образомъ путешествіе Никитина по Индіи ограничивалось только западнымъ полуостровомъ; но географическія свѣдѣнія, собранныя имъ, простиралась далеко за Гангъ, даже до Китайскихъ владѣній. Вотъ записанный имъ дорожникъ отъ Ормуза до Китая: «а отъ Гурмыза ити моремъ до Голата (Келатъ) 10 дени, а отъ Голата до Дѣгу 6 дени, а отъ Дѣга до Мошката 6 дени, а отъ Мошката до Кучъзрята 10 дени, а отъ Кучъзрята до Камбота 4 дени, а отъ Камбота до Чювиля 12 дени, а отъ Чювиля до Дабыля 6 дени, а отъ Дабыля до Келекота 25 дени, а отъ Келекота до Сяляна (кажется Цейланъ) 15 дени, а отъ Сяляна до Шавбата (Шахабадъ) мѣсяць ити, а отъ Шавбата до Певгу 20 дени; а отъ Певгу до Чини да до Мачина мѣсяць ити (моремъ все то хоженіе); а отъ Чини до Кита, а ити сухомъ 6 мѣсяць, а моремъ 4 дени ити». Кромѣ того, Никитинъ хотя и говоритъ «мене залгали пси Бесермены, а сказывали много всего нашего товару, ано нѣтъ ничега на нашу землю, все товаръ бѣлой на Бесерменскую землю»; тѣмъ не менѣе отмѣчаетъ тщательно всѣ торговыя мѣста и пристани въ Индіи. Такъ о Бедерѣ говоритъ: «въ Бедери же торгъ на кони, на товаръ да на камки, да на шелкъ, на все и иной товаръ, да купити въ немъ люди черные, а иные въ немъ купли нѣтъ, все товаръ ихъ Индустанской Есть у нихъ одно мѣсто Шихбъ Алудинъ на годъ единъ Базаръ, сѣзжается вся страна Индѣйская торговать, да торгуютъ 10 дена, отъ Бедера 12 кововъ, приводятъ кони до 20 т. коней продавать, всякой товаръ свозать; въ Индустанской земли той торгъ лучшій, всякой товаръ продають и купять, на память Шиха-Аладина, а на Рускій праздникъ на покровъ Св. Богородица». О пристаняхъ онъ говоритъ: «Гурмызъ же есть пристанаще велико, всего свѣта люди въ немъ бывають, всякій товаръ въ немъ есть, что во всемъ свѣтѣ родится, то въ Гурмызѣ есть все; тамга же велика: десятое со всего смлютъ. Камбаятъ же пристанаще велико Индѣйскому морю всему; а товаръ въ немъ, все дѣлають, алачи, да перстни, да кивдяки, да чинятъ краску нилъ, да родится въ немъ лекъ, да ахыкъ,

да лопъ. Дабыль же есть пристанище вельми велико, а приво-
дятъ кони изъ Мисюря, изъ Арабстани, да ходять сухою мѣ-
сяцъ до Бедери да до Келбергу. А Келскою же есть пристанище
Индійскаго моря всего, а пройти его ведай Богъ никакому коста-
ку, а кто ево невидить, тотъ по здорову не придетъ моремъ; а
родятся въ немъ перецъ, да зензебиль, да цвѣтъ да мош-
каты, да каланфуръ, да корица, да гвоздички, да пряное коренье
въ немъ родится много, да все въ немъ дешево. А Смианъ же
есть пристанище Индійскаго моря немало, а въ немъ лежить Баба-
седамъ на горѣ на высоцѣ, да около ея родится каменіе дорогое,
да Червцы, да фатви, да бабуруги, да бинчай, да хрусталь, да
сумбамда, да слоны родятся, да продають ихъ въ локоть, да
девякуши продають въ вѣсъ. А Шабатское пристанище Индій-
скаго моря вельми велико; а Харасаницамъ даютъ алафу по денгѣ
на день и великому и малому,—да родится въ Шабатѣ шелкъ, да
сандаалъ, да жемчугъ, да все дешево. А въ Певгу есть пристани-
ще немало, да все въ немъ Дербыши живутъ Индійскіе, да ро-
дятся въ немъ каменіе драгое, мавикъ, да кврпукъ, а продають
же каменіе Дербыши. А Чиньское же да Мачальское пристани-
ще вельми велико, да дѣлають въ немъ чини, да продаются же
чини въ вѣсъ, а дешево. Въ Кузрятѣ же родится краска далукъ.
Въ Орачурѣ же родится алмазь, продають почку, по пяти руб-
левъ почка алмазу. Алмазь родится въ горѣ каменной, а про-
дають же ту гору каменную локоть по 10 т. фунтовъ златыхъ;
а земля же та Амаликъ Хановова, а холопъ Салтановъ, а отъ
Бедера 30 кововъ, а сыто». Исчисливъ пристани и торговля мѣ-
ста съ ихъ товарами, вѣроятно изъ видовъ торговли, ежели не
для себя, то для своей братьи Русскихъ купцовъ, Никитинъ не
оставляетъ безъ замѣчанія и климатическихъ свойствъ каждой
тамошней страны; такъ онъ говоритъ: «въ Гундустани сильна-
го вару вѣтъ, силенъ варъ въ Гурмизѣ да въ Кытобагриамѣ,
гдѣ ся жемчугъ родить, да въ Жидѣ да въ Мярѣ, да въ Ороб-
стани, да въ Лорѣ; а въ Хоросанской землѣ варно да нетаково;
а въ Чеготани вельми варно; въ Ширязѣ, да въ Езди да въ Ка-
шани варно да вѣтеръ бываетъ; а въ Гиляни душно вельми да
парище лиху, да въ Шамахею паръ лихъ; да въ Вавилонѣ вар-
но, а въ Ляпѣ (не Алепо ли?) не такъ варно. А въ Севастіи гу-
бѣ да въ Гурмызской землѣ добро обильно всѣмъ, да Турская
земля обильна вельми, да въ Волоской землѣ обильно и дешево,

да и Подольская земля обильна воѣмъ». Въ запискахъ Никитина также разсыпано много дѣльныхъ замѣчаній о жителяхъ пройденныхъ имъ странъ, о тамошнихъ владѣтеляхъ, о ихъ силахъ и отношеніяхъ другъ къ другу и объ управленіи народомъ. Никитинъ прожилъ въ Индіи около пяти лѣтъ; онъ матеріальныхъ выгодъ отъ своего путешествія не получалъ, ибо въ Трепизонтѣ лишился всего, что успѣлъ собрать въ Индіи, какъ свидѣтельствуемъ самъ: «а въ Трепизонтѣ ми же Шюбавъ да Паша много зла учиняша, хламъ мой весь къ себѣ внесли въ городъ на гору, да обыскали все, что мелочь были добренькая, и они выграбили все»; онъ даже не имѣлъ удовольствія возвратиться въ свой родной городъ, ибо, по свидѣтельству Софійскаго современника, умеръ не дошедъ Смоленска. Но записки его путешествія не пропали для соотечественниковъ: ихъ гости, по свидѣтельству того же современника, привезли въ Москву и отдали государеву дьяку Василью Мамыреву. Зналъ ли объ этихъ запискахъ Великій Князь Иванъ Васильевичъ, намъ неизвѣстно; по крайней мѣрѣ мы не видимъ, по нашимъ отечественнымъ памятникамъ, никакихъ правительственныхъ распоряженій о торговлѣ съ Индією, даже мы не знаемъ и частныхъ людей того времени, которые бы ходили по слѣдамъ Никитина; но тѣмъ не менѣе записки сіи читались современниками и распространяли въ народѣ географическія свѣдѣнія объ отдаленной Индіи, о которой до Никитина знали на Руси только по рассказамъ прїѣзжавшихъ къ намъ Мусульманъ, расхваливавшихъ Индію, какъ страну, самую прибыльную для торговцовъ, о чемъ свидѣтельствуемъ и самъ Никитинъ. Онъ говоритъ: «мене залгали пси босермены, а сказывали много всего нашего товару, ано нѣтъ ничего на нашу землю». Что записки Никитина читались современниками, что ими дорожили, это доказывается присылкою ихъ изъ Смоленска къ государеву дьяку Мамыреву, и помѣщеніемъ въ лѣтописяхъ; такъ одинъ изъ списковъ помѣщенъ въ Софійскомъ временникѣ, а о другомъ упоминается въ Воскресенской лѣтописи; составитель этой лѣтописи даже старается опредѣлить время путешествія. Онъ говоритъ: «обрѣтохъ написаніе Оеонаса Тверитина купца, что былъ въ Инди четыре года, а ходилъ, сказываетъ, съ Васильемъ съ Папинымъ. Азъ же опытахъ, коли Василей ходилъ съ кречаты посломъ отъ Великаго Князя; а сказаша ми за годъ до Казанскаго похода пришелъ изъ Орды; коли князь Юрьи

подъ Казанью былъ, тогда его подъ Казанью застрѣли. Се же написано, не обрѣтохъ, въ кое лѣто пошелъ, или въ кое лѣто пришелъ изъ Индіи». Такимъ образомъ записки Никитина познакомили Русскихъ съ Индіею почти за тридцать лѣтъ до прибытія туда знаменитаго Португальца Васко-де-Гамы.

Русскіе конца XV вѣка, знакомясь съ Азіею, въ то же время еще болѣе старались узнать Европу; кромѣ посольствъ въ Италію и Венецію, Іоаннъ сносился посольствами съ Молдавіею, Венгріею, Германскою Имперіею, Даніею и Швеціею. Сношенія сія также годъ отъ году распространяли наши свѣдѣнія о Европѣ; ибо посламъ всегда давались наказы развѣдывать о всемъ, чтѣ дѣлается въ той землѣ, куда кого посылаютъ, чѣмъ изобилуетъ та земля, въ какихъ отношеніяхъ она къ другимъ землямъ, какіе тамъ города и тому под. Такъ около 1480 года начались сношенія съ Господаремъ Молдавскимъ Стефаномъ: послы Московскіе ѣздили въ Молдавію черезъ владѣнія Крымскаго Хана, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Государевъ наказъ, данный въ 1480 году князю Ивану Звенцу, посланному къ Менгли-Гирею; въ этомъ наказѣ сказано: «Князь Великій велѣлъ тебѣ говорити: прислалъ ко мнѣ Стефанъ воевода Волошской о дѣлѣ, и азъ посылаю къ нему своего человѣка молодого, и ты бы пожаловалъ меня дѣла, велѣлъ до Стефана моего человѣка до проводить; а ко мнѣ Стефанъ воевода пошлетъ своего человѣка, и ты бы отпустилъ его кони съ моимъ бояриномъ». Сношенія Москвы съ Молдавіею были очень многочисленны, слѣдовательно тамошній край необходимо былъ хорошо знакомъ Москвитамъ. Волѣдъ за Молдавіею начала сноситься съ Москвою и Венгрія; первое посольство отъ тамошняго Короля Матоея Корвина прибыло въ Москву въ 1482 году; на что Великій Князь отвѣчалъ въ томъ же году своимъ посольствомъ въ Венгрію, куда былъ отправленъ дьякъ Федоръ Курицынъ, которому между прочимъ велѣно было привезти изъ Венгріи: художниковъ, умѣющихъ лить пушки и стрѣлять изъ нихъ; размысловъ или инженеровъ; серебряниковъ для дѣланія большихъ и малыхъ сосудовъ; зодчихъ для строенія церквей, палатъ и городовъ; горныхъ мастеровъ, искусныхъ въ добываніи руды золотой и серебряной. Послѣ Курицына еще было нѣсколько посольствъ въ Венгрію; причеиъ Государь наказывалъ посламъ развѣдывать о всѣхъ сношеніяхъ Венгерскаго Короля съ Турціею, Рамъ

скимъ Императоромъ, Богемією и Польшею; въ сихъ наказахъ встрѣчаются иногда значительныя географическія свѣдѣнія, которыя показываютъ, что Московскіе послы старались узнавать этотъ край, и свои свѣдѣнія сообщали правительству. Первое посольство отъ Германскаго Императора Фридриха и сына его Максимилиана прибыло въ Москву въ 1488 году; на него Государь Московскій отвѣчалъ своимъ посольствомъ въ 1489 году. Первымъ Московскимъ посломъ къ Императору былъ Грекъ Юрій Траханиотъ и съ нимъ товарищи Иванъ Халыпа и Костя Оксентьевъ. Послы Московскіе ѣхали на Ревель, Любекъ и Франкфуртъ, гдѣ они представлялись Римскому Королю Максимилиану. Посламъ между другими дѣлами наказано было пригласить въ Россію разныхъ мастеровъ: рудокоповъ, пушечниковъ, нижеверовъ, водчихъ, серебрянниковъ и другихъ; а въ первой договорной грамотѣ съ Императоромъ въ заключеніи сказано: «послы и купцы наши да ѣздятъ свободно изъ одной земли въ другую». Въ 1491 году было отправлено въ Германію второе посольство изъ Москвы; на этотъ разъ Траханиотъ ѣздилъ туда съ дьякомъ Васильемъ Кулешовымъ; въ наказѣ ихъ велѣно говорить имъ къ Максимилиану, что посламъ Нѣмецкимъ и Московскимъ лучше ѣздить впередъ черезъ Данію и Швецію, для избѣжанія непріятностей, какія могутъ имъ встрѣтиться въ Польскихъ владѣніяхъ. Это замѣчаніе ясно говоритъ, что Москвичи уже знали въ то время разныя дороги въ Германію. Въ 1492 году было третье посольство въ Германію; туда опять былъ посланъ Юрій Траханиотъ и при немъ дьякъ Михайла Яропкинъ: послы теперь ѣхали на Мекленбургъ и Любекъ, а не черезъ Данію; въ данномъ имъ наказѣ велѣно заѣхать къ курфюрсту Саксонскому и благодарить его за охраненіе Московскихъ посольствъ. Они также имѣли письма къ герцогу Мекленбургскому, къ бургомистрамъ и ратманамъ городовъ Нѣмецкихъ; въ донесеніяхъ, писанныхъ Траханиотомъ и Яропкинымъ съ пути, находится много любопытныхъ подробностей не только о главныхъ дѣлахъ Европейской политики, но и о купечествѣ;—такъ, напримѣръ, они доносили, что во Фландріи ластъ ржи тогда стоилъ сто червонцовъ. Все это показываетъ, что Москвичи времени Іоанновыхъ, во время своихъ официальныхъ разъѣздовъ по западной Европѣ, старались сколько можно ближе познакомиться съ состояніемъ посѣщаемыхъ ими странъ, что

они не опускали безъ вниманія ни одного полезнаго свѣдѣнія, которое бы можно было сообщать правительству и соотечественникамъ. Но къ сожалѣнiю до насъ не дошло ни одного полного статейнаго списка тѣхъ посольствъ, о которыхъ мы теперь говорили; и слѣдовательно мы не можемъ укачать прямо, какія именно географическiя и статистическiя свѣдѣнiя о западной Европѣ были распространены самими посольствами на Русь; но что таковыя свѣдѣнiя были дѣйствительно доставлены ежели не прямо правительству, то по крайней мѣрѣ разсѣяны въ народѣ, вѣ что въ это время Москвичи узнали много любопытныхъ и полезныхъ подробностей о земляхъ Молдавіи, Венгріи, Италіи и Германіи, о тамошнихъ жителяхъ, о ихъ промыслахъ, о городахъ, рѣкахъ, горахъ и разныхъ произведеніяхъ земли, въ этомъ мы почти не можемъ сомнѣваться. Одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ нашего мнѣнiя объ этомъ предметѣ представляетъ знаменитый Герберштейнъ: онъ въ своей хорографіи Московскихъ владѣній передаетъ вѣскольکو любопытныхъ разсказовъ о плаваніи по Ледовитому морю, и говоритъ, что разказы сіи сообщены ему разными Московскими посланіи въ Данію, по случаю войны съ Швеціею принужденными объѣзжать всю Норвегію. Но въ дѣлахъ посольскаго приказа, въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, мы не встрѣчаемъ и помину о подобныхъ разказахъ; а посему мы имѣемъ право заключать, что ежели Московскіе послы въ Данію сообщали много любопытныхъ географическихъ подробностей даже иностранцамъ, то безъ сомнѣнiя еще болѣе подробныя свѣдѣнiя они доставляли правительству и своимъ соотечественникамъ, и что свѣдѣнiя сіи были записываемы, но записки до насъ не дошли. Слѣдовательно то же дѣлали и послы, отправляемые въ другія государства, и неизмѣнне ихъ подробныхъ донесеній въ настоящее время ни мало не доказываетъ, чтобы не было сихъ донесеній въ свое время, т. е. въ XV столѣтіи. Тѣмъ болѣе нельзя допустить сомнѣнiя въ существованіи таковыхъ донесеній потому, что изъ трехъ пословъ въ Данію, приводимыхъ Герберштейномъ, двое были посылаемы въ Италію и Германію; и ежели они хорошо описывали географическiя подробности пути въ Данію, то конечно тоже хорошо знали подробности дороги въ Германію и Италію. Для болѣе очевиднаго свидѣтельства о тѣхъ географическихъ свѣдѣнiяхъ, какія

распространялись на Руси въ XV вѣкѣ, чрезъ Московскія посольства въ разныя Европейскія государства, мы приведемъ здѣсь содержаніе повѣствованія Герберштейна о плаваніи по Ледовитому морю, заимствованныхъ имъ изъ рассказовъ Московскихъ пословъ, вѣзавшихъ въ Данію.

Герберштейнъ говоритъ: «во время моего посольства у Московскаго Государя, я познакомился съ дьякомъ государевымъ Истомою, который въ 1496 году вѣдиль отъ своего Государя поломъ въ Данію и сообщалъ мнѣ вкратцѣ рассказъ всего своего путешествія. Онъ говорилъ: мы сначала пришли въ Новгородъ, но по случаю войны Государя съ Шведами, должны были оставить знакомый и обычный путь черезъ Шведскія владѣнія и избрать другой, хотя дальнѣйшій, но болѣе безопасный; посему мы изъ Новгорода, по самой трудной дорогѣ, проѣхали 300 миль до устья Двины и Потгавля (Potivulo). Въ Двинскомъ устьѣ, мы сѣли на четыре судна и поплыли около береговъ Онеана, держась правой стороны. Здѣсь передъ нами тянулись высокія и крутыя горы. Сдѣлавши такимъ образомъ 16 миль и прошедши одинъ заливъ, мы поплыли, придерживаясь берега съ лѣвой стороны и оставивъ вправо большое море, которое называется то по рѣкѣ Печерѣ, то по близъ лежащимъ горамъ, и подошли къ народамъ Финляндіи, которые хотя обитаютъ въ низкихъ хижинахъ, разсѣянныхъ по берегу моря, и образомъ жизни почти не отличаются отъ звѣрей, но все гораздо лучше дикой Лопи, и платятъ дань Московскому Государю. Послѣ того, оставивши землю Лопи и проплывши 80 миль, мы достигли Норлпода, области подвластной Шведскому Королю, у Русскихъ извѣстной подъ именемъ Каянской земли; потомъ, миновавъ излучистый берегъ, который тянется вправо, подошли къ мысу, называемому Святому Носу. Святымъ Носомъ называется огромная скала наподобіе носа, выдающаяся въ море; подъ этою скалою видна пещера съ множествомъ закоулковъ; чрезъ каждые шесть часовъ море заливаетъ ее, и потомъ опять вода вытекаетъ съ большимъ шумомъ. Эту пропасть явнѣ называютъ нупомъ моря, а другія Халмбдою. Сила этой пучины такъ велика, что тянетъ и поглощаетъ въ себя: близко-проходящія корабли и другія вещи; мы никогда не были въ такой опасности, какъ въ то время, когда проходили мимо этой пропасти; ибо наше судно едва не втянуло пучиною. Миновавъ Святой Носъ,

мы подошли къ одной утесистой горѣ, которую должно было обойти; здѣсь противныя вѣтры задержали насъ на нѣсколько дней. Корабельщикъ сказалъ намъ: гора, которую видите, называется Семесъ, и чтобы пройти мимо благополучно, то надобно умиловитъ ее какимъ нибудь подаркомъ. Я съ бравною сказалъ корабельщику, что это пустое суевѣріе, онъ замолчалъ; но когда черезъ четыре дня вѣтры стихли и мы миновали гору, то онъ сказалъ: вы смѣялись надъ моимъ совѣтомъ задобрить Семеса, а ежели бы я не задобрилъ его тайно ночью, то намъ бы и теперь не было прохода. На мой вопросъ, что же ты далъ Семесу? отвѣчалъ, что онъ насыпалъ на выдавшійся къ намъ камень овсяной муки, смѣшанной съ коровьямъ маоломъ. Потомъ, плывши такимъ образомъ, мы подошли къ другому огромному мысу по имени Мотка; онъ походитъ на полуостровъ и на концѣ его стоитъ крѣпость Бартъ, гдѣ короли Норвежскіе содержатъ ратныхъ людей для защиты границъ. Мысъ этотъ такъ далеко вдаея въ море, что его едва можно обойти въ 8 дней; посему мы, чтобы не тратить столько времени, перевезли свои суда и поклажу черезъ перешеекъ въ полмили ширины. Послѣ того приплыли мы въ землю дикой Лопи, къ мѣсту называемому Дронтъ, которое отстоитъ отъ Двины на сѣверъ на 200 миль. Здѣсь, оставивши ладьи, мы остальной путь продолжали сухимъ путемъ на саняхъ. Въ этой странѣ мы видѣли такія же стада оленей, какъ у насъ стада быковъ. Тамошній олень побольше нашего, и у Норвежцевъ называется репъ; Лопи употребляетъ его вмѣсто выючнаго скота: они обыкновенно запрягаютъ оленей въ сани, сдѣланныя наподобіе рыбацкой лодки; человекъ, садясь въ такія сани, чтобы не вывалиться во время скорого бѣга, привязываетъ ноги къ санямъ, въ лѣвой рукѣ держитъ ремень, которымъ правитъ оленей, а въ правой палку, которой опирается, чтобы не опрокинулись сани, и такимъ образомъ проѣзжаютъ по 20 миль въ день; по сдѣланіи перевала, оленей отпускаютъ, и они по привычкѣ сами уже приходятъ къ своимъ козлевамъ. Мы такимъ же образомъ ѣхали до Норвежскаго города Бергенъ, который лежитъ въ горахъ; а оттуда уже въ Данию окончилъ путешествіе на лошадахъ. Въ Дронтъ и Бергенъ лѣтній день продолжается 22 часа.

Потомъ Герберштейнъ приводитъ разсказъ другаго посла съ томъ же пути. «Власевъ, другой дьякъ Государя Московскаго,

который недавно былъ посланъ къ Цезарю въ Испанію, рассказывалъ мнѣ о томъ же пути иначе и гораздо короче. Онъ говорилъ: «когда я былъ отправленъ изъ Москвы въ Данію къ Королю Іоанну, то сперва шелъ сухимъ путемъ до Ростова; здѣсь, сѣдши на суда, пошелъ на Переяславль (должно быть Ярославль), потомъ изъ Переяславля Волгою на Кострому, и отсюда, прошедши семь верстъ сухимъ путемъ, мы вошли въ одну рѣчку, которая привела насъ въ Вологду, изъ Вологды Сухоною мы прошли въ Двину и продолжали путь въ судахъ до Норвежскаго города Бергена (въ этомъ пути они выдержали всѣ тѣ опасности и труды, о которыхъ рассказывалъ Истома) и наконецъ прямо пришли въ главной Датской городъ Гафнію, который Нѣмцы зовутъ Капенгагеномъ».

Далѣе Герберштейнъ упоминаетъ о свидѣтельствѣ Дмитрія (можетъ-быть Ралею), того самого, который былъ посломъ въ Римъ, и изъ рассказовъ котораго Павелъ Іовій описалъ Московію. Этотъ Дмитрій по приведенному выше пути нѣсколько разъ ѣздилъ въ Норвегію и Данію, и подтвердилъ Герберштейну рассказы Истома и Власія. Въ нашихъ же лѣтописяхъ это путешествіе рассказано въ немногихъ словахъ: «Князь великій послалъ пословъ своихъ (1497 года) къ Датскому Королю въ Нѣмцы Дмитрея Зайцева да Дмитрея Ларева Грека; и шли на Кольванъ, а назадъ тудѣ несиѣли пройти, и они пришли на Двину около Свѣйскаго Королевства, и около Мурманскаго носу моремъ Океаномъ, мимо Соловецкій монастырь, на Двину, а съ Двины, мимо Устюгъ, къ Москвѣ» (75). Наконецъ, Герберштейнъ говоритъ, что тѣ же государевы послы рассказывали ему о замерзшемъ или ледяномъ морѣ, слѣдующимъ образомъ: «мы сами видѣли, что въ приморскихъ мѣстахъ того края текутъ многія и большія рѣки; своимъ обильнымъ и сильнымъ теченіемъ отгоняютъ морскую воду далеко отъ береговъ, и на извѣстныхъ пространствахъ вмѣстѣ съ моремъ замерзаютъ, какъ это бываетъ въ Ливоніи и другихъ краяхъ Швеціи; только въ морѣ вѣтры ломаютъ ледъ, что рѣдко случается въ рѣкахъ; и сіи обломки льда, выпертые отъ береговъ сильнымъ теченіемъ въ море, плаваютъ почти цѣлый годъ, и потомъ отъ стужи снова такъ смерзаются; что тамъ иногда можно встрѣ-

(75) Арханг. лѣт., стр. 173.

твѣ ледъ нѣсколькихъ лѣтъ, смерзшіи ся вмѣстѣ, какъ это легко замѣтить на ледяныхъ глыбахъ, силою вѣтра выброшенныхъ на берегъ». Тѣ же послы говорили Герберштейну, что въ сторону, занимаемой дикою Лопью, лѣтнее солнце не закатывается цѣлые сорокъ дней, и только по ночамъ на три часа заволакивается какимъ-то туманомъ, который закрываетъ его лучи, но не уничтожаетъ свѣта, такъ что во все это время мракъ не препятствуетъ работать людямъ. По свидѣтельству Москвитянь, живущая тамъ Лопь даетъ дань Московскому Государю и выплачиваетъ ее рыбою и мѣхами; выплативши годичную дань, они не знаютъ никакихъ другихъ обязанностей и управляютъ сами собою. Эта Лопь питается только рыбою и звѣрями, не имѣетъ ни соли, ни хлѣба и отличается особеннымъ прожорствомъ; между ними стрѣлки такъ искусны, что дорогаго звѣря бьютъ въ морду, чтобы не испортить шкуры. Отправляясь на охоту, они оставляютъ купцовъ и другихъ пришельцевъ съ женами дома; возвратившись, ежели замѣчаютъ особенную веселость въ женѣ, то гостя дарятъ, а ежели нѣтъ, то выгоняютъ съ безчестіемъ. Но этотъ народъ, отъ частыхъ сношеній съ пришельцами, преходящими сюда для выгодъ торговли, начинаетъ уже оставлять свою природную дикость и дѣлается мягче. Лопи теперь охотно принимаютъ купцовъ и берутъ у нихъ платья, сшитыя изъ толстаго сукна, также топоры, иглы, ложки, ножи, стаканы, муку, горшки и тому подобное; они уже питаются вареною пищею и болѣе походятъ на людей своимъ образомъ жизни; носятъ платье, сшитое изъ разныхъ звѣриныхъ шкуръ, и въ такомъ нарядѣ иногда приходятъ въ Москву. Очень немногіе надѣваютъ сапоги и шапки, шитыя изъ оленьей шкуры; у нихъ нѣтъ въ ходу ни золотой, ни серебряной монеты, и торговля производится мѣною товаровъ; такъ какъ они не знаютъ чужихъ языковъ, то прїѣзжимъ кажутся нѣмыми; хижины свои покрываютъ древесною корою; не имѣютъ однако же постоянныхъ жилищъ, но вызовивши звѣрей и рыбу въ одномъ мѣстѣ, переходятъ въ другое. Сверхъ того тѣ же государевы послы рассказывали Герберштейну, что они въ тѣхъ краяхъ видали высочайшія горы, подобно Этнѣ, извергающія постоянно пламя, и что отъ такого же постоянного изверженія пламени и въ Норвегіи провалились многія горы. Это подтвердили Герберштейну и Норвежскіе начальники областей, съ которыми

на онъ разговаривалъ во время своего посольства къ Датскому Королю Христіерну. Въ Москвѣ также слышалъ Герберштейнъ, что около устьевъ Печоры, которыя лежатъ направо отъ устьевъ Двины, много водятся въ океанѣ разныхъ большихъ животныхъ, между ними есть одно величиною съ быка, которое тамошніе жители называютъ моржемъ; у этого животнаго ноги короткія, какъ у бобра, грудь въ сравненіи съ прочимъ тѣломъ нѣсколько высока и широка, а два верхнихъ зуба очень длинны и спущены внизъ. Эти животныя для отдохновенія и для дѣтей взбираются большими стадами на горы, и тамъ, прежде нежели предадутся сну, который у нихъ очень крѣпокъ, ставятъ подобно журавлямъ сторожа, который ежели уснетъ, или будетъ убитъ охотникомъ, то остальные ловятся уже безъ затрудненій; ежели же, по обычаю, подастъ знакъ своимъ крикомъ, то все стадо, при помощи заднихъ лапъ и зубовъ, съ чрезвычайною быстротою спускается съ горъ въ море; иногда видятъ ихъ отдыхающихъ на плывущихъ льдинахъ. Это животное охотники преслѣдуютъ единственно изъ зубовъ, изъ которыхъ Москвичи, Татары и особенно Турки дѣлаютъ рукоятки мечей и кинжаловъ; посему у Турокъ, Москвичей и Татаръ они продаются на вѣсъ, и извѣстны подъ именемъ рыбаго зуба. Ледовитое море простирается отъ Двины до Печоры и даже до устьевъ Оби; за нимъ, какъ говорятъ, лежитъ страна, называемая Гренландіей. Туда наши люди почти не ходятъ, по причинѣ высокихъ горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, и по большимъ льдамъ, постоянно плавающимъ въ морѣ». По этому о сей странѣ Герберштейнъ слышалъ только то, что она невѣстна ⁽⁷⁴⁾.

Такимъ образомъ рассказы о Ледовитомъ морѣ, приведенные Герберштейномъ, не только свидѣтельствуютъ о томъ, какія значительныя и любопытныя географическія свѣдѣнія распространялись на Руси посольствами Московскихъ Государей въ разные стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ, на какое далекое пространство Сѣверный Океанъ былъ знакомъ Русскимъ людямъ XV столѣтія. Это географическое знакомство свидѣтель-

⁽⁷⁴⁾ *Rerum Moscoviticarum auctores varij.* Francofurt. anno M.DC. pag. 87—89.

отвуетъ о сильномъ распространеніи промышленности въ той сторонѣ, производимой не только тамошними прибрежными жителями, но и людьми, пріѣзжавшими изъ внутреннихъ городовъ Руси, такъ что центръ тогдашней Россіи съ берегами Сѣвернаго Океана очевидно былъ въ ближайшихъ отношеніяхъ, чѣмъ теперь; тамъ лежалъ главный свободный путь къ морю. Русскіе въ то время тамъ были полными хозяевами и распоряжались своею промышленностію свободно, а въ другихъ краяхъ у нихъ много было соперниковъ. Въ послѣдствіи для Русской промышленности много открыто новыхъ и удобнѣйшихъ путей; посему сѣверный негостеприимный край незамѣтно отдалился отъ центра, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. Въ нашихъ нынѣшнихъ журналахъ нрѣдка встрѣчаются извѣстія о Ледовитомъ морѣ или о Сѣверномъ Океанѣ, иногда даже почерпнутыя изъ иностранныхъ книгъ, тогда, какъ въ XV столѣтіи, какъ видимъ, иностранцы собирали въ Москвѣ свѣдѣнія о Сѣверномъ Океанѣ, и выставляли ихъ своимъ соотечественникамъ какъ самыя дѣрныя и наполненныя любопытными подробностями. Впрочемъ мы объ этомъ предметѣ будемъ еще говорить въ другомъ мѣстѣ; теперь слѣдуетъ указать на распространеніе географическихъ свѣдѣній между Русскими во 2-й половинѣ XV столѣтія, доимно посольствъ и путешествій.

Кромѣ посольствъ и путешествій, географическія свѣдѣнія на Русь, во 2-ю половину XV вѣка, распространялись завоеваніями Московскаго великаго князя Ивана Васильевича III-го, и присоединеніями къ Москвѣ разныхъ областей сѣверовосточной и западной Руси. Области сіи, вступая въ составъ Московскаго государства, немедленно приводились правительствомъ въ большую извѣстность въ статистическомъ и географическомъ отношеніяхъ: ихъ обыкновенно измѣривали и описывали по Московски; таковымъ измѣреніямъ и описаніямъ составляли особыя книги, которыя знакомили правительство съ состояніемъ вновь присоединенныхъ областей, съ ихъ естественными и промышленными средствами, указывали на выгоды или невыгоды того или другаго края и руководили при раскладкѣ податей и вообще въ дѣлахъ управленія. Въ то же время промышленность, получая болѣе простора и свободы, пролагала новые для себя пути, доселѣ иногда запертые чуждою властію, и съ

тѣмъ вѣстѣ болѣе знакома людей съ самыми отдаленными краями.

Первые географическія свѣдѣнія отъ военныхъ дѣйствій Іоанна мы получаемъ по случаю похода въ Казанскій край въ 1468 году. Изъ описанія этого похода, по лѣтописямъ, мы видѣмъ, что Москвичи хорошо знали дорогу въ Казанскій край съ разныхъ сторонъ; ибо отряды Іоанновы шли туда, однимъ обычнымъ, уже извѣстнымъ намъ путемъ, Волгою, изъ Муромъ, Владиміра и Нижняго, другіе прокладывали себѣ лѣтнюю дорогу изъ Галича, пересѣкая Унжу, Ветлугу и Устюгъ. Лѣтопись прямо говоритъ, что войска шли «лѣсами безъ дѣлти»⁽⁷⁵⁾; слѣдовательно верховья Унжи и Ветлуги тогда были еще пустыни и не имѣли жителей. Наконецъ третьи начинали свой походъ отъ Устюга, соединялись на Вяткѣ подъ Котельничскимъ, и проходили Вяткою до Камы, потомъ Камою внизъ до Тамлуги, отъ Тамлуги вверхъ по Камѣ до Бѣлой Воложки, и возвращались домой уже на Великую Пермь и черезъ Пермь въ Устюгъ⁽⁷⁶⁾. Изъ этого похода мы также узнаемъ, что Вятка, Кама и Тамлуга въ Казанскомъ краѣ были торными путями торговцевъ; ибо, по свидѣтельству лѣтописи, Москвичи по этимъ рѣкамъ побили и пограбили множество гостей и захватили суда съ товарами⁽⁷⁷⁾. Туда также ѣздили и гости Московскіе; ибо лѣтопись, подъ 1469 годомъ, говоритъ: «того же лѣта Татары Казанскія пограбиша гостей Русскихъ»⁽⁷⁸⁾. При описаніи втораго похода подъ Казань, бывшаго въ 1469 году, лѣтописцы говорятъ, что полки Московскіе рѣкою Окою вошли въ Волгу и направилась сперва на Нижній-Новгородъ старый, что на Бечевѣ, потомъ съ Бечевы пошли на Рознежу (нынѣшнее Рознежье, на лѣвой сторонѣ Волги, въ Макарьевскомъ уѣздѣ), отъ Рознежи на Чебоксарь, оттуда уже прямо подъ Казань⁽⁷⁹⁾. Слѣдовательно въ эту сторону владѣнія Русскія выдвигались въ то время до Чебоксарь, тогда какъ прежде оканчивались около Суры, гдѣ при Васильѣ Васильевичѣ былъ выстроенъ городъ Василь-Сурекъ. Въ описаніи того же похода мы узнаемъ изъ лѣтописей, что Казанская земля тогда раздѣлялась на земли собственно Казанскую, Чаремасскую по обѣимъ берегамъ Вол-

⁽⁷⁵⁾ Лвов. лѣт. Т. III, стр. 3. ⁽⁷⁶⁾ Тамъ же. ⁽⁷⁷⁾ Ник. VI, стр. 6. ⁽⁷⁸⁾ Лвов. III, стр. 6. ⁽⁷⁹⁾ Ник. VI, стр. 10.

ги, Камскую по Камѣ, Сыплинскую (не Сылвинскую ли по рѣкѣ Сылвѣ, которая впадаетъ въ рѣку Чусовую), Костятскую (можетъ-быть Остякскую), Бѣловоложскую, порѣвнѣ Бѣлой Воложки, которая вытекаетъ изъ Уральскихъ горъ при верховьяхъ рѣки Явка и, протекши 790 верстъ, впадаетъ въ Каму ниже Чусовой ^(*); Вотяцкую, т. е. гдѣ живутъ Вотяки, и Башкирскую по рѣкѣ Уфѣ, по обоимъ берегамъ до Уральскихъ горъ ^(**). Такимъ образомъ мы видимъ, что земли Казанскаго Царства на югъ простирались, можетъ быть, до Самары, на западъ до Чебоксаръ и Кательничя, на сѣверѣ сходились съ землями Вятскими и Пермскими, гдѣ Вотяки подходили къ истокамъ Вятки, и на сѣверовостокъ терялись въ предѣлахъ Сибирскихъ до Оби, гдѣ жили Остяки, и наконецъ на востокъ въ острогахъ Уральскихъ горъ, до истоковъ Бѣлой Воложки и Уфы, гдѣ жилища Башкирцевъ простирались даже за Уральскія горы.

Войны съ Волжскою или Золотою Ордою, кажется, не могли доставить случая къ распространенію географическихъ свѣдѣній, ибо они ограничивались походами хана Ахмата и его сыновей на Московскія Украны. Москвичи въ продолженіе всего княженія Ивана Васильевича, не преслѣдовали Золото-Ордынцевъ далеко, и походовъ на Орду не предпринимали, выключая развѣ одною случая, когда Ахматъ въ 1480 году подступилъ къ Угрѣ, великій князь Московскій послалъ Нардаулата Городецкаго и князя Василья Новароватова, Волгою въ Золотую Орду, которые и опустошали ее, и тѣмъ заставили Ахмата отступить отъ Угры ^(**). Даже честь уничтоженія Золотой Орды принадлежитъ лично не Москвичамъ, а Ногайцамъ; ибо Ахмата Русскіе не преслѣдовали отъ Угры, напалъ же на него и разорилъ орду Ибакъ Шибанскій съ Нагайцами ^(**). Точно такъ же противъ дѣтей Ахматовыхъ Москвичи не предпринимали походовъ, воевали же съ ними и преслѣдовали ихъ по настояніямъ Московскаго князя или Крымцы или Ногайцы. Впрочемъ разореніе Золотой Орды все-таки способствовало распространенію Московскихъ границъ въ эту сторону, вплоть до Волги, по крайней мѣрѣ до того мѣста, гдѣ въ нее впадаетъ Черемшанъ, знакомство же съ краемъ шло гораздо далѣе за Волгу на востокъ и югъ; ибо въ 1489 году, на-

^(*) Кннг. Бол. Черт., стр. 147. ^(**) Тамъ же, стр. 147. ^(**) Казан. Лѣт., стр. 38. ^(**) Архангелогор. Лѣт., стр. 189.

иѣстникъ, Муромскій князь Федоръ Хананскій, писалъ къ Государю, что Ногайскіе послы, идучи къ Москвѣ, перевезались къ Волгу подъ Черемшаномъ, а провожали ихъ полемъ до Суры, «Панулы и Мордавино; а оттолѣ сказываютъ, вѣхали на князя на Ромодана, да на Кирданову Мордву да на Саханы, а нынѣче Государь стаятъ за рѣкою (Окою) противъ города» (Мурома) ^(*). Слѣдовательно отъ устья Черемшана начинались Московскія владѣнія, ибо отсюда Ногайскихъ пословъ провожалъ Русскіе до Суры черезъ степи, или по крайней мѣрѣ противъ устья Черемшана стояла Русская сторожевая крѣпость. Въ это же время промышленники Московскіе проникали еще далѣе на югъ, можетъ быть до Каспійскаго моря. Такъ великій князь пишетъ къ Ямгурчею мурзѣ Ногайскому: «ваши люди изъ Асторокана и сего лѣта нашихъ людей рыболовей на Волзѣ, побили и пограбили; ино пригоже ли ся такъ дѣлаетъ» ^(**). Волга была такимъ обычнымъ и знакомымъ путемъ для всѣхъ Русскихъ того времени, что еще, въ 1471 году, Вятчане Волгою проникли до самаго Сарая, столицы Хавской, и, пользуясь отсутствіемъ Ахмата, взяли Сарай и «полону множество и княгынъ Сарайскихъ» ^(**).

Войнъ съ Ногаями, Крымцами и Турками не было во все продолженіе княженія Ивана Васильевича, слѣдовательно Московскія владѣнія въ эту сторону оставались при прежнихъ границахъ, т. е. терялись въ Приволжскихъ и Придонскихъ степяхъ, черезъ которыя уже свободнѣе ходили Московскіе промышленники къ Каспійскому, Азовскому и Черному морямъ. Но за то сильно измѣнились Московскія границы на западъ и сѣверъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ у Москвитянъ многопробыло географическихъ свѣдѣній о тамошнихъ земляхъ. Приобрѣтенія Москвитянъ на западъ начинаются присоединеніемъ мелкихъ Литовскихъ владѣній въ Задѣпровьѣ. Первыя перешли отъ Литовскаго государя къ Московскому князю Одоевскіе, потомки Михаила Черниговскаго; потомъ ихъ примѣру послѣдовали князья Воротынскіе и Бѣльскіе, которые, около 1488 года, съ своими вотчинами перешли также въ Московскую службу; а въ 1490 году перешли князья Перемышльскій и Бѣлевскіи, также съ своими вотчинами; кромѣ того въ 1483 году, князья Ольшанскій

^(*) Ист. Г. Р. Т. VI, примѣч. 308. ^(**) Арх. Ин. дѣлъ Дѣла Ногайскія, листъ 31. ^(**) Арх. Лѣт., стр. 149.

да Олѣжонича Федоръ Бѣльскій, хотѣлъ было отбѣчь изъ Московскія Литовскую землю по самую Березину ^(*). Вся, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, кончившаяся неудовольствіемъ необходимо должны были вести къ войнѣ съ Литовцами, которая еще болѣе распространяла Московскія владѣнія на югъ Литвы. Такъ въ 1492 году князь Федоръ Телепневъ Оболенскій взялъ Мицескъ ^(**); въ слѣдующемъ году князь Воротыпскій захватилъ Серпейскъ и Мещевскъ ^(**); въ томъ же году князь Даниилъ Извея взялъ Вазму, а князь Михаилъ Романовичъ Мещидій самъ добровольно перешелъ въ Московскую службу съ своею вотчиною. Въ 1500 году, перешла въ Московскую службу съ своими вотчинами: князь Семень Бѣльскій, Семень Можайскій и Василій Шемякинъ ^(**), причемъ въ Московское владѣніе перешли Черниговъ, Старолубъ, Гомель, Любечъ, Рыльскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Трубчевскъ, Мосальскъ и Бѣльскъ ^(**). Вслѣдствіе этого опять началась война съ Литвою, и полки Московскіе заняли Брянскъ, Путыль и Дорогобужъ ^(**); потомъ осадили Смоленскъ, прошли къ Березинѣ и Двинѣ, выжгли деревни до Витебска, Полоцка и Мстислава, и взяли Оршу, такъ что рубежи Московскій въ эту сторону вытянулись на югъ до Путыля и на западъ до Чернигова, Гомеля и Дорогобужа; войска же Московскія проходили до Витебска и Полоцка. Старанія великаго князя Московскаго узнать положеніе Литовской земли, и торговая промышленность Москвитянъ, Новгородцевъ, Псковичей и Тверитянъ простиралась еще далѣе. Въ перепискѣ между Россією и Польшею въ продолженіе государствования Ивана Васильевича III-го, мы находимъ многія указанія объ этомъ предметѣ, которыя открываютъ намъ, что географическія свѣдѣнія Москвитянъ о Литовскомъ краѣ были очень обширны. Такъ, въ 1588 году, въ наказѣ Московскимъ посламъ, отправленнымъ къ Польскому королю, между прочимъ велѣно, во 1-хъ, домогаться объ отпускѣ Россійскихъ купцовъ, Фофанова и Ворошилова съ товарищи, пойманныхъ въ Пропойскѣ и отведенныхъ съ товарами въ Вильно, при возвращеніи ихъ изъ Кафы въ Москву; а также о сбавкѣ мытъ и пошлинъ, вновь наложенныхъ въ Польшѣ для Россійскихъ гостей, и о возвращеніи оныхъ назадъ; во

(*) Львов. глѣт. III, стр. 179. (**) Ник. VI, стр. 493. (***) Тамъ же. (****) Ник. VI, стр. 161. (**) Дѣла Крыи. № 2, стр. 733; (**) Львов. III, стр. 161 и 166.

2-хъ, вручить, для объявленія королю, два списка: первый о прибавкѣ пошлинъ, собираемыхъ съ Россійскихъ торговыхъ людей въ городахъ Польскаго владѣнія: Киевѣ, Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Гомлѣ, Вильно, Новгородѣ - Свѣрскомѣ, Радогошѣ, Трубедкѣ, Брянскѣ, Мамскѣ, Полоцкѣ и Люблинѣ; второй о обидяхъ, причиненныхъ отъ Поляковъ Россійскимъ купцамъ въ разныхъ городахъ Польской державы, въ забраніи и отнятіи разныхъ шелковыхъ и прочихъ товаровъ. Въ 1490 году, Михайло Кляпикъ вторично былъ отправленъ въ Польшу съ представленіемъ о грабительствахъ, причиняемыхъ проезжающимъ черезъ Польшу и Литву съ товарами, Московскимъ, Новгородскимъ и Тверскимъ гостямъ, и о сборѣ лашнахъ, мытъ и пошлинъ ⁽³³⁾. Въ 1492 году, былъ отправленъ въ Польшу Беклемышевъ Берсонъ, которому между прочимъ наказано было привести жалобу на старосту Каменецкаго, который пограбилъ много товаровъ у Московскихъ купцовъ, во время проѣзда ихъ черезъ Подольскую землю; также требовать, чтобы были возвращены Русскимъ купцамъ товары, пограбленные у нихъ на Таваня, Дибрѣ и другихъ мѣстахъ ⁽³⁴⁾. Въ 1498 году Московскій посланникъ Алексѣй Голохвастовъ долженъ былъ ходатайствовать о свободномъ проѣздѣ Русскимъ купцамъ по всей Литовской землѣ ⁽³⁵⁾; о томъ же говорили въ Москвѣ Литовскимъ посланъ въ 1499 году ⁽³⁶⁾. Въ 1501 году, Московскій Государь требовалъ, чтобы были освобождены захваченные въ Литвѣ, во время разирыя, гости Новгородскіе, Московскіе и Псковскіе ⁽³⁷⁾. Всѣ свидѣтельства ясно говорятъ, что Москвичамъ хорошо были извѣстны Польскія и Литовскія земли; что она для торговыхъ дѣлъ вѣдали изъ края въ край по самымъ землямъ, бывали въ Вильно и въ Люблинѣ, т. е. за Вепршемъ, въ Каменѣ-Подольскомъ и въ Таваня; что Дибрѣ для нихъ былъ стариннымъ обычнымъ путемъ въ Черное море. Само правительство Московское имѣло подробныя географическія свѣдѣнія о Литовскомъ и Польскомъ краѣ и при случаѣ старалось распространять ихъ. Такъ, въ 1495 году, въ наказѣ Московскому послу Третьяку Далматову сказано, что Москов-

⁽³³⁾ Книги сношеній съ Польшею и Литвою въ Арх. Иностр. дѣлъ № I, листъ 14, 102. ⁽³⁴⁾ Тамъ же, листъ 151. ⁽³⁵⁾ Тамъ же, листъ 675. ⁽³⁶⁾ Тамъ же, 693—716. ⁽³⁷⁾ Тамъ же, № 2, листы 58—61.

скій Государь, желая послать помощь Литовскому государю противъ Крымцовъ, хочетъ знать, вышелъ ли Менгли-Гирей Ханъ изъ Перекопа, когда и на какія мѣста будетъ его нападеніе, и какимъ образомъ чинить Литовцамъ вспоможеніе ^(*)? Если Московскій Государь требовалъ, чтобы его увѣдомляли изъ Литвы, на какія мѣста Крымцы будутъ дѣлать набѣги, чтобы сообразоваться удобнѣйшею присылкою помощи: то конечно онъ зналъ расположеніе тамошнихъ мѣстъ, и можетъ-быть имѣлъ какіе либо чертежи, по которымъ могъ соображать движенія войскъ; въ противномъ случаѣ, подобныя требованія для него были бы вовсе ненужны. Доказательствомъ старанія Московскаго Двора распространять свои географическія свѣдѣнія относительно Польшы и Литвы, мы имѣемъ два ясныхъ указанія: первое, наказъ посланнику Григорію Путятину, ѣздившему къ Казимиру въ 1489 году, въ которомъ предписано ему провѣдывать о принадлежащей къ Польшѣ Прусской землѣ, о Гданскѣ, Хвойницѣ, Торунѣ и другихъ ^(**); второе, предписаніе Ступишину, ѣздившему посломъ въ Литву, въ 1495 году, развѣдать, можно ли проѣхать Датскому послу чрезъ Жмудъ на корабляхъ или въ бусахъ въ Данію ⁽¹⁰⁰⁾.

Такимъ образомъ, изъ представленныхъ здѣсь немногихъ свѣдѣтельствъ, мы ясно видимъ, что Русскіе во 2-ю половину XV столѣтія имѣли довольно обширныя географическія и статистическія свѣдѣнія о Польскомъ и Литовскомъ краѣ во всемъ его объемѣ. Московское правительство, кажется, даже имѣло чертежи или карты Литовской земли или, по крайней мѣрѣ, въ которыхъ ся частей. Относительно сего послѣдняго предмета за время Ивана Васильевича III-го прямыхъ свѣдѣтельствъ мы представить пока не можемъ; но при его сынѣ Василинъ Ивановичѣ находимъ неопровержимыя доказательства въ описаніи царскаго архива, изданномъ Археографическою Экспедицію, гдѣ сказано: «ящикъ 21, а въ немъ книги, пріѣздъ Литовскимъ посламъ къ великому князю Василю въ размиріцу при Максимьяновѣ послѣ . . . и списки черные и грамоты черные, и чертежъ Смоленской и рубежъ Смоленскимъ волостемъ. Ящикъ 22. А въ

^(*) Тамъ же, № 1, листы 488—495. ^(**) Тамъ же, № 1, лист. 97. ⁽¹⁰⁰⁾ Тамъ же, 409—423.

шесть книги, в списки, в грамоты при великомъ князѣ Василии Ивановичѣ съ Жигимонтъ королемъ в чертежъ Себежской и Гуменской. Ящикъ 26. А въ немъ рознь, Списки Козлячамъ, списки дорогъ Литовскихъ ото Пскова и отъ Лукъ. «Слѣдовательно что-то въ родѣ книги большаго чертежа. «Ящикъ 57. А въ немъ Чертежъ Лукамъ великимъ в Псковскимъ пригородкомъ съ Литовскимъ городомъ Полоцкомъ. Ящикъ 220. А въ немъ списки дорогъ старыя Литовскимъ городомъ» (101).

Ко времени же вел. кн. Ивана Васильевича III-го относится слѣдующее описаніе путешествія великой княжны Елены Ивановны въ Литву, для бракосочетанія съ вел. кн. Александромъ Литовскимъ.

«Въ лѣто 7003 пошла съ Москвы великая княжна въ вторникъ, въ той же день по крещеніи, а съ нею пошли бояре князь Семень Ряполовскій да Михайло Русалка. Дневала великая княжна въ среду въ Дорогомилловѣ, а съ Дорогомиллова пошла въ четвергъ. А первой наслѣгъ въ Луцкомъ, 2) въ Звенигородѣ, 3) въ Алексинѣ, 4) въ Можайскѣ, 5) въ Варьскомъ, 6) на Холму на Браганѣ, 7) въ Дуброви, 8) въ Вязмѣ, 9) на рѣчкѣ на Корей, 10) въ городѣ въ Литовскомъ въ Дорогобужѣ, 11) на Сверковѣ Лукъ, въ монастырѣ церковь Рождество Пречистыя 12) день пришла великая княжна въ Смоленскъ въ попелѣльничкѣ, а дневала два дня вторникъ и среду. А пошла изъ Смоленска въ четвергъ; а 1) наслѣгъ на рѣкѣ на Кастьмѣ, 2) въ Микульскомъ у Святого Николы, 3) въ Лешьковѣ у Св. Петра, 4) въ городѣ въ Витепскомъ, а рѣка подъ городомъ Двина, а воевода въ Витепскѣ князь Михайло Юрьевичъ; 5) въ Выжлетевѣ у великаго Георгія, 6) на рѣцѣ на Обьли, 7) въ городѣ въ Полотскѣ. Пришла великая княжна въ среду, а въ четвергъ дневала, а пошла въ пятокъ: а 1) наслѣгъ на озерѣ на Мотыринѣ, 2) въ селѣ въ Воръбовичъ у Св. Николы, 3) въ селѣ въ Камешномъ у Спаса, а рѣка подъ селомъ Велья, 4) на рѣкѣ на Вязынѣ; 5) въ селѣ въ Марковѣ у Св. Николы, а рѣка Голѣя, туто встрѣтилъ великую княжну панъ Станиславъ Яновичъ Жемотскій староста, 6) въ городѣ въ Крехи, 7) на рѣкѣ на Ольшнѣ, 8) въ городѣ въ Мѣдникѣ, 9) въ селѣ отъ Вилни за мило. А встрѣтилъ князь великій Александръ великую княжну

(101) Ак. Ар. Э. I, № 289.

отъ города за три версты. Вѣхала великая княжна въ городъ въ недѣлю. А вѣхала великая княжна отъ Москвы четыре недѣли и два дни. А вѣнчался князь великій Александръ съ великою княжною въ ту жъ недѣлю.

Въ лѣто 7003 провожали бояре великаго князя великую княжну въ Литву князь Семень Рязоловской, да Михайло Русалка и съ женами, да съ ними дѣти боярскіе; пришли со княжною за недѣлю до за говѣйна до мяснago; а жили въ Литвѣ 11-тъ дней. А изъ Литвы пошли въ четвергъ на Масляницѣ: 1) наслѣгъ въ Шьмени отъ Вилни семь миль, 2) въ Марковѣ отъ Шьмени семь миль. А шла великая княжна дорогою отъ Смоленска на Полтескъ, а отъ Полтѣска на Витепскъ, а отъ Витепска на Марково. А князь Семень Рязоловской пошлъ изъ Вилни назадъ на Марково. А отъ Маркова пошолъ дорогою: 3) наслѣгъ въ красномъ селѣ, отъ Маркова пять миль, а рѣка подъ Краснымъ Ушь; 4) въ Анинѣ отъ Краснаго семь миль, а туто заговѣя заговѣино масленое; 5) въ Борисовѣ, а рѣка подъ Борисовымъ Березыня, отъ Аньяна девять миль, а въ Борисове пришелъ князь Семень въ понедѣльникъ, а тутое дневалъ два дни, а пошелъ въ четнергъ; 6) на лѣсѣ, на рѣкѣ на Бобрѣ, отъ Борисова десять миль; 7) въ Орловѣ болотѣ; 8) отъ Друцка шесть миль, въ субботу въ съборную вѣлъ хлѣба князь Семень у князя Василья Ивановича у Краснаго, Друцкихъ князей; 9) въ городѣ въ Ръшѣ, а рѣка подъ городомъ Давирь, отъ Орлова болота семь версты, а тутъ князь Семень дневалъ, а держитъ Оршу князь Василій Шемячичъ; 10) у Клементья Святого отъ Орши одиннадцать миль; 11) на рѣкѣ на Катынѣ, отъ Клементья Святого восемь миль; 12) въ Смоленскѣ отъ Катыни четыре мили, приѣхалъ князь Семень въ Смоленскъ второй недѣли поста въ четвергъ, а воѣхалъ въ субботу, а ночавалъ въ Сватовѣ Дубровѣ, отъ Смоленска четыре мили. (Здѣсь вѣроятно въ подлинникѣ пропускъ) 5) на рѣкѣ Менской Иогни, шесть миль; на Сверхъ Лукъ, отъ Сватовы Дубровы шесть миль; 7) въ Дорогобужѣ; отъ Сверхъ Лукъ восемь миль, а жилъ два дни; 8) на Мстиславѣ отъ Дорогобужа шесть миль; 9) въ городѣ въ Вязмѣ, отъ Мстиславца 12 миль; 10) въ Дубровѣ, отъ Вязмы за семь миль, церковь Успенія Св. Богородица; 11) на Холму на Брагинѣ, отъ Дубровы тридцать миль 12) въ Варьскомъ, церковь святыхъ Богородица покровъ, отъ Холму тридцать версты.

(здесь очевидно въ подлинникъ пропускъ) 14) въ Олексинѣ отъ Можайска двадцать верстъ; 15) на Яму, церковь Спасъ святой, отъ Олексина 50 верстъ; 16) на Москвѣ отъ Спаса тридцать верстъ. А пришли къ Москвѣ 4-й недѣль поста». Это географическое извѣстіе конца XV вѣка, совершенно новое въ нашей исторической литературѣ, сохранилось въ современной рукописи, помѣщенной въ одномъ сборникѣ, хранящемся въ библиотекѣ Г. Погодина. Оно по складу своему принадлежитъ къ числу оффиціальныхъ источниковъ древней Русской географіи, и указываетъ на старыи обычай Московскаго правительства поручать своимъ чиновникамъ составленіе подробныхъ географическихъ описей при отправленіи ихъ въ носомства, и вообще въ поѣздкахъ за границы Московскихъ владѣній. Таковыя описи хранились, какъ мы знаемъ; при дѣлахъ сперва у князя, а потомъ и въ приказахъ; а также вѣроятно вносились и въ оффиціальныя лѣтописи, какъ прямо сказано въ надписи къ настоящему описанію: «вынато изъ Русскаго изъ лѣтописца, изъ полнаго о князехъ великихъ Рускихъ».

По порядку мѣстностей послѣ распространенія Московскихъ владѣній въ Литовскомъ краѣ, теперь слѣдуетъ говорить о распространеніи тѣхъ же владѣній въ Тверской сторонѣ. Здѣсь дѣло присоединенія было окончено однимъ походомъ, въ 1486 году. Великій князь Московскій осадилъ Тверь 8 Сентября, а 12 дня того же мѣсяца ему отворили ворота города и вся Тверская земля всецѣло признала власть Государя Московскаго. Въ 1492 году, всѣ Тверскія владѣнія были уже описаны по-Московски въ сохи, слѣдовательно уже составлены для нихъ писцовыя и переписныя книги съ подробнымъ статистическимъ описаніемъ, съ показаніемъ земли населенной и ненаселенной, воздѣланной и невоздѣланной, пахатной, сѣнокосной, лѣвной подь строениями, дорогами, городами и проч. Причемъ Тверь описывалъ Федоръ Алабышъ, Старицу—Борисъ Кутузовъ, Зубцовъ и Опожь—Дмитрій Пенсковъ, Клинъ—Петръ Лобинъ Заболотной, Новгородъ или городокъ и Холмъ—Андрей Карамышевъ, а наконецъ Кашинъ—Василій Карамышевъ⁽¹⁰²⁾. Впрочемъ это завоеваніе Твери не прибавило географическихъ свѣдѣній ни у Москвитанъ, ни у другихъ Русскихъ того времени; ибо Тверскія

(102) Лѣт. Нормат., стр. 6.

земли, лежащія на дорогѣ изъ Новгорода и Пскова въ страну Суздальскую, была давно извѣстны; но конечно въ статистическомъ отношеніи Москвичи, по завоеваніи Твери, приобрѣли много дѣльныхъ и новыхъ указаній объ этомъ краѣ.

Еще прежде присоединенія Тверскихъ владѣній, великій князь Московскій, въ 1478 году, завоевалъ землю Новгородскую. Это завоеваніе, довольно трудное и многосложное, протянуло границы Московскихъ владѣній: съ одной стороны отъ Невы до Бѣлаго моря, а съ другой отъ Бѣлаго моря до устьевъ Оби, доставило Москвичамъ много географическихъ и статистическихъ новыхъ свѣдѣній о всемъ этомъ огромномъ пространствѣ. Москвичи не только исходили его какъ завоеватели, но и частію извѣдали какъ правители и промышленники; они рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ заступили здѣсь мѣсто прежнихъ хозяевъ края Новгородцевъ, и по своему обыкновенію принялись все описывать и приводить въ извѣстность, дабы знать, чѣмъ владѣютъ и какую пользу могутъ получить отъ приобрѣтеннаго.

Вотъ географическія свѣдѣнія за вторую половину XV вѣка, которыя мы можемъ почерпнуть изъ извѣстій о завоеваніи Новгородской земли. Завоеваніе Новгородскихъ владѣній великій князь Московскій началъ съ самой отдаленной и полузависѣвшей отъ Новгорода страны Югорской. Онъ, въ 1465 году, послалъ туда Устюжанина Василья Скрыбу съ охочими людьми, къ которому присоединился Вымскій князекъ Василій Ермолячъ съ Вымичи и Вычегжаны; эта сборная рать сосѣдей выбралась изъ Устюга 9 Мая и повоела землю Югорскую, вывела много племени и между прочимъ днухъ князей, которые были присланы въ Москву, гдѣ отъ великаго князя пожалованы Югорскимъ княженіемъ и отпущены домой; съ сего времени Югорская земля объявлена Московскимъ владѣніемъ⁽¹⁰²⁾. Конечно, на самомъ дѣлѣ здѣсь не было еще завоеванія всей страны до Оби; это только первое извѣстное намъ знакомство Москвичей съ тамошнимъ краемъ, но уже знакомство съ притязаніемъ на владѣніе. Въ 1467 году мы получаемъ еще этнографическое извѣстіе о Югорской землѣ, т. е. о краѣ, прилежащемъ къ Оби; въ этомъ году Вятчане вмѣстѣ съ Пермьями воевали Вогуличей, (вѣроятно ближайшихъ къ Пермьямъ, т. е. живущихъ въ

(102) Арханг. Лѣт., стр. 141.

горахъ при верховьяхъ Печоры), и привели тамошняго князика Ясыку въ Вятку ⁽¹⁰⁴⁾. Весною 1471 года, Государь Московскій открылъ походъ въ Новгородскія владѣнія съ трехъ сторонъ: одну рать послалъ на Русу чрезъ Тверскія владѣнія, другую на Вышній-Волочекъ и по Мстѣ чрезъ Бѣжецкій-Верхъ, в третью съ Устюга и Вятки, на Двину. Таковое распоряженіе ясно показываетъ, что въ Москвѣ хорошо знали топографію Новгородскаго края, и при составленіи плана войны умѣли выбрать дороги болѣе удобныя для движенія многочисленнаго войска. На знаніе мѣстности въ Новгородскомъ краѣ лѣтопись указываетъ прямо: въ ней сказано, что Государь въ совѣтѣ разсуждалъ: «идти ли нынѣ на нихъ (Новгородцевъ) или нейти, понеже лѣтнес уже время, а земли ихъ многи воды имать около себе и озера великія, и рѣки и болота многія зѣло непроходимы» ⁽¹⁰⁵⁾. Тройной походъ Московскаго Государя кончился, съ одной стороны, битвами подъ Русою на Шелони и у Демана, гдѣ сражались Новгородцы, а съ другой, страшнымъ боемъ на рѣчкѣ Шиленгѣ, впадающей въ Двину, гдѣ сражались Двиняне, Печеряне и повольники Новгородскіе, предводительствуемые княземъ Василіемъ Васильевичемъ Шуйскимъ и Двинскимъ воеводою Василіемъ Никифоровичемъ; бои продолжались съ четвертаго часа дня до вечера. Лѣтопись говоритъ: «бихася обонъ крѣпко поводяся, в паде Двинянь, повольниковъ и Печерянь безчисленное множество» ⁽¹⁰⁶⁾. Эта битва доказываетъ, что Двинскія области Новгорода были довольно населены, что подтверждается и Двинскими списками земель, составленными въ томъ же 1471 году по случаю уступки ихъ Государю Московскому. Списки сіи весьма важны въ географическомъ отношеніи: она даютъ довольно полное понятіе о томъ, какъ былъ извѣстенъ географически этотъ отдаленный край во 2 половину XV вѣка. Изъ нихъ мы видимъ: изъ *перваго*, что Государю Московскому были уступлены земли по Двинѣ: 1) начиная отъ Верхней Тоймы, впадающей въ Двину съ правой стороны, и ида по теченію Двины на Юмышь, нынѣшняя рѣчка Устьюмежь, впадающая въ Двину съ лѣвой стороны, потомъ Искоозера, Кодяма, нынѣшняя

⁽¹⁰⁴⁾ Архангел. лѣт., стр. 142. ⁽¹⁰⁵⁾ Ник. VI, стр. 21. ⁽¹⁰⁶⁾ Арханг. лѣт., стр. 149.

Кодема, далѣе на Емецкій погостъ, нынѣшняя Емецкая па сѣ-
верь отъ Шенкурска, на Мехренгу и Ваймугу, и на югъ къ
верховьямъ Енца, почти до рѣки Онеги, т. е. нынѣшній Шен-
курскій уѣздъ. 2) Устье Пинеги, Матигоры и Быстрокурья
по Хурдогу рѣку и по Матигорское озеро, и рѣка Солга; сюда
же причислялись: полъ-Наляострова, полъ-Кура острова, полъ-
Чухчолема, Луквиъ берегъ, полъ - Ухта острова, великая
Курья, Квижъ-островъ, Коневъ-островъ, Соломбаза, Терпи-
ловъ погостъ съ землями на Лисичь островѣ. 3) Морской
берегъ отъ устья Двины до Онеги; сюда же причислялись
соловарныя мѣста въ Ноноксѣ, Унасолъ, вѣроятно нынѣшній
Увской посадъ, Корела Варзунская и Умба. 4) Морской бе-
регъ отъ устья Двины до устья Мезени, на Пивегѣ волокъ, и
Пилія горы съ Немьюгой ⁽¹⁰⁷⁾. По второму списку, въ числѣ
спорныхъ земель исчисляются: 1) Емьская гора, Ледь рѣка отъ
верховья до устья, по обѣ стороны, и отъ устья Ледьскаго по Ва-
гѣ, внизъ до ея впаденія въ Двину, Шоговаръ болярской наволокъ
и устье Сюмы; съ другаго берега Ваги: Кошкара, Молонда,
Керчала съ наволокомъ; отъ Сюмы, внизъ по Вагѣ: Сметанинъ
наволокъ, Ондрошіевъ наволокъ, Бѣлый Песокъ, Тавно озеро,
Сюмачъ и Сенго со всѣми угодьями, составившія прежде вот-
чину князя Ивана Владиміровича Ростовскаго. 2) Заостровье,
Соколово, сельцо по Козловскому врагу, Кадима, Пучюга,
Искоозеро, Плесо, Юмышъ отъ устья до верховья, т. е.
земли, лежащія въ углѣ, образуемомъ впаденіемъ Ваги въ Двину,
составившія прежде вотчину князя Федора Андреевича Ростов-
скаго. 3) Воля и Пижма рѣки, по обѣ стороны отъ устьей и до
верховой и до Ярославскаго рубежа съ малыми рѣчками, ко-
торыя въ нихъ втекли: Тавренга, Поноша, Подвига, Синега;
слободка Морозова, слободка Косткова, принадлежавшія князю
Ивану Александровичу Ростовскому. 4) Ему же принадлежали зем-
ли отъ усть-Кулуя вверхъ по Вагѣ до Ярославскаго рубежа, по
рѣкѣ Терменгѣ вверхъ, и по Двициѣ вверхъ, Жары, Липки, Шо-
латы. 5) Его же Каменная гора по рѣкѣ Кокшенгѣ, по обѣ сто-
роны Кокшенги до устья, Пукома, Савкино, Ракулка и Пустынка.
6) Слобода великая, отчина великихъ князей изъ старины оброч-

(107) Ак. Арх. Экс. Т. I, стр. 73.

пая. 7) Рѣка Колуй отъ устья и до верховья по обѣ стороны, волокъ отъ Кокшенги, бывшая отчина князя Ивана Владиміровича Ростовскаго. 8) Колмогоры, Падринъ погостъ Матигорская лука отъ Орлеца на Ольстровъ до Великаго Поля, Куръ островъ, Чюхчелема, Угтъ-островъ, великая Курія, Койдокурія, Кехта великая, Княжь-островъ, Низовая лука вся до моря, Солоубалъ, Терпловъ погостъ, Уна, Новокса; то все вотчина великихъ князей. 9) Волокъ Пивежскій, Пекернема, Шулонема, Кулуй гора, Воспала, побережье отъ Великаго Двора до Великаго Двора, да въ паволоцѣ двѣ деревни, да Вонга, Чушоло, Юрела, Буела, Заозерье, да въ Чинбалѣ четыре деревни; а то вотчина великихъ князей. 10) Шасто-озеро, Моржова гора, Коскошно до устья до Емецкаго, городокъ Емецкой, Чюкчинъ Конецъ, погостъ Емецкой, Ваймуга рѣчка, отъ устья до верховья по обѣ стороны, по Емцѣ вверхъ сельцо, Мехренга рѣка отъ устья до верховья по обѣ стороны, а за рѣкою Двиною Хавры горы, Задвинье, Пингишь, Челмахта, рѣчка Сея; то было князя Константина Владиміровича Ростовскаго. 11) У Емскія горы, по слѣ отвода; отнял Иванъ Васильевъ Онтонову Перевару, а въ ней семь деревень и съ луги; да при Левантін жѣ отняли Иванъ же Онтроповъ островъ съ пожнями и съ пашною землею; да при Левонтінжѣ отнял Иванъ Шугору, а въ немъ 20 деревень да и дворъ становой. По третьему списку вычислены Двинскія волости великаго князя: на Пинегѣ Керрола да Чакола, да Пермскія, да Мезень, да Вяя, да Пивежска, да Немьюга, да Пилія горы; а тѣ волости отдали Новгородцы вел. князю Василью. А что Важка, то исконное мѣсто великаго князя Вычегодское Пермскія» (109). Это исчисленіе разныхъ населенныхъ мѣстъ по теченію Ваги, Онеги, Двины и Мезени показываетъ, что край сей былъ хорошо извѣстенъ въ то время и населенъ едва ли не больше нынѣшняго; кромѣ того мы видимъ, что Новгородцы, по договору 1471 года, уступили великому князю далеко не все Заволочье, или Двинскую область, но преимущественно только морской берегъ отъ устья Онеги до устья Мезени, также земли, лежащія по теченію Пинегы, а по Двинѣ только до Верхней Тоймы съ одной стороны и до Юмына съ другою; осталь-

(109) Ар. Арх. Экс. Т. I, стр. 73—75.

ная же часть Двинской области, лежащая на югъ отъ Тоймы и Юмьша, собственно Заволочье, оставалась еще за Новгородомъ. Такъ говоритъ и договорная грамота: «а се волости Ноугородскія: Торжекъ, Бѣжычи, Городецъ, Палець, Шпяива, Мелеча, Егна, Заволочье, Тигрь (вѣроятно, Тра по прежнимъ Новгородскимъ грамотамъ, т. е. западный берегъ Бѣлаго моря), Пермь, Печера, Югра»⁽¹⁰⁹⁾. На другой же годъ великій князь, не объявляя войны собственно Новгородцамъ, послалъ князя Оедора Пестраго въ Пермь, который тогда же и завоевалъ всю эту сторону и привелъ за великаго князя⁽¹¹⁰⁾, и такимъ образомъ выдвинулъ Московскую границу къ верховьямъ Мезени и Печоры. Конечно, эта страна была уже давно извѣстна Москвичамъ, ибо, начиная съ Св. Стефана, туда посылались Епископы изъ Москвы; но тѣмъ не менѣе совершенное завосаніе сдѣлало ее болѣе извѣстною, и Русскія поселенія, заведенныя тамъ прежде, теперь конечно стали распространяться. Самое уже описаніе похода, присланное княземъ Оедоромъ Пестрымъ въ Москву, представляетъ много географическихъ подробностей объ этомъ краѣ. Князь Оедоръ началъ, вѣроятно, походъ изъ Устюга и пришелъ къ устью Черной рѣки, впадающей въ Сысолоу, потомъ Сысолоу на плотахъ достигъ Анеалова города (вѣроятно, построеніе извѣстнаго Новгорода Анеала). Подъ Анеаловскимъ городомъ князь Оедоръ раздѣлилъ свою рать; самъ пошелъ на верхнюю землю къ городу Искарѣ, т. е. къ предгоріямъ Уральскаго хребта, и разбилъ Пермянъ на Колвѣ, потомъ взялъ Искаръ и другіе городки, товарища же своего Гаврилу Нелидова послалъ на нижнюю землю, на Урось, Чердынь и Почку, который также новоевалъ указанныя ему мѣста; наконецъ оба отряда сошлись при впадѣніи почки въ Колву, гдѣ князь Оедоръ построилъ городъ и засѣлъ тамъ⁽¹¹¹⁾. Въ 1478 году Новгородъ подпалъ совершенно подъ власть Московскаго Государя, и всѣ Новгородскія владѣнія, лежащія по Двинѣ и за Двиною, по договору Новгородцевъ съ великимъ княземъ, признаны независимыми отъ Новгорода. Въ лѣтописи сказано: «привгородомъ всѣмъ да и Двинномъ и

⁽¹⁰⁹⁾ Ак. Арх. Экс. Т. I, стр. 100. ⁽¹¹⁰⁾ Архан. лѣт., стр. 151. ⁽¹¹¹⁾ Ник. VI, стр. 44.

Заволочаномъ крестное цѣлованье Новгородское съ себе сложити, а цѣловати имъ крестъ на великихъ князей има»⁽¹¹²⁾. Но, оставленныя Новгородцами, Задвинскія земли не думали еще признавать власти Московской и продолжали управляться своими князьями. Посему снова начались походы Москвичей въ эту сторону. Въ 1481 году Андрей Мишневъ изъ Устюга съ охотниками и Устюжанамъ повторилъ походъ князя Федора Пестраго въ великую Пермь и проникъ въ страну Вогулчей, разбилъ ихъ подъ Чердынемъ, потомъ ограбилъ на Камѣ гостей и Тюменскихъ Татаръ⁽¹¹³⁾. Вѣроятно, этотъ набѣгъ былъ сдѣланъ не по приказу Московскаго Государя, ибо кромѣ грабежа онъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій; но настоящее извѣстiе лѣтописи въ вѣкоторой степени можетъ служить указанiемъ, что эту сторону посѣщали не одни повольники и завоеватели, но и торговцы, вѣроятно изъ Русскихъ городовъ, ибо въ лѣтописи прямо сказано, что Мишневъ ограбилъ гостей на Камѣ. Наконецъ, въ 1483 году, послѣдовалъ первый походъ велико-княжеской рати на Вогульскую и Югорскую земли. Лѣтописное описанiе этого похода сообщаетъ намъ нѣсколько географическихъ свѣдѣнiй объ этомъ краѣ, официально сдѣлавшихся тогда извѣстными Московскому правительству. По приказу государеву собрались Устюжане, Вологжане, Вычегжане, Вымичи, Сысолчи и Пермьки, и, подъ предводительствомъ князя Федора Курбскаго и Ивана Гравина, 9 Мая двинулись изъ Устюга на Пермь въ страну Вогулчей, достигли устья Пельныи, гдѣ и разбили Вогулчей; потомъ изъ Пельныи спустились въ рѣку Тавду, и Тавдою, миновавъ Тюмень, вступили въ Сибирскую землю, воюя и забирая въ помощь по дорогѣ; далѣе изъ Сибири, рѣкою Иртышемъ, вошли въ Обь и въ Югорскую землю; половеавъ Югорскихъ князей, возвратились въ Юстюгъ 1 Октября, откуда и прислалъ въ Москву, взятаго въ плѣнъ, старшаго Югорскаго князья Молдана. На другой годъ пришли въ Москву и другіе князья Вогульскіе, Югорскіе и Сибирскій князь Лятикъ, и просили Государя принять ихъ подъ свою высокую руку; просьба была уважена: великій князь, взявъ съ нихъ клятву и назначивъ съ тамошней земли дань, отпустилъ ихъ во сво-

⁽¹¹²⁾ Ник. VI, стр. 100. ⁽¹¹³⁾ Арханг. лѣт., стр. 160.

яси ⁽¹¹⁴⁾. Въ 1489 году была покорена и Вятка, старинная и богатая колонія Новгородская, издавна жившая независимо, жителей которой, извѣстные своего предпринчивостію и промышленностію, хорошо были знакомы со всѣмъ тамошнимъ краемъ; они далеко разъѣзжали по Волгѣ и Камѣ, и вѣроятно для промысловъ нерѣдко пропикали до Оби и, можетъ быть, за Обь ⁽¹¹⁵⁾. Въ одно время съ Вяткою Московскіе воеводы покорили и землю Арскую, лежащую между Вятскими и Казавскими владѣніями; тамошнихъ князей они отправили въ Москву, и Государь, взявъ съ нихъ присягу, отпустилъ домой ⁽¹¹⁶⁾. Покореніе Вятки дало способъ Москвичамъ еще болѣе позвѣствоваться съ тамошнимъ обширнымъ краемъ, лежащимъ по сю и по ту сторону Уральскихъ горъ вплоть до береговъ Сѣвернаго Оксана. Вятскіе промышленники, исходившіе уже прежде всю эту сторону для промысловъ и грабежей, теперь сдѣлались главными путеводителями Москвичей въ этомъ пустынномъ и дикомъ краю. Великій князь, въ 1499 году, желая воспользоваться симъ цовымъ средствомъ для разузнанія и покоренія земель, лежащихъ за Уральскими горами, снарядилъ экспедицію на лыжную Югру; начальниками этого новаго похода назначилъ князей Курбскаго и Ушатаго, и съ ними Василья Бражника, а въ путеводители придалъ къ ихъ отряду болѣе тысячи чловѣкъ Вятчанъ. Объ этомъ походѣ мы имѣемъ четыре извѣстія болѣе подробныя, не считая краткихъ упоминаній въ другихъ источникахъ. Первое извѣстіе сообщаетъ намъ Архангелогородская лѣтопись, гдѣ сказано: «лѣта 7007 князь Великій послалъ рать во Югру лыжную: Устюжанъ, да Вычаганъ, Вымичъ, Сысолянъ, Двилянъ, Пиньяжанъ; а воеводы были съ ними князь Семенъ Федоровичъ Курбскій, да князь Петръ Ушатоу, да Василій Бражникъ Ивановъ сынъ Гаврилова. Они же ходише на лыжахъ пѣши зпму всю, да Югорскую землю всю повоевали, и въ полонъ ввели» ⁽¹¹⁷⁾. Потомъ Герберштейнъ, въ своей хорографіи Московскихъ владѣній, приводитъ свидѣтельство объ этомъ же походѣ самого князя Семена Федоровича Курбскаго, котораго онъ засталъ еще въ живыхъ въ быт-

⁽¹¹⁴⁾ Арханг. лѣт., стр. 160—161. ⁽¹¹⁵⁾ Арханг. лѣт., стр. 165—167. ⁽¹¹⁶⁾ Иск. VI, стр. 124. ⁽¹¹⁷⁾ Арханг. лѣт., стр. 147.

ность свою въ Москвѣ. Онъ рассказывалъ ему, что Государь однажды послалъ его вмѣстѣ съ княземъ Петромъ Ушатымъ узнать хорошенько сторону, лежащую по ту и по сю сторону горъ, называющихся Каменнымъ Полсомъ, и покорить живущіе тамъ народцы, и что они въ продолженіе семнадцати дней переходили сіи горы и не могли взойти на вершину, которая называется Столпъ ⁽¹¹⁸⁾. Далѣе, до насъ дошло подлинное разрядное росписаніе о снаряженіи сей экспедиціи, въ которомъ сказано: «лѣта 7007 посылалъ князь великій въ Югорскую землю и на Гогуличи воеводъ князя Семена Ѳедоровича Курбскаго; да князя Петра Ушатаго, да Василья Иванова сына Гаврилова. А со княземъ Семеномъ дѣтей боярскихъ Цыгора да Володю Сугорскихъ, да Вятчанъ, которые живутъ въ Московской землѣ, Костю Яковлева сына Путвина, да Леву Иванова сына Алексѣева, да Петрушу Копова; а Устюжанъ съ ними 1304 ч. а Вязминъ и Вятчанъ (Вымянъ и Вычегжанъ) ⁽¹¹⁹⁾ 500 ч. Со княземъ Петромъ Ушатымъ дѣти боярскіе Вологжане Микита Тимоѣевъ сынъ Мотафтинъ, да Микита Кушниковъ, да Вятчанъ, которые живутъ въ Московской землѣ, Гаврила Сафонова да Ивашка Синксина Бобровникова, да Ивашка Юшина; а Вятчанъ съ ними и Важинъ и Пеплянъ 2000 безъ 80 человекъ. А съ Васильемъ съ Ивановымъ сыномъ Гаврилова дѣти боярскіе Вологжаня: Осипъ Савельевъ, да Ѳедка Неправдинъ, да Вятчане, которые живутъ въ Московской землѣ, Якушко Татаринновъ да Гришка Татаринновъ; а Вятчанъ съ ними 200 ч., Руси 100 ч., Ярянъ (Арянъ) ⁽¹²⁰⁾ и Татаръ и Осетяковъ вѣроятно Остяковъ). И всѣхъ съ воеводами людей со княземъ Семеномъ Ѳедоровичемъ Курбскимъ съ товарищи 4024 человекъ» ⁽¹²¹⁾. Наконецъ въ нѣкоторыхъ разрядныхъ книгахъ уцѣлѣло и самое донесеніе о походѣ. Вотъ оно: «лѣта 7009 повелѣніемъ государя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи хоженіе воеводъ князя Петра Ѳедоровича Ушатаго, да князя Семена Ѳедоровича Курбскаго, да Василья Ивановича Заболоцкаго Бражника въ Югорскую землю, на Кудъ и на Гогу-

⁽¹¹⁸⁾ *Regum Moscovit. auctores varjii anno M.D.C.* стр. 61—62. ⁽¹¹⁹⁾ Разряд. Кн. Архива Иностр. Дѣлъ № 131 . . стр. 16—17. ⁽¹²⁰⁾ Разряд. ШИШЕРАТ. Академ. Наукъ № 44. ⁽¹²¹⁾ Разряд. Арх. Иностр. Дѣлъ № 129.

лѣтя. Послалъ князь Великій Петра Федоровича, да подалъ ему лѣтей боярскихъ . . Вологжанъ, а пошли до Пиноковского (Пенежскаго) ⁽¹²²⁾ волоку рѣками 2000 верстъ, да тутъ ся сождали съ Двипяны да съ Важены; пошелъ съ Ильина дни (Колою) Колдою рѣкою 150 верстъ. Съ Оленія броду на многія рѣки ходять, и пришли въ Печеру рѣку до Усташу града; тутъ воеводы саждалсь князь Петръ со княземъ Семеномъ Курбскимъ да съ Васильемъ Ивановичемъ Гаврилова. Да тутъ остановились и городъ зарубили. Изъ Печеры рѣки пошли воеводы на лыжахъ на введевіе Пречистыя Богородицы. Отъ Печеры шли воеводы до Камени (Камениаго пояса, какъ тогда назывались Уральскія горы) двѣ недѣли; и тутъ развелись воеводы князь Петръ да князь Семень, камень щелью; а камени въ оболочахъ невидитъ, коло вѣтрено пво оболоча раздраетъ, а длина его отъ моря до моря. Убили воеводы на камени 50 человекъ Самоѣди, а взяли 200 олсней. А отъ камени недѣлю, до перваго городка Ляпина. А всѣхъ по камень верстъ шло 4650 верстъ. Изъ Ляпина встрѣтили Додоряня (Обдоряе можетъ-быть) на оленехъ, а рать на сабакахъ. Ляпинъ взяли и поймали 33 городы, да взяли 1009 человекъ лучшихъ людей, да 50 князей привели. Да Васплей же Бражникъ взялъ 50 городовъ да 50 головъ; и пришли къ Москвѣ на великъ день къ Государю, всѣ дали Богъ здорово» ⁽¹²³⁾. Судя по предложенымъ здѣсь описаніямъ, настоящій походъ былъ направленъ сперва на Печору, потомъ отъ Печоры на Камень или Камениый Полясъ въ той его части, гдѣ живутъ Самоѣды, и съ Камениаго городка Ляпинъ, принадлежащій Обдоряпамъ; это главные пункты похода. Вотъ и другіе пункты, болѣе частные, но необходимыя для объясненія главныхъ. По разрядному росписанію, какъ мы видѣли въ походѣ, должны были участвовать Вятчане, которые живутъ въ Московскоіи землѣ; а по лѣтописи намъ извѣстно, что въ Московскоіи землѣ Вятчане были поселены въ Боровскѣ, Алексинѣ и Кременцѣ ⁽¹²⁴⁾. Слѣдовательно, походъ долженъ былъ начаться изъ Москвы, гдѣ получили назначеніе и сами воеводы; съ Москвы одинъ отрядъ пошелъ съ Ушатымъ Сухоною въ Сѣверную Двиною, потомъ Двиною въ Пинегу, съ Пинеги во-

⁽¹²²⁾ Разряд. Акад. № 43. ⁽¹²³⁾ Тамъ же, листы 23—24. ⁽¹²⁴⁾ Арханг. лѣт., стр. 168.

локомъ въ Колу (нынѣшній Кулоі); прошедши по этой рѣкѣ 150 верстъ, онъ отъ Оленьяго броду (можетъ, черезъ Мезень) многими рѣками достигъ Печоры, вѣроятно въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нее впадаетъ Цильма, ибо здѣсь съ Мезени почти прямой путь Пезою, Пескою, Чиркою и Цильмой до Печеры. Другой отрядъ съ Курбскимъ шелъ на Устюгъ, гдѣ принялъ Устюжанъ, далѣе поднялся вверхъ по Вычегдѣ и, принявъ по дорогѣ Выманъ, Сысолянъ и Вычегжанъ, черезъ небольшой волокъ въ Мылву, по Мылвѣ спустился въ Печору. Третій отрядъ съ Заболоцкимъ шелъ сперва Волгою на Каму, гдѣ взялъ, по росписанію, Татаръ Казанскихъ и Арянъ, потомъ Камюю поднялся до Колвы и изъ Колвы волокомъ спустился въ Печору, по которой шелъ до устья Усы, гдѣ начинались жалища Остяковъ, которыхъ Заболоцкій, по росписанію, долженъ былъ принять въ свой отрядъ. Такимъ образомъ всѣ три отряда должны были сойтись на Печорѣ не иначе какъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нее впадаетъ Уса, при устьѣ которой они и зарубили себѣ городокъ Усташъ. Но такъ какъ время было уже зимнее, т. е. какъ сказано въ донесеніи 21 Ноября, слѣдовательно рѣки уже покрылись льдомъ: то соединенные отряды, оставя суда, пошли къ Каменному поясу на лыжахъ, и шли до горъ двѣ недѣли, очевидно по направленію къ верховьямъ Усы, и въ продолженіе 17 дней, какъ говорилъ Курбскій Герберштейну, перешли Каменный поясъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ вытекаютъ изъ горъ рѣки Уса, Кара и Соби; ибо воеводы въ донесеніи пишутъ, что при переходѣ черезъ горы они были съ Самоѣдами; а по свидѣтельству Книги Большаго Чертежа кочевая Самоѣдъ жила именно при верховьяхъ Усы, Кары и Соби и вплоть до устьевъ Оби ⁽¹²⁵⁾. Но направленію похода въ сію сторону сильно противорѣчитъ положеніе нынѣшняго мѣстечка Ляпина; воеводы пишутъ, что по переходѣ черезъ Камень, они недѣлю шли до перваго городка Ляпина; нынѣшній же Ляпинъ, находящійся на правомъ берегу Сысвы, задался слишкомъ далеко на югъ, чтобы отъ верховьевъ Соби можно было добраться до него въ недѣлю. Слѣдовательно, придерживаясь нынѣшняго Ляпина, переходъ черезъ Каменный поясъ должно предположить гораздо южнѣе, и никакъ не сѣвернѣе верховьевъ рѣчки Шугу-

(125) Кн. Бол. Черт., изд. 1846 г., стр. 189.

ра, откуда, переправясь черезъ горы, именно въ недѣлю можно дойти до Ляпина, но здѣсь въ горахъ Рускіе встрѣтили бы Остяковъ, а не Самоѣдовъ. Притомъ сами воеводы пишутъ, что изъ Ляпина вышли къ нимъ на встрѣчу Обдоряне на оленяхъ, а нынѣшній Ляпинъ, по свидѣтельству Книги Большаго Чертежа, принадлежалъ Югрѣ, а не Обдорянамъ ⁽¹²⁶⁾; Обдоряне же, какъ называется та же книга, жили при устьяхъ Оби ⁽¹²⁷⁾; слѣдовательно былъ еще другой Ляпинъ Обдорскій, гдѣ вѣдучь по теченію Соби, и къ нему-то подошли Рускіе по переходѣ черезъ Камень. Посему мы и не имѣемъ права отодвигать мѣсто перехода черезъ Камень на югъ отъ верховьевъ Усы, только потому, что Рускіе подошли къ Ляпину; здѣсь очевидно говорится о Ляпинѣ Обдорскомъ, а не Югорскомъ. Если это такъ, то настоящій походъ былъ направленъ къ устьямъ Оби и къ полуострову, образуемому Карскимъ моремъ и Обскою губою; слѣдовательно завоеванія и разузнаніе края производились собственно въ землѣ Обдорской и Самоѣдской, или, какъ выражено въ Архангелогородской лѣтописи, въ лыжной, то есть въ сѣверной Югрѣ, и здѣсь-то Курбскій съ Ушатымъ и Бражникомъ Заболоцкимъ воевали всю землю и взяли 41 городъ; Югра же южная, гдѣ Ляпинъ, была уже завоевана еще за 16 лѣтъ до настоящаго похода. Туда, какъ мы уже видѣли, въ 1483 году Государь посылалъ князя Федора Курбскаго и Ивана Травина, которые проникли до Иртыша и Иртышемъ вошли въ Обь.

Походъ на лыжную Югру, или страну Самоѣдъ и Обдорянь, былъ послѣдній въ этомъ краю при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ III; имъ заключились завоеванія Москвитянъ въ земляхъ, принадлежавшихъ прежде Новгороду. Но присоединеніе Новгорода къ Московскимъ владѣніямъ поставило Москву въ ближайшія и непосредственныя сношенія съ западными сосѣдями Новгородскими, съ Ливонцами и Шведами; вызвало Московскаго Государя къ новымъ войнамъ на западъ, которыя естественно повели Москвитянъ къ ближайшему знакомству съ тамошнимъ краемъ и сообщили имъ много новыхъ географическихъ свѣдѣній, о которыхъ теперь и слѣдуетъ говорить, чтобы окончить обзоръ географическихъ свѣдѣній на Руси за XV столѣтіе.

⁽¹²⁶⁾ Кн. Бол. Черт., стр. 207. ⁽¹²⁷⁾ Тамъ же, стр. 203.

Въ войнахъ Іоанна съ Ливонскимъ орденомъ, по дѣламъ Пскова и Новгорода, Москвичи исходили всю Ливонію до Ревеля и Риги, слѣдовательно распространили свои географическія свѣдѣнія до Рижскаго залива. На здѣсь Москвичи не сдѣлали никакихъ новыхъ приобрѣтеній; они только опустошали землю, а не останавливались въ ней, даже торговля въ этомъ краѣ производилась Псковитянами и Новгородцами, а не Москвичами. Слѣдовательно, свѣдѣнія о краѣ, приобрѣтаемыя въ сихъ войнахъ, пока оставались просто только свѣдѣніями, годными на будущее время, но безъ ближайшихъ видовъ пользоваться ими.

Совсѣмъ другое значеніе имѣли войны Іоанна съ Шведами. Здѣсь Москвичи старались утвердить и распространить свои владѣнія и въ нѣкоторой степени успѣли въ этомъ; причемъ проникли въ такой край, который еще не былъ знакомъ Русскимъ въ прежнее время. Іоаннъ, по своему обыкновенію, началъ войну съ двухъ сторонъ: одна рать его двинулась изъ Новгорода и опустошила Финляндію, или, какъ тогда называли, Гамскую землю; другая же рать, состоявшая изъ Двинянъ и Устюжанъ, подъ предводительствомъ князей Ивана Лапуна и Петра Ушатыхъ, отправилась изъ Двины моремъ Океаномъ и, обогнувъ Мурманскій носъ ⁽¹²⁸⁾ рѣкою Полвою, вступила въ землю Каянскоя Чуди, лежащую прямо за Лапландією и принадлежащую Шведамъ, какъ это объяснено у Герберштейна въ его разсказѣ о путешествіи Русскихъ пословъ по Ледовитому морю ⁽¹²⁹⁾. Здѣсь Русская рать прошла и повоевала девять рѣкъ, которыя по лѣтописямъ называются: Кемь, Торна, Колоконъ, Олувиі (или Авлуі), Сиговая (или Сигодая), Спѣжна, Гавка (или Головка), Путашь и Ляминга съ Полной. Присемъ жители Ляминги признали власть Московскаго Государя и отправили отъ себя посольство въ Москву ⁽¹³⁰⁾. Такимъ образомъ Московскіе воеводы въ этотъ походъ прошли далеко за предѣлы походовъ Новгородскихъ, оканчивавшихся Лапландією, гдѣ была Новгородская область Тре. Мы въ настоящее время не можемъ указать всѣхъ десяти рѣкъ, поименованныхъ въ лѣтописи; по уже указанію

⁽¹²⁸⁾ Арханг. лѣт., стр. 172—173. ⁽¹²⁹⁾ Mer. Moscovit. auctor. varij. Francofort. anno M.D.C., стр. 87. ⁽¹³⁰⁾ Ник. VI, стр. 146.

Герберштейна, что Каянская земля лежитъ на западъ отъ Лапландіи, ясно говоритъ, въ какой сторонѣ должно искать упомянутыя рѣки. Точно, мы находимъ между рѣками, впадающими въ сѣверовосточный уголъ Ботническаго залива, Кеми, Торнео, Лиминга, которыя названіями своими совершенно сходны съ упоминаемыми въ лѣтописи: Тарна, Кемь и Лиминго. Слѣдовательно, Русскіе въ настоящій походъ проникли почти до сѣверовосточнаго угла Ботническаго залива, гдѣ они еще никогда до того времени не бывали, и не только прошли этотъ незнакомый до селѣ край, но и успѣли присоединить часть его по рѣкѣ Лимингѣ къ Московскимъ владѣніямъ.

Сдѣлавъ обзоръ географическихъ свѣдѣній на Русь, приобретенныхъ распространеніемъ границъ Московскаго государства, а также путешествіями и посольствами въ чужія земли во 2-й половинѣ XV вѣка, намъ теперь слѣдуетъ указать на тѣ свѣдѣнія, которыя мы можемъ почерпнуть изъ тогдашнихъ памятниковъ о статистическомъ состояніи Московскихъ владѣній того времени. По сему предмету мы имѣемъ два важныхъ памятника: духовное завѣщаніе вел. кн. Ивана Васильевича, и переписныя Новгородскія книги нѣкоторыхъ уѣздовъ. Памятники сіи имѣютъ различное значеніе: духовное завѣщаніе важно потому, что объѣмлетъ всѣ тогдашнія Московскія владѣнія, но статистическія свѣдѣнія, сообщаемыя симъ памятникомъ, очень поверхностны и состоятъ только въ перечисленіи городовъ и волостей, и въ нѣкоторыхъ указаніяхъ на тогдашнее раздѣленіе Московскихъ владѣній въ правительственномъ отношеніи; напротивъ того, переписныя Новгородскія книги ограничиваются только нѣкоторыми Новгородскими уѣздами, но за то сіи немногіе уѣзды описаны съ такими статистическими подробностями, что мы ясно можемъ видѣть состояніе описаннаго края, его народонаселеніе и средства жителей, а также получаемые правительствомъ доходы.

Въ духовномъ завѣщаніи, писанномъ около 1504 года, великій князь Иванъ Васильевичъ отказываетъ своему старшему сыну Василью: 1) городъ Москву со всѣми волостями и селы Московскими и съ Радонежемъ, также съ волостями и съ селы; 2) Коломцу съ волостями и съ селы; 3) Копиру съ зарѣчьемъ (что зарѣкою Окою), Тешиловъ, Веневъ, Мстиславль и Рославль и ныня мѣста по Рязанской рубежъ, и съ Ельцомъ и со всѣми

Елецкими мѣсты. Слѣдовательно, въ правительственномъ или административномъ отношеніи область Кошира тогда простиралась отъ Оки до низовьевъ Сосны и заключала въ себѣ, кромѣ Коширы, еще пять городовъ по западной границѣ Рязанскихъ владѣній. 4) Серпуховъ и Хотунь съ волостями и селы; 5) Торусу съ Городцомъ, и съ Исканью, и съ Мышегою, и съ Колодною; 6) Мценскъ со всѣмъ, что къ нему потягло; 7) Воротынецкъ со всѣмъ тѣмъ, какъ былъ за Воротынскими князьями, и съ Мещевскимъ и съ Олексинымъ. Здѣсь мы опять видимъ соединеніе нѣсколькихъ городовъ въ одну область въ административномъ отношеніи. 8) Городъ Боровскъ съ волостями; 9) городъ Ярославецъ; 10) городъ Медынь съ Вешками по Угру и на Исанѣ слобода по Угружъ, и съ Песочною и съ другими слободами; 11) Можаскъ съ волостями даже за Угру; 12) Вязму и Козловъ со всѣми Вяземскими мѣстами; 13) Дорогобужъ. Причемъ всчислены 32 волости Дорогобужскія: Погорѣлая, Нѣгомле, Хотомичи, Холмъ, Батино, Простъ, селцо Заопье, Водоса, Некрасова, Селечна, Кремена, Редьинъ, по рѣцѣ по Ужѣ, устье; Коскове, Рехты, Хомчичи, Вышково, Василево, Ескино село Климова, слободка Владычня въ Чертковѣ, селцо Путятино съ деревнями, Игумново, Мстиславецъ, Ощытовъ, Жулинъ, Мошкова гора, Лучинъ городокъ, Великое поле, Лопатино, Копылея и Ужвца, Ведрошь и Озерца, Сверковы луки. Эти города и волости Московскаго князя на югъ и югозападъ отъ Москвы. Потомъ слѣдуютъ въ томъ же завѣщаніи города на сѣверъ и сѣверовостокъ отъ Москвы въ такомъ порядкѣ: 1) Переяславль съ волостями; 2) Владиміръ съ волостями; 3) Юрьевъ съ волостями и съ Великою Солью; 4) Суздаля съ волостями да Солца малая, обѣ половины; 5) Ростовъ съ волостями; 6) Ярославль съ волостями и съ Ухрою да Инопажъ съ селцомъ и съ езомъ, что на Волгѣ подъ Рыбною слободою; 7) устье Шоксны по обѣ стороны погосты съ деревнями; 8) волости Заволжскія по обѣ стороны Шоксны. Слѣдовательно, были области, и безъ городовъ составлявшія одно административное цѣлое. 9) Бѣлоозеро съ волостями; 10) Вологда съ волостями; 11) Заозерье съ Кубею и съ волостями; 12) Устюгъ съ волостями и къ нему Вычегда, Вышь, Удара и Сысола; 13) Заволоцкая земля, въ которой исчисляется 6 волостей: Ростовщина, Пинега съ Кегролюю и Чаколою, Прѣмскіе, Мезень Немъ-

юга, Пилья горы, Пинешка, Выя, Тойма, Кирыя горы, Емьская гора на Вагъ и при ней Онтонова перевара, Корбольской островъ, Шогогора, Кърчела, Сура поганая, и Лавела. 14) Югра съ Печерою; 15) Пермь Великая.—Описавши кругъ сѣверныхъ владѣній, завѣщаніе начинаетъ перечислять города по Волгѣ и ея притокамъ внизъ отъ Ярославля. Здѣсь первый городъ является Кострома, потомъ Галичъ съ Унжею и Чухломою; далѣе Нижній-Новгородъ съ тамошнею Черемисою и Мордвою; Муромъ съ Муромскою Мордвою и Черемисою; Мещера съ тамошними Мордовскими князьями и городомъ Кошковымъ, и наконецъ вся Вятская земля и Арскія владѣнія, составлявшія съ Вяткою одно административное цѣлое. Вятскою землею оканчиваются владѣнія, имѣвшія главнымъ центромъ управленія Москву. Засимъ завѣщаніе исчисляетъ владѣнія Тверскія и Новгородскія, хотя уже присоединенныя къ Москвѣ и вполне подвластныя Московскому Государю, но еще имѣвшія свои мѣстные центры администраціи, Тверь и Новгородъ. Изъ Тверскихъ земель собственно Тверь, Городецъ и Клинь со всѣми волостями, какія значатся по Писцовымъ Книгамъ за которыми городомъ, Государь назначилъ старшему сыну Василю; Кашинь и Рузу другому сыну Юрію; Зубцовъ, Опоки и Ржеву третьему сыну Димитрію; Старицу, Холмъ и Новый городокъ меньшому сыну Андрею. Изъ Новгородскихъ владѣній въ завѣщаніи старшему сыну назначены: 1) Новгородъ Великій со всѣми пятью пятнами и принадлежащія по управленію сюда же города: Иванъ-городъ, Яма-городъ, Копорье-городъ, Орѣшокъ-городъ, Ладога-городъ, Дѣманъ-городъ, Куръ-городъ, Порховъ-городъ, Высокій-городъ, Кошкинь-городъ, и Руса-городъ; 2) Торжекъ со всѣми волостями и пошлинами; 3) городъ Холмъ и при немъ Велико, Буюецъ и Лоностици, составлявшіе одно управленіе; 4) Луки Великіе съ волостями, а къ нимъ же еще волости: Пуповичи, Вязъ, Часпля, Коротай, Дубно и Комша; 5) Ржева пустая со всѣми волостями; 6) Корельская земля съ Корельскимъ городомъ и съ Лопью лѣшею и дикою; 7) Заволочье, къ которому причислялись Ойѣга, Каргополь, все Поонежье, Двина, Вага, Кокшенга, Вельскій погостъ, Колмогоры и вся Двинская и Заволоцкая земля. Изъ Псковскихъ владѣній Псковъ съ городами, волостями и со всею Псковскою землею, безъ раздѣла весь назначенъ старшему сыну. Кромѣ того ему же назначены Торопецъ

да городъ Острее, составлявшіе съ своими волостями два отдѣльные управленія; и наконецъ въ Рязанской землѣ Старая Рязань и Перевицкскъ. Прочимъ сыновьямъ великаго князя, кромѣ уже показанныхъ Тверскихъ городовъ, назначены въ удѣлы города съ ихъ волостями: второму сыну Юрію: Дмитровъ, Звенигородъ, Брянскъ и Серпейскъ; третьему сыну Дмитрію: Угличе поле съ Устюжною, Рожаловымъ, Велетовымъ и Кнестною, составлявшіе одно управленіе, Молога, городъ Жлепень съ Ротачевымъ и Негомиремъ и съ ихъ волостями, Месческъ съ волостями и Опаковъ съ волостями по Угрю; четвертому сыну Семену: Бѣжецкій Верхъ, Колуга и Козельскъ съ ихъ волостями; пятому сыну Андрею: городъ Береза съ волостями, Вышгородъ съ волостями, Олексинъ съ волостями и Любутскъ съ Вепринымъ ⁽¹³¹⁾. Такимъ образомъ изъ духовнаго завѣщанія великаго князя Ивана Васильевича мы узнаемъ всѣ земли и владѣнія, составлявшія Московское Государство въ послѣдніе годы XV столѣтія, и даже видимъ ихъ раздѣленіе въ административномъ отношеніи.

Новгородскія переписныя книги, составленныя въ 1500 и 1501 годахъ, дошли до насъ не всѣ, и въ рукописи, хранящейся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, мы находимъ описаніе только уѣздовъ Ладожскаго, Ореховскаго и Корельскаго, начинающееся 885 листомъ.

Описаніе Ладожскаго уѣзда начпнается такъ: «въ Ладожскомъ уѣздѣ погостъ Городенской, а въ немъ великаго князя волости и деревни оброчныя; а въ Ладозѣ помѣстей не давати, oprачь Михайловскаго погоста на Волховѣ до Никольскаго погоста (что за Волховымъ) того дѣля, что на оброчныя обжи положенъ памѣстничъ кормъ. — Деревни Оелоровскія Телятева: деревни Погорелцы: Оелка да Кузка Михалева, сѣютъ ржи осмь коробей, а сѣна косятъ сорокъ копенъ, двѣ обжи; а старого доходу шло: боранъ, пятокъ льну, а а изъ хлѣба треть, а ключнику четвертка ржи, четвертка овса, лопата боранья, сыръ, овчина, горсть льну. Деревня Дуброва: Оока Ивашковъ, Онтушко Ивашковъ, сѣютъ ржи осмь коробей, а сѣна косятъ сорокъ копенъ, двѣ обжи; а старого доходу

(131) Собр. Гес. Гр. и Догов. Т. I, № 144.

шло: боранъ, пятокъ льну, а изъ хлѣба треть, а ключнику лопата боронья, овчина, горсть льну. Деревня Наволокъ: Максимко Якушовъ, дѣти его Ивашко да Тараско, сѣютъ ржи осмь коробей, а сѣна косятъ 40 копенъ, двѣ обжи; а старого доходу: боранъ, пятокъ льну, а изъ хлѣба треть, а ключнику лопата боранья, овчина, горсть льну. И по старому письму три деревни а дворовъ въ нихъ пять, а людей въ нихъ шесть человекъ, а обежъ пять, двѣ сохи безъ трети; а старого доходу шло: три борона, три пятки льну, а изъ хлѣба треть, а ключничн пошлныи четвертка ржи, четвертка овса, три лопатки бораньи, три овчины, три горсти льну, сыръ; и за тотъ доходъ и за хлѣбъ давали оброку полтнву. А по новому письму три деревни; а въ нихъ четыре дворы, а людей въ нихъ семь человекъ, а обежъ шесть, а сохи двѣ, а въ сохѣ по три обжи. А нового оброку на нихъ положено пять гривенъ, а хлѣба положено поспомъ пять коробей ржи, пять коробей овса; а въ которомъ году не взяти оброку хлѣбнаго хлѣбомъ, и за хлѣбъ положено денгами, за коробью ржи десять денегъ, за коробью овса пять денегъ, и того за хлѣбъ денгами пять гривенъ и пять денегъ, и всего оброку положено денгами и за хлѣбъ десять гривенъ и пять денегъ, oprичъ обежные данн. А намѣстнича корму намѣстника Ладожскаго и съ тивуномъ и съ доводчикомъ кормъ съ полутретьядцати обежъ, и всего корму въ весь годъ на три праздника со шти обежъ гривна 12 денегъ. И при старомъ убьло дворъ, а прибыло человекъ, обжа, треть сохи, а оброку прибыло двѣ гривны девять денегъ. —Деревня Конецъ у Ладоги на посадѣ, Яковлевская Губина сына Селезнева: Максимко Ивановъ сынъ Поповъ Стребыховъ, сѣетъ ржи осмь коробей, а сѣна косятъ на Ладожницѣ 20 копенъ, да на Лазаревской пожнѣ косятъ сѣна 30 копенъ, что въ жару; двѣ обжи, соха безъ трети. А старого доходу нешло; пахаль Яковлевской ключникъ, а оброка давали съ тое деревни три гривны; а нового оброку положено на ту деревню денгами полтнва, oprичъ обежные данн; а намѣстнича корму съ тое деревни, кормъ съ полутретьядцати обежъ, и того съ дву обежъ корму намѣстнику и съ тивуномъ и съ доводчикомъ въ весь годъ на три праздника девять денегъ безъ четвертци; и при старомъ убьлъ человекъ, а прибыло оброку четыре гривны и десять денегъ».

Далѣе такимъ же образомъ описаны и другія деревни погоста, всего числомъ 143 деревни; онѣ были расположены по Ладожско-

му, озеру и между рѣками Волховомъ, Ладожницею, Вельцей, Черной, Кабонай и Влоей; въ деревняхъ сихъ податныхъ людей мужскаго пола жило 381 человекъ, изъ нихъ 52 человекъ рыбныхъ ловцовъ и другихъ непашенныхъ людей; во всемъ погостѣ считалось: 805½ коробей (т. е. десятищъ) земли подъ пашнями, 5740 копень сѣнокосу, 23 тона рыбныхъ ловель; дохода въ казну получалось: 31 рубль 8 гривенъ и 11 денегъ Новгородскихъ, т. е. около 16 фунтовъ серебра, кромѣ обожной дани, которая не опредѣлена, и разныхъ мелкихъ поборовъ, которые положены натурою, а не деньгами.

Потомъ слѣдуетъ таковое же описаніе Ильинскаго погоста; въ немъ 27 деревень по рѣкамъ Волхову и Заклюкъ; въ нихъ 62 человекъ податныхъ людей, изъ коихъ 3 человекъ непашенныхъ; земля: подъ пашнею 159 коробей, сѣнокосу 975 копень; доходу въ казну деньгами 2 рубля 5 гривенъ 10¼ денегъ Новгородскихъ, кромѣ обожной дани и разныхъ мелкихъ поборовъ натурою.

Погостъ Оелоровскій - Песоцкій, въ которомъ 44 деревни по Ладогѣ и рѣкамъ Песоцкой и Кипуѣ; въ нихъ 112 человекъ податныхъ людей, изъ коихъ 12 человекъ рыбныхъ ловцовъ не на пашнѣ; земли подъ пашнею 308 коробей, подъ сѣнокосами 2275 копень; дохода въ казну деньгами 8 руб. 8 гривенъ 9¼ денегъ Новгородскихъ, кромѣ мелкихъ доходовъ натурою.

Погостъ Егорьевскій-Теребожскій заключалъ въ себѣ 129 деревень, расположенныхъ по рѣкамъ и ручьямъ Сибелѣ, Кобонкѣ, Пелцелѣ, Штяшковѣ, Лавуѣ, Коксари, Душетвьѣ, Гвари, Войпогалѣ, Красковѣ, Ярболѣ, Сарѣ, Кобани и Теребожкѣ; людей въ нихъ было 300 человекъ; земли подъ пашнями 802½ коробей, подъ сѣнокосами 5152½ копны, казеннаго дохода 14 руб. 12 гривенъ и 11¼ денегъ Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Погостъ въ Лопцѣ; въ немъ 14 деревень, расположенныхъ по Ладожскому озеру и по рѣкамъ Сосарѣ, Лидиѣ и Лавуѣ; людей въ нихъ 42 человекъ, изъ которыхъ 12 человекъ рыбныхъ ловцовъ не на пашнѣ; земли подъ пашнями 66 коробей, подъ сѣнокосомъ 640 копень; дохода въ казну 3 руб. 7 гривенъ и 9 денегъ Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Потомъ слѣдуютъ погосты, которые застарѣ причисля-

лись къ Новгородскому уѣзду, а съ 1501 года перечислены къ городу Ладогѣ. Погосты сіи были: Михайловскій на порогѣ и Никольскій съ городища; въ нихъ, кромѣ дворцовыхъ волостей, писанныхъ въ дворцовыхъ книгахъ, состояло:

Въ Михайловскомъ погостѣ 55 деревень; расположенныхъ по рѣкамъ Сеглинницѣ, Волхову, Влоѣ и Чажечнѣ; людей въ нихъ 250 человекъ, изъ которыхъ шесть человекъ не на пашнѣ; земля подъ пашнями 500 коробей, подъ сѣнокосомъ 3410 копень, дохода въ казну 31 руб. 6 денегъ Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Въ Никольскомъ погостѣ съ городища 8 деревень около Волхова; людей въ нихъ 30 человекъ; земля подъ пашнями 51 коробья, подъ сѣнокосомъ 410 поженъ; доходу въ казну 2 руб. 10 гривенъ и 13 денегъ Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Орѣховскій уѣздъ начинается слѣдующимъ описаніемъ города Орѣшка: «Въ Вотцкой пятнѣ городъ Орѣшекъ.

А се двory на посадѣ лучшахъ людей своеземцовъ, а живутъ сами. На Корельской сторонѣ (дв): Левка Васильей, дѣти его Прокошь да Нестерикъ (д), Васька Пятута (д), Бориско Оомищъ сынъ Юрьева, (всего 12 дворовъ). На Лопьской сторонѣ (д), Васько Кламовъ; а городскихъ людей лучшихъ на Корельской сторонѣ (д): Иванко Кузмнѣ (д), Оомка Петровъ, (всего семь дворовъ). А на Лопьской сторонѣ (всего 5 дворовъ); а молодыхъ людей городчанъ, на Корельской сторонѣ (д) Ивашко Васильевъ (д), Васко да Семешко Ескины (всего 45 дворовъ). А на Лопьской сторонѣ 72 двора. А на Никольскомъ острову два двора. А внутри города пять дворовъ. А по новому писму дворовъ въ Орѣшкѣ внутри города и на посадѣ, своеземцевыхъ, и городчанъ лучшихъ людей и молодыхъ тяглыхъ сто и тридцать и девять дворовъ; а людей въ нихъ своеземцовъ и городчанъ сто и восемьдесятъ и девять человекъ тяглыхъ. А великаго князя оброку положено на нихъ восемь рублевъ денегъ.

А се на посадѣ жъ и внутри города двory своеземцовы, а въ нихъ живутъ дворники. Внутри города (д) Ивашка да Никифорики Соткуевыхъ, а въ немъ дворникъ Іевко Сысоевъ. (д) Якона Панкратова съ братьею, а въ немъ дворникъ Матька Домантовъ. Всего внутри города семь дворовъ, а на посадѣ десять

дворовъ: и всѣхъ дворовъ своеземцовыхъ 17, а дворничковъ въ нихъ восемнадцать человекъ; а дворники съ горожанъ тянуть.

А се на Лопьской же сторонѣ на посадѣ имъ великаго князя цезаревича Тимошевскаго Грузова (а) Ермакъ Максимовъ, (а) Мшицка Палкинъ, а великаго князя оброку давали одиннадцать денегъ безъ четвертца; а нынѣ придаютъ горожаномъ въ тотъ же оброкъ въ восемь рублей.

А селъ Орешкѣ жъ внутри города и на посадѣ, дворы пятиглые, а въ нихъ живутъ попы и дьяки и сторожи церковные, а великаго князя холопы, пичальники и воротники. Внутри города (а) помятъ Спаской Александро, (а) дьякъ Спаской Палка Куаминъ; на посадѣ, на Корельской сторонѣ: (а) помятъ Минула Ивановской, а на остроу (а) дьякъ Никольской Иванско; а на Лопьской сторонѣ (а) помятъ Мартынъ Рождества Пречистые (а) дьякъ Пречистые Кондратио Сваровъ (а) сторожъ Пречистые Фомка. А сепичальники внутри города — три двора, на посадѣ на Корельской сторонѣ — краже двора. А се воротники внутри города, три же двора.

А пустыхъ дворовъ внутри города и на посадѣ: дворы наместничья, дворъ Андрея Федоровича (всего 12 дворовъ). А пустыхъ мѣстъ: внутри города: мѣсто Якимъ Фоминъ, мѣсто Василея Пятунинъ. А на посадѣ на Корельской сторонѣ мѣсто дячю помѣщику Ивану Теркову съ дѣтми, подлѣ Ленка Васильева.

И описанія города по прежнему слѣдуетъ описаніе погостовъ, въ такомъ порядкѣ другъ за другомъ:

Погостъ Спасскій-Геродецкий; въ немъ 91 деревня, въ днѣхъ 39 деревень расположены по рѣкѣ Невѣ, и одна на Фединѣ остроу при устьѣ Невы въ море; протіе по рѣкамъ Охтѣ, Мойкѣ, Святой, Черной, Березовцу, Морьѣ, Мудѣ, Ойноцкѣ, Тосой, Сонарадѣ, Варястѣ и Ладожскому озеру. На Фоминѣ остроу, въ устьѣ Невы, находящееся село состоитъ изъ 33 дворовъ пащеныхъ крестьянъ, да четыре двора непашенныхъ крестьянъ, да дворъ тиуна, который стаятъ всюю волостью Геродецкаго и Короборельскаго погостовъ. Крестьяне Фоминскаго села сдѣли ржи 60 коробей, сѣна косми 300 доновъ; кроиъ того у нихъ было: полпята насѣга, и на два насѣга льготы на три года до 1500 годъ. Крестьянъ во всѣхъ деревняхъ 324 человекъ, земли подъ дашами 571 морсѣй, подъ сѣнокосами 4245

помень, въ казну дохода 20 руб. 5 гривенъ и 11 $\frac{1}{2}$ денегъ Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Погостъ Ивановскій-Куйвошскій, въ немъ 260 деревень, изъ нихъ 25 лежатъ по озеру Лешбагалу и одна на Нѣмецкомъ рубежѣ, а остальные расположены у озера Ладожскаго, Сивоможа, Ройкала, Паречина, Громбальскаго и Сазьскаго, да по рѣкамъ Влозѣ, Куйвошѣ, Жорномѣ, Войногалу, Сазѣ, Мустьемо, Клегомѣ и Красной, крестьянъ во всѣхъ деревняхъ 528 человекъ, земли подъ пашнями 1419 коробей, подъ сѣнокосами 7994 копенъ; въ казну дохода 89 рублей 13 гривенъ и 4 $\frac{1}{2}$ деньги Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Погостъ Воздвиженскій-Корбельскій, въ немъ 180 деревень; изъ нихъ одна волость, состоящая изъ 11 деревень, расположена на Матеромъ острову въ Корнѣ Носу, и на Диснѣ острову на морѣ и на Кавгалѣ на Нѣмецкомъ рубежѣ; кромѣ того на Кавгалѣ расположены еще 9 деревень изъ другихъ волостей да на морѣ еще 4 деревни, на Охтѣ 10 деревень, а другія деревни еще расположены на Сестрѣхъ, на Лестела, на Волдосарѣ, Саркѣ, Рогмѣ, Аввалѣ, Каменкѣ, Мендосарѣ, Сиротахъ, Березовѣ озерѣ и на Глубокомъ озерѣ; крестьянъ во всѣхъ деревняхъ 434 человекъ, изъ нихъ непашенныхъ крестьянъ 37 человекъ; земли подъ пашнями 1022 $\frac{1}{2}$ коробей, подъ сѣнокосами 5900 копенъ, въ казну дохода 39 руб. 6 гривенъ 12 $\frac{1}{2}$ денегъ Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Погостъ Келтушскій, въ немъ 86 деревень, расположенныя по озеру Тоскову и по рѣкамъ Гымокалу, Лезго и Охтѣ; людей въ нихъ 132 человекъ; земли подъ пашнями 501 $\frac{1}{2}$ коробей, а подъ сѣнокосами 2525 копенъ; дохода въ казну со всѣхъ деревень шло пять рублей девять денегъ Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Погостъ Егорьевскій-Лепокскій, въ немъ деревень 133. Онѣ расположены по Ладожскому озеру и по рѣкамъ Лавуѣ, Нова, Покосткѣ, Шелдахъ, Вальн и Косткѣ; въ нихъ людей 332 человекъ; земли подъ пашнями 1073 коробей, подъ сѣнокосами 6785 копенъ; дохода въ казну со всѣхъ деревень 31 рубль съ полтиною и три гривны съ деньгою Новгородскихъ, кромѣ поборовъ натурою.

Кромѣ помѣстныхъ пяти погостовъ къ Орѣховскому уѣзду великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ причислены были

старинные погосты Новгородскаго уѣзда: Веденскій, Дудоромскій, Никольскій-Ижерскій и Никольскій-Ярвосоольскій; изъ нихъ въ Веденскомъ погостѣ 161 деревня, а людей 701 человекъ; въ Никольскомъ-Ижерскомъ погостѣ 361 деревня, да рядокъ, въ которомъ живутъ торговые люди, а людей 1199 человекъ, изъ нихъ 20 человекъ торговые люди не на пашнѣ; въ Никольскомъ-Ярвосоольскомъ погостѣ 113 деревень и 394 человека.

Въ Вотцкой пятинѣ: городъ Корела на рѣкѣ на Узервѣ, въ городѣ Корелѣ на посадѣ всего 222 двора; изъ нихъ 16 дворовъ принадлежали лучшимъ рядовымъ людямъ, 33 двора молодымъ рядовымъ людямъ, 15 дворовъ лучшимъ рыболовамъ, 96 дворовъ молодымъ рыболовамъ, 20 дворовъ молодымъ посадскимъ людямъ безъ промысла, 6 дворовъ принадлежащихъ своземцамъ, которые живутъ на городскихъ мѣстахъ на тагахъ, 4 двора принадлежащихъ дѣтямъ боярекамъ Мосновичамъ, 13 дворовъ принадлежащихъ Корельскимъ своземцамъ, 6 дворовъ поповскихъ, 13 дворовъ принадлежащихъ пищальникамъ и воротникамъ. Дворы сии расположены на Сванскомъ острову за Федоровскою рѣкою, за Узервою рѣкою на Ореховской сторонѣ и въ Иломанскомъ концѣ. Собственно тяглыхъ дворовъ считалось 188, а людей въ нихъ 232 человекъ; а государена оброку на нихъ было положено пол-одиннадцати рубля денегъ; да за худостію людей въ тотъ же оброкъ приписавъ къ посаду Сванской Волочекъ, купленный Государемъ у Валлаамскаго монастыря. Въ Сванскомъ Волочкѣ по описи было 55 дворовъ рядовыхъ людей и рыболововъ, а людей въ нихъ 67 человекъ. Кромѣ того внутри города было два пустыя двора, дворъ на мѣстничь и дворъ владыченъ, да 28 дворовыхъ мѣсть пустыя, принадлежащихъ Корельскимъ своземцамъ.

Въ Корельскомъ уѣздѣ семь погостовъ: Городевскій, Михайловскій-Сокульскій, Васильевскій-Ровдужскій, это — въ передней Корелѣ; а въ задней Корелѣ остальные четыре погоста: Бобородицкій-Кяръажскій, Никольскій-Сердовельскій, Ильинскій-Иломаньскій и Воскресенскій-Соломяньскій. Погосты сии описаны, какъ и въ прежнихъ уѣздахъ.

Въ Городенскомъ погостѣ 136 деревень, которыя расположены по озерамъ Ильменю, Узервѣ, Гіервѣ, Легижевѣ, Тюярвскомъ и Гибалѣ, и по рѣкамъ: Тиврѣ, Ряжелѣ, Валгомѣ, Силсѣ,

Кангалъ, Хмелевой и Перви; въ нихъ крестьянъ 230 человекъ.

Въ погостъ Михайловскомъ-Сонульскомъ 244 деревни; онъ расположенъ по озерамъ: Кимерь, Свѣтому, Свѣтскому, Петерви, Киривомъ, Ладожскому и Марви, и по рѣкамъ: Влэдъ, Свапи, Каменкъ, Кангалъ и Сонулу; въ нихъ крестьянъ 458 человекъ.

Въ погостъ Васильевскомъ-Ровлужскомъ 201 деревни; изъ нихъ деревни, принадлежащія къ Прасольской волости, расположены противъ Нѣмецкой волости Нурмарвы, ихъ пять деревень; деревни волости Корбы, также расположены на Нѣмецкомъ рубежѣ противъ Нѣмецкихъ волостей, Лапольи и Благо озера; ихъ шесть деревень; тутъ текутъ рѣчки Волсей и Маселга. Также по Нѣмецкому рубежу расположены волости Маселга по рѣкѣ Маселгѣ, и Мегра у Леникальскаго озера; въ нихъ обихъ 16 деревень; прочія деревни расположены по озерамъ: Ладожскому, Свапскому, Понору, Нивкову и Плавному и по рѣкѣ Вегнасу; людей во всѣхъ деревняхъ 396 человекъ.

Въ погостъ Богородицкомъ-Кирильскомъ восемь переваръ; (такъ здѣсь называли волости); имена ихъ: перевара Кулдокая, Петкольская, Кирильская, Сорольская, Лапвашская и Сомковская, Островская, Нокольская, Очеламская, на Кумбѣ озерѣ, перевара Козвешанская у Ладожскаго озера; всего въ переварахъ 149 деревень; онѣ расположены по озерамъ: Ладожскому, Гверву, Коверу, Свѣтому и Ярву, и по рѣкамъ: Ажелъ, Рогалъ, Кириль, Ярвѣ и по Нѣмецкому рубежу; людей въ сихъ деревняхъ 1057 человекъ. Здѣсь при описаніи имѣтъ раздѣленія земель на пашенныя и сѣнокошныя; но всѣ земли вѣдѣтъ названы луками; луки же равнялись обжамъ, т. е. каждая четверть коробьяхъ пахатной земли.

Въ Накольскомъ-Сердовольскомъ погостѣ, волость Нитяга надъ Китяжскимъ озеромъ на Нѣмецкомъ рубежѣ; перевары: Островская и Ренальская, Лахтинская у Залчяго озера и у озеръ Кокотарвы и Ускинскомъ, и по рѣкѣ Улялѣ; Арѣндокская при озерѣ Ладожскомъ, Вагварва и Муваадѣ; Кересюрская; по озеру Ладожскому в рѣкѣ Сумерѣ, Ундолеская, Ангольская, на озерѣ Пуроарвѣ на Нѣмецкомъ рубежѣ, Вастъевская у Ладожскаго озера и Осоская; въ сихъ переварахъ

деревень: 244, а крестьянъ: 1122 человекъ: Земли также раздѣлены на луки.

Въ Иломанскомъ погостѣ четыре перевары: Иломанская у озера Роарвы, Новлашская у озера Новлаши; Чангольская по озеру Чанголь и рѣкѣ Пелецкой и по озерамъ Пелецкому, Тохмоярѣ и Койдерскому, и Пальгярвская по Заяцкому озеру и рѣкамъ Калдомъ и Пальгярвѣ. Во всемъ погостѣ какъ въ переварахъ, такъ и особо отъ переваръ 55 деревень, а людей въ нихъ 335 человекъ; земля считается по лукамъ, на каждую душу по луку; слѣдовательно въ погостѣ 335 луковъ земли, точно такъ же и въ прежнихъ погостахъ, гдѣ земли дѣлились на луки, т. е. сколько душъ въ какомъ погостѣ, столько и луковъ земли.

Погостъ Воскресенскій-Соломянскій, въ немъ деревень 32; онѣ расположены по рѣкамъ Янѣ, Соломянѣ и Уксеѣ, и по озерамъ Ладожскому и Суярвѣ; людей въ нихъ 519 человекъ, изъ нихъ одиннадцать человекъ непашенныхъ рыболововъ, у прочихъ же земля считается луками, безъ различія пахатной отъ сѣнокосной.

Далѣе переписная книга содержитъ подобныя приведеннымъ описаніямъ волостей, бывшихъ прежде дворцовыми и потомъ розданныхъ въ помѣстья, въ уѣздахъ Ямскомъ, Копорскомъ и въ Орѣховскомъ. Содержанія описаній здѣсь не представляю, ибо уже и изъ вышеприведеннаго видно довольно ясно, какія статистическія подробности о Новгородской землѣ были извѣстны Московскому правительству въ концѣ XV вѣка. Если же такія подробности шлись о владѣніяхъ Новгородскихъ, недавно завоеванныхъ, то безъ сомнѣнія правительство въ такихъ же или даже ббльшихъ подробностяхъ знало свои давнишнія владѣнія; но къ сожалѣнію до насъ не дошло ни одной писцовой или переписной книги Московскаго или другихъ уѣздовъ въ XV столѣтіи. Мы по необходимости должны отложить болѣе отчетливыя указанія о географическихъ и статистическихъ свѣдѣніяхъ на Русь до слѣдующихъ столѣтій, отъ которыхъ до насъ дошло довольно писцовыхъ, переписныхъ, оладныхъ и другихъ названій книгъ по разнымъ уѣздамъ. А такъ какъ въ слѣдующихъ столѣтіяхъ источники географическихъ и статистическихъ свѣдѣній о Русской землѣ преимущественно состоятъ изъ оффиціальныхъ памятниковъ старой Московской ад-

министрація, которые дають совсѣмъ иной видъ этому дѣлу, какъ по своимъ размѣрамъ и подробностямъ, такъ и по плану: то посему и настоящій трудъ, по необходимости, должно' оканчивать XV столѣтіемъ.

Д. Ч. О. И. Д. Бьялевъ.

ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

СВЕРНАГО УРАЛА И РѢКЪ ЕГО ОБОИХЪ СКЛОНОВЪ.

I.

ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

СВЕРНАГО УРАЛА, ОСМОТРѢННАГО ВЪ 1847 Г.

Ученая экспедиція, снаряженная съ Высочайшаго соизволенія, Русскимъ Географическимъ Обществомъ, для изслѣдованія свѣрнаго Урала, подъ начальствомъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ полковника Гофмана, имѣла сборнымъ пунктомъ, мѣстомъ для начала дѣйствій своихъ, городъ Чердынь, Пермской губерніи. Отсюда, слѣлавъ необходимыя приготовленія для путешествія, 30 Мая 1847 года, экспедиція начала свои изслѣдованія двумя отрядами. Гофманъ съ топографомъ Брагивымъ отправились по рѣкамъ западнаго склона Урала: Колвѣ, Вишерѣ, Березовкѣ, Вогулкѣ, озеромъ Чусовымъ и чрезъ Печорскій Волокъ, по р. Волосницѣ до деревни Усть-Волосницы; далѣе по р. Печорѣ до деревни Усть-Уньи; потомъ вверхъ по рѣкамъ: Уньи, Кисуньи, до вершины р. малой Печеры на Уралѣ. Другой отрядъ, на этотъ разъ гораздо многочисленнѣйшій, подъ начальствомъ майора Стражевскаго, въ которомъ находились: астрономъ Ковальскій, естествоиспытатель Брантъ и я, поднялся по р. Вишерѣ до самыхъ верховьевъ ея, на Уральскій хребетъ, по которому слѣдовалъ потомъ къ свѣру до вершины р. малой Печеры, гдѣ соединился съ первымъ отрядомъ.

Изъ сего послѣдняго общаго пункта, вся экспедиція, вмѣстѣ, перешла по Уралу до вершины р. Большой Печеры, до 62° сѣ-

верной широты. Здѣсь снова экспедиція раздѣлилась на означенные выше два отряда: Гофманъ отправился по рѣкамъ: Егра-Лага, Ильчу, Кожину, Подчересту и Щугуру, а поднялся по послѣдней опять на Уралъ къ горѣ Тѣлпосъ-изъ, подѣ 64° сѣверной широты. Отрядъ же Стражевскаго въ это время продолжалъ свои изслѣдованія постоянно по Уралу къ сѣверу, до означеннаго выше пункта на р. Щугурѣ, гдѣ вторично соединился съ Гофманомъ 29 Августа.

Затруднительное путешествіе по горамъ, не смотря на всѣ старанія ускорить его, было причиною, что мы ранѣе не достигли этого пункта. Потомъ уже познее время года и недостатокъ въ провизіи не дозволяли всей экспедиціи вѣстѣ продолжать путь свой даѣе къ сѣверу, до парадиза деревни Оранца на р. Печорѣ, какъ это было предположено. Поэтому астровой Ковальскій отправился въ Чердынъ для зимнихъ наблюденій, а экспедиція, подвинувшись нѣсколько къ сѣверу, вновь раздѣлилась. Гофманъ, оставивъ весь багажъ, налегкѣ пустился даѣе къ сѣверу по Уралу, сколько позволятъ обстоятельства, не смотря на затрудненія, успѣлъ осмотрѣть полградуса почти своей дикой части Урала, до горы Квось-нѣръ. Стражевскій же существовалъ съ Уральскихъ горъ на востакъ, напр. Ланну, и по этой послѣдней рѣкою Сосвою прибылъ въ г. Березовъ 19 Сентября; куда въ концѣ того же мѣсяца, достигнутый сибиремъ, и молодомъ, поспѣшилъ прибыть в отрядъ Гофмана.

Такимъ образомъ, въ 30 Мая по 19. Сентября, всѣ упомянутые пути экспедиціи по Уралу и рѣкамъ западнаго склона его, въ протяженіи отъ 61° до 6½ градуса сѣверной широты, сняты глазомерно маршрутами (въ масштабѣ 3 версты въ Английскомъ дюймѣ) въ 1/10000 противъ настоящей величины. Всего снято въ 1847 году 13,850 кв. верстъ; въ 1848 же году, какъ означено выше, снято 9,680 кв. верстъ; в того 23,530 кв. верстъ.

Для опредѣленія направленія пути и измѣренія угловъ, преимущественно употреблялась отражательная буссоль Шмалькампфера; кромѣ того гдѣ экспедиція останавливалась на нѣсколько дней, была употреблена и мензула маляго устройства.

Расстоянія пути опредѣлялись по времени. При опредѣленіи проплытаго расстоянія вверхъ по рѣкѣ брали во вниманіе зависящую степень быстроты ея теченія, которая измѣрялась по возможности. Въ опредѣленіи же расстояній пути въ горахъ

непріятельскія бѣды затрудненій. Путешествіе бѣдышею частію совершалось пѣшкомъ; поэтому всягда собовенные шаги которые по замѣченному времени равнялись обыкновенному ходу оленей; ибо проводники съ обозомъ шли тоже пѣшкомъ. Все это испытывалось по святой предварительной мѣстности, и по вымѣреннѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ланіамъ; и изъ нѣсколькихъ такихъ наблюденій составлены таблицы для откладыванія линейной мѣры по масштабу.

Неудобный, мѣстами даже трудный, путь черезъ болота и крутые каменные склоны хребтовъ, въ особенности по каменнымъ розсыпямъ, покрытымъ лѣсомъ, заставлялъ часто останавливаться, обходить и дѣлать неправильное и непропорціональное движеніе относительно времени. Какъ этиаъ весьма затруднялось опредѣленіе пройденнаго разстоянія временемъ, то я бралъ во вниманіе всѣ остановки, неудобства и даже степень крутизны скатовъ и записывалъ въ журналы среднее время, и изъ таблицы соответствующую ему линейную мѣру, исправленные уже по соображенію.

Самая съемка подробностей производилась обыкновеннымъ порядкомъ по способу глазомѣрной буросольной съемки. Шкала маршрутовъ и подробностей имѣла за единицу: но отъ мѣстности, довольно ограниченнаго средства времени.

Для показанія хода съемки и для того, чтобы имѣть поле поле матеріалы при составленіи общей карты мѣсти, экспедиціею осмотрѣнныхъ, вели топографическіе журналы (*). Въ нихъ вкратчѣ рисовали маршруты и записывали откладываемыя разстоянія, азимуты примѣчательныхъ предметовъ, направленіе пути и краткое описаніе мѣстности, что давало возможность на мѣстѣ ночлега навести тѣ подробности и замѣтки, которыхъ во время пути по скорости, дождю или другимъ затрудненіямъ, не возможно было навести тотчасъ. Особенное же вниманіе было обращено на направленіе и составъ водораздѣла Уральского хребта межъ всѣхъ дункетовъ, откуда только я могъ его видѣть.

Слѣдующій алфавитный списокъ нѣкоторымъ туземцамъ

(*) Подлинныя полевые журналы находятся въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ; копія — въ архивѣ Военно-Топографическаго Департамента.

слонать, а прилагаю къ нему описание съ темъ цѣлю, чтобы
пояснить довольно дикія названія мѣстностей, въ ономъ встрѣ-
чающіяся.

Вогульскія и Остяцкія:

(Дяпинскаго нарѣчія, почти общія).

Аля.	Верхній.
Ахутасъ.	Камни.
Гѣсенъ.	Холмы.
Гѣсса.	Долгій, далекій.
Кѣльхъ.	Болото.
Кѣреуъ.	Каменные скалы; притѣсы.
Коль.	Чумъ, шалашь переносный.
Лѣвгъ.	Дорога, путь.
Лѣокъ.	Курья глухой заливы, вдающійся въ берега съ образующій полуостровъ.
Луй.	Нижній.
Манъспалъ.	Восточный склонъ Урала, отъ слова <i>Манъси-Вогулы</i> и <i>Остакы-Ляпницы</i> .
Манъ, Усь.	Малый, -ял, -ое.
Мѣна.	Отдѣльная скала, чурекъ.
Нѣль.	Конецъ хребта, мысъ, носокъ, острогъ.
Нѣръ.	Цѣпь горъ, каменный кражъ, камень.
Нѣссель.	Островъ.
Нѣуль.	Юрта, зимнія жилища.
Сѣры.	Долина, низменность.
Сыряпалъ.	Западный склонъ Урала; въ буквальномъ переводѣ Зырянская сторона.
Титъ.	Устье рѣки.
Тѣсемъ.	Сухой.
Тумпъ.	Отдѣльная значительная гора, если ее обходятъ вершины рѣкъ, или ограничиваютъ долины.
Турръ.	Озеро.
Убъ.	Плеса, значительное и пріямое (когда рѣка безъ острововъ, и однокое теченіе).
Убръ.	Лѣсъ.
Убръ-урръ.	Лѣсной хребетъ.
Урръ.	Хребетъ вообще.
Чертѣсемъ-уръ.	Лѣнія раздѣляетъ вода.

Чахль.	Сопка или вершина на хребтѣ.
Шошь.	Малая рѣчка, ручей.
Я.	Рѣка, большая рѣчка.
Явы.	Большой, великій.
Ягмауъ.	Вершина рѣки, истокъ.
Яхтель.	Пороги на рѣкѣ и переборы.

Остяцкія:

(Обекаю карчя).

Ай.	Малый.
Горль.	Юрта, селеніе.
Юсанъ.	Рѣка.
Южъ.	Дорога, путь.
Кѣу.	Камень, гора, кракъ.
Ларъ.	Озеро.
Мбангъ.	Скалы.
Нѣрумъ.	Тундра.
Позль.	Протокъ.
Соймъ.	Рѣчка, ручей.
Унъ.	Большой, великій.
Ягаръ, тей.	Начало, вершина рѣки, истокъ.

Самоѣдскія:

Пай-чаъ.	Камень, гора, кракъ, хребетъ.
Сѣвъя.	Мысь, носъ, носокъ.
Явъ.	Рѣка.

Зырянскія:

Балбына.	Отдѣльныя скалы.
Дня.	Устье рѣки.
Ель.	Рѣчка.
Илжидъ.	Большой.
Исогъ.	Малый.
Иъ.	Хребетъ, камень, кракъ.
Иль.	Вершина рѣки.
Кърта.	Угосъ каменный, скала при рѣкѣ.
Пармá.	Значительная отдѣльная высокая возвышенность.
Ю.	Рѣка.

Русскія тѣвныя тѣвныя

Зибунъ. Трасина или зыбкое болото.

Переборъ. Часть рѣки, покрытая подводными или выставившимися изъ воды большими каменными отломками, между которыми вода съ особенною быстротою пробирается; это обстоятельство и быстрота теченія дѣлаютъ плаваніе на *переборахъ* затруднительнымъ и даже опаснымъ. *Переборъ* не значитъ *порогъ*, который и на р. Вишерѣ употребляется туземцами въ настоящемъ значеніи своемъ.

Старйца. Прежнее направленіе рѣки какъ рукавъ, если она промыла себѣ другое русло, которое предпочитается промыву по глубинѣ, широтѣ и удобству къ плаванію, а иногда только потому, что гораздо приѣмъ.

Сора. Обширныя низменныя болотистыя мѣста, покрытыя преимущественно еловымъ лѣсомъ, и прилежащія къ берегамъ Вишеры называются *сорами*. Она начинаются по этой рѣкѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оканчиваются отроги Уральскаго хребта, образующія горные берега ея.

Соръ, соровое мѣсто. Непроходимыя топи, прилежащія рѣкамъ Оби и Сосвѣ, образующія мѣстами родъ болотныхъ озеръ, въ особенности въ подлую воду, называются *сорами*. Если же они понимаются водою только во время разлитія и высыхаютъ иногда, или по крайней мѣрѣ дѣлаются мѣстами доступными для стюковосовъ или пастушескихъ, то они называются *соровымъ мѣстомъ*.

Тянукъ. Значительная покатость дна рѣки внизъ по теченію, какъ уступъ, усиливающая весьма быстроту теченія въ этомъ мѣстѣ. Она въ особенности ощутительна въ плаваніи противъ теченія: *нужно тянуться*.

Чемкосъ. Зырянская примѣрная илупевая мѣра, около полуверсты, которая считается по плесамъ, между примѣчательными мысами, островами и прочими предметами, для опредѣленія проплытаго разстоянія по рѣкѣ. Къ сѣверо-западу эти *чемкосы* довольно неровны и почти всегда имѣютъ болѣе 5 верстъ. Вишерцы впрочемъ не такъ строги и не всегда придерживаются *чемкосовъ*; но въ издавнашней *Печерѣ* и *рѣкѣ* въ все издавнашнее это илупевая мѣра въ общепринятомъ употребленіи у туземцевъ.

Чурокъ. Отдѣльно-стоящая небольшая конусообразная сопка (*) или скалы подобнаго же вида на хребтѣ, называются *чурками*; напримеръ: *Анцускiя чурокъ*, на лѣвомъ берегу Вайшеры, у подошвы Тульяскаго камня. — *Моника чурки*, скалы на горѣ Монингъ-тумпъ, находящейся при верховьяхъ этой рѣки.

Уральскiй хребетъ, на протяженiи отъ 61 до 65° сѣверной широты, состоитъ изъ одной массы горъ, идущей въ приполюсн направлении съ юга на сѣверъ, въ видѣ параллельныхъ высокихъ каменныхъ хребтовъ, отстоящихъ одна отъ другаго отъ 5-ти до 12-ти верстъ. Эти хребты, находясь въ большей или меньшей связи между собою, прорѣзываются рѣками, протекающими въ глубокихъ и довольно широкихъ лѣсныхъ долинахъ раздѣляющихъ горы. Даже самыя отроги этихъ частныхъ хребтовъ, представляются въ томъ же меридианальномъ направленiи какъ бы отдѣльными кряжами; поэтому ширина Уральскаго хребта въ общности простирается отъ 35 до 50 верстъ (*).

Верхи кряжей обнажены и не весьма широки; мѣстами они скалисты и вообще покрыты разсѣянными отломками камней и удобнoproходимыми розсыпями; лишены почти отъ всякой растительности, кромя оленьяго мха. Вершины горъ конусообразны и достигаютъ высоты 3000 футовъ. Лощины, истоки рѣкъ, широкы и мѣкры; мѣстами же обрываются и составляютъ глубокия ущелья, покрытыя снѣгомъ, или занятыя водою малыхъ озеръ. Горныя долины покрыты большею частiю лѣсомъ, который поднимается также довольно высоко по крутымъ каменнымъ скатамъ хребтовъ. Этотъ лѣсъ преимущественно состоитъ изъ хвойныхъ деревьевъ: ели, пихты, лиственницы и кедра; сосна же встрѣчается рѣдко. Изъ лиственныхъ породъ попадаетъ только береза и по болотамъ ива. Однакожъ растительность иногда идетъ разбросанными и приземистыми елками и березками на снѣжный верхъ, и самая линия водораздѣла въ нѣсколькихъ мѣ-

(*) Сопкою называютъ туземцы каждую высокую вершину на горномъ хребтѣ.

(*) Между верховьями рѣкъ Печоры и Илыча представляются хребты въ четыре ряда. Самая же широкая и долгая изъ горныхъ долинъ — долина р. Щугуръ, доходящая до 10 верстъ въ ширину.

стахъ покрыта густымъ лѣсомъ, въ особенности гдѣ она проходитъ понижающимися сопками.

Многочисленныя поперечныя долины, перерѣзывающія Уралъ, образовали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удобные переходы черезъ него, посредствомъ которыхъ туземцы имѣютъ между собою сообщенія, перегоняя стада оленей и переходя зимою цѣлыми караванами для торговли.

Направленіе линіи водораздѣла по Уралу весьма извилисто. Она дѣлаетъ многія колѣна, то спускаясь въ долины, то переходя съ одного хребта на другой, и не только не слѣдуетъ направленію хребтовъ, но даже нисколько не соответствуетъ высочайшимъ горамъ, а сохраняетъ лишь общее меридіанальное направленіе. Замѣчательно еще, что хребты, несоставляющіе водораздѣла, вездѣ почти выше главнаго хребта, въ особенности западные отроги, между которыми находится самая высочайшая изъ Уральскихъ горъ—гора *Телпосъ-изъ* или *Некубы-неръ*, простирающаяся до 5000 футовъ высоты.

Около 64° и 65° сѣверной широты находится самая высокая, широкая и дикая часть Урала; далѣе къ сѣверу, до 66°, она принимаетъ главное направленіе на сѣверовостокъ, становятся гораздо уже и ниже, не измѣняя общаго характера мѣстности и имѣетъ довольно высокія сопки и кражи. Къ несчастію, это протяженіе осталось неосмотрѣннымъ въ 1848 году по описаннымъ ниже обстоятельствамъ.

Отъ 66° широты, Уралъ идетъ все въ сѣверовосточномъ же направленіи, довольно высокою и весьма скалистою цѣпью горъ, по которой путь совсѣмъ невозможенъ. Здѣсь горы совершенно обнажены отъ лѣса, который одважкожъ находится вдали отъ склоновъ хребта, но и тамъ начинается рѣдѣть съ приближеніемъ къ сѣверу до предѣловъ открытой тундры. На самомъ сѣверномъ Уралѣ, подъ 66° 42' сѣверной широты, находится высочайшая въ этихъ мѣстахъ, послѣ Тѣлпоса, гора *Пай-яръ*, немного выше 4500 футовъ; имя ея въ буквальномъ переводѣ значитъ *Камень-хозяинъ*.

На всемъ осмотрѣнномъ протяженіи сѣвернаго Урала нигдѣ не встрѣчается настоящихъ свѣжыхъ горъ, и только въ горныхъ ущельяхъ лежатъ огромныя массы снѣга, не растаивающаго лѣтомъ.

Не доходя до Ледовитаго моря, версты 40, Уральскій хребетъ

совершенно оканчивается на тундрѣ краемъ *Минисей*, состоящимъ изъ трехъ значительныхъ горъ: *Арко-най*, собственно *Минисей*, и третьей, самой сѣверной, подъ $68^{\circ} 29', 4$ сѣверной широты, $83^{\circ} 57', 5$ —долготы отъ перваго меридіана, названной *Константиновымъ Камнемъ*, по имени Августѣйшаго Предсѣдателя Русскаго Географическаго Общества.

Рѣка *Кара*, имѣя начало изъ западнаго склона Уральскаго хребта, подъ широтою $67^{\circ} 58', 9$, и протекая къ сѣверу почти параллельно остальной части его, впадаетъ потомъ непосредственно въ Ледовитое море. За Карою, больше чѣмъ на 40 верстѣ къ западу отъ оконечности Уральскаго хребта, тянется въ сѣверозападномъ направленіи къ острову Вайгачу рядъ невысокихъ горъ, раздѣленныхъ одна отъ другой тундрою и возвышающихся надъ послѣднею въ видѣ отдельной цѣпи, подъ общимъ именемъ *Пай-хоя*. Эта отдельная цѣпь ошибочно привата на всѣхъ картахъ продолженіемъ Уральскаго хребта, съ которымъ она не можетъ имѣть никакой связи, будучи отдѣлена отъ него огромною тундрою и рѣкою Карою. Кромѣ того и самыя горы *Пай-хоя* почти не составляютъ между собою одного сплошнаго хребта.

Каменистый кражъ *Поритднитъ-урръ*, подъ $61^{\circ} 38$ сѣверной широты, заключающій главные истоки рѣкъ: *Вишеры* и *Малой Увьи*, текущихъ на западъ, и р. *Пурмы*, имѣющей начало съ восточной стороны, составляя линію водораздѣла, примыкаетъ на сѣверѣ къ горамъ *Хдле-члхль Гѳрдганъ-члхль*. Въ долину, ихъ раздѣляющей, находится главный истокъ р. *Большой Увьи*, въ которую, верстѣ чрезъ 10, обойдя мысъ *Суѳмьлхъ-идль*, впадаетъ р. *Малая Увья* (*). Далѣе отъ *Гѳрдганъ-члхль* линія раздѣленія водъ дѣлаетъ колѣно около 8-ми верстѣ къ сѣверозападу, и слѣдуетъ хребтами *Поритдтис-члхль* и *Мань-Лундхусетъ-урръ* къ главному истоку р. *Лозьвы*, текущей на востокъ изъ озера, заключающагося въ глубокомъ, обрывистомъ и каменномъ ущельѣ хребта *Яны-Лундхусетъ-урръ*. Отъ сего послѣдняго къ сѣверу водораздѣлъ идетъ каменнымъ гребнемъ, горю *Уѳтекъ-члхль*, чрезъ сопки *Митью-члхль* и *Мань-Гѳтцетъ-урръ*, къ верховьямъ рѣкъ *Малой Почоры* и *Сосвы*, отдѣленнымъ

(*) Протяженія Уральскихъ горъ, выраженные въ верстахъ, взяты изъ глазоуравно-силныхъ маршрутовъ.

высокимъ краемъ *Яны-Гатченъ-урръ*. Это колѣно, около 10 верстѣ, отдѣляетъ верховья р. Сольпа, притока Лозьвы, отъ истоковъ рѣкъ Уньи и Печоры. Далѣе, къ сѣверу, отъ хребта Яны-Гатчетъ-урръ, линія раздѣленія водъ пролегаетъ между истоками рѣкъ Печеры и Сосвы маленькими извилинами около 24-хъ верстѣ, почти прямо на сѣверъ по открытому и не очень широкому хребту чрезъ, многія сопки, къ горѣ *Пѣчеръ-Ятдлэхъ-члхль*, у которой находится истокъ р. Большой Печоры.

Разстояніе между оходящимися истоками противоположно текущихъ рѣкъ Печоры и Сосвы у послѣдней горы; менѣе 200 сажень.

Прямо къ сѣверу, отъ горы *Пѣчеръ-Ятдлэхъ-члхль*, водораздѣлъ идетъ по довольно высокому, открытому, каменистому хребту *Еналъ-нѣръ*, около 12 верстѣ, отдѣляя: на западъ верховья рѣки Ольсъ-Манья (Егра-Лага, притокъ рѣки Ильча), на востокъ истоки Сосвы; потомъ онъ слѣдуетъ по лѣсной сопкѣ *Келыхъ-Тумпъ*, пройдя которую, спускается въ болотистую лѣсную долину *Келыхъ-тумпъ-сѣры*, гдѣ расходятся одна изъ истоковъ Ольсъ-Манья и р. Сосвы. Пройдя верстѣ 6 лѣсомъ, поднимается опять на открытій каменный край *Манъ-квотъ-нѣръ*, и пролегаетъ по немъ почти на 9 верстѣ, имѣя по западному склону притоки рѣки Ольсъ-Манья: *Люлингъ-нелъ-соры-я*, *Ольсъ-манъ-я* и *Манъ-квотъ-нѣръ-оуль-я*, по восточному же истоки рѣки Лопчинъ-Манья.

Къ предъидущему краю примыкаетъ съ сѣвера хребетъ *Яны-квотъ-нѣръ*, со многими каменными сопками и непроходимыми розсыпями. Онъ составляетъ линію водораздѣла, до вершины рѣки Ничуръ-я, вытекающей на западъ, при сопкѣ того же имени; восточный же склонъ его заключаетъ истоки рѣки Лопчинья. Сдѣлавъ около 7 верстѣ до послѣдней сопки *Ничуръ-члхль*, линія раздѣленія водъ спускается съ хребта *Яны-квотъ-нѣръ* на западъ, по одному изъ отроговъ его, и входить поперекъ лѣсной долины, низменнымъ хребтомъ, къ другому открытому, каменистому краю *Нейлекъ-тумпъ*, совершенно параллельно означенному выше *Яны-квотъ-нѣръ*. Разстояніе между послѣдними хребтами болѣе 6 верстѣ; это поперечное лѣсное колѣно Урала отдѣляетъ сѣверную вершину рѣки Ольсъ-Манья и южный истокъ рѣки Юудынгъ-я. Первая, протекая болѣе 20 верстѣ въ южномъ направленіи, по широкой лѣсной долинѣ

между хребтами *Мань* и *Яны-квотъ-нёръ*, *Ятымаузы* и *Тоссема-Ахутасъ-нёлъ*, в увеличившись многими притоками своими, поворачиваетъ на западъ у оконечности послѣдняго хребта, и соединяется съ своими южными вершинами.

Отъ *Нейленъ-тумпъ* линия раздѣленія водъ идетъ все почти въ сѣверномъ направленіи чрезъ многосопный камень *Аккеръ-тумпъ* и хребетъ *Пурмата* къ сопкѣ *Яны-тумпъ*. На этомъ протяженіи, около 13 верстъ, ова пересѣкается дважды лѣсомъ въ долинахъ между означенными горами, и отдѣляетъ на западъ притоки рѣки *Ухьи*, рѣчки *Оугень-я* и *Саугка-я*, а на востокъ нѣсколько истоковъ рѣки *Юудынъ-я*. Послѣдняя рѣка, увеличившись многими своими истоками сѣверными и южными, и протекши верстъ 18 съ юга на сѣверъ, вдоль подошвы хребта *Яны-квотъ-нёръ*, поворачиваетъ на востокъ, прорѣзавъ глубокое ущелье между означеннымъ хребтомъ и краемъ *Пасс-нёръ*, составляющимъ какъ бы продолженіе къ сѣверу прорѣзаннаго хребта *Яны-квотъ-нёръ*.

Съ сопки *Яны-тумпъ*, линия раздѣленія водъ, измѣнивъ направленіе свое нѣсколько къ востоку, спускается въ лѣсъ и проходятъ чрезъ открытыя вершины довольно высокаго лѣснаго хребта *Сатанцы-урръ*, потомъ, слѣдуя нѣсколько понижаящимися лѣсными сопками до открытой горы *Габартне-тумпъ*, чрезъ верховья рѣкъ *Ухьи*, текущей на западъ и *Нясы-Манья* на востокъ. Пройдя болѣе 20 верстъ лѣсомъ до послѣдней горы, линия раздѣленія водъ слѣдуетъ опять хребтомъ *Габартне-урръ-урръ*, почти въ западномъ направленіи къ высокому, открытому, каменному хребту *Ганя-урръ*. На всемъ этомъ протяженіи по западному склону находятся нѣсколько вершинъ рѣки *Ухьи*; къ восточному же прилежатъ истоки рѣки *Яны-няысь-я*. Первая, соединясь многими притоками своими, стремящимися съ сѣвера и юга, течетъ почти прямо на западъ около 35 верстъ, по широкой лѣсной долинѣ мимо южныхъ оконечностей параллельныхъ хребтовъ *Габартне-тумпъ*, *Ганя-урръ* и *Хамбу-урръ*, западнѣе котораго, кажется, выходитъ изъ горъ.

Рѣка же *Яны-няысь-я*, имѣя главную вершину свою изъ хребта *Ганя-урръ*, протекаетъ болѣе 30 верстъ въ горахъ; потомъ около отдѣльной высокой сопки *Няысь-манья-льпаниъ-нёръ* соединяется съ рѣкою *Няысь-манья*.

По каменному хребту *Ганя-урръ*, и далѣе до горы *Саньки-*

чялхъ, линія раздѣленія водъ идетъ почти прямо на сѣверъ около 8 верстѣ, имѣя на восточной сторонѣ истоки рѣки Янынайсъ-я, а на западной вершины рѣки Липка-я (Ширсю-я), подъ различными именами: Кельхъ-я, Липка-я, Монивгъ-соры-я и Ганга-оуль-я. Последняя беретъ начало изъ скалистаго хребта *Гана-урръ*, и замѣчательна тѣмъ, что съ шумомъ пробирается по каменнымъ уступамъ, образуя озера въ глубокой обрывистой долинѣ своей; берега этой долины при впаденіи въ рѣку Липка-я становятся гораздо выше и ниже.

Отъ горы *Санька-чялхъ* линія раздѣленія водъ идетъ, верстѣ 6, чрезъ скалистую гору *Гомсенъ-сорынель*, къ широкому, вѣтвистому и со многими сопками хребту *Липка-урръ* отдѣляющему верховья рѣкъ Липка-я и Щугура и связывающемуся съ хребтомъ *Туяхленъ-урръ*, который составляетъ послѣ *Гомсенъ-сорынель*, продолженіе Урала.

Рѣка *Щугуръ* (Сакиуръ-я) беретъ начало изъ хребтовъ *Липкаурръ*, *Туяхленъ-урръ* и *Яруте-урръ* многими ручьями подъ различными именами, главный же истокъ ея изъ *Туяхленъ-урръ*, служащаго водораздѣломъ Щугура и рѣки Тольи, текущей на востокъ отъ этихъ рѣкъ; ихъ истоки раздѣляются низкою лѣсною сопкою, связывающею означенный хребетъ съ *Яруте-урръ*, который въ свою очередь составляетъ потомъ продолженіе Урала къ сѣверу. Почти отъ самой вершины рѣки Щугуръ принимаетъ направленіе прямо на сѣверъ, и протекаетъ болѣе 60 верстѣ по лѣсной и болотистой долинѣ, доходящей шириною до 10 верстѣ. На правой сторонѣ этой долины пролегаетъ высокій, открытый хребетъ, составляющій водораздѣлъ. Онъ идетъ въ сѣверномъ направленіи каменными сопками и скалистыми вершинами, подъ частными названіями, въ слѣдующемъ порядкѣ: *Мань-ликечъ*, *Яны-ликечъ*, *Санька-чялхъ*, *Госса-неръ*, *Состель-неръ* и *Суомьяхъ-неръ*, до 64° сѣверной широты, имѣя по западному склону своему притоки рѣки Щугура. Восточная сторона его неизвѣстна подробно, по неудобопроходимости этого протяженія Урала. По одному изъ отроговъ послѣдняго хребта, линія раздѣленія водъ удалится къ сѣверовостоку отъ меридіанальнаго направленія и проходитъ лѣсомъ чрезъ вершины рѣкъ Нангъ-соры-я (озеро Собахъ-туръ), Уолья и Туяхленъ-я; потомъ, склонивъ къ западу, пролегаетъ болѣе 25 верстѣ открытыми хребтами *Хоръ-*

жури, *Нядый-салъ-нелъ*, *Сатанци-урръ* и *Педти-урръ* до вершинъ рѣки Хардеса, отдѣляя: по западной сторонѣ истоки рѣки *Навгъ-соры-я*, по восточной—вершины рѣкъ *Турпеть-я* и *Чортани*. Отрогъ хребта *Сатанци-урръ*, скалистый кражъ *Ахутасъ-Люльис-неръ*, со многими значительными истоками, составляетъ главный верховья рѣки *Турпеть-я*.

Далѣе, ливнѣ водораздѣла идетъ верстѣ 20 довольно пологимъ и не очень высокимъ лѣснымъ хребтомъ съ нѣкоторыми открытыми вершинами, *Саука-мойка*, къ истокамъ рѣкъ *Хатемаль-я* (притокъ *Шугура*), и *Пуйвы*, текущей па востокъ. Восточный склонъ этого протяженія Урала заключаетъ болѣе 10 истоковъ рѣки Хардеса; а вдоль западнаго склона течетъ съ сѣвера на югъ р. *Хатемаль-я*; по правому берегу этой рѣки тянется къ сѣверу широкой, весьма высокой, скалистый и дикій хребетъ, который у вершинъ рѣки *Пуйвы* соединяется съ одною изъ высочайшихъ горъ *Шатмиюю*.

Отсюда ливнѣ раздѣленія водъ сѣверяѣе, идетъ описаннымъ предъ симъ скалистымъ хребтомъ, въ томъ же дикомъ и недоступномъ видѣ; чрезъ примѣчательныя горы *Ерре-урръ* и *Нерь-ойка*, до широты восточнаго отрога *Квоосмъ-неръ*, т. е. до 64½ градуса сѣверной широты. Восточный склонъ, съ огромными и не менѣе дикими и вѣтвистыми отрогами своими, заключаетъ въ ущельяхъ и въ глубокихъ долинахъ вершины рѣкъ *Яны-мудъ-гѳмсень-я*, *Мань-мудъ-гѳмсень-я* (притока рѣки *Сукеръ-я*), и главную вершину самой рѣки *Сукеръ-я*. На западномъ склонѣ Урала, говорятъ, находятся тутъ верховья рѣки *Кось-я*, впадающей въ *Уссу*. Далѣе къ сѣверу, почти до 60° сѣверной широты, до замѣчательной горы *Яруте*, какъ видно издали, Уралъ имѣетъ все тотъ же дикій, широкій и неприступный характеръ, но отсюда примѣтно уже измѣняетъ главное направленіе свое къ сѣверовостоку и становится гораздо уже и ниже.

Отъ вершинъ рѣки *Вишеры* къ сѣверу по описанному протяженію до 65° сѣверной широты, отроги Урала въ совокупности, т. е. хребты, находящіяся въ ливнѣ раздѣленія водъ, представляются весьма разнообразными, какъ по собственной высотѣ, величинѣ и виду, такъ и по расположенію ихъ между собою и относительно главнаго хребта, съ которымъ они состоятъ въ болѣе или мѣнѣе связи. Путь нашего отряда экспе-

лиція пролегалъ большею частію по самой линіи раздѣленія водъ, для лучшаго изслѣдованія направленія и составныхъ частей ея, уклоняясь отъ оной только по мѣстамъ, неудобно-проходимымъ или совершенно недоступнымъ; поэтому я имѣлъ случай сдѣлать подробную маршрутную съемку по самому Уралу, опредѣляя и описывая только тѣ посторонніе хребты, которые я могъ видѣть съ разныхъ точекъ пути, и сколько притомъ позволяли ограниченное время и средства, также и мѣстные препятствія.

Изъ западнаго склона Уральскаго хребта на означенномъ протяженіи имѣютъ начало примѣчательныя рѣки: *Вишера, Кдла, Унья, Печора, Ильць, Подчеремъ* и *Шугуръ*. Противоположно же имъ, въ восточномъ склонѣ находятся вершины рѣкъ: *Лозьвы, Сосвы* и *Сывы* или *Ляпыны*. Всѣ описанныя подъ разными именами истоки рѣкъ по линіи раздѣленія водъ суть притоки повменованныхъ здѣсь примѣчательныхъ рѣкъ, или лучше, составляютъ верховья ихъ.

Разсматривая Уральскія горы отдѣльными частями, прилежащими къ водамъ означенныхъ рѣкъ, можно удобнѣе представить ихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ казались мнѣ съ разныхъ пунктовъ наблюденія.

Западные отроги Уральскаго хребта на всемъ описанномъ протяженіи простираются гораздо далѣе по долготѣ, нежели восточные. Высокіе, параллельные къ линіи раздѣленія водъ края, нѣсколькими рядами представляются весьма сложными и скалистыми, со многими сопками и едва ли не вездѣ возвышающимися надъ вершиною главнаго хребта. Восточные отрога почти вездѣ оканчиваются крутымъ склономъ хребта, служащимъ линіею раздѣленія водъ. Если гдѣ и видны гряды значительныхъ лѣсныхъ хребтовъ съ нѣсколькими на нихъ открытыми каменными вершинами, то онѣ представляются болѣе какъ предгорія Урала; ибо раздѣляются между собою болотистыми долинами и почти непроходимыми топями, подобно всему низменному лѣсному долу, который простирается къ востоку отъ подошвы Уральскаго хребта на необозримое пространство.

У вершинъ рѣкъ Вишеры, Колвы и Кисунья (притока рѣкъ Уньи) находятся значительные края *Кдлинскій* и *Лопьинскій-калми* и сопка *Гальсори-я-чхль*, отъ которыхъ по направленію

къ сѣверу, между рѣками Уньєю и Печорою, тянутся такіе же хребты подѣ частными названіями. Къ верховьямъ рѣки Печоры прилежатъ замѣчательныя по высотѣ и виду горы: *Сьдло*, *Медвѣжьей-камень* и *Койбѣ*. Первая, состоя изъ двухъ конусообразныхъ сопокъ, образуетъ видъ сѣда, отъ чего и получила это названіе. Вторая образуетъ на хребтѣ своемъ изъ двухъ скалъ какую-то небольшую и неопредѣленную фигуру, въ видѣ двухъ зубцовъ, въ которой туземцы воображаютъ видѣ лежащаго медвѣдя. Надобно замѣтить, что слишкомъ большая фантазія нужна для того, чтобы представить себѣ очертаніе этого звѣря изъ простой и невмѣющей никакого подобія фигуры означенныхъ скалъ.

Отъ *Койбѣ* къ сѣверу, вдоль праваго берега рѣки Большой Печоры тянется высокій каменистый хребетъ *Яны-пубы-ндѣ* или *Балбано-изъ* (*), на коемъ находятся четыре высокія, острые и отдѣльныя скалы, имѣющія видѣ каменныхъ столбовъ. Западнѣе этого хребта ничего не видно; вѣроятно, еще далеко простираются разнообразныя отроги его. Отъ р. Егра-Ляги (*Ольсъ-Манья*) къ сѣверу, вверхъ по лѣвому берегу р. Илыча, идутъ хребты параллельныя водораздѣлу, начиная отъ края *Тосемъ-Ахутасъ*. Примѣчательный между ними по высотѣ в дикомъ виду есть *Хамбу-уррѣ*, или *Укьюмзъ*, сѣвернѣе р. Ухья, выходящей изъ горъ.

Далѣе же къ сѣверу, за рѣкою Липка-я (*Пирсъ-ю*) тянется непрерывная цѣпь горъ въ видѣ одного возвышающагося къ сѣверу хребта: *Тюндѣръ-уррѣ*, *Мань-Паллянгъ* и *Яны-Паллянгъ*, или *Кожимъ-изъ*, господствующая гора у верховьевъ р. Шугура. Западнѣе этой цѣпи, вѣтвистыми и длинными отрогами ея оканчиваются совершенно Уральскія горы, къ подошвѣ которыхъ примыкаетъ низменный и лѣсной доль, составляющей долину р. Илыча. На лѣвомъ берегу р. Кожима или Манзигумъ-я, между рѣками Шугуромъ и Кура-Халь-ею, находится примѣчательная сопка *Пырва*; на правомъ же берегу означенной рѣки Манзигумъ-я, высокіе края: *Лѣска-уррѣ*, *Салъ-уррѣ* и *Салъ-Сакутемъ-уррѣ*. Последний хребетъ, составляя лѣвый берегъ долины рѣки Шу-

(*) Последнее названіе Зырянское.

гура, влеть къ сѣверу, параллельно этой рѣкѣ, постепенно возвышаясь подѣ частными именами: *Хайматолоу-урръ*, *Сымпиптэ-урръ*, *Хдльмеръ-сдль-урръ* и *Муррай-члхль*, связывающей съ горою *Ндлубы-ндръ* или *Тдлпосъ-изъ*. Этотъ общій хребетъ значительно выше хребта, служащаго линіею раздѣленія водъ, въ особенности гора *Тдлпосъ-изъ*, которая господствуетъ на всемъ осмотровѣнномъ протяженіи Уральскаго хребта.

Верхняя часть горы *Тдлпосъ-изъ* состоитъ изъ двухъ параллельныхъ, острыхъ и скалистыхъ кражей, называемыхъ Остяками *Гвстѣ-ндръ* и собственно *Ндлубы-ндръ*. На верху видѣнъ снѣгъ, который, говорятъ, разстаетъ почти совершенно только въ жаркое лѣто, образуя, на верху между кражами, озеро, называемое туземцами *Ледное*, изъ котораго вытекаютъ рѣчки *Дурная-эль* и *Филипъ-эль* или *Тдлпастъ-я*, впадающія въ р. *Щугуръ* (*). Отъ горы *Тдлпосъ-изъ*, вдоль лѣваго берега р. *Щугура*, тянется огромный мягосопочный кражъ *Удйтми-ндръ*, сѣверную оконечность котораго обходитъ рѣка *Щугуръ*, измѣняя направленіе свое на западъ и выходя изъ горной долины.

Упомянутый выше хребетъ лѣваго берега долины *Щугура*, даетъ начало рѣчкамъ *Сдль-Сакутемъ-я*, *Якечь-я*, *Гайматолоу-я*, *Нерцу-я*, *Хальмеръ-Сдль-я*, *Сырту-я* и *Мурай-я*, впадающимъ въ *Щугуръ*. По вершинамъ ихъ растетъ лиственница, которая съ приближеніемъ къ *Щугуру* прекращается. Сѣвернѣе р. *Муррай-я*, ниже устья р. *Яхтель-я*, впадающей съ правой стороны, говорятъ, находится на *Щугурѣ* замѣчательный порогъ, называемый туземцами *Страшнымъ*. Самое названіе рѣчки происходитъ отъ слова *Яхтель-порогъ*. Западнѣе, у вершинъ рѣчки *Подчерема*, за описаннымъ хребтомъ *Сале-Сакутемъ-урръ* ни откуда я не могъ ничего видѣть.

На правомъ берегу *Щугура*, по притокамъ ея, рѣкамъ *Навгъ-сѣры-я* и *Хатемаль-я*, находится тоже значительное пространство лиственничнаго лѣса, который, по мѣвнью *Брайта*, годенъ для кораблестроенія.

О западныхъ отрогахъ Урала, начиная отъ выхода рѣки *Щугуры* изъ горъ и до 65° сѣверной широты, до горы *Яруте*,

(*). Названія этихъ рѣчекъ *Зырянскія*; Остяки же называютъ: первую *Нѣрцу-я*, вторую—*Эю-сепалъ-я*.

и не могу ничего утвердительно сказать, ибо они заслоняются высокимъ хребтомъ, составляющимъ на этомъ протяженіи линію раздѣленія водъ.

Въ заключеніе нужно замѣтить, что Уральскія горы отъ вершинъ рѣки Печоры къ сѣверу понижаются до истоковъ Щугура, даѣе же опять начинаютъ постепенно возвышаться до горы *Телпосъ-мзъ*, въ которой достигаютъ наибольшей высоты.

Путь нашего отряда, подъ начальствомъ маіора Стражевскаго, лѣтомъ 1847 года пролегалъ въ Уральскихъ горахъ большею частію по самой линіи раздѣленія водъ; мѣстами онъ былъ весьма затруднителенъ, потому что нужно было проходить каменными розсыпями и подниматься на крутые склоны высокихъ хребтовъ. Мѣстами мы слѣдовали дикою чащею лѣса, гдѣ, прорубая себѣ дорогу или разчищая прогалны, двигались довольно медленно. Иногда болотистыя долины, глубокіе и быстрые притоки рѣкъ, заставляли насъ съ большою трудностію отыскивать переходы чрезъ нихъ. Не касаясь трудностей и лишеній, которымъ естественно подвергается каждый путешественникъ въ странѣ горной и необитаемой, нельзя, однакожъ, для болѣе удовлетворительнаго понятія о странѣ Уральской, не упомянуть о мѣстныхъ неудобствахъ и затрудненіяхъ, которыя исключительно ей одной свойственны. Сильные дожди въ горахъ, порывистые вѣтры, холодные и густыя пары, и вообще всѣ быстрыя перемѣны и непостоянства погоды суроваго климата, дѣйствуютъ здѣсь весьма ощутительно, въ особенности когда застигаютъ неожиданно. Кромѣ того, здѣсь безпокоитъ невѣроятное множество комаровъ столь мучительно, что превосходить всѣ трудности и лишенія. Нельзя представить себѣ, кто самъ не испыталъ свирѣпости этихъ насѣкомыхъ, отъ которыхъ, къ несчастію, нѣтъ средства защищаться. Благодаря обстоятельствамъ, въ теченіе всего времени странствованія нашего въ горахъ мы пользовались довольно благоприятною погодой. Хотя въ полдень жары и превышали иногда +20 Реомюра, во по ночамъ почти всегда термометръ показывалъ +1 или 0.—Августа 4-го видно было издали, что высокий и открытый кражъ *Хдмбу-урръ* покрылся уже прихвѣтымъ слоемъ снѣга.

Послѣ нѣсколькихъ сильно вѣстныхъ дней, напомнившихъ

намъ пустынное отдаленіе отъ всякаго жилья, в распоряженіи жаріе чувствовать и цѣнить пріятность удобной городской жизни, мы вознаграждались иногда своего рода удовольствіемъ, любясь прекрасными, дикими, но величественными горными ландшафтами. Не могу не упомянуть о нѣкоторыхъ живописныхъ мѣстахъ, изображеніе которыхъ достойно хорошей кисти, а не робкаго и неопытнаго пера.

Особенно очаровательна мѣстность у верховьевъ р. Уньи. Представьте себѣ долину версты въ двѣ шириною, окруженную съ трехъ сторонъ высокими, открытыми и чудно обрисованными хребтами. Изъ крутыхъ свѣжыхъ долинъ сѣвернаго скалистаго края падаетъ нѣсколько потоковъ, которые, слившись вѣдетъ, образуютъ рѣку. Съ шумомъ пробивается она по узкому и обрывистому ложу своему, между каменными обломками крутой стѣны, замыкающей долину, и окаймивъ ее голубою лентою своихъ водъ, окрывается въ чащѣ лѣса. По лѣвому отлогому берегу рѣки бѣжитъ длинный пластъ снѣга, а далѣе разстилается зеленый лугъ у подножія скалъ, въ видѣ ступеней и пирамид довольно высокихъ, рядъ которыхъ тянется параллельно рѣкѣ. На западномъ краю сначала стелется мелкій кустарникъ, потомъ видѣются группы низкихъ деревьевъ и наконецъ поворота заключается опушкою густаго дремучаго лѣса. Этотъ рѣзкій переходъ отъ бѣлаго снѣга къ мягкой зелени и къ голымъ дикимъ утесамъ сообщаетъ особенную прелесть картинѣ. Еще болѣе красоты придавало ей присутствіе нашего лагеря, оживлявшаго эту пустыню. Кое-какъ разбитыя нами палатки, нарты разставленныя въ разныхъ мѣстахъ, стада пасущихся оленей и наконецъ дымящіяся костры и суеящіяся вокругъ нихъ люди, различныя и по своимъ нарядамъ и по физиогноміямъ,—это невольно останавливало взоръ и оставляло въ душѣ какое-то пріятное впечатлѣніе.

Не менѣе замѣчательно, по красотѣ своей, мѣстоположеніе въ окрестностяхъ верховьевъ р. Малой Печоры, украшенное видомъ на поднимающуюся въ отдаленіи гору *Койбиъ*. Кромѣ того почти съ каждой высокой горы открывался взорамъ новый разнообразный горный ландшафтъ.—Здѣсь представлялось попеременно то удивительно дикосложенныя груды каменныхъ розсыпей, на которыя можетъ-быть не ступала еще нога человѣка, то покрытыя разными родами мховъ высокія

массы скалъ, въ разсѣлинахъ которыхъ растутъ кой-какіе дикіе кусты. Къ сожалѣнію, здѣсь все имѣетъ мертвый и неподвижный видъ, и эта мертвенность только изрѣдка нарушается завываніемъ вѣтровъ, какъ бы свлзшихся поворотъ спокойную стойкость каменныхъ великановъ, или пронзительнымъ и жалобнымъ крикомъ парящихъ надъ головою орловъ, которые какъ бы обнаруживаютъ этимъ свое опасеніе за цѣлость гнѣзда съ приближеніемъ смѣлаго путника, дерзнушаго подняться къ недоступнымъ вершинамъ. Отсюда вѣковые лѣса, растущіе у подножія, кажутся слившимися въ одну черную массу, а рѣка узкою чертой. Края горизонта во всѣ стороны окаймляются видами отдаленныхъ возвышенностей и многослопныхъ кражей. Но вотъ погода начинаетъ нахмуриваться: до слуха доходитъ глухой шумъ лѣсовъ долины, волнуемыхъ вѣтромъ, раздается свистъ нагорнаго вѣтра и облака быстро несутся черезъ горы; здѣсь, задерживаемыя высотой, они спускаются въ черныя тучи и, обхвативъ вершины сопокъ, разражаются ослѣпительною молніею, ударяющею въ ихъ сѣрое, вѣковое тѣло. Проливной дождь и оглушительные раскаты грома заставляютъ скорѣе спускаться сверху и укрываться подъ навѣсы каменныхъ утесовъ. Мы любовались подобною величественно-ужасною и прекрасною картиною съ горы *Пыры* при р. *Шугурѣ* и, не смотря на всѣ лишенія страннической нашей жизни, находили въ созерцаніи природы пріятное удовольствіе.

Самая замѣчательная, по высотѣ и дикому виду, есть гора *Нѣпубы-неръ* или *Телпосъ-изъ*. Она окружена группою сопокъ, отвѣсныхъ скалъ и каменныхъ розсыпей; вершины ея состоятъ изъ двухъ параллельныхъ кражей, поднимающихся скалистыми зубцами, и, по дикому обрывистому виду, кажутся мало доступными. Туземцы, Остяки и Зыряне увѣрили насъ, что на эту гору никто не смѣетъ взобраться; что встарину были будто смѣльчаки, увлеченные любопытствомъ, но оттуда никогда уже не возвращались. Они считаютъ мѣсто это обиталищемъ нечистаго духа. Смѣясь грубому предрасудку суевѣрныхъ туземцевъ, мы имѣли намѣреніе отправиться на эту гору, какіе бы мѣстные труды не предстояли; но наступившій Сентябрь мѣсяць съ раннею осенью не позволилъ тратить 1½ сутокъ на подобныя предпріятія любопытства, тѣмъ болѣе, что полковнику Гошману предстоялъ еще путь къ сѣверу на

поградуса широты; къ тому же сухари и прочіе припасы наши уже всё почти истощались.

Высокіе и почти недоступные края и сопки называются у туземцевъ *Яльпиниъ-неръ*, что значать въ переводѣ по-Остяцки: недоступный, проклятый-камень или шайтанскій. Одинъ изъ таковыхъ находится на Уралѣ, южнѣе вершины р. Вишеры; другой, отдѣльный хребетъ на восточной сторонѣ Урала у верховьевъ рѣки Щугура: *Госса-Яльпиниъ-неръ*; и третій, у впаденія рѣки Няись-мань-я въ Яны-няись-я. Неудивительно, что самый недоступный видъ подобныхъ горъ внушаетъ уже суевѣрнымъ туземцамъ разные предразсудки; къ тому же любопытство не управляетъ ими въ той степени, чтобы они могли повѣрить неаѣное преданіе, тѣмъ болѣе, что и самый промыселъ не влечетъ ихъ на эти любопытныя высоты.

Оленеводство, составляя главное богатство кочующихъ племенъ сѣвера, дѣлаетъ въ лѣтнее время дикій Уральскій хребетъ нѣкоторымъ образомъ обитаемымъ. Въ горахъ, сѣвернѣе 60° широты, встрѣчаются мѣстами кочевья Вогуловъ, Остяковъ и на самомъ сѣверѣ Самоѣдовъ, съ довольно многочисленными стадами оленей.

Вогулы Чермынскаго уѣзда, обитатели рѣкъ Конды, Туры и Тавды, такъ же и Остяки Ляпинской и Сосвинской волостей Березовскаго округа, общіе по языку съ первыми и называющіе себя общимъ именемъ *Манзси*, имѣютъ кочевья свои въ Уральскихъ горахъ только до вершинъ рѣки Сыгвы, т. е. 65½ градуса широты. Сѣвернѣе же этого мѣста по Уралу кочуютъ Обскіе Остяки, какъ съ собственными, такъ и принадлежащими Березовскимъ и Обдорскимъ жителямъ оленями. Зимнія жилища этихъ Остяковъ находятся на рѣкѣ Оби и разбѣяны въ лѣсахъ по протокамъ и побочнымъ рѣкамъ ея; простираясь къ сѣверу внизъ по означенной рѣкѣ за Обдорскъ до Обской губы, примыкаютъ къ району совершенно-скитающихся Самоѣдовъ. Эти полудикіе обитатели сѣвера, Вогулы и Остяки, имѣя зимою постоянныя жилища при извѣстныхъ рѣкахъ, какъ сказано выше, не всё занимаютъ оленеводствомъ подобно Самоѣдамъ, всегдашнимъ скитальцамъ сѣверныхъ пустынь; но многіе изъ нихъ снискиваютъ себѣ пропитаніе преимущественно звѣринными и рыбными промыслами и птицеловствомъ. Различалась меж-

ду собою языкомъ и одеждою, сходствуютъ болѣе или менѣе тѣлосложеніемъ, умственными способностями, нравами, обычаями и проч., смотря по тому, въ большемъ или меньшемъ сношеніи находятся они съ Русскими.

На осмотрѣнномъ нашимъ отрядомъ протяженіи Уральскаго хребта и по рѣкамъ восточнаго склона его, преимущественно кочуюгъ Остяки. Они раздѣляются на разные поколѣнія, которыя различаются между собою по языку. Это раздѣленіе по языку увеличивается по мѣрѣ разстоянія между ними, и отдаленныя племена вовсе не понижаютъ другъ друга.

Жилища. Переносное жилище ивородцевъ (*) *чумъ*, по удобству и несложному устройству овоему, очень хорошо защищаетъ обитателей сѣвера отъ сильныхъ дождей, шкелей и другихъ, свойственныхъ суровому климату, переменъ погоды. Въ этомъ устройствѣ, кажется, никакого улучшенія придумать нельзя сообразно обстоятельствамъ жизни и средствамъ, какими сама природа надѣлила этихъ скитальцевъ. Чумъ составляется такимъ образомъ: нѣсколько длинныхъ жердей вбиваются нижними концами въ землю, въ довольно близкомъ разстояніи одна отъ другой, и образуютъ круглое основаніе; потомъ двѣ жерди изъ вбитыхъ перевязываются вмѣстѣ, а верхушки остальныхъ перекладываются крестообразно между связанными концами ихъ.

Лѣтомъ этотъ конусообразный шатеръ кроется сверху сшитой берестою, а наверху оставляется отверстіе для дыма; зимою же жерди, обкладываются сшитыми вмѣстѣ оленьими шкурами: одна покрывка шерстью внизъ, другая же вверхъ шерстью. Боковое отверстіе, съ прикрепленною берестою, или зимою оленью шкурою, оставляется въ родѣ дверей, всегда полъ вѣтромъ. Основаніе чума извнѣ обкладывается землею и мхомъ, зимою снѣгомъ. Внутри, по сторонамъ чума на землѣ стелются ковры, сплетенные изъ прутьевъ, сверхъ которыхъ уже накладываются оленьи шкуры. Посреди чума подъ верхнимъ отверстіемъ, оставленнымъ для дыма, разводится почти неугасающій огонь; надъ огнемъ вѣсится на крюкъ

(*) Ивородцами называются тѣ изъ Сибирскихъ племенъ, которые платятъ государственную подать ясакѣмъ, и извѣстны подъ именемъ *ясачныхъ*.

устрѣленный въ перекладниѣ котель, составляющій единственную ихъ кухонную утварь. Прямо противъ дверей складываются съѣстные припасы и вся домашняя утварь.

Вокругъ чума стоятъ нарты (*), съ увязаннымъ на нихъ имуществомъ, мѣняе нужнымъ подъ руками. Такой чумъ раскидывается не болѣе какъ въ полчаса, и эта работа, разумѣется, относится къ прямой обязанности женщины, равно какъ и всѣ совершенно домашнія работы, къ которымъ Остакъ и руки не приложить. Во всякомъ чумѣ является та же нечистота и неопрятность въ высшей степени; всѣ они совершенно похожи одинъ на другой, какъ у бѣднаго, такъ и у богатаго: вездѣ увидите въ дыму немывыя, нечесаныя и закопчѣлыя лица, сидящія поджавши ноги вокругъ огня, безмысленно поглядывая и поплеывая на огонь и несвязно и отрывисто разговаривая. Тутъ же съ визгомъ и крикомъ гнѣются голыя ребятки и грязныя собаки, всѣ вмѣстѣ.

Женщины молча занимаются работами, суша оленьи жилки для нитокъ, чиня одежду или растирая и выправляя зубами высушенную обувь мужчинъ и пр.; онѣ сидятъ обыкновенно поотдаля и, смотря по присутствію здѣсь родственниковъ, съ закрытымъ или открытымъ лицомъ, и сообразно этому обернувшись спиною къ огню или нѣтъ. Вотъ родственныя отношенія, вслѣдствіе которыхъ лишаются онѣ навсегда свѣта и теплоты въ чумѣ. У Остяковъ искони ведется обычай, что жена младшаго брата никогда не должна показывать лица старшему брату, точно такъ же, какъ и внучка дѣду своему; этотъ обычай, равно какъ и другія тому подобныя причуды, строго соблюдается ими. Пребываніе въ чумѣ несносно отъ нестерпимаго дыма и духоты; грустно смотрѣть на эту жалкую и вмѣстѣ съ тѣмъ отвратительную картину грязнаго быта; нечистота и неопрятность выгоняютъ изъ него, если только позволяет погода. Впослѣдствіи же свыкаешься съ этимъ образомъ жизни, дѣлаешься равнодушнымъ къ неопрятности и даже съ нѣкоторою пріятностію скрываешься въ чумѣ отъ непогоды.

Одежда. Вся одежда и обувь Остяковъ состоитъ изъ олень-

(*). Легкія сани, употребляемыя инородцами лѣтомъ и зимою для ѣзды на оленяхъ.

ихъ шкуръ, подобно всѣмъ полуавскимъ обитателямъ Сибиря только съ нѣкоторыми отступленіями въ украшеніяхъ, смотря по тому, болѣе или менѣе они находятся въ сообщеніяхъ съ Русскими.

Малаца, главное платье ихъ, лѣтомъ и зимою, шьется изъ оленьей шкуры, прямого покроя въ видѣ мѣшка, длиною по колѣно, съ рукавами и пришитыми къ нимъ рукавицами и съ отверстіемъ для головы. Снизу на ней дѣлается опушка изъ собачьяго, волчьаго или другаго мѣха. Надѣваютъ ее прямо чрезъ голову шерстью къ тѣлу.

Короткія замшевыя брочки, съ такими же чулками выше колѣна, вытѣянными въ ступнѣ родъ башмаковъ изъ твердыхъ частей оленьей шкуры, составляютъ всю нижнюю одежду и обувь ихъ лѣтомъ.

Малаца подпоясывается довольно низко *пряжкой*, широкимъ коженнымъ кушакомъ съ огромною пряжкой, сдѣланною изъ мѣда или изъ оленьаго рога. Къ этому поясу, узланному мѣдными пуговицами, какъ чешуями, привѣшивается съ боку ножъ въ коженномъ или деревянномъ чехлѣ и сумочка съ кремнемъ и огнемъ.

Голову почти круглый годъ не закрываютъ; волосы, въ родѣ косы, обматываютъ красною шерстяною тесьмой; женщины привѣшиваютъ къ нимъ еще колокольчики и побракушки.

Бѣлье у нихъ въ маломъ употребленіи, и то только у тѣхъ Остановъ, которые живутъ въ Русскихъ селеніяхъ, или находятся въ частыхъ сообщеніяхъ съ ними. У сихъ послѣднихъ употребляются вмѣсто малацъ рубахи Русскаго покроя, съ воротниками и нарукавниками, равно и коймою на груди и снизу, изъ толстаго цвѣтнаго сукна. Иногда же къ рубашкамъ придѣлываются твердые откладные воротники, странно вышитые изъ олова и узланые цвѣтными бусами и прочими прикрасами въ ихъ вкусѣ. Изъ этихъ украшеній рубахи уже можно заключить, что она у нихъ употребляется не какъ бѣлье, а въ родѣ шегольскаго верхней лѣтней одежды, которую она изнашиваютъ до самаго вѣлья, не мѣня и не чиня ее, покуда совершенно съ плечъ не свалится. Для предохраненія же мадицы отъ дождя, надѣвается сверху, въ случаѣ надобности, *мусь*, изъ толстой сермаги—такой же широкой мѣшокъ съ рукавами и каншономъ для покрыванія головы.

Единственная одежда женщинъ состоитъ изъ оленьей шубы шерстью вверхъ, наподобіе копита съ частыми завязками впереди, украшенная у нѣкоторыхъ кисточками и побрякушками. Снизу эта шуба подбивается песцовымъ, заячьимъ, или бѣличьимъ мѣхомъ, смотря по состоянію; надѣвается прямо на тѣло. Обувь такая же, какъ у мужчинъ. Бѣлье у нихъ еще въ меньшемъ употребленіи. Живущіе же постоянно при рѣкахъ, въ особенности близъ Русскихъ селеній, носятъ дома длинныя сорочки изъ толстаго крапивнаго холста, вышитыя снизу суковными и другими узорами. Голову Остяки покрываютъ широкимъ цвѣтнымъ платкомъ съ длинными витявыми бахрамами, закрывая имъ почти все лицо.

Къ описанному роду одежды нужно прибавить, что она не снимается и не переменяется у нихъ до самаго извоза. Отъ такой неопрятности и нечистоты почти всѣ онѣ бываютъ въ чесоткѣ.

Зимою какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, обувь состоитъ изъ длинныхъ чулковъ, сшитыхъ изъ молодыхъ оленьихъ шкуръ шерстью къ тѣлу, называемыхъ *чижами*. Сверхъ этихъ надѣваются *пимы*, другіе, пестрые и узорчатые чулки, сдѣланные изъ черныхъ и бѣлыхъ оленьихъ ногъ. Эта обувь защищаетъ ихъ отъ самыхъ лютыхъ морозовъ.

Кромѣ того мужчины надѣваютъ сверхъ малицы другую такую же оленью шубу, только подлиннѣе и шерстью вверхъ, называемую *паркою* или *тусемъ*, смотря по тому, изъ молодыхъ ли шкуръ или старыхъ оленей она сдѣлана. *Парка* легка и узорчата, *тусь* же изъ толстыхъ длинношерстныхъ шкуръ, проченъ и хорошо защищаетъ тѣло отъ сильнѣйшихъ морозовъ и мятелей, свойственныхъ только суровому сѣверу.

Кромѣ описанной одежды, нѣкоторые въ домашнемъ быту носятъ изъ выдѣланныхъ оленьихъ шкуръ или другихъ мѣховъ шубы, въ родѣ халата, съ откладнымъ воротникомъ и шерстью вверхъ, называемыя *ла*.

Однимъ словомъ, одежда инородцевъ, хотя очень бѣдна, но вообще весьма удобна покроемъ своимъ, легка и вполне соответствуетъ ихъ климату и образу жизни; къ тому же прочная и недорогая, она шьется нитками изъ оленьихъ жилъ.

Пища. Остякамъ, занимающимся оленеводствомъ, главною пищею служатъ оленина валяная, вареная и сырая; въ послѣднемъ

видѣ она употребляется болѣе всего и составляетъ нѣкоторымъ образомъ ихъ лакомство. Время, когда бьютъ оленя, составляетъ въ семействѣ Остяка праздникъ и возбуждаетъ особенное удовольствіе во всѣхъ членахъ. Тутъ въ самомъ дѣлѣ открывается кровавое пиршество. Вокругъ оленя, заколотога такъ, что вся кровь остается въ его внутренности, ободраннаго и вскрытаго, толпится все семейство, старій и малій; съ ножами въ рукахъ, всѣ съ жадностію вырѣзываютъ и ѣдятъ теплое мясо, обмакивая обыкновенно въ дымящуюся кровь, или запивая ею. Нужно притомъ удивляться, съ какимъ непостижимымъ искусствомъ они отрѣзываютъ ножомъ около самаго своего рта вверхъ къ носу куски мяса, захваченнаго зубами, и такъ бойко и ловко, что со стороны кажется непремѣнно задѣнетъ за носъ. Мясо глотаютъ они кусками почти не жевавши, и трудно представить себѣ, сколько каждый изъ нихъ можетъ съѣсть его.

Послѣ такого пира мужичинъ, приступаютъ къ уборкѣ оставшагося мяса женщины. Онѣ вытягиваютъ зубами жилки, и вмѣстѣ съ тѣмъ ѣдятъ въ свою очередь. Когда ѣдятъ мужичины, тогда онѣ почти ничего не смѣютъ трогать; въ особенности, если есть тутъ гости, болѣе или менѣе почетные, которымъ предоставляется все лакомое.

Ребятишки, перемаранные совершенно въ кровь, долго остаются на мѣстѣ глотать кости и играть ими. Вообще всѣ они не любятъ мыться послѣ кровавой трапезы, покуда, временемъ, запекая на лицѣ и рукахъ кровь не сотрется сама или не смоеся дождемъ.

Тѣ же Остяки, которые исключительно занимаются рыбными промыслами лѣтомъ, и живущіе постоянно при рѣкахъ, употребляютъ въ пищу рыбу сушеную, вареную, сырую, и нерѣдко протухлую предпочитаютъ даже сырой. Оленина же сырая считается у нихъ лучшею пищею, и употребляется въ особенныхъ празднествахъ.

Кромѣ того, всѣ они ѣдятъ сырую и вареную дичь, ягоды и проч., включая только грибовъ, которыхъ не только не употребляютъ въ пищу, но даже съ удивленіемъ смотрятъ на Русскихъ, какъ они могутъ ѣсть ихъ: обстоятельство, впрочемъ довольно странное, что они не познакомились съ нѣкоторою питательностію грибовъ, употребляя все безъ исключенія въ пищу.

Хлѣбъ Остяки употребляютъ въ небольшомъ количествѣ, и болѣе муки, изъ которой варятъ густую похлебку, называемую *салмыл*, заправляемую оленьюю кровью или рыбнымъ жиромъ. Варятъ также похлебку изъ сырой рыбы безъ муки; кромѣ того, пекутъ около огня тонкія лепешки изъ ржаной муки или изъ рыбьей мякоти, обращенной въ муку.

Всѣ они очень любятъ лакомства; нѣкоторые богатые пьютъ иногда чай, вмѣстѣ погребцы съ необходимыми приборомъ. Всѣ страстно предавы горячимъ напиткамъ,—слабость, которая нерѣдко вводитъ въ нищету и раззоряетъ и породцевъ. Если Остяка подпоять, то онъ по страсти къ напитку дѣлается весьма уступчивъ и, чтобы удовлетворить ей, готовъ за лишній стаканъ водки отдать лучшаго соболя. Поэтому они вообще весьма недовѣрчивы, боятся людей незнакомыхъ, которые могли бы воспользоваться ихъ слабостію, и сбываютъ добычу своихъ промысловъ преимущественно купцамъ знакомымъ, пріобрѣтшимъ ихъ довѣренность, хотя нѣкоторые изъ нихъ не совсѣмъ добросовѣстно пользуются ихъ простотою.

Табакъ они мало курятъ, но почти всѣ, не исключая и большей части женщинъ; кладутъ тертый табакъ за нижнюю губу въ большомъ количествѣ и также сильно нюхаютъ его. А что всего гнуснѣе: они безъ всякаго отвращенія дѣлаютъ падалъ, не смотря на запрещеніе Православнаго духовенства, всегда отговариваясь тѣмъ, что не все ли равно, какимъ образомъ убить скотъ.

Оленеводство. Кочеваніе Остяковъ постоянно при извѣстныхъ рѣкахъ для рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ и значительное отдаленіе мѣстъ, удобныхъ для пастбищъ, не представляютъ возможности всѣмъ имъ заниматься оленеводствомъ, которое составляетъ главное и даже единственное средство жизни другихъ кочевыхъ племенъ сѣверной Сибири. Поэтому въ этой отрасли промышленности Остяки далеко уступаютъ богатымъ оленеводамъ Зырянскимъ и даже сѣвернымъ Самоѣдамъ, хотя и встрѣчаются между Остяками нѣкоторые богачи, имѣющіе отъ 500 до 5000 оленей, но всокупности стада ихъ, въ томъ числѣ и принадлежащія Русскимъ промышленникамъ Березовскаго округа, едва ли превышаютъ 50,000 головъ; изъ этого числа до 20,000 истреблено повальной язвою, свирѣпствовавшей лѣтомъ 1848 года на Уралѣ. Эта язва раззорила благосостояніе многихъ ту-

земцевъ и едва ли они скоро опять поправятся. Собственного оленеводства Остяковъ недостаточно даже для одежды, которою отчасти снабжаютъ ихъ Зыряне и Самоѣды; они считаютъ ее лучшею потому, что сами Остяки мало занимаютъ ся шитьемъ и не такъ искусны.

Нужно замѣтить, что оленеводство для инородцевъ не сопряжено ни съ какими особенными трудами и заботами: олень, благородное и полезнѣйшее животное, составляя все богатство полудикаго обитателя сѣвера, служить во всемъ хозяину своему; не требуя притомъ никакого о себѣ попеченія. Лѣтомъ и зимою овъ употребляется для трудныхъ и нерѣдко отдаленныхъ поѣздокъ; на немъ гоняется за звѣремъ туземецъ; въ послѣдствіи мясо его служитъ пищею; изъ шкуры его готовится одежда, жилище и другіе предметы. Былъ бы только въ мѣстахъ пастбищъ бѣлый мохъ, составляющій главную пищу оленя, и болѣе ничего ему не нужно. Немалога удивленія достойно и то, что стадо оленей, свыше 2000 головъ, не требуетъ большаго присмотра за собою ни днемъ ни ночью, ни въ хорошую ни въ дурную погоду. При нихъ обыкновенно находятся одинъ, а много два человѣка сторожей и пять, шесть маленькхъ собакъ; стадо же, менѣе 1000, днемъ почти всегда оставляется безъ пастуха при однѣхъ только собакахъ.

Олени одарены быстрымъ бѣгомъ, большими и вѣтвистыми рогами, широкими копытами, которыми крѣпко могутъ легаться; они довольно пугливы въ дикомъ состояніи и не подпускаютъ къ себѣ человѣка. Ручные олени чрезвычайно смиренны и послушны и, не смотря на количество ихъ, человѣкъ можетъ дѣлать съ ними что хочетъ. Они даже боятся и повинуются нѣсколькимъ маленькимъ повятливымъ собакамъ, которыя, по знаку пастуха, съ удивительнымъ инстинктомъ собираютъ, лаемъ и тьяканьемъ, все стадо и, бѣгал полукругомъ, загоняютъ его къ чуму. Въ случаѣ надобности выбирать оленей для упряжи или другой цѣли, нѣсколько человѣкъ окружаютъ стадо тонкою веревкою, чрезъ которую уже ни одинъ олень не покусится перескочить. На рога оленей, непопавшихся въ кругъ, но предназначенныхъ въ упряжь, Остякъ накидываетъ органъ мѣткою рукою и даже на всемъ ихъ бѣгу рѣдко дѣлаетъ промахъ.

Чумовище свое, мѣсто кочевья, Остяки перемѣняютъ доволь-

но часто, смотря по тому, когда въ окрестностях окажется недостатокъ въ мхѣ, нужномъ для пастбища оленей. Признакомъ этого недостатка служитъ слишкомъ большое удаленіе стада отъ чума. Тогда разбираютъ чумъ, связываютъ все пожитки свои на нарты, запряженные по 2, 3 и 4 оленя, смотря по тяжести, и все семейство тянется потомъ длиннымъ караваномъ по горамъ, голымъ камнямъ, по чащѣ лѣса, находя вездѣ себѣ проѣздъ, чему способствуютъ чудное устройство легкихъ нарть и ловкая упряжь оленей. Мѣста пастбищъ выбираются преимущественно при истокахъ рѣкъ, гдѣ находятся большіе пласты нераставающаго лѣтомъ снѣга; тамъ олени могутъ находить себѣ прохладу въ жары, въ особенности въ комарное время.

Промыслы. Независимо отъ оленеводства, въ зимнее время звѣриная ловля составляетъ главный и общій промыселъ для всехъ инородцевъ безъ исключенія; лѣтомъ же большая часть изъ нихъ занимается рыбными промыслами и птицеловствомъ. Не имѣя возможности исчислить множество разнаго рода звѣрей и птицъ, водящихся въ сѣверной Сибири, и рыбъ, которыми весьма обильны рѣки ея, упомяну здѣсь только о главныхъ орудіяхъ и снарядахъ, употребляемыхъ на этихъ промыслахъ Остяками.

Звѣрей ловятъ капканами, западнями (слапцы), отравою, самострѣлами (*), огнестрѣльнымъ оружіемъ, метаніемъ изъ лука (смотря по звѣрю), разными стрѣлами (**); не рѣдко также бьютъ двихъ оленей и волковъ рогатинами, гоняясь за ними на легкихъ нартахъ, запряженныхъ оленями. Иногда и на медвѣдя идутъ, вооруженные рогатинами же.

Птицеловство производится силками, перевѣсомъ (***), слапцами, стрѣлліемъ изъ ружей, метаніемъ изъ лука и нѣкоторыми другими способами.

Для рыбной ловли употребляются сѣти, невода, морды (изъ

(*) Родъ большого лука, настороженнаго въ лѣсу на замѣченномъ слѣдѣ звѣря; стрѣльба изъ лука значительно сильнѣе ручнаго.

(**) Напримѣръ: для бѣлки употребляется стрѣла съ шарообразнымъ чакочвикомъ; понадаютъ имъ въ голову, чтобы не портить шкуры.

(***) См. въ концѣ описанія рѣки Сосвы, ловля птицъ перевѣсомъ.

прутьевъ), остроги и другіе способы. Для ловли обыкновенно загораживаются протоки и въ нихъ устанавливаются разные снаряды. Лѣтомъ Остяки рыболовы съ цѣлыми семействами переходятъ изъ зимнихъ юртъ къ значительнымъ рѣкамъ, гдѣ, на удобныхъ для промысла мѣстахъ, разбиваютъ себѣ временныя берестовыя шалаши, въ которыхъ живутъ, какъ олениводы въ чумахъ. Добываемую рыбу они вялятъ на солнцѣ, сушатъ и солятъ.

Наружный видъ и умственныя способности. Остяки роста средняго, худощавы, довольно нескладны, вялы и неповоротливы; цвѣтъ лица желтоблѣдный, при маленькыхъ черныхъ глазахъ, широкому носу и посредственномъ рту; волосы болѣею частью черныя; бородъ не имѣютъ; если же у кого и начинаетъ пробиваться волосъ, то его сейчасъ выщипываютъ или стригутъ; наружность ихъ вообще очень старообразна; вѣроятно, суровый климатъ, дикій образъ жизни, труды, нужда и лишения имѣютъ на то вліяніе. Нерѣдко встрѣчаются лица, обезображеныя слѣдами губительной сифилитической заразы.

Кромѣ болѣзней, свойственныхъ климату и образу жизни, у Остяковъ природная оспа производитъ опустошительныя дѣйствія, не смотря ни на какія врачебныя пособія, даже прививаніе коровьей оспы.

Лѣтность и беспечность—болѣе или менѣе общая черта Остяковъ и главная причина ихъ бѣдности. Хотя они не лишены умственныхъ способностей, которыя развиты только соответственно физическимъ потребностямъ жизни; но многіе изъ нихъ очень безтолковы. О лѣтахъ своихъ, можно сказать, никто не знаетъ изъ нихъ: прибавляютъ себѣ ихъ больше, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ имѣютъ. Шестидесятилѣтній *ойка* (старикъ почтенный), вѣрно скажетъ, что ему *«надо быть уже есть 100 лѣтъ»*. Да самыя понятія ихъ въ лѣтосчисленіи весьма ограпичены и едва переходятъ за десятокъ лѣтъ, впрочемъ они почитаютъ даже лишнимъ знать это. Раздѣленіе временъ года основано у нихъ на звѣриной и рыбной ловлѣ, на перелетѣ птицъ и проч.; мѣсяцы считаютъ по луннымъ теченіямъ и новый годъ начинаютъ съ послѣдней половины Октября мѣсяца.

Почти каждый изъ нихъ имѣетъ по два имени: одно Остяцкое, выражающее какое нибудь событіе, обстоятельство, вещь и проч., случившееся при рожденіи его; наиримѣръ: *Мань-пырьс*

моленскій мальчикъ), *хайдыэ* (дикій), *лаача* (утка), *лакуръ* (неровная земля) и т. п.; другое же православное имя, и почти всегда въ уменьшительномъ видѣ: *Сенька*, *Васька* и проч. Прозваній же своихъ большая часть не можетъ упомянуть: отъ того при сборѣ ясака встрѣчаются большія затрудненія. Обыкновенно при этомъ нѣкоторые Остяки, на вопросъ чиновника о прозваніи, отвѣчаютъ сердито: «*что ты у меня спрашиваешь? развѣ самъ не знаешь? посмотри въ книжъ, тамъ найдешь!*» Поэтому и прозванія свои они называютъ *лѣпокъ-неме*, что значатъ въ переводѣ бумажное имя.

О нравахъ, обычаяхъ и религіи. Остяки нрава тихаго, скромны, молчаливы и хладнокровны; отличительная черта ихъ честность, дружелюбіе и гостепріимство. Ревность, свойственная всѣмъ восточнымъ народамъ, не сопровождается у нихъ сильнымъ мщеніемъ, особенною враждою или злопамятствомъ; съ женами же своими обходятся сурово, поварварски, какъ съ невольницами; женщины вообще у нихъ въ большомъ пренебреженіи и даже не считаются въ числѣ людей. Только въ пьяномъ видѣ Остяки затѣваютъ большую частію между собою ссоры, которыя оканчиваются нерѣдко дракою; пьянство есть общій и самый величайшій ихъ порокъ.

Большая часть изъ крещенныхъ Остяковъ, исповѣдая Православную религію только по наружности, предается грубому идолопоклонству, отправляя въ сокровенной глуши лѣсовъ и на высяхъ горъ жертвоприношенія своимъ кумирамъ.

Свѣтъ Христіанскаго ученія проникнулъ въ Березовскій край еще въ царствованіе Царя Михайла Теодоровича; но большая часть Остяковъ обращена въ Христіанство около 1714 года Пресвященнымъ Филовеемъ, Митрополитомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ.

Ограничившись этимъ краткимъ очеркомъ быта туземцевъ, кочующихъ на осмотрѣнномъ протяженіи Урала, я перехожу къ описанію рѣки Вишеры, святой мною на пути къ Уральскимъ горамъ.

Рѣка *Вишера* (Пассеръ-я по-Вогульски), имѣя начало изъ западнаго склона Уральскаго хребта, изъ горы *Поримонитъ-урръ*, какъ описано выше, течетъ первоначально въ южномъ и юго-западномъ направленіяхъ малыми извилинами, оглябая мысы отроговъ *Няты-Крѣхте-Гдсса-нелъ*, *Мѣннитъ-тумпъ* и *Мѣнски-*

суль-нелъ, и, увеличившись на этомъ протяженіи многими шпротками своими, идетъ по глубокой горной долинь, между послѣдними замѣчательными и скалистыми горами, около 15 верстъ, до устья рѣки *Лопы*, впадающей съ правой стороны. Берега долины по крутымъ склонамъ около версты вверхъ покрыты лѣсомъ, постепенно уменьшающимся до известнаго предела своего; выше же обнажены отъ всякой растительности. Въ эту долину, хотя не безъ малаго труда, мы поднялись въ малыхъ лодочкахъ, упираясь шестами, по довольно быстрому и мелкому руслу *Вишеры*, между обнаженными изъ воды камнями. Выше устья рѣки *Лопы* на *Вишерѣ* смѣются броды для вартъ, далѣе же нигдѣ ихъ нѣтъ.

Отъ горы *Мавзасигуш-нелъ*, дождавшись съ вершины малой *Печоры* оленей подъ тяжесть, мы пошли пѣшкомъ 5 Юля, по отрогамъ западнаго склона *Урала*, къ горѣ *Пдри-монитъ-урри* при вершинѣ *Вишеры*.

Отъ устья *Лопы*, *Вишера* течетъ почти прямо на югъ, по лѣсной и болотистой низменности, болѣе 45 верстъ, до высокой горы *Курыксерскаю камня* (*Якданъ* по-*Вогульски*), который скалистымъ и крутымъ отрогомъ своимъ примыкаетъ прямо къ рѣкѣ съ лѣвой стороны.

Версть 20 вверхъ по *Вишерѣ* отъ послѣдняго пункта въ продолженіе *Курыксерскаго камня* къ сѣверу, тянется примѣчательный по высотѣ, виду и числу сопокъ, сѣдой, каменистый хребетъ *Тулымскій камень* (*Лю-неръ* или *Яхтель-я-неръ*), отстоящій отъ рѣки на 5 и 8 верстъ, смотря по колѣнамъ рѣки, которыя она дѣлаетъ около лѣсныхъ отроговъ его. Изъ послѣднихъ примѣчательнъ при самой рѣкѣ лѣсной курганъ *Аичуевскій чурокъ*.

На всемъ этомъ протяженіи отъ устья рѣки *Лопы*, *Вишера*, принявъ съ правой стороны рѣки *Лылю*, съ лѣвой рѣки *Муравью*, *Большую* и *Сухую Мойсу* и рѣчку *Доланиху*, значительно увеличивается въ ширинѣ и глубинѣ своей: первая отъ 20 до 70 сажень, послѣдняя до 4 футовъ. Грунтъ ея каменастый, много острововъ и мелей, теченіе быстрое и неустоянное.

Отъ сѣверной оконечности *Тулымскаго камня*, версть 5 выше рѣки *Лыльи*, начинаются по *Вишерѣ* большіе и частые пороги, которые, въ связи съ мелями, каменными *переборами* и *тляулами*, непрерывно почти идутъ версть 12 до означенной рѣчки *Дол-*

гавики. Плаваніе по этому протяженію чрезвычайно затруднительно и довольно опасно, притомъ возможно не иначе, какъ въ малыхъ лодочкахъ, которыя можно подвигать противъ теченія, только упираясь веслами. По лѣсистымъ берегамъ рѣки всюду показываются каменные обнаженія, мѣстами отдѣльныя скалы и большія груды россыпей. Такъ какъ все протяженіе Вишеры, наполненное порогами, находится при подошвѣ Тулымскаго камня, поэтому у Вогуловъ хребетъ этотъ называется *Яхтель-я-неръ*, въ переводѣ *порожный камень*, а самая рѣка *Лышья*, впадающая на этомъ же протяженіи, называется *Яхтелья, воровская рѣка*, отъ слова *Яхтель-порогъ*.

Противъ Курыксерскаго камня, на правомъ берегу Вишеры, находится большая гора *Березовскій камень* (Кассепъ-нёръ), заключающая вершины значительной рѣки Березовки, впадающей въ Колву. Это названіе гора получала вѣроятно потому, что она почти вся, кромѣ южной вершины, покрыта березовымъ лѣсомъ. Отъ послѣдней горы, Вишера принимаетъ направленіе на юговостокъ до горы *Пропащинской* (Каластам-уоль-урръ), протекая малыми извилинами верстъ 20 по широкой и мокрой лѣистой долинѣ.

Въ связи съ Курыксерскимъ камнемъ, по лѣвому берегу рѣки находятся горы: *Ленга-неръ*, *Чувальскій камень* (Чоуль-пауль-неръ) и упоминаемая *Пропащинская*. Съ устья рѣки Чувальской, между послѣдними горами, отходитъ оленья дорога на Уралъ, чрезъ Чувальскій камень. По этому пути отдѣлились изъ нашего отряда астрономъ Ковальскій и естествоиспытатель Брантъ, которые потомъ дошли по Уралу до вершины рѣки Малой Печоры, т. е. до общаго пункта соединенія всѣхъ частей нашей экспедиціи.

Брантъ представилъ рекогносцировку этого пути, изъ которой видно, что линія раздѣленія водъ, отстоя отъ Вишеры верстъ на 30, пролегаетъ высокими краями: *Имеримъ*, *Яльнимъ-неръ*, *Мань-урръ* и *Муравьинскій камень*; потомъ хребтомъ, менѣе возвышеннымъ *Ошенеръ* и *Канпай-тумпъ* соединяется съ горою *Поримонитъ-урръ*, откуда началась уже непрерывная маршрутная съемка моя по Уралу.

На описанномъ предъ сямъ направленіи отъ Березовскаго камня, Вишера принимаетъ съ правой стороны рѣчки *Талу*, *Верхнюю Расью*, съ лѣвой *Большую* и *Малую Ивановскую* и

рѣку *Ирѣжскую*. Далѣе, отъ Прованцянскаго камня, она измѣняетъ главное направленіе свое на югозападъ до деревни *Усть-Ульсуя* и течетъ болѣе 50 верстъ рѣзкими и довольно долгими колѣнами, между крутыми и каменными берегами горной долины. На этомъ протяженіи изъ ущельевъ и глубокихъ овраговъ Вишера принимаетъ съ правой стороны рѣки: *Большую Паниху, Бакную, Дыроватиху, Іольму* и *Кедровку*; съ лѣвой стороны рѣки: *Прованцянскую, Малую Паниху, Велса, Большую* и *Малую Рагью*; наконецъ большую рѣку *Ульсуя*, впадающую въ Вишеру противъ упомянутой деревни того же имени. *Ульсуя* вытекаетъ изъ горы *Куаркуша камня* на Уралѣ, длина теченія ея до 100 верстъ, наибольшая ширина около 40 сажень; берега крутые и покрытые густымъ лѣсомъ. Она весьма удобна для сплава лѣса.

Ширина главнаго русла Вишеры, кромѣ острововъ и заостровокъ, мѣстами болѣе 50 сажень, въ межинную воду становится значительно глубже; теченіе довольно быстрое; мѣстами каменные переборы и тягуны чрезвычайно увеличиваютъ степень быстроты теченія. Острововъ и мелей очень много и они довольно значительны по пространству.

На правомъ горномъ берегу Вишеры, выше устья рѣки *Дыроватихи*, выдается каменный утесъ съ разсѣпною, называемый *Дыроватый камень*. Ниже устья рѣки *Іольмы* правый горный берегъ идетъ высокими остроконечными скалами подъ именемъ *Іольмскаго камня*. При устьѣ рѣки *Кедровки* стоитъ отдѣльная, острая и странной фигуры скала *Камень-Кедръ*. Потомъ на томъ же берегу, верстахъ въ 3-хъ ниже, находится скала *Бѣлый камень*. По лѣвому горному берегу отъ деревни *Усть-Ульсуя* вверхъ, при крутыхъ поворотахъ рѣки выдаются замѣчательныя скалы и утесы подъ слѣдующими названіями: *Кириакладъ* верстахъ въ 3-хъ отъ деревни *Филиновъ-камень* противъ означеннаго *Бѣлаго камня*, *Думкинъ камень* выше рѣки *Іольмы*. Близъ послѣдней на противоположномъ берегу рѣки находится изба, казарма *Всеволожскаго*. И наконецъ осталшая скала *Прокофьевскій камень*, находящаяся версты 4 выше рѣки *Велса*.

Самые берега рѣки окаймляются во многихъ мѣстахъ широкою полосою луга или кустарника, по мѣрѣ того, какъ горные берега отклоняются отъ нея. Мѣстами же горные берега подхо-

лгать къ самой рѣкѣ и, кромѣ поименованныхъ скалъ, идутъ каменными обнаженными скалами, выдающимися изъ лѣса и торчащими надъ водою.

Лѣсъ болѣею частію хвойный: пихта, ель, сосна, кедръ, береза, ива; другія породы лиственнаго лѣса попадаются изрѣдка. Отъ рѣки видны каменные кражи Урала верстахъ въ 10 къ востоку: *Большой* и *Малый Убрышкинъ-камень* и *Расшилей-камень*.

Нужно замѣтить, что на всемъ пространствѣ отъ вершины Вишеры и до деревни Усть-Ульсуя, все поименованныя выше рѣки, рѣчки, скалы, горы и проч., кромѣ Русскаго названія имѣютъ еще другое Вогульское имя. Даже самыя колѣна рѣки (плесы) на всемъ протяженіи имѣютъ двойныя имена, изъ коихъ нѣкоторыя соотвѣтствуютъ одно другому въ переводѣ, нѣкоторыя же произвольныя. Я счелъ лишнимъ вписывать сюда эти подробности изъ топографическаго журнала моего.

Деревня *Усть-Ульсуя* имѣетъ 7 дворовъ, которые расположены на скатѣ праваго горнаго берега Вишеры, противъ устья рѣки *Ульсуя*. Окрестности деревни закрыты густымъ еловымъ лѣсомъ; пахатной земли при ней почти не имѣется, кромѣ нѣкоторыхъ скудыхъ огородовъ. Это послѣдняя деревня вверхъ по Вишерѣ, выше жъ рѣка необитаема и заключается въ рубежѣ кочевыхъ Вогуловъ, такъ называемыхъ *лсачныхъ*. До сихъ поръ рѣка судоходна, въ особенности въ полную воду: мы поднялись до этой деревни въ 3-хъ довольно большихъ шити-махъ; а для дальнѣйшаго плаванія вверхъ по Вишерѣ, должны были все разбить на 20 малыхъ лодкахъ Вогульскихъ, на которыхъ уже поднялись до самыхъ верховьевъ описываемой рѣки.

Далѣе, внизъ, до слѣдующей деревни *Акчила*, Вишера течетъ болѣе 40 верстъ тремя главными и рѣзкими колѣнами, между крутыми и высокими горными берегами, почти всюду закрытыми густымъ лѣсомъ; впрочемъ, мѣстами горы значительно уклоняются отъ рѣки, образуя широкія луговыя низменности; мѣстами же горы придвигаются къ самой рѣкѣ большими открытыми скалами и обнаженіями подъ различными именами. Первоначальнымъ почти западнымъ направленіемъ отъ Усть-Ульсуя, она протекаетъ нѣкоторыми извилинами до *Головскаго камня*, горы на правомъ берегу съ каменными обнаженными

скалами. Упершись же въ притесы послѣдней горы, она круто поворачиваетъ прямо на югъ, образуя второе главное колѣно, и течетъ верстъ 15 до горы *Золотой*, находящейся на лѣвомъ берегу ея.

На этихъ двухъ колѣнахъ съ правой стороны впадаютъ въ Вишеру рѣчки: *Большал* и *Малая Вдл*, *Гостиниовская* и *Плещица*. Первая изъ нихъ, Большая Вдл, имѣющая начало изъ Березовскаго камня, послѣ 20-верстной длины теченія своего, скрывается вся въ землѣ, не дойдя 2½ верстъ до Вишеры; въ полную же воду она на этомъ пространствѣ имѣетъ наружное теченіе и сливается съ главною рѣкою. Вишерцы увѣряютъ, что этотъ притокъ трубою проходитъ подъ самою Вишерою и, уже вышедши на противоположномъ берегу ея быстрымъ родникомъ изъ землѣ, вливается потомъ въ рѣку. Версты 2 выше устья Большой Вдл, примыкаетъ къ водѣ дикая скала отъ горъ *Вѣтринскаго камня*.

Съ лѣвой же стороны на означенномъ протяженіи Вишера принимаетъ въ себя послѣ Ульсуа рѣчки: *Ерѣмину*, *Мельничный-родникъ* (съ малою на ней водяною мельницею) и три *Золотихи*: *Верхнюю*, *Среднюю* и *Нижнюю*. Послѣднія три вытекаютъ изъ довольно высокой, открытой и широкой горы *Золотой*, названной вѣроятно по желтоватому виду ея; гора эта примыкаетъ лѣвыми отрогами къ самой рѣкѣ. Противъ Средней Золотихи, около высокаго и скалистаго камня *Бойца*, Вишера поворачиваетъ на западъ, и протекаетъ остальное разстояніе до деревни Акчимъ, еще тремя малыми, почти пятиверстными колѣнами: въ западномъ, югозападномъ и въ сѣверозападномъ направленіяхъ, принявъ съ лѣвой стороны рѣчки *Малую* и *Большую Ябурскую* и *Акчимъ*. По правому берегу означеннаго здѣсь югозападнаго колѣна рѣки, выше рѣчекъ *Ябурскихъ*, тянутся почти непрерывно каменные скалы въ родѣ стѣны, подъ именемъ *Ябурскаго камня*. Выше послѣдняго впадаетъ съ правой стороны въ Вишеру рѣка *Кобыльская*.

На описанномъ протяженіи между деревнями Усть-Ульсумъ и Акчимомъ, Вишера имѣетъ много и довольно большихъ острововъ, называемыхъ именами прилежащихъ къ нимъ рѣчекъ и скалъ, какъ то: *Ульсуйскій*, *Вѣтринскій*, *Головскій*, *Гостиниовскій*, *Березовый*, *Кобыльской*, *Вогульскій*, *Моховой*, *Пальничь* и *Еловый*. Послѣдній одинъ за другимъ тянутся до устья рѣки Ак-

чима. Ширина Вишеры на этомъ протяженіи различна; наибольшая ширина главнаго русла простирается до 50 сажень, глубина около 6 футовъ; здѣсь по ней встрѣчается много острововъ и мелей. Быстрота теченія въ $\frac{30}{100}$ сажень; но значительные тягунны и каменные переборы мѣстами весьма увеличиваютъ эту быстроту.

Деревня Акчимъ находится на отлогой возвышенности правого горнаго берега Вишеры, имѣеть 11 дворовъ. Поля простираются за деревню не болѣе какъ на 20 сажень; далѣе же въ окрестностяхъ сплошной лѣсъ, покрывающій берега рѣки почти на всемъ протяженіи. Въ верстѣ выше деревни впадаетъ съ противоположной стороны въ Вишеру рѣчка одного имени съ самою деревнею. Отъ Акчимской деревни Вишера течетъ прямо на сѣверъ 3 версты, гдѣ потомъ, упершись въ правый скалистый берегъ долины своей, круто поварачиваетъ на западъ; потомъ чрезъ версту, измѣнивъ главное направленіе къ сѣвероазаду, протекаетъ верстѣ 12 плавными и незначительными оглобленіями отъ онаго до *деревни Сипуши*, имѣя на этомъ протяженіи по правому берегу деревни: *Писанную* съ 10 дворами, въ верстахъ 6 отъ Акчима, и другую чрезъ 3 версты еще выше, *Вордню* въ 3 двора.

Съ правой стороны впадаютъ рѣчки: *Вдлимъ*, *Писанка*, *Мал. Воронья*; рѣчки *Кжимковская* и *Россомаца*. Съ лѣвоніи же стороны: р. *Большая Вордья*, противъ деревни того же имени.

Берега долины высоки и круты и попеременно возвышаются то однимъ, то другой. На версту отъ деревни Писанной, на правомъ горномъ берегу находится примѣчательная скала *Писанный камень*, примыкающая къ рѣкѣ Писанкѣ, текущей по глубокому оврагу. И вообще скалистый горный берегъ выше послѣдней рѣки извѣстенъ подъ тѣмъ же именемъ. Замѣчательно, что эта скала будто изчерчена и исцарапана какими-то довольно крупными чертами и углубленіями, что-то въ родѣ Славянскихъ буквъ, въ которыхъ однакожь ничего разобрать нельзя. Писанный видъ скалы придалъ названія деревнѣ, рѣкѣ и всему скалистому горному берегу. У туземцевъ есть странныя повѣрья и предразсудки относительно этой скалы. Одинъ изъ Вишерцевъ говорилъ намъ: «старики сказывали, будто бы на этомъ камнѣ въ первобытныя времена написаны имена всѣхъ горъ, рѣкъ и проч. здѣшняго края»; и присовокупилъ, что достоверность этого преданія

подтверждается тѣмъ, что еще ни одинъ человекъ не могъ прочесть этой надписи: онъ ссылаясь въ томъ на многихъ ученыхъ людей, которые тщетно пытались разобрать ее, и указывалъ на насъ самихъ. Независимо отъ этого сказанія, мнѣніе нѣкоторыхъ основательныхъ людей приписываетъ эту надпись путешественникамъ. Въ старину чрезъ городъ Чердынь и эти пещерныя мѣста пролегалъ большой зимній путь въ сѣверные Уральскіе заводы и въ Сибирь; по всей вѣроятности, останавливавшіеся здѣсь проѣзжіе могли дѣлать на камнѣ разныя надписи, которыя теперь искажены и стерты рукою времени.

Деревня Сипучи, имѣющая 11 дворовъ, расположена въ долинѣ по обоимъ берегамъ рѣки *Большой Сипучанки*, впадающей въ Вишеру съ лѣвой стороны. Отъ этой рѣчки, почти на версту ниже, тянется по берегу Вишеры огромная, крутая и возвышающаяся надъ другими гора *Сипучій камень*, замѣчательная тѣмъ, что состоитъ изъ сплошной груды каменныхъ отломковъ и розсыпей, которыя отъ малѣйшаго толчка или даже отъ одного случайно скатывающагося съ верху камня въ большомъ количествѣ сыплются въ рѣку. По восточному склону этой горы находятся скудныя пашни поселенцевъ, а остальные части, кромѣ каменнаго берега Вишеры, покрыты мелкимъ ельникомъ и березою.

Далѣе отъ описанной деревни, рѣка течетъ въ западномъ направленіи мимо деревень *Потажкуеви*, на правомъ берегу, верстахъ въ 7 отъ Сипучи, и *Головской*, въ полуверстѣ ниже предвѣдущей на противоположномъ берегу. Отсюда Вишера принимаетъ совершенно южное направленіе; на правомъ берегу ея находятся деревни: *Гушмѣни*, *Мартины* и *Велгуръ*. Первые двѣ, одна подлѣ другой, въ верстахъ 6 отъ Головской, а послѣдняя еще версты 4 ниже первыхъ.

Отъ послѣдней деревни, Вишера, круто и подъ острымъ угломъ, поворачиваетъ къ сѣверозападу и идетъ трехверстнымъ колѣномъ до устья рѣки *Малаго Шукура*; далѣе же, сдѣлавъ еще небольшие и рѣзкіе изгибы около деревни *Шукура*, на правомъ берегу верстахъ въ 5 отъ Велгура находящейся, принимаетъ направленіе на югозападъ и течетъ прямо безъ всякихъ извилинъ, долгими плесами версты 12 до деревни *Колчимы*, мимо деревни *Домоплѣсы*, въ 5 верстахъ выше первой находящейся.

Всѣ поименованныя здѣсь деревни незначительны: *Потаскуева* имѣетъ 4 двора, *Головская* 1, *Гушмини* и *Мартины* 4, *Велгуръ* 15, *Шугуръ* 7, *Долгоплёсы* 5 и *Колчимъ* 8 дворовъ. Всѣ они лишены почти всякой пахатной земли, какъ климатомъ, такъ и свойствомъ каменистой почвы горнаго берега, на которомъ они расположены; воздѣлываются только кое-какія полянки, огородки и болѣе ничего. Густыя чащи лѣса березоваго, еловаго и мѣстами смѣшаннаго, въ полномъ смыслѣ покрываютъ пустынные берега Вишеры. Кромѣ обнаженныхъ камней и мѣстами огромныхъ гарниковъ, ничего не представляется во время плаванія на всемъ протяженіи ея теченія.

На этой дистанціи съ правой стороны соединяются рѣчки: *Прилучная*, *Малая* и *Большая Шелюга*, *Члетинская*, *Ластинская* и *Малый Шугуръ*. Съ лѣвой же стороны впадаютъ рѣчки *Малая Сипучанка*, *Головская*, *Дыроватиха*, *Гушуръ* рѣки *Велгуръ* и *Большой Шугуръ* противъ деревень, соотвѣтствующихъ названію; потомъ рѣчка *Маслянка* и наконецъ рѣка *Большой Колчимъ* противъ деревни того же имени. До деревни *Колчима* высокіе горные берега имѣютъ то же описанное выше свойство, возвышаясь одинъ надъ другимъ попеременно и выдаваясь обнаженными скалами къ рѣкѣ, и слѣдуютъ примкнутыми къ оной крутизнами. Только между деревнями *Сипучи* и *Гушмини* лѣвый берегъ дѣлаетъ значительныя уклоненія отъ рѣки, уступая мѣсто обширнымъ, мокрымъ, луговымъ кустарникамъ. Примѣчательныя изъ скалъ суть: на правомъ берегу *Долгинскій камень* и *камень Забачъ* между деревнями *Долгоплёсы* и *Шугуромъ*; в *Ластинскій камень* выше рѣчки того же имени. На лѣвомъ берегу выше деревни *Гушмини*, при устьѣ рѣчки *Дыроватиха* *Дыроватый камень*; горы *Лодкинъ* и *Притонскій камни* одна подлѣ другой, противъ деревни *Велгура*. Кромѣ того на правомъ берегу находятся примѣчательныя открытыя горы *Гремучая* и *Чистинская*; первая между рѣчками *Шелюга*мы, вторая выше рѣчки того же названія.

Вишера стала значительно глубже; наибольшая ширина ея въ межливую воду болѣе 60 сажень; здѣсь довольно тихое теченіе: въ $\frac{1}{2}$ сажень, въ особенности въ долгихъ плесахъ. Острововъ довольно; примѣчательныя между ими *Сипучскіе*, съ большими при нихъ отмелями и каменными переборами, весьма затрудняющими плаваніе въ этомъ мѣстѣ.

Отъ дер. Колчима, рѣка имѣетъ главное направленіе къ сѣверо-западу, протекая мимо дер. *Говорухи*, села *Говорливо*, деревень *Владѣева* и *Романихи*; потомъ далѣе посредственными двумя югозападными и юговосточными колѣнами течетъ между деревнями *Ижениновою* и *Талицею*; наконецъ, принявъ направленіе прямо на югъ, идетъ мимо деревень *Бахары* или *Пахары* и *Митрокова* до рѣчки *Морчановки*.

Эти изгибы Вишера дѣлаетъ на протяженіи какихъ нибудь 27 верстъ теченія своего. Считаю, по глазомѣрно снятому маршруту, послѣдовательныя разстоянія между ними суть слѣдующія:

Отъ Колчима до Говорухи,	6	верстѣ.
— с. Говорливо, болѣе	4	— —
— Владѣева	2	— —
— Романихи, болѣе . .	1	— —
— Иженинова	3	— —
— Палицы, болѣе . . .	2	— —
— Бахары	7	— —
— Митрокова	1	— —

Эти деревни расположены на правомъ берегу Вишеры, кромѣ только *Талицъ*, *Митрокова* и еще, неупомянутыхъ выше, деревень *Мориднова*, *Березники* и *Ничкова*, на лѣвомъ берегу находящихся. Деревня Талица въ верстѣ въ сторонѣ отъ Вишеры, на рѣкѣ того же имени; а послѣднія три находятся выше Митрокова, отстоя почти на версту одна отъ другой и постепенно удаляясь отъ Вишеры по правому берегу рѣчки Морчановки. Населеніемъ всѣ онѣ незначительны, подобно деревнямъ, выше описаннымъ: *Говоруха* имѣетъ 6 дворовъ, село *Говорливо* 10 при небольшой деревянной церкви, *Владѣева* 10 дворовъ, *Романиха* 15 и 4 двора, по другую сторону рѣчки Большой Романихи расположенныхъ, полъ особымъ именемъ деревни *Усть-Романихи*; потомъ дер. *Иженинова* 8 дворовъ, *Талица* 8, *Бахары* 5, *Митрокова* 8, *Морчанова* 18, *Березники* 4 и *Ничкова* 7 дворовъ

Вишера на этомъ протяженіи принимаетъ съ правой стороны рѣчки: *Говоруху*, *Говорливскую*, *Большую Романиху*, *Иженинову*, *Петручиху* и *Бахаревку*; съ лѣвой—*Сторожевскую*, *Саболіху*, *Талицу*, *Ветланку*, *Митроковку* и *Морчановку*.

Высокіе горные берега рѣки на послѣднемъ описанномъ протяженіи особенно замѣчательны тѣмъ, что они у деревень Бахары и Митрокова составляютъ предѣлъ оканчивающихся отраслей Уральскаго хребта. Кромѣ того, они отличаются видомъ, высотой и огромностію скалъ. Переходъ отъ топкихъ и низменныхъ лѣсныхъ береговъ рѣки, къ этимъ удивительнымъ каменнымъ высотамъ, поражающимъ взоръ путешественника, поднимающагося вверхъ по Вишерѣ, здѣсь весьма разителенъ. Вверхъ отъ дер. Бахары правый горный берегъ дѣлается сейчасъ обрывистымъ и тянется версты двѣ, выставившимися изъ разбросаннаго лѣса каменными утесами и скалами, между которыми по виду особенно любопытны *Острый камень* и *Филиновъ камень*; первая имѣетъ видъ развалины высокой башни съ остроконечнымъ шпиромъ; обѣ покрыты кое-гдѣ мхомъ и дикими растеніями.

Далѣе, на слѣдующемъ колѣнѣ, примыкаетъ къ самой рѣкѣ съ лѣвой стороны камень *Ветланъ*, удивительно гладкою и бѣлою стѣною, возвышающеюся совершенно отвѣсно надъ водою почти на 20 сажень; этотъ камень простирается версты на полторы по Вишерѣ сплошными скалами до рѣчки *Ветланки*. На правомъ берегу обращаетъ на себя вниманіе скала *Кедровичъ камень*. Наконецъ самая замѣчательная возвышенность по всей Вишерѣ есть *Говорливскій камень*. Эта каменная стѣна, отъ села *Говорливо*, постепенно возвышающаяся отвѣсно изъ воды до 30 сажень, простирается вдоль праваго берега рѣки сплошною массою высокихъ скалъ болѣе 2 версты до деревни *Говорухи*; прорѣзывается только глубокая и дикая долина р. *Говорухи*. Ея дикое очертаніе, съ выставившимися изъ разлоговъ большими наклонными лѣснами и гнѣздящимися кустами въ разсѣлинахъ, величественно отражается въ плавномъ и чистомъ руслѣ Вишеры, которая, протекая въ этомъ мѣстѣ по прямому направленію, омываетъ гладкое основаніе этой громадной стѣны.

Кромѣ вида и величавы, *Говорливскій камень* обращаетъ на себя особенное вниманіе по удивительному эху, которымъ повторяется явственно и даже звучнѣе не только каждое сказанное на рѣкѣ слово, но и малѣйшіе переливы звука, такъ, что забываешь, что это эхо, а не искусное подражаніе человѣка. Есть даже такіе пункты на рѣкѣ, откуда эхо повторяется нѣсколько

разъ постепенно ослабѣвающимся и удаляющимся звуками. Я счелъ великимъ приложить здѣсь видъ этого интереснаго камня въ томъ видѣ, какъ я успѣлъ и могъ нарисовать, плавая мимо его.

Видъ Говорлявскаго камня. (*)

Послѣ всего этого нельзя не удивляться, что суевѣріе и невѣжество могли родить много предрасудковъ и нелѣпныхъ сказаній между туземцами объ этой восхитительной игрѣ природы. Плаваніе по этому протяженію рѣки весьма пріятно, тѣмъ болѣе, что противоположный берегъ Вишеры различается по виду и дѣлаетъ мѣстность еще живописнѣе; онъ также крутъ и высокъ, но далеко уступаетъ высокою правому, имѣть разнообразными лощинами, оврагами и мысами, покрытыми густою зеленою лѣсою.

На сѣверозападѣ отъ деревни Бахары находится самая высокая и скалистая гора изъ отраслей Уральскаго хребта, оканчивающихся у той деревни—*Полудова камень*, возвышающаяся около 1500 футовъ надъ поверхностію Вишеры, по приблизительному барометрическому опредѣленію. Скалистая вершина горы открыта и оканчивается съ сѣверной и западной сторонъ отвѣсными каменными утесами, до самой лѣсной долины у ея подошвы; восточная же и южная стороны состоятъ изъ трехъ довольно крутыхъ уступовъ, покрытыхъ лѣсомъ. Верхній уступъ самый крутой; на второмъ уступѣ находятся большія каменные розсыпи; третій же, нижній, не такъ крутъ и соединяется съ возвышенностію праваго берега Вишеры, у означенной деревни Бахары.

Скалистые бока *Полудова камня* представляются во время плаванія по Вишерѣ съ разныхъ сторонъ, смотря по извилинамъ, какія дѣлаетъ рѣка. Камень этотъ, будто бы, получилъ названіе

(*) А В. поверхность рѣки Вишеры. а) Церковь села Говорляво. б) Устье рѣки Говорухи. с) Деревня Говоруха.

по имени *Полуда*, жука, замѣчательнаго роста; салою и крѣпостію тѣлесною, жившаго нѣкогда въ пещерѣ горы.

Ниже рѣчки *Морчановки*, Вишера течетъ 70 верстъ до устья р. *Колвы*, по низменной, лѣсистой и болотистой мѣстности, имѣя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ незначительные обрывистые берега, образуемые лѣсными холмами и песчаными возвышеніями, примыкающими къ рѣкѣ. На этомъ протяженіи общее направленіе ея къ городу *Чердыню* западно-юго-западное; но она здѣсь такъ извилиста, что приходится нѣсколько разъ плыть по направленію одного и того же румба. Одна изъ извилинъ ея въ особенности замѣчательна: верстахъ въ 12 ниже дер. *Митрокова*, на лѣвомъ берегу рѣки, въ лѣсу находится протокъ *Волочекъ*, длиною менѣе версты; онъ служитъ въ полую воду для переволакиванія лодокъ чрезъ мысъ, въ избѣжаніе плаванія по Вишерѣ 13 верстъ до противоположнаго устья *Волочка*. Съ правой стороны, Вишера принимаетъ только одну рѣчку *Черную*, 5 верстъ ниже *Морчановки*; съ лѣвой впадаютъ рѣки *Вишанха*, *Сарматиха*, выше *Волочка*, и *Усолку*, ниже его; конецъ большая рѣка *Язьва*, вытекающая изъ *Куаркуша камня*, впадаетъ верстъ 40 выше устья *Колвы*. Длина теченія ея до 200 верстъ (по разспросу), ширина отъ 25 и болѣе сажень.

По берегамъ Вишеры тянутся прекрасные сѣнокосы значительными полосами луга, подъ различными именами; во многихъ мѣстахъ удобно подниматься по рѣкѣ на бичевомъ тягѣ. Верстахъ въ 15 выше устья *Колвы*, извилистый рукавъ Вишеры, называемый *Криво*, образуетъ обширный островъ *Соропчихо*, состоящій изъ мокраго луга, покрытаго кустарникомъ. Вишера, припавъ р. *Колму* съ правой стороны, дѣлается значительно судоходною рѣкою во всякое время года до замерзанія, и течетъ далѣе верстъ 70, до впаденія ея въ р. *Каму*, у села *Кондратьева*. Эта осталная часть теченія не снята и не осмотрѣна мною, потому что она находится за предѣломъ пространства, предназначеннаго къ изслѣдованію нашей экспедиціи. Но по сдѣланнымъ мною разспросамъ извѣстно, что на правомъ берегу ея расположены деревни: *Остлякова*, *Кулакова*, *Аниковская*, *Чувашева*, *Сартакова* и село *Ледекеро*. Противъ дер. *Аниковской* на Вишерѣ находятся двѣ переправы на паромѣхъ, по обѣимъ сторонамъ большаго острова, чрезъ который пролегаетъ почто-

ная дорога въ городъ Чердыня. Берега рѣки въ этомъ мѣстѣ отлоги и удобны для спуска, къ переправѣмъ.

Городъ Чердынь расположенъ на правомъ, высокомъ берегу р. Колвы, текущей съ сѣвера на югъ, въ 5 верстахъ выше впаденія ея въ Вишеру. Городъ съ прямыми и очень правильными улицами, довольно порядочно обстроенный, имѣетъ каменные церкви, казенныя и частныя каменные строенія. Почти на отдѣльной возвышенности горнаго берега, близъ соборной церкви, выстроена каменная часовня надъ могилою 85 гражданъ Чердынскихъ, убитыхъ въ сраженіи съ Нагайскими Татарами въ 1547 году. Слѣды бывшихъ земляныхъ укрѣпленій еще и теперь очень замѣтны.

Окрестность города закрыта лѣсомъ и гориста; поля, прилежащія къ оному и окрестнымъ селеніямъ, совершенно незначительны. Въ его окрестностяхъ, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ деревень, обращаютъ на себя вниманіе села *Сергеево* и *Помыма*; оба на правомъ берегу, первое при устьѣ Колвы, послѣднее въ верстахъ 6 отъ Чердыни вверхъ по этой рѣкѣ. Противоположный берегъ рѣки низменный, луговой и покрытъ раскиданными группами и сплошными массами кустарника. Надъ этимъ обширнымъ пространствомъ луга, на сѣверо-востокъ, верстахъ въ 29 отъ города, возвышается отдѣльною скалою гора *Помыдовъ камень*, измѣненіе цвѣта котораго предсказываетъ жителямъ перемену погоды: бѣлизна предвѣщаетъ хорошую, а темносвѣтій цвѣтъ дурную. Еще отдаленнѣе за рѣкою, видны тнушіяся къ сѣверу Уральскія горы, между которыми примѣчательнъ хребетъ *Помыганый камень*. Все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ прелестный видъ, когда смотришь изъ города. Разливъ Вишеры близъ Чердыни начинается въ первыхъ числахъ Мая, и продолжается недѣля четыре; вся широкая долина ея залезается водою. Глубина разливовъ мѣстами превышаетъ 5 сажней. Рѣка замерзаетъ въ послѣднихъ числахъ Октября, а иногда и нѣсколько позже. Средняя глубина въ меженьную или въ обыкновенную воду, отъ 3 до 5 аршинъ, на протяженіи судовой.

Удобреваемые здѣсь суда называются *шитиками*, *камаками* и *мезоками*. Первые, длиною отъ 8 до 12 сажней, поднимаютъ отъ 10,000 до 120,000 пудовъ; послѣдніе же, ваюки и па-

возки, отъ 5 до 8 сажень, и поднимають отъ 1,200 до 2,000 в болѣе пудовъ; они плоскодонны и одновачтовыя, строятся преимущественно при селѣ *Вальгортъ* и дер. *Волиль* на Колѣѣ. Постройка ихъ обходится довольно дешево какъ по обилію лѣса, такъ и по недорогой платѣ за работу.

Жителей въ Чердынѣ до 3,000 человекъ, которые, вмѣстѣ съ жителями ближайшихъ селеній, занимаются торговлею на значительныя суммы. Купцовъ и торговыхъ людей вообще очень много; главный предметъ торговли ихъ сѣмга, изъ низовьевъ Печоры, и пушные товары, сбываемые на Ирбитской и Нижегородской ярмаркахъ; шны же скупають хлѣбъ въ городѣ *Сарккулъ*, и отправляютъ его на судахъ чрезъ Чердынѣ на низовья Печоры, доставляя оттуда произведенія того края. Большая часть жителей Чердынскихъ, равно какъ и крестьяне Вишерскіе и другихъ ближайшихъ деревень, занимаются звѣрловствомъ, добывая въ особенности много бѣлокъ. Они очень ловко ходятъ на лыжахъ и значительно удаляются отъ жилищъ своихъ. Нѣкоторые искусно выкармливаютъ въ клѣткахъ лисницъ, хотя шерсть посаѣднихъ всегда хуже нѣскольکو, нежели на дикой лисницѣ; но Чердынцы употребляютъ всѣ средства къ тому, чтобы шерсть была пушиѣе и длиннѣе, наиримѣръ: подъ конецъ выкармливанія они начинаютъ морить голодомъ этихъ животныхъ и, заставляя болѣе страдать ихъ, передавливають имъ ноги. И действительно, отъ этого ли безчеловѣчнаго удабриванія шерсти, или отъ другихъ средствъ, весьма трудно бываетъ отличить шкуру дикой лисницы отъ домашней. Лѣтомъ главное занятіе крестьянъ состоитъ въ сплавлѣ дровъ съ верховьевъ рѣки и поставкѣ ихъ на солеваренныя заводы; многіе же заняты строеніемъ судовъ и работою на судахъ. Зимой перевозятъ грузы въ *Ирбитъ* прямо чрезъ горы, мимо *Верхотурья*, или *Яхшижскую пристань*, оттуда опять въ *Чердынѣ* и въ *Усть-Еловскую пристань*.

Рѣки Вишера и Колѣѣ небогаты рыбою, поэтому особенныхъ рыбныхъ промысловъ не имѣется на нихъ. Неблагодарная земля, по душой почвѣ своей и холодному климату, не смотря на частыя удабриванія, не вознаграждаетъ трудовъ земледѣльца; поэтому жѣлбопашество здѣсь незначительно и собираемаго хлѣба не достаетъ на прокормленіе. Въ иной годъ рѣшавъ осадъ не дозволяетъ даже и собрать хлѣбу. Многіе жители Чер-

дынскаго уѣзда переселяются въ Осинскій уѣздъ; нѣкоторые изъ этихъ переселенцевъ ведутъ какъ бы полуосѣдлую жизнь: выстроивъ дома, проживуть и потомъ бросаютъ ихъ, переходя на другія отдаленныя и болѣе удобныя мѣста.

Описавъ по возможности собственно въ топографическомъ отношеніи пространство, снятое и осмотрѣнное на всемъ протяженіи, пройденномъ нами, и коснувшись поверхностно этнографіи этого края, я перехожу теперь къ подробному описанію возвратнаго пути съ Урала въ 1847 году, по отрогамъ восточнаго склона его и по рѣкамъ *Сысь* (Ляпши) и *Сосва*, до города *Березова*, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ замѣчаній о Березовскомъ краѣ.

Къ 1 Сентября вся экспедиція собралась на р. Щугурѣ, у оказаннаго выше пункта. Полковникъ Гофманъ, путешествовавшій по рѣкамъ западнаго склона Урала, встрѣтивъ кое-какія селенія, могъ пріобрѣсть нѣсколько хлѣба и надѣлать насъ, уже болѣе недѣли путешествовавшихъ безъ сухарей. Не смотря на это незначительное пріобрѣтеніе провизіи, недостатокъ былъ все-таки весьма ощутителенъ, и никакъ не позволялъ всеіи экспедиціи вмѣстѣ слѣдовать еще далѣе по Уралу до широты дер. *Оранѣца* на Печорѣ, куда потомъ должны были спуститься зимовать. Сообразно съ этимъ обстоятельствомъ, а также отъ поздняго времени года, полковникъ Гофманъ долженъ былъ опять раздѣлиться съ майоромъ Стражевскимъ, чтобы снова соединиться уже въ городѣ Березовѣ; вълѣдствіе чего Гофманъ съ естественннспытателемъ Брантомъ и топографомъ Брагичинымъ отправился налегкѣ далѣе къ сѣверу по Уралу, до горы *Квосмъ-нѣръ*, упомянутой выше въ общемъ обзорѣ путешествія. Астрономъ Ковальскій спустился по р. Щугурѣ на Печору и оттуда далѣе до города Чердыни для наблюденій. Майоръ же Стражевскій спустился на востокъ со всемъ имуществомъ экспедиціи, направляя путь къ р. *Сысь*, и уже сею послѣднею и р. *Сосвою* до г. Березова. Находясь въ отрядѣ Стражевскаго, я слѣдовалъ непрерывную маршрутную съемку нашего пути съ Уральскаго хребта до г. Березова.

Открытый хребетъ Урала въ этомъ мѣстѣ: *Хоръ-Хури-нѣръ*, *Млды-са-ты-нелъ* и *Сатанци-урръ*, гдѣ находятся многіе истоки рѣки *Туркетъ-я*, пуская вѣтви ея и покрывая всомъ отрасля

свои верёты на 20 къ востоку. Изъ послѣднихъ только открыты и примѣчательны по высотѣ: *Кердэжъ-урръ*, *Ахутасъ-кольме-неръ*, *Подтелова-нель* и *Кейталънымы-неръ*. На этомъ протяженіи пролегающая значительными извилинами оленья дорога на р. Сыгву въ юрты Ляпинскіе, довольно удобопроходима до рѣчки *Кересъ-урръ-я*; далѣе же къ востоку отсюда отроги Урала почти совершенно кончаются, и начинается болотистая и лѣсная долина, перерѣзываемая невысокими лѣсными хребтами и возвышеніями, имѣющими менѣе или болѣе связь съ отраслями Урала. Въ лѣсу начинается появляться сосна, которой на Уралѣ не имѣется совершенно. Путь чрезъ болота мѣстами совсѣмъ не проходимъ; только широкія и раздвоенныя копыта легкаго и стройнаго оленя, простая, ловкая и хорошо придуманная упряжь и самое устройство вартъ; саней Остацкихъ, употребляемыхъ лѣтомъ и зимою, могутъ пролагать путь чрезъ эти жидкія трясины. Однимъ словомъ, дороги, называемыя оленьими, въ полномъ смыслѣ слова удобопроходимы единственно для однихъ оленей; камни, крутизны, кочки, чащи лѣса, кусты, топи и проч. не препятствуютъ ихъ проѣзду.

Не смотря на дикую пустыню этой страны, каждая гора, пригорокъ, рѣчка, болото и другіе, даже мелочавые, предметы, всё имѣютъ собственное названіе у туземцевъ. Остатки не затрудняются объяснять другъ другу мѣсто на дорогѣ, гдѣ именно что ибудь случилось съ ними и, кажется, нисколько не хуже нашего опредѣляютъ разстоянія между селеніями по верстамъ. Путь нашъ съ Урала и до дер. Согзы, пролаганъ чрезъ многія рѣчки, болота и горы, опредѣлялся вездѣ именами этихъ мѣстностей, напримѣръ: послѣ упомянутой рѣчки *Кересъ-урръ-я*, начинается болото, до 2-хъ верстъ шириною, *Гдмисень-Кдлыкъ*, къ нему примыкаетъ возвышеніе *Гурень-Сдутъ*; потомъ р. *Кейталънымы-урръ-я*, хребетъ *Халь-урръ*, болото *Тярыли-Келькъ* и рѣчка *Саклекъ-я*. Далѣе дорога идетъ по лѣсу чрезъ р. *Улетемъ-я*, вытекающую изъ обширнаго и открытаго болота *Улетемъ-насе-кдлыкъ*; потомъ поднимается на возвышеніе *Ахутасъ-коль-урръ*, съ глубокою каменною разсѣлою въ родѣ пещеры. Мѣловатъ это возвышеніе, покрытое почти частыми основными лѣсомъ, дорога спускается въ болото *Урескъ-кдлыкъ* и продолжаетъ чрезъ восточн. рѣчекъ *Маль* и *Ями-урсисъ-я* на хребетъ

Нирми-урр-я; съ послѣдняго опять спускается чрезъ рѣку *Накэмаль-я* въ болото *Тдсемь-турь* (сухое озеро въ переводѣ), простирающееся въ ширину верстъ 5 до самой рѣки *Ятри-я*.

Протяженіе описаннаго пути отъ р. *Кёресъ-урр-я* и до послѣдней рѣки, всего около 30 верстъ, имѣеть направленіе почти восточное. Рѣка *Ятри-я* имѣеть начало изъ самаго Урала, противъ 'истоковъ р. *Накъ-сдры-я*; принявъ съ лѣвой стороны р. *Турметь-я*, она становится довольно значительною, разширяясь на 12 и болѣе сажень, и впадаетъ въ р. *Чортанъ*, а сія послѣдняя въ р. Сыгву. Отъ р. *Ятри-я* до юртъ *Али-хдрумь-пауль*, на правомъ берегу Сыгвы, дорога имѣеть направленіе юговосточное, пролегаетъ верстъ 8 по лѣсной возвышенности *Ятри-самъ-урр-я* до рѣчки *Нялькинъ-я*; дажде же слѣдуетъ внизъ по этой рѣчкѣ еще около 8 верстъ до сліянія ея съ Сыгвою, принимая ручьи и рѣчки, свои притоки, подъ различными названіями.

Въ юртахъ *Али-хдрумь-пауль* мы оставили провожатыхъ съ оленями, и наняли лодки изъ ближайшихъ юртъ для дальнѣйшаго плаванія по этой рѣчкѣ. Нельзя было, однакожъ, нанять постоянныхъ проводниковъ съ лодками; Остяки весьма дорожили временемъ для рыбнаго промысла; поэтому мы плыли на перекладныхъ лодкахъ по р. Сыгвѣ и по Сосвѣ до самаго Березова.

Рѣка *Сыга* или *Ляпина* (Сакъ-я по-Остячки) беретъ начало изъ самаго Урала, около 65½ градуса сѣверной широты, изъ горы *Хула*, и, говорятъ, очень извилиста у верховьевъ. На протяженіи около 200 верстъ теченія въ южномъ направленіи до юртъ *Али-хдрумь-пауль*, принявъ много значительныхъ притоковъ, въ особенности р. *Чортанъ*, она дѣлается уже большою рѣкою. Отсюда ширина ея отъ 50 до 100 сажень; она довольно глубока; теченіе посредственное и даже тихое; острововъ не имѣется; грунтъ болѣею частию песчаный. Берега ея на всемъ протяженіи до сліянія съ Сосною покрыты мѣшаннымъ лѣсомъ, низменны и мѣстами очень болотисты; по самымъ окраинамъ тянутся широкія полосы тальнику. Отъ юртъ *Али-хдрумь-пауль* она течетъ болѣе 40 верстъ большими колѣнами и извилинами въ главномъ юговосточномъ направленіи до юртъ *Пуурми-пауль*. Между поименованными юр-

тамъ находятся еще на лѣвомъ берегу юрты *Луи-хдрумь-пауль*, на правомъ *Осимь-пауль* и *Мѣзынь-пауль*, и потомъ ниже, на лѣвомъ же берегу, *Доплуса-пауль*, или *Лопомъ-вожъ* (дер. Ляпина по-Русски). Эта послѣдняя деревня расположена на рукавѣ, называемомъ *Сдрахъ*, который, отдѣлившись отъ рѣки верстахъ въ 7 выше *Али-хдрумь-пауль*, образуетъ обширный островъ, и, говорятъ, течетъ версть 100 до слиянія ея опять съ Сыгвою при описываемой деревнѣ. Деревня *Ляпина* есть средоточіе Остяковъ Ляпинской волости; здѣсь живетъ ихъ старшина.

Около 1714 года, по присоединеніи къ Православной Церкви Остяковъ здѣшнихъ, была выстроена тутъ деревянная церковь; но въ концѣ прошлаго столѣтія она сожжена Остяками по той причинѣ, что недалеко отъ нея находилось и, говорятъ, даже и теперь существуетъ, въ глуши лѣса ихъ языческое капище. Впрочемъ, теперь опять предполагаютъ построить церковь въ этой деревнѣ, для раздѣленія обширнаго, по пространству, прихода Сосвинскаго на двѣ части, какъ это прежде было.

Ниже юртъ *Пугурни-пауль*, Сыгва принимаетъ главное направленіе восточное, до впаденія ея въ Сосву; но она дѣлаетъ чрезвычайныя извилины, протекая болѣе 40 верствъ. На этомъ протяженіи по лѣвому берегу находятся юрты и лѣтніе рыболовные балаганы: *Луски-пауль*, *Тѣлли-пауль*, *Рѣсъязундъ-пауль* и *Сакъ-сѣми-пауль*, при устьѣ Сыгвы.

Всѣ селенія Остяковъ, или лучше зимнія жилища ихъ, на самомъ малою пространствѣ, малочисленны и состоятъ изъ нѣсколькихъ кое-какъ расположенныхъ юртъ и маленькихъ амбаровъ, устроенныхъ болѣею частію на столбахъ. Юрты же ихъ не что иное, какъ бревенчатые избушки, закрытыя сверху, вмѣсто крыши, бревнами и покрытыя землею. Наверху оставлено отверстіе для дыма надъ каминомъ, устроеннымъ обыкновенно въ одномъ изъ угловъ или по срединѣ юрты. Въ стѣнѣ прорубается одно небольшое четырехугольное окошко, закрываемое прозрачнымъ листомъ, склееннымъ изъ рыбьихъ шкурокъ, или же вставленнымъ плотно толстымъ кускомъ льда; дверь дѣлается весьма маленькая. Внутри юрты кругомъ назначены пары съ перегородками, покрытыя прутяными коврами и оленьими шкурами. Полъ земляной и рѣдко гдѣ устланъ

досками; грязь, неопрятность, копоть и проч. составляют главныя принадлежности жилища Остяка.

Иногородцы, отправляясь съ семействами лѣтомъ на рыбныя промыслы или кочевье по оленеводству, оставляютъ юрты свои открытыми и пустыми; пожитки и нѣкоторый запасъ съѣстныхъ припасовъ она складываютъ въ амбары и не запираютъ ихъ, но просто оставляютъ притворенными или задвиганными, не опасаясь хищника, чего въ самомъ дѣлѣ почти никогда между ними не случается. Однако нѣкоторые изъ нихъ, затворяя двери, на староживаютъ большія стрѣлы съ желѣзными наконечниками, такимъ образомъ, что онѣ сильно поражаютъ неосторожно открывающаго дверь любопытнаго или похитителя. На рыбныхъ промыслахъ по протокамъ и удобнымъ пескамъ по рѣкѣ она живутъ въ берестяныхъ балаганахъ, подвѣсннхъ чумамъ кочующихъ.

Рѣка *Сосва*, или *Тдытъ-я*, вытекаетъ изъ Уральскаго хребта противъ вершинъ р. Печоры, и, по выходѣ изъ горы, протекая вдоль восточнаго склона ея съ юга на сѣверъ, принимаетъ въ себя всѣ рѣки этого склона; кромѣ того, много значительныхъ рѣкъ южныхъ служатъ ей притоками, какъ то: *Демля*, текущая съ Урала же, *Тансиа*, *Курыя* и другія прямо съ юга, почти отъ 61½ градуса сѣверной широты.

Принявъ р. *Сыма* съ лѣвой стороны, она становится огромною рѣкою и течетъ величественно въ пустынныхъ берегахъ своихъ около 300 верстъ до г. *Березова*. Ширина главнаго русла ея, кромѣ острововъ и протоковъ, простирается отъ 100 до 300 и болѣе сажень. Берега, почти вездѣ низменные, покрыты лѣсомъ или сплошными кустарниками, мѣстами болотисты, мѣстами же отрасли значительныхъ лѣсныхъ возвышеній, примыкая къ рѣкѣ, образуютъ невысокіе, обрывистые берега.

Острововъ очень много и они довольно велики, особенності ближе къ Березову. Теченіе посредственное, однако быстрое, чѣмъ въ Сыгвѣ; грунтъ кажется болѣею частію песчаный, судя по берегамъ и большимъ песчанымъ островамъ. Селенія Остяковъ, но нѣсколько юртъ выстѣ, простираются внизъ по Сосвѣ отъ устья рѣки Сыгвы и до г. Березова въ слѣдующихъ послѣдовательныхъ между собою разстояніяхъ:

Верстахъ въ 10 *Солнцкія юрты* или *Сосма-пауль* около 40

вереть *Гюань-пауль*; до 20 версть *Петкунь-пауль*; потомъ село *Сосвинское* или *Сортынъ-я-пауль* въ 15 верстахъ. Последнее село лежитъ версты 4 ниже устья рѣки Сортынъ-я на лѣвомъ берегу Соовы, съ небольшою и бѣдною деревянною церковью, заложеною почти одновременно съ церковью, бывшею въ дер. *Ляпинъ*. Здѣсь, кромѣ 10 юртъ *Остяцкихъ*, есть нѣсколько вордочныхъ домиковъ: домъ священника, церковнослужителей и нѣсколькихъ другвхъ Русскихъ, занимающихся здѣсь торговлею. Несмотря на бѣдность, селеніе это кажется едва ли не лучше города, послѣ продолжительнаго путешествія въ совершенно необитаемой странѣ и по пустыннымъ рѣкамъ между убогими и полуседлыми юртами *Остяковъ*, почти пустыхъ въ лѣтнее время.

Двѣ волости, *Ляпинская* и *Сосвинская*, составляютъ общарный приходъ этого села. Прибывъ сюда 14 Сентября, въ праздникъ Воздвиженія Креста Господня, мы имѣли случай быть у обѣдни послѣ четырехмѣсячнаго кочеванія и могли воспользоваться нѣкоторыми удобствами осѣдой жизни, купить хлѣба и другіе припасы. На другой же день поспѣшили отправиться далѣе, видя примѣтно приближающуюся зиму и опасаясь быть застигнутыми морозами въ плаваніи, съ довольно большимъ приномъ транспортъ.

Внизъ по *Сосвѣ* отъ описаннаго села къ *Березону*, юрты *Остяковъ* встрѣчаются уже чаще, какъ это видно изъ послѣдовательныхъ между ими разстояній.

Отъ *Сосвинскаго*

до <i>Нялинъ-пауль</i>	6 версть
— <i>Тоболдинскихъ</i> юртъ, подъ частными названіями:	
— <i>Пуппенъ-пауль</i>	20 —
— <i>Куртъя-пауль</i>	3 —
— <i>Оль-тумпъ-пауль</i>	10 —
— <i>Сиппель-пауль</i>	7 —
— <i>Собаклонъ-пауль</i>	13 —
— <i>Улетемъ-пауль</i>	5 —
— <i>Анъ-я-пауль</i>	5 —
— <i>Луй-Анъ-я-пауль</i>	4 —
— <i>Рось-пауль</i>	5 —
— <i>Нилтенъ-пауль</i>	2 —

до Югринскихъ юртъ или Егринь-пауль	10	верстъ.
— Рось-суи-пауль	12	—
— Люлкорекихъ юртъ, находящюся въ 3-хъ мѣстахъ еще ниже по рѣкѣ	5	—
— Лѣтнихъ Тары-соумъ-пауль	10	—
— Зимнихъ Тары-соумъ-пауль или Резановскихъ юртъ	8	—
— Явы-Чортынгъ-я-пауль	5	—
— Ваттеръ-нель-пауль	8	—
— Шуче-нель-пауль	7	—
— Шайтанскихъ юртъ или Яльпингъ - нель-пауль	20	—
— Нижне-шайтанскихъ юртъ	6	—
— г. Березова	20	—

Всѣ означенныя здѣсь селенія малочисленны и заключаютъ отъ 1 до 4 юртъ, исключая только Анъ-я-пауль и Люлкорекихъ, гдѣ находится по 7 юртъ въ каждой.

Сосва течетъ отъ устья р. Сыгвы плавными и большими колѣнами, въ главномъ юговосточномъ направлеиіи, почти 300 около 130 верстъ, до соединенія съ рѣкою *Малюю Сосвою*, выше Югринскихъ юртъ, образуя только въ одномъ мѣстѣ между юртами Сиппель-пауль и Анъ-я-пауль значительное уклоненіе къ югу, и потомъ крутой поворотъ прямо на сѣверъ, всего на протяженіи 30 верстъ; далѣе же, увеличившись еще въ ширинѣ, принимаетъ общее направленіе почти прямо на сѣверъ, и протекаетъ до самаго Березова.

Кромѣ многихъ малыхъ рѣчекъ и притоковъ изъ озеръ, подъ разными названіями, въ Сосву впадаютъ слѣдующія значительныя рѣки, съ правой стороны: *Сакъ-тайтъ-я*, противъ устья р. Сыгвы; *Петкаинъ-я*, ниже юртъ того же имени; *Яви-Яльвинъ-я*, выше Пупповъ-пауль; *Куртъ-я*, при юртахъ также называемыхъ; *Миниуль-я*, ниже Оль-тумъ-пауль; *Саксонси-я*, выше Улетемъ-пауль; потомъ означенная выше рѣка *Малая Сосва* или *Мань-тайтъ-я*, имѣющая начало въ болотистой низменности между Уральскимъ хребтомъ и р. Обью. На протяженіи почти 200 верстъ теченія своего съ юга на сѣверъ, на ея берегахъ много селеній Обскихъ Остяковъ, различающихся нарѣчіемъ отъ Ляпинцевъ и Сооинцевъ; наконецъ Сосва впадаетъ р. *Яви-чортминъ-я*, противъ юртъ того же имени.

Съ лѣвой стороны, начиная отъ устья Сыгвы, впадаютъ: *Гогангъ-я*, выше юртъ Гогангъ-пауль; *Одртыя-я*, близъ села Сосвинскаго; *Анъ-я*, при юртахъ того же имени и р. *Шайтанка* или *Яльпикъ-нѣль-я*, впадающая при юртахъ Шайтанскихъ. Рѣка Сосва отъ Шуенелскихъ юртъ, на протяженіи 80 верстъ до впаденія ея въ Малую Обь, покрыта многими огромными островами и, находясь въ общей низменной долинѣ съ послѣднею рѣкою, течетъ параллельно ей съ юга на сѣверъ, отстоя не болѣе какъ на 20 верстъ одна отъ другой. На этомъ протяженіи въ Сосву втекаютъ изъ Оби четыре замѣчательнѣйшихъ притока: *Пдрьлозъ*, *Шырсимъ*, *Большой Кочевъ* и *Вайсова*. Первые два и Вайсова судоходны и имѣютъ ширину до 150 сажень; какъ говорятъ, неизвѣстны и идутъ въ направленіи почти перпендикулярномъ къ обѣимъ рѣкамъ; устья первыхъ двухъ протоковъ находятся по Сосвѣ вер. 25 одно отъ другою; потомъ Кочевъ въ 15 вер.; Вайсова же соединяется съ Сосвою около 3 верстъ выше Березова. Суда, идущія изъ Оби въ Березовъ, не поднимаются прямо по Сосвѣ во избѣжаніе быстроты теченія, но дѣлаютъ обходъ по Оби, гдѣ течение нѣсколько умѣреннѣе, и спускаются уже по притоку Вайсову въ Сосву. Все низменное пространство между этими огромнѣйшими рѣками покрыто разбросаннымъ лѣсомъ и кустарникомъ и наполнено озерами, множествомъ протоковъ и непроходимыми долами и расклинами, называемыми *сорами* у туземцевъ. Рѣки Сыгра и Сосва обильны рыбою; кромѣ того, около послѣдней бываетъ очень много дичи; дикія утки, гуси и гадары многосотенными стадами покрываютъ рѣку, такъ что ихъ ловить здѣсь сѣтями и, при счастливой ловлѣ, одинъ человѣкъ можетъ добыть разомъ до 100 штукъ. Такой уловъ можетъ показаться даже невѣроятнымъ людямъ, незнающимъ Сибири и привыкшимъ видѣть нашихъ охотниковъ, чьихъ труды цѣлаго дня едва вознаграждаются нѣсколькими птицами, а иногда почти ничѣмъ. Этотъ родъ ловли называется здѣсь *пересельсомъ добывать*, и состоитъ въ слѣдующемъ: рыбають на рѣкѣ выдающіеся лѣсные мысы, или протоки и заводи, закрытые лѣсомъ или тальникомъ къ рѣкѣ, и дѣлаютъ для пролета птицъ просѣки, шириною не болѣе сажени. Въ этой просѣкѣ ставятъ высокіе шесты, съ прикрѣпленными въ верху бочками и пропущенными въ нихъ тонкими веревками, приль-

зависшими къ сѣти, которая лежитъ на землѣ до пролета птицъ. Спугнутая съ рѣки сталъ птицаъ вѣдущимъ въ лодкѣ чело-
вѣкомъ, или же произвольно перелетающая, поднимавшись нѣ-
сколько отъ поверхности воды, сильно стремится въ первую
прогалину лѣса, гдѣ видна вода, или значительное открытое мѣ-
сто; въ это время ловкій промышленникъ, лежащій на караулѣ;
вдругъ поднимаетъ сѣть, и рѣдкая птица шбѣ цѣлой стаей
не будетъ добычею его. Эта ловля производится преимуще-
ственно на утренней и вечерней зарѣ. Такихъ перелѣ-
совъ дѣлается много на рѣкѣ, и разумѣется, что въ иной
попадается и много и часто, въ другіе же рѣдко и мало
дичи; впрочемъ туземцы очень опытны въ выборѣ мѣста для пе-
релѣсовъ. Благодаря этому легкому способу добыванія дичи,
лучшая утка въ Березовѣ лѣтомъ стоитъ не дороже 3-хъ копѣ-
екъ серебромъ.

Различны этикъ пустынныхъ рѣкъ простыраются весьма ши-
роко, но не бываютъ глубоки; въ Октябрѣ почти всегда замер-
заютъ и рѣдко раньше Мая вскрываются. По самымъ рѣкамъ
Сосвѣ и Сыгвѣ, и близъ береговъ ихъ, пролегаетъ зимній путь
изъ города Березова чрезъ Уральскій хребетъ, въ деревню
Оранецъ на Печорѣ.

Березовъ, уѣздный городъ Табольской губерніи, лежитъ подъ
63° 55', 9 сѣверной широты, 82° 47', долготы отъ 1-го мериди-
ана, среда пустынныхъ лѣсовъ и тундръ отдаленнаго сѣвера, на
лѣвомъ довольно возвышенномъ берегу рѣки Сосвы, въ вер-
стахъ 25 отъ слиянія послѣдней съ рѣкою Обью. Этотъ древ-
ній городъ, сначала острогъ, основанъ въ 1593 году при Ца-
рѣ Феодорѣ Ивановичѣ, близъ бывшаго Остацкаго селенія *Сул-
мутъ-Вожь*, означающаго въ переводѣ *березовый городокъ*, отъ
чего вѣроятно и происходитъ названіе *Березова*; въ гербѣ
этого города въ серебряномъ полѣ изображены три березы.

Въ длину городъ простирается по Сосвѣ, съ сѣвера на югъ
около 400 сажень, въ ширину же не болѣе полуверсты. Въ Бе-
резовѣ всего 150 домовъ, всѣ деревянные и большею частію вѣт-
хія. Въ городѣ двѣ прекрасныя каменныя церкви: Воскресенскіи
соборъ и другая во имя Рождества Богородицы. Онѣ построены
на самомъ горномъ берегу и величественно возвышаются надъ
дальними окрестностями, радуя издали верхами своими утомленный
взоръ приближающагося къ нимъ плаващаго дустынныхъ рѣкъ.

Издъ казенныхъ и общественныхъ зданій находятся являсь 14 деревянныхъ домовъ: 1-й вмѣщаетъ въ себя окружный и земскій суды и окружное казначейство; 2-й городскую полицію; 3-й духовное правленіе; 4-й городское хозяйственное управленіе; 5-й уѣздное училище, къ несчастію погорѣвшее лѣтомъ 1847 года; 6-й инородческую больницу для Остяковъ и Самоѣдовъ Березовскаго Округа (*), 7-й городской лазаретъ; 8-й почтовому контору; 9-й казенный магазинъ для складки душныхъ товаровъ и кладовая окружнаго казначейства; 10-й казачій провиантскій магазинъ; 11-й ссудный хлѣбный магазинъ для инородцевъ; 12-й городской хлѣбозапасный магазинъ; 13-й соляной магазинъ и 14-й пороховой погребъ.

На берегу Сосвы, у подошвы и на склонахъ горнаго берега ея, выстроены для складки товаровъ сараи и амбары, съ устроенными въ нихъ 6 или 7-ю лавочками, составляющими гостинный Березовскій дворъ; зимою же, по случаю сильныхъ морозовъ, въ нихъ торговать бываетъ невозможно, поэтому всѣ товары продаются тогда въ домахъ купцовъ. Кромѣ трехъ продольныхъ и прямыхъ улицъ, весь городъ состоитъ изъ частыхъ переулковъ, дѣлающихъ общее расположеніе города неправильнымъ и разбросаннымъ; всѣ они не вымощены, и отъ того бываютъ весьма грязны; даже посреди города, въ видѣ огромной площади, находится невысыхающее и непроходимое гнилое болото, завалываемое мусоромъ и иввозомъ; оно дѣлаетъ воздухъ невыносимо тяжелымъ въ лѣтнее время. За городскими островами виднѣются кое-гдѣ разбросанныя земляники и чумы Остяцкіе, и начинается сейчасъ такая чаща лѣса безъ всякихъ дорогъ; ея закрыты окрестности города на огромнѣйшее пространство.

Съ сѣверной стороны города сливается съ Сосвою значительный протокъ *Волука*, истекающій изъ нея же, а съ юга онъ примыкаетъ къ глубокому оврагу, называемому *Колтушинымъ буракомъ*, по которому течетъ маленькая рѣчка того же

(*). Къ сожалѣнію, инородцы неохотно пользуются этими благотворными мѣрами Правительства, по собственному грубому невѣжеству, сильной нетерпимости лекарствъ и по странному предубѣжденію къ больницѣ вообще. Изъ огромнаго числа инородцевъ Березовскаго Округа, свыше 15,000 душъ, рѣдко когда бываетъ въ больницѣ болѣе 10 человекъ.

имени. Черезъ рѣку изъ города представляется открытѣйшій видъ на необозримую луговую низменность, простирающуюся до самой рѣки Оби; на ней между разбросанными кустарничками и группами деревьевъ всюду видны большія массы воды, протоковъ, озеръ и заболоченныхъ болотъ, въ которыхъ какъ бы плаваютъ кусты и острова.

На всемъ лежитъ здѣсь печать суроваго сѣвера. Унылая природа зимою бываетъ облечена въ снѣжный саванъ почти въ теченіе 7 мѣсяцевъ; въ это время постоянно стоятъ сильныя морозы, которые доходятъ иногда до 40° Реомюра; погода отличается непостоянствомъ; особенно часто случаются страшныя бураны; застигнутые этою вьюгою, путешественникъ и дикій звѣрь имѣютъ единственное спасеніе, спокойно ложась на снѣгъ, чтобы переждать вьюгу. Ночи продолжительныя и мрачныя; но этотъ мракъ сокращается по временамъ сѣвернымъ сіяніемъ: это величественное явленіе полярнаго горизонта, освѣщая темное царство зимы, служитъ утѣшеніемъ угрюмому обитателю сѣвера.

Продолжительныя оттепели, выпаденіе легкихъ снѣговъ, густыя туманы, непроницаемые даже для солнечныхъ лучей, частыя перелеты птицъ къ сѣверу, суть признаки появленія весны, начинающейся никакъ не равнѣ половины Апрѣля мѣсяца.

Кратковременное лѣто, начинающееся въ половинѣ Іюня, почти при постоянномъ сіяніи солнца, быстро распространяетъ въ воздухѣ плодотворную теплоту и оживляетъ природу послѣ продолжительнаго омертвенія. Не смотря на то, что въ первыхъ числахъ Іюля, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, теплота доходитъ иногда до $+28^{\circ}$ и болѣе Реомюра, дурная почва земли, оттаивающей не болѣе какъ на поларшина, не дозволяетъ никакаго земледѣлія. Поэтому въ Березовѣ ничего нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ скудныхъ при домахъ огородниковъ, съ нѣкоторыми, а то не всегда успѣвающими, овощами. Въ половинѣ Августа, а иногда и равнѣ, начинается уже осень; пасмурное небо, постоянныя сѣверныя или сѣверовосточныя вѣтры, быстро увеличивающійся холодъ, туманныя и болѣе темныя ночи предвѣщаютъ приближеніе зимы. Это время года самое нещадное на сѣверѣ и, кажется, вредное для здоровья. Наконецъ, нужно замѣтить, что и самая одежда Березовцевъ и

образъ жизни вполне соотвѣтствуютъ суровому климату описываемой страны.

Жителю въ Березовѣ считается вообще до 1000 чело-
вѣкъ; въ этомъ числѣ полный штатъ чиновниковъ уѣзд-
ныхъ присутственныхъ мѣстъ, духовенство, казацкое сословіе,
купцы, мѣшане и разнаго другаго званія люди. Порядочныхъ
ремесленниковъ вовсе не видѣется въ городѣ. Всѣ почти жите-
ли, не исключая и казаковъ, занимаются болѣе или менѣе мѣно-
вою торговлею съ инородцами, доставляя этимъ себѣ пропитаніе.

Въ началѣ весны, вскорѣ по вскрытіи рѣкъ, оживляется тор-
говля въ отдаленномъ Березовѣ. Въ это время прибываютъ сю-
да изъ Тобольска досченики (*) съ разными товарами, состоя-
щими въ хлѣбѣ и другихъ съѣстныхъ припасахъ, въ желѣз-
ныхъ аспахъ, сѣтяхъ и разныхъ снастяхъ, болѣе употребитель-
ныхъ въ инородческомъ быту; въ лыкахъ, холстѣ, сукнѣ
крестьянскомъ, полуситцахъ, въ красномъ товарѣ и прочихъ
Русскихъ издѣліяхъ и мелочахъ. Остаются здѣсь до Сентя-
бря мѣсяца Тобольскіе, Ирбитскіе и Туринскіе промышленники и
сбывають все это Березовскимъ торговцамъ и непосредственно
самимъ Остакамъ, пріѣзжающимъ въ эту пору изъ зимнихъ
юртъ на рыбные промыслы. Они вымѣнивають и покупають
отъ нихъ различныя туземныя произведенія, доставляемыя ин-
ородцами со всего Березовскаго округа. Вывозимыя изъ Березова
произведенія суть: мягкая рухлядь: бобровыя, собольи, лисьи,
горнастаевыя, росомаховыя, выдровыя, бѣличьи, бурундучьи,
медвѣжьи, волчьи, песцовыя разныхъ сортовъ, заячьи, оленьи
и лосиные шкуры, на сумму около 30,000 т. рублей серебромъ;
птичій пухъ и перо; мамонтова кость, кедровыя орѣха, добы-
ваемыя въ хорошей урожай до 20,000 пудовъ, на сумму болѣе
25,000 рублей; разнаго рода соленая и сушеная рыба, какъ то:
осетры, муксуны, нельма, сырки и шуки, рыбій жиръ и икра,
всего на сумму около 8000 рублей. Следовательно ежегодный вы-
возъ этихъ произведеній изъ Березова превышаетъ 60,000 руб-
лей серебромъ и могъ бы принести значительныя выгоды жи-

(*) Однопалубныя плоскодонныя суда, поднимающія груза отъ 5 до 25 тысячъ вудовъ, и поднимающіяся вверхъ по рѣкамъ Оби и Иртышу, почти исключительно на бечевномъ тягѣ.

телямъ, если бы все это они сами доставляли на Ирбитскую ярмарку; но теперь большею частію участвуютъ въ торговлѣ иногородные купцы. Изъ Березовскихъ же жителей только купцовъ пять имѣютъ нѣкоторую возможность непосредственно сбывать собранное на означенной ярмаркѣ, закупаая тамъ разные мелочные товары и болѣе нужнѣйшія для инородцевъ вещи, которыми послѣ торгуютъ какъ въ самомъ Березовѣ, такъ и на ярмаркахъ въ его округѣ.

Звѣриною и рыбною ловлею сами Березовцы мало занимаются, находясь почти круглый годъ въ разъѣздахъ по торговымъ дѣламъ, для вымѣна и покупки произведеній отъ инородцевъ. Въ послѣднихъ числахъ Мая начинаются рыбные промыслы: купцы и всѣ достаточные казаки, мѣщане, крестьяне отдѣльно или компаніями, имѣя собственныя суда, поднимающія отъ 7 до 15000 пудовъ, нанимаютъ по контракту въ работники къ себѣ Остяковъ, съ платою по способности каждаго, и сплавляютъ почти на 30 такихъ судахъ, внизъ по Оби, по протокамъ ея и на Обскую губу, къ Самоѣдамъ и Обдорскимъ Остякамъ муку, соль, разный мелочной товаръ, рыболовные снаряды и другія необходимыя въ ихъ быту вещи, табакъ, пряности и разныя лакомства. Нѣкоторые изъ этихъ торговцевъ привозятъ собственный товаръ, другіе же берутъ для оборота отъ купцовъ на порядочныя суммы подъ разными условіями, выгодными для обѣихъ сторонъ. По прибытіи на мѣсто, мѣняють товаръ сначала на мягкую рухлядь и стараются какъ можно болѣе раздавать въ долгъ инородцамъ. Хотя каждый изъ торговцевъ имѣетъ почти своихъ знакомыхъ покупателей, но все-таки они стараются всѣми средствами болѣе приобрѣсти должниковъ. Сбывши товаръ свой, торговцы остаются здѣсь до Августа мѣсяца собирать рыбу отъ туземцевъ, за розданный товаръ. Не смотря на весьма обильные рыбные промыслы, Самоѣды и Остяки не только не могутъ расплатиться, но, кажется, все болѣе и болѣе должны, потому что самые пустячные товары сбываются имъ по очень дорогимъ цѣнамъ. Главная рыба *мурманъ*, *осетръ* и *нельма*; ихъ солятъ сейчасъ на мѣстѣ; другая же рыба шуки, сырки и проч. вялятся и сушатся; кромѣ того добываютъ рыбій жиръ и икру. Все это дѣлается подъ личнымъ надзоромъ торговца хозяина, его работниками. Когда же весь товаръ вымѣняютъ на рыбу, тогда съ нагружен-

ными судами свѣшать въ Августѣ мѣсяцѣ обратно въ Березовъ, и продають оную на дощеники Березовскимъ и иногороднымъ кунцамъ. Послѣ того иногородцы остаются промышленать рыбу собственно для себя, сколько позволитъ осень и обстоятельства. *Муксунъ* есть единица цѣнности въ этой мѣновой торговлѣ; эта рыба принимается отъ Самоѣда по мѣркѣ, и должна быть не менѣе 9 вершковъ въ длину, въ противномъ случаѣ считаютъ 3 муксуна за 2, или, что чаще случается, 2 за 1; Самоѣда же будетъ спорить.

Муксунъ отъ нихъ принимаютъ въ 10 коп. ассигн., но Самоѣды не привыкли и не умѣютъ считать на деньги, а всѣ почти цѣнить товары относительно песцовыхъ шкуръ; напримѣръ, *песецъ* равняется 20 *лапкамъ песцовымъ* (изъ которыхъ также снимается особый мѣхъ), или же равняется 30 *муксунамъ*. Всѣ счеты ведутся у Березовскихъ и Обдорскихъ торговцевъ въ суммахъ песцовъ и лапокъ, перевода обыкновенно лапки въ песцы, какъ копѣйки въ рубли. Иногородцы даютъ имъ палочки съ разными надрѣзами и зарубками, у каждаго по своему, въ родѣ росписокъ, въ полученіи товара, на означенное на нихъ число песцовъ и лапокъ, и по мѣрѣ выплачиванія долгу срѣзають собственноручно эти знаки, уменьшая счетъ.

Нужно замѣтить, что вещи, по видимому самыя обыкновенныя, и всякія бездѣлюшки, продаваемыя на муксуны и песцы, доставляютъ огромный барышъ торговцамъ. Изъ цѣнъ нѣкоторымъ вещамъ можно уже заключить о дороговизнѣ остальныхъ и болѣе необходимыхъ для Самоѣда вещей; напримѣръ: за лодку нужно заплатить столько муксуновъ, сколько въ нее помѣстится оловныхъ; за котелъ платится чистаго рыбаго жиру столько, сколько въ него можно налить; за простой ножикъ съ деревяннымъ черенкомъ, облитый оловомъ, платится отъ 30 до 50 муксуновъ; аршинъ простаго краснаго или желтаго драдедаму стоитъ 4 песца или 120 муксуновъ; даже простое мѣдное кольцо, стоющее едва ли $\frac{1}{2}$ коп. сер., продается за 1 и 2 муксуна. Сами же Березовцы получаютъ за муксуна соленаго, сдаваемаго на дощеники, не дешевле 10 коп. сер. Теперь можно судить, какой барышъ съ лодки и другихъ означенныхъ вещей имѣютъ торговцы. Распродавъ же на дощеники все собранное лѣтомъ, нѣкоторые изъ Березовскихъ жителей отправляются еще въ верхъ по рр. Сыгвѣ и Сосвѣ, забирать и тамъ рыбу, дичь, ке-

дровые орѣхи, перо и проч., развоза такимъ же образомъ хлѣбъ и другіе товары и раздавая болѣе въ долгъ.

Здѣсь Остяками счетъ ведется уже не на мѣсцы, а на бѣлки; бѣличья шкура цѣнится отъ 5 до 7 коп. серебромъ. Добытыя по этимъ рѣкамъ произведенія отправляются тоже осенью на дощеникахъ же въ Тобольскъ.

Этимъ оканчиваются лѣтніе промыслы Березовцевъ, до Октября или Ноября мѣсяца, покуда рѣки не покроются льдомъ. Тогда въ странѣ пустынной, бесплодной, лишенной природою лѣтомъ почти всякихъ сообщений сухопутныхъ, зимніе морозы превращаютъ непроходимыя топи тундръ въ твердую массу льда: только тогда звѣринные промыслы, торговля и проч. нужды заставляютъ полудикаго туземца и отдаленнаго промышленника Русскаго прологать путь на лыжахъ, на оленяхъ или собакахъ за нѣсколько сотъ верстъ, какъ по рѣкамъ, тундрамъ, лѣсамъ, такъ и чрезъ самый Уральскій хребетъ. Это время года, по видимому благоприятствующее сообщеніямъ необходимымъ, имѣетъ иногда свои препоны. Хотя отъ лютости морозовъ, привычка и туземная теплая одежда и обувь предохраняютъ путника, но постоянныя мятели и свѣжныя бураны бывають иногда ужасны, часто долговременны и нерѣдко губельны, заставляя цѣлые караваны загребаться въ свѣжныя сугробы и пережидать вьюгу; въ особенности когда буранъ застигнетъ въ горахъ, во время перехода чрезъ Уралъ. Замою Березовцы разсѣиваются по дикимъ и лѣсистымъ мѣстамъ, внутрь отдаленныхъ юртъ инородческихъ; развоза муку и разный товаръ, вымѣнивають и покупають мягкую рухлядь. Кромѣ того съ 25 Декабря по 25 Января на Обдорской ярмаркѣ бываетъ главная торговля; сюда съѣзжаются даже купцы Тобольскіе или ихъ приказчики, Зыряне-Ижемцы изъ-за Урала съ огромными караванами и Самоѣды отдаленнаго сѣвера. Также на муку и прочіе товары, необходимыя въ быту инородческомъ, вышѣнивають равнина произведенія и дорогую рухлядь, и все это отправляется отсюда на Ирбитскую ярмарку.

Предъ Обдорскою ярмаркою въ концѣ Ноября съѣзжаются въ село Мужы, на р. Оби, Зыряне изъ-за Урала, образуя тутъ малую ярмарку, откуда уже нѣкоторые возвращаются опять за Уралъ, а другіе отправляются въ Обдорскъ.

Сообщенія въ этомъ краѣ бывають пять мѣсяцевъ водою,

способствующія къ сплаву тяжестей; а семь мѣсяцевъ зимнимъ путемъ, удобны только для легкой ѣзды, но затруднительны для перевоза грузовъ.

Этотъ малоизвѣстный сначала городъ, далеко удаленный къ сѣверу отъ центра Россіи, сдѣлался только въ послѣдствіи примѣчательнымъ ссылкой сюда Меншикова, Долгорукаго и Остермана. Прахъ ихъ и понынѣ покоится здѣсь, На восточной сторонѣ Воскресенскаго собора, внѣ ограды церковной, едва примѣтный дерновый холмъ съ деревяннымъ крестомъ и полясадомъ означаетъ убогую могилу князя А. Д. Меншикова (*), похороненнаго будто бы подлѣ гроба дочери его, княжны Маріи, несчастной невѣсты Императора Петра II. Отъ жилища Меншикова не имѣется здѣсь никакихъ слѣдовъ; только въ сѣверной части города, на песчаной возвышенности горнаго берега, осѣненной нѣсколькими вѣковыми лиственницами, у такъ называемой заручейной церкви (во имя Рождества Богородицы), показываютъ мѣсто, гдѣ былъ домъ знаменитаго изгнанника. Деревянная же церковь, выстроенная вмѣстѣ означенной каменной, сгорѣла въ 1808 году.

Тутъ же у церкви Рождества Богородицы, въ саженьяхъ 20 на сѣверозападъ, отдѣльно отъ городскаго кладбища, находится могила графа А. И. Остермана, бывшая долго въ неизвѣстности и случайно открытая полковникомъ Гофманомъ весною 1848 года, въ бытность Уральской экспедиціи въ г. Березовѣ. Подробности этого открытія заключаются въ слѣдующемъ дописаніи Гофмана: «чтобы узнать, до какой глубины проникаетъ дѣйствіе мороза въ различныхъ почвахъ, я велѣлъ бить шурфы. При этомъ, когда взрыли песчаную гору, находящуюся близъ церкви Рождества Богородицы, и проникли до глубины 10-ти футовъ, то суверлись въ истлѣвшій гробъ, въ которомъ находились остатки другаго гроба съ уцѣлѣвшими золотыми позументами и лоскутками шелковой матеріи, и черепомъ, по-

(*) Генералиссимусъ князь Меншиковъ былъ сосланъ въ Березовъ въ 1727 году,—гдѣ и скончался въ 1729 году. Брѣвныя останки его были открыты въ 1820 году, Тобольскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ Бятышъ-Каменскимъ.

крытымъ прахомъ в землю. Я тотчасъ же приказалъ засыпать этотъ гробъ; а затѣмъ, заключивъ по золотому позументу, что тутъ была вѣроятно могила какого нибудь знатнаго человѣка, обратился за справками объ этомъ къ члену-корресподенту Рос. Геогр. Общества смотрителю здѣшнихъ училищъ, Абрамову; онъ, по собраннымъ свѣдѣнiямъ, рѣшилъ, что тутъ покоится прахъ знаменитаго графа Андрея Ивановича Остермана. Тогда я приказалъ покрыть могилу свѣжимъ дерномъ и поставить надъ нею черный колосальной величины деревянный крестъ, къ которому прибита была мѣдная досочка съ изображенiемъ графской короны и латинскихъ буквъ А. О.; могилу обвели простою оградою и отслужили надъ нею похвиду» (*).

Могилы, гдѣ покоится прахъ князя Федора Долгорукаго, и нынѣ достоверно неизвѣстна. Впрочемъ, преданiе указываетъ мѣсто близъ могилы княжны Марiи Меншиковой, что подтверждаетъ слѣдующiй памятникъ: Абрамовъ, съ дозволенiя Тобольскаго Епархіального Преосвященнаго и Гражданскаго Губернатора, разыскивая рукописныя и вещественныя рѣдкости Березова, сообщилъ, между прочимъ, о замѣчательной рѣдкости, долго хранившейся въ здѣшнемъ Воскресенскомъ соборѣ — о золотомъ медальонѣ, въ которомъ вмѣщается свитая въ кольцо прядь свѣтлорусыхъ волосъ (**). Описывая этотъ медальонъ, Абрамовъ присовокупляетъ тщательно-собранными свѣдѣнiя, переданныя въ потомство церковными старостами и нѣкоторыми любознательными, коренными и престарѣлыми жителями Березовскими, знавшими о медальонѣ: «а) что онъ поступилъ въ Спасскую церковь (***) по смерти находившагося здѣсь князя Федора Долгорукаго, вмѣстѣ съ иконою, у которой висѣлъ на вѣнчикѣ изображенiе Святаго; б) что волосы, хранящіеся въ медальонѣ, взяты Долгорукимъ отъ умершей, будто бы, супруги его, Марьи Александровны, дочери князя Меншикова, съ которою вѣнчанъ онъ нѣкимъ престарѣ-

(*) Вмѣсто означенной мѣдной досочки, были впоследствии прибиты къ кресту графская корона и латинскiя литеры Н. О. (Heinrich Ostermann), вырѣзанныя въ большомъ размѣрѣ изъ мѣди.

(**) См. Географическія Извѣстія, 4-й выпускъ 1848 г.

(***) Нынѣ Воскресенской соборъ.

лымъ священникомъ; в) что за вѣнчаніе этому служителю церкви, между прочимъ, былъ подаренъ дорогой барсовый плащъ, долго хранившійся въ его потомствѣ; г) что Федоръ и Марья, въ дѣтнее время, вмѣстѣ прогуливались по городу, причемъ на ней было всегда черное платье, чаще бархатное, съ окладкою изъ серебрянаго позумента; д) что Марья Александровна, а потомъ вскорѣ и супругъ ея, скончавшись, были похоронены близъ деревянной Спасской церкви, на южной сторонѣ (на востокъ отъ нынѣшней каменной), и на могилахъ ихъ были деревянные памятники, не больше какъ простые срубы въ два толстые бруса, покрытые въ двѣ доски (эти памятники еще теперь многіе старики помнятъ); наконецъ е) что медальонъ, съ 1739 былъ хранимъ въ церкви, какъ вкладъ кн. Долгорукаго».

Кромѣ этого медальона, въ Березовскихъ церквахъ показываютъ нѣкоторыя древнія утвари, книги, облаченія священниковъ и церковнослужителей, принесенныя въ даръ Мешниковыми и другими извѣстными лицами. Въ Воскресенскомъ соборѣ на церковныхъ книгахъ, по которымъ и теперь служатъ, подписанныхъ княжною Еленою Долгорукою, сдѣлана ею же собственноручная надпись: «*на помяновеніе родителей*». Книги эти присланы въ Березовъ по возвращеніи ея въ Санктпетербургъ.

Городъ Березовъ былъ окончательнымъ пунктомъ занятій экспедиціи въ 1847 году, до котораго сдѣлана мною непрерывная маршрутная съемка, начиная отъ города Чердыня. Дождавшись же въ Березовѣ зимняго пути, который пролегаетъ по рѣкамъ Оби и Иртышу и по берегамъ послѣдней до Тобольска, экспедиція переѣхала черезъ этотъ городъ и Тюмень до Екатеринбурга, гдѣ оставалась до весны 1848 года. Путь по означеннымъ рѣкамъ сейчасъ, по закрытіи ихъ, бываетъ иногда чрезвычайно затруднителенъ и даже очень опасенъ. Рѣка Обь, какъ и всѣ большія Сибирскія рѣки, не закрываются одновременно на всемъ протяженіи теченія своего, и замерзаніе восходитъ отъ устья къ вершинамъ ея довольно быстро. Отъ постепеннаго прибоя пловучаго льда и сплыванія одного съ другимъ, рѣка покрывается неровно и шороховато, мѣстами совершенно вертикально застывшими большими льдинами и грудами, затрудняющими ѣзду.

По значительной ширинѣ этой рѣки, доходящей до 3 верстъ, мѣстами по срединѣ и близъ береговъ ея, въ болѣе глубокихъ

быстринахъ, она совершенно не замерзаетъ, даже и въ сильные морозы; нѣкоторыя изъ этихъ полыхъ мѣстъ, называемыхъ вообще полыньями, подергиваются тонкимъ льдомъ и бывають весьма опасны, въ особенности въ темноту.

Во время нашей поѣздки съ полковникомъ Гофманомъ изъ Березова, по первому пути, мы провалились въ Обь, не смотря на то, что морозъ былъ свыше 25° Реомюра. Къ счастью, образовался неширокій проломъ, и кошева наша осталась плавать надъ водою, поддерживая собою нѣсколько и лошадей, которыя только передними ногами цѣплялись за ледъ, а всѣмъ корпусомъ были погружены въ воду. Журналы и тому подобныя вещи болѣе важныя были сейчасъ спасены; остальные же, оставаясь долѣе въ водѣ, покрылись довольно толстою корою льда, равно какъ и мы сами. Выбравъ по одиночкѣ изъ сани всѣ вещи, успѣли мы вытащить и своихъ лошадей стеньгами; потеряли только походную аптеку и нѣкоторыя мелочи. Другое затрудненіе заключается въ томъ, что ледъ, иногда, почти въ продолженіе цѣлой зимы не покрывается на гладкихъ мѣстахъ снѣгомъ, который, падая, бываетъ тотчасъ сбитаемъ вьюгою; оттого ѣзда на некованыхъ лошадяхъ туземцевъ, дѣлается до такой степени невозможною, что приходится выпрягать ихъ и самимъ, вмѣстѣ съ проводниками, катить сани на значительное разстояніе, какъ это было зимою 1848 года.

II.

ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

СѢВЕРНАГО УРАЛА, ОСМОТРѢННАГО ВЪ 1848 Г.

Весною 1848 года, со вскрытіемъ рѣкъ, вся экспедиція собралась въ городъ Березовъ, откуда 7 Іюня спустилась по р. Оби до устья рѣки Войкара, впадающей съ лѣвой стороны и потомъ вверхъ по послѣдней рѣкѣ около 50 верстъ, сколько возможно было приблизиться болѣе къ Уральскимъ горамъ.

Рѣка Обь нѣсколько выше устья Сосвы, кромѣ раздѣленія на два главные рукава, *Большую* и *Малую Обь*, впослѣдствіи опять соединяющихся, дѣлится еще на множество протоковъ, образуя огромные острова, гдѣ разстояніе между крайними берегами ея доходятъ мѣстами до 30 и болѣе верстъ. Направленіе ея почти совершенно прямое съ юга на сѣверъ. Между устьями рѣкъ Войкара и Сосвы, въ верстахъ 100 ниже послѣдняго, впадаетъ въ нее съ лѣвой стороны значительная р. *Синья*, имѣющая начало изъ самаго Уральского хребта. Между Синьей и Вайкаромъ, на лѣвомъ берегу Оби, находится село Мужв. Далѣе въ горы, отъ мѣста, гдѣ мы окончили плаваніе по Войкару, экспедиція отправилась на оленяхъ. Этотъ путь отъ Войкара на Уральскій хребетъ былъ въ то время года довольно затруднителенъ, по случаю полноводія рѣкъ, чрезъ которыя трудно было отыскать броды для нартъ. Кромѣ того на горахъ вездѣ лежалъ еще снѣгъ, отъ таянія коего быстрые потоки, наводняя все пространство, дѣлали путь нашъ чрезвычайно неудобопроходимымъ.

29-го Іюня, при рѣкѣ *Колпюль* или *Мудази-сесъ-Южемъ-Юганъ*, на Уралѣ по 66° сѣверной широты, экспедиція раздѣлилась на два отряда: сѣверный и южный. Первый, главный отрядъ, подъ начальствомъ самого полковника Гофмана, состоя изъ астронома Ковальскаго, естествоиспытателя Бранта и топографа (нынѣ прапорщика) Брагина, отправился къ сѣверу по западному склону Уральскаго хребта до Ледовитаго моря, и потомъ къ сѣверозападу по хребту *Пай-хой*, къ острову Вайгачу. Весь путь этого отряда святъ маршрутами Брагинимъ, всего около 8320 квадр. верстъ (*).

Въ южномъ отрядѣ, подъ начальствомъ маіора Стражевскаго, находился я для съемки. Намъ предстоялъ путь по Уралу къ югу до горы *Квоосмъ-нёръ*, т. е. до пункта, до котораго экспедиція дошла лѣтомъ 1847 года. За неимѣніемъ пунктовъ астрономическиххъ на означенномъ протяженіи Урала, имѣющемъ болѣе нежели полутора градуса по широтѣ, который предположено было осмотрѣть и снять нашему отряду, сдѣлана мною, кромѣ маршрутной глазомѣрной съемки, непрерывная трянгуляція по всему протяженію пути отъ начала и до пункта, гдѣ дѣйствіа экспедиціи по несчастію должны были прекратиться. Въ случаѣ благополучнаго путешествія, я предполагалъ въ такомъ порядкѣ произвестъ съемку до самаго *Квоосмъ-нёръ*.

Къ несчастію, мы потеряли бѣдственную неудачу, и нашъ южный отрядъ не достигъ цѣли, по случаю свирѣпствовавшей въ это лѣто на Уралѣ заразной язвы, отъ которой умирали люди и падали олени. Дошедши до горы *Диема-Кёу*, и сдѣлавъ около 50 верстъ къ югу отъ мѣста раздѣленія экспедиціи, мы лишились всякой возможности продолжать путешествіе, потерявъ всѣхъ своихъ оленей, до 400 головъ, истребленныхъ язвою въ теченіе 11 дней. Кромѣ того маіоръ Стражевскій, увѣрившись лично, что на всемъ пространствѣ къ югу отъ насъ по Уралу, откуда шла зараза, не осталось ни одного живаго оленя изъ нѣсколькихъ тысячъ, и что инородцы тоже почти на половину померли, и не остается болѣе никакихъ средствъ и возможности пробираться далѣе до предложеннаго пункта,

(*) Подробное описаніе Гофмана о дѣйствіяхъ сѣвернаго отряда экспедиціи помѣщено въ Географическиххъ Извѣстіяхъ, 6 выпуска 1848 года.

закрѣлъ экспедицію Юля 26 дня; поэтому съ 7 Юля до закрытія экспедиціи снято только 1360 квадратныхъ верстѣ.

Обратный путь по Уралу, преимущественно по восточному склону обреченноспировавъ мною по возможности до восточнаго отрога *Долта-кеу*. По окончательномъ же истребленіи заразою нѣсколькихъ оставшихся еще оленей, взятыхъ изъ кочевья, съверяѣ насъ находящагося, для своа необходимыхъ вещей съ Урала, мы бросили все имущество; и 22 дня странствовали пѣшкомъ безъ дороги и проводника, по дикому, лѣсистому, прерываемому тундрами и непроходимыми топями, низменному пространству, между Уральскимъ хребтомъ и р. Обью; сдѣлавъ около 200 вер. съ утомительными обходами, вышли наконецъ, 28 Августа, на р. Обь въ Остацкое село *Мужи*.

Водораздѣлъ Урала къ сѣверу, отъ высокой, многосопочной и скалистой горы *Янема-кеу*, до которой мы дошли, идетъ между истоками рѣкъ *восточной* и *западной Большой Янема*, отрогами этой горы, и далѣе малыми колѣнами, имѣя главное направленіе до сходящихся съ противоположныхъ сторонъ истоковъ рѣкъ *Малыхъ Янема*, прямо на сѣверовостокъ, и спускается въ мокрую долину. Изъ каменной сопки при южныхъ вершинахъ р. восточной Малой Янема видно, что линія раздѣленія водъ, поднявшись на другой берегъ долины, идетъ хребтомъ по каменнымъ розсыпямъ прямо по направленію 50° , т. е. N O, чрезъ сходящіяся вершины рѣкъ *западной Малой Янема* и *Мурама-Юганъ* до истоковъ р. *Нань-Яха*. Здѣсь она круто поворачивается на юговостокъ, по направленію 120° , и обойдя озеро, главный истокъ послѣдней рѣки, сдѣлавъ колѣно до 2 верстѣ, поднимается еще нѣсколько выше по хребту въ направленіи 345° къ сѣверозападу, на довольно высокую сопку съ утесистымъ ущельемъ сѣвернаго истока р. *Нань-яха*. Южное колѣно этого угла, образуемаго водораздѣломъ, называется *Маиниъ* и состоитъ изъ довольно пологой возвышенности, съ разсѣянными всюду отдѣльно стоящими скалами, различными по величинѣ и виду, и отдѣляетъ истокъ рѣки *Мурама-Юганъ* отъ *Нань-Яха*. Далѣе къ сѣверу, отъ описаннаго угла, направленіе водораздѣла 65° , слѣдуя пологамъ и широкимъ хребтомъ, отдѣляющимъ вершины р. *Нилде-Юганъ* и *Синьи*, болѣе склоняется къ востоку и слѣдуетъ въ этомъ направленіи до одной изъ вершинъ *Нилде-Юганъ*, раздѣляющей-

ся отъ истока р. Пиде-Юганъ высокою каменною сопкою. Къ несчастію, это протяженіе Урала, около 6 верстъ, пройдено ночью и въ значительный туманъ, чрезъ что вершины р. Снны назначены болѣе по распросу.

Отъ послѣдней высокой сопки линія раздѣленія водъ значительно поворачиваетъ къ сѣверу и спускается въ широкую и болотистую долину; переходитъ ее узкимъ и едва примѣтнымъ хребтикомъ между двумя озерками, составляющими противоположно главные истоки упомянутыхъ рѣкъ Нгаде-Юганъ и Пиде-Юганъ. Далѣе же, поднявшись на другой берегъ долины, слѣдуетъ опять высокимъ хребтомъ, отдѣляющимъ истоки рѣки Хера-Юганъ, отъ верховьевъ Нгаде-Юганъ, въ прежнемъ же сѣверовосточномъ направленіи. Далѣе на сѣверъ не видно, какъ она идетъ чрезъ вершины рѣки Нялга-Юганъ, и потомъ до истоковъ рѣкъ *Лире-Юганъ* и *Коппола*, гдѣ экспедиція переходила чрезъ Уралъ. Судя по опредѣленнымъ пунктамъ мензульной треугольницъ, также и по распросамъ, линія раздѣленія водъ должна сдѣлать крутой поворотъ къ сѣверу или даже къ сѣверозападу до пункта, опредѣленнаго переходомъ экспедиція чрезъ нее.

Въ заключеніе нужно сказать, что главное направленіе линіи раздѣленія водъ на описанномъ протяженіи, не смотря на колебана, дѣлаемая ею, идетъ совершенно къ сѣверовостоку около 45° . Смотря къ югу съ горы *Тумболлова*, находящейся почти въ 10 верстахъ прямо на западъ отъ водораздѣла, очень замѣтно это отклоненіе Урала къ сѣверовостоку; ибо можно видѣть съ боку почти весь Уралъ до широты хребта *Сабли* не на юговостокѣ, какъ бы слѣдовало, а на югозападѣ, начиная съ горы *Янемакеу*, которая представляется по направленію 200° ; самыя же южныя части, видимыя въ горизонтѣ, также и высокая пика *Сабли*, находятся по направленіямъ 235° , и 240° то есть *SWW*.

Не нужно никакихъ измѣреній и опредѣленій, чтобы убѣдиться въ болѣшемъ отклоненіи главнаго направленія Урала отъ истиннаго меридіанальнаго направленія; слѣдующее физическое явленіе подтверждаетъ это: находясь 23 Іюля, въ ясное утро, на Уралѣ, у вершинъ рѣки *Малая Янема*, откуда на большое пространство къ сѣверу ясно разсмотрѣть можно было Уралъ, я увидѣлъ, что восходящее солнце задолго ранѣе освѣщало западную сторону его, нежели восточную.

Западные отроги Урала, которые были видны на всемъ пространствѣ, отъ р. *Мудазы-сестъ-Ложемъ-Юганъ* или Коппола и до горы *Янема-кеу*, представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Отъ высокой, господствующей горы *Янема-кеу* на западѣ, простираются, какъ видно, довольно вѣтвистыя и значительныя отрасли, заключающія въ долинахъ своихъ, вѣроятно, многіе истоки р. Большой западной *Янема*.

Къ сѣверу отъ нея, у верховьевъ рѣкъ Малая западная *Янема* и *Нангъ-яха*, находятся три значительныхъ каменистыхъ и обрывистыхъ горы, расположенныхъ, относительно, въ видѣ прямоугольнаго треугольника, и идущихъ многими сопками своими и скалистыми уступами и гребнями, въ сѣверовосточномъ направленіи, почти параллельно линіи раздѣленія водъ. Двѣ восточныя изъ нихъ составляютъ будто бы одинъ кражъ, прорѣзанный долиною рѣки Малой *Янема*, имѣя на западныхъ, болѣе пологихъ, своихъ склонахъ рядъ невысокихъ скалъ, въ родѣ уступовъ, параллельно самымъ кражамъ. Третья западная, на правомъ берегу означенной рѣки, примыкаетъ съ сѣвера къ высокому открытому хребту, идущему почти въ этомъ же направленіи до р. *Нгаде-Юганъ*, съ восточной же она оканчивается совершенно обрывисто.

Означенный хребетъ, къ которому примыкаетъ послѣдняя гора, отстоятъ къ западу отъ водораздѣла верстъ на 8 и прорѣзывается соединившимися истоками р. *Нангъ-яха*, образуя оканчивающимися на западѣ отрогами своими глубокую горную долину этой р. и лѣвый горный берегъ долины р. *Нгаде-Юганъ*; вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ начало нѣсколькимъ притокамъ означенныхъ рѣкъ. Далѣе же на западъ отъ него съ совершенно оканчивающимися холмообразными отраслями его, начинается лѣсистый и болотистый долъ, со многими всюду раскиданными озерами и топями. На этомъ хребтѣ и отрогахъ его видны мѣстами скалы на верху.

Между описаннымъ хребтомъ и линіею раздѣленія водъ, у вершинъ рѣки *Нангъ-яха*, выдаются отъ Урала значительные отроги.

Отъ сѣвернаго истока рѣки *Нангъ-яха*, къ сѣверо-востоку до верховьевъ р. *Нгаде-Юганъ*, тянется высокій и скалистый кражъ *Сатъ-Моки* или *Юръ-Монитъ* (въ переводѣ на Остяцкомъ и Самоѣдскомъ языкахъ значить: сто скалъ), который оканчи-

ваясь у означенной рѣки, какъ бы раздвѣивается: западный отрогъ его идетъ высокими, каменистыми кряжами *Нгяде-тей-кеу*, и *Тумболова-тей-кеу*, простирающихся по ту сторону рѣки Нгяде-Юганъ въ видѣ одного хребта, въ сѣверо-восточномъ направленіи, почти до вершины р. Мудазм-сесъ-Южемъ-Юганъ. Послѣдній кряжъ составляетъ истоки р. Тумболова-Юганъ, которая не доходитъ до водораздѣла. За сѣвернымъ истокомъ послѣдней рѣки выдается версты 2 къ западу хребетъ параллельный кряжу Тумболова-тей-кеу въ видѣ отрога, который оканчивается у самой рѣки Коппозы, составляя вверхъ по этой рѣкѣ лѣвый берегъ горной ея долины.

Версты 4 восточнѣе хребта Нгяде-тей-кеу, идетъ параллельно ему другою, еще выше его, каменный хребетъ *Гнддинъ-кеу* (названіе недостоверное), который южнымъ концемъ своимъ направляется къ р. Нгяде-Юганъ какъ бы на соединеніе къ восточному отрогу Сатъ-мони. Между названными параллельными хребтами течетъ въ южномъ направленіи одинъ изъ притоковъ р. Нгяде-Юганъ, который сходится почти съ главною вершиною р. Тумболова-Юганъ, у сопки Тумболова-тей-кеу.

Самый же водораздѣлъ Урала за послѣднимъ высокимъ хребтомъ не видѣнъ; по показанію проводника, онъ отстоитъ версты на 4 восточнѣе, и сѣверная вершина рѣки Нгяде-Юганъ обходитъ этотъ кряжъ.

Кромѣ того, отъ р. Нгяде-Юганъ къ сѣверу, чрезъ верховья р. Тумболова-Юганъ и почти до р. Коппозы, верстахъ въ 5 еще западнѣе тянутся холмообразные отроги означенныхъ высокихъ хребтовъ, въ видѣ одного параллельнаго и не очень высокаго хребта, какъ предгорія, въ связи съ которыми находится скалистая гора *Тумболова*.

Всѣ означенные отроги западнаго склона Урала открыты и совершенно безлѣсны, даже мелкаго кустарничка не видѣется на кряжахъ. Лощины и истоки рѣкъ во многихъ мѣстахъ покрыты толстымъ слоемъ снѣга, по показанію Остяковъ, нарастающаго даже въ самое жаркое лѣто. Въ глубокихъ долинахъ рѣкъ: Нгяде-Юганъ, Нангъ-яха и Малой Янема, начинается лѣственничный лѣсъ, который впрочемъ не поднимается въ горы далеко и версты 8 не доходитъ до водораздѣла.

Восточные же отроги Урала, сколько удавалось видѣть, высоки и простираются довольно далеко; рѣки этого склона отъ

истоковъ почти сейчасъ текутъ въ глубокихъ горныхъ долинахъ. По долинь р. Пиде-Юганъ, вдоль праваго берега главнаго истока, тянется рядъ скалистыхъ сопокъ, примыкающихъ къ высокому и также скалистому хребту, составляющему правый берегъ этой долины.

Между верховьями рѣкъ: Мурома-Юганъ и восточною Большою Янема, видны параллельно Уралу два высокихъ скалистыхъ края: ближній верстахъ въ 5 отъ него, второй дальній отстоятъ верстъ на 8; за нимъ восточнѣе ничего уже не видно; къ сѣверу, кажется, въ продолженіе его, тянется гелій, также высокій каменный хребетъ. Эти края едва ли не выше главнаго хребта, включая горы Янема-кеу, господствующей на осмотрѣнномъ пространствѣ; отъ нея къ югу Уралъ еще возвышается. Вѣтви самаго Урала, между ближнимъ изъ означенныхъ параллельныхъ краевъ, представляются отдѣльными, довольно высокими продолговатыми горами, имѣющими направленіе параллельно линіи раздѣленія водъ.

Вообще отроги Урала отъ Янема-кеу, по западному склону до рѣки Нангъ-яха, по восточному почти до р. Пиде-Юганъ, представляются грядами открытыхъ и каменистыхъ горъ. Судя по мензуральной треангуляціи, восточные отроги простираются далѣе западныхъ по долготѣ. У рѣки Нгяде-Юганъ, кажется, опять западные отроги гораздо длиннѣе, и возвышаются въ особенности края: Сатъ-Мони и другіе сѣвернѣе. При верховьяхъ р. Лире-Юганъ, восточные далеко превосходятъ западные отроги, имѣя широкія предгорія.

Рѣки *восточная* и *западная Большая Янема* (Унъ-Янема-Юганъ) берутъ противоположно одна другой начало изъ горы Янема-кеу многими истоками; первая имѣетъ направленіе сначала юго-восточное, около 10 верстъ, далѣе же по выходѣ изъ горной долины, кажется, поворачиваетъ на югъ. Вершины и первоначальное на правленіе р. западной Большой Янема, ни откуда не были видны, исключая дальнее направленіе ея, на низменномъ и болотистомъ долѣ, можетъ-быть верстахъ въ 20 отъ истоковъ.

Рѣки *восточная* и *западная Малая Янема* (Ай-Янема-Юганъ) главными верховьями своими сходятся въ болотистой долинь. Первая отъ истока своего течетъ по этой же долинь незначительными извилинами почти на югъ, принявъ съ правой

стороны изъ обрывистыхъ сѣжныхъ ложицъ два значительные притока, впадаетъ вереть чрезъ 7 въ рѣку Большую Янема съ лѣвой стороны.

Вторая же западная Малая Янема, отъ вершины своей увеличиваясь многими притоками, пробирается по глубокой обрывистой долинь, между тремя значительными и скалистыми горами, въ сѣверозападномъ направленіи около 7 верстѣ, потомъ дѣлаетъ лукою поворотъ прямо къ сѣверу и, выйдя изъ горной долины, вереть чрезъ 5 впадаетъ въ рѣку Нангъ-яха, съ лѣвой стороны; по послѣдному направленію описываемой рѣки начинается разбросанный лиственный лѣсъ, который ниже по р. Нангъ-яха дѣлается уже сплошнымъ.

Рѣка *Нангъ-яха* беретъ начало многими истоками изъ глубокихъ ущельевъ западнаго склона Урала; въкоторые же притоки ея изъ отроговъ и не доходятъ до линіи раздѣленія водъ. По соединеніи послѣдней вершинки съ правой стороны рѣки Нангъ-яха, входятъ въ довольно глубокую и широкую горную долину, покрытую разбросанною лиственницею. До мѣста перехода чрезъ нее она неширока, и мѣстами берега ея обрывисты и каменисты; по выходѣ изъ означенной долины, впадаетъ съ лѣвой стороны въ нее рѣка западная Малая Янема. Отсюда далѣе къ западу почти оканчиваются отрасли Уральскихъ горъ, и р. Янема идетъ далѣе почти прямо въ западномъ направленіи по лѣсистому и болотистому долу, гдѣ впослѣдствіи впадаетъ въ р. Большую Янема, съ правой стороны.

Рѣка *Мурома-Юганъ*, впадающая въ р. Синью съ правой стороны, имѣетъ начало изъ Урала, противъ истоковъ рѣкъ Малой западной Янема и Нангъ-яха, изъ значительной сѣжной ложины, течетъ по глубокой наменистой долинь параллельно р. восточной Малой Янема около 5 верстѣ; далѣе же круто поворачиваетъ прямо на востокъ и совершенно отходитъ отъ р. Большой Янема, и на этомъ послѣднемъ направленіи, кажется, соединяется съ сѣвернымъ истокомъ своимъ, доходящимъ также до линіи раздѣленія водъ.

Вершины рѣки *Синья* (Синя-Юганъ) назначены болѣе по распросу, ибо это мѣсто Урала, на возвратномъ пути, было пройдено ночью.

Рѣка *Нгаде-Юганъ* (Гвѣдингъ-Юганъ) имѣетъ начало изъ самаго Урала, и многими истоками, которые далеко вдают-

ся на востокъ въ горы; главная же вершина ея изъ маленькаго озерка въ болотистой долинь, которое отдѣляется узкимъ хребтникомъ отъ другаго озерка, составляющаго противоположно главный истокъ р. Пиде-Юганъ; другія же вершины ея сѣвернѣе сходятся на линіи раздѣленія водъ съ истоками р. Хера-Юганъ и будто бы подходятъ къ вершинамъ р. Няга-Юганъ и раздѣляются одною горою отъ истока р. Лире-Юганъ и въ южномъ направленіи, обходя высокій каменастый кряжъ, идущій параллельно хребту Томболова-тей-кеу, выходятъ по ущелью, между первымъ кряжемъ и Сатъ-мони, скалистымъ хребтомъ въ западномъ направленіи, гдѣ, принявши съ правой стороны еще одинъ притокъ, идущій между означенными параллельными хребтами отъ высокой сопки Тумболова-тей-кеу, выходятъ изъ горныхъ хребтовъ, слѣдуетъ по довольно глубокой и широкой долинь своей и, принявши еще нѣсколько притоковъ, версть чрезъ 5 отсюда, становится уже большею рѣкою, шириною съ островами отъ 20 до 60 сажень, глубиною мѣстами до 3 футовъ, не камениста; теченіе довольно быстрое; броды для вартъ глубоки и не вездѣ возможны. По долинь ея разбросанъ лѣственничный лѣсъ, который, по правому берегу, поднимается довольно высоко, въ особенности по лощинамъ идетъ почти на самый верхъ; лѣвый же берегъ долины, подверженный вліянію сѣверныхъ вѣтровъ, совершенно открытъ, даже мелкой березки не имѣется на немъ. Версть чрезъ 15, по выходѣ ея изъ горъ, видно, что начинается сплошной лѣсъ по ней. Няга-Юганъ впадаетъ въ Большую западную Явема (по распросу).

Рѣка *Тумболова-Юганъ*, не доходя до линіи раздѣленія водъ, беретъ начало изъ каменнаго кряжа Тумболова-тей-кеу, тремя истоками; главная же вершина даже вдается въ этотъ кряжъ и выходитъ изъ глубокаго ущелья; версты чрезъ 3, соединившись съ двумя другими истоками, становится довольно значительною рѣкою и, прорвавши цѣпь предгорія, течетъ почти въ западномъ направленіи, по открытой и пологой долинь своей, имѣя мѣстами обрывистыя мысы до крутаго заворота ея на сѣверъ; отсюда начинается по ней лѣсъ и недалеко, кажется, впадаетъ въ нее съ правой стороны большой притокъ ея (безъимянная рѣчка), имѣющій начало изъ этого же кряжа и на всей длинѣ теченія своего имѣетъ направленіе параллельное описываемой рѣки. Рѣ-

ка Тумболова-Юганъ довольно быстра, но мелка и камениста, и броды для нартъ удобны.

Рѣки *Пиде-Юганъ* (Паради-яха) главный истокъ вытекаетъ изъ озера, въ болотистой долинѣ ея находящагося, противоположно главному истоку рѣки Нгаде-Юганъ, отдѣляющихся одна отъ другаго едва примѣтнымъ хребтомъ; другая вершина выходитъ изъ горнаго ущелья и, кажется, также доходитъ до линіи раздѣленія водъ. Верстъ 6 она течетъ по глубокой и широкой долинѣ своей почти прямо на югъ и, принявши нѣсколько притоковъ, становится довольно широкою; дальнѣйшее ея направленіе до впаденія въ р. Синью неизвѣстно.

Рѣка *Хера-Юганъ* вершинами своими отдѣляется однимъ хребтомъ отъ сѣверныхъ истоковъ р. Нгаде-Юганъ, и имѣетъ направленіе прямо на востокъ; по соединеніи съ истокомъ, сходящимся съ притокомъ р. Пиде-Юганъ, она входитъ въ широкую и открытую горную долину, берега которой, хотя не очень высоки, но покрыты по склонамъ каменными розсыпями, простирающимися до самой рѣки. Отъ розсыпей путь по берегамъ неудобнопроходимъ и самая рѣка мелка, и до горы *Лопта-кеу* вездѣ есть на ней броды для нартъ; далѣе она болѣе склонается къ югу и идетъ на соединеніе съ р. Синью. Верстахъ въ 20 отъ истока, на правомъ берегу этой рѣки, похороненъ находившійся при экспедиціи горный мастеровой *Павель Вакиновъ*, сдѣлавшійся жертвою свирѣпствовавшей язвы.

Между рѣками *Хера-Юганъ* и *Лире-Юганъ* имѣетъ начало изъ восточнаго склона рѣка *Илла-Юганъ* (Нялькевъ), впадающая въ р. *Войкаръ*, и которая, говорятъ, сходится съ вершинами означенныхъ первыхъ рѣкъ и съ сѣвернымъ истокомъ р. Нгаде-Юганъ.

Рѣка *Лире-Юганъ* беретъ начало изъ самаго Урала, гдѣ главная вершина ея отдѣляется отъ истока рѣки *Мудазн-сесъ-Южемъ-Юганъ* (текущей на западъ въ р. *Ленву*), весьма малою каменною сопкою. Первоначально она течетъ прямо на востокъ около 7 верстъ, дѣлая незначительныя извилины. Версты чрезъ 2, по этому направленію, она входитъ въ скалистое горное ущелье, гдѣ быстро пробирается по порогамъ и камнямъ около 5 верстъ, соединившись потомъ, съ правой стороны, съ другимъ своимъ истокомъ, который вѣроятно тоже доходитъ до линіи раздѣленія водъ и, говорятъ, недалеко отстоитъ

отъ сѣвернаго востока Нгаде-Юганъ и вершинъ р. Нальга-Юганъ. Далѣе она поворачивается на юговостокъ, вступая въ горную долину, и слѣдуетъ въ этомъ направленіи (мимо астрономическаго пункта, въ глубокой долинѣ рѣчки, впадающей съ правой стороны) около 3 верстѣ, потомъ опять принимаетъ направленіе прямо восточное до горы *Хулемъ-лары-кеу*, на правомъ берегу. Здѣсь она, при выходѣ изъ горной долины своей, дѣлаетъ крутой поворотъ на сѣверъ, далѣе же принимаетъ направленіе сѣверовосточное до р. Парбе-Юганъ, впадающей съ лѣвой стороны.

На описанномъ протяженіи ширина этой рѣчки съ островами и протоками доходить мѣстами до 60 и болѣе саж. и совершенно неудобна для плаванія даже въ малыхъ лодочкахъ, какъ по порогамъ, такъ по мелкой и быстро пробирающейея между камнями водѣ. По показанію туземцевъ, отъ означенной рѣчки Парбе-Юганъ, внизъ до впаденія ея въ Войкаръ, она также невозможна для плаванія. Во время лѣта, въ обыкновенную воду, плыютъ на ней во многихъ мѣстахъ броды для нартъ. Разбросанный по долинѣ ея лѣсъ начинаетъ уменьшаться по мѣрѣ приближенія къ вершинѣ рѣчки, подходи къ устью верхняго притока ея; встрѣчается еще кое-гдѣ раскиданная мелкая береза и рѣдко лиственница; далѣе же вверхъ за означеннымъ истокомъ совершенно прекращается.

Рѣчка *Коппола* или *Мудазу-сезъ-Южемъ-Юганъ*, плывущая начало противъ востока р. Лире-Юганъ, описанной выше, сперва течетъ маленькими колѣнами прямо на сѣверъ около 2½ верстѣ; по выходѣ же изъ горной долины, она принимаетъ направленіе сѣверозападное и слѣдуетъ прямо, довольно быстро, между безлѣсными и отлогими своими берегами, плывя мѣстами каменные притесы и выдающіеся мысы.

III.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДНЕВНИКА,

ВЕДЕННАГО ВЪ ЮЖНОМЪ ОТРЯДѢ УРАЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1848 Г.

Въ дополненіе къ сдѣланному мною топографическому описанію части Уральскаго хребта, сятаго въ 1848 году, неизлишнимъ считаю приложить извлеченіе изъ моего дневника, для болѣе подробнаго показанія обстоятельствъ, въ которыя мы были поставлены свирѣпствовавшюю въ это лѣто на Уралѣ язвою, встрѣбившею всѣхъ оленей, чрезъ что мы не могли достигнуть цѣли, оставя неосмотрѣннымъ и несвятымъ протяженіе Урала около 150 верстъ по широтѣ.

29 *Іюня 1848 года.* На Уралѣ подѣ 66° сѣверной широты, при рѣкѣ *Копполь* или *Мудази-сестъ-Южель-Іоганъ*, экспедиція раздѣлилась на два отряда, сѣверный и южный. Послѣдній нашъ отрядъ, подѣ начальствомъ Стражевскаго, сдѣлалъ переходъ къ югу, отъ пункта раздѣленія экспедиціи, на гору *Тумболова*.

30 *Іюня.* Оставался на мѣстѣ для того, чтобы я могъ взмѣрить базисъ и начать основательную мензульную триангуляцію, которую предполагалъ продолжать потомъ непрерывно на всемъ протяженіи по Уралу до окончательнаго пункта горы *Космъ-керъ*. Производство такой триангуляціи мензулою болѣе затруднительно и неуспѣшно по недостатку времени и средствъ, нежели опредѣленіе какимъ нибудь малымъ инструментомъ астрономическихъ пунктовъ. Къ сожалѣнію, я не былъ снабженъ подобнымъ инструментомъ, по непредвидѣнному раздѣленію экспедиціи въ 1848 году, поэтому долженъ былъ, для болѣе точ-

ной связи маршрутовъ, употреблять мензулу, не смотря на всѣ затрудненія.

1 *Юля*. Перешли чрезъ рѣку *Тумболова-Юганъ* къ рѣкѣ *Няде-Юганъ*. Съ 1 по 9 число, погода до такой степени была ненастная, что не было никакой возможности защититься отъ безпрерывныхъ почти дождей, съ грозою по временамъ. Мы не могли подвигаться впередъ и по случаю сильнаго тумана, которыми все пространство было обнато въ продолженіе этого времени, такъ что кромѣ мѣста, гдѣ мы находились, ничего не было видно кругомъ. Поэтому мы принуждены были на мѣстѣ ожидать пока хотя нѣсколько прояснится, чтобы на пути что нибудь могли осмотрѣть. Въ надеждѣ, что погода сдѣлается лучше, мы обманывались; одинъ день замѣнялся другимъ болѣе или менѣе ненастнымъ.

9 *Юля*. Къ радости нашей погода прояснилась, и даже вершина высококой сопки *Тумболова-тей-кеу*, при истокѣ рѣки *Тумболова-Юганъ*, освободилась отъ облаковъ, которыми она была обната долѣе всѣхъ окрестныхъ горъ. Не тратя нисколько времени, майоръ *Стражевскій* и я, съ проводникомъ и талмачемъ, поѣхали на 3 нартахъ на означенную сопку, отстоящую отъ лагеря верстъ на 10, и которая по показанію проводника должна была находиться на линіи раздѣленія водъ. Около 3 часовъ мы ѣхали, или лучше мучились съ оленями: на этихъ 10 верстахъ комары и оводъ сильно свирѣпствовали послѣ ненастья; олени падали, рвали упряжь и кружились. Кос-какъ добрались наконецъ до подошвы кряжа, и потомъ, не безъ труда, поднялись на верхъ съ инструментами (я бралъ и мензулу), по крутому и каменистому склону его. Только что успѣлъ взобраться, какъ облака, съ востока занесимыя, опять обняли насъ и окрестныя горы, такъ что промежутками можно было видѣть только одинъ долъ, гдѣ соединялись истоки р. *Тумболова-Юганъ*. Мы не могли ничего узнать отъ проводника о направленіи и составныхъ частяхъ водораздѣла, только видно было, что истоки р. *Няде-Юганъ*, текущей на западъ же, сходятся съ вершинами *Тумболова-Юганъ*, изъ чего заключили, что этотъ кряжъ не составляетъ линіи раздѣленія водъ, какъ онъ казался, и что р. *Тумболова-Юганъ* беретъ начало не изъ самаго *Урала*, а изъ его отрога.

Тщетно прождали мы нѣсколько часовъ, не прояснится ли небо;

облака сильно неслись через горы, и наконецъ начало уже темнѣть. Къ 11 часамъ вечера мы спустились съ горы къ оленямъ и поѣхали обратно въ лагерь. Такимъ образомъ поѣздка была неудачна и трудъ нашъ не вознагражденъ успѣхомъ.

Съ 10 на 11 число. Ночью, воспользовавшись нѣсколько благоприятною погодою, перейдя довольно глубокимъ бродомъ р. *Ниде-Юганъ*, сдѣлали переѣздъ на южный притокъ этой рѣки.

11 Юля. Оставались на мѣстѣ послѣ ночнаго перехода. Я занимался съемкою и трангуляціею по окрестнымъ горамъ, а Стражевскій отправился на скалистый кряжъ *Сатъ-Мони*, опредѣленный мною издали, съ тѣмъ, чтобы обозрѣть ливію раздѣленія водъ, которую мы не видѣли уже отъ Коппола, перехода черезъ Уралъ. Погода благоприятствовала днемъ, а ночью была очень туманна, поэтому онъ не могъ возвратиться въ лагерь раньше утра слѣдующаго дня.

13 Юля. Мы не могли сдѣлать перехода болѣе 10 верстъ черезъ рѣку *Нанъ-аха* къ южнымъ верховьямъ ея, по затруднительной мѣстности каменныхъ отроговъ западнаго склона Урала. Олени подъ транспортомъ выбивались изъ силъ, безжалостно мучимые комарами и оводами. Подрядчикъ и хозяинъ нашихъ оленей, Березовскій уроженецъ, Василій Усковъ, съ однимъ Остякомъ были того же числа вечеромъ отправлены нами для отысканія ближайшаго кочевья Остяцкаго, чтобы имѣть въ виду замѣнить изнуренныхъ оленей свѣжими, въ случаѣ надобности, и купить отъ нихъ сколько нибудь хлѣба, муки или сушеной рыбы; ибо наши сухари, взятые на три недѣли, уже истощались, а пунктъ, гдѣ приготовлена была провизія на Уралѣ, отстоялъ отъ насъ еще болѣе 60 верстъ; до него мы не надѣялись вскорѣ добраться, по чрезвычайной слабости оленей. Продолжительное невѣстье, потомъ сильное комарное и оводное время (*), препятствовали оленямъ расходиться для корма. Стадо наше, до 400 оленей съ телатами, по цѣлымъ суткамъ почти постоянно лежало и сжималось вмѣстѣ близъ чума. Нужно представить себѣ только, какъ это множество комаровъ беспокоитъ нѣжнаго оленя, ливающаго въ это время года: сплошною массою

(* Такъ называется время года и дня, въ которое преимущественно свирѣпствуютъ эти насѣкомыя.

они покрываютъ все его тѣло; отъ укушенія овода течетъ кровь.

Съ оленями мы должны были обходиться какъ съ больными. Когда нужно было дѣлать значительный переходъ, то запрягая ихъ, нужно было соображаться съ тѣмъ, бѣ ли они ночью или нѣтъ, также съ состояніемъ температуры и проч. Въ полдень необходимо было всегда переждать самую жару, ибо въ это время сильнѣе свирѣпствовалъ оводъ. На пути олени при малѣйшей остановкѣ сейчасъ ложились, и потомъ трудно было поднимать ихъ. Не говоря уже о томъ, что мы сами притерпѣвали отъ этихъ насѣкомыхъ, мы затруднялись скучнымъ и медленнымъ поѣздомъ нашего обоза. Сами туземцы удивлялись этому незапамятному множеству комаровъ, какое было лѣтомъ 1848 года; они приписывали это рѣдкой теплотѣ прошлой зимы. Вспомнивъ совѣты нѣкоторыхъ, будто комары не терпятъ смоляной запахъ, мы вымазали платки дегтемъ и покрывали по возможности ими лицо; но ничего не помогало,—комары роemъ льнули къ намъ.

14-го Юля. Подрядчикъ возвратился съ двумя Остяками изъ отысканнаго имъ чума въ верстахъ 20 сѣвернѣ насъ на Уралѣ, при вершинѣ р. *Пиде-Юганъ*. Въ стадѣ у насъ палъ олень. Обстоятельство замѣчательное тѣмъ, что съ этого числа появилась язва.

15-го Юля. По собраніи свѣдѣній отъ пришедшихъ Остяковъ, майоръ Стражевскій одинъ поѣхалъ въ ихъ кочевье, какъ для сдѣланія распоряженія относительно продовольствія, такъ и для того, чтобы осмотрѣть ту часть Урала, которая осталась въ сторонѣ отъ насъ. Въ этотъ день пало 3 оленя, 16-го числа еще 4. Замѣтивъ съ 14-го числа постепенно увеличивающійся падежъ оленей, мы поспѣшили скорѣе переимѣнить мѣсто, опасаясь заразы.

17-го Юля. Къ ночи перешли на вершину р. *Малой западной Янема*. У насъ почти вдругъ пало еще 7 оленей.

Съ 18 по 22 число. Пробывъ на мѣстѣ. Въ эти дни былъ совершенный бурянь: проливной дождь съ грозой, и сильнѣйшій вѣтеръ кружилъ и нѣсколько разъ валилъ и рвалъ нашу палатку, такъ что мы по очереди спали. Все время термометръ показывалъ + 2°; олени начали сильно валиться во время ненастья. 18 числа пало ихъ 10.

19-ю Юля. Язва начала еще сильнѣе дѣйствовать: въ эти сутки пало 37 оленей, и большею частію ѣзжалыхъ, т. е. изъ годныхъ въ упряжь.

20-ю Юля. Погода не поправлялась. Утромъ толмачъ нашъ (*) на вопросъ маіора Стражевскаго о состояніи стада, отвѣчалъ: «Остяки счетъ потеряли уже падали, и перестали даже шкуры сдирать Ваше Высокоблагородіе». Маіоръ приказалъ перегонять стадо съ мѣста на мѣсто, дабы около упавшихъ оленей не заражались и здоровые; но это не помогало: около валяющихся всюду пропавшихъ оленей и даже раздѣтыхъ уже, лежали или бѣгали телята, отыскивая матокъ, или послѣднія около своихъ телятъ, и вскорѣ, зараженныя самъ, тутъ же падали. Лишь перегонять стадо, пролежавшее около часа на мѣстѣ, на другое, 5, 6 оленей уже не встанутъ.

Въ первые дни падежа, проводники наши, Остяки и Самоѣды, не только снимали шкуры, но съ жадностію употребляли и въ пищу мясо. Предвидя сильную заразительность отъ этого, мы запрещали имъ не только ѣсть, даже и раздѣвать павшихъ оленей; но они не могли удержаться отъ этого, и украдкою или ночью продолжали свое, разсуждая: «гдѣ это слыхано, чтобъ отъ оленьей болѣзни умиралъ человекъ!» Даже два Самоѣда уже сильно заболѣли, и это не могло ихъ удержать. Впрочемъ, нельзя и удивляться ихъ невѣжеству, ибо такая язва только еще въ первый разъ у нихъ появилась; а они привыкли поступать такимъ образомъ въ обыкновенныхъ случаяхъ незначительнаго падежа оленей, отъ боли копытъ и другихъ незлокачественныхъ болѣзней.

Омерзительно и вмѣстѣ съ тѣмъ жалко смотрѣть на жадность, съ какою они, переходя отъ одного павшаго оленя къ другому, съѣдаютъ лакомья по ихъ вкусу части. Женщины по цѣлымъ днямъ просиживаютъ за раздѣтыми оленями, какъ звѣри, занимаясь обычною работою своею, вытягивая зубами жилы для витокъ и безъ всякаго при томъ отвращенія, не разбирая, когда палъ олень. Они насушили себѣ въ первые дни большой запасъ оленьи.

Нельзя было видѣть предварительно никакихъ наружныхъ

(*) Кондинскій крестьянинъ.

признаковъ болѣзни скота, чтобы отдѣлять больныхъ оленей отъ здоровыхъ: вдругъ опухаетъ языкъ, горло или животъ, и вскорѣ въ сильныхъ конвульсіяхъ начинаетъ изводиться животное. Пробовали нѣкоторымъ больнымъ оленямъ вливать въ горло спирта съ табакомъ, нашатыремъ или съ порохомъ и пускать кровь изъ ноги, но ничего не помогало. Зараза распространилась и на собакъ, которыя ѣли падаль: у нихъ тоже опухало горло и появлялись прочіе припадки, какъ у оленя.

Въ теченіе дѣлаго дня дождь и вѣтеръ не переставали бушевать, безпокою насъ донельзя, и наводили уныніе среди трудныхъ обстоятельствъ нашихъ. Подрядчикъ, видя быстрое унычуженіе своихъ оленей, составлявшихъ все имущество его, съ озабоченнымъ видомъ и въ отчаяніи выпросилъ у насъ кусокъ восковой свѣчи и пошелъ въ чумъ свой. Черезъ полчаса слуга нашъ (*), входя въ палатку къ намъ, сказалъ: «Василій Васильевичъ какую-то Божественную книгу читаетъ вслухъ, можетъ Богъ дать къ завтраму не проведрится ли, и олени перестанутъ падать. Дай-то Господа Истинный Христокъ!» По слѣднія слова его сопровождался крестнымъ знаменіемъ.

Суевѣрные Остяки и Самоѣды разсуждали по своему: «это вѣрно уже такое мѣсто пропащее; тутъ, на этомъ самомъ мѣстѣ вѣрно чумъ когда нибудь стоялъ. Старики сказывали, если чумъ поставится на старое мѣсто, то уже не миновать бѣды. Это вѣрно!» Въ отвращеніе дальнѣйшаго бѣдствія, они говорили, что «нужно непременно заколоть бѣлаго здороваго оленя въ жертву; *потомъ шерстью его окуритъ стадо*». Мы только и ждали, чтобы погода нѣсколько стихла, и могли бы перейти съ этого истинно *пропащаго мѣста*.

24-го Іюля. Ночью лилъ сильный дождь. Утромъ пастухи сказывали намъ: «уже мало осталось живыхъ оленей; если не вѣрите, посмотрите сами». И дѣйствительно, ночью былъ страшный валежъ скота! Пополудни вѣтеръ стихъ и погода начала проясняться. Мы не могли на своихъ оленяхъ перейти съ этого отвратительнаго мѣста, не пѣлъ болѣе 20 оленей, оставшихся изъ 200 ѣзжалыхъ, остальные же все мелочь, или небывшіе еще въ упряжѣ.

(*) Горный мастеровой.

Нужно было снова послать въ отысканный чумъ взять оттуда хотя 30 оленей подъ необходимый транспортъ, чтобы только добраться до пункта, гдѣ были приготовлены наши припасы.

22-го *Юля*. Погода была хорошая, теплая и безъ вѣтра; комары, вопреки нашимъ расчетамъ, не уменьшались отъ прошедшаго ненастья, но всѣ ожили и, кажется, еще съ бѣльшимъ ожесточеніемъ ѣли насъ. До полудня мы не могли дожидаться посланнаго за оленями съ вѣстію, отъ которой зависѣлъ планъ дальнѣйшаго нашего путешествія. Вечеромъ подрядчикъ возвратился только съ 10 оленями, и то Остакы отпустили ихъ не иначе, какъ съ условіемъ, въ случаѣ падежа, заплатить за каждаго по 15 рублей ассигнаціями. Въ этомъ кочевьѣ, сѣвернѣе насъ, зараза начала уже дѣйствовать.

Къ 11 часамъ вечера, вскорѣ по приведеніи оленей, начали готовиться къ ночному переходу на другое мѣсто далѣе къ югу. Собственно нашихъ оленей, годныхъ еще въ упряжь, оказалось только 12 изъ 200 ѣзжалыхъ. Мы бросили менѣе нужныя вещи и расколотили лишніе ящики, уменьшили кладъ изъ 15 нартъ до того, что уложили все на 7 нартахъ, запряженныхъ по 2 и по 3 оленя. Сами увѣсились инструментами и сумками, люди повесили на плечахъ по вязанкѣ дровъ изъ расколоченныхъ ящичковъ и нартъ, ибо лѣсъ отстоялъ верстъ на 15 и болѣе отъ склона Урала, почему добываніе топлива было затруднительно.

Безъ оглядки мы спѣшили отъ этого мѣста, оставляя за собою до 300 валяющихся оленей въ самомъ отвратительномъ видѣ, и толпу едва переставляющихъ ноги хворыхъ оленей и малыхъ телятъ при чумѣ съ больными самоѣдами и семействомъ ихъ. Не было уже столько оленей, чтобы перевести вчумъ этотъ на другое мѣсто. Къ тому же мы не нуждались уже въ столькихъ работниковъ-проводникахъ, по случаю совершенной потери оленей; каждый лишній человекъ уже затруднялъ дальнѣйшее путешествіе относительно продовольствія.

23-го *Юля*. Перейдя въ 2½ часа ночи чрезъ Уралъ, транспортъ остановился вскорѣ лагеремъ на рѣкѣ *восточной Малой Янемы*, а мы съ майоромъ Стражевскимъ продолжали путь своей еще версты 4 далѣе по ливніи раздѣленія водъ на одну изъ сопкокъ *Янема-кѣу*, гдѣ онъ дѣлалъ по обыкновенію барометриче-

скія и геогностическія наблюденія, а я въ это время обрекогно-сцировалъ окрестности. Къ 5 часамъ утра мы спустились съ сопки и пошли въ лагерь.

Несмотря на усталость ночнаго перехода и ходьбы на означенную гору для наблюденій, маіоръ Стражевскій нисколько не медля собралъ оленей и, въ сопровожденіи подрядчика нашего, толмача и одного проводника, на трехъ нартахъ и со всѣми оставшимися живыми 18 оленями, отправился къ югу по Уралу до горы *Тонабе-нѣль*, гдѣ надѣялся отыскать приготовленную зимою провизію, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать распоряженіе сообразно обстоятельствамъ о дальнѣйшемъ путешествіи нашемъ, оставя меня въ лагерьѣ со всѣмъ имуществомъ экспедиціи при двухъ горныхъ мастеровыхъ. Отправляясь на неопредѣленное время, онъ раздѣлилъ всѣмъ поровну сухари, фунта по 1½ каждому, взявъ себѣ такую же часть, по горсти крупы и соли.

Уѣзжая онъ говорилъ мнѣ, что если зараза не истребила оленей на Уралѣ южнѣ насъ, куда лежалъ нашъ путь, то, безъ особыхъ затрудненій, мы можемъ проѣхать, нанимая оленей отъ кочевья до кочевья. Въ противномъ же случаѣ, если найдеть уцѣлѣвшихъ отъ язвы хотя нѣсколько оленей, достаточныхъ для 2 нартъ, подъ провизію и необходимыя вещи, то оставить до зимы въ первомъ же кочевьѣ нашихъ двухъ слугъ, горныхъ мастеровыхъ, надѣля ихъ провизією, которую предполагалъ навѣрное отыскать и бросить всѣ вещи, и только вдвоємъ со мною, съ однимъ проводникомъ и толмачемъ, пройдетъ непосредственно порученную ему дистанцію Урала во что бы не стало. Добравшись же до вершинъ Сыгвы, мы должны были встрѣтить кочевье богатаго Остяка *Тѣбита*, который могъ бы свезти насъ потомъ на отдѣльный хребетъ *Саблю* (*) и до деревни Оранца на Печорѣ.

Въ случаѣ же общаго и повсемѣстнаго падежа, мы имѣли намѣреніе, хотя на этихъ же оленяхъ, если возможно будетъ, обратиться за *Тонабе-нѣль*, гдѣ, запасшись провизією, сколотить себѣ плоты и спуститься по р. Сыгвѣ.

(*) Отдѣльный высокій кракъ на западной сторонѣ, параллельно Уралу, верстахъ въ 40 отъ онаго. Господствующая вершина простирается до 6000 футовъ надъ поверхностію моря по опредѣленію Ковальскаго.

Эти планы давали возможность намъ обозрѣть почти всю порученную часть до горы *Косми-нёрз*, также и я могъ бы сдѣлать хорошую рекогносцировку этой части Уральскаго хребта, тѣмъ болѣе, что еще съ горы *Тумболова* я видѣлъ почти весь Уралъ съ боку до широты *Сабли* и взялъ, кромѣ магнитныхъ азимутовъ, ихъ направленія мензулою. Съ высокой горы южный *Пай-ярз* или *Вой-Халди*, на Уралѣ, на половинѣ всего предстоящаго пути, мы надѣялись, по показанію проводника, увидѣть всю южную часть Урала, къ сѣверу и югу. Кромѣ того высокая вершина *Сабли*, опредѣленная Ковальскимъ астрономически, служила бы мнѣ хорошимъ пунктомъ для боковыхъ пересѣчекъ на всемъ протяженіи пути нашего.

Къ полудню подвигаясь порядочный сѣверозападный вѣтеръ, обрадовавшій насъ облегченіемъ нѣсколько свѣрѣпости и комаровъ для оленей и ускореніемъ тѣмъ пути Стражевскаго. Къ 5 часамъ вечера погода испортилась, вѣтеръ сдѣлался порывистымъ и пошелъ сильный дождь; я приготовился встрѣтить ненастье, съ которымъ мы уже свыклись на негостепріимномъ сѣверномъ Уралѣ. Почти всю ночь продолжался ливень и промочилъ нашихъ путниковъ, поѣхавшихъ налегкѣ и ночевавшихъ подъ открытымъ небомъ безъ палатки, на голомъ и безлѣсномъ Уралѣ.

24 *Юля*. Воспользовавшись до полудня нѣсколько благопріятною погодою, я выходилъ окрестности съ мензулою не безъ малага труда; былъ на двухъ ближнихъ сопкахъ.

Часа въ 4 пополудни, опять подвигалась буря, вѣтръ грозилъ увести палатку нашу со всѣми колыями и шестами; мы прикрѣпляли и суетились подъ дождемъ и грозюю, какъ моряки во время шторма; ливень продолжался почти всю ночь. Изъ оставленнаго чума нашего пришелъ Самоѣдъ съ извѣстіемъ ко мнѣ, что Остякъ работникъ Ускова померъ, послѣ двухдневной болѣзни.

25 *Юля*. Около 3 часовъ утра, неожиданно возвратился майоръ Стражевскій со своими спутниками пѣшкомъ, везя только на 3 уцѣлѣвшихъ оленяхъ куль сухарей, нѣсколько крупы и прочей мелочи. Озабоченный и изнуренный видъ его не обѣщали радостной вѣсти.

Найденная имъ провизія хотя и казалась утѣшительною для насъ, но неблагопріятныя обстоятельства, въ которыя мы были поставлены заразою, заставили призадуматься. Къ югу

отъ насъ на всемъ протяженіи Урала, куда лежалъ путь нашъ, не осталось ни одного живаго оленя: всѣ были истреблены уже язвою. Сами Остяки въ чумахъ, тоже почти на половину померли, или были жестоко больны. Эпидемія шла довольно быстро съ юга на сѣверъ, на встрѣчу намъ, и замѣчательно, что, съ приближеніемъ къ сѣверу, она дѣйствовала гораздо слабѣе и медленнѣе, какъ это видно изъ слѣдующихъ свѣдѣній:

Къ 14 Іюля, когда только что появилась у насъ въ стадѣ язва, чрезъ полградуса южнѣе насъ въ пяти кочевьяхъ, версть на 10 одна отъ другой простиравшихся далѣе къ югу, зараза успѣла истребить уже всѣ стада до 8 тысячъ, въ продолженіе какихъ нибудь 10 дней. У насъ же съ 14 по 25 число, т. е. въ теченіе 11 дней, истребила стадо, состоявшее не болѣе какъ изъ 400 головъ.

Въ кочевьѣ на р. *Лиде-Іоанъ*, версть 20 сѣвернѣе насъ, она появилась почти 5 днями позже нашего и дѣйствовала значительно медленнѣе, чѣмъ у насъ.

Еще же сѣвернѣе этого, какъ впоследствии оказалось, у верховья р. *Войкара*, въ стадѣ изъ 500 оленей, зараза не истребила и половины, далѣе же этого мѣста въ глубину сѣвера уже не проникала эпидемія; почему сѣверный отрядъ экспедиціи благополучно дошелъ до Ледовитаго моря, удаляясь болѣе и болѣе отъ заразы, а нашему южному отряду нужно было идти на встрѣчу ей.

Къ горѣ *Тонабе-нѣль* за провизіею ѣхали почти цѣлыя сутки безостановочно, не смотря на сильно ненастную погоду и усталость отъ путешествія прошедшаго дня; наконецъ, къ общей радости ихъ, они вдругъ увидѣли вдали четыре чума и лежащее на снѣгу огромное стадо оленей; они рѣшились дать отдыхъ выбившимся изъ силъ оленямъ, и между тѣмъ подкрѣпить себя хотя кратковременнымъ сномъ, не спавши двое сутокъ, не обращая вниманія, что нечѣмъ было укрыться отъ проливнаго дождя.

Къ утру 24 числа оказалась только половина живыхъ оленей изъ 18, на которыхъ наканунѣ выѣхали. Они и не тужили много объ этой потерѣ, увидя богагое кочевье впереди. Поѣхали версты 4 далѣе, олени вдругъ испугались, наѣхавъ на павшихъ, которые лежали въ нѣсколькихъ мѣстахъ и въ шкурахъ еще.

Всѣ надежды исчезли; они догадались, что и тутъ свирѣп-

стаетъ язва и, вѣроятно; въ сильной степени, такъ что Остяки перестали уже и шкуры снимать. Подѣзжая ближе и ближе къ означеннымъ чумамъ, они стали различать, что обрадовавшее ихъ издали стадо оленей было неподвижное поле труповъ оленьихъ. Они оставили своихъ оленей съ проводникомъ въ отдаленіи отъ этого мѣста заразы и прошли пѣшкомъ около 5 верстъ къ самымъ чумамъ, по мѣстности, всюду устѣянной палыми оленями болѣе двухъ тысячъ. Они говорили, что воздухъ былъ такъ тяжелъ и невыносимо дурень, что нестерпимо было идти противъ вѣтра.

Два ближніе чума, по окончательномъ истребленіи оленей, сблизились вмѣстѣ, и въ одномъ изъ нихъ отыскались наши припасы, находившіеся на сохраненіи у Остяка Юра съ племянникомъ. Маіоръ Стражевскій распросилъ подробно у нихъ о времени появленія язвы, продолжительности ея, о количествѣ палыхъ стадъ, о смертности людей и проч. Въ этихъ двухъ чумахъ повалилось въ теченіе 4 дней у богатаго Остяка Лара 2000 оленей и самъ онъ померъ; у другаго же 1000 оленей. Въ двухъ сосѣднихъ чумахъ еще южиѣ пало тоже не менѣе 2 тысячъ. Далѣе же еще къ югу не помню достоверно, сколько пало оленей. (*)

Остяки не знали даже, сколько осталось живыхъ еще людей южиѣ ихъ на Уралѣ, ибо безъ оленей они не имѣли уже никакого сообщенія между собою. Смертность была сильная, — если не на половину, то по крайней мѣрѣ третья часть ихъ померла отъ язвы. У людей, какъ признакъ заразы, являлась на лицѣ болячка, въ родѣ вереда, потомъ вскорѣ лицо начинало опухать болѣе или менѣе. Кому уже было суждено сдѣлаться жертвою язвы, тогда голова опухала до такой степени, что не видно было мѣста глазъ, носа и проч.; съ распространеніемъ же опухоли ниже къ горлу и груди, человекъ немедленно умиралъ въ сильномъ удушьи. Къ распространенію заразы между людьми, Остяки сами способствовали своею невѣжественною, дикою привычкою употреблять въ пищу павшихъ оленей. Они сами рассказывали, что въ первые дни сильнаго валежа едва успѣвали снимать не болѣе пяти

(*) Стражевскій имѣетъ подробныя свѣдѣнія обо всемъ этомъ, собранныя на мѣстѣ.

шкуръ, какъ руки сильно опухали у нихъ, а нѣкоторые заболѣвали. Не смотря на эти ясныя признаки заразительности, они продолжали свои занятія до тѣхъ поръ, покуда многіе изъ нихъ померли.

Остякъ, хранившій наши припасы, подалъ маіору длинную палку со многими на ней надрѣзами, дѣланными имъ ежедневно по одному, чтобы не сбиться со счета, сколько дней онъ хранилъ казенную провизію. Стражевскій наградилъ его, за исправность и отчетливость, тремя рублями серебромъ и отдалъ ему большую часть припасовъ, чего не могъ увести на оставшихся 5 оленяхъ; только не велѣлъ употреблять ихъ ранѣе 3 недѣль, изъ предосторожности, чтобы намъ самимъ не пришлось еще употребить ихъ, если по непредвидѣнному случаю засядемъ гдѣнибудь въ горахъ, точно такъ же, какъ и Остяки, которые оставались въ этомъ жалкомъ положеніи до зимы, не имѣя средствъ съ семействами убраться съ Урала.

Этотъ трудный путь, болѣе 90 верстъ туда и обратно, маіоръ Стражевскій сдѣлалъ въ 1½ сутки; онъ стоилъ остальныхъ 18 оленей, на которыхъ мы далеко бы убравшись съ Урала, если бы не имѣли надобности въ провизіи и могли достовѣрно звать, существуетъ ли впереди по Уралу зараза, и имѣются ли какія средства продолжать путешествіе, хотя бы и вдвоемъ, какъ предполагали. Но нельзя было положиться на слова какогонибудь посланнаго для узванія, не убѣдившись лично во всемъ, для лучшаго распоряженія въ пользу возложеннаго на насъ порученія.

26-ю Іюля. Сообразно описаннымъ обстоятельствамъ, начальнику экспедиціи, видѣвшему, что не имѣется уже никакихъ средствъ продолжать дальнѣйшее путешествіе по Уралу, даже при возможно-ограниченныхъ средствахъ, оставалось заботиться единственно только о спасеніи ввѣреннаго ему отряда отъ явной гибели, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ слугъ нашихъ, горный мастеровой, уже заболѣлъ заразою, не смотря на всѣ мѣры осторожности, относительно сообщенія съ Остяками, пища и проч. Обстоятельства наши были такъ трудны, что не только нельзя было думать о другомъ днѣ, но даже и о вечерѣ настоящаго. Постоянно ненастная погода не подавала никакой надежды къ прекращенію эпидеміи. Изъ возвратившихся оленей остался

только одинъ еще живымъ. Около 2 часовъ пополудни мы успѣли отослать этого оленя обратно въ чумъ на р. *Пиде-Юганъ*, откуда мы взяли 10 оленей подъ извѣстнымъ условіемъ и навьючили ихъ сухарями, какъ необходимымъ предметомъ для ретиреды нашей съ Урала. Толмачъ и одинъ горный мастеровой понесли тоже на плечахъ что могли изъ болѣе нужныхъ вещей. Виѣстъ съ тѣмъ подрядчикъ долженъ былъ освѣдомиться, осталось ли тамъ хотя сколько нибудь оленей, чтобы можно было намъ перейти въ этотъ чумъ, везя необходимыя вещи и жизненные припасы хотя на 2 или на 3 вяртахъ, полагая притомъ, что каждый изъ насъ понесетъ самъ не менѣе пуда на плечахъ.

Проводникъ нашъ, Сивинскій Остякъ, Павелъ взялся провезти насъ изъ означеннаго чума на восточный отрогъ *Алпта-Кѣу*, съ котораго уже полагалъ въ непродолжительное время провести чрезъ низменный долъ на р. Обь, въ Остяцкое село *Мужы*, если только съ удаленіемъ отъ Уральскаго хребта олени перестанутъ падать или, по крайней мѣрѣ, если ихъ доставитъ хотя на половину пути нашего, чтобы перебраться чрезъ самыя непроходимыя топи трясины. Подрядчикъ тоже ручался за вызовъ проводника, зная его опытность, и кромѣ того ему самому случилось зимнимъ путемъ ѣздить изъ означеннаго селенія на Уралъ. Посланнымъ приказано было какъ можно спѣшить, дорожа малѣйшимъ временемъ. Если же къ несчастію нашему не найдется тамъ оленей, то мы предполагали бросить рѣшительно все, кромѣ съѣстныхъ припасовъ и самыхъ необходимыхъ вещей по занятіямъ нашимъ, и ввѣрившись опытности проводника туземца, пуститься въ путь, покуда нога будетъ служить намъ. Это было послѣднее и возможное средство къ удаленію отъ мѣста зараженнаго и опустошеннаго язвою. Впрочемъ мы льстили себя надеждою, что есть еще тамъ олени, потому что стадо у двухъ хозяевъ составляло виѣстъ не менѣе 2 тысячъ головъ и что надежъ начался у нихъ значительно позже нашего.

27-го Юля. Около часа пополудни возвратились наши посланные изъ вышесказаннаго, съверивъ насъ находившагося чума, и къ величайшей радости нашей, съ 16 оленями, взятыми подъ прежнимъ же условіемъ. Мы забыли сонъ и начали сейчасъ же собираться въ дорогу.

Маіоръ Стражевскій передъ всѣми объявилъ мнѣ, что онъ, убѣдившись лично въ невозможности дальнѣйшаго путешествія по Уралу, закрываетъ экспедицію, и что ему остается теперь думать только о спасеніи вѣрнѣнаго ему отряда и всего что важно для экспедиціи. Вслѣдствіе чего требовалъ онъ отъ меня, чтобы я показалъ всѣ вещи и инструменты мои, не исключая даже самыхъ мелочныхъ, чтобы, по усмотрѣнію своему, могъ назначить, какія бросить изъ нихъ и какія еще можно взять съ собою. Я повиновался. Онъ присовокупилъ еще, что дѣло въ томъ, чтобы уменьшить кладъ довользя и облегчить тѣмъ остатокъ оленей, которые безъ сомнѣнія и такъ падутъ современемъ отъ эпидеміи». Я самъ, «сказалъ онъ,» бросаю многое изъ собственныхъ вещей. Если мы теперь не примемъ предосторожности, которой требуетъ благоразуміе, то намъ послѣ придется бросить все, вѣсти на собственныхъ плечахъ. Намъ въ скоромъ времени обѣщаетъ проводникъ провести на р. Обь въ с. *Мужки*. Теперь дай Богъ самимъ здоровья только, и болѣе ничего не нужно. Если же вскорѣ мы доберемся до г. Березова, то освѣдомимся сеіічасъ же, можно ли достать южнѣе горы *Квосмъ-нѣръ* оленей: тогда мы вдвоемъ поднимемся по Сосвѣ опять на Уралъ, снявъ эту рѣку и часть Урала, съѣздимъ на *Саблю* и выйдемъ на р. Печору; а не успѣемъ, такъ нечего дѣлать: не пойдешь на перекоръ невозможности; по крайней мѣрѣ совѣсть будетъ спокойна: мы сдѣлали все, что зависимо отъ насъ и силъ нашихъ, сообразно обстоятельствамъ».

Намъ нужно было оставшуюся за разборкою кладъ уложить повемугу на 6 партахъ, чтобы не затруднить слабыхъ уже оленей, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ приведенныхъ сеіічасъ палъ. Мы очень торопились разборкою и укладкою вещей, чтобы не лишиться еще на мѣстѣ многихъ оленей, и не смотря на все это, мы не успѣли однакожъ ранѣе 9 часовъ утра выступить въ путь. Къ несчастію, день былъ тихій и одинъ изъ самыхъ жаркихъ, какого мы до сего времени не имѣли: + 25° Реомюра было въ полдень. Олени выбились изъ силъ, проѣхавъ по довольно трудной мѣстности около 3 верстъ; къ тому же комары и оводъ довершали ихъ мученіе, довивая сильно и насъ, даже сивозъ легкую одежду. Мы остановились на одной изъ снѣжныхъ лошинъ вершины р. *Малой восточной Янела*, давъ

отдохнуть оленямъ, переждавъ жаръ, иначе они не дотащили бы обоза до мѣста. До 6 часовъ вечера стояло еще + 21°, и нельзя было пуститься въ дорогу; и то уже два оленя начали изводиться.

Потомъ, въ теченіе получаса, температура вдругъ упала на 8°, термометръ показывалъ уже + 13° и началъ понемногу убывать; мы обрадовались, что можемъ подняться съ мѣста. Нужно сказать, что этотъ переходъ былъ истиннымъ мученіемъ: не мы оленей затрудняли, а они насъ. Мы прошли во всю ночь болѣе 20 верстъ, оставя на пути 3 палыхъ оленей и двѣ нарты съ вещами, и только къ 4 часамъ утра, 28 числа, прибыли въ чумъ на р. *Пиде-Юганъ*.

28 *Юля*. Около этого кочевья повсюду валялась падалъ; изъ двухтысячнаго стада оставалось еще до 700 головъ, между которыми и трети не было годныхъ къ упряжи, но и этотъ остатокъ видимо рѣдѣлъ отъ опустошительной язвы. Въ чумахъ Остяки почти всѣ были больны и двое изъ нихъ умерли. Они перемѣняли уже три раза мѣсто кочевья, дабы удалить стадо отъ палыхъ оленей, и собирались еще далѣе переѣхать, потому болѣе, что померъ Остякъ. Инородцы ужасно боятся покойниковъ: если въ чумѣ помретъ кто, то сейчасъ разбираютъ его; по погребеніи покойника, окуриваютъ верестомъ или оленьимъ саломъ, и переходятъ на другое мѣсто.

Покойниковъ Остяки хоронятъ въ тотъ же день, или не далѣе какъ на другой; одѣвши въ ту одежду, которую онъ носилъ, завертываютъ его въ оленью шкуру. Въ могилу, неглубоко вырытую, кладутъ и запасную одежду его, которую покойникъ носилъ когда вѣбудъ при жизни. Кромѣ того къ мужчинамъ кладутъ ружье, топоръ, ножъ, сверло, ложку, котелокъ и прочія вещи, употребляемыя въ ихъ быту и на промыслахъ; въ женщинамъ: иголки, нитки, наперстокъ, ножъ и прочія хозяйственныя вещи. Одного изъ любимыхъ оленей покойника, въ особенности на которыхъ онъ всегда ѣздивъ, приносятъ въ жертву, убивая его мучительнѣйшею смертью, или просто душатъ его, дѣлая заключенія по страданію животнаго: если съ разу и безъ продолжительныхъ мученій удастся убить его, то это предзнаменуетъ, что изъ среды ихъ никто въ скоромъ времени не помретъ; въ противномъ же случаѣ призадумы-

ваются. Съѣдая оленя тутъ же, оставляютъ на могилѣ только голову съ рогами и нарту, опрокинутую вверхъ полозьями. Возвратившись домой, опять все окуриваютъ. Они даже боятся говорить о покойникахъ, и никогда не трогаютъ вещей, съ нимъ положенныхъ.

Вечеромъ того же числа, отдохнувши вѣскольکو отъ продолжительнаго ночнаго перехода, я былъ посланъ маіоромъ Стражевскимъ, съ 12 оленями, обратно, за двумя нартами съ вещами, оставленными верстахъ въ 15 на пути. Не доѣзжая до этихъ вещей, я оставилъ 10 оленей поодаль, и на рукахъ съ двумя проводниками и при помощи двухъ оленей отвезли нарты на $\frac{1}{2}$ версты отъ павшихъ оленей. Потомъ немедленно разложилъ я кладъ изъ 2 нарты на 3, запряженныхъ четвернями, для легкости, и сейчасъ же поѣхалъ обратно. Около полуночи сильный туманъ, не позволявшій различать за 5 шаговъ кругомъ, задержалъ меня на пути; вбо каменистыя розсыпи, скалы, ущелья и проч. затрудненія мѣстныя не позволяли ощупью ѣхать; я оставался часа на три на мѣстѣ, покуда вѣскольکو прояснилось.

29-го Июля. Къ 7 часамъ утра, я возвратился благополучно на всѣхъ 12 оленяхъ, вопреки ожиданію маіора; въ дорогѣ на 30 верстахъ туда и обратно ни одинъ олень не палъ. Маіоръ Стражевскій, не желая медлить въ исполненіи своего намѣренія—скорѣе переѣхать затруднительный путь въ с. Муж, старался сколь возможно болѣе достать оленей подъ свозъ нашего малаго транспорта и запасныхъ въ случаѣ постепеннаго падежа ихъ, чтобы только какъ нибудь переѣхать самыя почти непроходимыя болота, до *Мужинскаго Материка* (*). Но изъ оставшагося количества ѣзжалыхъ оленей въ стадѣ, Остатки не могли дать намъ болѣе 22, съ прежнимъ же условіемъ, платить по 15 рублей ассигнаціями за каждого, въ случаѣ падежа ихъ. Они даже не брали денегъ отъ насъ, а просили росписку потому, что большею частію всѣ эти олени принадлежали Березовскимъ жителямъ, которымъ впоследствии нужно было выплатить деньги.

Сообразно полученному числу оленей, мы начали еще умень-

(*) Возвышенность, премыкающая къ Оби, образуетъ гѣбый, невысокій горный берегъ этой рѣки, на которомъ расположено с. Муж.

шать кладь, бросая многое и расколотивъ инструментные ящики, погребцы и проч. Даже Стражевскій околачивалъ собранные имъ минералы, и бросалъ лишніе экземпляры. Однимъ словомъ, все, что могло быть оставлено, бросалось. Уменьшеніе клады было тѣмъ болѣе необходимо, что одержимый язвою, горный мастеровой Павелъ Вакиновъ сдѣлался трудно боленъ; ему нужна была особенная нарта. Всякое же замедленіе на мѣстѣ имѣло бы дурныя послѣдствія, ибо зараза еще сильно дѣйствовала. Такъ какъ къ ночи не могли мы выѣхать, имѣя больнаго человѣка, повѣтому мы не брали съ вечера и оленей отъ Остаковъ, опасаясь, что они пропадутъ отъ язвы еще до выѣзда съ мѣста.

30 Юля. Поутру рано мы могли уже выступить въ походъ; все было готово и съ вечера уложено на нарты. Больному сдѣлалось еще хуже; мы устроили ему на нартѣ постелю и привязали его на ней, изъ предосторожности, чтобы не могъ упасть въ дорогѣ. Изъ полученныхъ 22 оленей, еще до выѣзда съ мѣста, уже пали 4. Мы выступили немедленно.

Переходя внизъ по берегу р. Хера-Юганъ, мы сдѣлали болѣе 20 верстъ; надѣялись, что, быть можетъ, когда спустимся съ Уральскихъ горъ, прекратится и эпидемія.

Путь былъ чрезвычайно затруднителенъ, пролегая постоянно по большимъ каменнымъ розсыпямъ. Нужно только представить себѣ положеніе слабыхъ оленей, тащущихъ сани съ кладью по голымъ камнямъ, по мѣстности, гдѣ съ большимъ трудомъ и осторожностію можно пѣшкомъ проходить. Съ какимъ сожалѣніемъ должны мы были смотрѣть на страдальца больнаго, совершенно опухшаго, въ этомъ безпокойномъ и тряскомъ пути отъ безпрестанныхъ толчковъ о каменные отломки, саней, которыя люди, поддерживая съ обѣихъ сторонъ, избавляли отъ безпрерывныхъ опрокидываній.

Мы часто останавливались, чтобы облегчить вѣсколку мученіе больнаго, который только жалѣлъ объ одномъ, что не можетъ уже отъ слабости и слѣпоты идти пѣшкомъ; не видно было глазъ на страшно опухшемъ лицѣ его. Нестерпима была бы и здоровому, не только больному, такая ѣзда. Хотьба пѣшкомъ, не смотря на сильную утомительность, по мѣстнымъ затрудненіямъ въ горахъ, намъ казалась всегда сносите подоб-

вой поѣздки лѣтомъ на нартахъ, потому, можетъ быть, что мы привыкли уже къ этимъ маршамъ, слѣдствіе все путешествіе пѣшкомъ по Уральскимъ горамъ, болѣе 3 градусовъ по широтѣ, слѣдовательно всего пути, съ боковыми отлучками на сопки, около 600 верстъ, стоящихъ, относительно трудности, едва ли не тройнаго пути по хорошей дорогѣ, если это можно назвать привычкою, что Остяки очень легки на ходу, бѣгая почти цѣлый день по горамъ, гоняя стадо заводныхъ оленей.

Каждый сочувствовалъ больному, не зная, что съ нимъ будетъ завтра; каждая изъ насъ могла постигнуть подобная же участь. Маіоръ предлагалъ больному, до выступленія въ походъ, остаться въ чумѣ на рукахъ Остяковъ, которыхъ хотѣлъ обязать беречь его; но больной ни за что не соглашался, думая еще скорѣе добраться до Березовской больницы. Мы опасались, что каждая мошка, слѣтѣвшая съ заразительной падали, могла привить намъ язву, ибо укушеніе ихъ, почти всегда, сопровождается значительною опухолью того мѣста; но въ это время мы въ особенности должны были опасаться за каждую опухоль и прыщикъ, думая, не признакъ ли это заразы.

31 Июля. Больной задержалъ насъ до полудня на мѣстѣ, не соглашаясь ѣхать далѣе, прося лучше оставить одного его, нежели подвергнуться вчерашнимъ мученіямъ. Болѣзнь совершенно одолѣла его, опухоль горла и груди запирала ему дыханіе; онъ уже почти не могъ и говорить. Послѣдніе слова, уже съ великимъ трудомъ произносимыя, заключали еще просьбу о женѣ и пятерыхъ малюткахъ, которыя осиротѣютъ. Маіоръ успокоилъ его. Черезъ нѣкоторое время сильнаго боренія со смертію, страдалецъ скончался въ 9½ часовъ утра. Часа черезъ полтора, мы похоронили его въ неглубокой могилѣ, но съ трудомъ и почти общимъ усиліемъ вырытой въ каменистой почвѣ земли. Безмолвно зарывая могилу бѣдняка, каждый мысленно молился сколько могъ и какъ умѣлъ.

Вещи покойника съ нартою мы оставили на его могилѣ, и уменьшивъ еще кладъ, соотвѣтственно оставшемуся числу оленей, перешли бродомъ черезъ упомянутую рѣку за гору *Лоптакеу*, спустившись совершенно съ Уральскихъ горъ въ долину, гдѣ остановились вечеромъ на рѣчкѣ *Нимель-Юганъ*, впадающей въ р. Няльга-Юганъ.

До сихъ поръ я все еще дѣлалъ непрерывную маршрутную съемку, сколько позволяли время и обстоятельства.

1 Августа. Къ утру оказалось палыхъ оленей только два; мы уже думали, что въ самомъ дѣлѣ съ удаленіемъ отъ Урала перестанутъ падать олени; хотя у насъ оставалось уже только 10 изъ 22, но мы оставили еще одну нарту съ мѣнѣе необходимыми вещами, какъ то: палатками, инструментами, ружьями, котелками и проч., такъ что повезли провизію и кладь для четырехъ человѣкъ только на 2 нартахъ, думая съ этимъ обозомъ на 10 оленяхъ переѣхать хотя самыя топкія низменности, простирающіяся отъ Уральскаго хребта къ р. Оби.

2 Августа. Мы удалились отъ Уральскаго хребта еще на 15 верстъ къ востоку и остановились у озера безымяннаго. Хотя день былъ жаркій, безвѣтренный и способствующій комарамъ и оводамъ, но дорогою палъ только одинъ олень, кромѣ павшаго въ прошлую ночь. У насъ оставалось еще 8 оленей, составлявшихъ всю нашу надежду, и за которыми мы особенно ухаживали.

Во время пути, другому горному мастеровому приключилось колотье въ боку. А къ вечеру проводникъ нашъ, Остякъ Павелъ, тоже заболѣлъ крѣпко, только не лавою; другой же проводникъ, Самоѣдъ Юхкоръ, имѣя уже болѣе двухъ недѣль прѣзнакъ заразы на щекѣ, былъ все на ногахъ, и не чувствуя никакой слабости, вечеромъ того же числа захворалъ.

Насъ это очень озабочивало. Мы дали больнымъ возможныя пособія изъ нашей походной аптеки, состоящей изъ 4 или 5 медикаментовъ: англійской соли, магнезіи, липоваго цвѣту, наштавъра и пластыря двухъ сортовъ. А какъ мы уже добрались до мѣса, поэтому можно было около больныхъ развести порядочный огонь, въ замѣну палатокъ, которыя были брошены уже на предѣлѣющемъ ночлегѣ.

3 Августа. Мы жестоко ошиблись въ предположеніяхъ нашихъ, что съ удаленіемъ отъ Урала прекратится эпидемія; ночью пало 5 оленей. Мы имѣли еще надежду хотя на одной нартѣ свезти сухари и что нибудь необходимое, но въ этотъ день принуждены были оставаться на мѣстѣ, ибо проводники наши все еще лежали и стонали больные, а горный мастеровой поправился къ вечеру. Полагали, что и олени нѣсколько отдохнутъ, если впадутся цѣлые сутки.

4 Августа. Утромъ мы увидѣли себя совершенно безъ оленей;

остальные три ночью пали. Оставалось любое избирать: на Уралъ ли возвратиться, или продолжать путь далѣе на востокъ. Въ первомъ случаѣ намъ пришлось бы питаться падалью, въ ожиданіи зимняго пути; въ послѣднемъ же мы предвидѣли безконечный и утомительный путь чрезъ непроходимыя въ лѣтнее время топи. Сухарей у насъ было дней на 7, а по малой порціи и болѣе нѣсколько; къ тому же надѣясь и на *подножный кормъ*: грибы, ягоды, мы рѣшились продолжать путь къ р. Оби, что бы ни предстояло намъ.

Такъ какъ мы находились между двумя значительными рѣками *Войкаромъ* и *Синью*, въ разстояніяхъ около двухъ дней ходу отъ той и другой рѣки, поэтому могли бы перейти на одну изъ нихъ, сколотить себѣ плоты и спуститься по ней на р. Обь. Но этотъ рискъ казался менѣе надежнымъ въ сравненіи съ избраннѣйшимъ уже планомъ, потому что, стративъ сухари въ двухдневномъ переходѣ къ рѣкѣ, и потомъ во время устроенія плотовъ, намъ не осталось бы пищи во время пути по теченію избранной рѣки. Каменное русло при верховьяхъ и значительная ширина близъ устьевъ этихъ рѣкъ, въ особенности Войкара, не обѣщали возможности плыть на плотахъ, кое-какъ сколоченныхъ, въ особенности въ непогоду.

Мы оставались еще на мѣстѣ, ожидая облегченія болѣзни проводника Павла. Самоѣдъ Юхкоръ былъ безнадежно боленъ и притомъ безъ ноги, имѣя по колѣно деревянную. Во всякомъ случаѣ мы предполагали оставить его: ему, въ случаѣ облегченія, возвратный путь на Уралъ былъ ближе и удобопроездимѣе, нежели подлежащій намъ.

Ночь была довольно темная; наши спутники: Усковъ, толмачъ, слуга и проводники, до сихъ поръ довольно равнодушные къ опасностямъ, видимо призадумались, и къ тому же увеличивали общее уныніе свое суевѣрными разсказами между собою о вѣрныхъ примѣтахъ несчастія, хотя нелѣпныхъ, но довольно неприятныхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Зловѣщее надъ нами карканіе вороновъ, алчностью привлеченныхъ къ павшимъ оленямъ, увеличивало страхъ ихъ: «*Вѣрна примѣта; не передъ добромъ!*» было эпилогомъ безконечнымъ разсказамъ ихъ о прѣключавшихся несчастіяхъ и бѣдствіяхъ тогда-то и съ тѣмъ-то.

Больные ивородцы проводники, окая и стонад, увѣрили, что: «не даромъ дрова сдѣлали сильную вспышку съ необыкновеннымъ трескомъ, и распались къ западной сторонѣ; падо умереть кому нибудь изъ насъ, сидѣвшихъ вокругъ огня; такъ сказывали старики, это вѣрно». Спросивъ толмача о ихъ разсказахъ, я узналъ, что проводникъ нашъ, Остякъ Павелъ, хотя крещенный, но большой знахарь: умѣетъ отгадывать будущее, предсказывать выздоровленіе больному и проч.

5 Августа. Мы впятеромъ: майоръ Стражевскій, я, горный мастеровой, толмачъ и подрядчикъ, принуждены были отправиться въ трудный и неизвѣстный путь безъ проводника, потому что Самоѣдъ Юхкоръ былъ трудно боленъ, а другому Остяку хотя и легче казалось, но онъ не соглашался идти съ нами, вѣроятно не желая оставить умирающаго товарища своего; оставаться же и намъ далѣе на мѣстѣ было не возможно, ибо малой запасъ сухарей приходилъ уже быстро къ концу, а другой пищи у насъ не было.

Я записалъ въ свой дневникъ показанія проводниковъ о примѣтахъ мѣстности и о главномъ направленіи предстоящаго пути на р. Обь, въ Остяцкое селѣ Мужи, которыя заключаются въ слѣдующемъ:

«Направленіе дороги: первоначально она идетъ на юговостокъ (130°), далѣе будетъ все склоняться къ востоку и потомъ пойдетъ прямо въ этомъ направленіи до р. *Хабица-Юганъ*, находящейся на $\frac{1}{3}$ всего разстоянія отсюда въ с. Мужи. Отъ этой рѣки дорога принимаетъ направленіе сѣверовосточное, до раздѣленія зимнихъ дорогъ на Мужинскомъ Материкѣ (*Вызиманъ-неръ*), гдѣ лѣвая отходитъ на Войкаръ, правая въ Мужи. До р. *Хабица-Юганъ* 3 дня ходу, отъ нея же въ Мужи 6, всего 9 дней, если только пойти какъ слѣдуетъ и достанетъ силъ перейти самыя топи до Мужинскаго Материка.

«Примѣты мѣстности: перейдя сосѣдній нашъ лѣсокъ, дорога будетъ пролегать малыми тундрицами, болотами и лѣсочками до 2 большихъ тундръ; въ концѣ первой изъ нихъ находится *Соргъ*, (значительное озеро съ разливомъ), который останется влѣвъ; дорога идетъ правѣе. Отсюда пойдетъ къ Березовскому острову (бугорку), который тоже останется влѣвъ; далѣе дорога входитъ въ густой лѣсъ, гдѣ она довольно примѣтна, и мѣстами есть затесы на деревьяхъ; потомъ выходитъ уже на вто-

рую упомянутую большую тундру. На этой последней встрѣтите *Идиаль-тей-идрдскую* дорогу, отходящую вправо на полдень, въ юрты на р. Сивьи. Вамъ нужно держаться лѣвѣе, и если еще будутъ какія нибудь дороги, то онѣ всѣ свади выйдутъ на Мужинскую дорогу. Пройдя вторую большую тундру, дорога выходитъ на р. Хобины-Юганъ, съ которой въ ясную погоду можно видѣть Мужинскій Материкъ: «къ морозу высокъ кажется, къ теплу же гораздо ниже» (слова Остяка Павла).

«Отъ р. Хабина-Юганъ дорога идетъ маленькими тундрами чрезъ рѣдкій лѣсокъ, пересѣкаясь буграми, озерами, ручьями и болотами, потомъ выходитъ къ свѣтлому ручью, перейдя который, пойдетъ вдоль его (не помнитъ: вверхъ или внизъ по теченію), найдете слѣды чумовища; миновавъ его, выходитъ къ озеру *Хойне-лоръ* (въ переводѣ озеро на возвышенности).

«Еще отъ свѣтлаго ручья до этого озера начнутся по дорогѣ мѣстами *Куримъ-сѣзы* (ловушки для звѣрей), и продолжаютъ далѣе. Отъ озера сейчасъ маленькая тундра до горѣлаго лѣса; за лѣсомъ, который довольно далеко тянется, начнется уже *Вызыманъ-нѣръ*, Мужинскій Материкъ. Потомъ скоро будетъ раздѣленіе дорогъ на рѣку Войкаръ и въ Мужи; надо правѣе держаться.

«Только бы благополучно чрезъ трудныя болота прошли, и добрались бы до этого мѣста, а тамъ дорога будетъ примѣтная, древняя, ѣзжаяя, и будетъ много малыхъ дорогъ; вы все держитесь только главной дороги и идите прямо на востокъ; тамъ же не пропадете и выйдете въ Мужи».

Вотъ все, что могло служить намъ указателемъ пути, на пустынномъ пространствѣ между Уральскимъ хребтомъ и рѣкою Обью, по дикой и однообразной мѣстности, почти непроходимой въ лѣтнее время. Единственная надежда оставалась только на буссоль. Подрядчикъ тоже рѣшительно не зналъ дороги, привыкли дѣлать землія повѣдки на оленяхъ (*).

До полудня мы устроивали себѣ котомки съ болѣе удобными лямками, вложивъ въ нихъ необходимую одежду, сухари, взявъ

(*) Пѣшкомъ же, и еще лѣтомъ, это совсѣмъ другое дѣло, въ чемъ мы убѣдились вполнѣ послѣдствіи горькимъ опытомъ.

съ собою журналы, и другія записки, важныя для экспедиціи; котомка составила ношу, вѣсомъ около пуда у каждаго. Потомъ, увязавъ и запечатавъ остальные вещи, собранные минералы, инструменты и проч. на двухъ нартахъ, оставили на тундрѣ, въ надеждѣ, что хотя эти вещи доставятся зимою, не говоря уже о большей части ихъ, разбросанныхъ на Уралѣ еще по мѣрѣ уменьшенія оленей. Наконецъ, оставивъ большимъ часть сухарей, отправились благословясь въ путь, съ надеждою, что когда нибудь доберемса до жилья, если будемъ здоровы.

Въ этотъ день мы сдѣлали только около 5 верстъ, держась направленія юговосточнаго (130°) по лѣсу, гдѣ дорога была довольно примѣтная и твердая до открытаго болота, на которомъ она потерялась потомъ. Покуда розыскивали слѣдовъ проѣзда и прохода чрезъ нея, начало смеркаться; мы остановились ночевать при опушкѣ лѣса, опасаясь въ темнотѣ застѣсть гдѣ нибудь на означенномъ болотѣ. Этотъ первый переходъ въ охотку, и притомъ съ сухарями, показался не такъ труднымъ.

6-ю Августа. Утромъ рано мы выступили, желая до сумерокъ сдѣлать порядочный переходъ. Погода была пасмурная, и свѣжій вѣтеръ способствовалъ нашему пѣшешествію, разгоняя вмѣстѣ съ тѣмъ сопутствующій намъ рой комаровъ. Я еще пытался хотя какъ нибудь дѣлать рекогносцировку этого пути; но утомительные и большіе обходы болотъ, кочки, чащи лѣса и прочія затрудненія пути не дозволяли опредѣлять по времени пройденнаго разстоянія.

Нѣсколько часовъ мы проходили тонкими болотами, дѣлая значительные зигзаги въ отыскваніи кратчайшаго и возможнаго пути по извѣстному направленію. Добравшись потомъ до какой-то рѣчки, на которой сдѣлали привалъ для обѣда, мы не могли взять съ собою котелка, какъ лишнюю тяжесть; поэтому мѣдный чайникъ, стакановъ въ 6 величину, служилъ намъ и для варенія грибовъ.

Къ 8-ми часамъ вечера, послѣ труднаго пути цѣлаго дня, вышли къ значительному озеру, правѣе котораго остановились ночевать въ лѣсу. Съ вечера началъ накрапывать дождь, который шелъ цѣлую ночь и до полудня другаго дня обратился потомъ въ постоянный ливень; промочивъ донельзя насъ, укрывав-

шихся подъ деревьями. Видя невозможность защищаться, мы хладнокровно лежали на мѣстѣ, какъ бы желая надоѣсть дождю и тѣмъ заставить его перестать.

7-ю Августа. Дождавшись утра, мы принуждены были устроить себѣ изъ елокъ кой-какой шалашъ, въ которомъ, укрывшись нѣсколько, вокругъ огня начали просушивать измокшую одежду и ношу, которая сдѣлалась вдвое тяжелѣе; а главная надежда наша и защита отъ холода суровыхъ ночей—малыца, оленья Остяцкая шуба, которую мы едва ли не болѣе всего берегли въ котомкахъ, требовала неперемѣнной просушки и довольно медленной.

Намъ нельзя было всегда рѣшаться переждать ненастье, какъ бы продолжительно оно ни было, только бы было ясно и безъ сильнаго тумана, свойственнаго тѣмъ мѣстамъ; потому что намъ пришлось бы все равно мокнуть на мѣстѣ или въ пути. Къ тому же сухари не позволяли медлить, не зная, когда доберемся до Оби, судя по трудному пути, который мы имѣли наканунѣ. Такъ какъ этотъ день былъ очень туманный и дождливый, поэтому мы принуждены были оставаться на мѣстѣ, льстя себя надеждою, что завтра, хотя въ дождь, выступимъ по крайней мѣрѣ съ сухою и значительно легчайшею ношей.

Ночь была холодная и темная. Собака наша, въ сильномъ безпокойствѣ, то укрывалась съ ворчаніемъ между нами, то по временамъ съ лаемъ выскакивала все въ одну сторону, чуя вѣроятно приближеніе звѣря; но втемень ничего нельзя было различить. Поутру, отыскивая грибовъ, находили слѣды и пометъ медвѣдя. Мы вспомнили и отчасти пожалѣли, что никто не взялъ для всякаго случая съ собою ружья, да и нельзя было, во первыхъ потому, что ружья, свинець и порохъ были оставлены тогда, когда имѣли еще оленей и уменьшали кладъ съ каждымъ переходомъ по мѣрѣ уменьшенія ихъ; во вторыхъ, выступая въ походъ пѣшкомъ и не болѣе какъ на 10 дней, по словамъ проводника, мы мало думали о пользѣ имѣть ружье при себѣ, заботясь только, чтобы сухарей было побольше и ноша за плечами возможно легче. Кромѣ того, торопясь выступить, чтобы выиграть время, мы не могли посылать за вещами, оставленными на Уралѣ еще за два перехода, до окончательнаго истребленія всѣхъ оленей заразою.

Такъ какъ сухари не были раздѣлены поровну, поэтому маіоръ собралъ ихъ вмѣстѣ со всѣхъ котомокъ нашихъ, и раздѣлялъ ихъ уже на другой день всѣмъ поровну, и не болѣе какъ фунта по 2 досталось каждому. Только въ этотъ день онъ далъ по маленькому кусочку, потому что, не сдѣлавъ перехода, мы не должны были тратить и сухари, не зная, во сколько дней доберемся до Оби съ подобными невольными останками.

8 Августа. Утромъ поднялся вѣтеръ и къ радости нашей сквозь тучъ начало проглядывать солнышко. Мы начали немедленно собираться въ путь. Подрядчикъ, взлезая на высокую лиственницу, для обозрѣнія мѣстности, по которой намъ предстоялъ путь, увидѣлъ вдали значительное лѣсное возвышеніе, по мнѣнію его Мужинскій Материкъ, берегъ р. Оби. Я навелъ буссоль по указанному направленію; оказалось дѣйствительно возвышеніе на югостокѣ, на главномъ направленіи котораго мы держались сообразно показанію проводниковъ. Маіоръ Стражевскій самъ взлезъ на это дерево, желая повѣрить показаніе подрядчика, и не предполагая, чтобы это незначительное возвышеніе былъ означенный Мужинскій Материкъ. (*):

Въ этотъ день мы блуждали не на шутку. Войдя въ густой лѣсъ, мы держались только направленія 130° и шли часовъ 7 по мшистому, вязкому и бугроватому грунту, пробираясь сквозь чащу и чрезъ топкія ямины, и не находя никакого слѣда человѣческаго. Этотъ путь былъ такъ труденъ, что мы едва плелся; наконецъ, къ общей радости, вечеромъ, на берегу рѣчки, на которой остановились мы вочевать, нашли большой пенъ срубленнаго когда-то дерева, который обнадѣжилъ насъ, что мы идемъ близъ оленьей дороги, и что вѣроятно кто нибудь зимою сворачивалъ сюда съ пути. Записанное же показаніе проводниковъ было почти бесполезно; мы нисколько не могли примѣнить его къ мѣстности, уже пройденной нами.

Останавливаясь на ночлегъ, мы не кончали этимъ дневныхъ

(*) Впослѣдствіи нѣсколько подобныхъ возвышеній прошли, но были еще далеко отъ берега Оби, или такъ занимающаго насъ Мужинскаго Материка, какъ вѣрной пристани къ спасенію и конца нашего странствованія.

трудоѡ своихъ, а должны были всѣ разбрестись для добыванія хлѣба насущнаго—грибовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отыскивать признаковъ ѣзды, чтобы убѣдиться въ вѣрности направленія пути къ предположенному пункту. Съ этою цѣлю мы невольно удалялись значительно отъ становища нашего, сколько позволялъ вечеръ; а иногда приходилось продолжительными скличками отыскивать одинъ другаго, и тѣмъ выводить къ сборному пункту. Образъ путешествія нашего дѣлался ежедневно затруднительнѣе и утомительнѣе.

9 Августа. Ночь была довольно холодная, при сильномъ сѣверозападномъ вѣтрѣ; комары не беспокоили насъ. Утромъ подрядчикъ опять лазилъ на дерево; но окружающій насъ густой лѣсъ не позволилъ ничего видѣть: казалось, что мы находимся въ глубокой долинѣ. Потомъ толмачъ нашъ съ подрядчикомъ были такъ счастливы, что отыскали въ верстѣ отъ насъ южнѣе затесы на деревьяхъ; насъ и это радовало, что мы не уклонились сильно отъ дороги. До полудня мы отправились отъ мѣста затесовъ по прежнему направленію, въ надеждѣ пересѣчь гдѣ нибудь ѣзжалый путь. Мы проходили сплошнымъ и топкимъ лѣсомъ; къ вечеру, когда уже смеркло, мы дошли до рѣчки, текущей съ сѣвера на югъ, шириною отъ 2 до 3 сажень, и которую сочли по глубинѣ за р. *Хабини-Юганъ*, означенную въ показаніи проводниковъ. Это немало насъ обрадовало, думая, что треть разстоянія пройдена уже и слѣдовательно перейдемъ вскорѣ самыя топи; незначительная ширина этой рѣчки привела насъ къ заключенію, что мы много лѣвѣе взяли, что вышли болѣе къ вершинѣ этой рѣчки, пройдя прямо лѣсомъ, миновали двѣ большія тундры, означенныя въ показаніи проводниковъ. Вечеромъ же еще мы устроили переправу чрезъ нее по двумъ большимъ лѣсвиамъ, чтобы на той сторонѣ наткнуться гдѣ нибудь на дорогу.

Въ обыкновенномъ отысканіи корма, я воротился вскорѣ со щепками недавно срубленнаго дерева, вмѣсто грибовъ, которыя радовали насъ болѣе пищи, потому что онѣ находились при довольно примѣтномъ слѣдѣ ѣзды, въ сажняхъ 200 отъ мѣста переправы.

Вечеромъ мы послѣшно отправились съ буссолью туда, для соображенія о направленіи этой части дороги, чтобы на другой день безъ хлопотъ выступить по этому направленію.

Надежда, что мы не совсѣмъ обились съ направленія, одушевляла насъ. Маіоръ Стражевскій велъ насъ по собственному усмотрѣнію; никто не могъ разсуждать о вѣрности и невѣрности дороги: всѣ были неопытны въ подобныхъ походахъ и не знали ничего. Недостатокъ въ пищѣ, довольно тяжелая ноша за плечами у каждаго безъ исключенія, топкій и вязкій путь сквозь дякую чащу лѣса и утомительные обходы зыбкихъ топей (звбуновъ), или отыскиванія переходовъ чрезъ оныя, не позволяли дѣлать большихъ переходовъ. Мы были довольны, если могли подвинуться отъ 5 до 10 верстъ по долготѣ къ востоку, не смотря, что почти цѣлый день мы находились въ пути, дѣлая большія зигзаги. Судя по трудностямъ, которыя мы переносили, каждый опасался только, чтобы не заболѣть гдѣнибудь въ этой пустыни. Не видя же отвратительныхъ слѣдовъ язвы, мы начали забывать о ней и перестали опасаться о появленіи ея между нами.

10-го Августа. Путь этого дня былъ также утомителенъ, какъ и наканунѣ, пролегая по такой же непроходимой мѣстности, лѣсомъ и открытыми болотами, безъ всякой дороги, держась только извѣстнаго направленія. Въ лѣсу встрѣтили кочковатую тундрицу, довольно обильную ягодами (морошкой), сдѣлали привалъ, снявъ котомки свои и разбрелись обѣдать. Имѣя понемногу еще сухарей, мы посматривали только на нихъ, стараясь чѣмънибудь насытиться. Послѣ этого обѣда вскорѣ наткнулись на мѣсто чумовища—признакъ, что здѣсь останавливались когда-нибудь олениводы Обскіе, отправляющіеся весною на Уралъ или возвращающіеся осенью съ онаго. Далѣе въ лѣсу пересѣкли еще рѣчку, сочтя ее за другую вершину р. *Хдбини-Юганъ*. Примѣты мѣстности сходствовали нѣсколько съ показаніемъ проводниковъ. Выйдя на нѣкоторое возвышеніе, Уралъ казался уже далеко остался за нами, такъ что нельзя было различить извѣстныхъ намъ сопокъ, которыя мы узнавали, будучи еще въ недалеющемъ разстояніи отъ него. Впереди двинулась какая-то возвышенность лѣсная, которую мы считали за Мужинскій Материкъ, или по крайней мѣрѣ предѣломъ болотъ, утѣшая себя надеждою, что проберемся вскорѣ куда-нибудь на р. Обь, хотя бы и не вышли прямо въ с. Мужи.

Въ 7 часовъ вечера мы остановились ночевать, не имѣя силъ брести далѣе, утоливъ голодъ только морошкой. Къ тому мы были

особенно изнурены этимъ переходомъ по бугристымъ тундрамъ и заглохшимъ озерамъ, чрезъ которыя съ трудомъ пробирались, во избѣжаніе дальнихъ и утомительнѣйшихъ обходовъ. Вытаскивая одну ногу, другая глубже завязала; ранцы наши дѣлали насъ еще тяжелѣе на ногу; можно сказать, что мы почти пресмыкаясь проползали значительныя протяженія пути. Послѣ всего этого еще часа два бродили около становища, собирая грибы, которыхъ очень мало нашли. Холодный вечеръ заставилъ насъ разложить большой огонь на ночь, тѣмъ болѣе, что мы сильно перемокли, не говоря объ обуви, которая уже износилась почти.

11-го Августа. Ночью былъ сильный холодъ, все подернулось инеемъ. Не смотря на то, что лежали въ маляцахъ, мы порядочно зябли, и сонные приближались болѣе и болѣе къ огню; отъ треска еловыхъ дровъ всѣ пожгли себѣ одежду въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ особенности маіоръ Стражевскій, который сильно пожегся въ эту ночь.

Довольно теплый лучъ солнца яснаго утра согрѣлъ странниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оживилъ нѣкоторыхъ враговъ нашихъ, комаровъ, для увеличаванія трудности путешествія; впрочемъ ихъ не было такъ много, какъ прежде, и особенно къ первымъ числахъ Іюля.

Послѣ довольно большаго перехода въ юговосточномъ же направленіи, по однообразной, затруднительной мѣстности, мы вышли къ 6 часамъ вечера къ довольно значительной рѣкѣ, текущей на югъ, и превосходящей шириною и быстротою двѣ прежнія. Ширина вездѣ болѣе 3 сажени; мѣстами же до 7; брода чрезъ нее отыскать не могли. Мы узнали, что эта есть настоящая рѣка *Хабини-Юганъ*, до которой, вмѣсто 3 дней, мы шли цѣлую недѣлю; слѣдовательно могли заключить, что остальные $\frac{3}{4}$ разстоянія до с. Мужи мы не успѣемъ ранѣе двухъ недѣль пройти. Предъидущія же двѣ рѣчки, радовавшія насъ, были впадающіе въ нее притоки, которые мы пересѣкли потому, что, держась постоянного направленія, шли лѣсомъ нѣсколько правѣе зимней оленьей дороги, которая пролегаетъ по самымъ открытымъ топямъ. Мы отыскали довольно примѣтную дорогу, которая, выйдя изъ лѣса, переходитъ эту рѣку.

Сухари уже совершенно кончились у насъ, и мы оставались единственно на подножномъ кормѣ, вмѣта только еще горсть соли. Маіоръ берегъ ее какъ лекарство отъ тошноты, которую

чувствовали мы послѣ грибовъ. Въ первые дни путешествія, мы употребляли соль довольно роскошно, привыкая къ грибамъ безъ сухарей; наконецъ пришлось и этой необходимости лишиться, усматривая впереди еще продолжительный путь, который вѣроятно будетъ съ каждымъ днемъ дѣлаться болѣе труднѣйшимъ для насъ, при недостаткѣ пищи. Сообразно этимъ обстоятельствамъ, маіоръ Стражевскій предложилъ, что не лучше ли связать и сколотить себѣ плоты и спуститься по этой рѣкѣ въ Сянью, впадающую въ Обь, думая, что этотъ путь будетъ хотя продолжительнѣе, воне такъ изнурителенъ, не дѣлая пѣшкомъ и голодомъ утомительнаго похода; всѣ раздѣляли это мнѣніе, кромѣ подрядчика; тѣмъ болѣе, что люди отзывались уже сильнѣйшимъ изнеможеніемъ.

12-го Августа. Послѣ дождливой ночи, день былъ леньй. Мы остановились на мѣстѣ для дѣланія двухъ плотовъ. Маіоръ Стражевскій самъ отправился съ толмачемъ и горнымъ мастеровымъ рубить лѣсныя для плота; а я въ качествѣ повара отправился собирать грибы и выѣсть съ тѣмъ для соображенія мѣстности по показанію проводниковъ. Къ полудню я возвратился въ становище съ грибами для двухъ чайниковъ, отыскавъ въ лѣсу верстахъ въ 4 по слѣду ловушку (курывгъ-сезъ).

Трудившіеся полдня надъ устройеніемъ плота видѣли, между тѣмъ, невозможность сдѣлать его наскоро и надежно для продолжительнаго и труднаго плаванія, по неизвѣстнымъ намъ рѣкамъ; къ тому же работа шла не очень успѣшно съ слабыми силами и съ однимъ только топоромъ и большимъ ножомъ.

Послѣ обѣда плотъ, изъ 7 лѣсницъ связанный, былъ готовъ и спущенъ на рѣку, который оказался довольно непрочною и ненадежною для плаванія вѣсколькихъ сотъ верстъ, и Богъ знаетъ въ какую погоду еще. Подрядчикъ нашъ не согласился плыть съ нами, представляя всѣ опасности, и желая лучше одинъ идти пѣшкомъ.

Мы сами впрочемъ видѣли ненадежный рискъ свой, рассуждая, что плывя не менѣе двухъ недѣль по рѣкѣ безъ провизіи, можемъ ли отыскать близъ берега рѣки вездѣ грибы, въ особенности если непогода задержитъ нѣсколько дней на мѣстѣ насъ. Сухимъ же путемъ идя, на всемъ протяженіи прой-

денномъ, мы могли отыскивать и цѣлый день собирать ихъ.

Рѣшились наконецъ все дойти до Оби сухимъ путемъ и маленьку уже извѣстнымъ намъ образомъ, что бы ни предстояло, претерпѣвая голодъ въ томъ и другомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ избавлялись опасности погибнуть въ водѣ, что очень легко могло бы случиться, если непрочный плотъ нашъ ударилъ бы о камень, или захваченъ былъ непогодю.

Вечеромъ же этого дня мы надѣли котомки и переправились по два человѣка на плоту, на другой берегъ рѣки, и, не желая тратить время, выступили въ путь, сколько позволила темнота и покуда дорога была примѣтна. По переходѣ верстѣ 5, сдѣлалось совершенно темно и пошелъ дождь; мы развели огонь, и легли на котомкахъ въ ожиданіи разсвѣта. Ночь была холодная; мы жались около огня, и разумѣется не безъ того, чтобы ктонибудь не сжегъ себя одеждою, и такъ уже изорванную донельзя.

15 Августа. Съ разсвѣтомъ мы уже поплелись далѣе, радуясь, что дорога была довольно торная, пролегая по мѣстности нѣсколько возвышенной отъ рѣки, лѣсомъ же была не такъ извилиста и имѣла направленіе сѣверовосточное и восточное.

Дѣйствительно ловушки для звѣрей (курынгъ-сега), найденныя по этой дорогѣ, еще болѣе убѣдили насъ, что она идетъ въ какія нибудь Остяцкія юрты, находящіяся вѣроятно не въ дальнемъ разстояніи отсюда, изъ которыхъ есть какое нибудь возможное лѣтомъ сообщеніе съ этимъ мѣстомъ.

Лѣсной путь нашъ дважды пересѣкался значительными, открытыми, топками и бугроватыми болотами, называемыми Остяками *мѣрумъ* (тундра гомсистая). На послѣдней тундрѣ слѣды дороги совершенно исчезли и послѣ тщательныхъ розысканій, мы принуждены были пройти по тундрѣ къ противоположному лѣсу, держась извѣстнаго направленія буссоли. Въ одномъ изъ озеръ на тундрѣ увидѣли двухъ дикихъ гусей и маленькаго гусенка, нелетающаго еще. Эта первая дичь, которую мы встрѣтили на всемъ протяженіи пути отъ Уральскаго хребта и до этого мѣста, по заключеніямъ нашимъ предвѣщала близость рѣки Оби. Вторично пришлось вспомнить и крайне сожалѣть на этотъ разъ о томъ, что не взяли ружья и хотя нѣсколько за-

рядовъ пороху. Голодъ становился ежедневно ощутительнѣе; мы изнурились утомительными переходами и только на подножномъ кормѣ. Забывая о дальнѣйшемъ пути, мы сняли котомки свои и всѣ приступили къ озеру, съ жадностію желая добыть гусенка. Это озеро было хотя не болѣе 30 саженъ шириною, но топкіе берега не позволяли вездѣ окружить его. Пугая и кидая палками въ озеро, мы старались всѣми силами выгнать гусенка на болотистый берегъ, гдѣ въ травѣ караулили двое изъ насъ. Послѣ двухчасовой, невольной и трудной охоты, удалось подшибить измученнаго до нельзя гусенка. Въ противоположномъ лѣсу случилось набрать достаточно грибовъ, поэтому мы радовались рѣдкому для насъ и неожиданному обѣду.

Маіоръ Стражевскій, видя, какъ трудно достался намъ этотъ ничтожный гусенокъ, и не надѣясь впредь на подобный промыслъ для прокормленія насъ, къ тому же не предвидя еще конца путешествію нашему, раздѣлилъ, къ общему удивленію, гусенка на 6 частей, на три обѣда и на три ужина для 4 человекъ. Варя всегда два чайника грибовицы, одинъ за другимъ, мы опускали по $\frac{1}{12}$ доли гусенка въ чайникъ, какъ приправу къ грибамъ, которые, отъ воображенія ли, казались несравненно вкуснѣе и питательнѣе, притомъ же не такъ сильно ощущали недостатокъ соли. Имѣя только двѣ ложки, мы хлѣбали по очереди, наблюдая обыкновенно, чтобы никто не взялъ лишняго разу. Даже поочередно оскребывали и чайникъ; такъ дорога для насъ была пища! Разваренный же между грибами кусочекъ дичи, Стражевскій аккуратно дѣлилъ всѣмъ, не исключая и себя, по ровной крошкѣ.

Трое слѣдующихъ сутокъ мы подвигались впередъ значительно бодрѣе, имѣя въ виду обѣдъ и ужинъ. Этотъ запасъ дичи мы вѣшали высоко на дерево, чтобы собака наша, не мѣше насъ голодная, не съѣла ночью; не смотря на удивительныя попытки ея достать съ дерева, мы успѣли-таки сохранить его.

Въ этотъ день мы сдѣлали еще болѣе 5 верстъ; возвышенная мѣстность, по которой пролегла довольно твердая и торная дорога, была прекрасная; послѣ продолжительныхъ, однообразныхъ топей, тундръ и дикой чащи лѣса, она казалась намъ хорошимъ садомъ. Вправо отъ насъ большая рѣка, съ обрывистыми берегами, выдавалась къ дорогѣ, вѣроятно притокъ

р. Хабини-Юганъ. Не смотря на усталость, мы рѣшились идти до тѣхъ поръ, покуда будетъ темно; поэтому на ночлегъ мы не хотѣли и собирать; грибовъ на ужинъ, пообѣдавши *роскошнѣе и плотнѣе* противъ предъидущихъ дней; чѣмъ во первыхъ надѣялись сберечь порцію гусенка, и другое, сдѣлать побольше переходовъ.

Вечеромъ дорога въ лѣсу сдѣлалась тонкою, и перейдя возвышенность, наконецъ потерялась; мы остановились ночевать.

14-го Августа. Ночь была очень холодная; сильный сѣверный вѣтеръ принималъ насъ тѣмъ болѣе, что мы очень перемокли, а близко огня нельзя было лежать, изъ опасенія, чтобы не сжечь одежды, и то уже едва державшейся и изорванной.

Съ разсвѣтомъ я отправился съ подрачникомъ нашимъ назадъ, на раздѣленіе дорогъ, чтобы обоарѣть и сообразить съ направлениемъ ея, не примѣтите ли она той, которую мы избрали. Дорога эта, пролегая топлими, была такъ же неудобнопроходима, какъ и та, на которой мы остановились; только два курьихъ-сееса, найденные на курганчикахъ, заставили предпочесть ее. Возвратясь въ становища и сообщивъ Стражевскому видѣнное мною, въ полдень мы пошли на эту дорогу прямо сквозь лѣсъ. Къ сожалѣнію, этотъ путь былъ неудаченъ: новая дорога была, какъ видно, совершенно зимняя, ибо вывела насъ къ непроходимымъ зыбунамъ, чрезъ что принуждены были къ вечеру воротиться на прежде избранную дорогу. Не смотря на темноту и вязкую чащу лѣса, Маіоръ Стражевскій вывелъ насъ прямо на старое становище наше, по удивительной опытности и привычкѣ его ходить по лѣсамъ, находясь всодвукратно отъ Горнаго Правленія въ экспедиціяхъ въ этой странѣ.

Переходъ этого дня очень утомилъ насъ, потому болѣе, что былъ бесполезенъ. За то на возвратномъ пути въ старое становище мы не упустили набрать грибовъ, воображая, будто бы за грибами ходили; жаль только, что ранцы за спиною напоминали намъ походъ, а не прогулку за грибами.

15-го Августа. Такая же холодная ночь, какъ и вчерашняя; сильный сѣверный вѣтеръ продолжался уже 3-й день постоянно, продувая сквозь сожженную и изорванную одежду; намъ трудно было укрываться отъ холода. Огонь былъ единственное спасе-

віе ночью, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе и болѣе пстрелялъ нашу одежду. Днемъ же мы не боялись холода: котомки наши грѣли насъ донельзя. Не смотря на то, что сдѣлались нѣсколько легче противъ прежняго, мы, изнуренные холодомъ и усталостію, чувствовали ихъ значительно тяжелѣйшими и едва брели. Дорога, по которой мы слѣдовали, потерялась на большомъ зибунѣ (зыбкое болото, трясина), близъ того мѣста, куда мы заходили вчера, сдѣлавъ напрасный переходъ; мы убѣдились, что настоящая дорога есть объѣздъ весенній. Перейдя съ большимъ трудомъ и обходами этотъ зибунъ, мы нашли въ противоположномъ лѣсу дорогу, которая, пролегая около 2 верстъ по удобной твердой мѣстности, привела насъ опять къ большимъ топямъ. Смерклось; мы остановились почевать на одномъ лѣсномъ бугоркѣ.

16 Августа. Погода была ясная и теплая; мы остановились на мѣстѣ до 4 часовъ пополудни. Люди отзывались слабостію и взнеможеніемъ; Маіоръ Стражевскій далъ отдыхъ. Къ удивленію нашему, комары все-еще не пропали, послѣ нѣсколькихъ холодныхъ дней и при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ. Послѣ 3-часоваго, труднаго и топкаго пути, съ большими обходами, мы вышли на довольно возвышенную тундру съ многими озерами, между которыми одно обращало на себя вниманіе по величавѣ (*). Дорога была непримѣтна, только слѣды многихъ чумовищъ оленеводовъ показывали близость ея. Перейдя означенную тундру, мы шли еще лѣсомъ, покуда совершенно не стемнѣло; тогда остановились почевать.

17 Августа. Холодная ночь съ вечера обратилась въ дождливую, и мы мокли почти до полудня. Во время обычнаго утренняго отыскиванія пищи въ лѣсу, мы нашли въ немъ на нѣкоторыхъ деревьяхъ затесы, означающіе обыкновенно оленью дорогу; не смотря на то, на землѣ никакихъ слѣдовъ ѣзды не было замѣтно. Мы не знали навѣрно о мѣстѣ, гдѣ находились: на пути ли къ предположенному пункту на р. Обь находится эта частичка замѣтной дороги, или на р. Войкаръ, потому что ручей, пересѣченный ею, протекалъ на сѣверъ. Мы

(*) Мы полагали, не оно ли *Хойме-лорс* (въ переводѣ озеро на возвышенности), о которомъ упоминали проводники.

знали, что далеко эта дорога насъ не доведетъ; первая открытая тундра, или непроходимая топь, чрезъ которая зимою прямо ѣздить, заставлятъ насъ сдѣлать большой и утомительный обходъ, чрезъ что мы опять собьемся съ направленія и должны будемъ идти по компасу прямо, и гдѣ только удобнѣе можно бы пройти. Эти признаки дороги потому и мало радовали насъ.

Вмѣсто сказанныхъ проводникомъ 5 дней, или много недѣля всего пути въ с. Мужи, мы странствовали уже 12 дней безъ проводника, и никакой надежды не было на скорое окончаніе путешествія. Не смотря на порядочный дождь, мы выступили по отысканной дорогѣ, которая повела насъ въ горѣлый мѣсъ и становилась торнѣе и примѣтнѣе; кромѣ того, мѣстоположеніе сходствовало съ показаніемъ проводника, послѣ *озера Хойнелоръ*. Мы думали, что не переходъ ли это отъ топей къ Мужинскому Материку, потому что мѣстность становилась примѣтно возвышеннѣе. Потемнѣло и похолодѣло; остановились ночевать на рѣкѣ, текущей на сѣверовостокъ. Болѣе удобный путь и надежда, что вышли уже на Мужинскій Материкъ, слѣдовательно находимся недалеко отъ Оби, утѣшали насъ; кромѣ того, мы обрадовались, что грибовъ находили болѣе нежели прежде, между которыми въ особенности такъ называемыя *сыропшкы* или *силлякы*, находимыя нами, замѣняли намъ вполне хлѣбъ, разумѣется не питательностию, но употребленіемъ. Находя въ мшистыхъ мѣстахъ много этихъ грибовъ, мы съ жадностию начали собирать каждый собственно для себя и берегли въ котомкахъ, какъ сухари, до другаго обильнаго ими мѣста, тѣмъ болѣе, что повднее время года и холодныя ночи съ виемъ уже попортили ихъ; онѣ высыхали на корнѣ, были легче значительно и казались несравненно вкуснѣе свѣжихъ; хлѣбая грибаицу, мы прикусывали ими вмѣсто хлѣба; также не имѣя сахару, мы могли по четыре стакана чаю выпивать съ сухими грибаи; не чувствовали голода, хотя разумѣется ненадолго. Открывши эту новую *манну*, мы уже не переставали съ тѣхъ поръ постоянно жевать ихъ; цѣлую дорогу одинъ высматривалъ у другаго изъ-подъ ногъ, чтобы не упустить гриба. За ягодами, которыя впрочемъ изрѣдка попадались намъ, мы уже и ветвились, потому что каждая ягодка не безъ труда доставалась, нагибаясь съ котомкою при истощенныхъ донельза силахъ. Мы стали нѣсколько веселѣе, будто бы съ хлѣбомъ идемъ; во

ободреніе нашимъ спутникамъ Маіоръ Стражевскіи говорилъ, что если не завтра прійдемъ въ Мужи, то по крайней мѣрѣ будемъ близко этого селенія; они перекрестились, снявши шапки, и были рады. Между тѣмъ по соображенію съ записаннымъ показаніемъ проводниковъ, мы не должны были ранѣе недѣли дойти до Обя, судя по утомленнымъ силамъ нашимъ.

18 Августа. Утро было ясное послѣ холодной ночи; восходящее солнце смягчало нѣсколько суровость сальнаго сѣверовосточнаго вѣтра; около полудня мы выступили, по довольно торной дорогѣ, со свѣжими признаками ѣзды, вѣроятно весною; направленіе ея было сѣверовосточное, потомъ она поворотила прямо на сѣверъ, наковецъ даже на сѣверозападъ, пошла маленькими колѣнами, пересѣкаясь значительными рѣчками, ручьями и болотами. Отходящей дорога на востокъ или юговостокъ не было; хотя это направленіе дороги и было несообразно съ нашею цѣлю, но мы шли по ней въ надеждѣ, что она повернетъ на востокъ. Ловушекъ на дорогѣ (курынгъ-сезовъ) не встрѣчали, кромѣ одного разрушеннаго близъ почлега нашего. Потомъ, перейдя довольно глубокимъ бродомъ значительную рѣчку, текущую почти на сѣверовостокъ, дорога повела насъ вдоль ея, гдѣ мы остановились въ сумерки.

19 Августа. Ночью былъ морозъ нестерпимый; мокрая обувь на ногахъ начала мерзнуть; мы принуждены были разуться и кое-какъ корчиться въ нашихъ малицахъ. Утромъ солнышко пригрѣло насъ нѣсколько; а потомъ погода начала хмуриться и пошелъ сильный дождь. Подрядчикъ лазилъ на дерево, и видѣлъ сѣвернѣе насъ поперечный лѣсной хребетъ, вѣроятно берегъ рѣки Войкара, что показывало сильное уклоненіе наше къ сѣверу отъ настоящаго направленія. Мы опасались, чтобы эта дорога не вывела насъ въ Войкарскіе юрты, пустыя въ это время года, и притомъ на противоположномъ берегу.

Нашли въ лѣсу слѣды отходящей дороги въ верстахъ 3 отъ нашего становища. Пасмурный и дождливый день, склонявшійся уже къ вечеру, не позволялъ намъ выступить по отысканной дорогѣ, не осмотрѣвъ предварительно ее; къ тому же сильно перемокши, мы просушивались подъ елками, у довольно большаго костра. Сдѣлали дневку.

20 Августа. Погода была хотя сумрачная, но недождливая и

нехолодная. Выступили рано. Версты чрезъ 3 пролегла чрезъ рѣку другая едва примѣтная дорога; рѣшившись держаться болѣе широкой и торной дороги, пошли по прежней; особенно потому мы не свернули съ нея, что нашли на ней опять старую ловушку.

Версть чрезъ 8, эта дорога исчезла на топкихъ и непроходимыхъ болотахъ, вывела насъ къ разливамъ большой рѣки, какъ оказалось, *Войкара*. Подрядчикъ видѣлъ съ высокой лиственницы и самую рѣку, къ которой нѣтъ доступа чрезъ топи безъ лодки. Принуждены были возвратиться къ отходящей дорогѣ, сдѣлавъ по пустому версть 16, и утомившись донельзя, остановились на рѣчкѣ, перебродивши ее съ вечера. Удивительно, какъ трудно было возвращаться, когда знаешь, что по пустому идешь. Однимъ словомъ трудность похода нашего увеличивалась чрезвычайно тѣмъ, что шли безнадежно, не зная, вѣрно ли идемъ и куда выйдемъ, въ особенности при трудныхъ и большихъ обходахъ зыбуновъ, гдѣ три шага подаемся впередъ, а два назадъ.

21 Августа. Накрапывалъ постоянно дождикъ; мы выступили довольно рано. Въ лѣсу дорога становилась примѣтнѣе и торнѣе; на открытомъ мѣстѣ она опять раздѣлялась непримѣтно, ибо въ противоположномъ лѣсу нашли двѣ дороги: одна на югъ, другая на востокъ имѣли главное направленіе; мы пошли по послѣдней, которая приняла потомъ направленіе юговосточное и поднималась все выше и выше. На этомъ пути мы встрѣтили первый кедръ и услышали карканіе вороны, признаки близости рѣки Оби и жплаго мѣста; насъ это очень радовало. Наконецъ пришли къ значительной рѣчкѣ, текущей почти прямо на сѣверъ, между глубокими и лѣсистыми берегами. Остановились на ней. Съ дерева же видѣли на юговостокѣ лѣсной хребетъ, по заключенію нашему, берегъ р. Оби.

22 Августа. Послѣ дождливой ночи лучъ солнца прекраснаго и теплаго утра, какого мы давно уже не видали, обогрѣлъ и оживилъ насъ; и какъ будто бы съ цѣлю обрадовать насъ въ дикой пустынѣ, среди тяжкихъ лишеній, въ Высочотержественный праздникъ Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Мы всѣ были особенно веселы; какая-то надежда на скорое избавленіе отъ трудовъ утѣшала насъ. Желая воспользоваться отличною погодою, мы торопились

раньше выступить, чтобы сдѣлать больше перехода, тѣмъ болѣе, что, благодаря случайному обилію грибовъ, мы наѣлись поплотнѣ сырыхъ и вареныхъ. Маіоръ Стражевскій, желая по случаю праздника сдѣлать особенный обѣдъ, высыпалъ остатокъ соли въ грибницу, который онъ давно берегъ, какъ лекарство. И нужно сказать, что мы, не употребляя давно уже соли, почувствовали значительное подкрѣпленіе, не говоря уже о всеобыкновенномъ вкусѣ этой пищи.

Дорога, пролегая по лѣсу, была довольно торна до первой тундры, далѣе стала менѣе примѣтна и раздѣлилась; мы пошли лѣвѣе, держась восточнаго направленія. Перейдя же рѣчку, дорога повернула на юговостокъ и вывела насъ на открытое холмистое мѣсто, со многими озерами, гдѣ она рѣшительно потерялась. Часа два мы тщательно розыскивали ее на этомъ пространствѣ, но никакихъ слѣдовъ не нашли. Пошли безъ дороги по направленію 130° на юговостокъ, гдѣ видѣнъ былъ далеко высокій лѣсной кряжъ, предъ которымъ параллельно находились еще два низкихъ хребта. Тогда-то мы узнали, что настоящій Мужинскій Материкъ еще впереди, не смотря, что самыя непроходимыя топи были уже перейдены за два перехода до этого пункта. Войдя въ лѣсъ по означенному направленію, мы пересѣкли довольно ѣзжалую Зырянскую дорогу, судя по найденнымъ обломкамъ нарты (*). Съ радости мы сдѣлали самый большой переходъ, котораго никогда еще не дѣлали въ продолженіе всего нашего странствованія. Мы сочли этотъ день однимъ изъ счастливѣйшихъ. Потемнѣло; мы остановились на рѣчкѣ, текущей почти прямо на сѣверъ.

23 Августа. Уставши послѣ большаго перехода, мы выступили за полдень; шли довольно скоро, желая до темноты пройти тундры, болота и мокрыя долины; добравшись же до лѣса, остановились почевать, изъ опасенія, чтобы не потерять дороги. Спутники наши, видя опять довольно трудную мѣстность и безкочный путь, начали упадать духомъ, ссылаясь на слабость

(*) Съ первымъ зимнимъ путемъ Зыряне изъ-за Урала приѣзжаютъ ежегодно въ село Мужы для торговли, какъ бы на ярмарку мѣстную, куда съѣзжаются въ это время Обдорскіе и Березовскіе купцы и торговцы.

въ рукахъ и ногахъ; мы ободряли ихъ; Маіоръ не приказывалъ показывать никакого вида, что мы сами уже едва ноги представляемъ, и едва ли не хуже ихъ взнурены.

24 *Августа*. Эти ночи были довольно теплыя. Пасмурное небо предвѣщало сильное несчастье. Мы выступили опять поплудни, промѣшкавъ и побродивши въ отыскиваніи пищи дневной. Дорога была довольно твердая и примѣтная; шли довольно скоро; мѣстоположеніе казалось веселѣе и менѣе дико. Направленіе дороги было восточное и юговосточное; пересѣкли на пути двѣ рѣчки, текущія на сѣверъ. Далѣе дорога раздѣлилась: одна на югозападъ, другая на востокъ; пошли по послѣдней. Къ вечеру слуга нашъ, горный мастеровой, упалъ на дорогѣ, отъ сильной боли въ поясницѣ. Остановились тутъ же на ночлегъ. Вечеръ вдругъ сдѣлался сильно холоднымъ, ночью вода подернулась въ лужахъ тонкимъ льдомъ. Маіоръ Стражевскій самъ срубилъ на дрова три большія лиственницы.

25 *Августа*. Больной задержалъ насъ на мѣстѣ нѣсколько долѣе обыкновеннаго; однако мы выступили недолго за полдень. Дорога была хорошая, ѣзжая; пересѣкли рѣчку и начали подыматься выше, переходя видѣнные издали хребты. Не очень большой переходъ сдѣлали. Толмачъ нашъ тоже заболѣлъ животомъ; горный мастеровой поправился нѣсколько.

26 *Августа*. Не смотря, что ночь была холодная, день былъ прекраснѣй и теплый. Толмачу легче стало; только мы не совѣтовали ѣсть ему сырыхъ грибовъ. Выступили не поздно; чрезъ полверсты дорога раздѣлилась; обѣ шли въ с. Мужичи не болѣе одного дня ходу до этого селенія, подрядчикъ узналъ ихъ и увѣрялъ, что неоднократно ѣзнилъ тутъ зимою, но не ручался за удобопроходимость лѣтомъ, по случаю заливовъ рѣчки, чрезъ которые переправа будетъ затруднительна безъ лодки. Другая же Зырянская дорога, болѣе торная, шла на юговостокъ; онъ говорилъ, что эта дорога дѣлаетъ большой кругъ; вслѣдствіе этого онъ отдѣлился отъ насъ и пошелъ по зимней дорогѣ. Мы долго промѣшкали на раздѣленіи дорогъ, потому что много малыхъ объѣздовъ находили и опасались, чтобы не упустить главной дороги. Пошли по Зырянской дорогѣ, покуда не стемнѣло и пошелъ дождь; мы остановились въ лѣсу.

27 *Августа*. Дождливая погода. Сдѣлали порядочный переходъ. Маіоръ Стражевскій говорилъ, чтобы мы собрали всѣ свѣ-

лы свои и шли до самого нельзя, ибо отдыхъ приближается; и не придетъ ли сегодня еще въ с. Мужи. Не смотря на пріятную надежду кончить скоро странствованіе, ноги не слушались и сильно ослабли; кажется, мы машинально переставляли ихъ; руки просто отнялись отъ слабости и лямокъ. Поднимаясь постепенно выше въ гору, по довольно хорошей дорогѣ, пролегающей въ восточномъ направленіи, пересѣкли мы двѣ рѣчки и проходили черезъ значительное болото; трудный переходъ черезъ послѣднее вознагражденъ тѣмъ, что мы нашли много морошки на немъ и сдѣлали для корма привалъ на кочкахъ. Къ вечеру пришла къ довольно густому и мокрому лѣсу, при опушкѣ котораго, влѣво отъ насъ, увидѣли случайно вдоль долины рѣку Обь, верстахъ въ 8 или 10 отъ насъ. Съ радостными криками: «Обь! Обь!» мы сняли шапки и перекрестились, искренно благодаря Бога, сподобившаго намъ на 22-й день бѣдственнаго странствованія нашего показать надежду къ вѣрному спасенію. Одеревенѣвшіе члены наши будто электричествомъ были приведены въ быстрое движеніе и получили особенную живость и крѣпость; мы забыли и голодь, думая только о томъ, что завтра навѣрно будемъ въ теплой избѣ и увидимъ людей. Въ лѣсу остановились ночевать.

28 Августа. Довольно холодная и дождливая ночь не дала намъ покою; мы рано поднялись для сбирания грибовъ, чтобы равьше выступить и придти къ вечеру на Обь. Удзлившись версты за 1½ отъ становища нашего, въ лѣсу вдругъ услышалъ я лай чужой собаки, обрадовался и пошелъ въ ту сторону, думая встрѣтиться съ какимъ нибудь Остякомъ звѣроловомъ, который, зная дорогу, выведетъ насъ прямо въ Мужи. Подвигаясь ближе въ ту сторону, начинаю слышать сигнальные оклики изъ становища, которыми зовутъ меня; переимѣнивъ направление пути, я вскорѣ вышелъ на мѣсто, и къ невыразимой радости увидѣлъ людей, пришедшихъ къ намъ на встрѣчу—Зырянинъ *Филимонъ Рочевъ*, съ двумя Остяками, работниками своими. Этотъ гостепрійный и радушный человѣкъ, услышавъ отъ подрядчика, пришедшаго вечеромъ въ Мужи, что мы отдѣлились отъ него въ верстахъ въ 30, на раздѣленіи дорогъ, послалъ сейчасъ трехъ Остяковъ по той дорогѣ искать насъ, а самъ ночью сдѣлалъ переходъ по другой дорогѣ. Этого радостнаго дня, кажется, никто не забудетъ изъ нашихъ спутниковъ. Принесенные

хлѣбъ, рыба, молоко, сахаръ, чай и нѣсколько вина, обрадова-ли насъ невыразимо. Маіоръ строго запретилъ, чтобы никто не смѣлъ безъ позволенія его кусочка съѣсть, изъ предосторожно-сти, чтобы не заболѣть отъ неумѣреннаго употребленія пищи, послѣ продолжительнаго голода. Самъ раздавалъ пищу по усмо-трѣнію. Пообѣдавши порядочно въ первый разъ чрезъ три недѣ-ли и отдохнувши, мы выступили къ вечеру. Никто изъ насъ не отдалъ котомки своей Остякамъ, желая сама дотащить се еще остальные 16 верстѣ до селенія. Уже смерклось, когда мы при-были въ с. Мужи, и не сивмая ранцевъ своихъ, прямо пришли въ церковь поблагодарить Всемогущаго за счастіево перевесен-ные труды и опасности. Этотъ переходъ въ 16 верстѣ мы сдѣ-лали въ 2½ часа и кажется не чувствовали никакой усталости. Дорога была порядочная; пересѣкли на пути двѣ рѣчки; а къ самому селенію, около версты плыли въ лодкѣ по Сорѣ (заливу рѣки Оби). Если бы не встрѣтилъ насъ Зырянинъ Рочевъ, то намъ пришлось бы мучиться около залива и искать обхода за нѣскольکو верстѣ. Подрядчикъ вышелъ версты четыре ниже селенія и, связавъ себѣ плотъ изъ двухъ лѣсницъ, переплылъ на немъ кое-какъ узкое мѣсто залива, и добрался такимъ образомъ въ село.

29 Августа; село Мужи, на рѣкѣ Оби. Послѣ трехдѣсячнаго кочеванія подъ открытымъ небомъ суроваго сѣвера, въ особен-ности послѣ скитальческихъ трехъ послѣднихъ недѣль, мы про-вели довольно спокойно первую ночь, въ теплой и гостеприми-вой избѣ Зырянина Филимова. Непривычка къ комнатной тепло-тѣ, радостное окончаніе труднѣйшаго пути и избавленіе отъ яв-ной гибели, были вѣроятно причиною общей бессонницы. Если и засыпали на мгновеніе, то вдругъ страшно испуганные грезами минувшихъ опасностей, немеленно вскакивали, и, стараясь убѣ-диться въ обманѣ, отгоняли еще далѣе сонъ.

Не смотря на постепенный и осторожный переходъ отъ гри-бовъ и голода къ хлѣбу, Маіору Стражевскому, сильно изнуре-вому, приключилась желудочная лихорадка, продолжавшаяся около 10 дней. Подрядчикъ крѣпко бредилъ въ первые два дня, какъ въ горячкѣ. Всѣ мы были какъ тѣни слабые, изнуренные, немытые, обросшіе бородами, съ страшно взорванною и обож-женою одеждою и почти безъ обуви. Бѣлзвва между пальцами показывала сѣде настоящій цвѣтъ рукъ обожженныхъ, опух-

шихъ и грязныхъ. На ногахъ ногти начали спадать, отъ постоянной сырости и холода, которымъ онѣ подвергались болѣе трехъ недѣль, не смотря на то, что однимъ изъ главнѣйшихъ занятій нашихъ на ночлегѣ и привалахъ была починка измокшей обуви и выжиманіе воды; просушиваться же было невозможно и бесполезно, не имѣя чѣмъ переменить измокшую одежду и обувь.

Питаюсь 22 дня скудною пищею, добываемою ежедневно не въ одинаковомъ количествѣ и качествѣ, мы сильно ослабли отъ голода, который становился съ каждымъ днемъ тѣмъ болѣе ощутительнымъ, что уже грибовъ не вездѣ можно было находить; ибо ранняя и холодная осень начала истреблять ихъ. Впослѣдствіи мы, не обращая вниманія на качество грибовъ, только бы не были ядовиты, все варили вмѣстѣ со мхомъ для сытности. Наконецъ же, съ увеличившимся сильно голодомъ и недостаткомъ *подножнаго корма*, мы начали уже простирать вѣды на собаку нашу, которая менѣе насъ голодала, питаась земляными мышами. Майоръ Стражевскій неоднократно говорилъ нашимъ слугамъ, жаловавшимся на голодъ, что еще рано бить собаку, покуда можно чѣмъ нибудь питаться, и беречь этотъ вѣрный запасъ пищи на всякой случай, въ особенности если къ несчастію пришлось бы кому нибудь изъ насъ заболѣть и остаться на мѣстѣ въ ожиданіи помощи. Кромѣ того, онѣ хладнокровно и безъ всякаго озабоченнаго вида обнадеживалъ ежедневно, что чрезъ двое или трое сутокъ непременно будемъ на р. Оби, и въ этомъ ожиданіи проходили недѣли, едва ли не двинѣе мѣсяцевъ казавшіяся.

Едва переставляя ноги въ ежедневныхъ переходахъ, мы только одно имѣли на умѣ и молили Бога, чтобы живыми дойти когда нибудь до жилья. Кромѣ изнуренія отъ голода и труднаго пути съ ношею, мы опасались за здоровье потому болѣе, что находясь подъ открытымъ и суровымъ небомъ негостепріимнаго сѣвера, должны были беззащитно переносить всѣ переменны погоды. Сверхъ того безпрестанно подвергались сильнѣйшей простудѣ: проходя ежедневно бродомъ рѣчки и завлекая глубоко въ болотахъ, мы всегда останавливались на ночлегъ совершенно мокрые; а иногда и на мѣстѣ еще, цѣлую ночь дождь не оставлялъ насъ. Мы не имѣли средствъ и возможности ни защититься отъ мокроты, ни просушиваться, не могли переменить

мокрой одежды и обуви; болѣе потому мы принуждены бывали оставаться всегда въ мокрой одеждѣ, что съ равнымъ разсвѣтомъ и до глубокой ночи, мы бродили въ кругъ вочлега, отыскивая пищу, и не обращая вниманія на трудные переходы, отлучались иногда очень далеко и верѣдко теряли мѣсто становяща своего.

Маіоръ Стражевскій часто повторялъ, что если кто заболѣеть и не употребитъ послѣднихъ силъ для дальнѣйшаго слѣдованія къ р. Оби, тотъ будетъ оставленъ одинъ въ этой дикой пустынѣ, покуда мы не дойдемъ до жилища мѣста, и не успѣемъ прислать помощи. И каждый изъ насъ хладнокровно разсуждалъ, что въ самомъ дѣлѣ изъ-за одного не должны же умирать всѣ.

Упомянувъ о трудностяхъ и лишеніяхъ нашего странствованія, не могу не замѣтить о постоянномъ и мучительномъ безпокойствѣ, сообразномъ нашему образу жизни и средствамъ, для изображенія котораго привожу слова изъ отчета Полковника Гофмана: «Насѣкомые дикіе и домашніе, летающіе и ползающіе, жужжащіе и нѣмые, мучили насъ; одно имя ихъ мнѣ страшно теперь, поэтому ихъ не называю». Днемъ мы какъ звѣри были предметомъ любопытства Остаковъ, собравшихся къ намъ изъ всего селенія, и толпившихся въ тѣсной избѣ и около ея, разсказывавшихъ одинъ другому о странствованіи нашемъ, и удивлявшихся только тому, что мы питались три недѣли времени «поганую траву», присовокупляя, что они лучше съ голоду померли бы, нежели стали бы ѣсть эту траву. Сверхъ того они не очень одобряли нашъ рискъ, что мы рѣшились идти въ этотъ трудный путь лѣтомъ, безъ оленей и проводника и еще безъ пищи, оставя столько тысячъ «убитыхъ болѣзнію оленей на Уралѣ», которыми сколько угодно времени можно было бы питаться, сидя спокойно въ чумѣ. Она и слышать не хотѣла о заразительности подобной пищи. Также удивлялись и пелили на ихъ собратовъ-оленеводовъ, оставшихся на Уралѣ, какъ они не могли найти изъ стадъ своихъ столько бѣлыхъ, красивыхъ и здоровыхъ оленей для принесенія въ жертву Богу и тѣмъ отвратить неслыханный въ ихъ странахъ надеждъ, прибавляя: «Надо быть чиновники Царскіе (*)»

(*) Такъ называли инородцы насъ, членовъ Уральской экспедиціи.

привезли эту оленью болѣзнь въ наши края; это вѣрно; старшки не видывали и не слыхивали такой бѣды!»

Слуха о неожиданномъ прибытіи нашемъ на рѣку Обь скоро дошли до города Березова, откуда не замедлили пріѣхать въ село Мужа исправникъ Березовскіи Булыгявъ и Обдорскіи застѣдатель Бекрѣвъ, для подробнаго узнанія о постигшемъ насъ несчастіи и инородцевъ, оставшихся безъ всякой помощи на Уралѣ. Маіоръ Стражевскіи увѣдомилъ ихъ обо всемъ официально, какъ о мѣстахъ, опустошенныхъ язвою, такъ и о бѣдственномъ положеніи, въ какомъ остались инородческія семейства, въ ожиданіи возможныхъ и зависящихъ отъ мѣстнаго начальства средствъ къ ихъ спасенію. Вслѣдствіе чего, по порученію исправника, Бекрѣвъ немедленно отправился для подавія означенной помощи, желая подняться въ малыхъ лодкахъ по рѣкѣ Синѣ, сколь возможно выше въ Уральскія горы, къ тому мѣсту, гдѣ болѣе свирѣпствовала язва; но эта смѣлая попытка, обѣщавшая Бекрѣву большой переходъ пѣшкомъ по горамъ, не удалась ему, какъ впоследствии оказалось, по чрезвычайному мелководію и каменистому руслу этой рѣки, далеко непозволявшей подняться къ верховьямъ ея, не смотря на всѣ усилія его.

Не имѣя другаго средства для оказанія скорѣйшей помощи, Бекрѣвъ, въ концѣ Октября, дождавшись перваго зимняго пути, поднялся изъ Обдорска на Уралъ и въ сопровожденіи фельдшера и нѣсколькихъ казаковъ, обѣхалъ на оленяхъ все протяженіе его, почти до верховьевъ рѣки Сыгвы, раздавая необходимое число заводныхъ оленей своихъ и съѣстныхъ припасовъ бѣдствующимъ инородцамъ.

Дождавшись нѣкотораго облегченія болѣзни Стражевскаго, и вообще поправившись вѣсколько силами, мы поплыли 4 Сентября въ городъ Березовъ, куда прибыли 10 числа.

Оканчивая этимъ дальнѣйшее извлеченіе изъ моего дневника, какъ неотвоящагося уже къ обстоятельствамъ, бывшимъ причиною бѣдственной несудачи экспедиціи, долгомъ вмѣняю привести искреннюю признательность и благодарность Маіору (нынѣ Подполковнику) Н. И. Стражевскому, отъ имени всѣхъ бывшихъ въ отрядѣ его, которые вполне обязаны ему спасеніемъ своимъ, какъ отъ свирѣпства язвы на Уралѣ, такъ и въ послѣднее труднѣйшее странствованіе съ нимъ. Благодарзумы-

ми распоряженіями, неуспыннымъ попеченіемъ о каждомъ изъ насъ и хладнокровнымъ перенесеніемъ тяжелыхъ лишеній и трудовъ, онъ ободрялъ насъ, заставляя съ твердостью и надеждою слѣдовать его прекрасному и рѣдкому, сообразно обстоятельствамъ, примѣру.

Прапорщикъ Д. Юрьевъ.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ЛѢСНАГО ПРОСТРАНСТВА

МЕЖДУ РѢКАМИ УРАЛОМЪ И ВОСТОЧНЫМЪ ИКОМЪ.

I.

ОРОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ЮГОВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Горы въ юговосточной части Оренбургской губерніи раздѣляются теченіемъ рѣки Сакмары на двѣ главныя горныя системы: западную и самую значительную—составляютъ возвышенная равнина, ограниченная рѣчными долинами большаго Ика и Сакмары, восточную—хребетъ Ирындыкъ и плоскій уваль, пролегающій между долинами рѣкъ Сакмары и Урала. Обѣ вмѣстѣ составляютъ южную оконечность гористой части Уральскаго хребта и представляютъ широкое плато, имѣющее къ западу и къ югу крутые обрывистые скаты, къ востоку же пологіе и длинныя.

Горная возвышенность, раздѣляющая долину Ика отъ долины Сакмары имѣетъ плоскую и почти горизонтальную вершину, ширину отъ 30 до 40 верстъ (*). Она понижается постепенно на протяженіи своемъ къ югу и раздѣляется около источниковъ рѣки Касмарки на нѣсколько отдѣльныхъ хребтовъ, ограничивающихъ главныя рѣчныя долины сего пространства; далѣе же они пересѣкаются руслами рѣкъ Касмарки, Сакмары

(*) Осмотрѣнное мною пространство ограничивается къ югу и востоку теченіемъ рѣки Урала отъ Кизильской до Верхнеозерной крѣпости, къ сѣверу дорогою, ведущею изъ первой въ Каноникольскій заводъ, и далѣе теченіемъ рѣки большой Ика до Воздвиженской крѣпости.

и Урала, при поворотѣ ихъ теченія отъ востока на западъ, и теряются наконецъ отлогими покатолями въ Киргизскихъ степяхъ на лѣвомъ берегу Урала.

Западная часть горнаго пространства взволнована высокими известковыми хребтами, составляющими уступы главной возвышенности и оканчивающимися отлогими предгоріями у луговой долины большаго Ика. Восточная часть главной возвышенности представляетъ множество плоскихъ уваловъ, пролегающихъ между правыми притоками рѣки Сакмары, и образующихъ крутыми, утесистыми оконечностями своими западный ея, нагорный, берегъ.

Центръ горнаго пространства состоитъ изъ широкой, волнообразной равнины, покрытой темными лѣсами и прорѣзанной многими рѣчками и ручейками. По главному направленію послѣднихъ нетрудно заключить, что вся мѣстность должна имѣть отлогій скатъ къ западу и къ востоку, не смотря на то, что высота горъ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ западу; но это нисколько не измѣняетъ общаго ея наклона.

Поверхность равнины взволнована широкими и отлогими горами, возвышающимися на плоскихъ увалахъ между рѣчными долинами; примѣчательнѣйшія изъ нихъ по высотѣ суть: горы Акъ-тау, Аркары-тау и Сугалмагышъ. Онѣ всѣ имѣютъ продолговатый плоскій гребень, покрытый неглубокимъ слоемъ растительной земли, изъ-подъ которой высовываются тонкіе пласты кварцевыхъ и сѣровакковыхъ сланцевъ. Скаты ихъ понижаются сначала отлогими и ровными покатолями до края рѣчныхъ долинъ, гдѣ они круто спускаются на значительную глубину, образуя скалистыми подножіями своими нагорные берега рѣчекъ.

Вся горная возвышенность понижается отъ источниковъ рѣки Касмарки замѣтнымъ образомъ къ югу и раздѣляется теченіемъ рѣчекъ Куруюла, Касмарки и Идяша, на четыре отдѣльныя возвышенности. Восточную, самую значительную, составляетъ хребетъ Дзяу-тюба, раздѣляющій долину Сакмары отъ долины Куруюла. Онъ начинается отлогими возвышеніями на плоскомъ увалѣ между вершинами рѣкъ Казанъ-Булака и Узалы, простирается рядомъ высокихъ горъ до русла рѣки Сакмары, гдѣ оканчивается тремя короткими и обрывистыми отрогами противъ д. Гумеровой.

Гребень хребта состоитъ сначала изъ двойнаго ряда высотъ, отстоящихъ другъ отъ друга на разстояніи 3 до 5 верстъ. Отлогія, плоскія возвышенія восточной горной цѣпи отдѣляются къ долини: Сакмарѣ множество крутыхъ и скалистыхъ отроговъ, раздѣляющихъ долины ея притоковъ. Они состоятъ изъ короткихъ горныхъ отраслей, у коихъ вершины и бока взволнованы скалистыми буграми, и оканчиваются утесистыми обрывами близъ праваго берега рѣки Сакмары.

На западномъ склонѣ хребта находится второй рядъ высотъ, образующихъ въ некоторомъ образомъ предгорія вышеописанныхъ главныхъ возвышеній. Онѣ состоятъ изъ острыхъ, продолговатыхъ горъ, прорѣзанныхъ восточными притоками рѣки Куруюла; имѣютъ узкіе, голые гребни, крутые, но ровные бока и оканчиваются отлогими предгоріями на поверхности возвышенныхъ уваловъ, образующихъ лѣвый нагорный берегъ рѣки Куруюла (*).

Хребетъ Дзюу-тюбя раздѣляется у горы Куюкъ-тау на три отрога; изъ нихъ восточный и самый значительный отдѣляетъ рѣку Сакмару отъ рѣки Бишкужи, средней рѣку Бишкужу отъ рѣки Бухарчу, а западный, послѣднюю отъ рѣки Куруюла.

Первый имѣетъ видъ скалистаго отрога, коего вершина обставлена рядомъ каменистыхъ и продолговатыхъ горъ; отъ нихъ отдѣляются въ обѣ стороны небольшія отрасли, состоящія изъ многихъ остроковечныхъ бугровъ, соединенныхъ узкими перешейками. На скатахъ горъ обнажаются значительные утесы и большія каменныя глыбы, отторгнутыя вѣроятно отъ скалистыхъ вершинъ первыхъ; ихъ поверхность покрыта безчисленными розсыпями и отломками, образующими большія каменныя груды у подножія утесовъ. Другіе два отрога хребта Дзюу-тюбя состоятъ изъ плоскихъ, широкихъ возвышеній, имѣющихъ сначала отлогія и ровныя покатоствя, но ближе къ рѣчнымъ лощинамъ Бухарчи и Куруюла, они становятся круче, пересѣкаются многими оврагами и оканчиваются

(*) Въ геогностическомъ отношеніи эти горы примѣчательны тѣмъ, что состоятъ изъ толщей чернаго переходнаго известняка, необнаруживающаго правильнаго напластованія; подножія ихъ и вся окружающая мѣстность состоятъ изъ сланцевъ сѣровякковыхъ и глинистыхъ.

весьма крутыми уступами близъ праваго берега рѣки Сакмары. Вторую часть южнаго склона главной возвышенности составляетъ плоскій, широкій увалъ, раздѣляющій долину рѣки Касмарки отъ долины Куруюла. Онъ состоитъ, отъ начала своего до западнаго поворота рѣки Касмарки, изъ возвышенной равнины, прорѣзанной нѣсколькими глубокими оврагами, въ коняхъ протекають небольшіе ручейки, впадающіе въ рѣки Куруюль и Касмарку. Отъ устьевъ рѣки Казань-булака измѣняется характеръ мѣстности: плоская возвышенность принимаетъ видъ широко-выпуклаго увала, простирающагося къ западу между долинами Касмарки и Сакмары, взволнованнаго рядомъ высокихъ продолговатыхъ горъ, начинающихся близъ праваго берега Сакмары. Онѣ повидимому составляютъ южное продолженіе высотъ, образующихъ правый нагорный берегъ рѣки Касмарки. У вершинъ уваловъ находятся источники небольшихъ ручейковъ, текущихъ частію къ сѣверу, частію на югъ; лощины ихъ широки и изобилуютъ хорошими пахатными мѣстами.

Отрогъ, раздѣляющій рѣку Идышъ отъ рѣки Касмарки, состоитъ вначалѣ изъ широкаго возвышеннаго увала, покрытаго густымъ лиственнымъ лѣсомъ; отъ него отходитъ въ обѣ стороны множество плоскихъ отроговъ, образующихъ нагорные берега вышеноявутыхъ рѣкъ. Такимъ образомъ простирается отрогъ до горы Уткармакъ, гдѣ отъ приближенія рѣки Идыша къ руслу Касмарки онъ постепенно суживается и принимаетъ видъ остраго хребта, коего гребень взволнованъ длинными плоскими горами, образующими къ сѣверу крутые, къ югу же длинные и пологіе скаты. Бока хребта изрыты многими ручейками и лощинами, раздѣляемыми небольшими обрывистыми отрогами. Вершина послѣднихъ обставлена острыми буграми, оканчивающимися крутыми уступами близъ долинъ Идыша и Касмарки. Восточные скаты хребта становятся выше и круче, по мѣрѣ приближенія къ югу, и составляютъ противъ устья рѣки Казань-булака крутой обрывъ, обнаруживающій явные слѣды насильственнаго прорыва рѣчныхъ водъ. На противоположномъ берегу находится подобная утесистая гора; ея острый гребень понижается отлогимъ скатомъ къ югу и сливается съ поверхностію возвышеннаго увала, пролегающаго между рѣками Сакмарою и Касмаркою. По прямой линіи къ югу возвышает-

ся рядъ подобныхъ высотъ, оканчивающихся на правомъ берегу Сакмары близъ д. Барангуловой.

Послѣдній изъ южныхъ отроговъ главной возвышенности образуетъ горы между рѣками Зирганшемъ и Идяшемъ; онѣ начинаются между вершинами рѣкъ Ассели и Идыша въ видѣ плоскаго увала, отдѣляющаго ниже долину послѣдней отъ долины Зирганша и оканчивающагося на правомъ берегу Касмарки противъ д. Бикташевой. Вершина ея суживается по мѣрѣ протяженія къ югу и принимаетъ, отъ горы Урта-елги-тау, видъ остраго каменстаго гребня, взволнованнаго продолговатыми горами. На бокахъ хребта возвышаются острые отроги, раздѣляющіе лощины правыхъ притоковъ рѣки Зирганша и лѣвыхъ притоковъ рѣки Идыша; узкій ихъ гребень понижается отлогимъ скатомъ къ лощинамъ главныхъ рѣчекъ и волнуется грядами известковыхъ и сѣровакковыхъ сланцевъ, имѣющихъ къ оси отроговъ перпендикулярное направленіе. Бока хребта изрыты многими сухими лощинами, достигающими значительной глубины и ширины по мѣрѣ удаленія отъ гребня хребта. Подножія горъ отлогія и ровныя; они взволнованы частію небольшими буграми, происходящими отъ розсыпей горнокаменныхъ породъ, частію же каменными грядами, обнаруживающимися изъ-подъ деривной обшивки.

Южная оконечность хребта состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ высотъ, именуемыхъ Калакъ-тау; острые гребни ихъ имѣютъ отлогіи склоны къ югу и крутой къ сѣверу. Скаты боковъ изрыты многими лощинами, придающими имъ выпуклый, неровный видъ.

Къ западу и востоку отъ горы Калакъ-тау тянутся нѣсколько отдѣльныхъ острыхъ горъ, неимѣющихъ никакой связи между собою; скаты ихъ взволнованы продольными каменными грядами.

Западный склонъ горнаго пространства между рѣками Икомъ и Сакмарою состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ высокихъ горъ, простирающихся отъ сѣвера на югъ и пересѣкаемыхъ восточными притоками Большаго Ика. Главныя высоты составляютъ горы: Солейманъ-караулъ, Капчикъ, Іоанъ-тапканъ, Емашла и Капъ-сара-сарты; онѣ ограничиваютъ центральную возвышенную равнину съ западной стороны и образуютъ родъ горныхъ бастіоновъ, господствующихъ надъ окружающею мѣстностію на значительное разстояніе.

Гора Солейманъ-карауль составляетъ высочайшую точку горнаго увала, раздѣляющаго долину Ика отъ долины Иняка; она имѣетъ плоскоокругленную вершину, ровные скаты и оканчивается крутыми подножіями близъ лощины рѣки Буруль-бія. Отъ нее простирается къ югу возвышенный хребетъ, который оканчивается на правомъ берегу рѣки Иняка горою Каинъ-маякъ. Многіе боковые отроги, раздѣляющіе сѣверные притоки Иняка отъ южныхъ притоковъ Ика, придаютъ ему широкіи, выпуклый видъ.

Противъ горы Каинъ-маякъ на лѣвомъ берегу рѣки Иняка возвышается подобный хребетъ, составляющій раздѣлъ между рѣчными долинами Малаго Сюрjana и Азакли; онъ состоитъ изъ широкаго возвышеннаго увала, отъ котораго отдѣляются въ обѣ стороны не большіе, но крутые отроги, раздѣляющіе лощины боковыхъ притоковъ вышеомянутыхъ рѣчекъ. Онъ оканчивается крутыми обрывами близъ устьевъ рѣки Азаклы, на правомъ берегу Малаго Сюрjana. На скатахъ хребта обнажаются мѣстами известковые и глинистые пласты, покрывающіе отломками своими поверхность горъ.

Группа высотъ между Большимъ и Малымъ Сюрjanaми составляетъ южное продолженіе вышеописаннаго хребта; она образуетъ широкіи горный увалъ, среди котораго возвышается гора Капчикъ-тау; она составляетъ центръ горнаго узла, отъ котораго отходятъ въ разныя стороны многіе боковые отроги. Вершина ея представляетъ продолговатую ровную плоскость, покрытую густымъ лѣсомъ. Отлогіе скаты изрыты глубокими лощинами, образующими вершины притоковъ обѣихъ Сюрjanъ. Примѣчательнѣйшія изъ боковыхъ отраслей суть: горный отрогъ, раздѣляющій вершины Урманъ и Капчикъ-елги отъ вершинъ Тугая и Исергапъ-уя; вѣтви, пролегающія между рѣчками Тугаемъ и Джиллею, между Большимъ и Малымъ Алабайталами; и отрогъ, раздѣляющій р. Малаго Алабайтала отъ р. Капчикъ.

Всѣ эти вѣтви имѣютъ плоскіи, широкіи гребень, крутые скаты и обрывистыя оконечности; отъ нихъ отдѣляются въ обѣ стороны многія второстепенныя отрасли, раздѣляющія лощины боковыхъ притоковъ главныхъ рѣчекъ.

На широкихъ увалахъ, раздѣляющихъ притоки р. Сюрjana отъ притоковъ р. Ямашлы, возвышается продолговатая острая гора

Иоанъ-тапканъ, составляющая продолженіе хребта Капчикъ; высочайшая точка ея находится около вершинъ р. Зиргаиша; она имѣетъ широкій плоскій гребень, крутые скаты и оканчивается крутыми обрывами на правомъ берегу р. Емашлы близъ устья Зиргаиша.

Къ югу отъ предыдущей возвышенности находится гора Емашла-тау, составляющая высочайшую точку горнаго увала между рр. Емашлю и Ускалыкомъ. Она имѣетъ видъ отсѣченнаго конуса, стоящаго на плоскомъ треугольномъ пьедесталѣ, отъ угловъ котораго отдѣляются три горныя отрасли. Сѣверная изъ нихъ упирается круто къ лѣвому берегу р. Емашлы, противъ оконечности горы Иоанъ-тапканъ; западная составляетъ продолженіе горнаго увала между рѣками Ускалыкомъ и Емашлю, понижается постепенно до горы Сараутъ-тамъ, гдѣ соединяется со вторымъ продольнымъ хребтомъ западнаго горнаго пространства. Отъ него отдѣляются къ югу и сѣверу небольшіе отроги, пролегающіе между притоками рѣкъ Емашлы и Ускалыка. Южная отрасль составляетъ продолженіе промежуточныхъ хребтовъ, соединяющихъ главныя возвышенности западной части горнаго пространства; она оканчивается крутымъ обрывомъ на правомъ берегу Малаго Ускалыка, возвышается снова на горномъ увалѣ между долинами обѣихъ Ускалыковъ и простирается къ югу до горы Капъ-сара-сарты.

Хотя съ перваго взгляда трудно замѣтить общую связь между означенными возвышеніями, потому что пересѣкающія ихъ рѣчки придаютъ имъ видъ отдѣльныхъ горныхъ отраслей, но, по составу горнокаменныхъ породъ и относительной высотѣ ихъ къ окружающей мѣстности, нетрудно удостовѣриться въ справедливости сего предположенія.

Южныя части сего хребта составляютъ высочайшіе отроги горныхъ уваловъ, пролегающихъ между лощинами рѣкъ: Ускалыковъ, Акберды и Ассели; значительнѣйшія горы ихъ находятся на гребнѣ означенныхъ уваловъ, имѣютъ широкія выпуклыя вершины, крутые скалистые скаты и обрывистыя подножія.

Вторые и третіе уступы западной части горнаго пространства образуются высокими известковыми хребтами, имѣющими общее протяженіе отъ сѣвера на югъ; они раздѣляются теченіемъ рѣкъ Иняка, Сюряннѣи, Ускалыка, Ассели, Касмарки и Сакмары на отдѣльныя части, кои впрочемъ, по наружному виду горъ и по

внутреннему ихъ составу, немногимъ разнствуютъ другъ отъ друга.

Въ сѣверной части осматриваемаго пространства начинается главный известковый хребетъ у д. Юлдубаевой, на лѣвомъ берегу Большаго Ика; онъ состоитъ изъ двойнаго ряда продолговатыхъ высотъ, пролегающихъ по обѣимъ сторонамъ р. Арба-елги. Правый изъ нихъ оканчивается круто, близъ устья р. Акъ-ташъ; лѣвый же, самый значительный, простирается нѣсколькими отдѣльными высотами вдоль праваго берега р. Иняка до горы Кизиль-ташъ, гдѣ оканчивается крутымъ скалистымъ обрывомъ.

Вершина хребтовъ состоитъ изъ ряда острыхъ, продолговатыхъ возвышеній, отдѣляемыхъ небольшими впадинами или лощинами. Бока ихъ представляютъ выпуклыя, крутыя покатости, взволнованныя продольными каменными грядами; ближе къ гребню обнажается обыкновенно невысокій пластъ известняка, проходящій по всей длинѣ хребта. Подножія горъ оканчиваются отлогими скатами у луговыхъ долинъ рр. Арба-елги и Иняка, но образуютъ крутые обрывы тамъ, гдѣ прорѣзываются лощинами притоковъ сихъ рѣчекъ.

Отъ западнаго продольнаго хребта отдѣляются два горные отрога, составляющіе послѣдній уступъ горнаго пространства. Сѣверный изъ нихъ отдѣляетъ долину р. Майки отъ вершинъ притоковъ Ика и оканчивается близъ деревни Красной Мечети. Южный пролегаетъ между вершинами ручейковъ, текущихъ съ одной стороны въ р. Икъ, съ другой въ р. Арба-елга, и оканчивается довольно круто на правомъ берегу Иняка близъ д. Тупчавовой. Обѣ эти отрасли представляютъ широкія горныя возвышенности, раздѣленные рѣчными лощинами на множество боковыхъ отраслей и оканчиваются отлогими покатостями, близъ луговыхъ долинъ Ика и Иняка.

Вышеписанные продольные хребты продолжаютъ на лѣвомъ берегу Иняка въ слѣдующихъ направленіяхъ: восточный раздѣляетъ долину р. Ургени отъ долины Малаго Сюрjana, пересѣкаетъ ее выше деревни Бикбердиновой и является на пространствѣ между обѣими Сюрjanaми въ видѣ невысокаго хребта, оканчивающагося отлогими скатами на правомъ берегу Большаго Сюрjana. Западный простирается между лощинами обѣихъ Ургеней до деревни Итбоковой, оканчивается острымъ мысомъ на пра-

вомъ берегу Малаго Ургеня, возвышается снова на протавоположномъ ея берегу и простирается далѣе чрезъ русло Мал. Сюрjana до р. большого Сюрjana, гдѣ упирается крутымъ утесомъ къ луговой лощинѣ.

Первый хребетъ представляетъ возвышенную горную цѣпь, которая съживается по мѣрѣ приближенія къ Малому Сюрjanу; бока ея имѣютъ сначала крутые скаты, но становятся отложе къ подножіямъ. Боковые отроги, раздѣляющіе притоки Малаго Ургеня и Сюрjana, оканчиваются у береговъ первой многими крутыми и высокими предгоріями.

Второй продольный хребетъ имѣетъ первоначально плоскій гребень, крутые скаты и отлогія подножія, взволнованныя значительными предгоріями. На протяженіи между pp. Ургеню и Мал. Сюрjanомъ гребень его становится острѣе, скаты прорѣзаны многими лощинами и взволнованы небольшими выступами; на западной сторонѣ ихъ видны значительные известковые пласты, образующіе стѣнообразные уступы.

Изъ боковыхъ его отраслей заслуживаетъ особенное вниманіе горная вѣтвь, раздѣляющая долину Большаго Ургеня отъ долины Ика. Она состоитъ изъ высокаго хребта, на гребнѣ котораго возвышаются горы: Каншатъ, Казырматъ и Казырбай; бока хребта круты, въ особенности къ востоку; они изрыты многими лощинами, образующими вершины притоковъ Ика и Ургеня; подножія его взволнованы небольшими отрогами, оканчивающимися высокими предгоріями на лѣвомъ берегу Ургеня, къ западу же они простираются отлогими покатостями до луговой долины Ика.

Продолженіе хребта составляютъ на лѣвомъ берегу Ургеня горы Камя-тау и Маслги-мурунъ; онѣ гнутся небольшимъ изгибомъ отъ сѣвера на югозападъ и оканчиваются у русла Большаго Ика въ трехъ верстахъ выше д. Бурулчи. Высочайшую точку хребта образуетъ гора Камя-тау, находящаяся близъ источника р. Багамъ-тугана; весь хребетъ понижается отъ нее къ сѣверу и къ югу отлогимъ острымъ гребнемъ. Скаты, обращенные къ востоку, круты, къ западу же они отлоги и взволнованы небольшими отрогами, раздѣляющими притоки Сюрjana и Ика. У горы Маслги-мурунъ хребетъ возвышается снова, но не на значительную высоту.

На пространствѣ между pp. Сюрjanомъ и Ускалыкомъ

являются продольные известковые хребты также двумя отдельными частями: восточная начинается отлогими горами на правом берегу Бол. Сюрюна, возвышается постепенно до горы Сарраутъ-ташь, отъ которой продолжается къ югу до русла Ускалыка въ видѣ высокаго хребта; западная простирается небольшимъ изгибомъ къ югозападу и оканчивается крутымъ обрывомъ близъ д. Андреевки. Онъ имѣетъ волнообразный гребень, шарнирою около 50 сажень; бока его круты, мѣстами утесисты и между главными лощинами отдѣляются небольшіе отроги, образующіе родъ контрфорсовъ главной горной возвышенности. Западные подножія его оканчиваются отлогими покатостями у лѣваго берега Ика и волнуются невысокими предгоріями.

Главную боковую отрасль сего хребта составляетъ гора Кирпы; она отдѣляется сначала отлогимъ сыртомъ, возвышающимся постепенно на протяженіи своемъ къ западу, и принимаетъ наконецъ видъ остраго стѣнообразнаго хребта, образующаго правый нагорный берегъ р. Кирпы. Восточные скаты его круты и ровны, западные отлоги, изрыты многими ямами и впадинами. Отлогій уваль соединяетъ гору Кирпы съ хребтомъ Солейманъ-карауломъ, который раздѣляетъ лощины ручейковъ Кайраклы и Тюряклы; гребень его обставленъ отлогими невысокими горами, отъ коихъ отходятъ небольшіе отроги къ лощинамъ Ика и Сюрюна. Онъ составляетъ, въ соединеніи съ горою Маелги-мурунъ, послѣдній уступъ всей горной возвышенности.

Мѣстность между рѣками Ускалыкомъ и Касмаркою имѣетъ въ сущности тотъ же характеръ, какъ и вышеописанныя части западнаго горнаго пространства, но по причинѣ многихъ высокихъ отраслей, отходящихъ отъ главныхъ продольныхъ хребтовъ, трудно опредѣлить настоящее протяженіе послѣднихъ; соображаясь однако съ направлениемъ хребтовъ въ сѣверныхъ частяхъ, можно нѣкоторымъ образомъ найти южное продолженіе ихъ въ пространствѣ между рр. Ускалыкомъ и Касмаркою. И такъ восточный продольный хребетъ возвышается на лѣвомъ берегу Ускалыка подъ названіемъ Кара и Аби-тау, оканчивается крутымъ обрывомъ на правомъ берегу р. Ассели, продолжается далѣе въ видѣ хребта Эси-аргазы до вершинъ р. Зиргаиша, гдѣ поворачиваетъ небольшимъ изгибомъ къ западу, отдѣляя ниже рѣчныя лощины Зиргаиша и Бузяна.

Второй продольный хребет возвышается на лѣвомъ берегу Ускалыка подъ названіемъ Аптрынь-тау, простирается между рр. Ассели и Касмаркою въ видѣ хребта Артышлы-тау, переходитъ у деревни Кундуровки р. Сакмару и оканчивается къ западу отъ Верхнеозерной крѣпости Геріальскими горами.

Между этими главными хребтами простирается множество промежуточныхъ отраслей, раздѣляющихъ боковыя притоки Ассели и Касмарки. Примѣчательнѣйшіе изъ нихъ суть горы: Янчура-тау, Кама-тау, Куйганакъ-тау, Соплякъ-тау, Асселибей-ширма, Бердалъ-тау, Тыкъ-булякъ, Тышкъ-тау, Катыкъ-тамъ-тау, Сжикъ-курянъ-тау, Ассели-кисыкъ и Бабай-тау.

Всѣ эти возвышенія имѣютъ одинаковый наружный видъ; острый продолговатый ихъ гребень имѣетъ протяженіе отъ сѣвера на югъ; онъ по большей части голъ и покрытъ неглубокимъ слоемъ растительной земли. Крутые скаты ихъ изрыты многими сухими лощинами. Напластываніе горнокаменныхъ слоевъ примѣтно даже изъ-подъ дерновой покрывши; ближе къ вершинамъ обнажаются во многихъ мѣстахъ значительныя известковыя толщи въ видѣ невысокихъ утесовъ. Подножія горъ оканчиваются отлогими покатолями въ лощинахъ раздѣляемыхъ ими ручейковъ, и образуютъ крутые обрывы тамъ только, гдѣ перебѣгаютъ теченіемъ главныхъ рѣкъ. Роль предгорія хребтовъ Аптрынь и Артышлы-тау составляютъ отлогія возвышенія, раздѣляющія низовыя притоки рѣкъ Ускалыка, Ассели, Белегужа и Касмарки. Главную возвышенность между первыми двумя рѣчками составляетъ гора Сафынь-тау, отъ которой отходятъ небольшія отлогія увалы между лощинами ручейковъ Аптрыни, Суліемъ-узика и Каракумъ-елги.

Предгорія хребта Артышлы-тау состоятъ изъ ряда острыхъ, продолговатыхъ горъ, понижающихся постепенно къ западу и оканчивающихся отлогими покатолями у луговой лощины большаго Ика. Западная оконечность главнаго горнаго пространства образуется между рѣками Белегужемъ и Касмаркою хребтомъ Сагыль-тау; онъ простирается отъ сѣвера на югъ и отдѣляетъ притоки рѣкъ Белегужа и Сакмары отъ притоковъ Касмарки.

Восточныя покатоли плоской возвышенности имѣютъ ха-

рактёр несравненно единообразнѣе, чѣмъ западные; они раздѣляются теченіемъ обѣихъ Зилаировъ на два главные уступа, раздѣляющіе, въ видѣ широкихъ уваловъ, долины рѣкъ Урманъ-зилаира, Яланъ-зилаира и Сакмары.

Первый уваль пролегаетъ сначала между вершинами Иковъ и притоками Яланъ-зилаира, составляетъ далѣе черту раздѣла между долинами обѣихъ Зилаировъ. Гребень его представляетъ отлогую выпуклость, взволнованную плоскими возвышеніями. По мѣрѣ приближенія къ югу, онъ постепенно расширяется и принимаетъ видъ возвышеннаго плоскаго увала, покрытаго густымъ лѣсомъ. Скаты его, обращенные къ западу, имѣютъ сначала отлогую покатость, но оканчиваются, на лѣвомъ берегу Урманъ-зилаира, крутыми, утесистыми обрывами, изрытыми многими глубокими оврагами, въ коихъ протекають восточные притоки означеннаго Зилаира. Скаты, обращенные къ долинѣ Яланъ-зилаира, имѣютъ паденіе отлогое и ровное; они взволнованы узкими увалами, раздѣляющими лощины правыхъ ея притоковъ и образуютъ крутыми оконечностями своими западный нагорный берегъ рѣки Яланъ-зилаира. Вся возвышенность раздѣляется близъ источниковъ рѣки Баракала на двѣ отрасли, имѣющія впрочемъ одинаковій характеръ съ главнымъ уваломъ.

Югосточную оконечность увала образуетъ правый нагорный берегъ рѣки Сакмары между устьями обѣихъ Зилаировъ. Онъ представляетъ рядъ скалистыхъ утесовъ, возвышающихся надъ поверхностію рѣки саженъ на 20; глубокіе овраги прорѣзываютъ ихъ въ разныхъ направленіяхъ и придаютъ имъ дикій, величественный видъ.

Второй уступъ горной возвышенности образуется уваломъ, раздѣляющимъ долину Яланъ-зилаира отъ долины верхней Сакмары; онъ простирается въ видѣ широкаго хребта въ недалекомъ разстояніи отъ русла Зилаира. На крутыхъ западныхъ скатахъ его возвышаются короткіе отроги, пролегающіе между притоками Яланъ-зилаира и оканчивающіеся на правомъ ея берегу крутыми высокими обрывами. Восточные скаты взволнованы, какъ и предъидущіе, многими боковыми отраслями, но они отложе и длиннѣе первыхъ. Не доходя версты на двѣ до русла Сакмары, они возвышаются замѣтно и образуютъ на правомъ ея, нагорномъ, берегу значительныя высоты.

III.

КРАТКІЙ ГЕОГНОСТИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА СТРАНУ МЕЖДУ
РѢКАМИ ИКОМЪ И САКМАРОЮ.

Разсматривая направленіе главныхъ рѣчекъ, протекающихъ въ пространствѣ между рѣками Икомъ и Сакмарою, нетрудно заключить, что общая геогностическая ось всей горной возвышенности проходитъ между бассейнами притоковъ верхней и средней Сакмары, то есть, раздѣляетъ вершины обѣихъ Зилауровъ отъ вершинъ Ика и Касмарки. Господствующую горнокаменную породу въ центральныхъ возвышеніяхъ составляютъ широкіе пласты слюдястаго кварца, имѣющіе положеніе почти горизонтальное. Отъ примѣси полеваго шпата и слюды, они частію переходятъ въ гнейсъ, частію въ твердый слюдястый сланецъ, встрѣчаются преимущественно на увалахъ между притоками рѣки Яланъ-зилаира. Объемъ центральной горной формации необширенъ; она простирается 10-верстною полоскою къ югу до источниковъ рѣки Урманъ-зилаира, гдѣ теряется подъ глинистыми и сѣрвакковыми сланцами южной оконечности горнаго пространства.

Горнокаменные толщи первозданной формации покрыты слоемъ песчанистой глины, имѣющей въ долинахъ глубину отъ 2 до 4 аршинъ, на вершинахъ же горъ она не свѣше 1 аршина. Надъ этимъ слоемъ находится пластъ растительной земли, состоящей изъ глины, кремнезема и желѣзистыхъ частицъ, смѣшанныхъ съ растительными веществами; онъ такъ же, какъ и предъидущій пластъ, толще въ низменностяхъ и тоньше на горахъ; въ первыхъ обыкновенная его глубина до 1 аршина и болѣе, въ послѣднихъ рѣдко болѣе 1 фута. Онъ представляетъ вообще отличнѣйшую лѣсную и луговую почву, которая къ произведенію хлѣбныхъ растений менѣе удобна, частію по возвышенному положенію самой мѣстности, частію по малой ея способности удерживать теплоту. Влажность же самой почвы и изобиліе дождей и снѣговъ доказывается весьма явно тѣмъ, что вершины главныхъ притоковъ рѣкъ Ика и Сакмары находятся на скалахъ первозданныхъ горъ.

Къ югу и западу отъ вышеописанной формации примыкаютъ горнокаменные породы, принадлежащія къ древней переходной области; онѣ состоятъ въ восточной части изъ глинистыхъ и

тальковыхъ сланцевъ, между коими находятся сланцы бѣлаго кварца въ видѣ подчиненной породы. Всѣ эти пласты простираются отъ сѣвера на югъ, весьма значительно наклоняясь къ востоку. За ними слѣдуютъ сланцы сѣрвакковые и глинистые, обнаруживающіе въ западныхъ частяхъ области линую призмѣ извести, и тутъ встрѣчаются пласты кварцевые, но не столь часто, какъ въ предъидущихъ породахъ.

Горнокаменные породы древней переходной области занимаютъ пространство, ограниченное къ западу горами Солейманъ-караулъ, Капчикомъ, Емагила-тау и Капъ-сара-сарты, къ востоку предъидущею формациею и рѣкою Сакмарою.

Поверхность мѣстности представляетъ возвышенную равнину, взволнованную плоскими, широкими горами и изрытую глубокими оврагами. Почва земли вообще лучше на равнинахъ, чѣмъ въ оврагахъ; въ первыхъ она состоитъ изъ слоя чернозема, имѣющаго высоту отъ 1 до 1½ аршина и содержащаго глинистыя, кремнистыя и металлическія частицы, смѣшанныя съ растительными веществами; во вторыхъ же глубина чернозема въ половину меньше предъидущей и содержитъ множество камней и галекъ, отломившихся отъ обнаженныхъ горнокаменныхъ толщей. Подземъ образуется каменистою глиною, имѣющею толщину въ 2 и 3 аршина. Каменистая почва сей области впрочемъ нисколько не препятствуетъ прозябанію лѣсовъ, даже на совершенно голыхъ утесахъ растутъ деревья очень хорошо; притомъ розсыпи, въ долинахъ рѣчекъ, покрыты густою травою и кустами. Физическія свойства почвы земли оказываютъ весьма хорошее вліяніе на растительность вообще. Почва здѣсь болѣе вязкая, чѣмъ рыхлая; имѣетъ способность удерживать влажность и теплоту въ большей степени, чѣмъ земли предъидущей формациі, что и доказывается довольно хорошимъ произрастеніемъ нѣкоторыхъ лѣсныхъ породъ, какъ то: дуба, липы и клена, требующихъ почвы тучвой и хорошей.

Горы на западномъ склонѣ плоской возвышенности состоятъ изъ толщей переходнаго известняка сѣросиневатаго цвѣта и пеленчатого пазома; въ главномъ хребтѣ, т. е. въ горахъ Солейманъ-караулъ, Капчикъ, Юанъ-тапкашъ и Емашлъ-тау, известковые сланцы перемежаются съ сланцами глинистыми и сѣрвакковыми, образуя такимъ образомъ общую границу между обѣими смежными формациями. Остальные два продолжные хребта,

равно какъ и все пространство между ими, состоятъ изъ толщей угленоснаго известняка, имѣющихъ весьма правильное напластованіе. Непосредственно надъ известнякомъ находится пластъ известковой глины желтоватаго или краснаго цвѣта, смотря по большей или меньшей примѣси желѣза; глубина слоя не вездѣ одинакова: въ долинахъ она бываетъ отъ 3 до 5 футовъ, на горахъ рѣдко болѣе 2 футовъ. Надъ глиною лежитъ тучный пластъ черной земли, состоящей изъ глинистыхъ, известковыхъ, кремнистыхъ и растительныхъ частицъ; онѣ образуютъ отличную почву для луговыхъ и хлѣбныхъ растений, особенно въ долинахъ и на отлогихъ покатостяхъ горъ. Гребень же хребтовъ, равно какъ и крутые скаты ихъ, каменисты и мало способны для прозябанія лѣсовъ, по сухости и скудости самой почвы. Исключеніе изъ сего составляетъ главный восточный хребетъ, который покрытъ сплошнымъ лиственнымъ лѣсомъ, произрастающимъ хорошо на восточныхъ и сѣверныхъ скатахъ горъ.

Почва земли на западномъ склонѣ горнаго пространства теплѣе почвы центральной равнины, потому что господствующія лѣсныя породы въ первой состоятъ изъ дуба и липы, требующихъ несравненно болѣе теплоты, чѣмъ сосна и береза; впрочемъ, по неизмѣннѣю точныхъ наблюденій надъ температурою ключей и колодцевъ, трудно доказать справедливость сего предположенія. Чтò же относится до способности почвы удерживать влажность, то вѣтъ сомнѣнія, что она на западномъ склонѣ горнаго пространства менѣе значительна, чѣмъ на возвышенныхъ центральныхъ равнинахъ.

Ближайшая къ рѣкѣ Ику мѣстность принадлежитъ къ формации древняго песчаника, составляющаго основаніе западныхъ предгорій плоской возвышенности. Горы Казырбай, Каил-тау, Кырпы и Сагиль-тау состоятъ изъ крупнозернистаго, твердаго песчаника, коего кварцовыя, роговиковыя и яшмовыя зерна связаны известковымъ тестомъ (*). Между песчаникомъ находятся толщи гипсовыя, въ коихъ отъ теченія подземельныхъ водъ образовались значительныя впадины въ видѣ колодцевъ.

(*) Хорошіе жерновые камни выламываются на горѣ Кырпы.

По мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ Ику песчаникъ становится болѣе мелкозернистымъ и принимаетъ наконецъ сѣроватый цвѣтъ. Песчаниковые пласты покрыты въ долинахъ и на отлгахъ покатоствяхъ горъ слоемъ желтоватой глины, толщиною въ 3 и 4 фута; за нею слѣдуетъ пластъ чернозема, глубиною въ 1 аршинъ, и состоящій изъ кремнистыхъ, глинистыхъ, известковыхъ и растительныхъ частицъ, образующихъ весьма хорошую почву для луговъ и пашень, но менѣе удобную для лѣсовъ; она довольно вязка, суха и удерживаетъ теплоту хорошо. На вершинахъ и на скатахъ горъ почва земля несравненно хуже и гребни высотъ большею частию голы. Луговая долина Ика имѣетъ влажную и отличную черноземную почву.

Отлогіе хребты, образующіе восточныя покатоствя центраальной возвышенности, состоятъ изъ слюдяныхъ и тальковыхъ сланцевъ, между коими находятся тонкіе пласты бѣлаго кварца. Они тянутся 20-верстною полоскою между рѣчными бассейнами Баракала и Юлука до рѣки Сакмары и теряются на лѣвомъ ея берегу подъ зеленокаменными и сѣровакковыми породами, образующими основаніе горъ западной части Губерлинской возвышенности. Надъ слюдяными и тальковыми сланцами находится пластъ желтой песчанистой глины, толщиною въ 1 до 3 аршинъ, а надъ нею черная земля, глубиною въ 1 и 1½ аршина. Главныя составныя части послѣдней образуютъ: слюдяный песокъ, глину, тальковую землю и металлическія вещества въ значительной примѣси растительныхъ частицъ. Почва земли вообще рыхлая, сухая и мало способна удерживать теплоту.

Горы, составляющія правый нагорный берегъ рѣки Сакмары отъ начала ея до устья рѣки Юлука, состоятъ изъ сланцевъ зеленокаменныхъ, имѣющихъ общее протяженіе отъ сѣвера на югъ и паденіе къ западу. Въ видѣ подчяяенныхъ породъ являются мѣстами кварцевые, роговиковые и яшмовые сланцы. Горнокаменныя толщи сего пространства покрыты глубокими пластами глины, содержащей значительный процентъ песку, надъ ними находится рыхлый, сухой слой сорной земли, заключающій песокъ, глину, металлическія и растительныя частицы. Почва земли на семъ пространствѣ довольно скудна и мало удобна для произведенія хлѣбныхъ и луговыхъ растеній; она удерживаетъ влажность лучше, чѣмъ теплоту, но при всемъ томъ не представляетъ хорошей лѣсной почвы.

III.

ОРОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ПРОСТРАНСТВА МЕЖДУ РЪКАМИ УРАЛОМЪ И САКМАРОЮ (*).

Пространство между рѣками Сакмарою и Ураломъ представляется въ орографическомъ отношеніи въ трехъ главныхъ видоизмѣненіяхъ. Въ сѣверной части хребетъ Ирындыкъ и его отрасли придаютъ мѣстности характеръ гористый; средняя часть представляетъ плоскую и ровную возвышенность, которая къ югу оканчивается крутыми отрогами Губерлинскихъ горъ.

А. — Хребетъ Ирындыкъ.

Ирындыкъ составляетъ съ начала черту водораздѣла между долинами Сакмары и Урала; на протяженіи своемъ отъ сѣвера на югъ онъ болѣе и болѣе отклоняется отъ береговъ Сакмары и отдѣляетъ ниже долину Тавалыка отъ долины Урала.

Онъ имѣетъ видъ горной возвышенности, которой вершина представляетъ скалистую и вольнообразную площадь, шириную отъ 2 до 3 верстъ. Основаніе ея, считая отъ подножій главныхъ отроговъ, не шире 15 верстъ. Она понижается едва замѣтнымъ образомъ къ югу до горы Су-урганъ, оканчивается тутъ крутымъ уступомъ и образуетъ далѣе до устьевъ рѣки Тавалыка плоскую, но довольно возвышенную равнину.

Геогностическая ось Ирындыка имѣетъ направленіе отъ сѣвера на югъ, сначала въ разстояніи 10 до 12 верстъ отъ Сакмары и въ 30 верстахъ отъ рѣки Урала. Ниже противъ Уртазымской крѣпости она отстоитъ верстъ на 8 отъ Тавалыка и верстъ на 40 отъ береговъ Урала.

На вершинѣ горной стѣны возвышается рядъ высокихъ и скалистыхъ горъ, составляющихъ центръ возвышенности; онѣ отчасти расположены на геогностической оси, отчасти въ вѣкторомъ отъ нея разстояніи. По мѣрѣ пониженія центральныхъ горъ, понижаются и соединяющіе ихъ увалы. Къ югу отъ горы Байура-тау они состоятъ изъ отлогихъ хребтовъ, имѣющихъ высоту незначительную въ сравненіи съ высотой соединяе-

(*) Осмотрѣнное мною пространство между Ураломъ и Сакмарою ограничивается къ сѣверу горою Тарылы-тау и озеромъ Султанскимъ, гдѣ окончена съемка 1837 года.

мыхъ ими горь. Средица уваловъ нѣсколько вогнута въ видѣ сѣда; перешейки, раздѣляющіе долины противоположныхъ скатовъ, составляютъ самыя низменныя части хребта, по коимъ пролегають главные горные проходы.

Бока хребта, или сумма скатовъ главной горной возвышенности и ея отроговъ, представляютъ выпуклыя и неровныя плоскости, образующія нѣсколько уступовъ отъ вершины до подножія. На бокахъ хребта обнажаются мѣстами значительныя скалы, образующія частію утесы, частію зубчатыя гряды. Каменные глыбы и отломки покрываютъ большую часть поверхности скатовъ. Въ вогнутыхъ частяхъ хребта начинаются горныя лоцины, по коимъ стекають снѣговыя и дождевыя воды. До вершинъ рѣки Тавалыка, главные лоцины имѣють направленіе перпендикулярное къ оси хребта; ниже онѣ отдѣляются подъ острыми углами. Главныя изъ нихъ имѣють начало свое на гребнѣ хребта у подножіи высочайшихъ горъ, въ видѣ широкихъ и отлогихъ полянъ, около коихъ сосредоточивается множество второстепенныхъ лоцинъ; далѣе протяженіе ихъ соразмѣрляется съ видомъ и формою прилежащихъ горныхъ отраслей.

Западные скаты вообще круче и короче восточныхъ. Они спускаются отъ гребня хребта подъ значительнымъ угломъ склоненія, но становятся по мѣрѣ приближенія къ подножіямъ отлогие и ровнѣе; уступы и обрывы на бокахъ хребта придаютъ имъ видъ весьма неправильный.

Восточные скаты имѣють въ сущности тотъ же характеръ, какъ и западные, но по причинѣ многихъ и значительныхъ отраслей, отдѣляемыхъ главнымъ хребтомъ въ эту сторону, они несравненно разнообразѣе. Вся горная масса понижается къ востоку четырьмя главными уступами: первый образуется скалами центральныхъ высотъ; второй скалами высотъ, отдѣляющихъ вершины рѣкъ Кизила, Худалаза и Уртазыма; третій скалами высотъ, съ коихъ вытекають степные притоки этихъ рѣкъ, и четвертый увалами, образующими ниже раздѣла между рѣчными бассейнами Кизила, Худалаза и Уртазыма.

Подножія сѣверной части Ирындька отлоги и сухи; они перерѣзаны глубокими лоцинами рѣчекъ и ручейковъ, впадающихъ въ Сакмару и Кизиль. Горные отроги между лоцинами гнаутся рядомъ не высокихъ, но каменистыхъ высотъ, окан-

чивающихся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣчныхъ долинъ. Оконечности западныхъ отроговъ образуютъ отъ озера Таналыка лѣвый нагорный берегъ рѣки Таналыка. Мѣстность между отрогами перерѣзана многими ручейками и представляетъ отчасти сухія, отчасти кочковатыя и болотистыя долины. Ниже озера Талкача западные подножія Ирындыка оканчиваются у топкаго болота, имѣющаго протяженіе отъ сѣвера на югъ верстъ на 25.

Центръ горной массы составляютъ горы, возвышающіяся около геогностической оси; изъ нихъ самыя значительныя: Тарывли-тау, Кузимъ-ташъ-тау, Янчусей-тау, Сыкертмы-тау, Кашъ-тау, Токта-ярганъ-бійкъ-тау, Карсига-башъ-тау, Калябашъ-тау, Имютай-тау, Яогаалы-тау, Улакъ-башъ-тау, Байгура-тау, Зарбалта-тау, Сара-ужъ-ташъ-тау, Байгужа-тау, Кирякъ-тау и Су-урганъ-тау. Между этими горами находится еще рядъ высотъ, составляющихъ непрерывную связь между первыми; онѣ, въ отношеніи высоты и крутизны, немногимъ уступаютъ главнымъ горамъ.

Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ гребень широкій, округленный и нѣсколько выпуклый въ видѣ купола; у другихъ, какъ то, у горъ: Янчусей, Кашъ-тау, Байчура, Байчума и Су-урганъ, гребень состоитъ изъ группы сопокъ, соединенныхъ острыми увалами; на вершинахъ ихъ высовываются значительныя горнокаменные толщи, частью въ видѣ утесистыхъ и зубчатыхъ стѣнъ, частью высокими пирамидальными шыханами, какъ то, на вершинахъ горъ: Кузимъ-ташъ-тау, Сеитъ-тау и Калябашъ-тау. Гребень горъ вообще каменистъ и голъ. Скаты сначала круты и утесисты, но ниже они становятся отложе, и по большей части завалены каменными глыбами, отломившимися отъ утесовъ. Бока горъ изрыты въ разныхъ направленіяхъ многими неглубокими лощинами, изъ коихъ вытекаютъ вершины горныхъ потоковъ. Скаты горъ, имѣя въ сложности одинакую покатость со скатами всей возвышенности, составляютъ главныя выпуклости ея боковъ; отъ главныхъ горъ отдѣляется большая часть боковыхъ отраслей и отроговъ. Послѣдніе состоятъ изъ ряда возвышеній, понижающихся по мѣрѣ удаленія своего отъ центральныхъ горъ. Составляя нѣкоторымъ образомъ продолженіе ихъ скатовъ, они образуютъ родъ контрфорсовъ, поддерживающихъ горную стѣну. Оконеч-

ности ихъ составляютъ широкія и каменистыя возвышенія, раздѣляющія лощины горныхъ ручейковъ.

Хребетъ Ирындыкъ отдѣляетъ къ западу слѣдующія боковыя отрасли:

1) У горы Кузимъ-ташъ-тау отходятъ три горныя вѣтви. Сѣверная тянется въ видѣ короткаго, но высокаго скалистаго отрога, составляющаго правый нагорный берегъ рѣки Тляпъ-тарки; оканчивается круто въ 2 верстахъ отъ русла Сакмары.

Средняя раздѣляетъ лощины двухъ главныхъ источниковъ рѣки Тляпъ-тарки и оканчивается обрывистыми скатами у точки соединенія ихъ.

Южная отрасль раздѣляетъ долину рѣки Тляпъ-тарки отъ долины рѣки Сатала; она обхватываетъ вершину лѣваго ея источника и поворачиваетъ круто на югъ, отдѣляя ниже, въ видѣ отрога и крутаго хребта лощины, обоеихъ источниковъ рѣки Сатала. Она оканчивается отлогими скатами у соединенія обоеихъ ручейковъ. Продолженіе отрасли возвышается на лѣвомъ берегу рѣки Сатала и образуетъ главную черту раздѣла между долинами Тавалыкомъ и Сакмарою.

Отъ горы Кузимъ-ташъ-тау до горы Кашъ-тау хребетъ Ирындыкъ не отдѣляетъ къ западу значительныхъ отраслей. Лощины притоковъ Тавалыка, какъ то, рѣки: Шугуръ, Карузакъ, Баталь-сазъ, Актушъ, Карагаилы-сазъ, Тукмакъ, Акмишъ-таллы-узакъ и Ташъ-китъ, раздѣляются короткими отрогами, отходящими отъ центральныхъ высотъ, и составляющими нѣкоторымъ образомъ пониженные уступы горныхъ скатовъ.

2) Отъ горы Кашъ-тау отдѣляется къ западу высокій и скалистый отрогъ, образующій правый нагорный берегъ рѣки Абумянь-елги; онъ оканчивается высокою горою Ильсинбикка-тау на лѣвомъ берегу рѣки Тавалыка. Возвышенія, соединяющія гору Ильсинбикку съ центральной массою Ирындыка, имѣютъ видъ продолговатыхъ, острыхъ горъ, соединенныхъ отлогими скатами. Подножія ихъ взволнованы небольшими буграми, составляющими продолженіе скатовъ; они перерѣзаны многими лощинами, впадающими въ ручейки: Абу-ульманъ и Ташъ-китъ. Высочайшую точку хребта составляетъ гора Ильсинбикка; она немногимъ ниже центральныхъ горъ; имѣетъ вершину острую, скалистую и крутые обрывистые скаты. Небольшіе отроги.

отдѣляемые ею въ разныя стороны, образуютъ отлогіе уступы главной возвышенности.

Ниже сей отрасли отдѣляются четыре небольшіе отрога, составляющіе раздѣлъ между долинами рѣкъ: Абдулминъ-елги, Карсяги, Шурбамъ и Бакиръ-узьяка. Они понижаются круто и оканчиваются невысокими пригорками у лѣваго берегу Таналька.

3) Вправо отъ вершинъ Бакиръ-узьяка отдѣляется отъ хребта Ирѣндыка утесистый отрогъ, оканчивающійся скалистымъ обрывомъ Сусканъ-мураною.

Рядъ бугровъ невысокихъ и отлогіхъ, раздѣляющихъ лощины Юлалы и Бакиръ-узьяка, составляютъ продолженіе сего отрога; онъ поворачиваетъ противъ д. Буронбаевой къ югу и раздѣляется на двѣ вѣтви: восточная, возвышаясь постепенно, принимаетъ видъ остраго, высокаго хребта, составляющаго правый нагорный берегъ лощины Юлалы; высочайшую его точку образуетъ гора Сува-карышканъ. Западная составляетъ лѣвый нагорный берегъ р. Таналька отъ устьевъ Бакиръ-узьяка до устьевъ Юлалы. Главныя возвышенности сей вѣтви составляютъ горы: Искизма-тау, Тюлюкли-тау и Карагасъ-тюбя. Между ними находятся нѣсколько промежуточныхъ горъ, соединенныхъ широкими и возвышенными увалами. Гребень высотъ представляетъ выпуклую и округленную площадь, на которой обнажаются значительныя горнокаменныя толщи. Крутые скаты ихъ голы и каменисты; они изрыты многими лощинами, имѣющими начало свое на увалахъ между возвышенностями. Отрога между лощинами понижаются къ западу рядомъ невысокихъ бугровъ, составляющихъ родъ уступовъ главной вѣтви. Восточные скаты оканчиваются отлогими подножіями у луговой долины Юлалы.

4) Между лощинами Юлалы и Шаланды отдѣляется отъ горы Байгура-тау отлогая и невысокая вѣтвь, которая оканчивается не высокими, но крутыми уступомъ у долины р. Таналька.

5) Невысокій и отлогіи уваль, отходящій къ западу отъ горы Билекей-байчура, отдѣляетъ долину Шаланды отъ долины Карагайлы-узьянъ и оканчивается у береговъ Таналька продолговатыми высотами, отдѣляемыми небольшими лощинами.

6) Отъ горы Зоръ-балта отдѣляется къ югозападу невысокая отлогая вѣтвь, соединяющая гору Билекей-балту съ первою; она простирается далѣе рядомъ отлогіхъ высотъ, до русла Таналь-

ка, и отдѣляетъ лощину Карагайлы-узлака отъ лощины Айрысазы. Гора Белекей-балта составляетъ высочайшую точку отрога. Продолговатая и острая вершина ея возвышается круто надъ всею мѣстностью. Она невогямъ ниже горы Зорь-балта.

Восточныя вѣтви Ирындыка раздѣляются, какъ выше сказано, на четыре главные разряда. Къ первому принадлежатъ всѣ короткіе отроги, отдѣляющіе вершины и горныя притоки рр. Кизила, Худалаза и Уртазыма. Они составляютъ продолженіе центральныхъ горъ, отъ которыхъ отдѣляются въ видѣ высокихъ хребтовъ. На острыхъ гребняхъ возвышаются скалистые шиханы, поддерживаемые небольшими отрогами или контрфорсами. Скалистые скаты понижаются крутыми утесами до самыхъ подножій и образуютъ узкія горныя долины, въ коихъ протекаетъ множество рѣчекъ и ручейковъ.

Этотъ видъ имѣетъ горныя отроги первого разряда отъ горы Тарывлы-тау до горы Байгура-тау. Къ югу отъ послѣдней они отдѣляются отлогими увалами, соединяющими центральныя горы съ восточными оконечностями Ирындыка. Подобныя увалы отдѣляются:

а) отъ горы Байзура-тау, которую соединяетъ съ группою горъ Карамалы и Уллу-тау, раздѣляя долины ручейковъ Бурулы и Карамалы-саги, впадающихъ въ Уртазымъ.

б) Между горою Сараутъ-ташь и группою горъ Бердакай, соединяющей ихъ увалъ, пролегаетъ между долинами рр. Карамалы и Туртукаля.

в) Два увала, отходящіе отъ горы Байгужи; изъ нихъ сѣверный соединяется съ горами Бикберды и Акъ-кашь, раздѣляющими лощину р. Туртукаля отъ долины Тулбая. Южный образуетъ черту раздѣла между лощинами Тулбая и притокомъ ея Зилбашемъ.

г) Послѣдній отрогъ отходитъ отъ горы Кусякъ-тау и тянется горами Зилбашемъ и Усватомъ, между лощинами рр. Зилбаша и Мунчи. Этотъ отрогъ, въ соединеніи съ горою Су-урганъ, составляетъ крайній уступъ хребта Ирындыка.

Ко второму разряду восточныхъ отраслей принадлежатъ горныя вѣтви, отдѣляющія долины рр. Кизила, Худалаза и Уртазыма. Боковыя отрога, отдѣляемые ими на сѣверъ и на югъ, составляютъ третій разрядъ горъ, отдѣляющихъ устья горныхъ ручейковъ отъ вершинъ степныхъ. Продолженіе хребтовъ второго разряда образуетъ четвертую группу возвышеній, проста-

рающихся между устьями рр. Кизила, Худалаза и Уртазыма и образующих правый и горный берег р. Урала.

Горная отрасль, отделяющая долину Кизила от долины Худалаза, начинается у горы Янгузей-тау, въ видѣ высокаго и скалистаго отрога, понижающагося постепенно до озера Усь-куль. Она сохраняетъ въ началѣ характеръ центральныхъ горъ Ирыдыка: широкій гребень ея взволнованъ обрывистыми скалами, образующими родъ купола на главныхъ возвышеніяхъ. Сваты круты и утесисты; они оканчиваются къ югу отложениями подожжіями у долины Худалаза. Близъ озера Усь-куль отрасль соединяется съ поперечнымъ хребтомъ, составляющимъ черту раздѣла между горными и степными притоками р. Худалаза. Онъ образуетъ, нѣкоторымъ образомъ, возвышенную вѣтвь первой отрасли, и простирается на правомъ берегу Замъ-елги подобнымъ же хребтомъ, именуемымъ Биксагалъ-тау. Поперечный хребетъ оканчивается къ югу отложениями скатами у береговъ р. Худалаза, ниже долины Ахмеровоі. Западные скаты хребта коротки и круты, къ востоку же они отложе и отдѣляютъ нѣскольکو боковыхъ отроговъ, до края лощины Япраилы.

Первая отрасль продолжается къ западу до озера Улянды-куль, у котораго она поворачиваетъ къ югу и образуетъ западный и южный предѣлъ его долины. На протяженіи своемъ отъ сѣвера на югъ, она составляетъ черту раздѣла между долинами рр. Кизила и Худалаза.

Горная отрасль, раздѣляющая долину Худалаза отъ озера Калтыбака, отдѣляется у горы Сыкертмы-тау, въ видѣ высокаго и крутаго хребта, пролегающаго сначала къ востоку до горы Карамалы, и поворачивая потомъ на сѣверъ, отдѣляетъ на правомъ берегу Худалаза долину горныхъ ручейковъ отъ долины степныхъ его притоковъ. На сѣверномъ своемъ протяженіи онъ представляетъ рядъ высокихъ и скалистыхъ горъ, соединенныхъ острыми и крутыми хребтами. Высочайшую точку составляетъ гора Бошлыкирь-тау. Хребетъ оканчивается круто на правомъ берегу Худалаза, противъ долины Ахмеровоі.

Хребетъ, раздѣляющій озеро Калтыбанъ отъ долины верхняго Уртазыма, простирается къ западу рѣки Карайгалы и вершинами Уртазыма до горы Сарынъ-тау. Отъ нея онъ поворачиваетъ круто на югъ и подраздѣляется на двѣ отрасли, пролегающія между долинами рѣкъ: Уртазыма, Лапаси и Жулуя.

На западномъ своемъ протяженіи онъ сокращаетъ характеръ центральныхъ горъ Ирындыка; высочайшія его точки составляютъ горы Шатра-тау и Сарынъ-тау. Южная часть хребта, принадлежащая ко второму разряду горныхъ отраслей, раздѣляется двумя отрогами долины горныхъ и степныхъ притоковъ Уртазыма. Западная, отдѣляющая рѣку Уртазымъ отъ рѣки Лопаси, имѣетъ видъ остраго и крутаго хребта, на гребнѣ котораго возвышаются горы: Шряу-ташъ-тау, Кингыръ-ташъ-тау и Галш-тау. Хребетъ оканчивается нѣсколькими отрогами близъ устья рѣки Лопаси. Вершина горъ острая и продолговатая; на ней обнажаются значительныя яшмовыя толщи, въ видѣ каменныхъ грядовъ. Подножія взволнованы не большими, но высокими отрогами, составляющими нагорный берегъ рѣкъ Уртазыма и Лопаси. Главный отрогъ оканчивается высокою горою Услу-тау, на лѣвомъ берегу Уртазыма.

Вторая отрасль отдѣляетъ лошину рѣки Лопаси отъ лошины Юлуя; она во всѣхъ отношеніяхъ сходна съ предъидущею и оканчивается у д. Абдерахмановой горою Мурать-тау.

Между рѣкою Уртазымомъ и восточными подножіями Ирындыка тянется рядъ широкихъ и отлогихъ возвышеній, раздѣляющихся долинами рѣкъ: Бурулы, Карамалы, Табай и Лунчи; онѣ принадлежатъ къ четвертому разряду возвышеній, отдѣляющихъ долины озеръ Акъ-кашъ и Юмуркалы отъ долины нижняго Уртазыма.

Южную оконечность хребта Ирындыка образуетъ плоская возвышенность, раздѣляющая долину Таналыка отъ долины Малаго Уртазыма. Горы Карташъ-тау, Иликъ, Сукранъ, Кашъ-тюба и Уть-ташъ возвышаются отдѣльными массами на срединѣ увала и составляютъ черту раздѣла между рѣками Таналыкомъ и Уртазымомъ. Онѣ имѣютъ значительное возвышеніе надъ окружающею мѣстностію, и принимаютъ видъ острыхъ большихъ конусовъ. У всѣхъ гребень острый и каменистый, бока круты и обставлены каменными грядами, подошва взволнована невысокими уступами и буграми, образующими предгорія главныхъ высотъ. Отъ горы Уть-ташъ-тау вся возвышенность раздѣляется на нѣсколько широкихъ и отлогихъ сыртовъ, пролегающихъ между рѣками Таналыкомъ и вершинами рѣкъ Накановъ.

Западные скаты плоской возвышенности оканчиваются до-

вольно крутымъ уступомъ на лѣвомъ берегу рѣки Танаалыка до устья рѣки Бузаулыка. Ниже она становится отложе и ровнѣе; къ востоку же понижается нѣсколькими продольными сыр-тани, отдѣляющими долину Танаалыка отъ рѣки Урала.

Горы на пространствѣ между Сакмарою и Танаалыкомъ составляютъ, какъ выше сказано, продолженіе западноіи отрасли Ирындыка, которая, отдѣляясь у горы Кузиль-ташъ-тау, образуетъ сѣверный и западный предѣлъ долины озера Талкача и перерѣзывается теченіемъ рѣки Сатала. Она простирается далѣе подъ названіемъ хребта Сакъ-тау близъ праваго берега рѣки Танаалыка, которую отдѣляетъ отъ рѣки Ассели. Главная возвышенность имѣетъ видъ не высокаго, но крутаго хребта, коего острый гребень взволнованъ рядомъ продолговатыхъ горъ; скаты въ обѣ стороны круты и ровны; ближе къ подножіямъ они перерѣзываются небольшими лощинами.

На протяженіи своемъ отъ озера Толкача до горы Беркутъ-тау, хребетъ отдѣляетъ къ западу двѣ боковыя отрасли. Первая тянется въ видѣ широкаго и отлогаго увала близъ лѣваго берега Сакмары и отдѣляетъ небольшими возвышеніями рѣку Каргалы отъ рѣки Ассели. Вторую отрасль составляетъ хребетъ Куянь-тау; онъ отходитъ отъ главнаго хребта въ нѣкоторомъ разстояніи отъ сѣвернаго берега рѣки Ассели, русло которой перерѣзываетъ его и продолжается далѣе на противоположномъ ея берегу до горы Беркута, посредствомъ которой онъ соединяется съ хребтомъ Сакъ-тау. И такъ хребты Куянь-тау и Сакъ-тау, въ соединеніи съ горою Беркутъ-тау, образуютъ широкую котловину, изъ которой вытекаетъ рѣка Ассели.

Хребетъ Куянь-тау по виду своему совершенно сходенъ съ хребтомъ Сакъ-тау; отъ него отдѣляются невысокія и отлогія боковыя вѣтви, простирающіяся между рѣками Ассели, Шармою, Бекелей и Зоръ-акмурукомъ.

Отъ горъ Беркутъ-тау, Кузянь и Сакъ-тау хребты продолжаютъ далѣе верстъ на 10 скалистыми, крутыми высотами, между коими самыя примѣчательныя горы Уварашъ и Мечеть-тау. Эта часть хребта немногимъ ниже главной возвышенности Ирындыка и имѣетъ одинаковый съ ней характеръ. Гребень горъ широкъ и каменистъ; крутые скаты перерѣзаны многими лощинами и образуютъ то высокіе обрывы, то отлогіе уступы; вся поверхность, отъ вершинъ до подножій, покрыта каменными

глыбами и отломками. Между отлогими, но каменистыми предгоріями находятя частію болотистыя поляны, частію топкия лощины, покрытыя молодымъ березовымъ лѣсомъ. Въ этомъ видѣ простирается хребетъ до деревни Мелебстевой, у которой онъ раздѣляется на двѣ отрасли. Западная составляетъ черту водораздѣла между притоками Сакмары и Таналяка; пролегаетъ отлогою, плоскою возвышенностію между вершинами рѣчекъ Мякатинь, Лайшеберды, Карамалы, Ильгасъ и Карсыбашъ, впадающихъ въ Сакмару и между вершинами Большаго и Малаго Бузаулыка, Зирень-агача и Тирги-мыша, впадающихъ въ Таналякъ. Она отдѣляетъ въ обѣ стороны между этими рѣчками отлогія и широкія вѣтви, оканчивающіяся къ востоку отлогими и ровными покатосями, близъ лощинъ Бузаулыка; къ западу же крутымъ уступомъ, близъ лѣваго берега Сакмары, образуетъ отъ устья степнаго Зилавра высокіе угесистые обрывы.

Вторая вѣтвь отдѣляетъ долины рѣкъ Бузаулыка и Таналяка. Она начинается широкимъ хребтомъ между вершинами рѣчекъ Мякатинь и Мембетей-елги; понижается постепенно до вершинъ рѣки Кузая, продолжаясь отъ нея къ югу въ видѣ высокаго и крутаго хребта до горы Савтъ-тау, у которой оканчивается нѣсколькими плоскими и отлогими отрогами, отдѣляющими лощины притоковъ Бузаулыка и Таналяка. Вершину хребта составляютъ невысокія и плоскія горы, обросшія мелкимъ березовымъ лѣсомъ; скаты ихъ въ соединеніи со скатами хребта представляютъ выпуклыя и отлогія плоскости, перерѣзанныя многими топкими лощинами. Оконечность скатовъ образуетъ отлогіе уступы и предгорія, раздѣляющіе лощины незначительныхъ притоковъ Таналяка и Бузаулыка; высочайшую точку хребта составляютъ горы Шейнякъ и Сентъ-тау.

Главныя отрасли составляютъ къ западу: а) рядъ горъ Бердубакъ и Янгизъ-каргаль-тау, у коихъ вытекаетъ рѣка Большая Бузаулыка; б) гора Камя-тау, отдѣляющая двѣ небольшія лощины, впадающія съ правой стороны въ Бузаулякъ; в) горы Карагасъ и Айдаръ-суаки-тау, составляющія правый нагорный берегъ лощины Суртанъ-узякъ. Всѣ эти отросли представляютъ небольшіе хребты, имѣющіе одинаковый характеръ съ хребтомъ, отъ котораго отдѣляются.

Къ востоку отходитъ значительный отрогъ между рѣками Кузай и Мембетей-елга; высочайшую точку его составляетъ гора

Баиръ-тау; подножія хребта возмозваны небольшими дредгоріями, образующими правый нагорный берегъ рѣки Танадыка. Отъ горы Шейнакъ и Сентъ-тау отдѣляются къ востоку еще нѣсколько боковыхъ отроговъ, раздѣляющихъ болотистыя и топкія лощины, впадающія въ Танадыкъ съ правой стороны.

По лѣвому берегу рѣки Сакмары, между устьями рѣки Шарлы и Акмуруна, тянется отдѣльными частями рядъ высотъ, которыя не имѣютъ никакой связи съ отрогами Ирындыка; онѣ, какъ кажется, составляютъ продолженіе хребта Таиръ-тау, который оканчивается крутымъ обрывомъ на правомъ берегу Сакмары близъ устья Шарлы. Сѣверная часть этого хребта между д. Тамясевою и Муллакаевою имѣетъ видъ острой и крутой возвышенности, отъ которой отдѣляются на западъ нѣсколько крутыхъ отроговъ, составляющихъ лѣвый нагорный берегъ Сакмары; восточные скаты и отлоги образуютъ, съ западными отраслями Ирындыка, весьма значительную продольную долину. Средняя часть хребта между д. Еткуловой и Старашецкимъ трактомъ образуетъ острую и крутую возвышенность, которая оканчивается круто у лощины Сакмары. Южная и самая значительная часть состоитъ изъ отрога и крутого хребта, на которомъ возвышаются горы Карымъ и Карагайлы-тюбя, раздѣляемыя теченіемъ рѣки Ширная. Крутые скаты хребта, обращенные къ Сакмарѣ, изрыты многими глубокими и крутыми лощинами; къ югу и къ востоку хребетъ оканчивается отлогимъ и широкимъ уваломъ.

Б.—Краткій геогностическій взглядъ на хребетъ Ирындыкъ и на боковыя его отрасли.

Господствующую въ хребтѣ Ирындыкъ горнокаменную породу составляютъ земнокаменные сланцы, имѣющіе большею частію правильное напластованіе и простирающіеся отъ сѣвера на югъ. Между ними являются, въ видѣ подчиненныхъ породъ, яшмовыя и роговакковые пласты, образующіе тонкіе, разноцвѣтные слои, въ земнокаменныхъ толщахъ. Скалистые шиханы, на вершинахъ центральныхъ горъ, состоятъ изъ плотнаго зеленого камня, въ которомъ незамѣтно никакой слоистости; въ боковыхъ же отрогахъ Ирындыка, какъ западныхъ, такъ и восточныхъ, обнаруживаются на гребняхъ горъ яшмовыя и роговакковыя толщи, несравненно бѣльшихъ размѣровъ, чѣмъ на

главныхъ возвышеніяхъ; онѣ простираются весьма значительными пластами по всему пространству между рѣками Сакмарою и Ураломъ. Не доходя однако верстѣ на 10 до береговъ Урала, проявляются между земнокаменными и яшмовыми породами порфировадныя толщи, занимающія постепенно мѣста послѣднихъ и образующія, вмѣстѣ съ земнокаменными сланцами, главное основаніе горъ восточной части сего пространства. Нагорные берега Урала состоятъ изъ толщей переходнаго известняка одинаковыхъ качествъ, какъ и въ горахъ на западномъ склонѣ возвышенности между Икомъ и Сакмарою; впрочемъ объемъ известковой породы здѣсь не такъ обширенъ, какъ въ рѣчномъ бассейнѣ Ика.

Центральный хребетъ, равно какъ и главныя боковыя отрасли его, покрыты густымъ, смѣшаннымъ лѣсомъ; мѣстность же, прилежащая къ долинамъ Сакмары и Урала, представляетъ гористую степь, покрытую ковылемъ и другими степными растеніями. Горная почва земли вообще лучше степной, особенно въ ложбинахъ и на пологихъ покатостяхъ горъ, гдѣ черная земля состоитъ изъ разрушенныхъ растительныхъ частицъ, смѣшанныхъ съ песчаными и глинистыми розсыпами господствующихъ каменныхъ породъ. На главныхъ возвышеніяхъ почва земли хотя скуднѣе и болѣе камениста, но производитъ довольно хорошіе лѣса.

Степная мѣстность покрыта здѣсь неглубокимъ слоемъ чернозема, содержащаго множество кварцевыхъ и яшмовыхъ галекъ; главныя составныя ея части суть: кремноземъ, глина, металлическія и разрушенныя растительныя вещества, образующія довольно рыхлую, но сухую почву. Глубина чернозема на вершинахъ горъ незначительная; въ низменностяхъ же она толщею отъ 1 фута до 1½ аршина. Подземъ образуется слоемъ каменястой глины, смѣшанной съ кварцевымъ пескомъ.

Хребетъ Ирындыкъ и отрасли его изобилуютъ многими рудами, изъ коихъ заслуживаютъ особенное вниманіе мѣдныя и желѣзныя рудники на горахъ Уварашъ, Шейнякъ и Айдаръ-сакка-тау; онѣ въ прежнее время разрабатывались владѣльцами Преображенскаго мѣдиплавильнаго завода, но оставлены нынѣ по неимѣнію средствъ продолжать работы.

На восточной сторонѣ хребта Ирындыка, въ рѣчныхъ ложбинахъ и углубленіяхъ, находится подъ поверхностью земли

пласть золотоноснаго песку, доставляющаго впрочемъ весьма малое количество чистаго золота.

В.—Плоская возвышенность между Сакмарою и Ураломъ.

Мѣстность между рѣками Сакмарою и Ураломъ принимаетъ отъ рѣки Таналыка характеръ плоской возвышенности, понижающейся къ югу и востоку отлогими покатостями, къ западу же крутыми уступами, образующими лѣвый нагорный берегъ рѣки Сакмары. Она раздѣляется теченіемъ рѣки Губерли на двѣ отдѣльныя возвышенности, изъ коихъ западная и самая значительная отдѣляетъ долину Губерли отъ долины Сакмары, восточная же долину Урала отъ долины Губерли.

Первая пролегаетъ сначала между вершинами притоковъ Сакмары, какъ то: Мянуса, Катралы и Курагана, которыхъ отдѣляетъ отъ бассейна р. Губерли. Между источниками рѣкъ Чебаклы и Бялу, она поворачиваетъ на западъ и составляетъ главный водораздѣлъ между долинами Сакмарою и Ураломъ. Ширина самой плоской возвышенности не болѣе 15 верстъ; она представляетъ открытую равнину, взволнованную широкими и плоскими возвышеніями; неглубокія, отлогія лощины перерѣзываютъ ее въ разныхъ направленіяхъ. Восточные скаты плоской возвышенности состоятъ изъ отлогихъ и широкихъ уваловъ, раздѣляющихъ правые притоки рѣкъ Таналыка и Губерли. Они, по мѣрѣ приближенія къ устьямъ рѣкъ, принимаютъ видъ крутыхъ горныхъ отроговъ, составляющихъ правый нагорный берегъ рѣки Губерли.

Западные скаты плоской возвышенности понижаются двумя главными увалами. Первый отдѣляется между вершинами рѣкъ Мянуса и Курана въ видѣ широкой отлогой возвышенности, пролегающей между рѣками Сика-кургашы и Катралы.

Онъ имѣетъ въ началѣ широкій гребень, взволнованный отлогими возвышеніями; по мѣрѣ приближенія къ долинѣ Сакмары, онъ постепенно суживается и принимаетъ видъ остраго и крутаго хребта, коего бока изрыты многими лощинами и рытвинами; подножія хребта оканчиваются круто у края лощинъ, впадающихъ въ Сакмару.

Отъ главнаго увала отдѣляется множество боковыхъ отроговъ, пролегающихъ частію между притоками Сакмары, частію между ручейками, впадающими въ рѣку Катралы съ сѣверной стороны.

Вторую оконечность западной части плоской возвышенности составляют горы на лѣвомъ берегу Сакмары между устьями рѣкъ Катралы и Курагана; онѣ тянутся въ видѣ вьюкаго и крутаго хребта отъ сѣвера на югъ и оканчиваются горою Уллу-тау-башъ, близъ устья Курагана. Онъ отдѣляется отъ главной возвышенности между истоками Катралы и Курагана, въ видѣ плоскаго, отлогаго увала, который постепенно преобразуется въ острый и крутой хребетъ. На гребнѣ его возвышается множество конусообразныхъ, голыхъ горъ, соединенныхъ крутыми и утесистыми покатосями. Бока хребта изрыты многими лощинами и оврагами, а между ними высовываются значительныя каменные толщи, частію въ видѣ неправильныхъ скалистыхъ стѣнъ, частію каменистыми буграми и грядками. Крутыя подножія хребта взволнованы значительными предгоріями, образующими отдѣльныя возвышенности. Изъ нихъ примѣчательнѣйшія горы: Большой и Малый Шипъ, Кизляръ-тау, Кавъ-гальды Султанъ-гуль-тау, Бабай и Исалбегъ-тау, находящіяся близъ праваго берега рѣки Курагана.

Къ западу главный хребетъ отдѣляетъ множество короткихъ, но крутыхъ отроговъ, раздѣляющихъ лощины рѣчекъ: Ямаша, Тереклы, Кизиль-яра, Ибалыки, Азупа, Санкися, Кліймазая, Кунакъ-гичана и Кимабая, впадающихъ въ Сакмару съ лѣвой стороны. Южные отроги раздѣляютъ лощины притоковъ Курагана.

Южная оконечность плоской возвышенности между рѣками Сакмарою и Губерлею раздѣляется теченіемъ рѣкъ Бляу, Чебаклы, Большаго и Малаго Каялы на 5 главныхъ отраслей. Изъ нихъ первая простирается между рѣками Курагана и Бляу и оканчивается крутыми и неровными скатами, перерѣзанными многими лощинами и оврагами.

Вторая отрасль пролегаетъ между вершинами Чебаклы и Бляу, поворачиваетъ далѣе на югозападъ и составляетъ главную черту водораздѣла между рѣками Сакмарою и Ураломъ. Она сначала имѣетъ одинаковый характеръ съ прочими отраслями плоской возвышенности, но потомъ принимаетъ на западномъ своемъ протяженіи видъ широкаго возвышеннаго увала, обращающаго короткіе и крутые скаты къ Сакмарѣ, а длинныя и отлогіе къ рѣкѣ Уралу. На немъ возвышается рядъ продолговатыхъ горъ, имѣющихъ протяженіе отъ сѣвера на югъ и составляющихъ продолженіе высотъ между рѣкъ Сакмарою и Касмарою.

Горы понижаются отлогими покатостями къ долинамъ Сакмарѣ и Уралу, и раздѣляютъ рѣчныя долины ихъ притоковъ. Онѣ имѣютъ противъ Ильинской крѣпости острые гребни и крутые скаты, изрытые многими лощинами; между крѣпостями Ильинскою и Верхнеозерною онѣ становятся шире и отложе.

Третья отрасль плоской возвышенности, проходящая къ югу между рѣками Чебаклы и Каалы, оканчивается ниже Губерлинской крѣпости острымъ и крутымъ хребтомъ. Отроги, раздѣляющіе притоки Чебаклы и Губерли, взволнованы многими каменными буграми, и обращаютъ къ востоку крутые, неровные скаты, ограничивающіе долину Губерли.

Четвертая отрасль, отдѣляющая долину Большаго Каалы отъ долины Малаго Каалы, имѣетъ тотъ же характеръ, какъ и выше описанныя, съ тою разницею, что она не такъ широка, потому что оба ручейка протекаютъ верстъ на 8 въ весьма близкомъ разстояніи другъ отъ друга.

Пятая отрасль раздѣляетъ лощину Большаго Каалы отъ лощины Губерли; она тянется верстъ на 12 въ видѣ остраго, высокаго хребта, имѣющаго неровные скаты, взволнованные короткими отрогами или контрфорсами.

Восточная часть плоской возвышенности раздѣляется теченіемъ рѣчекъ Сухой Губерли и Елшанки на три главныя покатости. Первая отдѣляетъ долину Большой Губерли отъ лощины Сухой Губерли; она простирается между ними широкою и отлогою возвышенностію и оканчивается близъ лощины Большой Губерли крутыми и неровными скатами; къ Сухой же Губерлѣ она понижается отлогими и длинными покатостями, перерѣзанными неглубокими, сухими лощинами; отлогія подножія возвышенности сливаются въ обѣ стороны съ подошвами рѣчныхъ долинъ.

Черту раздѣла между долинами Губерли и Урала образуетъ широкій возвышенный хребетъ, отстоящій отъ береговъ Урала верстъ отъ 5 до 8. На гребнѣ хребта находится рядъ продолговатыхъ, широкихъ горъ, имѣющихъ вершину плоскую и голую; онѣ спускаются сначала крутыми и неровными покатостями, взволнованными частію уступами, частію небольшими буграми, но ближе къ подножіямъ онѣ становятся отложе и ровнѣе. Къ востоку онѣ образуютъ правый нагорный берегъ рѣки Урала и упираются къ краю луговой его долины не высокими, но кру-

тымъ уступомъ. Скаты, обращенные къ долинь Сухой Губерли, взволнованы многими короткими и крутыми отрогами, кои оканчиваются значительными обрывами у рѣчной ея лощины.

Около истоковъ рѣки Елшанки подраздѣляется хребетъ на двѣ отрасли; восточная изъ нихъ составляетъ раздѣлъ между рѣками Ураломъ и Елшанкою; она оканчивается отлогими, но довольно высокими горами близъ Орской крѣпости. Западную и самую значительную отрасль составляютъ горы Губерлинскія, раздѣляющія долину Елшанки отъ долины Губерли. Хребетъ имѣетъ въ началѣ характеръ возвышеннаго увала, коего гребень представляетъ отлогую равнину, шириною въ 4 версты; скаты, обращенные къ Елшанкѣ, отлоги, но 10 верстами короче западныхъ. Лощины ручейковъ: Краснаго, Разбойнаго, Баннаго и Климовки, раздѣляютъ ихъ на нѣсколько отлогихъ сыртовъ, оканчивающихся близъ луговыхъ долинь Елшанки и Урала. Западные скаты представляютъ безчисленное множество острыхъ хребтообразныхъ отроговъ, образующихъ глубокія лощины и крутые овраги. Гребень ихъ взволнованъ рядомъ конусообразныхъ острыхъ горъ, отъ коихъ отдѣляются къ обѣ стороны небольшіе отроги втораго разряда, составляющіе родъ контрфорсовъ главныхъ вѣтвей. На крутыхъ скатахъ возвышается множество каменныхъ грядъ и голыхъ бугровъ, придающихъ этой части хребта величественный, но весьма дикій видъ. Оконечности отроговъ образуютъ лѣвый нагорный берегъ рѣки Губерли; онѣ оканчиваются крутыми и утесистыми обрывами у края рѣчной лощины, которая взволновывается, мѣстами, отдѣльно стоящими предгоріями и каменными розсыпями.

Подобные отроги составляютъ южную оконечность Губерлинскихъ горъ, съ тою однако разницею, что они не столь значительной высоты, какъ западные.

Г. — Краткій геогностическій взглядъ на плоскую возвышенность между рѣками Ураломъ и Сакмарою.

Земвокаменные и яшмовыя толщи, составляющія основаніе хребта Ирындака и его отраслей, простираются въ восточной части плоской возвышенности до самыхъ Губерлинскихъ отроговъ, и оканчиваются на правомъ берегу рѣки Урала между Ильинскимъ и Хабарненскимъ отрядами; къ западу онѣ ограничиваются неширокимъ пластомъ слюдистыхъ и кварцевыхъ слан-

цевъ, начинающихся на правомъ берегу рѣки Сакмары между бассейнами обоихъ Злаваровъ и простирающихся до вершинъ рѣки Большой Губерли, гдѣ теряются подъ значительными сланцами, составляющими основаніе всей Губерлинно-Кураганской возвышенности. Лѣвый нагорный берегъ рѣки Сакмары состоитъ отъ устья рѣки Миняуса до устья Кургана изъ глинистыхъ и сѣровакковыхъ сланцевъ, переходящихъ постепенно въ земнокаменную породу.

Вся южная часть мѣстности между рѣками Сакмарою и Ураломъ представляетъ безлѣсную ровную степь, покрытую ковылемъ и другими степными травами. Лишь западная часть ея между вершинами Миняуса и Катралы представляетъ хорошую лѣсную почву, гдѣ и теперь произрастаютъ посредственные лѣса; восточная же и южная части совершенно безлѣсны и самая почва земли мало способна къ ихъ произрастанію: во первыхъ потому, что она на обширныхъ открытыхъ равнинахъ отъ вліянія воздуха и свѣта совершенно потеряла качество лѣсной почвы, и во вторыхъ, что, отъ сухости воздуха и рѣдкости дождей, травы прежнихъ лѣтъ не разлагаются въ землястое вещество, а образуютъ родъ торфа, мало способнаго для прозябанія растеній.

IV.

ОПИСАНІЕ РѢКЪ ВЪ ЮГОВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Всѣ воды въ юговосточной части Оренбургской губерніи сосредоточиваются въ бассейнахъ рѣкъ Сакмары и Урала, соединяющихся близъ города Оренбурга въ одно общее русло. Онѣ берутъ начало свое въ центральныхъ возвышеніяхъ Уральскаго хребта и текутъ на всемъ протяженіи своемъ параллельно въ разстояніи отъ 60 до 30 верстъ другъ отъ друга. Главная масса водъ, падающихъ въ русло рѣки Урала, протекаетъ частію по скатамъ высотъ, образующихъ раздѣлъ между нею и рѣками, вливающимися въ Ледовитое море; частію же со скатовъ хребта Ирындыка и плоскихъ уваловъ, ограничивающихъ долину рѣки Сакмары съ восточной и южной стороны. Рѣка Сакмара составляетъ въ некоторомъ образѣ главный отводный каналъ для всѣхъ рѣчекъ и ручейковъ, стекающихъ со скатовъ южной оконечности Уральскаго хребта.

Въ нижеслѣдующемъ описаніи рѣкъ разсматривается: во первыхъ, рѣка Сакмара со всѣми ея притоками отъ вершинъ до Воздвиженской крѣпости; во вторыхъ, главные притоки рѣки Урала, находящіеся въ осматрѣнномъ мною пространствѣ, между Кивильскою и Губерлянской крѣпостями.

Рѣка Сакмара.

Рѣка Сакмара беретъ начало свое съ восточной стороны Уральскаго хребта у горы Казакъ-Караула одною низменною долиною, которая, по соединеніи нѣсколькихъ ручейковъ, образуетъ настоящее ея русло. Она протекаетъ многими извилинами до устья рѣки Курагана, по общему направленію отъ сѣвера на югъ, склоняясь нѣсколькими градусами къ западу. Поворачиваетъ у л. Мелебетевой круто на WNW и продолжаетъ теченіе свое по сему направленію до впаденія въ рѣку Уралъ, ниже города Оренбурга.

Долина рѣки Сакмары пролегаетъ верстъ на 80 отъ вершинъ между отлогими возвышеніями, состоящими изъ земнокаменныхъ сланцевъ; къ правому берегу отдѣляются небольшіе отроги, кои, по мѣрѣ приближенія къ руслу, становятся отложе и ровнѣе. Возвышенія же на лѣвомъ берегу, имѣя непосредственную связь съ вѣтвями Ирындька, обращаютъ къ долинѣ Сакмары крутые скаты. Разстояніе между обоими нагорными берегами бываетъ отъ 2 до 5 верстъ; подошва долины представляетъ отлогую равнину, шириною отъ 100 до 600 сажень; она имѣетъ почву глинистопесчаную, покрытую небольшимъ слоемъ черной земли. По возвышенному положенію надъ поверхностію рѣки, она рѣдко наводняется весенними водами, отъ чего не очень изобилуетъ луговыми мѣстами.

Рѣка Сакмара имѣетъ, отъ начала своего до устья рѣки Юлука, котловинистое русло, шириною отъ 2 до 6 сажень; дно ея большею частію глинистое, песчаное и топкое. Берега плоскіе, но обрывистые, мѣстами поросли мелкимъ кустарникомъ. Глубина водъ весьма различна: въ иныхъ мѣстахъ она не выше одного фута, въ котловинахъ же болѣе сажени.

Отъ устья рѣки Юлука до устья рѣки Курагана, долина Сакмары представляетъ глубокой оврагъ, который съ лѣвой стороны обставленъ крутыми скатами плоскихъ возвышеній, составляющихъ продолженіе хребта Ирындька; съ правой же сторо-

ны скатами высотъ, раздѣляющихъ долину Ика отъ долины Сакмары. На пространствѣ между устьями Юлука и Бармаса основаніе прилежащей мѣстности состоитъ изъ слюдястыхъ и кварцевыхъ сланцевъ, образующихъ во многихъ мѣстахъ высокіе утесы; разстояніе между нагорными берегами превышаетъ рѣдко одну версту.

Русло рѣки Сакмары обсыяно большими каменными глыбами, которыя, удерживая илъ и песокъ, свесенные теченіемъ воды, образуютъ значительные перепады, по коимъ вода течетъ сильнымъ стремленіемъ; они высоки и обрывисты.

Отъ устья рѣки Бармаса до устья Курагана находятся лощины: лощина Сакмары расширяется версты на три и ограничивается съ обѣихъ сторонъ крутыми скатами горъ, обнажающими во многихъ мѣстахъ высокіе утесы. Отлогая подошва лощины представляетъ хорошія луговья и пахатныя мѣста, равно какъ и значительныя колки лиственнаго лѣса. Русло имѣетъ ширину отъ 6—10 сажень; оно становится болѣе и болѣе ровнымъ, такъ что глубина водъ въ рѣдкомъ мѣстѣ превышаетъ два аршина; дно вообще каменистое, песчаное и твердое.

Отъ устья рѣки Курагана до устья Большаго Ика лощина рѣки Сакмары образуется возвышенными увалами, отдѣляющими ее отъ рѣкъ Касмарки и Урала. Небольшіе ручейки, протекающіе по скатамъ уваловъ, раздѣляются высокими продолговатыми горами, кои, приближаясь къ рѣкѣ Сакмарѣ, оканчиваются круто въ разстояніи одной версты отъ ея береговъ. Въ началѣ эти возвышенія состоятъ изъ различныхъ горнокаменныхъ породъ, принадлежащихъ къ формациі сѣрой вакки. Далѣе же между деревнями Янчуринвою и Кувлоровкою лощина Сакмары пересѣкается высокими и крутыми горами известковой формациі; онѣ простараются въ видѣ нѣсколькихъ параллельныхъ хребтовъ отъ сѣвера на югъ, и оканчиваются у праваго берега высокими обрывами. На лѣвомъ берегу продолженіе хребтовъ начинается отлогими высотами, которыя, возвышаясь, образуютъ подобные хребты.

Отъ Желтаго Релута до устья рѣки Ика лощина Сакмары обставлена отлогими возвышеніями древняго песчаника, отстоящими отъ рѣчныхъ береговъ версты на полторы. По лощинѣ Сакмары отъ устья Курагана до устья р. Ика встрѣчаются отлѣч-

нѣйшія пахатныя и луговыя мѣста, а близъ береговъ неширокія полосы листовнаго лѣса; ширина русла отъ 15 до 22 сажень, берега большею частію плоскіе, а дно глинисто-песчаное. Глубина рѣки весьма различная: въ иныхъ мѣстахъ она болѣе 2 сажень, въ другихъ не выше нѣсколькихъ футовъ.

Быстрота теченія рѣки Сакмары зависитъ частію отъ наклона и свойства русла, частію отъ количества воды. Въ началѣ, гдѣ она протекаетъ небольшимъ ручейномъ по отлогому котловинистому руслу, теченіе ея вообще медленно, въ поворотахъ быстрѣе, въ котловинахъ же не замѣтно ни малѣйшаго стремленія. Отъ устьевъ Юлука до устьевъ Курагана теченіе Сакмары перерывается частыми быстотоками, въ коихъ скорость стремленія отъ 25—40 сажень въ одну минуту. Ниже устья Урманъ-Зилавра раздваивается русло Сакмары мѣстами и образуетъ небольшіе низменные острова, покрытые большею частію листовнымъ лѣсомъ. Отъ рѣки Курагана до устья Ика теченіе ея ставится ровнѣе, вода пробѣгаетъ въ сложности 5 сажень въ одну минуту. Сплавъ дровянаго лѣсу возможенъ отъ дороги Тимасовой, отстоящей отъ вершинъ Сакмары верстъ около 25; строевой же лѣсъ безпрепятственно можетъ быть сплавляемъ отъ устьевъ рѣки Юлука.

Весенній разливъ Сакмары начинается въ верхней части, около 20 Апрѣля, въ нижней же около 10 и 15 того же мѣсяца. Вода пребываетъ быстро въ продолженіе одной недѣли и понижается до обыкновеннаго уровня столько же времени. Высота полои воды зависитъ частію отъ большаго или мѣньшаго количества снѣга, выпавшаго въ продолженіе зимы, частію же отъ состоянія погоды во время таянія снѣговъ. Были примѣры, что высота воды при разливѣ превышала три сажени надъ обыкновеннымъ уровнемъ, но также нерѣдко случалось, что она даже не выступала изъ береговъ. По замѣчанію Башкирцевъ, наибольшій разливъ Сакмары бываетъ чрезъ каждыя 5 лѣтъ. Заливныя мѣста высыхаютъ скоро и вода застаивается лишь въ одиѣхъ ямахъ и углубленіяхъ, гдѣ образуются небольшія озера; они находятся близъ береговъ и обросли кустами или молодыми деревьями. Изъ рыбъ водятся въ Сакмарѣ: щуки, судаки, сомы, окуни, налимы, язи, подузы, сохольки и проч.

Въ рѣку Сакмару впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчки: *Шарлы, Белебей, Карася, Иткуль, Аркыя, Кусяба, Яманъ-сли, Кишлаубаръ, Баткаклы и Кувашы*. Небольшія рѣчки, имѣющія протяженіе отъ 10 до 15 верстъ, берутъ начало изъ болотистыхъ лощинъ на восточныхъ скатахъ отлогой возвышенности, отдѣляющей долину Сакмары отъ долины Яланъ-Зилавра; впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ рѣку Сакмару; имѣютъ низменные берега, покрытые мелкимъ лѣсомъ, частію каменистое, частію иловатое дно и ровное мелководное русло. Быстрота теченія значительная. Ширина рѣчекъ 2 и 4 аршина, глубина отъ 1 до 3 футовъ. Нагорные берега у вершинъ рѣчекъ отлоги и ровны; версть 8 не доходя до Сакмары, они становятся выше и круче; образуютъ небольшіе обрывы и суживаютъ рѣчную лощину. Правый нагорный берегъ открытъ, лѣвый же покрытъ лѣсомъ до самыхъ подножій высотъ. Въ лощинахъ находятся хорошіе луга.

Рѣчка *Юлукъ*. Вершины Юлука составляютъ рѣчки: *Урусъ-Сапканъ, Кара-гяки, Карагайлы, Туганъ и Магашъ*, кои вытекаютъ нѣсколькими источниками у подножіи отлогихъ горъ между Сакмарою и Яланъ-Зилавромъ. Онѣ соединяются въ одно русло ниже Татарской деревни Юлукъ, и впадаютъ однимъ рукавомъ въ Сакмару близъ деревни Абдуль - Каримовой. Русло Юлука ровное и каменистое; въ рѣдкихъ мѣстахъ встрѣчается топкое дно; рѣчные берега ровны и покрыты молодымъ лиственничнымъ лѣсомъ; ширина рѣки Юлука отъ 1 до 2 сажень, глубина не выше 1 аршина. Теченіе имѣетъ быстрое, особенно весною, когда она потопляетъ большую часть рѣчной лощины. Лощина Юлука имѣетъ ширину отъ 50 до 150 сажень; она покрыта хорошими лугами и, мѣстами, небольшими перелѣсками. Нагорные берега имѣютъ съ правой стороны открытые и отлогіе скаты, съ лѣвой же крутые и лѣсомъ покрытые. Въ Юлукъ впадаютъ: справа, рѣки: *Туганъ, Бигашъ, Таиръ-узакъ и Тура-атъ, слѣва рѣка Яманъ-ташъ*.

Рѣка *Яланъ-Зилавръ* (см. далѣе).

Рѣка *Сакмаръ-тилли*. Небольшая рѣчка, вытекающая на восточныхъ скатахъ возвышеннаго увала, между рѣками Яланъ-Зилавромъ и Баракаломъ; впадаетъ въ Сакмару однимъ устьемъ,

Имѣютъ въ началѣ шловатое, а ниже каменистое русло, низменные берега и быстрое теченіе; ширива и глубина ея незначительныя. По обѣимъ сторонамъ рѣки Сакмары-тилли тлаутся въ дальнемъ разстояніи увалы; они имѣютъ близъ вершинъ отлогіе скаты, а ниже крутые и утесистые. Подошва лощины отлогая и покрыта молодымъ листовнымъ лѣсомъ. Въ Сакмарь-тилли впадаютъ справа рѣка Карамалы, слѣва рѣка Зибашка.

Рѣка *Баракал* (см. далѣ).

Рѣчки: *Верхній Тиллякъ*, *Нижній Тиллякъ*, *Аскаразы*, *Бирмасъ* и *Танкасъ*. Вытекаютъ нѣсколькими источниками на плоской возвышенности, раздѣляющей долину Каракала отъ долины Урманъ-Зилаира; впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ Сакмару. Русло имѣютъ ровное, каменистое мѣстами, шловатое дно, плоскіе берега и быстрое теченіе. Самая значительная изъ нихъ рѣка Бирмасъ; она шириною отъ 1 до 3 сажень, глубиною отъ 1 до 4 футовъ. Текуть въ глубокихъ оврагахъ, шириною отъ 40 до 80 сажень; подошва оврага отлога и нѣсколько возвышена надъ поверхностію рѣки; близъ береговъ она поросла мелкимъ лѣсомъ и обилуетъ тучными лугами. Въ Бирмасъ впадаютъ: справа, рѣки Куру-елги, Ару-адашканъ, Кабагужъ и Игиль-елги; слѣва, множество небольшихъ безименныхъ рѣчекъ.

Рѣка *Урманъ-Зилаиръ* (см. далѣ).

Рѣчка *Увязамъ*. Беретъ начало свое на восточныхъ скатахъ хребта Дзау-тюбя двумя главными источниками, течетъ отъ сѣверо-запада на юговостокъ и впадаетъ въ Сакмару однимъ устьемъ близъ д. Арслангуловой. Устья и вершины имѣютъ шловатое дно; плоскіе берега покрыты кустарникомъ и молодымъ лѣсомъ. Теченіе Увязамы извилистое и быстрое; глубина отъ 1 до 3 футовъ, ширина отъ 1 до 2 сажень. Лощина отлогая и ровная, скаты и часть подошвы покрыты листовнымъ лѣсомъ и хорошими лугами. Въ Увязамъ впадаютъ: справа рѣки Арабаръ, Кушманъ, Кашкатай, Ирыкъ-салукъ и Бикбай, слѣва рѣки Уллу-яра и Кши-яра.

Рѣчки: *Албашъ*, *Кара-чуръ*, *Кисе*, *Ябаль*, *Сакмалуизъ*, *Идибай*, *Тютляизъ*, *Сизякъ*, *Тейясъ*, *Турша-кузя*, *Куюкъ*, *Бишкужа* и *Бухарчинъ*. Имѣютъ вершины свои на восточныхъ и южныхъ скатахъ хребта Дзау-тюбя; входя въ луговую долину Сакмары, они теряются въ болотистой мѣстности; текуть по каменистому

мѣстами иловатому дну; имѣютъ берега низменные, покрытые мелкимъ кустарникомъ и быстрое, но мелководное теченіе. Рѣчныя лощины обставлены съ обѣихъ сторонъ высокими и крутыми отрогами хребта Дзю-тюба; имѣютъ ширину отъ 30 до 100 сажень и покрыты частію листовеннымъ лѣсомъ, частію хорошимъ покосными мѣстами.

Рѣчка Куруюль. Вытекаетъ двумя главными источниками на западныхъ скатахъ высокой, но плоской горы, находящейся на хребтѣ Дзю-тюба. Течетъ на протяженіи 10 верстъ отъ сѣвера на югъ; поворачиваетъ потомъ на югозападъ, и впадаетъ въ Сакмару однимъ топкимъ рукавомъ. На теченіи отъ сѣвера на югъ она имѣетъ песчано-каменное дно, ровное русло и возвышенные берега. Ниже грунтъ становится глинисто-иловатымъ, берега низменными, а русло котловинистымъ. Плеса раздѣлены небольшими перекатами, по которымъ вода имѣетъ быстрое теченіе. Ширина котловинъ отъ 1 до 5 сажень, глубина отъ 1 до 6 футовъ. Нагорные берегалощины Куру-юля образуютъ отроги хребта Дзю-тюба; они въ началѣ не высоки, но круты; ширина рѣчной лощины отъ 70 до 600 сажень; она имѣетъ хорошую почву земля и изобилуетъ луговыми и пахотными мѣстами. Въ Куруюль впадаютъ: справа, рѣки Кашъ-Куль, Яргашъ, Токъ-макъ-шишья, Кашкильды и Тутья; слѣва, рѣки Акбай-куль, Аманчукъ-Минклибай, Аари-сазы, Машбетъ, Карыкабаръ, Яргашъ, Сартай, Езегугя, Ирыклы, Шишлы и Кашкильды.

Рѣчки: Нелзай, Караайла, Мембетей, Янчура, Маль-кылды, Карамалы, Баселя, Белекей-асы, Темиръ-манлыкъ, Тукмакъ и Зириклы. Вытекаютъ на южныхъ скатахъ увала, раздѣляющаго долину Сакмары отъ долины Касмарки; теряются въ луговой лощинѣ Сакмары; имѣютъ частію иловатое, частію твердое дно, низменные берега и незначительное теченіе; многія изъ нихъ высыхаютъ лѣтомъ. Рѣчныя лощины узки, но ровны; онѣ обставлены острыми, невысокими увалами, простирающимися отъ сѣвера на югъ. На скатахъ и на подошвѣ лощинъ находятся отличныя мѣста для пашень и луговъ.

Рѣчки: Сакмарка и Большой Икъ (см. далѣе).

Въ рѣку Сакмару впадаютъ съ лѣвой стороны:

Рѣчки: Кукъ-и-диль, Тлль-тарка, Сапсалъ и Караалы. Вытекаютъ нѣсколькими топкими лощинами съ западныхъ скатовъ

Ирындыка. Имѣютъ общее направленіе отъ востока на западъ и вливаются въ р. Сакмару каждая однимъ устьемъ; дво большею частію имѣютъ тинистое и топкое, берега низменные и поросшіе кустарникомъ. Котловинистыя русла имѣютъ глубину и ширину непостоянную, потому что наполняются, во время таянія снѣговъ, значительнымъ количествомъ воды, которая высыхаетъ лѣтомъ и образуетъ небольшіе плесы и болотистыя топи. Лощины рѣчекъ обставлены отлогими увалами, отходящими отъ подножій хребта Ирындыка. Полошвы лоцивъ отлогія, ровныя и поросшія хорошими луговыми травами и мелкимъ кустарникомъ. Боковыхъ притоковъ не имѣютъ, а принимаютъ множество отлогихъ частію сухихъ, частію топкихъ лоцивъ.

Рѣчка Ассели. Вытекаетъ нѣсколькими отлогими лощинами у подножіи горы Беркутъ-тау въ котловинѣ, образованной хребтами Куянь и Сакъ-тау; течетъ въ началѣ отъ юга на сѣверъ до прохода чрезъ хребетъ Куянь-тау, гдѣ поворачиваетъ круто на западъ, протская по сему направленію до впаденія въ рѣку Сакмару. Мелководное русло представляетъ рядъ топкихъ плесовъ, соединенныхъ узкими рывтинами; имѣетъ песчавовлаговое дно, плоскіе и голые берега, близъ которыхъ встрѣчается множество солончаковъ. Лѣтомъ вся рѣчка, за исключеніемъ немногихъ плесовъ, высыхаетъ; верстъ на 8 отъ вершинъ лощина Ассели обставлена ровными, но крутыми скатами хребтовъ Куянь и Сакъ-тау, отстоящими другъ отъ друга отъ 3 до 5 верстъ. Далѣе на западномъ своемъ теченіи она сопровождается отлогими увалами, составляющими невысокіе и плоскіе отроги хребта Куянь-тау. Подошва лоцины сухая и отлогая; она поросла ковылемъ, нарѣдко луговыми травами.

Рѣчки: Шармай-ели, Мурзибаева и Белекей-акмурунъ. Вытекаютъ изъ топкихъ и отлогихъ лоцивъ у подножій отроговъ хребта Куянь-тау; текутъ всѣ по направленію отъ востока на западъ и вливаются, каждая однимъ устьемъ, въ р. Сакмару. Русло имѣютъ котловинистое, наподобіе всѣхъ степныхъ рѣчекъ; дно большею частію иловатое, мѣстами каменистое; берега плоскіе и поросшіе частію ковылемъ, частію луговыми травами; теченіе прекращается лѣтомъ и вода застаивается въ небольшихъ плёсахъ. Русла находятся въ довольно широкихъ и отлогихъ лоцинахъ, образованныхъ невысокими и плоскими отрогами хребтовъ Куянь и Уварить-тау; подошвы лоцивъ имѣютъ мѣ-

стами хорошіе луга. Немногія сухія лощины, начинающіяся на скатахъ прилежащихъ уваловъ, составляютъ единственные ихъ притоки.

Рѣчки: *Акмурунъ, Мекатинъ, Карамалы, Танысакъ-аптыкай, Алаатъ-ульманъ, Курса, Куруткасъ, Акчура, Ильгасъ, Василей-ели, Яманъ-куриа, Кару-ели, Кашъ-терекъ, Картусъ, Карси, Миняусъ, Караачла, Сари-узьякъ, Туратъ, Карагла-айры, Аксаръ, Чани-сапканъ, Большой и Малый Сикъ*. Имѣютъ вершины свои въ отлогихъ и топкихъ лощинахъ на плоской возвышенности, разделяющей долину Сакмары отъ долины Тавалыка; вливаются въ Сакмару, каждая однимъ устьемъ, которое впрочемъ у многихъ высыхаетъ лѣтомъ. Въ началѣ своемъ котловинистыя русла имѣютъ топкое кочковатое дно, плоскіе болотистые берега и весьма пологое паденіе; далѣе же, по мѣрѣ приближенія къ Сакмарѣ, онѣ болѣе и болѣе углубляются и принимаютъ видъ горныхъ ручейковъ, имѣющихъ дно каменистое, ровное, мелководное русло и плоскіе берега. Теченіе воды имѣетъ значительную быстроту до лощины Сакмары, гдѣ разливается топкими рукавами. Отлогія лощины рѣчекъ обставлены въ началѣ длинными покатостями плоской возвышенности; имѣютъ по большей части подошвы болотистыя и кочковатыя, по коимъ произрастаетъ мелкій березникъ; ближе къ устью лощины постепенно суживаются и ограничиваются крутыми, скалистыми, нагорными берегами Сакмары. Всѣ рѣчки принимаютъ множество сухихъ лощинъ и овраговъ, имѣющихъ характеръ общій съ главными ручейками.

Рѣчка *Катрала*. Четыре отлогія лощины Лапакъ, Тюлку-улганъ, Букашбай-аси и Янгизъ-карагай составляютъ вершины рѣки Катрала; она протекаетъ сначала верстъ около 6 отъ сѣвера на югъ; поворачиваетъ потомъ круто на западъ, и слѣдуетъ по сему направленію до впаденія своего въ рѣку Сакмару близъ д. Аксюриновой. Отъ точки соединенія всѣхъ вершинъ р. Катрала имѣетъ ровное русло, каменистое дно, и плоскіе берега, обросшіе молодымъ лѣсомъ и кустарникомъ. Она въ началѣ протекаетъ мелководнымъ ручейкомъ, который въ рѣдкомъ мѣстѣ шире одной сажени; далѣе постепенно увеличивается, такъ что ниже устья въ Кургашлы сплавъ дровянаго лѣса можетъ совершаться безпрепятственно до устья ея. По всему теченію встрѣчается множество быстротоковъ, въ коихъ стремленіе

воды весьма значительное. Долина Катралы образуется въ началѣ отлогими и длинными скатами плоской возвышенности, раздѣляющей долину Сакмары отъ долины Урала; далѣе отъ поворота къ западу она, болѣе и болѣе углубляясь, принимаетъ видъ крутаго утесистаго оврага, шириною отъ 50 до 300 саженъ. Подошва лощины ровная, но возвышена надъ поверхностію рѣки, отъ чего берега тутъ обрывисты. Она имѣетъ тучную почву, въ которую впадаютъ слѣдующіе ручейки: справа, Камышлы, Кургашлы, Узьякъ-карабашъ, Мунга-галы, Муратъ-елги, Куси-елги; слѣва, Тирмянъ-узьякъ, Ичинъ-баръ, Каиракты, Юль-сыкканъ и Кизымъ-елги. Всѣ эти ручейки мелководны, вытекаютъ изъ лощинъ плоской возвышенности, и имѣютъ каменистыя русла и узкія лощины.

Рѣчка: *Дпаизъ, Акташъ, Ямашъ, Тиряклы, Кизиль-яръ, Ибалькъ, Агунъ, Малыпъ-чериканъ, Санькасы, Клямазай, Кура-саыъ* и *Кунакъ-куанъ*. Имѣютъ вершины свои въ лощинахъ между западными отрогами плоской возвышенности, отдѣляющей рѣку Сакмару отъ рѣки Губерля. Повыходъ изъ горнаго пространства, онѣ всѣ, за исключеніемъ рѣки Ямаша, теряются въ лощинѣ Сакмары, протекаютъ по каменному руслу между плоскими берегами, обросшими кустами и луговыми травами. Русла имѣютъ въ началѣ значительную покатость, отъ чего теченіе воды быстрое; далѣе же въ лощинѣ Сакмары оно становится почти горизонтальнымъ и вода теряется въ несчаннстоюловатыхъ наносахъ. Крутые и высокіе отроги, составляющіе предѣлы между лощинами ручейковъ, тянутся въ видѣ острыхъ утесистыхъ хребтовъ въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга. Подножія взволнованы небольшими предгоріями, которыя придаютъ лощинамъ видъ неровный; въ низменныхъ мѣстахъ имѣются хорошія луга и взрѣдко кустарники.

Рѣчка *Курганъ*. Начинается нѣсколькими отлогими и топкими лощинами на гребнѣ плоской возвышенности, которая отдѣляетъ долину Сакмары отъ долины Губерля. Течетъ первоначально отъ сѣвера на югъ и поворачиваетъ у деревни Рысаевой на сѣверозападъ, впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Сакмару у деревни Межбетъевой. Рѣка Курганъ протекаетъ верстъ 8 отъ вершинъ рядомъ небольшихъ топкихъ плесовъ, кои не вездѣ имѣютъ постоянное между собою сообщеніе. Далѣе теченіе ея становится быстрѣе и степной ручеекъ постепенно принимаетъ

видъ горнаго потока, у котораго каменистое дно изрыто многими котловинистыми углубленіями, плоскіе берега обросли мелкимъ кустарникомъ и молодымъ осокоревымъ лѣсомъ. Ширина русла впрочемъ незначительная и рѣдко превышаетъ 4 сажени. Глубина также не вездѣ одинакова, но большею частію не свыше 1 арш. Отлогіе скаты плоской возвышенности, кои въ началѣ образуютъ лошину Курагала, ставовятся по мѣрѣ приближенія къ устью круче и утесистѣе; они придаютъ лошинѣ видъ глубокаго оврага, шириною отъ 100 до 700 саж. Подошва лошины взволнована подножіями и предгоріями отроговъ, которые въ особенности значительны на правомъ берегу. Луговья и пахатныя мѣста находятся въ большомъ количествѣ по всей лошинѣ. Изъ притоковъ самый значительный р. Блау, которая впрочемъ во всѣхъ отношеніяхъ сходна съ Курганомъ. Изъ прочихъ впадаютъ: съ правой стороны, ручейки: Урмань-аятъ, Ишлаубакъ, Джирникъ-солокъ, Калакъ, Баки-ягуда, Кушъ, Улякъ, Кайтюря-псанчи, Япаръ, Тугаракъ, Таль-люзякъ, Мухдакай; съ лѣвой, ручейки: Башъ-калганъ, Иманлы, Каты-енганъ, Тазгара, Блау, Давлетъ-кужа, Аблелга, Тыриклы, Тунъ-гарганъ, Сюлу, Каянъ-тюканъ, Айры-савъ и Оглу-елга.

Рѣчки: *Кувандыкъ, Большой и Малый Кашкуръ, Туюзакъ, Абдулли-качканъ, Карай-сыръ, Ильчууль, Савакъ-калакъ, Малашъ-ели, Якупъ-ели, Таръ-ели, Аюлы, Сары-ели, Кайраклы, Кулларъ, Кутерли, Джумазуль, Чортанды и Сиперъ.* Имѣютъ вершины въ лощинахъ на возвышенности между Сакмарою и Ураломъ. Текуть всѣ по общему направленію отъ юга на сѣверъ, и оканчиваются въ лошинѣ Сакмары, гдѣ и теряются въ болотистыхъ топкахъ; текутъ по глинистопесчаному, частію топкому, частію каменистому дну между голыми берегами. Имѣютъ въ началѣ быстрое теченіе, но по мѣрѣ приближенія къ Сакмарѣ ставовятся медленнѣе и теряются напоследокъ въ луговой лошинѣ Сакмары. Лощины обставлены съ обѣихъ сторонъ поперечными хребтами, проствращающимися на возвышенности между Ураломъ и Сакмарою; оны болѣе или менѣе сжаты, смотря по разстоянію хребтовъ, и взобилуютъ хорошими луговыми мѣстами.

Рѣка Яланъ-Зилаиръ.

Небольшой ручеекъ Кусяба составляетъ главную вершину рѣки Яланъ-Зилаира; она вытекаетъ въсколькими топкими лоши-

нами у подвожіи отлогой возвышенности, близъ дороги, ведущей изъ Кано-Никольскаго завода въ крѣпость Кизильскую. Течеть до устьевъ рѣки Кундуруша, поворачивается далѣе къ ССО, и продолжаетъ теченіе свое по сему направленію до деревни Максютовой, у которой разливается въ рѣку Сакмару однимъ рукавомъ.

Версть на 15 отъ вершинъ рѣки Зилаиръ протекаетъ мелководнымъ ручейкомъ, шириною въ одну сажень; отъ присоединенія многихъ боковыхъ притоковъ она вскорѣ увеличивается до того, что имѣетъ ниже устьевъ рѣки Шульки ширину отъ 4 до 10 сажень. Дно имѣетъ въ началѣ глинистопесчаное, топкое, зарытое многими котловинами, глубиною въ одну сажень, въ прочихъ же мѣстахъ вода не выше одного аршина. Отъ устьевъ рѣки Шульки русло становится болѣе каменистымъ, нежели иловатымъ; подводные камни и песчаные наносы образуютъ широкіе перекаты, по которымъ вода стремится значительною быстротою.

Берега рѣки Зилаира отъ вершинъ до крѣпости Зилаирской плоскіе и низменные, далѣе же они постепенно возвышаются и образуютъ во многихъ мѣстахъ яры, вышиною въ одну сажень. Рѣчные берега покрыты молодымъ лиственничнмъ лѣсомъ, какъ то: олкою, березою и тальникомъ. Быстрота теченія весьма неравномѣрна, по причинѣ многихъ перекатовъ; въ средней сложности можно принять, что вода въ одну минуту протекаетъ 6 сажень. Рѣка Зилаиръ разливается весной, около 20 Апрѣля, и затопляетъ всю лощину, кромѣ возвышенныхъ мѣстъ, по которымъ расположены Башкирскіе хутора. Вода прибываетъ быстро въ продолженіе 5 дней, достигаетъ высоты отъ 6 до 10 футовъ противъ обыкновеннаго уровня и убываетъ потомъ столь же скоро, такъ что, по истеченіи полуторы недѣли, всѣ броды опять удобопроходимы. Во время полноводія сплавъ дровянаго лѣса возможенъ отъ устьевъ рѣки Шульки, строеваго же отъ устьевъ рѣки Кундуруша.

Отъ вершинъ до устьевъ рѣки Кундуруша рѣка Зилаиръ течетъ по низменной и ровной лощинѣ, шириною отъ 80 до 150 сажень; она обставляется съ обѣихъ сторонъ отлогими увалами, разделяющими ее отъ лощинъ боковыхъ притоковъ. До Зилаирской крѣпости лощина представляетъ много хорошихъ луговыхъ мѣстъ, кои ежегодно потопляются полыми водами; ниже крѣ-

пости подошва лощины возвышается, почва земли становится скуднѣе и наводненія рѣже, отъ чего и луговъ тутъ мало.

Отъ устьевъ рѣки Кунтутлу-ткава скаты прилежащихъ высотъ круты и образуютъ по всему теченію Яланъ-Зилаира обрывистые нагорные берега.

Въ рѣку Яланъ-Зилаиръ впадаютъ съ *правой* стороны:

Рѣчки: *Кайракъ-айры*, *Туузбай* съ притокомъ *Алабайталъ*, *Большой* и *Малый Калмакъ*, *Большой Пишады*, *Малый Пишады* и *Кундурушъ*. Вытекаютъ всѣ на восточныхъ скатахъ возвышенностей, раздѣляющихъ долину Большаго Ика отъ долины Яланъ-Зилаира; текутъ многими извилинами отъ сѣвера на югъ и разливаются каждая однимъ рукавомъ въ рѣку Зилаиръ. Имѣютъ русло котловинистое, иловатокаменистое дно и низменные берега. Вода течетъ быстро, глубина ея не свыше одного фута, а ширина отъ 1 арш. до одной саж. Во время весенняго половодія можно сплавлять дровяной лѣсъ по Калмаку, Большой Пишадѣ и Кундурушѣ, но не далѣе какъ на протяженіи двухъ верстъ отъ устья. Русло рѣчекъ находится въ узкихъ, но отлогихъ лощинахъ, шириною отъ 25 до 40 сажень; онѣ обставлены съ правой стороны крутыми и мѣстами обрывистыми покатоствами хребтовъ, составляющихъ продолженіе восточныхъ скатовъ главной возвышенности между долинами Ика и Сакмары. Съ лѣвой стороны скаты хребтовъ отлоги и открыты; подошва лощины представляетъ хорошія луговья мѣста.

Рѣчки: *Танаглы*, *Балыклы*, *Врямышъ*, *Дехтарки-тажъ*, *Ускуинушъ* и *Балушты*. Вытекаютъ съ восточныхъ скатовъ возвышенностей, раздѣляющихъ долину Яланъ-Зилаира отъ долины Барыкала; текутъ отъ сѣверозапада къ юговостоку и впадаютъ однимъ устьемъ въ рѣку Зилаиръ. Русло и теченіе этихъ ручейковъ одинаковыхъ свойствъ съ предъидущими, съ тою разницею, что она еще мелководнѣе и незначительнѣе. Увалы, образующіе лощины ручейковъ, имѣютъ въ началѣ длинныя и отлогія покатоства; по мѣрѣ приближенія къ устью, она становятся круче и короче. Подошва лощины отлогая и поросшая лѣственнымъ лѣсомъ; она доставляетъ много хорошихъ луговыхъ мѣстъ.

Въ рѣку Яланъ-Зилаиръ впадаютъ съ лѣвой стороны:

Рѣчки: *Кунтуплутканъ, Шулька, Большой и Малый Кикряуды, Большой Куся, Тимирчи, Большой Арба-елин, Аскаразы и Карасу-елин*. Вытекаютъ въсколькими источниками съ западныхъ скатовъ возвышеній, отдѣляющихъ долину Яланъ-Зилаира отъ долины Сакмары; текутъ по направленію отъ востока на западъ, и вливаются, каждая однимъ устьемъ, въ рѣку Зилаиръ. Текутъ всѣ мелководными ручейками по котловинистымъ русламъ; имѣютъ дво большую частію иловатое и мѣстами каменистое, берега плоскіе и низменные. Глубина и ширина ручейковъ весьма незначительная; лощины рѣчекъ раздѣляются небольшими увалами, составляющими продолженіе главной возвышенности между долинами Сакмары и Зилаира; они имѣютъ въ началѣ отлогіе скаты, но ближе къ устьямъ становятся круче и короче. Ширина лощины отъ 20 до 50 сажень, онѣ поросли частію молодымъ лѣсомъ, частію луговыми травами.

Рѣка Баракалъ (по-Башкирски Балакаръ).

Вытекаетъ двумя источниками изъ болотистыхъ лощинъ, у подножій возвышеннаго увала, раздѣляющаго долину Яланъ-Зилаира отъ долины Урманъ-Зилаира; течетъ многими извилинами отъ сѣвера на югъ, и впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Сакмару. Русло Баракала имѣетъ въ началѣ плоскіе тонкіе берега, поросшіе мелкимъ кустарникомъ. Иловатое дно взволновано небольшими наносами и углубленіями, придающими руслу видъ котловинистый. Отъ устьевъ рѣки Кучукъ-бирмаса лощина Баракала становится шире и ровнѣе; къ ней примыкаютъ съ обѣихъ сторонъ крутые скаты горныхъ уваловъ, раздѣляющихъ её отъ долины обоехъ Зилаировъ; на утесахъ обнажаются кварцевые и слюдястыя сланцы. Ширина русла близъ устьевъ р. Кучукъ-бирмаса 2 сажени, но далѣе она увеличивается до 5 сажень. Дно становится ровнѣе и каменистымъ, въ особенности ниже хутора деревни Исянгуловой, гдѣ встрѣчается множество подводныхъ камней, крайне затрудняющихъ сплавъ лѣса. Устье Баракала обставлено съ обѣихъ сторонъ крутыми и высокими утесами, отстоящими не болѣе пятидесяти сажень отъ береговъ; оно не мелѣетъ, потому что русло болѣею частію каменистое. Теченіе Баракала весьма быстрое, но не вездѣ одинаковое;

можно принимать, что вода въ одну минуту пробѣгаетъ 8 саж. Глубина водъ также непостоянна, мѣстами около 1 саж., мѣстами не болѣе фута. Разливъ рѣки бываетъ около 15 Апрѣля и продолжается 10 дней: вода прибываетъ въ продолженіе пяти дней и убываетъ столько же времени; она достигаетъ наибольшей высоты въ одну саж. Заливныя мѣста изобилуютъ тучными лугами, и бываютъ лѣтомъ большею частію сухи. Если воспользоваться весеннимъ половодіемъ, то сплавъ дровянаго лѣса возможенъ по Баракалу отъ устьевъ рѣки Кучукъ-бирмаса, т. е. всего на разстояніи 40 верстъ отъ устьевъ.

Въ рѣку Баракалъ впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчки: *Кучукъ-бирмась, Ямской-ключъ, Елговой-кустъ, Улянъ-джимась, 1-й Анау, 2-й Анау, 3-й Анау, Черная, Тамакей, Кунканъ, Ташекъ и Асетаи*. Вытекаютъ нѣсколькими источниками изъ отлогихъ лощинъ на восточныхъ скатахъ увала, раздѣляющаго долину Баракала отъ долины Урманъ-Зилаира. Текуть всѣ отъ запада на востокъ и юго-востокъ, и впадаютъ въ рѣку Урманъ-Зилаиръ, каждая однимъ рукавомъ. Всѣ онѣ болѣе или менѣе мелководны; имѣютъ въ началѣ тонкое дно, низменные болотистые берега и неровныя русла; ближе къ устьямъ онѣ болѣе и болѣе углубляются; гальки и кругляши покрываютъ дно и образуютъ небольшіе перекаты, по коимъ вода протекаетъ быстрымъ стремленіемъ. Въ всходящихъ изгибахъ берега представляютъ небольшіе яры, вышиною въ 1 арш., глубина воды очень незначительная. Лощины рѣчекъ обставлены съ обѣихъ сторонъ возвышенными увалами, понижающимися сначала крутыми спусками, далѣе отлогими. Полошва лощинъ шириною отъ 20 до 30 сажень; она суха и поросла молодымъ лѣсомъ; въ низменныхъ мѣстахъ имѣются хорошіе луга.

Въ рѣку Баракалъ впадаютъ съ левой стороны:

Рѣчки: *Кривой-мостъ, Кашкидыкъ, Атыкъ, Бальшикъ, Псыктушкакъ, Исаклы-кыланъ, Уссайры и Караай, Караушъ-уланъ*. Всѣ начинаются въ отлогихъ лощинахъ, на широкомъ и плоскомъ увалѣ, раздѣляющемъ долину Баракала отъ долины рѣки Яланъ-Зилаира. Текуть отъ сѣверовостока, на югозападъ и вливаются каждая однимъ рукавомъ въ рѣку Баракалъ. Близъ вершинъ русла имѣютъ шоватое тонкое дно, низменные берега и отлогую, частію болотистую, лощину. Ниже по теченію онѣ по-

степенно увеличиваются, дно становится каменистымъ и русло ровнѣе. Широкія плоскія возвышенности, раздѣляющія долины рѣчекъ, обращаютъ къ нимъ отлогіе длинныя скаты, представляющіе хорошія пахатныя и луговыя мѣста.

Рѣчка *Баракаль-тилли*. Вытекаетъ двумя источниками изъ болотистыхъ лощинъ, близъ вершины отлогой возвышенности, пролегающей между нею и рѣкою Баракаломъ. Течетъ сначала верстъ на 6 отъ сѣвера на югъ, поворачиваетъ большимъ изгибомъ на юговостокъ и впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Баракаль. Теченіе Баракаль-тилли очень извилистое и быстрое, особенно въ изгибахъ, гдѣ чаще встрѣчаются пороги. Ровное русло пролегаетъ по песчаному грунту между плоскими берегами, обросшими ольховыми кустами. Въ Баракаль впадаютъ: справа, ручейки Акъ и Бивкъ и рѣка Аю-айры, слева рѣка Акту. Нагорные берега лощины въ началѣ отлогія, далѣе же становятся круче и обрывисте; правый нагорный берегъ открытъ, а лѣвый поросъ смѣшаннымъ лѣсомъ. Подошва лощины отлогая, неровная, въ низменныхъ ея частяхъ находятся хорошіе луга.

Рѣка Урманъ-Зилаиръ.

Вытекаетъ двумя небольшими ключами изъ низменныхъ лощинъ плоской возвышенности, раздѣляющей долину верхней Сакмары отъ долины Ика; она протекаетъ частыми и значительными изгибами отъ сѣвера на югъ, и впадаетъ однимъ устьемъ въ Сакмару у деревни Акюловой.

Верстъ на 15 отъ вершинъ рѣка Урманъ-Зилаиръ течетъ незначительнымъ ручейкомъ по глинистому и котловинистому руслу, между топкими берегами, покрытыми молодымъ лѣсомъ. Возвышенные увалы, пролегающіе по обѣимъ сторонамъ рѣчной лощины, обращаютъ къ ней отлогіе ровныя скаты и волнуютъ подножіями своими узкую ея долину. Далѣе по теченію лощина болѣе и болѣе углубляется; прилежащія къ ней увалы возвышаются и оканчиваются крутыми, частію обрывистыми, скатами, близъ самыхъ береговъ, такъ что подошва ея рѣдко шире 100 сажень; наносы и розсыпи отъ обрывовъ придаютъ ей значительное возвышеніе надъ поверхностью рѣки, отъ чего берега высоки и обрывисты, особенно въ исходящихъ изгибахъ. Хорошіе луга встрѣчаются лишь въ низменныхъ частяхъ ло-

щины, наводняемыхъ весенними водами; прочія мѣста сухи и покрыты рѣдкимъ кустарникомъ. Волнообразный видъ лощины служитъ причиною тому, что ширина русла не вездѣ одинакова: въ низменныхъ частяхъ она отъ десяти до двадцати сажень, а въ другихъ не болѣе двухъ саж. ширины. Каменистое дно изрыто многими котловинами, глубиною въ 2 аршина, обыкновенная же высота не болѣе поларшина. Теченіе Урманъ-Зилаира быстро, особенно тамъ, гдѣ русло загрождено наносами; вода пробѣгаетъ въ средней сложности 5 сажень въ одну минуту. Весною она разливается, около 20 Апрѣля, выступаетъ изъ береговъ и потопляетъ большую часть лощины, достигая наибольшей высоты въ одну саж. надъ обыкновеннымъ уровнемъ; по истеченіи 10 дней вода опять входитъ въ русло свое и понижается въ продолженіе мѣся до того, что даже не покрываетъ поверхности многихъ наносовъ. Заливныя мѣста сухи и ровны. Осенью Урманъ-Зилаиръ замерзаетъ въ первыхъ числахъ Ноября.

Въ рѣку Урманъ-Зилаиръ впадаютъ съ *правой* стороны:

Рѣчки: *Кумакъ, Тюлюбиха, Верхній-шаръ, Большой-шаръ, Сосновка, Чувашскій-ключъ, Атыкъ* и *Муси-куза*. Вытекаютъ въ-сколькими источниками на восточныхъ скатахъ увала, разделяющаго долину Касмарки отъ долины Урманъ-Зилаира. Течутъ многими извилинами по общему направленію отъ сѣверозапада на юговостокъ, впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ р. Урманъ-Зилаиръ. Всѣ эти рѣчки начинаются незначительными лощинами на отлогихъ покатостяхъ плоской возвышенности и имѣютъ неровныя русла въ глинистопесчаномъ грунтѣ, низменные берега и медленное теченіе. По мѣрѣ углубленія самой лощины, онѣ получаютъ возвышенные берега, каменистое дно и быстрое теченіе, но вообще мелководны и незначительной ширины. Отлогія рѣчныя лощины принимаютъ постепенно видъ узкихъ и глубокихъ овраговъ, обставленныхъ съ обѣихъ сторонъ крутыми и частію обрывистыми скатами; подошвы овраговъ отлогія и ровныя; онѣ покрыты большею частію мелкимъ кустарникомъ и покосными мѣстами. Всѣ эти рѣчки принимаютъ съ обѣихъ сторонъ множество сухихъ овраговъ и лощанъ.

Рѣчка *Узала*. Вытекаетъ двумя главными источниками на

плоской возвышенности между рѣками Касмаркомъ и Урманъ-Зилавромъ; имѣютъ извилистое теченіе отъ сѣверозапада на юго-востокъ, и впадаютъ однимъ устьемъ въ рѣку Урманъ-Зилавръ; имѣетъ въ вершинахъ топкое и котловинистое русло, низменные берега и медленное теченіе. Ниже русло ея становится ровнѣе и теченіе быстрѣе; берега въ исходящихъ изгибахъ обрывисты и возвышены надъ поверхностію воды аршина на полтора и поросли молодымъ лѣсомъ и мелкими кустарничкомъ; близъ устья р. Узала шириною въ 2 сажени и глубиною въ 1 аршинъ. Лощина Узала въ началѣ болотистая и ровная; по мѣрѣ удаленія отъ вершинъ, она постепенно углубляется, возгорные берега становятся круче и выше, въ особенности около устья, гдѣ они мѣстами утесисты. Подошва лощины, отлогая и нѣскольکو возвышенная надъ поверхностію рѣки, шириною отъ 50 до 200 сажень, имѣетъ хорошія луговыя мѣста и частію покрыта молодымъ лѣсомъ. Въ Узалу впадаютъ: справа, рѣки Бурлатъ, Байгуль и Зирень-алать, слѣва Иляубаръ и Сарагайлы.

Рѣчки: *Малый Узала, Яу-тюбли, Уллу-исякли, Куру-исякли.* Не большіе ручейки, вытекающіе на восточныхъ скатахъ хребта Дзлу-тюбя, впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ рѣку Урманъ-Зилавръ. Имѣютъ глинистое, а ниже каменистое дно, плоскіе берега и незначительное теченіе. Лощины ручейковъ общаго свойства съ прочими притоками Урманъ-Зилавра.

Въ рѣку Урманъ-Зилавръ впадаютъ съ *лѣвой* стороны:

Рѣчки: *Игамашла, Мукайла, Ключъ-городобойной, Ключъ-рѣпшиный, Ключъ-столичный, 4* ключа безъ особыхъ названій, *Ключъ-ирязный, Ключъ-самородный и Угара.* Берутъ начало въ отлогихъ лощинахъ на возвышеніяхъ, раздѣляющихъ долину Урманъ-Зилавра отъ долины Яланъ-Зилавра и Баракала; впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ р. Урманъ-Зилавръ. Имѣютъ глинистое русло, иловатое дно и низменные берега; далѣе по теченію онѣ увеличиваются; гальки и кругляши покрываютъ неровную поверхность дна; теченіе становится быстрѣе и рѣчки эти принимаютъ вообще характеръ горныхъ потоковъ. Отлогія лощины, по коимъ протекаютъ онѣ, углубляются постепенно и образуютъ ниже глубокіе овраги, имѣющіе узкую ровную подошву. Скаты овраговъ покрыты больщею частію смѣшаннымъ лѣсомъ.

Рѣчка *Бутурузъ.* Вытекаетъ источникомъ на скатахъ возвы-

шенности, раздѣляющей долину Урманъ-Зилаира отъ долины Баракала, течетъ небольшими извилинами по общему направленію отъ сѣвера на югъ, и впадаетъ однимъ устьемъ въ р. Урманъ-Зилаиръ. Имѣетъ въ началѣ медленное теченіе по глинистому, отлогому руслу верстъ около 5; отъ начала своего она постепенно увеличивается, получаетъ быстрое, перекатистое теченіе, каменистое дно и возвышенные берега. Ширина ея близъ устья около 2 сажень, глубина же очень незначительная. Лощина Бутуруза имѣетъ ширину отъ 50 до 100 саж.; она обставлена съ обѣихъ сторонъ крутыми скатами возвышенныхъ уваловъ, раздѣляющихъ ее отъ рр. Угары и Сакмары. Подошва лощины ровная и отлогая; близъ береговъ она покрыта молодымъ листовымъ лѣсомъ, а далѣе хорошими лугами. Въ р. Бутурузъ впадаютъ рѣки: Урманъ-улганъ, Лабакъ, Карагуль и Саурай.

Рѣка Касмарка (по-Башкирски Касмартъ).

Источники ея находятся на возвышенномъ увалѣ, раздѣляющемъ долину Сакмары отъ долины Сюрвана; она начинается нѣсколькими топкими ключами у Старашетской дороги близъ Чувашской деревни Бердяшъ-ямъ; течетъ, отъ соединенія главныхъ источниковъ, многими извилинами отъ сѣвера на югъ до устья въ р. Казанъ-булака, гдѣ поворачиваетъ къ западу, протекая по сему направленію до впаденія своего въ р. Сакмару.

Отъ вершинъ до устья въ р. Казанъ-булака каменистое русло Касмарки имѣетъ ширину отъ 1 до 4 саж.; плоскіе, но возвышенные берега образуютъ въ исходящихъ изгибахъ небольшіе обрывы, вышиною въ 2 арш. Грунтъ русла большею частію песчанокаменистъ; наносы и подводные камни волнуютъ поверхность дна, и образуютъ во многихъ мѣстахъ значительные пороги и быстротоки. Глубина воды не вездѣ одинакова: во многихъ мѣстахъ она около двухъ арш., въ другихъ не болѣе одного фута. Отъ устья въ Казанъ-булака русло ея становится болѣе иловатымъ, нежели каменистымъ; берега имѣютъ, какъ и прежде, возвышеніе на полтора арш. отъ поверхности воды и обросли молодымъ листовымъ лѣсомъ. Иловатое дно изрыто значительными котловинами, глубиною въ сажень; въ прочихъ же мѣстахъ глубина рѣки отъ 1 до 2 арш. Теченіе воды тутъ нѣсколько медленнѣе, чѣмъ выше, и быстротоки рѣже. Устье Касмарки

имѣть ширину въ 6 сажень; она не мелѣетъ отъ наносовъ и имѣетъ постоянную глубину въ 4 аршина.

Весенній разливъ воды начинается около 15 Апрѣля. Имѣетъ начало свое въ гористой, лѣсной странѣ, гдѣ таяніе снѣговъ происходитъ медленно, чѣмъ на степяхъ, окружающихъ низовья ея части; разливъ же бываетъ одновременно: по всему теченію вода пребываетъ быстро: въ первые 5 и 6 дней потопляя низменную луговую долину на значительное разстояніе, и убывая потомъ медленно въ продолженіе 10 дней. Заливныя мѣста прорѣзаны многими шльменями и рывтинами, и представляютъ отличнѣйшіе луга.

Рѣчная лощина Касмарки имѣетъ крутые, нагорные берега, острые отроги, раздѣляющіе лощины боковыхъ притоковъ, и оканчивается утесистыми обрывами въ недалеомъ разстояніи отъ русла рѣки. Подошва лощины разширяется до устьевъ Казань-булака на одну версту; она взволнована частію отложениями подножіями нагорныхъ береговъ, частію невысокими наносами, образовавшимися изъ землястыхъ осадковъ во время весеннихъ наводненій. Ниже устьевъ Казань-булака, р. Касмарка поворачиваетъ на западъ и пересѣкаетъ южные отроги горнаго пространства, кои продолжаютъ на лѣвомъ ея берегу въ видѣ острыхъ параллельныхъ хребтовъ. Рѣчная лощина простирается версты на двѣ въ ширину, имѣетъ отличнѣйшую почву земли и изобилуетъ хорошими луговыми и пахатными мѣстами. По лощинамъ на нагорныхъ берегахъ видны небольшіе колки лиственнаго лѣса.

Въ рѣку Касмарку впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчки: *Карагайлы, Тузь-уланъ, Саппакъ-кисканъ, Большой и Малый Якши-яланъ, Шалинны, Большой и Малый Мунча-юлы, Дзирикла, Асси-еласы и Каскына.* Ихъ вершины на восточныхъ скатахъ плоской возвышенности, раздѣляющей долину Касмарки отъ долины Ика, впадаютъ, каждая однимъ устьемъ, въ рѣку Касмарку. Всѣ онѣ очень мелководны; имѣютъ каменисто-песчаное русло, плоскіе возвышенные берега и быстрое теченіе; ширина ихъ рѣдко превышаетъ одну сажень. Лощины рѣчекъ обставлены крутыми скатами, возвышающимися по мѣрѣ приближенія къ устьямъ. Подошва лощины отлогая и ровная; близъ береговъ поросла кустарникомъ и небольшими наклонами лиственнаго лѣса, ширина ея отъ 40 до 100 сажень. Всѣ эти

рѣчки принимаютъ множество боковыхъ, безыменныхъ притоковъ.

Рѣчка *Идяшъ*. Вершины ея находятся въ топкихъ, болотистыхъ лощинахъ, на скатахъ плоской возвышенности, раздѣляющей вершины Касмарки отъ вершинъ Емашлы; течетъ отъ сѣвера на югъ и впадаетъ въ Касмарку однимъ устьемъ близъ деревни Бикбердиновой. Имѣетъ отъ начала до конца каменисто-песчаное дно, возвышенные берега и очень быстрое теченіе; ширина ея отъ 1 до 4 сажень, глубина отъ 1 до 3 футовъ; броды часты и постоянны. Узкая и глубокая лощина, по которой протекаетъ р. Идяшъ, расширяется постепенно; острые отроги, раздѣляющіе лощины ея притоковъ, волнуютъ подпожіями своими самую подошву, весьма отъ этого неровную; въ низменныхъ частяхъ имѣются хорошіе луга и небольшіе перелѣски. Въ рѣку Идяшъ впадаютъ: справа, рѣки: Тювлюкю-куль-елги, Артышлы-елги, Туслы-елги, Улу-куль-елги, Бабай-куль, Явтыганъ, Кара-айгыръ, Аркары-биль, Сунгуръ-елги, Кусъ-тушканъ, Таллука, Уляка-елги, Касы-елги, Карамалы, Кызыль-имявъ, Караматукмакъ, Искандеръ-елги, Булакъ-башъ-елги, Тирмянь-елги и Ташъ-узаякъ; а съ лѣвой: Куль-сукъ-каинъ, Язлаву-баръ, Магашъ, Аитъ-бія-ульганъ, Куръ-уяны-сунгуръ-куль, Кара-атъ-ульганъ, Ябты-елги, Камай-сапканъ, верхней и нижній Уткармасъ-бекышъ и Кукея.

Рѣчка *Каплакъ-зиргаишъ*. Вытекаетъ четырьмя источниками у подножій известковыхъ горъ, раздѣляющихъ долину Касмарки отъ долины Ассели; течетъ многими извилинами отъ сѣвера на югъ, и впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Касмарку у деревни Старой Назаровой. Русло Зиргаиша имѣетъ въ началѣ каменистое дно, плоскіе берега и быстрое теченіе; ближе къ устью дно ея становится болѣе вловатымъ, нежели каменистымъ; наносы и подводные камни образуютъ частые пороги и быстротоки. Рѣка Зиргаишъ очень мелководна, ширина ея рѣдко превышаетъ двѣ сажени. Нагорные берега лощины образуютъ крутыя подножія отроговъ, раздѣляющихъ лощины боковыхъ притоковъ; подошва лощины имѣетъ ширину отъ 50 до 200 сажень; она покрыта частію листовымъ лѣсомъ, частію тучными лугами. Въ Зиргаишъ впадаютъ: справа, рѣки: Кара-бія, Куинъ-урганъ (Азнай-бай-ляганъ), Кара-угызь, Яръ-су-берганъ, Айры-гувакъ, Азанкуль,

Атъ-ульганъ, Тюляганъ-узякъ и Бузякъ; а слѣва: Куюлы, Бату, Иштай, Еракла, Талъ-узякъ, Игвай-талаганъ, Куйлю-дякъ и Кудашъ-сазы.

Рѣчки: *Удикляръ, Жириклы, Тириклы, Ирабля, Киратъ и Сазла*. Небольшіе ручейки, вытекающіе у подножіи известковыхъ горъ, текутъ отъ сѣвера на югъ и теряются въ луговой долині Касмарки; имѣютъ мѣстами тицистое, мѣстами твердое дно, плоскіе берега и незначительное теченіе. Лощины ручейковъ облюютъ хорошими лугами, но они нешироки в частію поросла кустарникомъ.

Въ рѣку Касмарку впадаютъ съ лѣвой стороны:

Рѣчки: *Пыша-юртъ, Тяпакъ-баръ, Кусякай, Кашка-айыръ, Ибашка, Сала-какканъ, Большой и Малый Анпакъ, Агурды-зирашизъ, Картъ-ели, Искизма, Кызъ-берганъ, Аркады-тау-ели, Муртазай, Урманъ-аби-ели и Кара-булакъ*. Онѣ берутъ начало свое въ отлогихъ лощинахъ на западныхъ скатахъ плоской возвышенности, раздѣляющей долину Сакмары отъ долины Касмарки; текутъ отъ востока на западъ и впадаютъ однимъ устьемъ въ рѣку Касмарку. Всѣ эти рѣчки имѣютъ каменистое русло, плоскіе берега и быстрое теченіе; по уступамъ дна и между подводными камнями образуются небольшіе пороги и быстротоки; глубина и ширина рѣчекъ очень незначительная. Глубокія лощины, по коимъ протекаютъ рѣчки, принимаютъ, по мѣрѣ приближенія къ устьямъ, видъ узкихъ овраговъ; подошвы лощинъ отлогія и ровныя; мѣстами встрѣчаются хорошіе луга и небольшіе колки лиственного лѣса.

Рѣчка *Казанъ-булакъ*. Вытекаетъ нѣсколькими источниками на западныхъ скатахъ хребта Дзу-тюбя, течетъ отъ сѣверо-востока на югозападъ и впадаетъ въ Касмарку однимъ устьемъ выше рѣки или деревни Юнуевой. Течетъ по глинистому и котловинистому грунту, между плоскими и возвышенными берегами; имѣетъ ширину отъ 5 до 14, а глубину отъ 1 до 3 футовъ. Теченіе воды быстро-стремительное въ порогахъ. Броды частые и постоянные. Казанъ-булакъ течетъ въ началѣ по крутому, неглубокому оврагу, шириною отъ 40 до 150 сажень; возвышенные уваль принимаютъ видъ острыхъ и крутыхъ хребтовъ, отстоящихъ

другъ отъ друга версты на двѣ. Подошва лощины отлогая, ровная, съ хорошимъ грунтомъ землѣ.

Рѣчки: *Бардели, Таль-узьякъ, Сирь-тюбл, Якупъ, Сара-сюрпа, Уссь-булакъ, Варьб-ирлякъ* и *Сазла*. Вытекаютъ нѣсколькими источниками на сѣверныхъ скатахъ возвышенности, разделяющей долину Касмарки отъ долины Сакмары. Течутъ отъ юга на сѣверъ и теряются въ луговой долинѣ Касмарки. Имѣютъ иловатя, топкія русла, изменные берега и незначительное теченіе; большая часть высыхаютъ лѣтомъ. Лощины рѣчекъ оставлены съ обѣихъ сторонъ небольшими хребтами, составляющими продолженіе сѣровакковыхъ и известковыхъ горъ, на правомъ берегу Касмарки. Подошва лощины отлогая и ровная, съ хорошими пахатыми и покосными мѣстами.

Рѣка Большой Икъ.

Вершины Ика находятся на отлогомъ сыртьѣ, составляющемъ черту раздѣла между западными и восточными покатостями южной оконечности Уральскаго хребта; онѣ начинаются въ топкихъ лощинахъ, образующихъ два небольшіе ручейка, текущихъ отдѣльно версть пять и соединяющихся послѣ въ одно русло.

Направленіе Ика, за исключеніемъ небольшихъ изгибовъ, зависитъ совершенно отъ состава и образа напластованія горнокаменныхъ толщій, образующихъ логовище русла. Въ началѣ сѣровакковые и глинястые сланцы окружающихъ высотъ имѣютъ направленіе отъ NNW къ SSO. Воды Ика, протекая по линіи кратчайшаго наклона слоевъ, принимаютъ направленіе отъ ONO къ WSW до устья рѣки Кушъ-елги, гдѣ сѣровакковая формація замѣняетъ формацію переходнаго известняка, простирающейся до деревни Красной-Мечети. На семъ пространствѣ Икъ имѣетъ теченіе отъ OSO къ WNW; входя близъ Красной-Мечети въ формацію краснаго песчаника, рѣка поворачиваетъ круто на югъ, продолжая теченіе свое по сему направленію до впаденія въ Сакмару, ниже Воздвиженской крѣпости.

Отъ точки соединенія вершинъ Ика въ одно русло, она протекаетъ небольшимъ ручейкомъ версть около десяти по ровному и каменистому руслу, въ отлогой и узкой лощинѣ; по мѣрѣ увеличенія количества воды расширяется и углубляется логовище рѣки. У деревни Красной-Мечети ширина Ика 8 саж., но далѣе увеличивается отъ 10 до 15 сажень. Выѣстъ съ ши-

риною увеличивается и глубина рѣки, но впрочемъ она непостоянна по причинѣ многихъ котловинистыхъ углубленій и наносовъ, встрѣчаемыхъ по всему теченію Ика. Глубина бродовъ нигдѣ не превышаетъ трехъ футовъ, въ котловинахъ же вода имѣетъ высоту въ полторы сажени.

Берега Ика плоски и сухи; въ исходящихъ изгибахъ они образуютъ небольшіе яры въ полторы саж. отъ поверхности рѣки, противоположныя же части отлоги и покрыты гальками и кругляшами. Дно Ика до деревни Красной-Мечети большею частию ровное и каменистое, далѣе оно становится глинисто-песчанымъ; встрѣчаются и песчанья мѣста, но болѣе тамъ, гдѣ вода имѣетъ слабое теченіе. Прибрежная часть лощины покрыта тучными лугами, и въ мѣстахъ влажныхъ, около краевъ озеръ и ериковъ, лиственнымъ лѣсомъ; выше устья рѣки Емашлы ширина лощины рѣдко превышаетъ 40 сажень, но ниже деревни Красной-Мечети она отъ 1½ до 3 верстъ. Наружный видъ нагорныхъ береговъ зависитъ совершенно отъ состава и расположенія горнокаменныхъ породъ; лощина Ика отъ вершинъ до устья рѣки Кушъ-елги представляетъ узкій и глубокий оврагъ, котораго берега круты и мѣстами даже обрывисты.

Недоходя версты на три до устья рѣки Увары, начинается формация переходнаго известняка; главныя возвышенія, имѣя тутъ направленіе перпендикулярное къ теченію Ика, образуютъ по обѣимъ ея сторонамъ крутые, обнаженные утесы; въ особенности примѣчательно живописное ущеліе между обрывами горъ Хабакъ-усканъ и Тукай-ташъ-ташлаганъ, гдѣ долина Ика обставлена стѣнообразными утесами, возвышающимися надъ поверхностію рѣки сажень на 40. Ниже Красной-Мечети русло Ика входитъ въ формацию краснаго песчаника; отлогіе, невысокіе хребты тянутся съ обѣихъ сторонъ параллельно теченію рѣки, и отстоятъ на правомъ берегу около трехъ верстъ отъ русла Ика, на лѣвомъ же въ пяти верстахъ отъ него.

Весенній разливъ рѣки Ика не бываетъ въ одно время по всему ея теченію: въ верхнихъ частяхъ онъ начинается около 20 Апрѣля, въ низовыхъ около 15 того же мѣсяца; вода прибываетъ быстро въ продолженіе одной недѣли, подымаясь на полторы саж. выше обыкновеннаго уровня и потопляя всѣ низменные части долины; достигнувъ до самой большой точки

высоты; она постепенно убывает до 1 Мая, когда всѣ броды становятся удобопроходимыми. Притоки Ика разливаются пятью днями раньше и половодіе продолжается не болѣе недѣли.

Теченіе Ика весьма различно, завися частію отъ массы воды, частію отъ покатости дна; вслѣдствіе сего быстрота теченія несравненно значительнѣе весною, нежели лѣтомъ или осенью; среднюю быстроту теченія можно принять около 7 сажень въ одну минуту. Заливныя мѣста Ика лѣтомъ сухи; многіе мльмени и рывины, коими перерѣзаны прибрежныя части лощины, высыхаютъ совершенно. Часто случается, что воды Ика во время разлива прорываютъ новыя русла, которыя со старыми образуютъ небольшіе низменные острова. Рѣка Икъ впадаетъ однимъ устьемъ въ Сакмару, ниже Воздвиженской крѣпости; ширина устья не болѣе 10 сажень, а глубина около 5 аршинъ; оно не мелѣетъ отъ наносовъ, имѣя весьма быстрое теченіе.

Въ рѣку Икъ впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчки: *Урашбемъ, Карачіева, Калмычхи, Кара-елп, Ойнасника (Миткаузы тожъ), Аси-баръ, Кишлау-баръ, Кизилъ-юртъ, Тюлюпанъ, Аркаюртъ и Акимбетъ*. Верхіе ручейковъ находятся на вершинѣ плоской возвышенности, разделяющей долину Большаго Ика отъ долины Малаго Ика; онѣ начинаются нѣсколькими отлогими и топкими лощинами; впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ рѣку Икъ; всѣ имѣютъ русло ровное, дно каменистое, берега плоскіе. Онѣ образуютъ въ исходящихъ изгибахъ небольшіе яры въ полтора фута высоты. Количество воды весьма незначительное, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ высыхаютъ лѣтомъ. Подошва лощинъ отлогая и не шире 50 сажень; по ней встрѣчаются хорошіе луга и лиственные лѣса; лощины обставлены съ обѣихъ сторонъ крутыми и частію обрывистыми скатами, перерѣзанными многими второстепенными лощинами и оврагами, которые начинаются на гребнѣ возвышеній отлогими и плоскими углубленіями. Значительные притоки принимаютъ: рѣка Калмычхи, ручейки Дворянку и Кирюхину; рѣка Ойнасника, ручейки: Горбатова, Попова, Лощенова, Долгій-мостъ и Андрюхину; рѣка Кишлау-баръ принимаетъ, кромѣ множества овраговъ, рѣку Кушъ-баръ.

Рѣчка *Емашла*. Вытекаетъ многими низменными и отлогими

лощинами, на плоской возвышенности, между Большимъ и Малымъ Икомъ, у выселка Ивановскаго; течетъ многими извилинами отъ сѣвера на югъ, и вливается однимъ устьемъ въ русло Большаго Ика. Свойства русла и теченія сходны съ вышеописанными рѣчками, съ тою разницею, что глубина и ширина его несравненно значительнѣе, такъ что отъ устьевъ Таллумбетъ-кирагаса, сплавъ дровянаго и строеваго лѣса бываетъ возможенъ во время весенняго полноводія. Лощина имѣетъ одинаковыя свойства съ вышеописанными рѣчками. Въ Емашлу впадаютъ: справа, ручейки: Таллумбетъ-кирагасъ и Куся; слева же нѣсколько глубокихъ, но сухихъ овраговъ.

Рѣчки: *Большой и Малый Кушъ-сли*. Вытекаютъ многими тонкими лощинами, между выселкомъ Ивановскимъ и первую казармою на Каноникольской дорогѣ. Русло и теченіе сходны съ вышеописанными притоками Ика. Во время разлива сплавъ дровянаго лѣса удобенъ по обѣимъ рѣчкамъ на разстояніи трехъ верстъ отъ устьевъ. Общія свойства лощины сходны съ лощинами вышепомянутыхъ притоковъ.

Рѣчка *Малый Икъ*. Вытекаетъ нѣсколькими болотистыми источниками въ пяти верстахъ отъ Каноникольскаго завода, на плоской возвышенности, между рѣками Бѣлой и Икомъ; имѣетъ общее направленіе къ югозападу и впадаетъ въ Большой Икъ однимъ устьемъ, близъ деревни Ибрагимовой. Въ началѣ своей она имѣетъ общій характеръ съ прочими ручейками, протекающими по плоской возвышенности, но далѣе ширина русла увеличивается и во многихъ мѣстахъ оно простирается до пяти сажень. Каменьястопесчаное дно изрыто значительными котловинами и углубленіями. Берега плоски и поросли мелкимъ лиственничнымъ и хвойнымъ лѣсомъ. Малый Икъ удобенъ для сплава строеваго и дровянаго лѣса на разстояніи 15 верстъ отъ устьевъ. Ширина лощины измѣняется отъ 40 до 350 сажень; она обставлена крутыми и обрывистыми скатами, какъ и вообще всѣ рѣчки на семь пространствъ, и большею частію покрыта лиственничными и смѣшанными лѣсами.

Рѣчки: *Уварье и Тассы*. Имѣютъ вершины своя у живописной горы Акъ-тау, гдѣ начинаются нѣсколькими топкими лощинами; первая течетъ прямо на югъ и впадаетъ однимъ устьемъ въ Большой Икъ, у деревни Мурадашовой; вторая обтекаетъ горы Акъ-тау на югозападъ и впадаетъ въ Большой Икъ, у дере-

внѣ Юлдубаевой. Русло и теченіе имѣютъ свойства общія съ прочими притоками Ика. Лощины обѣихъ рѣчекъ обставлены известковыми горами, особенно обрывистыми на лѣвомъ берегу рѣки Увары. Подошва лощины имѣетъ ширину отъ 80 до 700 сажень; она взволнована отлогими подножіями известковыхъ хребтовъ и покрыта хорошими лугами и небольшими перестѣками.

Въ рѣку Икѣ впадаютъ съ лѣвой стороны:

Рѣчка *Кувалатъ*. Вытекаетъ тремя небольшими ручейками, именуемыми 1, 2 и 3 Кувалатомъ, близъ вершинъ Ика. По соединеніи ручейковъ въ одно русло, рѣчка Кувалатъ протекаетъ по направленію къ западу, и впадаетъ однимъ устьемъ въ Большой Икѣ. Лощины в русла имѣютъ свойства общія съ прочими ручейками плоской возвышенности; ширина и глубина воды такъ значительна, что возможенъ сплавъ не только дровяного, но и строеваго лѣса отъ устья 3-го Кувалата. Въ Кувалатъ впадаютъ съ правой стороны ручейки: Мурзаба-вха, Левониха, Ойнасниха и Канякуинъ.

Рѣчка: *Мунаклы* и *Карамалы-инякъ*. Небольшіе ручейки, имѣющіе общія свойства съ вышеописанными притоками Большаго Ика.

Рѣчка *Большой Бердяшъ*. Беретъ начало свое отъ соединенія двухъ небольшихъ рѣчекъ Тутай-бердяшъ и Таусъ-бердяшъ, вытекающихъ нѣсколькими источниками на плоской возвышенности, разделяющей долину Ика отъ долины Сюрjana. Рѣчка Большой Бердяшъ протекаетъ многими значительными поворотами отъ юговостока на сѣверозападъ и впадаетъ въ р. Икѣ однимъ устьемъ. Рѣчка Большой Бердяшъ, отъ соединенія Таусъ и Тутай-бердяшъ, течетъ по ровному и каменистому руслу, шаряною отъ 2 до 5 сажень. Глубина не вездѣ одинакова, потому что дно изрыто мѣстами значительными углубленіями, мѣстами же взволновано наносами и подводными камнями. Теченіе воды очень быстрое, она протекаетъ въ средней сложности около 8 саж. въ одну минуту. Рѣчные берега плоски, но довольно возвышены въ исходящихъ изгибахъ рѣки. Сплавъ дровяного лѣса можно производить безопасно отъ самаго начала рѣки Большаго Бердяша, строеваго же отъ мѣста впаденія въ нее рѣки Такаль-бердя-

ша. Рѣка Бердяшъ течетъ въ узкомъ и глубокомъ оврагѣ, ограниченномъ съ правой стороны крутыми обнаженными утесами, а съ лѣвой высокими и крутыми скатами, покрытыми сосновымъ лѣсомъ. Подошва лоцины ровная и порослая молодымъ листовымъ лѣсомъ; ширина ея отъ 20 до 50 саж.; въ рѣку Бердяшъ впадаютъ: справа, рѣки: Тукмъ, Такъ-ульганъ, Тувтканъ, Кужаканъ-калышъ-берганъ, Такаль-берляшъ, Карамалы-бердяшъ и Умирталы; съ лѣвой же стороны, кромѣ многихъ сухихъ лоцинъ, рѣчныхъ притоковъ не имѣетъ.

Рѣчка *Явашлы*. Имѣетъ вершины на плоской возвышенности между рѣками Инакомъ и Икомъ въ топкомъ болотѣ, именуемомъ Тумарлюю. Течетъ многими извилинами по направленію отъ юговостока на сѣверозападъ, и вливается въ рѣку Большой Икъ однимъ устьемъ. Имѣетъ въ началѣ отлогое, пловатое русло, топкіе берега и неровное теченіе. По мѣрѣ удаленія отъ вершинъ, рѣчка Явашла постепенно превращается изъ незначительнаго ручейка въ быстрый горный потокъ: дно становится ровнымъ и каменистымъ, берега плоскими и нѣсколько возвышенными надъ поверхностію рѣки. Отъ устья рѣчки Якшикай-затканъ она начинаетъ быть удобною для сплава дровянаго лѣса. Отлогая лоцина рѣчки Явашлы углубляется болѣе и болѣе по мѣрѣ приближенія къ устью и принимаетъ видъ глубокаго оврага, ограниченаго съ обѣихъ сторонъ высокими, крутыми скатами сѣровакковыхъ возвышеній. Въ особенности крутъ правый нагорный берегъ, на которомъ нерѣдко видны значительные утесы. Подошва оврага имѣетъ въ ширину отъ 30 до 80 сажень. Она ровна и покрыта большею частію мелкимъ листовымъ лѣсомъ. Въ Явашлу впадаютъ: справа, рѣчки: Сагтыюртъ и Якшикай-затканъ, съ лѣвой стороны—Уллу-елги.

Рѣчки: *Сакмаклы, Арба-ели, Янчура, Катайчикъ, Бусай-узакъ, Сабаталлы, Бабай-узакъ* и *Буркутъ*. Небольшіе ручейки, вытекающіе въ лоцинахъ между известковыми горами, составляющими западный предѣлъ горнаго пространства, текутъ отъ юга на сѣверъ и разливаются въ болотистыхъ углубленіяхъ въ лоцинѣ Ика; имѣютъ сначала каменистыя русла и возвышенные берега; по выходѣ изъ горъ онѣ теряются въ болотистой долинѣ Ика. Лоцины рѣчекъ отлогія и ровныя; онѣ обставлены крутыми известковыми хребтами, отстоящими другъ отъ друга версты

на холторы. Подошва лощины покрыта мелким кустарником и хорошими лугами.

Рѣчки: *Майки*, *Большой* и *Малый Утарт-слин*, *Каранъ* и *Нунай*. Вытекаютъ нѣсколькими источниками у подножій песчанистыхъ горъ; текутъ отъ востока на западъ и вливаются каждая однимъ устьемъ въ рѣку Икъ. Руслу рѣчекъ неровны и котловинисты, дно глинистопесчаное, далѣе иловатое; берега низменные и частію топкіе; теченіе воды очень медленное. Отлогіе увалы раздѣляютъ лощины этихъ рѣчекъ; скаты лощинъ изобилуютъ хорошими лугами.

Рѣка *Инякъ*. Беретъ начало свое двумя небольшими в топками ручейками на плоской возвышенности между рѣками Сакмарою и Икомъ; она течетъ около пяти верстъ по иловатому руслу плоской и низменной лощины, обросшей большею частію сѣшаннымъ лѣсомъ. Далѣе глубина лощины увеличивается и она принимаетъ постепенно видъ глубокаго и крутаго оврага; обнаженные сѣрвакковые славцы образуютъ во многихъ мѣстахъ голые, скалистые обрывы, возвышающіеся надъ поверхностію рѣки сажень на 20. Такимъ образомъ протекаетъ рѣка Инякъ отъ востока на западъ до устья рѣки Булакъ-буйлау, гдѣ она, упираясь въ хребетъ Солейманъ-караулъ, поворачиваетъ къ югу, продолжая теченіе по сему направленію до устья рѣкъ Казмашевъ, отъ которыхъ она поворотомъ къ западу пересѣкаетъ хребетъ Солейманъ-караулъ; обрывисто-скалистые скаты хребта, которые съ обѣихъ сторонъ подходятъ къ самымъ берегамъ, образуютъ живописное ущелье Кизильташъ, простирающееся въ длину версты на двѣ.

Рѣчки: *Большой Каранъ*, *Джигтебулакъ*, *Токмакъ*, *Акъ-атканъ*, *Сазалы-джигтебулакъ*, *Караталъ* и *Зыриклы*. Вытекаютъ нѣсколькими источниками у западныхъ подножій известковыхъ хребтовъ, составляющихъ западный склонъ горной возвышенности. Имѣютъ всѣ общее теченіе отъ востока на западъ и теряются въ луговой долинѣ Ика. Протекаютъ въ началѣ по гористой мѣстности; имѣютъ ровное и каменистое русло, плоскіе, но возвышенные берега и весьма быстрое теченіе. Далѣе, по мѣрѣ приближенія къ лощинѣ Ика, русло становится иловатѣе и отложе, теченіе воды медленнѣе и берега топкими. Они вообще всѣ мелководны. Невысокіе и отлогіе увалы, составляющіе предгоріе главныхъ хребтовъ, тянутся по обѣимъ сторонамъ рѣчекъ

параллельно ихъ теченію. Они обращаютъ къ нимъ длинныя отлогіе скаты, оканчивающіеся въ близкомъ разстояніи отъ самыхъ береговъ рѣчекъ, отъ чего полошва лощина незначительной ширины. Рѣка Сазалы-джитебулакъ принимаетъ съ лѣвой стороны множество боковыхъ притоковъ, изъ коихъ главныя—рѣки: Уразъ-тавъ-тырниганъ, Булатъ-атканъ, Густай-туганъ, Каванъ-уй, Куянымчанъ и Салабашъ.

Рѣчка *Ургень*. Вытекаетъ однимъ источникомъ съ южныхъ скатовъ известковаго хребта, раздѣляющаго долину Иняка отъ долины Малаго Сюрюпа; протекаетъ до деревни Итбаковой отъ сѣверовостока на югозападъ, а далѣе по направленію къ западу впадаетъ въ рѣку Икъ однимъ топкимъ рукавомъ, у деревни Исаугуловой. До деревни Итбаковой рѣка Ургень протекаетъ по каменистому руслу, между плоскими, нѣсколько возвышенными берегами; имѣетъ глинисто-песчавое, частію каменистое дно и весьма быстрое теченіе; при поворотѣ на западъ русло ея становится отложе и теченіе медленнѣе. Низменные берега покрыты лиственнымъ лѣсомъ, а дно имѣетъ иловатый грунтъ. Шарива Ургени отъ 3 до 1 саж., глубина отъ 2 до 5 футовъ. На теченіи своемъ по лощинѣ Ика, она образуетъ множество болотистыхъ озеръ и топей. На югозападномъ теченіи лощина рѣки Ургени обставлена высокими и крутыми известковыми хребтами, отстоящими другъ отъ друга на разстояніи одной версты; подножія хребтовъ волнуютъ лощину, которая узка и крута. Отъ хутора деревни Девлеткуловой, она расширяется сажень на 80 и становится нѣсколько ровнѣе; у деревни Итбаковой она выходитъ изъ горнаго пространства и протекаетъ по отлогой и ровной лощинѣ, шириною отъ 200 до 600 саж. Вся лощина Ургени покрыта хорошими лугами и небольшими колками лиственного лѣсу. Въ Ургень впадаютъ: справа, рѣки: Сунгуръ, Яныкъ, Сараатъ, Ульганъ, Турсай-алтынъ-туганъ, Тура-алабіа-ать-ульганъ съ притокомъ Сулейманъ-елги, Урмавъ-елги, Нази-елги и Ишкакъ-елги; съ лѣвой стороны, рѣки: Кулунъ-крылганъ, Булыръ-кашка, Малый Урганъ, Багашъ-туганъ, Тамакъ и Тирьякъ.

Рѣчки: *Каратай-сазъ, Караталъ-люзякъ и Тунтурлюкъ*. Небольшія топкія лощины, имѣющія вершины свои на западныхъ скатахъ песчаниковыхъ горъ. Онѣ терпятся въ луговой долинѣ

Ика; имѣютъ болотистое дно и низменные берега, покрытые мелкимъ кустарникомъ в болотными травами.

Рѣчки: Кайраклы и Кирля. Вытекаютъ у подножій горы Кирпы, текутъ по направлеию отъ востока на западъ, и теряются въ луговой долинѣ Ика. Имѣютъ глинисто-песчаное русло, плоскіе берега и незначительное теченіе. Лощины узкія, съ хорошими покосными мѣстами.

Рѣчка Ускалыкъ. Береть начало свое отъ соединенія ручейковъ Большаго и Малаго Ускалыка, вытекающихъ у западныхъ скатовъ плоской возвышенности, раздѣляющей долину Космарки отъ долины Ика. Вершины Большаго Ускалыка составляютъ ручейки: Дюрлюръ, Кура, Ура, Буткасканъ, Уртайры и Тюбанайры. Вершины Малаго Ускалыка составляютъ ручейки: Еткуль-каскавъ, Ишмякъ-карагасъ, Батыръ-балтапканъ и Кагалъ-елги. Ускалыкъ течеть отъ востока на западъ и впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Большой Икъ. Русло Ускалыка имѣеть, до деревни Андреевки, каменистое дно, плоскіе берега и весьма быстрое теченіе; броды частые и неглубокіе. Ниже Андреевки она протекаетъ по глинистому грунту; имѣеть котловинистое русло и плоскіе берега, ширина ея отъ 2 до 4 саж., а глубина значительная. До деревни Андреевки лощина Ускалыка обставлена крутыми известковыми хребтами, отъ конхъ отдѣляются небольшіе отроги въ перпендикулярномъ направлеиіи къ ея теченію. Подошва лощины изволнована подножіями отроговъ; она крута, но имѣеть въ низменныхъ частяхъ хорошіе дуга. Ниже деревни Андреевки рѣка Ускалыкъ выходитъ изъ горнаго пространства и лощина ея разширяется версты на двѣ. Она покрыта близъ береговъ молодымъ лиственничнымъ лѣсомъ и изрыта ильменями и сухими ямами. Въ Ускалыкъ впадаютъ: справа, рѣки: Инчирсы съ притокомъ Аминъ-Инчанъ, слѣва—Акберды-мамаза, Имюгбай и Асфяганъ.

Рѣчка Ассели. Имѣеть вершины свои въ лѣсистой возвышенности, вмевуемой Алпу-урманъ; течеть отъ сѣверовостока на югозападъ, и впадаетъ въ Икъ двумя устьями: нижнее изъ нихъ высыхаетъ лѣтомъ. До деревни Юлдубаевой, рѣка Ассели имѣеть быстрое теченіе по глинисто-песчаному, частію каменистому грунту. По выходѣ изъ горнаго пространства, русло ея становится пловатымъ и неровнымъ. Дно изрыто многими ямами, имѣющими значительную глубину. Берега низменные и поросли

кустарникомъ. Рѣка Ассели имѣетъ въ горномъ пространствѣ узкую лощину, обставленную съ обѣихъ сторонъ отрогами известковыхъ хребтовъ. Подошва лощины волнообразная, имѣетъ хорошую почву земли; она покрыта близъ береговъ кустарникомъ и небольшими колками лиственнаго лѣса. По выходѣ изъ горъ лощина Ассели расширяется на полтары версты. Въ нее впадаютъ: справа, рѣки: Авзянъ, Мустафа, Тагай, Аитъ-блйлаганъ, Куся, Кара-сыиръ, Аранъ - сатканъ, Уликляръ, Акъ-кушъ, Куй-тапканъ и Соплакъ; съ лѣвой стороны рѣки: Явки, Тукмакъ, Кабыкъ-кубымъ, Улу-тау, Аккурива, Юлъ - ськканъ, Ибрасъ, Умя, Балагузъ-тугульганъ, Камышлы-елги, Ассел-елги, Тыка-булакъ, Шашма и Бердали.

Рѣчка *Белегушъ*. Два небольшіе ручейка Имилъ-уртайры и Арга-айры составляютъ вершины Белегуша; она течетъ отъ востока на западъ и впадаетъ въ Икъ двумя сухими рукавами. Русло Белегуша имѣетъ иловато-каменистое дно, плоскіе, возвышенные берега и весьма быстрое перекашное теченіе. По выходѣ изъ горнаго пространства, они постепенно уменьшаются и теряются наконецъ въ луговой долинѣ Ика. Лощина Белегуша обставлена съ обѣихъ сторонъ рядомъ известковыхъ хребтовъ, простирающихся перпендикулярно ея теченію. Подошва ея ровна и покрыта близъ береговъ кустарникомъ. Въ Белегушъ впадаютъ: справа, кромѣ множества безыменныхъ ключей и ручейковъ, рѣки: Исамбетъ и Тамъ-елги, слѣва: Баткакъ и Сувлу-узакъ.

Рѣка Инякъ.

Вытекаетъ двумя небольшими и топкими ручейками на плоской возвышенности, между рѣками Сакмарою и Икомъ; она течетъ около пяти верстъ по иловатому руслу плоской и низменной лощинѣ, обросшей большою частію смѣшаннымъ лѣсомъ. Далѣе, глубина лощины увеличивается и она принимаетъ постепенно видъ глубокаго и крутаго оврага; обнаженные сѣрвакковые сланцы образуютъ во многихъ мѣстахъ голые скалистые обрывы, возвышающіеся надъ поверхностію рѣки саженъ на 20. Такимъ образомъ протекаетъ рѣка Инякъ отъ востока на западъ до устья р. Булакъ-буйлау, гдѣ она, упираясь въ хребетъ Солейманъ-караулъ, поворачиваетъ къ югу, продолжая теченіе по сему направленію до устья въ рр. Казмашевъ, отъ ко-

торыхъ она поворотомъ къ западу пересѣкаетъ хребетъ Солейманъ-караулъ. Обрывистые, скалистые скаты хребта, конъ съ обѣихъ сторонъ сходятъ къ самымъ берегамъ, образуютъ живописное ущелье Кизиль-ташъ, простирающееся въ длину версты на двѣ.

По проходѣ чрезъ тѣснину, лощина Иняка, расширяясь, прелегается по сѣверозападному направленію до деревни Тупчановой; близъ которой поворачиваетъ на западъ, слѣдуя по сему направленію до самаго устья. Отъ Кизиль-тамской тѣсины до деревни Тупчановой лощина Иняка обставлена высокими и крутыми отрогами известковыхъ горъ, которыя, простираясь перпендикулярно къ руслу, образуютъ преграды, чрезъ которыя воды Иняка силою стремленія должны были открыть себѣ проходы. На семь пространствъ встрѣчается множество хорошихъ луговыхъ и пахатныхъ мѣстъ, равно какъ и березовыхъ лѣсовъ, произрастающихъ преимущественно на скатахъ ближайшихъ горъ. Выше Кизиль-тамской тѣсины хотя и встрѣчаются хорошія луговые мѣста, но, по причинѣ дальнаго разстоянія отъ деревень, онѣ преимущественно служатъ лѣтними кочевьями для Башкирцевъ.

На западномъ теченіи рѣки Иняка, отъ деревни Тупчановой до устьевъ, лощина ея обставлена отлогими покатостями, образующими предгорія главнаго известковаго хребта, а далѣе такими же скатами высотъ, принадлежащихъ къ формаціи краснаго песчаника. Лощина имѣетъ постоянную ширину въ одну версту и изобилуетъ хорошими лугами.

Рѣка Инякъ на теченіи своемъ въ горномъ пространствѣ имѣетъ дно глинисто-песчаное, устланное кварцевыми и сѣрвакковыми гальками; ближе къ устьямъ глина увеличивается и образуетъ во многихъ мѣстахъ непроходимыя топи. Русло же становится котловинистымъ и неровнымъ, такъ что высота водъ въ глубокихъ мѣстахъ превышаетъ одну сажень, а въ низкихъ она не болѣе 2 или 3 футовъ. Берега Иняка по большей части плоски и отлоги, но по выходѣ изъ горнаго пространства они возвышаются и образуютъ въ исходящихъ частяхъ обрывы вышиною въ одну сажень.

Рѣка Инякъ впадаетъ въ Икъ двумя устьями: изъ нихъ правое по незначительной глубинѣ своей изсыхаетъ лѣтомъ и наполняется водою во время весенняго разлива, лѣвое же имѣ-

еть постоянное теченіе: оно мелѣетъ отъ наносовъ, образующихъ при самомъ впаденіи въ Икъ перекасть, по которому вода стремится значительнымъ быстротокомъ.

Инякъ разливается весною около 15 Апрѣля, въ одно время по всему теченію; вода прибываетъ быстро въ первые пять дней и достигаетъ нерѣдко высоты полторы саж. надъ обыкновеннымъ уровнемъ; послѣ же она убываетъ въ продолженіе одной недѣли, до того, что опиваются всѣ броды. Сплавъ дровянаго лѣса возможенъ по Иняку отъ устья рѣки Сарагуль-ать-ульганъ. Заливные мѣста изрыты многими ямами и рытвинами, кои весною наполняются водою, и образуютъ небольшие озера; впрочемъ мѣста эти сухи и доставляютъ отличнѣйшіе покосы.

Лѣтомъ воды Иняка уменьшаются до того, что края русла остаются сухими; выше устьевъ Козмашевъ ширина Иняка отъ 2 до 3 сажень, ниже до впаденія своего въ Икъ, она расширяется сажень на 8.

Въ Кизиль-ташскомъ ущельѣ находятся весьма примѣчательный ключъ, выходящій у подножія известковой скалы сильною струею, шириною въ 4 саж. Отъ сего ключа русло Иняка расширяется по крайней мѣрѣ сажени на полторы. Изъ рыбъ водятся въ Инякѣ одніе форели (пеструшки и харлюсы).

Въ рѣку Инякъ впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчки: *Кизилгуль, Любашъ, Абиулманъ, Сюртуль-ать-ульганъ, Усст-айры, Муайлы, Абызъ-сыкканъ, Буруль-бія* и притокъ ея *Нугай-бикки*. Вытекаютъ нѣсколькими источниками изъ топкихъ лощинъ, на южныхъ скатахъ плоской возвышенности, раздѣляющей долину Иняка отъ долины Ика; текутъ по общему направленію отъ сѣвера на югъ и разливаются въ Инякъ, каждая однимъ устьемъ. Имѣютъ въ началѣ отлогія, котловинистыя русла, глинистое дно и низменные берега. По мѣрѣ углубленія лощинъ усиливается быстрота теченія, дно становится болѣе и болѣе каменистымъ, а русло ровнѣе. Лощины рѣчекъ находятся въ глубокихъ оврагахъ, обставленныхъ съ обѣихъ сторонъ крутымя, частію обрывистыми скатами. Подошва лощинъ шириною отъ 20 до 50 саж.; она суха и нѣсколько возвышена надъ поверхностію рѣчекъ, отъ чего и не имѣетъ хорошихъ луговъ; мѣстами же покрыта листованнымъ лѣсомъ и мелкимъ кустарникомъ.

Рѣчки: *Булатъ-Буй-ляу, Накитъ-у-льманъ, Кизилъ-ташъ, Яннзъ-кайнъ, Усканы, Асси-елн, Тирманъ, Тура-айры, Яннзъ-карама, Акъ-ташъ* и *Белекей-асси-елн*. Начинаясь нѣсколькими источниками въ лощинахъ известковыхъ горъ, раздѣляющихъ долину Иняка отъ долины Ика; впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ рѣку Инякъ; имѣютъ болѣе или менѣе ровное русло, каменистое дно и плоскіе берега. Теченіе воды быстро, но глубина и ширина незначительныя; пороги и перекаты очень частыя. По обѣимъ сторонамъ рѣчекъ простираются высочайшія известковыя хребты, у коихъ скаты крутыя и обрывистыя. Отлогія подножія волнуютъ подошву рѣчныхъ лощинъ. Множество ключей и ручейковъ, вытекающихъ у подножія известковыхъ горъ, впадаютъ въ эти рѣчки, а рѣка Акъ-ташъ имѣетъ даже значительныя притоки, какъ то, рѣчки: *Тунмакъ, Бурчаклы, Буруль-бія* и *Арба-елн*.

Въ рѣку Инякъ впадаютъ съ *лѣвой* стороны:

Рѣчки: *Савка-юртъ, Мирзай-курукъ-яманъ, Сунтуръ-инякъ* и *Салдаръ*. Вытекаютъ изъ отлеглыхъ болотистыхъ лощинъ на плоской возвышенности, раздѣляющей долину Ика отъ долины Сюрюна; текутъ большею частію съ юга на сѣверъ и впадаютъ въ Инякъ однимъ устьемъ. Русла рѣчекъ, въ началѣ отлогіе и иловатыя, имѣютъ неровное дно и топкіе берега. Ближе къ устьямъ они становятся покатыми; гальки и кругляши покрываютъ поверхность дна и низменныя части береговъ. Теченіе быстрое, но незначительное по малому количеству воды. Отроги, раздѣляющіе лощины рѣчекъ, отлогія и ровныя; далѣе по теченію они становятся круче и даже обрывистыя. Полошва рѣчныхъ лощинъ покатая и ровная, ширина ея рѣдко болѣе 40 сажень. Грунтъ земли глинисто-песчаный, отъ чего по берегамъ почти вѣтъ луговъ; кустарники и молодыя деревья покрываютъ часть лощинъ и окружающихъ скатовъ.

Рѣчки: *Большой* и *Малый Казмашъ*. Первая начинается тремя, а вторая двумя источниками на плоской возвышенности, между рѣчками Инякомъ и Малымъ Сюрюномъ; текутъ съ востока на западъ, и впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ Инякъ, въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Рѣчка Большой Казмашъ составляетъ главный притокъ рѣки Иняка, имѣя ширину отъ 1 до 4 сажень, а глубину отъ 2 до 3 футовъ; во время весенняго половодія, она удобна для сплава дровянаго лѣса, на протяженіи

отъ 4 до 5 верстъ, выше устья; имѣютъ обѣ каменное русло, плоскіе берега и весьма быстрое теченіе. Скаты плоской возвышенности, образующіе рѣчныя лощины Козмашевъ, сначала отлоги и ровны, ближе къ устьямъ они круче и выше; на подошвѣ лощины встрѣчаются изрѣдко-посредственные луга и небольшие колки лиственнаго лѣса.

Рѣчи: *Шайтанъ-сулукъ, Утаръ-гуль, Куль-юртъ, Карагаеъ-сыртъ, Таллуи, Казанъ-гуль, Муяллы, Буйялу, Усакиръ, Исманъ-уй и Куй-бикка*. Имѣютъ источники свои въ лощинахъ известковыхъ горъ, раздѣляющихъ долину Иняка отъ долины Ургеня; текутъ всѣ по общему направленію отъ юга на сѣверъ. Многія изъ нихъ теряются въ болотистыхъ мѣстахъ лощины Иняка; имѣютъ всѣ короткое, но быстрое теченіе, каменное русло и плоскіе берега, очень мелководные и незначительной ширины. Лощины рѣчекъ обставлены съ обѣихъ сторонъ крутыми и высокими отрогами известковыхъ горъ, кои понижаются къ лощинѣ Иняка отлогими и длинными покатолями. Подошва лощинъ взволнована небольшими предгоріями отроговъ, имѣетъ хорошую почву земли и изобилуетъ хорошими луговыми мѣстами.

Рѣка Большой Сюрянъ.

Небольшіе ручейки Битау-куанъ и Сюрянъ со многими боковыми притоками составляютъ вершины Большаго Сюряна; они извѣстны мѣстнымъ жителямъ подъ общимъ названіемъ Сюрянъ-башъ. Первый изъ нихъ вытекаетъ нѣсколькими ключами на западномъ скатѣ плоской возвышенности, отдѣляющей вершины Большаго Ика отъ притоковъ Верхней Сакмары. Второй у подножіи горы Сугальмагышъ, составляющей безъ сомнѣнія высочайшую точку всей плоской возвышенности. Оба текутъ отдѣльными ручейками на протяженіи 15 верстъ по отлогимъ и низменнымъ лощинамъ, поросшимъ смѣшаннымъ лѣсомъ; имѣютъ плоскіе берега и глинистое, котловинистое дно.

Ручейка Сюрянъ и Битау-куанъ, соединившись вмѣстѣ, у хутора деревни Нукаевой, составляютъ рѣку Большой Сюрянъ, которая протекаетъ многими значительными изгибами на протяженіи 74 верстъ отъ сѣверовостока на югозападъ до деревни Аскарпной, гдѣ вливается однимъ устьемъ въ Большой Икъ. Отъ хутора деревни Нукаевой рѣка Сюрянъ представляетъ зна-

чительную рѣчку, по которой, въ весеннее время, дровами и частью строевой лѣсъ безпрепятственно можетъ быть сплавляемъ въ Икъ.

Рѣка Большой Сюрянъ имѣетъ вообще дно каменно-песчаное; гальки и кругляши сѣровакковыхъ и глинистыхъ сландецъ покрываютъ не только самое дно, но и низменный насть береговъ; ближе къ устью грунтъ становится болѣе глинистымъ; отъ большей или меньшей быстроты теченія образовались песчаные наносы и значительныя углубленія, отъ чего глубина Сюряна весьма различна: въ ливняхъ она болѣе сажень, на перекатахъ не выше одного фута. Притомъ подводные камни и потонувшія лѣсины во многихъ мѣстахъ препятствуютъ свободному теченію воды. Ширина русла также не вездѣ одинакова: она бываетъ отъ 4 до 15 сажень, смотря по большей или меньшей возвышенности рѣчной лоцины. Берега по большей части плоскія и ровныя; въ исходящихъ изгибахъ они образуютъ небольшіе обрывы, вышиною въ одну сажень; противоположный берегъ обыкновенно отлогъ и покрытъ гальками. Молодыя деревья и кустарники растутъ по нимъ рѣдко и не вездѣ.

Рѣчная лоцина Сюряна обставлена въ началѣ крутыми обрывами плоской возвышенности, состоящей преимущественно изъ сландецъ глинистыхъ и сѣровакковыхъ; отлогая и ровная подошва ея имѣетъ ширину отъ 40 до 100 сажень; покрыта тучными лугами и небольшими березовыми и осокоревыми перелѣсками. Ближе къ берегамъ встрѣчаются небольшія продолговатыя озера или рытвины, наполненныя весенними водами; изъ нихъ нѣкоторыя открыли себѣ сообщеніе съ рѣчнымъ русломъ и образуютъ родъ заливовъ или боковыхъ рукавовъ. Отъ устья рѣки Берляца лоцина Сюряна расширяется до того, что мѣстона имѣетъ ширину въ 700 сажень; но горы, сопровождающія ее, принимаютъ направленіе перпендикулярное къ ея теченію и образуютъ весьма узкія тѣснины. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ находятся: первая выше хутора деревни Ибраевои, гдѣ длинная и острая вѣтвь хребта Капчикъ оканчивается двумя крутыми отрогами у самаго берега Сюряна; вторая вѣтвь деревни Кугарчиной, гдѣ главный известковый хребетъ пересѣкаетъ лоцину Сюряна и образуетъ весьма узкое, обрывистое ущелье. За исключеніемъ этихъ тѣснинъ, постоянная ширина лоцины отъ 1 до 2 верстъ; подошва ея отлога и взволнована

подножіями прилежащихъ горъ; она имѣетъ хорошую почву земли и много такихъ же луговыхъ и пахатныхъ мѣстъ.

Около 20 Апрѣля начинается весенній разливъ: вода прибываетъ быстро два или три дня сряду, достигаетъ наибольшей высоты въ одну сажень надъ обыкновеннымъ уровнемъ и убываетъ потомъ въ продолженіе недѣли. По истеченіи сего времени, она опять удобна для проѣзда въ бродъ. Послѣ разлива случается часто, что вода откроетъ себѣ новое русло по озерамъ и ерикамъ, находящимся близъ береговъ, и образуетъ такимъ образомъ небольшія низменные острова. Воды Сюрjana имѣютъ весьма неравномѣрную быстроту теченія: наносы, подводные камни, бѣлая или мѣлая покатошь русла измѣняютъ ее отъ 4 до 15 сажень въ минуту. Большой Сюржанъ замерзаетъ осенью въ первыхъ числахъ Ноября. Изъ рыбъ водятся въ немъ: форели (берды, багры и пеструшки), щуки и налимны.

Въ рѣку Большой Сюржанъ впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчка *Тунлюкю*. Вытекаетъ двумя источниками изъ отлогихъ ложицъ у подножіи возвышенности, отдѣляющей долину Сюрjana отъ долины Иняка. Протекаетъ отъ сѣвера на югъ на протяженіи 16 верстъ и вливается въ Большой Сюржанъ однимъ устьемъ. Ровное ея русло имѣетъ каменистое дно, плоскіе берега, обросшіе кустами и молодыми деревьями. Она протекаетъ въ началѣ незначительнымъ ручейкомъ, который постепенно увеличивается до того, что близъ устья имѣетъ ширину пять сажень и глубину отъ 1 до 4 футовъ. Въ двухъ верстахъ выше устья она удобна для сплава дровяного лѣса. Лощина рѣчки Тунлюкю обставлена крутыми, утесистыми скатами возвышенныхъ уваловъ, прилежащихъ къ ней съ обѣихъ сторонъ; подошва ея, отлогая и большею частію ровная, имѣетъ хорошую почву земли и луговые мѣста. Ширина ея въ рѣдкомъ мѣстѣ превышаетъ 50 сажень.

Рѣчка *Егишла*. Вершины Егишлы составляютъ ручейки Большой и Малый Наташлы и Мясить-баръ; отъ соединенія ихъ она принимаетъ названіе Егишлы; течетъ прямо отъ сѣвера на югъ верстъ на 18, и разливается въ Большой Сюржанъ однимъ устьемъ. Русло и теченіе ея тѣхъ же свойствъ, какъ у рѣки Тун-

люкля. По ней возможенъ сплавъ дровяного лѣса, начиная верстѣ за 8 отъ устья; лощины и притоки, какъ у рѣки Тувлюкю.

Рѣчки: *Эзиль-атъ-улыанъ, Нагай, Мерланды, Телеанды, Та-сулыанъ, Куру-ели, Сазалы и Ишнаръ*. Начинаются нѣсколькими отлогими лощинами на плоской возвышенности, отдѣляющей долину Малаго Сюряна отъ д. Большаго Сюряна; текутъ всѣ по общему направленію отъ сѣвера на югъ и впадаютъ въ Большой Сюрявъ, каждая однимъ устьемъ. Русло и теченіе у всѣхъ рѣчекъ одинаковаго свойства; всѣ имѣютъ каменное дно, плоскіе берега и котловинистыя русла. Ширина ихъ не выше одной сажени, а глубина нѣсколько дюймовъ. Лощины рѣчекъ отлогія и ровныя, но ширина ихъ рѣдко болѣе 50 сажень; хорошіе луга, кустарники и перелѣски встрѣчаются часто. Плоскіе увалы, раздѣляющіе лощины рѣчекъ, обращаютъ къ нимъ крутые ска-ты; обрывы рѣдки.

Рѣчки: *Урманъ-ели* и притокъ ея *Уллу-тау-ели, Кыска, Капчикъ, Малый и Большой Алабайталъ, Джиллигал* и *Мибай*. Вытекаютъ нѣсколькими источниками съ восточныхъ скатовъ горъ *Юанъ-тапканъ* и *Капчикъ-тау*; оканчиваются въ лощинѣ Сюряна, не доходя до самаго русла. Котловинистое русло имѣетъ иловатое дно и много подводныхъ камней; берега плоскіе, частію тонкіе. Глубина и ширина рѣчекъ незначительныя: первая не выше одного фута, послѣдняя не болѣе сажени; теченіе быстрое. Лощины обставлены съ обѣихъ сторонъ возвышенными отрогами, отходящими отъ горы *Капчикъ*. Ширина лощины отъ 1 до 2 верстѣ, подошва же не шире 20 сажень; мѣстами топка и поросла листовымъ лѣсомъ; въ низменныхъ мѣстахъ находятъ хорошіе луга.

Рѣка *Малый Сюрянъ* (см. далѣ).

Рѣчки: *Асси-ели* и *Зирикля*. Небольшіе ручейки, вытекающіе съ западныхъ и восточныхъ скатовъ горы *Кама-тау*, впадаютъ въ Большой Сюрявъ однимъ устьемъ; имѣютъ глинисто-песчаное и частію топкое русло, плоскіе болотистые берега и незначительное теченіе. Неширокія лощины покрыты рѣдкимъ кустарникомъ и посредственными лугами.

Въ рѣку Сюрянъ впадаютъ съ лѣвой стороны:

Рѣчки: *Асси-баръ, Большой и Малый Калдыкъ*. Вытекаютъ изъ отлогихъ лощинъ со скатовъ плоской возвышенности, раздѣля-

юшей долину Урмаць-зилавра отъ долины Сюряна; текутъ по общему направленію отъ востока на западъ, и вливаются каждаю однимъ устьемъ въ рѣку Большой Сюрянь. Небольшіе ручейки Асси-баръ и Калдыкъ текутъ въ началѣ по шловатому дну между низменными берегами, далѣе они болѣе и болѣе углубляются, русло становится каменнымъ и покатымъ, отъ чего вода получаетъ быстрое теченіе. Близъ вершинъ лощины рѣчекъ отлогія и тонкія, далѣе суживаются крутыми и обрывистыми скатами высотъ, кои съ обѣихъ сторонъ тянутся въ видѣ возвышенныхъ уваловъ. Подошва лощины болшею частію сухая и отлогая, рѣдко шире 20 сажень; лѣса и луга встрѣчаются по всему теченію ручейковъ.

Рѣчка *Тытауръ* или *Увантай*. Начинается однимъ источникомъ въ отлогій лощинѣ на западномъ скатѣ увала, разделяющаго долину Большаго Сюряна отъ долины Урмаць-зилавра, течетъ отъ востока на западъ и впадаетъ въ рѣку Большой Сюрянь однимъ устьемъ. Въ шести верстахъ выше устья она удобна для сплава дровянаго лѣса. Имѣетъ близъ вершинъ шловатое дно и тонкіе берега; ниже русло становится ровнѣе, дно каменнымъ и берега возвышенными. Ширина увеличивается постепенно отъ 1 до 2 сажень, но глубина рѣдко превышаетъ 1 аршинъ. Теченіе воды быстрое; встрѣчаются часто пороги. Лощина имѣетъ общія свойства съ лощинами вышеописанныхъ рѣчекъ, съ тою разницею, что она нѣсколько шире. Въ рѣчку Увантай впадаютъ: съ правой стороны, притоки рѣчекъ Сываюртъ и Джувокъ-агачъ, съ лѣвой рѣчки Купай-изма и Уларъ-гиганъ. Всѣ они мелководные ручейки, протекающіе по отлогимъ и сухимъ лощинамъ, дно имѣютъ топкое и берега низменные.

Рѣчка *Бердшиъ*. Вытекаетъ нѣсколькими источниками изъ отлогихъ и тонкихъ лощинъ близъ Чувашской деревни Бердши-ямъ на старой Исецкой дорогѣ; течетъ отъ юговостока на сѣверо-западъ, и разливается однимъ устьемъ въ Большой Сюрянь. Она начинаетъ быть удобною для сплава дровянаго лѣса въ 10 верстахъ выше устья. Бердшиъ течетъ въ началѣ, въ видѣ незначительнаго ручейка, по глинисто-песчаному дну, между отлогими и частію топкими берегами. Ниже деревни Бердши-ямъ, русло ея болѣе и болѣе увеличивается, такъ что обыкновенная его ширина отъ 2 до 6 сажень; глубина въ началѣ не превышаетъ одного фута, далѣе же болѣе одного аршина; берега возвышаются также

и образуютъ въ исходящихъ изгибахъ небольшіе яры въ аршинъ высоты. Многіе пороги и значительная покатость два приводятъ водѣ быстрое теченіе. Отлогая и ровная лощина Бердяша обставлена съ начала длинными покатостями возвышенныхъ уваловъ, но принимаетъ постепенно видъ глубокаго оврага, пролегающаго между высокими утесами. Подошва лощины сухая и ровная, ширина ея отъ 50 до 200 сажень; хорошіе луга находятся въ низменныхъ мѣстахъ, ежегодно наводняющихся полыми водами; кустарники и перелѣски встрѣчаются часто. Въ Бердяшъ впадаютъ: съ правой стороны, рѣчки: Кутай, Джирасъ-гванъ, Кыйратъ, Ильчи-бярванъ и Бурлагъ-елги; съ лѣвой, рѣчка Уртайръ-елга. Онѣ всѣ сходны съ прочими притоками Сюряна.

Рѣчки: *Карсаклы* съ притоками *Измабаръ-тиры* и *Кую-бара*, *Аккундузъ*, *Арту* и *Зиргаишъ*. Имѣютъ вершины свои въ отлогихъ лощинахъ на возвышенности, отдѣляющей долину Емашлы отъ долины Большаго Сюряна. Течутъ всѣ отъ востока на западъ и впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ рѣку Сюрянь. Русло ручейковъ имѣетъ каменистое и котловинистое дно, плоскіе возвышенные берега; ширина и глубина незначительныя. Теченіе прерывается многими перекатами, по которымъ вода стремится быстро. Плоскіе, но крутые отроги, сопровождающіе теченіе рѣчекъ съ обѣихъ сторонъ, находятся въ началѣ очень близко другъ отъ друга, къ устьямъ же они болѣе расходятся, такъ что подошвы рѣчныхъ лощинъ расширяются на 150 сажень; они большею частію отлоги и поросли кустарникомъ.

Рѣчка *Емашла*. Вытекаетъ двумя источниками на сѣверныхъ скатахъ плоской возвышенности, между Большимъ Сюряномъ и вершиною Касмарки. Течетъ отъ востока на западъ и впадаетъ въ Большой Сюрянь однимъ устьемъ, выше долины Кугарчиной. Отъ соединенія вершинъ рѣчка Емашла имѣетъ ровное каменистое русло, быстрое теченіе и плоскіе берега. Во время весенняго полноводія она удобна для сплава дровянаго лѣса версты на три выше устья. Лѣтомъ ширина и глубина ея незначительная: первая рѣдко болѣе 3 сажень, вторая не свыше аршина. Версть на 10 отъ вершинъ рѣчка Емашла протекаетъ въ узкомъ оврагѣ между крутыми и утесистыми покатостями. Подошва оврага отлогая и изрыта многими ямами и углубленіями. Ближе къ устью лощина расширяется сажень на 300; она обставлена съ обѣихъ сторонъ высокими и крутыми отрогами известковыхъ горъ. По-

дошва лощины тутъ отложе и ровнѣе; она покрыта близъ береговъ листовнымъ лѣсомъ и имѣетъ хорошіе луга. Въ Емашлу впадаютъ: справа, рр: Султанъ-гиганъ, Кучукъ-узлахъ, Мойлы и Зиргаишъ; съ лѣвой рр: Болькылы, Сагъ-елгш, Болькы-боръ, Казанъ-берганъ, Башъ-коршаги, Ембетъ и Корабашъ.

Рѣчки: *Кизаякъ, Карамалъ, Кара-агачъ, Тяки-турманъ* и *Кай-раклы*. Небольшіе ручейки, вытекающіе у сѣверныхъ подножій известковыхъ горъ, между Большимъ Сюряномъ и Ускалыкомъ; впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ Большой Сюрянъ. Они очень мелководны, имѣютъ каменисто-песчаное русло и плоскіе берега. Лощины ручейковъ нешироки и отлоги. Въ низменныхъ частяхъ ея находятся хорошіе луга.

Рѣка Малый Сюрянъ.

Вытекаетъ четырьмя небольшими ручейками съ западныхъ скатовъ плоской возвышенности, раздѣляющей долины рѣкъ Сакмары и Ика; она протекаетъ частыми извилинами по общему направленію отъ сѣверовостока на югозападъ, и впадаетъ однимъ устьемъ въ Большой Сюрянъ. Отъ точки соединенія ручейковъ, образующихъ вершины Малаго Сюряна, русло ея пролегаетъ по узкому и крутому оврагу, обставленному съ обѣихъ сторонъ утесистыми скатами плоской возвышенности; подошва оврага рѣдко шире 50 сажень. По причинѣ песчано-каменистой почвы она не очень изобилуетъ лугами и поросла большею частію смѣшанно-лиственнымъ лѣсомъ. Отъ устья рѣки Акъ-таша лощина Малаго Сюряна ограждается крутыми отрогами известковыхъ хребтовъ, пересѣкающихъ теченіе ея и образующихъ весьма значительныя тѣснины противъ устья рѣчки Азаклы, между деревнями Бекбердиной и Аккундушемъ, а послѣднюю близъ деревни Биккужиной; въ прочихъ мѣстахъ постоянная ширина рѣчной лощины около одной версты.

Рѣка Малый Сюрянъ течетъ по ровному и каменистому руслу между плоскими берегами, обросшими листовнымъ лѣсомъ. Весною она разливается, одновременно, по всему теченію, около 10 Апрѣля, и затопляетъ низменныя части рѣчной лощины на значительное разстояніе. Полноводіе продолжается не болѣе 10 дней, послѣ чего вода опять входитъ въ русло. Заливныя мѣста высыхаютъ скоро, вода застаивается ненадолго въ ямахъ и рыт-

впавахъ близъ береговъ. Лѣтомъ вода убываетъ до того, что рѣка дѣлается во всякомъ мѣстѣ удобопроходимою въ бродъ. Быстрота теченія очень неровная и зависитъ отъ большей или меньшей покатости дна; въ средней сложности она протекаетъ пять саженъ въ одну минуту. По Малому Сюрюну возможенъ сплавъ дровянаго лѣса отъ устья рѣки Сіуртаганъ.

Въ рѣку Малый Сюрянъ впадаютъ съ правой стороны:

Рѣчки: *Сырымбетъ-ели, Курумалки, Сеймуль-ели, Сіурташъ, Сукуръ-сартъ, Какмакъ и Азаклы*. Берутъ начало свое отъ соединенія нѣсколькихъ отлогихъ топкихъ лощинъ на плоской возвышенности, раздѣляющей долину Малаго Сюряна отъ долины Ургена; текутъ всѣ отъ сѣверозапада на юговостокъ и впадаютъ въ Малый Сюрянъ однимъ рукавомъ. Текутъ въ началѣ по глинистому, а далѣе по каменисто-песчаному грунту; имѣютъ котловинистое русло, плоскіе берега и незначительное теченіе; подводные камни и наносы образуютъ частые пороги и быстротки. Глубина и ширина рѣчекъ незначительныя: первая рѣдко превышаетъ поларшина, вторая отъ 5 до 10 футовъ. Узкія лощины рѣчекъ пролегаютъ между крутыми скатами прилежащихъ уваловъ и хребтовъ; онѣ большею частію покрыты кустарниками и молодымъ лѣсомъ, въ особенности близъ самаго русла; въ лощинахъ Сукуръ-сарата, Какмака и Азаклы находятся превосходныя луговныя мѣста.

Рѣчки: *Тирекля, Уллу-ели, Куруль-ели, Сунуръ-ели, Сарай-ели, Кушъ-уй, Мяскау и Кара-ать-джизанъ*. Вытекаютъ нѣсколькими источниками у восточныхъ подножій известковаго хребта, раздѣляющаго долину Ика отъ долины Сюряна, и впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ Малый Сюрянъ. Нѣкоторые изъ ручейковъ не имѣютъ постоянного теченія и высыхаютъ среди лѣта, другіе хотя имѣютъ теченіе въ продолженіе всего года, но также мелководны. Имѣютъ каменистое русло и плоскіе берега, глубина и ширина ручейковъ очень незначительная. Съ обѣихъ сторонъ лощинъ находятся высокія и крутыя горы, отстоящія другъ отъ друга на разстояніи 1 и 2 версты. Пространство между подножіями имѣетъ отлогія покатости къ берегамъ и представляетъ отличнѣйшія луговныя мѣста. По берегамъ и въ сухихъ лощинахъ растутъ мелкіе лѣса и кустарники.

Въ рѣку Малай Сюрянъ впадаютъ съ лѣвой стороны:

Рѣчки: *Херашлы, Ашташъ и Карасаклы*. Составляютъ главные притоки рѣки Малаго Сюряна; начинаются нѣсколькими источниками на плоской возвышенности, разделяющей долину Малаго Сюряна отъ долины Большаго; текутъ по направленію отъ востока на западъ, и впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ Малай Сюрянъ. Ширина русла отъ 1 до 5 сажень, глубина отъ 1 до 4 футовъ. Имѣютъ каменистое дно, плоскіе берега и быстрое теченіе. Въ 2 или 5 верстахъ выше устьевъ они удобны для сплава дровянаго лѣса, въ особенности рѣчка Ашташъ, по которой уже сдѣланъ опытъ. Лощины рѣчекъ обставлены крутыми, обрывистыми скатами сѣрвакковыхъ и глинистыхъ возвышеній; ровная подошва имѣетъ ширину отъ 40 до 100 сажень; молодые деревья и кустарники растутъ преимущественно близъ береговъ по заливнымъ мѣстамъ; кромѣ многихъ безименныхъ ручейковъ, рѣчка Ашташъ принимаетъ притокъ Уллу-елги.

Рѣчки: *Ширпанъ-уй, Турай, Джиллю и Сасыкъ*. Вытекаютъ нѣсколькими источниками со скатовъ горъ Котикъ и Юнь-тиканъ. Текутъ отъ востока на западъ и впадаютъ въ рѣку Малай Сюрянъ однимъ устьемъ. Проходя въ горномъ странствѣ, онѣ имѣютъ быстрое теченіе, каменистое русло и крутое дно; но првближаясь къ лощинамъ Малаго Сюряна, онѣ частію теряются въ небольшихъ болотистыхъ лощинахъ, частію протекаютъ медленно, по иловатому дну, между топкими берегами. Высокіи крутые отроги горъ тянутся въ началѣ по обѣимъ сторонамъ рѣчекъ въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи. Не доходя однако версты двѣ до Малаго Сюряна, онѣ понижаются отлогими и широкими скатами; подошва лощинъ вездѣ узкая и неровная, въ нныхъ мѣстахъ находятя хорошіе луга.

Описание рѣчекъ, впадающихъ въ рѣку Уралъ съ *правой* стороны:

Рѣчка *Худалазъ* (по-Башкирски *Тюялестъ*).

Рѣчка *Худалазъ* вытекаетъ шестью небольшими ручейками съ восточныхъ скатовъ хребта Ирындыка; примѣчательнѣйшія изъ нихъ: Куся, на которой устроены золотопромывательные станки компаніи Генералъ-Лейтенанта Жемчужникова, и рѣчка Катыша, вытекающая у подножіи горы Сыкертмы-тау. Прочія вершины Худалаза носятъ общее назва-

ніе Тюляжъ и соединяются въ одно русло, ниже деревни Мукасовой. Рѣка Худалазъ течетъ отъ сѣверозпада на юговостокъ до вѣрности Кизильской, гдѣ вливается однимъ устьемъ въ рѣку Уралъ; дно имѣетъ мѣстами шловатое, мѣстами каменистое; низменные, тонкіе берега покрыты мелкимъ кустарникомъ. Теченіе воды въ началѣ быстрое, но по выходѣ изъ горъ оно становится медленнѣе; русло расширяется постепенно и принимаетъ видъ степной рѣчки, представляющей рядъ проломоватоузкихъ озеръ, соединенныхъ неглубокими потоками. Вода хорошая, и въ озерахъ водится множество рыбъ, какъ то: караси, щуки, окуни и т. п. Весною рѣчка Худалазъ разливается около 15 Апрѣля; поповодіе продолжается не болѣе 10 дней, но вислолько не способствуетъ къ сплаву лѣса. Заливныя мѣста орошаются лѣтомъ посредствомъ отводныхъ канавъ, отъ чего они болшею частію топкія и болотисты, но доставляютъ Башкирцамъ большое количество сѣна.

Ручейки, составляющіе вершины Худалаза, раздѣляются между собою высокими и крутыми отрогами хребта Иртыдыка, отстоящими другъ отъ друга не болѣе трехъ верстѣ. Ниже деревни Ахмеровоіи лощина Худалаза суживается двумя острыми хребтами, простирающимися перпендикулярно къ ея теченію; по выходѣ изъ тѣснины, рѣчная лощина Худалаза ограничивается отлогими возвышеніями, отдѣляющими ее отъ долины рѣчекъ Кизила и Уртазыма. Въ Худалазъ впадаетъ съ правой стороны степной ручей Мукасъ-елги, а съ лѣвой двѣ сухія лощины Япрыклы и Карыбаръ.

Рѣка *Большой Уртазымъ* (по-Башкирски *Уртазымъ*).

Вытекаетъ многими топкими ручейками у подножіи горы Каштау; главныя вершины составляютъ ручейки Исамбетъ, Куперниа и Тройкасканъ, которыя по соединеніи образуютъ настоящее русло Уртазыма. Она протекаетъ верстѣ около 40, отъ сѣвера на югъ, поворачиваетъ потомъ на востокъ и впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Уралъ близъ Уртазымской вѣрности. Дно рѣки состоитъ изъ чернаго ила, изрыто многими ямами и углубленіями; вода имѣетъ, во многихъ мѣстахъ, теченіе подъ землю и образуетъ на поверхности русла топкія и кочковатыя болота; отъ устья же Юлуя она принимаетъ видъ непрерывнаго и быстрого потока, имѣющаго плоскіе и частію тонкіе берега.

Рѣка Уртазымъ разливается обыкновенно въ половинѣ Апрѣля,

вода; прибывая быстро и одновременно по всему течению, достигает наибольшей высоты отъ одного до двухъ аршинъ надъ обыкновеннымъ уровнемъ и убываетъ потомъ столь быстро, что рѣка, по истеченіи 10 дней, входитъ въ старое русло. Заливныя мѣста частію сухія, частію топкія, въ особенности тамъ, гдѣ проведены водопроводныя канавы для наводненія луговъ.

До устья рѣчки Юлуя лощина Уртазыма узкая и гористая; высокіе, крутые отроги Ирындыка тянутся параллельно ея течению въ 2 или 3 верстахъ отъ береговъ; боковые отроги, отходящіе отъ главныхъ вѣтвей, оканчиваются высокими горами близъ самаго русла рѣчки и образуютъ нагорные ея берега. Отъ устья Юлуя течение Уртазыма постепенно отклоняется отъ хребта Ирындыка, лощина расширяется саженъ на 300 и становится отложе и ровнѣе.

Въ рѣку Большой Уртазымъ впадаютъ *справа*:

Рѣчка *Шурялы*. Имѣетъ вершину въ возвышенной и кочковатой лощинѣ на южномъ скатѣ горы Кушъ-тау. Небольшой ручеекъ, имѣющій иловатое дно, низменные берега и топкую узкую лощину, перерѣзанную въ разныхъ направленіяхъ водопроводными канавами, впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Уртазымъ у деревни Бахтигиреевой; кромѣ незначительныхъ лощинъ, другихъ притоковъ не имѣетъ.

Рѣчка *Бурлы*. Вытекаетъ нѣсколькими лощинами со скатовъ горъ Большой и Малой Байчура-тау. Течетъ сначала по иловатому и топкому дну между плоскими берегами. Лощина обставлена справа крутыми отрогами горы Байчуры, слѣва горами Улу и Карамалы-тау; по выходѣ изъ горъ она принимаетъ видъ степнаго ручейка,—рядъ продолговатыхъ озеръ, соединенныхъ небольшими рытвинами; лощина обставлена длинными и отлогими скатами возвышеній, отдѣляющихъ ее отъ долины Карамалы. Въ лощину рѣчки Буралы впадаетъ множество сухихъ и отлогихъ лощинъ. Она вливается однимъ устьемъ въ Уртазымъ.

Рѣчка *Карамалы*. Вытекаетъ нѣсколькими топкими лощинами у подножій Малаго Байчура и Зоръ-болта-тау. Имѣетъ иловатое дно, плоскіе обрывистые берега, русло до выхода изъ горъ ровное, далѣе же котловинистое. Лощина обставлена справа отрогами горъ Улу и Карамала-тау, слѣва подножіями горъ Аба

и Бердакой. Впадаетъ однимъ устьемъ въ Уртазымъ. По выходѣ изъ горнаго пространства, она принимаетъ вѣсколько ручейковъ и сухихъ лощинъ, изъ первыхъ самыя замѣчательныя—рѣчки Туртокой и Урема.

Рѣчка *Тулбай*. Вытекаетъ у подножіи горы Кусякъ, отъ которой идетъ по направленію къ востоку и впадаетъ однимъ сухимъ устьемъ въ Уртазымъ. Имѣетъ до выхода изъ горъ ровное русло, вловатое и частью каменистое дно, плоскіе берега и узкую, крутую лощину; далѣе она принимаетъ характеръ степнаго ручейка, въ которомъ сообщеніе между плесами прекращается среди лѣта. Сухая лощина обставлена слѣва отлогими подножіями горъ Акъ-кушъ и Бикберды, справа крутымъ отрогомъ, отходящимъ отъ горы Бойгужы. Прямѣчательнѣйшія изъ притоковъ рѣчки: Зилбашъ и Бойгужа-сазъ.

Рѣчка *Муни*. Вытекаетъ нѣсколькими топкими лощинами у подножіи горъ Зилбашъ, Кусякъ и Суурголь. Впадаетъ въ Уртазымъ однимъ устьемъ, которое обыкновенно высыхаетъ лѣтомъ. Отлогая лощина обставлена подножіями горъ Зилбаша и Суурголь. Вода высыхаетъ въ началѣ лѣта и образуетъ на днѣ русла кочковатыя топя. Вся лощина обросла мелкимъ кустарникомъ.

Рѣчка *Малый Уртазымъ*. Вытекаетъ изъ возвышенной и топкой лощины у подножіи горы Бойдагуль. Течетъ по направленію отъ юга на сѣверъ и впадаетъ въ Большой Уртазымъ однимъ устьемъ. По свойствамъ она сходна съ степными ручейками; русло состоитъ изъ множества продолговатыхъ плесовъ. Вдоль лощины тянутся невысокіе увалы въ разстояніи полверсты. Въ Малой Уртазымъ впадаютъ топкія лощины Киндерин, Агреръ-отканъ и Козя-тыль.

Рѣка Таналыкъ.

Начинается небольшимъ ручейкомъ изъ озера Толкача; течетъ на протяженіи 120 верстъ отъ сѣвера на югъ, до деревни Байкачкаровой, гдѣ поворачиваетъ на сѣверовостокъ; слѣдуя по сему направленію до хутора деревни Ямагузвонной, она перемѣняетъ теченіе, поворачивая къ юговостоку и протекая далѣе по сему направленію до крѣпости Таналыцкой, у которой вливается однимъ устьемъ въ рѣку Уралъ.

Русло Таналыка представляетъ въ началѣ топкое, кочковатое

болото, по которому вода не имеет постоянного течения. Ниже деревни Абулминевой она принимает вид степного ручья, коего котловинное русло состоит из продолговатых озер, соединенных между собою неширокими потоками. От устья рѣки Бузаулька озера увеличиваются и получают значительное протяженіе въ длину и ширину. Размѣры русла весьма различны; встрѣчается мѣстами ширина болѣе 10 сажень, а также есть мѣста, гдѣ она не превышаетъ полусажени; глубина также не одинакова. Дно имѣетъ по большей части юватый, тонкій грунтъ; по всему теченію встрѣчаются большіе лшмовые и зелевокаменные отломки, снесенные теченіемъ воды съ окрестныхъ горъ. Плоскіе, топкіе берега обросли рѣдкимъ кустарникомъ и камышемъ. Быстрота теченія въ сложности незначительна, въ особенности лѣтомъ, когда сообщеніе между многими плесами вовсе прекращается. Весеннее половодіе начинается въ половинѣ Апрѣля, вода прибываетъ быстро въ продолженіе трехъ или четырехъ дней, выступаетъ изъ береговъ и наводняетъ часть лощины на нѣкоторое пространство; время разлива продолжается не болѣе недѣли, по истеченіи которой вода опять входитъ въ русло. Заливные мѣста высыхаютъ скоро и представляютъ отличнѣйшія луговые мѣста; въ ямахъ и рывѣвахъ вода застаивается долго и многія наполнены ею круглый годъ.

По всей лощинѣ Таналяка находится множество соловцевъ, придающихъ водѣ нѣсколько солоноватый вкусъ, впрочемъ она годна для питья и изобилуетъ рыбою, какъ то; нараслами, щуками, окунями, линями, налимами. Рѣчная лощина Таналяка ограничивается съ правой стороны хребтомъ Сакъ-тау, простирающимся верстъ тридцать параллельно ея теченію и отстоящимъ не болѣе трехъ верстъ отъ ея береговъ. Далѣе, хребты Уварамъ, Шейнакъ и Сейтъ-тау составляютъ западный предѣлъ лощины; они хотя и отклоняются болѣе отъ рѣки, но отдѣляютъ къ ней множество боковыхъ отроговъ, оканчивающихся высокими предгоріями у самаго русла. Отъ устья рѣки Бузаулька мѣстность принимаетъ характеръ плоской возвышенности; отлогіе скаты ея къ Таналяку перерѣзаны неглубокими лощинами. На теченіи своемъ отъ деревни Байкачкаровой до хутора деревни Ямагузиной, нагорные берега Таналяка представляютъ отдѣльно стоящія высокія горы.

Съ лѣвой стороны лощина Таналыка обетавлена, отъ озера Толкача до устья Бузаулыка, западными отрогами хребта Иривдыка, оканчивающимися каменистыми предгоріями въ одной верстѣ отъ береговъ; они образуютъ съ отрогами хребтовъ Уварашъ, Шейнякъ и Сейтъ-тау тѣснины, чрезъ которыя воды Таналыка постепенно могли открыть себѣ проходы. Главныя тѣснины находятся у деревни Адильбаевой; гдѣ гора Ильснбикка-тау и отрогъ хребта Сокъ-тау заграждаютъ болотистую часть лощины Таналыка. Ниже деревни Бурабаевой, лощина сужена горою Тюлькюли-тау и отрогомъ горы Уварашъ-тау. Последнюю тѣснину образуетъ боковая вѣтвь, отходящая отъ горы Сейтъ-тау и съ противоположной стороны отрогъ горы Кунакай. Впрочемъ лощина Таналыка отлога и мѣстами болотиста, въ особенности близъ устьевъ горныхъ ея притоковъ; отличныя луговья мѣста и небольшіе перелѣски встрѣчаются по всему ея теченію.

Въ рѣчку Таналыкъ впадаютъ съ *правой* стороны:

Рѣчки: *Уварашъ, Ширмай-сазъ, Мембетей и Армль-даукъ*. Вытекаютъ низменными и кочковатыми лощинами со скатовъ хребта Уварашъ-тау, текутъ къ востоку на протяженіи отъ 3 до 5 верстъ и впадаютъ въ Таналыкъ, каждая однимъ сухимъ устьемъ. Имѣютъ низменные плоскіе берега, шоватокаменистае, ровное дно; лощины ручейковъ образуются отлогими и невысокими отрогами, отходящими отъ хребта Уварашъ-тау; скаты ихъ перерѣзаны неглубокими лощинами, впадающими въ русла главныхъ ручейковъ.

Рѣчка *Бузаулыкъ*. Вытекаетъ въ низменной лощинѣ у подножіи горы Тукралъ-тау, имѣетъ протяженіе верстъ на 40 отъ сѣвера на югъ, и впадаетъ въ Таналыкъ однимъ устьемъ, близъ хутора деревни Килъцовбаевой. Русло имѣетъ котловинистое, какъ вообще всѣ степные ручейки; озера и плесы соединяются небольшими ручейками. Низменные берега обросли камышемъ и кустарникомъ; встрѣчаются часто солонцы, отъ коихъ вода имѣетъ вкусъ нѣсколько солоноватый. Къ лощинѣ Бузаулыка прикинута съ правой стороны, отлогими покатосями, плоская возвышенность, отдѣляющая долину Сакмары отъ долины Таналыка; слѣва подножія горы Камя-тау, Айдоръ-Сунка, Толявай-коскона, а ниже возвышенный хребетъ, составляющій юж-

ную оконечность хребтовъ Шейнякъ и Сейтъ-тау. Въ Бузау-лыкѣ впадаютъ: справа, рѣчки: Зириклы, Улу, Белекей, Бузау-лыкѣ, Камышь-узакъ Куруаюлы, Аюлы; слѣва, ручейки: Сур-талъ-Узакъ и Бурулга.

Рѣчки: *Зирень-Аючь, Карсаклы и Тирлямышъ*. Вытекаютъ съ восточныхъ скатовъ возвышенности между Сакмарою и Танаалыкомъ, протекаютъ по направленію къ юговостоку и впадаютъ въ Танаалыкъ, каждая однимъ устьемъ. Теченіе имѣютъ непостоянное, по причинѣ котловинистаго русла, въ которомъ вода скопляется небольшими озерами среди лѣта; сообщеніе между ними прекращается и ручьи превращаются въ топкую лощину, поросшую травою, камышемъ и кустарникомъ. Лощина рѣчекъ образуется отлогими покатостями плоской возвышенности, по которымъ онѣ протекаютъ.

Въ рѣку Танаалыкъ впадаютъ съ лѣвой стороны:

Рѣчки: *Шууръ, Караузакъ, Куру-ели, Боталъ-сазъ, Актушь, Караайлысазъ, Тукмакъ, Акминды, Таллы-узакъ, Ташъ-китъ, Абдулминъ, Карсына и Бакирузакъ*. Вытекаютъ возвышенными широкими и болотистыми лощинами съ западныхъ скатовъ Ирындыка. Направленіе имѣютъ по большей части отъ востока на западъ и вливаются въ Танаалыкъ болотистыми устьями, кои пересыхаютъ лѣтомъ. Въ началѣ своемъ всѣ имѣютъ теченіе быстрое, каменистое дно и плоскіе берега, ближе къ устьямъ дно становится иловатымъ, паденіе его уменьшается и все русло принимаетъ видъ болотистой лощины. Лощины ручейковъ образуютъ въ началѣ возвышенную болотистую поляну, въ которой сосредоточивается множество второстепенныхъ лощинъ; она обставлена высокими крутыми отрогами Ирындыка, отстоящими другъ отъ друга не болѣе какъ версты на двѣ. По мѣрѣ удаленія отъ вершинъ, лощины ручейковъ углубляются и суживаются крутыми скалистыми подножiami его отроговъ. Низменныя части лощинъ изобилуютъ хорошими лугами.

Рѣчки: *Шуръ-узакъ, Исмаиль-узакъ и Юлаки*. Вытекаютъ также изъ болотистыхъ лощинъ со скатовъ хребта Тюлкюш-ташъ-тау.

Рѣчки: *Тамя-тюбл-узакъ, Караайлы-узакъ, Айры-сазъ, Санкымъ-узакъ и Су-узакъ*. Вытекаютъ отлогими топкими лощинами съ западныхъ скатовъ возвышенностей, составляющихъ про-

долженіе Ирдыка, текутъ на западъ и впадаютъ сухими устьями въ Таналькъ. Русло имѣютъ отлогое и котловинистое, берега и самое дно по большей части топкія и устланы каменными отломками. Лощины ручейковъ отлогія и сухія; они обставлены отлогими скатами плоскихъ уваловъ, отходящихъ отъ главныхъ возвышеній.

Рѣчка Макана. Вытекаетъ тремя источниками у подножій возвышенностей, раздѣляющихъ долину Таналька отъ долины Урала. Имѣетъ теченіе отъ сѣвера на югъ и впадаетъ однимъ устьемъ въ Таналькъ выше деревни Исангуловой. Течетъ по котловинистому руслу небольшими озерками; имѣетъ плоскіе берега, обросшіе рѣдкимъ кустарникомъ и камышемъ; дно большею частію топкое, а грунтъ мѣстами глинистый, мѣстами песчаный. Лощина обставлена отлогими и длинными покатолями возвышеній, отдѣляющихъ воды Макана отъ водъ Таналька и Урала: Ширина подошвы отъ 20 до 100 сажень, она суха и обросла хорошимъ ковылемъ. Въ Макана впадаетъ небольшой степной ручей Пыгвизъ-кайнъ.

Рѣка Большая Губерля.

Вершины ея образуютъ нѣсколько топкихъ и отлогихъ лощинъ, имѣющихъ начало свое на южныхъ скатахъ плоской возвышенности между рѣками Сакмарою и Ураломъ. По соединеніи главныхъ лощинъ (именуемыхъ аячлы): Губерля, Мрязъ-аурганъ и Аби-ульганъ, общее ихъ русло составляетъ рѣку Большую Губерлю, текущую сначала по юговостоку до устья рѣки Сухой Губерли, далѣе она поворачиваетъ на югозападъ и продолжаетъ теченіе свое по сему направленію до Губерлинской крѣпости, близъ которой впадаетъ въ рѣку Уралъ однимъ устьемъ.

Русло рѣки Губерли находится сначала въ отлогій, неглубокой лощинѣ, имѣющей видъ неширокой впадины; по мѣрѣ удаленія отъ вершинъ она постепенно расширяется и углубляется до того, что образуетъ широкій и крутой оврагъ.

Подошва лощины представляетъ отлогую равнину, шириною отъ 50 до 200 сажень; на ней встрѣчаются хорошія луговья мѣста, покрытыя мелкимъ кустарникомъ. Ближе къ руслу она изрыта большими углубленіями и ямами, образованными теченіемъ воды во время полноводія; многія изъ нихъ наполнены водою и образуютъ продолговатыя озера, въ особености часто

на пространствѣ между деревнею Байгазаковою и устьемъ Сухой Губерли. Вода прорываетъ иногда сообщеніе между этими озерами и образуетъ небольшіе рукава, которые часто превращаются въ настоящія русла.

Быстрота теченія въ началѣ незначительна, но по мѣрѣ увеличенія количества воды, она усиливается и даетъ рѣкѣ Губерлѣ характеръ быстрого горнаго потока. Глубина рѣки не вездѣ одинаковая и зависитъ большею частію отъ качества грунта, по которому она протекаетъ. Въ первой половинѣ ея теченія, глинисто-песчаное дно изрыто многими котловинистыми углубленіями, имѣющими глубину отъ нѣсколькихъ футовъ до одной сажени; во второй же половинѣ оно ровнѣе и покрыто большею частію каменными отломками; глубина воды здѣсь рѣдко выше 4 футовъ, а ширина не болѣе 3 сажень.

Весенній разливъ начинается обыкновенно въ началѣ Апрѣля; отъ скорого таянія снѣговъ на прилежащихъ возвышенныхъ степяхъ вода прибываетъ быстро, выступаетъ изъ береговъ и наводняетъ низменные части лощины. По прошествіи 3 или 5 дней она опять уходитъ въ русло и понижается въ продолженіе 1½ недѣли до обыкновеннаго уровня. Вода хороша и въ ней водятся рыбы: щуки, яны, налимы, сабоки и пеструшки (форели).

Въ рѣку Губерлю впадаютъ съ *правой* стороны:

Рѣчка *Зирганшъ*. Вытекаетъ двумя отлогими лощинами у восточныхъ скатовъ возвышенности, отдѣляющей вершины Губерли отъ вершинъ Курагана; течетъ по направленію къ юговостоку и впадаетъ въ Большую Губерлю устьемъ. Идетъ въ началѣ по болотистому руслу, въ которомъ вода застаивается въ небольшихъ плесахъ; ниже русло ея постепенно углубляется, дно становится каменистымъ и вода принимаетъ быстрое теченіе. По мѣрѣ углубленія русла, лощина Зирганша принимаетъ видъ оврага, имѣющаго въ ширину отъ 20 до 250 сажень; подошва его образуетъ отлогую ровную полосу, обросшую луговыми травами и мелкимъ кустарникомъ. Бока оврага изрыты многими сухими лощинами; изъ нихъ главныя: Аю-сазъ и Яманъ-сазъ.

Рѣчки: *Калмакъ-караулъ*, *Бзау*, *Кузаканъ*, *Ускунъ*, *Итъ-сура*, *Джиракля*, *Бугъ-джимя*, *Караганка* и *Райманъ*. Начинаются нѣсколькими лощинами изъ восточныхъ скатовъ возвышенности, отдѣляющей долину Чебаклы отъ Большой Губерли; текутъ всѣ

къ востоку и оканчиваются сухими устьями въ лощинѣ Губерли. Имѣютъ по большей части сухія русла, въ конхъ ключевыя воды образуютъ мѣстами кочковатыя топи; подошва лощинѣ представляетъ хорошія покосныя мѣста. Лощинѣ по мѣрѣ приближенія къ устью образуютъ довольно крутые овраги, бока коихъ взрыты многими второстепенными лощинами.

Рѣчки: *Чебаклы* и *Каялы*. Вытекаютъ нѣсколькими болотистыми лощинами на восточныхъ скатахъ возвышеній, отдѣляющихъ вершины Кургана и Бляу отъ долины Губерли. Протекаютъ обѣ отъ сѣвера на югъ и впадаютъ каждая однимъ устьемъ въ Губерлю, первая у самой Губерлинской крѣпости, вторая въ 15 верстахъ выше. Русло, теченіе и лощины во всѣхъ отношеніяхъ сходны съ рѣчкою Зарганшемъ. Въ Каялу впадаютъ, кромѣ множества незначительныхъ сухихъ лощинъ и овраговъ, рѣчка Малая Каяла, имѣющая вершины свои 6 верстами ниже вершинъ Большой Каялы. Рѣчка Чебаклы принимаетъ также множество безименныхъ сухихъ лощинъ и овраговъ, имѣющихъ начало свое на плоской возвышенности между Губерлею и Сакмарою.

Въ рѣку Губерлю впадаютъ съ *лѣвой* стороны:

Рѣчки: *Доусьбай*, *Самакъ*, *Султанкай* и *Япалаклы*. Начинаются нѣсколькими топкими лощинами на западныхъ скатахъ плоской возвышенности, отдѣляющей рѣчку Большую Губерлю отъ Сухой Губерли. Русла составляютъ отлогія лощины, по которымъ стекаютъ дождевыя и снѣговыя воды со скатовъ возвышеній; лѣтомъ онѣ высыхаютъ и образуютъ отличныя луговыя мѣста. По мѣрѣ приближенія къ руслу Губерли лощины углубляются и принимаютъ видъ узкихъ овраговъ, конхъ скаты перерѣзаны многими сухими лощинами.

Рѣчки *Яланъ* или *Сухая Губерля*. Начинается нѣсколькими сухими лощинами на южныхъ скатахъ сырта, отдѣляющаго долину Губерли отъ долины Танаалыка; течетъ отъ сѣвера на югъ и впадаетъ однимъ устьемъ въ рѣку Большую Губерлю. По соединеніи овраговъ Куллукачи и Киранъ-кагана, ключевыя воды образуютъ нѣсколько болотистыхъ углубленій, отстоящихъ сначала въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга; ниже жъ плесы увеличиваются и соединяются небольшими ручейками. Грунтъ русла состоитъ изъ чернаго ила, смѣшаннаго гольками и камен-

ными отломками. Берега плоскіе, покрыты камышемъ и мелкими кустарникомъ. Лощина въ началѣ не шире 50 сажень и ограничивается отлогими скатами сыртовъ, отдѣляющихъ ее отъ Урала и Большой Губерли; ближе къ устьямъ она расширяется значительно и ограничивается скатами плоской возвышенности, кои ниже достигаютъ значительной крутизны. Подошва лощины перерѣзана многими впадинами и сухими рытвинами, по коимъ вѣроятно пролегало прежнее русло рѣки. По сторонамъ встрѣчаются хорошія нахатныя и луговыя мѣста. Въ Сухую Губерлю впадаетъ множество сухихъ овраговъ и лощинъ.

Ключи: *Султанъ, Берелъ, Прохорова* и *Кузмина*. Небольшіе каменные ключи, вытекающіе у подножій Губерлинскихъ отроговъ.

V.

ОПИСАНІЕ ДЕРЕВЕНЬ НА ПРОСТРАНСТВѢ МЕЖДУ РѢКАМИ:
ИКОМЪ, САКМАРОЮ И УРАЛОМЪ.

Большая часть деревень въ осматрѣнномъ мною пространствѣ расположены по луговымъ долинамъ рѣкъ: Ика и Сакмары. Онѣ представляютъ родъ постоянныхъ зимовокъ, въ коихъ Башкирцы проживаютъ часть осени и зимы, лѣтомъ же онѣ остаются пустыми и всѣ жители выходятъ съ своими стадами на дальнія кочевья.

Видъ Башкирской деревни не представляетъ ничего любопытнаго: дома обыкновенно расположены безъ всякаго порядка и правильности; около нихъ находятся хозяйственные постройки, состоящія изъ амбаровъ и хлевовъ, для помѣщенія скота; остальное же пространство занято конопляными огородами и навозными кучами. Большая часть домовъ башкирскихъ выстроены изъ лиственнаго лѣса, по немѣвнѣю соснового вблизи селеній. Преимущественно выбираютъ для построекъ липовыя и осиновыя бревна, потому что они легче и мягче прочихъ. Крыши строятся обыкновенно изъ лубковъ, бересты, соломы и жердей; одни дома богатыхъ покрыты тесомъ. Внутренняя отдѣлка домовъ также не очень тщательная: окна обклеиваютъ большею частію пузырями, а печи состоятъ изъ такъ называемыхъ шуваловъ, представляющихъ четырехугольный очагъ, отъ котораго проведена широкая прямая труба чрезъ крышу. Клева и конюшни строятся изъ жердей в лубковъ, въ видѣ обширныхъ, угольчатыхъ изгородовъ, раз-

дѣленныхъ на нѣсколько отдѣленій; они крыты жердями, на которыхъ наваливаютъ большія кучи сѣна и соломы. Въ этомъ видѣ выстроены всѣ слѣдующія башкирскія деревни на пространствѣ между рѣками Икомъ, Сакмарою и Ураломъ:

На лѣвомъ берегу рѣки Большаго Ика находятся:

Деревня Мурадымова. 20 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; въ ней 16 дворовъ, 37 душъ. Кочуютъ лѣтомъ на устьѣ рѣки Явашлы по рѣкамъ Кушъ-елги, Аксу-югалганъ, Уворы и по Большому Ику.

д. Юлдубаева. 19 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 65 дворовъ и 387 душъ. Кочуютъ на горѣ Кушъ-тау по рр. Увары, Яубурятъ, Ульганъ, Секасы и Большому Ику.

д. Тупчанова. 19 юрты, 19 кантона, той же волости; въ ней мечеть, кузница, 35 дворовъ, 173 души. Кочуютъ по рр. Сагрышъ, Карагай-елги, Майкѣ, Беркутѣ и Ику.

д. Ибраимова. 20 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 52 двора и 162 души.

д. Смакова, Красная Мечеть тожь, 21 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 30 дворовъ и 115 душъ.

д. Кашкарова. 22 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 21 дворъ и 98 душъ.

д. Якимбетова. 20 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 32 двора и 76 душъ.

д. Сейткулова. 20 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 70 дворовъ и 187 душъ.

д. Бикьева. 21 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 20 дворовъ и 81 душа.

д. Сапыкова. 20 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 29 дворовъ, 70 душъ.

Всѣ семь деревень кочуютъ на правой сторонѣ Большаго Ика по притокамъ рр. Наказа и Чебенъки; осенью же приближаются къ деревнямъ и кочуютъ тогда на пространствѣ между рѣками Икомъ и Инякомъ.

д. Мукаева. 18 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 60 дворовъ и 126 душъ.

д. Верхне и Нижне-Тюрбева. 18 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 2 мечети, 105 дворовъ и 295 душъ.

д. Мурсалеева. 18 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 32 двора, 148 душъ.

Всѣ три кочуютъ на правой сторонѣ Большаго Ика, по притокамъ рѣки Наказа и Чебенъки; осенью же приближаются въ деревнямъ и кочуютъ тогда на пространствѣ между рр. Икомъ и Инякомъ.

д. Максютова. 17 юрты, 9 кантова, той же волости; въ ней мечеть, 60 дворовъ и 304 души. Кочуютъ частію на правой сторонѣ Ика, частію же по рр. Иняку, Ургени, Сазалы, Джитебулякъ и по Ику.

д. Исламулова. 16 юрты, 9 кантона, той же волости; находится на р. Маломъ Ику; въ ней мечеть, 126 дворовъ и 377 душъ. Кочуютъ на правой сторонѣ Ика.

На р. Маломъ Икѣ находятся:

д. Бикбулатова. 22 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 49 дворовъ и 213 душъ. Кочуютъ по верхнимъ притокамъ Большаго и Малаго Иковъ.

На р. Инякъ:

д. Нукаева. 19 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; въ ней мечеть, 37 дворовъ и 189 душъ.

д. Тюкатова. 19 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 56 дворовъ и 189 душъ.

д. Бастубаева. 19 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, мельница, 25 дворовъ и 147 душъ.

Кочуютъ всѣ три вмѣстѣ по рѣкамъ: Абысканъ, Аюбашъ, Алтынъ-каскавъ, Суриягуль-атъ-ульганъ, Усь-айръ и по Иняку, около устьевъ Казмаша, Кизилъ-таша и Асси-елги.

На р. Джитебулякъ:

д. Давлеткулова. 17 юрты, 9 кантова, той же волости; въ ней мечеть, 40 дворовъ и 162 души. Кочуютъ частію на правой сторонѣ Ика по вершинамъ рѣчки Чебенъки, частію по рр. Такмакъ, Инякъ, Маломъ Сюрлиѣ и Джитебулякъ.

д. Джитебулякова, Кугорчино тожь, переселилась въ 1832 году изъ 12-го Башкирскаго кантона; въ ней мечеть, мельница, 25 дворовъ и 106 душъ, не кочующія.

На р. Сазала-дяштебулякъ:

д. Белекей-Абызова. 17 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 2 мечети, 70 дворовъ и 368 душъ. Кочуютъ по

рр. Ургени, Кулупъ-крылганъ, Тураала-бiя-ульганъ, Ювашлъ-костейтуганъ и на Чебенькѣ.

На р. Ургени:

д. *Итбакъ*. 14 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, 2 мельницы, 50 дворовъ и 253 души.

д. *Чупанова*. 14 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 35 дворовъ и 115 душъ.

д. *Бикбова*. 16 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; въ ней 25 дворовъ и 107 душъ.

Всѣ три кочуютъ по вершинамъ обонхъ Сюряновъ и Ургеній.

На р. Большомъ Сюрянѣ:

д. *Сюрмулова*. 13 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, 48 дворовъ и 123 души. Кочуютъ по вершинамъ рр. Большаго Сюряна и Аштаму.

д. *Урманчина, Ибрава* тожъ; въ ней мечеть, 66 дворовъ и 302 души. Кочуютъ по Аштаму и по притокамъ Большаго Сюряна.

д. *Байтавлетева*. 13 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 65 дворовъ и 205 душъ.

д. *Аккундузъ, Салихова* тожъ, 13 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 15 дворовъ и 68 душъ. Кочуютъ вмѣстѣ съ предыдущею деревнею по рр. Зирганшу, Берляшу и Емашлъ.

дд. *Аскирова и Аслава*. 14 юрты, 9 кантона, Тамянской волости; въ нихъ 16 дворовъ и 90 душъ. Кочуютъ въ началѣ лѣта на правой сторонѣ Ика, послѣ же около устья Большаго Сюряна и по берегамъ Ика.

На р. Большой Сюрянѣ, ниже устья Емашлы, предполагено переселить часть деревни Кугарчиной.

На р. Маломъ Сюрянѣ:

д. *Бикбердина*. 14 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, мельница, кузница, 45 дворовъ и 209 душъ.

д. *Бикбова*. 14 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, мельница, 38 дворовъ и 152 души. Кочуютъ обѣ по вершинамъ рр. Большаго и Малаго Сюряна и по Аштаму.

д. *Биккужина, Анкужина* тожъ. 14 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 20 дворовъ и 68 душъ. Кочуютъ и по рѣкамъ: Асси-елги, Чебенькѣ и Сюрянѣ.

На р. Ускалыкъ:

д. *Мазитова, Габблязова* тожъ. 12 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 11 дворовъ и 38 душъ. Кочуютъ по Большой Ускалыку и по вершинамъ рѣки Касмарки.

д. *Имбетова*, 13 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 33 двора и 134 души. Кочуютъ по вершинамъ Большаго и Малаго Ускалыка и по вершинѣ р. Касмарки.

д. *Муйнакова*. 12 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 3 мельницы, кузница, 95 дворовъ и 275 душъ. Кочуютъ по рѣкамъ: Кирпѣ, Емашлѣ и Ускалыкѣ.

д. *Самаза*. На рѣкѣ Самазѣ, 12 юрты, 9 кантона, той же волости. Кочуютъ по рѣкамъ: Акбердѣ, Емашлѣ и Самазѣ.

На р. Ассель:

дд. *Алибаева и Абзянова*. 12 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ нихъ мечеть, 53 двора и 219 душъ. Кочуютъ на вершинахъ рѣкъ: Касмарки, Якши-елги, по Идышу (Алву-урманъ), Акбердѣ и Ассели.

д. *Юлдашева, Еткулова* тожъ. 12 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 2 мельницы, 72 двора и 249 душъ. Кочуютъ по рр. Зирганшу (Тунгъ-юртѣ), Шаланнѣ, Караби и Ассели.

д. *Авзянова, Кузлышева* тожъ. 12 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 4 мельницы, 19 дворовъ и 62 души.

д. *Нилзулова*. 12 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 3 мельницы, 18 дворовъ 65 душъ.

Обѣ кочуютъ по вершинамъ рр. Белегуша, Бердоли и Ассели.

д. *Юлдубаева*. 12 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 4 мельницы, 20 дворовъ и 97 душъ. Кочуютъ на срединѣ рѣки Белегуша, иногда по вершинамъ Касмарки.

На р. Касмаркѣ:

д. *Акмурдина*. 10 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней кузница, 22 двора и 68 душъ. Кочуютъ на вершинѣ Касмарки по урочищамъ: Кысыкъ-баслѣ и Уйгызъ-суйганѣ.

д. *Шерипова*. 10 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 24 двора и 96 душъ. Кочуютъ на р. Казакъ-булакѣ по урочищамъ Яланъ-айрѣ, Карагасъ-айрѣ, Иманъ-айрѣ, и по вершинамъ Касмарки.

д. Башлева, Уразъ тожь. 10 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 2 мельницы, 2 кузницы, 53 двора и 168 душъ. Кочуютъ на вершинѣ Касмарки и по урочищамъ Кисыкъ-башѣ и Уйгызызъ-суйганѣ.

д. Юнаева. 10 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 27 дворовъ и 80 душъ. Кочуютъ по вершинѣ рр. Куруюла, Бердели и Кунтумышѣ.

д. Утлулова. 11 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; въ ней 2 мельницы, 38 дворовъ и 112 душъ. Кочуютъ по рѣкѣ Бердели.

д. Бикбердина. 10 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; часть деревни расположена на рѣкѣ Идышѣ; въ ней мечеть, мельница, кузница, 85 дворовъ и 258 душъ. Верхняя деревня кочуетъ по рр. Зирякъ и Зирганшу, по урочищамъ Ишаналъ, Ботъ, Куялъ и Тунгъ-юртѣ; нижняя же на р. Бердели.

д. Бураулова. 10 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 49 дворовъ и 125 душъ. Кочуютъ вмѣстѣ съ деревнею Верхне-Бикбердиной.

д. Бикташева. 10 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 2 мельницы, 51 дворъ и 174 души. Кочуютъ на рѣкѣ Бердели.

д. Назарова. 11 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; въ ней 2 мечети, кузница, 50 дворовъ и 246 душъ. Кочуютъ по рр. Белегужѣ, Бузянѣ и Касмаркѣ.

д. Рыскулова. 11 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 45 дворовъ и 249 душъ.

д. Султанбаева. 11 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 18 дворовъ и 37 душъ. Кочуютъ вмѣстѣ съ деревнею Назаровою.

д. Сукорчина. 11 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 20 дворовъ и 63 души.

д. Биктемирова. 11 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 2 мельницы, 40 дворовъ и 167 душъ. Кочуютъ обѣ на Среднемъ Белегужѣ, Сазарѣ, Касмаркѣ и Сакмарѣ.

На р. Идышѣ:

д. Актавлетова. 10 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней 15 дворовъ и 33 души.

На р. Казакъ-булакъ:

д. *Идильбикова*. 2 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 17 дворовъ и 94 души.

Объ кочуютъ на вершинахъ Касмарки и Идяши по урочищамъ Кумзоръ и Алту-урману.

На р. Сакмаръ:

д. *Тимлива*. 2 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней мечеть, 4 мельницы, 110 дворовъ и 297 душъ. Кочуютъ по рр. Бетеръ, Куръ-елги, Топаръ-гузъ и Тляпъ-карли.

дд. *Ирдисева* и *Амишева*. 1 юрты, 6 кантона, той же волости. Кочуютъ по рр. Бетеръ, Дямбетъ и Саптаръ-ульганъ.

д. *Кульчурина*. 1 юрты, 6 кантона, той же волости; здѣсь находится квартира кантоннаго начальника; въ ней мечеть, 41 дворъ, и 147 душъ. Кочуютъ по рр. Бетеръ, Топоръ-гузъ и Карагай-елги.

д. *Муллакиса*. 1 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 56 дворовъ и 186 душъ. Кочуютъ по вершинамъ рр. Уппы и по Сакмаръ.

д. *Иткулова*. 3 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, кузница, 116 дворовъ и 343 души.

д. *Яикбаева*. 3 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 78 дворовъ и 227 душъ.

д. *Тавлукаева*. 4 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 2 кузницы, 66 дворовъ и 241 душа. Кочуютъ всѣ три по вершинъ рр. Яланъ-Зилавра, Карагайлъ, Бутагали и Сакмаръ.

д. *Синизова*. 4 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 63 двора и 177 душъ. Отъ нея переселилась на р. Шулу:

д. *Мухаметева*, 4 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней 37 дворовъ, 113 душъ. Обѣ кочуютъ по вершинамъ Яланъ-Зилавра, Сакмаръ и Ассели.

д. *Кизябулатова*. 5 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 51 дворъ и 173 души. Кочуютъ по рр. Яланъ-Зилавръ, Сакмаръ, Ассели и Кункувакъ

д. *Иткулова*. 5 юрты, 6 кантона; въ ней мечеть и 58 дворовъ, 188 душъ.

д. *Адильбаева*, *Шармаева* тожъ. 5 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней мечеть, 55 дворовъ, 161 душа. Обѣ кочуютъ по рр. Яланъ-Зилавру, Сакмаръ и Акъ-мурунъ.

д. *Гумерова*. 6 юрты, 6 кантона; въ ней 24 двора, 87 душъ. Кочуютъ по рр. Камискъ, Пышадъ, Баткаклъ, Аншурунъ и

Сакмарѣ. Отъ нея переселилась:

д. *Армухаметова*, въ коей 30 дворовъ и 92 души. Кочуютъ тамъ же.

На р. Магань:

дд. *Мурзакеева* и *Баишова*. 6 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней мечеть, 65 дворовъ и 184 души. Кочуютъ по рр. Пыдашѣ, Сакмарѣ и Акмурунѣ.

дд. *Яртова* и *Абсаллмова*. 6 юрты, 6 кантона, той же волости; въ нихъ мечеть, 52 двора и 157 душъ. Кочуютъ по рр. Пышадѣ, Калмаку, Сакмарѣ и Акмурунѣ.

д. *Юмашева*. 6 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 75 дворовъ и 217 душъ. Отсюда переселилась: д. *Зильшидина*, на р. Яланъ-Зилаврѣ; въ ней 34 двора и 107 душъ. Кочуютъ по р. Маганѣ на озерѣ Карагайкулѣ, на Пышадяхъ и на Сакмарѣ.

д. *Аптыкаева*. 7 юрты, 6 кантона, той же волости; отъ нея переселились дд. *Ишмурзина* и *Баймурзина* на р. Кундурушѣ и Буруля; въ ней мечеть, 87 дворовъ, 249 душъ. Кочуютъ по рѣкамъ Ташлѣ, Сакмарѣ и Пышадѣ.

д. *Абдуль-Каримова*. 9 юрты, 9 кантона, Тунгаурской волости; въ ней мечеть, 44 двора и 205 душъ.

д. *Куватова*. 9 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 60 дворовъ и 367 душъ. Кочуютъ обѣ на вершинахъ Таналяка, Бузауляка и Уртазыма.

д. *Ишкузина*. 8 юрты, 9 кантона, той же волости; часть деревни расположена на рѣкѣ Яланъ-Зилаврѣ; въ ней мечеть, мельница, кузница, 45 дворовъ и 218 душъ.

д. *Гумерова*. 8 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 35 дворовъ и 162 души. Кочуютъ обѣ по рѣкамъ Бузауляку, Таналяку, на Сухомъ Уртазымѣ и на Уралѣ, въ 7 верстахъ ниже Уртазымской крѣпости.

д. *Юлдубаева*. 8 юрты, 9 кантона, той же волости; часть деревни переселена на рѣку Яланъ-Зилаврѣ; въ ней 2 мечети, 1 кузница, 95 дворовъ и 445 душъ. Кочуютъ по рр. Бузауляку, Таналяку, на сухомъ Уртазымѣ и на Уралѣ, въ 7 верстахъ ниже Уртазымской крѣпости.

д. *Галиева*, *Лачинова* томъ. 7 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, кузница, 102 двора и 345 душъ. Кочуютъ на Маганѣ, Бузаульнѣ, Танадынѣ, Аюлѣ и Кайраклѣ.

д. *Байкачкарова*. 5 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости. Она расположена отдельными селениями по рр. Сакмаръ, Тиргямышъ, Ташлѣ и Таналыкѣ; въ ней мечеть, 65 дворовъ и 278 душъ. Кочуютъ на Тиргямышъ, Ташлѣ, Таналыкѣ и Сакмарѣ.

д. *Ултракова*. 6 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 50 дворовъ и 133 души. Отъ нея переселилась д. *Урусь-Байка* на рѣку Узалу.

д. *Бикбова*. 6 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 45 дворовъ и 157 душъ. Обѣ кочуютъ по рр. Атъ-ингангѣ, Карсѣ и Сакмарѣ.

д. *Янтышева*. 5 юрты, 9 кантона; въ ней мечеть, 36 дворовъ и 119 душъ.

д. *Акнагарова*. 5 юрты, 9 кантона, расположена тремя отдельными селениями на Сакмарѣ, Бирмасѣ и Карсѣ; въ ней мечеть, кузница, 63 двора и 265 душъ.

д. *Ишкильдина*. 5 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, 29 дворовъ и 94 души.

Кочуютъ всѣ три вмѣстѣ по рр. Таналыку, Ташлѣ, Миняузѣ, Сурѣ, Сакмарѣ и на Уралѣ, близъ Таналыкской крѣпости.

д. *Ак-Юлова*. 2 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 52 двора и 196 душъ. Кочуютъ на Ташлѣ, на вершинахъ Миняуза, Самѣ и Сакмарѣ.

д. *Назаргулова*. 3 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 27 дворовъ и 71 душа. Кочуютъ по Кульбердѣ, по рр. Божѣ, Тукумбетѣ и Катралѣ.

д. *Арслангулова*. 2 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, мельница, 45 дворовъ и 172 души. Кочуютъ вмѣстѣ съ д. Акъюловой.

д. *Абышева*. 4 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 32 двора и 107 душъ. Кочуютъ на вершинахъ Туратки, по урочищамъ Ташъ-уйганѣ, Ясангазѣ и Сыскагулѣ, по рр. Ташлѣ и Катралѣ, на урочищахъ Тукумбетѣ, Тулку-ульганѣ, Аланъ-убазѣ, Ивукурѣ и Кузей-кургашѣ.

д. *Акчурина*. 4 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, мельница, 22 двора и 75 душъ. Кочуютъ на вершинахъ рр. Губерли, Катралѣ и по р. Сакмарѣ.

д. *Сураева*. 4 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, мельница, кузница, 34 двора и 100 душъ.

д. *Утмулова*. 4 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней

32 двора и 122 души. Кочуютъ обѣ по рр. Губерлѣ, Катралѣ, Кураганѣ и Сакмарѣ.

д. *Бикбердинова*. 4 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 31 дворъ и 86 душъ. Кочуютъ по рр. Таласѣ, Урманн-айрѣ, Сянь-ишѣ и по Сакмарѣ.

д. *Ибраимова*. 4 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 56 дворовъ и 162 души. Кочуютъ по рр. Губерлѣ, Курагану и на Сакмарѣ.

д. *Гумерова*. 4 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 22 двора и 92 души. Кочуютъ вмѣстѣ съ д. Бикбердиновою.

д. *Мамбетова*. 1 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 3 мельницы, 35 дворовъ и 105 душъ. Кочуютъ по рр. Курагану и Карагайлѣ.

д. *Тлятулова*. Въ ней 1 мечеть, 34 двора, 108 душъ; и

д. *Абулатова*. Въ ней мечеть, мельница, 34 двора, 96 душъ. Обѣ 1 юрты, 9 кантона, Уирглинской волости; кочуютъ по рр. Ансакалѣ и Кара-елги.

д. *Баранулова*. 1 юрты, 9 кантона; квартира начальника 9 кантона; въ ней мечеть, 45 дворовъ и 162 души. Кочуютъ на рѣчкахъ, текущихъ по лѣвой сторонѣ Сакмары.

д. *Канурина*. 1 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 30 дворовъ и 119 душъ.

д. *Янурина*. 1 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, кузница, 45 дворовъ и 175 душъ. Кочуютъ обѣ по рр. Менетѣ, Кукракѣ, Ясѣ-таманѣ, Аколѣ и Сакмарѣ.

д. *Куташева, Новочеркасская* тожъ. 11 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 30 дворовъ и 140 душъ. Кочуютъ по Сакмарѣ около устья р. Касмарки.

Крѣпость Воздвиженская. Часть жителей причислена къ 9 Башкирскому кантону, другая къ Оренбургскому казачьему войску; въ ней 2 мечети, 180 дворовъ и 489 душъ. Не кочуютъ.

На р. Большой Юлукъ:

д. *Юкаларъ, Муртазина* тожъ. 7 юрты, 6 кантона, Буйрянской волости; въ ней 35 дворовъ и 113 душъ. Кочуютъ по потокамъ Яланъ-Зылаира и Юлука.

д. *Алазина*. 9 юрты, 9 кантона, Тунгаурской волости; въ ней 34 двора и 194 души. Кочуютъ вмѣстѣ съ деревнею Абдул-Каримовою.

д. *Исманасса*. 7 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; къ ней причислена также д. *Нялзулова*; въ ней мечеть, 2 мельницы, 65 дворовъ и 221 душа. Кочуютъ на Бугаулыкѣ, Лашибердѣ и на Сакмарѣ.

На р. Яланъ-Элдиръ:

д. *Кашкорова*. 8 юрты, 9 кантона, Тунгавурской волости; въ ней мечеть, 49 дворовъ и 128 душъ. Кочуютъ вмѣстѣ съ д. *Ишкузиною*.

д. *Измбетова*, *Имбулдина* тожъ. 8 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 30 дворовъ и 145 душъ. Кочуютъ на вершинахъ Макана, Куддаръ-кулѣ и на озерѣ Яльтыр-кулѣ.

д. *Максютова*. 7 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 89 дворовъ и 273 души. Кочуютъ по рр. Манакѣ, Таналыкѣ, Бузаулыкѣ, Камышлѣ, Узакѣ, Сакмарѣ и Элдирѣ.

На р. Сакмаръ-Тилли.

д. *Юмаузина*. 7 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; часть деревни выстроена на Большикѣ. Въ ней мечеть, 77 дворовъ и 176 душъ. Кочуютъ по рр. Манакѣ, Бузаулыкѣ, Таналыкѣ, Камышлѣ, Узакѣ и Сакмарѣ.

На р. Баракалъ:

д. *Кильчинбаева*. 7 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, 32 двора и 98 душъ. Кочуютъ на Манакѣ, Бузаулыкѣ, Ильганѣ и Сакмарѣ.

На р. Тиллякъ:

д. *Курбаева*, *Сабилова* тожъ. 6 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, 105 дворовъ и 506 душъ. Кочуютъ вмѣстѣ съ деревнею *Лачиновой*.

На р. Бухорчинъ:

д. *Клипова*. 1 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 4 мельницы, 13 дворовъ и 64 души. Кочуютъ на Аксаколѣ и на Кара-елги.

На р. Куру-юль:

д. *Мамбетчина*. 2 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 2 мельницы, 63 двора и 232 души. Кочуютъ на вершинахъ рѣки Куруюла.

д. *Кужанакова*. 2 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 3 мельницы, 4 двора и 176 душъ.

д. *Аскарова*. 2 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мельница, 29 дворовъ и 103 души. Кочуютъ объ на Кукракъ и Ясь-тамакъ.

На р. Кураганъ:

д. *Еманузина*. 3 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, 95 дворовъ и 299 душъ. Кочуютъ на р. Губерль по урочищамъ Карагайлъ и Тюмя-тау, на рр. Кураганъ и Инялы-башъ.

д. *Псягина*. 3 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; въ ней мечеть, 13 дворовъ и 41 душа. Кочуютъ, вмѣстѣ съ слѣдующими пятью деревнями, по р. Бляу, на урочищахъ Ерыклы, Уптуллу-башъ, по рр. Губерли и Чебакль.

д. *Идильбаева*. 3 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 34 двора и 104 души.

д. *Рысаева*. 3 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней мечеть, мельница, кузница, 29 дворовъ и 75 душъ.

д. *Сарыбаева*. 3 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней мельница, 24 двора и 64 души.

д. *Кидрячева*. 3 юрты, 9 кантона, той же волости; въ ней 27 дворовъ и 92 души.

д. *Ишмуратова*. 3 юрты, 9 кантона, Каракипчатской волости; въ ней мечеть, мельница, 24 двора и 67 душъ.

На р. Бляу:

д. *Алчинбаева*. 3 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней 29 дворовъ и 62 души. Кочуютъ на р. Бляу на урочищахъ Ерыкль, Уптуллу-башъ, по рр. Губерли и Чебокль.

На р. Большомъ Кизиль:

д. *Булатова*. 2 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней мечеть, 45 дворовъ и 130 душъ.

д. *Алмуюметева*. 2 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, мельница, 97 дворовъ и 269 душъ.

д. *Абдряшева*. 2 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 37 дворовъ и 119 душъ.

Всѣ три кочуютъ по вершинамъ р. Кизила и его притокамъ.

д. Иожбердина. 1 юрты, 6 кантона, Бурянской волости, выстроена на р. Еткуль-елги; въ ней 20 дворовъ и 62 души. Кочуютъ по рр. Бетеръ, Джіямбетъ и Саптаръ-ульганъ.

д. Тактаулова. 1 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мельница, 20 дворовъ и 62 души. Кочуютъ по рр. Бетеръ, Топоръ-гиръ, Карагай-елги, и Аксабатконъ, и на озерахъ Улянды-кулъ и Султанъ-кулъ.

д. Кустева. 1 юрты, 6 кантона, той же волости, выстроена на р. Зашъ-елги; въ ней мечеть, мельница, 53 двора и 164 души. Кочуютъ по рр. Бетеръ, Топоръ-гиръ, Карачай-елги, Аксабатканъ, и на озерахъ: Усянды-кулъ и Султанъ-кулъ.

На р. Худалазъ:

д. Исламбертева. 9 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 18 дворовъ и 41 душа. Кочуютъ на озеръ Улянды-кулъ, по рр. Анчаботкаъ, Сабсалъ и Карамалъ.

д. Балаева. 9 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней 20 дворовъ и 58 душъ. Кочуютъ на р. Япрыквинъ на пространствѣ между рр. Бѣлою и Сакмарою и по Худалазъ.

д. Трухменева. 8 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 3 мельницы, 76 дворовъ и 246 душъ. Кочуютъ на озеръ Улянды-кулъ, по рр. Худалазу, Ункъ и Кизилу.

д. Ахмерова. 8 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней 39 дворовъ и 110 душъ. Кочуютъ на озеръ Срыкъ-кулъ, по р. Худалазъ.

д. Абызкылды. 9 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней 18 дворовъ и 41 душа. Кочуютъ на рр. Джіямбетъ, Корангиюртъ и по Худалазу.

д. Адильша; въ ней мечеть, 30 дворовъ и 123 души. Кочуютъ на озеръ Срыкъ-кулъ, по рр. Солажъ и Худалазу.

д. Давлетева. 6 юрты, 9 кантона, Бурянской волости; въ ней 19 дворовъ и 51 душа. Кочуютъ на Удунъ-созъ по рр. Зиракъ, Худалазу, Джіямбетъ и озеръ Срыкъ-кулъ.

д. Мустаева. 9 юрты, 6 кантона, той же волости; въ ней мечеть, 20 дворовъ и 85 душъ. Кочуютъ вмѣстѣ съ слѣдующею деревнею по озеру Срыкъ-кулъ, по рр. Сакмаръ и Худалазу.

д. Мукаева. 3 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней мечеть, 35 дворовъ и 121 душа.

д. Позорова. 9 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 22 двора и 99 душъ. Кочуютъ по вершинамъ Худалаза, по урочищамъ Сувокъ и Кашкайгиръ.

Около озера Колтабони:

д. Сабаева. 8 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 1 мечеть, 96 дворовъ и 296 душъ. Кочуютъ на озеръ Яукулъ, Колтыбанъ, по рр. Игебиккъ, Корогойлъ и по Худалазу.

д. Янжешитова. 4 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 39 дворовъ и 95 душъ. Кочуютъ вмѣстѣ съ слѣдующею, по озерамъ Колтыбонъ и Санграу, по рр. Карагойлъ и Уртазымъ.

д. Хосялова. 4 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 12 дворовъ и 28 душъ.

По р. Уртазыму и его притокамъ:

д. Абдрахманова. 4 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 14 дворовъ и 37 душъ. Кочуютъ на озеръ Колтыбанъ и Сонгроу, по рр. Карагойлъ и Уртазуму.

д. Синтеветева. 5 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 18 дворовъ и 63 души. Кочуютъ вмѣстѣ съ слѣдующею по рр. Уртазыму-холоды, Ясонгонъ и по Согымъ-узакъ.

д. Фейзулина. 5 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 8 дворовъ и 73 души.

д. Бахтырпева. 5 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 1 мечеть, 44 двора и 123 души. Кочуютъ по Ялтыръ-кулъ по рр. Уралу, Уртазыму и на Юлойлъ.

д. Галина. 8 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 21 дворъ и 64 души. Кочуютъ на озеръ Яу-кулъ по рр. Алаъ, Аскунъ, Губерлъ, Юсь-таккъ, Кугъ-Куркулаганъ, Косторенъ-туганъ и Куль-отъ-ульганъ.

д. Боймурзина. 7 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 30 дворовъ и 27 душъ. Кочуютъ на рр. Уртазымъ, Юлалъ, Таналыку и Бурулъ.

д. Ишмухаметева. 7 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 33 двора и 95 душъ. Кочуютъ на Уртазымъ, Айры-сазъ, Таналыкъ и Карамолъ.

д. Туртокаева. 9 юрты, 9 кантона, Тунгаюрской волости; считается выселкомъ изъ д. Алгазиной.

д. Исянильдина. 7 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ

ней 12 дворовъ и 40 душъ. Кочуютъ по рр. Зялбайгъ, Кун-
лурушъ и Байгушъ.

На р. Таналыкъ:

д. *Исянова*. 9 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 1
мечеть, 1 мельница, 38 дворовъ и 126 душъ. Кочуютъ между
рр. Бълою и Сакмарою по озеру Толкачу и по р. Кошкайгиръ.

д. *Вахтыгресева*. 9 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ
ней 1 кузница, 38 дворовъ и 116 душъ. Кочуютъ между рр. Бъ-
лою и Сакмарою на озеръ Толкачъ.

д. *Мрясева*. 4 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней 1
мечеть, 20 дворовъ и 66 душъ. Кочуютъ на верш. Яланъ-Зя-
лапра, по рр. Контутлуканъ и на Таналыкъ.

д. *Абдулмуклиева*. 8 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ
ней 9 дворовъ и 26 душъ. Кочуютъ на рр. Таналыкъ и Асселя.

д. *Буранбаева*. 5 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней
35 дворовъ и 104 души. Кочуютъ по рр. Асселя, Акмурунъ, Кы-
макъ и Яланъ-Зялапръ.

д. *Мамбетова*. 7 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней
1 мечеть, 1 кузница, 33 двора и 96 душъ. Кочуютъ на р. Юло-
лъ, на Тюбя-юртъ, Аркаръкайиъ, на Карагайлъ-кулъ и на Акму-
рунъ.

д. *Мурзина*. 7 юрты, 6 кантона, Бурянской волости; въ ней
20 дворовъ и 54 души. Кочуютъ по рр. Уртазыму, Кувакаъ и
Искиэмъ.

д. *Ильсева*. 5 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней
18 дворовъ и 76 душъ.

д. *Мамбетова*. 6 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней
1 мечеть, 1 мельница, 40 дворовъ и 123 души. Кочуютъ на рр.
Мокаъ, на Туртакаъ и на Таналыкъ.

На р. Губерлъ:

д. *Халилова*. 4 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней
1 мечеть, 56 дворовъ и 152 души. Кочуютъ по вершинамъ рр.
Сухой и Большой Губерлъ.

д. *Ялибаева*. 5 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ ней
1 мечеть, 38 дворовъ и 155 душъ. Кочуютъ по вершинамъ ркъ
Сухой и Большой Губерлъ.

На р. Чебакль:

д. *Чебаклинская* и *Юлкуллина*. 1 юрты, 9 кантона, Уиргянской волости; въ нихъ 1 мечеть, 29 дворовъ и 121 душа. Кочуютъ по вершинамъ рр. Чебаклы и Курагана.

VI.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ДЕРЕВЕНЬ НА ПРОСТРАНСТВѢ МЕЖДУ РѢКАМИ ИКОМЪ И САКМАРОЮ, НЕВХОДЯЩИХЪ ВЪ СОСТАВЪ БАШКИРСКИХЪ СЕЛЕНІЙ.

д. *Увары*, *Багдашкина* тожь, на р. Уварѣ. Дома выстроены въ одну ливію, хозяйственныя пристройки и огороды находятся сзади; крыты лубками; не имѣютъ стекольчатыхъ оконъ и отапливаются обыкновенными башкирскими шувалами; въ нѣсколькихъ домахъ имѣются татарскія печи. Въ ней одна деревянная мельница объ одной поставѣ (мутовка), деревянная мечеть, 15 дворовъ и 42 души. Жители принадлежать къ сословію ясашныхъ Татаръ и переселились въ 1770 году изъ Казанской Губерніи. Земель собственныхъ не имѣютъ, а пользуются башкирскими, отправляя за то подводную гоньбу до Канонкольскаго завода.

д. *Ассель*, на лѣвомъ берегу Большаго Ика. Деревня выстроена довольно правильно; въ срединѣ находится прямая улица. Дома крыты лубками и жерлями; имѣютъ татарскія печи и частію стекольчатая окна. Въ ней деревянная мечеть, 25 дворовъ и 84 души. Жители изъ сословія ясашныхъ Татаръ, переселившихся въ 1782 году изъ Казанской Губерніи, Судогскаго уѣзда.

Сельцо Петровское, на правомъ берегу р. Ассели, принадлежитъ помѣщику Крашеннникову. Дома расположены вдоль берега р. Ассели, въ срединѣ проходитъ широкая прямая улица; крыты лубками и соломкою, имѣютъ русскія печи и стекольчатая окна. Въ селѣ мельницы: 1 водная и 2 вѣтряныя, 4 кузницы и 80 дворовъ. Жители, изъ помѣщичьихъ крестьянъ, переселись въ 1800 году изъ Симбирской Губерніи. Количества земли неизвѣстно.

д. *Андреевка*, на правомъ берегу р. Ускалыка. Принадлежитъ Генералъ-Маіору Ціолковскому. Жители изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Количество земли неизвѣстно.

д. *Юлукъ*, на лѣвомъ берегу р. Большаго Юлука. Деревня вы-

строена по прямой линіи. Дома крыты соломою и жердями, имѣютъ частію татарскія печи, частію шувалы; въ нѣкоторыхъ домахъ стекольчатыя окна. Въ ней деревянная мечеть, 50 дворовъ и 163 души. Принадлежатъ къ ясашнымъ Татарамъ; 72 души записаны мѣщанамъ въ г. Верхнеуральскѣ, 25 душъ купцами 3 гильдіи въ г. Оренбургѣ; переселились въ 1770 году изъ Казанской Губерніи. Собственныхъ земель не имѣютъ, а пользуются башкирскими, отправляя за то подводную говьбу по Старонлецкому тракту.

Крѣпость Зилаирская, на правомъ берегу р. Яланъ-Зилаира. Деревня, выстроенная правильными улицами, имѣетъ хорошія строенія, русскія печи и стекольчатыя окна. Въ ней мельница о двухъ поставахъ, общественный магазинъ, 42 двора и 99 душъ, изъ коихъ 57 душъ числятся въ Оренбургскомъ казначействѣ войскъ, а 42 души принадлежатъ къ сословію солдатскихъ малолѣтковъ и отставныхъ солдатъ.

д. Петровка, Мукайла тожъ, на р. Мукайлѣ; въ ней мельница о двухъ поставахъ, кузница объ одномъ горнѣ, 141 дворъ и 359 душъ.

д. Сосновка, Александровка тожъ, на р. Сосновкѣ; въ ней кузница, 71 дворъ и 169 душъ.

д. Аннинская, на р. Угарѣ; въ ней кузница, 57 дворовъ и 150 душъ.

Всѣ эти три деревни принадлежатъ къ Преображенскому мѣдиплавильному заводу; вообще выстроены хорошо и правильно; дома крыты тесомъ; имѣютъ русскія печи и стекольчатыя окна. Хозяйственные строенія хороши. Жители принадлежатъ къ сословію крѣпостныхъ заводскихъ крестьянъ.

Заводъ Преображенской, медиплавильный, на правомъ берегу р. Урманъ-Зилаира; въ немъ каменная церковь, мукомольная мельница о 4 поставахъ, лѣсопильная о 2 рамахъ, 2 кузницы: одна о 4, а другая объ 1 горнахъ, 433 двора и 993 души.

Всего въ заводскомъ владѣніи состоитъ: 101,119 десятинъ и 326 квадратныхъ сажень. Въ томъ числѣ: подъ селеніями, гумнами, огородами и кладбищами 546 д. 2,100 с.; земли: пахатной 2,590 д., покосной 4,525 д. 1,030 с., подлѣсной 81,338 д. 566 с.; рубленнаго лѣсу 11,576 д. 1,430 с., и подъ дорогами, рѣчками и каменными мѣстами 542 десятины.

д. Бердяшъ-ливъ, на вершинахъ рѣки Бердяша. Деревня еще

не обстроена; въ ней 27 дворовъ и 103 души. Жители принадлежатъ къ сословію казенныхъ крестьянъ; всѣ Чуваша переселились въ 1833 году изъ Казанской и Оренбургской губерній, Белебеевскаго и Богорусланскаго уѣздовъ. Пущены на башкирскія земли для отправленія подводной гоньбы по Старошлецовскому тракту.

VII.

ОПИСАНІЕ ЛѢСОВЪ ВЪ ЮГОВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Южная часть Оренбургской губерніи состоитъ изъ обширныхъ безлѣсныхъ степей, простирающихся отъ береговъ р. Урала до подножій горъ Общаго Сырта, образующихъ естественный предѣлъ между странами лѣсистыми и степными. Нѣтъ сомнѣнія, что и нынѣшнія Оренбургскія степи въ глубокой древности изобиловали хорошими лѣсами, но они истреблены въ послѣдствіи времени полудикими Азіятскими народами, кочевавшими здѣсь до начала XVIII столѣтія.

Водвореніе Русскихъ поселенцевъ въ странѣ Заволжской и основаніе Оренбургской линіи произвели новыя опустошенія въ лѣсахъ, уцѣлѣвшихъ отъ паловъ и порубокъ кочующихъ Азіятцевъ. Суровость климата и образъ жизни новыхъ переселенцевъ увеличивали потребность въ лѣсѣ болѣе прежняго, а отъ небрежной вырубкы произошло во многихъ мѣстахъ не только совершенное уничтоженіе лѣсовъ, но и перемѣна въ свойствахъ почвы и климата.

Главныя занятія тамошнихъ жителей, нуждающихся менѣе всякой другой хозяйственной отрасли въ лѣсныхъ произведеніяхъ, состояли въ земледѣліи и скотоводствѣ. Недостатокъ въ лѣсахъ, слѣдовательно, еще не былъ такъ ощутителенъ, какъ нынѣ, когда возрастающее народонаселеніе и появленіе многихъ другихъ промышленныхъ отраслей требуютъ большихъ запасовъ лѣса. Правительство, желая отыаратить всѣ неудобства, проистекающія отъ столь важнаго недостатка, приняло, въ послѣдніе годы, дѣятельныя мѣры для разведенія лѣсовъ въ прилпнейныхъ Уральскихъ степяхъ; но неблагоприятныя свойства климата и степной почвы представляютъ большія препятствія для скорого ихъ произрастенія. Поэтому необходимо

было обратить большее вниманіе на сбереженіе нынѣ существующихъ лѣсовъ, доставляющихъ потребное количество строеваго и дровянаго матеріала для странъ безлѣсныхъ.

Главные лѣсныя заготовленія производились съ давнихъ временъ въ дачахъ 6 и 9 Башкирскихъ кантоновъ, расположенныхъ по рр. Сакмарѣ и восточному Ику. Они и нынѣ заключаютъ главный лѣсной запасъ для всей Нижне-Уральской линіи и должны были въ 1836 году обратить на себя главное вниманіе Правительства, частію по выгодному положенію самыхъ лѣсовъ относительно удобства доставки, частію по опустошительному образу заготовленій, производимыхъ до того времени, безъ всякихъ хозяйственныхъ соображеній, частвыми промышленниками.

Для приобрѣтенія нужныхъ свѣдѣній о наличномъ количествѣ лѣса, произведено было обозрѣніе его въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1838 года; оно состояло въ измѣреніи и описаніи лѣсныхъ дачъ Башкирскаго войска, расположенныхъ между рр. Сакмарою и восточнымъ Икомъ, составляющими естественныя границы осматрѣннаго пространства съ восточной, западной и южной сторонъ; сѣверный же предѣлъ образуется сначала теченіемъ р. Малаго Ика до Кановикольскаго завода, а далѣе дорогою, ведущею чрезъ д. Тавлукаеву въ Кизильскую крѣпость.

Центръ сего пространства состоитъ изъ сплошной массы лѣсовъ, произрастающихъ на возвышенныхъ равнинахъ между вершинами притоковъ Ика и Яланъ-Злаира; они тянутся въ видѣ непрерывной лѣсной полосы, шириною отъ 40 до 60 верстъ, по направленію отъ сѣвера на югъ до источниковъ р. Сакмарки. Господствующія лѣсныя породы состоятъ изъ березы, осины и сосны, а въ западной части появляются изрѣдка листовенницы, дубы и липы. Вся мѣстность покрыта здѣсь однимъ сплошнымъ лѣсомъ, въ которомъ являются небольшія поляны около селеній и береговъ рѣчекъ, образуя главные луговья и пахатныя мѣста лѣсныхъ жителей. Ни различіе въ положеніи мѣстности, ни свойство почвы не оказываютъ особеннаго вліянія на произрастеніе лѣсовъ: вездѣ они принимаются однаково успѣшно, и лишь отъ расточительнаго пользованія и отъ небрежнаго присмотра за ними произошли нѣкоторыя различія въ общихъ ихъ свойствахъ.

Лѣсныя породы въ центральномъ пространствѣ не являются чистыми подосами, состоящими изъ одной породы деревъ; всѣ они вообще смѣшаны и образуютъ на вершинахъ горныхъ уваловъ, большею частію, лиственные перелѣски, на скатахъ же рѣчныхъ лощинъ лиственничной полосы. Относительно возраста деревъ, очевидно, что въ лѣсахъ, гдѣ владѣльцы не слѣдовали никакой хозяйственной системѣ, нельзя ожидать, чтобы деревья одного возраста образовали отдѣльныя массы; они вообще состоятъ изъ деревъ различнаго возраста. То же самое относится также къ образу насажденія лѣсовъ: въ иныхъ мѣстахъ встрѣчаются участки, гдѣ деревья растутъ такъ тѣсно, что дѣйствительно не могутъ достигать надлежащаго возраста, въ другихъ же они слишкомъ рѣдки, что также невыгодно для многихъ породъ.

Къ югу отъ источниковъ Касмарки измѣняются свойства центральныхъ лѣсовъ. Поляны становятся чаще и значительнѣе, въ особенности около рѣчныхъ лощинъ, гдѣ образуютъ обширныя покосныя и пастбищныя мѣста. Главная масса лѣсовъ покрываетъ вершины и скаты горъ, пролегающихъ между долинами рѣкъ Сакмары, Касмарки и Идаша. Различное положеніе мѣстности имѣетъ здѣсь значительное вліяніе на ихъ произрастеніе, такъ что скаты высотъ, обращенные къ югу и западу, большею частію голы и открыты; въ однѣхъ лощинахъ и впадинахъ встрѣчаются небольшія колки лѣсовъ; на сѣверныхъ же и восточныхъ скатахъ видны значительныя лѣсныя массы, покрывающія все пространство между хребтомъ Дзю-тюба и р. Сакмарою, равно какъ и правые нагорные берега долины Касмарки.

Въ сѣверной части сего пространства встрѣчаются тѣ же самыя породы, какъ и въ центральныхъ лѣсахъ, съ тою разницею, что сосны замѣняются лиственницами. Господствующія породы лѣсовъ въ южной части суть березы, осины, дубы и липы. Чѣмъ болѣе лѣса рѣдѣютъ, тѣмъ замѣтнѣе вредныя послѣдствія дурнаго лѣснаго хозяйства, не только въ томъ, что они всѣ безъ исключенія не полпонасаженны и очень неправильны, но еще болѣе отъ значительнаго количества валежника, препятствующаго свободному всходу молодыхъ деревъ.

Западный склонъ центральной возвышенности покрытъ так-

же значительными лѣсными массами, составляющими въ некоторыхъ образомъ боковыя отрасли сплошныхъ, центральныхъ лѣсовъ. Они различаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что поляны между перелѣсками увеличиваются по мѣрѣ приближенія къ западу и что вся мѣстность постепенно принимаетъ болѣе открытій видъ. Положеніе мѣстности оказываетъ весьма различное вліяніе на произрастеніе лѣсовъ въ семь пространствъ. Не трудно замѣтить, что скаты высотъ, обращенные къ западу и къ югу, большею частію голы и что встрѣчаемыя на нихъ колки произрастаютъ только въ однихъ лощинахъ и рывинахъ, гдѣ почва земли болѣе влажна, чѣмъ на поверхности самыхъ скатовъ. Различіе это происходитъ, вѣроятно, отъ того, что мѣста, открытыя къ западу и къ югу, болѣе подвержены сильному и продолжительному дѣйствію солнца, отъ чего самая почва весною рано теряетъ влажность, необходимую для питанія молодыхъ деревьевъ. Отъ несоразмѣрной вырубкы старыхъ деревьевъ увеличивается это вліяніе и производитъ постепенное уничтоженіе лѣсовъ на западныхъ и южныхъ скатахъ горъ.

Относительно образа произрастенія лѣсовъ на семь пространствъ, можно замѣтить, что всѣ вообще участки болѣе или менѣе неполно насажены, т. е. что не заключаютъ того числа деревьевъ, которое бы они могли производить при надлежащемъ присмотрѣ. Притомъ, во всякомъ перелѣскѣ, деревья всякаго возраста встрѣчаются, отъ чего всѣ участки получаютъ весьма неправильной видъ. Господствующія породы деревьевъ суть березы, осины, дубы и лиственницы; между ними встрѣчаются изрѣдка сосны, первыя болѣе въ восточной, а послѣднія въ западной части сего пространства.

Известковые хребты, составляющіе главные уступы горнаго пространства между рѣками Икомъ и Сакмарю, имѣютъ большею частію голую поверхность. Лишь на сѣверныхъ и восточныхъ скатахъ горъ: Селейманъ, Караулъ, Кипчакъ и Емапла-тау находятся обширные лѣса, состоящіе изъ березовыхъ, осиновыхъ, дубовыхъ и липовыхъ породъ; на прочихъ же хребтахъ являются небольшіе перелѣски въ лощинахъ и на скатахъ горъ, прикрытыхъ съ западной и южной стороны. По мѣрѣ приближенія къ берегамъ р. Ика уменьшаются и рѣдѣютъ лѣса, такъ что мѣстность, между подножіями главныхъ предгорій и русломъ р. Ика, принимаетъ видъ безлѣсной степи.

Въ луговой лощинѣ послѣдней тянется только неширокая полоса лѣсу, состоящаго изъ осокоревыхъ, вязовыхъ, ветловыхъ и липовыхъ деревьевъ, но и изъ нихъ много вырублено.

Лѣса, на пространствахъ между рѣками Яланъ-Зилавромъ и Сакмарою, составляютъ восточное продолженіе центральныхъ лѣсовъ; они тянутся значительными сплошными массами, по уваламъ, пролегающимъ между притоками Сакмары и Зилаира, оставляя около рѣчныхъ лощинъ широкія открытыя поляны, доставляющія хорошія покосныя и пастбищныя мѣста. По мѣрѣ приближенія къ берегамъ Сакмары, лѣса болѣе и болѣе рѣдѣютъ, поляны становятся чаще, такъ что на разстояніи 2 и 5 верстъ отъ русла Сакмары мѣстность принимаетъ видъ открытой голыи степи. Главныя лѣсныя породы суть березы и осины, между коими изрѣдка встрѣчаются сосны. Положеніе мѣстности не имѣетъ большаго вліянія на произрастеніе деревьевъ; въ прочихъ отношеніяхъ качества лѣсовъ тѣ же самыя, какъ и въ предъидущихъ пространствахъ.

Описавъ въ краткихъ очеркахъ главныя свойства лѣснаго пространства между рѣками Икомъ и Сакмарою, считаю неизлишнимъ изложить подробно образъ произрастенія и свойства каждой лѣсной породы отдѣльно.

Сосны находятся исключительно въ среднихъ частяхъ горнаго пространства около источниковъ Ика, Сюрля и обоеихъ Зилавровъ. Сосна растетъ преимущественно на крутыхъ каменистыхъ скатахъ высотъ, образующихъ нагорные берега рѣчныхъ долинъ, и требуетъ вообще почвы болѣе рыхлой; поэтому она рѣдко встрѣчается на вершинахъ уваловъ, гдѣ полземъ состоятъ изъ глубокаго слоя желтой глины.

Сосны не растутъ отдѣльными чистыми перелѣсками, а встрѣчаются всегда смѣшанно съ березами и лиственницами; на сѣверныхъ и восточныхъ скатахъ горъ обыкновенно въ видѣ подчиненной имъ породы, на южныхъ же и западныхъ онѣ очень рѣдки. Впрочемъ общія свойства климата и мѣстности несколько не препятствуютъ успѣшному произрастенію сосновыхъ лѣсовъ, и главныя причины, останавливающія размноженіе сей породы, состоятъ частію въ обыкновеніи Башкирцевъ очищать принадлежащія имъ покосныя и пастбищныя мѣста палами, отъ чего не только молодой всходъ, но и самыя сѣмяна совершенно уничтожаются, частію отъ сильныхъ лѣсныхъ пожаровъ, опу-

стошающихъ рѣдко значительныя пространства наилучшаго лѣса. Сосны же, какъ и вообще всѣ хвойныя породы, размножаются только посредствомъ сѣмянъ. Притомъ неправильный образъ вырубкы составляетъ столь же важное препятствіе для успѣшнаго произрастенія сосновой породы: она производится безъ всякихъ соображеній вездѣ, гдѣ только предстоитъ возможность для вывозки и обдѣлки бревенъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, остается ли достаточное количество деревъ для обсемененія очищеннаго пространства. Изъ вышесказанныхъ обстоятельствъ нетрудно заключить, что сосновая порода современемъ совершенно уничтожится, если заблаговременно не примутъ надлежащихъ сберегательныхъ мѣръ.

Сосновое дерево доставляетъ въ лѣсномъ хозяйствѣ большія выгоды; стволъ его, обыкновенно правильный и прямой, предпочтительно употребляется на строеніе не только обыкновенныхъ зданій, но и для работъ подводныхъ и подземныхъ, потому что прочность его въ постоянныхъ сухости и сырости весьма значительная; при переменныхъ же обстоятельствахъ, оно болѣе подвержено гнилости. Сосновыя бревна употребляются также на строеніе машинъ и мельницъ, но впрочемъ онѣ, по незначительной твердости древесины, менѣе удобны на сей предметъ. Какъ подѣлочный матеріалъ, они не имѣютъ большой цѣнности, потому что древесина отъ неравномѣрной твердости слоевъ не принимаетъ красивой политуры. Сосновое дерево горитъ большимъ пламенемъ и производитъ сильный, но непродолжительный жаръ; впрочемъ горючесть его весьма различна и зависитъ частію отъ плотности древесины, частію отъ большаго или меньшаго содержанія смолы. Кубической футъ сыраго сосноваго дерева вѣситъ $62\frac{1}{2}$ фунта, въ сухомъ же состояніи отъ 55 до 36 фунтовъ. Относительный вѣсъ сухаго и сыраго дерева равняется 0,553 и 0,947. Сосновый уголь содержитъ къ буковому какъ 3 : 4. — Кубическая сажень корней, вѣтвей и щепокъ сосновыхъ даютъ $1\frac{1}{2}$ четверика золы, изъ которой вывариваютъ около $\frac{5}{8}$ фунта поташу. Смола, варъ и голландская сажа составляютъ также немаловажныя произведенія, получаемыя отъ сосновыхъ лѣсовъ.

По рѣдкости сосновой породы въ лѣсномъ пространствѣ между рѣками Икомъ и Сакмарою, было бы весьма полезно не

употреблять ее на дрова и уголь, потому что она болѣе выгодна, нежели строевой матеріалъ.

Лиственница растеть преимущественно въ западной части горнаго пространства между рѣками Икомъ и Сакмарою, гдѣ составляетъ одну изъ господствующихъ лѣсныхъ породъ. Она встрѣчается вездѣ, гдѣ только почва земли глинистая и неслишкомъ камениста. Верхнія части рѣчныхъ овраговъ, равно какъ и ближайшія къ нимъ увалы, обставлены почти исключительно лиственницами. Навыгоднѣйшее для нее положеніе составляютъ сѣверозападные и сѣверовосточные скаты плоскихъ возвышеній. Лиственница находится во всемъ лѣсномъ пространствѣ между рѣками Икомъ, Сюрямемъ и Касмаркою, простираясь къ западу до подножія горъ: Солейманъ-карауль, Капчакъ и Емапла-тау. Она здѣсь распространена несравненно болѣе, чѣмъ сосна, и кажется, что свойства почвы и климата вообще болѣе благоприятны для нее, чѣмъ для послѣдней.

Лиственный лѣсъ считается здѣшними промышленниками мало способнымъ для употребленія. Полагаютъ, что выстроенные изъ него дома не теплы, потому что большое содержаніе смолы придаетъ дереву свойства хорошаго проводника теплоты; притомъ тяжесть и твердость его считаются также немаловажными препятствіями для вывозки и обдѣлки бревенъ. По моему мнѣнію, не слѣдовало бы слишкомъ полагаться на справедливость этихъ причинъ: большая часть ставиць на верхней линіи выстроены изъ лиственничнаго лѣса и, сколько мнѣ извѣстно, жители нимало не жалуются на холодъ въ домахъ. Тяжесть же и твердость дерева, хотя точно значительныя, но это нисколько не препятствуетъ употребленію его на строенія; въ особенности первая, которая уменьшается почти въ половину, если бревны въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ сохнутъ. Въсь кубическаго фута сыраго лиственничнаго дерева 61 фунтъ, сухаго же—46 и 32 фунта.

Для топлива лиственничный лѣсъ менѣе удобенъ: онъ горить съ сильнымъ трескомъ, отъ чего нерѣдко повреждаются печи; притомъ же не производитъ много жару. Достоинство угля, получаемаго отъ лиственничнаго дерева, содержится къ буковымъ углямъ какъ 7 : 10.—25 пудъ дерева даютъ $4\frac{1}{2}$ фунта золы и $\frac{1}{2}$ фунта поташу. Изъ сѣры получается значительное количество вара и скиндару. Дерево лиственницы плотнѣе и

не такъ сучковато, какъ сосна: оно менѣе подвержено дѣйствіямъ влаги и сухости, чѣмъ всякое другое, и потому весьма способно для всѣхъ подводныхъ строеній. Сверхъ сего оно доставляетъ хорошій корабельный, машинный и мельничныи лѣсъ.

Дубы растутъ преимущественно на западныхъ предгоріяхъ центральной возвышенности между рѣками Икомъ и Сакмарою. Въ наибольшемъ количествѣ встрѣчаются они на восточныхъ и сѣверныхъ скатахъ горъ: Солейманъ-карауль, Кипчакъ и Емашла-тау, равно какъ и на известковыхъ хребтахъ, простирающихся къ югу до устьевъ рѣчекъ Иляша и Зиргаиша. Въ западной части плоской возвышенности, дубъ является въ видѣ подчиненной породы между березами, осинами и лиственницами, не образуя нигдѣ отдѣльныхъ чистыхъ перелѣсковъ. Дубы требуютъ вообще глубокой глинистой почвы, содержащей значительный процентъ черной земли. Свойства же грунта въ осмотрѣнномъ пространствѣ, какъ кажется, менѣе благоприятны для надлежащаго произрастенія сей породы. Рѣдко встрѣчаются дубы, у которыхъ толщина ствола превышала бы 10 вершковъ, а вершинникъ у большей части деревъ высыхаетъ уже на разстояніи 6 сажень отъ корня. Это происходитъ вѣроятно отъ того, что почва земли не имѣетъ надлежащей глубины и что каменисто-известковая подпочва удерживаетъ часть влажности, потребной для питанія деревъ. Качество древесины также нелучшихъ свойствъ: бѣлая часть деревъ имѣютъ гнилые слои внутри, и потому мало годны на строевой и подѣлочный матеріалъ. Суровость климата оказываетъ также весьма неблагоприятное вліяніе на произрастеніе дубовыхъ деревъ, молодой всходъ въ особенности страдаетъ отъ раннихъ весеннихъ морозовъ.

При всѣхъ вышеизложенныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, дубовыя деревья составляютъ одну изъ главнѣйшихъ породъ въ западной части лѣснаго пространства между рѣками Икомъ и Сакмарою, что вѣроятно происходитъ отъ небольшой потребности въ дубовомъ лѣсѣ. По значительной тяжести своей (*), онъ мало удобенъ для сплава и доставки въ

(*) Кубическій футъ сыраго дубоваго дерева вѣситъ 68 фунтовъ, въ сухомъ состояніи отъ 57 до 44 фунтовъ. Относительный вѣсъ дубоваго дерева—1, 060 и 0, 697.

отдаленныя мѣста. Дубовыя деревья употребляются рѣдко для топлива; они горятъ медленно, безъ сильнаго пламени, но доставляютъ довольно продолжительный жаръ. Получаемый отъ нихъ уголь относится къ буковому углю какъ 6 : 8. Отъ 25 пудовъ сухаго дубоваго дерева получается 23 $\frac{3}{4}$ фунта золы и 1 $\frac{1}{2}$ фунта поташу. Наибольшая польза дубовыхъ лѣсовъ составляетъ въ здѣшнемъ краѣ дубильное вещество, получаемое изъ коры; 460 фунтовъ молодой дубовой коры содержатъ, по изслѣдованію Профессора Деви, 32 фунта чистаго дубильнаго вещества; равное же количество коры деревъ средняго возраста содержитъ до 29 фунтовъ.

Липы растутъ вездѣ на западномъ склонѣ горнаго пространства, гдѣ только почва земли не слишкомъ влажна и гдѣ она открыта вліянію свѣта и воздуха. Впрочемъ нельзя полагать, чтобы свойства климата благоприятствовали произрастенію липовыхъ деревъ; они рѣдко достигаютъ большихъ размѣровъ и являются обыкновенно въ видѣ невысокихъ многовѣтвистыхъ кустовъ, покрывающихъ промежутки между дубовыми и осиновыми деревьями. Наибольшій вредъ причиняется имъ глубокими свѣгами, препятствующими молодымъ порослямъ произрастать правильно и прямо. Липовое дерево имѣетъ весьма посредственныя качества: оно мягко и подвержено скорому гніенію, при переменнѣйшій сухости и влагѣ; но не менѣе того, оно Башкирцами часто употребляется какъ строевой и подѣлочный матеріалъ. Для топлива оно менѣе выгодно потому, что доставляетъ малое количество жара. Липовый уголь относится къ буковому углю какъ 1 : 3. 25 пудовъ дерева даютъ 11 фунтовъ золы и $\frac{1}{2}$ фунта поташу. Кубическій футъ сыраго липоваго дерева вѣситъ 54 ф., въ сухомъ же состояніи отъ 40 до 29 фунтовъ. Относительный вѣсъ—0,878 и 0,439.

Липовая кора весьма употребительна; изъ нее строятъ обыкновенно изгороды (карды) въ башкирскихъ деревняхъ для зимняго помѣщенія скота; ею крыты большая часть строеній; а изъ мочалы Башкирцы выдѣлываютъ хомуты, шлеи, возжи и веревки. Притомъ липовые лѣса приносятъ большую пользу въ мѣстахъ, гдѣ занимаются пчеловодствомъ. Сухіе листья липовые считаются хорошимъ зимнимъ кормомъ для овецъ и рогатаго скота.

Березы составляютъ господствующую породу въ лѣсномъ

пространствѣ между рр. Икомъ и Сакмарю; онѣ растутъ вездѣ успѣшно, несмотря на различіе въ положеніи мѣстности или въ свойствахъ грунта. Имѣетъ въ полномъ возрастѣ весьма значительные размѣры и составляетъ вообще лѣсную породу, наиболѣе свойственную здѣшнему климату. Береза размножается болѣею частію посредствомъ порослей, выходящихъ изъ пней или корней срубленныхъ деревьевъ; обсыяненіе же производится не столь успѣшно, потому что палы и лѣсные пожары много препятствуютъ всходу молодыхъ деревьевъ. Наибольшій вредъ причиняется березовымъ деревьямъ сдираниемъ коры для ситки дегтя, отъ чего они нерѣдко совершенно увядають. Наваль снѣгу производятъ также большое препятствіе для успѣшнаго произрастенія деревьевъ, особенно въ западныхъ частяхъ лѣснаго пространства, гдѣ мѣстность болѣе гористая, и гдѣ слѣдовательно въ долинахъ масса снѣговъ достигаетъ значительной глубины.

Березовый лѣсъ употребляется преимущественно для топлива; онъ горитъ сильнымъ пламенемъ и доставляетъ много жару. Березовый уголь содержится къ буковому углю какъ 4 : 5. Изъ 25 пудовъ дерева получается 14 фунтовъ золы и 1¼ фунт. поташу. Кубическій футъ сыраго березоваго дерева вѣситъ 61 ф., въ сухомъ видѣ, отъ 51 до 41 фунта. Относительный вѣсъ— 0,924 и 0,629. По неправильному росту деревьевъ и по малой прочности древесины въ перемежной сухости и влажности, она рѣдко употребляется для построекъ.

Осина встрѣчается болѣею частію на западныхъ и южномъ склонахъ горнаго пространства, гдѣ составляетъ одну изъ главныхъ лѣсныхъ породъ. Въ сѣверной же и восточной части она рѣдко является большими массами и находится въ незначительномъ количествѣ въ березовыхъ лѣсахъ. Положеніе мѣстности, свойство грунта и климата не оказываютъ особеннаго вліянія на произрастеніе сей породы; она требуетъ вообще болѣе открытой мѣстности, чѣмъ береза, отъ чего и принимается хорошо на полянахъ и около лѣсныхъ опушекъ. Наибольшій вредъ причиняется молодому осиноному всходу налами и ранними осенними морозами; навалъ снѣга и засухи менѣе вредны для него.

Качества осиноваго дерева несравненно хуже березоваго. Для топлива оно менѣе выгодно, потому что доставляетъ малое количество жару. Осиновый уголь содержится къ березовому, какъ 3 :

4. Отъ 25 пудовъ осиновыхъ дровъ получается 11 $\frac{1}{2}$ фунт. золы и $\frac{1}{2}$ фунта поташу. Кубическій футъ сыраго дерева вѣситъ 50 фунтовъ, въ сухомъ состояніи 26 фунт. Относительный вѣсъ—0,758 и 0,394.

Осиновыя бревна бываютъ обыкновенно прямы и мало сучковаты; и потому часто употребляются на постройку домовъ, хотя и они болѣе подвержены гніенію, чѣмъ березовое дерево.

Осокорь растетъ въ луговыхъ лощинахъ рѣчекъ и ручейковъ, выпадающихъ въ Сакмару, ниже устья рѣки Урманъ-Зилавра. Въ наибольшемъ количествѣ встрѣчается она въ рѣчныхъ долинахъ Сакмары и восточнаго Ика, гдѣ составляетъ весьма значительныя перелѣски около береговъ и краевъ озеръ. Она требуетъ тучной, но неглубокой почвы земли и низменнаго, сыроватаго мѣстоположенія. Суровость климата она переноситъ хорошо и достигаетъ въ полномъ возрастѣ значительной толщины и высоты.

Осокоревое дерево имѣетъ одинаковыя свойства съ липовымъ, и употребляется слѣдовательно на тѣ же предметы, какъ и послѣднее.

Вязъ растетъ въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, какъ и осокорь, съ которою составляетъ господствующую породу въ лѣсной полосѣ по долинамъ Сакмары и Ика. Онъ рѣдко достигаетъ такой величины какъ осокорь, потому что рано лишается своей вершины и верхнихъ порослей, которыя употребляются частію на кормъ для скота, частію же на устройство плетней и изгородь.

Вязовое дерево доставляетъ хорошій подѣлочный матеріалъ, и также изрядное топливо. Вязовый уголь содержится къ буковому какъ 7 : 8. Отъ 25 пудовъ дерева получается 23 фунта золы и 3 $\frac{1}{2}$ фунта поташу. Вѣсъ кубическаго фута сыраго дерева—62 $\frac{1}{2}$ фунт., сухаго—50 и 36 фунтовъ. Относительный вѣсъ—0,947 и 0,553.

Ольха растетъ по всѣмъ рѣчнымъ лощинамъ въ средней и восточной части лѣснаго пространства; она является обыкновенно въ видѣ кустарника или невысокаго дерева, которое не имѣетъ большаго употребленія по дурнымъ качествамъ древесныя.

Ольховыя дрова горятъ худо и доставляютъ мало жару. Получаемые отъ нихъ угли содержатся къ буковымъ углямъ, какъ 1:2. 25 пудовъ дерева даютъ 25 ф. золы и 3 $\frac{1}{2}$ фунта поташу. Относительный вѣсъ ольховаго дерева—0,864 и 0,455.

Вербы и *ивы* растутъ по берегамъ рѣчекъ и ручейковъ во всемъ пространствѣ между рѣками Икомъ и Сакмарою; онѣ рѣдко достигаютъ значительной высоты, и употребляются обыкновенно на устроніе плетней и изгородь. Ивовое дерево не составляетъ хорошаго топлива: оно горитъ скоро и доставляетъ мало жару. Получаемый отъ нихъ уголь содержитя къ буковому какъ 1 : 2. Относительный вѣсъ дерева — 0,985 и 0,485.

Важнѣйшій предметъ при описаніи всякаго лѣснаго пространства составляетъ опредѣленіе наличнаго количества лѣса, годнаго для рубки въ настоящее время. Оно служитъ главнымъ основаніемъ при всѣхъ хозяйственныхъ соображеніяхъ, относительно выбора мѣста для главныхъ лѣсныхъ заготовленій и представляетъ весьма важные факты для надлежащаго устройства общаго лѣснаго хозяйства.

Таксація лѣсовъ въ осматрѣнномъ мною пространствѣ основывается на слѣдующихъ данныхъ: 1) на опредѣленіи поверхности всего лѣснаго пространства (*); 2) на количествѣ деревьевъ свыше 40-лѣтнаго возраста въ каждомъ лѣсномъ участкѣ (**), и 3) на числѣ деревьевъ, составляющихъ 1 кубическую сажень, не принимая въ расчетъ вершинника, корней и вѣтвей (**).

Относительно вѣрности самыхъ результатовъ слѣдуетъ замѣтить, что они не могутъ быть математически точны, потому, что краткость времени и обширность всего пространства, долженствующаго войти въ кругъ обозрѣнія, не дозволили мнѣ произвести таксацію такъ подробно и такъ тщательно, какъ бы оно слѣдовало по правиламъ лѣсной науки. Вообще результаты показаны нѣсколько меньше настоящаго, для избѣжанія важнѣй-

(*) Число десятинъ въ каждомъ лѣсномъ участкѣ исчислено по исправленной картѣ сего пространства. Масштабъ 250 сажень въ Англійскомъ дюймѣ.

(**) Количество высокоствольныхъ и низкоствольныхъ деревьевъ въ каждомъ лѣсномъ участкѣ опредѣлено счисленіемъ деревьевъ на нормальныхъ десятинахъ въ разстояніи отъ 5 до 5 верстъ по главнымъ дорогамъ и рѣчкамъ, гдѣ только оказывалось различіе въ образѣ насажденія и качествахъ лѣсовъ.

(***) 30 березовыхъ, осиновыхъ и осокоревыхъ деревьевъ составляютъ приблизительно 1 кубическую сажень. Липовыхъ, вязызовыхъ и ветловыхъ деревьевъ идетъ около 40 на кубическую сажень.

шихъ неудобствъ отъ недостатка въ лѣсѣ, при распредѣленіи главныхъ заготовленій.

Во всякомъ лѣсномъ участкѣ раздѣлилъ я деревья по различному ихъ возрасту на три главные разряда: 1) на высокоствольные и низкоствольные деревья свыше 40 лѣтъ; 2) на молодые деревья отъ 10—40-лѣтняго возраста, и 3) на молодой подростъ до 20 лѣтъ. Всѣ эти разряды встрѣчаются въ каждомъ участкѣ смѣшанно и почти въ равномъ количествѣ; почему и полагаю, что для отвращенія чрезмѣрнаго истребленія лѣсовъ въ пространствѣ между рр. Икомъ и Сакмарою, надлежало бы производить вырубку высокоствольныхъ и низкоствольныхъ деревьевъ въ продолженіе 20 лѣтъ, дабы остальные разряды имѣли времени выростать до требуемой величины.

Для удобнѣйшаго обозрѣнія количества лѣса въ различныхъ частяхъ пространства, раздѣлилъ я всѣ вообще лѣса между рр. Икомъ и Сакмарою на 9 участковъ по главнымъ рѣчнымъ системамъ, дабы вмѣстѣ съ тѣмъ показать главные пути для сплава въ городъ Оренбургъ и на Уральскую линію.

Въ приложенной присемъ Таблицѣ исчислено также количество лѣса, потребнаго для мѣстныхъ жителей. По немѣнью вѣрныхъ данныхъ для опредѣленія годовой пропорціи строеваго и дровянаго матеріала, принялъ я примѣрно: что для отопливанія cadaго двора нужно по 3 кубическихъ сажени дровъ. Строевой же лѣсъ опредѣленъ по числу дворовъ, полагая, что изъ 50 строеній одно должно строиться вновь, считая для cadaго по 50 бревенъ, что составляетъ ежегодный ремонтъ по 1 бревну на дворъ.

**Таблица, показывающая наличное количество леса на про-
странствѣ между рѣками: Икомъ и Сакмарою.**

Названіе лѣсныхъ участковъ.	Порода деревьевъ.	Наличное коли- чество леса.		Ежегодная по т р е б - ность леса для жѣсти. жителей.		Остается лѣ- са для еже- годной про- дажи.	
		Дрово- наго.	Строе- ваго.	Дро- вина- го.	Строе- ваго.	Дро- вина- го.	Строе- ваго.
		Число кубе- ческ. сажн.	Число бре- венъ.	Число кубе- ческ. сажн.	Число бре- венъ.	Число кубе- ческ. сажн.	Число бре- венъ.
Лѣса по р. Боль- шому Ику съ при- токами. 46166 деся: 2020 саж:	Березовыхъ . .	75,926	—	—	—	—	—
	Осиновыхъ . . .	14,739	—	—	—	—	—
	Дубовыхъ . . .	9,509	—	—	—	—	—
	Липовыхъ . . .	2,762	—	—	—	—	—
	Осокоревыхъ . .	880	—	—	—	—	—
	Вязовыхъ . . .	746	—	—	—	—	—
	Вятловыхъ . . .	746	—	—	—	—	—
	Сосновыхъ . . .	—	143,480	2,994	1,060	2,260	6,000
Лиственныхъ . .	—	149,660	—	—	—	7,400	
—	—	—	—	—	—	—	—
Лѣса по р. Иняку и его притокамъ. 25493 десят: 1060 саж:	Березовыхъ . .	37,296	—	—	—	—	—
	Осиновыхъ . . .	15,781	—	—	—	—	—
	Дубовыхъ . . .	12,709	—	—	—	—	—
	Липовыхъ . . .	4,046	—	—	—	—	—
	Сосновыхъ . . .	—	33,000	360	120	3,151	1,530
	Лиственныхъ . .	—	118,000	—	—	—	5,900
—	—	—	—	—	—	—	—
Лѣса по обзвѣ Сюринямъ съ при- токами. 71971 десят: 1424 саж:	Березовыхъ . .	106,071	—	—	—	—	—
	Осиновыхъ . . .	29,716	—	—	—	—	—
	Дубовыхъ . . .	31,028	—	—	—	—	—
	Липовыхъ . . .	4,141	—	—	—	—	—
	Сосновыхъ . . .	—	61,500	939	313	7,608	2,762
	Лиственныхъ . .	—	463,300	—	—	—	22,165
—	—	—	—	—	—	—	—
Лѣса по рр. Уска- лыку и Асседи. 16481 десят: 295 саж:	Березовыхъ . .	55,614	—	—	—	—	—
	Осиновыхъ . . .	10,105	—	—	—	—	—
	Дубовыхъ . . .	11,618	—	—	—	—	—
	Липовыхъ . . .	823	—	—	—	—	—
	Осокоревыхъ . .	58	—	—	—	—	—
	Вязовыхъ . . .	84	—	—	—	—	—
	Вятловыхъ . . .	59	—	—	—	—	—
	Лиственныхъ . .	—	5,054	963	321	2,955	— 70
Сосновыхъ . . .	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—
Лѣса по р. Касмар- кѣ съ притоками. 30419 десят: 615 саж:	Березовыхъ . .	61,270	—	—	—	—	—
	Осиновыхъ . . .	17,709	—	—	—	—	—
	Дубовыхъ . . .	14,461	—	—	—	—	—
	Липовыхъ . . .	1,311	—	—	—	—	—
	Осокоревыхъ . .	740	—	—	—	—	—
	Вязовыхъ . . .	740	—	—	—	—	—
Вятловыхъ . . .	740	—	—	—	—	—	

Название лѣсныхъ участковъ.	Порода деревъ.	Наличное количество лѣса.		Ежегодная потребность лѣса для мѣсти жителей.		Остается лѣса для ежегодной продажи.	
		Дровянаго.	Строеваго.	Дровянаго.	Строеваго.	Дровянаго.	Строеваго.
		Число кубическ. сажн.	Число бревенъ.	Число кубическ. сажн.	Число бревенъ.	Число кубическ. сажн.	Число бревенъ.
Лѣса по р. Урманъ-Зиламру съ притоками. 21695 десят: 1575 саж:	Лиственнныхъ . . .	—	3,700	1,662	554	3,176	— 3176
	Сосновыхъ . . .	—	2,500	—	—	—	—
	Березовыхъ . . .	42,606	—	—	—	2,136	—
	Осиновыхъ . . .	4,228	—	—	—	211	—
	Дубовыхъ . . .	1,648	—	—	—	82	—
Лѣса по р. Бараку съ притоками. 22291 десят: 1875 саж:	Липовыхъ . . .	—	—	—	—	—	—
	Сосновыхъ . . .	—	9,300	—	—	—	468
	Лиственнныхъ . . .	—	71,100	—	—	—	2,856
	Березовыхъ . . .	65,206	—	—	—	—	—
	Осиновыхъ . . .	7,513	—	—	—	—	—
Лѣса по р. Яланъ-Зиламру съ притоками. 40,616 десят: 1200 саж:	Дубовыхъ . . .	—	—	—	—	—	—
	Липовыхъ . . .	—	—	96	32	3,539	—
	Сосновыхъ . . .	—	19,000	—	—	—	918
	Березовыхъ . . .	107,815	—	—	—	—	—
	Осиновыхъ . . .	5,559	—	630	230	—	—
Лѣса по р. Сакмаръ съ прочими притоками.	Сосновыхъ . . .	—	119,000	—	—	5,038	5,730
	Березовыхъ . . .	118,329	—	—	—	—	—
	Осиновыхъ . . .	46,428	—	—	—	—	—
	Дубовыхъ . . .	26,794	—	—	—	—	—
	Липовыхъ . . .	2,044	—	—	—	—	—
	Осокоревыхъ . . .	4,470	—	—	—	—	—
	Вязовыхъ . . .	4,644	—	—	—	—	—
	Вягловыхъ . . .	2,507	—	—	—	—	—
Сосновыхъ . . .	—	17,000	9,603	3,201	707	— 2351	
Лиственнныхъ . . .	—	—	—	—	—	—	
Итого		962,318	1,215,594	17,247	5,771	30,857	54,836
323817 десят: 984 саж:							

Для дополненія общаго описанія лѣсовъ въ югово-восточной части Оренбургской губернии, остается еще сказать нѣсколько словъ о лѣсныхъ участкахъ на пространствѣ между рр. Сакмарою и Ураломъ. Они представляются двумя отдѣльными массами, произрастающими частію по скатамъ Ирындыка, частію на возвышенностяхъ у лѣваго берега р. Сакмары между устьями рр. Яланъ-Зилапра и Курагана.

Гребни и скаты центральныхъ высотъ хребта Ирындыка покрыты обширными лѣсами, простирающимися къ югу до источниковъ р. Уртазыма. Они образуютъ лѣсную полосу, шириною отъ 8 до 10 верстъ, въ которой являются небольшія прогалины около скалистыхъ вершинъ главныхъ горъ, также по лощинамъ ручейковъ, текущихъ въ рр. Кизилъ и Худозазъ, тянутся неширокія луговые поляны.

Господствующія лѣсныя породы въ семъ пространствѣ составляютъ березы, лиственницы и осины. Первые и послѣднія растутъ вездѣ, гдѣ только грунтъ земли не слишкомъ каменистъ и встрѣчаются, слѣдовательно, чаще въ низменныхъ, чѣмъ въ возвышенныхъ частяхъ хребта, гдѣ свойства мѣстности болѣе благоприятствуютъ произрастенію лиственницъ. Небольшіе перелѣски, встрѣчаемые въ лощинахъ и на скатахъ горъ южной оконечности хребта Ирындыка, составляютъ продолженіе вышеописанныхъ сплошныхъ лѣсовъ. Они уменьшаются по мѣрѣ приближенія къ югу и исчезаютъ наконецъ совершенно въ разстояніи 25 верстъ отъ р. Таналыка. На лѣвой сторонѣ р. Сакмары, около устья р. Яланъ-Зилапра, тянется неширокая лѣсная полоса по скатамъ нагорныхъ ея береговъ; она расширяется по мѣрѣ приближенія къ югу и образуетъ около источниковъ рр. Сика и Миняуса весьма значительное лѣсное пространство, ограниченное къ югу теченіемъ рѣки Катралы. Лѣсной участокъ этотъ составляетъ нѣкоторымъ образомъ продолженіе лѣсовъ между рр. Икомъ и Сакмарою, съ которыми имѣетъ большое сходство, какъ по господствующимъ лѣснымъ породамъ, такъ и по образу ихъ произрастенія. Въ сѣверной части господствуютъ березы и осины, между коими нѣрѣдко видны отдѣльно стоящія сосны; далѣе къ югу она исчезаютъ, а на мѣсто ихъ являются дубы и липы, березы же и осины остаются главными породами во всемъ лѣсномъ пространствѣ. Остальная часть мѣстности, между рѣками Сакмарою и Ура-

ломъ, представляетъ голыя, ровныя степи, на коихъ не замѣтно внималѣйшихъ слѣдовъ прежнихъ первобытныхъ лѣсовъ (*); и даже свойства грунта измѣнились до того, что разведеніе новыхъ лѣсовъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, должно встрѣтить большія препятствія.

По незначительному объему лѣсовъ на пространствѣ между рр. Сакмарою и Ураломъ, нельзя ожидать отъ нихъ большихъ выгодъ въ хозяйственномъ отношеніи; притомъ же самая вырубка должна производиться весьма осторожно, дабы не лишать молодыхъ деревь надлежащей защиты отъ суровости климата и тѣмъ совершенно истребить остальные лѣсные участки. По примѣрному исчисленію можно положить, что лѣса по Ирындыку до горы Кузимъ-ташь-тау занимаютъ пространство въ 48,000 десятинъ казенныхъ, т. е. 2400 квадратныхъ сажень на которомъ имѣется годнаго для рубки дровянаго лѣсу до 120,000 кубическихъ сажень и около 100,000 бревень лиственныхъ. Слѣдовательно, если въ продолженіе 20 лѣтъ производить вырубку деревь, имѣющихъ теперь надлежащій возрастъ, то ежегодный матеріальный доходъ будетъ около 6,000 кубическихъ сажень дровъ и 5,000 бревень. Выключая изъ сего числа потребное количество лѣса для мѣстныхъ жителей (**), остается на продажу 2000 кубическихъ сажень дровъ и 3000 бревень, что почти составляетъ годовую потребность лѣса для Орской крѣпости. Доставка же можетъ производиться весьма удобно сплавомъ по рр. Кизилу и Уралу.

Объемъ лѣснаго пространства по лѣвому берету р. Сакмары составляетъ около 13,000 десятинъ, содержащихъ до 46,000 кубическихъ сажень дровъ, годныхъ для рубки въ настоящее время. Слѣдовательно, если руководствоваться вышеозначеннымъ расчетомъ для опредѣленія ежегоднаго матеріальнаго дохода, то получатся 2,300 кубическихъ сажень дровъ, кои могутъ

(*) Многие Башкирцы рассказывали мнѣ, что лѣтъ за 50 тому назадъ, вся возвышенность между рр. Ураломъ и Сакмарою покрыта была темными лѣсами, и что они еще помнятъ, когда ѣздили съ Сакмары въ Орскую крѣпость сплошнымъ лѣсомъ.

(**) Въ деревняхъ, расположенныхъ въ сѣверной части разсматриваемаго нами пространства, считаютъ около 1161 дворомъ, для которыхъ ежегодно нужно около 4000 куб. саж. дровъ и 2000 бревень.

быть вырублены без малѣйшаго вреда для всего лѣснаго пространства. Количество лѣса, потребнаго для мѣстныхъ жителей (*), составляетъ около 1,500 кубическихъ сажень въ годъ, слѣдовательно остается до 800 сажень для продажи.

(*) Въ южной части сего пространства находится 14 деревень, въ которыхъ считаютъ до 450 дворовъ.

А. А. Рехенбергъ.

1838 года.

DR 128

